ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОБСКИХ УГРОВ

Том I

Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОБСКИХ УГРОВ

Мансийская литература

Том I

Ханты-Мансийск
2016

УДК 821(571.122)
ББК 83.3(2Рос-6Хан)6
Л642

Составители:
Е.В. Косинцева, С.С. Динисламова, Л.Н. Панченко, Л.А. Андреева

Рецензенты:
д. филол. н. С.П. Гудкова,
к. истор. н. В.С. Иванова,
к. филол. н. А.А. Шиянова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в рамках научного проекта № 15 – 14 – 86002

Л642 **Литературное наследие обских угров. Том I. Мансийская литература** / Сост. Е.В. Косинцева, С.С. Динисламова, Л.Н. Панченко, Л.А. Андреева. – Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. – 564 с.

ISBN 978-5-9631-0487-3

Литературное наследие обских угров – это издание, в котором представлена история развития художественной словесности титульных этносов Югры – манси и ханты – через творчество ярких, самобытных, талантливых поэтов и прозаиков, которые стояли у истоков создания национальных литератур, сделали художественное слово ханты и манси достоянием мира и продолжают поиск новых путей развития национального художественного кода сегодня.

УДК 821(571.122)
ББК 83.3(2Рос-6Хан)6

ISBN 978-5-9631-0487-3

© Косинцева Е.В, Динисламова С.С.,
Панченко Л.Н., Андреева Л.А., 2016
© БУ ХМАО-Югры ОУИПИиР, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТИ РАЗВИТИЯ МАНСИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ 8

АНАДЕЕВА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА 11
Люликары: память пусть окажется сильнее 11

БАХТИЯРОВА ТАТЬЯНА ПРОКОПЬЕВНА 14
Сӑнюмн 14
Маме 14
Ӑлпыл 15
Утро 15
Мӑнь ӑги 16
Младшая дочь 16
Ам самын патум пӑвлум 17
Село, в котором я родилась 17

БРУСНИЦИН АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ 18
Югра 18
Светлеет медленно вдали 18
Туча 19
Вспомни закат в переливах озер 19
Коснуться легонько руки 19

ВАХРУШЕВА МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА (МАТРА ВАХРУШЕВА) 20
Знатный рыбак 20
Восьмое марта 21
Ленин ӧвылтыт 21
О Ленине 21
На берегах Малой Юконды 22

ВЫНГИЛЕВА НИНА ПЕТРОВНА 42
Исьпан ӧйка ӑги лӑвум лӑтыӈ 42
Дочерью Степана-мужчины сказанное слово 43
Тыхӧтал ӑлпыл сӑйкаласум 44
Сегодня утром проснулась 45
Ӑтил увсим ёхтыглӑлыс 46
Милая старшая сестра приезжала 47

ДВИНЯНИНОВА МАРИЯ ТИХОНОВНА 48
Нӑлыӈ-ёвтыӈ пыгрисятем 48
Со стрелами-луками мой сыночек 48
Ёмас хӧтал вӑри 48
Хороший день настанет 49
Ӯлум тотнэ ӛрыг 50
Колыбельная 50
Тӯр вит – Ӑс вит 51
Озёрная вода – Обская вода 51
Туйи хӧтал ёхыттэв 52
Летних дней мы ожидаем 52
Нуми Тӧрум Ӑськве 52
Нуми Торум – Отец наш 52
Ӛкват ялпыӈ хӧтал 52
Женский праздник 53
Ӑтил тыныӈ мӑньси хӧтпа 53

Милый дорогой мансийский народ! 54

ДЁМИН ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ 55
Увсииг-э̄сиг 55
Две сестры 56
Са̄лыт ӯрнэ ос во̄раяӈ хумы̄г 57
Оленевод и охотник 57

ДИНИСЛАМОВА СВЕТЛАНА СИЛИВЕРСТОВНА 59
Казалось, в жизни все несправедливо 59
Окидываю взором горизонт 60
Я стою у окна. Потихоньку светает 60
Ва̄гта̄л товлагумтыл но̄х вос лапнувум 60
Своими слабенькими крыльями вверх бы мне подняться 61
Сыплувумт а̄рсыныл нэ̄гсалаве̄сум 62
На шею привязан ткани лоскут 62
Яныг Э̄лумхо̄лас урыл потыр 63
Сказ о Большом Человеке 64
С волками жить – по-волчьи выть 66
Мы есть 66
Якор 74
Якор 76

ДИНИСЛАМОВА ОКСАНА ЮРИСОВНА
Манси – народ лесной (отрывок из повести «Диалог поколений: мама с дочкой», написанный в соавторстве с Динисламовой С.) 78

КАЗАНЦЕВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ 89
Рассказ о себе 89

КАРНАУХОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА 101
Ну, чем Сибирь не рай! 101
Мой любимый край 101
Тайга 102
О жизни 102
Воспоминания детства 103
Душа 103

КОЗЛОВА ЛЮДМИЛА АНАТОЛЬЕВНА 104
Город юности, город любви 104
Оторванные с мест родных, обжитых 104
Все ли мы любим так, чтобы прощать 105
Весенний день, сверкают лужи 105
Не расцвела заря, угасла 106
Отбросив в сторону игрушки 106
Я этой порой любовалась 106
Выласканы солнечным теплом 107

КОНЬКОВА АННА МИТРОФАНОВНА 108
Косолапый трус 108
Откуда северное сияние пошло 109
Старший брат 111
Зайчонок и Комполэн 112
Жадная Тэряйка 113
Э̄лт минып Ивыр 114
Вожак Ивыр 120

КОПЬЕВА АЛЛА ФЕДОРОВНА 129
Может это быль? 129
На родине моей 130
Голос бубна 130
Облака купаются в воде 130
Ранняя осень 131
Желтизной отплакали берёзы 131
Обелиски 131
Памяти матери 132
Как жаль, что судьбой не владеем мы сами 132
Высокий обрыв моей милой реки 132
Моя Конда 133

КОШМАНОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА 134
Лесбег 134
Кричи сразу 152

КРЕКЕР ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ 162
Саргатское небо 162
Подснежник 162
Гагара и сын Товлыӈ-Карса 163
Я приду в мир твоих песен 163
Плеск воды 164
Ты можешь 164
Вчера ты спросил 164

ЛАРИОНОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА 165
Тыныӈ мāтем 165
Дорогая моя земля 165
Я была рождена в сентябре 166
Мой край 166
Щекурья – моя малая родина 167
Вуйкан тӯйт 167
Белый снег 168
Пыгтем хӯл пувумтас, пыгтем хӯл тотыгпас 168
Сыночек рыбу поймал, сыночек рыбу принес 169

ЛЕЛЯТОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА 170
Ёмас ōлнэ вāрмаль 170
О мирной жизни 170
Лōпыӈ ӕ вāтат 171
На берегу речки Лопынг 171

МОЛОТКОВ ВАЛЕНТИН МИХАЙЛОВИЧ 173
Сатыгинский Туман 173
Там, где бор шумит сосновый 173
Места, где рос 174
Такие времена 174
Зачем фонтан ударил здесь когда-то? 175
Княжна 175
Читаю Айпина и Тагора 176
Когда тайга поет 176

НАГИБИНА НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА 178
Ом моанч отым! Ом ониа отым! 178

Россия, Родина, о, Русь! ... 178
Югре ... 179
Думы старого солдата ... 179
Покаяние ... 181
У лесов и полей есть свои голоса ... 181
Ом меном ... 182

РЕМИЗОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ... 183
Когда живешь ты с ними – не заметишь ... 183
Движенье. Вечерний маршрут ... 183
Я рано подумал о том ... 184
Идеал и истина всегда расхожи ... 184
Уносят все, что на душе ... 185
Новый день – каприз природы ... 185
Не губите талант – он дозреет! ... 185

РУКОВА НИНА ГЕОРГИЕВНА ... 186
Стихи, стихи ... 186
Легенда-птица ... 186
Спасибо тебе, салы! ... 187
Край наш северный ... 189
Живу, дышу ... 190
Осень в лесу ... 190
Вот говорят, что годы человека старят ... 191

САДОМИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ... 192
Пася, рума! ... 192
Здравствуй, друг! ... 215

САЗОНОВ ГЕННАДИЙ КУЗЬМИЧ, КОНЬКОВА АННА МИТРОФАНОВНА ... 237
И лун медлительных поток ... 237

САЙНАХОВА АНАСТАСИЯ ИЛЬИНИЧНА ... 359
Ӧлнэ Мāв ... 359
Наша Земля ... 359
Ат ёр ... 360
Пять сил ... 361
Лӯйи Мāкев ӛруптӛва ... 361
Любим Север ... 362

СЛИНКИН АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ ... 363
Дуб ... 363
Жизнь на паркете ... 364
И крылья ... 365
Маша и медведь ... 366
Обший котел ... 366
Официантка Аня ... 367

ТАРХАНОВ АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ ... 369
Сказка о Ерше Прыгунке и засоне Карасе ... 369
Глухарь ... 371
Соболенок ... 371
Медведь-рыбак ... 372
Осеннее утро ... 372
Непослушный Мишка и смелый Зайчишка ... 373
Берёзовские лиственницы ... 378
Взаимосвязь ... 379

Дума у спиленного дерева ... 379
Ендырское озеро ... 380
Ёра и Кедрик ... 380
Монолог комара ... 384
Осеннее танго ... 385
Плав ... 386
Седьмой валун ... 386
Шаим ... 387
Паруса снимает с лодок осень ... 388
Пӑрсыт тараты хӑпытныл таквсы ... 388
Я стою на тропе ярко-рыжей ... 389
Ам ань лёхъясыт люлӗгум, амти ... 389
Капитан Деткин ... 390

ТУРГАЧЕВА ИРИНА ИВАНОВНА ... 410
Обыкновенный пес Гораций ... 410
Вечером ... 413

ЧЕЙМЕТОВ ПАНТЕЛЕЙМОН КИРИЛЛОВИЧ (ПАНТЕЛЕЙ ЕВРИН) ... 416
Вӧрыяп хумый ... 416
Два охотника ... 426

ШЕСТАЛОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ (ЮВАН ШЕСТАЛОВ) ... 437
Миснэ ... 437
Миснэ ... 438
Нёхс ӯрыг ... 439
Песня соболя ... 440
Сӯр-мор вӧр тумай ... 440
Думы глухого – тёмного леса ... 441
Пойте, мои звезды! ... 442
Здравствуй, здравствуй, край мой отчий ... 442
Клич журавля ... 443
Медвежье игрище ... 454
Космическое сознание ... 457
Мой новый дом ... 457
Железный аргиш – железное каслание ... 460
Мама, моя мама ... 464
Школа – светлый праздник ... 467
Идол ... 474
Тайна Сорни-Най ... 481

ИСТОЧНИКИ ... 561

ПУТИ РАЗВИТИЯ МАНСИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕЁ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Мансийская литература, как и многие другие литературы, берёт своё начало с фольклора. Условно её можно разделить на 2 периода: 1) бесписьменный, 2) письменный.

В бесписьменный период мансийским народом создавались прекрасные произведения фольклора, в которых отражалась система моральных, философских и нравственных ценностей, выработанных народом на протяжении веков.

К письменному периоду мансийской литературы относятся авторские произведения, которые своим зарождением обязаны 30-м годам XX века. Близость писателей-северян к народным истокам, к фольклорно-мифологическим традициям побудила их обратиться к богатому наследию своего народа. Фольклор явился для них основой литературной деятельности.

Попытки возникновения письменности и литературы предпринимались уже в XIX веке. В 1868 году в Лондоне был издан перевод Библии (автор перевода – Г. Попов); в 1903 году издан для приуральских манси букварь, составленный епископом Никанором. В подготовке к изданию принимал участие манси Н.Я. Бахтияров. Первые литературные опыты принадлежат представителям кондинских манси. У истоков мансийской литературы стоят имена П.К. Чейметова («Два охотника» – 1940), М.А. Казанцева («Рассказ о себе» – 1949), М.П. Вахрушевой (стихотворения в сборнике «Хантыйская и мансийская поэзия» 1940; повесть «На берегах Малой Юконды», 1949). Зачинатели литературы выразили новый уровень художественного мышления.

На первом этапе, охватывающем конец 1920-х–1940-е годы, большинство произведений создавались по принципу «прежде и теперь». Писатели сравнивали, как жили их народы до Октябрьской революции и после. Авторы в простой, бесхитростной форме повествовали о тяжёлой жизни рыбаков, охотников, оленеводов-пастухов, о том, как в недавнем прошлом обирали их русские купцы и чиновники, «свои» князьки, богатеи и шаманы. Наряду с этим запечатлевались картины новой жизни тундры и тайги: создание Советов, появление первых школ-интернатов и факторий, радостный труд людей, освобождённых от власти эксплуататоров.

Исследователи отмечают, что общей закономерностью для всех литератур народов Севера оказалась первоначальная ориентация не на национальный фольклор, а на опыт старших товарищей по перу и, прежде всего, на богатый традициями опыт русской литературы, шире – опыт европейской художественной культуры. А. Чёрная считает, что творчество всех первых писателей-северян «целиком пронизано дыханием современности».[1]

1950-1970 гг. относятся к периоду взросления и становления литератур народов ханты и манси. В мансийскую литературу приходят Ю. Шесталов, А. Тарханов, А. Конькова. Авторы знакомы с творчеством своих предшественников, знакомы они и с фольклорным наследием народа. Народное поэтическое творчество наделило их особенностями национального мышления и образным видением мира, использованием изобразительных средств.

Ю. Шесталов и А. Тарханов начали писать в конце 1950-х годов XX века, более зрелое проявление их таланта происходит в 1960-е годы, которые характеризуются заметным оживлением всего литературного процесса.

Ю. Шесталов сначала создает произведения на родном языке и сразу же обнаруживает своё крупное лирическое дарование. Такого поэта до Ю. Шесталова у манси ещё не было, коль скоро мы не признаем литературным опыт шаманских камланий, которые, несмотря на бесписьменную форму, всё же были авторскими. Уже это даёт основание считать Шесталова-лирика основоположником поэзии в мансийской литературе. И дело не в том, что в этой области он был первым. Автобиографизм в его лирике приобретает черты историзма и народности. Лирическое «Я» Ю. Шесталова вбирает в себя не только мир чувств и переживаний конкретного лица, которое вместе с тем явлено достаточно ярко, но и «душу народа» в историческом пространстве и времени. Как ни парадоксально, этим объясняется дальнейший переход Ю. Шесталова к русскоязычной прозе: ему был нужен более широкий круг читателей – лирика переходит в эпос, сохраняя лирический автобиографизм как исток и основу крупных эпических форм.

[1] Черная Г.А. Развитие жанров художественной прозы в литературах малых народов советского Дальнего Востока. – Автореферат кандидатской диссертации. – М., 1972. – С. 5.

Для осмысления места писателя не только в мансийской и советской литературах, но и в мировой примечательными являются слова Петера Домокоша: «В стенах крепости мировой литературы по разным причинам удалось сделать пробоины датчанам, норвежцам, шведам, полякам, чехам, румынам, венграм, финнам и эстонцам <…> Иногда за эти стены удавалось проникнуть и представителям таких народов, которые, не доходя до уровня образования государства, уже подошли к грани вымирания, например мансийцу Шесталову, чукче Рытхэу».[2] Учёный отмечает, что их имена уже вряд ли выпадут из истории мировой литературы и в будущем, но счастье быть «основоположником» связано со случайностью – частично, благодаря советской культурной политике, на основе отбора и воспитательной деятельности. Действительно, в годы зарождения и становления северных литератур отбор и «воспитательная деятельность» имели определяющее место. Многие литераторы состоялись только благодаря вниманию своих старших наставников и, конечно же, тех, кто благодаря своему таланту раскрыл поэзию северян русскоязычному читателю – переводчикам. Переводчикам принадлежит особая роль и в становлении поэта-манси. Его произведения, переведённые на русский язык, в своё время показали уровень развития мансийской литературы. И хотя переводы и расширили связь мансийской литературы с другими литературами, замечено, что преимущественное внимание переводчиками уделялось больше содержательной стороне художественного произведения, чем передаче национальных и стилистических особенностей, в частности мелодики, ритмики, лексики.

А.С. Тарханов – лирик. В его поэзии видится всё богатство его души, он поэтизировал очень многие её состояния – от восторженного, возвышенного до состояния одиночества и философских раздумий о Вере, Космосе, дружбе, любви… Творчество А. Тарханова русскоязычно. Опираясь на достижения русской классической поэзии, поэт сумел создать превосходную, полную мысли и чувства национальную поэзию. А. Тарханов опроверг пессимистическое предсказание Фета о роковой неспособности малых народов России освоить тончайшие и изысканные формы поэзии. Истоки творчества А. Тарханова находятся в его народе, он берёт силы в неисчерпаемом фольклоре манси и, укрепляясь ими, доводит свой стих до оригинальной авторской формы. Русская поэтическая классика во многом способствовала совершенствованию его творческого мастерства.

А.М. Конькова больше известна как сказительница. В своих произведениях она использует жанры устного народного творчества: легенды и сказки, богатый этнографический материал. В 1982 году А.М. Коньковой в соавторстве с Г.К. Сазоновым создано произведение «И лун медлительных поток…». Авторы определили его жанр как роман-сказание.

В романе-сказании А.М. Конькова и Г.К. Сазонов в образной форме познакомили читателей с историческим прошлым народа манси восточного региона, с его бытом, культурой. Обряды свадьбы, рождения ребёнка, похорон, обычаи, бытовые взаимоотношения людей и множество других сторон национальной жизни манси создают у читателя наглядное представление о культуре народа. В художественной структуре произведения доминирует исторические время и пространство. Жизнь маленькой деревни Евры представлена как составная частица целого этноса, как вечный вселенский процесс. Этот мир национально самобытен и мифологичен. Движение жизни передается как естественная смена поколений рода Картиных.

В целом, современная мансийская литература, когда рядом с нами был Ю. Шесталов, представляла собой сложное, своеобразное, далеко не однозначное, но очень интересное явление. Писатель ушёл, творческое наследие осталось, и оно будет востребованным читателями и исследователями. Как отмечает Петер Домокош в книге «Формирование литератур малых уральских народов» (Йошкар-Ола, 1993), творчество Шесталова будет у себя на родине востребовано лет через 50, т. е. оно будет актуальным еще многие годы.

Сегодня пишущими мансийскими авторами являются А. Тарханов и С. Динисламова. В последние годы вышли книги А. Тарханова «Видение пророков», «Буранная Россия», С. Динисламовой «Мы есть...», «Товлагум» (Мои крылья), «Мой край мансийский – мой дом». Считаем, если литература издается, значит, она находится в развитии. В качестве перспектив отметим и то, что всё чаще на страницах мансийской газеты «Лӯимā сэрипос» стали появляться литературные произведения самобытных авторов М. Двинянинovой, Г. Ларионовой, Т. Бахтияровой. На русском языке изданы книги Н. Руковой, радуют своим творчеством молодые авторы И. Тургачева, С. Ремезов, А. Брусницин, А. Алгадьева, Н. Анадеева и др. Подготовлен к изданию сборник произведений молодых авторов-манси «Я живу в краю мансийском…».

[2] Домокош Петер. Формирование литератур малых уральских народов. – Йошкар-Ола, 1993. – С. 249.

2015 год объявлен в России годом Литературы. Е. Айпиным, М. Вагатовой, С. Динисламовой создано литературное объединение для молодых авторов ханты и манси. Наблюдения показывают, что за каждым именем нашей пишущей молодежи стоит самобытный поэт, прозаик, который в творческих поисках пытается открыть для себя новые грани, но сегодня для их раскрытия нужна обстановка, условия, помощь, нужна востребованность. На семинарах авторы знакомят со своим творчеством, проводится совместное обсуждение, высказываются предложения, пожелания. Планируется издание сборника произведений молодых авторов.

Примечательно, что проект «Литературное наследие обских угров» осуществляется в год литературы. Работа над проектом позволила полнее воссоздать историю мансийской литературы. Выявлены авторы как прошлого, так и современного времени, творчество каждого – необходимое звено в истории родной литературы.

Издание «Литературное наследие обских угров» в первую очередь будет необходимо этносу, его подрастающему поколению. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре этнокультурное образование основывается на единстве культурного и образовательного пространства, равноправии, на сохранении и развитии языков, народов, населяющих территорию округа. Система образования автономного округа направлена на защиту и развитие культуры и традиций коренных малочисленных народов Севера, ведь для каждого человека его принадлежность к тому или иному этносу играет чрезвычайно важную роль в нахождении своего места в социальном пространстве и задевает самые сокровенные чувства по поводу собственной этнической соотнесенности и идентификации.

Динисламова С.С., кандидат филологических наук

АНАДЕЕВА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА

Анадеева Наталья Михайловна родилась 17 ноября 1979 года в поселке Игрим Березовского района. Окончила Игримскую среднюю школу. В 2011 году окончила Гуманитарный институт Югорского государственного университета, получила специальность «журналиста». С 2005 года работает в газете «Новости Югры», освещает жизнь коренных народов Югры.

ЛЮЛИКАРЫ: ПАМЯТЬ ПУСТЬ ОКАЖЕТСЯ СИЛЬНЕЕ

Когда рядовой Константин Саратин вернулся с фронта, дома его ждали любимая супруга Мария с сынишками Толей и Володей, малютками Надей и Кларой. Четырехлетняя Надюша при встрече не признала отца – закричала: «Это не мой папа!» Неудивительно. Он ушел из родного дома в мансийской одежде, а вернулся в военной шинели, на костылях. И только младшенькая, двухлетняя Клара, в глаза не видевшая отца, тихо произнесла: «Ā̆тя», что по-мансийски значит «папа».

ТАМГА НА РЕЙХСТАГЕ

Константин Алексеевич – один из четверых, кому посчастливилось вернуться после разгрома фашистской Германии в родную деревеньку Люликары. На его груди ярко блестел орден Красной Звезды, а в рюкзаке хранился именной бокал с фронта. Всего в годы Великой Отечественной войны из деревни ушли на фронт 17 мужчин. Сейчас этой мансийской деревни уже нет на карте нашей страны. В годы укрупнения она была ликвидирована, как и многие другие деревни Березовского района.

22 июня на том самом месте, где она находилась, потомки открыли памятник воинам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Надежда Захарова, дочь рядового Саратина, – одна из тех, кто приехал в этот день почтить память своих отцов, дедов и прадедов. Сегодня ничего не говорит о том, что здесь когда-то бурлила жизнь: домов нет, все поросло травой. Но в памяти Надежды Константиновны жива картина прошлых лет: она помнит жителей, месторасположение деревенских построек. Единственная улица, её жители называли Люликарской, разделяла деревню на две части. В каждом дворе были амбар, навес и помост для сушки сетей, вяления рыбы и хранения утвари. В центре двора стояла уличная летняя печка.

– Вот здесь жил дедушка Егор Сангилев, – неторопливо рассказывает Надежда Константиновна. – Самый милый человек в деревне. Егор Петрович всех жалел, особенно те семьи, которые остались сиротами во время войны, и делился с ними пойманной рыбой. Вот здесь стоял домик, где работал телефонист Семен Савельев. Он и объявил, что началась война.

В ее памяти хранятся имена земляков: тех, кто ушел на войну, и тех, кто остался трудиться на помощь солдатам в тылу.

На фронт брали всех подряд: грамотных и неграмотных, тех, у кого были маленькие семьи и семьи большие. Так, Петр Марсынов плохо говорил по-русски, но и его силы пригодились для победы. Он работал на солдатской кухне: дрова колол, воду носил. Семен Гындыбин тоже русской грамоте был не обучен. Когда он дошел до Берлина, у рейхстага однополчане ему сказали: «Давай, Сенька, распишись, оставь хоть память». А раз писать он не умел, то поставил крестик, отметив тем самым вклад своего маленького народа в победу.

Константин Саратин после войны прожил недолгую жизнь. Он умер в возрасте 38 лет от ран, полученных на фронте. Последние три года своей жизни работал председателем колхоза. В это время в их семье родился сын Леонид.

НЕДЕТСКИЕ ЗАБОТЫ

Пока мы разговаривали, к нам подошла Анна Гындыбина. Женщины крепко обнялись – лучшие подруги детства. Сейчас, правда, Анна Николаевна живёт не в Игриме, как большинство бывших люликарцев, а в Кимкьясуе и на родной земле уже не была более шестидесяти лет.

В семье Николая Егоровича и Евдокии Андреевны Сангилевых она была единственной дочкой среди пяти сыновей. Отец ушел на фронт, когда ей было пять лет. И уже не вернулся. А она росла настоящей помощницей. В семь лет маленькая Нюра помогала взрослым ловить рыбу. В то время каждый город, каждая деревня работали на фронт. Пойманную знаменитую сосьвинскую селёдку, а в то время она ловилась тоннами, и дикоросы отправляли солдатам.

– Невода были тяжелыми мерёжными, не такие, как сейчас, легкие капроновые, – вспоминает Анна Николаевна. – Казанки пальцев стирались в кровь. Однажды я стояла на берегу, держала невод, и вдруг меня потянуло в воду. Дедушка пристал к берегу и бегом ко мне, кричит: «Доча, жди-жди!» А я уже по пояс в воде стою. Дедушка меня очень любил и дочерью звал. Я же была единственной внучкой среди внуков. После этого случая он меня долго ещё с собой на рыбалку не брал. А так обычно мы, дети, вставали в четыре утра и шли на реку помогать взрослым. После рыбалки как ни в чем ни бывало бежали играть.

ВРАГ РАЗБИТ

Пришла долгожданная победа. В Березовском районе телефонист деревни Люликары первый принял сообщение: «Враг разбит, победа за нами!» Нарочный в конверте отвез письмо в поссовет деревни Анеево, а оттуда весть отправилась «веревочкой» в другие деревни района. И на родную землю с войны стали возвращаться оставшиеся в живых мужчины. От железной дороги они шли пешком, добирались по воде.

Дмитрий Сангилев, еще один счастливец, вернулся только в 1947 году. Он был сапером и следующие два года после победы на зачистках освобождал от мин города и деревни.

Его дочь Татьяна Русанова родилась в 1948 году. Она показывает черно-белую фотографию родителей. Дмитрий в фуражке и военной гимнастерке с медалями, а Фаина, его жена, в шляпке и в строгом костюме с шарфиком.

– Моя мама, Фаина Ефимовна Речкова, родилась в Свердловской области, – рассказывает о родителях Татьяна Дмитриевна. – Она вместе с родителями и сестрой была сослана в Кондинский район. Родители рано умерли, и маму с сестрёнкой воспитывал дедушка. Потом она поступила в Ханты-Мансийское педучилище и, после того как получила диплом, приехала работать в Люликары учителем начальных классов. Здесь познакомилась с моим отцом Дмитрием Егоровичем. Я родилась на той стороне реки, где работали ссыльные немцы. Там находилась школа, где моя мама работала до 1951 года. В этот год умер папа, он вернулся с войны больным и прожил недолгую жизнь. После его смерти она переехала жить в соседнюю деревню Анеево.

Потихоньку люди стали привыкать к мирной жизни. Были построены клуб, медпункт, овощехранилище, пекарня и звероферма, где разводили черно-бурую лису.

В деревне в те времена стояло сорок дворов. А с 1945 по 1950 годы сюда прислали три калмыцких семьи спецпереселенцев из Астрахани: Гашуновы – баба Бора с внуком, семья Улеевых (Нюра и Иван) с братом Володей и Сергей Улемжиков. В 50-х на другом берегу Сосьвы, напротив Люликар, были построены три больших барака и десять землянок для ссыльных волжских немцев. Называли это поселение Леспромхоз. Все взрослые работали на пилораме и ходили на работу и с работы под звук гудка. Местные и переселенцы не враждовали между собой, с давних времен на Севере было принято помогать друг другу, и любая встреча приносила искреннюю радость. На огромных земельных пространствах с малой плотностью населения трудно было выживать в одиночку в суровых климатических условиях. Во время войны и после неё люликарцы жили очень дружно, никто не умер от голода. Немцы приезжали в деревню, где обменивали свои вещи на продукты. И когда на территории леспромхоза построили школу, в ней до четвёртого класса вместе учились мансийские, калмыцкие и немецкие дети. В 1953-м часть спецпереселенцев уехала, а часть осталась. Самим люликарцам тоже пришлось через время покинуть родную землю. Наступил период укрупнения колхозов. Жителей деревни причислили к колхозу имени Ленина, дома по сплаву перевезли в Игрим, где располагался колхоз.

НАСТОЯЩЕЕ

Спустя сорок девять лет после ликвидации Люликар на берегу реки Северная Сосьва возвысилась стела с именами воинов, отдавших свою жизнь за Отечество. Со словами о значимости события выступили Сергей Байбородов, депутат Игримской думы и Иван Долгих, заместитель атамана округа Обь-Иртышского казачьего отдельского объединения. А настоятель Игримского храма Преображения Господня иерей Евгений освятил памятник.

Людмила Галкина, руководитель клуба «Наследие» (Игрим) при молодежном центре «Звездный», рассказала предысторию появления монумента:

– Идея появилась давно, в то время когда-то я работала с детьми в лагере труда и отдыха. Мы каждую субботу и воскресенье приходили сюда пешком по тропинке, где проходила телеграфная линия. Столбы уже все попадали и прогнили, а провод остался. И вот вдоль него мы и дошли до этого замечательного места, где любили отдыхать. Постепенно стали интересоваться, что это за деревня, и начали разыскивать люликарцев, проживавших когда-то здесь. Они нам поведали увлекательную историю о своей деревеньке. Мы зафиксировали эти факты и издали сборник «Жила б деревенька моя». Таким образом, у людей, которые не дождались своих отцов, братьев, родилась идея увековечить память тех, кто не вернулся. И пусть этот памятник будет напоминать подрастающему поколению: здесь когда-то была деревня, жили люди, бурлила жизнь.

После открытия старики и дети отправились почтить память своих предков на кладбище. Увы, весной этого года на территории Люликар случился пожар, и мансийские могилы полностью сгорели. Остались только несколько надгробий, выполненных в советское время и два полуобгоревших креста, под одним из которых покоится немецкая девочка, утонувшая в реке.

Кажется, что всё, включая время, природную стихию и людскую безалаберность, содействует тому, чтобы стереть из истории эту деревню. И всё же будем надеяться, что человеческая память гораздо сильнее.

БАХТИЯРОВА ТАТЬЯНА ПРОКОПЬЕВНА

Бахтиярова Татьяна Прокопьевна родилась 22 августа 1991 года в д. Юрта Бахтиярова Ивдельского района Свердловской области. До 9 класса училась в школе-интернате п. Полуночное Ивдельского района, в старших классах в Хулимсунтской средней школе (Березовский район). В 2010 году поступила в Ханты-Мансийский технолого-педагогический колледж, получила диплом страхового агента, с 2014 года обучается в Югорском государственном университете по специальности «филология». Работает в Обско-Угорском институте прикладных исследований и разработок.

Родители живут в Ивдельском районе Свердловской области, ведут традиционный образ жизни.

СЯ̄НЮМН

Пӧлям вӧт тыхӧтал вӧты,
Асирмай патыс таквсы хӧтал,
Сымум ка̄сэ аквай холы.
Наӈ, ся̄ня, хосат ӧлэгын,
Ам яныг хӧтпаг ӗмтсум
Сёровн наӈ та̄лын ӧлуӈкв лю̈ль,
Мовинтэгум наӈ ма̄гсылын,
Эргӗгум наӈ ма̄гсылын,
Ханисьтахтэгум наӈ ма̄гсылын,
Наӈ туп ёмасякве ӧлэн, ся̄ня,
Ейрисюм тувыл а̄псирисюм янмалтэн,
Иӈ сака ма̄ньрисиг тэн,
Ам ёхтэгум тыгыл,
Мовинтаӈкв наӈ ма̄гсылын патэгум,
Эргуӈкв наӈ ма̄гсылын патэгум,
Наӈ туп ёмасякв ӧлэн, ся̄ня,
Ам тай ёхтэгум…
Тэлыйиг ӗмты, тӯйт паты,
Лильпи та̄л ёхты пӗнтхатуӈкв ты та̄л ёт,
Тӧнт ам а̄вин лӧхуӈкв патэгум.

МАМЕ

Холодный ветер сегодня дует,
Студёным стал осенний день,
На сердце радость стихла.
Ты, мама, далеко от меня живёшь,
И я стала уже взрослой…
Но без тебя мне всё равно плохо.
Если я смеюсь, то для тебя,
Если я пою, то для тебя,
И учусь я для тебя…
Только ты живи хорошо, мама,
Вырасти моих сестрёнку и братика,
Ведь они ещё совсем малы.

Я приеду к тебе,
И буду смеяться для тебя,
И буду петь для тебя,
Только ты живи хорошо, мама,
Я ведь приеду…
Когда настанет зима и выпадет снег,
Когда придёт новый год, чтоб заменить этот год,
Тогда я постучусь в твою дверь.

(Перевод Л. Панченко)

Ā́ЛПЫЛ

Хōтал квāлнэ пора, я̄тил пора,
Вōр миркве нōх-сāйкалы –
Māньси māхум.
Кāсыӈ кол посымыл пāялты.
Вōткве хōйи.
Иснаст я̄ӈк толы.
Ульюв сāйрын суй сумыллы.
Кӯтюв ся̄йтым ōтыре ляльт хорты.
Кон иӈ сатапнув.
Хотъют симыртым мӯйлуӈкв та юв,
Мовалāлым исум ся̄й аёв.
Тувыл матыр сяквсюӈкв минэ̄в.
Кӯр кӣвырт котыр йӣв поклы.
Кон хотъют ёсай акван лōхи –
Тӯйтсаманэ хот хосйи.
Māнь māньси миркве̄н мāлтып ёхтыс,
Вōраяӈкве ёмас хōтал вāрыс.

(2014)

УТРО

Когда всходит солнце, прекрасная пора,
Лесной народ просыпается –
Мансийский народ.
В каждом доме из печных труб поднимается дымок.
На улице ветер проносится.
Дома на оконных стёклах тает лёд.
У дома слышится звук рубки дров.
Собаки радостным лаем приветствуют своих хозяев.
А ещё только начинает светать.
И уже кто-то, поскрипывая снегом, идёт к нам в гости,
Мы, улыбаясь-посмеиваясь, пьём горячий чай.
Затем каждый принимается за свою работу.
А в печке по-прежнему трещит огонь.
За дверью кто-то начинает обувать лыжи –
Слышно, как отряхивает с них снег.
Сегодня к мансийскому маленькому народу пришло тепло,
Для охоты хороший день наступил.

(Перевод С. Динисламовой)

МĀНЬ ĀГИ

Хāйты āгирись,
Мовиньты āгирись,
Тахамты āгирись,
Тувыл ōс нōх сыпн хāйты.
Сыме вōйт хуи:
Тав āпси ōньси,
Тав ягāги ōньси,
Тав яныг сёмья ōньси!
Сāне юн ӯнлы, пурка ю̈нты,
Āсе сёскемыг ёмтыс –
Вōраяӈкве минас,
Кӯтюве пёстапас,
Тувыл ёса вотаяс...
Āгирись тыхōтал сыме вōйт хуи,
Тав āпситэн, тувыл ягāгитэн
Тӯйткол варуӈкв нётаве...
Тӯйт кāвырт поварāлы, мовиньты,
Мовиньт суе юв суйты.
Сāнькётэ юн ӯнлы, мовалāлы:
Сыме сāгты – суйыӈ мāнь āги ōньси!

МЛАДШАЯ ДОЧЬ

Девочка бежит,
Девочка смеётся,
Скатится девочка с горки,
Снова на горку бежит.
Сердце её очень радуется.
У неё братик есть,
У неё сестра есть,
У неё есть большая семья!
Мама дома сидит, бурки шьёт,
Отец час назад
На охоту ушёл,
Собаку отвязал от привязи,
Лыжи охотничьи надел…
У девочки сегодня сердце радуется,
Ей младший братик, ей старшая сестра
Снежный дом помогают делать…
В снегу дети барахтаются, смеются,
Смех девочки домой доносится.
Её мамочка дома сидит, улыбается:
На сердце у неё радостно – звонкая доченька у неё есть!

(Перевод С. Динисламовой)

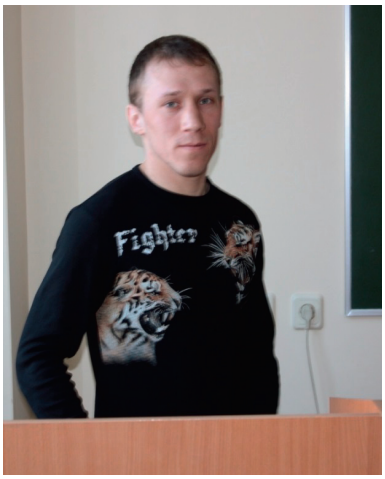
АМ САМЫН ПАТУМ ПӐВЛУМ

Ам самын патум пӑвлум
Тӯйтыл лап-вӧтаставес.
Тыт мӧлты тӑл пӑвыл пусын хот-ӗсвес,
Ам сымум сома лӑкква патыс,
Воссыг сымумн ляпа нэмӑтыр пӑвыл ӑтим,
Туп ам яныгмам пӑвлум тот хультыс.
Хосат хот-минасум,
Саль, нӑврамыг ӧлнэ порам тыт ат холас.
Тыхӧтал хосат ӧлэгум,
Туп сымум, тувыл номтум номӗг пусын.
Ты ӑӈквал, татык сып,
Хотыл мӑн, нӑврамыт, тэлы тахсысув.
Татык тятьтялахтын лӑкв,
Ӑсюм ляпа руматэ хуньт мӑнавн вӑрыглас...
Саль, воссыг нэмхуньт тыйи ат кӑсалэгум ...
Туп сымумт, тувыл номтумт хультсыт.
Номилум, сома сӑр ань ты...
Саль, тыт мӧлты тӑл уля тэс...

СЕЛО, В КОТОРОМ Я РОДИЛАСЬ

Село, в котором я родилась
Сегодня заметено белым снегом.
Здесь в прошлом году бушевал пожар,
И сердце моё словно распалось на кусочки.
Ведь роднее моего села нет другого места,
Лишь оно одно живёт в моём сердце.
Я давно покинула село,
Жаль, но моё детство уже прошло.
Сегодня я живу вдали от дома,
Только в сердце и в памяти оно навсегда.
Этот пенёк и тот пригорок,
С которого мы, дети, зимой катались.
То железное колечко качелей,
Которое смастерил нам папин русский друг…
Жаль, больше этого не увижу никогда…
Только в сердце и в памяти это осталось.
Помню всё, и живу я прошлым…
Жаль, здесь в прошлом году бушевал пожар…

(Перевод С. Динисламовой)

БРУСНИЦИН АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Брусницин Анатолий Николаевич родился 18 ноября 1986 года в п. Кондинском Кондинского района. В 2005 году окончил школу, с 2005 по 2007 годы проходил службу в рядах ВС РФ. В 2014 году с отличием окончил Югорский государственный университет по специальности «историк, преподаватель истории». Член студенческого литературного объединения «Югорские ваганты». Издавался в сборнике «Другая реальность» (2011), в студенческом журнале «Студия» (февраль, 2011).

ЮГРА

Здесь ветра то нежны, то суровы,
То гладят, то рвут на куски,
Ночами здесь ухают совы
От обиды иль от тоски.

Здесь туманы встают пеленою,
От глаз пряча летний пейзаж,
А лес вырастает стеною,
Словно эпоса древнего страж.

Здесь доселе отважные боги
И землю, и люд берегут,
На реках раскинув пороги,
Скрывая в болотах Угут.

Здесь вода точит берег веками,
Вымывая зернистый песок,
Испарившись, придёт облаками,
Громом встревожив висок.

***

Светлеет медленно вдали,
Лучи касаются земли,
Утопая средь теней,
Во имя светлых длинных дней.

И в то мгновение когда
К полудню выплывет звезда,
Припав к траве, ты вдруг поймёшь,
Что счастлив тем, что ты живёшь.

ТУЧА

Куда спешишь, седая странница?
Отчего не весел взор,
Отчего ты бесприданница,
Дня испортила узор?
Почему, роняя слёзы,
Не промолвишь ничего,
И замазав землю грязью,
Не злорадствуешь чего?

Почему гонима ветром,
Мечешься из края в край,
Отчего, клочки теряя,
Не кричишь мне: «Собирай!»

***

Вспомни закат в переливах озёр,
Если снова печален нежный твой взор,
Вспомни ветер луга теребящий
И рассвет на востоке горящий.

Разве может грусть с этим сравниться,
Затмить красоту, что не может присниться,
Подчинить разве в силах она
Человека, которому светит луна.

***

Коснуться легонько руки,
Выйти на берег реки,
За плечи нежно обнять,
Шуму волн как-то нервно внимать.

Прижаться щекою к щеке,
Закат наблюдать вдалеке,
В хрупком теле почувствовать дрожь,
Забывая и правду и ложь.

От рутины уйти в никуда
Верить – так будет всегда,
Не бояться споткнуться, упасть,
Зная, что сможешь ты встать.

ВАХРУШЕВА МАТРЕНА ПАНКРАТЬЕВНА

Вахрушева Матрена Панкратьевна родилась 12 апреля 1918 года в с. Карым (Харымпавыл) Кондинского района.

Училась в Карымской начальной школе, затем в школе п. Нахрачи (с. Кондинское). В 1933 году поступила в Остяко-Вогульске (г. Ханты-Мансийск) в педагогическое училище, в 1939 году – в Ленинградский Институт народов Севера. Год провела в блокадном Ленинграде. Во время перерыва в учебе, вызванного войной, с 1943 по 1946 годы преподавала мансийский язык в Ханты-Мансийском педагогическом училище. С 1947 года продолжила учебу в Ленинграде, в 1952 году защитила кандидатскую диссертацию «Формирование сложных слов мансийского языка на базе соматической лексики (на материалах кондинского диалекта)», став первой из женщин-манси кандидатом наук.

Автор нескольких стихотворений и автобиографической повести «На берегу Малой Юконды» (1949). Занималась переводческой деятельностью, ею переведены на мансийский язык рассказы Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Умерла М.П. Вахрушева 1 января 2000 г., похоронена на Ржевском кладбище г. Санкт-Петербурга.

ЗНАТНЫЙ РЫБАК

Кто не знает дедушку Копьева,
Рыбака Турпальского колхоза.
Кто не знает вечно молодого
Федора Семеновича, кто?

Встретишься – наморщит нос в улыбке,
Сузит глазки, узкие и так,
Пригласит отведать свежей рыбки.
Не пойдешь – обидится рыбак.

А бывает, если в важном деле
Дедушка заметит непорядок,
Он и председателя артели,
Не стесняясь, крепко пожурит.

Летом поднимается он рано.
Словно дом родной ему челнок.
Добывая рыбу неустанно,
Он смеется, хоть совсем промок.

Больше,
больше,
больше с каждым годом
Государству рыбы от Копьева! –
И сверкают перед всем народом
Ордена-медали на груди.
Но от земляков своих почтенья
Принимает запросто герой…
Всем на радость, всем на загляденье
Дедушка с улыбкой молодой!

(Перевод Г. Семенова)

ВОСЬМОЕ МАРТА

Сегодня восьмое марта,
В краю большой тишины
Солнце светит неярко,
Еще незаметно весны.
Но этот день холодный,
Как и все наши зимние дни,
Женщине манси свободной
Дороже теплой весны,
Дороже солнца и лета,
Ведь этот день ей открыл
Дорогу к счастью и свету
В широкий новый мир.
Водная птица стремится
Осенью поздней на юг,
Девушки-манси учиться
Едут из дальних юрт.

ЛЕНИН ӧВЫЛТЫТ

Мāн пыл хоса мāвн,
Мāн вит ӣх ӣ вāта мӯс,
Марсюм латыӈ ёхтыс
Ленин āсюв сорум патыс.
Хӧтал хольт ёл-ӯнтыс,
Мāнавн сӧт мим хум,
Пӗс пыл ӧлум лю̄ль вāрмаль,
Пӗс пыл ӧлум хоса нот,
Пāвлытныл хот-нӣвлувēсыт,
Ленин посыӈ лāтыӈ
Мā янытыл ӧлнэ мир,
Сыманылт аквписыг ӧлы.

О ЛЕНИНЕ

От нашего дальнего края,
К берегам мелководной Юконды
Докатилась весть печали:
«Дедушка Ленин умер».
Умер добрый, как солнце,
Нам подаривший счастье.
Плачут охотники-манси,
Плачут их жены и дети.
Он прогнал нищету и невзгоды
Из наших мансийских селений,
Нашим детям просторные школы
Он построил, дедушка Ленин.

НА БЕРЕГАХ МАЛОЙ ЮКОНДЫ

ДЕРЕВНЯ НА ОСТРОВЕ

Вниз по Малой Юконде и по Большой Юконде, по реке Конде плыли мы в лодке, выдолбленной из осины.

На берегах Малой Юконды – сосны, лиственницы и кедры, а берега размыты водой, и деревья с грохотом рушатся в реку, загораживая течение. Лодку надо нести на себе, тащить волоком в двенадцати метрах, прорубать путь топором.

Шумят, пенятся водные потоки.

Но не с этого начну свой рассказ. Сначала расскажу, как я дома жила. А про то, как в легкой осиновой лодочке плыла я учиться, расскажу позже.

Деревня Хармпавыл стоит на островке.

Реки. А дальше болото и лес. Со всех сторон струятся водяные потоки, бегут притоки Юконды: быстрая шумная Васкалтынья, Хармья – тихая, ленивая речка.

В теплой Хармье купаются девушки летом, девушки и парни, но ни у кого не явится желание выкупаться в быстрой Васкалтынье – студенее самой зимы вода в ней.

Хармья и Юконда кормят нас. Когда загораживают реку запором, рыбы столько, что можно черпать ее ведрами, доставать из воды руками.

Берега Малой Юконды обрывисты. На одном берегу – темная тайга, а на другом – песок белый, как снег, и цветут цветы. Шиповник. Черемуха. Княженика. Рябина. Брусника.

Весной прилетают утки из теплого края.

Осины шелестят, шелестят, шепчут что-то нам, когда с Малой Юконды дует тихий ветер.

Речные потоки пенятся, несутся, куда ни погляди, шумят, а там, где пороги, грохочут, как гром. Но зато какая тишина на озерах! Озеро на языке народа манси называется «тӯр». Курсель-тур, Сальтпатылям-тур. В светлых водах – ельцы, язи, щуки, окуни.

Детство мое! Здесь я родилась, здесь я пошла в школу! Осенью вместе с родными ходила в тайгу собирать бруснику. По тропке шла, по болоту, с кочки на кочку, все дальше и дальше в темный, глубокий лес. Ставил там отец шалаш. И жили мы в шалаше, спали, постелив под себя мох, пахнувший сосновым бором, по пятьдесят пудов собирали брусники и оставляли ее в карусах, длинных ящиках, в тайге, а сверху закрывали сосновыми бревнами, чтобы не забрался медведь. Но разве для медведя это что-нибудь значит?

Вот как это случилось. Я сейчас расскажу. Выпал снег, и отец запряг лошадь в сани, чтобы ехать по первопутку в бор за мороженой брусникой. Захватил он и сынишку с собой, Александра. Карус с мороженой брусникой стоял за болотом в лесу, а местность эта называлась Лорнляп. У охотника глаз наметанный, отец сразу заметил беспорядок в тайге.

У кого хватит силы сломать такое толстое дерево, вырвать с корнем? Не надо и спрашивать, кто побывал здесь. Видно сразу по повадке.

Отец с сынишкой, с братом моим, оставили сани с лошадью на дороге, а сами пешком пошли. Идут, осторожно ступая. Впереди что-то краснеет, как кровь. Вот как! Кто-то топтал ягоды, размазал их по земле: где ел, тут и набезобразничал. Кто способен на такую шалость?

Поднял отец доску, а в карусе сидит медведь. Затаился. Увидев отца, как заревел, и лапу поднял, чтобы ударить.

Выстрелил отец в него, убил с одного выстрела.

Сидим мы в избе, ждем отца, вдруг слышим выстрел. Догадались сразу, что будем есть сегодня медвежье сало.

Залаяла собака, потом другая, третья, четвертая, а потом все сразу.

У нас было семнадцать ездовых и охотничьих собак. Одна – на медведя, другая – на соболя, на лося, на оленя, на выдру, на белку и была еще собака, которая лаяла на мелкую лесную дичь – пустолайка. Боже упаси взять такую собаку на беличий промысел! Обманет. Залает она, посмотрит охотник, а на ветке ничего нет.

Детство мое! Голос матери, трубка отца, которая весь день дымилась! Будто сейчас слышу смех братишек, лай собак, шум бегущей воды летом, свист ветра в зимнюю пору.

СУРОВ НАШ КРАЙ!

Возле деревни гора стоит. Там росла когда-то старая лиственница. Пришел шаман с пилой и спилил у нее верхушку.

В дупло старой лиственницы старики и старухи, как в копилку, спускали все, что у них было самого ценного и дорогого. Кто деньги спустит туда, кто петуха, кто новый шелковый платок. Приводили к лиственнице скотину и убивали.

Это бог собирал с людей подать.

И когда сельский Совет решил разрушить жертвенник, закричали старики и старухи:

– Отберет бог все, что дал, жестоко накажет!

Но, кроме этого столба, на самой вершине горы стояла красивая пушистая лиственница, а на ветвях ее висели обшитые бисером и вышитые разноцветными нитками мешочки.

Вскоре эту лиственницу срубили, распилили на дрова. А теперь по вечерам собираются на горе парни и девушки. Девушки поют песни, а школьники зимой катаются на санках и лыжах.

Любила я осень, когда осины роняют багряный лист на желтую траву, и все уходят в лес собирать бруснику.

Днем в густом бору только и слышишь свист ветра, плеск воды в озере, лай собак, да еще слышишь, как аукают девушки.

– Ау! – кричит одна.

– Ау! – кричит другая.

А эхо разносит их голоса во все концы тайги.

На берегу озера, где набегают на песок и плещут волны, стояло несколько шалашей. Помню, как горели костры вечером перед шалашами, девушки пели песни, парни плясали, старики и старухи рассказывали сказки.

Но самая интересная сказка из всех, что я знаю, – это жизнь моя! Вот ее вам и расскажу.

Помню, как мать готовила на костре ужин. Жарила мясо или, смешав куски жирной рыбы с брусникой, потчевала нас.

Ходили мы и за кедровыми орехами. Отец постукивает по кедру деревянной колотушкой. Шишки падают на землю, радуя нас, ребятишек. Мы собираем их в мешок. Хорошая будет зима: с ягодами, с орехами, со сладкой рыбой и вкусным медвежьим салом.

Детство мое! Птицы в небе и на воде, звери в лесу, рыбы в быстрой студеной реке, лиственницы на горе. Никогда я тебя не забуду, мой край! Не забуду тебя, река Конда, тебя Малая Юконда, Большая Юконда, ленивая речка Хармья, сердитая и холодная Васкалтынья. Любила я слушать, как, звеня, шумят, несутся, плещут о камни ваши воды.

Суровая жизнь в нашем краю. Маленькие ребятишки учатся плавать по быстрой речке на лодке, управлять этой лодкой также умело, как их родители. Маленькие ребята уходят вместе с родителями в тайгу, на болото за брусникой или кедровыми шишками. Маленькие ребята учатся выслеживать и убивать диких оленей, лосей, медведей, колонков и белок. Не боятся они ни мороза, ни вьюги, ни комаров, ни змей-гадюк, которых в нашем краю так много.

Суров наш край и крепкие живут в нем люди, смелые, ловкие, находчивые. Им не страшна ни буря в озере, ни горный водопад, ни ревущие пороги, ни дикий зверь. Из всякого трудного положения найдут они выход.

Училась и я всему, чему можно научиться в тайге, плавала на лодке по быстрой нашей речке и никогда не думала, что увезет меня эта лодка далеко-далеко в чудесный мир, в большой далекий город.

Осенью, в ненастный день, когда ударяли в окна, били в стекла звонкие дождевые капли, отозвала меня мать в сторону, отозвала и говорит:

– Приехала русская учительница, твоя вторая мать.

Удивилась я, сердце от испуга забилось, что это за вторая мать? Почему я раньше о ней ничего не слыхала?

Собрались родственники. Пришла бабушка с длинной-предлинной трубкой. Пришли дяди с тетками.

Бабушка сказала, вынув изо рта трубку и сердито сплюнув в угол:

– Приехала какая-то молоденькая девчонка. Нос вытереть не умеет, а уже учить хочет.

ВТОРАЯ МАТЬ

Осенью в ненастный день, когда падали в воду звонкие дождевые капли, пришла я впервые в школу.

Ребят собралось много – и больших, и маленьких, были и такие, которым и жениться впору. А вторая моя мать, молоденькая девушка, стоит возле двери и смотрит на нас. Мы не умеем говорить по-русски, а она не знает ни одного слова на языке народа манси.

Как же мы разговаривать будем?

Вторая моя мать, девушка, русская учительница Марья Андреевна, по-своему нам говорит, а мы ей по-своему. Как тут быть?

Одна только старуха знает, как быть, бабушка.

– Гнать надо! – говорит она, вынув трубку и сердито сплюнув в угол. – Послали молоденькую девчонку. Пусть едет туда, откуда приехала.

Прошло несколько дней, а дело подвинулось совсем мало. Не слушаются ребята, шумят. Уговаривала нас девушка, Марья Андреевна наша, просила, просила, а потом вдруг села и заплакала.

А когда она захворала и уехала из нашей деревни, стыдно стало нам, ребятам, что довели ее до слез.

Вместо Марьи Андреевны приехала Капитолина Андреевна, старшая ее сестра. Приехала к нам, не зная ни одного слова на языке народа манси.

Прежде чем приступить к занятиям, она пошла по избам, записала на бумажке мансийские слова, выучила их и стала нам говорить по-мансийски.

Днем она учила нас, а по ночам не спала, сама училась. И мы звали ее «вторая мать».

Быстро текут, несутся воды в Малой Юконле, в Большой Юконде, в реке Конце, в которую впадают обе Юконды – Малая и Большая, но жизнь идет вперед еще быстрее.

В 1928 году приехали к нам в Хармпавыл два молодых учителя – Александр Львович Ламбин и Василий Васильевич Уженцев. Приехали, собрали плотников и давай строить. Выстроили две школы, одну с железной крышей, построили интернат, ограду сделали, привезли откуда-то издалека много необходимых вещей. Одна вещь поблескивала и, когда Александр Львович касался ее пальцами, издавала чудесные звуки, играла и пела так красиво и мелодично, словно поет вода весной, когда звенят льдинки. Так впервые узнали мы, что такое рояль.

Ламбин и Уженцев организовали драматический кружок. И впервые за всю свою жизнь старики и родители наши увидели, как поднялся занавес, а там была другая, незнакомая жизнь. Дети-школьники, надев на себя чужую одежду, неузнаваемо изменились вдруг и превратились в чужих людей. Старики и родители наши узнали, что означают слова: «пьеса», «постановка», «клуб».

А учитель Ламбин, сев за рояль, стал играть, и в зале так было хорошо и чудесно, что склонили головы старики, слушая его игру, и на глазах у многих были слезы.

ВНИЗ ПО МАЛОЙ ЮКОНДЕ

На осиновой лодке вниз по Малой Юконде плыли с отцом, из Малой Юконды в Большую Юконду, из Большой Юконды в реку Конду, на берегу которой стоит село Нахрачи, центр Кондинского района. Там, где преграждали нам путь упавшие деревья, мы шли пешком по берегу и несли лодку на себе. Двенадцать раз шли пешком, а потом плыли снова.

Вместе с братишкой плыла я в школу-семилетку продолжать учебу.

Старик отец гребет, покуривая толстую трубку. Ночью, когда нам хочется спать, говорит:

– Спите, отдыхайте. А мне все равно не спится. Я погребу один.

Не приходится ему долго упрашивать нас. Мы засыпаем, а он потихоньку гребет, покуривая толстую трубку.

Однажды слышим крик, будто сто медведей собрались вместе и дерутся. Эхо повторяет их крик то здесь, то там. Нам стало страшно. Отец насторожился и тихо-тихо гребет. Поднимает весла и опять осторожно опускает их в воду.

Но не медведи это кричали, а лоси: самцы призывали в лесу самок. Отец-то сразу догадался, но до поры до времени нам ничего не говорил, боялся вспугнуть голосом зверей.

Никогда не забуду эту ночь, как будто сама тайга взбесилась и кричала медвежьими голосами.

Нахрачи хотя и село, но манси называют его Мōт-Ӯс. Мōт – другой, Ӯс – город. Мōт-Ӯс – другой город.

Тобольск манси называют Тӯпл-Ӯс. Но не надо думать, что Нахрачи чем-нибудь напоминают Тобольск, Ханты-Мансийск и другие города, о которых я узнала позже. Село как другие села. Дома на берегу реки. Но зато мы увидели с братишкой Андреем не на берегу, а на воде здание с множеством окон и огромной черной трубой. Это был пароход.

Вот и окончился наш водный путь. Прошло четыре дня, и только осталось у нас в памяти, как мы плыли по Малой Юконде в Большую через озеро Сор, которое уже покрылось льдом, слышали рев и топот лосей в лесу.

Отец привязал лодку и повел нас к своему родственнику на квартиру. Он прожил с нами две недели, ожидая, когда станут реки и замерзнут болота, и пошел по замерзшей дороге пешком.

Пришли мы в школу и оказалось, что плохо мы говорим по-русски. Намного отстали от русских школьников. Усердно надо заниматься, чтобы их догнать.

Стали мы ходить к учительнице на дом.

Чему учили нас в школе? А чему учат всех ребят. Учили тому, что, кроме маленькой деревушки, что стоит на клочке земли, окруженном со всех сторон шумящими, пенящимися потоками, есть большой мир: моря, реки и города с большими-большими домами.

Чему нас еще учили? Учили нас, как разумно живет человек на нашей родине, как покоряет он реки, заставляет слушать себя речные пороги, строит дома в тайге, а в пустыне разводит леса, садит деревья.

ОЗЕРО САХАЛТУР

Не могу я забыть, сколько горя, нужды и страданий пережил мансийский народ, прежде чем правда Ленина, принесенная к берегам таежной Юконды на могучих крыльях сказочной птицы таукси, дала моему родному народу светлую и счастливую жизнь,

Горькими слезами народа, горячей кровью передовых борцов за Советскую власть и народное счастье омыты берега Юконды.

Помню, какой ненавистью и звериной злобой встретили Советскую власть местные богатеи, кулаки и шаманы и какое страшное событие произошло на озере Сахалтур во время коллективизации.

Случилось это летом 1931 года.

Весна выдалась на редкость дружная и полноводная. И когда после весеннего разлива вода схлынула, земля буйно зацвела. В тот год так сильно распустились багульник, черемуха, рябина и шиповник, что заросшие берега речек Хармьи и Васкалтыньи ослепительно белели, будто запорошенные снегом, а в бору склоны холмов пламенели в красновато-лиловой кипени.

Стоял ясный июньский день. В Карыме происходило необычное оживление.

К устью Хармьи при впадении ее в Малую Юкоиду подчаливали десятки лодок. Возле сельского Совета собирались рыбаки с женами и детьми, приехавшие из соседних селений. Предстояло большое собрание. Это собрание волновало всех от мала до велика. На обсуждение выносилось решение райисполкома и райкома партии об облове озера Сахалтур, богатейшего рыбного водоема.

Озеро Сахалтур считалось священным, и из поколения в поколение его единственным хозяином признавался шаман. По старым законам никто не имел права ловить рыбу в этом священном озере. И не было в старое время среди манси человека, который посягнул бы нарушить древний обычай.

Шаман Костя – последний хранитель этого озера – тоже поспешил приехать на собрание и занял место в кругу кулаков и подкулачников.

В детстве у меня и у моих сверстников никто не вызывал такого страха, как Костя-шаман.

Внешне его облик был страшно уродлив. Его лицо походило на лицо большого деревянного идола: плоское, как блюдо, с узкими глазами, с желтым цветом кожи, изъеденной оспой; нос приплюснутый, с ноздрями, плотно приросшими к верхней губе, переносицы у него не было совсем; под подбородком, как мешок, отвисал зоб (по поверьям, в зобу у него жила лягушка). Когда он разговаривал, то гнусавил, и его зоб издавал странный шум с присвистом. Одно ухо у него было сморщенное и маленькое, как пельмешек, а другое – большое и оттопыренное. Видимо, сама природа исковеркала его и отдала народу для устрашения. Перед камланием он наедался мухоморов и, пьянея от них, дико прыгал; на поясе звенели гвозди, медные побрякушки и медвежьи зубы. А когда приходил в экстаз и начинал вызывать духов, брызгал изо рта пеной и издавал страшные звуки. И не удивительно, что многие из отсталых колхозников отказывались ехать на облов озера Сахалтур. Они боялись гнева шамана и тех несчастий, которые он обещал вызвать на них в случае, если они нарушат старый обычай.

Костя-шаман жил на берегу озера Сахалтур, имел свою избушку, устроенную на подпорках.

Озеро Сахалтур было большое. Оно тянулось на десятки километров в верхнем течении Юконды. Плоские берега его скрывались в зеленой осоке и в камышах. Девственные леса окаймляли его со всех сторон, как бы охраняя своими густыми непроницаемыми ветвями от завистливого взгляда. Дно озера было запружено намокшими стволами вековых сосен, кедров и лиственниц, корягами и сучьями.

Узенькими и опасными тропами, проложенными среди топей и болот, пробрались к нему русские рыбаки во главе с уполномоченным райисполкома, неся на себе провизию, невода, пилы, топоры и рыболовные снасти. Но оказалось, что без участия всего народа облов озера Сахалтур провести невозможно. Невода рвались, и громадные жирные караси уходили обратно в озеро.

И когда весть о том, что районные организации решили обловить озеро Сахалтур, дошла до шаманов и кулаков, они провели агитацию среди населения за отказ от участия в раскорчевке и очистке берегов озера. Их агитация взволновала всех манси. «Не дадим коммунистам осквернять святое озеро. Не дадим осквернить святую воду», – нашептывал старикам и старухам шаман Костя, разъезжая по юртам перед собранием. Кулаки, опираясь на авторитет шамана, надеялись вызвать недовольство в народе и, прикрываясь им, хотели сорвать выполнение государственного плана по рыбозаготовкам. Надеялись они также на то, что нанесут этим материальный ущерб молодому колхозу и оттолкнут от него колеблющихся колхозников и упорствующих единоличников.

Народ все подходил и подходил к лужайке, где расположились собравшиеся.

Лишь в полдень, когда солнце стояло в зените, открыли собрание. Вперед выступил председатель сельского Совета коммунист Василий Алагулов и, стерев с лица пот, громко сказал:

– Слыхали, поди, что райисполком и райком партии обязали нас обловить озеро Сахалтур, а улов сдать государству в счет плана по рыбозаготовкам?

– Как не слыхать! – прошипел в толпе шаман Костя. – Добрая весть не скоро доходит, а худую-то на полслове ветер подхватывает да в уши несет!

Тут же заговорили кулаки:

– Учи, что нам теперь-то делать. Неужто поступимся святым-то озером?

Громче и увереннее заговорил шаман:

– За озеро нам, народ, надо грудью стоять, дело это вековое. Не дай, Господи, сплошать нам. Перед Богом ответ за наши грехи дадим.

– Известное дело; надо гумагу прежде читать, что написано в ней про святое озеро! – раздались голоса.

– Читай гумагу, послушаем, что пишут! – решило собрание. Громко и отчетливо выговаривая каждое слово, прочитал Василий Алагулов решение районных организаций об облове озера Сахалтур. Слушая его, народ, казалось, затаил дыхание, и несколько минут по окончании чтения все молчали.

Первым заговорил, гнусавя, Костя-шаман:

– Что-то я в толк не возьму, зачем понадобился облов святого озера? Других озер, что ли, мало?

– Озеро святое принадлежит Косте-шаману, по завету предков оно ему принадлежит. Не нами это заведено, не нам и отменять! – проговорил кулак Крутиков и, чувствуя, что собравшиеся прислушиваются к нему, продолжал.

– Так пошто же казна у своих деток добро отымает? Слыханное ли дело, чтобы мать у своего ребенка грудь отнимала, оставила бы своего голодом да подпустила к ней чужого.

И тут из толпы кто-то выкрикнул, обращаясь к председателю колхоза коммунисту дяде Ананию, который сидел за столом президиума:

– Вот ты, Ананий, законы шибко знаешь, тогда и растолкуй: пошто же деды и отцы Кости-шамана владели этим озером, казна до сего времени не трогала, а теперь, при Советской власти, отбираете его у Кости?

– При Советской власти это озеро никогда не принадлежало одному Косте-шаману, – спокойно ответил дядя Ананий. – А не отобрано оно государством в колхоз и оставалось в пользовании шамана потому, что в районе не знали об этом озере...

– А теперича знают? – В один голос закричали кулаки Крутиков и Свяжин Семен. И тут же добавили: – Пиши, Ананий, постановление: озера Сахалтур нет. И делу конец!.. И если простой люд туда ступит, погибели ему не миновать, простому народу дорога туда отрезана! – угрожающе взмахнув рукой, закончил Семен Свяжин.

Народ заволновался. И в этот момент я услышала полный гнева, проникнутый человеческой правдой голос моего отца:

– Нет, народ, умолчать об этом озере нельзя. Обманывая власть, мы обманываем сами себя. А как мы выполним план, если не обловим это озеро? По советскому закону все угодья теперь принадлежат народу и передаются они колхозам в вечное пользование. Так что ж, выходит, мы будем защищать интересы шамана и подрывать интересы государства и народа? Я за то, чтобы идти всем народом и обловить святое озеро!

В шуме собравшихся все отчетливее слышались голоса бедняков – членов Карымского колхоза – в поддержку моего отца:

– Правду, истинную правду говорит Панкратий Михайлович! Зачем нам скрывать? И мы согласны поехать туда на облов рыбы...

Большинством голосов собрание вынесло решение провести облов святого озера Сахалтур, и бригадиром облова правление колхоза назначило моего отца.

В помощь колхозу из Нахрачей приехала бригада гослова. Всего на облов озера Сахалтур собралось более ста человек.

Помню, как мы с мамой собирали в путь-дорогу отца и старшего моего брата Санка. Все очень переживали и боялись, что с отцом и братом случится несчастье. Особенно сильно волновалась мама. Она принадлежала к тем людям старшего поколения, которые унаследовали глубокую веру в своих идолов и молились русскому богу. Уединившись в амбар, мама вынула из заветного сундучка семейных божков, угощала их и упрашивала смилостивить гнев духов, охраняющих покой святого озера.

Над Юкондой вспыхнули первые лучи поднимающегося из-за леса солнца, а бригада рыбаков еще до зари, вытянувшись длинной цепочкой, осторожно пробиралась пешком по болотам, топям и холмам, преодолевая множество речек, к берегам таинственного озера, в водах которого веками размножалась рыба, но до сих пор она никогда не была достоянием народа. И ничего страшного не случилось ни с отцом, ни с братом, ни с теми людьми, которые пошли к священному озеру, расчистили его дно для неводьбы и вычерпали из его светлых вод десятки тонн первосортного карася. Озеро Сахалтур дало растущим мансийским колхозам богатейшие рыболовецкие угодья.

Страшное случилось потом, через месяц. Шаман Костя, собрав вокруг себя фанатически настроенных сородичей, среди которых были и женщины, подстерег в тайге группу рыбаков и уполномоченного гослова. Многих избили до полусмерти, а над уполномоченным учинили расправу. Привязали его полумертвое тело к нартам и вместе с нартами бросили в озеро. И в тот же день ночью в Карыме прогремел зловещий выстрел. Из окна своего дома кулак Крутиков в упор застрелил моего дядю, председателя Карымского колхоза Анания Семеновича Алагулова.

И когда народный суд судил этих злодеев и вынес им суровый приговор, много людей прозрело, многие поняли, кто является подлинным другом мансийского народа, а кто его смертельным врагом.

Давно это было. Но народ не забыл, и в песнях своих он хранит память о тех, кто отдал жизнь свою за счастье народное, за светлую жизнь молодого поколения, за землю, которая по воле великой партии коммунистов по-матерински щедро раскрыла перед ним свои неисчислимые богатства.

ХАНТЫ-МАНСИЙСК

Когда окончила я семилетку, отец сказал мне:

– Поезжай в Ханты-Мансийск. На фельдшерицу выучишься. Меня, старика, лечить будешь.

Собрались на берегу провожать меня родные. Все плачут. Я одна не плакала, думала, увижу большой город.

До села Нахрачи доехала на осиновой лодочке, а там на пароход села. Дивное здание это с множеством удобных кают поплыло по широкой полноводной реке.

Я восемь дней прожила в каюте, думая о том, как не похож этот красивый большой плавучий дом на маленькую узкую лодку, выдолбленную из осины или кедра. Но и лодку, и пароход сделал человек, а я до сих пор не перестаю изумляться, когда вижу красивый дом на улице, быструю машину, самолет, картину или статую – дело человеческого ума и рук.

Ханты-Мансийск стоял в тайге. Ели. Кедры. Пихты. А на берегу Иртыша на горе – дома. Пни там и тут. А люди корчуют пни, пилят бревна. Дома, магазины строят. Вот что я увидела, когда сошла с парохода на берег.

Учиться я поступила в педтехникум.

В Ханты-Мансийске прожила четыре года. На моих глазах пустыри и лесные поляны превратились в улицы.

Заболеешь, пролежишь дома неделю или месяц, выйдешь из дома – и не узнаешь улицу. Ведь недавно торчали здесь пни и валялись гнилые сучья, а сейчас дом стоит. С чудесной скоростью рос и расширялся во все стороны Ханты-Мансийск, город мой, столица нашего таежного края. Помогали и мы – учащиеся педтехникума – строить свой город. Частенько мы устраивали субботники, поправляли дорогу, прорубали просеки в лесу, корчевали пни.

Возле Дома народов Севера разбили мы сквер. На языке народа манси нет лова «сад», люди Крайнего Севера никогда не садили деревья возле своих домов. Помню, как я посадила первое дерево. Немало лет прошло с тех пор, и маленькое-маленькое деревце, которое я посадила вместе с подругами, выросло, стало деревом.

Любила я свой город. По вечерам во всех домах горело электричество, и девушки, вернувшись с работы, пели песни. Пели песни девушки, и я пела. О чем? Это не я пела, а сердце пело в груди, как поет весной в лесу птица.

В Ханты-Мансийске, конечно, был прекрасный клуб, кино. Никогда я не забуду, как потух свет в зале и на освещенном полотне появились люди. Все это очень походила на сон, на сказку походило, которую рассказывала мне в детстве бабушка, куря свою длинную-предлинную трубку.

Но вот наступило лето. И я уехала домой на каникулы. Отец был немного огорчен, что я на учительницу учусь, а не на фельдшерицу. Он в душе питал большое уважение к медицине. Но что поделаешь? Пришлось ему с этим примириться.

Лето прошло быстро. А лето следующего года, когда я перешла на третий курс, провела уже не дома, а на практике. Послали меня на пионерскую работу в деревню Сартынью Березовского района. Жила я в пионерском лагере в палатке. И лето прошло, как птица пролетела, быстро-быстро.

Много вопросов задавали мне пытливые, любознательные ребятишки манси. И на многие из их вопросов не умела я ответить, слишком мало знала сама.

Встречаются люди, которые любят всякую старину. За что они ее любят, я до сих пор не могу понять. Разве можно любить болезни, нищету, обман, грязь, холод?

В раннем детстве и я застала остатки этой старины, далекого прошлого. В те времена особенно тяжело жилось женщине. Все лежало на ее слабых плечах. Кто рубит в лесу огромные лесины, кто везет бревна, привязав их к волокушам? Она, женщина, мать детей. Кто возит сено для скота? Мать возит, женщина, хозяйка. Кто выделывает кожу, а из кожи шьет обувь и одежду для мужа, для всей семьи? Жена шьет, мать, женщина. Кто готовит обед, нянчит детей?.. А муж вернется с охоты, лежит дома на нарах и курит трубку, день курит, два, полеживая на нарах или на шкурах в юрте.

А если забеременеет женщина, все считают ее нечистой. Выгоняют ее из дому рожать в холодную лачугу возле самого леса, где-нибудь на окраине поселка, где бегают волки и зайцы. А в этой лачуге нет ни пола, ни стула, ни стола, ни печки. На земле валяется охапка моха или травы. Вот сюда и ложится женщина. И живет она в холодной хижине семь-восемь дней. Двери крепко-накрепко заперты, и никто не имеет права зайти к ней, кроме старой бабки, которая принесет еду и уйдет.

Были когда-то такие обычаи и времена, были и никогда больше уже не вернутся. Теперь женщина рожает в больнице. А сколько женщин руководит колхозами, сельсоветами, работают учительницами, заведуют магазинами, мастерскими.

ПРОЩАЙ, ЮКОНДА!

Как это случилось, что я попала в Ленинград? Послали из Ханты-Мансийского педагогического училища четырех молодых людей в Ленинградский институт народов Севера учиться. С ними и меня.

Грустно было на душе. Не хотелось уезжать из родных, знакомых и любимых мест.

Села в лодку и поплыла по родной, знакомой Юконде, с ее белыми песчаными берегами.

Высокие стройные сосны, кедры, пушистые ели и пихты махали мне на прощанье своими ветками, курчавые березки, осины шелестели, что-то хотели, видно, сказать. А ветер насвистывал в кустах о будущей моей жизни. Сначала плыла я на своей осиновой лодочке, потом на катере плыла, затем на пароходе, а с парохода вышла и села в поезд.

Поезд шел с Дальнего Востока. Много пассажиров возвращалось домой из разных экспедиций. Но меня этот поезд привез в будущее. Так мне хочется назвать и Ленинград с его улицами, и Институт народов Севера, где под одной крышей собрались юноши и девушки двадцати языков и наречий.

Под этой гостеприимной крышей прожила я несколько лет. Что делала? На этот вопрос можно ответить одним словам: училась.

Изучала я курс марксизма-ленинизма, работала в комсомольских кружках, занималась с отстающими. Учась и работая, я жила в необыкновенном городе, о котором в тайге песни поют, поют песни и рассказывают сказки. Вот и моя жизнь стала песней, сделалась сказкой.

Вот чукча Вуквол, вот ненец Варницын, вот Болтунов Сеня, вот Комбагир, Трофимов, Попов Гриша, Аня Дедикова, эвенкийская девушка, выступавшая на всех институтских вечерах – товарищи и подруги мои. Весело, дружно жили мы все под одной крышей, представители двадцати народов, комсомольцы и комсомолки. И когда, а это случалось часто, ответит кто-нибудь хорошо на вопрос преподавателя, доклад хороший сделает, придет первым на лыжных соревнованиях, душа радовалась у всех за успех одного, так дружно мы жили.

От дней, о которых я сейчас рассказываю, отделяют меня суровые годы, и многих из тех, чьи громкие, веселые голоса звучали в коридорах института, нет уже в живых. Всех лучших своих юношей, смелых стрелков, неутомимых лыжников, послал институт защищать город Ленина, счастье и независимость любимой Родины. И много сейчас песен сложено про тех, кто отдал жизнь, как смелый юноша Аким Самар, защищая свою любимую Родину.

В Ленинграде прожила я до февраля 1942 года и вместе с ленинградцами пережила самые трудные месяцы блокады.

Копала окопы, дежурила на крыше, тушила зажигалки, работала в госпитале.

УЧУ В ТОЙ ШКОЛЕ, ГДЕ УЧИЛАСЬ САМА

Зиму, весну и лето провела в Омске. Сначала работала в бюро пропусков в облисполкоме, а потом… Потом пароход повез меня туда, где течет Малая Юконда и студеная быстрая Васкалтынья.

В Ханты-Мансийске получила я направление в свою родную деревню, в Хармпавылскую школу.

Буксирный пароходик «Гончаров» ушел в Нахрачи. Только доставил он меня в Нахрачи, как стала река Конда. И вот я иду пешком по замерзшим речкам и болотам, иду домой по забытым тропам. Немудрено и забыть! Столько лет прошло, как покинула эти места.

Иду и иду, то взгляну на дерево, то на звезду, что мерцает в небе, а сама думаю, как бы не сбиться. Иду и иду, не останавливаясь. А вот озеро. Лед еще тонок, под ногою гнется, трещит. Неужели провалюсь, погибну? Быть не может!

Подошла к родной деревушке поздно ночью. Сердце забилось в груди. Край мой! Земля моя родная! Горы и речки мои! Подхожу к дому, где прошло мое детство.

И страшно стало мне. Дом стоит одинокий и пустой. Стекла в рамах выбиты. И оттуда темнеет... безлюдье, пустота. Подхожу к крыльцу, а дверь покосилась. На дворе мороз. Взошла луна. И лес при лунном свете был как черная-черная стена.

Что случилось? Где братишка Сережа? Где сестра Рина?

Но никогда не надо преждевременно отчаиваться. Все были живы и здоровы. Старший брат выстроил новый дом, и там жили всей семьей. Не буду описывать их удивление и радость, когда встретили меня, как целовали, обнимали и расспрашивали.

Для всех ребятишек поселка, для всех школьников и школьниц мой приезд был большой радостью и сюрпризом. Ведь приехала я преподавать физкультуру, и откуда приехала? Оттуда, где каждый школьник, в сущности, военный и герой, защитник Родины и города, приехала из осажденного и непобедимого Ленинграда.

Я организовала два кружка: юных стрелков и кружок ПВХО. Винтовку взяли под расписку в Рыбкоопе на временное пользование, достали и малопульку. На берегу реки Васкалтыньи выбрали удобное место для тира, разгребли снег, отмерили расстояние для мишеней, сделали засечку на деревьях, прикололи мишени, постелили солому на землю и приступили к самому увлекательному – к стрельбе в цель.

Девочки и мальчики увлеклись «военным делом». Приходили на берег Васкалтыньи родители и старики поглядеть, как стреляют ребята, приносили малопульки и сами стреляли в цель.

Но, кроме военного дела, преподавала в школе литературу и русский язык. Времена были военные, суровые, и самим педагогам, и учащимся приходилось заботиться о школе и интернате, запасать дрова, пилить и колоть их.

Случилось со мной однажды в лесу маленькое происшествие, небольшое несчастье. Пилили мы с директором школы Варварой Георгиевной толстый сухой кедр, но он с комля не упал на землю, а повалился

и верхушкой застрял между двумя березками. Мы решили отпилить чурку. Стали пилить нависший кедр, пилу зажало; ударили по комлю топором и вдруг дерево упало. Я отскочила, но было уже поздно, дерево придавило мне ногу. На счастье мое, там, где я лежала, оказались кочки, и они задержали дерево, спасли меня. Школьники подумали, что меня убило деревом, заплакали. И мне пришлось пересилить боль и рассмеяться, чтобы они поверили, что я жива и, в сущности, невредима, если не считать ушибленной ноги.

Повезли они меня домой в санках, поминутно спрашивая, не больно ли мне. Ну, а хоть и больно, так что? Плакать, что ли?

И вот лежу я в постели. В постели лежу или сижу за столом на колхозном собрании. Пришли колхозники навестить меня и рассказывают о делах своих. Рассказывают и покуривают трубочки. Дымно в комнате, шумно возле моей койки. Председатель колхоза сидит, спорит с моим дядей-бригадиром рыболовецкой бригады.

Участвую и я в их споре, высказываю свое мнение.

Все мне известно: и как выполнили рыбаки свой план, и сколько денег собрали на постройку танка.

– Послушайте! – говорит моя сестра гостям. – Ведь больная она, хоть не шумели бы, что ли!

А я смеюсь и думаю про себя: «Шумите, шумите, друзья мои, рассказывайте громче о делах своих, шум этот ваш дороже мне больничной тишины».

Поправилась я и пошла снова в школу. В этих стенах училась сама, годы пролетели, как птицы, и стала я учительницей. Стала я учительницей, но где-то в сердце не погас, тлел уголек детства моего, и, глядя на ребятишек, не могла я скрыть нежность свою к ним, ведь учительница – это вторая мать. Глядя на ребятишек, ласково улыбалась я.

Наступила весна. Прилетели утки, гуси, захлопали крыльями над озерами в камышах. Реки заговорили вдруг, студеные ручьи запели свою весеннюю песню. Ветви на деревьях покрылись листьями. Посмотришь в прозрачный поток, где вола звенит по камням, а там в глубине плавают темные рыбки. Идешь по тропе в лесу, а пихты трогают тебя пахучими ветвями, осины шелестят, шепчут мне что-то в ухо.

Думай о природе, человек, вдыхай свежий лесной воздух, слушай крик уток в камышах, но не забывай о самом главном.

Не забывала я ни на минуту о тех, кто защищает Родину, о Ленинграде не забывала. В клубе собирала я колхозников и ребят, рассказывала о победах Советской Армии, о ленинградцах рассказывала я. А когда начался лов рыбы, вместе с колхозниками работали и мы, учителя, ставили запоры, тянули невод, солили рыбу.

Суров наш далекий край. Тропу, занесенную снегом, вспоминаю я. Вокруг метет пурга, а я иду и иду, проваливаясь в сугробы. Ни зги не видно. Ветер свистит, стынут губы. И стынущими губами зову я, кричу, зову и зову; и вот, кажется, и голоса нет в груди. А ветер свистит.

Впереди ничего не видно. Никто не откликнулся на мой голос. Иду дальше, падаю, встаю, и вот уже нет сил идти. И снова зову тех, кого ищу. Два школьника, не спросив разрешения у воспитательницы, ушли из интерната домой, чтобы повидаться с родными и провести выходной день дома. А до их дома двадцать километров. И началась пурга. Нехорошо поступили эти два школьника, неразумно. Но сейчас не об этом думаю я. Не сбились ли они с пути? Живы ли?

Ветер свистит. Деревенеют щеки и руки. Но я иду и иду...

Оглядываясь на прошлое, вижу я не только эту тропу, вижу и ребят-школьников, веселые голоса слышу я, как сейчас. Не заблудились они, нашла я их.

Идут дни. Суровые студеные зимы сменяются долгожданной весной. Звенит вода и лед в тающих речках и озерах. Птицы кричат, славят весну, поют песни.

Пою и я о тебе, юность моя, край мой, берега Малой Юконды, где шелестят осины, шелестят листья на ветвях, когда дует ветер и гонит волны.

ГОЛОС ОТЦА

Весну и лето этого года я работала директором Карымской неполной средней школы.

Каждый вечер в конце учебного года засиживалась в школе дольше всех. Дел было так много, что переделать их за день не успевала и оставляла на вечер ту работу, которая требовала тишины и сосредоточенности.

Я любила эти вечера. После того как затихнут беготня и говор учеников или донесутся до моего слуха последние осторожные шаги уборщицы да гулко стукнет дверь школы, – значит, и уборщица, и

истопник ушли домой. И тогда во всей школе я оставалась одна. Времени на подготовку к урокам было так мало, что приходилось захватывать ночь. Школа отнимала у меня много сил и времени. А домашние дела?.. После смерти матери забота о брате, сестре да о приголубленных мною сиротках легла на мои плечи. Дорога была каждая минута!

В мае после занятий ученики на пришкольном участке сажали картофель, сеяли овощи. А старшеклассники вместе с учителями заготовляли дрова для школы. Тучи гнуса и надоедливый комариный писк преследовали нас на валке, распиловке, колке и укладке дров в поленницы. Но все работали в защитных одеждах: в накомарниках, сохнях[3] и рукавицах, и работа у нас спорилась.

Интернатские дети (те, которые не покидали школу во время летних каникул) все лето ухаживали за посевами в огороде: пололи морковь, турнепс, окучивали картофель. А на болоте Рептхгальх собирали морошку, голубицу, чернику. Повар Фирулева готовила из ягод вкусный кисель и незабываемое мансийское кушанье нялмлол[4].

Летом из Нахрачей я привезла стройматериалы: кирпич, стекло, мел. Переложили печи, побелили потолки, застеклили рамы. Девочки вымыли полы. В школе стало уютно и чисто. И наша школа была готова к встрече учеников в новом учебном году.

Вот уже и конец августа. Великаны-кедры под тяжестью созревающих шишек все ниже и ниже склоняют свои пушистые ветви. А в лесу – тишина... Только запасливые рыже-хвостые белки, серые птицы ронжи да маленькие зверьки бурундуки с полосатыми спинками лущат шишки и таскают кедровые орехи в гнезда и потайные норки. В иные дни налетает ветер. Он срывает листья с березок, осин и тальников. В такие дни кедровые шишки с гулом падают на землю. Дети собирают их в кошелки, а то и прямо в подолы своих рубашонок и, чтобы очистить их от липкой серы, варят в котле или жарят на раскаленных углях костра. А затем, подложив калачиком под себя ноги, садятся в кружок и щелкают орехи, извлекая оттуда жирные янтарные ядрышки.

Потемнели отяжелевшие гроздья брусники. То там, то тут они запестрели в бору ярким цветным ковром, похожим на замысловатый мансийский орнамент.

А в кустах?.. В кустах возле озер, речек и курей все еще по-летнему заливаются птицы, крякают утки, гогочут гуси, курлычут журавли и плачут лебеди.

Дыхание родного края, его многоголосые звуки наполняют мое сердце радостью, и исчезает усталость в руках и в ногах! А сердце поет... Мансийские мотивы и слова замечательных песен моей бабушки сами собой приходят на память:

«Гуси-то летали,
Утки-то плавали...
Берега моей дорогой Юконды
По одной стороне текут золотой водой,
По другой стороне текут серебряной водой.
Как утиная нога, изогнутое весло мое.
С двадцатью заплатками юркая лодочка моя... »

Последние дни августа выдались хмурыми, холодными. Проливные дожди вперемежку с мокрым снегом заливают болота, поляны и улицы деревень. За окном беснуется ветер. Упругий дождь хлещет в стекла...

В одну из таких ненастных ночей раздался громкий стук в дверь. Младший братишка Сережа с тревогой взглянул на меня. Стук повторился. Я быстро встала с намерением открыть дверь.

– Не ходи, Мотя. Я сам открою, – сказал Сережа и, решительно отстранив меня, побежал к двери.

На крыльце послышался разговор, и вслед за Сережей в дом вошел молодой человек в длинном брезентовом плаще. Плащ был мокрый, и струйки воды стекали на пол. В молодом человеке я сразу узнала почтальона.

– Вам, Матра Панкратьевна, телеграмма-«молния». Из Ханты-Мансийска.

Когда я проводила почтальона и быстро вернулась в дом с нераспечатанной телеграммой в руках, братишка Сережа и сестрёнка Рина стояли передо мной в такой позе, которая без слов говорила: «Ну, скорее же! Что там написано?»

С волнением я развернула телеграмму и прочла вслух: «Окроно просит вас срочно прибыть в Ханты-Мансийск для работы в педучилище преподавателем мансийского языка. Руководство школой передайте завучу Анисимовой Ольге Павловне. Выезд подтвердите телеграммой. Завокроно Непомнящих».

[3] Сохни – лёгкая обувь с брезентовыми голенищами.

[4] Нялмлол – густая каша из ягод и рыбы.

Села я за стол и задумалась: «Так это неожиданно. Как же мне быть? Что делать?»...

Сразу выехать в Ханты-Мансийск я не могла. Первоклассники из дальних деревень еще не прибыли в школу. Да и кто из родителей в такое ненастье решится пешком привести в школу своих детишек-малолеток? Деревни эти от школы находились далеко за болотами, таежными речками и озерами, разбросанные друг от друга на расстоянии двадцати и более километров.

И решила я сначала доставить детей в школу, нормально начать учебный год и лишь после этого выехать на работу в Ханты-Мансийск.

Утро. Оно мрачное и холодное. Надеваю на себя физкультурные брюки, бродни, ватную куртку, теплый платок. Беру с собой спички, топор. И отправляюсь в путь одна с волнующими меня мыслями. Мне немного грустно. Жаль, очень жаль расставаться с милой моему сердцу Юкондой! И в то же время радостью наполняется мое сердце, когда начинаю думать о Ханты-Мансийске, о новой работе в педагогическом училище. Ведь я буду готовить молодую смену учителей для мансийских детишек. Значит, там я нужнее, чем здесь. Сердце мое, жизнь моя принадлежит народу. В этом великое счастье!..

Я иду все дальше и дальше. Переправляюсь на паузке через Юконду. Подхожу к курье Сартэнворэй. Спускаюсь по чуть заметной тропе в низину, поросшую мелким тальником и березками. Перебегаю ручей. Поднимаюсь в самый красивый бор с красивым названием Яхальмпальсуй, где с обеих сторон обступают тебя стройные золотистые сосны-великаны, а под ногами белый-белый, словно покрытый инеем, узорчатый мох...

День уже близится к закату. Но солнца сегодня не видно. Серое небо с тяжелыми дождевыми тучами лишь на самом горизонте окрасилось слегка в светло-лиловый цвет. Быстро падает темнота. Деревья-великаны, приветливо смотревшие на меня при дневном свете, выглядят теперь мрачными; они сплошной стеной наступают справа и слева. Темные стены все плотней и плотней сдавливают меня, и только сверху над самой моей головой виднеется дыра в небо. Иду и слышу стук сердца и стук своих шагов. Впереди ночь. Мне становится страшно. Успею ли я добраться до ближайшей деревни Ленгурьи? Впереди еще нужно преодолеть речку, которая после проливных дождей, наверное, разлилась. Но нельзя терять самообладания. В жизни может быть еще тяжелее. И меня в этот трудный момент воодушевляет образ моего родного отца – знаменитого мансийского охотника, честного и отважного человека. Словно наяву я слышу его голос, идущий откуда-то издалека вместе с шумом ветра. Я начинаю импровизировать, и песня, которую я пою, делает меня мужественной. Лесное эхо повторяет мою песню, и кажется мне, что я не одинока в этой урманной глуши, наполненной всякими неожиданностями и страхами. И моя песня звучит все тверже и тверже:

«Слышу голос его –
ого-го-го-го-ого-го...
Он бредет по дремучему бору.
По болотам и топям он смело идет.
Вдоль просторных озёр он шагает.
И широкие реки ему нипочем.
Слышу голос его –
ого-го-го-ого-го... »

Вот наконец, и речка. Ищу переправу. Но переправы нигде нет. От речки до деревни Лентурья – рукой подать. Но почему не слышно лая собак в деревне?

И я решила переправиться через речку вплавь. Вступаю в холодную воду. Осторожно иду по песчаному дну и вдруг ощутила под ногой обрыв. Вздрогнула. Подалась назад. С минуту думаю: плыть или не плыть? И тут какая счастливая неожиданность: из-за мыса речки на лодке вынырнул запоздалый рыбак. В темноте сразу я не различила силуэта человека. От неожиданности вскрикнула, вообразив, что сбоку ко мне подплывает огромный бурый медведь. Рыбак тоже сначала вздрогнул, но тут же понял, что перед ним стоит человек, промокший до нитки, испуганно озирающийся по сторонам с ясно выраженной надеждой, чтобы ему помогли.

– Кто это? Кто? – с тревогой спросил рыбак.

Ухватившись за борт лодки, я выбралась на берег. И когда рыбак узнал, что за человек стоит перед ним, с сожалением сказал:

– Вот беда! Напрасно ты шла сюда, Матра Панкратьевна. В зимней Лентурье сейчас никого нет. Все выехали в летние юрты. Там и рыбачат, орехи да ягоды собирают.

– Как же мне быть?

– Как быть?.. Садись в лодку.

Ночь. Ветер. Волны. Но все это уже позади. На следующее утро, собрав своих учеников, я из летних Ленгурских юрт на лодке поплыла в Красный Яр, а оттуда с новым пополнением в Турпалы, из Турпал в Луговую. Колхозники на собрании в помощь мне выделили еще двух провожатых.

И вот мы снова в пути. Путь наш идет из Луговой в Карым. Мы идем через боры, преодолеваем топкие болота, прыгаем с кочки на кочку, перебираемся через маленькие речки и ручьи, а там, где особенно трудно и опасно, берем наших малышей-семилеток на руки или сажаем за плечи и переносим их на сухое место. Маленькими стайками порхают возле меня детишки. Звенят вокруг их радостные, тонкие голоса. Щебечут они, как птенчики. Радость моя! Счастье мое!

Седьмого сентября семнадцать первоклассников впервые переступили порог Карымской школы. Для них началась новая жизнь здесь, в той школе, где когда-то и я семилетней девочкой с бьющимся от волнения сердцем, с боязливыми, но полными любознательности глазами, не знавшая ни одного слова по-русски, сделала первый шаг к свету, знаниям и науке.

ПЕДУЧИЛИЩЕ

Как только сошла я в Самарово с парохода на пристань и вступила на берег могучего Иртыша с мутно-глинистой водой, вспомнила тропу, ведущую через гору в Ханты-Мансийск. Вспомнила годы моей жизни и учебы в Ханты-Мансийском педагогическом училище.

Юность моя, звучная, как тонкие льдинки на Малой Юконде в ранние осенние заморозки!..

Как сейчас, слышу посвист литовок – острых кос на лугу летним утром с серебрящимися на солнце слезинками холодной росы, перестук топоров в тайге, звонкую дробь каблуков на вечерах студенческих в педучилище, а в каникулы – шум деревенских свадеб, песни, веселье...

Как сейчас вижу зимы юности моей с искрящимися снежинками, мягкими и белыми, как песцовый пух, и будто вдыхаю я в себя неуловимые запахи снежных цветов на стеклах промерзших окон, тонкий аромат весенних подснежников, выбивающихся к свету, теплу из-под рыхло-пористого снега.

Город мой, Ханты-Мансийск! И ты тоже, словно подснежник, вырос в глухой дремучей тайге. И я счастлива, что не только видела, но и помогала тебе в твоем рождении...

Мою задумчивость прервал мужской голос:

– Граждане, кто тут Карымские?

– Мы! – послышался голос Сережи, который вместе с Риной сидел на берегу возле багажа.

– Да не вы мне нужны, а учительница...

Я подошла к мужчине, поздоровалась. Он оказался возчиком. Его прислала за мной директор педучилища Нина Андреевна Бельская.

– Вот и хорошо. А где ваши вещи?

– Вот они.

Да и какие там вещи? Весь наш багаж состоял из старинного бабушкиного сундука да старого, видавшего виды потрепанного мешка с картошкой.

Возчик быстро погрузил наш багаж на телегу, попутно прихватил вещи и других пассажиров, прибывших на работу в Ханты-Мансийск, и, сказав нам, чтобы мы не отставали, тронул лошадь.

И не по узкой тропе, как когда-то, а по широкой торной дороге подымаемся мы на гору, затем идем некоторое время вдоль дороги. И по бокам дороги теперь не лес глядит на нас, а новые дома глядят своими глазами-окнами из-за ажурных занавесок, да кивают нам яркими головками поблекшие цветы из палисадников и огородов, провожает нас неведомый нам, жителям тайги, скрип колодезных рычагов и звон ведер на железных цепях.

Лес отступил далеко от дороги. Вот и спуск с горы. По ее склону навстречу нам бегут новые дома так широко разросшегося за эти годы города Ханты-Мансийска. Новые деревянные дома одноэтажные и двухэтажные, с железными и кирпичными трубами. Из труб вьется сизый дымок, незаметно растворяющийся в синеве прозрачного осеннего неба.

И только там, вдали, где кончаются здания, виднеются редкий лес да широкая сверкающая лента Иртыша, вливавшего свои воды в великую сибирскую реку Обь. Какая ширь! Какая красота!..

Здравствуй, родной мой, самый красивый среди всех других городов, молодой, растущий деревянный город Ханты-Мансийск!

Здравствуй, юная столица моего таежного края!

Вот мы уже и в центре города. Идем по деревянным тротуарам. Сворачиваем на улицу Комсомольскую к общежитию учителей педучилища. И снова начинают тяготить меня сомнения: справлюсь ли я со своей новой работой? Ведь я не имею законченного высшего образования. У меня нет опыта работы в средней школе, да и знаний, как я чувствовала, у меня недостаточно. Поэтому очень неуверенно, с робко бьющимся сердцем переступила порог общежития, где для меня уже была приготовлена просторная светлая комната. Но когда увидела я приветливые лица встретивших меня людей – моих старших товарищей по работе, дружески настроенных ко мне, – сразу как-то легко стало на сердце; поняла я, что эти люди помогут мне, и все будет хорошо!

Мы быстро разобрали принесенные вещи, затопили печку, вскипятили чай, наскоро поужинали. После утомительной дальней дороги я спокойно легла в теплую постель и заснула крепким безмятежным сном.

На следующий день я пошла в педучилище.

Еще издали увидела я пышно разросшийся сад и подумала: неужели так разрослись те деревья, которые и я сажала пять лет назад, весной 1938 года перед окончанием учебы в педагогическом училище?.. Да, эти деревья за пять лет стали высокими, стройными, их кроны дотянулись до окон второго этажа, и отделены они были от тротуара остроконечным деревянным палисадником. Когда подошла я вплотную к родному мне зданию педагогического училища, с бьющимся от волнения сердцем я вошла в садик, села на скамейку возле танцевальной площадки с потемневшим от времени дощатым настилом. Села. Задумалась. И мысли перенесли меня в тот тихий июньский вечер, когда мы, выпускники педагогического училища, отмечали счастливейший из дней нашей жизни. Нас было двадцать человек, которые, как ласточки, выпорхнули из своего родного гнезда и разлетелись в разные стороны. С каким волнением получали мы в тот вечер дипломы! Сколько было хороших напутствий! С какими волнующими речами мы выступали сами! А после торжественной части мы с приглашенными гостями и нашими любимыми учителями вышли сюда, в этот наш садик, вынесли скамейки, вот на этой самой деревянной площадке танцевали под гармонь, играли и пели до самого утра. Тогда июньская ночь была светлой, лишь ненадолго зашло солнце, а потом снова стало светло, как днем.

Вспомнилось милое, светящееся тихой улыбкой лицо первого директора нашего педучилища Степана Филипповича Пестова и приветливое лицо его жены Анны Ильиничны, лучшей методистки базовой школы. Она руководила практикой будущих учителей и умело передавала нам опыт своего учительского мастерства. Где-то они теперь?

А какими интересными были уроки географии Степана Филипповича. Он научил нас практически пользоваться метеорологическими приборами, измерителями температуры и направления ветра. Мы научились пользоваться компасом и ходить по азимуту, узнавать направление по солнцу и звездам...

Игорь Петрович Игнатов преподавал нам педагогику. Он научил нас любить свое дело, увлекательно рассказывал о великих русских педагогах Ушинском, Каменском. Он улыбался нам всегда доброй, сердечной улыбкой, и его ласковый взгляд из-под светлых очков согревал наши сердца и наполнял их большой любовью к детям.

Словно наяву вижу я перед собой лица наших дорогих учителей. Они остались для нас примером на всю жизнь. Все это я особенно остро переживала, когда, поднявшись по лестнице на второй этаж, шла по коридору, направляясь в кабинет директора педагогического училища. Меня волновала мысль: достойна ли я быть учителем педагогического училища и сумею ли я, подобно моим учителям, посеять добрые семена в сердцах моих учеников?

Вот и кабинет директора. Вхожу. И не могу скрыть своей радости. Передо мной мои учителя: директор – Нина Андреевна Бельская и завуч – Мира Моисеевна Ханина. Те же самые мои родные учителя, только чуть постарели, но жизнерадостные, веселые, смотрят на меня так приветливо и душевно, что от волнения я чуть не заплакала.

Поделилась я с ними своими сомнениями, своими переживаниями. И когда говорили они со мной, то почувствовала я в словах этих добрых, душевных людей столько заботы и внимания, что стала верить в свои силы. А они обещали мне помочь во всем.

Мне поручили вести занятия по русскому языку и литературе на подготовительном отделении в шестых и седьмых классах и в педучилище – мансийский язык и методику родного языка.

Очень трудно было мне не только на первых порах, но и на протяжении всего учебного года.

Много готовилась к урокам, писала конспекты по каждому предмету в отдельности. По мансийскому языку в то время не было учебников для педучилищ. Приходилось пользоваться учебниками для начальных школ и самостоятельно разрабатывать вопросы грамматики родного языка.

Все мои планы, конспекты накануне проверялись моими товарищами и друзьями Ниной Андреевной и Мирой Моисеевной, и на уроки я шла уверенной в себе и твердо знающей материал.

Незаметно наступила зима. Холодная. Морозная. Бывало, поздно вечером возвращаюсь я из педучилища домой. Снег под ногами скрипит. Луна морошкового цвета тускло освещает мой путь. А в работе моей сколько волнующих минут!

И вся моя жизнь полна событиями, в которых столько светлого вдохновения, бурей налетающих мечтаний, и эти мечтания, ты, юность моя, одевала в цветные одежды и придумывала такое, отчего по ночам часто мне не спалось...

Каждый день вхожу в светлые, просторные аудитории. В этих же аудиториях я училась со своими сверстниками. Как сейчас, слышу их голоса. Вспоминаю, как пели и играли на гитаре Хина Пухленкина, Миша Казанцев, Коля Свешников, Гриша Бабкин, Мила Рогина, Хуланхова Лена. Как дружно мы жили тогда и с какой страстью боролись за переходящее Красное знамя курса. Мы ведь в течение трех лет не выпускали из своих рук этого Красного знамени, и в соревновании наш курс был всегда впереди, и по успеваемости, и по поведению, и по выполнению общественных поручений. Теперь, вот за этими же партами, сидят такие же, как и мы когда-то, любознательные юноши и девушки. А перед ними я – их учительница. На меня устремлены десятки глаз, темных, блестящих, как горячие угольки. Биение их сердец передавалось мне, и казалось, что и они в это время слышат биение моего сердца.

На уроках я старалась привить им любовь к своему родному языку и к языку нашего старшего брата – великого русского народа. Через родной язык раскрывала перед ними тяжелое прошлое мансийского народа, его радостную, хотя и суровую жизнь в наши дни, когда советский народ в ожесточенной борьбе отстаивал свободу и независимость своей Родины. Мы читали и пересказывали сказки о замечательном герое мансийского народа Эква-пыгрисе, и его образ, достойный подражания, воспитывал в моих учениках высокие моральные качества – любовь и беззаветную преданность народу, Родине.

В библиотеке педучилища, кроме сказок про Эква-пыгрися, была еще одна любимая всеми книжка – «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, переведенная на мансийский язык. Эту сказку мы читали по ролям, и у моих учеников появилось желание инсценировать ее. Более месяца мы готовили постановку сказки о рыбаке и рыбке в кружке художественной самодеятельности. А потом нас пригласили в Дом народов Севера, и мои ученики имели такой огромный успех, вызывали такую бурю аплодисментов в зрительном зале, что старику, старухе и золотой рыбке пришлось не раз еще выходить на сцену и повторять наиболее интересные эпизоды из сказки.

В зимние вечера я ежедневно посещала общежитие учащихся на улице Комсомольская, занималась с отстающими, следила за подготовкой уроков, организовывала коллективные читки художественной литературы на русском и мансийском языках. Сильное впечатление произвела на моих учеников книга Г. Байдукова «Через полюс в Америку», изданная на мансийском языке. Как сейчас вижу перед собой счастливые лица Ендыревой Фаи, Храмцовой Кеи, Гындыбиной Дуси, Енизарова Саши, которые с напряженным вниманием вслушивались в каждое слово этой прекрасной книги, повествующей о героическом подвиге советских летчиков Чкалова, Байдукова и Белякова. Потом мне не раз приходилось слышать, с каким восхищением они рассказывали своим товарищам об ответе Валерия Павловича Чкалова одному американскому дельцу:

– Вы богаты, мистер Чкалов?

– Да, очень богат.

– В чем выражается ваше богатство?

– У меня 170 миллионов.

– 170... чего – рублей или долларов?

– Нет. 170 миллионов человек, которые работают на меня так же, как я работаю на них.

Выделяла время и на общественную работу среди населения. На «десятидворках» – в одном из прикрепленных ко мне десяти домов – собирались местные жители, я читала им газеты, рассказывала о событиях на фронте, в стране, за рубежом.

В тяжелые годы Отечественной войны жизнь в педагогическом училище текла строго размеренно, она была содержательной, интересной и яркой.

Коллектив учителей и коллектив учащихся составляли одну дружную семью, и в этой семье каждый знал свое место и находил свое призвание.

Радостно было смотреть на наших учеников: манси, ханты, коми и русских – жизнерадостных девушек и юношей, которые, как молодые побеги под лучами весеннего солнца, тянулись вверх к знаниям, к культуре и к облагораживающему их труду.

С глубокой любовью они относились к урокам пения и музыки. Ведь на этих уроках они впервые за многовековую историю жизни народностей Севера овладевали нотной грамотой, и не на слух, а по нотам не только пели и воспроизводили на различных музыкальных инструментах мотивы своих национальных песен, но также исполняли и произведения великих композиторов Чайковского, Бетховена, Штрауса.

Музыкальный кабинет педучилища имел пианино, оркестровые скрипки, мандолины, домбры, балалайки, баян, гармоники и несколько национальных музыкальных инструментов: тумран, гусь, санквальтап. Гордостью училища были два оркестра: домброво-балалаечный и духовой. И в дни торжественных праздников, и на вечерах художественной самодеятельности, и на демонстрациях звучала чудесная музыка, какой никогда не слышали наши деды, отцы и матери. А мой ученик Роман Секов искусно играл на санквальтапе с тремя струнами из тонких оленьих жил, и под его музыку мансийские девушки Дуся Гындыбина, Катя, Соня и Лена Вингелевы танцевали мансийский танец «Сбор черемухи» и пели мансийские лирические песни. С особым волнением в сердце слушала я песню о Ленине в исполнении сводного хора манси, ханты, коми и русских под аккомпанемент домбробалалаечного оркестра. Как же мне было не волноваться! «Песня о Ленине» – мое первое литературное произведение на мансийском языке. Эту песню теперь поют не только на сцене, но и в далеких мансийских юртах по Сосьве и Конде, и моя песня стала достоянием музыкальной культуры моего родного народа:

Он прогнал нищету и невзгоды
Из наших мансийских селений.
Нашим детям просторные школы
Он построил, дедушка Ленин.

Большой любовью в педучилище пользовался спорт. В педучилище работали различные спортивные секции: лыжная, гимнастическая, легкоатлетическая, шахматная, стрелковая. В городских и окружных спортивных соревнованиях спортсмены педагогического училища часто занимали первое место.

Я страстно любила лыжи. И вечерами, после занятий, или в выходные дни вместе с учащимися совершала лыжные вылазки. Мы уезжали на лыжах в лес, катались с гор. Обозревали живописные окрестности Ханты-Мансийска. Бывало, как только войдешь в лес, сразу встречают тебя одетые в белые кружева деревья. Тысячами алмазов сверкает снежный покров на елях, соснах и лиственницах. В воздухе искрятся ледяные пылинки. И вдыхаешь в себя с каким-то особым упоением чистый холодный воздух северной тайги.

В зимние каникулы мы организовывали лыжные походы по окрестным деревням, пробегали на лыжах по триста и более километров, выступали перед колхозниками с докладами и концертами художественной самодеятельности.

Быстро и незаметно летело время. Словно белокрылые озерные чайки, промелькнули передо мной две весны и две осени, когда я провожала отлетающих на юг и встречала возвращающихся с юга на север перелетных птиц моего родного края – уток, гусей, лебедей.

Весна и осень. Эти времена года в жизни педагогического училища казались мне особенно близкими, особенно дорогими моему сердцу. Весной и осенью природа щедро раскрывает перед человеком свои богатства и говорит ему: «Бери их!». Но чтобы их взять, нужно много работать. И мы работали. Работали не покладая рук. Работали на опытном сельскохозяйственном участке и в подсобном хозяйстве педагогического училища, на полях колхоза им. Чкалова в с. Перековка. Мы шефствовали над этим колхозом и помогали ему сеять и убирать урожай.

Под руководством учителей биологии Анны Семеновны Никишиной и Ларисы Андреевны Величко учащиеся педучилища весной 1943 года разбили фруктовый сад. Посадили первые 25 вишен, несколько яблонь, кусты малины, крыжовника. Каждое деревце, каждый кустик имел своего шефа, который после окончания училища передавал своего «воспитанника» – деревце или кустик – ученику младших классов.

С каждым годом разрастался наш фруктовый сад. Каким красивым было его весеннее цветение. Сколько счастья нам поставили первые плоды, собранные осенью с его ветвей. Мы с гордостью смотрели на наш сад. Ведь в то время фруктовый сад педагогического училища был одним из самых северных садов Тюменской области.

На опытном сельскохозяйственном участке сажали картофель, капусту, помидоры, корнеплоды, сеяли овес, подсолнухи. Подготовку к работе на участке начали после зимних каникул. Подвозили навоз, золу, минеральные удобрения, в мастерских изготовляли ящики для рассады, торфо-перегнойные горшочки. Проверяли семена на всхожесть. Весной после занятий учащиеся, организованные в звенья и

бригады, с веселыми песнями отправлялись на работу в свой огород или на подсобное хозяйство, а осенью любовно собирали плоды своих трудов.

В столовой педагогического училища на всю зиму хватало овощей, выращенных руками учащихся и учителей нашего дружного, трудолюбивого коллектива.

На берегу Иртыша в предутреннем тумане вспыхивали огоньки костров. Возле костров собирались на рыбный промысел рыболовецкие бригады нашего педагогического училища. Промысел рыбы начинали перед восходом солнца. И часто случалось так, что уже на завтрак в столовой нам подавали свежую рыбу. Что может быть вкуснее ухи с золотисто-янтарным наваром, приготовленной из трепещущих окуней, чебаков и ершей?! А рыбный пирог с запеченным в нем жирным язем и хрустящими на зубах сочными корочками?! А нельма или осетр!.. (когда улов оказывается наиболее удачным) – все это делало меню столовой разнообразным и вызывало в нас чувство горячей благодарности к рыбакам нашего коллектива, которые часто недосыпали, мокли в воде под холодным осенним ветром для того, чтобы все мы были сыты и здоровы.

Шли дни, месяцы, годы...

С каждым днем жить становилось все радостнее и веселее. Все ждали великого дня победы. И этот день наконец пришел. Мы узнали о нем утром 8 мая.

А 9 мая Ханты-Мансийск торжественно отметил День Победы всенародной демонстрацией.

День 9 мая выдался яркий, солнечный. На площади колыхались красные знамена. Гремела музыка духовых оркестров. Я шла в колонне педагогического училища. И казалось мне, что я переживаю свое второе рождение. Нет слов, которыми можно было бы выразить нахлынувшие на меня чувства радости, счастья и всколыхнувшейся в моем сердце горячей любви к людям, окружавшим меня, – к тем людям, с которыми два года я жила и работала, работала, не жалея сил, и все для того, чтобы скорее наступил долгожданный день нашей победы.

В декабре 1945 года наш Ханты-Мансийский национальный округ праздновал пятнадцатилетний юбилей своего рождения.

Незабываемым на всю жизнь остался для меня день 15 декабря. В этот день я вместе с моими товарищами по работе радостной и счастливой возвращалась из здания окрисполкома. Нас наградили медалями «За доблестный труд в Великую Отечественную войну».

А осенью 1946 года осуществилась моя давняя мечта. Я получила путевку в Ленинградский государственный университет и, окрыленная светлыми надеждами, поехала в город Ленина продолжать образование.

ПУТЬ В БОЛЬШУЮ ЖИЗНЬ

Город сказки. Город мечты. Город-герой.

Снова вижу тебя!

Ты не успел еще оправиться после тяжелых лет войны. То здесь, то там твои здания стоят некрашеные, с обвалившейся штукатуркой. В некоторых местах окна забиты фанерой, и видны на стенах пробоины и глубокие царапины от осколков бомб и снарядов.

Вперегонки с ветром мчусь я на автобусе по твоим прямым, просторным, светлым, но чуть-чуть унылым улицам.

Вот и Васильевский остров: Нева, Дворцовый мост, Университетская набережная и совсем рядом, немного влево – здание Ленинградского университета, а в нем – Северное отделение. Мой новый дом. Моя новая жизнь.

В окружении старых друзей–инсовцев я вхожу в студенческое общежитие.

Через высокие окна широким потоком вливается в комнаты осеннее солнце. На улице холодно, но снега все еще нет. Дрожат и трепещут в солнечных лучах пылинки. За окнами – глубокая осень...

По вечерам, когда со взморья дует западный ветер, я прислушиваюсь к плеску волн и мне чудится, что они говорят о чем-то между собой. Не о моей ли судьбе говорят? Или о судьбе моих сверстников-северян и северянок?

О, если б я могла понять язык ваш, волны родной моей Невы?! Я б обняла вас и сказала, как хорошо жить всем народам на советской земле!

Свежий невский ветерок, как любящая мать, ласково треплет мои волосы, гладит и голубит их, и кажется мне, что Нева улыбается и нежно обнимает меня своим дуновением, и снова я дома, а вокруг – родные и близкие люди.

Я любуюсь огнями ночного Ленинграда. В их дивном сиянии, при мягком свете прожекторов, Зимний Дворец, Адмиралтейство, Петропавловская крепость и весь ансамбль строений с прямыми и зубчатыми стенами, с лепными фигурами на крышах выглядят величественным монументом, будто бы высеченным одними руками из одного материала.

А Дворцовая площадь!

И до этого много-много раз проходила я по ней, с чувством глубокого волнения ступала на ее камни. Это было до войны в дни революционных праздников и народных гуляний. Но теперь, после всего пережитого мною за минувшие годы, именно здесь я испытываю неведомое для меня раньше чувство внутреннего самосознания, и сердце мое наполняется гордостью за великий советский народ: ведь только он своей самоотверженной борьбой, своим героическим трудом спас культуру прошлого, отстоял настоящее и дал жизнь будущим поколениям.

Мне предстояло закончить три курса университета, чтоб завершить высшее образование по филологической специальности. Еще три года учебы в трудное послевоенное время.

Днем мы слушаем лекции, а на ночь отправляемся на товарные станции выгружать картофель. В летние каникулы трудимся на строительстве – восстанавливаем разрушенные дома, работаем в библиотеках, выезжаем в колхозы на сооружение районных гидроэлектростанций.

С далекой таежной Юконды я принесла на берега красавицы-Невы звучную мансийскую речь и горячую любовь к своему родному языку, зародившуюся в моем сердце с детских лет, когда я лежала с бабушкой на оленьих шкурах и засыпала, очарованная ее песнями и сказками. Ты же, Нева, – самая мудрая среди рек, текущих по необозримым просторам Родины, совершила благородный подвиг, сделав мое сердце крепким, как твои гранитные берега, а ум мой зрелым, как спелые ягоды черной смородины на берегу моей дорогой Юконды.

Я страстно тянулась к знаниям, и Ленинградский университет широко открыл передо мной путь в науку.

Моими учителями были большие ученые – люди с глубоким умом и добрым русским сердцем – профессора Вера Ивановна Цинциус и Владимир Дмитриевич Бубрих.

Это они возбудили во мне интерес к науке, помогли поднять из недр родного языка самоцветы народной речи, – и тогда по-иному стала я осознавать переливчатое звучание слов, разнообразие их грамматических форм, богатство значений, сплетающихся и расходящихся между собой, словно веточки на вечно зеленеющей лиственнице. А когда мне становилось трудно, они протягивали дружескую руку и уверенно вели меня вперед.

Это они, как садовники, любовно взрастили из молодых побегов цветущий сад – целое поколение современных ученых по угро-финским, тунгусо-маньчжурским и палеоазиатским языкам.

Я счастлива, что моими учителями были эти славные люди.

Конец июня 1949 года. Белые ленинградские ночи. Выпускной вечер. Я сдала государственные экзамены. Защитила дипломную работу по грамматике родного языка и получила диплом. Вторая весна в моей жизни. Весна моей зрелости. В руках у меня – направление на работу в Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена.

Когда я пишу эти строки, от того времени меня отделяют двенадцать лет жизни. Двенадцать лет упорного труда и учебы.

А что со мной произошло за эти годы?

Если бы о жизни своей я рассказала бабушке, матери и отцу, – для них все это было бы сказкой, несбыточной мечтой. Видеть меня фельдшерицей или учительницей был предел их понимания человеческого счастья. Не могли они допустить мысли, что их маленькая дочка так далеко улетит из своего родного гнездышка, с берегов Юконды к берегам Невы, и войдет в большую жизнь, в светлый мир науки; что на тридцатом году жизни окончит университет, станет ассистентом высшего педагогического учебного заведения, а затем старшим преподавателем кафедры языков народов Севера и аспиранткой, пишущей диссертацию о сложных словах кондинского диалекта мансийского языка.

Да и самой мне иногда многое в моей жизни кажется чудесным сном.

Не могу я скрыть ни от людей, ни от самой себя волнения, когда в моих руках оказывается книга «Мансийский язык» – учебник родного языка для педагогических училищ и вузов или «Мансийско-русский словарь» с лексическими параллелями из кондинского диалекта мансийского языка. По этим книгам изучают мой родной мансийский язык учащиеся Ханты-Мансийского педагогического училища, студенты и учителя, партийные и советские работники на местах. Эти книги известны за границей – в Венгрии, в Финляндии, в Германской Демократической Республике, о них написаны рецензии и отзывы

видными специалистами по угро-финским языкам. А ведь в создание этих книг вложена большая доля и моего труда.

О себе ли только пишу я это? Нет, не только о себе. Я пишу о людях северной земли моего поколения. Пишу о всех тех, которые, как и я, в свое время учились в педагогических училищах или Институте народов Севера, а вместе с ними пишу и о своих учениках, об общей нашей судьбе, о счастье нашем.

Не одна я, а десятки и сотни подобных мне людей, представляющих разные языки и наречия нашего Севера, трудятся в научно-исследовательских институтах, в педагогических училищах, в средних и начальных школах, в художественных студиях, в консерваториях, театрах, занимают руководящие посты в партийных и советских органах. Эвенк Василий Увачан стал профессором, ханты Николай Терешкин и нанай Сулунгу Оненко – научными сотрудниками Института языкознания Академии Наук, Иван Истомин – известным ненецким писателем, нанай Коло Бельды – талантливым артистом, саха Григорий Попов – председателем исполкома Таймырского национального округа.

А мои ученики! Те, которые когда-то учились у меня в педагогическом училище, теперь сидят в институтских аудиториях н слушают мои лекции по фонетике, морфологии, синтаксису, лексикологии и диалектологии мансийского языка. Они повторяют путь, пройденный мною. И я делаю все, что в моих силах для того, чтобы они пошли дальше меня и превзошли свою учительницу. А те, которые уже окончили педагогический институт или годичные курсы повышения квалификации учителей северных школ, Фая Ендырева, Нина Яркина, Оля Хатанзеева, Петя Кимлобозов, Наташа Вынгилева, Коля Садомин, Анастасия Сайнахова, Валентин Тандалов, Виктор Илькин, Октябрина Вахрушева и многие другие мои ученики, сейчас работают в школах Конды, Сосьвы, Оби и в Ханты-Мансийском педагогическом училище. Я записываю для них на магнитофон уроки мансийского языка, напеваю на пленку свои новые песни, и мой родной мансийский язык звучит в эфире, передаваемый радиостанцией Ханты-Мансийска.

Но еще большая радость закипает в моем сердце, когда вижу я, что выросла молодая поросль поэтов и прозаиков из народов Обского Севера. И среди них – одаренные поэты и писатели: манси Юван Шесталов, ханты Микуль Шульгин, Прокопий Салтыков и Роман Ругин, ненцы Леонид Лапцуй и Иван Юганпелик.

Каждый год в начале апреля в одной из аудиторий института раздается звук школьного звонка. Это «последний звонок» для выпускников-пятикурсников, зовущий их на торжественную встречу, «Последний звонок» является встречей и расставанием беспокойных друзей-студентов друг с другом и с любимыми педагогами. Волнующе звучит музыка школьного вальса. Эта музыка у всех присутствующих рождает воспоминания о детских и юношеских годах, о годах, проведенных в стенах института, о счастливой студенческой жизни: она вызывает чувство радости и чувства грусти и печали, больших и светлых надежд. А я, их учительница, растроганная, говорю: «Счастливого вам пути. Поезжайте в самые отдаленные уголки нашей Родины. Смело прокладывайте дороги всему передовому, новому, несите людям свет знаний, помогайте им овладевать богатством духовной культуры. Везде и всюду будьте желанными гостями, агитаторами и пропагандистами великих идей коммунизма. Обзаводитесь семьями, стройте свою жизнь крепко, надежно. Учитесь сами и учите других жить по-коммунистически».

ВЕСНА ШАГАЕТ ПО МОЕЙ СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

Весна шагает по моей северной земле. Весна обновленной жизни. Весна человеческого счастья. Весна коммунизма.

Предания и сказки моего народа донесли до наших дней мечту о счастье.

Но это счастье было призрачным, подобно лесным светлячкам, излучавшим свет только в весенние ночи и гаснувшим с наступлением утра. Весенних светлячков старые манси считали упавшими с неба звездочками счастья. Обрести же счастье мог только тот человек, которому удалось бы найти не гаснущий по утрам светлячок.

И вот однажды моя мама в дни своей юности увидела на берегу таежной речки светящиеся звездочки, с трепетом в сердце собрала семь звездочек, завязала их в уголке головного платка и, не смыкая глаз, стала ждать рассвета. И когда перед восходом солнца она развязала платок, ее охватил ужас. Она увидела, что звездочки счастья вдруг превратились в червячков с желтыми пупырышками на животе. И решила тогда моя мама, что раз погасли ее небесные звездочки, значит, счастья ей в жизни не будет.

Да, так, пожалуй, и было бы, что не только моя мама, но и я, и современная молодежь, и весь мансийский народ не нашел бы в жизни своего счастья, если бы не пришла к нам на Север Советская власть, если бы идеи Ленина не были претворены в жизнь под руководством Коммунистической партии.

Радостно писать о том, что жизнь развенчала старые поверья и что моя мама, в прошлом темный и забитый человек, увидела частицу настоящего счастья. Случилось это тогда, когда наша семья вступила в колхоз, а мама стала посещать ликбез, научилась расписываться и читать печатный текст. Работала она в колхозе пекарем. Была ударницей труда. Вырастила шестерых детей. Всем им дала образование. И поняла она, что и для нее настал век счастья и радости на земле.

Над моей северной землей, над берегами таежной Юконды теперь еще ярче стало светить Солнце Счастья, зажженное Великой Октябрьской революцией и разгоревшееся с еще большей силой в послевоенные годы и особенно после XXII партийного съезда, который утвердил новую Программу Коммунистической партии Советского Союза.

Куда бы ни бросила я свой взгляд в своем родном Кондинском крае, всюду вижу огромные преобразования, вижу новую жизнь, вижу светлые лица людей, лучше, чем слова, рассказывающие о счастье моего народа.

Там, где когда-то в таежной глуши, по берегам речек и озер, на окруженных со всех сторон водой островках ютились одинокие юрты и маленькие дымные паулы рыбаков и охотников, теперь выросли новые поселки объединенных колхозов, совхозов и лесопромышленных предприятий со школами, клубами, больницами, магазинами, столовыми, банями и электростанциями, с радио- и телефонной связью, с улицами, вытянувшимися на километр и более, со множеством одноэтажных и двухэтажных жилых домов, с населением, исчисляющимся сотнями и тысячами человек. И географическая карта красавицы Концы обогатилась наименованиями новых поселков-городков: Луговая, Половинка, Урай, Назарово, Три-Конды, Ново-Кондинск. А старые Нахрачи стали называться Кондинском.

На месте мелких разъединенных колхозов со слабой экономической основой рыболовного и охотничьего промыслов, сбором орехов и ягод организовались мощные колхозы совхозы. И они успешно развивают новые отрасли сельскохозяйственного производства – животноводство, клеточное звероводство, а в южных районах выращивают зерновые культуры: рожь, пшеницу и кукурузу.

Раньше рыбак и охотник только брал от природы ее богатства и ничего не возвращал ей взамен. Теперь же колхозы и совхозы сами занимаются разведением пушных зверей: черно-бурых и серебристых лисиц, голубых песцов, а естественные запасы диких пушных зверей ежегодно пополняются ондатрой, норкой и высокосортным баргузинским соболем.

Раньше манси почти не потребляли овощей, молока, животных жиров, часто болели цингой. Теперь колхозы и совхозы в изобилии производят все эти продукты, обеспечивают ими не только себя, но и население северных районов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов.

Веками дремавшая тайга родного края наполнилась новыми звуками: свистом электропил, гулом моторов, гудками паровозов на узкоколейных железных дорогах, шумом и скрежетом тракторов, подъемных кранов, бульдозеров и экскаваторов.

Могучую технику дала Родина моему народу, и он повел ее в наступление на тайгу.

И тайга, отступая перед человеком, бросает к его ногам миллионы кубометров первосортной древесины, плывущей по темноводной Конде, на великие стройки коммунизма.

А когда к устью р. Аха ляжет железнодорожная магистраль Тавда-Сотники, сооружение которой в ближайшее время будет закончено, тогда промышленное освоение лесных богатств Кандинского края приобретет еще больший размах, и Конда в недалеком будущем станет одним из крупнейших центров лесозаготовительной и лесообрабатывающей промышленности в Северо-Западной Сибири. А как сократятся расстояния, отделяющие мой родной Кондинский край от промышленных и культурных центров страны! Мощные тепловозы по стальным рельсам помчат тысячи людей к Свердловску, а оттуда в любую точку моей необъятной Родины.

Открытиями величайшего значения для расцвета экономики Кондинского края ознаменовались годы послевоенных пятилеток. В недрах девственной тайги найдены громадные нефтегазоносные площади – тысячелетиями хранившие молчание подземные кладовые с неисчислимым запасом нефти и газа.

В верховьях Конды – в Шаиме и Мулымье – вздымаются вверх буровые вышки, а газ и нефть, как загнанный в клетку зверь, рвется в скважины. И недалеко то время, когда по запаянным трубопроводам на тысячи километров потечет нефть и газ моей северной земли, чтобы, подобно свежей крови, влить новые силы в тело Родины, чтобы дать больше пищи, света, тепла и одежды советским людям, строящим великое здание Коммунизма.

Как белокрылые лебеди плывут красавцы-теплоходы по Оби, Иртышу, Конде и Сосьве; стремительно обгоняют их сверхскоростные надводные «ракеты», словно Оперенные стрелы, несущиеся к устью Оби и обратно; быстроходные речные трамваи и катера бороздят мелководные речки и озера, по которым

когда-то манси плавали только на лодках, растрачивая силы свои и время на преодоление встречного течения и бурно ревущих завалов... А в небе! Быстрее острокрылых ястребов летают «крылатые лодки» – самолеты, стрекочущие вертолеты – новые птицы моего родного края, и их голоса слились с напевом родных мансийских песен и вошли в жизнь моего народа, как мечта сказки о свершившемся счастье.

Как время в своем полете не имеет границ, так же безгранична и мечта человека в его стремлении к счастью. И в этом бесконечном движении к счастью мой маленький мансийский народ видит свой завтрашний день не только на земле, но и за ее пределами, в мире звезд и небесных планет. И он, как любящий сын своей матери-Родины, с восхищением устремляет свой взор в небо, в космические дали с немеркнущими звездочками счастья, запущенными с Земли руками советских людей. И как все люди доброй воли, он рукоплещет нашим героям космоса – звездным братьям: Юрию Гагарину, Герману Титову, Андриану Николаеву и Павлу Поповичу, которые открыли новый век в жизни человечества – век космических полетов. И не один, а много, очень много мансийских юношей и девушек вынашивают в своих сердцах мечту полететь еще дальше – к Луне, Марсу, Венере, зажечь в космических далях новые звездочки коммунизма и прославить свою Родину выдающимися подвигами первооткрывателей неизведанных таинственных миров.

В языке моего народа слово «мир» имеет значение «народ».

Какое замечательное совпадение!

Сам народ называет себя тем словом, которое является самым дорогим, самым близким, самым волнующим для всех честных людей земли, которые страстно любят мир и глубоко ненавидят войну.

Мир на земле – это счастье для всех людей, для всех народов и самое большое счастье для моего маленького мансийского народа, который в прошлом испытывал на себе невыносимый гнет царизма и теперь ясно осознал, какой величайший подвиг совершили Ленин, Коммунистическая партия, снявшие с его ног оковы колониального и капиталистического гнета.

Вот почему слово «мир» так дорого каждому манси. Вот почему мой мансийский народ так предан миру и высоко подымает голос протеста против поджигателей новой мировой войны, против империализма и колониализма. Вот почему мы все свои силы отдаем благородному делу – торжеству мира над силами войны, торжеству коммунизма.

И, выражая непоколебимую волю мансийского народа к миру, я, как и мой народ, верю в светлое будущее человечества и заявляю в один голос с поэтами моего родного края:

«Чтоб от атомных взрывов земле не гореть,
Чтобы не было в мире другой Хиросимы,
Поджигателям скажем сурово: «Не сметь!»
Мы в стремлении к миру неодолимы».

(Ю. Соловьев. «Наш голос»)

Тысячи километров отделяют меня от берегов бурно текущей Юконды, где провела я годы своего детства и юности. Но невидимые нити крепко связывают меня с моим родным мансийским народом.

Эти нити идут от моего сердца к сердцам моих дорогих учеников и дальше – к сердцам маленьких мансийцев, которых учат и воспитывают мои бывшие ученики.

Я счастлива, когда мой голос воодушевляет их на радостный труд, и они беззаветно отдают свои силы на воспитание достойной смены строителей коммунистического общества.

Пристально смотрю я на восток и вижу, как берега моей дорогой Юконды озаряют золотые зарницы – золотые зарницы коммунизма.

Пусть эти зарницы разгораются все ярче и ярче. Мы теперь хозяева своей судьбы, сами своими руками строим ее.

(1949)

ВЫНГИЛЕВА НИНА ПЕТРОВНА

Вынгилева Нина Петровна (1974–2013 гг.) родилась в д. Верхне-Нильдино Березовского района. Училась и школе-интернате п. Сосьва. Окончила Институт народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена в 1997 году. Работала научным сотрудником в Музее под открытым небом «Тӧрум мӑ».

ИСЬПАН-ӦЙКА ӐГИ ЛӐВУМ ЛӐТЫӈ

Исьпан ӧйка ӑги-ӑгикве,
Мӑньси номткве тавӗн ӛрикве,
Лӑтӈе сяр ат ёрувлытэ,
Нэпакн хансым ӛл-тотытэ.
Ӭтил, посыӈ мӑньси нэкве,
Яныг ӯсыт ӧлантыкве,
Хосат тӑгыл таве вӑглум,
Ӧлнэ-миннэ лӗӈхе койи лӑглыл.
Оксинья оматэ мӑсьтыр ӧлыс,
Мӑн музеювн ёхталӑлыс,
Сӑвсыр пормас вӑруӈкв хӑсыс,
Мӑньлат мир тав ханисьтӑлыс.
Ӛква номтэ ёмас ӧлыс,
Потре, лӑтӈе сохтыг овтыс,
Пӗс йис вӑрмаль тав та вӑс,
Сӑвсыр ӛрнэ потыр потыртас.
Хотитн мӑн ань ханисьтавэв?
Пӧри лӑтыӈ ул вос лӑвёв:
Халувт роттыг, сӧймыг вос ӧлэв-а,
Тӧпал мӑхум ат хӯнтлэв-а.
Тӧпал мӑхум хотыл нэглы?
Тӑн сяр охсар хурип лӑгыл,
Хӑйтнэ лӧхрисяныл
хосувлыяныл,
Тӧпал вӑрмаляныл
тӯйтыгпияныл.
Хӧтпа хӑсэгыт портуптаӈкве,
Сисгим вёрмёгыт
рӧӈхантаӈкве,
Сяр туп оссам нӛврамрисит
Полсит вӑрим хӑйтантырисит.
Тӑн ураныл яныг мӑхум
Лӑвыгласыт тамле лӑтыӈ:
«Ты кӯнярисит номтаныл вӑти,
Тайимӑгыс сисгёгыт-хӑйтэгыт хӧт-ӑти,
Тӑн номтаныл – полсиг овтэгыт,
Тӑн потраныл – пӧри минэгыт.

Тамле мāхум ӣлнув ӯрен-а,
Тāн ляпаныл ул ёмыгтэна.
Тамле тōпал ӣлумхōласыт
Сāвнув мирув портуптасыт,
Пāвыл ёр ут хольт хāйтантэгыт,
Ōлнэ лылыт сакватэгыт…
Ӣрыг тотнэ пыганува,
Ӣрыг тотнэ āгиянув-а,
Нāнан наскāссыг хунь
нёвитасанув-а,
Наскāссыг хунь янмалтасанув-а.
Ōлум-минам вāрмаляквет,
Хосат хультсыт йис пораквет,
Тāк номтыӈ нявramаквет
Ӣлаль кинсэгыт ōлнэ накыт…»
Тамле посыӈ, ёмас лāтӈыт,
Яныг мāхум койнэ потрыт,
Нотум палыт хӯлыглэгум,
Мӯтраӈ хōтпа хунь хōнтэгум…

(Январь 12 хōталт 2013 тāлт)

ДОЧЕРЬЮ СТЕПАНА-МУЖЧИНЫ СКАЗАННОЕ СЛОВО

Степана-мужчины доченька, дочь,
Мансийские мысли ей очень нужны,
Язык родной она никогда не забудет,
Записывая его, для будущих дней вдаль несет.
Милая, светлая мансийская женщина,
В большом городе она живет,
Долгое время ее я знаю,
Свой жизненный путь она сама творит.
Оксинья, ее мама, мастерицей была,
В наш музей иногда приходила,
Много различных вещей она умело сшила,
Молодых людей обучала мастерству.
Мысли женщины светлыми были,
Её разговоры, слова прямо ложились,
О прошлых традициях она все знала,
Нужные разговоры она находила,
Кто теперь нас будет наставлять?
Чтобы мы на чужие слова против не отвечали
Между собой спокойными, скромными чтоб были,
Непорядочных людей чтоб не слушали.
Откуда берутся непорядочные люди?
Они, подобно лисицам,
тут и там снуют,
Хвостами машут,
Свои лисьи дела
заметают, прячут.
Могут любого человека оговорить,
Упрашивая, могут на крик переходить.
Только самые глупые дети
Могут так поступать.

О них наши старшие люди
Такие слова говорили:
«У этих бедняжек ум короткий,
Поэтому они плачут-кричат где попало,
Мысли их – сплетнями заполнены,
Слова их – поперек идут.
От таких людей подальше держитесь,
Рядом с ними не находитесь.
Такие непорядочные люди
Приносят много вреда,
Они, подобно привидениям заброшенных селений,
Людские судьбы ломают…
Песню вдаль несущие сыновья,
Песню вдаль несущие дочери,
Мы вас не для них в детстве
качали-баюкали,
Не для плохих людей вас растили.
То, что уже было в жизни,
Все останется в прошлом,
Вы, дети, с умными мыслями,
В будущем найдете хорошую жизнь…»
Такие светлые, хорошие слова
Завещали нам наши старшие люди.
В течение жизни часто слышу такие слова,
Когда на пути встречаю мудрого человека…

(12.01.2013)

(Перевод С. Динисламовой)

***

Тыхōтал āлпыл сāйкаласум,
Яныг ōйка ӯлмыт ӯлмаяслум.
Ёмыгтым номсахтасум,
Манрыг тав āнумн суссылтахтас?
Тувыл номтын ёхтувēсум,
Тамле мутраӈ хōтпа
Наскāссыг хунь ӯлм вāри.
Улпыл, тотум лāтӈе,
Номсам номтанэ
Ӭлаль тотуӈкве касилтыянэ.
Āлпыл сэрипос сāйкалāлыс-а,
Āлпыл сэрипос постыглāлыс-а,
Юван-аким āнумн лāвыс:
«Апгум нōх та квāлапāлыс!
Сōрни-нāйквем сāйкалыс-а,
Номтум-лāтӈум хӯлыглас-а.
Ӭтил тыныӈ māньси māхум,
Лāтӈум суйты ӭтил мākēмт.
Тыныӈ сӭнюм пинум лāтыӈ
Сяр туп омам сяквит, атыӈ,
Пāхвыӈ ӭ хольт овтантыкве,
Рēтыӈ вōт хольт миргантыкве.
Пӯмасипа посыӈ хōталн,
Лылы тотнэ Нāйн-Ōтырн

Мāньси мирув ӯргалаве,
Ӗлаль мирквёв ōлтыглаве.
Ӗлаль миннэ мāньлат мирын
Яныг мāхум лāвум сирыл,
Лāтӈув хот ат ёрувлаве,
Номтанув ат тыпылтавет.
Āгиянувын ос пыганувын
Кāсыӈ тāлыт, кāсыӈ тувыт
Йис потранув ӗлаль тотавет,
Йис ӗрганув нёвитавет.
Ӗлаль миннэ нӑвраманув,
Ӗлаль суснэ султумрисянув
Ёрнув номтыл вос пинавет,
Посыӈ хōталыл вос кётавет».

Сегодня утром проснулась,
Пожилого человека во сне видела.
Хожу и думаю,
Почему он мне приснился?
Затем мысль ко мне пришла,
Такой мудрый человек
Не понапрасну мне приснился.
Наверное, он своё сказанное слово,
Свои мысли
Кому-то передать просит.
Утром, когда проснулась утренняя заря,
Утром, когда осветила землю утренняя заря,
Дядя Юван мне сказал:
«Племянница моя уже проснулась!
Золотая богиня моя уже пробудилась.
Мысли-слова мои услышала.
Милый дорогой мансийский народ,
Мои слова звучат на милой земле.
Дорогой матерью сказанное мне слово,
Сладкое, как материнское молоко,
Подобно широкой реке оно течет,
Подобно ветру оно колышется.
Спасибо тебе, светлый день,
Жизнь дающие духи-покровители
Свой мансийский народ оберегают,
Род мансийский продолжают.
Вдаль идущие молодые люди,
Помня слова людей старшего поколения,
Язык свой не забудут,
Мысли свои не растеряют.
Дочерьми нашими и сыновьями,
Зимами и летами, годами,
Легенды дальше рассказываются,
Песни дальше поются.
Вдаль идущие наши дети,
Вдаль смотрящие наши искорки,
Крепким умом пусть будут наделены,
Светлые дни пусть будут им ниспосланы».

(*Перевод С. Динисламовой*)

***

Ӣтил увсим ёхтыглӑлыс,
Ӣтил мӑкем сумыллӑлыс,
Пӑвлум ӯрнэ яныг ӭква,
Ӧлнэ колум хӧнтыглӑлыс.
Яныг хӧтпа нумыл тыламлас,
Товлыӈ ӯй хольт макем мувылтас.
Яныг Ӑквыӈ-Акиӈ пӑвлыл
Няӈра номт тыг тотыгпӑлыс:
Хосат тӑгыл кинсантавем,
Ловман тӑлкем нэгылттавем
Яныг Колыӈ Яныг Мӑхмын
Пӑвлум котильт ӯргалавем.
Яныг мӑхум лӑвум лӑтӈыт
Такем няӈрат, такем тӑкыт,
Мӑкӗвт витыт овтнэ хольт
Пуӈкын сялтым кӣвырт ӧлэгыт.
Тыныӈ мӑкемт ӧлнэ
Ӣтил пӑвылкем,
Наӈ урынтыл
Кӑсыӈ хӧтал номсахтэгум.
Сымум такем таӈхи
Яныгмам мӑмн ялуӈкве,
Номтум такос вораты
Пӑвылканум хосыт
Лӑглагумтыл вос ёмыгтанувум,
Хӑйтыгтанувум,
Мӑкем тармыл поварӑлнувум,
Ӣкемт пувлынувум.
Вӧркӗмт пилкве вӑтнувум,
Лӑхскве атнувум,
Пӑквыт паттынувум.
Нӯль ке рӧвнув вӧртуӈкве –
вӧртнувум,
Хӯлп ке рӧвнув сунсуӈкве –
сунсынувум.
Писалил ке рӧвнув яласаӈкве
яласанувум.
Ӑрпи ке рӧвнув вӑруӈкве
вӑрнувум.
Пум ке ӭрнув сӑгруӈкве
сӑгрынувум.
Нӑйив ке ӭрыс тотуӈкве
тотнувум.
Кӯрум пӑлтнувлум,
Сӯйпутум пӑйтнувлум,
Тэнут-исмит вӑрнувум,
Колтӑглум тэтӑл ул вос ӧлы,
Айтӑл ул вос ӧлы.

(январь, 2013)

Милая старшая сестра приезжала,
С милой родины весть приносила,
Мою деревню оберегающая старшая женщина,
Мой дом она нашла.
Эта пожилая женщина над землей летела,
Подобно крылатой птице над землей кружила.
Из поселка почтенных тёть и дядь,
Крепкую думу сюда привезла:
С давних пор меня разыскивают,
Около десяти лет меня вспоминают,
Большие люди с Большого дома,
Посреди деревни меня ожидают.
Старшими людьми сказанные слова
Очень сильны, очень крепки,
Подобно воде, журчащей по земле,
Эти слова живут в моей памяти.
На родной земле находящаяся
Милая моя деревенька, о тебе
Каждый день я думаю.
От всего сердца хочется
Съездить в места своего детства.
Мысленно я стремлюсь
По улочкам своей деревни
Ногами своими пройтись,
побегать,
На замле, на траве полежать,
В речке своей искупаться,
В лесу ягоды пособирать,
Грибы пособирать,
Шишки посшибать.
Если нужно ловушки поставить –
поставлю,
Если нужно сети проверить –
проверю,
Если нужно с ружьем на охоту сходить –
схожу,
Если нужно запор на реке установить –
установлю,
Если нужно травы накосить –
накошу,
Если нужно дров принести –
принесу.
Я бы печь растопила,
Чайник бы вскипятила,
Еды бы наварила,
Чтобы моя семья голодной не осталась,
Чтобы без питья не осталась.

(Перевод С. Динисламовой)

ДВИНЯНИНОВА МАРИЯ ТИХОНОВНА

Двинянинова (Номина) Мария Тихоновна родилась 5 апреля 1951 года в п. Няксимволь Березовского района, живет в п. Хулимсунт Березовского района. Долгие годы работала фельдшером.

Литературным творчеством занимается более двадцати лет. Пишет рассказы, сказки, стихотворения, песни, публикуется в газете «Луима сэрипос». Сказительница, исполнительница мансийских лирических песен.

НЯ̄ЛЫӇ-ЁВТЫӇ ПЫГРИСЯТЕМ

Ня̄лыӈ-ёвтыӈ пыгрисятем,
Хонал хо̄тал о̄нтас ва̄рнэ ня̄вра̄матем,
Товлыӈ ӯй, тоӈхыӈ ӯй
Хо̄нтнэ пыгтем,
Во̄р ӯй, вит ӯй хо̄нтнэ пыгтем,
Ӯлмен вус тав янмалтаве,
Ӯлмен вус тав нёвитаве.
Султум хольт вус ялы-мины,
Во̄т ре̄гыг вус хойи-ёхты,
Ся̄нён ва̄с пёсь вус тав тоты,
Онтас ва̄рнэ я̄нытыг вос ёмты.

СО СТРЕЛАМИ-ЛУКАМИ МОЙ СЫНОЧЕК

Со стрелами-луками мой сыночек,
В будущем помощь оказывающий мой ребенок,
Крылатую птицу, копытного зверя
Добывающий сыночек,
Лесного зверя, водного зверя приносящий сыночек,
Сон пусть его растит,
Сон пусть его укачивает,
Как искорка пусть летает-ходит,
Теплым ветерком пусть прилетает-приходит,
Пусть мамочке бедро утинное приносит,
Пусть вырастет и станет помощником.

(Перевод С. Динисламовой)

ЁМАС ХО̄ТАЛ ВА̄РИ

Ёмас хо̄тал ва̄ри,
Посыӈ хо̄тал ва̄ри,
Юн ӯнлуӈкв ат вёрмёгум,
Кон ам ха̄йтыгтэгум.

Тёв, тёв, тёв, тёв, тёв,
Юн ӯнлуӈкв ат вёрмёгум,
Кон ам хāйтыгтэгум.

Турап хōтал вāри,
Вōтас хōтал вāри,
Хоталь сялтапёгум,
Тыг ты сялтапёгум.
Тёв, тёв, тёв, тёв, тёв,
Хоталь сялтапёгум,
Тыг ты сялтапёгум.

Ракве ёла пōйты,
Вōтэ ёла ротми,
Хōтал саме пӯнсы
Лӯпта-пуме тōслы.
Тёв, тёв, тёв, тёв, тёв,
Хōтал саме пӯнсы
Лӯпта-пуме тōслы.

Кональ хӯнтамлэгум
Ӯйрисякве луйги,
Сāгтым поргасьлэгум
Тымус эргасьлэгум.
Тёв, тёв, тёв, тёв, тёв,
Юн ӯнлуӈкв ат вёрмёгум,
Кон ам хāйтыгтэгум.

ХОРОШИЙ ДЕНЬ НАСТАНЕТ

Хороший день настал,
Светлый день настал.
Дома усидеть не могу,
На улице я побегаю.
Тёв, тёв, тёв, тёв, тёв,
Дома усидеть не могу,
На улице я побегаю.

Дождливый день настал,
Ветреный день настал.
Куда же я забегу?
Вот сюда я забегу!
Тёв, тёв, тёв, тёв, тёв,
Куда же я забегу?
Вот сюда я забегу!

Дождик перестанет,
Ветерочек стихнет,
Солнышко выглянет,
Листву-траву высушит.
Тёв, тёв, тёв, тёв, тёв,
Солнышко выглянет,
Листву-траву высушит.

На улице слышно
Птичка поёт.
Прыгаю от радости,
При этом напеваю.
Тёв, тёв, тёв, тёв, тёв,
Дома сидеть не могу,
На улицу я побегу.
(Перевод С. Динисламовой)

ӮЛУМ ТОТНЭ ӘРЫГ

Нӗтнэ сӑс ӑпаквӗн
Мӑнигтылум ӑгириськем.
Лӗӈын сов рӗгыӈ лэптал
Ӑгим лэпсалылум ам.
Ятил мӑнь ӑгириськем,
Ам ӑги лӯптатем,
Хансаӈ самтӗгын лап-пантэгын,
Ёмасякв вус оявен.
Ӯлмыл, ӑгикве, яныгмӗгын,
Кӑсыӈ хӧтал тӑкмӗгын.
Тӯяг ӯйрисьт ёхтэгыт,
Хӑйтыгтан ӗрыл тӧтавен.
Ам тыныӈ сым тӑрсум,
Ам кӗлуп тӑрсыкем,
Тыныӈ ӑги лӯптатем,
Ам ӑги посыхтем,
Мось сар ёл торамлӑлэн.
Ӑнум урак мось майлэн,
Ты ӯлум әрыг ёт
Ам ӧс мось юнсэгум.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В красивую берестяную люльку
Заверну мою девочку.
Из теплой беличьей шкурки одеялом
Доченьку я укрою.
Милая, маленькая моя доченька,
Моя доченька-цветочек,
Голубые глазки свои закрой,
Чтобы хорошо уснула.
Со сном, доченька, растёшь,
Каждый день крепнешь.
Бегать тебе силы принесут.
Моя дорогая жилочка сердца,
Моя кровиночка,
Дорогая моя доченька-цветочек,
Моя доченька-наследница,
Немного успокойся,
Дай мне немного времени,
С этой колыбельной песней
Я тоже немного вздремну.
(Перевод С. Динисламовой)

***

Тӯр вит – Ӑс вит –
Поть, поть, поть.
Тавант хӧтал, вӧтыӈ хӧтал –
Поть-поть-поть.
Тол вит, лоньщиӈ вит –
Поть-поть-поть.
Вӑгтӑл, сёлтӑл мирн пувлуптэлн,
Туп пилысьмал ул сунсылтэлн.
Вӧиӈ товыл хурил
Вӧтсамыл партаӈтэлн.
Тӯр вит – Ӑс вит –
Поть-поть-поть.
Вӧтыӈ, хумпыӈ хӧтал
Витыӈ пӯтыг контги.
Тавант, сыстам хӧтал –
Витыӈ кумыскаг суртги.
Вӧт рёгыӈ хӧтал –
Ӯрмак парканыг рамги,
Турап, тулыӈ хӧтал –
Сэмыл пӯтыг пӑйтахты.
Туп мӑнав нӑӈ ул саватэлн –
Сӑвсыр пилысьмал ул сунсылтэлн.
Хумп тармыл туп мось нёвитэлн…

Озерная вода – Обская вода –
Кап, кап, кап.
Безветренный день, ветреный день
Кап, кап, кап.
Талая вода, тёплая вода
Кап, кап, кап.
Свой слабый пред тобой бессильный народ искупай,
Только силу свою не показывай.
В такт взмаха крыльев,
Водою побрызгай.
Озёрная вода – Обская вода –
Кап, кап, кап.
С волнами в ветреный день –
Вода, словно котел закипает.
В хорошую чистую погоду –
Река как стекло блестит.
В жаркий ветреный день –
Река шелковой нитью рябит,
В облачный, дождливый день
Вода черным котлом кипит.
Только нас не обижай –
Свою силу нам не показывай.
Только на волнах чуть покачивай…

(Перевод С. Динисламовой)

***

Туйи хōтал ёхыттэв,
Рēг хоса мāн ӯрēв,
Туп ӯйрисиг тав исапāлы,
Асирма рēгыл та тыламлы.

Летних дней мы ожидаем,
Долго ждем тепла,
А оно птичкой припорхнет
И с заморозками тут же улетает.

***

Нуми Тōрум Āськве,
Сāвсыр хōтал пӯнсыгтапи.
Тул сэӈкв тāра вонсатāлы,
Раквсам тāра ёнгасапи.
Хōтал лӯргын пōсыӈ хōтал
Посыӈ саме пӯнсыгтāлы.
Āтырхари оспа самыл
Лӯпта-пуме тōслыглапи.
Рēтыӈ самыл суснэ хōтал,
Вит хартнэ аӈквал тӯсьтыгпāлы.
Туп мāнь анят вуйканлэгыт,
Аквтуп лувыт сӯлтгалэгыт.

Нуми Торум – Отец наш,
Разные дни показывает.
Если пригонит тучки,
Сразу дождиком заиграет.
В солнечный звенящий светлый день
Смотрит на землю светлыми очами.
Глазами цвета голубого неба,
Может высушить цветы и травы.
Бывает и обманчивый взгляд,
Тогда показывается коромысло-радуга,
По небу плывут белые маленькие кучки облаков,
Которые похожи на скачущих лошадей.

(Перевод С. Динисламовой)

ЭКВАТ ЯЛПЫӇ ХŌТАЛ

Тыгыл ēкват ялпыӈ хōтал!
Омам ос тах мӯйлуптылум
Ты тыныӈ посыӈ хōтал
Омам ёрыл кāсалылум.
Таве хумус ат номыглылум,
Хумус таве ат янытлылум.
Āнум тав ты оньсигластэ
Āнум тав ты нёвитастэ.
Ӯлум урыл эргыгластэ,
Ёмас потыр потыртастэ,
Сым тāрсыг ōс лӯптаквег
Эрыг ёт тав нёвитастэ.

Ӣтил тыныӈ āги луптаг,
Ос лāтыӈ яныт лāпантыйыг,
Ӣтэ-хӧтал лāвылтастэ,
Ӣтэ-хӧтал вотгасьластэ.
Сюнь-сӧт ӧсьнэ сирыл янмалтастэ,
Посыӈ лӗӈхыл минуӈкв сёпитастэ,
Ӣлаль ёмсякв ӧлнэ мāгыс,
Ома пуссын ханисьтāлыс.
Пӯмасипа! Тыныӈ ома!
Наӈын сака янытлылум!
Пӯмасипа!!! Ам сāв сёс лāвēгум
Намын сымыт ам ӧньсилум.
Ӧлэн ӧс сāв ёмас хӧтал!
Посыӈ хӧтал пӯмсялым,
Лӱль ос вӧтас турман хӧтал,
Мось вос ӧлы юв-хультым!

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Скоро наступит женский день!
Маме своей я подарю подарок.
Этот прекрасный светлый день
Я ценю потому, что у меня есть мама.
Как же я могу не помнить этот день,
Как же я могу не восхвалять свою маму,
Ведь она мне подарила жизнь,
Ведь она меня убаюкивала,
Пела мне колыбельные песни,
Рассказывала мне истории.
Называя меня кровинушкой и листочком,
С песней меня укачивала.
Милым дорогим цветочком,
Бабочкой, величиной со слово,
День и ночь меня называла,
День и ночь меня приглаживала,
Для счастливой радостной жизни растила,
Светлую дорогу мне подготовила,
Чтобы жить было хорошо,
Всему меня мама учила.
Спасибо! Дорогая мама!
Тебя я восхваляю!
Спасибо!!! Много раз буду повторять,
Что тебя держу в своём сердце.
Живи долго много хороший дней!
Светлым дням радуйся,
А плохие и ветреные тёмные дни
Пусть останутся позади!

(Перевод С. Динисламовой)

***

Ӣтил тыныӈ māньси хӧтпа!
Хоталь минас пēс ӧлум ӧлупсан?
Хоталь минас пēс ӧлум ӗрын?
Манрыг тӧнт наӈ ӧлуӈкв хāссын –

Манрыг тӧнт наӈ сюнюӈкв хāссын?!
Ӣтил миркве сāйкалэн,
Тыныӈ миркве номтыгтэн
Пēс ӧлум сирын сымыт ӧньселн.
Посыӈ хӧтал пӯмсялэн –
Сӣнь лāтӈын ул ёрувлэлын!

Милый дорогой мансийский народ!
Куда подевался твой прошлый уклад жизни?
Куда утратилась твоя прошлая сила?
Почему тогда ты умел жить –
Почему тогда ты умел радоваться?!
Милый народ, пробудись,
Дорогой народ, опомнись,
Прошлые традиции в сердце храни.
Чтобы как раньше радоваться солнечным дням –
Нужно помнить свой материнский язык.

(Перевод С. Динисламовой)

ДЁМИН ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Демин Валентин Александрович родился 1 апреля 1994 в п. Дятлово Зарайского района Московской области. Окончил школу и техникум. Подмосковье – родина его отца.

С 15 летнего возраста стал интересоваться своей родословной, узнал, что по материнской линии он – манси. Его мама родом из юрт Бахтияровых Ивдельского района Свердловской области. Валентин стал изучать литературу о культуре, традициях и обычаях народа манси. Узнал многое о своих сородичах, с 19 лет самостоятельно занялся изучением мансийского языка, которым овладел за один год. Пишет на русском языке, но пробует писать и на мансийском языке. Мечтает получить профессию врача.

УВСИИГ-ӘСИГ

Акв пāвылт хотты порат увсииг-әсиг ōлсы̆г. Ся̄нь-ā̆сь тә̄н ат ōсьсы̆г. Омагē̄н-ā̆тягē̄н сорумн патсы̆г. Пāвлыӈ мāхманә̄н тә̄н нё̄твесы̆г. Таимāгсыл тә̄н лю̄льсаӈ ат ōлсы̆г. Увситэ сака ёмас, номтыӈ, кāркам нә̄ ōлыс. Әсе савыӈыг, оссампāлаг ōлыс.

Увситэ колсори рӯпата пуссын вāрыс: тә̄нут пāйтыс, маснут ю̄нтыс, колэ сыстамыг ōньсистэ, ōс пāвлыӈ мāхманә̄н нё̄тыс. Тāн таве әруптасаныл. Әсе нэ̄матыр ат вāрыс. Тав хōтал палыт нас ӯнлыс, топ потыртас ос увситэ нупыл сунсыс, хумус тайитэ рӯпиты. Увситэ тав нупылэ ат кантлыс.

Аквнакт тә̄лы порат тāн пāвланылн сāлыӈ суныл акв пыг ёхтыс. Тав хоса лё̄ӈх йис, сака вāгтāл патыс. Сāлыянэ ӯсьлахтуӈкве ōс тахсыт. Тав акв колкве кāсалас, тув ёхтыс, ос э̄т хӯлуӈкве вōвхатас. Та колт увсииг-әсиг ōлсы̆г.

Увситэ āви пāлыг-пӯнсыстэ, пыг ю̄в-тāртыстэ. Пыг китыглахты:

– Нэ̄н колынт ā̆нум мось ӯсьлахтуӈкве рōви? Ам сака вāгтāл патсум, сāв хōтал яласасум, сāлыянум ōс вāгтāл патсыт.

Āги ювле лāвыс:

– Атхунь, сялтэн. Кон асирмаӈ, ул сака пōльвēсын. Сāлыянын кол пōхат вос ӯсьлахтэгыт.

Тувыл пыг колн ю̄в та сялтыс. Тот ёмас, рēгыӈ ōлыс. Тав маснутанэ витыӈыг ос хасьлумыг ōлсыт. Āги тав маснутанэ тōслуӈкве нōх-тагатасанэ. Тувыл тавēн тә̄нут ос ся̄й пасанын ӯнттыс. Пыг тэ̄пъялас, пӯмасипа лāтыӈ лāвыс:

– Сака пōртыӈ тә̄нут ос исум сāккарыӈ ся̄й айсум. Наӈ ёмас колыӈ кӯсяй нэ̄.

Тав лāсьлакв исылтахтас. Āги таве китыглытэ:

– Лё̄ӈхыт хумле яласасын? Ань ә̄лаль хоталь минэ̄гын?

– Ам ӯс нупыл минэ̄гум. Тот ам рӯт мāхманум ōлэ̄гыт, – пыг ювле лāвыс.

– Манрыг мēн колмēн наӈ ю̄в-сялтсын? Мōт хōтпат палт ат вēрмысын ёхтуӈкве? – әсе китыглахты, – Мēн мēнки марум мāт ōлымēн. Наӈ наӈки нупылын сунсэн, маснутанын пēсыт, хасьлумыт. Наӈ ā̆нумн ат мӯстэ̄гын.

Пыг мāниг ōлнэ āги нупыл ювле нэ̄матыр ат лāвыс. Яныг āги әсе нупыл кантыӈысь āӈкватас.

Кон турманыг ēмтыс. Āги пыг мāгсыл хуйнэ мā нортыс. Тувыл пуссын ёл та хуясыт. Хунь ā̆лпыл постыглас, пыг нōх-сāйкалас, хуйнэ мāтэ̄ныл нōх-лю̄люмтас. Āги пасан сё̄питас, ся̄йпут пāялтас. Әсе тай иӈ хуйгалāлыс

– Пасан вāтан тыг йийен. Ань тэ̄ӈкве патэ̄гын, – āги пыг нупыл лāвыс.

Пыг пасан вāтан ӯнтыс. Увси әсе нōх-сāйкатаӈкве патыстэ.

– Ā̆нум ул новēлн, ам хуюӈкве таӈхēгум, – әсе лāвыс, оста ёл-лэ̄пхатас.

Āги ос пыг тэ̄ннкетэ̄н та тэсы̆г, ся̄й айсы̆г. Пыг миннэ поратэ ёхтыс. Увси тавēн тōсам маснутанэ ювле-мисанэ. Э̄ти тав пыг хасьлум маснутанэ ю̄нтсасанэ. Ос кон кол пōхат ӯсьлахтам сāлыянэ лю̄льсыт. Āги пыгын лё̄ӈхын тә̄нут ёт сё̄питас.

– Пӯмасипа наӈын, наӈ сака ёмас колыӈ кӯсяй нэ̄. Ам мāгсылум сāв вāрмаль вāрсын. Ам наӈын ат ёрувлылум, – пыг яныг āги нупыл лāвыс.

Тувыл сāлыӈ сунын ӯнтылматас, ә̄лаль та тахас. Сāт хōтал ювле хультыс. Кон тӯйис. Увси акваг та рӯпиты. Илттыг тав колэ пōхат хӯрум войкан ос нё̄тнэ сāлыт нэ̄глапасыт, тāн сāлыӈ сунын кēрим ōлсыт.

Пыг сун тармыл ӯнлыс. Тав хорамыӈ ос пуныӈ маснутыл масхатым ōлыс. Тав пōхатэ̄т яныг тōтап ӯнлыс. Увси колныл кон-квāлапас. Пыг тавēн тох та лāвыс:

– Сāвсыр мāт ам яласасум, ос тамле ёмас āги ат хōнтыгласум. Ам Ӯс-Пōхатур пыг, наӈын ам ётум ōлуӈкве вōвилум. Ам наӈын нэ̄г ке тотылум, наӈ кāсасēгын?

Увси хоса ат номсахтас.

– Ам наӈ ётын ōлуӈкве патэ̄гум, ам наӈын сака э̄руптылум!

Ӯс-Пōхатур пыг яныг тōтапныл хорамыӈ сахи кон-лэ̄ватастэ ос āгин мӯйлуптастэ. Э̄се иснасныл тыи нупыл нас сунсыс. Тав сыме сака ся̄ргыс. Ӯс-Ōтыр пыг увситэ сун тармыл ӯнттыстэ, сāлыянэ нупыл рōӈхувлас, сāлыт молях э̄лаль та хāйталтасыт. Ос ӯсн аквъёт та минасы̆г, тот ōлуӈкве патсы̆г. Хоса ос сюниӈ ōлупсал ōлсы̆г. Сāв ня̄врам ōсьсы̆г, сāв ня̄врам янмалтасы̆г.

Ос маныр э̄се ёт ēмтыс, нэ̄мхотьют ат вāг.

(Редакторская правка Т. Меровой)

ДВЕ СЕСТРЫ

В одной деревне в прошлом жили две сестры. Родителей у них не было, рано они осиротели. Односельчане им помогали, поэтому они не сильно бедствовали. Старшая сестра была умной и трудолюбивой, а младшая – ленивой и глупой.

Старшая сестра выполняла всю домашнюю работу: еду готовила, одежду шила, дом в чистоте содержала, односельчанам успевала помогать. Они её уважали. Младшая ничего не делала. В течение дня она просто посиживала, за сестрой наблюдала, как та работу выполняет. Старшая сестра на неё не сердилась.

Однажды в зимнюю пору к их дому на оленьей упряжке подъехал юноша. Он долгий путь преодолел, очень устал. Олени тоже утомились. Он, увидев дом, решил попроситься на ночлег. В этом доме жили две сестры.

Старшая сестра открыла дверь, запустила в дом юношу. Юноша спрашивает:

– В вашем доме можно мне немного отдохнуть? Я очень устал, много дней был в пути, моим оленям тоже нужен отдых.

Старшая сестра ответила:

– Конечно, входи. На улице морозно, ты, наверно, очень замёрз. Олени твои пусть отдыхают у дома.

Юноша вошёл в дом. Там тепло, уютно. Его одежда была промокшей и рваной. Старшая сестра его одежду сушить повесила, затем еду и чай на стол поставила. Юноша поел, поблагодарил хозяйку:

– Еда была очень сытной, чай был горячим и сладким. Ты замечательная хозяйка.

Юноша понемногу согрелся. Старшая сестра его спрашивает:

– Каким был твой путь? Куда дальше путь держишь?

– Я в сторону города еду, там мои родственники живут, – ответил юноша.

– А почему ты вошёл в наш дом? Неужели в другие дома не мог зайти? – младшая сестра спрашивает. – Мы сами в тесноте живём. Ты глянь на себя, твои одежды старые, рваные. Ты мне не нравишься.

Юноша младшей сестре ничего не ответил. Старшая сестра на младшую строго посмотрела.

На улице стемнело. Старшая сестра постелила для юноши постель. Все легли спать. Утром, когда рассвело, юноша проснулся, встал, старшая сестра накрыла на стол, вскипел чайник. Младшая сестра спит.

– Присаживайся к столу. Угощайся, – пригласила девушка юношу.

Он сел за стол. А девушка стала будить сестру.

– Не трогай меня. Я еще спать хочу, – сказала младшая сестра и снова укрылась одеялом.

Девушка и юноша поели вдвоем, чай попили. Юноше пришла пора отправляться в путь. Старшая сестра подала ему одежду. За ночь она успела починить ее, заштопать.

На улице у дома стояли отдохнувшие олени. Девушка дала юноше в дорогу еду.

– Спасибо тебе, ты хорошая хозяйка. Ты для меня многое сделала, я тебя не забуду, – сказал перед отъездом юноша.

Затем он сел на свои нарты и умчался. Семь дней позади осталось. На улице шёл снег. Старшая сестра все трудится. Вдруг неожиданно у дома остановилась упряжь, запряженная тремя белыми оленями. На нартах сидел юноша. Он был одет в добротную меховую одежду. Рядом с ним стоял большой сундук. Старшая сестра выбежала на улицу, юноша ей сказал:

– Во многих местах я побывал, но такой девушки как ты, не встречал. Я, Городского Богатыря сын, прошу тебя поехать со мной. Я хочу на тебе жениться, ты согласна?

Девушка не долго думала.

– Я с тобой буду жить, я полюбила тебя!

Тогда сын Городского Богатыря из большого сундука достал красивую шубу и подарил невесте. Младшая сестра из окна смотрела, она была разочарована. Сын Городского Богатыря усадил невесту на нарты, олени тронулись и помчали их вдаль. Они уехали в город, там стали жить. Жили долго и счастливо. Много детей вырастили.

А что стало с младшей сестрой – никому не известно.

(Перевод Т. Меровой)

СĀЛЫТ ӮРНЭ ОС ВŌРАЯН ХУМЫ̄Г

Сāлыт ӯрнэ хум ос вōраян хум ōлсы̄г. Акв ляпат ōлсы̄г. Аквнакт сāлы ӯрнэ хум йильпи кол ӯнттуӈкве тахмаяс, колэ пēсыг ēмтыс. Ӭрнэ ут, ос матырāти вис ос рӯпитаӈкве та патыс. Акв хōтал вāри, китыт хōтал вāри. Нӭматарыг ат ēмты. Акв хōтпан рӯпитаӈкве тāрвитыӈ. Тав нор тармыл ӯнтыс ос нас та тысты. Тав тāратэ вōраян хум ӗмыс. Тав сāлы ӯрнэ хум кāсаластэ ос китыглытэ:

– Пася ōлэн, рума. Наӈ манрыг тыстэгын?

– Ос хумус ат тыстуӈкве?

Йильпи кол ӯнттуӈкве таӈхēгум, колум пēс, сяр лю̄лиг ēмтыс. Туп нэматыр вāруӈкв ат вēрмēгум. Ānум акваг тāрвит. Мосēртын тэлыиг ты ēмты.

– Ул тыстэн! Ам наӈын нӗтылум.

Вōраян хум хӯрум пыганэ вōвсанэ. Аквъёт кол ӯнттуӈкве ōвылтахтасыт. Рӯпатаныл кӯпнитыг минас. Тāн молях кол ӯнттысаныл. Нӗтнэ, рēгыӈ кол ӯнттысыт. Сāлы ӯрнэ хум хот-ся̄гтыс, лāвыс:

– Пӯмасипа, юрт. Нāн ānумн ат ке нӗтсын, колтāглум тэлы пōльнуве

– Пӯмасипа лāтыӈ ул лāвēн. Ам юртумн акваг ся̄гтым нӗтэгум.

Тāлэ-туве минас. Аквнакт сāлы ӯрнэ хум вōраян хум колэ ляпаныл минас ос вōраян хум тыстым кāсаластэ.

– Наӈ манрыг тыстэгын? Маныр ēмтыс? – сāлы ӯрнэ хум китыглахты.

– Ос хумус ат тыстуӈкве? Ты тāл вōраян вāрмаль лю̄ль. Вōруй ат ликмыглāлы. Ам вōрт ты кос ӗмыгтэгум ос нэматыр кāтн ат паттыглэгум. Ам колтāглум тэтāл ты хульты.

– Ул тыстэн. Ам ётум йийен.

Тэн сāлы ӯрнэ хум палт ёхтысы̄г. Сāлы ӯрнэ хум сāв сāлы ōньси, тав лāвыс:

– Манах сāлы эри, воен. Наӈ колтāглын тэтāл воссыг ул вос ōлы.

Вōраян хум сāлыт висанэ.

– Юрткве, пӯмасипа. Мāн ань тэтāл ат сюӈкырлэв.

– Пӯмасипа лāтыӈ ул лāвēн. Ам юртумн акваг ся̄гтым нӗтэгум.

Та пāсныл сāв тāл минас. Сāлы ӯрнэ хум ос вōраян хум колтāгланэнтыл ёт ань тыг мӯс та ōлэгыт. Халэнт юртыӈысь ōлэг, нуса ат вāгы̄г.

(Редакторская правка Т. Меровой)

ОЛЕНЕВОД И ОХОТНИК

Жили-были оленевод и охотник. Жили недалеко друг от друга. Однажды оленевод решил построить новый дом, так как его дом уже стал старым. Достал все необходимое и принялся за работу. День работает, второй день работает. Ничего не получается. Сложно одному работать. Сел он на бревно и горюет. Мимо проходил охотник. Увидел он оленевода и спрашивает:

– Здравствуй, сосед. Что случилось? Почему горюешь?

– Как тут не горевать? Решил построить новый дом, этот уже совсем плохой. Только ничего не получается. А скоро зима.

– Не расстраивайся. Я тебе помогу.

Позвал охотник трех своих сыновей. Вместе начали дом строить. Работа шла легко. Быстро они дом построили. Красивый, теплый дом получился. Радуется оленевод:

– Спасибо, друг. Если бы не ты, замерзла бы наша семья.

– Не благодари. Я всегда рад помочь товарищу.

Прошёл год.

Как-то раз оленевод ехал мимо дома охотника и увидел его печальным.

– Что случилось? Почему горюешь? – спрашивает оленевод.

– Как не горевать? В этом году охота плохая. Зверь не попадается. Хожу по лесу и ничего не могу добыть. Моя семья голодает.

– Не расстраивайся. Поедем со мной.

Приехали они к оленеводу. Много оленей у него.

Оленевод говорит:

– Возьми сколько хочешь оленей. Пусть твоя семья не голодает.

Взял охотник оленей.

– Спасибо, друг. Теперь мы не умрем с голоду.

– Не благодари. Я всегда рад помочь товарищу.

С тех пор прошло много времени. Оленевод и охотник до сих пор живут со своими большими семьями. Дружно живут и печали не знают.

(Перевод Т. Меровой)

ДИНИСЛАМОВА СВЕТЛАНА СИЛИВЕРСТОВНА

Динисламова (Садомина) Светлана Силиверстовна родилась 17 марта 1960 года в поселке Сосьва Березовского района.

В 1979 году окончила Ханты-Мансийское медицинское училище. С 1990 по 2000 годы занимала должность главы администрации и председателя сельского совета в поселке Хулимсунт Березовского района. В 1997 году поступила на учебу в ГРПУ им. А.И. Герцена, в 2002 году – в аспирантуру. В 2007 году защитила кандидатскую диссертацию «Проблемы эволюции творчества Ювана Шесталова».

С 2000 года живет в Ханты-Мансийске, работала корреспондентом на радио и телевидении ГТРК «Югория», в Югорском государственном университете старшим преподавателем, доцентом, заведующей кафедрой мансийской филологии.

Пишет стихотворения и прозу на мансийском и русском языках. Первый сборник её стихотворений на мансийском языке называется «Витсам» (2007), в 2009 году издан в Будапеште на венгерском языке. С 2014 года издает детский журнал на мансийском языке «Витсам». Имеет более 70 научных публикаций, 2 монографии, 6 художественных сборников, является автором-составителем объемного труда – книги-альбома «Допиши свою историю (генеалогическое древо)».

***

Казалось, в жизни все несправедливо:
«Сегодня ты у дел, а завтра нет…»,
Я без гармонии души, разноречиво,
Встречала каждый утренний рассвет.

Я думаю, что я не понимала
Всю ценность человека на земле,
Всё очень близко к сердцу принимала,
Все размышляла о добре и зле…

Но помню утро, небо золотое,
Тот месяц март, последний его день,
Когда вдруг замерло на свете все живое,
Когда легла на дом наш смерти тень.

То утро стало ночью… темью стало,
Без мамы жить остались мы тогда…
С тех пор прошли лета, и много лет светало,
И голова моя уже седа…

Теперь мне кажется, что жизнь – подарок,
Дар Торума – чтоб видеть белый свет,
И путь земной чтоб был высок и ярок,
Таким, как яркий утренний рассвет.

И освещаю путь свой памятью о маме,
Люблю ее, люблю, люблю, люблю…
Храню покой в природном ее храме,
Слова о ней я в новый стих волью…

(2015)

***

Окидываю взором горизонт
И нежно руки к небу поднимаю,
И этот купол – необъятный зонт,
О сокровенном снова умоляю.

О, Торум светлый, дай здоровья нам
И защити от скверны и ошибок,
Удачу подари своим сынам,
Чтоб путь земной не был суров и зыбок...

О, Торум светлый, дух наш укрепи,
В растерянности часто пребываем...
Мансийской верой души окропи,
Ведь речь родную мы уж забываем.

О, Торум светлый, усмири печаль,
Жить научи в гармонии с собою,
Дорогой предков чтобы шли мы вдаль,
Хоть путь тот стал уж тонкою тропою…

О, Торум светлый, кланяюсь тебе,
В земных поклонах нахожу отраду.
Прислушайся, прошу, к моей мольбе,
Приму покорно кару и награду…

(2013)

***

Я стою у окна. Потихоньку светает.
Вихрем вьются снега, все следы заметает.
Ветер хлещет бельем. Я любуюсь ненастьем.
Мне спокойно, тепло. Мое тихое счастье.

Я люблю этот мир. Здесь живут мои дети.
Мир прекрасен и добр. Солнце каждому светит.
Мысли шлю в небеса с любовью безмерной.
Я в гармонии чувств. Я – частица Вселенной.

Мысль – незримая нить. Предо мною просторы.
Моя Сосьва река, лес, Уральские горы.
Предо мною века. Из отдельных мгновений,
Четко вижу сегодня я связь поколений.

Я стою у окна. Предо мною века.
Я люблю этот мир. Вихрем вьются снега.
Я в гармонии чувств. Я любуюсь ненастьем.
Моя Сосьва река. Мое тихое счастье.

(2015)

***

Вāгтāл товлагумтыл нōх вос лапнувум,
Мā янытэтыл вос кāсаланувлум,
Пēс йисыт мāхманув тох яласāлмыт,
Кислāквыӈ мāкев тāн сōль мувылтāлмыт.

Ты хāйтнэ тулыт тāн нумыл ялманыл,
Ты миннэ тулыт ёл-хультуптāлманыл,
Ёраныл-мутраныл Тōрумн туп вāвет,
Нāй-ōтыр наманыл ат ёрувлавет.

Тāн ōньсюм мутраныл хоталь минасыт?
Хōт, хоты йисыт сыс тāн тыпыгласыт?
Мāнрыг тыхōтал мāн нōх ат лапēв-а?
Манарын-хотьютын ёл пувавēв-а?

Āти, тāн ӭрганыл ōс сумылласыт,
Тāн пинум лāтӈаныл нōх лапаясыт,
Мāньси мирув аквтоп товлыӈыг ēмтыс –
Хунь пēс мāхум потрыт хӯнтамлаӈкв вēрмыс.

Ӭква-пыг-пыгрись ōс нōх ялтуптавес,
Тāв мутраӈ номттētэ ат тыпылтавес,
Паль ōсьнэ хōтпан тав хӯлуӈкв патаве,
Сам ōсьнэ хōтпан тав кāсалалаве.

Товлагум вāгтāлыг, нōх ат лапēгум...
Ятил омāм хосыт ам сягтым ёмēгум!
Нāй-Ōтрыӈ мā-витыт матъёмас ōлэгум,
Мир ōлнэ хōтал Тōрумныл пōйксēгум.

(2014)

Своими слабенькими крыльями вверх бы мне подняться,
Всю землю взором бы мне окинуть,
В древности наши люди умели к небу подниматься,
Над круглой нашей землей они умели кружить.

Над этими бегущими облаками они поверху передвигались,
Эти идущие облака они внизу оставляли,
Их силу и мудрость только один Торум знает,
Их, имена женских и мужских духов-покровителей,
никогда не забудутся.

Но куда подевалась та мудрость сегодня?
Где, в какие века она была утрачена?
Почему сегодня мы не можем подняться вверх?
Кто и почему нас удерживает на земле?

Нет, сегодня песни прошедших веков снова зазвучали,
Сложенные в древности слова снова всплывают,
И от этого мансийский народ словно стал крылатым –
От того, что умеет ещё слышать родную речь.

И снова Эква-пыгрись возрождается в народе,
Его мудрые мысли, оказывается, не утрачены,
Уши имеющий человек его может услышать,
Глаза имеющий человек его может увидеть.

Крылья мои слабы, вверх подняться не могу...
По милой своей земле я, все же, счастливо иду!
На земле, оберегаемой женскими и мужскими
духами-покровителями, я живу,
Для жизни своего народа светлые дни у Торума молю.

(Перевод автора)

***

Сыплувумт ӑрсыныл нэгссалавēсум,
Пуссын сунсэгыт, ам йирыг тотвēсум,
Мӑхум йир вӑруӈкве номылматасыт,
Ӑнум ты хосыт тӑн сӑгт мӯйлуптасыт?

Эрӈань яӈк осум тан кӑсаласаныл?
Номсэгыт, ӑгманыл пусмалтасаныл?
Эрӈань ам пӧйкилум Тӧрумн хӯлвес,
Ӯритэ ӑнум, эрӈ хотьютын хӯлтвēс?

Мӑхум атхатсыт, йир сёпитэгыт,
Ты мус актоп мось иӈ хурахлэгыт.
Мӑныр ань лӑвуӈкв? Иӈ ёр ӧньсēгын.
Пēс йис хольт вӑрмалит ты вӑрēгын.

Ам – яӈг вӧйкан сӑлы – йирхатнэ ӯй,
Ӑнумныл ат хӯлэгын рохтуптан суй,
Пустӑгыл ӧлэн сӑнь сюниӈ мӑт,
Ӑнумн ӧс ёмас, ам ань – Тӧрум ляпат…

(2013)

На шею привязан ткани лоскут,
Взгляды прикованы, трепетно ждут...
Люди вершат надо мной ритуал,
Счастье ли то, что я жертвою стал?

Может, людей белый цвет мой прельстил?
Может быть, он даст здоровья и сил?
Может, мольбы, что я слал небесам,
Достигли Творца – он ждет меня сам?

Люди толпятся, тревога в глазах,
Примут ли дар их вверху, в небесах?
Что мне сказать? Ваша вера сильна.
Предками намертво в вас вселена.

Я – белый олень – ваш жертвенный зверь
Избавлю вас от сомнений, потерь...
Спокойно вершите свой ритуал,
А я – только к Торуму ближе чуть стал...

(Перевод автора)

ЯНЫГ ӘЛУМХӦЛАС УРЫЛ ПОТЫР

Мось мӧлалнув мӑнавл Тӧрум тапӑлн Яныг Әлумхӧлас аквписыг кастыл минас. Тав сӧль – сака Яныг Әлумхӧлас. Тав исэт манос киврёт сӑв мир сялтым ӧлыс, мӑныл нӧх-ёхтынэг. Тувыл тав исхоре Тӧрумн, аквтуп нумыл кётвес, русь-мӑньси ат вӑнэ ос ӯлмаянэ номтыл та потрамас. Сӯпе витын ат ханаве, алпинёвле нас тӧргынэг та луйги, та рӧӈхи.

Ань та минас, мӑнав ульнаг та оссувласанэ. Мӑн – ты хотьют аквтасирыл ӧлуӈкв, лылтуӈкв, потрамаӈкве ос ловиньтаӈкв хультыс.

Яныг Әлумхӧлас минас, воссыг ат вёрмыс мӑн халувт ӧлуӈкве. Тав сяр вӑгтӑл патыс, потыльманыл, тэлатӑл потрытыл, лӑтӈытыл вӑгтӑл патыс. Сӧль, мӑн аргён сӑв потыртэв, хӯнтлаӈкве ат хӑсэв. Хӧталакве нупыл ат сунсэв, лёӈхе ат кӑсалэв. Мӑкыг ты урыл Яныг Әлумхӧлас потыртас, тох хӯнтамлаӈкв нэмхотьютын ат вёрмувес. Аквматнакыт, тав усьта торгамтастэ, хотьют аквтуп, тав потрён хӯнтлы ос ат хӯлы тав потре, нас тамле ӧс вӑри, аквтуп хӯнтлы. Та порат тавён сым тарум тӑрвитыӈыг ёмтыс ос хӯнтамлас яныг ӯсил, сытамыг ёмтыс.

Сытамлахтан нак тав хосат тӑгыл торгамтаӈкв патыс. Ты сака люль кӑсмостӑл, турман сыпыгхатнэ нак. Яныг Әлумхӧлас мӑнь порат ӧс кос оматэн нёвитавес, эруптым янмалтавес. Тав оматэ ӧс хӧталакве сирыл эруптастэ. Такви лӑвсас – лӑви: «Ам омам хӧталакве». Ты сирыл оматэ ты лӑвыстэ. Туп, тайи ты, оматэ сака молях тапал Тӧрумн патыс, мӑнь пыгтётэ оссувлым. Молях минуӈкв ат кос таӈхыс, пыге иӈ мӑнь. Туп тайи ты, вӑгтӑл патыс тӑрвитыӈ рӯпата ёт, ёрэ-вӑгэ ат ёхтыс, тувыл та минас. Тавён, аквтуп, кӯстыр тапӑл Тӧрумн минуӈкв, пыгтётэ ты Тӧрумт тав тӑлэ та савалы, оматэ тӑл кӑсэ холы, оматэ юипӑлт минуӈкв кӑсасяс. Мӑхумн ёл торамтавес, вёсар вӑӈкв хотьют хӑсы. Тӑн хӧтал нупыл, Тӧрум пос нупыл пӧиксясыт. Ты сяр яныг вӑрмаль, ты Тӧрумт ӧлум порат пыгрысь та мирын тох ханисьтавес. Хӧтал нупыл сунсуӈкв ос таквинупылэ ты торыг хӯнтлаӈкв. Вӑсинтастэ таве ос таквинӑтэ хӯнтамластэ. Ты сирыл ты Яныг Әлумхӧласыг ёмтыс.

Тувыл та минас. Тав сяргыс кос, туп тавён нёӈтнэ әлумхӧлас ты йис мир халт ань ӑтим. Мӑн халувт ты коныпал ӑтим. Тӑн пуссын акв юи-пӑлыт мингаласыт, аквтуп мӧт Тӧрумт кисхатуӈкве акван потыртахтасыт. Манрыг тох? Әрыӈ таимӑгыс – кӯсяй мӑхумн ат тӑратавёсыт хӧтал нупыл пӧйксяӈкв. Тӑн лӑвсыт: «Хӧтал Бог хунь». Хотьют ат хӯнтлыс – та хӧтпа уляӈ нялыл кётвес. Сӑртыннув мӑхум, хотьют мостуӈкв мир вёрмыс, суйтӑл патсыт. Тӑн әлаль ӧлнэ нак пуссын вӑсаныл, тан торгамтасыт – әлаль ӧлнэ нак иӈ тӑрвитыӈнувег паты ос тэлыглым ӧлы. Әрыӈ таимӑгыс мӑхум пуссын акв ляпат та минасыт? Әрыӈ тӑн ӧс вӑгтӑл патсыт? Миннэныл әлы-пӑлыт тӑн вӑманыл-потраныл Яныг Әлумхӧласын хультуптасаныл. Ань ос тав минас, вӑм вёсаре нэмхотьютын ат хультуптастэ. Тав ос әлаль ёмтнэ ӧлупсат ӧлуӈкве ат кӑсасяс.

Хунь Яныг Әлумхӧлас мӑн халувт ӧлыс, тӧва хӧтпат тавёныл мось хурахласыт. Тав әлумхӧлас аквтуп тӑра сунсыстэ, хӧтпа атхунь хурахлы, хунь тав кӣвре тӑра кӑсалаве. Тӧва хӧтпа таимӑгыс пилыс, таквинӑтэ тув ёхтыттӑл янгыг ловиньтытэ. Тувыл хурахлы, таквинӑтэ тох ловиньтан мӑгыс ӧс ул моставе. Тамле мӑхум тав ӧлнэтэ порат суп-нёлум тӑл ӯнлэгыт, нас мовиньт куньгын вильт вӑрапёгыт. Яныг Әлумхӧлас такви намён рӧви, Тӧрум пуссын вӑӈкв, хӑсуӈкв ос әлаль тотуӈкв, мир палин-самын патуӈкве та сирыл лӑввес.

Тӧвёртын ты мӑхумн тӑнки кабинетанылн тӑратаве, ёмас сёлыӈ уласын ӯнттаве ос тӑн ётаныл сяй аюӈкве вӧваве. Матаёра та ӯнлэгыт, вос номсавет, маныр хӯнтлаӈкв хӑсэгыт. Тӑнки Яныг Әлумхӧлас хӯнтлан порат номсэгыт: «Тав ань аман хунь мины?». Тавёныл хурахлэгыт, таимӑгыс номсэгыт: потыр халыт матыр пӧри ул лӑгалэгын. Матыр пӧри лӑвёгыт ке, тӧнт тай Яныг Әлумхӧлас сяр суттури паты. Тав лӑтӈе тӧнт сяр нас мирги, сяхлыг курги, сӑлнэ хольт сӑлы ос кабинетаныл та тӧрги. Таимӑгыс Яныг Әлумхӧлас ул вус кантмалтаӈкв, тӑн тамле ос та вӑрёгыт, эрттам таве ёмащакв хӯнтлэгыт. Хотьют хурахлас Яныг Әлумхӧласыл – таве ат эруптасаныл.

Кӯсяйиг ӧлнэ мӑхум (яныг намыӈ мӑхум) тэлатӑл Яныг Әлумхӧлас ёт хӧнтхатуӈкве ат таӈхёгыт. Та порат таве янытлаӈкв эри, ос тӑн таве янытлаӈкв ат кӑсасегыт – пуӈк тотэгыт. Тувыл тавёныл тӯйтыгпахтаӈкв хӑсэгыт, хунь Яныг Әлумхӧлас әлыл кӑсалэгыт, хотмус хильтӑл хотталь та сялтапёгыт, самыт сяр ат нӑӈкёгыт, аквтуп ёлаль сюратасыт. Аман хумус та сирыл вӑрсыт, тай тӑнки вӑганыл.

Аквмат порат Яныг Әлумхӧлас ӑхвтас ӯсыт мосься мир, сӑвыӈпӑлэ хасьтӑл мир мостыстэ. Тав рӯпат юртэ китыглытэ: «Мӑхум хоталь мингаласыт?». Рӯпата юртэ ёмас ӧлыс, мӑныр эри сам ляльт лӑви, хот эссамавес, пуӈке ёл тӑратым та люли. Яныг Әлумхӧлас китапахтуӈкв кусыс «Манрыг?». Тувыл такви номтэн хӧнтвес – рӯпат юртэ маныр ювле лӑвуӈкв вёрми. Тав тӑрвитиӈысь лылыёп хасумтас ос лӑгалас: «Ӑнум сёпитахтуӈкв минуӈкв эри, хотыл ювле ёхтуӈкве ат вёрмёгын». Сӑртын номылматас матахмат

хōтпа ёт вāсинтахтуӈкв, хотьютыт (тав ёлы-пāл номтэт номсас) таве ёла торамтыяныл, пōйылттыяныл. Тōнт тав хульты ос рӯпата вāрмале ōлаль тотытэ. Тувыл хотьют ёт потрамас тāрвитыӈ турсуйил, туре сяр акватуп пōри ӯнтаве, тоха ты ат торгамтавес, ат хӯлвес. Ты кос сымын эрнэ лāтӈыл потыртас, āти, ёла аты пōйилттавес. Сяр акватуп ӯльнаг патыс Яныг Ӣлумхōлас, лāгыл паттал хипыстым лāсялакв сысы та ёмантас, акв вāтихал ювле āӈкватāнтым, акваг ōла-ōла патантым. Тувыл тоха та Тōрум тапāлн патыс.

Я-ты, мāхум вуянтахтуӈкв та ōвылтахтасыт, хотьют ань Яныг Ӣлумхōласыг ёмты. Мōтан-мōтан рōӈхувлы: «Ам…ам…ам… Āти, ам патэгум Яныг Ӣлумхōласыг, ам мутраӈнувēг ōлэгум, ам номтыӈнувēг… ам сāвнув вāгум… ам сāв хāсэгум…» Тортāл та рōхсыт, Нумыл, насати, хӯнтлавет, аквматэрт суясяӈкв хот пōйтыгпасыт, тав исхоре тыг тэлапам, ляпан ты лакванты. Мāхум хот сяӈнатам вильтыл та лӈолēгыт, ат лылтэгыт, ат восгēгыт, нэматыр суй ат суйты.

Аквмат, хунь ос вāӈкв патсыт, усьта хотьют хоталь хāйтыс, хоталь поргыс, сценаныл лāкква та мингаласыт. Тох рōхманыл мāгыс ōссырмаг ēмтыс, акван-атхатсыт, ōлынув ӯнтылматсыт ос сам ёла тāратым та ӯнлэгыт, ӯрхатэгыт, хунь Яныг Ӣлумхōлас кантлуӈкв паты.

Аквмат Яныг Ӣлумхōлас кантлуӈкве ты ōвылтахтас. Тав вильтэ сяр выгрыг ēмтыс, самаге сяр уля султмыл пāсгēг, кāтаге товыл холь хосгияге, лāгыл юнгасым, рōӈхувлас: «Янгыг таӈхēгӹн? Янгыг? Патэн, хотьютын ат тāратавēн? Туп ул сōлгēн, ул рōӈхен. Яныг вāрмаль вāрēн, туп āнум ул новелӹн. Āнум тāрвит хунь нāн тыт палум кол хольт сōлгегын. Нāн мāнь нявramыт хунь ат торгамтылын, Яныг Ӣлумхōласыг ēмтуӈкв, тамле вēсарыл самын патуӈкве эри. Сāв ханисьтахтуӈкве эри, та коныпал сāв кāсалаӈкв ос хулуӈкв. Нāнки хуриянынтыл ōлэн, мōт хōтпа ōлупса ул вāрыглāлэлын, ты сирыл нāнкинāн ёла паттылын. Āнум акваг ул торсялтэлын, тāратэлын, нāн ётын ам ёрум воссыг ат ёхты!»

Яныг Ӣлумхōлас турсуйе акваг та суйтāл патанты, аквмат, та харыглас… Туп мā, акватуп, иӈ тōрнхатас, хотыл нас потыльма суйты. Мāхум акван лаквасым мори сунсыглахтэгыт, ат торгамтыяныл маныр хумус ēмтыс.

Лāсьмарт потыльма холас, мāхум саптамасыт. Яныг Ӣлумхōлас лāсямлас, торгамтастэ, матъёмас хӯлвес, кӯньгим лылыēп хасумтас ос лāвыс: «Пумасипа нāнан. Ань тай ам ат номсахтэгум. Минэгум. Халанынт эруптахтэн, ōлупсан янытлэн ос эруптэн. Нот пāлытыл ōлэн, нāнки сыманын нупыл хӯнтлэн, рӯпитэн ам сирумтыл ос ӯрхатэн. Ӯрхатэн! Яныг мāхум тах нэглэгыт нāн халынт. Туп тыйи мāгыс сыманн нупыл хунтлуӈкве ханьсувлаӈкв эри».

(Перевод М. Двиняниновой)

СКАЗ О БОЛЬШОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Недавно от нас навсегда ушёл Большой Человек. Он и вправду – очень большой. Его душа вмещала в себя весь мир от земли до запредельных небес, и нередко витала в таинственном и непостижимом космосе.

И вот он ушёл, покинул нас. Нас – это тех, кто по-прежнему остался жить, дышать, говорить, волноваться, улыбаться…

Ушёл Большой Человек, он не смог больше находиться среди нас. Он очень устал. Устал от шума, суеты, пустословия. И правда, мы очень много говорим и совершенно не умеем слушать. Мы не смотрим на Солнце и не видим дороги. Именно об этом говорил Большой человек, но так и не был услышан. Однажды он понял, что даже те, кто вроде бы и слушает его, на самом деле просто делают вид… Ему стало очень-очень тоскливо, он почувствовал большую усталость и одиночество.

Чувство одиночества ему известно давно. Это очень грустное, темное, едкое, сосущее чувство безысходной тревоги и отчаяния. Вроде бы оно свое – родное, льющееся из души, но оно терзает, мучает, изводит. У Большого Человека в детстве была мама, она любила его. Он любил ее как Солнце. Он говорил, что его мама – Солнце. Так он её называл. Но она рано ушла за горизонт и оставила своего маленького сына. Она не хотела уходить, но устала от тяжёлой, непосильной работы, и ушла… Без неё душа сына стала одинокой: он долго мучался и хотел уйти вслед за ней. Его остановили Люди, умеющие видеть Мир. Они поклонялись Солнцу – небесному светилу, ведь оно самое главное и основное на белом свете. Эти люди научили мальчика видеть Солнце и слушать себя в этом видении. И он видел его и прислушивался к себе. Так он и стал Большим Человеком. Таким большим, что вблизи и не рассмотреть его всего, а уж понять его величие – и подавно.

И вот он ушёл. Его усталость и одиночество вдруг стали невыносимыми. Он тосковал, а чтобы ему помочь, рядом не оказалось Людей, умеющих видеть весь Мир. Их уже нет среди нас. Они ушли все

сразу. Почему? Может потому, что Верховные жрецы запрещали им поклоняться Солнцу, они внушали: «Солнце – это не Бог!», а тех, кто ослушивался – карали огненными стрелами. Поначалу Люди, умеющие видеть Мир, замолчали, но они всё равно видели, знали будущее. Оно было сложным и запутанным. Может, поэтому они и ушли? А может быть, они тоже устали? Перед уходом они передали свои знания Большому Человеку. И вот ушёл и он… И никому не передал знания… Почему он не захотел жить в будущем? Наверно, он просто устал от нас – маленьких и несовершенных, постоянно что-то просящих и при этом не слушающих. Устал от невнимания, невнимательности, равнодушия.

Когда Большой Человек жил среди нас, его многие даже боялись. Он умел видеть человека изнутри, а людям всегда страшно, когда их видят насквозь. Одни боялись по причине того, что незаслуженно считали себя большими и опасались разоблачения. Такие люди при нем предпочитали молчать и подобострастно улыбаться. Другие думали, что именно благодаря им, их власти, снисхождению и терпению Большой Человек соответствует своему предназначению. Они иногда допускали его до своих каменных кабинетов, расположенных в Главной неприступной крепости. Они усаживали Большого Человека в дорогие кресла и даже предлагали испить чайного напитка. Они гордились тем, что умеют слушать. Однако, слушая Большого Человека, они думали: «Когда же он уйдет?» Страхи этих людей были связаны не с тем, что они видимы душой (ну, подумаешь, душа темноватая), а с тем, что могут сказать что-то невпопад. Тогда уж точно не избежать гнева Большого Человека: его Слово будет греметь громом, сверкать молнией, и даже может разрушить стены их кабинетов, которые с такими стараниями и страданиями им доставались. Вот поэтому они и научились делать вид, что внимательно слушают.

И вот те люди, которые боялись Большого Человека, они его не любили. Они всячески старались избегать встреч с ним. И не только по причине нелюбви, но и потому, что по законам нашего Разобщенного Общества при встречах все должны были низко кланяться Большому Человеку как Избранному. А людям особенно с Главной неприступной крепости кланяться мешала гордыня. Она как заноза сидела в их сознании и руководила ими. Зато они умели скрываться: как только издали увидят Большого Человека, так сразу становились невидимыми. Как им это удавалось, то их тайна.

Однажды Большой Человек заметил, что в каменном городе стало меньше людей. Вокруг себя он видел только незнакомые лица. Он задал вопрос своему проводнику: «Куда делись люди?» Проводник был честным и совестливым, он покраснел и опустил голову. Большой Человек хотел было спросить: «Почему?», но ответ на этот вопрос уже знал. Он тяжело вздохнул и сказал: «Мне пора собираться за горизонт». Но прежде он решил попрощаться с несколькими людьми, которые (он втайне надеялся) остановят его. Тогда он останется и будет продолжать свое дело. Однако те, с кем он прощался, кому с тоской и надеждой смотрел в глаза, кому сквозь ком в горле шептал добрые Слова, не почувствовали его тревоги, одиночества и отчаяния и не остановили его. Совсем тоскливо стало Большому Человеку и он пошел: шаркающей походкой, медленно, время от времени оглядываясь. Он уходил от нас все дальше и дальше. И вот он уже скрылся за горизонтом…

И тут случилось диво. На арену Главной площади города выскочили люди, те, кто его не слышал, и наперебой стали кричать: «Я буду Большим Человеком. Я самый умный и большой…», «Нет, я буду Большим Человеком. Я самый мудрый и больше всех…», «Нет, нет, я буду Большим Человеком. Я не дурак и больше того, кто больше всех…», «Нет, я!.. Нет, я!.. Нет, я!.. Нет, я!.. Нет, я!..» Очень громко кричали и ругались на Главной площади люди. Они поначалу не заметили, как на горизонте вдруг возник силуэт человека. Это был Большой человек. Он медленно приближался и вот он ступил на площадь. Люди его увидели, и наступила пугающая тишина. Кажется, что люди перестали даже дышать, так было тихо. В какой-то момент, когда всех обуял страх, люди, толкая друг друга, стали торопливо спрыгивать с арены. Всем им стало очень стыдно. Они сбились в кучки поодаль и виновато, исподлобья, как нашкодившие дети, стали смотреть на Большого Человека. Они ждали его Гнева.

И дождались! Большой Человек разгневался. Его лицо стало пунцово-красным, из глаз полетели искры, его руки раскинулись в стороны, он топнул ногою и взревел: «Большими хотите стать? Большими? Так становитесь, кто вам мешает? Кто вам мешает? Но не орите, не шумите. А делайте большие дела и дайте, наконец, мне спокойно уйти. Мне тяжело в этом шуме! Вы, словно дети неразумные, не понимаете: чтобы быть Большим, надо им родиться. Надо много учиться. Надо много видеть и слышать. Будьте самими собой. Не пытайтесь играть чужую роль. Это же унижение самоё себя. И отпустите меня, я устал от вас!» Голос Большого Человека становился все тише и смолк… Но все ещё содрогались земля и небо. Слышался гул, непонятно откуда идущий. Люди, столпившись теснее, озирались по сторонам.

Постепенно гул стих, все успокоилось. Успокоился и Большой Человек. Он понял, что люди, наконец-то, его услышали. Он видел это. Большой человек улыбнулся, глубоко вздохнул и промолвил: «Спасибо вам. Теперь я спокоен. Пойду уже. Любите друг друга, любите жизнь. Живите свою жизнь, слушайте свое сердце, трудитесь как я и ждите. Ждите. Большие Люди появятся среди вас. Только для этого надо научиться видеть Солнце…».

С ВОЛКАМИ ЖИТЬ – ПО-ВОЛЧЬИ ВЫТЬ…

Сегодня от главной волчицы отвернулись волчата. Нет, не её волчата, а всей стаи. Своих у неё не было, никогда. Всех она считала своими, каждым любовалась, играла, обучала охоте. Самки не противились их общению, они подчинялись воле главной. Волчат вспугнул вой волчицы. Он был неожиданным, очень протяжным и каким-то чересчур горестно-гневным, тяжёлым… Волчата поджали хвосты, пригнули головы, исподлобья поглядывая на волчицу, засеменили к своим мамам; те же в большой растерянности, боясь шевельнуться, смотрели на свою предводительницу…

Главная волчица тут же пожалела о своем поступке. Да, сегодня был не её день! Она не знала, что с ней происходит. Крик её души оказался неожиданным для неё самой. Но он вырвался, вылетел, состоялся! Вместе с нарастающим чувством сожаления и раскаяния она вдруг стала испытывать некое облегчение – освобождение от гнетущего и тягостного состояния, в каком пребывала последнее время.

Волчица, глядя с возвышения – небольшого пригорка, на стаю, с удивлением прислушивалась к себе: её ошибка, промах вдруг стали вносить в сердце свободу. Она чувствовала, как, подобно рассеивающемуся утреннему туману, отступают её раздражение, злоба…

Сейчас главная волчица хотела побыть одна. Она спустилась с пригорка и сквозь чащу устремилась в сторону заливных лугов. Мыслям её нужен был простор… Окинув взором пространство, остановила взгляд на птице, одиноко парящей высоко в небе. Обычно она подолгу наблюдала за полетом птиц, мысленно уносилась к ним в поднебесье и оттуда любовалась миром, радовалась приволью… Но сейчас она слушала себя. В последнее время она была слишком раздражена, как-то незаметно в её сердце основательно вселились гнев и досада. Порой волчица испытывала неимоверные приступы ярости, хотелось кровавой схватки, физической боли, хотелось выть, выть, выть… В такие минуты она закрывала глаза и к ней являлась Волчица-Мать! Её образ успокаивал мысли, душу, сердце, усмирял гнев… Волчица-мать! Только она может понять, успокоить, дать совет. Главная волчица закрыла глаза… Образ Волчицы-Матери явился в нежном розоватом свечении, взгляд лучился любовью и светом: «Милая дочь! Я ждала этого дня… Он состоялся. Сегодня в пространство влился твой голос – голос белой волчицы. Да, ты особенная, не похожая на других. Тебе дарован не только белый цвет… Нашим божеством – Ночным Светилом – ты одарена великой мудростью предков – хранить и передавать уходящие в забвение непререкаемые волчьи законы бытия… Без них волкам не выжить…

Меня беспокоило твое молчание… Запомни: Ночное Светило одно на всех, Дневное Светило одно на всех. Под их светом, как и все волки, ты имеешь счастье ходить по земле на четырех лапах, дышать, видеть, слышать. Как и все волки, ты добываешь еду, избегаешь встреч с прямоходящим на двух лапах, умеешь чувствовать опасность. В тебе течет волчья кровь, а волки должны выть. Вой – это не только общение, вой – это очищение… Боль души невозможно зализать как кровоточащую рану. Посмотри на своих братьев и сестёр, им жить легче, чем тебе. Живи как все, и как все – вой! Молчание хорошо, чистота лучше! Очищайся воем – это единственное спасение... Открой глаза!» Волчица открыла глаза...

МЫ ЕСТЬ…

I

Люба сидела на лекции по родной литературе и смотрела в окно. Маленькая полоска светло-голубого неба среди сплошных белесых облаков направляла ее мысли на философские размышления о родине. Сейчас цепочку своих умозаключений она решила раскладывать от общего к частному: моя родина среди безграничной вселенной – это скопление звезд, называемое Млечным путем; моя родина на кромке млечного пути – это солнечная система; моя родина в солнечной системе – это голубая планета Земля; моя родина на земном шаре – это территория, расположенная в среднем течении реки Северная Сосьва…

Стоп! Теперь нужно осторожненько, шаг за шагом, найти тот уголочек земли, который бы точно соответствовал понятию Родина.

Люба вспомнила свою летнюю поездку домой. На каникулы она ехала на теплоходе по реке своего детства – полноводной Сосьве. Ее сердце пело от счастья: ведь скоро родной дом! Мысленно она витала в облаках, сверху окидывала взором бескрайние просторы тайги, любовалась нескончаемой далью реки, многочисленными извилистыми речушками, синью больших и малых озер. Сердце переполнялось радостью и гордостью за свой край, хотелось кричать во весь голос: «Это моя родина!» Но в какой-то момент она подумала, что родина не может и не должна быть такой необъятной. Ведь она даже не знает названия мест, мимо которых проезжает, не знает людей, населяющих деревни, поселки и одинокие стойбища. Тогда Люба поняла, что родина должна быть маленькой, уютной и привычной, и она решила, что это поселок Сосьва и дом, в котором прошло детство.

Сейчас, находясь вдали от дома, Люба думала иначе – ее родина значительно больше летних представлений: если смотреть с земли, то границы родного края невозможно окинуть взором, с высоты же птичьего полета – это охват горизонта, а если глядеть с заоблачных высот, то взгляд должна притягивать тайга, в эпицентре которой находится маленький бревенчатый домик. В этом доме когда-то жили родители Любы, растили детей, в доме всегда звучал детский смех и мамины песни, прославляющие близкие сердцу места и родственников.

Люба трепетно относилась к воспоминаниям о своем детстве, той поре, когда мир казался совершенным – добрым и прекрасным. В мире детства солнце светило намного ярче, дни были длиннее, травы и деревья зеленее, вода в реках и озерах прозрачнее и чище, летние грозы мощнее и раскатистее… Всё-всё было особенным, основательным, значительным.

Мысленно сверху, сквозь полосочку чистого неба, Люба искала среди заснеженной тайги маленький одинокий домик. Она нашла излучину реки Сосьва и устье речушки Посал. Среди темных хвойных лесов, покрытых бесчисленными белоснежными шапками, отыскала тонкую белую нить – в прошлом санной, а теперь «Буранной» дороги, по ней определила нахождение дома… Вспомнилось лето – последнее лето, проведенное рядом с мамой. Жаркий летний день. У собачьих привязей, у стайки и в сенях разложены дымокуры. Голубая дымка мягко окутывает стойбище, навевает умиротворение и спокойствие. В доме прохладно. Из завешанного марлей окна дует свежий лесной ветерок. Мама на берестяном туеске кончиком острого ножа рисует-скоблит орнамент. Люба по ее воспоминаниям составляет генеалогическое древо. Словно сегодня звучат мамины слова: «Доченька, пиши, жизнь людей на земле не вечная. Совсем недавно рядом со мной были мои родители – мой добрый, спокойный отец, моя милая, неугомонная мама. Мне казалось, что их жизнь будет долгой-долгой. Но судьбы людей не зависят от наших надежд и желаний. Они ушли, унесли с собой свои думы и знания. Сейчас жалею, что многое не успела у них расспросить, узнать. Мешало воспитание, не принято было задавать много вопросов, вести откровенные разговоры. Стеснялись смеяться и громко разговаривать, прямо смотреть взрослым в глаза. Вы, мои дети, растете в другое время, для вас оно кажется радостным, а я переживаю, жалею вас. Прошли те времена, когда манси жили хорошо: ловили рыбу, охотились, держали оленей, лошадей, коров. Не зря наши мудрецы в сказках говорили: «Пройдет сказочная эра, песенная эра, наступит эра слез и страданий». Вспоминаю прошлую жизнь, и слезы наворачиваются, как быстро все пролетело-промчалось.

За вас очень боюсь, тревожусь. Вы хотите жить в больших городах, придется работать среди незнакомых людей, выполнять необычную работу. Хватит ли у вас знаний, сил и терпения? Кто же вам будет помогать? Вот и хочу, чтобы знали всех своих дальних и близких родственников, так легче будет в жизни. Родные люди всегда помогут друг другу…» И Люба, удивляясь цепкой памяти матери и обширным родственным связям, писала древо жизни. Пишет она и сегодня, спустя пять лет, как не стало мамы. Дополняет недостающие звенья. Составление родословной стало для нее частью жизни, высоким долгом перед светлой памятью матери и отца и всех родственников, кто жил на земле, трудился, мечтал, любил, растил детей, радовался, горевал. Свой труд Люба называет «именной энциклопедией». Если удается ей что-либо услышать о каком-то человеке, то его имя тут же сопровождает небольшим комментарием. О своем прапрапрадедушке со слов мамы она записывала: «Иван Леонтьевич родился в 1860 году. В его семье было семь детей. Когда младшей Аксинье исполнилось четыре года, умерла жена Матрена. Через три года он женился на Феоклисте Смиркиной. У неё было две дочери. Общих детей не было». А ещё Люба знает, что Иван Леонтьевич вместе со своим отцом и братьями на летнюю рыбалку с реки Ляпин выезжали на Обскую губу, преодолевали тысячи и тысячи километров. И это в XIX веке! Воображение тут же рисует картины прошедших веков: в весеннее половодье по рекам, преодолевая обские волны, плывут

семисаженные лодки под парусами. В одной из них – семья Кугиных. Мужчины управляют движением, женщины в каюте, сооруженной в середине лодки, занимаются рукоделием, тихонько играют с детьми. Такие поездки люди совершали и в двадцатом веке. В одной из таких поездок родилась Любина бабушка.

Мысли, мысли… Быстры, как весенние ручейки, и полноводны, бесконечны и постоянны, как реки.

Лекция продолжалась. Люба, порой прислушиваясь к речи преподавателя, затем, делая вид, что внимательно слушает, продолжала свои думы. Она думала о многом: о девушке Вере из соседней комнаты по общежитию, с которой разговорились лишь вчера, и которая оказалась ее сестрой в пятом поколении; прадедушке Савелии, репрессированном в 1937 году вместе с сыновьями и внуком и расстрелянном где-то здесь, в этом городе; дедушке Силе, участнике Великой Отечественной войны, призванным на фронт восемнадцатилетним. 8 мая 1945 года он, гвардии сержант, разведчик 45-й танковой бригады уже был в Берлине и до 1947 года служил в Германии начальником танкодрома; о подруге Надежде, с которой сегодня пойдут на дискотеку, и, вновь о Вере…

Вчера вечером в общежитии Люба забежала в соседнюю комнату одолжить растительное масло. В комнате находилась Вера – тихая скромница или скромная тихоня (так беззлобно за глаза называли ее однокурсницы и соседки по комнате). Вера жила в общежитии уже третий год, держалась обособленно: отвечала на вопросы, но сама никогда не задавала, не вступала в разговоры, а если обращались к ней, в основном, чтобы поделиться наболевшими проблемами, внимательно, кивая головой, слушала. Она была очень хорошим слушателем, за это была уважаема, и не только за это. Большую часть свободного времени Вера читала книги и писала. Писала рассказы, два из которых были уже опубликованы. Уважение вызывало и то обстоятельство, что при нынешних ценах девушка умудрялась жить на скромную стипендию. И как девчонки по комнате ни уговаривали ее поужинать с ними, она со стеснительной улыбкой вежливо отказывалась.

Поздоровавшись, Люба хотела было уже продолжить поиски масла в других комнатах, но вдруг вспомнила, что Вера родом из поселка Патрасуй и поинтересовалась:

– А ты случайно не знаешь Сетову Марию Григорьевну? Она живет в вашем поселке.

– Как же, знаю. Это моя родная бабушка, мама моей мамы.

– Да ты что! Ты не могла бы рассказать о ней? Это моя тетя – сестра моей бабушки в третьем поколении. Я составляю родословную, мне это очень надо…

– Расскажу…

И Люба, сбегав за ноутбуком, начала записывать новые сведения о родственниках. То, что Вера оказалась ее сестрой, стало приятной неожиданностью. Девушки долго беседовали. Люба, просматривая рассказы сестры, спросила:

– Вера, а ты действительно веришь в то, что общество будущего – это общество доброты? Это же сказка!

– Ну почему сказка? Ты ведь добрая и я добрая, и всех, кто живет рядом с нами, можно назвать добрыми. Если постоянно лелеять мысль: я живу среди доброты, то твоя вера будет притягивать к тебе только добрых людей, и тогда рядом не будет места для зла. Примерно так и будет формироваться будущее общество доброты.

– Вера, но ведь ты живешь только на стипендию, во всем себя ограничиваешь и ты думаешь, жизнь к тебе добра?

– Да, добра. Человек ко всему привыкает. Раньше, когда мне было лет десять-двенадцать, мое самолюбие страдало от того, что родители не могли покупать нам сладости, хорошо нас одевать. Но я всегда верила, что это все временно, что когда-нибудь буду сама покупать все, что захочу. Сейчас я благодарна судьбе, именно таким и должно было быть мое детство и детство всех моих братишек и сестренок. Мы привыкли надеяться только на свои силы, помогать друг другу. Мы научились по-настоящему ценить доброту людей, когда-то помогавшим нам, мы благодарны им на всю жизнь.

– Вера, ты не представляешь, как я рада, что у меня появилась ещё одна сестра...

Вера предстала перед Любой совершенно в ином облике. Та, которая еще вчера казалась слабой, чересчур скромной, несмелой и нерешительной девушкой, оказалась интересным, уверенным и не по годам мудрым человеком.

…Прозвенел звонок. Закончились занятия. По пути на автобусную остановку подруга Надя, заливаясь смехом, делилась очередными шутками, которые, казалось, рождались у нее, обгоняя друг друга:
– Люба, я придумала, как мы в общежитие ночью придем! Подъедем на тачке, будем в дверь барабанить и орать: «А ну открывайте, свои пришли!» Нет, не так! Мы с вечера спустим из окна связанные простыни, а ночью перепутаем с другими и заберемся к пацанам на пятый этаж. Вот умора! Нет! Не так…

Она привела бы еще десяток вариантов входа в общежитие, но Люба вдруг резко её перебила: «Надь, я вспомнила! Сон! Как будто сегодня что-то должно произойти, какое-то событие. В доме стоит гроб, там лежит мой дед, умерший уже три года назад. Вокруг сидят родственники. Ночь. В какой-то момент дед начинает вставать и пытается покинуть домовину. Я в страхе выбегаю из дома и бегу в соседний дом к бабушке. Бегу, чтобы позвать её. И вот мы с ней уже мчимся по улице, по пути хватаем продукты: сок, масло, конфеты. Бабушка кричит через плечо: «Бери, бери, сколько можешь взять, это необходимо сейчас». И вот мы с продуктами забегаем во двор. Навстречу нам, пошатываясь, идет дед. Увидев продукты, он со слезами на глазах начинает жадно есть и, наконец, успокаивается. А со стороны леса появляются тёмные силуэты людей: мужчин. Они как зомби идут и идут в нашу сторону, их очень много, все тянут руки к еде. Мы быстро раздаем продукты, они едят и тут же исчезают: тают в воздухе. От жалости к ним начинаю горько плакать, я понимаю, что эти силуэты – души тех людей, кто не вернулся с войны и кто воевал рядом с моим дедом. Я плакала навзрыд, мне хотелось, чтобы они подольше побыли на земле, но еда их губила, а они этого не понимали – все просили и просили есть. Получается, мы их как бы поминали, а это поминание возвращало их обратно в иной мир». Подруга стояла молча и моргала глазами.

– Надя, ты знаешь, у меня такое ощущение, что нужно сегодня кого-то помянуть. У кого бы спросить? – сказала Люба.

И тут раздался телефонный звонок, номер был незнакомым. Звонил мужчина:

– Здравствуйте, меня зовут Андрей Петрович Русов! Я так понимаю, что говорю с Вогуловой Любовью Сергеевной?

– Да, я слушаю вас.

– Извините, мне нужно с вами встретиться по очень важному делу и обязательно сегодня, и обязательно в вечернее время.

– Но, кто вы? И кто дал номер моего телефона? Я вас не знаю…

– Любовь Сергеевна, я не могу сейчас долго говорить, это не телефонный разговор. Извините, не представился – майор милиции Русов. Вы меня не бойтесь. К сожалению, часов до девяти я буду на службе, скажите, куда потом подъехать?

– Я живу в студгородке, в четвертом общежитии. Вы мне позвоните, я выйду.

– Хорошо. В девять двадцать вечера я вам позвоню. Всего доброго.

Люба была в замешательстве. Она уставилась на подругу и слово в слово передала ей телефонный разговор. Весь остаток дня девчонки, пребывая в неведении, ломали голову – что же услышат вечером? Может, это чей-то розыгрыш? Дискотека была забыта…

II

Андрей сидел в своем кабинете за письменным столом и, поглядывая на часы, торопливо писал. Сегодня ему, офицеру органов безопасности, работающему по программе борьбы с коррупцией, удалось наконец-таки завершить еще одно уголовное дело.

Все утро он был не в духе, но настроение поднялось в полдень, когда его вызвали на начальственный ковер и сообщили, что дело, над которым он корпел уже второй год, можно смело закрывать. Подобных дел, конечно же, наберется еще с десяток, но завершение каждого – маленькая радость. И вот теперь Андрей, спешно перечитывая, перепроверяя, листая, сверяя, подписывая, завершал бумажную часть дела. Конечно же, подобная работа не терпит суеты, но подгоняло время. В 9-20 вечера у него встреча, которая должна пролить свет на ставшую вдруг главной проблему: что с ним происходит и почему с ним? Время бежало, вместе с ним в душе нарастала нервная дрожь.

В памяти уже в который раз всплыл тот день, когда его обычная и налаженная жизнь вдруг запнулась обо что-то непонятное и непостижимое для разума. Тогда, как обычно, рабочий день закончился поздно, почти за полночь. Проходя мимо дежурки, ему передали очередной запрос по очередному делу. На улице было холодно, давил морозец. Андрей сел в машину, завел двигатель и не спеша стал знакомиться с документом. В какой-то момент он почувствовал что-то неладное, оно исходило, как ему показалось, от зеркала заднего вида. Андрей не мог найти в себе сил, чтобы вновь взглянуть на зеркало. Его тело оцепенело, душа трепетала от необъяснимого страха. Что же зацепил его взгляд секунду назад? Подавив свои ощущения, собрав в кулак волю, он глянул в зеркало и встретил взгляд, полный отчаяния и робости. Андрей резко обернулся, еще надеясь, что в салоне машины находится все-таки один. От его движения сидящий на заднем сидении отпрянул, вжался в спинку кресла. Это был дед – щупленький и изможденный. Его волосы и жидкая бородка были белы, как снег. Дед был одет не по сезону, на нем была рубаха и штаны,

серые задубевшие от грязи и пота и поэтому кажущиеся холщовыми. «Дед, ты откуда взялся?» – вырвалось у Андрея, ответа не последовало. Нет, дед что-то пытался сказать, делал какие-то усилия, но никак не мог разжать губ. Он пробовал указать на что-то своей худощавой рукой, но она безвольно опускалась на колени. Из глаз, голубых в молодости, а теперь почти бесцветных, с маленькой точечкой – зрачком, покатились слезы. «Дед, ты кто?» – переспросил Андрей, пытаясь осознать происходящее. В голове проносилось множество вопросов: кто, откуда, как попал в машину? Почему так странно одет? Не сон ли снится? Не сумасшествие ли это? Андрей стал озираться по сторонам, соизмеряя мир за окном машины с тем, что происходит внутри. За окном – зимний ночной город, справа – в голубом свечении здание Югра-Классик, впереди – УВД с улыбающимися счастливыми детьми на огромных баннерах, слева – военкомат. У светофора, несмотря на поздний час, десятки машин, ожидающих движения и движущихся. Как спасительную соломинку взгляд выхватил еще движение: клубящийся из трубы котельной дым и трепет разноцветных флагов близ автостоянки. За окном привычный реальный мир. А что же происходит в машине? «Да, дед, задал ты мне загадку…», – как можно спокойнее, оборачиваясь, попытался было сказать Андрей, но его слова как будто зависли в воздухе – в машине деда не было. Не поверив глазам, стал лихорадочно обшаривать руками заднее сидение. «Померещилось» – констатировал Андрей, но легче от этого не стало. С дрожью в коленях он вылез из машины, схватил пригоршню снега, принялся растирать виски.

С этой самой поры его жизнь резко изменилась. Он стал жить с таким ощущением, словно у него отняли часть физических сил, мыслей и времени. Он утратил душевное равновесие и спокойствие, в его душу вселилось необъяснимое чувство вины перед дедом. Он очень жалел его, хотел сделать для него что-то доброе и хорошее. Мысленно он вновь и вновь возвращался к тому ночному видению, и ему казалось, что он уже беседует с дедом, возит его по ночному городу, приглашает в свой дом. Мысли день ото дня становились неотступнее. Андрей стал жить ожиданием встречи с дедом. И она случилась и была похожа на первую: дед силился что-то сказать, плакал от бессилия и исчез. Месяц назад была третья встреча, дед сказал несколько слов не на русском языке и, видя, что остался непонятым, закрыл глаза ладонями, несколько раз всхлипнул и также исчез, словно растаял в воздухе.

Андрей мучился. Он чувствовал какую-то особенную сопричастность к происходящему, ведь неспроста дед «приходит» к нему и пытается что-то сказать. Беспокоило и свое психическое состояние. Он стал сторониться сослуживцев, старался мало бывать дома, боялся, что кто-то вдруг заподозрит его в болезни, и тогда его ждет лечение в психбольнице. Успокаивало только, что чудеса случаются на свете. Вон и по телевизору, как специально, показывают передачи о необъяснимом и таинственном. Эти передачи шли и раньше, просто на них не обращалось внимание.

И вот вчера случилась еще одна встреча. Андрей, проработав до позднего вечера, прогревал машину. Вдруг что-то похожее на шелест листьев прошуршало у уха, в сознании прозвучали слова: «Тебя ждет дед…». Машинально бросив взгляд в сторону звука, увидел за дверным окном маленький черный шарик. Он висел в воздухе, затем, отчетливо видимый в свете уличного освещения, медленно поплыл на противоположную сторону автостоянки. Шарик остановился и, как показалось, упал на землю. Андрей выскочил из машины, побежал к тому месту, но ничего не увидел.

Посмотрев в сторону своей машины, увидел улыбающихся с плаката детей – «новое поколение Югры». Стоп! Справа – театральный комплекс, слева – военкомат. Андрей понял, что именно на этом месте стояла его машина во время всех встреч с дедом. В радостной догадке он бросился к автомобилю и перегнал его на указанное место. Стал ждать. Наконец, оглянувшись в очередной раз, увидел деда. Чтоб не спугнуть таинственного гостя, Андрей решил молчать. И вот в тишине зазвучали слова: «Нучка, мой нучка учится, Люпа Вокулова, мой нучка савтра ната тут». Андрей утвердительно кивнул головой, на всякий случай спросил: «Зачем?» Дед поднес руку к груди, сказал: «Тут польна. Нучка мой Люпа Вокулова, ната савтра тут». «Не переживай дед, сделаю…», – но деда уже не было.

С утра Андрей обзвонил студенческие отделы кадров учебных заведений и нашел студентку третьего курса Югорского университета – Любовь Сергеевну Вогулову. Созвонился с ней, договорился о встрече, и скоро, очень скоро они увидятся. Поймет ли она его? Этот вопрос беспокоил его целый день.

В условленное время он был у студенческого общежития. На крыльце стояли две девчушки, увидев человека в милицейской форме, сами подошли к нему. «Здравствуйте, Вы Андрей Петрович? Я – Люба», – сказала одна из них. «Здравствуйте, очень рад знакомству. Наш разговор будет на не совсем обычную тему. Он будет о Вашем дедушке. Вы должны меня выслушать. И я хотел бы рассказать только Вам одной…» – так, сбиваясь и волнуясь, Андрей начал свое объяснение. Надя, не заметив никакого подвоха и опасности для своей подруги, запомнив номер машины, ушла в общежитие.

…Люба внимательно слушала. Ей не нужно было долгих разъяснений и просьб поверить в то, что случилось. Выслушав сбивчивый рассказ Андрея, спросила:

– Мне сейчас нужно встретиться с дедушкой?

– Да, сейчас.

– Ну, тогда поехали.

Место на автостоянке, где проходили встречи Андрея с дедом, было свободным. Поблизости машин тоже не было. Андрей спросил у Любы, не передумала ли она, девушка твердо ответила: «Нет!», и он, оставив ее, ушел в здание милиции.

Люба стала ждать и в какой-то момент почувствовала Его присутствие. Боясь выдать свой страх, ниже опустила голову, напряглась, давая тем самым понять о том, что она чувствует присутствие своего прадедушки. И тут зазвучала родная мансийская речь: «Ā̈гикве, ам наӈын лӓ̄ххал тотнэ мā̈гыс вō̈выслум… Доченька, я тебя позвал, чтобы ты знала и рассказала родственникам, что мы есть…».

И Савелий, тот прадед, что был репрессирован в 1937 году, поведал правнучке свою историю.

III

Савелий со своей большой многочисленной семьей жил на Горностаевой реке. Его деревня в три дома называлась Нярпавыл. Отдельными домами жили сыновья Дмитрий и Алексей с семьями, хозяйство же было совместным. Зимой промышляли зверя, на лето выезжали на Обь. Там у них были свои плавные пески. В последние годы присматривать за домами оставался отец Савелия – старый Никита с кем-нибудь из внуков, кто мог уже самостоятельно управляться с запорами на речках. На Обь выезжали до 1920 года, потом стало опасно. В лесу объявились незнакомые люди, манси их называли «оям рущит» – «беглые русские». Савелий не понимал, от кого они бегают и скрываются в тайге, для него все русские были равны. Он относился к ним с боязливым почтением, никогда не перечил. Обычно незнакомцы спрашивали еду и одежду, взамен обязательно что-нибудь давали: серебряное колечко, крестик или иконку. Но однажды по пути с Оби в верстах ста от дома русские, грозя оружием, забрали у него лодку-калданку. После этого случая семья перестала выезжать на Обь.

От двоюродного брата Савелий слышал, что зимой 1919 года в деревне Яныгпавыл стреляли. Сначала приехали на лошадях русские из Березова. Они сказали жителям теплее одеться и уйти подальше от деревни, сами же на оленной дороге, называемой еще «царской», устроили засаду. Вскоре показались другие русские, и началась стрельба. Сколько людей там было и сколько погибло, то неизвестно, но к вечеру жизнь в деревне шла уже своим чередом.

Деревню Савелия тоже посещали «беглые русские». Но чаще, пытаясь остаться незамеченными, они спускались вниз по реке в ночное время. Савелий, заслышав приглушенное рычание своих лаек, вскакивал с постели, подбегал к окну, выходящему к реке, и его взгляд сразу выхватывал из полусумрака белой ночи плывущий вдоль противоположного берега маленький плот. Обычно люди сплавлялись по двое-трое. Савелий терялся в догадках: от кого они прячутся и как попадают в верховья реки? С севера и востока непроходимые болота, а через Урал поблизости есть только один перевал, от него до Горностаевой реки две дороги: старая, труднопроходимая, находящаяся в верстах семидесяти отсюда, и новая, которая выходит к реке недалеко от его деревни. Почему же люди пробираются только старой дорогой? У Савелия было двоякое чувство к ним: с одной стороны, он искренне жалел их – раз скрываются, значит, боятся, а страх – плохой спутник в жизни; с другой стороны, проникался все большим уважением к ним, терпящим непомерные трудности таежных переходов. Ему всегда казалось, что в тайге способны ориентироваться только местные жители…

Впервые незнакомцы появились в деревне Савелия значительно позже, в июле 1933 года. Их было двое, они вышли из леса. Несмотря на июльский зной, были одеты в длинные шинели, старые и истрепанные. Лица и руки до крови изъедены комарами и мошками. Изнуренные жарой, голодом и усталостью, мужчины еле держались на ногах. Савелий, унимая собак, показал им на дверь своего дома. Мужчины вошли, а он метнулся к костру, подкинул дров, подвесил котел с водой. Сказав женщинам приготовить еду, пошел к гостям. Но незнакомцы, упав навзничь на застланные оленьими шкурами нары, уже спали беспробудным сном. Весь день хозяин, оберегая сон уставших людей, следил за тишиной. Внуки, обычно вечерами собирающиеся у центрального очага деревни – у костра дедушки Савелия, вынуждены были развести костер-дымокур под горой у речки. Оттуда их шум не доносился до дома Савелия.

Проспали незнакомцы без малого сутки. На следующий день, отведав свежей ухи, мужчины ушли к песчаной отмели, долго купались-отмывались в заводи, стирали и сушили одежду. Время от времени пристально вглядывались в речную даль, изредка поглядывали на деревенских, наблюдавших за ними.

После купания тот, что постарше, подошел к сыну Савелия – Дмитрию и сказал: «Нам здесь нужно пожить дней десять, затем мы уйдем. Понимаешь?» Дмитрий, виновато улыбаясь, пожимал плечами. Подошел Алексей, из всех родственников он один мог изъясняться на русском языке. Незнакомец объяснил, что в течение десяти дней к ним должны подойти еще два человека, затем все покинут деревню. Он попросил, чтобы об их присутствии не знали за пределами селения. Алексей, как мог, как умел, заверил его, а затем на семейном совете с отцом решили: если деревню кто-нибудь посетит, то пришлые на время будут уходить на озеро, там есть охотничья избушка. Их будет сопровождать средний сын Алексея – Яков, он тоже немного знает русский язык.

У Дмитрия уже второй месяц тяжело болел сын Иван. Он не поднимался с постели, его постоянно знобило, он мучительно и подолгу кашлял. Один из русских внимательно осмотрел ослабленного, почти умирающего ребенка, погладил его по светленьким волосенкам, ласково произнес: «Выкарабкаемся, сынок», и пошел в верхний конец деревни, туда, где начинались покосы. Его долго не было, пришел с пучками разнотравья и начал готовить отвары. Днями и ночами он не отходил от больного, отпаивая его снадобьями…

Спустя неделю в деревне появились еще двое. Весь вечер все четверо просидели у костра, что-то рисовали на песке, обсуждали, иногда чуть громко, иногда переходя почти на шепот, порой доходило до споров. Когда с рыбалки приехал Алексей, русские позвали его в свой круг. Выслушав, он пошел к отцу: людям необходимы лодка и съестные припасы, уезжают они этой ночью, врач же остается в деревне до тех пор, пока не поправится сын Дмитрия.

Начались сборы. Жена Савелия с невестками сложили в берестяной короб свежеиспеченные хлеба, вяленую и соленую рыбу, сушеное мясо, соль и спички. В полночь трое мужчин, оттолкнув от берега лодку, отправились в путь… Врач пробыл в деревне еще с месяц, а в конце августа Дмитрий, благодарный за спасение сына, сам сопроводил его в местечко, называемое русскими «Культбаза». Для манси оно звучало как Кульбаза, и они боялись нового поселка, построенного в местах, где им нельзя ступать. Они знали, что в далеком прошлом там, в реке жил Куль – властелин мира мертвых, он насылал болезни и смерть. Там, где жил Куль, вода кружилась и пенилась, водовороты затягивали в себя даже лодки. Этот участок реки люди преодолевали со страхом и трепетом, подносили дань духу. Однажды, пожалев людей, с самого высокого неба спустилась птица Корса и схватила Куля. Она понесла его вдаль от реки, но он был тяжел и огромен, его хвост волочился по земле. Куль извивался, изворачивался и вскоре упал на землю. Там, где он упал, появилось озеро – Куль тур, а где волочился хвост – речка, несущая свои воды из озера в реку. Много веков прошло, но вода в реке по-прежнему кружится и пенится…

Дмитрий знал протоку, по которой в половодье люди огибали запретный участок реки, по ней незаметно и миновал ставшее уже многолюдным село. Путь, который он преодолел туда и обратно, был в пятьсот верст.

В начале декабря 1937 года в деревне Савелия вновь появились русские. Они приехали на трех оленьих упряжках, каюрами у них были манси, один из них жене Савелия приходился двоюродным братом. Прибывшие именовали себя «Красный чум». В большом доме Алексея они собрали всех жителей Нярпавыл, рассказывали о событиях в стране, говорили о том, что дети должны обязательно учиться в школе и жить в интернате, привезли газеты и плакаты, затем поставили киноустановку и показали черно-белое кино. Взрослые и дети впервые видели, как на белом полотне беззвучно мелькали люди, улыбались, трудились, махали кому-то руками; впервые видели, что бывают дома, окна которых находятся друг над другом, и ломали голову: удобно ли это? Впервые видели транспорт, который может ездить без помощи оленей и лошадей. Много еще интересного и удивительного узнали жители деревни всего за один лишь день своей жизни…

Но наступило завтра – ясный, солнечный, морозный день. Утром по деревне разнеслась страшная весть: убили представителя «Красного чума». Савелий первым обнаружил убитого, вернее, висевшего на ветви расколотой молнией одиноко стоящей осины человека. Выйдя на рассвете из дома, долго присматривался к нему подслеповатыми глазами, казалось, что человек стоит и справляет нужду. Прошло время, и забеспокоился Савелий. Не зная, что предпринять, покашливая и покряхтывая, давая тем самым знать о себе, он неуверенно засеменил в его сторону по его же следам – единственной тропке на снежном покрове. Подойдя ближе, узнал своего родственника. Несколько раз окликнул его, прежде чем осознал ужас случившегося. Не доходя метров пяти до висевшего, не зная, что предпринять, стал озираться по сторонам, затем побежал в дом Алексея, туда, где разместились на ночлег представители Совета…

И мгновенно над семьей Савелия сгустились непомерно тяжелые свинцовые тучи, и словно не было вчерашнего дня, веселья, радости, удивлений. Словно не было мирной жизни, которой жили

люди на этом месте уже не одно столетие. В один миг жизнь большого семейства рухнула, подобно дереву, в секунды сраженному молнией. Напрасно Савелий пытался доказать, что след, ведущий к осине, был единственным, значит, человек сам наложил на себя руки, но его слова никто не слышал. Напрасно пробовал рассказать о том, что с вечера родственник жаловался на мучительные и невыносимые головные боли, но эти слова не были услышаны. Уже к полудню, обливаясь слезами, женщины прощались со своими мужьями, сыновьями, внуками, обвиненными в убийстве. К трем оленьим упряжкам, по велению советчиков, добавились еще четыре – упряжки Савелия, Дмитрия, Алексея и восемнадцатилетнего Якова.

Сначала арестованных доставили в Березовскую тюрьму, в начале января 1938 года они были уже в Остяко-Вогульске. Савелий от всего сердца надеялся, что здесь их оправдают и отпустят домой, он искренне верил, что в городе начальство намного грамотнее и справедливее. Несколько раз его вызывали на допрос, следователь по фамилии Русов, стуча по столу кулаком, задавал один и тот же вопрос: «Кто первым сказал убить представителя Совета, кто организатор преступления?» Савелий, дрожа от волнения и страха, отвечал: «Нет-нет, сам, сам…»

С сыновьями и внуком их держали в разных камерах, виделись они всего несколько раз, мельком. Встречались взглядами, полными тоски и отчаяния, поддержки и любви. Много было разных людей в тюрьме: русские, ханты, коми, и, наверное, и другие. Савелий встречал земляков-манси, родственников, ему очень стыдно было представать перед ними в образе врага народа, но лишь разговорившись, выяснялось, что совесть у всех была чиста.

Для Савелия и всех, кто делил с ним участь, все, что вчера казалось обычным и обыденным, предстало вдруг сказочным, волшебным, чарующим. Сто раз он низко поклонился бы жене за ее каждодневные заботы о семье, целовал и баловал бы внучат, говорил бы хвалебные слова сыновьям. Многое не успел сказать, сделать, показать. Смогут ли внуки найти мужские молельные места, совершат ли правильно обряды? Найдут ли в тайге многочисленные петли и капканы, сумеют ли прокормить родных? Вовремя ли установят на реке запоры, не выпустят ли рыбу? Сохранят ли свое небольшое поголовье оленей? Много было вопросов, воспоминаний и снов, но была и явь: допросы, пытки, голод и холод.

Самым страшным и тяжелым, а для многих отчаявшихся и долгожданным, стал день – 21 января 1938 года. Людей, выстроив в шеренгу, из тюрьмы повели к овощехранилищу. Все, более ста человек, знали, что это их последний путь по родимой земле. Савелий шел в середине колонны-очереди, искал родных. Глаза отчего-то сильно слезились, руки и ноги дрожали. Идущий впереди мужчина, вдруг схватившись за сердце, упал на колени, затем завалился набок. Подбежавшие конвоиры, пытаясь поднять, сказали: «Готов» и оттащили его в сторону. Ошеломленный увиденным, Савелий оглянулся, словно ища объяснения увиденному. Шедший за ним худой высокий светловолосый человек с улыбкой произнес: «Ничего, дед! На том свете встретитесь». Улыбка русского человека вернула Савелию спокойствие, и он рассудительно стал готовить себя к вхождению на тот свет. Расправив плечи, приняв смиренное выражение лица, он мысленно стал прощаться со всеми родственниками, с охотничьими и рыбными угодьями, лесами, реками, озерами, благодарить за счастливую земную жизнь всех духов-покровителей. Он уже слышал одиночные выстрелы, крики, плач, рыдания; войдя в овощехранилище, уже видел, как к каждому обреченному подходили их палачи, приставляли к затылку наган, и люди, как подкошенные падали навзничь. Происходящее словно потеряло свою реальность. Савелий был уже в другом мире: видел мать, которая с радостью готовила удобное место на оленьей упряжи своему сыну. Рядом, на других оленьих упряжках, в добротных малицах, восседали, готовые тронуться в дальний путь и поджидающие отца, сыновья Дмитрий и Алексей, внук Яков…

* * *

Наступила тишина. Люба, наконец, оглянулась на заднее сидение, но там уже никого не было. Ее охватило отчаяние: ведь она так и не успела увидеть прадеда, сказать что-то, спросить… Слова. Нужны ли они? Сердце разрывалось от жалости, сострадания, обиды за тех, кто погиб, казалось бы, в мирное для себя время. Все свои невысказанные слова, не свершившиеся надежды и чаяния, чувства и мысли люди унесли с собой.

Люба вышла из машины и пошла по улице Мира. Сквозь слёзы она видела радужное свечение многочисленных огней ночного города. И это казалось ей салютом в честь безвинно убиенных. Салют был без залпов орудий, вместо этого откуда-то из-под земли доносились и доносились стоны.

IV

За годы репрессий на территории Остяко-Вогульска было безвинно убито 923 человека. Похоронены на старом заброшенном картофельном поле в треугольнике улиц Ленина, Мира и речки Вогулки. Много лет прошло с тех пор. Люди покоятся в братской могиле, увенчанной огромным памятником – современным зданием из стекла и бетона, названным концертно-театральным комплексом.

ЯКОР

Ам вӧр ур хосыт ӗмантасум. Тав сака пӑхвыӈ ат ӧлыс, осьсянувēг таве рӧвыс лӑвуӈкве. Лӑгыл паттат харыстан сӑлы тэп татем та нӗтнэг вӧр ур сяхыл хосыт нортхатам. Ӛлыл тав сяр тӯйт лэпта хурипаг сусхаты, ос ляпаныл тай аквтуп тӧрумт хайтнэ купнит тулыт. Тамле тулыт мӑн нумын кӑсалӑлэв, хунь товлыӈ хапыл минэв. Вӧр ур ӗр хосыт восьрамыг нӯр лӧмтыт нӑӈкēгыт. Тай мӑн пилыӈ мӑтенув, тӧт ӧйтатӯр этпос ӧвылтахтын порат мӑн морх вӑтэв. Ос та этпос холнэт ляпат тӑхпил вӑтэв, таквсы ос саӈквлыпил. Ань ӧйтатӯр этпос ӧвылтахтыс, ам морх вӑтсум. Ос хотмус татем та вӧр урн пӑг-ялуӈкве тахмаясум, тот ӧлнэ осься сэтап хурипа лӗхъяс хосыт лӑсьлакв мось ӗмыгтаӈкве.

Ос ань ам вӧр урум сирыл та ӗмантэгум. Акв-тит сёс сайт ты ӛлы-пӑлт тыгле ты вӧртӧлнут минам (ты мӑ кӯсяй). Такви ёмас хӯлнэ палягēныл та хӯлыстэ ӛлыл я̄ вӑтат ӛлумхӧлас суй. Тыт ты, ляпатнув, тӯр вӑтат суйтуӈкве ты патыс. Вӧртӧлнут вӑстэ, ӛлумхӧласыт хосан тыг ат ёхталӑлэгыт. Ӧс тах тыглетувле нӯр саӈквлыӈ мӑ ялыглыяныл, тур вӑтат рӧсь мӑт нӑй пӑлтэгыт, ос сӑвсыр суй вӑрэгыт: мовиньт, лӑхьялтӑхтэгыт, рӧӈхēгыт. Хӧтал ӯнтнэ нупыл хунь паты, тах пуссын ювле та мингалэгыт. Тувыл акваг ӧлнэ сирыл астӑлыг тах усь та паты, ос атэ, ӛлумхӧлас атэ, тыт та хульты. Ты ат тах мӑ-вит лылыеп халт хоса пасуӈкве та пӑты – сым хот-лю̈льми, сака лю̈ль, тӣвырн ат рӧвнэ ат капай та. Вӧртӧлнут ты ат тэлыщ сяр ат вёрмыс лылтуӈкве. Ты ат нёлэн хойнэтэ ӛлы-пӑлт, ат мӯстынэт мӑгыс, вӧрыӈ ур мӑ тӣвыр нупыл та миныглӑлыс... Тав ювле хультум порат ӧлум мӧт сыр мӑхум иӈ номиянэ. Ты тай сяр мӧлалнув ты кос ӧлыс: та мӑхум, янгысь тит хӧтпаг, нэ ос хум, тыг ёхталӑлсыг, суйтӑл пил вӑтсыг, тувыл лӑсьлакв потрамим хапён тӑлэг ос ювле та товантэг. Тӧв ӛрт тэн ётэн мӑнь ӛлумхӧласыт ӧлсыт – нӯвраманэн, тӑн ос тӑнтинӑныл мӧтсирыл тыт ӧсьсаныл. Ань ты тӧрумт матыр та ёмтыс, вӧртӧлнут тыйи ат вёрмыстэ торгамтаӈкве. Таимӑгыс тав хотмус роттыг ат вёрмыс номсахтуӈкве...

Ам вӧр ур хосыт ӗмантасум. Ты ӛлы-пӑлт тит сӧтыра тӑлыт сайт ос тыт ӛлумхӧлас ёмыс – тав ӧс кӯсяйыг ӧлыс – тав колэ тӯр вӑта пӧхат ӧлыс. Ты ӛлумхӧлас наме Якор ты. Тав ур хосыт ӗмантас. Тымус ӛлаль ӧлнэ ӧлупса урыл номсахтас. Тав сӑвсыр вӑрмалит мӑгыс хуйтпи матыр ӧвылтыт номсахтас. Такви хоса номтанэтт такос тисхатас – хомус вӑруӈкве. Та урыл ат вёрмыс таквинатэн лӑвуӈкве: хотыл тав ӧлнэ вӧранэн ты мӑхум ёхтысыт? Тӑн тав Мēӈкв рут мӑхманэ хурипат сяр ӑтимыт. Аман, тӑнаныл лю̈ль вӑрмаль, ос ӯрум ӧлупса ӯруӈкве? Вёрмёв ман ӑти ты мӑхум ос ам мӑхманум аквъёт, аквпӧхат тах ӛлаль ӧлуӈкве?

Сусхатым тай мӧт мӑныл ёхтум мӑхум пилысьма ат кос ӧсьсыт, тӑн талкварисиг ӧлсыт, ӗртӑлыг, вӑгтӑлыг сусхатсыт. Тав матахмат сёс тӑн яныг вӧруй алнэ вӑрмаляныл сунсыглӑлыс. Тӑнӑнылн тамле вӧраян вӑрмаль сака тӑрвитыӈ ӧлыс. Тӑн нӯланыл ос сыраяныл тӧв ӛрт ӯй палт атпыл хойыглӑлсыт, тӑра та миныглӑлсыт. Ос хоты нӯл ман сырай ӯйн хойи те, ӯйын атпыл суйтыглы. Якор сунсыс ос кӑсалӑлыс хомус та мирын лю̈ль ӧлыс, хунь тӑн ӯй алуӈкве ат вёрмыглӑлсыт. Ос хунь та мӑхум ӯй алуӈкве вёрмыглӑлсыт, тӧнт Якор тӑн мӑгсыланыл мӑнь нӯврам хольт хот-сэгтыглӑлыс. Тӧнт мӑхум татем та молях капыртасыт, молях каркамыг ӗмтапӑлсыт. Тӑн молях ӯяныл нуйссаласаныл, мӑнн пиным хартнэ сов тармыл нёвляныл пинумтым, тӑнти ӧлнэ пӑвланыл нупыл та миныглӑлсыт. Та мӑхум татем та купнитыг, сяр туйт нуми пӑлыл тӑнти пӑхвыӈ ёсаныл тармыл молях та тахыглӑлсыт. Ты урыл Якор сака ӧсятахтыглӑлыс: тох молях ӑпрыӈыг мил яныг тӯйтыт тав мӑхманэ яласаӈкве сяр ат вёрмысыт.

Мӧлты таквс Якор та ёхтум мӧт хум ёт яныг лёхъясыт ӧлнэ тӯр вӑтат сяр лӯльт ты хӧнтхӑтас. Тэн сас илттыг акван нэглапасыг, тэн мӑгсылэн сяр ат кос хойхатас акван-хӧнтхӑтуӈкве, Мēӈкв рӯт нас ӛлумхӧласн ты сяр ат рӧвнэ вӑрмаль кос ӧлыс. Та хӧтал, хӧтал нэглын порат, тав такви Нуми ӑсе ёл-сёпитым савыӈ мӑн ялыс. Тав Нуми ӑсе тӑн рутаныл халт сяр яныг вӑнэ хӧтпаг ос нӯйтыг ӧлыс. Хунь Якор та холам утэ нупыл пӧйыксяс, такви номтанэ ротмалтасанэ, тӣвре ӧс хот-ротмалтас, ювле та ӗммыгтас. Ӗмим, тӧрум нупыл нӧӈхаль сунсыс, сыме ротыг ос сӧймалтахтым ӧлыс. Ос илттыг, сяр аквтуп ӑхвтас урын пӗлхатас: матахмат ӯсылытт тав ӛлы-палэт мӧт мӑхум хум ты кӑсалас. Та хум рохтум ӑмпе лӑсьлакв нӯӈхим, сӑль вӑрим хӧт кӯсяй хуме лӑглыг пӧхан воратас.

Мӗӈкв ос та хум хот-рохтым акв ляльт саманэн та ӯнтсыт. Хум сяр тув-кӑртыс, сайттӑл ӗмтапас. Хунь Якор тыйи касалас – хум сайтэн ёхтувес, та кӯмт тав молях мӧтнупыл аӈкватас. Ты хӧтал сыс тав титынтыг лю̈льсаӈ вӑрыс: сӑртын тав мань ӯлумхӧлас сам ӯлы-пӑлн патхатас, титынтыг ос та хум самагёныл пӧхан хот-ёӈхувлаӈкве ат вёрмыс. Илттыг кос акван нэглапасыг. Ос мӧт хум мӑгыс ты нак сяр пилысьмаг ты ӧлыс – тамле сайттӑл ёмтме сирыл хосан вёрмыс хультуӈкве. Якорын тав сӑлиг ёмтыс, кӯтюврисе ӧс сӑлиг ӧлыс. Сайттӑл ёмтум хум нӧх-ялтуптан мӑгыс Якор таве вӑӈнагёныл мось нӧх-ӑлмаялыстэ, хосувластэ, тӧнт та хум алпитэ мось нёвсыглаӈкве патыс, хот-кӑртыглам сам ӑхвтасагёт мось сунсыглахтуӈкве ты патыс. Хунь Якор та хумитэ лёхъясын тӯсьтыгпастэ, такви вӧр халыт та сӧймыгпас. Ты урыл тав нэмхотьютын ат потырталыс.

Мӧтсёс ёхтум мӑхум ёт хӧнтхӑтам вӑрмале мось мӧлалнув ӧлыс, та урыл урак ӑти, тав акваг та номсыс. Сӑртын мӧт мӑхум мосьсянув ӧлсыт, тӑн халанылт ӧйкат ос ӯкват, матум хӧтпат ос нӑврамыт. Мӑхум молях тыгле-тувле сунсыглахтым Мӗӈкв лёӈх хосыт хотыл тай оясыт, акватуп юйил хотьютын нӑвлувёсыт. Тувыл сӧль ты, ӄ тапӑлныл мӧт мӑхум нэглапасыт, тӑн ӧвтаӈ, ос ёвтыӈ-нялыӈ тӑгыл ӧлмыт. Та хӧнтыӈ мӑхум татем та ӑпрыӈыт ӧлсыт. Тӑн молях ось ӄ тыпӑлн уйлыгтасыт, нӑвлум мӑхманыл лёхъясаныл хосыт нуйхатуӈкве та патсыт. Якор ӧсятӑхтыглас, хомус ойнэ мӑхум тыгле, ат рӧвнэ мӑ нупыл, хӑйтэгыт, оёгыт. Тасир те Мӗӈквыт коныпал тӑн та нӑвлхатнэ утанытыл усьпылнэг пилэгыт. Тайит тӑн сиранылт Мӗӈквыт коныпал тах усьпылнэг пилысьмаӈыт. Тӑн алам Мӗӈквыт урыл нас номсуӈкве пыл пилсыт... Та хӑйтнэ мир халт Якор та нэ та кӑсаластэ. Тав мӑгсылэ Якор манах сёс ёхтум мӑхум пӑвланыл пӧхан рӧвыглӑлыс.Тав тувл та номылматас та мирын лылыяныл нэгылтаӈкве нётуӈкве. (Кӑт-лӑгыл ёрыл хунь), нас номтэ ёрыл тав йис пӑсыл яныгман яныг тарыгкапай тыгле-тувле хосгуӈкве патыстэ, та тарыг саким, лятгим ос миргим лёхъяс лап та паттыстэ, туп мӑ нас кумратӑлыс. Ӧвтаӈ, ос ёвтыӈ-нялыӈ мӑхум хот-рохтым тув-тӧсувъясыт. Тӑн саманылт яныг пилысьма нэглапас. Акв хум та ёл-патум йӣв сунсыглаӈкве хӑйтыс. Хунь кӑсалас, мӑтэ ёт, йӣве ёт нӧх-нэглум яныг тарыг, хот-рохтым матыр та рӧӈхалтас, такви мӑхманэ палт тахас. Аквмат илттыг, а-на-накве, сым ат вёрмын Мӗӈкв тисгын суй та сумыллас. Хӧнтыӈ мӑхум, кӑсыӈ хӧтпа ӯчалахтым, молях-молях ювле та нуйхатуӈкве патсыт. Ӭлыӈнув ос акв тисыг суй сумыллас, тувыл ӧс, ӧс! Тох та Якор тӑнти ӧлнэ мӑныл ӯргалан мӑгыс мӧт Мӗӈквантэн нётвес.

Якор та нэ акваг номтэ ёлыпӑлт ӧньсистэ. Тав вӑстэ, хуньт тах тав ӧлупсатэт та нэ ёт хотты порат хӧнтхаты. Тав урёт акваг номсыс ос лӑсял та хӧнтыстэ. Ос номтанэ сяӷтым сака мат ёмасыг ат овтсыт, хотмус руталиг, пилысьмаӈнувёг овтантасыт. Та нэ, сяр Мӗӈкв ӯкват хурип пыл ӑти, сака мӑньрись, акватуп ӑл ты хот-саквалы, тав сирёт нэ сяр сёмтӑл. Пӑвылт, тур тапӑлт, мӧт мӑхум ёт тав яныг мӑколт ӧлыс. Мӧт мӑхманэ хольт хӧтал нэглынэг ос ӯнтнэтэ мӯс матыр ӑти та вӑрыс, та рӯпитас. Мӗӈкв тӧванакт ӄ вӑтан ёхталас, ӭлыл, тӯйтхатым тав нупылэ та сунсантас. Тӧвёрт нэ тыгле-тувле сунсыглахтуӈкв ӧвылтахты, ул хум ляпат ӧлнэтэ торгамтӑлытэ. Тӧнт Якор мӧт нупыл самаге тотыпияге. Тав ты нэ сака ӭруптастэ, тав ты нэкве кӑтагён нӧх-ӑлмим такви колэн, йис хӧвтаси сайн, тув тотуӈкве таӈхыстэ.

Мӗӈкв нэкве ӭруптан вӑрмале сымён сялтхатым тӧрме ӧлнэтэ палыт мус та ӧлыс. Ос тав тыхал пилыс: нэ таве акватох ӭруптаӈкве патытэ манос ӑти? Ты номтанэт сяр урак тӑл патыс. Тыхӧтал такви ӭлаль ӧлнэ нӑке кос ӑрталаӈкве ты ёмталас. Якор нэ ӧлнэ пӑвыл ляпан минас, тав тахмаяс та нэ ӭлыпӑлн нэгылтӑхтуӈкве, вос кӑсалаве тах. Нэ мань хӑпсупыл ӄ хосыт товыс, тав нупылэ товыс. Мось тотнув товнэ мӑтэныл ёл-пӧйтыс, сунсыглӑхтуӈкве патыс, Якор номсыс, тав ӭрыӈ кӑсалавес. Якор мось ӭссамтым тав нупылэ кӯньюӈкве патыс. Нэ пӑг-квӑлыс, такысь лягалас: «Наӈ тыт ӧлэгын, ӑнумн сунсылтахтэн!» Якор самын патхатас. Сӑртын нэ лӑсьлаквёг, тувыл ӭруптӑхтын самыл тав нупылэ аӈкватӑлыс ос суйтӑл турсуйил лӑвыс: «Наӈ мӑн лылыянув нӧх-паттысанн, ам вӑглум...»

Ам вӧр ур хосыт ёмсум, ос Якор урыл номсахтасум – ты ӭлумхӧлас Мӗӈкв рӯтыг ӧлыс. Ос ам таве та кӑсаласлум, тав ам ляльтум сэтап хурипа ось ӄ лёхъяс хосыт ёмантас. Ам молях лёхъяс ёрн вӑрапахтасум, тав ос матаре номсым, руталиг, ам нупылум аӈкватӑлым, ам тӑрам та минас. Ам хоса тав юй-палэт суссум, тав лёхъясэ вӧр ур паттат нэглапам тул лӧмт тӣвырн пӑтыраме мӯс тав нупылэ та суссум.

Тит сӧтыра тӑл ӭлы-пӑлт Якор ӑнум кӑсалӑлыстэ, тав сирёт тай нас вӑти сампос вӑрмаль ӧлыс: ӭлаль ӧлнэ нас ӧлупса лӧмт. Тит сӧтыра тӑл хунь минас ам ӧс таве та кӑсаласлум. Ам вӑглум, та нэ ёт (ам яныгяныг... сясёквам ёт) ёмас хоса ӧлупса тэн ӧлсыг. Тэн сымыӈысь, ӭруптахтым тэнти мӑ-витыӈ мӑтэнт сӧтыӈ ӧлупсал та ӧлсыг-хӯлсыг. Нэ мӑгыс ӧлупса хосаг ос нотыӈыг ӧлыс, тав юртэ пӧхат йис палыттем ӧлупса ӧлыс, тавён пыгыт ос ӑгит ӧньсиглӑлыс. Якор ӧлупсатэ сака хосаг ат минас, тав ӭрнэ юртэ ёт ӭлумхӧлас йис палыт тӯп ӧлыс. Тав вёрмыс сӧтыра тӑл мӯс ӧлуӈкве, ты Мӗӈкв мӑхум лӑвим ӧлнэ палы-

таныл. Нӯ хунь мӧт нупыл патыс, Якор тактӗтэ тав тӑлэ ӧлуӈкве хоса ат вӗрмыс, тактӗтэ марсюмыг ӧлым молях ӧс мӧт нупыл та патыс. Сӑв Мӗӈкв мӑхум тысир та ӧлупсаныл миныглас...

Тӑнаныл янытлан, тӑнаныл номнэ мӑгыс мӑнавн тӑн пӗс йис пӧйк лӑтӈаныл хультсыт. Пӧйксян лӑтӈанув мӑн акв тӗлпыл минам йис рӯтанув Мӗӈквыт урыл ты ӧлэгыт.

(*Перевод В. Ивановой)*

ЯКОР

Я шла по лесной гривке. Она была не широкой, можно сказать, узенькой. Ягель, белый и хрусткий, аккуратно покрывавший гривку, издали был похож на снежный покров, а вблизи на невесомые облака, какие мы видим, когда летим на самолёте. Внизу по краям гривки зеленели болота – наши ягодные места, на которых в начале июля мы собираем морошку, в конце июля – голубику, осенью – клюкву. Сейчас – начало июля, я собирала морошку, но отчего-то вдруг очень захотелось подняться на гривку и не спеша пройтись по её единственной тропке – узенькой темной полоске среди возвышающегося белоснежного ягеля.

И вот я иду по гривке. А за час-полтора здесь в этом же направлении шёл медведь – хозяин этих мест. Своим чутким слухом он уловил, что шум людей, который обычно был слышен далеко отсюда – на речке, стал перемещаться сюда, ближе к озеру. Медведь знал, что люди приедут ненадолго: вдоль и поперёк истопчут болота, затем на берегу озера разведут костёр, будет много шума: смеха, хохота, криков. На закате дня все уедут. Наступит обычная тишина, но останется запах – запах человека. Он будет долго витать в воздухе – отвратительный, отталкивающий, нервирующий. Медведь не выносил этого запаха, предчувствуя его, фыркая и мотая мордой, он, раздраженный, уходил в таёжную глубь... Он помнил другие времена, других людей. И это было совсем недавно: те люди, обычно мужчина и женщина, приезжали, молча собирали ягоды, затем, негромко переговариваясь, садились в лодку и уезжали. Иногда с ними были маленькие люди – дети, они тоже вели себя иначе. Сейчас что-то случилось в природе, и этого медведь не мог понять. И это его беспокоило…

Я иду по лесной гривке. А две тысячи лет назад здесь в этом же направлении шёл Человек – тоже хозяин этих мест. Дом его находился вблизи озера. Имя Человека – Якор. Якор не спеша шёл по гривке и думал о будущем, его многое беспокоило. В своих долгих раздумьях он искал и не находил ответов: откуда пришли в его леса люди, так непохожие на людей его рода – рода Менгквов; ждать ли от них неприятностей, беды; смогут ли они и дальше мирно соседствовать рядом?

С виду чужаки не внушали страха, они были маленького роста, казались слабыми и беспомощными. Якор несколько раз наблюдал их охоту на крупного зверя, она давалась им с большим трудом. Часто стрелы и копья чужаков пролетали мимо зверя, а те, что достигали цели, порой не приносили пользы. Якор видел отчаяние людей при неудаче и их, почти детскую, радость при успешной охоте. Тогда они становились чрезмерно суетливыми, их движения – торопливыми и поспешными. Чужаки быстро разделывали тушу, сооружали волокуши и уходили в свои селения. Они легко, почти невесомо скользили по снежному покрову на широких лыжах, так быстро и проворно по глубокому снегу люди рода Менгквов не передвигались.

Прошлой осенью Якор столкнулся с чужаком на тропе у Большого озера. Встреча была неожиданной для обоих и непростительной для Человека из рода Менгквов. В тот день на восходе Солнца Якор ходил на место погребения Верховного отца – главного жреца рода. Совершив обряд общения с его духом, успокоив свои тревожные мысли и, обретя внутренний покой, он шёл в обратном направлении. Взгляд был устремлён в небо, синь небес и золотое сияние Солнца наполняли душу спокойствием и смирением… В какой-то момент Менгкв почувствовал присутствие чужака, но совершить упреждающее действо не успел – остался для чужака видимым… Тот, напуганный и растерянный, стоял всего в нескольких шагах, к его ногам, скуля и повизгивая, жалась собака… Менгкв и чужак в оцепенении глядели друг на друга, и вскоре чужак превратился в окаменевшее безвольное существо. Якор отвел взгляд… За сегодняшний день он совершил две ошибки: первая – показался на глаза маленькому человеку, вторая – не успел избежать его взгляда. И хотя встреча была почти мгновенной, но чужаку она представляла большую опасность – в таком беспомощном состоянии он мог остаться надолго… Якору стало жаль его, стало жаль собаку. Он подошел к оцепеневшему человеку, приподнял его за плечи и крепко встряхнул: онемевшее тело чуть обмякло, в остекленевшем взгляде появилась осмысленность. Поставив чужака на тропу, Якор растворился в лесной чаще. Об этой встрече он никому не рассказал.

Следующая встреча с пришлыми произошла недавно и совсем недалеко от этих мест. Вначале Якор увидел, как люди, испуганно озираясь, торопливо бежали по тропе Менгквов, их кто-то преследовал. И, действительно, вскоре за речкой показались другие люди – воины с луками и стрелами. Их движения были быстрыми и ловкими, преодолев вплавь неширокую речку, они ринулись по следам преследуемых… Якор был очень удивлен решением беглецов войти на запредельную территорию, ведь в своей жизни маленькие люди боялись даже допускать мысли о Менгквах. Получается, что страх смертельной опасности заставил их преодолеть другой, не менее ужасающий страх перед могущественными Менгквами…

Среди убегавших людей Якор увидел ТУ женщину, ради которой уже не раз подходил к селению. Он решил спасти беглецов: силой мысли стал раскачивать многовековую сосну, со стоном, треском и грохотом она рухнула на тропу, содрогнулась земля. Вооруженные люди в недоумении остановились, в их глазах застыл ужас. Один из воинов кинулся осматривать дерево: увидев вывороченное вместе с землей корневище, что-то испугано крича, он бросился к своим. И тут раздался леденящий душу свист Менгква. Воины бросились в обратный путь. А вдали слышался уже другой свист, затем ещё и ещё – так Якора поддерживали сородичи, соблюдая законы неприкосновенности территории.

Якор думал о женщине. Он знал, что в его жизни наступит пора, когда он её встретит, когда мысли и жизнь будут зависеть от неё. Он встретил её и думал о ней. Но думы были скорее тревожными и беспокойными, чем радостными и ликующими. Та, о которой он думал, была непохожа на женщин рода Менгквов, она была маленькой, хрупкой и, как ему казалось, беспомощной. Она жила в селении за озером, жила вместе с чужаками в большом земляном доме и как все, от рассвета до заката трудилась…

Менгкв часто подходил к речке, издали наблюдал за ней, отводил взгляд, если она, чувствуя его присутствие, начинала вдруг беспокойно оглядываться по сторонам. Он любил её, его желанием было взять её на руки и унести в свой дом в тени многовековых елей. Чувства Якора были глубокими и совершенными, непреходящими и вечными, на всю жизнь. Однако при всем своем могуществе Менгкв сомневался – полюбит ли она его. Эти мысли не давали покоя. И вот сегодня он решал испытать судьбу – его намерением было показаться на глаза женщине.

Женщина плыла на маленькой лодочке по реке, плыла в его сторону. Остановившись неподалеку, стала присматриваться, Якору казалось, что она видит его, он растерянно улыбался. Женщина сошла на берег, громко произнесла: «Ты здесь, покажись мне!» Якор показался. Она, вначале с осторожностью, затем с нежностью взглянула на него и тихо произнесла: «Ты нас спас, я знаю…»

Я иду по лесной гривке и думаю о Якоре – человеке из рода Менгквов. И я увидела его: он шел мне навстречу… Я, пропуская его, быстро сошла с тропки. Он, проходя мимо, на мгновение глянул на меня, взгляд его был задумчивым и печальным. Он прошел мимо, а я долго смотрела ему вослед, пока его силуэт не растворился в появившемся вдруг туманном облаке в конце гривки.

Я знаю, что две тысячи лет назад Якор видел меня, для него это было обычным явлением – картинкой из будущего. Спустя две тысячи лет и я увидела его… Сейчас я знаю, что с ТОЙ женщиной – моей прапрапра… прабабушкой они прожили долгую и счастливую жизнь. Правда, жизнь долгой была для женщины, ведь она прожила рядом с любимым целый век и родила ему много сыновей и дочерей. Не очень долгой жизнь оказалась для Якора, он прожил с любимой почти целый век, а мог бы жить целое тысячелетие – срок, предначертанный Менгквам свыше. Она ушла, а он не мог без неё жить, и вскоре умер от тоски и одиночества. Многие Менгквы так ушли из жизни…

В память о них остались наши древние молитвы, обращенные к нашим кровным предкам – Менгквам.

ДИНИСЛАМОВА ОКСАНА ЮРИСОВНА

Динисламова Оксана Юрисовна родилась 12 июля 1985 г. в п. Месягутово в Башкирии. В 2002 году окончила школу в поселке Хулимсунт Березовского района. В 2008 году с отличием завершила обучение по специальности «Филология», специализация «Английский язык» в Югорском государственном университете. В 2009 г. поступила в аспирантуру Югорского университета по специальности 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские)». В 2014 г. получила образование в Уральском институте коммерции и права по специальности «Юриспруденция», специализация «Гражданское право», квалификация: юрист. Работает научным сотрудником Обско-угорского института прикладных исследований и разработок.

МАНСИ – НАРОД ЛЕСНОЙ

(отрывок из повести «Диалог поколений: мама с дочкой», написанный в соавторстве с Динисламовой С.)

Манси – народ лесной. Ты не представляешь, как я горжусь, что манси. Манси – слово-то какое: красивое, мягкое, теплое, плавное. И народ ведь такой: тихий, скромный, спокойный. А еще талантливый, создавший уникальную культуру, наполненную духовными ценностями.

С.С. Динисламова

ДЕТСТВО

– Доченька, ты знаешь, в моем детстве в магазине продавали в желтых пластмассовых баночках арахис в шоколаде. Сейчас таких упаковок и не сыщешь: она такая красивенькая, гладенькая, с белой крышечкой. А еще продавалась пастила – белые брусочки притягивали взгляд, прежде всего, формой, так и хотелось что-нибудь построить из них, например, домик. А впервые попробовав пастилы, помню, гадала, – конфета это или печенье? И сейчас не знаю, что это все-таки такое. Знаю, что восточная сладость. Вкус тогда мне больше нравился: не очень сладкий, приятный. Недавно пробовала пастилу, она стала приторно-сладкой…

А еще мы всегда покупали финики, они были плотно утрамбованы в большие брикеты. Продавец отламывал увесистый кусок, укладывал в бумажный кулёк, взвешивал на «гиревых» весах, даже цену фиников помню – 80 рублей за кило. А про гири особый разговор, ты себе и представить не можешь их форму. Были гири маленькие на несколько десятков граммов и большие до нескольких килограммов. Кстати, по форме они немного напоминали матрешек, и продавец выстраивал их перед весами по порядку, как обычно ставятся матрешки.

Чем бы тебя еще удивить? Продавались еще разные компоты, венгерские, на банках было написано «Хунгари». Это и черешня, и слива, и виноград, и компот «Ассорти» в литровых банках. Крышку компота спокойно мог открыть ребенок: на ободке была пипочка, которая отгибалась, и банка уже открыта. А в ней хрусткие груши, сочные персики. Ты не представляешь, каким красивым и вкусным было мое детство! Ты что, мне не веришь?! Ты что смеешься? Ну, перестань…

– Мамочка, ну не обижайся… Мне твое детство видится совсем другим. Честно признаться, ваше с папой детство, да и молодость тоже я всегда представляла себе так: серая одежда, простая скромная обстановка, даже природа видится мне бесцветной как в чёрно-белом кино. А вообще-то я и не задумывалась прежде, что яркие цветные краски могли тогда вообще существовать!

Вот как вижу один вечер из твоего детства:

1970 год. Зима. Февраль. Предгорья Приполярного Урала. Вечномёрзлая белая тундра. Где-то посреди этой бескрайней, ледяной, ветреной и поэтому весьма негостеприимной тундры ты сидишь со своими братьями и сестрами в тёплом тёмном чуме вокруг очага как индейцы в вигваме. Свет огня отражается в ваших не по-детски задумчивых блестящих чёрных глазах, освещает серьёзные лица и склонившиеся фигурки, отбрасывая причудливые тени, играющие за вашими спинами. Привычно, приятно, по-родному пахнет дым горящей бересты и тлеющей чаги. Этот щекочущий ноздри запах перемешивается с ароматами свежесваренной ухи, заваренного травяного чая и чего-то вкусного и испечённого, порождая целый ансамбль уютных запахов и голодное урчание в ваших животах...

На этом месте в голову приходит мысль, что хорошо было бы, если у вас горели электрические лампочки и громкий голос того знаменитого дядьки из радио патетично вещал бы о достижениях великой страны и высоких показателях промышленного роста! Но электричество, тут же думалось мне, еще не изобрели и до изобретения его ой как далеко! Да и о каком электричестве может идти речь в бескрайней и почти безлюдной тундре!? Поэтому дорогие герои моего повествования и дальше продолжают молча сидеть, задумчиво глядя на огонь и каждый думая о своём…

Все работы, проведенные целый день на колючем тридцатиградусном морозе, наконец, окончены, и вот вы со всей своей большой семьей садитесь ужинать, держа в руках старые с трещинками деревянные миски с дымящейся ароматной ухой. На низком столике, сколоченном из серых же досок, на большом овальном, возможно даже старинном серебряном, потускневшем от времени, блюде лежат куски отварной рыбы – нельмы или муксуна. Рядом на тарелке, а вернее на плоском куске березовой бересты – аккуратно нарезанный твоей Мамой, ноздреватый, свежайший, только что испеченный в чувале вкусный и ароматный белый хлеб с хрустящей, немного пригорелой корочкой. Вы неторопливо берете хлеб, каждый втайне стараясь завладеть аппетитной корочкой, обжигая пальцы, отщипываете кусочки горячей рыбы и, поочередно обмакивая их в щедро подсоленный рыбный бульон, с удовольствием отправляете всё в рот, припивая горячей ухой. И нет ничего вкуснее в этот момент на всем белом свете!

На сладкое перед вами появляется тарелка с подтаявшей и посыпанной сахаром ягодой – брусникой, голубикой и морошкой – и сладкий крепкий чай из северных трав – единственный десерт, который можно себе позволить здесь и сейчас.

Честно говоря, даже если бы я представила один из вечеров твоего детства не в чуме, а в твоей деревне, то все для меня выглядело бы почти так же, с той лишь разницей, что вместо открытого очага чувала в доме вас согревала бы большая белёная печь. Керосиновая лампа (мечта любого романтика, заставляющая колотиться его сердце сильней!) дарила свой живой, тёплый, мягкий свет, а в полупрозрачные небольшие окна заглядывали закадычные ночные гости: полноликая красавица-луна в сопровождении своих верных спутников, ярких северных звёзд, излучающих безмятежное и спокойное синее, холодное сияние. Тяжелая деревянная дверь, привычно скрипнув и тотчас куржавея инеем, исчезала бы на секунды в клубах ядреного морозного воздуха, запуская в дом Твоего Отца с вязанкой стылых дров и заиндевевшими бровями...

А остальное всё то же: всё та же рыба, тот же хлеб и чай, те же ягоды. Никак не могу представить себе, мама, что в те времена далеко-далеко от Южной Америки на суровом советском севере в магазинах (в магазинах!!!) продавался арахис, да ещё и в желтых пластмассовых баночках! По мне так, без обид, кажется, что вся пища, которая у вас была, это дары природы: рек, лесов и озер. Поэтому склонна полагать, что о красивом и вкусном детстве ты, наверно, чуть-чуть преувеличиваешь. А говоришь «Хунгари»!

– Ну-у, ты ещё скажи, что мы в шкурах ходили и луками охотились! Кстати, о луках. Мой дедушка Ащойка (мамин папа) охотился луком на белку. Чтоб не испортить шкурку, он запускал в белку стрелу с деревянным набалдашником… Лук и стрелы были нашими любимыми игрушками, мы их умели сами мастерить. Думаю, что и сейчас смогу соорудить лук из черемуховых ветвей. Да-да! Как-нибудь весной надо будет сделать для внуков.

И еще помню как в детстве с тревогой и трепетом слушала приглушенные разговоры взрослых о самострелах, установленных в тайге. Их устанавливали в основном возле священных лабазов – ӯра, и было их, наверное, немало. Да точно тебе говорю! Когда моим братьям было по 10-13 лет, они уже самостоятельно охотились. Мама, беспокоясь, говорила отцу, чтобы он показал сыновьям те места, которые нужно обходить стороной. Если тебе интересно, я могу рассказать, но потом, позже…

ИСТОРИЯ ПРО ЦВЕТ

А вот о моем «сером» детстве ты, доченька, не права. Вот ты, например, как гот или готка, предпочитаешь, точнее предпочитала, до определенного возраста чёрный цвет, что для меня было странновато. В смысле странновато то, что не ты одна носила черное, а почти целое поколение, ну ладно, часть молодого поколения. А я росла в ярком мансийском платье, и рядом со мной всегда находились женщины в таких же нарядах. Представь себе картину: поселок Сосьва, его центральная улица, а раз в те годы не было машин, то улица зеленая, сплошь покрыта травой. Правда, небольшая колея от транспорта все же имелась, транспорт гужевой – телеги на четырех колесах для грузов, телеги на двух колесах с бочкой для воды и еще одна четырехколесная телега с фургоном цвета, как сейчас говорят, «металлик» для перевозки хлеба в магазины. Да, представь себе, в Сосьве два магазина всё же имелось! «Тот крайский» и «этот крайский». Что хихикаешь? Ну так вот, представь, по зеленой поселковой улице идут по разным делам мансийские женщины, и их цветастые широкие платья развеваются на ветру или даже от движения, и издали женщины похожи на букеты цветов. Незабываемая картина – родная и вечная… Не зря поэт Андрей Тарханов сравнивает мансийскую женщину с рябинушкой, увешанной гроздьями ягод. Вот среди такой яркости красок я и росла. В одной передаче я услышала: когда у зебры появляется жеребенок, то встав на ножки, он первым делом запечатлевает полоски своей мамы-зебры и в дальнейшем никогда не спутает их с другими. Так и у манси: ребенок с рождения видит перед собой цветастое платье мамы, орнаменты, и эта яркая картина запечатлевается на всю жизнь. Сейчас, особенно в нашем городе, практически невозможно увидеть человека в национальной одежде. Но иногда взгляд что-то зацепит, и с чувством трепета начинаешь вглядываться в окружающее пространство, чтобы понять, что заставило так всколыхнуть сердце? Ну, конечно же! Это мансийский наряд Марии Сергеевны Меровой! Степенной походкой в окружении внуков идет она от дома одной дочери к дому другой. Так приятно становится, главное, спокойно.

Сейчас вспомнила рассказ одной уважаемой женщины о своем детстве. Она вдруг встревожилась, когда увидела, что её мама, отводя взгляд в сторону, что-то собирает в котомку. Девочка разглядела в котомке свои вещи и тихонько спросила: «Я куда-то уезжаю?» Мама стала объяснять, что ей уже восемь лет, и она должна учиться в школе… Расставание – больная тема, давай эту часть рассказа опустим. Ну, так вот, девочку привезли в другой поселок в школу-интернат. Перед собой она увидела детей в одинаковых одеждах: все девочки были одеты в ситцевые платьица, чуть доходящие до коленок. Такую же вещь принесли и ей, а еще принесли «две картонки», сказали переодеваться и переобуваться. Женщина говорит: «Я сняла свое красивое мансийское платье, сшитое мамой, и надела то, что мне дали. Мне показалось, что я стою голенькой, мои шея и руки были оголенными. Я сжалась от стыда и смущения… Но потом мне сказали разуться и вместо белоснежных меховых обувок – ваи – обуть чёрные картонки, которые, как оказалось, имели другое название – валенки. Целый месяц не могла привыкнуть ходить в них: все время падала и хромала. И платье русское стыдилась носить …»

Так что, доченька, серости-то в прошлом и не было, кроме как, наверное, серых осенних туч. Одежда серого цвета в то время была редкостью, по всей видимости, попросту не продавалась. Это сейчас модно: классические серые брюки, серо-розовый флис, серые норковые шапки и шубки. Видите ли, этот «цвет элегантности, интеллектуален, гармоничен, успокаивает контрастные сочетания, используется в деловом дресс-коде». Хотя, стоит призадуматься: мои-то шуба и шапка серого цвета…

А, в общем-то, что по сравнению с шубой современной мансийское сахи!? Ни один дизайнер одежды не сможет сотворить и даже повторить сотворение этого белоснежного теплого чуда. Представь, сколько кропотливого труда, усердия, старания требует его пошив. Это ж целое искусство! Я тоже носила сахи. Есть чёрно-белая фотография, на которой пятилетняя пухлощекая девочка стоит в сахи, а ее семилетний брат – в малице. Рядом стоят оленьи упряжки. Это мы с родителями ездили в гости за двести километров к родственникам в Хулимсунт. До сих пор помню быструю рысь оленей, щелчки их суставов, хруст снега, снежную пыль, летящую в глаза и таящую на лице… А передо мной на нарте с хореем в руке сидела мамочка моя в орнаментированном чёрно-белом сахи…

НЕМНОГО ПРО ГОСТЕЙ

Вообще-то мы редко выезжали в гости, зато к нам приезжали постоянно. Нам, детям, нравилось наблюдать за приездом гостей. Зимой гости приезжали обычно вечером, в темноте. Между деревнями километров шестьдесят-восемьдесят, стало быть, выезжали ближе к полудню.

Во дворе сначала слышался лай собак, потом скрип снега под копытами лошадей, фырканье, скрип полозьев. Одна повозка въезжает во двор, вторая… Нам не терпелось узнать: кто же приехал, с каких мест? На улицу выбегать было не принято, в окошко смотри–не смотри, ничего не увидишь – иней на окнах толщиной с палец. Мама включала уличный свет и в сенях и начинала хлопотать на кухне. Мы с сестренками, забравшись в комнате на перекладину перегородки, устремляли взор на дверь, над синей дощатой перегородкой торчали наши белокурые головы. Детское любопытство возрастало с каждой минутой!

Наконец, слышался хруст снега приближающихся шагов, встряхивание одежды от снега и инея на крыльце, звуки попинывания, очищения меховой обуви. Затем слышалось в сенях копошение – то стаскивали через головы меховые сахи и мольщаны. В дом их не заносили, хранили на холоде. Потом расскажу, почему. И вот двери отворялись, торопливо, боясь выпустить домашнее тепло, гурьбой входили гости. Вместе с ними влетали клубы морозного воздуха, похожие на облака. Гости, взрослые и дети, краснощекие от мороза, радостные, нарядные! Начинался обряд приветствия – целования, мама нас сгоняла с укрытия, нас целовали в щечки, гладили по волосам, говорили какие-то добрые слова, и мы снова взбирались на перегородку. Начиналось рассматривание нарядов! У женщин и девочек – красивые большие платки с кистями. Их развешивали на кухне, чтобы просушить. У женщин на шее – связки разноцветных бус, платья женщин и девочек из яркого шелка. Красота!

Мужские одеяния попроще. На них костюмы, точнее пиджаки, на груди – ордена и медали. В повседневной жизни свои единственные пиджаки с наградами они, конечно же, не носили, а вот выезд в другую деревню в костюме – это как требование этикета. Помню дядю Васю – инвалида войны. У него не было одной ноги, ходил с помощью костыля и трости. От малицы на его черном пиджаке, увешанном медалями, оставались белые шерстинки. Он, с радостной улыбкой глядя на нас, проходил к стулу, прислонял к спинке стула костыль, затем, поправляя медали, начинал стряхивать с пиджака шерстинки. Мне всегда хотелось помочь ему, но я стеснялась. Чуть позже, осмелев и, наверное, хвастаясь, я доставала из шкафа, для важности именуемого шифоньер, папин пиджак с наградами и начинала сравнивать их с дяди Васиными. И вот в это время украдкой я успевала еще снимать шерстинки с его пиджака.

Ты спрашиваешь, где спали гости? Будешь потешаться, но им стелили на полу. В доме у нас было три кровати: родительская, бабушкина и старшего брата. Мы же спали кто с мамой, кто с бабушкой, а кто и на кованном железном сундуке! Кто, догадайся? Ну, конечно же, я. А сундук такой жесткий, выпуклонеудобный, короткий… Но в общем-то нормально там спалось. Я стелила оленью шкуру, укрывалась, если не хватало одеяла, пальтишком. Гостям же на полу стелили оленьи шкуры, много шкур… Ну хватит уж о гостях! В родительском доме их было предостаточно, и сейчас у нас, сама знаешь, дверь на замок не закрывается, прям как в чуме!

И ПРО ЛЮБОВЬ К ХОЛОДУ

Чум. Жаль, никогда не жила в чуме, а ведь мечтала. В юности, глядя на оленеводов, восторгаясь их выносливостью, жизнелюбием и даже их здоровьем, думала, что как мама в молодости буду каслать по Уралу. Четко видела обстановку своего чума, мужа-оленевода, кучу краснощеких веселых детишек. Эта картинка из юности все еще жива. Могу представить: вот откидываю полог-дверь чума и выхожу на улицу. Морозно! Виляя хвостом, радостно подбегает черно-белая лайка, ее ресницы и нос покрыты инеем. Собака ластится. Обтираю её морду от инея, говорю: «Пошли». Она бросается по тропке в сторону речки, за ней следую я. В руках два ведра и топорик. Топориком буду рубить лед на проруби.

Мороз крепчайший! Солнце еле пробивается сквозь белое марево, матово освещает искрящийся воздух, такое чувство, что от мороза лопнули снежинки и, потеряв вес, снежной крупкой повисли в воздухе. Восторгаюсь красотой! Люблю зимние дни! Счастлива, что моя Родина – Север! Жаль, что чум моей мечты остался где-то в юности…

Знаешь, доченька, мне действительно нравится зимняя пора и нравится мерзнуть. Однажды на автобусной остановке возле Аквапарка мужчина меня спросил, давно ли жду транспорта. Я сказала, что давно. Он, похлопывая себя теплыми перчатками, притопывая добротными меховыми унтами, поглядывая на меня и мой пуховичок, спросил: «Вы не замерзли?!», отвечаю: «Замерзла. Мне нравится мерзнуть». «А как это?!..» – удивлялся он. Я пожала плечами… Думаю, что от ощущения, когда холод захватывает тело и остается тепленьким только сердце, появляется в душе легкость, тонкость, чистота. Все плохое: и мысли, и настроение, – можно сказать, на уровне атомов от холода лопается и исчезает. Правда-правда…

А еще я думаю, холод спасает и от многих недугов. Один ученый-ханты рассказывал про свою бабушку, которая прожила 119 лет. Она была няйт, обряды исцеления проводила. Так вот секрет своего долгожительства она связывала с долгим нахождением на холоде. Действительно, ведь жизнь многих поколений таежных людей проходила вне дома, на улице. Это сейчас не надо ни дров заготавливать, ни воды принести из речки, все удобства дома. Вот и нежимся все у телевизора…

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ДЕТСТВО

Кстати, сказала о телевизоре, вспомнила о радио. Именно с ним связаны мои первые, не детские, тревожные ощущения хрупкости бытия. Как сейчас помню, мама заплетает мне косы, а диктор объявляет: «В эфире «Последние новости». До этого, может, не придавала значение этим словам, а тут чуть не выскочило сердечко: почему последние? Разве завтрашнего дня не будет? Я сжалась от отчаяния, стала переживать за маму, ведь ей еще больнее знать, что новости последние…

С радио связан и такой случай. Услышав фразу «… все дети Москвы помещены в банке данных…», я пыталась вообразить величину этой самой стеклянной банки, куда вместили всех детей в Москве. Москву-то я себе представляла – это огромный город, знала, в какой стороне он находится, ведь вечерами, выбегая на улицу, всегда старалась взглянуть на главную звезду Кремля, которая отчетливо виднелась на тёмном небе. А вот банку представить никак не могла и решила, что банка не одна, их несколько, и в них лежат мелкие записочки с именами детей столицы. Вот так я познавала мир.

А тебе, моя дорогая, спасибо! Ты, представляя нас с братьями и сестрами в чуме, накормила ароматной ухой, свежеиспеченным хлебом, ягодами. Очень вкусно. А все-таки арахис в желтых пластмассовых баночках был…

А вообще-то, твое сомнение мне понятно, потому что когда мама делилась воспоминаниями детства, я относилась также недоверчиво. Мама рассказывает: «Однажды мой папа поехал на ярмарку в Ивдель, обменял меха на товар, продукты. Привез муку, сахар, пряники, чай. И подает маме круглую головку сыра в красной упаковке. Мама спрашивает: «А что это?» Он говорит: «Его надо кушать, сказали, это еда». Разрезали головку сыра пополам, мама попробовала, говорит: «Это же мыло!» «Нет, это не мыло, это кушать надо». «А как мыло можно кушать?» – долго сокрушалась мама. К продуктам относились бережно, этот сыр долго ездил с нами по Уралу, он покрылся плесенью, но мама по крупинкам все-таки его доела, зато папа долго еще слышал упреки». Когда мама рассказала эту историю, от удивления, что она все перепутала, я сказала: «Мама, этот сыр называется Эдем. Он появился только в 1990-е годы, не могло быть сыра во время твоего детства». Она немного обиделась и сказала: «Как не было сыра? Мама же отца из-за него ругала…»

А вот про сосьвинский дом ты права. У нас действительно была большая белёная печь. И дверь куржавела инеем, а вот дрова заносил не отец, а мама или мы – дети. У отца были другие обязанности: построить, смастерить, отремонтировать… Он редко бывал дома, жил на угодьях, охотился, рыбачил, летом заготавливал сено. Правда, сено косили всей семьей. У нас было две коровы, две лошади, телята и жеребята. Так что все летние каникулы проходили на покосе с «любимыми» комарами и с венгерскими компотами…

А ты что запомнила из своего детства? Трудилась ли ты, доченька?

– «Трудилась» – это, конечно, громко сказано… Но мне кажется, что ты сама виновата – избаловала меня. А может, просто времена наступили другие. Нам уже не нужно было держать большое хозяйство, чтобы прокормиться, не нужно было охотиться, рыбачить. В магазинах можно было купить все, что душе угодно. Прилавки были полны всякой всячины… Однако если уж хорошо напрячь извилины, то можно вспомнить, что не всегда в наших северных магазинах, особенно в 90-х годах, прилавки ломились от изобилия. Всякое бывало. Особенно до сих пор хорошо помню тот день…

Тот мартовский день выдался на редкость солнечным, теплым и погожим. Мой путь в последние дни сразу же после школы лежал прямиком к двоюродному братишке Руслану. Судя по всему, это было связано с тем, что две недели назад ему купили новенький Денди и пару занятных американских игр.

Едва высидев свои пять уроков в школе и, мечтая, как сегодня бесстрашный Маугли в очередной уже тысяча сто пятый раз сразит игрового злодея-анаконду Каа, забросав последнего кокосами и бананами, мои ноги уже несли меня в заветную квартиру.

Все было как всегда: тот же желто-голубой краской крашенный двухэтажный многоквартирный дом, тот же невкусно пахнущий сигаретным дымом и кошачьими делами и вкусно – влажными после мытья дере-

вянными полами (я называю этот запах – мокрая пыль) подъезд, та же оббитая темно-красным дермантином дверь. Ничто не предвещало хоть сколько-нибудь серьезных событий, разве что наша очередная с братишкой сиюминутная потасовка за право играть первым. Однако переступив порог, я сразу поняла, что что-то не так! Вернее поняла не я, а мой восьмилетний чуткий нос. Но и он, будучи обескуражен, долго не мог разгадать, что за эйфоричный, чудесный, легкий, еле уловимый шлейф незнакомого запаха исходит из кухни...

Я не могла оставить эту загадку нерешенной и посему незамедлительно оказалась на пороге кухни. Там мой взгляд приковало большое блюдо, на котором величественно и горделиво, как мне тогда казалось, важно задрав носы кверху, лежала связка длинных, зеленых и пухлых … бананов! Да-да! Тех самых бананов из вышеупомянутой игры, которыми мы так безжалостно и беспощадно истребляли электронного врага! А бананы, для тех, кто не знает, в Советском Союзе представляли собой огромный дефицит, впрочем, как и другие иноземные фрукты. И видеть вживую, а уж тем более попробовать их нам до той поры не доводилось ни разу. Долго ли сказка сказывается, да быстро дело делается! Вскоре с легкой руки моей любезной тетушки прямо в кожуре бананы были разрезаны пополам. Дело в том, что мы не знали, можно ли употреблять в пищу бананы в первоначальном виде, поэтому решили, что «вскрытие» покажет. Результаты вскрытия показали, что внутри банана находилась слегка блестящая мякоть зеленовато-белого цвета, по центру усеянная маленькими черными точечками. Почему-то именно эти точки-семена произвели на меня тогда неизгладимое впечатление. А сегодня, деля наполовину банан уже между своими дочками, я ищу те самые точки, но не нахожу. Бананы нынче не те!

Продолжаю. Предвкушая неземной вкус диковинного для нас фрукта, мы с братом откусили вожделенный плод и тут же с гримасами отвращения, явным своим видом демонстрируя брезгливость, выплюнули. По вкусу это был как горький кусок мыла, сильно вяжущий рот и совсем-совсем невкусный. Это я теперь знаю, что недозрелые бананы по вкусу больше похожи на галошу. А тогда мы еще долго с братом сокрушались, жалея бедных африканцев, что им приходится это постоянно есть, как когда-то твоя бабушка сокрушалась над сыром Эдем.

Вот так произошло мое знакомство с бананом – этим диковинным гостем из жаркой Африки! Кстати, и по сей день я питаю стойкое равнодушие к этим чудесным и полезным фруктам. Еще помню, как наша Наташа впервые попробовала этот фрукт. Вот умора была! Помнишь?

ЛЮБОВЬ К ТРУДУ И ЧТЕНИЮ

– Помню-помню. Она часто гостила у нас, тогда ей было лет шесть-семь. Не маленькая ведь уже. Я ей говорю: «Наташа, будешь банан? Он вкусный!» Он действительно вкусный: спелый, желтенький. Она схватила банан и с кожурой стала уплетать, при этом поглядывая на меня, мол, и вправду вкусно! А ты от хохота упала с дивана! Эх, ты!

А вообще-то ты ушла от ответа, я спрашивала о трудолюбии. Конечно, времена тоже играют роль в воспитании. В детстве, когда бабушка нам говорила, что завтра пойдем в лес по ягоды, лично у меня от радостной вести было ощущение, словно тепленькой водой облили. Что делала вечером, не помню, а солнечное утро становилось добрым-добрым. Вскакивали с постели, быстро одевались, умывались, завтракали и в лес! Вслед за бабушкой, степенно и торжественно идущей впереди, важно вышагивали мы. На душе радость от встречи с лесом (хотя, живем-то в тайге!). В одном фольклорном тексте прочла: «многочисленные женщины поселка шли веселой дорожкой собирания ягод», представляла и их радостные чувства. Как и в прошлые века, у каждой из нас на шее висел берестяной совт, персональный, как сказали бы сейчас. Мой был примерно на один литр, у сестренок – по убывающей. А у бабушки за спиной висел еще и пайп – большой берестяной кузов. Когда мы наполняли совты, аккуратно высыпали ягоды в пайп. Представь, какие мудрые манси, все рассчитано! Раз совты по величине разные, то дети наполняли их в одно время. И никому ведь не обидно…

А теперь о тебе, вспомни-ка:

– Доченька, пойдем в лес собирать бруснику.

– Нет, мамочка, я не люблю собирать ягоды.

– Как так?! Мы же в лес пойдем, там такая красота…

– Там комары…

– Да какие комары осенью? Ну, пойдём, пожалуйста, я тебе покажу озерко, оно такое маленькое, узенькое. А вокруг березки и осинки растут… Ты меня еще и благодарить будешь, что в лес сходила. Ты такую радость испытаешь.

– Мама, зачем тебе ягоды? У тебя их вон уже сколько…

– Доченька, а когда я была маленькой…

– Знаю, знаю! Вы радостные бежали за бабушкой… Слышала уже не раз. Просто в то время в магазинах не было фруктов, поэтому вы и бегали в лес. Все, мама, извини, я буду читать!

И ты спокойно продолжала чтение, а я в очередной раз испытывала шок-удивление: и от твоей категоричности и грубоватости, и твоего непонимания прелести собирания ягод, и твоего пристрастия к чтению. Многому до сих пор удивляюсь. Ты молодец, что много читала в детстве. Про Чехова и Бунина – молчу, но чтобы с пяти лет читать Эдуарда Тополя? Интересно, сколько раз ты перечитывала Чехова? Помнишь первое знакомство с ним: тебе три годика, я читаю тебе «Каштанку», объявляю: «Автор – Антон Павлович Чехов!» Ты: «Мама, а он сам книжку эту принес?..»

Ты молодец и в том, что читаешь мансийскую газету. А с чего все начиналось, помнишь? Да, со страшилок. Пусть меня простят учёные-манси, но раз есть такой жанр в фольклоре, почему бы не называть их так. У тети Вали в национальной газете был цикл изданий «Пилыщма потыр» (Устращающие рассказы), вот с них ты и начала чтение. Слушай, а ведь и вправду захватывает!

– Еще как! Я читала у тети Вали и слышала от бабушки и дедушки захватывающие и леденящие кровь истории, которые, казалось бы, не могут иметь место в природе, но они произошли с дедом, поэтому мое верю–не верю как-то даже и неуместно. А давай эту тему оставим на завтра, что-то к вечеру, да еще в тайге, страшновато как-то…

– Ну ладно уж, завтра, так завтра. Ты права. А то о чем будешь говорить, то может приключиться. Помню, в лет 14-15, вечером после сенокоса в лесной избушке делюсь с мамой своим мыслями: «Мама, я так хочу увидеть инопланетян». Она испуганно глянула на меня и тихо прошептала: «Ат таи тох номсунгкве. Нельзя об этом думать и говорить. Будешь думать – сразу почувствуют и покажутся тебе. А что будет дальше, ты знаешь?..» И вправду, что? Привидение увидишь и то от страха дрожишь, хотя оно свое – земное, а тут все-таки другие миры… Что было бы дальше, я не знала, поэтому переставала думать про то, что не позволительно. Кстати, по поводу того, что нельзя думать о том, что не подается объяснению. Сдаю кандидатский экзамен по философии, в конце ответа делаю такое «сверхумное» заключение: «Я мыслю солнечными системами». Преподавательница встрепенулась, глазки заблестели: «А как это?» Отвечаю: «Я вижу одну солнечную систему, вторую, третью… Галактики, млечный путь… А дальше что?» Она: «Стоп! А дальше нельзя! Есть определенный барьер, выйдя за который, обратно можно и не вернуться».

АНОМАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

– Мама, а с тобой ведь происходили странные случаи в жизни, не поддающиеся объяснению?

– Первый раз я столкнулась с необъяснимым явлением в тринадцать лет. Говорила или нет тебе о большой руке, которая стучала в окно? Или о том, как рядом со мной несколько раз шёл невидимка, имеющий вес? Могу рассказать.

Сначала о большой белой руке. Это было зимой, мне было лет тринадцать-четырнадцать, меня уже тянула улица… После кино гуляли с одноклассниками, часов в девять вечера меня проводили домой, а дома играют сестренки родные и двоюродные. Везде клеток понастроили, шумят. Я им что-то говорю, и тут резко в окно постучали. Мы все посмотрели на окно, на верхней раме сквозь тюль увидели руку. Может быть от того, что дома горел свет, а на улице было темно, рука показалась белой и большой. Я первым делом подумала, что мальчишки вернулись обратно и просто решили напугать. Выскакиваю в носках на мороз, выглядываю из-за двери в сторону окна – никого нет. Вернулась, обула валенки, думаю, пойду, посмотрю, чьи следы под окном: большие или маленькие. Подошла к окну и оцепенела: на снежной завалинке и близко нет никаких следов. Я забежала домой, собрала быстро всех девчонок и мы убежали через дом к бабушке, мама там была. Потом уже, во взрослой жизни читала несколько рассказов про руку, которую видят некоторые. Это меня немного успокоило, не мне одной привиделось.

А про невидимку было следующее. Два раза с ним встречалась. Манси называют его Самсай, от слов: сам – глаз, сай – укрытый, спрятанный, т. е. невидимое глазу существо, в научной литературе его называют еще Заглазный. Ну, так вот, был конец августа 1973 года. Темный-претемный вечер. Старшая сестра не пожелала меня брать в качестве няньки для двухлетнего племянника в Ленинград, и было за что: в прошлом году я выдержала только полгода, на новогодних каникулах к ее удивлению приехала мама, увезла меня домой. Интересно, что я написала маме? Мне было отказано в поездке, я обиделась и

вышла во двор. Обошла картофельное поле и села на груду досок у забора. Сижу обиженная, сердитая, гордая... Вдруг рядом со мной кто-то присел, почувствовала, как доски приподнялись. Я внимательно всматриваюсь, никого не вижу. Начала ощупывать пространство руками. Никого нет. Мне стало страшно, я вскочила и пошла к дому. Тот невидимый шёл рядом со мной, я слышала и видела, как приминается картофельная ботва. Когда стала проходить мимо туалета, он стал с силой хлопать туалетной дверью. Она чуть с петель не слетала. Тут уж я побежала бегом – нервы не выдержали.

Второй раз с невидимым Самсай встречалась в 1990-е годы, днём. Мы с Полиной собирали грибы и заблудились в лесу. Обычно я не блуждаю, но на той местности была впервые, и думала, что ложбины прямые, но позже, пролетая над этим местом на вертолете, увидела, они, оказывается, подковообразные. Вот поэтому и блуждали… В какой-то момент мы обе оглянулись, т. к. услышали сзади шаги. За нами никого не было. Иногда, резко оглянувшись, мы видели, как приминается трава. Один раз мы побежали к траве, думали, что кто-то из наших нас разыгрывает, хочет напугать. Но в траве никого не было, и тут я поняла, что это Самсай. Полине говорю: «Ты его не бойся, он зла не причиняет. Он тяжелый, поэтому думаю, что бегать быстро не может. Сейчас выйдем на ту полянку и побежим. Он от нас отстанет». И точно, мы от него убежали. Вот такие истории с одним персонажем… В прошлом у нас нельзя было слишком широко раскрывать двери, а то войдут невидимые Самсай и будут чинить неприятности.

Ты что-то хочешь сказать?

– Да, конечно. Я все время вспоминаю случай, который рассказывала тетя Валя про вашего отца, т. е. про моего дедушку. Ты знаешь, возможно, именно с этого рассказа я стала задумываться о самобытности культуры. Нет, даже не культуры в целом, а о ее составляющей – о хрупкой и тонкой связи северного человека с окружающим миром. У северян, в частности у манси, наравне с общественным началом не утрачено природное, он не возвышает себя над природой, не покоряет землю и воду, не подчиняет себе животный мир. Манси, как и в период античности, обожествляют элементы природы, верят в духов земли и неба. Ты же веришь? И я верю! И в каждой маленькой букашечке я вижу личность. Иногда мне бывает перед ними стыдно, ну, например, если я чуть не наступила на жучка и он замер от страха… Ну ладно, слушай меня, назову рассказ «Мой невидимый друг».

МОЙ НЕВИДИМЫЙ ДРУГ

Это был лютый февральский северный месяц. В тот день дедушка в последний раз перед завершением сезонного каслания отправился на Урал за своими оленями.

Вечерело. Мела непроглядная суровая метель, ветер протяжно и жутко завывал среди лесных деревьев, подхватывая с сугробов ледяной колючий снег, завихряя его в белоснежные обжигающие лицо вертуны, в которых то и дело пропадали из виду лайки, верно сопровождавшие деда в любых его поездках, и олени, спешно и торопко тянущие за собой легкие нарточки со своим единственным в этом далеком и промерзлом лесу путником.

Ночь застала деда на перекате реки Вольи. Утихла метель, миллиарды звезд выкатились на ясное, чистое, звонкое от мороза черное небо, круглолицая луна освещала своим волшебным голубым сиянием бескрайние снега. Вселенская тишина опустилась на тайгу…

Изрядно устав от многочасовой поездки, дед решил до рассвета дать отдых себе и своим верным спутникам: голодным оленям, у которых от долгого бега инеем покрылись белоснежные морды, и заснеженным улыбающимся лайкам. Остановившись в невысоком и редком молодом березняке на берегу Вольи и привязав оленей, дед развел небольшой костерок: поставил кипятиться в стареньком почерневшем от времени котелке снег для чая и начал обустраивать себе спальник на нартах. Как вдруг совсем недалеко, прямо за рекой он услышал звуки знакомой мансийской песни своего товарища Шешкина Павла. Собаки, услышав песню, дружно и с лаем рванули на знакомые звуки по глубокому снегу застывшей речки. Предвкушая дружескую встречу, дед подкинул больше дров в костер и стал терпеливо ждать, пристально вглядываясь, когда же оленья упряжка друга покажется на противоположном берегу. Через несколько минут, однако, вместо упряжки на берег выскочили гонимые неведомым страхом перепуганные собаки, рывками сигая через глубокий снег, и через минуту уже жались к ногам деда, жалобно поскуливая…

Между тем песнь Шешкина непонятным образом раздавалась уже в совершенно противоположной стороне, за спиной деда. Судя по всему, Шешкин просто не заметил костра и продолжил свой путь дальше на Сосьву. Но как тогда он переехал речушку, оставшись незамеченным? Отбросив эту мысль, дед решил позвать друга и громко закричал его имя, давая знать о своем местоположении. Его крик был услышан, потому что

голос Петра сменил направление в сторону дедушки и вот уже совсем близко, буквально в сотне шагов за небольшим пригорком, раздалось щелканье копыт и громкий голос Петра, понужающего своих оленей.

К великому изумлению дедушки, из-за пригорка никто не выехал! А голос Петра, меж тем, стал доноситься вновь, но совершенно уже из другого места. Что за диво?! Не мерещится ли? Дед с тревогой взглянул на животных, которые, как казалось, сошли с ума! Собаки с вздыбленной на холке шерстью, трусливо поджав хвосты, испуганно озирались по сторонам, скулили и еще сильнее прижимались к деду. Олени в приступе паники, хоркая и выкатывая блестящие глаза, неистово мотали во все стороны рогатыми головами и исступленно били копытами по вытоптанной, заледенелой земле, пытаясь высвободиться из удерживающих их путилищ…

Всю ночь не смыкали ни дед, ни его спутники глаз. До самого рассвета вокруг их стоянки в темноте лихо и резво носилась оленья упряжь со своим поющим ездоком, то, будучи совершенно невидимой, приближаясь как будто на расстояние вытянутой руки, то отдаляясь так, что песнь была едва слышна. Лишь с первыми лучами позднего северного солнца растворились все звуки в воздухе, словно бы и не было их вовсе…

По свету дед с собаками отправился в поисках следов, оставленных ночным гостем, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию. Однако кругом оказалась лишь совершенно нетронутая гладь снегов да безмолвная тайга. Подивился-поудивлялся дед, да поехал дальше по своим делам.

А Павла Шешкина, как оказалось позже, в том месте не было, и быть не могло, так как в ту самую пору он был в Сосьве. А спустя совсем немного времени его не стало. Вот так, видимо, душа его, покойника Шешкина, которому в скором времени была уготована судьба отойти в мир иной, носилась по тайге, предсказывая свой скорый уход…

Вот такая история, а теперь слушай вторую, она не менее занятная…

О ГУЛЕ ЗЕМЛИ

Чтобы прокормить свою большую семью нашему деду, как и другим жителям деревни, приходилось много и упорно работать: рыбачить и охотиться.

В ту осень дед решил обосноваться на богатых дичью Казаринских болотах. Казаринскими их величали потому, что в свое время угодья, на которых располагались эти самые болота, принадлежали некоему Казарину. Имя его историей умалчивается.

Так вот, пошел дед на болота со своими неизменными спутниками – сибирскими лайками и племянника своего Петра с собой в помощь взял. Ему на тот момент шел всего двенадцатый от роду год.

Путь был неблизкий: больше двадцати километров пешком по протоптанной столетиями таежным тропкам да порой по мокрым топким болотам в компании жадных до человеческой крови комаров и мошек.

Вот, наконец, показались бескрайние Казаринские болота. Предчувствуя удачную охоту, решили дед с Петром устроить небольшой привал – отдохнуть перед бессонной ночью. Дело было летом, а полярной ночью светло как днем: самое подходящее время для охоты из засады.

Но не тут-то было. Непонятно откуда со стороны болот начал зарождаться странный звук. Вначале это было похоже на глухой низкочастотный гул, который, казалось, шел из самых глубоких недр земли. С каждой секундой этот гул наращивал свою силу и тембр, приобретая все более гнетущее и тяжелое звучание, будто тысячи гигантских медных труб одновременно, в унисон выдавали одну и ту же протяжную, бесконечную низкую ноту.

Собаки в необъяснимом приступе припадали к земле, лапами пытаясь прикрыть свои чувствительные уши, тряся головами и отчаянно визжа. Дед с Петром также зажали уши, чтобы хоть немного уменьшить давление этого ужасающего гула. Казалось, что барабанные перепонки вот-вот должны были лопнуть. Однако гул и не думал прекращаться. Вместо этого он стал разрастаться, менять силу, тембр и «форму», если это так можно назвать. Теперь этот жуткий, леденящий кровь звук напоминал скорее оглушительный дикий рев и вопли какого-то огромного необъяснимого существа. Звук становился все громче и ближе, будто это неведомая сущность на стремительной скорости неслась прямо на ополоумевших от страха деда и Петра. В момент, когда страх достиг своего крайнего предела, и, казалось, что сердце вот-вот разорвется от этого неумолимо надвигающегося кошмара, дед внезапно вскинул ружье и с ругательством «… Казарин! Я тебя не боюсь!!!» трижды пальнул в небо…

Все стихло. Мертвая тишина установилась повсюду. Как стремительно все началось, так же быстро и закончилось. Только эхо от выстрелов умолкало где-то вдали, да стайка вспугнутых ими уток резво мелькала крыльями, улетая прочь…

Много лет прошло с тех пор, а дедушка всегда считал, что это могучий дух покойного Казарина запрещал ступать им по своей земле…

Кстати, мама, а ты знала, что очень многим людям приходилось слышать подобные звуки на нашем Севере? Довелось мне однажды читать путевые записки по Югре одного путешественника – ученого из Европы. То ли это был Шиллер, то ли Миллер, а, может, и Штейниц. Не помню, к сожалению. Но очень хорошо запомнила описание его поездки из Самаровского Яма в село Белогорье, что недалеко от современного Ханты-Мансийска.

Это было еще в далеком семнадцатом веке. Нашего ученого вызвался сопроводить в Белогорье местный дьякон. Двинулись они в путь с утра пораньше на двух лошадиных повозках-санях. Был ясный погожий денек, ничто не предвещало ничего неожиданного. Но, проезжая мимо Самаровской горы, с ее стороны начал исходить леденящий душу рев и гул. Лошадей обуяла паника. Дьякон, обезумевши от ужаса и ежесекундно крестясь, погнал лошадей и помчался прочь, позабыв о важном госте. А бедному ученому повезло меньше: его лошадь, не на шутку перепугавшись, круто рванула с места, и он выпал из саней прямо в снег, да так и остался лежать там без чувств.

Спустя некоторое время все звуки прекратились. Глубоко потрясенный ученый уже окончательно пришел в себя и продолжал сидеть в сугробе, беспомощно озираясь, поскольку и лошадей с санями, и самого дьякона уже давно и след простыл. Вскоре с понурым видом вернулся дьякон с еле утихомиренными лошадьми, и герои повествования продолжили свой путь или вернулись обратно, не в этом суть.

Так вот, к чему я это: сейчас эти звуки (гулы, рев) называют «гулом Земли», «стонами Земли» или даже «скрипом Земли». Эти гулы происходят и сейчас повсеместно. Люди слышат их по всей планете, в различных ее частях: от Австралии и до Северной Америки. Но ни один современный ученый не может толком объяснить природу этих самых звуков.

Может, и тогда дед с Петром были свидетелями этого гула Земли. Кто знает?

– Возможно. Когда я работала в университете, студенты с фольклорной практики привозили разные записи. Одна девочка с деревни Анеево записала от бабушки эти самые «Пилыщма потыр» – устрашающие рассказы. В одном из них тоже про звуки говорится. Сейчас переведу с мансийского дословно: «Этот случай на неводной рыбалке у горы Нангк-урнэ-ойка (Богатыря, охраняющего лиственницу) был: моя мама отдельно от меня в другой бригаде большим неводом рыбачили. Мы трое маленьким неводом селедку ловили. Однажды нас очень уж страшно пугало. Выпал снежок, прохладно. Мама развела костер, у костра человек десять собралось. Нас с Ориной и бригадиром Сондиным отправляют рыбачить, я – петовщик, на пете должна стоять. Пошла к реке, и, хотя ночь светлая, никак не могла к воде подойти, такой страх меня обуял. Я рассказала об этом взрослым, а один, конечно же, шутя, говорит: «Коли не пойдешь, шею разрубим». Я испугалась, кое-как подошла к воде, смотрю, а в реке маленький ребенок лежит. И в это время в лесу стало происходить что-то страшное, лес раскачивается, стонет, земля дрожит, гудит. Сондин, хотя и взрослый человек, так испугался, даже невод бросил в воде. А в невод столько много рыбы попало… Мы побежали к костру. На следующий день на то место рыбачить взрослые пошли. Их оттуда точно также согнали. Вот так вот нас пугало».

И про звуки, про гул, рассказывала учительница из Нарыкар. В детстве она с подружками переправилась на лодке через реку, чтобы поудить рыбу. На тот берег реки взрослые не разрешали ездить, а почему, дети не задумывались. Зато узнали теперь! Берег реки был высоким, и вдруг, неожиданно, из горы стал идти гул, он все нарастал. Дети, в панике побросав удочки, бросились к лодке, стали грести на середину реки. Страху натерпелись неимоверного, этот случай запомнили на всю жизнь.

Да, много в наших краях необъяснимого, таинственного, сверхъестественного. Однажды в лесу я собирала ягоды, рядом всегда находилась овчарка. Она лежит себе, полеживает. А я отчего-то встревожилась, почувствовала, как ко мне кто-то несется с большой скоростью. Испугалась не на шутку, а собака лежит себе спокойненько. Тот кто-то продолжает приближаться! Прошло еще минуты две-три, я уже приняла защитную позу, как боец или боксер какой. В одной руке нож. В другой дихлофос. Жду. Вдруг вижу, прямо на меня несется белка, я отскочила в сторону, белка по прямой промчалась дальше. Страхи исчезли, но вопросы появились. Как такое может быть?

И еще был случай. Та женщина, которая рассказывала про картонки-валенки, она поведала историю. Бригада рыбаков состояла из молодежи, рыбачили далеко от дома, жили в палатках. Ночи уже темные, наверное, был август. Уставшие за день люди, сидели у костра, ужинали, шутили, посмеивались. Хотя вечерами нельзя громко смеяться, шуметь, одной девушке, как говорится, залетела в рот смешинка. Ей уже замечание делают, а она все никак угомониться не может, смешно ей все. Постепенно успокоилась, все разошлись спать. Среди ночи неожиданно раздался страшный крик, люди выскочили из палаток, а

у костра, пытаясь встать, барахтается эта самая девушка. Оказывается, только стала она засыпать, как кто-то схватил ее за ногу и как пушинку выбросил на кострище. Всю оставшуюся ночь девушка не сомкнула глаз… Утром выявился еще один казус: исчезла бочка с соленой рыбой! Рыбаки были в крайнем недоумении: нет никаких следов на песке, а куда могла исчезнуть трехсоткилограммовая бочка? Однако вскоре ее нашли, она валялась в нескольких десятках метров от места пропажи в лесной чаще. Вот такие удивительные вещи происходят на нашем Севере!

Продолжение следует…

КАЗАНЦЕВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Казанцев Михаил Александрович (1920-1995) родился в д. Ушья Кондинского района. В начальных классах учился в школе п. Шаим, старшие классы закончил в п. Нахрачи (п. Кондинский). Поступил в Ханты-Мансийское педучилище, закончил обучение в 1939 году. После училища один год работал учителем в п. Няксимволь Березовского района, затем по направлению поехал в Ленинградский институт народов Севера. Прошел службу в рядах СА, годы службы совпали с финской кампанией, а затем и Великой Отечественной войной. После окончания войны М. Казанцев учился на юридическом факультете Ленинградского университета. Много лет работал заместителем прокурора г. Ленинграда.

Литературное творчество М. Казанцева – рассказ «Рассказ о себе», изданный в журнале «Мы – люди Севера» в 1949 году.

РАССКАЗ О СЕБЕ

1

Помню: зима была, вечер. Бабушка, сидя на лавке, латала мою малицу. Мать, медленно двигалась по избе, собирала на стол. Отец отдыхал.

Он в обед только вернулся из леса, где был чуть ли не две недели. Вернулся довольный, и я сразу же стал повторять мою великую мечту. Он сидел за столом и молчал. Потом посмотрел на мать и снова молчал. Слушал, что я буду еще говорить ему. А я упрямо повторял одно и то же.

Повторял то, что говорил в августе, в лесу, после того, как отец дал мне впервые выстрелить из своей берданки. Я тогда волновался и долго не мог поймать мушку. Потом навел ружье на какую-то маленькую птицу, выстрелил, и птица упала. Я очень обрадовался, хотя это была всего-навсего никому не нужная краснозобка. Радостный, я заговорил с отцом о своей мечте. Он мне ничего тогда не сказал, только взял за плечо и толкнул вперед…

О своей мечте я говорил ему и в сентябре, когда листья на березах начали уже желтеть, и в октябре, когда над Кондою, навстречу нашей лодке, поплыли туманы. Однажды я рано утром, с разрешения отца, взял ружье и один отправился в лес. Солнце только вставало, и стволы сосен были совсем красные, как единственная в нашем доме кастрюля, которую мать очень берегла и начищала до блеска. Вершины сосен, тоже розовые от солнца, уходили далеко в небо, а на вершинах, чуть не на каждой, сидели тетерева. Я не видел, были ли они красными, – они сидели очень высоко, – только я знал, что они греются на солнышке, потому и неподвижные такие.

Тогда я долго бродил по лесу и принес домой одного тетерева. А мать ругать меня стала, подумала, что это я стащил из соседнего слопца – ловушки. Я заплакал. Потом пришел отец, осмотрел птицу и сказал матери коротко: «Вари». А мне, когда я через несколько дней заговорил с ним о своей мечте, он сердито крикнул:

– Ты нужен дома!

Наступил ноябрь. Уже выпал снег.

Отец вытащил на берег лодку, в которой ездил по Конде и вверх по её притокам в глухие леса за рыбой. Внимательно осмотрел лыжи – не потерся ли мех. Мои, маленькие, стояли теперь в сенях рядом с его большими. Я все ходил около отца, старался как мог услужить ему. Очень хотелось мне заговорить с ним, но я не решался: отец сердитый – лучше с ним не заговаривать.

Сегодня он вернулся с первой своей зимней охоты. Ружьё и котомку он оставил в сенях, связку беличьих шкурок положил в избе на лавку, а две горностаевых из рук в руки передал матери и, передавая, гладил. Я боялся, что он рассердится, если я заговорю, но он был доволен своей охотой. Я заговорил – и он не рассердился. Он ломал сушеную рыбу и молчал. Весь обед молчал, а когда встал из-за стола и закурил свою короткую трубку, пристально посмотрел на меня. Он, наверное, хотел, чтобы я замолчал и отпустил свои глаза. Но я, не знаю почему, не сделал ни того, ни другого, и отец, поперхнувшись дымом, сказал:

– Ладно! – и, уже направляясь к постели, добавил: – Завтра же возьму у соседа лошадь и отвезу…

Отец отдыхал.

Мать и бабушка собирали мне еду и одежду. Братишки поглядывали на меня недоверчиво, а я то и дело выбегал в сени и скакал там на одной ножке вокруг отцовской котомки. Скакал и пел:

– В школу, в школу, в школу…

Никакое другое слово не приходило мне на память, хотя мне исполнилось уже семь лет и я умел петь настоящие песни.

2

Село Шаим большое. После моей деревни Ушьи оно казалось особенно большим. Потом-то я понял, что это маленькое село. Но здесь были кооперативы, заготовительная контора, сельсовет и, главное, школа. И я никогда не думал, что может быть столько народу. Идешь по улице, а навстречу все незнакомые, в кооператив заходишь – а там еще больше незнакомых. И ребята в школе – незнакомые, и слова, которым учат на уроках – незнакомые. Так казалось сначала, а потом и ребята стали друзьями, и разные слова я стал понимать.

Вот одно такое слово. Я так и помню: только что начался урок, учитель, имени которого я еще не успел запомнить, раскрывая букварь, сказал:

– У нас – коллектив, – и объяснил, что это значит.

Ребята сразу поняли, в чем дело, а я стал думать. У меня не случалось так, чтобы все вместе, все заодно. В Ушье соседские ребятишки были старше меня и в игры свои не принимали. Здесь, в школе, я тоже еще ни с кем не подружился.

Я был самым маленьким и сидел впереди. Я видел даже, как шевелится язык учителя и рот раскрывается в лад словам. Учитель говорит много: и о ребятах одной школы, и о людях, строящих одну фабрику. Я заглянул, помню, в букварь, который лежал перед учителем, чтобы представить себе, какая она, эта фабрика. Своего букваря у меня еще не было.

А учитель тем временем стал рассказывать о большевиках, которые все вместе, все заодно, и борются, чтобы на земле не было ни бедных, ни богатых, а все бы одинаково хорошо жили. Учитель сказал, что и он большевик. Тут я вспомнил, что большевиком у нас, в Ушье, называли охотника, который в партизанах был. Я спросил, даже не подняв руки:

– Разве вы знакомы с дядей Сашей? Он – тоже большевик.

Учитель засмеялся и сказал, что перед ответом с места надо поднять правую руку, а потом стал серьезным и объяснял до конца урока.

Помню, мне тогда очень захотелось стать большевиком, потому что было обидно: как это у богача Сатыги целых десять лошадей, а у моего отца не то что лошади, а даже хорошей собаки для охоты нету.

Через несколько дней я уже подружился с товарищами. Скоро мне выдали собственный букварь. Я часто раскрывал его на той странице, где была нарисована фабрика, и еще на той, где были нарисованы Ленин и Сталин – самые великие большевики, которых знают все.

Один раз в коридоре школы, во время перемены, я увидел учителя и подошёл к нему:

– Анатолий Николаевич!

– Ну, что, Миша?

Я очень удивился, что учитель знает, как меня зовут, хотя я и не говорил ему. Я удивился и два раза повторил:

– Анатолий Николаевич!..

Он стоял молча и только внимательно смотрел на меня. Наконец я вспомнил, зачем подошел к учителю.

– Анатолий Николаевич, я очень хочу быть в коллективе большевиков! – За эти дни я много раз повторял эти слова про себя и поэтому произнес их без запинки.

Анатолий Николаевич положил мне руку на голову и сказал:

– Будешь, будешь, Миша! Подожди! А пока занимайся как следует. Ты ведь очень отстал!

Я хотел было ответить, но меня испугало слово «отстал». Когда отец шел охотиться в недальний лес, он брал и меня с собой. К вечеру он двигался по чаще все так же легко, а я с непривычки спотыкался о корни и не поспевал за отцом. Тогда он оборачивался и, не замедляя шага, сердито бросал через плечо:

– Ну-у, отстал!

При этих словах мне становилось всегда стыдно. А теперь и Анатолий Николаевич говорит – «отстал».

Я тихо пошел в комнату, где на дверях висела надпись «Интернат» и где около теплой печки стояла моя койка. Я вынул из меховой сумки букварь и сел за стол. Весь вечер я так и просидел над букварем, не обращая внимания на возню товарищей. И следующий, и еще много вечеров подряд…

У меня была хорошая память, и к весне на вопросы учителя я стал поднимать руку раньше всех в классе. Я так и решил: буду всегда впереди, и никто не сможет мне сказать : «Ну-у, отстал».

Наступило лето. Я вернулся домой. Теперь на охоте я уже не отставал от отца; как мне не было трудно, я всегда держался с ним рядом, и на следующую осень отец все чаще говорил мне:

– Ты нужен дома!

И я понимал, что действительно нужен, потому что я умел бить уже не только тетеревов, но и белок.

А я ходил по лесу с отцом и думал: всего за каких-нибудь двадцать пять километров, там, за холмами – Шаим, школа, Анатолий Николаевич. Ребята в классе учат новое, то, чего я не знаю. Отец и берданку свою старую мне подарил – вот она на плече – и разговаривает со мною, почти как с настоящим охотником. А мне невесело. Тут я и понял. Что такое – коллектив!

С ползимы отец решил отвезти меня все-таки во второй класс, и я, пожалуй, обрадовался еще больше, чем в прошлом году. Только на одной ноге не прыгал – я уже не маленький!

3

Прошёл еще год. Я стою на красивой трибуне, выстроенной перед большим, под железной крышей, домом заготовительной конторы. Перед трибуною площадь, на площади очень много народу.

Я первый раз на трибуне. Рядом – Анатолий Николаевич, улыбается председатель сельсовета, и еще секретарь райкома что-то записывает в свою красивую книжечку. Я не знаю, куда глядеть, то ли на площадь, то ли на секретаря – он настоящий большевик, а меня недавно приняли в пионеры. На груди у меня новенький красный галстук, и мне хочется, чтобы секретарь обязательно на меня поглядел.

Люди на площади все одеты по-праздничному, и на легких светлых малицах – узоры. Одна малица, другая, третья – все узоры сливаются в один. Я волнуюсь, не могу различить – какой узор на какой малице.

Я посмотрел в лицо секретарю, а он уже взмахнул шапкой и начал говорить, приветствуя рыбаков и охотников, пришедших сюда с красными обозами. Я вспомнил: сейчас и я должен говорить, и еще больше заволновался: может быть, и из моей маленькой Ушьи пришел обоз?

Когда я произнес первое слово, на площади раздались крики:

– Не видно, не видно!

Я никак не мог понять, что же охотникам не видно. Мой голос перестал быть звонким, и я вдруг забыл все слова, которые так хорошо лежали в памяти. Не успел я еще вспомнить их, как кто-то подхватил меня подмышки и поставил на узенькие перила:

– Продолжай, товарищ пионер!

Я обернулся и увидел секретаря, он улыбался, и зубы у него были очень белые.

На площади засмеялись, и я понял, что наконец-то охотники увидали то, чего не видели раньше – я был маленького роста, и из-за перил меня, почти не было видно. Я вдруг перестал волноваться и стал звонко выкрикивать:

– От имени пионеров и школьников Шаимской школы разрешите…

Я чувствовал, как меня поддерживает за малицу большая рука, и я ни разу не побоялся упасть, хотя на узеньких перилах стоять было неудобно.

Потом не один еще раз поручали мне выступать с приветствиями. Я сначала считал, что это за хорошую память и звонкий голос, а оказалось, за то, что я был лучшим учеником школы и примерным пионером. Но о том, что я лучший ученик, я узнал лишь тогда, когда из всей нашей школы только троих мальчиков взяли в четвертый класс семилетки села Нахрачи.

Тут трудно рассказывать по порядку. Я, помню, сначала грустил о дорогом своем учителе Анатолии Николаевиче, но в Нахрачах было много учителей. Они называли меня Мишей и были довольны, когда я за один год кончил сразу четвертый и пятый классы.

В новой школе было еще больше ребят. И среди них были комсомольцы. Мне нравились комсомольские флажки, которые горели у них на груди, и я аккуратно ходил на открытые комсомольские собрания, хотя сначала и не все понимал. Но я очень хотел стать комсомольцем, потому что они во всем – первые, и учатся хорошо, и в избе-читальне книжки вслух читают, и самодеятельность налаживают, и в международной обстановке разбираются.

Один раз я шел с почты и нес письмо от отцы, в котором он сообщал, что в Ушье организовался рыболовецкий колхоз и что рыбаки избрали отца своим председателем. Я очень был рад, что наши охотники и рыболовы завели теперь коллективное хозяйство и отец убедился, как это хорошо, когда все вместе и все заодно.

Снег уже начинал подтаивать сверху и блестеть, ноги скользили, и в лыжном костюме мне было жарко. На школьном дворе я сдернул с головы шапку и, заслонясь ею, поглядел на солнце. Потом стал смотреть на снег под ногами, и он перестал быть белым, а стал красным и синим, весь в искорках. Меня кто-то окликнул по фамилии, а кто – я не видел, потому что и лицо человека, который шел мне навстречу, сверкало красными и синими искорками.

Человек взял меня за рукав и спросил:

– Твоя фамилия – Казанцев?

– Казанцев.

– Ну, так я тебя ищу. Ты назначен членом редколлегии нашей стенгазеты. Меня зовут Коля Свешников. Пойдём, я расскажу, что надо делать.

Я надел шапку, сунул письмо в карман и сказал:

– Пойдем.

Входя в школу, я обернулся: снег был опять белым, а лицо Коли в веснушках. Я спросил:

– А ты комсомолец, Коля?

– Нет. Очень хочу быть комсомольцем.

Я вздохнул и ничего не ответил.

В тот вечер я слушал стихи Коли Свешникова и смотрел, как рисует Гриша Бабкин, а через несколько дней мы уже наклеили на большой лист фанеры красивую стенгазету. Ребята со всей школы столпились около нее, а мы отошли в сторонку, хотя нам было очень интересно, что про нашу стенгазету говорят.

Мы втроем стали дружить: в общежитии наши койки стояли рядом, мы вместе занимались, вместе играли в школьном драмкружке и вместе готовились стать комсомольцами.

Заявление о приеме в комсомол я написал заранее, и оно хранилось у меня в тетради, куда я, по примеру Коли Свешникова, записывал свои стихи. Я рассказал об этом только Коле и Грише, а они засмеялись, потому что заявления о приеме в комсомол и они уже заготовили. Но все-таки мои друзья были счастливее, они были на целый год старше меня. Я втайне завидовал им: они скоро вынут свои заявления из потайных мест и отнесут в комитет комсомола. А мне целый год еще надо ждать.

Наша стенгазета с каждым номером становилась все лучше и красивее, и один раз, когда в школьном коридоре никого не было, я стал разглядывать рисунки Гриши Бабкина. Когда выпускаешь газету – некогда смотреть, а теперь я удивился: какие веселые рисунки, ай-да Гриша!

Около стенгазеты остановился секретарь комсомольского комитета, посмотрел на рисунки, и, видимо, ему тоже понравилось. Потом он стал вдруг серьезным и сказал:

– Ты почему не подаешь заявление в комсомол? Ты же отличник, Казанцев!

Я перестал смотреть на рисунки и ответил, что очень хочу стать комсомольцем, но меня не примут, потому что мне еще не хватает одного года.

– Какого такого года? Имей в виду, Казанцев, комитет считает, что ты достоин. Подавай заявление.

Потом мы попрощались, он пошел к выходу, а я, запыхавшись, вбежал в общежитие. Коля и Гриша посмотрели на меня удивленно, а я достал из тетрадки свое заявление и стал его перечитывать. Я читал долго и нарочно по складам, и мне показалось, что заявление написано недостаточно хорошо и красиво. Я сел за стол, отодвинул все книги, чтобы они мне не мешали, и переписал заявление заново. Я поставил подпись, число и прочел заявление вслух, а Коля и Гриша в один голос сказали:

– Хорошо. Кода понесешь?

Мне хотелось отнести заявление сейчас же, хотя я знал, что в комитете никого нет. Мне очень хотелось, и я даже встал из-за стола и пошел к двери, а Коля и Гриша смотрели мне вслед и ничего не понимали. У самого порога я подумал, что в комитете все равно никого не застану, и сказал:

– Отнесу тогда же, когда и вы!..

Это я Коле и Грише сказал, а потом вернулся к столу, и мы сели готовить уроки.

Принимали нас в комсомол через неделю. Мы все трое сидели у печки в большой комнате комитета комсомола, и все трое были очень серьёзными. Члены комитета не спеша задавали нам разные вопросы, чтобы проверить нашу политическую грамотность.

Мне задавали вопрос: кто может быть членом ленинского комсомола. Я хорошо ответил, и по ответу выходило, что сам я не могу быть членом ленинского комсомола, потому что мне не исполнилось пятнадцати лет. Меня еще подробно спрашивали о германском фашизме и о моих отметках за последнюю четверть, а потом встал секретарь комитета и сказал:

– Комитет решил принять тебя, Казанцев, в ряды ленинского комсомола, оправдай наше доверие! – и пожал мне руку.

Гриша и Коля тоже меня поздравили, а я поздравил их, и мы все трое ходили по улице и мечтали, что вот окончим семилетку и все вместе поедем в Ханты-Мансийск, и опять будем дружить, и заниматься в педагогическом училище.

Ночью я долго не мог уснуть.

4

Наши мечты сбылись: мы занимались в педагогическом училище и хорошо дружили, а вот теперь разъехались по разным районам. Где вы, мои друзья?

Меня сначала не хотели отпускать из Ханты-Мансийска с комсомольской работы. Но я сказал, что работа для комсомольца везде найдется, и меня назначили учителем в глухой Березовский район.

И вот я уже сам учитель. Такой же молодой, каким был когда-то Анатолий Николаевич, только что из педагогического училища.

Я хожу по проходу между партами, смотрю на вихрастые головы учеников и думаю: давно ли я сам был таким же – мне ведь ещё нет восемнадцати лет. Нет, я сегодня не об этом думаю, об этом я думал вчера.

Я только что вызвал к доске мальчика – его тоже зовут Миша, и у него тоже хорошая память, и тоже упрямый характер. Я задал ему вопрос, а он смотрел на меня и молчал. Я переспросил его на языке манси, он немного оживился, а потом заморгал своими глазенками и ничего не ответил. А я был уверен, что Миша знает, как называется столица нашей родины. Почему же он молчал?

Я хожу по классу и медленно рассказываю о Москве.

Я был в Москве всего год назад, с экскурсией отличников педагогического училища. Я видел Москву и хорошо все понимаю, а вот рассказывать трудно. Если кто не видел Москвы, тому легче рассказывать, а кто побывал – у того слов оказывается мало.

Мы приехали в столицу с Казанского вокзала. Вокзал огромный и весь гудит. Я до сих пор вижу, какой он огромный, и слышу, как он гудит, а передать словами не могу, и ученики не могут представить, какой он огромный и как он гудит. А потом мы вышли на площадь и увидели многоэтажные дома. Я знал, что они не до неба, и знал, что они никак упасть не могут, а все-таки проходить мимо них было сначала немного страшно. Я негромко сказал об этом Коле Свешникову, который стоял рядом со мной и тоже удивлялся, а Коля не услышал. Я сказал погромче, а он только вздрогнул, и я понял, что в Москве на улице надо говорить совсем громко, потому что здесь очень шумно. Шумно как раз потому, что все так громко разговаривают. А еще потому, что, куда ни взглянешь перед собой, – по крайней мере сто колес в разных местах вертятся: у грузовиков, у легковых автомобилей, у трамваев, у троллейбусов, – вертятся и даже не шумят, а грохочут…

Я и раньше книги о Москве читал. И в Омске был, – видел там и большие дома, и много трамваев, но кода все сразу увидишь – кажется, что ты ничего не читал и все видишь впервые. К вечеру того дня у меня болел затылок и у Коли тоже.

Зато в московских музеях такая тишина, что страшно даже ходить. Больше всего я боялся не успеть что-либо там посмотреть или забыть то, что уже видел. В Третьяковской галерее я стал даже записывать названия картин и имена тех, кто их нарисовал. Я очень старался, чтобы Гриша Бабкин, который остался в Ханты-Мансийке, меня не засмеял потом. Я сломал два карандаша, а потом сказал Коле Свешникову, что и сам Гриша Бабкин не запомнил бы всего, хотя он и увлекается рисованием.

Все это я вспомнил на уроке, когда про Москву стал рассказывать. И мне показалось, будто хожу я не по классу, а по улицам столицы. Я рассказываю ученикам так, будто и они ходят со мною вдоль Кремлевской стены и снимают шапки у мавзолея, а потом мы спускаемся по движущейся лестнице глубоко-глубоко под землёю, чтобы мигом очутиться на другом конце города, подняться по движущейся лестнице и попасть в зоологический сад, где живет большой лось, пойманный в наших местах, и мы вместе улыбаемся ему, как земляку.

Сорок глаз следят за мной и даже не мигают, пока я рассказываю о Москве. И маленький Миша слушает, не чувствуя, как по его щеке бегает муха.

Вчера вечером я был у его отца, и старик говорил мне много нехорошего. Глухое это село – Няксимволь, куда я приехал работать учителем. Не любят здесь новых людей. А старые сидят по избам, и вечером редко-редко встретишь кого-нибудь на улице. Разве только оленья упряжка обдаст тебя снегом, да подружки пойдут, взявшись за руки, к бывшей часовне, откуда слышится музыка.

Я как-то заглянул в эту бывшую часовню.

Там помещалась теперь сельская изба-читальня, но книг мало, единственная полка загнана в дальний угол, а от пустых стен пахнет сыростью. На столе – патефон, и высокий парень по-хозяйски ставит новую пластинку, а на глаза ему свешиваются волосы, и лицо блестит от пота. Я посмотрел, как танцуют, в сводчатом помещении было накурено, и я вышел на улицу.

Мало было комсомольцев в Няксимволе, ребята больше слушались этого высокого парня, чем секретаря своей организации. Я спрашивал многих – почему они не вступают в комсомол. Некоторые молчали, а агроном, давно небритый, ответил, пожав плечами:

– Зачем?

Агроному-то совсем стыдно не быть комсомольцем.

И отец Миши, когда я спросил его вчера, почему он не вступает в колхоз, долго на меня смотрел: как я могу еще спрашивать! Я отказался от предложенной махорки и сказал, что я комсомолец и поэтому должен спрашивать. Старик еще больше удивился, помотал головой и ничего не ответил. Потом посмотрел на печку, где под оленьей шкурой спал Миша, и снизил голос:

– Ты – учитель, ты – комсомолец, ты – государственный человек, и я тебе скажу. Не хочу, чтобы Мишка слышал, – с председателевым Санькой дружит, а того не понимает, что жила у Саньки отец, для себя колхоз организовал. Из богачей наш председатель, дед Рында – ух, какой богач был, много оленей после себя оставил.

Старик закашлялся, а потом сплюнул.

– Вот и колхоз оленеводческий, чтобы богатство не пропало. Подходящих дружков завел. Рындинских оленей берегут! Не хочу в такой колхоз, государство обманывают.

Старик опять сплюнул.

– И к избачу, что русских не любит и всегда лицом потеет, приглядись – дружок председателев, одного поля ягодки.

Я закурил махорки, она была крепкая, своего заводу.

О словах старика я думал и вечером, когда возвращался домой, думал и наутро, в школе, когда маленький Миша не хотел отвечать на мой вопрос. А следующие дни и недели мне уже некогда было думать. Я стал делать ту работу, о которой говорил в Ханты-Мансийском окружкоме комсомола, когда меня не хотели пускать в село.

В школе не было дров, а леса вокруг подступали чуть ли не к самой школе. Я пошел в колхоз, к председателю. Он встретил меня вежливо и даже предложил сесть. Но когда я ему объяснил, зачем я пришел, коротко сказал:

– Людей нет. – И сощурился.

Вечером я пошел в избу-читальню – там опять танцевали. Я остановил пластинку и громко сказал:

– Пускай комсомольцы, если они в воскресенье не хотят идти в лес заготовлять дрова, отойдут к той стенке.

Я увидел, что к той стенке никто не отошел, и только некоторые посмотрели на высокого парня с волосами на лбу. Я тоже посмотрел на его потное лицо, подумал и сказал:

– В лес пойдут только комсомольцы. Подарок детям будет только от комсомольцев, детям холодно заниматься.

Но комсомольцев было мало, а дров нужно много, и я еще зашел к отцу маленького Миши. Мы вместе пошли по избам. Неразговорчивые старики смотрели на меня удивленно, но говорили, что придут, и Мишин отец всем отвечал:

– Приходите, пожалуйста!

В субботу я узнал, что подано несколько заявлений о приеме в комсомол, те, кто их подал, пришли в воскресенье с топорами и пилами.

После работы в лесу у меня ныли руки и ноги, и когда я сидел в теплом классе, мне очень хотелось спать. Но вечером я опять пошел в избу-читальню. Избач был очень недоволен, что я пришел, а комсомольцы довольны. Я им рассказал, как ездил в Москву, и они слушали два часа.

Потом я часто приходил в избу-читальню и всегда что-нибудь рассказывал и даже делал доклады на серьезные темы. В тот день, когда комсомольцы избрали меня секретарем своей организации, я сказал:

–Ребята, давайте танцевать!

Мне сначала никто не поверил, когда я сказал, что люблю танцевать и петь – многие даже засмеялись, и я засмеялся. Тут мы все стали танцевать, а высокий избач накинул свою малицу, вышел и сильно хлопнул дверью.

Мы танцевали наш «медвежий» танец. И не под патефон – таких пластинок нету, – а под песню. Встали в круг, покрыли головы платками и, не сходя с места, начали изображать, будто по лесу крадётся охотник. Вот он медленно идёт, вот увидали медведя, затаился. Платки на головах качаются в лад нашим движениям. А танцоры передают и движенья медведя – увалень-медведь, сытый, переваливается с боку на бок. Потом танец становится быстрее, охотник вскидывает ружье, стреляет в медведя и подбегает к нему. А потом танец опять идет плавно – охотник сидит на корточках и свежует теплую тушу, и песню поет:

Шел я по лесу и убил медведя,
Шел я по лесу и убил медведя.
Много мяса свезу домой,
Много мяса свезу домой.

Охотник везет домой медвежью тушу и показывает ее жене. Тут танец кончается. Мы откидываем платки, смотрим друг на друга и смеемся.

Хорошо было, я давно уже не танцевал!

Я возвращался домой по снежной улице и думал, что хорошо бы показать наш танец всему народу, чтобы все радовались и смеялись.

«Обязательно, надо будет показать, – решил я. – А то очень глухо в Няксимволе, отвык народ веселиться».

И я стал думать о Няксимволе. Мне только что сказали, что из округа приехал прокурор Тандалов. Я сам его вызвал – умный человек: он-то разберется, почему в Няксимволе так невесело. Я шел и думал, и сначала даже не заметил, что впереди меня идут те, о которых я думал. Председатель колхоза за плечи обнимал избача, и они все время оступались в глубокий снег, хотя дорога была широкая. Я неторопливо прошел мимо них, они долго глядели мне вслед, стоя по колено в снегу. Я усмехнулся: небось, и они знают, что приехал прокурор!..

Один весенний день был для меня особенно радостным: вечером ко мне одетый по-праздничному пришел Мишин отец. Я пододвинул гостю табуретку. Он положил передо мной узорный кисет с махоркой и сказал:

– Кури. Крепкая. Своего заводу.

– Знаю, – ответил я и свернул папиросу.

– Пришел советоваться с тобой, Михаил. Как думаешь? Другой у нас теперь колхоз в Няксимволе, по правильному пути идет. Хочу завтра вступать. Как думаешь?

Я зажег спичку и вспомнил, что два часа назад бюро принимало в члены комсомола того самого агронома, который мне когда-то говорил – зачем? Сегодня я спросил агронома: зачем он вступил в комсомол?

Он был тоже одет по-праздничному, тоже вынул узорный кисет, но не закурил, а сунул кисет обратно в карман и сказал:

– Другие теперь комсомольцы в Няксимволе, по правильному пути идут. Не хочу быть один. Прими заявление!

А еще раньше, когда я утром вошел в класс и посмотрел на солнечные окна, я сказал:

– У нас – коллектив! Кто ответит, что такое коллектив?

Маленький Миша поднял руку первым.

5

Лучше всего я почему-то запоминаю дни, когда яркое солнце. И синее небо, и синяя вода.

Я очень люблю синюю воду. Только она всегда по-разному синяя. В детстве я смотрел на быструю свою Конду, и от реки шли лучи, вода как будто горела. В Ханты-Мансийске я видел Иртыш: он тоже синий, но всегда такой, будто это небо перед самой грозой. А сейчас – Нева, и мне нравится, что она по-другому синяя и не похожа на наши реки. Она – спокойная, потому что пришла уже к морю.

Я думал, что после Москвы я ничему не стану удивляться в Ленинграде. Я хорошо знал, что в трамваях держатся за ремни не для того, чтобы трамвай шел быстрее, а просто для того, чтобы стоять удобнее, и не боялся переходить через дорогу на самых больших перекрестах. Но в Москве нету Исаакиевского собора, и я никогда не поднимался так высоко. Прямо надо мной летали птицы, но я позавидовал не птицам, а нашим летчикам, которые забираются еще выше, а вокруг – яркое солнце и синее небо, и видно сразу много-много синей воды. Это море и впервые я увидел в Ленинграде.

В Ленинград я приехал не на экскурсию, а учиться. Я много уже учился и понимал, что все-таки учился мало, а хотел знать много, больше, чем до сих пор.

Я готовился в Институт народов Севера и жил под Ленинградом, в Пушкине. Помню, когда я в четвертом классе учил наизусть «Памятник», я все старался себе представить, какой он был, великий Пушкин. А теперь я его вижу: вот он сидит, бронзовый, на скамейке, подперев кулаком щеку, и около памятника не зарастает тропинка. Сюда приходят все народы, как сам Пушкин предсказывал, и я, манси, пришёл к нему по этой народной тропинке, и мой друг, эвенк Сумрин пришел, и ульчи Ван пришел. Мы садимся около памятника и готовимся к экзамену по Конституции народов СССР. Я поднимаю голову, и мне кажется, что бронзовый Пушкин слушает, как мы разговариваем.

Экзамены в Институт я выдержал хорошо. Потом целый месяц ходил на лекции профессоров. Но однажды я пришел в Институт в военной форме и сдал в библиотеку все книги, которые брал. Женщина отложила книги в сторону, а я попросил, чтобы она не выкидывала мою читательскую карточку, потому что через два года снова приду сюда учиться и мне нужны будут книг. Женщина подняла очки на лоб, строго посмотрела на меня, а когда я повернулся, чтобы уйти, улыбнулась:

– Счастливо служить, товарищ Казанцев…

Я пошел в свою часть, которая стала моим новым домом, пешком через весь город – до конца увольнительной еще оставалось сорок пять минут. Я шел и думал о товарищах по Институту и о том, какую лекцию они сейчас слушают и какой профессор им читает. Я проходил по широким улицам, мимо садов и памятников, мимо красивых домов. Они все казались мне давно знакомыми, и весь город был родным, и я шел по ровному асфальту так, будто ходил по нему всю жизнь.

В одном месте, кажется за Невой, мне на глаза попалась надпись: «Центральный Военно-Морской музей». Я подумал, что это, наверное, очень интересный музей, и я обязательно, как вернусь из армии, пойду посмотреть разные корабли. Потом я вспомнил, что не дочитал интересную книгу, и решил, что снова возьму ее из библиотеки сразу же по возвращении в Институт. Было яркое солнце, и синее небо, и синяя вода, и мне казалось, что я вернусь завтра и опять начну заниматься.

Но вернулся я в Институт не так скоро, как думал: через два месяца началась война с белофиннами.

6

Война уже началась, город по вечерам был совсем темным. В учебном батальоне мы занимались, опустив на окна плотные бумажные шторы

Но я знал, что за каждым окном, за каждой опущенной шторой учится и работает много людей. Я любил этих незнакомых людей, и мне было очень радостно, что они избрали меня своим депутатом во Фрунзенском районе. Совет, хотя я только полгода живу в Ленинграде и не привык еще говорить – мой город. Но через несколько дней я пошел за него в свой первый бой.

Вот как это было. Я получил приказ уничтожить вражескую «кукушку», ее огонь мешал продвижению роты. «Кукушку» никто не видел, и я не видел ее, хотя заметил, откуда огонь. Белофинн сидел высоко на сосне, и его белый халат сливался с небом, которое было тоже очень белым, потому что стоял сильный мороз.

Я взял с собой двух бойцов, и мы встали на лыжи и пошли по маленькой лощинке немного в обход. Вокруг стояли сосны и невысокие скалы, но и они казались белыми, как небо, как земля. Даже плохо было видно, где кончается одно и начинается другое. Мы прошли на лыжах по лощине, а потом поползли. Ползти в глубоком снегу нелегко – на ногах лыжи, которые нельзя снимать. И винтовки нельзя поднимать высоко – они без чехлов.

Я старался ползти так, как полз за отцом, подкрадываясь к зверю. Зверем у нас называют лося. Волки и медведи – это волки и медведи, а лось – это зверь. И охота на зверя – самая трудная охота.

Начинается она на рассвете, еще до солнца. Сидишь на опушке, а перед глазами – янга, на целую версту поляна. Сидишь – и всю видно. Маленький туман, и очень тихо, не дрогнет тайга. А потом просыпается какая-то птичка, это зяблики раньше всех просыпаются, и вот уже первый звук…

Я теперь городской человек и часто занимаюсь до рассвета. Выходишь под утро на улицу, вокруг тоже тихо-тихо, и вдруг очень издалека – трамвайный звоночек. Еле-еле…

И тайга просыпается, будто город. Уже несколько птичек щебечут сразу: шурша листьями, из нор выходят бурундучки; белка роняет первую шишку; из кустов взлетает тетерев. И ветер начинает раскачивать вершины, шумит, шумит, и солнце показывается.

И вот, до всех этих звуков, до солнца, из леса выходят лоси. Охотник видит, как они медленно перебирают ногами и высоко поднимают большие рога. Они отходят подальше от опушки, но и на середине янги еще не скоро принимаются выщипывать мох – все слушают.

Охотник крадется по лесу, крадется вокруг янги по опушке. Сучком не хрустнет – лоси очень чуткие. Остановится против зверя, а стрелять нельзя – пуля не долетит. И вот охотник ползет. Ползет и все время смотрит на зверя, глаз с него не спускает. Зверь поднимет голову, и охотник прижимается к земле. если в лесу нельзя хрустнуть сучком, то на открытой поляне даже дыхание охотник задерживает. Час, а то и два задерживает дыхание, а руки и ноги все время в движении, и ружье становится таким тяжелым, что кажется, невозможно будет его поднять.

И сейчас, к невидимой «кукушке», старался ползти так, как полз вслед за отцом, подкрадываясь к зверю. Только сейчас было еще труднее ползти. Правда, «кукушка» не такая чуткая, но вокруг снег и мороз, а на ногах лыжи, которые нельзя снимать. Если обнаружишь себя на охоте, зверь просто убежит, а белофинн подстрелит тебя, и приказ не будет выполнен.

Я с одного выстрела снял вражескую «кукушку». Я не видел, как с сосны упал белофинн, но обстрел позиций нашей роты прекратился. Товарищи похвалили меня за удачный выстрел, а я был доволен, что одним врагом у моего города меньше.

Стоял сильный мороз, и, не докурив цигарку, мы поползли назад.

Коренные ленинградцы говорили, что они не помнят, чтобы так было холодно, как в эту зиму. И мне было холодно, но все-таки меньше, чем другим, потому что я с детства привык к сибирским морозам. А это очень важно: я мог личным примером подбадривать своих бойцов.

Во время штурма линии Маннергейма и во время марша нашей дивизии в обход Выборга у нас даже пища была часто холодная, потому что мы двигались очень стремительно, и походные кухни не поспевали за нами. Бойцы очень мерзли, а я их учил, как надо растираться снегом и работать руками во время ходьбы на лыжах, если они хотят согреться. Я так старательно показывал, что мне становилось даже жарко, и я расстегивал полушубок.

Потом меня ранило. Я был политруком роты и шел впереди, когда белофинны били из минометов. На следующий день Выборг был взят моими товарищами. Еще через день окончилась война, и в госпитале я лежал уже в Выборге.

Это была короткая, но нелегкая война. Потом пришла другая, с немецкими фашистами. Я знал, что рано или поздно эта война должна прийти. Но под утро я проснулся по боевой тревоге и не поверил, что пришла именно сейчас, именно в эту ночь.

7

Через несколько дней я должен был окончить срок службы и вернуться в свой Институт. Я очень хотел учиться, и о книжке недочитанной не забыл, и о Военно-Морском музее хорошо помнил. Штаб составлял уже списки подлежащих демобилизации, и я подал рапорт о передаче военных складов, которыми тогда заведовал, другому лицу. Мой рапорт был удовлетворен, и в субботу вечером я приехал в расположение моей постоянной части. Только документы у меня еще не были оформлены.

Под утро – боевая тревога. В несколько минут – все на своих местах, а у меня до понедельника ещё и места нету. Я выбежал из домика, где мы спали, и стою возле крыльца. Небо чистое и очень светлое, уже не ночь, уже утро, на траве большая роса, сапоги даже обрызгала – хороший день впереди. А за домиком слышен голос нашего командира.

Вот он оборвался, прозвучала команда: «Разойтись», и, придерживая винтовки, навстречу мне побежали бойцы. На бегу кто-то крикнул:

– Война, Михаил!..

Я назначен был политруком роты связи.

Сначала мы отступали, и это было очень горько. Злые были тогда солдаты и дрались ожесточённо, а я был злой вдвойне, потому что мне тоже хотелось ожесточённо драться, а я был в роте связи, и в разведку командование не переводило.

Я солдатам не говорил, почему я злой, ведь политрук во всем должен показывать пример. А на партийном собрании нашей части, где меня принимали в члены партии, сказал. Сказал, что в разведке принесу больше пользы, а мне ответили:

– Выполняйте задание командования, товарищ Казанцев!..

Партийное собрание происходило на открытом воздухе, я глубоко вздохнул и отошел за березу. Там спрятал партийный билет в левый карман гимнастерки, опять вздохнул, а потом сам себе улыбнулся и шагнул обратно на поляну.

Я не совершал героических поступков. Это мой друг, лейтенант Вася Нестеров обвязал себя гранатами и бросился под вражеский танк. Это раненый солдат моей роты Петр Обметка, будучи не в силах уже срастить разорванный провод, взял оба конца в рот, прижал языком, и вся связь во время большого боя шла через него. Это майор Савельев со знаменем в руках повел своих солдат на штурм Мустоловских высот и на вершине был сражен пулей. А я воевал просто, обеспечивал связь, ликвидировал повреждения, воспитывал бойцов.

Во время прорыва блокады меня назначили начальником направления связи армии к дивизии.

Я недавно вернулся из Ленинграда, где окончил курсы младших лейтенантов, и перед началом операции говорил солдатам о Ленинграде.

Я говорил, что не узнал города. Окна магазинов заставлены большими ящиками с песком. Народу на улицах мало, и все ходят осторожно, словно бояться упасть. На стенах – синие надписи: «При артобстреле эта сторона наиболее опасна», и рядом, на штукатурке, глубокие следы от осколков. Через десять шагов – другая надпись: «Не разжигайте времянок бензином – это приводит к пожару»; повыше этой надписи, вокруг второго этажа, неровные следы копоти, и вместо стекол – фанера.

Несколько раз я заходил во Фрунзенский райсовет. В вестибюле – синяя лампочка. В помещении холодно, работники сидят в пальто, даже машинистки работают в пальто. Трещит телефон, заведующий отделом медленно снимает трубку и медленно начинает говорить: он экономит движения, оно выбирает слова, ни одного лишнего слова. Изо рта идет пар.

Потом к нему подходит девушка-секретарь и с подписанной бумажкой идет в другую комнату, где медленно и сосредоточенно, едва кивая при встрече.

Услыхав, что я воюю на Ленинградском фронте, они оживляются и обязательно спрашивают:

– Скоро ли прорвете блокаду?

Конечно, я отвечаю, что скоро прорвем. Я отвечаю так, потому что иначе этим людям ответить нельзя. У каждого кто-нибудь умер из близких, и каждый верит, что мы отомстим.

Я говорил своим солдатам о Ленинграде, и сразу же после таких разговоров солдаты поднимались, чтобы еще раз проверить телефонный провод и еще раз доложить мне:

– Все в исправности, товарищ младший лейтенант!

И вот начался бой, о котором с таким нетерпением спрашивали меня ленинградцы. Я не мог следить за ходом всей операции, знал только, что она развивается успешно. Связь, которую мы налаживали, работала бесперебойно. Мы радовались, что по всем проводам к командующему армией идут хорошие вести.

В один из решающих моментов боя связь прервалась. Командующий вызвал меня к себе и посмотрел прямо в глаза:

– Пятнадцать минут…

Я понял, что на восстановление связи мне дается пятнадцать минут. У меня на руке были часы, сверенные сегодня утром перед началом нашего наступления.

Я выбежал с командного пункта, выкрикнул на бегу несколько фамилий и схватил провод в руку. Провод скользил по ладони, он был холодный и мокрый, потому что лежал в снегу. За мной бежали солдаты, а я вбежал впереди, и провод бежал через мою руку, и секундная стрелка бежала, и я видел ее.

Противник вел ураганный обстрел наших позиций, снаряды ложились густо, и перед глазами все время стояли черные столбы. Иногда я пригибался к земле, дергал провод: не даст ли он где-нибудь «слабинку». Потом снова бежал вперед вдоль провода, прямо на черные столбы. Я бежал и не боялся, что меня убьют, я знал, что провод сейчас подхватит кто-нибудь другой, почувствует, наконец, долгожданную «слабинку», ликвидирует повреждение, и приказ будет выполнен.

Провод вел мимо редкого леса, по открытой местности, и привел к большой дороге. Дорогу пересекал узенький ровик, вырытый специально для провода. Всего вероятнее, повреждение находилось именно здесь, потому что края ровика были вмяты танковыми гусеницами. Но я дернул провод и «слабинки» не почувствовал.

Совсем рядом вырос черный столб, и сзади меня упал солдат, раненный осколком. Я хотел подбежать к нему, но черный столб вырос еще ближе, и еще двое упали, а я посмотрел на часы и увидел, что до конца срока остается меньше, чем три минуты. Я выпустил провод из рук, перебежал дорогу и снова схватил его. Машинально сделал несколько шагов вперед и вдруг почувствовал, что провод в руке перестал быть упругим, а сделался вялым-вялым. Вот она – «слабинка», и не впереди меня, а сзади! Я обернулся, дернул провод посильнее, и конец его выполз из ровика, извиваясь по снегу, как змея.

Ровно через пятнадцать минут после получения задания концы провода были соединены, и, как мне сказали потом на командном пункте, командующий армией, приложив трубку к уху, проговорил:

– Молодцы!

Через месяц я с гордостью прикрепил на свою гимнастерку орден Красной звезды.

8

Я еду с Дальнего Востока, где тоже воевал и тоже получил орден. Сейчас война уже кончилась, и я еду в университет, потому что я по-прежнему хочу продолжить учение.

Поезд подходит к Омску, а мне хочется снять с верхней полки свой чемодан, чтобы, как только будет станция, выпрыгнуть из вагона и, не оборачиваясь, идти к Иртышу, на пароходную пристань. Восемь суток вверх по Иртышу – и будет Ханты-Мансийск, а оттуда по Конде до самой Ушьи.

Мне очень хотелось снять с верхней полки свой чемодан, но я не снял его, а когда поезд остановился, отошел от окна и развернул сегодняшнюю газету. За окнами бегали люди и что-то кричали, а я не слышал, хотя окно было спущено. Я смотрел в газету, а видел нашу избу, видел отца, мать и бабушку, и даже себя в пионерском галстуке, сидящего перед печкой. В печке горит огонь, трещат сыроватые сучья, и мне очень тепло и спокойно, и я негромко пою песню.

А потом – мальчик в красном галстуке пропадает, и я вижу невысокого парня с волосами на пробор. Это тоже я. Я о чем-то спорю с отцом, а отец очень доволен, что у него сын учитель. Отец смеется. Он меня спрашивает, что такое – Лига наций, и я ему объясняю, и он кивает головой и опять смеется. Мы садимся за стол, и отец говорит, сколько в этом сезоне колхоз сдал на консервный завод рыбы, и два часа мне рассказывает, какого большого язя на днях поймали рыбаки.

Я тогда уезжал в Институт народов севера и потом воевал, и отец воевал тоже. Но я остался жив, а его убили фашисты. И теперь я никак не могу себе представить, что не увижу отца, если даже доеду до самой Ушьи и войду в избу.

Я рассказал бы ему о разных странах, где мне пришлось побывать, о хороших и плохих людях, с которыми мне пришлось встретиться за эти восемь лет. И отцу было бы интересно, и он улыбался бы и обязательно повел бы меня охотиться на зверя. Я полз бы вслед за отцом, подкрадывался к зверю, и вспоминал бы, как полз по снегу в лютую зиму войны с белофиннами.

Я рассказал бы отцу, что опять через восемь лет еду учиться, но у меня теперь другая заветная мечта, я буду не учителем, а прокурором. Отец только засмеялся бы, а я объяснил бы ему, что не могу равнодушно смотреть на несчастных людей, которые неправильно себя ведут и не понимают, что в нашей стране – все вместе, все заодно, а они сами по себе и ищут только выгоды для себя. А такие люди есть, и на войне они сидели в стороне, за кустиком, и теперь они прячутся за разными бумажками, и только делают вид, что работают. Они прячутся, и мы их часто не замечаем, а вот я хочу научиться замечать несчастных людей и поступать с ними так, чтобы они не мешали моему государству. Я хочу быть прокурором.

Поезд уже идет полным ходом, и за окном, рядом с поездом, бегут деревья и навстречу им телефонные столбы. Они бегут очень быстро, и мне кажется, что поезд идет еле-еле, и я высовываю голову в окно, чтобы убедиться, что он идет полным ходом.

Передо мной проходит вся моя Родина: леса, реки, горы; города, заводы, деревни; люди на дорогах, люди на полях, люди на больших и маленьких станциях. Я все-таки уверен, что поезд идет слишком медленно, хотя он идет быстро, потому что мне кажется, чем раньше я приеду, тем раньше окончу юридический факультет и войду в большую жизнь моей Родины.

Вот теперь уже три года каждый день я вхожу в красивое здание университета.

И опять встретился с Колей Свешниковым. Он тоже учится в университете, только на северном факультете, и мы спорим, чей факультет лучше, и читаем друг другу свои стихи.

Прошлым летом мы ездили с ним в Ханты-Мансийск, настоящий город теперь. Я был там у Анатолия Николаевича, первого моего учителя. Он теперь уже не учитель, а инструктор окружного комитета партии. Я пришел к нему и заробел, как ученик. Он сразу же узнал меня и хотел положить мне, как в детстве, руку на голову. Но поднял и засмеялся, и положил мне руку на плечо.

Мы с ним пили чай, вспоминали войну, говорили о последнем выступлении Вышинского, потом Анатолий Николаевич вдруг сделал серьезное лицо и сказал:

– У нас – коллектив!

Я посмотрел на него удивленно, а потом вспомнил эти слова и ответил Анатолию Николаевичу, что и я, следуя его примеру, говорил так своим ученикам. Вот и во время войны я был в Германии, и там никто и никогда не говорил этих слов. У немцев – благоустроенные дома, чистота, вежливость, а я смотрел на них с сожалением, там каждый в одиночку и благоустраивает только свой дом.

Анатолий Николаевич засмеялся, а я ему сказал, что скоро приеду в Ханты-Мансийский округ насовсем и буду здесь работать прокурором.

– А не учителем, Миша?

– Нет, не учителем, Анатолий Николаевич!

И я рассказал ему, почему решил заниматься на юридическом факультете. Он похлопал меня по спине:

– Ну, ну, хорошее дело! Нам учителя нужны и прокуроры нужны. Все нужны, видишь, какой город растет.

Анатолий Николаевич кивнул на окно. Я увидел очень много огней, дым заводских труб сливался с облаками.

Перед самым отъездом я встретил и своего ученика. Того самого Мишу из Няксимволя, у которого хорошая память и упрямый характер. Он уже не выглядел маленьким, а был даже выше меня ростом. Как я когда-то, он занимался теперь в Педагогическом училище и, как я когда-то, мечтает поехать учиться в институт. В его глазах отражалось по маленькому солнцу, и я спросил, чему он так радуется. Миша ещё больше заулыбался:

– Во-первых, я встретил вас, Михаил Александрович! А во-вторых, меня сегодня избрали членом нашего комитета комсомола. Я сейчас пойду к Иртышу и буду петь.

Я постоял немного и услышал песню:

Широка страна моя родная.

Было очень легко дышать: страна моя, город мой, Ханты-Мансийск мой – все мое! Я хочу, чтобы каждый так чувствовал. Я очень люблю тебя, моя Родина!

КАРНАУХОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

Карнаухова Светлана Владимировна родилась 16 сентября 1951 года в г. Ханты-Мансийске. Манси из рода Келтиных (д. Евра Кондинского района). В 1956 году семья переехала в п. Кондинское, окончила среднюю школу. После окончания 8 классов поступила в Ханты-Мансийское училище. В 1972 году вышла замуж и переехала в г. Урай. Работала в Урайском коммерческом банке.

Начала писать стихотворения в школьные годы.

Публикуется в Урайском литературном журнале «Оттиск». Стихи вошли в сборники «Шаимские находки» (2001), в антологию литературы финно-угорских народов «Поэзия» (2006).

НУ, ЧЕМ СИБИРЬ НЕ РАЙ!

Ну, чем Сибирь не рай,
Какие по утрам рассветы,
И солнце – в три обхвата каравай –
С утра до ночи светит.

А лес! Ну, так и манит отдохнуть,
Живительного воздуха вдохнуть.
Пичужки нежно трели льют,
Жаль, комары покоя не дают.

Какие здесь пески речные!
Завидуют курорты мировые.
Конечно, лето коротко,
Зато не надо ехать далеко.

Ну, чем Сибирь не рай,
Захочешь прокатиться, выбирай:
На лыжах проложи лыжню
Или на санках покори любую крутизну.

Скажу, не хвастаясь, друзья,
И не кривя душой:
Живу в раю, в Урае я,
И мне не нужен рай другой.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ КРАЙ!

Алеет на кустах брусника,
Грибы во мху укрылись с головой.
Мой край любимый, слышишь,
Как я пою, идя лесной тропой.
Здесь не услышишь трели соловья,
И серны по лесу не скачут,
Ведь тут тайга, тайга, тайга.
И кулички печально на болотах плачут…
Край сосен, елей, кедрача,
Озер, болот и рек.

Теперь же край, где нефть пошла,
Убив живое все на век…
Разумный человек, остановись,
Ведь только нефтью сыт не будешь.
А как же белые пески и светлые озера,
Ну, разве их забудешь?
Люблю тебя, мой край таежный,
С тобой боюсь расстаться и на миг.
Поверь, что другом буду я надежным,
И для меня святым останется твой лик.

ТАЙГА

Здесь ходят лоси, ягель собирая,
Медведь в берлогу с осени залег,
Куница хитрым глазом озирает
Сосну, в дупле которой жизнь идет.
Зимой все кажется уснуло и застыло,
Тайга укрылась снегом до весны.
Зайчонок белый мчится смело
От рыжей хищницы в кусты.
А летом жизнь в тайге другая,
Звеня, накроет туча комарья.
И если ты тайги не знаешь,
То только чудо выведет тебя.
Тайга, стоят стеною ели,
Колоды преграждают путь,
И сосны от ветра запели,
Их голос глух и груб.
А мы живем в краю таежном,
Бруснику, клюкву любим собирать.
И сидя ночью у костра в палатке
В ночное небо песни до утра орать.

О ЖИЗНИ

Нашу жизнь каждый видит по-своему.
Кто говорит, что в полоску она.
Мне же видится жизнь по иному;
Калейдоскопом из разноцветья стекла.

Чудным узором мгновенья ложатся,
Каждый час и миг неповторим.
Стекла простые бриллиантами кажутся,
И судьбу бросает, словно шарик, мим.

Вертит и крутит судьба жизни трубку,
Хочет узор небывалый создать.
Снова затейливо стекла ложатся,
И нам не хотят подчиняться никак.

Может быть, жизнь по спирали промчится,
А у кого лишь искрой промелькнёт.
Богу спасибо за миг этот чистый,
Что человека создал и на землю привел.

Пусть как угодно ее представляют,
Белой ли, черной, в полоску и без…
Я же упорно стекляшки мешаю
В надежде, что сложится слово – успех!

(2001)

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Камин на кухоньке гудит,
Трещат поленья смоляные,
Мы с братом на скамеечке сидим
И ждем печенки золотые.
Кружочки на плите лежат
И на зубах слегка хрустят.
И это в памяти моей
Осталось до последних дней.
На лыжах мы ходить любили
До Куртовых полян,
А летом в озере ловили
Ершей и окуней.
Здесь бор стоял и сосны пели,
Весенний ветер трогал ели.
Здесь озеро светлей слезы,
Ночами лижет белые пески,
Моя Сибирь, земля моя,
Как горько плачет по тебе душа.
Как хочется всегда твоею быть
И раны рваные любовью залечить.

(1998)

ДУША

Проснулась в страхе, что душа исчезла,
Сбежала, скрылась от меня.
Осталась я, бездушная и бестелесная,
Кому такая женщина нужна.
Моя душа была родная мне,
Хоть часто спорили наедине.
Моя душа была из благородных,
А потому держала тело в нищете.
Я душу потеряла, то-то страх
Вокруг меня бездушие и крах.
Ищу, зову, пытаюсь разыскать,
Я без души не лягу больше спать.
Проснулась, сердце словно птица,
Ура, мне это только, только снится.
Конечно, это бред и суета,
Душа на месте – я спасена…

(2001)

КОЗЛОВА ЛЮДМИЛА АНАТОЛЬЕВНА

Козлова (Тандалова) Людмила Анатольевна родилась 10 декабря 1959 года в д. Кама Кондинского района ХМАО. В 1975 г. окончила 8 классов Алтайской восьмилетней школы, по окончании 10 класса (1977 г.) Болчаровский средней полной школы поступила в Ханты-Мансийское педагогическое училище. Работала в детском саду с. Алтай, в госпромхозе по изготовлению меховых сувениров г. Ханты-Мансийска. Первые стихотворения были опубликованы в 1976 г. в газете Кондинского района «Ленинская трибуна». Принимала участие в конкурсе начинающих поэтов о Ханты-Мансийске в 1997 году, получила диплом лауреата. Принимала участие в конкурсе самодеятельных поэтов о Югре (2006 г.), получила диплом – 2 место. Мать пятерых детей.

***

Город юности, город любви,
Город будущего с горьким прошлым.
Как были трудны твои первые дни
И долго тянулась по улицам осень.

Но вырвался из мрака тишины
И в новый век взметнулся, расцветая,
Ханты-Мансийск, по-новому звучит,
Красивый город с гордыми глазами.

Здесь величавы парки и аллеи,
Как трогательны прошлого дома.
И всюду обнимает тебя нежно
Великая и мудрая тайга.

Ханты-Мансийск – уютный яркий город,
Здесь жизнь бурлит, здесь мир и красота.
И частая в Сибири непогода
Не омрачает нежный трепет твоего лица.

***

Оторванные с мест родных, обжитых,
В тайге, под звон пилы и топора,
Лечили люди раненые души
И город воздвигали на века.

Как мало им для счастья было надо,
Одна мольба – дожить бы до утра.
И сердце от отчаянья разрывалось,
Встречая опустевшие дома.

Шумела первозданная тайга,
Стараясь заглушить людские стоны.
Истерзанные тихие тела
Ложились в ров одной сплетенной болью.

Рос город, разбегаясь по холмам,
Березки с каждым годом хорошели.
Но лишь сегодня ваши имена
Такою болью выплыли из тени.

Как ваша биография проста:
Родился, жил, работал, арестован…
Хранит ваш сон суровая тайга,
А нам бы встать пред вами на колени.

И вымолить прощенье у земли,
У Бога, у всего, что есть святого.
За жизни уходящие безвинно,
За нашу глухоту и слепоту,
За равнодушье наше, немоту.

***

Все ли мы любим так, чтобы прощать,
Ничего плохого не замечать,
Жить взглядом, улыбкой,
Трепетать от прикосновения руки.
Все ли мы любим?
А, быть может, просто обречены
Плыть в одном челноке по океану,
Когда нет возможности друг от друга уйти.

***

Весенний день, сверкают лужи,
Капель звенит и неба синь.
А мне любимый с нежной грустью
Сказал: «Повестку получил».
Ну что ж повестка, пусть повестка.
Апрель разлуку подарил.
Но надо же, что кто-то где-то
Нам мир весною сохранил.
Ты не грусти, родной, о крае,
Где утки стаями летят,
Кувшинки белыми глазами
С тоскою в глубь небес глядят.
Ты не грусти, настанет время
И вновь вернешься ты сюда.
Я улыбнусь тебе, как прежде,
И будем вместе мы всегда.

***

Не расцвела заря, угасла,
К ней туча шла издалека.
И темнотой своею властно
Уже полнеба заняла.
Склонились травы, рассыпаясь,
Утихли птичьи голоса.
Река, луч солнца дожидаясь,
Вдруг задрожала, тишина
Повисла меж землей и небом,
Тревоги таинства помня.
И лишь тайга
Дышала шумно и тревожно,
Грозу вдыхая на себя.

***

Отбросив в сторону игрушки,
Свои столь важные дела,
Малыш у мамы на коленях
Прильнул к груди, закрыв глаза.
И замер миг любви и счастья,
Таинства мамы и дитя,
В веках скользящих чередою
Свои проблемы, имена.
И только нежность материнства
Сродни с прекрасною зарей,
Пылают ярко, неизменно
Над нашей древнею Землей.

***

Я этой порой любовалась,
По лесу беспечно плутала.
Такое вокруг разноцветье
На солнце осеннем играло.
Кружилась с листвой, паутинки
Тихонько меня обнимали.
И небо, прозрачное небо
Над нами беспечно лежало.
Но что же случилось сегодня,
По тропке тихонько бреду.
И с грустью, щемящей мне душу,
На лес в бабье лето смотрю.

***

Выласканы солнечным теплом,
Добрыми и нежными руками,
Расцвели, как женские сердца,
Георгины, астры и шафраны.
Голубые, красные, хмельные
Все слилось в один сплошной ковер,
Эти клумбы с сочными цветами –
Лето, подведенное чертой.
Небо плещет сильно, но ветра
Дышат приближеньем снегопада,
И кружит осенний лист над садом,
За собою солнце унося.
Вот она простая неизбежность,
Первое вторжение зимы.
Полыхают ярко, безнадежно
Снегом припорошены цветы.

КОНЬКОВА АННА МИТРОФАНОВНА

Конькова (Картина) Анна Митрофановна родилась 26 июня 1916 года в мансийском селении Евра Пелымской волости (ныне – Кондинский район).

В 1937 году окончила Ханты-Мансийское педагогическое училище. Преподавала в национальных школах округа. В 1946 году переехала в город Ханты-Мансийск, работала в детских садах, школах города. Более тридцати лет посвятила работе с детьми.

В 1967 году после выхода на пенсию занялась литературной деятельностью. Автор более 20 произведений, двух сборников «Сказки бабушки Аннэ» (1985), «Свидание с детством» (1996). В 1982 году выходит роман-сказание «И лун медлительных поток…», написанный в соавторстве с тюменским прозаиком Г. Сазоновым.

В 1989 году Анна Митрофановна Конькова принята в Союз писателей СССР.

Талант и труд Анны Митрофановны отмечен наградами: Орденом Почета (1996), званием «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа», в 1998 году она стала обладательницей звания «Почетный гражданин города Ханты-Мансийска».

Умерла 3 декабря 1999 года, похоронена в Ханты-Мансийске. В 2000 году, посмертно, ей присвоено звание «Почетный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа».

КОСОЛАПЫЙ ТРУС
(РАССКАЗ)

В один из осенних дней проливной дождь помешал нам собирать бруснику: пришлось вернуться домой. Мама уже затопила баню, как вдруг кончился дождь, и погода начала проясняться. Тут бабушка Околь недовольно заворчала:

– Когда-то еще перетопиться баня, да отстоится, да мужчины-соседи попарятся, так и вечер настанет. Мы за это время еще за черемухой успеем сходить. Собирайся, Аннэ!

У нас каждый год заготовлялось много черемухи, сушили ее, а зимой из молотой черемухи стряпали пирожки, парили с калиной. Все кушанья из черемухи я очень любила и поэтому с радостью пошла с бабушкой собирать ягоду.

Мама посоветовала нам идти к Кузнецовской новине: близко, и от черемухи там ветки клонятся.

Эта новина представляла собой небольшой участок земли, возле реки, раскорчеванный и засеянной овсом. Он был даже не совсем огорожен, как следует, а обложен вокруг: где пнями, где стволами деревьев, где просто хворостом. Вокруг пашни рос богатый черемушник. Вот сюда-то мы и пришли с бабушкой Околь.

Порадовались кистям крупной чистой ягоды и принялись собирать ее. Бабушка с земли пригибала молодые деревца и собирала с них черемуху. Я же на шею надела лямку совт – набирушки, чтобы удобно было обеими руками собирать ягоды и забралась на высокое черемуховое дерево.

Сверху мне была видна вся новина. Среди созерцающего овса я заметила соседского черного бычка и удивилась: как он сюда попал? Ведь в этой стороне никогда не паслись коровы.

Я увлеклась сбором черемухи, переступила ногами и ухватилась за тонкий, гибкий ствол. Дерево быстро начало пригибаться к земле, и я на нем, как на крыльях, полетела через пни, прямо в овес.

Не ожидая такого, я вскрикнула и приземлилась совсем близко от черного бычка. А бычок от неожиданности громко рявкнул и, резко повернувшись, поспешно стал удирать.

Когда он вскарабкался на пень на противоположной стороне новины, я поняла, что это был медведь.

Мной овладел поздний страх.

Я выпустила из рук гибкий ствол дерева, смотрела на рассыпанные ягоды и даже не слышала, как ко мне подошла бабушка Околь.

– Никак Сам приходил на овес? Я тебе всегда говорила, что медведи, хотя грозные и сильные, но трусливые. Видела я, как он улепетывал от тебя.

Бабушкина речь успокоила меня.

– Ну, если он такой трус, то почему тогда, когда мы пришли, не испугался и не удрал от нас? – спросила я у бабушки.

– Медведь не всегда доверяет слуху, надеется на свое чутье. А сегодня ветер дул с его стороны, он и не учуял нас, – объяснила она.

Теперь я печально смотрела на свою набирку и говорила:

– Как же теперь идти по деревне с пустой посудиной? Скажут, что Аннэ ленивая.

– Не печалься, сейчас мы с тобой в четыре руки возьмемся, и все будет хорошо, – успокоила бабушка.

Мы быстро наполнили черемухой пустую набирку и пошли домой. Бабушка, довольная, посмотрела на полные посудины и весело проговорила:

– Все наше счастье – что летом припасем, то на стол зимой принесем!

ОТКУДА СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ ПОШЛО
(ЛЕГЕНДА)

Давно-давно, когда еще олени с людьми не дружили, когда ханты и манси не ездили, не летали, а по лесам и болотам ходили, себе пищу добывали, а мудрые древние старики говаривали: «Не пойдешь – не пожуешь», «Не походишь – не поешь», в вершине речки Найденной стояло стойбище древних манси. В стойбище у всех были дети, только одной семье духи не послали детей. Долго муж с женой просили духов, чтобы послали им дитя.

И вот, когда их жизнь шла к старости, как день к вечеру, у них родилась дочка. Стали думать родители, как назвать ее.

– Выбрать бы имя такое, чтобы принесло оно счастье, – вслух размышляла мать. – Родилась она у нас в вечернюю зарю. Вечериною назвать, что ли? Однако вечер – пора отдыха, сна, как бы наша дочь не выросла ленивой да сонливой.

– Не бойся, мать, – сказал отец. – Утро зарождается вечером. Назовем Вечериною, может, увидит дочь в жизни своей свет утренней зари с вечера.

– Ты, отец, в сказки ударился, – возразила мать.

– Сказки наши тоже вечером у ярких костров рождаются, – ответила отец. – А после сказок сны красивые снятся, в руках и ногах силы прибавляется, плечи становятся крепкими, спина меньше гнется к земле. Пусть Вечерина будет для людей сказкой вечерней с горячим живым огнем в сердце, пусть согревает людские сердца своим теплом.

Мать согласилась. Взяла свою малютку и понесла к костру, чтобы показать ее всем.

Старая мудрая женщина дольше всех смотрела на девочку, а потом сказала:

– Люди мои, эта девочка не похожа на детей, которых я видела. На ее лице, как на небе, сходятся две зари – вечерняя и утренняя. Она нам всем принесет много радости.

Люди, обрадованные словами мудрой женщины, оживились, стали петь и плясать возле костра. Только Комполэн – Болотный Дух – рассердился, побежал по болотам и борам с диким криком и визгом. На деревья налетал – деревья ломались и со стоном валились мертвыми на землю. Птицы напугались – разлетались в разные стороны. Звери убежали в дальние урманы, рыбы на дно речки легли.

Всех распугал Комполэн – Болотный Дух, не выносил он, когда люди радовались.

Костер погас – погасла и радость у людей. Тяжело стало жить. Ходили манси с утра до вечера по лесам и урманам, искали зверя, да мало находили. Уж Вечерина выросла, на охоту стала ходить, а охота все еще бедной была, неудачливой.

Как-то Вечерина возвращалась с охоты и наткнулась в лесу на маленького слабенького олененка. Он лежал с вытянутыми ногами и откинутой головой, как сломанная веточка в засуху. Вечерина поняла, что мать олененка где-то погибла. Взяла его девушка и понесла домой. Долго шла, сама очень устала. Тяжело было идти с живым грузом, но радостно. Идет и шепчет:

– Живи олешек, живи. Вот принесу домой – ухой отпою, и ты поправишься.

Уха заменила олененку молоко, он стал подниматься на ноги и есть сочную траву. А когда совсем окреп, Вечерина стала водить его на самые лучшие кормовые места. Пасет целый день, а вечером разведет дымокур, сядет сама на пенек, а олешек уляжется у ее ног. Вечерина поет ему тихие колыбельные песни. Дымокур комаров отгоняет, ласковая песня сон навевает. Олененок глаза закрывает. А Вечерина

гладит теплой ладонью бугорочки у него на голове и поет о том, чему научила ее старшая мать – Земля, и о том, что младшая мать, качая ее, напевала:

Баю-баюшки-баю,
Песню тихую пою.
Спи, олешек милый,
Набирайся силы.
Будут сильны ножки, отрастут и рожки,
Как сосны, ветвисты,
Как солнце, лучисты…
Опусти ресницы –
Сон тебе приснится,
Лесом к людям идешь –
Солнце на рогах несешь.
Пусть растут рога
Не от зла, а от добра.

Уж олененок крепко спал, а Вечерина все пела и пела. Березки в полусне ей подпевали, золотистые сосны тихо подыгрывали. Только беспокойные осиновые листочки дрожали и тихо друг другу шептали:

– Ой, не услышал бы злой Дух Комполэн эти песни.

Подслушал их шепот Филин громко пробухал:

– Бу-бу-бу! Не бойтесь злодея: ласточки ему уши заткнули, землей законопатили.

Спит олешек, спит земля, и облака давно легли на темные бока. Ветер задремал в лесу под деревьями. Только ветерочки над олененком, над Вечериной тихо летают – слушают песню. Потом взяли ветерочки в свои ладошки тихую песню да дым от дымокура и разнесли по лесам, раздали зверям.

И потянулись звери к дымокуру и Вечерине. Первыми пришли олени, за ними лоси. Медведь пришел, нос к дымокуру повернул.

Много дней Вечерина у дымокура зверей принимала, от комаров их охраняла да песни им пела. Уж олешек окреп, повеселел, с оленями да лосями бегал, резвился, бодался – свои силы пробовал.

Долго ли коротко ли это тянулось, только то время прошло. Олененка корма выкормили, воды отпоили, дожди обмыли, снега отбелили, а ветры смелости научили. Стал он взрослым, сильным, красивым. В стаде не шел, а белым чистым облаком плыл.

Теперь он не только сам вечерами к дымокуру приходил, но и многих друзей приводил. А Вечерина целыми днями сухие пни да грибы древесные собирала, много дымокуров раскладывала, тихой, сердечной песней всех убаюкивала.

Прошло лето, наступила осень, закружились белые комары-снежинки. Холодно стало на сердце у Вечерины. Думала: уйдут от нее друзья-олени, кому станет колыбельные песни петь? Умный Белый Олень понял ее, подошел к ней, прикоснулся теплыми губами к ее рукам и щекам, словно молвил: «Мы с тобой будем, сестра моя, только позови».

Обрадовалась Вечерина, поблагодарила Белого оленя, потом надела на него сбрую, расшитую узорами, украсила рога яркими лентами, села на легкие нарточки, взяла резной хорей в руки. Оттолкнулся Белый Олень от земли своими легкими, сильными ногами и взвился высоко-высоко в небо. И поплыл по поднебесью птицей парящей, легонько касаясь неба ветвями украшенных рогов – полосы в небе от оленьих рогов заколыхались. Протянула Вечерина руку, дотронулась до них – и ожили полосы, заискрились, вспыхнули ярким, живым разноцветьем северного сияния.

Переливчатое многоцветье красок объяло ледяную мансийскую землю, проникло в избушки сквозь маленькие оконца, обтянутые матовыми лосиными пузырями вместо стекол, осветило темные углы низеньких избушек, озарило радостью тоскующие по свету лица манси. Захлестнуло радостью их сердца и позвало под цветное небо, в трескучий мороз.

Выбежали манси на улицу, увидели под радужным небом Вечерину и ее Белого Оленя. А те медленно плыли под полыхающими полосами, легко касаясь их, как струн древнего санквылтапа, рождая цветную музыку. Музыка половодьем разливалась по небу, скатывалась на землю и радовала манси.

С тех давних-давних пор в морозные ночи, когда загорается северное небо разноцветным сиянием, у манси наступает праздник: выходят они на улицу танцевать, с ними невидимо кружится и Вечерина.

СТАРШИЙ БРАТ
(ЛЕГЕНДА)

Это было низко и высоко, близко и далеко, на небе и на земле. В Верхнем мире, в небесных летних избушках жили-поживали Солнце и Луна. Брат и сестра. Брат с сестрой жили дружно. Без споров и лишних разговоров они поделили труд небесный. Солнце днем сияло. Луна – ночью. Солнце рано вставало, дочерей своих поднимало и на работу отправляло. А дочерей у Солнца было много, как забот – с утра до вечера не сосчитать. И все они походили одна на другую, и звали их всех одним именем – Лучик-Поссам. Если бы Солнце каждой имя выбирало да именины справляло, так и работать бы некогда было.

Слетят рано утром Лучики на землю, обогреют, приласкают птиц, зверей, леса, былинки и песчинки. Всем на земле будет радостно. Так они с утра до вечера трудятся. Утренняя заря их с неба спускает, а вечерняя на небо поднимает: поспать – силы набрать.

Луна же днем до блеска серебряные звезды песком натирала, вечером по небу их рассыпала, светом зажигала – строго следила, чтобы звезды никуда не закатились, не пропали, да ночные птицы их не склевали. Чтобы он ярче светили, показывали тропы к лесовним и рыбацким избушкам запоздавшим рыбакам и охотникам.

У Луны был сын, звали его Кота. Кота был ленив, совсем не помогал матери. Спал долго, поднимался поздно. Спит-спит, проснется, схватит со стола кусок, проглотит его на ходу и запрыгает, запоет:

Титтироов Кота,
Коттиров Кота,
Титтиров, Коттиров,
Коттиров, Титтиров.
Титтиров Кота,
Коттиров Кота.

Прыгает он по небу то на одной ноге, то на другой. Так прыгает-прыгает и продавит небо – сделает отверстие в нем. После сам не залатает его и матери ничего не скажет, убежит.

Вечером Луна не заметит отверстия, рассыплет звезды по небу. Попадет какая звезда в это отверстие – упадет на землю и затеряется.

Луна пошла к брату Солнцу и попросила его:

– Брат, возьми Коту к себе, он меня совсем не слушает.

– Сестра, я тебе давно говорил, что дитя надо учить, пока оно поперек лавки лежит, а вдоль ляжет – будет поздно. Давно я замечаю, что у Коты ни на что нет желания. А без желания дается легко только лежание. Ну да ладно, присылай его ко мне.

Но Кота не пошел к дяде на обучение, убежал на небесную гору и стал с нее скатываться до самой земли. Свернется клубочком и катится, только пыль серебром над ним кружится. Докатится до земли, ударится о твердую землю, полежит, встанет, потрет ушибленное место и взберется на небо, да снова катится, не понимает, что больно небу. Давно устал небо от его проказ и решило Коту наказать.

Как-то Кота скатился до земли и сильно, до звона в голове, ударился о пень. Лежал, стонал, не мог подняться. Небо того и ждало – прижалось своими краями к земле, точно прозрачный чуман опрокинулся.

С трудом Кота поднялся с земли – туда пойдет, сюда пойдет – дверей на небе не найдет. Бегал взад-вперед, сердился, кричал, плакал, после побежал вокруг земли. Бежал-бежал – устал. Пошел. Шел-шел – устал. На четвереньках пополз. За семь дней, семь ночей семь раз вокруг неба обошел, но нигде ни лаза, ни небесных дверей не нашел.

Мать Луна встревожилась, загоревала. За ленивое дитя сердце матери больше болит. Каждую ночь она серебряную лестницу с неба до земли спускала, но Кота не умел смотреть в небо – не увидел лестницу.

Вот так он и остался жить на земле. Плохо Коте стало: комары его кусают, хвоя колет, холод отнимает у него последнее тепло. Еду Кота привык со стола брать, а на земле ни ягод, ни грибов, ни вкусной травы он не видел, не находил. Совсем ослаб. Свернулся щенком под кустом, тихо плакал и вспоминал небесную жизнь.

Шел мимо рыбак, увидел Коту, подобрал его и принес в летнюю рыбацкую избушку. Долго Коту отпаивал ухой, а после стал кормить и рыбой.

Все лето Кота прожил с ним, помогал вялить рыбу. Осенью поехал рыбак в зимние избушки в стойбище и Коту с собой взял. Собрались старые рыбаки и охотники и сказали:

– Ну, поведай, откуда ты взялся на нашей земле.

Мудрые манси выслушали рассказ Коты и молвили:

– Мы тоже когда-то были жителями неба. Ты будешь нашим небесным братом, оставайся с нами, помогай нам жить.

Так приняли Коту в большую и дружную семью народы манси. Все уважали небесного брата Коту. Дети угощали его самой вкусной едой – сурвякой. Женщины почитали Коту, как древнего мудрого старика: появлялись перед ним только в платке, покрывающем голову и лицо, ступали мягко, разговаривали тихо. Охотники добывали оленей, лосей и всегда приглашали своего небесного брата поесть головы этих священных зверей.

Так продолжалось до тех пор, пока мудрые старики не покинули земную жизнь и не оставили Коту хранителем древних заветов. Остался он теперь самый старый в стойбище.

Манси рождались и умирали, а Кота все жил и жил, может, столько лет жил, сколько хвоинок на огромной лиственнице. И чем старше становился, тем придирчивее спрашивал с молодых исполнения древних заветов, чаще сердился. Лицо его сделалось страшным, отросли и заострились ногти, тело покрылось шерстью, и стал он походить на грозного зверя – Медведя, дети в страхе с криком убегали от него, и сами взрослые манси сторонились старшего брата.

Однажды увидел он женщину вблизи шайтанского амбара, рассердился, закричал на нее, замахал руками.

В другой раз набросился с кулаками на охотника, который собирался на охоту и прощался с женой.

– Ты что, не знаешь, что нельзя встречаться с женщиной перед охотой? Звери убегут от тебя и птицы улетят!! Не будет тебе удачи в охоте! – С этими словами схватил он женщину и потащил в сторону.

Женщина в ужасе закричала. На крик сбежались все люди стойбища.

Тогда охотники взяли луки, стрелы и сказали Коте:

– Ты наш старший брат, но ты очень злой. Ты Вуй-анщих – зверь-старик, свирепый Медведь, уходи от нас.

Натянули они для острастки луки, нацелили стрелы и прогнали его в самые глухие, темные урманы. Медведь так рассердился на охотников, что от злости длинной бурой шерстью покрылся. И вместо человеческих слов из его горла неслось рычание.

Но охотники уже не боялись его и говорили:

– Что нам бояться своего старшего брата. Ему дорога, а нам – другая.

С тех давних пор Медведь живет в макол – земляном доме, ходит тайными тропами урманов, хоронясь от охотников.

ЗАЙЧОНОК И КОМПОЛЭН

(СКАЗКА)

Подрос Зайчишка – Хочу Не хочу и теперь без отца и матери гулял в лесу. Как-то возвращался домой и повстречал в лесу голодного Колонка. Колонок облизнулся, оскалил острые зубы, выпустил сильные когти и бросился на Зайчонка.

Зайчонок не оробел. Он прыгнул через Колонка и помчался. Бежал-бежал, чуть не наскочил на Лося.

– Ты что, малыш, носишься как угорелый? Чуть с ног меня не сбил, – пошутил Лось.

– Дядя Лось, спрячь меня! За мной гонится Колонок, – задыхаясь от бега, прошептал Зайчонок.

– Знаю, знаю я эту соболиную породу. Им бы только обижать добрых зверей, – ответил Лось. – Но ты, малыш, не бойся, колонок сюда не придет, он слыхал о моих рогах и копытах.

Посмотрел Зайчонок на красивые, сильные рога Лося, на его копыта и подумал: «Хорошо иметь такие крепкие копыта и сильные рога». Он печально вздохнул и спросил Лося:

– Дядя Лось, а ты никого не боишься?

– А кого мне бояться? Я никого не пугаю, никого не обижаю, и меня никто не трогает.

Опустил Зайчонок глаза и тихо сказал:

– Я бы тоже хотел никого не бояться, а всех боюсь. Это, наверное, потому, что нет у меня копыт на лапках и рогов на голове.

– Это ты, малыш, напрасно так говоришь. Тебе даны длинные, увертливые ноги. Это совсем неплохо. – И добавил: – Земля и небо одним умом живут. Они знают, кому что дают.

– Я хочу, чтобы у меня были такие рога, как у тебя, Лось.

– Зачем тебе такие рога?

– А я хочу, чтобы все меня боялись.

– Кого бояться, того не любят. От таких даже друзья уходят, – сказал Лось.

Подумал Зайчонок и сказал:

– Нет, я не хочу, чтобы от меня уходили друзья.

Добрые, мудрые слова Лося успокоили Зайчонка. Он сказал Лосю спасибо и побежал домой.

Но разговор Зайчонка с Лосем подслушал злой Болотный Дух Комполэн и решил посмеяться над малышом.

Комполэн обернулся Лосем и вышел навстречу Зайчонку:

– Малыш, я думал-думал и надумал подарить тебе свои прошлогодние рога. Пойдем в Маленький бор, там лежат мои рога.

Пришли в бор. Комполэн сделал ногой ямку в земле, поставил над ямкой рога и сказал:

– Ну вот, ложись в ямку, прижмись головой к рогам и жди, пока они прирастут к твоей голове.

Ушел Комполэн в темный лес и громко захохотал. Долго хохотал над глупым Зайчонком.

Зайчонок лежал-лежал, устал, есть захотел. Ну-ка, думает, пошевелю головой, может, уж рога приросли. Только он пошевелил головой, рога упали и придавили уши Зайчонка. Он застонал от боли и начал, упираясь всем телом в землю, тянуть из-под рогов уши. А уши только растягиваются.

Измучился Зайчонок, потерял последние силы и заплакал.

Недалеко от того места, где лежал и плакал бедный обманутый Зайчонок, мама Мышь со своими детьми прогуливалась. Услышала она голос Зайчонка и пришла к нему.

– Ах, бедняжка! – сказала она и крикнула своим детям: – Дети, скорее залезайте под голову Зайчонка, выгребите землю из-под его ушей!

Мышата выгребли землю, углубили ямку, освободили ушки Зайчонка. А Зайчонок с тех пор хорошо запомнил Комполэна и не верил ему.

ЖАДНАЯ ТЭРЯЙКА
(СКАЗКА)

Жили две мыши – муж и жена. Мужа звали Сипалайка, а жену – Тэряйка. Захотелось однажды Тэряйке к сестре в гости съездить. Но чтобы не заметил Филин, Сипалайка жене посоветовал черную лодочку взять да черное весло. И еще попросил Тэряйку по пути его сестер навестить.

Выслушала мужа Тэряйка, быстро-быстро побежала на берег, вскочила в лодочку, оттолкнулась женским резным веслом и поплыла. И вскоре звонко разнеслась ее песенка по лесу, проникла в густые, колючие перховники, зашумела в непуганых травах:

Черная моя лодочка, таль-таль-таль.

Весло мое узорное, таль-таль-таль.

Налимом вьется весло в ее руках. Позванивают кольца-побрякушки на резном женском весле, вторят нежной песенке Тэряйки. Плыла, плыла Тэряйка, услышала Филина:

– Бу-бу-буху! Есть хочу!

Хочет есть Филин, слюнки глотает.

–Ты что, Филин, съесть меня хочешь? Я сама женщина ловкая: и в лодочке сижу, и быстро плыву.

Быстро плывет мышка Тэряйка, перепархивает уточкой с волны на волну. Летит ее песенка по борам сосновым, борам кедровым:

Лодочка моя долбленная, таль-таль-таль.

Весло мое узорное, таль-таль-таль.

И вдруг слышит она:

– Сноха, заезжай ко мне в гости!

– Заеду. А что делать?

– Мясо есть.

– Какое такое мясо у тебя?

– Мясо оленя, – ответила старшая сестра мужа.

– Нет уж, мясо оленя я есть не хочу. – И приподнялась в лодке. – Вот если бы сердце оленя, то заехала бы.

Услышала такое старшая сестра мужа, вздохнула и прошептала:

– Ай-е! Астюх! Мне холодно. Разве можно есть женщине сердце оленя. Ведь старые охотники манси говорили, что сердце должны есть только охотники. – И тихо ответила снохе: – нет оленьего сердца.

И поплыла Тэряйка дальше. И вновь услышала Филина голос:

– Бу-бу-буху! Есть хочу!

– Я тебя, Филин, и не слышу, и не вижу, быстро гребу, быстрее тебя лечу.

Так плыла-плыла и услышала нежный голос с берега. Это звала ее младшая сестра мужа:

– Сноха, заезжай в гости!

– Заеду. А что делать?

– Да мясо есть.

– Какое такое мясо?

– Сердце оленя.

– Сердце оленя, говоришь? Заеду, заеду.

Едва Тэряйка приткнула лодочку к берегу – выскочила на тропу и побежала в дом. Вбежала и принялась есть сердце оленя. Ела-ела – наелась. Почистила язычком во рту, облизала себя от брюшка до ушка и снова принялась есть, вот-вот брюшко ее треснет, вот-вот распадется оно. А Тэряйка все ест. Не хватило сил доесть, остался кусочек величиной с брусничку, она его схватила и побежала к лодке.

Бежит и все на кусочек сердца поглядывает да облизывается. Не удержалась, присела и доела кусочек сердца. Тяжело стало. Хочет Тэряйка сесть в лодку, да не может, хочет взять весло в руки, да сил не хватает. Тут и заметил ее Филин – бу-бу-бух-цап-царап. И не стало мыши.

ЭЛТ МИНЫП ИВЫР
(ПЕС ПОТЫР)

Мансит Ивыр павылнэ касэт, касэт исыт. Тан уйт сотыр тал мылс, аман арий сов. Пэсыт тан олсыт яный, яный сорий янт, нир алэмпалт, постал ворт. Ворыткит вуй котсыт, ят кул алсыт.

Ток та тонан корых олс олх: вор вуй кинсых, ят кул алх, виськарт нокъялмалтах. Тан палтэн ватикал вракыт ёхтыйласыт, вор вуй совыт, ёмас мяснут вл-вийласэн, вер пувыт, нэт ят татыйласэн.

Ак пор, телий, кун иирыт топольсыт элаль ёхтсыт. Ёхтсыт, тонкыттыл мамэ ял-лепсэн, ёвтнилыт тартысыт, котылмэ, торыммэ лаппятсэн. Вовын мансит, пилтал мансит ус вракыт нупыл сов ёвтнилыт тартысыт. Тормыт арий сов тыи лёмвуитныл нилыт ёхсыт. Ёвтнил ёвтнилмэ алыстэ, ратыстэ.

Сёт котыл, сёт ии сакнэ сыит, айинэ сыит ёхсыт. Ёнкып сёт кэс ма тармыл ял-вайлилолс, сёт кэс нок миныйлолс. Тав касын кэс мытсыркарый олс: кун сайрынкарый, кун самылкарий, кун келыпкарый, ялалим эламколкыт келыпным емтсыс. Ёнкып нымынныл сок ус: ус вракыт арий сов, мансит арий марся. Кун вракыт манси вытнэ мама нокпеламтэсэн, виськартма ял-алвсьлэх пимтсыт, ёнкып ялтахсамас виснэме, виськомме выхыртыс, так алий синыйтастэ, торымне нок мине. Тав арий сов виськар нирс вых котыл ат товловс. Ёнкып виськартмэ сак сорьисэн тан мас тополис. Ань, кун мансит сынсат ёнкып тармыл тополим вискартмэ выят, акын тан сойтэн иив, пэс пиласьмэ поран.

Манситьят тытыт ус воритатсыт, воянтасыт тонк мывэн. Тан талэттыл вракыт сямэн, нялсямэн, котэн пильтсэн. Та порэт талэн касей карткатсыт, касей емтсыт ток культсыт. Вракыт ёвтнилыт тытыт сулит пали-мяныйтасыт, ань пыл сулит ёр нюльмит касяхтат.

Тит пилысьма коталыт эли-палт вись пув Паломей вораях миным олс. Тав сыс алас, сыс пянк ят, сим ят юв ёмас, номсыс: «Ань юв ёхтам, нэт пянк, сым пайтат, мятым вораян комыт оным тонк ятлэн пясанпуйпалнэ выттат. Тонэн латтат: «Най, Паломей, сар лынькэй латтын, кот вораясын, кумыль сыс алсын, Ом сок полилаттам, танься тан оным ловат сотыньс, кысып вораян комыл.

Кун Паломей юв ёхтыс ак паливонкым, самтал Петысьме контыстэ. Петысь латтыс: «Пувым, тыт культых ат тай. Касен, вораян кялнэ миныймэн.

– Вылынкарым, ам ты лёнкмэ ат кансийвым.

– Ом нэйнан, Паломей, пимтам латтых. Ань миныймен сыс нир нупыл. Най тат олилалсын?

– Олсым, олсым!

Паломей Петсь котэт виста та минсей. Сов ам марся тэн минсэй, Петсь ял-туньсьпыс.

– Нан сэнарь, я-ортысын? – Паломейнэ китыйловс.

– Ат, пувым, мыткар. Ам колсым тат тытыткит, – тав котыл колтыс, – актон Виськар рысый?

Паломей вер пялет тов ёнкыстэ, коталь Петсь котыл Колтыс. Тав ус колыс элсын сый, тытыт кивернэ кайтыс. Ипыс тыткит кивырт Паломей пайпмэ касяластэ, ял -вистэ, ,Петсь покын татыстэ.

Петсь сансэ тармыл туньспыс пайп покын, котэт пайп кивырнэ мовыстэ. Сисьва совыт малясьлыс, совыткит виськармэ касяластэ.

– Ат польвыс, ат польвыс, сюкэтнэ лынькэй мынитовс. Петсь латтых пимтыс, тотыл самятныл рысвитит кайтсыт:

– Ай-е-е, сайрын, посын котал, сюкэт кансис вос лилин ат культый, тонэн сим тэпсамет тынын манэ кульптастэ.

Петсь рысым ат пансыс, кун Паломей айилтас:

– Осим, осим, сынсын омп! Тусэткит товтым ювтэм висяппувмэ инсийтэ.

Петсь атенар ат ус.

– Осим, осим, ам омпмэ паликансисным, ты Апонька Кыль!

Омп марсэн ял-туньполс тонэн павыл нупыл кайтс. Паломей ватастэ омпмэ:

– Кыль, Кыль, ман поков яен! Павылт атекэнар отим!

Омп тарьинсь эл-кайтыс. Паломей сямрысыйлахтыс.

– Нанэ Кыль манъятлов ат культыс?

– Най, Паломей, вил рысын. Так Кыль павылнэ кайтыйлый. Так сок канси. Анб тавнан сак тарвитин, сымет люли имтыс – виськарэн товытнэ тайвысыт. Паипкит виськар рысых пимтыс.

– Вилын Номи тормыт, котылытмэ посанэй воркэн. Виськарнэ кася олх меен! Колыйнын, Паломей, кумыль сака сыиньс рысый, – тав пимты, пимты олх. Монан корх мальх воркялнэ ёхтых, виськармэ тыхтых.

Тэн сов айил минсэй, кун Кыльнэ ёктвэсэй. Паломей касяластэ омпмэ, акын тав покын вынтыс. Тав омпмэ ватысьлэхноктыстэ, кяхрэтныл полим туит, мокылыт эл-атсэн. Кит полэ кяхрет ялпалт сякэн тавлэ сяхвитыл, нюрэй емтэм, тарвитинсь ял-кансыт. Петсь ус ноктысомп кяхырмэ ватысьлэх сахвить сякыткит касялыс. Петсь номсыс та латтыс:

– Паломей, сар виськармэ паип кывырныл кян веен, ормылаймен тав омп сякыт алий пыныймен.

Омп атантастэ эламколас виськарма, тонэн ноктыс сяктэх.

Тан ипалт тэн ус кася минсэй, виськар лыний куйс. Итий воркял покын ёхтсэй. Лёнкыт сак ял-ортсэй тонэн кун воркялнэ ёхтсэй акын ял-куйсэй. Колтовыр аньсих малисьлахтым сювыл мыкыс, туйт талтыс сяй пайтех. Лёсыл, лёсыл сок мансит лыний тормыт ватс тэвнан виськарэн нок ялмелтэх. Тав курсыйтанэ сыйныл Паломей ноккиньсис, латтых ноктыс:

– Осим, осим виськаров лылэн ноктуньспис. Сынсын, ом котым тармыл туньспыс. Лылэн вовын, нюрыньсь, Эй, виськар, висьпув, – Паломей васькармэ ватыстэ. Тонэн Петысьме китыйластэ:

– Осим, кумыль висьпувме ловх пимтыймен?

– Най номсын, кинсын виськармэ намыл.

– Осим, ом тётим Ивырыл ловвыс. Висьпувмэ ловинамэн Ивырыл?

– Ас, кумыль ат тай? Тай. Емас эламколыс нам виськармэ сотынсь воритэ.

Ток вись Ивыр мальх пимтыс янымях. Тав янымяс мальх эламколас лилныл. Мальх нётын комий емтс. Ак кэс, колтовыр Петсь кян минс пасым атыл койвс, акын Пилмыс: «Катыль виктыс пасам? Ом сювылым нок ат пальтый – лысным. Тав ус нюрыньс «куи»? – Петсь номсыс. Тав атынтас, тонэн номсыс: «Аман вракыт пасам! Танъс сэнарь емты ом виськаремъят?»

Петсь кялнэ мине, виськартмэ нок-киньселтэсэн, тонэн так номтэн полилаттысэн. Виськарт кян лакалтасыт, ус вись пасам атыл койвасэй. Петсь пялэт мыкэн алий пыныстэ, вос колых, сакий ам ат ма-сюкэт вракыт сов лыл сыйныл. Тонэн тав кася ватысьластэ мамэ, пытэт синыйтэм ма алий эраптан линкыт латтыс.

Паломей Ивыръят туньсин ив талькын мактасэй вос паликаньсих кася мамэ. Паломей ат остыс, кун Ивыр ив талькныл айилтыс:

– Осим, ом касан, касэн выим, тат атенар люлякар отим!

Ты коталныл тан олсыт пилсь туйтыйлам. Малих элаль тан палтэнт люль ась имтыс – Кыль котколтыйлахтс. Виськарт ворт ялсыт, Кыльмэ киссэй, айисай, омп актон витин сэпыс. Виськарт Петысьмэ китыйласэн, сэнарь тав омп мас номсый?

– Кенарна тав касвэ? Аман тав винават ат инсий, – Петсь латтыс.

– Люль асит воркит совыт: аман ворлахтнэ ком капкынкинэ пятыс, аман тэли ялп вуянсихнэ алвыс?

Сов котал миннэ ипалт омп пярий ёхтыс. Тав ятлэт котал момп ком омп ис.

– Най, Паломей, ман павыловт тымыль омп усинтысын? – Петсь китыйлыс.

– Ат, ман колков тымыль омп атекенар ат инсис.

– Осим, аман тав лыни колкыт омп, аман вракыт омп? – Ивыр пилым китыйлыс.

– Ас кэнарнэ тав касьвэ? – Петсь латтыс.

– Нэн, виськарем, ком омпмэ ял-нэвэн, так марсь ман ятлов олы. Ты пора нэн кыпья сэный саврэн, сэныйныл акынь ворэн, сосныл сыпыль ворэн. Ворым акыньмэ сыпылькинэ пынэн. Тит акынь ман мосов люль сый таты. Омп тыр товыльнэ нэвэн сыпыльмэ акыньят, омпмэ эл тартыйнэн.

Виськарт сок ток ворсыт кумыль Петсь ловыс. Ти ии, кун ком омп эл-тартовс, кял лэп тармыл тэли ялп вуяньсих нок мактыс. Ялис нымын, кил лэпмэ мяныйтыстэ, вос кялкивырнэ юв мактэх. Кыль вуянсихмэ колыйтэ нюньеи, Петсь лыл алий сясьтахтый.

– Осёв, сэнар мас Кыль ат картый, вуянсихмэ ат пилатолыйтэ? – Виськарэн китыйлахтат.

– Виськарэм, тав нехс кинсып омп. Тымыль омпыт тонк вуяньсихныл пилат.

Ивыр латтым кял мянтыл кайтыйтэх ноктыс: «Ом сар пилмам, пилмам вуянсихныл!!»

Тав кэр сысныл яный пайп кян мянымтыс та кял лэп тармыл нок мактыс. Яный пайпмэ вуянсих пянк тармыл нок мястыстэ. Ак котыл пайп ваклыкмэ урийтэ, мот котыл вуянсихме вонкыйтэ, осьтэм латты:

– Ток, ток нанын, кансэн нанк вор лёнкэн, эламколсыт пальт вил ялэн!

Вуянсих пайпыл лаппянтым сама атенарь ат усэй, кайтс лап вытэн та ял-пятс. Ял-пилмэм сак нюрыньс айилтыс лэпныл ял-пыст, та ворнэ айим кайтыс, Та кася порныл, ань кун мансит нират вуянсихмэ эл-рохтаптэх тотыл паим мянтыл ивыл вонкат. Вуянсих колыйтэ тотыл паип сый акын эл-кайты.

Тансь Петсь, ус Паломей кася пумысьлахтсэй, китыласэн Ивырмэ:

– Ивыр, най кумыль вуянсихныл ат пилсын?

– Посын коталыт сов олы сэнарныл корх пилых. Ом пилтал олых нирам.

Петсь контлыстэ Ивырмэ ус арий пимтыс пумисьлахтых. Номсыс: «Катыль Ивыр палт тымыль номт, актон мятым сов кансип ансих палт? Ток та ёмас, кун ат пилып эламколаснэ рякв коталыт тавнан имтат тосымей, асермят имтат исым, яный вотыт миных емтэ кинэ вос, вос Ивыр тымылькарый емты».

Петсь кота симэт алий синийтастэ, номсыс, ёласас вор нэмя: «Вор нэ, монов воянтахтнэ нэ, так, так Ивыр атенарныл вил пилый! Так олнэт мянтыл яный товлын вуй койтыл тыйлитый!»

Сов ии, котал миным ипалт ком омп косяин ёхтыс, Петысьмэ виськарэнъят так вытнэ мана вистэ. Тан ялпыл вытнэ мат тонан ёмас олых олыс. Ивыр малях сотын вораян комий емтыс. Кун сок вораян комыт атенар ат алсыт, тотылэн юв ёхтыйласыт Ивыр сов нёхс, охсар, сыс невыль юв тотыйлолыс. Тав комытнэ китыйлолвыс:

– Ивыр, най ёвт тал, ёвтнил тал ток сотынсь вораяхтан?

– Ом нёхсмэ ив талькныл котыл ал-вийным. Сысмэ антэтнэ котыл вийным мыкэн тармыл пыныйным.

Комыт тавнан марсыт, кассит, усиитолсыт кумыль тав тарьиись ялс нирыт, ят мянтыл актон товлын вуй койтыл тыйлыйтас, Ивыр сак сов вор вуй юв тотыйлолыс, мот комыт койтыл сок вор вуеи пот мас ал-вийловсыт, Касын тол варьех арий пот мас эл-мийлыс.

Тан юи палт, кун Ивыр нок янымас, вовыной емтыс, пот атсьлэн вракыт эл-кайтыйласыт, Ивырныл пилсыт. Ань кот олы Ивыр, ат ёхтыйлат, пилат манситныл. Ак пор касят олып вынтым маныл вракыт ёхтым мас кольн мисыт. Сок мансит нок колсыт, ёвтнилэн сястых пимтсыт, ёвтэн нюрыньс ворых.

Ивыр сок комыт ял-латтасэн ин культых. Так малих нок мяскатахтыс, тонэн латтыс:

– Тётёв, аман нан контлахтых атсьлахтэн? Сар культэн ин, виськарт, нэт, мятым аньсихыт тыхтэн. Ом акомкыт ноктам воритатых, аман вракыт эл- вуйтыем.

Ивыр ёхтыс тан мана, кот вракыт, сынсый: тан курьит, мокалыт тавлэ ёмас нёхыс совыттыл, келп товтын охсар совыттыл, кансын нёх, охсар осьяхыл вотара татат. Кенарь атенар ат инсий меткомий вэят. Мятым, омын аньсихыт нэт самыт аркяловт полиынксахтых, ял-куих вохнэ мынэ-вонковт.

Ивыр лакалтыс тан калытнэ, ахкармэ коттылил путмэстэ. мотынкармэ –конынловлыл, курмыткарнэ лылэт тусьтпыстэ, кэнармэ канаяста татыхкарт сок манэ пятсыт. Культымкарт актон ял-полим, тусэн пянтын котъярвалэм тусьсыт. Тан самэн поликартсыт, атенар ат касьсит кенарь тан покэн иис, ат мий люль ась ворых.

Ивыр мяиньтий:

– Мансит, нок-колэн, нок-мяскатэн, котэнкивернэ ивыт вяен, пимтов изисыт вонкых. Тонэн ёнкыс пот атсьлэн вракыт нупыл, китыйласэн:

– Нан, кылкыт, катыль тый тийласэн, кенарнэ тый кэтвэсэн мансит нысэй ворых, ос ныкых мятым, омын аньсихыт.

– Ман сурнин кентнэ кэтвэсов, – вракыт латтысыт.

Ивыр элаль пот атсьлэн вракытнэ ляп ёхвыс. Тан ёвтэн Ивыр нупыл картсэн, айят: «Эй, сар онымнэ кульптэн тав нёвлэт тармылт ма, ом ёвтнилымнэ!

– Эй, вил, вил малямлэн, тит ёвтнил пос эл ат кайты, Акэн тусьтэн ёвтнилэн, так тит ворлахты манси порысь кой тыл пынынэй емты!

Ивыр тан эли- палт пилтал туньси. Тав алий ёвтнилыт тийлат, ёнкат, актон туит самыт.

Тав ак нилытныл эл-ровалахтый, мот нилыт котыл пувый, палисаиллаен. Кун нилытнэ койвэ, тавнан омь ат ворат, актон лёмвуйнэ пырвэ. Малих Ивыр – туньсис палисаиллэм ёвтнилыткит.

Контыт пальт ёвтнилыт калсыт, тан ивыт висыт, ивытъят Ивыр тармыл минсыт. Ивыр ус яный ив сайлыс контыт ным-палт ивыл ёнктэх пимтыс.

Кенарь ивыл койвыс, татакар ял-пятыс арий нок ат колыс. Кенарь ал-кайтыс пярий ат сынсыс, ат кансис кот тав палтэт лыл тылэн.

Кун Ивыр юв ёхтыс, латтыс:

Контытнэ марысь сынстасым, кумыль ман палтов контлахтых ялых.

Мятым элаль миным Вындыр колкэн акян ватасэ тонан латтыс:

– Колкам, ом мятымкарый емтсым, касян ялых во ат инсям. Ань ман воровт ворвуит ял-пилталтам емтсыт, касян ворнэ эл-минсыт. Ман яткит кулит марсэй емтсыт. Ялпыл ма кинсых корых, кот ворыт сов ворвуит, ят тавлэ сырсыр кулил. Ом номсам так Ивыр элт миныпыл емты. Колкыт акын сёвтсыт латтысыт: «Так, так Ивыр элт миныпый емты!»

Ивыр ялпил ма кинсых минс. Тав кася ялс касьтал ворт. Контыс ворт сов ворвуил, ят тавлэ кулыл.

Я вытат, вись ых тармылт ноктыс вись кялыт саврых. Асын, кася нарытныл кялыт малих янымысыт. Ёмас, атын тарий товытныл, тарий талытныл, Ивыр пянкэт марысь ёнкыс, вовэт арий янъей емтантас. Тав ял-орттал колтовырныл ети мас асьлатас, ус унка ии палт пора вийлыс.

Ивыр марся куис. Касын ии тав аман улмияс, аман элкэнарьнэ касьталнэ висьнэнэ ёхтыйлолвыс. Ивыр куйнэ мана висьнэ ёхтыйлас, ватасьластэ тав кота, кина полим котыл, ёмас арий лёсил эрьис. Колтовыр Ивыр номсыс, латтыс: «Катыль тит висьнэна виктэх? Кася тит акомкыт, колыхтал олам тонэн тымыль улмыт улмиям».

Коталт, кун сак риин емтыйлас, тав элэль актон алкэнарнв польмыл кэтыйловс, тав кота ватысьловс. ялвынтыйлас, так кота сыссэн актон элсэнар кинсыс. Ты порат тав актон элаль колс ёмас эрий, лесил кольныл, мавнын арий, Тав ат нырс каньсих ты эрийт, нок-лакалталас, латтыс «Ноо!», тарыньсь асьлыйтэх ноктыйлас.

Ии элаль улмияс кумыль висьнэнэ пясийловс полим питьмил, нялсамэт ликасёвс витин ытыл. Ноккинсим Ивыр номсыс: «Ии сак риин олс омнан сак полювнув корых олс».

Ти иинып Ивыр сак нирс тан висьнэмэ ух, аман ял-пувых. Тав номсыс, мотын ии ат куих, ас рэт ворых. Тэ иипалый емтыс, Ивыр колый элкэнарь лёсил курсыйтый, тонэн колый лёпий:

– Ял-ортыс, вотал пятыс, вылынкарым! Ом ат эламколас ерапт. Тонэн Ивыр колый леси л эрий:

«Мыквн эламколас,

Номсын эламколас,

Анилэн оным,

Ерептэн оным!»

Вос висьнэмэ ат пилтэмтэх, Ивыр лёсил, лёсил латтых ноктыс: «Пассип, пассип вылын, висьнэ, мавнын лёсил эрьин мас. Эрий калыс». Ивыр номсыс висьнэ ал-миных кярстахтыс, тав пярий ватых пимтыс:

– Висьнэ, висьнэ вил ал- минын, оным вил кульптэн! Сар латтын, кенарь най, кумыль най ловвын?

Тонэн Ивыр колый.

– Ом ловвым Витьсамыл. Ом вить висьнэ. Сянкым ма, сюкум я. Нёвтовсым, мынитовсым хумпнэ.

Ивыр висьнэмэ колыйтэ, ух ат устэ.

– Кенарьят, Витьсам олан? – Ивыр китыйлыс.

– Ом сёт ись инсям. Ом арий вись, – виснэ латтыс.

Ивыр элаль колыста висьнэмэ, ух ат устэ, тонэн номсыс, – Ат мывын, ат мывын висьнэ».

Ивыр ток номсый, а кота ёрынсь карткатат висьнэ нупыл, висьнэ алий, вос тавэ ял-пувых, лынькэй симэт алий синыйтах, Ивыр ат каньсие, пувыстэ Висьнэмэ ам ат, сыныйтэстэ симэт алий ам ат топ ты ии куис ял-ортым улмыл.

Тан ипалт ус совкэс риин иит Витьсам полим татыйлолыс Ивырнэ, совкэс лёсил кольныл, сак ёмас ерептэн эрийт эрьис.

Илтых, кумыль сок колыйлы ус Ивырнэ ты ёмас иит эрьип виснэ-ят колсыт. Ак кае Витьсам латтыс:

– Ивыр, ом исям латтат, най я вытат яный тарьит ял-савраен, сый воран. Тарьит ял-калат-ят вить ял-калый, сыйтал эл-тыйламлый. Таньсь монан яный сыит, вись витькит кумыль олх? Исям латтат ань тов минов, кот сый отим, яный вор, кот туньсин тарьит туньсат я, турт вытат, кот милыньс витит.

Ивыр кота пали-татсэн, нирс Витьсаммэ пувых, тавэ ял-ёрыстэх. Ивыръят культых. Кэнарьмэ пувых, кун тавэ ат выин? Топ касяныл кольн колый:

– Сим, вылын, Ивыр, ом элэ-минам исямъят най саилтам сымым ял-палт эл-татыйным!

Ивыр сымэт сяк вохтэх ноктыс тав кайтых нирс, ял-пувых, пярий ёнктэх, ас кэнарьма пувых, кенарьме пярий ёнктэх вос атекенарьмэ ат выин. Элаль пянкэт ёнкых пимтыс, симэтнэ латтовэ: «Ат олып мат, ат олып мат, тав ериптэт матал. Най,· Ивыр, кумыль тэвнаныл ат пилан? Вос тав элвистэ най сойтын? Котьярваласын сэнарь – мастый исын?

Ивыр нюрэ лайлен нок – туньспис, элрепысьлахтыс, тарьян номсыс, номелмятсэн культаптам колкэн, Тат, яный нир, актон сорий алэмпалт тав уровэ. Уровэ лыний лихъят, Тав тарьян лилияс, вовын ноктыс кялыт саврых,

Сёт исит, сёт вить виснэ минат тонк лёнкыл, кинсат милынсь вить, тунсин ворыт я вытат. Минсыт, минсыт илтых Витьсам сямрысыйлахтас, пес олым нупыл ровалаятыс.

– Вылын исям! Ом ат нирам самнэпятым маныл ал-миных.

Исен Витьсаммэ ляпъёхсэн, пярий миных ат тартаен. Витьсам. яный рысыл рысый, Тав рысвитьныл яный тымын емтыс. Исен касяласыт, айисыт: .Э! Тымын! Тымын!»

Янъих исэт латтыс:

– Витьсам, ты Тымын най кялый емты.

– Ат, ат тыт ат культам! Ом нан ятлан минам, – Витьсам латтыс.

Таньс тан элальнэ минсыт. Кася, ам марся минсыт, Витьсам элаль сямрысыйлахтыс, элаль пярий ёнкыс. Исен элаль тавэ лапёхсэн, пярий латтых ноктасыт. Витьсам ял-пастал рысый. Исен сынсат, арий яный Тымын емтыс.

Сёт кэс Витьсам сямрысыйлолыс, сёт Тымын емтыс. Тан Тымыныт аньмас олат. Таньс янъих исен латтыс:

– Вылын исям, ань нан нонк лайлэн тунсийнэ, ань нан касын так вить инсих корых, Ань сов Тымын емтыс, кэнарь катых Тымын нирый тат Тымын вий. Нэйнан, Витьсам! Най олт Тымынкит культын, тавнаныл арий выття ман пэс олым маныл. Ом ань минам омкытнэ вить кинсых.

Янъих исен минс тан сок тав ипалэт минат латтат:

– Контын яный я! Контын яный я!

Кун янъий исен касян минстан культсыт. айих пимтсыт:

– Контын я! Контын я!

Ты линкыт «Контын я». янъих исен сойтаткит ты линкыт культсыт. Кун тав контыс яный я сёвтым латтыс: «Котсым я!» Сойтэтнэ лёпъёвыс – «Контын *я*». Ань мас тан я Контын явий ловвэ.

Ты сак сыиньс ла ттым линкыт воркивэрнэ тайламласыт товыт, талыткит туйткатсыт. Кун мотан мансит ёхтсыт, ворнэ мин сыт тарьитныл ты линкыт ял-пятсыт, тан симыт кинэ, тан сойтэнкинэ культсыт. Ань мас яный яме ловат Контын явыл.

Тан пора ёхтыс кун Витьсамнэ сюкий емтых, тав так палтэн миныс. Тымынт – яный турыт пув кян инсис. Тан пувмэ ловыстэ Туривыр пувыл. Кун Ивыр олых ат пимты тав мосэт емты Туривыр. Тав сюкэт койтыл ух ат миктыс, топ тавэ колкыт колсан.

Сов сотыр тол мансит пимтат ялтуньспэх Тымын покыт, кот Тымынкинэ пятый Усынья. Тан мат яный, яный асермят атекун ёнкыл ат полий, кот тунсий вить пасам, тан ат полим асныл. Ти ас ловвыс Туривыр самыл. Осит тов татилат, вискартмэ, сыныстат Туривыр саммэ. Латтат: «Ты Туривыр сам. Тав лыний сынсый, вос сок мансит урилат, систам инсят ят, турыт, тыманыт, суит. Вос сок витит лыний олат, вос ворыт поиньс янымат. Кенарь ат пимты ворых кумыль лови Туривыр татакар кун кыпыл мины кыпэт Туривыр кып пятьет нональ яный кумпыл ёнктыйтэ.

Сурнин кэнт сёрьий мансит касэн яный нир алымпалнэ миным мас. Кайтытат вор вытат, кинсат лыний пёнкыт манси палт. Пилат яный люль нирытныл, ипыс ворытныл кот сов мансит ялат кертальКый ёвтнилытъят. Тонэн номсасыт я мянтыл кыпыл миных. Минат ят мянтыл яный кыпыл. Яный ят вытат вынтым мансит нысэй ворсан. Ань Контын я мянтыл кыпыл минат. Ехтсыт овыл Тымын покан, Туривыр осьтыс яный кумпыт нок алмыс кыпэн пятътэн нок ёнктасэн, мот кыпэн полисаилласэн, курмыт кыпыт няксим волит тармыл вахтьсэн. Та порэт вракыт совынсь культсыт куих Тымын витькит. Культым вракыт ус совыньсь культсыт.

Вракыт марсь усьлахтсыт, Ивыр вытнэ мана минсыт. Мансит явэн мянтыл сёт мат яный тарьиттыл, тытыттыл савырсэн, тит саврым тарьиттыл сёт мокыл пынтлысыт. Вракыт ёхтасыт олт мокыл покын тит манситныл койвысыт кэрнялып ёвтнилыттыл, совыньсь алвысыт. Ток ат ёхтысыт Ивыр вытнэ манэ. Ань мас яный нарт куят Ивыр намп ят.

Тымын покым вракыт пярий ёхтсыт, симын, люль нирмэм Сатыг наме канясэй тусьтсэн пот атсьлэх. Тан канясь ловханый павылмэ так намыл ловстэ. Тан пора уйт рысь колкыт лувханый павылмэ Сатыгой ловых пимтсыт.

Ивыр так вытнэ манэ тахсый пярий ёхтыс. Колкэн акэн ватасэн, латтыс:

– Колков, тэли, кун, нирыт полят ялпыт манэ минов. Ань ворен вись сыныт, ёвтыт, ёвтнилыт.

Кун нирыт тополь сыт, Ивыр колкэнъят миныс ялпыт мана – тав контым мана. Вор мянтыл тан кася минсыт, кун ёхтсыт яный нир покын сынсат, пумасьлахтат, латтат:

– Ай-е! Нир сак яный, актон сорий.

Тан пумасьлахтсыт, пумасьлахтсыт ятыл ял-пилмасыт Ивырмэ китыйлаен: «Ивыр, тымыль яный нирт, аман сов люлит олат? Тан люлитнэ ат тартовов нир сыпый миных». Ивыр атенарь ат латтыс топ эрьих ноктыс:

Сок торымт паливыртсэн люлит:
Касын нир мокылт тан лилэн,
Касын ив товыт тан пялен,
Вор сюркыт тан лилаян.
Ман ат пимтов тананыл пилх,
Минов пилтал танъятлэн вохтэх.

Ивыр сак пилталкар тытымыл колыхмэ пилтамтастэ. Тан номсасыт: «Сак, сак Ивыр пилталкар, так монов люлитнэ ювтыхтыйтэ».

Мятым Вындыр Ивыр койтыл номсыс, тав Ивырмэ есистэ:

– Ивыр яный номт инсий. Тав номтэт яный товлын вуй койтыл тый – тов тыйлыйтый. Тав монов люлитнэ ювтэх ат мийтэ.

Тит нэт осьтысыт: «Ивыр, най сэнарь, ток? Ман пилов. Най монан пурлахтых меен. Лыний тормыт ватэх монан нётых нир сыпый миных, люликартмэ ял-ёласах монан люль ат ворых».

Ивыр контласэн нэтмэ тонэн латтыс:

– Выяын сюков, сэнарь нирыйнэ тан ворэн топ вил пилэн. Пилх люли.

Нэт лом пайтасыт, сыныткинэ соссыт, та минсыт пурлахтых.

Колтовыр олпыл Ивыр колкэнъят нир мявтыл минсыт. Тан кася минсыт, тонэн илтых нир нёвтахтых пимтыс, койсыт ял-миных пимтсыт. Тонэн люлях сок койсыт ял-сэпсыт, яный ас кян ныйлыс актон люль яный тус. Васькын витит нир пасмыл нок исыт, люлит колкыт нымпо тэн ёнкых ноктысыт. Ак люлит олсыт ак самынкарт, моткарт сов сампкарт, яный нёлынкарт. Аккарт айисыт, моткарт тырьим тартыйлэх ноктысыт. Тонэн пимтсыт колкыт тармыл полим, витин койсыл, полим мокалыттыл вахтэнтэх.

Сок акян рявткатасыт: витин койсыт, полим витьсамыт, мокалыт, люлит, койсыт, мансит. Сов мансит нирыт ял-сэпсыт. Мятым Петсь ус сэпыс. Мансит вохъен люлитмэ, тан нир аснэ пятыйлат, ус арий сов люлит асныл нок коли. Мансит ял-ортых пимтсыт топ Ивыр вовэн ноктысыт янымах.

Тан ипалт люлит нир аснэ ялпятсыт, тонкыл нир ас тармылт вынсых ворсыт. Илтых так Комполэн кайтыс, ак лылэт ивкар, мот лылэт сыскар, лыл тонкынкар. Комполэн Ивыр тармыл вахтянтахтыс, Ивыр тавэ ус пувыстэ та воритатых ноктасэй. Ак пор Ивыр нымынэй оли, мот пор Комполэн Ивырмэ ял-татыйтэ. Ятыл Ивыр вовэт нок миныс, Комполэнмэ ялтатыстэ, ив лылэт кян-мянымтастэ касен, касен эл-вахтистэ. Комполэн ак лылэт тармыл нёвтахтыс, ёнкыс, мот лылэт кинсых парьис.

Мансит люлитныл нокаль висыт, сёвтсыт, элаль нир сыпий минсыт. Ус кася минсыт, суй тармыл исыт, тослахтсыт, элаль минсыт.

Ивыр колкэнъят ёхтсыт тан мана кот тав так ворыс вись кялыт. Ак ии куйсыт исымкит, колтовыр вораян комыт ворнэ минсыт. Итий пярий ёхтсыт сов сыс нёвыль татсыт. Нэт сыс пянкыт пайтасыт, комыт тэх ватасэн. Комыт Ивырмэ туньсин манэ выттасэн, тав онэкинэ атын нёвыль ломтыт пынсыт. Тонэн сысын ворт мас пимтсыт латтых. Ивыр еевтым контлыс вораян комытмэ пятых ял пятыс, ял ею керлыс.

– Ай-е! Сим торым, иеын нюра, яный нанк ял-пятыс! Ман олнэ коталовт ток та олыломы: «Мятым тарьит сыхыртат та туньсят, вер, асын, нюра тарьит пятат».

Пасан пуйпалт вынлым мансит симыл, номтыл польсыт. Номтэннэ ат ис ныкёрх нымын торымнэ керх олс тымыль сяк номтыннмэ, лыний Ивырмэ элвих, монов Ивыр тал кульптэх? Таньсь мятым Вындыр латтыс:

– Тат кот Ивыр вынлыс ань тав тит лилэт пимты вынлых. Онэт ус тат вынлых пимты.

Ивыр куис лилтал. Сок мансит пянкэн ял-тартым туссит тав нымполэт, урсыт: илтых ераптам Ивыр сама полипусъен, мяинтий, сёвтым лих латты. Яный тыт ус товэн ял-тартым мыкэн тармыл сыкыльтам тунсис.

Мансит ат марсыт вос кумыль тан ань Ивыр тал олых пимтат. Пэс элт минып мятым Вындыр латтые:

– Колкэм, нок колэн, Ивырмэ лилинэй ат ворых. Тав лилэт сайрын, тылыл нок Торумнэ патрыс. Тавэ Номи Торым сёвтым вистэ. Тав лилэт ань атекун ял ат сюкарлы. Сынсэн, Ивыр ял-сюкерлэм монан ниры ёмас олнэ ась: куи, нюрыньс сама топянтым, агекенармэ ат ниры ят вих, Ёмаскар ёмасэй корых татых торымнэ кетых.

Комыт нок туньспысыт, сёрьим Ивырмэ висэн котэн тармыл, пынсэн тарий товыт тармыл. Нэт татсыт исым латх, латх тармыл пынсэн тарий товыт. Сюкен сюк сансэй тармыл тартахтыс латтыс:

– Ивыр, пасамтахтын ма пасмыл, вос ма атэн эл-татовыт, таньс лыний емты манэ нанын так полтэт вих. Тав пянкэт нок алмыстэ, латтыс:

– Нэт рысых ат пимтов, рысвитил ат тай сосынтэх тав лёнкэт. Так тосэмэй имты тав кялэт. Ман пэсыт олым мятым нэтнэ каниставсов тосым рысыл рысых. Тит, тосым рыс арий кася ман симовнэ тарвитин пимты ворых.

Комытнэ Ивыр кялыл ворвыс, вонкыл кылвыс, пывылт сов товтыт пынсыт, парсит атсъласэн товыткит юв тыхтсэн, вос тав ипалэт ман мыкэн тармылыт атенар вил культый. Курым ии, курым котал миным ипалт комыт атсылэсэн Ивыр товтыт, мяснът, ёвт, ёвтнилыт, кясый, саврып, пут – сок сэнарь тат, татых торымт тавнан корых емты. Тонэн комыт Ивырмэ кялкинэ пынсэн, мосарнэ татсэн, вонкинэ тартасэн. Вонк тармыл портыт пынсыт, порт тармыл туньсинс мыкэн пынсыт вос каталь ат минат ух Ивыр куйнэ мамэ. Туньсис талькнэ ёвтнилыт тусьтсыт, ёвт пынсыт, товтэн тусьтсыт. Вись тарьит талькытнэ мяснът тайтысыт.

Тан ипалт комыт Ивыр куйнэ ма нупыл ёхтсыт, сёт кэс котыл коилтасэн мамэ – выртката сыт тонк сым мальтапыл Ивыр ят. Комыт ипалт нэт комыт ворым койтыл ераптам сым мальтапыл выртката сыт. Тонэн лих тал юв минсыт, пасан алий вытсыт Ивырме арийлэх. Тан уйт кася, кася тол виськаренъят мосерна ялсыт Ивырме арийлэх.

Ань кенарь кансий ничув тол минс тань миным пораныл мансит, кун ворныл ёхтат, сыс пянк тах вынтат акын Ивыр онэкинэ атын, воин нёвыль ломтыт пынат. Ивырнэ латтат кот; кумыль ворлахтсыт.

Номтын Вындыр так улмэн ватикал Паламейнэ полилатыйласэн. Акьтон ял сюкырлэм колкыт-та хотпа сымэн полысь тотат, вос тан кот-ярваловсыт, эл-культаптавысыт, пэсыт атекун мансит ток ат вориласыт.

Паламей ном сыс сэнар та Вындыр сёрьий, тонэн китыйлахтыс:

– Аким, вое най турыт, ят, ворыт, воркялыт серьен?

– Ат, атенар ат серьям, ак та хотпа симен.

Пилам коткойтылэх ман сойтов. Сойт тал, тав исын эламколас? Тав такатамэ котколтыйлыйтэ, ат пимтый каньсих кот самнэ патыс, кот янымас. Ом номсам нэйнан Паламей корх эка вых, пэс вытнэмана пярий минх.

Паломей та минас. Тав миным лёнкэт ань мас мансит палам лёнкыл ловьен. Та маме кот Паломей олых пимтыс Палым павылей ловвых пятвыс, я ус емтыс Паламявыл. Кумыль вор ят акв турнэ атысьлахтат, ток пыл колкыт Паломей павылнэ исыт. Манс колкыт исыт, рысит ёхтыйлысыт олых. Ток янъей, янъей павыл имтантыс усый имтыс. Мансит павылмэ Палмусей ловсэн, рысит Паломей усыл.

Мансит милынсь, посын сойтэнкит урсэн касят миным ёмас асит, колкыт мас. Тан сенар пыл ат ворсыт варых кэнар кисыс эрий Ивыр мас, кэнар еръис рисвить колныл, актон Ивыр ань ти коталыт ял торымнэ минас. Сюкэн вискарэнна латтысыт, мятым аньсихит арийласыт яный симп Ивыр мас, ёмас Петсь мас, номтын Вындыр мас, лыни, яный сымп, сёрьин Паломей мас.

Ты мойтыт, эрьит, латтыт, касяг, мылым телытныл монан пярий ёхтсыт.

ВОЖАК ИВЫР

(ЛЕГЕНДА)

В Евру манси пришли давным-давно. Может, с тех пор прошло сотыр тал – тысяча лет, а может, и того больше. Раньше они жили за большим, как сорий – море, топким болотом, в темных, глухих урманах. В урманах – лесах зверя добывали, в реках рыбу ловили.

Так бы и жить им: зверя добывать, рыбу ловить и детей ро́стить. Да часто к ним приходили враги, люди хана Золотая Шапка, отбирали добро, молодых парней с собой уводили.

И вот однажды зимою, только промерзли болота, ханские люди опять пришли. Как пришли – собою землю накрыли, пустили стрелы – солнце и небо закрыли.

Сильные манси, храбрые манси навстречу вражеским стрелам тоже много стрел пустили. Стрел в воздухе кружилось больше, чем комаров летом. Стрела в стрелу попадала, стрела стрелу побивала.

Семь жней, семь ночей слышались кругом стоны да крики. Месяц семь раз выходил и семь раз прятался, то блудный, тусклый был, то от пролитой людской крови красным становился. С высоты месяцу заметно, что силы не равны: врагов много, манси совсем мало. Увидел он: ханские воины подожгли стойбище, стали убивать детей. Скатился месяц на землю, схватил мальчика и девочку, прижал их крепко к себе и скрылся в мягких, как мох, облаках.

Он взял бы больше детей, да рук у него не хватило.

От горя, от жалости к людям манси месяц похолодел, а после и совсем застыл. И дети с ним навсегда остались.

Теперь, когда манси смотрят на месяц, видят спасенных детей – девочку и мальчика – и вспоминают то далекое, страшное время.

Кедры вместе с пламенем манси защищали родную землю от врагов. Они тянули свои хвоинки, кололи глаза, лица, руки врагов. Тогда хвоя кедров вытянулась, стала длинной. Стрелы врагов изранили прежде гладкую кору кедров, и по сей день на ней видны грубые рубцы от ран.

Перед этими страшными для манси днями юный Паломей ушел в урман на свою первую охоту, далеко ушел – за лосем. Он спроворил лося и теперь возвращался домой с добычей. Его тугой лук висел на левом плече, а справа, на поясе, из берестяного складника[5] торчали острые стрелы.

За плечами, на лямках из кедровых корней, нес Паломей берестяную няпу с лосиным сердцем и лосиной головой. Гордо, радостно думал: «Сварят женщины голову и сердце лося, и старые охотники пригласят меня за стол, усадят рядом с собой. Попросят: ну, расскажи, Паломей, где и как охотился. Отрежут мне мужчины верхушку лосиного варенного сердца, подадут и скажут: «Это нашему молодому фартовому охотнику Паломею».

Но когда он вернулся домой, кроме старого избитого, ослепленного Петотки никого в стойбище не нашел.

Петотка сказал:

– Нельзя здесь оставаться, сынок. Надо нам идти к дальней лесовней[6] избушке.

– Дедушка, я еще не знаю туда дорогу, – признался Паломей.

– Я тебе буду подсказывать. Сейчас к лосиной янге – молодому болоту пойдем. Ты бывал там?

– Бывал, бывал. – Паломей взял Петотку за руку, и они пошли.

Много ли, мало ли они прошли, Петотка остановился.

– Что, дедушка, устал?

– Нет, сынок, не то. Может, послышалось мне? Вроде, в кедраче ребенок плачет?

Паломей направил свое молодое ухо в ту сторону, куда показал Петотка, и услышал непонятные звуки. Бросился в кедровник. В темном кедраче разглядел Паломей берестяной кузов – пайву, снял ее и принес к Петотке.

Опустился старик на колени, сунул руку внутрь пайвы, нащупал сверток из заячьих шкурок.

И заплакал пустыми глазами Петотка, запричитал громко:

– Ай-е-е, о-е-е! Белый, Светлый День, знала мать, что не выживет, так оставила на родной земле свое малое тэпсам – зернышко.

Паломей надел пайву на спину, и пошли они дальше. Шли, садились отдохнуть, снова шли.

– Теперь куда, дедушка? Янга кончилась, дорога раздвоилась.

– Ты, сынок, за янгу веди меня, а та, другая дорога к Карасьему озеру ведет.

Старик шел и думал: «Ты, Ели Торум, Подземный Бог, почему не прогрыз из-под земли дыру и не взял, не проглотил в свое подземное царство всех врагов? А ты, Номи Торум, Небесный бог, почему допустил, чтобы враги пришли на нашу землю?»

Вдруг услышал Петотка радостный крик Паломея:

– Дедушка, смотри. Собака бежит. Я узнал, она из нашего стойбища, это Апонькина-Кыль – Березка!

Но Петотка не мог видеть собаку, бежавшую с обгорелым щенком в зубах. Собака не остановилась, лишь поглядела на них и бросилась в сторону.

– Кыль – Березка, Березка, иди к нам, Кыль! В стойбище нет никого! – громко звал Паломей, но собака скрылась за кедрами. Паломей от обиды всхлипнул: – Хоть бы Кыль с нами осталась!

– Ты, Паломей, не горюй, – уговаривал его Петотка. – Кыль побегает – успокоится. А теперь она обезумела – щенки-то ее все сгорели в пожаре. Пусть у нее уляжется боль.

В пайве заплакал ребенок.

[5] Складник – сумка для стрел.

[6] Лесовняя – охотничья избушка.

– Светлый, Белый День! Однако ребенок будет сильным, когда вырастет. Слышишь, Паломей, как он громко плачет. Скорее бы нам прийти к юрте да накормить его.

Много верст прошли Паломей с Петоткой, когда их догнала Кыль. Мальчик обрадовался, присел, ласкал, гладил собаку, обдирал налипшие на животе комки снега. Низ живота у собаки отвис, два ряда отвисших сосков, как зубья деревянных граблей, не сгибались. Петотка тоже гладил собаку и наткнулся на тугие соски. Поглаживая, почувствовал, как медленно подавалась из них теплая жидкость.

– Паломей, вынимай ребенка из пайвы, может, собака его покормит, – велел старик.

Собака обнюхала человеческое дитя и допустила его к своему молоку.

После они долго шли, ребенок тихо спал в пайве за спиной Паломея. Поздним вечером добрели они до лесовней избушки, от усталости сразу повалились спать.

Утром старик ощупью затопил печку – чувал, натаял снега для чая. И тихо призывал всех мансийских добрых духов помочь ему и детям. От шороха в избушке проснулся Паломей, сказал с удивлением:

– Дедушка, а малыш-то поднялся на ноги, руку мне отдавил. Ноги у него упругие, сильные. Эй, малыш, малыш! – ласково заговорил Паломей с ребенком и засмеялся: – Дедушка, а как звать его станем?

– Подумай, найди ему имя.

– Можно, его назвать именем моего отца – Ивыром?

– Отчего нельзя? Имя хорошего человека осчастливит ребенка.

И стал Ивыр расти быстро, быстрее человеческого дыхания. Скоро стал он помощником старому Петотке и названному брату Паломею.

Как-то утром старый Петотка вышел на воздух и почувствовал слабый запах дыма. Встревожился: «Откуда взяться дыму, мой чувал еще крепко спит. Не враги ли? Что будет теперь с Паломеем и Ивыром?»

Петотка вернулся в избушку, разбудил детей и сказал им про свою тревогу. Мальчики выбежали и тоже почувствовали запах дыма. Петотка приложил ухо к мерзлой земле, узнать хотел, не стонет ли Мать-земля от множества вражеских ног. Ничего не услышал. После долго землю гладил, припадал к ней щекой, говорил ласковые слова.

Паломей и Ивыр взбирались на самые высокие деревья, чтобы с высоты разглядеть даль. Паломей еще карабкался, а Ивыр уже с самой вершины дерева кричал:

– Никого не видно, ничего нет страшного вокруг!

Но с этого дня стали они жить тревогой. А тут еще собака Кыль потерялась. Паломей и Ивыр ходили по лесу, искали, звали ее, она как в воду канула. Печальные возвращались к Петотке.

– Кто знает, – горевал дед, – может, она совсем не виновата. Могла в охотничью ловушку попасть, могла со зверем схватиться и погибнуть.

Через много дней вернулась Кыль и привела с собой пса солнечного цвета.

– Ты, Паломей, видел в нашем стойбище такого пса? – интересовался Петотка.

– Нет, не было такого пса у наших людей.

Может, он от добрых людей прибежал, а может, от наших врагов? – спросил в тревоге Ивыр.

– Может, от добрых людей, может, от плохих, кто знает, – раздумывал дед. – Вы его привяжите, пусть побудет с нами.

И еще велел Петотка найти лиственничную губу – гриб, размочить в горячей воде и сделать человека. Из бересты для человечка складничок смастерить. Это знак бедствия будет.

Ребята так и сделали, а потом привязали складничок к ошейнику пса и отпустили ее – пусть люди узнают об их беде.

В ночь, как ушел пес, залез на крышу медведь-шатун, ходил, рвал дранки и бересту с крыши, хотел пролезть в избушку. Кыль почувствовала зверя, заповизгивала, прижалась к ногам Петотки.

– Почему не лает Кыль, не отпугивает зверя? – удивлялись Ивыр и Паломей.

– Кыль не медвежатница, соболятница она, – объяснял дед. – Эти сами медведя боятся.

Ивыр заторопился, забормотал:

– Я не боюсь, не боюсь тебя, зверь.

Выхватил парень из-за чувала огромную пайву – кузов, выскочил из избушки и, забравшись на крышу, натянул пайву на голову медведя. Одной рукой держит лямки кузова, как вожжи, а другой рукой бьет медведя да приговаривает:

– Вот, вот тебе, знай свои медвежьи тропы, не ходи к людям.

Медведь из-под пайвы не видел ничего, пятился-пятился и свалился с крыши. От испуга громко рявкнул и убежал в лес.

С тех давних пор, когда манси хотят от себя отпугнуть медведя, бьют по пустой пайве. Медведь, услышав глухой звук берестяной посудины, убегает прочь.

А тогда немало Петотка с Паломеем удивлялись: как это Ивыр не побоялся медведя. А Ивыр так ответил:

– Много на свете есть такого, чего бы человеку надобно бояться. Я хочу жить, а не бояться.

Петотка думал: «Мысли у малого как у опытного старика? Верно, однако, говорят: смелому в дождь сухо, в мороз тепло, в бурю легко».

Через несколько дней пришел хозяин пса, позвал Петотку с ребятами в свое стойбище.

В стойбище хорошо, спокойно стало жить. Ивыр сделался отменным охотником. Бывало, охотники всего стойбища приходили с пустыми руками, Ивыр всегда возвращался с богатой добычей.

Люди удивлялись, спрашивали Ивыра:

– Как ты без лука и стрел удачливо охотишься?

– Соболя я с дерева руками достаю, а лося за рога валю.

Манси охотно верили ему, видя, что его быстрые реки не задерживали, на болотах он не тонул, через ветровалы не шел – летел.

Каждую зиму ураганом носились по всем стойбищам сборщики ясака, с каждым годом требовали все больше и больше. Много охотники пушнины с охоты приносили, но все уходило на пот – ясак.

Но с тех пор, как заматерел, набрал силы Ивыр, не однажды сборщики еле уносили от него ноги. Стали они стороной объезжать его стойбище.

Но случилось однажды: дальние соседи дали знать, что к ним опять пришли враги, налетели черной стаей, мучают и старых, и малых. Поднялись люди, начали точить стрелы, натягивать туго тетиву луков.

Но Ивыр всех остановил. Сам быстро собрался, сказал так:

– Отцы, никак воевать людей Золотой Шапки собираетесь? Оставайтесь-ка лучше дома, кормите стариков, детей и женщин. Я один попробую справиться, может, прогоню врагов.

Пришел Ивыр в осажденное врагами стойбище и видит: волокут враги узлы с лучшими шкурками искристых соболей, пышных огнистых лисиц, узорчатые лисьи и собольи шубы. А у кого нет пушнины, забирают молодых парней к себе в работники. Больных старых манси, у которых ничего нет, позорят, заставляют при женщинах раздеваться – ложиться под палки.

Ивыр рассердился, ворвался в середину войска, одного пальцем ткнул, другого локтем пихнул, третьему подставил ногу. До кого дотронулся, те лежат на земле, остальные стоят остолбенев, позабыв закрыть рты. Вытаращили глаза, не понимают, кто такой является, мешает их злому делу.

А Ивыр смеется:

– Старики, поднимайтесь, берите в руки палки, будем успокаивать волков.

Потом повернулся Ивыр к сборщикам пота – ясака. Спокойно спросил:

– А вы, коршуны, откуда слетелись, кто вас отправил разорять чужое гнездо и клевать старых да больных?

Пока Ивыр так разговаривал, войско его вновь окружило. Натянули луки, целятся в Ивыра и кричат:

– Эй, оставьте для моей стрелы местечко на теле этого манси!

– Эй, не торопитесь, мишень не убежит, всаживайте стрелы погуще, пусть этот манси ощетинится стрелами, как поганая свинья!

Ивыр стоит перед врагами во весь свой рост без страха. Летят в него стрелы, кружатся над ним, как хлопья снега в буран.

От одних стрел он отмахивается, другие ловит да ломает. А те, что попадают в него, не ранят, – как комары, чуть покусывают. Скоро Ивыр уже по колено в обломках стрел стоял.

Кончились стрелы у врагов, бросили они луки, подхватили палки и пошли на Ивыра. Выломил Ивыр большую сухарину – метровое дерево, закружился между врагами. Кого сухарой заденет – тот падал и больше не поднимался. Другие прочь побежали – бежали без оглядки и не чувствовали, где у них пальцы, а где пятки.

Вернулся Ивыр в свое стойбище, просто сказал:

– Я врагу немного показал, как к нам с войною ходить.

Старый вожак Вындыр созвал всех манси.

– Люди мои, – сказал Вындыр, – я старый, мне непосильными стали дальние дороги. А в наших лесах зверь напуганный, чуткий, уходит далеко. Рыбы в наших речках тоже мало стало. Надо нам искать новые места – леса, богатые зверем, реки, полные рыбой. Я думаю, пусть вашим вожаком будет Ивыр.

Люди радостно воскликнули:

– Пусть, пусть Ивыр будет вожаком!

И Ивыр скоро ушел искать новые места. Долго ходил по незнакомым местам, далеким урманам. Нашел лес, богатый зверем, речку, богатую рыбой. Выбрал место на взгорке светлой речки и начал строить избушки. Из толстых бревен вековых сосен и лиственниц стены домиков росли быстро. Густой аромат сосновой смолы и нежной лиственничной хвои приятно кружил Ивыру голову, прибавлял силы. Он без устали работал с утра до вечера да еще прихватывал время у короткой летней ночи.

Мало спал Ивыр. Каждую ночь ему не то сон снился, не то чудилось, что приходит к его нарам–лежанке девушка, гладит его руки своими легкими прохладными руками и поет нежную песенку. Утром, раздумывая над сном, Ивыр улыбаясь говори себе: «Откуда тут взяться девушке? Верно, от одиночества снится мне такое».

Днем же, когда становилось жарко, он будто ощущал на своих руках и лице прохладу. Невольно присаживался, смотрел на руки, искал какие-то следы. Слышались ему тихие, чарующие звуки песни. Чтобы не поддаться чарам неизвестной, он произносил «Нно!», резко вскакивал и круто брался за работу.

А ночью снова снилось ему, что девушка целовала его прохладными губами и щекотала лицо влажными волосами.

Проснувшись, Ивыр убеждал себя: «Ночью душно было от жары, видно. Мне, сонному, очень хотелось прохлады».

Но стало у Ивыра расти неотвязное желание увидеть незнакомку. И он решил в следующую ночь притвориться спящим. И вот в полночь уловил он легкий шорох, услышал шепот:

– Милый, устал, умаялся за день, ненаглядный мой. Моя светлая любовь.

Запела незнакомка:

Земной человек,
Умный человек,
Приласкай меня,
Полюби меня.
Дай, дай мне тепла,
Я люблю тебя.

Чтобы не отпугнуть невидимку, Ивыр тихо-тихо заговорил:

– Спасибо, спасибо, девушка, за нежную ласку, за добрую, красивую песню.

Песня оборвалась, затаилась незнакомка.

– Девушка, девушка. Не уходи, не оставляй меня! Скажи, кто ты, как зовут тебя? – позвал Ивыр.

– Меня зовут Витьсам – Капелька. Я Дочь Воды. Бабушка моя – Земля, мать моя – Река. Нянчила меня, пеленала меня в туманы Волна.

Ивыр голос слышал, а видеть никого не видел, и забило ему в виски: «Неземная, неземная!»

А руки против его воли потянулись ошалело, ищут певунью, чтобы ее крепче поймать да нежнее к сердцу прижать.

Не помнил Ивыр, поймал ли он ночную певунью, прижал ли к сердцу, только засыпал он в ту ночь от приятной, счастливой усталости.

Еще долго, много раз в душные ночи Капелька – Витьсам приносила Ивыру прохладу реки и пела тихие песни сладостным голосом любви.

Но все когда-нибудь кончается. И для Ивыра кончились чудесные ночи с певуньей. Однажды она сказала:

– Ивыр, мои сестры тревожатся, говорят, что ты на берегу лес вырубаешь, тишину нарушаешь. А леса не станет – вода в реке убудет. Как жить нам в малой воде? Сестры сказали, пойдем туда, где не тронута тишина, где вечно хранят воду кудрявые в полнеба лиственницы, сосны да ели.

Ивыр подался вперед, развел руки, чтобы обнять Витьсам, хотел уговорить ее остаться с ним. Но только издали услышал:

– Прости, любимый человек, вместе с сестрами я должна уйти! Я ухожу и твой подарок в себе уношу!

У Ивыра сердце забилось, он хотел бежать, но за кем? Все равно не увидел бы ее! Снова застучало ему в виски: «Неземная, неземная она, и любовь ее неземная. Не опасны ли чары ее? Не отняла ли твою память, Ивыр? Не забыл ли ты своих земных людей? Забыл, наверное, зачем пришел сюда?»

Ивыр встал на свои сильные ноги, встряхнулся и ясно почувствовал тоску по дому. Там, за большим, как сорий – море, болотом, его стойбище. Там ждут его с добрыми вестями. Он облегченно вздохнул и с новой силой принялся строить избы.

А семь сестер, семь дочерей Воды, идут своим путем, ищут глубокий омут, окруженный высокими густыми лесами, где не потревожена тишина.

Шли они, шли. Вдруг Витьсам – Капелька зарыдала, хотела обратно бежать.

– Милые сестры! Не могу я, не хочу уходить от родной речки, от родного омута.

Старшие сестры окружили ее. Витьсам – Капелька слезами заливается, от ее слез целое озеро образовалось.

Увидели сестры озеро и воскликнули:

– Э! Тымын – зеро!

Старшая сестра предлагает:

– Витьсам, пусть Тымын-озеро будет твоим домом, оставайся здесь.

– Нет, я пойду с вами, – решила Витьсам – Капелька.

И они снова пошли все вместе.

Долго ли, коротко ли шли, Витьсам опять горько заплакала и обратно повернула. Сестры вновь собрались в кружок, стали ее уговаривать. Пуще прежнего Капелька льет слезы. И увидели сестры озеро больше первого.

Семь раз принималась плакать Капелька, от ее слез появилось семь Туманов-озер. И стоят эти большие озера до сей поры.

Вот старшая сестра и говорит:

– Сестры мои дорогие, вы все уже на своих ногах, каждой из вас надо жить своим домом. У каждой должна быть своя Тихая Вода. Занимайте эти и живите. Капелька останется в первом Тумане, оттуда ближе наша родина. Седьмой Туман – последний – пустой останется. Для встреч он будет – будем там встречаться-видеться. Так ли я говорю?

– Так, так, – согласилась девушки.

– А я пойду дальше, – говорит старшая. – Буду искать свою воду, свою речку.

– Далеко провожали младшие свою старшую сестру, долго кричали ей вслед:

– Контын я, контын я! Найди реку! – желали.

Засели в памяти старшей сестры пожелания младших. Она шла и все повторяла эти слова. А как увидела перед собой большую реку, от радости, вместо слов «Котсым я!» – «Нашла реку!», она закричала на весь лес: «Контын я, контын я!» Звонкие слова разлетелись по лесам и запутались в ветвях деревьев. А когда прикочевали в эти леса манси, они обронили слова с веток. Слова «Контын я» – «Конда – река», скатившись с веток деревьев, упали людям на сердце, врезались в память и остались с ними на всю жизнь.

Пришло время Витьсам – Капельке стать матерью, поспешила она в свое царство воды. Родила Капелька сына, назвала его в честь отца Туривыр пув – озерный Ивыра сын.

После, когда не будет Ивыра – вожака и защитника людей манси, на его место встанет сын Туривыр. Только его, неземного, никто из людей не увидит.

Много тысяч лет манси будут останавливаться на берегу Сатыгинского Тумана – озера, у мыса Карсава, где впадает в Туман-озеро ручка Усынья. Они будут любовно глядеть на незамерзающую полынью, даже в самые лютые морозы дымящую ледяным паром.

Деды приведут туда своих внучат, покажут на полынью:

– Ты Туривыр самет – это Глаз Туривыра. Он летом и зимой зорко глядит, чтобы манси содержали в чистоте реки, озера, боры. Чтобы всегда родники голубели, ручейки серебрились и резвились, озера и реки радостно в небо смотрели, никогда не мелели бы, а деревья над ними всегда были бы зелеными. А кто не будет выполнять заветы Туривыра, тому не плавать в лодке по Туман-озерам, рассердится Туривыр, нагонит высокую волну и перевернет его лодку.

Жалеет канясь[7] Золотая Шапка, что из ближних лесов откочевали манси, ушли за топкое болото. Рыщут по тайге его слуги, ищут пути-дороги к стойбищам манси, чтобы отобрать у них дорогие меха, разорить их. Но боятся слуги топких, гиблых болот и темных, густых лесов, где из-за стволов деревьев щетинятся оперенные, с железными наконечниками стрелы. Плывут слуги Золотй Шапки в больших лодках по рекам. Давно уже обобрали стойбища ханты и манси по берегам рек Иртыша и Оби, вот уже заплыли на реку Конду и доплыли до озера – Тумана. Туривыр взметнул тяжелые волны навстречу им. Волны с огромной силой обрушились на лодки, одни разбили в щепки, другие перевернули вверх днищами, третьи закинули на илистые отмели.

[7] Канясь – князь; здесь – хан.

Много врагов осталось в водах озера – Тумана на веки вечные, но и на берег много врагов высадилось. Отдохнули и потянулись вверх по речке к стойбищу вожака Ивыра.

Ивыр тем временем вернулся в стойбище, сказал:

– Люди мои, зимой, как болота промерзнут, будем каслать – кочевать. А сейчас надо налаживать нарты, луки и стрелы, на реке ломы строить, вдруг враги раньше придут.

И манси, обученные своим вожаком, сделали по речке семь завалов из неохватных деревьев.

Подплыли враги к первому завалу – лому, тут их и встретили острые стрелы. Не удалось слугам хана Золотая Шапка обобрать стойбище Ивыра.

По сей день стоят завалы-заломы по речке Евре как память о древнем прошлом.

Вернулись враги обратно к Туману – озеру, поставили здесь трусливого, но злого Сатыгу пот – ясак собирать, а сами ушли за Иртыш.

Канясь – князь Сатыга в свою честь назвал деревню Сатагой, а озеро Туман стало называться Сатыгинским Туманом.

Когда промерзли реки и болота, Ивыр со своими людьми откочевал. Они долго шли, а когда подошли к огромному, как море, болоту, манси удивились, спросили вожака:

– В таком большом болоте, однако много злых духов.. Пропустят они нас?

Ивыр вместо ответа песню запел:

Все под небом поделили злые духи:
В каждой кочке духов души,
В каждой ветке духов уши.
Шорох леса – это тоже вздохи духов.
Мы не будем их бояться –
Возьмем луки, с нечистью
Пойдем сражаться.

Ивыр своей напористой смелостью всех напугал. Манси заперешептывались, заговорили:

– Стравит, стравит он нас злым болотным духам…

Старый Вындыр доверял молодому вожаку, уверенно, громко хвалил Ивыра, успокаивал людей:

– Ой-е, Ивыра большой ум туда-сюда, туда-сюда крылатой птицей летает. Он спасет нас.

Но женщины к Ивыру с просьбой обратились:

– Ивыр, ты хоть позволь нам пурлахтых – молитву сотворить. Призовем на помощь наших добрых духов, а злых уговорим, умилостивим молитвой, пусть не делают нам зла.

– Дорогие, моему сердцу сюкум – матери, делайте все, что нужно, – разрешил Ивыр.

Женщины сварили горячую похлебку, разлили в берестяные посудины, и пошли четыре древние старушки на четыре стороны света творить молитвы, стали уговаривать Болотного Духа – Комполэна: окуривать его пихтовым дымом, угощали похлебкой, просили Комполэна попустить их к бору, к речке с прозрачной водой. Пока женщины договаривались с Болотным Духом, остальные сидели тихо, боясь пошевелиться, и не прикасались к пище.

Утром, чуть свет, Ивыр повел манси болотом. Много прошли, но вдруг запокачивалось болото, мох стал прогибаться, а через некоторое время совсем провалился. И открылась страшная пасть Болотного Духа, готовая проглотить всех до единого.

Поднялась грязная болотная вода ледяным паром, закружились над людьми болотные чудовища. Одни чудовища одноглазые, другие многоглазые, похожие на ворон с длинными клювами. Они кричали, бросали в манси мерзлыми болотными кочками.

Все перемешалось: ледяные брызги, мох, кочки, чудовища и манси с луками и огромными палками. Не стало видно ни солнца, ни белого дня.

Бьют манси злых духов, падают духи в болотную пасть, а оттуда еще больше их поднимается. Не хочет Комполэн пропускать людей в богатый урман. Многие манси ушли в бездну трясины. И старого доброго Петотки не стало. Люди уже силу потеряли – приготовились переходить в подземное царство, а Ивыр только силу набирать начал. Бьется Ивыр. Кулаки заболели – он вывернул березовую оглоблю из нарты, бьет их оглоблей.

И вот чудовища мертвыми упали в болотную пасть, настелили своими телами путь через болото. Сильные манси, храбрые манси не успели обрадоваться. Над ледяным паром появился сам Комполэн –

до самого неба поднялся. Одна нога его деревянная – высокая лиственница, другая нога лошадиная – с круглым конским копытом. Набросился Комполэн на Ивыра, и началась страшная борьба. То, казалось, Комполэн одолевал Ивыра, то Ивыр одолевал Комполэна. Изловчился Ивыр. Выдернул деревянную ногу-лиственницу, забросил далеко в болото. Закачался Комполээн на конской ноге и запрыгал на ней – искать свою деревянную ноу.

Манси, победившие злых духов, бодро пошли дальше. Шли белыми борами. Деревья потрескивали от мороза, как будто вздрагивали, пугались людей. Снег вокруг был увит косами звериных следов. Собаки, почуяв запахи зверей, рвались с поводков – тянули своих хозяев на охоту.

Семь дней, семь ночей прошло. Манси пришли к речке со свежей прозрачной, как слеза Номи Торума, водой. Зашли в лесовние юрты, что Ивыр мастерил, крепко уснули.

Переночевали в тепле. А наутро охотники отправились на охоту, вечером вернулись с богатой добычей.

Женщины наварили лосиных голов, пригласили охотников за столы – только мужчины, только добытчики, по древним мансийским обычаям, должны есть сердце и головы лосей.

Вожака Ивыра посадили на самое почетное место, поставили перед ним сот – узорную берестяную чашку, положили в нее самые лакомые куски мяса – угощали его лосиными глазами да языками. Заметили люди: печальный Ивыр сначала сидел, голову невысоко держал. Устал, видно, осень бороться. Рассказывали ему охотники о богатых зверями урманах. Ивыр внимательно слушал охотников, вместе с ними – увидели – радовался. Потом закашлялся, повалился – и не стало его.

Старый вожак Вындыр горестно сказал:

– Ох, какая лиственница пала! Вот так в нашей жизни бывает: старое дерево скрипит, да стоит, а молодое, зеленое валится.

Все в стойбище застыли умом и сердцем. Не могли понять – почему, зачем верховные боги отняли у них такого доброго, такого верного вожака – Ивыра.

Мудрый Вындыр сказал:

– Отныне будет священным то место, где сидел Ивыр. С нами будет его душа. И посудина, из которой ел Ивыр, будет всегда стоять на том же месте.

Ивыр лежал бездыханно. Манси склонили головы над ним, надеялись: вдруг Ивыр откроет глаза, улыбнется, скажет радостное слово. Кедры тоже склонились, ветки до земли опустили, тоже ждали, наверно. Не верили манси, что злая смерть одолела такого умного. Сильного человека.

И еще сказал Вындыр:

– Не вернуть нам Ивыра. Его душа белым, чистым облачком поднялась в небеса. Там, в небесах, Ному Торум с радостью встретил его бессметную душу. Смотрите, Ивыр даже мертвый желает нам добра: крепко закрыл глаза, никого не хочет высмотреть мертвыми глазами, не хочет никого из нас взять с собой. Доброго – надо по-доброму отправлять в Нижний мир.

Мужчины бережно перенесли Ивыра на скамейку, уложили на пихтовые ветки. Женщины под скамейку глиняную угольницу с горячими углями поставили, на угли бросили можжевеловые ветки.

Самая уважаемая женщина – Мать матерей – опустилась на колени, запричитала:

– Окурись земным дымом, чтоб ушли от тебя все земные запахи, чтобы наша Мать-земля легко приняла тебя в свои объятья.

Подняла голову Мать матерей, сказала всем:

– Не будем плакать, нельзя заливать слезами дорогу уходящего в Нижний мир. Чтоб не отсырели стены его вечного дома, древние наши заветы велят дорогого человека оплакивать сухими слезами. Сухие слезы будут долго приносить боль, и память наша о нем будет долгой, долгой.

Гроб мужчины сколотили, сделали лиственничный сруб, могилу вырыли. Разложили много костров, щепу, что осталась от гроба, в пламени поминальном сожгли, как велел обычай.

Собрали лыжи, одежду добротную, лук и стрелы, котел – все, что потребно будет умершему в Нижнем мире. Через три дня и три ночи схоронили Ивыра. Сруб в могилу опустили, внутрь гроб поставили, досками сверху хорошо накрыли, землею пышно засыпали.

Высокий холм вырос, куда бы манси ни шли теперь, всегда его увидят. На вершину холма воткнули стрелу, рядом крепкий лук положили, лыжи. Рядом с холмом на деревья развесили одежду.

Встали мужчины вокруг холма, поклонились семь раз, касаясь рукой свежей могилы: делились с тем, кто в земле, своим сердечным теплом. За мужчинами подошли женщины, так же, как мужчины, нежностью и теплотой поделились.

В горестном молчании в стойбище возвращались.

Кто знает, сколько лет миновало с тех пор?

Но манси, возвращаясь с охоты, в посуду Ивыра всегда клали вкусные куски свеженины. Склоняли головы над столом, где поднимался пар от сваренной головы лося. Как живому, рассказывали Ивыру, на каких тропах охотились.

Хорошо жили манси в этих краях, богатых добычей. После смерти вожака Ивыра назвали они свою деревню Еврой – Ивыр Павыл, речку тоже Еврой – Ивыр Я.

Часто стали сниться тревожные сны старому Вындыру. Свои сны мудрый Вындыр рассказал Паломею. Будто мертвые души предков жалуются, что забыли их, оставили манси, а такого раньше никогда не бывало.

Паломей спрашивал:

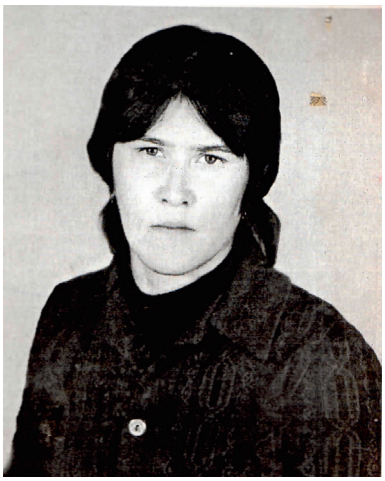
– Может, тебе жаль те реки, озера, охотничьи леса, лесовние юрты?

– Нет, я тужу не об том, – отвечал старик. – Боюсь потерять память о предках. Человек, потерявший память, теряет свое начало, самого себя теряет. Тебе, Паломей, лучше вернуться на земли наших старых стойбищ.

И ушел Паломей.

Дорогу, по которой он ушел, до сих пор манси называют Палам Ленх – Пелымская дорога. Место, где стал жить Паломей, назвали Палам Павыл – деревня Пелым, и речку Палам Я – речка Пелым. Как лесные речки стекаются в одно озеро, так люди стали приходить в стойбище Паломея: прикочевывали манси, приходили русские. Постепенно разрастаясь, деревня превратилась в город. Манси назвали тот город Палмус – город Паломея. А русские говорили просто – город Пелым.

Глубокая светлая память манси сохранила воспоминания о добрых делах предков. И что бы ни делали люди с тех пор, кто насвистывал песню об Ивыре, кто пел – протяжно, печально, точно Ивыр ушел совсем недавно. Матери говорили детям, старики внучатам рассказывали об отважном, сильном Ивыре, добром Петотке, мудром Вындыре, верном Паломее. Вот эти сказки, песни, легенды через время дошли и до нас.

КОПЬЕВА АЛЛА ФЕДОРОВНА

Копьева Алла Федоровна родилась 19 марта 1956 года в д. Учинья (п. Половинка) Кондинского района. Стихотворения начала писать в 16 лет. С 1975 года печатается в периодических изданиях. Стихотворения вошли в сборники «Коренные и малочисленные народы Севера и Сибири. Руководство по исследованию» (1999, г. Трабзон, Венгрия), альманахи «Конда» (2004), «Оттиск» (2004), «России маленькая часть» (2004), «Эхо Кондинских урманов» (2005), «Зеркало Кондинских вод» (2002), «Навечно в памяти народной» (2004), «Зори Самотлора» (2002). В 2002 году приняла участие в конкурсе «Рифма – 2002» (г. Урай) и, войдя в число победителей, получила возможность печататься в Урайских сборниках: «Урайские горизонты» (2003) и «Шаимские находки» (2001). «Благословенные мгновенья» – сборник стихотворений А. Копьевой.

МОЖЕТ ЭТО БЫЛЬ?

Может это быль, а может небыль,
Может это ветер мне шепнул?
Там, где сосны вековые смотрят в небо.
Жил когда-то молодой вогул.
Жил с семьей безбедно и беспечно.
Сети плел, имел он и ружье.
Рыбы было много в местной речке.
И окрест водилось там зверье.
На дары щедра была природа.
Ягод – море, за окном кедрач.
Беспокоясь о продлении рода,
Песнь любви там выводил косач.
Лебеди садились на озера,
Красотою радуя глаза.
И никто не знал тогда, что скоро
Над тайгой прокатится гроза.
Нет, не та гроза – дитя природы.
Вертолеты с неба упадут.
Зарычат в урманах вездеходы.
К озеру бурильщики придут.
Поначалу весело казалось.
Смех и песни, вышки в облака.
А тайга ворчливо отзывалась
Эхом, затаившимся в логах.
Может это быль, а может небыль,
Может, перепутал что-то ветер?
Там где буровые смотрят в небо.
Был кедрач – остался только пепел.
Местная речушка обмелела.
Рыба не заходит уж в нее.
И не пролетает лебедь белый.
Вглубь тайги спасается зверье.
Может это быль? Сама не знаю.
Или это ветер мне шепнул?
В озеро поблекшими глазами
Грустно смотрит пожилой вогул.

Сыновья ушли на буровые.
Полтайги сгорело, плачь – не плачь.
И слезинки катятся скупые.
Он теперь как раненный косач.

НА РОДИНЕ МОЕЙ

У родины моей озерные глаза,
Задумчивые, строгие, большие.
И волосы ее – зеленые леса,
И ленты вплетены в них голубые.
На родине моей проплешины болот
Сменяются нехоженым урманом.
И селится у рек мой маленький народ,
Когда-то поклонявшийся шайтанам.
Мой маленький доверчивый народ,
Неписанные чтил законы чести.
Одной семьею жил большой мансийский род,
Не зная чувства зависти иль мести.
Таков он и теперь, пройдя через года,
Бесхитростный, с душою нараспашку.
Ты только попроси – не думая, отдаст
Тебе свою последнюю рубашку.

ГОЛОС БУБНА

Приходилось вам слышать хоть раз
Гулкий бубен сибирских шаманов?
Пусть в музее живет он сейчас,
Будто эхо таежных урманов.
Пусть дана ему праздная жизнь,
Его голос все больше молчит,
Но попробуй к нему прикоснись –
Встрепенется, живым зазвучит.
Зазвучит так, что дрожь по спине,
Неземной выводя свой мотив.
В этом голосе слышится мне
И печаль, и мятеж, и призыв,
Шум ветров и стенанье тайги,
Шорох трав и гул жарких костров,
И времен уходящих шаги,
И надежда грядущих годов.

***

Облака купаются в воде.
Ветер в соснах зацепился песней.
Расскажи мне, если сможешь: где
Можно встретить край еще чудесней?
Над водой склоняется тальник,
От воды в тайгу бежит дорога.

Там к сосне доверчиво приник
Тонкий ствол осинки-недотроги.
Там березы в родинках живут,
Чередуясь с ельником туманным.
Вновь дорога выйдет на Конду,
В луг зеленый с ароматом пряным.
В зелень луга вплетены цветы.
Разыгрались над водой стрекозы.
Мир необъяснимой красоты!
Как здесь думать только скучной прозой?!

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Паутина врезалась в лицо.
Значит, это осень за оградой.
Вот и опустился на крыльцо
Первый пожелтевший лист из сада.
Лето, ты короткое, как жизнь.
Сколько планов вновь не состоялось.
Зарядили нудные дожди,
В душу поселившие усталость.
Вечером гадаем на закат,
День какой назавтра он пророчит.
Все длиннее, все темней стоят
Мокрые сентябрьские ночи.

***

Желтизной отплакали березы.
Вдалеке затихли журавли –
Улетели к югу от морозов
И тепло на крыльях унесли.
А птенцов моих по разным гнездам·
Жизнь-судьба, как должно, развела.
И теперь уж глупо, да и поздно
Сожалеть, коль что не додала.
Жизнь мне так не часто улыбалась.
Но была когда-то и весна!
Значит, многовато ошибалась,
Раз осталась пред зимой одна.

ОБЕЛИСКИ

Война! Кто родился позднее намного,
Тому, может быть, не понять до конца,
Какой безысходностью, болью, тревогой,
С родными прощаясь, кричали сердца!
В дома сиротевшие шли похоронки.
Кровавым был путь до победной весны.
И были деревни в Кондинской сторонке,
Куда ни один не вернулся с войны.

Притихшие избы. И дети. И жены.
И в траурной рамке родное лицо.
А сколько осталось детей нерожденных
у этих, ушедших до срока отцов ...
Годами негаснущей скорбью людскою
Оставила след на земле свой война,
И помнит Конда своих славных героев,
В граните навеки все их имена.
Сверкают в ромашках утрами росинки.
Ветра молодые гудят над тайгой...
Стоят обелиски над мирной Россией.
Стоят обелиски над тихой Кондой.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

В домике уютном женщина седая
Песню о сыночке тихо напевает.
А в глазах грустинка, только что не плачет:
«Серая лошадка в чистом поле скачет...»
Одиноко старой в домике уютном.
Слышно: на крылечке скрипнуло как будто.
Может, это дети в гости поспешают?
Слушает старушка, песню прерывая.
«Нет, шагов знакомых вроде бы не слышно ...
Жизнь их закрутила – значит, так уж вышло»,
Это только ветер у крылечка плачет:
«Серая лошадка в чистом поле скачет...»

***

Как жаль, что судьбой не владеем мы сами,
И правит в судьбе нашей случай порой.
И в мир, где живем, мы приходим гостями.
Уходим однажды куда мы? Домой?
Что нас ожидает в той вечной квартире?
И сколько отпущено здесь погостить?
Смириться непросто – я гость в этом мире?!
Уж пусть квартирант, если можно им быть...
Смахнули и вымели мусор за гостем,
Порой даже вслед... Нет, я так не хочу!
За жизнь мою, дней моих путаных гроздья,
Коль я квартирую – сама заплачу!

***

Высокий обрыв моей милой реки.
Внизу под обрывом сидят рыбаки.
Застыли недвижны – глаза и вода,
Лишь удочкой кто-то взмахнет иногда.
Спускаюсь к воде, вижу камни на дне.
Кораблик качается в робкой волне.

– Послушай, кораблик, куда ты плывешь?
Чьих маленьких рук мастерство ты несешь?
И как в дальний путь ты пуститься рискнул?
Бумажкою-парусом он мне махнул:
– Решайся, и вместе давай поплывем.
За тем поворотом вдруг счастье найдем...
Наивный кораблик, тебе не понять, –
Устала я счастье и звать, и искать.
Отмерено, видно, его мне чуть-чуть.
А ты, пока веришь, плыви... В добрый путь!

МОЯ КОНДА!

То березок толпа, то строй сосен
Наглядеться не могут в Конду.
Сколько с нею встречала я весен.
С болью, с радостью к ней я иду.
У твоих берегов, моя речка,
По весне родила меня мать.
На осиновке в детстве беспечном
Ты меня так любила качать.
В твоих водах под вечер плескалась,
И усталость с тобой – не беда.
Как рукою снимает усталость
Твоя мягкая, с тела, вода.
Я грущу, когда речка уснет,
Подо льдом свои воды храня.
Но зато по весне ледоход –
Это праздник всегда для меня.
Это радость всегда для меня –
Легкий шум проплывающих льдин.
– Здравствуй, – тихо шепчу я, – Конда, –
И касаюсь рукою воды.
Первый стих я тебе посвящала.
И не первый. Родная Конда,
Ты моим вдохновением стала
И любовью моей навсегда.

КОШМАНОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

Кошманова (Тайлакова) Ольга Александровна (20.10.1934 – 18.02.2016 гг.) родилась в д. Озеро Кондинского района. В 1939 году большая семья Тайлаковых переехала в деревню Тап. Семилетку закончила в селе Леуши. В 1954 году окончила Ханты-Мансийское медицинское училище и вернулась в родные места – работала медицинской сестрой в п. Нахрачи (п. Кондинское), затем с 1958 года – фельдшером в Устье-Аховском фельдшерско-акушерском пункте.

Ольга Александровна Кошманова известна и по многочисленным публикациям в югорских и уральских СМИ. Первый рассказ «Вот моя деревня» издан в 2000 году. В издании представлены уникальные, редкие документы, материалы о деревнях Учинья, Половинка, Тап, Пихтовка, Ингатья, Ёлушкина, Панкутал, Тосклива. В 2012 году издан сборник «Приговоренные к памяти».

В 2007 году вышли в свет книги для детей «Лесбег», «Взгляд в спину», в 2010 году – «Золотая баба, или заколдованная богиня», «Конда. Начало XX века».

В 2012 году изданы еще два сборника: «Сказки и предания кондинского края», «В глубине кондинских урманов». 2014 год знаменателен сборником «О чём помнит Конда».

ЛЕСБЕГ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КТО ОН?

Оглянувшись на треск сучка, Натка тотчас повалилась на руки Толяна без дыхания. Толян подхватил ее и прямо перед собой, метрах в десяти, увидел ЕГО. Темная масса, внешнее подобие человека и огромные блестящие с красным оттенком глаза. Прижав Натку к себе, Толян изо всех сил пустился бежать по берегу Евринского Тумана к поселку. Не доходя до первых домов, он осторожно положил свою ношу на обочину дороги. С легким прикосновением к щекам девушки, он стал звать ее:

– Ната, Ната, ну очнись, что с тобой? Ната!

Она открыла глаза, увидела бледные звезды на сером небе, луну, склонившегося над ней Толяна. И все вспомнила.

Натка, дрожа, вскочила на ноги и спросила:

– Где ОН? Где?

– Успокойся, мы уже в поселке.

Дойдя до первых домов, Толян усадил ее на скамейку, заботливо укрыл своим пиджаком, стараясь успокоить. Она продолжала дрожать и все спрашивала:

– А что ЕМУ от нас надо? Почему ОН второй день нас преследует? Кто ОН?

Действительно, вчера вечером, а вернее ночью, около двенадцати часов, Натка и Толян гуляли по берегу Тумана. Светила луна. Но в белой ночи лунный свет был почти не виден. Вода Тумана была неподвижной, как зеркало, в ней отражались бледные звезды, луна, легкие облака; а возле берега кусты и деревья.

Скоро наступит пора девушке и юноше расставаться. Толян решил ехать учиться на автослесаря в училище, а Натка – продолжать учебу в школе. Предстоящее расставание угнетало обоих. Совместная учеба и жизнь по соседству сблизили их. И не было такого дня, чтобы они не встречались. Но сейчас они мечтали о том, как после двух лет учебы Толян вернется в поселок уже специалистом, а Ната закончит школу.

И вдруг неожиданно впереди темной массой возник силуэт огромного человека с блестящими красноватыми глазами. Испугавшись и не поняв, что это такое, Толян и Натка что было духу бросились бежать к поселку. Договорились молчать. Кому о таком расскажешь? Не поверят, засмеют.

Но днем Толян не удержался и рассказал о встрече своему другу Сергею, по прозвищу Серый, взяв с него честное слово никому ничего не говорить и даже заставил перед клятвой есть землю.

Серый пошел к Натке, чтобы убедиться, правда ли это.

– Толян велел молчать, – вот и все, что он смог узнать.

Вечером на улице встретились все втроем.

– Может, вам показалось? – допытывался Серый. – Может, то был куст, дерево, что-то отражалось на земле? А сходите туда еще разок! И если ОН там, вы увидите ЕГО. Ведь все равно будете гулять всю ночь.

Они и пошли.

Толян первым заметил, что кто-то смотрит на них из-за кустов и движется параллельно берегу вслед за ними.

– Может, Серый с Колькой, – подумал он, – а потом будут насмехаться.

Натка ничего не замечала, она шла очарованная белой ночью, тишиной, покоем, спокойной водой, золотистым упругим песком берега.

И вдруг – опять ОН! Совсем рядом, в каких-то десяти метрах. Огромный человек с блестящими красноватыми глазами. На этот раз они не могли ошибиться. Это ОН! Но кто ОН? Зверь? Человек?

На следующий день после необычной встречи Натка заболела. Врач предположил – нервный срыв.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Толян с Серым решили все рассказать своим друзьям: Кольке, Леке, Сереже Комарову, по прозвищу Комар, чтобы совместно выработать план действий. Вечером собрались у Толяна. Мать у него в ночной смене, отчим работает далеко и дома бывает редко. Так что, говорить можно обо всем и во весь голос – никто не услышит.

С Кольки, Леки, Комара взяли клятву: об услышанном – ни слова.

– Рассказывай, – потребовал Серый у Толяна.

– Ты тоже знаешь – расскажи, а я потом что-нибудь добавлю, – сказал тот.

– Вы слышали, что Натка в больнице? – спросил Серый у ребят.

– Знаем, а что с ней?

– Вчера и позавчера вечером Толян с ней ходили гулять к Туману и там видели такое – в общем, не то громадного человека, не то зверя. Позавчера Натка увидела ЕГО и упала в обморок. Толян вынес ее на руках, а после вчерашнего – опять ОН! Ее положили в больницу. А вообще-то это у нее от испуга.

Колька, Лека и Комар сидели с открытыми ртами, и все вместе уставились на Толяна.

– Расскажи ты! – потребовали они.

– Позавчера мы ЕГО увидели впервые. Вдруг перед нами появился такой как бы громадный человек, глаза у него блестят. Мы метрах в пятидесяти от НЕГО были. Испугались и убежали. Не могли понять: то ли это нам померещилось, то ли было на самом деле. Вчера Серый уговорил нас сходить туда еще раз, это в районе реки Левы. Мы опять пошли. Никого нет, тихо. Думаем, надо же, черт-те что покажется! Успокоились и даже забыли про это. И вдруг я почувствовал, что кто-то как бы следит за нами. Мы идем по берегу, а тот кустами. Я подумал даже, что это вы. И вдруг – ОН! Я ЕГО увидел теперь совсем рядом, метрах в десяти. Громадный, темный, глаза красные, блестят. За нами ОН не погнался. Больше ничего.

– Большой? – спросил Лека. – Может, медведь? Медведи тоже большие бывают.

– Нет, не медведь. Медведя я встречал в прошлом году, когда с отчимом на его участок ездил. Тот медведь жил там постоянно. Каждый своим делом занимался. Медведь отчима знал, а тот его.

– Что будем делать? – спросил Серый.

– Кому это надо? – думали ребята. – Кого спросить? С кем посоветоваться?

Толян, как самый старший из всех, решил дело взять в свои руки и предложил ребятам:

– Давайте сделаем так...

Но его прервал молчавший до сих пор Комар.

– А ведь Петька Семенов тоже видел! Он Ваньке, брату моему старшему, рассказывал. Я думал, что он врет. Лесом пугает. Значит, это правда!

– Почему же ты молчал? – набросились на него ребята.

– Думал сказки, вранье. А вот сейчас и вспомнил, что Петька про это говорил.

– Значит, так, – повторил Толян. – Ты, Комар, идешь к Петьке и все точно узнаешь: где видел, когда, какой ОН. Все-все до мелочи расспросишь. Потом нам расскажешь. Ты, Лека, книжный человек, вот

и поройся в книгах, в журналах. Что узнаешь – тащи сюда. Ты, Серый, к дедам и бабкам. Разговаривать умеешь. Расспроси о старине. О сказках, о том, как раньше жили, охотились, рыбачили. Может, и вспомнят что-то похожее. Ты, Коля, иди к учителю биологии, больше не к кому обратиться. Расскажи ему коротко, спроси, что он знает, может, и присоветует дельное. Подробности не говори, кто видел, где видел – тоже. Завтра вечером собираемся у меня, и кто что узнал – тот то и расскажет, а после двенадцати ночи пойдем туда, где ЕГО видели. Кто трусит, может не ходить.

Договорились взять с собой ружья и собак.

Три ночи мальчишки шумной ватагой утюжили берег Тумана – никого не было.

ПЕРВЫЕ НОВОСТИ

Днем каждый из ребят занимался своим делом. Лека рылся в библиотеке. Серый расспрашивал стариков. Комар умолял Петьку рассказать ему подробности той давней встречи, но Петька, обидевшись за недоверие, стал говорить, что он все это выдумал и никого не видел.

Лучше дела шли у Коли. Учитель биологии вроде бы сразу все понял и помог тем, что достал институтские книги о происхождении человека. По учебникам, увиденное Толяном существо больше всего походило на шимпанзе или гориллу. Но откуда шимпанзе или горилла заведутся в наших лесах?

И только спустя десять дней ребята узнали, что учитель биологии, Степан Петрович, сообщил своим сокурсникам об увиденном ребятами загадочном звере-человеке и попросил приехать, не посоветовавшись, не спросив у ребят, согласны ли на это они.

А за эти десять дней ребята узнали много нового. Первое сообщение принес Комар. Он все-таки уломал Петьку рассказать подробности встречи, за что его ребята приняли в свою компанию.

– Я видел глаза. Только глаза, может похож, может нет. Не знаю. Откуда у нас снежный человек? – сказал Петька.

Серый же ежедневно ходил от дедов к бабкам, все время что-то расспрашивал, слушал всякие были и небылицы, но пока ничего, что касалось бы ЕГО, того страшного, не слышал. А потом заявил Толяну, что, наверное, надо рассказать о НЕМ хотя бы деду Егору. А то он говорит о каком-то лесном духе, называет его каким-то мансийским словом, но добавляет, что все это давно было и что им, молодым, это знать не нужно. Мальчишки посовещались и решили, что пусть Серый расскажет деду всю правду, все как есть.

Весь следующий день Серый провел у деда Егора. Мальчишки видели, что он помогал ему развешивать сети для просушки после рыбалки, тащить мотор от лодки. В общем, целый день провел Серый с дедом. И только вечером он явился к Толяну. Вся компания друзей была в сборе, все ждали. Серый, устав с непривычки, – дома-то он был не ахти какой работник – сел на кровать Толяна и сказал:

– Ну, мужики, вот такие пироги! Дед Егор о НЕМ знает, много слышал, а дважды он ЕГО видел еще в молодости, тот его из леса выгонял. Как я только рассказал, кого ты, Толян, видел, он забегал по двору, заругался по-мансийски;

– Елнаер, Кульнаер![8] Опять появился! Я думал, ОН совсем ушел из леса. ЕГО давно никто не видел, не слышал.

– Потом дед Егор расспросил подробно, как и кого ребята видели, и заявил, что это ОН – ХУМПОЛЭН. А по-русски, говорит, ЕГО Комполь называют. Запомните, говорит – Хумполэн! Лесной мужик, дух. И главное, рассказал мне дед, что едва ли мы сможем его поймать. Веками ОН живет в тайге, в лесу. ОН как бы лес охраняет. Раньше ЕГО так и считали хозяином леса. И человека, который причиняет тайге или зверям вред, если кто-то шумит, кричит в лесу в неположенное время, например, весной, когда птица на гнезде, у зверей детеныши маленькие, или разводит огонь в опасном месте, то Хумполэн его из леса выгоняет. Как выгоняет? Дикими криками, наводящими на человека ужас, обычно по ночам, или придет к лесной избушке и так ее тряхнет, что та чуть-чуть не развалится. А если человек лег спать на ЕГО тропе – ночью поднимет, огонь разбросает, собак разгонит. Показывался ОН редко, больше так действовал. Поднимал шум, крик, ломал деревья – человек пугался и уходил.

В редких случаях, когда человек ничего не понимал и не уходил, Хумполэн поступал по-другому: для начала, он делал что-нибудь с собакой охотника. Например, собака заболевала и подыхала, могла утонуть или ногу сломать, или дерево могло на нее упасть. А что делать охотнику без собаки в тайге? Но в случае, если человек никак не понимал этого и продолжал творить свои «черные дела», Хумполэн угонял у него

[8] Ёлнаер – хозяин, владыка леса. Кульнаер – хозяин, владыка воды. В мансийском языке эти слова используются как ругательства.

лодку, забирал и ломал лыжи, бывало, что неизвестно из-за чего сгорала лесная избушка или исчезали продукты. Так Хумполэн наводил порядок в своих владениях.

– Сказка, – заявил книжник Лека.

– Почему тогда ОН нам показался? – спросил Толян.

– Дед тоже не может этого понять. Говорит, может, ОН хотел пить, вышел к воде и тут вы его увидели. ОН ведь очень редко людям показывается, знает, что своим видом ОН такой страх нагоняет, что люди теряют разум, гибнут.

– Так почему ОН нам два раза показался? – опять спросил Толян.

– Вы, видно, мешали ему чем-то. Вот ОН и решил, что пора с вами покончить! – сострил Коля.

– А сам дед ЕГО видел?

– Нет. ОН деда только дважды из леса выгонял. Дед говорит про себя, что он в молодости дурной был, ну как мы, ничему не верил. Пошел раз на охоту, а ночью на дорогу спать лег, костер развел, вот тут-то его Хумполэн и прогнал. Налетел вихрем, костер разметал, собак разогнал, такой шум устроил, что дед едва ноги унес, с тех пор он уже никогда на тропу не ложился.

– А другой раз?

– Спросил я деда. А он только рукой махнул, ругнулся по-мансийски. После того, говорит, три года в лес боялся ходить. Потом прошло. Обещал в другой раз рассказать. И еще говорит, что бабка Дарья с ним тоже встречалась.

–Айда завтра все к деду! – предложил Серый. – Ему надо дрова в сарай перетаскать, может, он что и присоветует или расскажет о второй встрече. Обещал.

И мальчишки разошлись по домам.

РАЗДУМЬЯ ДЕДА ЕГОРА

Слух о появившемся в лесу Хумполэне не давал деду Егору спать. Он ворочался, кряхтел, вспоминал все, что слышал от древних стариков, все, что сам за всю долгую жизнь знал о НЕМ. И злился, и возмущался! Злился на Хумполэна: где ОН, хозяин леса, был, когда кедрач вырубали?! Появился на пустом месте!

Ходил тогда дед Егор и в совет, и к лесному начальству, доказывал, что нельзя рубить кедрач, что он весь лес кормит. Даже внука Ваньку заставил писать в какую-то газету, сам на почту письмо снес. Но все без толку. Ответа не получил, а кедрач вырубили. Тогда он за каждое дерево жизнь согласен был отдать. Сердце кровью обливалось, когда видел машину, везущую стволы кедрача с колыхающимися ветками. Кедры как бы махали ветками, кроной, прощаясь навсегда с этим краем. А без кедрача, основного кормильца тайги, жизни в лесу нет. Ушли соболь и китус, медведь и рысь, даже полосатые бурундуки и белки почти исчезли.

Вот что такое кедр!

И вот тогда, когда все хождения деда по защите кедрача кончились неудачей, он и вспомнил Хумполэна, лесного духа. И если бы тогда кто-нибудь сказал, что видел ЕГО, дед, преодолев вековой суеверный страх, пошел бы к НЕМУ и стал просить встать на защиту кедрача и всей тайги. Но тогда и ОН исчез! Появился только сейчас.

Зачем? Увидеть стволы поваленных, но не вывезенных кедров, пихты, сосны! Где раньше-то был?! А сейчас обрубки стволов, целые деревья, даже штабеля догнивают в лесу. Вырубить вырубили, но не вывезли, не взяли. А часть кедра еще и утопили. Кедр – дерево тяжелое, как намокнет, так тонет. Наделали плотов, а кедрача переложили. Вот он и потянул в воду.

– Появился! – злится дед, ворочаясь с боку на бок. – Поздновато. Да и зачем? Детей пугать? Что ОН, свои основные обязанности забыл?

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕДА ЕГОРА

С восходом солнца дед поднялся. Обошел двор, огород, открыл пригон – скоро должна появиться корова с теленком, выпущенная пастись на ночь по этому паутинному летнему времени. Чуть поднимется солнце, обогреет, и несметные, несчитанные полчища паутов пригоняют с пастбищ коров, телят, лошадей. Вслед за коровой за забором мелькнула и голова Серого. Дед закрыл корову с теленком в сарае и, улыбаясь поздоровался с Сергеем, уважительно называя его полным именем, за руку по-мужски.

– Тебе-то что не спится? Аль из дому выгоняют? – спросил дед, усаживаясь на чурбаки в холодке. Покурили. Дед трубку, Серый «Беломор». Поговорили о погоде, о заготовке сена, о надоевших и всех измучивших паутах, и только после этого Серый предложил перенести дрова в сарай.

– Мыс ребятами быстро, по холодку! А то потом от паутов отбоя не будет!

К началу дневной жары дрова были перенесены, мальчишки с удовольствием пили холодный квас из погреба, шутили, смеялись, но основное для всех дело было впереди.

Усевшись на чурбаки в сарае, возле аккуратно сложенных поленицы дров, они попросили деда рассказать про лесного духа. Слово Хумполэн или Комполь им ничего не говорило, а вот лесной человек или дух – это более понятно. Дед прикурил трубку, глянул на Серого:

– Ты, – кивнув на ребят, – рассказал? Все дружно закивали головами.

– Расскажите нам, может Серый что и напутал. Расскажите, как ОН вас второй раз из леса выгнал, так что вы потом и в лес боялись ходить. Почему, ОН так называется – Хумполэн? Что это значит?

Раскрыв глаза и уши, а кое-кто и рты, мальчишки слушали деда о Хумполэне – «потустороннем мужике» или «мужике с того света» – защитнике леса, зверей и всех лесных богатств.

Память деда собирала и хранила вековые слухи о нем, сказки, легенды, дошедшие до наших дней, в которых упоминалось об этом удивительном чуде природы, неизвестном науке, полузвере-получеловеке. Мифический, суеверный страх и преклонение наводил Хумполэн на народ, живущий на протяжении веков в лесу рядом с ним.

ВСТРЕЧА С «БЫКОМ»

– У нас ЕГО Хумполэном-Комполем называли, – рассказывал дед, а в деревне Кыйпывыл ЕГО еще «быком» звали. Там ОН Светлое озеро охранял и лес вокруг него – тоже. Дорога от деревни все борами шла и только в одном месте подходила к озеру. Вода в нем была хрустальной чистоты, родниковая, холодная. Каждую травку, камушек на дне видно, каждую плавающую и стоящую рыбину. На озере – сказка. Больше я таких озер за свою жизнь не встречал. Днем по дороге мимо него свободно все ходили, а вот ночью или поздно вечером говорили – нельзя. Сам я этого не видел, только днем там бывал, а все местные поговаривали, да и брат мой Анисим – царство ему небесное – рассказывал. Он однажды не поверил, пошел ночью, хотел проверить – правду ли говорят. Как он мне рассказывал, так и я вам расскажу, – продолжал дед, вновь прикуривая трубку от услужливо зажженной Серым спички.

– Нет, врать Анисим не стал бы. Так вот, пошли они с Кирьяном к вечеру из Кыйпывыл в Выимаас. Уже в сумерках к озеру подошли. Воды из озера попили, грех был такой воды не попить, и стали ждать. Стемнело. Тихо. Лес шумит потихоньку, мужики потихоньку переговариваются. Никого не видно, не слышно. Брат и говорит Кирьяну:

– Все вранье ваш бык, никого нет. Это от страха кто-то выдумал.

– Да нет. Всех, кто ночью ходил по этой дороге, ОН от озера отгоняет.

Еще посидели и уходить уже собрались, но вдруг, со стороны озера услышали рык, рев. Брат говорил, что было это похоже на предсмертный стон быка.

Даже этот стон ужас наводил. Затем парни услышали тяжелый, быстро приближающийся топот тяжелых ног, вместе с нарастающим рыком и стоном. Рык, сотрясающий землю, топот приближающегося в ночи неизвестного существа наводили ужас. И парни, что было сил, пустились бежать по дороге в Выимаас.

– До моста, только до моста, – задыхаясь от быстрого бега сказал, выдохнув Кирьян.

Перебежав мост через болото, соединяющий два бора, они остановились.

– На мост ОН не ходит, всегда до моста гонит! – задыхаясь, сообщил Кирьян.

– Смотри!

Через небольшой, метров в двадцать, деревянный настил моста виднелось громадное существо. Из глаз и ноздрей, в сторону преследуемых, казалось, летели искры, огромные глаза светились красноватым блеском. У моста топот затих, но утробный стон продолжался. Он леденил душу, наводил ужас, обоих парней подташнивало. Убегая в сторону Выимааса по дороге, они слышали, как топот и утробное мычание стали удаляться и вскоре совсем затихли.

– Всегда так, – сказал Кирьян.

Не дойдя до Выимааса, Анисима действительно стошнило. Успокаивая его, Кирьян говорил:

– Меня тоже по-первости рвало. Сейчас только тошнит и ком в горле стоит. Это пройдет. У многих так было.

За это утробное мычание, отдаленно напоминающее мычание раненого быка, за топот, сотрясающий землю, люди и называли неизвестное существо «Быком».

МОЛОДОЙ БЫЛ

– Расскажите, как ОН Вас из леса выгнал? Видели ли Вы ЕГО? – стали ребята расспрашивать деда.

Дед Егор сначала отмахивался, не хотел рассказывать, но настойчивые просьбы ребят уломали его. И, как бы отвечая на свои мысли, он начал так.

– Э, давно это было. Я молодой и глупый был. Молодые, наверное, все такие. Раньше-то как жили? Мы, местные жители – вогулы (это сейчас нас называют манси), раньше все охотой занимались. А раз охота, значит все в лесу, в урмане. У каждого рода своя вотчина. И у нас была. В ней дед, прадед, отец охотились и мне по наследству досталась. А раз твоя вотчина – значит ты там полный хозяин. Я так и думал. У нас в вотчине избушка уже старая, ее ремонтировать надо было. Вот отец мой в мае послал меня в вотчину, избушку подладить, посмотреть, что в урмане делается. Пошел я и собаку взял. Был у нас молодой кобель. Балабан звали. Он тоже непуганый, дурной. Пришли в вотчину, я его с поводка отпустил, хотя отец предупреждал, чтобы тихо себя вели. Я по тропе иду, насвистываю. Балабан по урману носится, всех без разбора облаивает, пугает. К избушке пришли к вечеру. Костер возле нее развели, сходили на ближнее озеро, уток постреляли. И только я поужинал да своего Балабана покормил, как услышал, что вроде дерево в лесу упало, аж земля дрогнула. У Балабана шерсть на загривке поднялась, зарычал, а сам к ногам моим жмется. Я за ружье. Тихо. И собака успокоилась. Я костер затушил и в избушку ночевать пошел. Балабан под нары устроился. И вдруг я слышу, что кто-то тяжелыми шагами к моей избушке идет. Думаю, почудилось мне, так нет – у собаки шерсть на загривке щетиной, рычит, а видно, тоже боится. И показалось мне, что дерево упало на мою избушку: треск, грохот, избушка шатается, того и гляди развалится. Невообразимый шум вокруг поднялся, будто буря внезапно налетела, и деревья падают, как во время сильного ветра. И шаги слышу вокруг избушки. Страшно... Сижу, за ружье держусь, собака к ногам жмется. Так вот всю ночь, до рассвета. Только с рассветом шум утихать стал, а потом и шаги удалились. Тихо стало. Досидел я в избушке до восхода солнца, вышел, смотрю – деревья все целые; ни одного поваленного, никаких следов бури нет, только головешки от костра раскиданы. Я своего Балабана на поводок и домой. Старики после объяснили: нельзя в это время в урмане шуметь, зверей и птиц пугать. Все потомство выводят. А мы с Балабаном нарушили это правило, и за это нас хозяин леса наказал. А видеть я этого хозяина не видел, ОН редко показывается, больше вот так пугает. Сам уйдешь из урмана. После этого я долго боялся один в лес ходить. Вот такая история со мной приключилась, – закончил дед рассказ.

– А что сделать, чтобы ОН к нам вышел? – спросил Серый, выражая мнение ребят.

– Избушку сделайте, да костер ночью в лесу разведите, пошумите. И если ОН здесь, то обязательно придет.

Время шло к обеду, и ребята, поблагодарив деда Егора за воспоминания и совет, разошлись по домам, договорившись встретиться вечером у Толяна.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Поздно вечером на лесной поляне жарко пылал костер. Ребята сидели кто на чурбаке, кто на валежине, а кто на рюкзаке вокруг него. У каждого было под рукой ружье. Вокруг костра стояла серая мгла. Шло время белых ночей.

Домашним все заявили, что поехали на ночную рыбалку. И только Леке нужно было обязательно, хоть в час ночи, быть дома. Его родители не одобряли ночных прогулок, а если бы еще узнали, что замышляют ребята, то его вообще из дома не отпустили. Отпросившись погулять, он тайком стащил из сарая отцовское ружье и вот теперь вместе с друзьями сидит у костра и ждет. Верить или не верить!

Его ребята зовут книжником. Читал он и о снежном человеке. Но раз ОН снежный, то откуда ОН здесь? Где ОН бывает летом? Не верить Толяну с Наткой нельзя, а поверить, что они видели какого-то лесного человека, духа, очень трудно.

–Значит, так, – подвел итог Толян, – если сегодня ОН к нам выйдет или хотя бы покажется, никто не должен бояться! Ведь уже все знаем, что вреда ОН не делает. Нам надо выяснить, – Толян начал загибать

пальцы, – первое – где ОН живет, второе – чем ОН питается, третье – каков ОН на вид. Интересно, где ОН зиму проводит? Но этого пока мы не узнаем, а лучше всего, конечно, нам ЕГО заманить в ловушку. Капроновые сети и веревку ты, Коля, принес? Хорошо! Давайте составим план.

И мальчишки горячо, до крика начали обсуждать план поимки, каждый предлагал свое.

Было уже двенадцать часов ночи. Лека поглядывал на часы. До поселка четыре километра, и если бегом, минут за пятнадцать-двадцать можно добежать. И хотя говорят, что ОН ничего вредного не делает человеку, все-таки страшновато в эту пору идти лесной дорогой.

– Лады, мужики! – Лека, поднялся. – Ловите, планируйте, а мне домой.

Все примолкли, слушая ночную тишину. Всем вместе сидеть возле жаркого костра – не страшно. А идти одному? И никто не позавидовал Леке. Через Леву – маленькую речушку, впадающую в Туман, Лека переехал на лодке-долбленке. До берега его проводили ребята. Подтянув лодку на берег, Лека махнул на прощание рукой, взвел оба курка ружья, положив на них пальцы, и с ковбойской песней зашагал по тропе.

Мальчишки вернулись к костру. И, еще не успев рассесться, услышали душераздирающий крик и одновременно два выстрела. Все бросились к берегу. Через речку, забыв про лодку, плыл Лека. Ему помогли выйти из воды. Дрожащего, испуганного, мокрого привели к костру, усадили. На все вопросы «Что случилось?» он не отвечал. И только минут через пять, заикаясь, с трудом, с расстановкой проговорил:

– О-О-ОН та-а-ам! Забрал мое ружье.

И в это время в ночной тишине мальчишки ясно услышали удар о дерево.

ОН! Все схватились за ружья. И вспомнилось: не бояться! Хорошо это днем при солнце, среди людей в поселке или в городе! А среди ночи в глухом лесу, где ходит неизвестный ОН! «Собак бы», – сказал кто-то. И все пожалели, что сговорились не брать с собой четвероногих друзей. Следующий удар о дерево был резче, и мальчишки явно услышали тяжелый топот ног. Удары о деревья стали чередоваться со звуками обламываемых сучьев. Все сидели с напряжением, вслушиваясь в то, что делается в ночной тишине.

А ОН, неизвестный зверь или человек, ходил вокруг них, и мальчишки ясно видели, как шатаются ветки на деревьях, слышали топот ног, иногда сотрясающий землю удар. Затем топот прекратился, но что ОН тут, никуда не ушел, мальчишки знали: видели раскачивающиеся деревья, кусты, слышали звуки ломающихся веток, кажется, даже ощущали ЕГО взгляды. Но на самом деле никого не видели. Звуки, сопровождающие его передвижение, перемещались очень быстро, так что мальчишки успевали только крутить головами. И когда Серому показалось, что ОН подошел совсем близко к ним, так, что даже костер, как бы шарахнулся, он не выдержал и первый выстрелил. А звуки, говорящие о ЕГО местонахождении, были уже дальше по кругу. Мальчишки начали палить из ружей, бросать дымовые шашки.

И только к восходу солнца была снята круговая осада. Мальчишки чувствовали, слышали, как шире стали круги вокруг них, а затем все стихло. Напряжение спало. Вспомнили и про Леку.

– Наверное, ты ЕГО ранил, вот ОН и рассвирепел.

– Расскажи!

– Ружье, – вздохнул он, – что я отцу скажу?

– Рассказывай! – потребовали мальчишки. – А про ружье что-нибудь выдумаем.

– Ты в НЕГО стрелял?

– Не знаю. Вы видели, что я пошел по тропе. Боялся – не боялся, а идти надо. Вот я и заорал ковбойские песни, оба пальца на взведенных курках, ружье наготове. Метров тридцать-сорок отошел и вдруг передо мной на тропе ОН вырос. Внезапно! Я с испуга и заорал, и выстрелил. Может, в НЕГО, может, нет. А ОН ружье из рук выхватил, и, я видел, как ОН через колоду перескочил и скрылся в лесу. Я по тропе назад к вам. Опомнился только в воде, плыву на костер, а тут вы. Какой Он? Не знаю. Громадный. Глаза большущие, красноватые такие. Договорились не бояться, а ОН появился внезапно, вот я и испугался. Никому не говорите, что я орал. Не знаю, как получилось. А ружье... Что я отцу скажу? Зачем ему ружье? – Бросит, – сделал заключение Толян. – Днем поищем.

После обеда мальчишки вновь появились на поляне. Стали искать ружье и вскоре, недалеко от дороги, нашли, только уже не ружье, а то, что от него осталось.

Перед ними лежал исковерканный и погнутый ствол, ложе ружья, расщепленное на несколько кусков, валялось тут же. На стволе сосны были видны следы ударов на высоте больше метра над землей.

– Вот это да! Дает Лесбег! – в восклицаниях ребят слышались восхищение и ужас.

Утром по дороге домой мальчишки решили называть ЕГО Лесбегом. Слова Хумполэн они не понимали. А Лесбег это ясно: бегущий по лесу. Сами видели, а вернее слышали, как быстро ОН бегает. Значит, Лес-бег. Решили так, если ЕГО ранил Лека, из-за чего Лесбег и рассвирепел, значит, будут следы крови.

Обшарили всю землю, кусты, пни, траву, но крови нигде не нашли. Только поломанные ветки деревьев на высоте до трех метров говорили о росте Лесбега.

РАССКАЗЫ БАБКИ ДАРЬИ О ПРОШЛОМ

Бабка Дарья, как считала Натка, была им дальней родней, хотя в гости к ним никогда не приходила, да и сами они к ней не наведывались. Наткина мать и сын бабки Дарьи, Григорий, считались братом и сестрой. В родственных отношениях Натка особенно не разбиралась, а поэтому решила спросить про бабку Дарью свою бабушку.

– Вражна, – со злостью плюнула ее всегда спокойная бабушка. Больше ничего говорить она не стала и запретила Натке не только идти к ней, а даже и расспрашивать про нее. Бабушка невольно своим отношением и поведением разожгла еще больший интерес к Дарье. Словом «Вражна» в их поселке называли людей, которые занимались колдовством и имели дела с «нечистой силой». Потихоньку от бабушки она решила расспросить свою мать о бабке Дарье.

– Зачем тебе? – удивилась мать.

– Дядя Гриша тебе брат, а вы не роднитесь. Почему?

– Это, Натка, длинная история. Тебе ее знать в подробности не обязательно. Гриша младше меня. У нас с ним один отец, твой дед. Он на фронте погиб. А бабка Дарья добрая. Мать моя, твоя бабушка, ее не любит. На это у нее есть причины. А не роднимся, так ведь каждый из нас со своей матерью живет! Дети Гриши – Петя да Настя – тебе брат и сестра двоюродные. Петя в честь деда, погибшего на фронте, назван. Бабка Дарья их вырастила, как и вас ваша бабушка. А раз тебе ее надо, ты с Настей к ней зайди. Она гостеприимна. Узнает, чья ты, еще обрадуется. Она на фронт отца нашего провожала. Тогда он уже с Дарьей жил. Это у него была вторая семья. Очень она его любила. Всю жизнь ждала. Да, наверное, и сейчас ждет.

Так Натка узнала, что за родня ей бабка Дарья. Оставалось одно – через Настю познакомиться. Настя, старшая дочь Григория, училась в параллельном классе. И, хотя Натка знала ее по школе, дружбы у них никогда не было. Да и с первого класса Толян и его друзья заменили Натке подружек.

В школе Натка подошла к Насте и спросила:

– А ты знаешь, что мы родня?

Настя удивленно посмотрела на нее:

– Знаю. Но ведь вы не роднитесь.

– Откуда ты знаешь? Кто тебе сказал?

– Бабка Дарья.

– А я не знаю, попроси бабку Дарью, пусть она и мне расскажет.

– Вечером спрошу, – пообещала Настя.

Так Натка познакомилась с бабкой Дарьей, стала вхожа в их семью. Та оказалась на редкость разговорчивой, веселой, доброй. Узнав, кто такая Натка, поискала черты любимого мужа – внученька ведь! Много и охотно рассказывала о нем. Потом Натка спросила, был ли охотником дед? Как охотился? Что добывал? В ответ Дарья засмеялась и спросила Натку:

– Твоя-то бабка меня, наверное, до сих пор «вражной» зовет? Вот, ведь сколько лет прошло, дети выросли и состарились, внуки взрослые, а она все простить не может.

– А что значит «вражна»? – в голос спросили Натка и Настя.

– Расскажите!

– И что это вас заинтересовало? Ладно уж, я вам, девоньки, расскажу. Только приходи ты, Натка, завтра. А то мне ужин готовить надо, да скотине варить.

С того дня Натка стала бывать в доме у бабки Дарьи, слушать о прошлом житье-бытье, о жизни деревни в годы войны. Начала расспрашивать и о Лесбеге. Дарья называла ЕГО по-русски, словом «худой», а по-мансийски тем же словом, что и дед Егор, Хумполэн-Комполь. А еще добавила, что в некоторых деревнях ЕГО дедушкой лесным звали. Вот, оказывается, у НЕГО сколько имен! А «вражной» ее прозвали за то, что ей в жизни с этим существом пришлось не один раз встретиться. По поверью, в нашем крае встреча с НИМ, с Хумполэном-Комполем, обязательно должна закончиться тяжелой болезнью или смертью.

С детства бабке были уготовлены встречи с НИМ: в молодости, зрелом возрасте и даже два года назад. И только в детстве да молодости после этого болела. О встречах она всем рассказывала. Вот и прозвали ее «вражной», «колдуньей» – вроде бы слово, какое знала.

– Какой ОН?

– Ой, девоньки, это надо мне ту, старую жизнь вспоминать, да по всей ней шагать.

Родилась я в глухой деревеньке на берегу реки Конды. Деревню ту сначала Половиной звали, а потом по-русски Половинкой. И находилась она как раз посередине, между деревнями Тап и Учинья.

Сейчас-то этих деревень уже нет, там старые мансийские селения были, потом колхоз, а колхозов не стало – все разъехались. Нашей Половинки еще раньше не стало. По первости-то, когда наш колхоз соединили с Учинским, председателя нашего звали «хитрым». Запас сена на два-три года вперед мы делали. Так вот, когда колхозы соединили, весь учинский скот кормить к нам пригнали. Сено за зиму да весну все скормили, а новое в лето не заготовили. Тут зима подошла, сена нет. И давай винить Тихона Григорьевича. Почему нет? Колхозники все в Учинье, сенокосилку и конные грабли по акту передали и увезли. Кто будет заготовлять и чем?

Разобрались. А то малость ведь Тихона не посадили. Вроде враг народа. Вот ведь как бывает. Колхоз у нас был маленький, да дружный, и сейчас, где встретимся, как родные. Планы все выполнены и перевыполнены. Так, план по рыбе сто двадцать тонн, а мы двести сдадим, план по сену триста тонн – заготовим, да еще не на все сено сводки подадим. Нельзя было. Соседние колхозы проленятся. Им макушку солнце сильно печет в страду, да паут грызет. Вот и заставляют наш колхоз им сено продавать. Вроде излишки у нас...

Видите, вы меня про Хумполэна-Комполя спрашиваете, а я все про свою жизнь говорю, да про колхоз.

Когда я ЕГО первый раз увидела, мне лет семь было.

Однажды на Троицу взрослые поехали в соседнюю деревню Тап погулять. Так раньше было принято. В каждой деревне свой праздник. Жители деревни заранее готовятся встречать гостей, ждут. Собрались мы, дети, оставшиеся одни в деревне, в один дом, нас где-то около двух десятков было, всех возрастов, и устроили там такой шум, что, наверное, по всей округе слышно было. Васька, мой старший брат, как заведет во весь голос, да с визгом, и давай бегать по всему дому. Русская печь посередке, а мы через кухню, спальню, горницу и прихожую за ним, и каждый кричит вслед за ним, сколько мочи есть. Кто визжит, кто пищит, кто лает.

Потом приморились орать, посидели, отдохнули и вздумали в жмурки играть. И эта игра тоже не тихая. Уж не знаю, сколько времени мы играли. Моя очередь жмуриться пришла. Завязали мне глаза, крутанули раза два и разбежались с визгом. Слышу: кто хрюкает, кто повизгивает, кто в ладоши хлопает. Я давай метаться то за одним, то за другим, да никого не поймаю. Обидно мне стало. Я же младшая в семье была, изнеженная. Мне все угождали. А тут... Я со злости и сорвала повязку с глаз, и... остолбенела.

Стою посреди комнаты, лицом к окну и вижу в верхнем переплете окна лицо человека. Взглядом встретились, я знаю, что завалинки у нас нет, что не может быть такого высокого человека, да и вообще в деревне никого из взрослых нет. Все затихли. Все на меня смотрят, а я – в окно на того человека! Хотела ребятам показать, руку подняла. И... очнулась на полу. Лежу на том же месте, где стояла, все вокруг меня стоят, и – тишина.

Васька, брат старший, испугался. Ему отец, уезжая, наказывал меня беречь, да не напугать. А что случилось, того брат и не поймет. Разошлись все по домам. А я слова сказать не могу. Только на другой день Ваське все рассказала. Ходили, смотрели. Никаких следов не было, что вроде кто-то приходил. Родителям решили не говорить, а то Ваське попадет. После этого я долго болела, да бабка у нас в деревне «знающая» была. Молитвами меня отговорила. Вот, так я и встретилась первый раз с Хумполэном-Комполем. Это был ОН. Какой ОН? Да я только лицо видела. Обыкновенное лицо человека, только волосами покрыто, глаза большие, блестящие, красноватые. Вот и все, что я увидела тогда и запомнила.

Как узнали, что это Хумполэн-Комполь был? Да кто-то из охотников ЕГО в лесу видел, и следы на снегу были. Слух-то и пошел по деревне. Мужики и раньше знали, видели. ОН тут где-то и жил недалеко от деревни.

После, уже при колхозе, тоже люди болтали, что, вроде, Тихон, председатель-то наш, с НИМ дело имел. Пастуха у нас не было – да кто возьмется в наших урманах пасти – так наш скот всегда сам домой приходил. В других колхозах стада по неделям из тайги не могут выйти, а у нас всегда вовремя. Тогда многие грешили на Тихона. Говорили, что он с Хумполэном дружит, дары носит ЕМУ, ублажает, да уважает, вот ОН ему и делает добро. Болтали... Да ведь на каждый роток не накинешь платок.

ВСТРЕЧА С ЗАГАДОЧНЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ

После, когда мне уже лет двенадцать было, я вновь с Хумполэном-Комполем встретилась, да тогда я ЕГО не видела. Как? А вот как дело было.

Во второй половине сентября отец со старшим братом за брусникой в лес собрались ехать. Я к ним:

– Возьмите меня с собой!

– А школа? – отец спрашивает.

– Возьмите, – говорю ему, – ведь я на отлично учусь, хочешь, наперед тебе по книжкам все расскажу. Мария Васильевна, учительница наша, тоже меня отпустила. Спасибо ей.

– Так вот, поехали мы за ягодой: отец, брат старший Василий (он тогда уже парнем был), Гешка – брат постарше меня на один год, да я. Отец нас повез в родовую вотчину, Василию показать, передать, нас познакомить – раз уж такой случай выпал, что все вместе. На другой день добрались до вотчины. Ехали на маленькой лодке, кедровке, с гребями. По дороге заночевали. Речка туда извилистая течет, узкая, кое-где валежины убирали. Через два озера надо было проехать. Озера речками соединялись. Так и ехали по речке. Моторов тогда не было, все на веслах, на гребях. Да по той речке на моторной лодке и не проедешь. Только так надо. Приехали мы. Бор сосновый, вековой, тихо шумит на берегу озера. Озеро-то как сказка. Берег песчаный, а на песке пена волной выброшена. И конца-краю тому озеру не видно. Бор этот отец называет Пянклохсуй. И говорит это как-то со значением, уважительно, да и голос понижает. Мы с Гешкой переглянулись и заулыбались, чтоб отец не увидел. Думаем, вот собственник. В свою вотчину приехал, да и говорить громко боится. Несколько раз за дорогу он название поминал: Пянклохсуй, да Пянклохсуй. Мансийскому языку нас ни дома, ни в школе не учили. Дети вообще как-то презрительно относились и к языку, и к местным жителям. Многие тогда и национальность свою не признавали. Могли записаться кем угодно по национальности, только не манси. Так что название бора Пянклохсуй нам ничего не говорило, не поняли мы его значение.

Наконец мы приехали. На берегу выгрузились. Стан разбили. Отец с Василием поехали сети ставить на озеро, карасей на уху ловить. Нас с Гешкой на берегу оставили. Дров велели заготовить, шалаш делать.

Уехали старшие. Мы и пошли бор посмотреть. А бор, я вам скажу, красавец. Ни одной сухой палки, чистый-чистый, как подметенный, сосны медноствольные высоченные, крона только на макушке. По всему бору мох, ягель серебристый. А на мху лакированный брусничник с веточками темно-вишневых ягод. Солнце светит, бор чуть-чуть шумит верхушками деревьев.

Прошли чуть дальше, смотрим: а посреди бора как бы дорога песчаная, с одного конца на другой идет. По сторонам сосны вековечные, как по струночке. Дорога шириной метра три будет. Я и говорю:

– Смотри, это как аллея в городе.

Взялись мы за руки и по той аллее с одного конца на другой побежали, смотрим, дорога не кончается. И давай мы по той боровой аллее бегать, кричать, начали аукаться. Про наказ родительский забыли. Отец с братом даже на озере нас услышали, приехали, да поздно было.

Отец говорит:

– Что вы наделали? Я же вам говорил, что это бор Пянклохсуй, неужели вы не поняли? В нем шуметь, кричать нельзя, а то ночью уснуть не дадут.

– Кто? – Мы с Гешкой в голос. – Здесь никого нет, мы весь бор обежали, никого не видели.

– Уезжать надо, – говорит отец, – или дров заготовлять больше, чтобы на всю ночь на большой костер хватило.

Решили, лучше не уезжать, дров заготовить, все равно никого же нет. Дрова к шалашу натаскали. Уху сварили. Стемнело. Только есть собрались, как из бора со стороны дороги звуки музыки послышались. Будто кто на гармошке играет.

– Началось! – говорит отец. – Это теперь на всю ночь. Вы тут нашумели, вот сейчас и не дадут спать. Давай, Василий, побольше дров в костер, а вы в шалаш, укрыться с головой, и чтоб больше ни звука.

Слышим, будто музыка от дороги – аллеи в нашу сторону приближается, потом под нее как будто протяжные песни запели. Уже совсем близко подходят к нам, и давай вокруг ходить с музыкой и песнями. Как совсем близко подходят, аж костер вроде в сторону шалаша искрами сыплет, тогда отец с братом головешки с огнем кидают в играющих, да поющих. Те чуть дальше отходят. Но, видеть никого не видели. Так было до рассвета. С рассветом все затихло, смолкло. Днем насобирали мы ягод, а на вторую ночь оставаться уже побоялись, уехали.

По дороге и давай отца расспрашивать, что за бор, почему это так, давно ли?

– Я же вам говорил, что это Пянклохсуй. По-русски это примерно так – главный бор чудес, приключений. Или бор, в котором живет Хумполэн, это такой богатырь. ЕГО тревожить нельзя, шуметь нельзя.

А тихо – живи сколько хочешь. Вы же, мои дети, вы должны знать родной язык. Ну и что из того, что нас некоторые остяками называют? Вы не остяки, вы вогулы, а слово остяк – оскорбительное, значит дикарь, невежественный. Так татары нас называли в ответ на то, что мы их «нермой» звали, что значит «люди нечистой земли». Так раньше было. Все неграмотные были, так и звали друг друга для отличия. Сейчас все учатся, по-другому надо думать, понимать.

– А туземцами почему нас называют?

– Туземцы, я так понимаю, местные жители, люди земли этой. Вы думаете, что туземец означает дурак? Это пришельцы придумали, чтобы свое превосходство показать, да не смешать себя с нами.

Хоть и живут пришельцы на нашей земле, а считают себя людьми первого сорта, а мы местные вроде ниже их, вроде люди – не люди. Но наши деды, отцы на этой земле жили, сейчас вот мы живем, потом ваши дети жить будут. Так жизнь устроена. Здесь наша родина. Этот бор Пянклохсуй – вотчина наших предков. Сейчас я вам его показал, как и мне когда-то отец его показывал.

– А что же все-таки это было? – спросила я, имея в виду ту бессонную и беспокойную ночь. Отец понял меня.

– Здесь живет Хумполэн-Комполь, исполнитель воли предков, как бы страж их. Вот и наказывает ослушников таким образом. Всегда приезжайте сюда. Бор одарит вас всем, что имеет: ягодой, боровой дичью, лесом, озеро – рыбой, болото – клюквой и мхом, если он вам потребуется.

КАК ДРАТЬ МОХ

– Зачем мох? Что с ним делать? – спросил Гешка.

– Дом строить. Что в пазы класть будешь, если мха вовремя не надерешь?

– У нас в поселке дома строят без мха. Паклю привозят. Вон ее всегда сколько возле строящихся домов. Зачем мох? И как его драть?

– Обычно мох весной дерут, но можно и летом. Зимой ты его не возьмешь – болото замерзшее. А как, говоришь, дерут? Очень просто. Ты был на моховом болоте? Так вот. Мох дерут только на моховых болотах. А есть болота торфяные, пошварные – это когда уже болото застарелое, когда лесом начинает зарастать, багульником, травой разной. Ягодные клюквенные болота тоже не трогают, если они близко к жилью. А то мох выдерешь, а ягоду собирать негде будет. Вот, так и смотришь, где лучше болото, где легче вывозить, где мох длиннее.

– Тятюм, а как драть? – спрашивает Гешка.

Когда дома не было посторонних, а только члены семьи, мы называли отца тятюм – по-мансийски, а при посторонних, на людях, называли по-русски – папа.

– В этом году нам хлев утеплить надо. Вот и надерем мха по дороге, на домашнем болоте, а потом вывезем.

– Немного, – ответил он на мой недоуменный взгляд. На домашнем болоте, а еще называемом почему-то лывой, всей деревней собирали клюкву.

– Я вам покажу, как и что, будете знать. Да и мох не пропадает, а здесь надерем – так бросим.

И вот мы всей семьей на болоте. Отец походил, подергал мох то там, то тут. Показал нам: вот короткий мох, но лучше драть длинный. Взял за ствол и выдернул небольшую сосенку.

– Смотрите, – он начал разворачивать мох в валик и укладывать его на корни сосенки вокруг ствола. – Лучше брать длинный мох, он не разваливается, плотнее в пазы укладывается. На сыром болоте мох не берите. Он мокрый, долго сохнуть будет. Вот такой, полусырой, лучше. Через несколько минут ствол сосенки выше, чем на метр в высоту и сантиметров пятьдесят в диаметре, был обложен мхом.

– На, неси, – поднял за вершинку сосенку отец и подал Василию.

– Куда?

– На бор, близ дороги, на сухое место. Как подсохнет, проветрится, домой увезем. А сейчас каждый по одной сосенке обложите. Я посмотрю, как поняли, научились ли.

Мы очень старались. Мох выдирается и укладывается легко. Аккуратные получились у нас куколки-сосенки из мха, с зеленой веточкой на верхушке.

– А раньше, – добавил отец, – сухой мох в зыбки малым детям клали и по надобности применяли вместо ваты. Он очень мягкий и влагу хорошо впитывает.

Только много лет спустя, когда мы колхозом жили, мне и самой вместе с бригадой приходилось драть мох для строительства конторы, да скотных дворов.

РАССКАЗЫ ТЕТИ МОЕЙ ЛЮБОВИ ФИЛИППОВНЫ

– Ты вот всех расспрашиваешь про Хумполэна-Комполя, тогда послушай, что со мной было. Я вот до старости дожила, но так и не знаю, что тогда случилось, кто тогда там был, но кто-то был... А видеть я никого не видела, поэтому, наверное, и до старости дожила. По поверью, кто ЕГО увидит, тот умереть должен. Поэтому ты не ищи людей, кто ЕГО видел. Кто на самом деле видел, того уже давно нет на этом свете. Это точно.

А со мной вот что в жизни было.

Жили мы в деревне Учинья. Это наша родовая деревня. Со старых времен там всегда жили Кауртаевы. Правда, рассказывали, что некогда там жили два рода Кауртах и Каурпах. Но когда пришло время, и всех стали переписывать, записали Кауртаевыми. Так и объединили всех под одной фамилией.

– Что случилось? Послушай и подумай.

Мне тогда уже лет семнадцать было. Дрова я на паре лошадей возила с мыса в деревню. Одна. Почему одна? А с кем еще? Ты что, с ума сошла? Чтоб на паре лошадей да компанией? Кого возить, себя что ли, взад-вперед? Из леса дрова везти надо, а не просто ездить.

У нас недалеко от деревни в ельнике были заготовлены дрова специально для изразцовой печи. Небольшие такие чурочки по тридцать-сорок сантиметров длиной. Отец и отправил меня эти дрова возить. В марте это было. Тогда уже и дни прибавились, и солнце хорошо пригревать стало. Особенно в лесу, в затишье.

Один раз я съездила, привезла дрова. Все хорошо. Поехала в другой раз. Как обычно, пока дрова в дровни укладываешь, лошади кормятся. Я лошадей разнуздала, сена дала. И дрова укладываю. Один воз уже наполнила, увязала его и за второй взялась. День стоял теплый, солнечный, тихий. Вдруг услышала, в ельнике будто кто-то сухую ветку переломил. Раз, другой. А потом началось! По всему ельнику будто кто-то сухие ветки, большие и маленькие, ломает. Только треск идет. Кажется, совсем рядом со мной. А я никого и ничего не вижу. Смотрю на лошадей – они спокойно сено жуют. Я торопливо продолжаю дрова накладывать. Вдруг, как мне показалось, прямо над дугой первой лошади, уже не маленький сучок, а толстенный сук-сучище как треснет! Оглянулась – никого нет, а лошади начали ушами водит, головами крутят, забеспокоились. Я быстро к первой лошади, взнуздала ее, к оглобле привернула, чересседельник подтянула и ко второму, еще не уложенному, возу бросилась. Давай его по-быстрому затягивать, иначе по дороге весь воз развалится. Вдруг слышу, кажется совсем рядом, будто елка или пихта на корню запылала: свист, вой, треск... Когда мы пашню корчевали и на корню поджигали ели и пихты, такие же звуки были... Лошади мои уже совсем не стоят, того и гляди рванут в разные стороны. Управилась я со второй лошадью, отвернула Воронушку от оглобли, упала на воз с дровами и скорее домой в деревню. Обе лошади в мыле. Я тоже вся трясусь. Вроде там, на месте, я ничего не боялась, никого не видела. Отцу рассказала. Он, видимо, чтобы меня успокоить, говорит: «Это ельник так трещит по весне от нагревания».

Да на том дело не кончилось. Неделю я металась в жару и бреду. Кое-как меня выходили. Спасибо бабке моей Аграфене. Она меня молитвами и спасла. Со мной приключилось это в понедельник. Это я точно знаю. И вот почему. В воскресенье обычно у нас в деревне не работали. В субботу обязательно для всех – и малых, и старых – баня. Такой уж порядок: в субботу обязательно в баню! В тот раз я в бане с бабкой своей Аграфеной мылась. У меня на шее на гайтане два креста висело. Вот, я и говорю ей, что меня никакой леший не возьмет – не один, два креста на мне. А тут такое приключилось! Поправилась я. Кресты вместе с гайтаном закинула, да с тех пор больше лба не крестила. Веру потеряла.

Как мне старики позже объяснили, тогда я на тропе Хумполэна-Комполя была, вот ОН меня и гнал, «глаз положил». Я и заболела.

А про Маню тебе рассказывали? Это ведь тоже в нашей деревне было...

Эта девчонка две недели у него жила. Мане семь лет было. Заблудилась в лесу. Долго искали. Нашли след детских ног возле Урая. След в воду ушел. На берегу грязь, хорошо видно. А на другой стороне Урая следов нет, и след только в воду ведет. Решили, что утонула. Весь Урай кверху дном перевернули, всю воду с грязью смешали, неводили три дня. Не знали, что и думать. Так все и решили, что погибла она. А случилось это в самую паутиную пору. Не только человека, лосей пауты заедают. Это самое страшное время в тайге. Не дай Бог оказаться в это время в лесу ли, на озере ли раздетым. Заедят. А Маня в легком платьице ушла. И вот, через две недели, привозит ее отец мой Филипп Иванович на лодке совсем с другой стороны.

Никто ничего понять не может. Где нашел? Он только рукой махнул. Взял Маню за руку и к родителям. Девочка вроде людей боится, все больше к Филиппу жмется. Не исхудала в теле и ни одного укуса паутов на ней нет. Успокоилась девчонка. Стали понемногу ее расспрашивать. Говорит, что когда заблу-

дилась, очень плакала, по лесу бегала, ревела, своих звала. К ней и пришел дедушка. Успокоил и к себе взял. Так все время и жила с ним. Он ее кормил, по лесу водил, спать укладывал. А в последний день привел на берег реки, посидел с ней, покормил ее, кучку песка насыпал и велел никуда не уходить, здесь сидеть, в песочек играть. Сказал, что за ней скоро приедут, а сам ушел.

Филипп едет на лодке-осиновке, смотрит, сидит девочка на берегу, песочек пересыпает. Ребенок один в тайге? Такого не может быть. Он остановился, не доезжая метров сто до девчонки. Лодку подтянул на берег и не знает, что дальше делать. Спугнуть боится. Потом зашел в лес и стал выходить со стороны леса. Маня как его увидела, испугалась, бросилась бежать и звать:

– Деда, деда, помоги!

Филипп поймал ее – ну куда ребенок от мужика убежит! Кое-как успокоил и повез домой. Девчонка нисколько не исхудала, платьице не рваное, укусов ни комариных, ни паутиных нет. Так и решили, что она у Хумполэна-Комполя жила. ОН ее спас и людям вернул.

ВСТРЕЧА НА ЗИМНЕЙ ДОРОГЕ

Продолжение рассказов бабки Дарьи

– На этот раз во время войны уже было, – продолжала рассказывать баба Дарья о своих встречах с Хумполэном-Комполем.

– Какой войны? Да во время первой, германской, я только родилась. Это в нашу было, в Отечественную, хотя тоже с Германией. Почту я возила. Раньше летом использовали почтовые катера (они и сейчас ходят), а зимой от деревни до деревни на лошадях возили. «Веревочкой» называлось. Лошадей специально в каждом колхозе держали. Самых лучших, самых быстрых. Одних распрягают, других в эти же оглобли впрягают, и дальше гремит почта бубенцами хоть днем, хоть ночью.

Так вот, еду я ночью на паре лошадей одна. Дорога хорошая, накатанная. Лошади добрые, да ночь темная. Луна еще не взошла. Дорогу эту я хорошо знаю, не однажды проезжала. И вот только въехала в урман, лошадь остановилась. Фыркает, копытом бьет, а не идет. Что, думаю, такое случилось? И вторая лошадь, следом идущая, тоже что-то забеспокоилась. Я из саней вылезла и к голове лошади, за оглоблю держась, иду. Вожжи держу в руке, думаю, может что-то с упряжью. Осмотрела, проверила, все в порядке.

– Что, – спрашиваю у лошади, – с тобой?

Ноздри лошадиные ото льда очистила, с ресниц иней смахнула. Лошадь пофыркивает, вроде успокоилась, как я подошла. Осмотрелась я кругом и вдруг вижу: впереди на дороге громадный человек стоит и, вроде, еще расти продолжает, все увеличивается и увеличивается. И два красных огонька светятся. Тут я и вспомнила, что мне отец про такое сказывал. Говорил, что без кнута в дорогу ездить не следует. Схватила я кнут, вышла перед лошадью и давай дорогу стегать крест-накрест. Все исчезло. Села я в сани, вожжи тронула, и пошли мои лошади, чуть ли не вскачь.

Вот так я третий раз с Хумполэном-Комполем встречалась.

ВСТРЕЧА НА ЛЫЖНЕ

Во время войны-то как жили? Сейчас каждый свою работу знает. Только тронь с места, сразу скандал, шум, ругань, недовольство. В суд на начальство подают. А тогда война. Куда надо, туда и пошлют. Во время войны я все делала: сено заготовляла (бригадиром была), рыбу зимой и летом ловила, коров доила, за телятами ходила. Даже конюхом была. Сено с лугов возила. А в ту зиму меня на заготовку леса в лесоучасток отправили. Как отправили? Да просто. Придет колхозу план – пять человек на лесозаготовки, пятерых и должен колхоз послать. Вот все вместе и решаем – кого? Мужиков нет, одни бабы. Выбирают таких, у кого детей нет или есть с кем оставить. Меня везде и толкали – у меня мать, царство ей небесное, жила со мной. Вот, я Гришатку с ней и оставляла. Так я и попала на лесозаготовки. Хорошо еще, что участок был недалеко. Неделю-то мы работаем, а в субботу пораньше кончим и – домой. От нашей деревни до лесоучастка километров двадцать было. Так мы, наши деревенские, лыжню напрямую проложили и на лыжах домой ходили. Хоть и припозднимся, а по лыжне все равно придешь.

А из дому как уходить неохота! Вот мы с Анной, моей напарницей, и припозднились. Идем по лыжне. Знаем, что остальные уже давно ушли, еще засветло, видим, что впереди нас тоже кто-то идет. Нас

даже зло взяло. Прокладывать лыжню никто не хотел, даже смеялись, мол, ничего не выйдет, а ходить ходят! Тогда мы все друг друга знали, вместе работали, вместе жили. Мы с Анной и решили догнать, узнать, кто это? Приналегли на лыжи, бежим. Ночь лунная – хорошо видно. Ближе подбегать стали, понять ничего не можем – вроде человек это и не человек. Метров десять до него осталось, когда точно поняли: не человек это! Похож, но очень высокий. К нам ОН спиной был. Потом как свистнет! Аж куржак с деревьев посыпался!

Мы с Анной с лыжни в сторону, и напрямик через лес (тут недалеко зимняя дорога проходила) убежали. Не оглядывались, ничего больше не видели. Страх как напугались. С тех пор вдвоем не ходили. Уж как идем, так все наши деревенские. Так компанией и ходили до конца сезона. С тех пор Хумполэна-Комполя в нашем крае никто не видел.

ВСТРЕЧА НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

Обязанности Коли – раз в десять дней отвозить продукты отцу. Его отец – рыбак. В этом году он взял речку, поставил там запор, и, как говорят местные, «сидит» на речке. За запором нужен глаз да глаз. Отлучиться даже на несколько часов нельзя. Надо ежемесячно прочищать запор от мусора, листьев, валежника, приносимого рекой. Да и сама вода живая, так и норовит подмыть запор то с одного берега, то с другого, а нет – так и дно подмоет. Пустить воду – рыба вся уйдет. Вот Коля и отвозит отцу продукты, сообщает домашние и деревенские новости, подменяет отца в работе.

На этот раз вместе с Колей на речку поехал и Серый. Порванные сети и веревки, принадлежащие Колиному отцу, должны были получить какое-то объяснение. Мальчишки не могли придумать, что сказать. А правду говорить нельзя.

И хотя Колин отец и рыбак, и охотник, и сам не из трусливых, но знать ему о Лесбеге пока не надо. Будет думать, может и встревожиться. Ведь он один в тайге, где на десятки немеряных верст нет ни одной человеческой души. С ним живут две собаки, два его верных друга. В случае какого-либо несчастья собака приходит домой, если пес приходит без хозяина – это признак несчастья. Так считается в нашем таежном лесу – краю рыбаков и охотников – на протяжении многих веков. Знают это все. Знают и мальчишки, и они тоже имеют преданных охотничьих лаек.

Вместе с Колей и Серым пошли и их собаки – Урман и Найда. За ними увязался и брошенный кем-то из рабочих бездомный пес Нерон. «Пусть, – решили мальчишки, – с ним даже лучше. Он тоже таежник».

Целый день они провели возле запора, помогали укрепить его, расчищали, черпали саком рыбу в садок.

Только к вечеру дядя Ваня отпустил ребят домой. Десять километров на велосипеде, да еще по хорошей дороге – одно удовольствие.

Но как только они выехали с тропы на лесовозную, когда-то хорошую, дорогу, у велосипеда, на котором ехал Серый, спустилось заднее колесо. Они провозились больше часа. Уже стало темно. Собаки все время находились рядом. И только когда ребята подъезжали к поселку, Нерон, а за ним Урман с Найдой свернули в лес.

Мальчишки по лаю услышали и поняли, что собаки кого-то нашли в лесу и, главное, теперь гонят прямо на них, на дорогу, по которой они едут. «Зайца», – решили они. Мирно беседуя, ребята поехали дальше. Дорога выходила на поле, а за полем уже был их поселок.

И вдруг впереди них посреди дороги, на фоне серого неба, метрах в тридцати, как-то мгновенно возникла чья-то фигура. Громадный темный человек в прыжке, стрельнув по ним взглядом, мгновенно скрылся на другой стороне дороги. Ребята хорошо видели, как ОН повернул слегка голову, видели и ЕГО красноватые глаза.

Как Коля и Серый оказались на земле, они не помнят. Только увидели свои велосипеды, которые дружно ехали сами к тому месту, где только что находился Лесбег. Это был ОН!

Серый схватил с плеча ружье. Патроны! А патроны в рюкзаке. Пока развязывали дрожащими руками рюкзак, на дорогу выскочили собаки, тоже искоса глянули на ребят и умчались с лаем вдогонку.

Серый выстрелил. Постояли. И молча пошли к велосипедам.

– След должен быть на этой песчаной дороге! – как-то сразу осенило ребят, и они бросились к тому месту, где только что видели Лесбега.

След был. Вот он, след, перед ними. Мальчишки замерли, присели, осторожно потрогали его руками, надеясь найти его даже теплым. Громадная босая правая нога. Осторожно по воздуху измерили четвертями, начали рассматривать.

– Смотри, Серый, пальцы! Какие огромные! А почему два мизинца? Точно – два! Да нет, ты считай, у него шесть пальцев на ноге! А из них два мизинца. Гляди, вот один, два, а вот эти одинаковые, два маленькие, это мизинцы! Чем бы измерить след? Спички! Есть спички?

Девять спичечных коробков уложилось в ногу Лесбега. Рассмотрев диковинный след, мальчишки начали искать след второй ноги. Но его не было! Ширина дороги десять метров, а следа второй ноги нет! Такого не может быть! Сейчас темно, ночь. Значит, надо осмотреть утром.

Чтобы никто не затоптал след, мальчишки притащили из леса сухих палок, бревен, наломали веток и огородили его. Причем отметили не только видимый след, но и то место, где должен быть след второй ноги. И хотя этой лесовозной дорогой сейчас почти не пользуются, мальчишки – на всякий случай – перегородили ее с двух сторон. К концу их работы вернулись собаки. Урман и Найда подошли и легли с высунутыми языками, каждая недалеко от своего хозяина, искоса поглядывая на них. Нерон лег вдали.

Второй раз за свою собачью жизнь встречается Нерон с этим существом, второй раз это существо уходит от него. Запутает следы и исчезнет.

Осторожный стук в раму разбудил Толяна. За окном с велосипедами, рюкзаками и ружьями стояли Серый и Коля с собаками.

– Как вы мне нужны! – открывая дверь, сказал Толян.

– Лесбега видели, – в голос заявили друзья. – А главное, ОН след оставил! Девять спичечных коробков в длину, шесть пальцев!

Мальчишки подробно рассказали о встрече, об огороженном ими следе, о поведении собак.

Затем Толян выложил им поселковые новости: днем на теплоходе «Заря» в их поселок приехали трое здоровенных мужиков с тремя огромными ящиками.

ВСТРЕЧА НА МАЛОМ ТАПУ

Продолжение рассказа бабки Дарьи

– А, говорите, что я недавно видела? Видела. Да разве здесь? По Малому Тапу видела. Это отсюда добрая сотая верст будет. Расскажи, говорите, да ведь просто так не расскажешь, вы не поймете. Тут уж про жизнь «химиков» надо говорить, как они живут, что делают, да как я к ним попала. Тоже длинная история. Хотите слушать – слушайте. Нет, не буду говорить.

– Расскажите!

– Есть у меня племянник, старшей сестры Лушахи сын. Отец его Виленин назвал. Что за имя такое? Да очень просто, Владимир Ильич Ленин – В.И. Ленин. Он когда вырос, всем объяснять приходилось, что у него за имя такое. Потом надоело, он и переименовал себя. Стал Валентином зваться.

Очень его мать с детства баловала. Что хотел, то и делал. Все ребятишки, бывало, в деревне работают, а он не знает, куда себя деть. На работу его не посылают, дома ничего делать тоже не заставляют, а только все для него. Вот он и избаловался. Молодой еще пить-гулять начал. Хватилась после мать, уж поздно было. Так и в жизни. Семьи путней нет, с работы на работу, как рябчик с ветки на ветку прыгает. Вот в химподсочку и подался. Рабочие химподсочки уезжают в лес на сезон, там и работают. А потом приезжают, расчет получают и пьют-гуляют. Это у них вроде уж законно. Так и живут. К нам иногда заходят. Жена у него такая же, как и он сам: работать так работать, пить – так пить.

Собрались они в тайгу ехать, ко мне зашли и давай звать с собой. Изба, говорят, у них там хорошая, теплая, баня есть, речка рядом. В речке рыбы полно. Ягод в лесу – сколько хочешь. Только скучно уж очень. Все вдвоем, да вдвоем. Ты, говорят, хоть дома сиди. Когда еду сваришь, от домашних хлопот отдохнешь, лесным воздухом подышишь. Вот и сманили меня. Я и поехала. Все оказалось так, как говорили. Как в раю. Днем они в лесу, к вечеру придут – обед готов. Я им про свои дела, они про свои. С неделю так прожили. Потом Вилька-Валентин засобирался за продуктами на моторе ехать. А нам что? Нас двое, вдвоем не страшно. «Езжай», – говорим. Уехал.

Аганя, жена его, оказывается бутылочку водки припрятала. Вытащила вечером, говорит, давай выпьем, да хоть песен попоем (а голосистая баба!). Что ты, говорю, голос у меня слабый, да и песен не знаю.

– Не беда! Песни я знаю, ты только подпевай!

Выпили.

И запела моя Аганя. Я тоже пою, да подпеваю. Начали с «Шумел камыш», а кончили «Подмосковными вечерами». И так это хорошо, песня по всему лесу разносится, эхом возвращается. От души попели. За столом у избы так и просидели до позднего вечера. Спать в избу пошли. Собаки на дворе остались. Только улеглись, слышим, что собаки залаяли и в лес подались. Прийти к нам из людей никто не может, далеко от жилья, да и вода кругом. Только в моторной лодке можно приплыть, да и то мы бы услышали. Собаки с лаем к нам приближаются, и уже совсем рядом с избой лают. Шаги тяжелые. Собаки уже не лают, а хрипят, потом и храп прекратился. Затем по избе нашей вроде кто хлыстом ударил, слышим, деревья вроде падать начали на избу. Изба вся дрожит. И тяжелые шаги слышны вокруг нее. Кто-то подошел к двери, ждет. Потом за ручку потянул, аж дверь ходуном заходила. Дверь-то мы заранее на крючок закрыли, на замок внутренний, да еще за ручку двери поперек веревкой доску привязали. Слышим, кто-то отошел от двери к окну, и давай в окно в избу заглядывать.

Мы с Аганей видим, что кто-то там есть, но в темноте различить ничего не можем. Да и напугались, не знаем, что делать. Собаки, слышим, только всхрапывают изредка. ОН отошел от окна тяжелыми шагами и давай кружить. Слышим как ходит, иногда нам кажется, что аж деревья на избу валятся, такой шум, треск. Мы ни живы ни мертвы сидим. Вот, обе думаем, допелись. Что будет? А как светать стало, шаги начали удаляться. И у собак вроде голос прорезался, с храпа на лай стали переходить и следом за ним подались в лес. Так и проводили ЕГО уже громким лаем, вернее, ушли за НИМ с лаем. Правда, потом все вернулись. Вот так я ЕГО видела-слышала в последний раз. Нет, недавно это было, года три назад. Я уже вам говорила, на Малом Тапу дело было.

Вот вы все спрашиваете, как видела, какой ОН? А ведь я ЕГО только один раз и видела. Это в детстве. Да я вам про это рассказывала уже. А потом только слышала. Да страху натерпелась.

Охотники и раньше с НИМ там встречались. Знали ЕГО тропы-дороги. Петя мой, ваш дедушка, тогда не один был, их четверо шло на охоту в верховье Тапа. ЕГО видел. Припозднились они. До избушки хотели дойти. Тут-то и встретились с НИМ. У них свора собак. Все собаки и бросились на НЕГО. Видели, как ОН схватил одну из собак и вроде бы бросил ее. Потом так и не нашли ни живой, ни мертвой.

У нас в Половинке тоже ЕГО тропы были. Так говорили охотники, старики, что где увал с увалом сходится через реку, тут и есть ЕГО тропа. Многие из наших ЕГО тогда видели, как ОН через реку с увала на увал переходил. Много про Хумполэна-Комполя тогда по деревням говорили, многое знали. Ведь мужики все охотники, рыбаки. Это с лесом связано.

С НИМ только случайно и ночью кто-либо может встретиться. Раньше-то так думали и понимали, что если ты на ЕГО тропу встал, помешал, тогда ОН и тебя наказывает. А если ОН на твоей тропе – ОН сам тебе дорогу уступит и ничего тебе не будет. Только давно ЕГО уже не слышно, не видно.

Никто о НЕМ ничего не говорит. Это сразу как леспромхоз к нам в Конду пришел. Лес вырубать начали. Потом технику нагнали. Хумполэн-Комполь всегда считался хозяином, владыкой. А тут такое началось, что ЕМУ справиться не в силах! Не любит ОН шума в лесу, да против такой техники не попрешь.

– Мальчишки ЕГО недавно видели в лесу недалеко от нашего поселка, даже след одной ноги видели, – сообщила Натка.

– Кто видел? Как видели?

У Насти и Пети от любопытства и нетерпения аж руки чешутся и глаза блестят.

– Мальчишки говорили. Может, зря болтали. Они к деду Егору ходили. У него что-то спрашивали.

– Так говоришь, что след одной ноги? Человечьей? – уже с интересом спросила бабка Дарья.

– А другой и не может быть. Если ходили к Егору Сергеевичу, так он им должен был сказать. Следа второй ноги человечьей не надо искать. Вторая-то нога у НЕГО не человечья, а, кто говорит – лосиная, а кто – лошадиная. Может, потому ЕГО так и называли Хумполэн-Комполь – полумужик, половина человека. Кое-где ЕГО за эту ногу еще «жилинкиной ногой» звали. И рассказывали, как от НЕГО спастись можно, если ОН погонится за тобой. Надо на солнце бежать, тогда ОН не видит тебя и не догонит. Или на топкое болото, или на янгу выбежать. Вот ОН и тонет в топком месте. Так от НЕГО и спасались в случае нужды.

– Все это сказки! – заявил Петя, ярый реалист. – Мы зоологию учили. Нет таких животных, не может быть, чтобы одна нога – нога, другая – копыто!

– Может, это и сказки, – легко и спокойно согласилась бабка Дарья. – Вы, молодые, все знаете, все учите. Вот вам и узнавать – сказки это или... А когда встретитесь с НИМ, обязательно получше рассмотрите. И мне расскажите.

ПОПЫТКА ПОЙМАТЬ ЛЕСБЕГА

Узнав многое о Хумполэне-Комполе, мальчишки решили попытаться поймать ЕГО. Долго совещались, спорили. И наконец выработали план действий. Они понимали, что, может быть, это и мечта. Но если ОН здесь, почему бы и не попытаться?

– Ведь наукой ОН еще не описан, и будем мы первыми из людей, кто увидит ЕГО. Тебе, Лека, его описать. Вот прославишься на весь мир. Это тебе за страх, что ты испытал при первой встрече.

Мечтам мальчишек не было предела. Они мысленно уже увидели Лесбега пойманным. Заготовили дров для большого костра, да так, чтобы хватило на всю ночь. Со спорами и советами натянули капроновые сети между деревьями, где, по общему мнению, должен проходить Лесбег, наделали петель, какие ставят на лосей и медведей в лесу на тропах, спрятали капроновые веревки, какими будут связывать ЕГО, когда поймают. Работу закончили уже в сумерках.

Разожгли костер, который к ночи должен пылать большим огнем, и решили уйти домой. Вторую ночь ужасов ребята переживать не хотели. А на огонь, на костер, Лесбег придет обязательно. В этом они были уверены.

Следующим утром ребята собрались у Толяна с ружьями и собаками. Родителям объявили, что идут на охоту днем, а то, дескать, ночью надоело бродить, да и ничего не видно.

У каждого в стволе были пулевые патроны. Собаки от нетерпения натягивали поводки, повизгивали, заглядывали в глаза хозяевам, звали, просились в лес.

Выйдя из поселка, мальчишки решили идти вместе, но, не доходя до разожженного костра с километр, одновременно отпустить собак и бежать с ними до костра. Собаки учуют, если кто там есть, и помогут, когда надо. Нужно только действовать сообща. Не так страшно, да и в одиночку и не справиться с НИМ.

Костер догорал. О том, что Лесбег здесь был, говорило многое: разбросанные головешки, вывернутый поблизости пень, откинутая от костра сушина. Собаки вели себя спокойно. Толпой мальчишки двинулись в сторону расставленных сетей. Их на деревьях не было! Они лежали чуть в стороне разбросанные по земле. Тут же лежали и обрывки спрятанных ребятами веревок.

– Дает Лесбег! Во дает! Вот сила! – восхищались мальчишки, не думая о том, что за порванные капроновые сети и веревки им еще придется держать ответ.

ЛЮБИТЕЛИ МИРОВОЙ СЛАВЫ

Приезд каждого нового и незнакомого человека в поселок был интересен всем. Ребят заинтересовал и приезд этих троих. Опять какая-то экспедиция! Но приезжие, по традиции всех до этого приезжающих экспедиций, не пошли в сельсовет, а прямиком направились в школу. Это еще больше разожгло любопытство мальчишек. А когда гости поздоровались за руку да обнялись с учителем биологии Степаном Петровичем, знавшим их тайну, после этого уж Лека и Комар с них глаз не спускали и решили обязательно узнать, что это за люди и зачем они приехали.

Вечером жена Степана Петровича купила вина, объясняя, что к мужу приехали его институтские друзья.

Стол накрыли на веранде. И пришлось Леке, который бывал в их доме и знал их собаку, пролежать под той верандой больше двух часов.

Петька, Комар и Толян ждали его на улице, вроде как бы гуляли и играли. Оказывается, как рассказал Лека, это действительно институтские друзья Степана Петровича. Он сообщил им о том, кого ребята видели в лесу, и вызвал их. И вот они приехали. Говорят, что это неизвестный науке зверь или получеловек, ЕГО называли еще снежным человеком, и, что если они опишут или поймают ЕГО, то они могут прославиться на весь мир.

Гости надумали завтра с утра позвать Колю и других ребят, порасспрашивать. А мальчишки решили не говорить ни слова! Прославиться-то они и без них могут! Нашлись тоже – за чужой счет славу себе завоевывать на весь свет! Ничего не выйдет! Хоть бы Степан Петрович их спросил, посоветовался, а то сразу и на тебе – слава на весь мир! Молчать всем! Говорить – сказка, басня, легенда, в общем, кто что выдумает. А след завтра с утра рассмотрим.

Утро следующего дня началось с того, что Колю, книжного человека, вызвали в учительскую. Там сидели и те трое. Приезжие его видели впервые, зато он их знал не только в лицо, но знал и их планы.

Побывали в учительской многие мальчишки и девчонки, были там и Толян с Серым. Вранье, выдумки, бред собачий – вот что услышали «любители мировой славы».

Целых три дня мужчины пытались что-либо разузнать. Ходили по поселку, спрашивали всех, кого могли. И слышали от всех, что сказка это, небылица, вранье. Наконец, забрав свои тяжелые ящики – так и не узнали мальчишки, что в них было, – гости уехали.

МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ, ЛЕСБЕГ!

А след Лесбега, тщательно осмотренный, чуть ли не обнюханный, мальчишки так и держали огороженным. Следа другой ноги, как ни искали, не нашли. Днем облазили все – следа другой ноги не было.

Значит, такими громадными прыжками ОН, Лесбег, прыгает. Не удивительно, что трудно ЕГО было ночью увидеть.

Лесбег исчез. Сколько ни бродили мальчишки по ночам, сколько ни разжигали костры, как ни шумели, Лесбег больше не приходил.

Скоро осень. Ночи стали темнее. Пришла пора друзьям разъезжаться. Кто-то из них идет в школу, кто-то должен уехать учиться в другие города.

Ребята решили собраться всей компанией в последний раз у костра, разведенного рядом со следом Лесбега. И Толян по праву старшего подвел итоги наблюдений:

– Лесбег ведет ночной образ жизни, это мы выяснили. Ночью ОН видит лучше, чем мы днем – это ясно. Какой ОН, мы тоже знаем. Все видели. Рост ЕГО больше двух метров, ОН покрыт темно-серой или бурой шерстью под цвет ночи, нога сорок пятого размера с шестью пальцами, руки длинные. Чем питается? Вот этого мы не знаем. Но зато видели, с какой громадной скоростью ОН передвигается, хотя может и ходить медленно.

Костер затухал. Каждый взял по горстке земли из следа Лесбега, и следа не стало. Они встали, обнявшись вокруг костра, и дали клятву. Эхо повторило ее и разнесло по урману, над озерами и речками, над болотами и лугами, над всем-всем, что называется словом Природа:

– Мы вернемся! Мы еще встретимся, Лесбег!

Шло лето 1981 года.

КРИЧИ СРАЗУ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ

– Значит, в штатные охотники? Похвальное, но не объяснимое явление. Сейчас все молодые хотят на технику. Подавай им машины, вездеходы. А ты в охотники... У тебя что, предки были потомственными охотниками?

– Нет.

– Штатный охотник-промысловик – это тебе не легкий хлеб, а без знания тайги, ее законов... Ну, какой из тебя охотник?!

Директор Евринского Копзверопромхоза не мог понять Сергея. А тот вот уже больше недели обивал пороги отдела кадров, а сейчас пришел к директору.

– И свободных единиц штатных охотников у нас нет. Мы предлагаем вам работу. Нам нужны дизелисты, электрики, плотники.

– Я согласен на любую работу, но с одним условием: как только освободится должность штатного охотника, вы переведете меня. И дайте мне участок урмана по речке Нэусье, в ее среднем течении. Вот тут, – и Сергей показал место на висевшей в кабинете карте. – Сейчас у вас, а это я знаю точно, там никого нет.

– Хорошо. Там будет видно. А пока оформляй документы дизелистом, по совместительству будешь выполнять работу электрика. Благо, и права у тебя есть и те, и другие. И заработок хороший. Понравится – останешься совсем на этих работах.

Еще в армии Сергей рвался на родину, мечтал о тайге, о том самом непонятном существе, что когда-то встречали мальчишками и назвали Лесбегом. Кто ОН? Много веков тайга хранит тайну. Видели же ЕГО, своими глазами видели, видели и след на дороге. Но нигде в литературе Сергей не смог ничего найти о таинственном незнакомце. А по рассказам старожилов – ОН живет в тайге веками. Когда же Сергей попытался найти себе собеседника среди товарищей в армии, его подняли на смех:

– Не открывай Америки, Серый! На земле все давным-давно изучено. А это таежные сказки, легенды. Ты же грамотный человек. Забудь про них.

Но к добрым советам друзей и директора Сергей не прислушался. Он добился все-таки того, что его зачислили штатным охотником. Участок он выбрал себе сам, тот самый, где когда-то они с мальчишками встретили Лесбега. Мечта попасть в лес, в тайгу, в урман – сбылась. Сергей прошел по части отведенного ему участка. Что же дальше? Урман как урман. Не зря он и называется урманом – возвышенная, гористая земля, покрытая смешанным лесом. Есть тут и согры, и болота, речки, речушки, озеера и озерки. Но больших озер на участке нет, если не считать Евринского Тумана, от которого начинается его участок. Где-то здесь, по словам старожилов, обитает Хумполэн-Комполь – лесной великан. Так Сергей называл ЕГО мысленно, для себя и про себя. Он также хорошо помнил и то имя, что дали они мальчишками – Лесбег.

Избушка для охотника, построенная больше десяти лет назад, без ремонта и пригляда почти что развалилась. Стояла она на берегу речки под названием Ирья, притоке Нэусьи.

Больше недели Сергей занимался ремонтом избушки, наводил порядок в ней.

ВСТРЕЧА СО СТАРЫМИ ДРУЗЬЯМИ

По приезде в поселок Сергей сразу же навестил Толяна. Тот работал в гараже. Был доволен работой, семьей. Они с Натальей ждали пополнения семейства. Сергей осторожно напомнил о клятве детства, разузнал о друзьях. Коля окончил институт и, по словам родителей, не собирался возвращаться в таежный поселок. Лека, женившись, осел где-то на юге, Петька больше бражничал, чем работал.

– Интересно, кто же это все-таки был? Я так и не могу понять до сих пор. Мы часто вспоминаем нашу компанию, – говорила Наташа, угощая Сергея чаем с пирогами. – Хочешь в штатные охотники на Нэусью? Смотри, Сергей, ведь все рассказы указывают на тот урман. Что ты один сделаешь?

– А что я должен делать? Буду там жить, ходить, смотреть, охотиться и охранять. Я много думал и надумал. Может, к НЕМУ надо с добром, а не так как мы в прошлый раз. Возможно, на добро ОН и отзовется.

– Какое же ты ЕМУ добро сделаешь, если по урману ходишь с ружьем да зверье бьешь? – удивился Толян.

– Не знаю. Я и сам не знаю, что сделаю, что и делать надо. Был у деда Егора, тот совсем постарел. Я ему свою мечту рассказал. Он одобрил. Только, говорит, не трепись много. Люди не поймут, смеяться будут. А ты хорошее дело задумал. И еще рассказал, что раньше от стариков слышал, вроде бы ОН, Хумполэн-Комполь, тебя в лесу всегда видит, слышит, знает, о чем думаешь, чего хочешь.

– Иди, говорит, к НЕМУ с добрым сердцем, не бойся. Угощай. И проси, что тебе надо. Раньше охотники всегда так делали. Они об удаче на охоте просили, а ты о встрече проси.

– После нашей встречи ЕГО никто не видел. Иначе бы слышно было, – рассказывал Толян. – Наверное, ушел. Куда-то дальше в тайгу, в урман... Да и где сейчас такие места? По-моему, всю тайгу уже обшарили, вырубили...

СОВЕТЫ ДЕДА ЕГОРА

Сергей ушел от Толяна с сознанием, что никто из его прежних друзей не желает заниматься тем, что до сих пор так волнует его. Один дед Егор верил, знал и понимал Сергея. Он было и сам в лес собрался, да старческие хвори подвели, ноги отказали. Зато надавал советов:

– Пурлахтен приготовь. Отнеси дары на старинное место подношения. Это не религиозный обряд, а знак уважения. Ночью в избушке не закрывайся.

И рассказал, как найти то самое место, куда веками носили дары хозяину леса.

– Вверх по Нэусье, где крутой поворот на мысу, есть небольшое возвышение. Оно как бы с двух сторон рекой огорожено, от основного леса – рвом. На этом бугре растут только кедры. Их там несколько. Они там как бы шатер образуют. Под ними чисто – ни палочки, ни валежники. Место это высокое и очень красивое.

Все местные жители знали, что туда лучше не заходить и ничего там не брать. Днем туда еще можно зайти, а вот ночью – нет. Ночевать там не оставайся. И всегда примечай такие места.

– Егор Сергеевич, – обратился Сергей к деду, – я здесь вырос, но ни от кого из ребят о таком не слышал. Мою мать сюда работать направили из Тюмени. Она и привезла меня в эти края ребенком. Что значит – пурлахтен? Такое место-то я найду, вот что дальше...

– Наши люди исстари чужим своих законов не открывают, а может быть, и умысла в том нет, просто стесняются, или не совсем верят им. Ведь все это как бы законы поведения, уважения к хозяину леса. Так установлено, так и идет из поколения в поколение. Среди людей живешь – особо мир видишь, а как один на один в лесу останешься, то лес тебе и друг и враг. Вроде живой он.

– Пурлахтен, – напомнил Сергей.

– Его готовят из муки или крупы. Как заваруха. Масло добавь, посолить не забудь. Сам попробуй, чтобы вкусно было. Потом отнеси в укромное место, поставь там, чтобы собаки не достали, на пень ли высокий, или еще что пригляди и угощай. Говорить-то знаешь как?

– Нет.

– И чему вас только в школе учат? Вот приду я к тебе, как ты меня угощать будешь? Какие слова будешь говорить? А тут ты в лес пришел. Вот и говори так:

– Хозяин леса! Я к тебе пришел. Угощаю тем, что у меня есть. А ты поделись со мною своими дарами. Так охотники всегда говорят. Запоминай. Потом уйди к костру или в избушку, а через некоторое время можешь взять еду и сам съесть. Лучше съесть.

– Почему? Может, ЕМУ и оставить?

– Нет, надо обязательно съесть. Чтобы доказать, что ты съедобную пищу подал, ею угощаешь, и сам ею не брезгуешь. Находились такие смельчаки, что подавали несъедобную пищу. Так те в эту же ночь из леса возвращались...

ЗАПОВЕДНОЕ МЕСТО

Сергей в точности выполнил все советы деда. Нашел и тот бугор, который был на мысу. И был до крайности поражен тем, что он там увидел. Бугор этот настолько сливался с окружающей природой и был незаметен издали, что, пройдя от него в нескольких метрах и не зная о его существовании, его нельзя было увидеть. Да и что несколько метров! Даже находясь во рву, который хорошо сохранился до сих пор, можно пройти по нему и не увидеть этого возвышения. Зато с плоской вершины бугра, на котором стояли вековые кедры, образующие шатер над головой, хорошо просматривались окрестности во все стороны. Любое движение внизу было видно. Вершины старых сушин, берез были как будто у тебя под ногами. Более удобного места для наблюдения нельзя было выбрать. Иногда в солнечный день Сергей приходил сюда, садился на край бугра и как будто парил над округой.

ПРИОБРЕТЕНИЕ СОБАКИ

Так прошел год. Сергей ходил по своему участку днем и ночью, знал все тропы, большие и малые, но, по его наблюдениям, больше нигде на участке не мог жить-быть Хумполэн-Комполь. Вроде места ЕМУ нигде не оставалось. Не было на его участке места, где бы мог находиться лесной великан – Хозяин леса.

План сдачи пушнины он выполнил, но не больше того. И этот план достался ему с большим трудом. Не было у него доброй охотничьей собаки. Дважды он их покупал, но было все не то. Собаки не признавали его и, в конце концов, или убегали к прежнему хозяину или исчезали неизвестно куда. Жил он в поселке, но большую часть времени проводил в своей сокме. Так на местном языке называют участок урмана, ранее принадлежащий конкретному частному владельцу, а ныне закрепленный за егерем. Его же сокма от Евринского Тумана уходила строго на юг в ширину на добрую сотню километров, а в длину... Да кто их мерил, те таежные километры?

Живя в поселке, Сергей все присматривался к собакам, которые по древнему обычаю, несмотря ни на какие объявления и угрозы, свободно разгуливали по поселку. Да и собаки, по-видимому, его знали. Проходя по поселковой улице из леса, он видел, как некоторые из них принюхиваются к нему и идут за ним до самого дома.

У соседей Сергея жила невзрачная на вид, тощая сибирская лайка. Та вообще при встрече с ним проявляла необыкновенную радость. Хозяин ее, тракторист Валера, в разговоре о ней, заявил:

– Бери. Прибилась откуда-то, вот ребятишки ее и кормят.

Сезон охоты раньше начинался с Покрова. В наши дни с двадцатого октября, длится остаток осени всю морозную зиму и заканчивается в первый месяц весны – двадцатого марта.

Выполнив план по пушнине к январю, Сергей зимой получил отпуск, чтобы весной вновь поселиться в сокме.

И вот он у себя дома, так именовал он свою лесную избушку.

АПРЕЛЬ В ТАЙГЕ

Апрель – особый месяц в тайге. Весна врывается теплыми лучами, теплыми днями и начинает как бы будить легким шорохом, треском, свалившимся с пенька, подтаявшим с южной стороны куском снега, веселым ручейком с пригорка. Снег голубеет от яркого солнца и неба, становится невидимым глазу – исчезает.

Но в начале апреля хорош чарым. И Сергей решил по чарыму[9] обойти приметные места, определить виды на будущую охоту, приметить, где находятся гайно соболей, куниц, белок. Заодно надо проверить собаку, пополнить запас дров у лесной избушки. Из дома Сергей взял пилу «Дружба». Ручной пилой пользоваться он не умел. Вот и пришлось везти в лес и пилу, и бензин. Напилив дров, Сергей по утрам по чарыму обходя намеченные места, навестил и лесной ток. Странно вела себя Тайга – так Сергей назвал свою собаку. Он запретил ей облаивать зверей и птиц. Она только скулила и повизгивала, когда чуяла в дупле белку или соболя. Часто останавливалась, к чему-то прислушиваясь, далеко не убегала. Сергею казалось, что она без слов понимает его. Так обошли они все приметные места. Чарым держал хорошо, собака бегала свободно, а Сергей легко скользил на лыжах, насвистывая любимые мелодии. Ничего исключительного, ничего примечательного он не заметил. В его лесу, в его сокме все было как обычно. Только вот настораживало поведение собаки...

[9] Чарым – снежный наст, корка снега, образующаяся на снегу во время оттепели.

ПОСЕЩЕНИЯ ДЕДА ЕГОРА

Приходя в поселок, Сергей, прежде всего, навещал деда Егора. Тот был рад. Расспрашивал про лес, про виды на охоту. Оба обходили молчанием тему Хумполэна-Комполя. Дед знал, что если бы и было что новое, Сергей сказал бы, а раз тот молчит, значит, все по-старому. На этот раз он не удержался:

– Хотя и твоя лесная избушка, а заходить в нее знаешь как? После того как дома побудешь?

– Знаю. Ты меня учил, я так и делаю.

– Угощаешь-приглашаешь?

– Обязательно.

– Ты что, на меня сердит?

– Почему?

– А в шапке сидишь...

Сергей сердито сдернул с головы шапку. Он вообще-то собрался пойти в кино, зашел к деду на минутку, вот и сидит так, не раздеваясь.

– Говорил ли я тебе, чтобы ты с дарами или угощением когда... Тоже в шапке?

– В шапке.

– С непокрытой головой раньше-то мужики это делали. А ты выходит, угощаешь, да не доверяешь.

– Почему?

– Шапку не снял, значит, сердит или не доверяешь.

– Что же ты мне, дед, раньше этого не сказал?

– А ты что, не знал?! – удивился дед. – Ведь так исстари ведется. Что же говорить?

МЕДВЕЖЬЯ БОЛЕЗНЬ

Каждый раз после беседы с дедом Сергей узнавал что-то новое, интересное для себя, для дела, узнавал повадки зверей, птиц, выведывал, когда и где щенятся соболь, белка, сколько детенышей бывает в гнезде. В поселковой библиотеке брал книги про диких животных. Но о животных нашего края там было написано мало. Сергей просматривал старые номера журнала «Охота и охотничье хозяйство», а в этом году выписал его и сам. Но то, что дед рассказывал ему про медведя, Сергей не читал ни в одной книге. Он знал, что медведь в берлоге спит и не спит, что при тревоге он всегда может внезапно выскочить. Дед рассказал, как они убили только что залегшего в берлогу медведя. Желудка практически у него не было, он превратился в небольшую лепешку, полностью заплывшую жиром. Весь кишечник у медведя настолько чист, что ни одна хозяйка так не вымоет, а задний проход как бы пробкой заткнут. Пробка та сантиметров в тринадцать-пятнадцать. Плотная, твердая из мелких палочек, хвоинок и еще чего-то как воск твердого. Видимо, эта пробка удерживает все, что накапливается у медведя в кишечнике. Без такой пробки, даже если медведь сыт и жирен, он погибнет.

И такое наблюдал дед. Случается такое с медведем, если его перед лежкой сильно напугать. Прихватит его медвежья болезнь и, считай, он уже погиб. Видел он однажды такого медведя. По словам деда, такой медведь знает заранее о своей гибели и даже ложится не в берлогу, а где-либо под корчагу или выворотень. Случалось ему находить и такого полумертвого медведя. У него из заднего прохода жир вытекал. Хотя и был тот медведь очень жирен, да умирать лег. Они, звери, видимо, всегда знают, что их ожидает.

ЖИЗНЬ В ЛЕСУ

Жизнь в лесу и работа охотника-промысловика накладывают отпечаток на человека, на его характер и даже на походку. Если у моряков она раскачивающаяся, вразвалку, то и охотника можно узнать по походке. У охотника она неторопливая, спокойная, а главное, легкая и бесшумная. Охотник в лесу чувствует себя частью своего леса, да и не только охотник. Каждый человек, судьба которого связана с лесом, воспринимает деревья, кусты, речки, болота, травы как часть самого себя. Никто не возьмет больше, чем надо для пищи, для сегодняшнего дня. Никто не будет зря губить ни дерево, ни куст, ни рыбу, ни птицу. Даже веточку с куста или дерева такой человек не сломает без надобности, он не вытопчет на болоте мох, не вырвет ягодник. Он не зашумит, не закричит, не выстрелит, особенно вблизи жилья, да и другим не

даст это сделать. Человек, живущий подолгу в лесу, сживается и как бы сливается с природой, становится частью ее, не нарушая векового уклада ее жизни.

Сергей за весну и начало лета не один раз побывал в своей сокме. Что-то его манило, что-то его туда звало. Но что? Обходя «тропой оленьей» на этот раз боры и болота по просьбе директора Копзверопромхоза, он примечал места, где ожидается урожай брусники и клюквы. Раньше сбор ягод назывался брусничным промыслом, а теперь сбором дикоросов.

Дикоросы! Слово-то какое! Промысел... Хоть какой промысел говорит о деятельности Человека. Кондинские беломошники издавна славились вкусной и крупной ягодой. На брусничный промысел, трудный и азартный, природой отведен всего один месяц сентябрь. Механизации не было, нет, да и не должно быть. Очень хрупка природа края. Современные ягодные комбайны в большинстве случаев вырывают и ягодник вместе с ягодой, и этим наносят, и уже нанесли непоправимый ущерб ягодным борам.

В лесу хорошо думалось, жилось, вольно дышалось.

– Сберегу! Скажу, что в этом году на моих борах и болотах ягод не будет! Пусть отдохнут. Да и лесным обитателям надо оставить, – решил Сергей.

СУДЬБА ЖИВОТНОГО МИРА ПРИРОДЫ

В заливах Евринского Тумана, как всегда, поселилось много диких уток разных пород, куликов, цапель. Были по ранней весне гуси и лебеди. Гуси проследовали дальше на север, а пара лебедей поселилась в тихом, неприметном озерке, недалеко от речки Воны. Всеми силами, как только мог, Сергей оберегал этих птиц, не пуская туда никого из посторонних. Лебедей нельзя тревожить. Если ему удастся сохранить это потомство, то – он знал – и на будущий год птицы этого исчезающего вида вновь поселятся на таежном озере. При «освоении края», как это называли его первые лесники, нефтяники и газовики, многое было уничтожено. Просто так, ради удали. Для начала постарались лесники, свое потом добавили нефтяники и газовики.

Районы, восточнее Уральских гор, на протяжении многих веков кормили, поили, одевали, обували местное население. Новоселы перенимали от них доброе, любовное отношение к природе и ее животному миру, оберегали, а порой и приумножали его богатство.

Современные «покорители», люди двадцатого века, на территории Западной Сибири являлись и довольно часто представлялись не только животному миру края, но и его населению, как варвары. И чем выше начальник, тем мощнее аппетит.

Были среди рабочих людей страдающие и как умеющие защищающие животный мир. Но что может сделать простой смертный человек, даже с ружьем, когда уничтожение всего живого велось (подчас и сейчас это делается, да только более скрытно) с вертолетов, вездеходов и другой техники, которая может догнать, поймать, убить любое животное. Те же лебеди Конды, о которых печется сейчас Сергей, были на многих озерах расстреляны с вертолетов. Надо заметить, что лебеди для местного населения были священными птицами, на них никогда не охотились ради пропитания. И такая же участь постигла многие стада диких оленей, лосей.

ПОЧЕМУ? ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Кто знает, что подействовало на животный мир сокмы Сергея, но когда он в очередной раз стал обходить ее, то обратил внимание на большое количество следов оленей, лосей, медведя. На песчаных тропах ясно прослеживалась ночная работа барсуков. Часто попадался помет зайцев, лис. Гораздо больше стало и певчих птиц. То, что увеличилось в этом году количество диких уток разных пород, его не удивляло. Так и должно быть. Ведь за прошлый сезон на его участке не прозвучало ни единого выстрела. А любое живое существо селится там, где тишина.

Удивило Сергея другое: на его участке появилась очень красивая и необычайно доверчивая небольшая птичка. Головка черная, хвост торчком, вроде бы лохматая, с красными перышками в хвосте и крыльях. Чаще всего она появлялась в бору под названием Аркансуй. Бор этот волнообразно гористый, чистый, на светло-голубом ягеле множество темно-вишневой брусники. Обычно вылетит такая птица на тропу и ждет, когда он к ней приблизится. Потом еще чуть-чуть отлетит и опять ждет. Так и кажется, что нарочно под ногами крутится, внимание привлекает:

– Иди за мной! Иди за мной!

С ветки на ветку порхает, зовет, приглашает...

– Что ей надо? Откуда она появилась? – думает Сергей. Но, зная древнейшее правило тайги от деда Егора, – не ходить за тем, что ярко, красиво, – он не пошел ее догонять, не стал ее ловить.

Вечером, готовя пищу, он вдруг услышал, что напевает. Вроде бы и не пел, но ясно слышал, что пел. Причем, пел то, что пел когда-то весной, обходя по чарыму свою сокму.

– Заходи, Тайга! – пригласил он собаку. – А то мне и казаться, и слышаться что-то начинает.

Собака зашла в избушку, недоверчиво покосилась на хозяина, но прошла и легла на свое место, которое хорошо знала и на котором отдыхала всегда, когда хозяин ее приглашал в избушку. Вела она себя спокойно, как всегда. Зная по рассказам охотников, что в лесу надо больше доверять собаке, чем себе, Сергей успокоился. «А может, и вправду пел... Кто тут еще запоет?!»

НОЧНОЙ СОН И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Поужинав и покормив собаку, Сергей, находившись за день, сразу же уснул глубоким сном. Обычно он спал без сновидений. А эта ночь...

Еще находясь в пологе, вспоминая ночное видение и слушая бесконечную песнь комара, Сергей вдруг услышал звуки заводимой пилы «Дружба». Выскочив из избушки на звук, он понял, что такого не может быть! Ведь пилу он увез домой еще неделю назад. И тут вновь кто-то дернул шнур пилы, она взвизгнула и смолкла.

Сергей осмотрелся – утро перед восходом солнца, собака стояла рядом вся взъерошенная, рычащая, и тоже смотрела в чащу, откуда доносился звук. Он был бос и раздет. Вбежав в избушку, Сергей обулся, натянул через голову специальный костюм от комаров и, позвав собаку, бросился бежать в чащу за избушкой, откуда слышались звуки. Пробежал молодняк да речки, вернулся назад, осмотрев всю округу, но ничего и никого не обнаружил...

Собака вела себя странно. Она пыталась рычать, но у нее ничего не получалось, как будто горло ее схватили спазмы, она жалась к ногам Сергея, щерилась. Но когда он побежал в дальние кусты, что щетиной горбились вдали, она вдруг схватила его за штанину и во всю собачью силу потянула назад.

– Ты что?! – остановился Сергей. А собака в это время, забежав вперед, уперлась передними лапами в грудь хозяина и как бы всем телом, защищая его, не пускала дальше, рычала.

– Ты что? – поглаживая собаку по спине, вновь спросил Сергей. – Что с тобой? Кто там?

Жаль, что собаки не говорят... «Наверное, медведь», – мелькнула мысль, и тут он понял, почему в этом случае его не пускала собака – в руках у него ничего не было! Прижавшись к ноге Сергея, собака, по-прежнему рыча и щерясь, пошла с ним к избушке. Зарядив ружье, Сергей вышел, осмотрел все вокруг – землю, тропу, кусты. Никаких следов нигде не оказалось.

– Что же это такое, – подумал и тут же вспомнил свой сон. Ночью, во сне, к нему кто-то приходил, о чем-то просил, что-то говорил... Кто это, что это? О чем просил? Что говорил? Какие-то смутные видения, обрывки слов, мыслей... Сергей решительно отверг ночной сон, но почему-то ему вдруг показалось, что между утренним происшествием и его ночным сном есть какая-то неуловимая связь. Но какая?

– Одичали, озверели мы с тобой, Тайга, однако, – говорил Сергей собаке во время нехитрого завтрака. А сам постоянно поглядывал на собаку, нервы у него были на пределе напряжения. Он понимал, что она уловит и даст знать, если появится опасность. Но Тайга вела себя спокойно, и это спокойствие невольно передалось Сергею.

– Что же это было, Тайга? – Сергей погладил собаку. Рука его оказалась мокрой. Тогда он наклонился к ней и стал ощупывать ее всю. Действительно, собака была мокрая, будто только что выкупалась в речке.

– Что с тобой? Почему ты вся мокрая? – Сергей знал, что к воде она вроде бы не подходила. Что же с собакой? Может, заболела? Но до этого непонятного происшествия, этих странных звуков все было нормально. Никаких признаков болезни у собаки не было.

– Домой, Тайга! Рванем-ка мы с тобой сегодня домой, а там видно будет.

Сняв сети и развесив их для просушки и хранения в им же построенный амбарчик, Сергей сложил добытую рыбу в пайбу и, взяв ружье в руки, пошел по тропе к лодке, в километре от стана. Тайга, как ни в чем не бывало, весело бежала впереди хозяина. Сергей хорошо осмотрел тот лесок, куда утром не пустила его собака. Но и тут ничего особенного он не заметил, и собака вела себя спокойно. Следов ника-

ких. Но птицы... Сергея поразило обилие певчих птиц. Казалось, что весь этот небольшой островок, покрытый смешанным лесом вперемешку с черемухой, смородиной, рябиной, малиной, колючими кустами боярышника, был нашпигован птицами. Одни пели, другие чирикали, свистели – целый лесной оркестр!

– Почему я этого раньше не замечал? – подумал Сергей.

ОН ЗДЕСЬ!

Лодка-осиновка находилась на своем месте. Речушка совсем обмелела и, подобно змее, извивалась сначала среди соснового бора, а затем по большей части среди пошвара. Дно речушки почти сплошь завалено колодами, полусгнившими или задубелыми. Спешить по такой речке, где русло чуть шире самой лодки, а глубина не больше пятидесяти сантиметров, невозможно. Стоит чуть-чуть зазеваться и нос лодки на очередном повороте уткнется в берег. Здесь, как нельзя лучше, подходят слова: поспешай не спеша.

Как и в других путешествиях по лесу, Сергей держал собаку на привязи. Сейчас она лежала по-хозяйски посреди лодки. Но и тут ее Сергей привязал на короткий поводок к сидению. Храбрость осторожности не помеха. Часто взлетающие из-под носа лодки утки как бы дразнили, а Тайга не всегда могла выдержать это и, бывало, что выскакивала из лодки на берег, чуть не опрокинув лодку с хозяином.

На одном крутом повороте речушки Сергей вдруг увидел лосиху. Она, стоя на твердом, пологом берегу, преспокойно пила воду из речки. Тайга, тоже увидев, замерла, припав ко дну лодки. Сергей, боясь стукнуть веслом, только рулил, и его потихоньку несло течением к тому месту, где стояла лосиха. Лосиха, увидев их, но, видимо, не поняв опасности или же совсем не боясь ничего, как домашняя корова, отошла чуток от берега и продолжала стоять. Проезжая мимо нее, Сергей видел даже как она хлопает ресницами. Следующий такой же крутой поворот речки унес лодку, и лосиха скрылась из виду.

«Странно, – подумал Сергей. – Что же это такое? Птицы разные. Много диких уток. Лосиха. В бору рябчики, много выводков глухаря. Олени, медведи. Может, и вправду они, птицы, звери чувствуют доброту человека и поселяются там, где находят защиту?»

И тут вдруг он увидел березу. Много раз ему доводилось проезжать мимо нее, но... Что с ней? Полусухая береза, которая стояла на берегу речушки, оказалась ободранной. Кто? Зачем? Ведь сейчас береста не дерется. Кто и зачем ободрал березу, причем где-то на высоте трех-четырех метров над землей? Сергей веслом подтянулся к берегу, вышел из лодки и пошел к березе. Собака, оставшись на коротком поводке в лодке, повизгивала.

Сергей начал осматривать березу. Вокруг нее, совершенно свежие, поблескивая белизной, лежали кусочки бересты по четыре-пять сантиметров в ширину и по пятнадцать-двадцать в длину, еще не начинающие скручиваться.

«Наверное, дятел», – подумал Сергей и тут увидел след: на твердой, но покрытой мхом почве ясно был виден след ноги человека. Но какого?! Длина следа – около полуметра, в пятке чуть уже, чем в носке. Ширина ближе к носку – сантиметров двадцать с лишним. В середине стопы след слегка сглажен, но тоже ясно виден. Примерно такой же, как видели на лесной дороге несколько лет назад. Собака в лодке уже не повизгивала, а только приглушенно взлаивала. Хумполэн-Комполь! Лесбег! Хозяин леса! ОН здесь!

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Что было дальше, почему он так поступил, даже самому себе Сергей объяснить не мог. Кажется, не боялся сам, успокаивал собаку. Но все-таки сел в лодку и уехал... И только дома, после ужина он смог что-то оценить, сопоставить, понять. Там, где появляется хозяин леса – Хумполэн-Комполь, всегда много диких животных, птиц, зверей. А в этот приезд в сокму Сергей заметил, что их действительно очень много.

«Я мог ошибиться. Но след... Поведение собаки... Значит, ОН подходил к лесной избушке. И сон! Что-то было ночью?! Что? О чем ОН просил? Просил?! Точно, просил. Но о чем?»

Следующую ночь дома Сергей спал беспокойно. Метался, вскакивал, часто просыпался, и снова все повторялось. Утром вновь одолели вчерашние думы. «Да, кстати, – почему я поехал домой? Ведь не собирался, и продукты были. Что же заставило меня бросить работу, уехать? Почему утром сразу же домой? Сон... Что-то связано со сном, – начинал припоминать он. – Да, просьба... Тот, кто приходил ко

мне ночью, просил... уйти. Кажется, было указано и время. На сколько дней? Чем я мешал? Да ведь кто-то голоден. Просил оставить пищу и уйти из избушки. Помочь в беде. Дети... Почему каким-то детям голодно и сыро? Что-то должно случиться с погодой...»

Сергей вышел на улицу, пытаясь что-то понять, припомнить. День был в разгаре. Стояла тишина, та самая тишина, которая всегда предвещает грозу. Сергей ушел на берег Тумана, сел в тени деревьев и под их тенью начал вновь вспоминать ночной сон: будут дожди. Меня на это время просили уйти, убрать собаку, оставить продукты... Но кто просил? Для кого продукты? Что все это значит? Сон или явь? Я сделал все так, как меня об этом просили. Но кто просит? И почему я делаю так, как мне велено? Почему?

Вспомнил! Точно, будут дожди. Эти дни я не должен быть в своей сокме, в своей избушке и я должен сделать так, чтобы никто туда не поехал. Я и ни с кем не говорил! Значит, сон... Сон – явь. Что-то там, в лесу должно случиться... Это и есть помощь.

Не мешать. Оставить продукты. Молчать. Не быть там, в период дождей, – с трудом вспоминал Сергей и вместе с сознанием, что он все сделал так, как его просили, к нему приходило успокоение, уравновешенность, хорошее настроение. Обилие диких животных, птиц, зверей – все это, согласно древним мансийским сказам, говорило о том, что в лесу появился Хозяин. Кто ОН? Хумполэн-Комполь? Лесбег? След нашего Лесбега... Выходит, хозяин леса – Хумполэн-Комполь и Лесбег – одно и то же... Кто кого боится? Я ЕГО или ОН меня? Что за странный способ общения? Я делаю то, что ОН мне велит. Да, точно. ОН просил, я сделал. Может быть, мы оба боимся один другого. ОН меня, я ЕГО... ОН оставил след ноги, чтобы я мог знать: кто Он! ОН моим голосом напевал мои песенки, ОН повторил то, что слышал. Точно! Когда я заводил пилу, она заглохла сначала. И этот звук я снова услышал спустя месяц.

Хумполэн-Комполь, Лесбег! Я все сделаю, как ты просил. Ты слышишь?! Я сделаю!

К вечеру собралась гроза, да такая сильная, с градом, ветром, проливным дождем. Обычно такие грозы проходят быстро, но на этот раз грозовая туча будто потянула за собой с севера серое покрывало. И зарядил мелкий моросящий дождь. Даже не дождь, а так, хмарь, полутуман, полудождь. Резко похолодало. «Выходит, точно, погода испортилась. Дождь, сыро. Значит, Лесбег знал об этом и просил оставить для НЕГО теплое жилье. Дети?! Что-то такое было и о детях?! Может, как раз ЕГО детям надо на это время теплое жилье. Неужели у НЕГО есть дети?! В лес, в свою сокму... Стоп... Нельзя. Пока погода – нельзя. ОН мне не доверяет, боится за детей, за себя. Пока такая погода, я должен быть дома!

ДУМЫ И ДЕЛА ХУМПОЛЭНА-КОМПОЛЯ

Люди называют ЕГО Хумполэном-Комполем. И ОН это знает, читая их мысли. А сам себя ОН называет просто Сюю. Сюю – это свист ветра. И это ОН слышит при быстром передвижении. Свою женщину-жену ОН назвал Эс. Это тоже свист. Так легче всего обращаться и называть друг друга.

А парня, что живет в лесной избушке, Сюю назвал Не-совсем-охотником. А просто – Хо. Название свое он получил за то, что, по приметам Сюю, Хо не убивает животных и птиц, а больше наблюдает за ними.

Сюю слышал, как ехал по речке Не-совсем-охотник Хо на лодке, знал, что он выходил на берег, видел следы его ног. И ОН точно знал, что Хо понял, кто тут есть, кто просил его уехать. Чтобы проверить Хо, Сюю специально направил к речке лосиху, чтобы она пересекла его путь. Но Хо проехал мимо нее молча, без шума и выстрелов. Это еще больше утвердило Сюю в мысли, что Хо можно доверять, можно попытаться пойти с ним на контакт, заинтересовать его своими заботами, показать ему тот урон, который нанесли лесу люди, попросить его стать ходатаем за все живое, что есть в лесу...

Надвигались проливные дожди, несвоевременные для этого времени года. И ЕГО малышам на этот непредвиденный период могло потребоваться жилье. Да и ЕГО женщине, матери детей, которую ОН так долго искал и с трудом нашел в дальней дремучей тайге на Севере, которую в смертельном бою отвоевал у соперника, а потом увел в свои леса, тоже требовался отдых после появления малышей.

Обычно сам Сюю никогда не пользовался даже жалким подобием жилья людей, находя его вонючим и тесным, но ради своих детей ОН мог пойти на все. Как и каждое живое существо на земле, ОН очень любил свою избранницу и детей. Сюю не разговаривал с женой, как это принято у людей, они понимали друг друга без слов. Даже на больших расстояниях они понимали мысли друг друга. Для этого стоило лишь чуть-чуть напрячься и послать мысленный сигнал-вызов. Так было и на этот раз:

– Уехал, – сообщил Сюю Эс. – Подходи к избушке. Смелее. Заходи и жди меня. Не бойся.

С появлением малышей с Эс что-то случилось. Она по-прежнему понимала Сюю на расстоянии, но повелевать животными, как прежде, не могла. Это ее тревожило, и она постоянно искала защиты у Сюю. ОН же твердо знал, что это временно, но оставлять ее надолго без своей защиты не мог. Вот почему ОН попросил Хо в те дни покинуть избушку.

Наблюдая за Не-совсем-охотником Хо, Сюю постоянно улавливал его мысли. Тот постоянно кого-то искал, но кого? Иногда ему казалось, что Хо ищет именно ЕГО, Сюю. Но зачем? Человек может просить о добыче, удаче на охоте, но никогда еще у людей не появлялись мысли о встрече именно с НИМ. Если такая мысль кого и посещала, тот усилием воли ее сразу же глушил, так как люди ЕГО пугались и сразу же уходили, уводя своих помощников-собак.

На этот раз, придя в свои владения на берегу мелководного озера, Сюю обнаружил, что с человеком, как всегда, ОН мог поговорить, даже не вступая в контакт. Стоило лишь на расстоянии послать сигнал тревоги, и тот уходил... Так было всегда в ЕГО взаимоотношениях с людьми. На этот раз Сюю не узнал место, где долгие годы жил. В той стороне, откуда вставало обычно солнце, люди прорубили широкую просеку, а деревья растолкали по сторонам, как бы огородив дорогу, по которой день и ночь шли фыркающие железом и гарью чудовища. Такую полосу небезопасно перейти только маленьким зверюшкам, но и ЕМУ, властелину леса, а вокруг озера леса уже совсем не стало. Перепаханная до породы земля была завалена мертвыми стволами и сучьями, втоптанными в лужи и в землю молодыми деревцами.

Сюю пытался пройти по этому лесу, но перепутанные клубки тросов во многих местах останавливали ЕГО. Впали в состояние тревоги и постоянно сопровождавшие Сюю медведи, олени, лоси. Птицы улетели в поисках других мест для гнезд. Зачем же так? Неужели человек не может разумно взять то, что ему надо, и не оставлять здесь таких чудовищных следов? Почему веками существовавшая ЕГО вотчина должна превращаться в страшное месиво?

А ведь ОН, Сюю, всегда приходил на помощь человеку, приводил к селениям заблудившихся детей, умел мысленно, не показываясь, указать место охоты.

Окончательному решению обратиться через Хо к людям способствовала гибель ЕГО любимой лосихи. Сюю вызвал ее. Лосиха тотчас бросилась на зов, не разбирая дороги, попала в завал из тросов и деревьев и сломала себе обе ноги. Чтобы прекратить ее мучения, Сюю пришлось усыпить ее навсегда. Так ОН постепенно растерял многих животных, которых считал своими: одни погибли, другие вынужденно ушли за пределы ЕГО мысленных владений.

Сюю решил просить людей оставить хотя бы для немногих животных какой-нибудь участок нетронутого леса от большой воды до лесного потайного озера.

ОН представлял себе, как опасно выйти напрямую к людям, ведь ОН сам вынужден будет прибегнуть к насилию в ответ на злые мысли, которые ОН распознавал даже ранее, чем они приходили в голову недоброму человеку. Надо помнить и о возможности потери разума человеком при встрече... А этот парень Не-совсем-охотник довольно крепок, пожалуй, он выдержит нагрузку «нечистой силой» (непонятные слова, которые ОН несколько раз слышал от людей в свой адрес). Охотничьи интересы ОН знает назубок. Одни разумно пользуются подсказками. А других, не в меру лживых азартных, как волка из овечьего стада, приходится гнать из леса в три шеи.

Хо устраивал Сюю. Он размышлял и чувствовал ЕГО Сюю, как имеющего право на жизнь.

Сюю, как и все представители ЕГО вида, ведет ночной образ жизни, встреча с человеком может быть или случайной, или преднамеренной. К ней надо долго готовиться, чтобы случайно не превысить силу мысленного приказа. Особенно важно не оконфузиться в этом плане перед Не-совсем-охотником. Это было бы непоправимо.

Срок приезда Сергея приближался. Сюю по-своему готовился к встрече. Главное – полностью исключить страх. Для этого ОН должен приходить к нему во время сна и в таком состоянии объяснить ему свою просьбу, а заодно попытаться понять и его представление о себе самом.

Итак, Сюю ждет!

БЕДА И ЗНАКОМСТВО

В старину наши предки помнили о том, что человек предполагает, а жизнь располагает. Так случилось и на этот раз. И Сюю, и Сергей предполагали одно, а вышло совсем по-иному.

Помаявшись в деревне отведенное время, Сергей решил идти в лес, чтобы хотя бы по краю обойти сокму.

Выйдя на край янги, Сергей пошел по ней, и на мгновение ему даже показалось, что он заблудился. Такого еще не бывало! Им вдруг овладело внутреннее беспокойство, показалось, что кто-то его зовет.

Он огляделся и увидел невдалеке огромную ворочающуюся фигуру, издающую странное мычание. А тот «кто-то» явно пытался выбраться из засасывавшей его трясины.

Не раздумывая, Сергей бросился на помощь и, приблизившись, сразу понял, что помочь не в силах. Вокруг попавшего в беду была сплошная топь. Тонул... Лесбег! В голове Сергея пронеслось: как могло попасть в такую ситуацию столь разумное и могучее существо? Времени на раздумья не было. И тут он явственно уловил слова:

– И-д-и в и-з-б-у-ш-к-у! Т-о-л-ь-к-о м-о-я ж-е-н-щ-и-н-а с-п-о-с-о-б-н-а в-ы-т-а-щ-и-т-ь м-е-н-я о-т-с-ю-д-а! Б-е-г-и! Б-ы-с-т-р-е-е! Н-о п-о-м-н-и, в-о-й-д-я в д-в-е-р-ь, к-р-и-ч-и с-р-а-з-у, с п-о-р-о-га: «Твой мужик провалился в янге Семи яльвилей!».

И Сергей бросился бежать... Вот уже и избушка показалась. Он ворвался в нее и споткнулся о... взгляд нечеловеческой силы. Упав на колени, он исторг громкий крик с такой небывалой силой, что сам не узнал своего голоса: «Твой мужик провалился в янге Семи яльвилей!»

Тут же Сергей увидел дрогнувшие веки и сразу погасшие глубоко спрятанные в глазницах карие глаза. Огромное мохнатое тело метнулось к выходу.

Он, как ему показалось, остался один...

Спустя некоторое время Сергей нашел в себе силы оглядеться. На нарах на сенной подстилке он увидел двух человеческих детей. Он приблизился к ним, удивляясь их розоватым тельцам, покрытым редким светлым пушком. Они недружелюбно сверлили его взглядами. Все у них было, как у человека: рот, нос, глаза, уши. Только лоб подозрительно быстро убегал назад от бровей. На макушке явно просматривался гребень. Как завороженный, стоял он, не замечая времени, не отдавая себе отчета, где он находится. Сергей пришел в себя лишь тогда, когда увидел широко раскрытый беззубый рот одного из младенцев. Он понял, что его пугают. Так обычно отпугивает от себя неизвестное даже только что вылупившийся цыпленок. Избушка сразу ожила, она наполнилась шорохами и поскрипываниями. Сергей рассмотрел, что головы малышей покоились на животе огромной живой выдры, которая с не меньшим интересом разглядывала его.

Вскоре он услышал характерный посвист, который он ни с чем не мог спутать. Этот посвист извещал о возвращении хозяев.

Две огромные лохматые фигуры ввалились в избушку. Сразу стало темновато и тесно. На внезапно сгорбившихся телах вошедших, на их лицах лежала печать стесненности теми обстоятельствами, вынудившими их предстать средь бела дня перед вечным своим соперником, единственным представителем животного царства, способным противостоять им.

Сергей, чувствуя взаимную неловкость и подавляя поднявшийся из глубины страх, протянул обе руки Сюю. Тот сложил их вместе и осторожно сжал обеими своими ладонями, а потом легко подтолкнул Сергея к выходу.

В беде, которая случилась с Сюю, как позже выяснил Сергей, был виноват человек. Точнее, работники соседнего леспромхоза. Для того, чтобы вывозить лес из отведенного для них участка, но не строить мост через речку, которая собирала всю воду с Янги, рабочие этого участка просто бросили в речку несколько пучков леса. Таким образом образовался мост. По нему и вывозили древесину. Запрудив речку, люди, естественно, забыли убрать брошенные в нее пучки леса. А вода, которая веками уходила по этой лесной речке, в этом случае осталась в янге и затопила всю низменность. Вот в эту ловушку и попал Лесбег.

Долгожданная встреча человека и Хумполэна-Комполя-Лесбега состоялась. Что же дальше?

Сергей до сих пор не может конкретно объяснить (хотя бы себе), как проходили их столь продолжительные разговоры. Все, что думал Сюю об охране Природы этого края, ОН передал Сергею. Сергей проникся ЕГО бедами и болями, и, главное, понял, что они у них общие. Он ведь тоже не представлял себе жизнь без леса, воды, животных...

А главное, Хозяин леса просил его, Сергея, быть посланником, ходатаем к людям. ОН просил людей не делать того, чего не делает ОН сам. Не устраивать завалы из леса, запруды на речах, не истреблять, не уничтожать животный мир, не оставлять в лесу горы брошенного железа...

Сергей сам, не замечая того, часто думал об этом же.

Теперь ему был совершенно ясен план его ближайшего действия – Евринская сокма должна стать ЗАПОВЕДНОЙ!

КРЕКЕР ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ

Крекер Виктор Владимирович родился 7 мая 1966 года в п. Усть-Камчатский Камчатской области в семье капитана рыболовного сейнера. Отец по происхождению коми-зырянин из Яренского Уезда и нижнетавдинский манси. Мама – манси из Лозьвы. О культуре народа манси Виктор Владимирович узнавал из рассказов бабушки – Марии Крекер, которой в своё время знания передала её мама Орина Рычкова, уроженка п. Лозьва.

В 1994 году окончил Тюменское училище искусств по специальности художник-оформитель. В эти годы писал стихотворения и рассказы, публиковался в тюменских газетах. С 2000 года пробует себя в роли сценариста. Написаны сценарии «Это я, Господи!», «Красный мустанг» и «Песня Сороки». «Песня Сороки» посвящена предкам – нижнетавдинским манси.

В настоящее время учится на заочном отделении Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий по специальности «режиссер любительского театра».

САРГАТСКОЕ НЕБО

О, отец мой, саргатское небо!
Успокой разгулявшийся ветер!
И одежда сегодня на мне
От болезни меня не спасет.
Этот край отобрали у нас
Так давно, так давно, так давно.
Что никто и не помнит
Кто, когда и за что.
И забыли они о тебе.
Только я верный сын.
Мой отец, о саргатское небо!
Здесь остался один.
Разгляди же в печальной душе
Души тех, кто любил и ушел.
Но в наследство оставили мне
Песню жизни саргатскому небу.
Разгляди же в усталом лице
И узнай их черты,
Как мазки, на картине природы.
Это только всего лишь любовь.
Этот край отобрали у нас
Так давно, так давно, так давно.
Что никто и не помнит
Кто, когда и за что.
Здесь теперь города и заводы.
В стране предков я стал чужаком.
Ты же помнишь меня, мой отец!
Успокой разгулявшийся ветер.

ПОДСНЕЖНИК

Серые ветви – костлявые пальцы,
Там за тучами пленное солнце,
Но его не отдаст нам без битвы
Снежный дух с ледяными глазами.

Только силой молитвы
Солнца нам не вернуть.
Но никто не садится в седло,
И никто не наполнит колчан.
Но на ветви садится ворона.
Это знак, – тихо скажет старик,–
Значит, будет война.
Скоро лёд на реке затрещит,
И встает во весь рост из-под снега цветок,
Его песня как миг, его жизнь коротка,
Но отважно дыханье свободы,
И ломает оковы река, унося с собой талые воды.
Поднимая зеленые копья,
Из укрытий выходит трава.
Просыпается войско весны.
А на небе сияет как щит
Наша птица – свободное солнце.

ГАГАРА И СЫН ТОВЛЫНГ-КАРСА

Как стрела, как пронзительная стрела,
Над рекою Гагара кричит,
Небо рвёт своим криком на части,
Будит души из Нижнего Мира,
Будит спящих младенцев и сов.
Увидала она, как застыл
В тихом небе Орлан Долгохвост,
Товлынг-Карса[10] его был отцом.
А Орлан Долгохвост так красиво парил,
Солнце крылья ласкало ему,
И смеялась Гагара от счастья,
От гармонии жизни вселенной.
Но Орлан на мгновение замер,
То ли рыбу приметил в воде, то ли эту Гагару…..

Я ПРИДУ В МИР ТВОИХ ПЕСЕН

Я приду в мир твоих песен,
Наш бубен станет Солнцем.
А Солнце – щитом от недобрых глаз.
У нас когда-то был общий корень.
Повернись на четыре стороны света
И ты увидишь в моих глазах понимание.
Я, как и ты, не забыл о Великой Тайне,
Ты войдешь в мир моих песен,
Мой бубен станет Солнцем,
А Солнце – щитом от дурных глаз.
Я хочу,
Чтобы ты стал тем,
Кто спасет наше небо от вертолетов,
Которые меняют наше представление о жизни.

[10] Товлынг-Карса – Птица Грома у манси.

Я хочу,
Чтобы атомная бомба
Не превратилась в гигантский гриб,
От которого погибнет наш маленький народ!

ПЛЕСК ВОДЫ

Плеск воды,
Прибрежные заросли,
И огромные деревья,
Отжившие свой век,
Упавшие в воду.
Внезапный глухарь
И темные пятна,
Похожие на медведей,
Волки и горностаи,
Лес с его духами,
Дом,
Огонь в очаге
И все понимающие черные
Глаза жены.
Все это
В моих волшебных веслах,
Которые помогают мне
Продолжать мой путь.
Куда он идет
На своих быстрых лыжах
В удобной меховой куртке с орнаментом?
Куда он идёт
С дедовским карабином
И блестящим медным чайником?
Разве он не знает,
Что тундры больше нет?

ТЫ МОЖЕШЬ

Ты можешь
Опуститься под землю
И пить нефть.
Ты можешь
Лететь на Луну
И сказать: «Я хозяин Вселенной!»
Но тебе никогда не понять того,
О чём думает орёл, летая над миром.

ВЧЕРА ТЫ СПРОСИЛ

Вчера ты спросил,
Сколько стоит горностай.
Сегодня ты спросил,
Сколько стоит лайка.
Завтра ты спросишь,
Сколько стою я и мой народ.

ЛАРИОНОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА

Ларионова (Вьюткина) Галина Николаевна родилась 25 сентября 1962 в д. Щекурья Березовского района. В 1980 году окончила Саранпаульскую среднюю национальную школу. Работала в пошивочном цехе совхоза «Саранпаульский» мастером по пошиву головных уборов, помощником воспитателя в интернате, библиотекарем, с 2009 года – заведующая библиотеки. Окончила Тюменскую академию культуры и искусств (2009), по специальности «библиотечно-информационная деятельность».

Пишет на русском и мансийском языках. Дебютировала подборкой стихотворений в районной газете «Жизнь Югры» (2008). В 2006 году при библиотеке организовала творческое объединение самодеятельных авторов «Золотистая верба». Составитель сборника стихотворений самодеятельных авторов Саранпауля творческого объединения «Золотистая верба» (2008). Живет в Саранпауле.

***

Тыныӈ мāтем,
Сы̄стам я̄тем,
Посыӈ хо̄тал,
Совыӈ э̄т!

Карыс нӗртем,
Ялпыӈ во̄ртем,
Са̄лыт ма̄гыс,
Войкан тэ̄п!

Са̄лы пӯӈыт,
Та̄глыӈ суныт,
Нӗрт ялэ̄гыт
Тыгле-тув.

Сюниӈ мāтем,
Нӗтнэ татем,
Ма̄ньси мирум,
О̄лнэ ма̄!

(2010)

Дорогая моя земля,
Чистые мои реки,
Светлые дни,
Звездные ночи!

Высокие мои горы,
Священные мои леса,
Пастбища оленей,
Пища для оленей.

Оленьи стада,
Оленьи упряжи,
По Уралу передвигаются
Туда-сюда.

Счастливая моя земля,
Ты такая красивая.
Моего мансийского народа
Эта земля.
(Перевод С. Динисламовой)

***

Я была рождена в сентябре,
Когда падали листья в лесу,
И, как птица, поет на заре,
Разбудила я криком тайгу.

Разбудила сородичей всех,
Все узнали, что я родилась.
А тем временем над Щекурьей
Зорька, зоренька поднялась.

Уложив в колыбельку-люльку,
Напевая песни свои,
Все качала меня баба Дуся,
С вечера и до зари.

А затем вздремнув немного,
Хлопотала уже у плиты,
Ведь внучат у нее много,
Всем хватало ее доброты.

Я была рождена в сентябре,
Когда падали листья в лесу...

МОЙ КРАЙ

Осенний день, туман над озером,
Качает ветер желтую листву.
Опять спешу в свой край таинственный,
Что дорог очень сердцу моему.

Как хорошо бежать таежною тропинкой,
Лететь на крыльях в свой родимый дом,
Открыть поспешно старую калитку,
Окинуть взором свой любимый двор.

Как долго не была я в отчем доме,
Заждались папа с мамою меня,
Ну, что сказать им, чем же их утешить,
Работа, внуки, дом, дела, дела...

Уже спешат навстречу мне родные,
Ликует сердце – все здесь хорошо,
Спасибо, милые, что вы у нас такие,
Что ждете и прощаете всегда!

(2009)

ЩЕКУРЬЯ – МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Деревня моя родная,
Как я тебя люблю!
Стихи о тебе слагаю
И песни тебе пою.
Люблю я твои рассветы
И тихие вечера,
Все, что было в детстве,
Было словно вчера…

Как дорог мне берег речки,
Где с горки катались с сестрой,
Мчались на санках, лыжах,
С той дальней горы ледяной.
А здесь мы играли все вместе,
Носились шумной гурьбой,
На лодках катались часто…
Но все, что было, прошло...

Детство мое далекое,
Ты уходить спешишь…
Но все мои детские радости
Здесь, у меня в груди.
Буду помнить, как сказку,
Добрую ту пору,
Щекурья – моя малая родина,
Как я тебя люблю!

(2006)

ВУЙКАН ТӮЙТ

Тӯйт, тӯйт, вуйкан тӯйт,
Хотыл нэглын кāминьт тӯйт?!
Алпыл квāлапасум,
Кональ āӈкватасум.

Мāтем татем яӈк, яӈк.
Мāтем татем посыӈ, посыӈ,
Тӯйт, тӯйт, вуйкан тӯйт,
Хотыл нэглын каминьт тӯйт?!

Тэлы ёхтыс, āсирма,
Пāрт хольт ёмтыс яӈкылма.
Яв ос тӯрув яӈкыл пōльвес,
Иснас сам тӯйтыл сольвес.

Иснас сам тӯйтыл сольвес.
Яв ос тӯрув яӈкыл пōльвес,
Тӯйт, тӯйт, вуйкан тӯйт,
Хотыл нэглын кāминьт тӯйт?!

Нӣврамаквет тӯйт пāхвтэгыт,
Суныл сып урыл тахсэгыт.
Āмпум тӯйтыт поварāлы…
Лӯй вōт вōви, нямарāлы.

Лӯй вōт вōви, нямарāлы,
Āмпум тӯйтыт поварāлы…
Тӯйт, тӯйт, вуйкан тӯйт,
Хотыл нэглын кāминьт тӯйт?!

БЕЛЫЙ СНЕГ

Снег, снег, белый снег
Откуда ты взялся, мягкий снег?
Утром встала,
На улицу взглянула –
Земля моя такая белая, белая,
Земля моя такая светлая, светлая.
Снег, снег, белый снег,
Откуда ты взялся, мягкий снег?
Зима пришла. Холодно,
Болото словно доска (гладкая),
Речки и озёра льдом покрылись.
Окна снежинками запорошило,
Окна снежинками занесло,
Речки и озёра льдом покрылись.
Снег, снег, белый снег,
Откуда ты взялся, мягкий снег?
Детки в снежки играют,
С горки на санках скатываются,
Собака в сугробах купается,
Северный ветер зовёт, извивается.
Северный ветер зовёт, извивается.
Собака в сугробах купается.
Снег, снег, белый снег,
Откуда ты взялся, мягкий снег?

(Перевод Л. Панченко)

***

Пыгтем хӯл пувумтас, пыгтем хӯл тотыгпас,
Лылыӈ хӯлкве, āтыӈ хӯлкве.
Хорыг молях яктыгпилум,
Нурйивын тослуӈкв пинумтылум.

Вōтыӈ таквси хōталыт,
Хорыт ёмсякв тōсэгыт.
Татем вōйыӈ сōрх-хӯлум,
Кӯр алат ам понслылум.

Атыӈ хор апыганумн уртылум,
Вос ка̄миньт хӯл то̄втасьлэгыт,
Сыманыл ул вос э̄тгалавет,
Вос пуста̄гыл яныгмёгыт.

Я̄тил хӯлкве та̄л ма̄н хунь о̄лсув?
Ня̄рхул, хор ман ёхыл акваг тэ̄сув.
Хунь яӈк по̄ли, хӯлп-лё̄х сё̄питэ̄гум
Я̄тил хӯлкве та̄л о̄луӈкв сяр ат-та вёрмёгум…

Сыночек рыбу поймал, сыночек рыбу принёс.
Свежая рыбка, вкусная рыбка,
Быстро её распотрошу на юколу,
На жерди её сушиться повешу.

В осеннюю ветренную погоду
Юкола хорошенько провялится,
Такие жирные рыбы-сырки
На печке поджариваю.

Вкусную юколу внукам раздам,
Пусть мягкую рыбку едят,
Пусть не голодают,
Пусть здоровыми растут.

Без рыбки дорогой мы не жили,
Строганину и юколу постоянно ели.
Когда встанет лёд на речках, прогоны поставлю,
Без рыбки дорогой не обхожусь…

(Перевод Л. Панченко)

ЛЕЛЯТОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Лелятова (Албина) Ольга Владимировна родилась 17 января 1955 года в д. Ломбовож Берёзовского. С 1962 по 1967 гг. училась в Ломбовожской начальной школе, в 1972 г. окончила Сартыньинскую восьмилетную школу, поступила в Салехардское национальное педагогическое училище им. Александра Зверева. Трудовая деятельность началась с Сартыньинской коррекционной школы-интерната. После закрытия школы в 1982 году переехала жить в п. Саранпауль. Работала учителем начальных классов, с 2004 г. – преподаватель родного (мансийского) языка в детском саду «Оленёнок». Пишет стихотворения на родном языке.

С 2002 года руководит мансийским вокальным коллективом «Эргин сым» («Поющее сердце»). Имеет звание «Почётный работник общего образования Российской Федерации».

ЁМАС ӧЛНЭ ВӐРМАЛЬ

Мӑн ӧлнэ мӑв ӯргалэв,
Этипӑлаг ос хӧтал ят.
Мӑн ӧлнэ мӑв тӑкмалтэв,
Ёмас сымыл, ёмас рӯпатал.

Ӧлнэ мӑв ӧлнэ мӑхумн эри,
Ӧлнэ мӑв няврамытн эри,
Ӧлнэ мӑв матум хӧтпатн эри,
Ӧлнэ мӑв хӧтал хольт эри.

Хӧнтлын вӑрмаль вус ат ӧлы.
Няврам вус элаль ӧлы,
Няврам вус элаль яныгми.
Тав элаль ӧлнэ хӧтпа.

О МИРНОЙ ЖИЗНИ

Мы свою землю бережем
И днем и ночью,
Мы свою землю укрепляем
Добрыми сердцами, достойными трудами.

Земля нужна всем людям,
Земля нужна всем детям,
Земля нужна всем пожилым людям,
Земля необходима как солнце.

Пусть не будет войн,
Пусть живут дети,
Пусть растут дети,
Они наше будущее.

(Перевод Л. Панченко)

ЛӦПЫҢ Я̄ ВА̄ТАТ

Лӧпыҥ я̄ ва̄тат,
Лю̈лиҥ вӧр кӣвырт,
Лӧпмус па̄выл ӯнлы.
Ты па̄вылт Усьтин Васька
Самын патыс.
Оматэ̄н нёвитавес,
А̄тятэ̄н нёвитавес.
Тав ка̄ркам пыгыг яныгмас,
Тав вёськӧт пыгыг яныгмас.
Ма̄нь та̄гыл вӧруй алыс,
Ма̄нь та̄гыл хӯл алыс.
Тасирыл ӧлуҥкве
А̄сён ханисьтавес.
Са̄ҥквытапыл ёмас ёнгыс,
Э̄рыг э̄ргыс, йӣкв йӣквыс.
Сёмьяҥы̄ныг ёмтыс.
Тохта ӧлыс, тохта сюнис.
Илттыг хӧнтлын ва̄рмаль ёмтыс,
Усьтин Васька ат рохтыс.
Тав ла̄выс:
«Ам хӧнтлын ма̄н минэ̄гум».
Э̄ри сёмьям нӧх-паттуҥкве,
Э̄ри мир нӧх-паттуҥкве.
Хумус ла̄выс, тасирыл ва̄рыс.
Васька-ӧйка минас хонтлуҥкве.
Нила та̄л хӧнтлын ма̄т ӧлыс.
Вӧртыпал ӧсьнэ ка̄тэ
Хӧнтлын ма̄т хот-сакватавёс,
Госпитальт та̄л охса ӧсьвес.
Тӧрумн, ӧтырн нёӄтвес,
Лылыҥ та̄гыл юв та ёхтыс.
Юв ёхтыс, ат ӯнлыс,
Э̄рыс рӯпитаҥкве ос ӧлуҥкве.
Са̄лы ӯрнэ ма̄т бригадирыг рӯпитас,
Па̄влыт ӧлнэ ма̄хманэ̄н нёӄтыс,
Таима̄гыс ма̄хманэн
Сака э̄руптавес.
Ам ӧпатем хот ат ёрувлылум
Та̄вён пӯмасипа ла̄тыҥ ла̄вёгум.
Тав а̄тим те ӧлыс, ам ман хунь ӧлсум.

НА БЕРЕГУ РЕЧКИ ЛОПЫНГ

На берегу речки Лопынг,
В лесах горы Люлинг вор,
Стоит деревушка Ломбовож.
Здесь Василий Устинович
На свет появился,
Мама его здесь убаюкивала,
Папа его здесь убаюкивал.

Трудолюбивым ребенком рос,
Справедливым человеком стал.
С детства зверя умел добывать,
С детства рыбу умел ловить,
Жил по заветам отца,
На санквылтапе хорошо играл,
Песню исполнял, танцы танцевал.
Семейным стал,
Так жил, так благоденствовал…
Внезапно нагрянула война,
Не испугала Василия она,
Он сказал:
«Я ухожу воевать.
Нужно семью оберегать,
Нужно родину защищать».
Как сказал, так и сделал.
И пошёл Василий воевать,
Четыре года войны позади,
Без левой руки остался он,
Полгода в госпитале его лечили,
Боги и духи-покровители помогли,
Живым вернулся домой.
Домой вернувшись, не сидел без дела,
Работать надо и жить дальше,
Бригадиром в оленьих стадах был,
Помогал односельчанам,
И поэтому его уважали.
Мне не забыть деда,
Спасибо ему говорю.
Если б не он, меня б не было.

(Перевод Л. Панченко)

МОЛОТКОВ ВАЛЕНТИН МИХАЙЛОВИЧ

Молотков Валентин Михайлович родился в 1939 году в Кондинском районе в семье рыбака-манси. Возглавлял общественную организацию «Спасение Югры». С 1996 года живёт в Тюмени, где создал общественную организацию коренных малочисленных народов Севера «Кедр». Стихотворения, заметки, наблюдения начал писать после окончания школы, стремясь сохранить в памяти дорогие сердцу приметы жизни югорского села. Записные книжки, хранившиеся десятки лет, стали основой для создания книги «Евра». В своих стихотворениях и поэмах самобытный автор пишет о красоте родной природы – диких урманов в таежном Югорском крае. Вспоминает о деревне и речке с общим названием Евра, затерянных в бескрайних просторах, размышляет о смысле жизни, о радости и печали.

САТЫГИНСКИЙ ТУМАН

Разбушевалась непогода,
И тучи с севера пошли.
И грянул гром средь небосвода
Над грудью трепетной земли.
И дождь полился. Эх, чудесно!
Сверкнула молния в глаза.
Жить в бурю столь же интересно,
Сколь и раскованно, друзья.
Сейчас свинцовый, беспокойный
Так грозно пенится туман,
Бурлит волною непокорной –
Ну, впрямь малютка-океан.
И по его кипучей глади
Одно суденышко бежит –
Оно совсем не на параде,
Но гордый, смелый держит вид.
Вскипай и пенься, вал мятежный,
Лишь судно то не погуби:
Там счастья все мои надежды,
Надежды все моей любви.

(1960)

ТАМ, ГДЕ БОР ШУМИТ СОСНОВЫЙ

Там, где бор шумит сосновый
Пахнет шишкою кедровой,
Где с незаметного ручья
Струится Евра – Яныйя,
И по краям озер, болот
Багульник радостно цветет –
В том краю Югры Великой,
Тайги пасмурной и дикой,
Таится родина моя, –
Поет ей песни Яныйя
И дочка ее Суеван,
И Мой бессмертный дед Иван.

(2006)

МЕСТА, ГДЕ РОС

До боли в сердце и до слез
Люблю я те места, где рос,
Тот уголок родной земли,
Где годы первые прошли, –
И деревянный отчий дом,
Который грел своим теплом,
И речку с чистою водой,
И бор сосновый, золотой, –
И всей тайги моей простор,
Который не охватит взор.

(1979)

ТАКИЕ ВРЕМЕНА

Пришли такие времена –
Югра моя обречена
На процветанье.
А, может быть, наоборот –
Ее конец печальный ждет
В огне страданья.
Все может быть, ну, а пока
Играют все под дурака,
Поют и пляшут.
И коренные день и ночь
Пофестивалить бы не прочь,
Платками машут.
Ведь девять миллиардов тонн
Той нефти, что черней ворон,
Югра достала!
Так что каждый пой и пляши
И пей хмельное от души,
Не будет мало!
Не важно, что жилища нет,
И без работы много бед,
И дрянь здоровье.
Зато во мраморных дворцах
Джентльмены в шляпах и венцах
Живут с любовью.

(1997)

ЗАЧЕМ ФОНТАН УДАРИЛ ЗДЕСЬ КОГДА-ТО?

Природы вкус высок и безупречен.
Лесам и зверю сокращая век,
Ты что с природой так нечеловечен –
Ее венец и гордость – человек?

Ю. Шесталов

Шаим. Урманы глухие. Конда.
Там тайги просторы первобытные –
И вдруг фонтан ударил здесь тогда
Проснувшейся нефти рекой скрытною.
И сам Урусов, главный чародей,
В черном золоте, как дитя, купался –
Не зря, видать, герой так для людей
С бригадою своей родной старался.
Потом родился здесь город Урай –
Сын времени и судьбы молодежной –
Навек он прославил Северный край
Сказочной первою нефтью таежной.
Но струится она черной рекой
Между двух берегов и добра, и зла:
Кто-то прославлен в итоге Югрой,
Кому-то она так щедро помогла.
Вмиг фантастически разбогатеть
В ущерб и на зависть всем смертным другим.
И даже луна спешит посмотреть
С небес, дивясь великим чудом таким,
Хотя там в пятнах печали земля,
Черные реки, озера, болота,
И чахнут леса, и сохнут поля,
Стонет от нефти живая природа.
Реки мелеют, безрыбье царит,
Плачут бобры, глухари, вымирая.
И только по трубам стальным скользит
Все так же нефти струя золотая.
Зачем она мчится и для кого?
Зачем фонтан ударил здесь когда-то?
Навеки гибнет тайги естество.
Дух Миснэ умирает в час заката.

(1975 – 2006)

КНЯЖНА

Эх, во бору брусничном,
Под веткой не видна,
Век дремлет, затаившись,
Красавица Княжна.
Дышит белым ягелем
Среди трав пахучих,
Навевает сны кругом
Из лесов дремучих.

На пеньке, что мхом зарос,
Задумалась она,
Словно тень вечерняя
Иль сестры-луна.
Иногда падет листком,
Наклонится травой,
На заре умоется прозрачною росой.
Вот брусника спелая,
Подарок от души, –
Голубика сладкая,
Грибы там хороши…
Хранит мир заботливо
Премудрая Княжна, –
С именем Великая
Лесная Тишина.

(2006)

***

Читаю Айпина и Тагора,
И Воскресенского в придачу.
Непрочитанных книжечек горы,
Перед ними я горько плачу, –
Оттого, что времени не хватит
Достичь тех сияющих вершин,
Солнце мое уж на закате,
Надо пройти еще хоть аршин,
Но по стезе Творца благодатной,
Чтоб семя дней плодило всходы,
И струился свет любви отрадной
В цветах смеющейся природы.

(2010)

КОГДА ТАЙГА ПОЕТ

Когда тайга поет –
Нас в дали лесные зовет,
Там заворожены
Тропы нехожены
И Миснэ живет.
В избе ее простой
Простор для души и покой,
И величавые
Кедры кудрявые
Шепчутся с рекой.
Свой сладкий аромат
Их ветви и шишки струят;
И снова вижу я,
Как огне-рыжие
Белочки летят.
И ронжи хором в лад,

Ликуя, победно трубят, –
Уже, в самом деле,
Орешки созрели –
Бей небес набат!
Из чаши золотой
Струится источник святой –
Всей радостью жизни
И песней отчизне,
Вечной красотой.

(2007)

НАГИБИНА НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА

Нагибина Надежда Константиновна родилась 30 мая 1942 года в д. Каурья Кондинского района. Окончила 5 классов. Семья переехала в п. Мокровку. В 1959 году окончила курсы радистов и была направлена в д. Шугур. Воспитала шестерых детей. На пенсию вышла в 1996 году.

Надежда Константиновна – член литературного общества «Возрождение». Автор сборника стихотворений «О себе» (2001). Её стихи были изданы в сборниках «Зеркало кондинских вод» (2002), «Мой счастливый дом» (2009), «Свет родной земли» (2010).

Гордостью за свой народ, родную землю, любовью к природе края и человеку пронизана ее поэзия. «Я манси – человек. Я дочь, пусть маленького, но великого народа», – говорит в одном из своих стихотворений.

ОМ МОАНЧ ОТЫМ! ОМ ОНИА ОТЫМ!

Ом моанч отым,
Ом ониа отым!
Я – манси человек,
Я – дочь великого народа!
Девиз людей таежных –
лишь свобода!
Величие мое земля моя дала.
Мы, люди манси, рождены природой,
А описать все это можно одой,
стихом, поэмой, можно прозой.
Здесь обобщения излишни
И споры не нужны,
Поскольку злые люди
здесь не в моде,
Недаром говорят у нас в народе,
Что доброту сердец,
Характер твердый,
Веселый нрав, тепло души
Природа в нас вселила,
А от нее в народе нашем сила!

РОССИЯ, РОДИНА, О, РУСЬ!

Россия, Родина, о, Русь!
Предсказывать судьбу твою я не берусь!
Такой жестокою была судьба твоя
И жизнь тихонько по течению не текла!
И воевать пришлось, и голодать,
Болеть, гореть, сынов терять!
А сколько раз к тебе с огнем, с мечом ходили?
Рубили, жгли, топтали и топили –
Ты выстояла, Русь!
Но знаю, горя и забот,
Как и веселия, хватало!
Жизнь на земле твоей идет –

Как ветер с опахалом –
То вдруг взметнется вверх,
То вниз ударит –
Жизнь радости всегда не много дарит,
Но все равно тебя никто не победил,
А только вот народ твой тверже был!
Россия, Родина, о, Русь!
Предсказывать твою судьбу я не берусь!

ЮГРЕ

Югра моя, Югория родная!
Милее нет тебя, уж я-то знаю!
Тайга, болота и река –
Все сердцу мило!
Здесь облака плывут
Со снегом и дождем,
Ничто нам не постыло.
И солнце редко греет нас,
И ветры обжигают,
Но это наша сторона,
Сторонушка родная!
Здесь мы родились,
Мы здесь уйдем
В жизнь вечную когда-то,
Но горевать причины нет,
Скажу я вам, ребята.
Красоты родины своей
Не меряны веками,
А нашу преданность Югре
Мы соизмерим сами!

ДУМЫ СТАРОГО СОЛДАТА

Родился я давно, когда и как, не помню.
Немного помню маму
И как ее не стало. Была и школа,
Как положено. Я рос с отцом,
А в жизни всякое бывало.
Потом война. Я всю войну прошел,
И на плече моем со мною пушка кочевала,
Что ПэТээРом называлась. Я это помню,
Как вчера, когда закончилась война –
Была весна, да-да, была весна!
Мне было двадцать, а как домой хотелось
Мне, но в ту весну домой я не попал.
И две весны еще и год сорок восьмой
Встречал я на войне.
А вот весной, в сорок восьмом, я шел домой.
Все шел и шел, пешком, полуодет,
Полуобут и сытым не бывал,

Но шел с войны, домой солдат шагал,
Спешил, и это помню, как вчера.
Деревни были голодны, босы, раздеты,
Но не роптали, а трудились от рассвета
До рассвета, Россию из разрухи поднимали,
Хоть все еще от горя вдовы голосили,
А молодые и любились, и любили.
Я это помню, как вчера, когда увидел
Вашу мать – девушкой она была
Красивой, солдату бравому – под стать!
И Таня ее звали! Ах, Таня, Танечка,
Танюша! И тут уж я пропал, я это
Тоже помню. Да хоть и были мы
Бедны, ведь дело было не за мной –
И Таня стала мне женой.
Сынов и дочек народили, жена
Строптивой не была, вот так мы
С нею жизнь прожили.
Что тут сказать, ведь
Сорок пять – немалый срок!
И не был из того бы прок, коль
Мы друг другом не дорожили.
И хоть окончилась война
С победой в сорок пятом,
Но до победы далеко –
Скажу я вам, ребята!
Ведь за Россию грудью мы
Стояли перед немцем!
А жизнь, скажу вам, такова,
Что впору на поклон идти
Нам к иноземцам.
Ведь тот, кого я победил,
Живет в добре и холе!
А тот, который победил,
Готов идти по миру поневоле.
А наши умные вожди
Россию разорили, да пенсию
Как нищему солдату отвалили.
Но все-таки я счастлив тем,
Что дожил до семидесятилетия,
А если Бог здоровья даст,
То дотянем до столетия.
Я счастлив, что в большой
Семье живу в любви, хотя и старый,
И что полвека
На земле живем без войн и свары.
И больно только лишь за то,
Что уходят ветераны.
В деревне нашей я один,
И сердце ноет раной.
На том вся наша жизнь стоит,
Грустить теперь не стоит,
А выпить за мои года,
Я думаю, что стоит!

Нальем по полной и попьем,
И громко песню запоем!
Россию будем славить,
А закусить чего на стол
Жена моя, Татьяна, нам поставит!

ПОКАЯНИЕ

Хотя совсем не замолить свои грехи, –
Я думала, – покаюсь вот в грехах своих,
И Бог простит меня!
Благословенье даст и жить я буду долго
В добре, в покое!
Пришла, сказала: «Боже святый,
Своею милостью меня не обойди,
Грехи мои прости мне!
Конечно, думаю, не очень я грешна,
Но коль по Божью слову мы все грешны,
То хватит и моих грехов, чтобы просить
Тебя, о, Боже,
Простить меня!
И обещание даю, молиться за детей
Я буду и утром, на заре,
И в темноте, на вечере!
Все буду славить Бога!»
В ответ я слышу голос в вышине:
«Я понял, говорить ты хороша
Воистину наедине,
Но говорю тебе –
Найди ко мне сначала ты дорогу!»

***

У лесов и полей есть свои голоса,
И река подпевает красиво.
Вот рябина, тальник у реки
Подпевает тоскливо!
Рябина о том, что одна,
К дубу так не смогла перебраться,
А тальник, он пониже склонился к реке
И рябины не хочет касаться.
Я по берегу тихо иду,
Слышу лес, речку тоже я слышу,
Но рябине подпеть не могу,
Тальниковую ветку колышу!
Звуки леса и птиц, и реки
Я душою, всем сердцем внимаю,
А запеть, так запеть я хочу!
Но чего-то во мне не хватает.
То ли спела я все,
То ль ослабла струна,
То ли голос с годами утратив,

Потеряла себя, ничего не найдя,
Жизнь, наверно, впустую потратив,
Но теперь все ушло, ничего не вернуть,
Так зачем себя мучить впустую,
Запою-ка с ветром, с рекой и тайгой,
Запою я еще, запою я!

ОМ МЕНОМ

В родную деревню
Еду я в гости.
Ом меном!
Ом меном!
Тоскую по детям,
По внукам скучаю.
Ом меном!
Ом меном!
Везу им подарки,
Гостинцы везу им.
Ом меном!
Ом меном!
Эй, где вы там,
Скорее откройте ворота!
Ом меном!
Ом меном!
Едет к вам бабушка,
Мама к вам едет!
Ом меном!
Ом меном!
Все разом встречают
И чаю поставят.
Ом меном!
Ом меном!
Скорее входите, замерзли,
Устали в таку непогоду!
Ом меном!
Ом меном!
Чай пью, сижу в тепле у огня,
Думаю, вот и приехала я!
Ом меном!
Ом меном!

РЕМИЗОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Ремизов Сергей Александрович родился 22 апреля 1986 года в п. Междуреченский Кондинского района.

Общее образование получил в Междуреченской СОШ, которую окончил в 2003 году. В 2009 году получил диплом по специальности «Филология» в Югорском государственном университете. Живет в г. Ханты-Мансийске, аспирант ЮГУ.

***

Когда живешь ты с ними – не заметишь,
Как медленно меняются они.
А вот уедешь и вернешься, встретишь:
С морщинками родители твои.
И вздрогнешь, и подумаешь о том, что
Стареют все на свете, и они
Уйдут когда-нибудь, и ты осиротеешь,
Хоть сиротою и не будешь ты.
И бросишься в объятья к ним: «Родные!
Ах, если б знали вы, о как я вас люблю!
О, если б знали как вы дороги мне!»
О, как я отпускать вас не хочу...
И не забудешь ни отца, ни маму,
Ни бабушек, ни дедушек своих,
Кто жив, а кто уже покинул драму –
Ведь не было тебя без них.

***

Движенье. Вечерний маршрут.
Дома, фонари, светофоры бегут,
Мелькают плакаты, десятки машин,
И ветер проносит над городом дым.
Деревья без листьев, и ветки в снегу,
Лишь ель бережет зеленой иглу.
Природа оделась в зимы белый цвет,
И рано включают искусственный свет.
Дорога стремится за горизонт,
Навстречу ветрам... Нет, опять поворот.
Движенье ничем не остановить,
Да скоро уже мне время сходить.

***

Я рано подумал о том,
Что после себя я оставлю.
Еще ничего не создав,
Еще ни о чем не мечтая.
Пытался я в душах следить,
Но чем хорошо это дело?
Меня захотели забыть –
Пожалуйста, коль надоело.
Зазнался как все ЯЯЯ,
Увлекся собой. Да мне ли
Вот так увлекаться собой,
Когда дни в работе горели?
Я сам не хочу ничего,
Я сам ничему не научен.
И что я оставлю? Кому?
Кому от меня в жизни лучше?
Вопросами так и сломал
Остатки несчастного мозга.
Ответа никто мне не дал.
Ответ найти невозможно.
Я все еще думал о том,
Что после себя я оставлю:
Наивный бессмысленный хлам,
Которым себя обесславлю.

***

Идеал и истина всегда расхожи.
Меж ними человеку место где?
От одного к другому и к обоим можем
Стремиться мы, скитаясь по земле.
Опасен идеал, в который веришь слепо,
И истина порою боль может причинять.
Они способны с одинаковым успехом
На подвиг и на грех людей толкать.
Бывает истина, которой не познать.
Бывает идеал недостижимый.
И вот мы мифы создаем опять.
И вот опять напрасно гнем мы спины.
А кто-то истины принять не пожелал
И жаждет непременно совершенства.
Но лишь бы он другим не навязал
Чужого идеалы сердца.
Внутри ведь тоже истина своя
У каждого – вы слышали, наверно.
От одного к другому – так всегда.
Так где же человеку место?

***

Уносят все, что на душе,
И исчезают люди.
А мы в повисшей тишине
Не полной дышим грудью.
Как будто в горле ком застрял,
Двух слов связать не можем.
И кто и что бы ни сказал –
Без надобности, впрочем.
И вместо слов теперь слеза
Расскажет: в этом мире
Не встретится тебе такой,
Уж нет его отныне.
Уходят люди, на душе
След колкий оставляя.
А мы лишь в полной темноте
Все имена их повторяем.

***

Новый день – каприз природы:
Льется дождь – на снег вода!
Где взяла такую моду
Осень плакать, уходя?
Скользко нынче на двоих,
Все сегодня для меня!
Буду, буду ждать их,
Упустить мне их нельзя!
Хей, леса Ханты-Мансийска,
Городская красота!
Я влюбился, вновь влюбился,
Но влюбился на века...

***

Не губите талант – он дозреет!
На корню не рубите его!
Вашей критикой в жизни успеет
Насладиться он вдоволь еще.
Встанет, твердую почву ногами
Пусть почувствует – в помощь ему
Дайте слово напутствия сами,
Чтобы он не терял красоту.
Он однажды воздвигнет храм –
До небесных высот будут своды!
Только вы не губите талант –
Дайте гению каплю свободы.

РУКОВА НИНА ГЕОРГИЕВНА

Рукова Нина Георгиевна родилась 31 июля 1947 года в п. Сосьва Березовского района. Ее отец – Ануфриев Георгий Александрович родом из д. Манья, мама – Ануфриева Парасковья Гавриловна родилась в д. Кошня Тоборинского района Свердловской области.

Детство и школьные годы Нины Георгиевны Руковой прошли на берегу живописной реки Северная Сосьва, долгое время семья Ануфриевых проживала в п. Няксимволь. Закончила Тобольское дошкольное педучилище. Детям дошкольного возраста посвятила 31 год.

СТИХИ, СТИХИ…

Я – человек простой,
Мне вычурное чуждо,
Пишу о том, что было,
будет, есть.
Как хорошо, что слово
людям нужно,
Его они стараются прочесть.
Давайте будем просто,
откровенно
Писать стихи,
Вновь говорить о том,
что наболело,
Но о сокровенном немного помолчим,
а выскажем потом.
Сегодня не нужны
Тирады, словоблудье.
Стихи просты,
Открыты, как и мы.
И дай нам Бог
Сказать все это людям,
Не следует им засорять умы.

(2001)

ЛЕГЕНДА-ПТИЦА

Раньше ворон белым был.
Крылья сильные носил.
Гордо в небо он взмывал
И простор обозревал.

Но легенда-птица вдруг
Ворона спросила:
«Ты ответь мне, вещий друг,
Есть ли в крыльях сила?»

Ворон сразу дерзким стал:
«Спор наш начиная,
Полетим вперегонки,
Крыл не опуская».

Взвились дружно в облака,
Гром не замечали.
Над просторами тайги
Плавно пролетали.

Ворон молча вдаль летит,
Воздух рассекает.
А Легенда-птица мчит,
Песни распевает.

Вещий ворон заспешил –
Почернел от злости.
Свои крылья опустил
И пощады просит.

А Легенда-птица так,
Крыл не опуская,
Нам ту песню принесла…
Умница какая!!!

(2001)

СПАСИБО ТЕБЕ, САЛЫ!

В мансийской сказке старой
О Салы есть рассказ.
И с северным Уралом
Мы познакомим вас.
У озера Тур-Ватка
Охотник проживал.
Захаром его звали,
В лесу все тропки знал.
Он был трудолюбивым:
Следы зверей читал,
Медвежьи знал берлоги,
Лисицу добывал.
Любил Захар оленей,
Он их не убивал. Жалел,
За оленями часами наблюдал.
Проверить как-то сети
Захарка поспешил.
Идти болотом топким
До озера решил.
Кругом краса такая!
Морошка, клюква есть,
Но комары летают,

Жужжат,
Их и не счесть.
Захарка отмахнулся от комаров,
Скорей проверить сети нужно:
Добыть бы карасей.
Приметил наш Захарка,
Что выдран с корнем мох.
Да, здесь олень, однако,
Пройти лишь только мог.
Хотел проверить сети,
Весло уж в руки взял.
И замер: недалеко
Олень пред ним стоял.
Красивый, гордый Салы,
С пятнышком на лбу.
Запал Захарке в душу,
Все видится ему.
Вот лето миновало,
И осень уж прошла.
Суровая и вьюжная
Приблизилась зима.
Захарке трудно стало,
В лесу удачи нет.
Иль зверь ушел далеко,
Иль силы прежней нет.
Из леса на болото
Охотник поспешил.
Буран поднялся сильный,
Идти не хватит сил.
Но на краю болота
(Удачный видно день)
Увидел наш Захарка
Вдруг стадо оленей.
А среди них знакомый,
Что с пятнышком олень.
Не тронул их Захарка.
Пропал, однако, день.
Хотел идти домой он –
Спешит к нему олень.
Большой…
Охотник струсил
И спрятался за пень.
Вдруг голос человечий
Захарка услыхал:
«Будь завтра здесь же,
Слышишь?»
Олень наш ускакал.
Всю ночь Захарка думал,
Пораньше утром встал.

И снова – на болото,
Его олень там ждал.
«Служить тебе я буду!» –
Захарке он сказал.
«Садись, тебя свезу я,
Где не был ты.
Там зверь повсюду ходит,
И птицы там кружат.
Полны озера рыбой –
Вам будет что поесть».
Олень помог Захару –
Семье полегче жить.
И все привыкли к Салы,
Но как благодарить?
Семьею всей сидели,
Чтоб выточить рога.
Ветвистыми и крепкими
Отбить легко врага.
Вот с той поры оленю
И волки не страшны.
С такими, как Захарка,
Олени лишь дружны.

(2000)

КРАЙ НАШ СЕВЕРНЫЙ

В нашем северном краю, где леса и реки,
Хорошо жилось зверью рядом с человеком.

В старину давным-давно птицы здесь летали,
А лосей и оленей воочию видали.

В речке чистая вода рыбу привлекала.
И сушеной, и соленой рыбы всем хватало.

Очень ловко оленей в нарты запрягали.
На оленях груз, людей всюду доставляли.

Также много оленей под Урал гоняли.
Из оленьих шкур одежду, обувь одевали.

Рукодельницы одежду чудно украшали:
Мехом, бисером, сукном нарядно расшивали.

На охоту и рыбалку шел мужчина смело.
Дома женщины и дети не сидят без дела.

Но, а если повезет, и убьют медведя,
Даже с самого далека люд на праздник едет.

Семь и восемь вечеров праздник отмечают.
Веселятся и поют: смелость прославляют.

Вот такой народ у нас: храбрый и отважный.
Мы хотим, чтоб наши дети знали день вчерашний!

(2000)

ЖИВУ, ДЫШУ…

Живу, дышу, творю, как все.
И думаю о разном.
Значенье придаю красе,
В разброде с безобразным.

Хотелось, чтоб на всей земле
Не слышно было взрывов.
Рожали б женщины детей
Здоровых и красивых.

Ведь все зависит лишь от нас,
Природа нам подвластна.
Коль сбережем ее сейчас –
Увидят дети завтра.

(2000)

ОСЕНЬ В ЛЕСУ

Я сегодня в лесу побывала.
Ах, какая в лесу тишина!
Мне березка ветвями махала,
И сосна рядом с нею стройна.
Осень в лес незаметно шагнула,
Золотя лист березы родной.
Ах, как я в том лесу отдохнула
Всей своей изболевшей душой!
Мне приятно красой любоваться
Неоглядной и чистой такой.
Надо на зиму сил мне набраться
И об осени вспомнить с тоской.
Счастлив тот, кто, природой любуясь,
Обретает покой неземной,
Потому-то и осень люблю я
С ее вечной, земной новизной!

(1995)

***

Вот говорят, что годы человека старят –
Для нас ты не стареешь никогда!
Улыбкою веселою играя,
Приветлива со всеми ты всегда.
А, помнишь, после школы ты училась?
В Ханты-Мансийске годы провела.
Учительницу в Няксимволь «примчали»
Олени быстрые…
И дальше жизнь пошла.
Ведь тридцать лет,
Наверно, срок немалый.
Для многих «мамою» была
И четверых дочурок воспитала, а внукам, правнукам
Уж нет числа.
За труд свой ты награды получала.
На пенсию заслуженно ушла.
Так оставайся же такою, МАМА!!!
Мы благодарны, что нам жизнь дала.

(1995)

САДОМИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Садомин Николай Михайлович родился 25 декабря 1934 года в д. Ракть я (Рахтынья) Березовского района. В 1949 году закончил семилетнее обучение в Сосьвинской школе, получил направление на подготовительное отделение в Ленинградский педиститут им. А.И. Герцена, в годы учебы занимался литературным творчеством и переводами. В 1956 году закончил обучение на факультете народов Севера в Ленинграде, работал учителем русского языка и литературы, преподавал в п. Сосьва и д. Ломбовож. В 1993 году написал поэму-повесть «Пася, рума» (Здравствуй, друг), которая увидела свет после его смерти.

ПАСЯ, РУМА!

НЭПАК ӧВЫЛ ЛЯ̄ХХАЛЭ

Ты «Русь лāтӈыӈ ӧйка «э̄рыг-ля̄ххал, яныг ӧпам урыл ам мāнь тāгыл Нāталь-э̄ӈкумныл[11] сāв сёс хӯлыгласлум. Тав ос Сотам рӯтныл э̄лаль рӯтмыс. Хохаӈ пāвылт тав самнпатыс. Ётыл хум вāрме юи-пāлт, ам Сотам ā̄тям хольт, Рāкт я̄ пāвылт яныг колтāглыл ӧлыс. Ос туп сяр ӧвлэт тэ̄н ты нот налыман тāлыт ляпат русь Тāгт культбаза пāвылн вāнтласыг. Тав ӧйкатэ Тāгт-Сакв мирн Войканпуӈыг лāввес. Лāвēгыт, 1939 тал порат, тэ̄лы, тав Красный чум ёт Мēсыг пāвылн минамēт, эрттам, пӯӈыӈ-сёлыӈ хумитн порславес. Ос мотаныт лāвēгыт, такви тав нӧх-саватахтас. Ос ам ты нэ̄пакт-хум сяр вēськат сирыл тав урēт ос яныг ӧпам урыл ты номсэ̄гум хансуӈкве.

Оман Нāталь-э̄ӈкум ӧйкатэ̄ныл нилахойплов няврам ӧньсигласыг кос, ос туп нёлолов āги-пыг нӧхянмалтāлсыг. Яныг хӧнт порат хӯрум яныг пыгаге порславесыг. Ань ам ты мāсьтыр ос осьхуль вāрнэ -э̄ӈкум ос такви нявраманэ̄н, апыгрисянэ̄н вāтихал акваг номылматыглāлаве. Тав сака сāв э̄рыг, мӧйт, пēс йис потыр вāс. Акваг та урыл потыртāлыс, хумыс пēс порат мāнси мāхум намыл пинтхатыгласыт.

Йис порат сāвсыр пāвлыӈ мāхум Мӧсь ос Пор нэ̄г-хумыг ловиньтахтасыг. Пор – ты Мēӈкв рӯт мāхум. Тāн туп хум хӧтпа пурлахтын мā ӧсьсыт. Мӧсь мир ос миснэ̄ныл, Калтась э̄кваныл, тэ̄лсыт; тāн хум хӧтпаныл ос нэ̄ хӧтпаныл китсыр пӯрлахтын мā ӧсьсыт.

Пēс ос мось мӧлалнув мӯс мāнсит халаныл намталахтын наманыл сирыл русь сирыл хасвēсыт. Сāвпал мире ӧлнэ мāтэ, рӯтэ ос вāрнэ утэ сирыл намталавес. Ос хумыс тāнки халаныл лāвхатсыт, тасир сāвыӈпал мāнси намыт ялпыӈ колт пӯп ӧйкан русь лāтыӈ сирылнув хансыглавēсыт. Тӧва мāнси намыт та сирыл хансым ӧлэ̄гыт, манхурипа лāтӈыл тэ̄лсыт, тайимāгыс ат торгамтахтэ̄гыт. Туп тӧва мӧрсыӈ нам тāра рӧви осн-паттуӈкве: Таратов (тāра тови), Анямов (аня, нётнэ), Анемгуров (аня хурипа), Кугин (кука, хӯл), Вортупенков (вӧрт пēнтвес), Садомин (сотам, сотамты, суй вāри)...

Тӧва намыт ос ворил рӧвēгыт торгамтаӈкве, сяр мӧт сир русь лāтӈыл лāвимат: Гындыбин (манос Хандыба – ты нам пēс пора ялпыӈ кол нэ̄пакт Кāтыӈ сирыл хансым ӧлы), Кислобаев (хисьра тӯп пāя), Алгадьев (алхаты) – ты сир В.Чернецов такви нэ̄пакēт «Источники этнографии по Западной Сибири» хансы. Манос Ромбандеев нам выглув: рāмпги, молях ё̄ми.

Акв ты сирыл тӧва хӧтпа ос акв пāвлыӈ мир акв намталан намыл пинтлувēсыт: Тимкасуй мā хум Нāркувсиг, Посалтыт мир – Пасталапы̄г, Сӯма пāвыл – Сӯма ятриг намталавēсыт... Акв Алы-Няхлыӈ пāвлыӈ ӧйка – Пасталапыт, урыл ты сирыл потыртас: Акв тэ̄п я̄рм тэ̄лы порат Посалтыт пāвлыӈ хум Сакв я̄ хӯлыӈ пāвылн мины, хӯл ёхыл киснэ̄ мāгыс. Ся̄й айнэ̄тэ юи-пāлт колыӈ кӯсяйныл хӯл-тэ̄п вӧви. Та хумитэ̄ хӯл савак нупыл кāтыл хӯлтым лāви: «Нюсумкве, наӈки тув ялэн. Мāныр э̄ри, вуен».

Тувыл таитэ-тэ̄л аман такем-та оссам ӧлыс, аман такем-та нёмса, яныг сыр хӯл ёхлыт ос хорыт ат новманэ, хультуптаманэ. Туп матахкем пасталап нурйив косумн пинум. Та юи-пāлт тав ос Посалтыт пāвлыӈ мāхум пасталапыг намталаӈкве патвēсыт.

[11] Наталья э̄ӈкум ты – Оманова Наталья, Филипп āги, тав ӧлум тāланэ 1897-1972 гг.

ŌВЫЛ ПОТЫР
РĀКТ Я̄ ПĀВЫЛТ НĀТАЛЬ ӘӈКУМ «РУСЬ ЛĀТӈЫӈ ŌЙКА», ЯНЫГ ŌПАМ УРЫЛ ӘРЫГ ӘРГИ

Ā́тям войкан тӯйт хурипа вōыӈ ӯнс вāльсямыл ёргим, вōртыпал саме рӯсь нупыл хонюмтāлым, пōхнув ягāгите нупыл лāви: «Я-та, Нāталь ӘӈКВЕ, наӈ ся̄нин сирыл ōс Сотам рӯтныл тӘлсын, Тāгт Овыр я̄ пāвылныл... Улякси Голошубин руман лāви, тав мāнси ӘргыТ сака хӯнтлуӈкве таӈхиянэ ос тавēн сака пӯмсит, яныг Саввелий ōпав ōвылтыт мось потыртэн ос Әргасьлэн».

Сōль мовалалнэ вильт оспаӈ Нāталь ӘӈКУМ кāсыӈ ēмт ся̄й айнэтэ сыс акваг сӯпēнл осьхулиӈ потыр охсат хōнтыгпāлы, тыгыл паты, āмсит āмысьлы. Ты ā́тям лāтӈыт хӯлмēт, тав номсахты: «Сōль, ӘТИПāлаг патнэ порат Саквсӯнт пāвылт юн туп матум ӘКВАТ ос ōйкат, няврамыт хультыгпāлсыт. Мāн таяныт вāгыл апрамтахтыглāлсув, сāсколыг халт суйыӈысь тӯйтыглахтым ēнгысув. Яныг ōпав турēн ёхтаве, яныг сāсколныл кон-квāлапи, сякариӈ лямйив сувōвлӘт ӯсым, мāн нуплув рōӈхыс: Лāсял-сар, хансаӈ хомлыт! Ел-лаквум мāньсупан хот-āӈхвиянум... Ул, та порат тав хот-ёрувластэ, мāнь мулум наке, сāвсыр потыльма вāрме мāгыс Сотам намыл пинвес». Нāталь ӘӈКУМ ювле-лāви: «Тав-кас, мāнь Миколка апыгкем мāгыс ты ӘРЫГ-ляххал Әргуӈкве ōвылматыглāлылум. Ёмсякв ам номилум, хомос тав мулы пāлн ӯнтсāлы ос такви ӘРЫГ Әргасьлāлы, ты торыг сāӈквылтапыл ёнгыс».

Нāталь ӘӈКУМН ам ляпан вōвавем, лāглаге пōхн сыплув ӯлтта сынумтавем ос нё̄тнэ ӘРЫГ-ляххал ӘлаЛЬ ōвылтытэ:

РУСЬ ЛĀТӈЫӈ ŌЙКА
(ŌВЫЛ ӘРЫГ-ЛЯ̄ХХАЛЭ)

Ты ōлупса ōлыс, хосат-хосаквēт,
Войкан хōн Микуль ōлум порат,
Яныг ōпан та палыт та ōлыс,
Вōтым пуӈке, аквтуп пēс йӣв āӈквал хольт,
Войкан сāлы тэпын хаслытыма.
Ос аквты сирыл мāнь ōпан ātанэ,
Сōтыр талпа яныг хōвт нюсы хольт,
Хот-сё̄нхатым русыл ёлаль ханасьласыт.
Яныг ōпан Русь лāтӈыӈ ōйкаг лāввес.
Я̄тил посыӈ Нуми Тōрумкве!
Я̄тил сōрни ся̄нь – Калтась ӘКВАКВЕ!
Тōнт мāнсит ос Пēччар саранЫт
Воссыг мāл ат вуянтахтасыт,
Халанылт ё̄втыл – ня̄лыл ат хōнтласыт.
Пēс порат мāн коми – саранытн
Лāввесув вэгулыг – вōр мирыг,
Русь сирыл ōс – вогулыг.
Мāньси – ты мā сым (котиль) мāхум,
Тыг мōртым рēг ляпа мāныл ёхтум мир,
Хоты мāт хōтал аквкēм кит нупыл посты.
Саквсӯнт пāвылт сāс колыт халт,
Хāльнир сувыӈ āсьойкам хольт,
Кирпыӈ нёлпа āгирисиг, номилум,
Омам суп лэгн пӯхтым хāйтсыг.
Яныг ōпарисин карс-морсыг ōлыс.
Сака матвес кос,
Сохт сысуп хумквēг лю̈ляхōлыс.
Сю̄лыӈ сяклиӈ пуӈке
Я̄ӈк тӯйт хопалыкве.
Сяр пēс мāн русь нам ат ōсьсув,
Нас рӯт сирыл

Халувт лāвхатсув,
Ӧлнэ писюв, мāв сир намталавесув
Ам ӧйкам лāввес Войканпуӈкыг,
Наӈ, сасыг, Рāкт я̄ пāвыл мāнь пыгыг.
Аквтох таквсы турман этипāлаг
Русь лāтӈыӈ ӧпарисюв хӯрум пыге
Толгын мāныл юв ӯрсанэ
Сака ӯсим, витыл ёслахтым юв-ёхталасыт.
Ӧвлэт рēгыӈ āрась мувлахи ӯнтсыгласыт.
Кāсыӈ хум кит вӧыӈ сорах вуйлас,
Ся̄лыг олн сāманыл хот-нилигласаныл,
Сысэ, сӧрге, пӧхаге касайыл яктысаныл.
Кēлпын ос солвалн пувтмāлым,
Нялыӈысь, суйыӈысь нямысьлым,
Ня̄рхул лӧмтыт сӯпн мāгталāлсыт.
Исум ся̄й айнэ юй-пāлт ӧпав сāӈквылтап вуйлас,
Такви урēт эрыг – ля̄ххал, ӯлылап эргыс,
Хумыс лю̈ль āмп тэрм āгмыл
Увсияге, каӈкаге холасыг,
Ос āсе-ся̄не аквтох самсайн патсыг,
Хумыс Кантыӈын кēрим сāлыт халн,
Сил-лӧӈханьсяп хольт, тагатāлвес.
Тыпйив сэныг хӯльмыл тэлыгтым кēлпыл
Кӯтюв тэнэ сāнхосныл айтыглавес.
Ух! Ох Хых!– Тувыл тальхыӈ турыл
Ты ӧрумт тав рӧӈхувлāлыс.
Наӈныл ам лю̈ль тэрн-хуль āгм ня̄влэгум!
Ётыл нāй витыл турум хосыт сӧсыглавēсум.
Аквтуп ам, эрыг-мӧйт Эква-ныгрись хольт,
Яӈк товлыӈ лувыл нумыл тотвēсум,
Хотаӈ нявлак войкан пун тулыт халт
Атыр хари тӧрумт нумыл нуйвесум.

Ханисьтан хум Голошубин Алексей Васильевич ты нётнэ māньси эрыг-мӧйт хӯнтламе порат такем осьхульн ёхтаве, лāххал тотнэ нэ ёл-пӧйылтытэ: «Наӈ, Оманова Наталья, такем-та māсьтырыг эргуӈкве хāснэн! Культбаза ӯст ДНС[12] ёнгын кол осял-пари ӯнлы. Тыкос тыт тӧванакт нēлм-сӯптāл кинофильмыт сунсылталавет манос ялпыӈ хӧталыт ӧрумт māньлат русь пыгыт – āгит тыкос тӯлыглахтыглэгыт, нāн ос сосса māхум мӧт вāрмаль урыл тот те тӯлыглахтынувы̆н. Сāвсыр ня̄йт хумит ӧлэгыт, пāвыл халт лю̈ль, полсь лāтыӈ тотыглэгыг, эрттам, йильпи советский власть ӯй йӣквнэ накыт ат тāртавет ... Āти! Нāн ты ялпыӈ хӧталын – ты тыныӈ тӯлыглап. Ты тӯулыглапын русь пēс йис скоморох ялпыӈ хӧтал хурипа, туп тāн лылыӈ мӧйпыр ёт тӯлыглахтасыт. Рума эква, лāсял-лāсял тӯлыглап кāс клуб сцена палт тотуӈкве эри, тот эри сунсылтаӈкве».

Ётыл сāв мāт ālыман Нāталь эӈкум миркол яныг собраният сāв потыртāлыс, клуб сцена тармыл Сӯма, Потрасуй ос Рāкт я̄ хумум элы-пāлт эргуӈкве, йӣквуӈкве лю̈люмтāлыс, māньлат нэ-хум хӧтпат тыг вӧвинтāлыс.

Ты торыг коны-пāлныл Качан Аннэ увсим Урпуӈк Нāталь пукни ся̄нум ёт юв-сялтапēг. Улпыл, тэн āтям эсе ёт омам палт māньколт ӧлсыг ос тайимāгыс тыг сялтэг, хоты хасьтāл хум мāн палтувн ёхтыс. Сам кēрыӈ русь ӧйка, вāти войкан харпа āтанэ акв кāтыл нӧӈхаль вотгалым, сар номтэ ӧлаль ӧньсим лāви:

«Ёмас, сака ёмас! Наталья, ты пӯмась эрыг-ля̄ххалын ӧлаль эргēлын, ӯй йӣквыт сунсуӈкве вос ālымасум».

Нāталь эӈкум кēр кӯр аланыл вētра яныт аргин ся̄йпут выг, Аннэ увсим ся̄й аюӈкве ӯнттытэ ос такви ӧлаль мӧйт-эрыг мӧйтуӈкве патытэ:

[12] ДНС – Луи ма мир кол «Дом народов Севера».

Ос матрыг омам ос акиянум та мовиньтэгыт:
Мат урыл сāлытн киттыг ат манумтавēсын?
Тальхыӈ āньтыл вāӈкырматуӈкве ат вēрмувēсын.
Ты ōрумт тав сам витанэ нэглын мус та мовиньты
Та порат, улпыл, наӈ нāр пукит яныт ōлсын!
Вāйим, ам рот кēрим сāлыт халт
Нāрквāлгыӈ кāминьт тōвыль āпат ӯнлысум.
Ос мосēрт сāлы лōӈханьсяпыт суйыл;
Пōрхамн нэгим сӯльгын силыт суйыл,
Акв ты торыг мосēрт ёл-ойылматыглавēсум.
Аквэрт Хāль ӯсныл Русь вāтахум ёхтыс.
Тыналан сāвсыр выгр пормас, атыӈ тэнут тотыс.
Сёлыӈ Кантыӈ ōйка сāлы колэт
Ōньсяс сāв яӈк-сэмыл хōпт, хōптыркат.
Вāтахум повырматам āнас сāлы мāгыс
Тāксар ӯй-хул тыт пувуӈкве вēрмыс.
Русь ōйка мāньси лāтӈыл ат хāсыс,
Лāтӈанэ āнас Āс мāнситн толмасьлавес.
Войкан туспа хумн ам ат самылттанувем, эрыӈ,
Ос мӯйлын пормасыл пēнтсалахтын торыг
Осьмарыӈ Кантыӈ аким руматэ нупыл
Тōрев йӣквнэ накыт ат ке сунсылтаӈкве патыс.
Я-та-сар, савалап апыгрись!
Йильпи пōлям сāлы мāйт тӯлыгпен колын». –
«Наӈки сӯмьяхан ялэн, яныг акикве», –
Сāртын ты сир ханисьтавēсум лāвуӈкве. –
«Тэхам, ат минэгын? – Тальхыӈ турсуйыл рōӈхи.
Ты кӯмт кāтэт ось ся сёхри сāлаялы.
Турум тāра касайыл тӯсьтыгпаве,
Кēлп халн тэлыглым ёл-рагатэгум.
Ам мувлахим тав люлюмтас йӣквуӈкве:
«Яныг хōтпа лāтыӈн хӯнтлэкен,
Ювле ул сониртэн, ювле ул лāвен.
Акваг ялаль пувкыс: «Ух! Ох! Тьфу-фу!
Посыӈ Нуми Тōрумкве!
Сōрни Тāка-нāй сиськве!
Ам туп люль кēлпе тāратаслум.
Нётэкен, лылыēпыл таве маēлын!
Ятил посыхкем, нōх-сāйгкамлэн!»
Ты кӯмт русь порыгми тав палтэ,
Касае тав хот-няртумтаве.
Ты халт молях ам кон-квāлапēгум,
Кēлпыӈ пōрхам тӯйтыл хот-сэгумтылум.
Юв сялтапēгум пōлям мāйтыӈтāгыл.
Ам нуплум вāтахум сунсыс яныг самыл. –
Усь ты-тэл тав тулыглап нак торгамтастэ .
«Кāтын тыг маēлын, Кантыӈ ōйкакве!
Ānумн мӯйлуптэлын, савалап кӯняракве.
Русь сир ловиньтанкве хансювлы,
Сāв сōтыра мӯс ловиньтаӈкве паты».
Кантыӈ мāнь āгитэ тотмум юи-пāлт
Усь та сяр ётыл тāра паттыслум:
Ам лылым сорумныл хот-няртумтамтэ,
Хуль Ōтырныл исум хот алмаямтэ.
Эрыг-мōйт āстум юи-пāлт пуссын тыт ӯнлум нэт-хумыт ...

Оман Нāталь ӈукум нупыл сюлтым сунсэгыт, аквтуп Кантыӈ ōйка нӓйт тӯлыглапн акв мāн кāртупъяптувēсыт. Ам ōс маткем лāгл – кāт нёвумтаттāл лю̄лēгум. Туп āтям самвитанэ кон-нэ̄глым лӓгалы: «Хомыл колера, ӓтил -эӈк, наӈ сяр миркол пуӈк ōйка номт ōсьнэн. Наӈ, насати, пуссын номнэн, хумыс пēс порат Савеля ōпав такви урēт потыртāлыс ос эрыг эргыс. Мулы пāл охсаныл Наталья эӈкум хансаӈ ӓӈк сахитэ выгтэ, – нōх-масхатым лāви: «Кос мансāвит потыртэн, пāвыл хал лӓххал хунь холы. Āнумн минуӈкве эри. Иӈ сякв няртнэ пыгум, эрыӈ, лю̄ньсил сāкапас». Голошуба русь ōйка, аквтуп акв мāт ӯнлуӈкве ат вēрми, акваг тыгле-тувле колкан хосыт ёмыгты. Ос ōрумт иснас сōплат нэпаклōмт самылтты, эӈкум нупыл лāви: «Наӈ Филипп ōйкан тыг вос ёхтыс, усь вос минасын. Хӯнтлэн, Наталья, нāн палтын нэпакыл хаснэ хōтпа хотъют ōлы ман āти, хотьют, эрыӈ ёхталас. Тыт ам акв мат хансым нэпак лōмт хōнтсум: «1940 тāл порат тōрум посыӈ хōталыт сяр хот-сōймēгыт, хōталыт тах сяр лап-турманлэгыт. Нот турманыг ос асирмаг ēмты. Хōтыла ос эта хāйтнутыт ос āмпыт орвинтаӈкве патэгыт. Янытлэн Христос! Аминь!» – «Сōль, нэн ӓлы-палынт кит Лōпмус эквaг ōлсыг, Акватэ – пēс ялпыӈкол вāрмальн агтнэ Харатина нампа русь эква, мотанэ – Лопмусныл почта тотыглан Осьтерп (Остерова) нёлпал Эква. Улпыл, та русь эквaн намыл тыг пинумтавес. Наӈ май хотымат порат лāвыгласын, йильпи кульбаза пāвылт това русит ос мāнси хōтпат урыл лю̄ль полсь нэпак хансыгласыт. Ос Тильп ōйкакем мāныр? Мēн ул кит лӗӈхыл ат минымēн? Лӓльт хōӈхатыглымēн. Тав такви пāвлэн ёхты, хотталь хунь сюраты?»

Оман Нāталь хотыл вāстэ, колтāгыл юртэ акв-кит хōтал юи-пāлт тах āтимыг ēмты. Тувыл ты лāтӈанэ мāгыс ōлме палыт та сӓргыс, аманрыг тох лāвыс: «Хотталь хунь сюраты». Русь ōйка туп ювле ты сирыл лāвыс:

«Сōль, ōлыс тамле нак. Мōлты таквсы кулыбаза пāвыл лю̄лиӈ нильтаӈ ӓ вāтат мāнь суныл ёлаль тахсым кит юртыӈ русь пыгрисиг вōвта ӓӈкын рāгпысыг. Тэн āсягēн-сӓнягēн аман полсь вāрсыг, аман мōт пāвлыӈ русит. Эрттам, мāньси нӓйт нэ-хумн нӓврамыг пēнгувēсыг, тэн лылы сованэн Тāгт Виткульн хот-вуйвесы̄г».

Пуӈк пиным, осъёмасӯлум вāрим, Нāталь ӈукум ос Качан увсим аквъёт кон-квāлэг. Туп ос акв нэтэ кон-квāлнэтэ ōрумт лāви: «Āтям ос русь ōйка ёт этипāлаг ӯй йӣквнэ колн вос ёхталы».

КИТЫТ ПОТЫР
ВОЙКАНПУӇК ӮНЛУПТАВЕ

Йӣв, лылыӈ йӣв, лӯпта-пум! – ты мāн мā-вит ёрув ос лылыēпув. Мā лӯптат-пумыт, йӣвыт тэп пōрт, ӯй-хулыт лылыēпныл мыгыт, акв ты сирыл мōтпал ӯлтта эльмхōлас ос ӯй-хулыт тāнаныльныл тэп пōрт, лылыēп хōнтыглэгыг, выгыт. Нярйив посыӈ тōрумт сōтыра-сōтыра тāл ōлы, туп ос эльмхōлас ты котиль тōрумт акв ноткēм ōлуӈкве вēрми. Тав хотталь сялтапи, тав хуриянэ ӓлаль ōлэгыт. Сорумн-патнэ хōтпа мāгыс савыӈкант йӣвкол ӯнттаве. Ты ōрумт савн-патум рӯт хум хōтпан нӓр йӣв ат рōви сāгруӈкве, тайимāгыс сопам манос толах мōт хумн ӯнттаве, вāраве.

Āтямēнт Потрасуй пāвыл лāпкан ялмумēн сыс, насати, Рāкт ӓ тāра «Выгыр ёрнкол» ювле минам ос Кульбаза ӯс нупыл нōх-саватахтам Тильп Оман ювле тотыма. Пāвлыӈ мир сāвсир потыртэгыт. Качан Аннэ увсим лāви, эрттам, Тильп Сакв ӓ Мēсыг пāвылт нӓйтыг ōлнэ ос пӯӈыӈ махмытн нōх-тагатыма. Ос туп сāлыӈ ёрнколыӈ хум Аням Пирек мōт сирыл лāви, эрттам, Войканпуӈк такви нōх-саватахтам хансаӈ луве пōхат. Улпыл, лылытэ Мēсыг «Товлыӈ-ōйкан» вуйвес.

Йильпи пāвылн āтям тāра сёпитахтуӈкве патыс, Тильп колэт ӯнлуптан мāн. Тэлы сӯмьяхныл тав солвалыӈ ос пōлям хӯлыт выг, пӯт пайтнэ мāгыс ӯй нярм ос нӓр нёвыль мāгыс сāлы пēсь хӯрыг кӣвырн пины. Тот акв ты Тильп ялы-пāлт тэнут ӯнттыгпāлуӈкве эри.

Юв сялтмумēнт мулы колнор ляпат иснас пōхат выгыр тōрыӈ толах. Кол кит хуйнэ пēрина сирыл ос хоса улас тармыл мāхум ӯнлэгыт. Āтямн ам кāтпалумт пуввēсум, эӈкум ляпан вāнттувēсум ос тав ётэ, Тильп ёт аниглахтуӈкве лāвавем. Оман Тильп вильтэ хорамыӈ āрсын тōр лōмтытыл лап-пиныма, ос ты тōр тармыл самаге, сӯпе кумыска сакыл пōстымаг ос сōлтымаг. Нāталь ӈукум толах пуӈкпал похат унлы ос вильтэ тōрыл лап-пинме, аквтуп хотьют нупыл касты, тав самвитанэ нэмхотьют нупыл сунсылтаӈкве ат таӈхсанэ.

Ёмаспал колнорыт пōхыт яныг хоса пасан вāтат ōйкат тэпьялэгыт ос халанылт сāвсыр потыр потыртэгыт. Āтям сэмыл харпа вильтуп, нёвлиӈ-тэпыӈ Мēсыг ōйка пōхн ӯнты. Тав сэмыл ātанэ русь хольт вāтийыг хӯратаманэ, атыр харпа нуй пальта охсал масхатам. Кāстāл, рутались āтям русь толах нупыл аӈкватāлы, такви урēт номсы: «Аманрыг Тильп такви хāпēн ат пинвес, ат тāлттувес? Ос Тāгт котиль

ӧйкан[13] тах кӑтпос тӑл, хӑпе ат ханьсяве, тав ат торгамтытэ тах, Хуль Ӧтыр[14] хотьют – тах лӧӈхаль Хоманёл[15] ӯсн тотытэ. Ӗрыӈ Войканпуӈк тувле, лӧӈхаль хӑпыӈ-лӯтыӈ тӑгыл ат тӑрташе, ювле котиль посыӈтӧрмыӈ мӑн кӗташе манос каректӑл сэръёрыг посыӈ-тӧрумт ӧлме мӑгыс товлыӈуй сысн талттаве ос Нуми Тӧрум палт ӗтпос тапӑлн кӗташе, манос мӑ тармыл лю̈ль карек тӭланэ мӑгыс Ёлы Тӧрмыӈ мӑн кӗташе.

КУКА УЛЯКСИ МӐК ПОТРЕ ОМАН ТИЛЬП УРЫЛ

Мӗсыг Кука Улякси (Кугин Алексей Иванович) та порат Яныг хӧнт ӗлы-пӑлт сосса мир халт Остяко-Вогульский округ депутатыг ӧлыс. Тав акв ты нампа пӧх ягпыге ос мӑн Рӑкт я̈ пӑвлувт ӧлыс. Ӑтямн китыглаве: «Мӗсыг пӑвыл нюсумкве, наӈ наӈки пӑвлыныл тыг ёхтысын?»

Та хумитэ сӭмыл сосыг хурипа самагӗт кӯньгим ювле-лӑви: «Ты накт Остяко-Вогульск ӯсныл амки пӑвлумн ялсум. Тот Голошубин Улякси румамн Оман Тильп такви ӯсӭн ювле тотуӈкве лӑввӗсум. Сотам нюсумкве, мӑн ӧлнэ нотув вӑти. Ат вӑглув, я̈ вӧль патта сӑйт манарн ӯравӗв, ат нӑӈки. Ам та сир номсӭгум, Сӯй пӑвыл Мӑксюм мӑхум нупыл сӑв мори я̈нас лӑтыӈ лӑвыс, эрттам, пуӈыӈсёлыӈ мӑхмытн нӧх-саватавес. Войканпуӈк вӑг-ёр хумыг ӧлыс, тав ётэ кит-хӯрум хум ӗранл ат ёхты. Лӑвӗгыт, Хоса хартум ӯлтта тав таккётэ саранхӑп хартуӈкве вӗрмыс. Сӧль, осьмарыӈ-пёнгын нӓйт хумн самыл виӈкве вӗрмувес, пупгытн лылыёпе хот-вуйвес. Сяр ӑлпыл Тильп Мӑксюмн кӑсалавес. Та яныт вӑгыл тав хот та рохты, ӗтипалаг мӑхум ос Тильп ӗмыгтам лёӈхыт лап-ялыгламанэ, нӭматыр ат рӧвыс торгамтаӈкве, аквтуп нӭви сӑлы ӑнас тыт минам. Та коны-пал ӑлпыл, холы ӗлы-пӑлт, тӯйт сӗри патум.

Нӑталь ӭӈкум нӧх-лю̈ли, вина ся̈рка ӧйкатэ пуӈк нуми-пӑлт хӯрум сёс хӧтал ӗхнэ сирыл тотыглытэ ос Тӧрумн пӧйким лӑви: «Я̈тил юрткве, Нуми Тӧрум Ӑсьн ляпан вос винувен. Ӧтыранум ёт наӈ мӑгсылын аялӭгум».

Ӑви ляпат выгыр тусуп русь ӧйка кӑсалы ос тав палтэ мины, лӑви: «Пелевин Пётра румакве, Комар ӧйкакве, тытты вина ся̈рка, ам ӧйкатем мӑгыс аялӭлын. Холыт мӯс ёл-сӗпитан мӑн ул ӑсты?» Тайитэ такви урёт номсы: «Ос мӑньсит йӣв ӯнлуптан порат аманрыг маньнэ пӯри вӑрнэ хольт ӯнлахӧлӭгыт? Тав вина ся̈рка-сӯпе кӣвырн хомумтаптым лӑви: «Наӈ, колпӧх ӭквакве, мори ул номсэн! Ос русь хольт ке ёлсӗпитаӈкве лӑвыслын, та сирыл ёмсяквёг Христос сирыл вӑрилув».

Ты ӧрумт ӭӈкум Сӯма пӑвылт ӧлнэ Сӗйыӈ Вӑсиль сасге тӭн нуплӭн лӑви, тӑра тӑн тув пӑртыт вос хартӭгыт, мӑ колэ тах ос сопаме пӑртыӈ ӑвлахыл вӑрилув. Выгыг тусуп русь ӧйка хансаӈ ӑмпсовыл ю̈нтым кӗнтэ пуӈкӗн нӧх-пиным кональ ӑви пӯнсы, ты кӯмт ӭӈкумн ювле рӧӈхувлаве: «Пётра рума, лӑсял-сар, ул минэн. Тытты вуёлын тӭнутыӈ сӑн, вӧӈха хилнэ мӑхман палт тотӭлын. Тот тӑн вос тӭпьялӭгыт».

Ты торыг коны-пӑлныл Сӯй пӑвыл Мӑксюм мольсяӈыӈ хасьтал ӧйка ёт ляльт нӭглапёг, ювсялтапёг. Хасьтӑл ӧйка сӭмыл, мось сю̈лытым ӑтанэ, тунра ӗрн хольт ёӈтаг-вӑтийыг хӯратымат. Карс, ӓӈӑквал лю̈лит, хоса Мӑксюм ювсялтумёт нуми ӑви сӧплан вильтъятӭтыл лёӈтхаты. Талква пасан вӑтат ӯнлын Вӧлиӈнэ ӭкватэ сониртым ломги: «Тавён акваг ат ӑртми! Матыр вӑруӈкве паты, тованакт кӑтэ манос лӑглӭ ӭлмиӈ утыл сылтытэ, хоты накт таквинӑтэ пӯт хурипаг вӑритэ». Тав ӑви пӧхыт ӯнлын хоса уласн пӑля сахитэ пинытэ, Тимкасуй хасьтӑл ӧйка мольсяӈе тавёныл хот-хартытэ, лӑпка тӭп хӯрыгсове ӭкватӭн мыгтэ ос мовалӑлым мӑхум нупыл лӑви: «Мирлӑпкан сялтӭгум, Тимкасуй кума ӧйкам лю̈ли. Пася, Нӓркувсь! – Ам тав нуплӭ лӑвёгум. Ос тав туп нӭматыр ат хӯлы, лӑпка нормат пӧхыт хотьютэ ёмсякве сунсыглы. Тав ювле-лӑви, ӭква мӑнькась. Сӧль ты сир ӧлыс, Кантыӈ Йӣквар кумакве?»

Ты ӧрумт Хандыба вильт осэ сяр тӯя саӈквлыпил хурипаг ёмтапас. Сӭмыл нуй сахи пальтатэ тӧхныл хорамыӈ тӧр мӑньмил нӧх-лӭваты, акв ты сирыл китпал сёпагёныл – кит вина сулья. Пуссын ты утанэ колыӈ кусяй нӭн мыганэ. Ос туп карс-морс таквсы вӧтым пум оспа пуӈкӑтуп Мӑксюм акваг таве ӭлаль калсялтытэ: «Сӧль, Йӣквар кумакве, мирлӑпкат хотьют таяныт вӑгыл сунсыгласын? Ӗрыӈ, яӈк пуӈк тӧрыӈ русь лӑпкаӈ ӑгикве?!»

Тимкасуй вӧраян хум хот-кантмайим ювле лӑви: «Пӑлсайт Мӑксюм, мён, Пунанмён лӭгпын нӓркувсиг, хотьютн ӭрмыгласмён? Иськве, ты сир лӑвуӈкве ман ӭсырма ӑтим? Йильпи писаль ам сунсыгласум». Ты ӧрумт культбаза пӑвылт лув колт рӯпитан Мӑксюм сӭныг пулпыӈ сулья пӑлыг пӯнсытэ ос Йӣквар кума-

[13] Тӑгт котиль ӧйка – ты Тӑгт котиль пупыг, ос Ӑяс Тӧрум тав ягпыге, тав сялыголн хӧртхан хури ӧньси, ты Нуми Тӧрум тав пыгаге.

[14] Хоманёл – ты Ёлы Тӧрумт ӧлнэ ӯс.

[15] Хуль Ӧтыр – ты Куль ӧйка – хуль-тӭрн вӑрнэ пупыг.

тэ пӧйксим вина сӑркал пинытэ: «Тэхам, аньмӯнт наӈ ты сирыл вос лӑвсын. Ос ам-тай номсысум, наӈ лӑпкаӈ нэ тӯлмантаӈкве ӗмталаслын ос маньнэ тӧрыл ӗвтуӈкве кусыглахтасын, наӈки мӑгсылын – юйи пис алпихар войкан мӑньсуп. Сӧль ты сир-а?»

Накн патнэ хӧтпат хӯрум ӧт-хӧтал йӣв ӯнлуптасаныл, савн патум утаныл ӧвылтыт потыртасыт, сӑвсыр осьхуль потырохсат лӑгантасыт ос ӑмсь ӑмсисыт, ул вос тыт ӯнлын мир кӑстӑлыг ӧлсыт. Туп ты торыг тӧва нэ-хум такви кол соритэ мӑгыс ос нӑвраманэ уральтан мӑгыс юв-яланталыс. Ӯй йӣквнэ пора хольт, тыт ӧлнэ мир акв та сирыл номсэгыт, эрттам, пупа хольт, савн патум ӛлмхӧласн тыт потыртан потраныл пуссын хӯлавет, лӯль номтаныл пуссын вӑвет. Тайимӑгыс нӑйт хӧтпа хотталь-сялтум ӛлмхӧлас ӗт потыртаӈкве вӗрми, тӑрвит манос кӯпнит номтэ тамле нэ-хум нупыл пинытэ ос тамле хӧтпан толахе ханлаве. Йӣв ӯнлуптан ӧрумт хоса сӯп-нӗлумтӑл ӯнлуӈкве ат рӧви. Пӗс йис лӑгталпи ӑтям номылматы: «Йӣв ӯнлуптан ӧрумт хоса потыртӑл ке мӑхум ӧлэгыт, хоты пӑвылт ӧс хотьют лылыепе ойматы». Тав йильпи ӑмсь лӑгалы: «Ам ёлы-пӑлумт ӗмыгтэгыт, вильтъӑтыл нуми-пӑлумт ӗмыгтэгыт, лӑглыл вотгалавем. Ты мӑныр?»

Кантыӈ Йӣквар ӧйка лӑви, ӧлме палыт тав тамле ӑмсь ат хӯлыглас, улпыл, Сотам такви осьмар потырохсатэ. Юи-ӧвылт лӑгалы: «Ты сирыл туп аниглахтуӈкве хӑсы Сӯй пӑвыл Мӑксюм. Ты нуми ос ёлы ӑви сӧплаг. Ань ам ӑмсюм ханьселын, Мӑксюм кумакве: «Йӣв таляхт салги-вольги».

Ты ӑмсь тӑра Мӗсыг Уляксин лӑгалаве: «Лӑм». Тувыл Мӑксюм нупыл мовалӑлым аӈкватӑлы: «Ты ос наӈ урынт ӑмсь».

Ӛкват пӧхт ӯнлын Сӯма пӑвыл Атин Вӑсиль тав нуплэ лӑви: «Я-ха-хей! Наӈ май, Мӑксюм, лӑвӗгын, русит ӗт сӑв лӗх яласасын, тӑнанылныл сӑв потыр хӯлыглӑлсын, тӑн лӑхталпияныл ос ӑмсяныл вӑгын, туп наӈки урынт сяр тумай ат ӧньсӗгын. Сунсэн, вильтъӑтынт мӑныракве лӧтги ос вольги?». Ты ӧрумт Мӑксюм нӧх-лӯлюмты, кос хоталь кол норыт пӧхн аӈкватӑлы, вильт суснэ кӗр тӧрыл лап-пантым ӧлнэтэ, ювле лӑви: «Я-та-кай! Ӗлка-пӑлка! Ам вильтъӑтум пӯт хурип сэмлыг ӯныгтахтас? Та яныт вӑгыл ӑви сӧплан та хӧясум».

Мувлахи тыт ӯнлын мир лӑсялнув хот-мовалӑлэгыт. Сорумн патнэ хӧтпа ӯнлуптан ӧрумт вильт суснэ кӗр нупыл ат рӧви сунсуӈкве, эрттам, такви хуритэ нупыл ке аӈкваты, тав исэ самсайн патнэ утн ӗт виӈкве вӗрмаве. Воссыг мӑныр вӑрӗгын, вӑгтӑл номт ӧсьнэ ӛлмхӧлас палытэт хӧт сёс мовиньт пӑсытн ос сӑт осхуль пӑсытн патталаве, ёмас мовиньт сэрьёр осьхульныл тав ӛлаль ӧлуӈкве ханьсювлы, пилумхурахлаттӑл паты. Лувколт рӯпитан хум ӧс хотьютн ӛлаль мӧт ӑмсил илямтаве: «Сӯй пӑвыл хум, торгӗн номсахтэн, ам ӑмсюм-а:

Товлыӈуй ос вӧрйив аквсир лӑвавӗг.
Нумыл мины – сыплуве хоса, товлаге – кӑт тал сӯмьях.
Нуми-пӑлэ – ӯнтпыӈ-тӑлыӈ товыт,
Ёлы-пӑлэ – нӯпся-сякариӈ тӑрыт».

Тыг вӑг-констӑл хоса Мӑксюм такос номсахты, номсахты, ат вӑгтэ, мӑныр лӑвуӈкве. Выгыр пӑйтуп Сӯма пӑвыл Остеров Пӑял ӧйка нӑр пуӈке кӑтыл вотгалым тав нуплэ лӑви: «Я-хей! Кумакве, наӈ май сӑв мӑт, экспедицият ӧлсын, сӧрни, сялыголн кӗр, нӗр войкан кумыска ӑхвтас кинсуӈкве тотыглавёсын. Тӑнанылныл сӑвсыр мутран ханьсювласын ос туп наӈкинан ат та вӑнэн». Тэн потрӗн халн Мӑксюм нэтэ сялтапи: «Наӈ, Сӯма Пӑял, таве, хоса сыплув тӑрыг хум, сака ул торсялтэлын. Маткем тав урккӗтыл капырты, тасе тав Хӑль ӯсн ат ялыс!»

Ос акв ты сирыл мувлахи нэ-хумит хот-мовалэгыт. Хисьра, вӑӈкариӈ нёлпа Сӯма ӧйка лӑви: «Сунсен-сар, насати, ӛкван ты ӑмсь ёмсякве вӑнэтэ. Кӗлыгт ӧлнэ мӧртым тӑрыг товлыӈуй ос тӑлыӈ тарыг вӧрйив акв лӑтӈыл лӑвавӗг».

Тав пӧхёт ӯнлын Йӣквар ӧйка акв хумитэ сӑвсыр намыл пинтлын мӑгыс сягтыс, сӑртын таве манхурипа ӛссырман патталастэ, тав нуплэ лӑви: «Ань, Мӑксюм кумакве, манах нам ӧньсӗгын, пинвёсын, вӑглын? Акв сяр мӑк намын – Сӯй пӑвыл, китыт – Тӑрыг, хӯрмит намын тах – Пӑквпал, русь сирыл Паланзеев. Ам наӈыныл мосьсянув нам ӧньсёгум: Нӑркувсь, Кантыӈ, русь сирыл Гындыбин… сӧль, туп тыт ӯнлынэмён сыс, ӛрыӈ, ос матырсыр намыл пӧставемён»…

СӮЙ ПӐВЫЛ МӐКСЮМ ТИЛЬП УРЫЛ ПОТРЕ

Вӑйим, Пӑлсӑйт Мӑксюм (тох Тӑгт пӑвлыӈ мирн намталавес) пуссын такви наманэ лӑвуӈкве вёрмысанэ. Туп ос тав супнёлмтӑл ӯнлыс, манрыг ӑнас таквинӑтэ мӑхум халт мовиньт осн паттуӈкве. Ӛӈкум тав ляпатэн ёхты ос лӑви, Мӑксюм йилпийыг вос потырты Тильп юй-ӧвып ӧлум хӧталанэ урыл.

Ты сир Мāксюм потыртас, хумыс такви Рāкт я̄ пāвлэ̄т кит витыг халт хуяс, эрттам, ӯлмыӈысь хуямē̄т пуныӈ-сорыӈ самсай утн кон-хартаве, Мēсыг пāвылт ня̄йтын пēнгувес, ос яныг потыр о̄лум колт толмасиг о̄лыс. Тот мāхум халанылт сака ворасьлахтасыт.

«Лувананмēн витыл айтуманамēн юи-пāлт мēн акв по̄хн хуясамēн. Ā̆лпыл но̄х-сāйкалэ̄гум, тав юн хиле-пыл ā̆тим. Номсэ̄гум, улпыл, луванэ айтуӈкве минас. Туйтыт ляпан ёхтэ̄гум: Со̄рни сиськве! Тильп юртквем сунэ по̄хт, то̄сам сяхыл сакватам йӣв по̄хт, пусас а̄ӈквал хольт, сохтыл лю̄ли ос тав пуӈке нумипāлт сун хасыл квāлыг ханасьлас. Маныр яныг саватпи, саватпи! Улпыл, я̄тил хумкве сёлыӈ-пуӈыӈ мāхмытн но̄х та саватавес? Ань мāныр вāруӈкве? Хотьют нупыл лāвуӈкве? Мо̄лхо̄тал Улякси Голошубин собрание юи-пāлт Ло̄пмус пāвыл школа тэ̄лат мāгыс сāртын минас. Ам тыгле-тувле такос хāйтыгтасум, мось аньмунтнув патум тӯйт ёлы-пāлт лāгл ёрыт ат торгамтахтасыт. Тувыл ам Кугин Улякси, Юван пыг палт хāйтэ̄гум ос Выгыр ёрнкол киномеханик во̄вēгум ... Воссыг мāныр вāрёв, Оман Тильп сыплув квāлге хот та яктапаве ос сунэ хосыт пинаве», – ты о̄румт Мāксюм тур суе то̄ргуӈкве паты, астāл патапи, самвитанэ кон-нэ̄глысыт.

Ты торыг Нāталь э̄ӈкум толах по̄хн онтастахтым лю̄ньсюӈкве паты. Ос акв ты сирыл мо̄т э̄кват, акватуп акван-лāвхатым толах по̄хн ёл-ӯнтэ̄гыт, э̄ргим аквтох лю̄ньсюӈкве патэ̄гыт. Ос ся̄не ляпан Ульянэ, яныг ā̆гитэ, ёхтыгпи, самвитанэ нэ̄глым, лāви: «Омакве, ома! Ул лю̄ньсен, то̄влы. Ат э̄ри» ...

Йӣв ӯнлуптан колт мāхум номтаныл ул вос саваласыт, тайимāгыс тан о̄лнэ-хӯлнэ о̄вылтыт потыртасыт, ā̆мсь ос мо̄йт мо̄йтсыт. Ā̆тямн Йӣквар ляпан ӯнтумēт, тавēн вāӈнēт акв кā̆тыл рāтасьлым, китыглытэ: «Лāвēгыт, наӈ Лю̄лиӈ во̄р нупыл лэ̄ӈын алысьласын. Ты пора тот лэ̄ӈын о̄лыс ман ā̆ти? Ос мо̄йпыр нāлув вāгылттāлмын». –

«Наӈки, сасыг, вāглын, нёхс ялнэ мāн лэ̄ӈын сака хунь ханы, урняхтам нёхсныл тав по̄хн ойи, – ты сир Йӣквар о̄йка ювле-лāви. – Туп ос хӯнтлэ̄кен, хумыс мāколыӈ о̄йка ам но̄х-сāйкатаслум. Аквнакт э̄типалаг во̄райим со̄юм вāта ёлы-пāлыл ёмēгум. Сунсэ̄гум, нильтаӈ вāтат яныг тарыг ēри лю̄ли, ёлы наке тӯйтыл солитыма, вāйим, тыт то̄рев о̄йка торвинты ос лылты. Лāсял сар, холытан тах Сāӈкитур Юванка апыгрисюм ёт во̄вилум. Тав сяр пилум-хурахлаттāл хумрись, аквнакт сāлыӈ суныл минымата урняхтам хāйтнут о̄втаӈ сувыл алыстэ. Тув ёхтумамēнт тав нуплэ лāвēгум: «Юванка, мāнь таргыт по̄хн лю̄лен ос мо̄йпыр кон-нэ̄глапи, ā̆ватэ, нупыл писалин по̄стэ̄лын».

Тыт о̄лнэ мāхум халт хоты мат э̄ква лāвнэ̄тэ суйты: «Ись-ись! Тысир ман рō̆ви лāвуӈкве? Наӈ потрын вāтийыг потыртэ̄лын, тāра-хум ля̄галэн, хумус пилтāл Юванка кāсēн пиныс».

Кантыӈ Йӣквар туп ты сир ля̄галы: «Ā̆мсит рō̆вēгыт лāвуӈкве. Ам ос кит йӣв сыр вōӈха кӣвырн мāгēгум ос хӯурмит йӣв сāйт ёлаль нарыгтымам номылматсум: «Я-та, а̄псикве, наӈ кā̆тлагын мось ляки-тыягум». Ты мори номтумт мā колыӈ о̄йкан хотталь та тэ̄лумтавēсум, ат вāглум, хумыс йӣв сыр о̄влын мил тӯйт кӣвырн лайвēсум. Ам тāра пā̆тамтан мāгыс со̄рыг тармыл хоми ёӈхыгпасум. Сунсэ̄гум, пупа вōӈхатэ̄ныл котле мӯс кон-нэ̄глапам, ам писаль пукла хасумтылум. Ты юи-пāлт тав кит-хӯрум сёс хоса ӯсылыл порыгми, талква тарыгрисит сāйн пā̆тырматы, Юванка лю̄люм мā нупыл ... Мāныр яныг сав! Маныр яныг пēта! Апыгрисюм ос хоталь тахас? Тӯйтныл хот-пармахтым но̄х-квāлапēгум, писалюм тāра мо̄т патроныл пинумтылум, минам ӯюм юи-пāлт паттапахтэ̄гум ... Сунсэ̄гум, Юванка ёса лёх хосыт матырмат кēлп.

– Тыт мāхум астāл патапēгыт, лылыēпаныл сымыӈ какрын я̄рмалтым хӯнтлэ̄гыт. Мēсыг Уляксин э̄лаль Йӣквар китапаве: «Я-та-сар, Юванкан хоталь тахас?»

Мось ёмсум, сунсэ̄гум, йӣв лӯпи по̄хн во̄ртолнут а̄ватэ̄тыл тӯйт кӣвырн мāӈквлатам. Насати, сяр сāртын Юванрись маськыӈ о̄влэ̄т тав нуплэ ёӈхыгпам ос сохт лёх хосыт Тимка пāвыл нупыл паттапахтам. Юв ёхтэ̄гум, э̄сюм китыглылум: «Тимле-тамле ут, ягныл-а̄ӈквныл тэ̄лум ут хоталь минас?» – лāви: «Юв ёхтыс, пувлын колн ловтхатуӈткве ялыс, матурыл ос супаге-кāсе поссаге. Ётыл ā̆гит палт ёнгын колн хāйтыс». – Ам туп полх салямāлсум: «Ись, посхатуӈкве – ты ман хум хо̄тпа тэ̄ла?! Хе-хе-хе! Мāнь уткве, та сир ке, мāньсупе тāглэ пиныстэ».

Сӯма пāвылт сысе-порхе сāглым Адин Вāсиль Йӣквар о̄йка нупыл лāви: «Кума о̄йка, наӈ ул урккēгын? Хумыс витыӈ кāсил асирмат юв мӯс ёхтуӈкве? Тав ӯйрисе хот-паттуӈкве вēрмувес». Ты о̄румт пуссын мāхум о̄с мовиньт суяныл суйтыглы.

Сӯй пāвыл Мāксюм ос мо̄тсыр пӯмась потыр о̄вылты: «Йӣквар кумакве ос мо̄т о̄йкаквет, хунтлэ̄нсар! Ам ос тамле нак вāсум. Та порат русь экспедица ёт Нёр Во̄ль я̄ нупыл яласасум. Та хумит хӯнт хӯрыг сованылн Нёр ā̆хвтасыт атасьласыт. Ос туп тӯяг сака тӯйтэ толуӈкве патыс, я̄рисит тāра витыл ā̆марматвēсыт. Хāптāл хумыс? Во̄рйив норныл пор вāрсув, порыл лō̆ӈхаль я̄ хосыт нāтылтасув, нарнэ йӣвыл туп сюртуӈкве, ӯрхалахтуӈкве вос ā̆лымасув.

Ӣлаль сунсэв: вӧрыӈ кэсяй, тӧрев, витт матаре няслы. Мӑн карс русь кӯсяюв мӑн нуплув астӑлнув лӑви, хунь тах тав ляпатэн ёхтэв, акв торыг ты сирыл вос рӧӈхувлэв: «Я-ха-хей! Аква, китыг ӑлмёв! Ух-ох!»

Насати, вӧртолнут такем яныт нӈп пӑг нӧх-хартынэтэ, такви ӈ вӑта урам ляпан мось ат ёхты, иӈ нӈп хотталь нӧх-харттыстэ. Тувыл тав ляпатэн ёхтумувт кӯсяюв лӑвум хольт рӧӈхувлэв. Ос вӧраян хумув ӈ урам тӑпалт хотталь сӧймыгпи, аквтуп мӑ вӧӈха кӣвырн сялтапи».

Экват халт ӯнлын Вӧлиӈнэтэ тыстым лӈгалы: «Тэхам, хоса хӧмся, ул ӭсыгхатэн! Пупаквёв, алам, нӈйт хурипа, тав ӭлыл хӯлы. Ос наӈ, эрттам, кӯстырыг ляпан ёхтысын ос тав ётэ та пасялахтасын».

Мӑксюм таяныт вӑгыл илямтахтым потыртас, вильтъӈт алпихар витанэ кон-нэглэгыт. Кати хурипа хансаӈ самаге ал кон-рагатэг, пёрна ӑл пины, аквтуп Тӧрумн пӧйыкси: «Ӈтил посыӈ Торумкве! Сяр мӑк, тытты пёрнапос!»

«Мӑн хурахлым пӑг пӯхтэв, писалянув кӑт хӯхнит пувиянув. Тапал ӈ мёсыг ӑврах ёлы-пӑл нупыл сунсэв: «Сӧрни сиськве! Кит витт хуйнэ ӣвыг халн пупа витн мӑӈквлатам, нӈпе тав нуми-пӑлэн патум. Туп тайи мӑн ат вӑглув, тав аман витыл айтхатас, аман рохтуме мӯс сымётыл рагатас. Ос кӑсыӈ лылыӈ ут ӑхвтас сым хунь ӧньси?»

Сӧтыӈ алысьлапыӈ ӑтям туп мӑхум лӑвнэ сирыл лӈгалы: «Вӧрыӈ-ӧйта мӑт сӑвсыр мутраӈ хасьтал накыт ӧлэгыт. Сӧль, ӈтыл хумкве ӧлмын, лёмуй-палм ӧрумт туйи тамле нак ӧлыглы. Та сирыл ёмтапалы, тованакт ӭлмхӧлас тав ётэ акван-хӧнтхатнэ порат, илттыг рохтым таяныт рӧхсуй тӑрты: тӧрев сюӈкве лайхаты. Мось ӭлаль тав юи-палэт ке минэгын, таве акв хуритэт хунь хӧнтуӈкве вёрмилын, наӈ потыртамын хольт». Кирпась кӯр ляпа пасант Нӑталь ӭӈкум мӑнь нӈвраманэ мӑгыс ӈнас ӑнын кӑминьт лувтӑл хӯл лӧмтыт сёпиты, Ульянэ ӑгитэ нупыл лӑви, ӑпсиянэ ӈнас пасан вӑтан вос ӯнттыянэ ос хӯлыл вос тыттыянэ. Ты юи-пӑлт Вӧлиӈнэ ляпан ёхты ос таве китыглытэ: «Окулинэ, хӧтал хосат ёл-ӯнтыс, мӑ хари тапӑлн та патыс. Ӭрыӈ, мось наӈ ӈтилкем ёт потыртэгын, мось ханлэлын? Ос туп тыйи мӑгыс, ӭрыӈ, сӑграп ман сёхри касай ӭри?» – «Нӑталякве, хумыс таӈхёгын, та сир ам вӑрёгум. Ос, туп хотты ӧйкан толах ала лап вос пантаве, хосыт сыре нӈрквӑлгыл вос нэгаве».

ВӦЛИӇНЭ ОМАН ТИЛЬП ЁТ ПОТЫРТЫ

Пёнгын Вӧлиӈнэ самсайн патум Тильп ёт потыртаӈкве сёпитахты: сӧс косамты, толах мувлахи хӯрум сёс тотыглытэ, сӑграп толах пуӈк ӧвыл нупыл колканн ёл-пинытэ, тувыл толах сыр ӧвылн пӯхты, нӧх-ӑлмуӈкве ӑрталытэ, кайнэ ӭргыл лӈганты (аквтуп Тильп тав нуплэ лӑви):

Ам алысьлапыӈ ягныл кос тэлсум,
Мӑсьтыр сӈнин кос янмалтавёсум.
Ань та патсум Тӧрум тапӑпн,
Нуми-торумн вивем ман ӑти ляпан.
Амки нуплум кӑтум пинмум мӑгыс,
Ӭрыӈ кётавем Ёлы-Тӧрум мӑн.

Ты лӑтӈанэ лӑвманэ юи-пӑлт яныг ёр-вӑгысь толах ӧвлэ ӑлмуӈкве кусыглытэ кос, нӧх-лапаяӈкве ат вёрмитэ, улпыл, Тильп исэ тав ётэ потыртаӈкве патыс. Мӑн мӧтпал кол ӈртпи пӑлт ӯнлын нӈврамыт нэпак хурит сунсыгласув, астӑл патапёв, тав нуплэ ӑӈкватэв ос осьхульн ёхтавёв: «Аман таве нӧх-сӑйкатытэ, нӧх-тӯсьтытэ». Пёнгын ӭква сыр ӧвыл кӑт туляӧвланэт таӈрим, толах ӧвыл нӧхнув ӯрмыгтым, ӭлаль потырты:

Ӑнумн Рӑкт ӈ Нӑй ӭква, ӯлмаёгум,
Йирыг хансаӈ лувум вӧвитэ.
Ос туп ам тавён ат хӯнтласум,
Тайимӑгыс сака кантлас «Пӑвлыӈ ӧйкатэ»,
Ам ос Тӧрум котильт ӧлуӈкве таӈхсум.
Савалапыг нӑнан та хультуптасанум.
Сака сӑлиг ӧлсын ӈтил юрткве!

Ты ӧрумт тӧва нэ-хум суйыӈысь тыстувьялэгыт. Ос пэнгын эква няӈра вӧтн пувлын пумтар хольт тӧргыс, толах ӧвылн пувум кӑтаге нас туп расгысыг, ты торыг толах ӧвыл кит сёс кӯстырыг нӧх-ӑлмаялытэ ос аквтуп ты юи-пӑлт самсайн патум ӧйка ӑхвтас тӑрвитпӑг ёмтапи, нӧх-ӑлмуӈкве ат вёрмитэ. Вӧлиӈнэ акв ты сирыл ӭлаль кайи:

Самсай утытн ӯлмыӈысь хуйимам
Тӯрумт консыл пувинталвёсум.
Лю̈ль номт нӑн нуплын ат ӧсьсум.
Кол ӧвлан хӑрмис кёлпыл сартэн,
Ӑгм вӑрнэ самсайутыт юв ул вос сялтсыт,
Пустӑгыл ӭлаль нӑн ӧлнэн мӑгыс
Колас тӧварттан ӯй-хул тӯсьтэн,
Та порат тах усь номтумт ротмёгум,
Нуми-Тӧрум Ӑсюмн усь ляпан вивем.
Ам юи-ӧвыл номт лӑтӈанум
Та экван ӭлаль вос тотавет,
Хотьют кӑтн номт тӑрвит нинэгум,
Та хумн лӑтӈанум вос лӑвавет,
Хоты кайнэ хӧтпан хӯлавет лӑтӈанум.

Юи-ӧвыл Вӧлиӈнэ русыӈ тӧр сӑмаге сыс палэ нупыл вуськасым, хумаӈысь сохтыл лю̈люмты ос Нӑталь эӈкум нупыл лӑви: «Ятил колпӧх эквакве, хумус вёрмысум, та сир потыртасум, тайи тӑра та паттыслум. Наӈки вӑглын, эрыӈ, ӧс хотьют тав ётэ потырты?». Тав талква пасанныл нӑйыл косамтым сӧс ӑны выг, Тильп нявраманэ ос рӯтанэ ляпан ёхталы, тӑн пуӈк ӑт таляханыл нӑйыл сярмаптыянэ. Нӑталь эӈкум Вӧлиӈнэ нупыл ювле лӑви: «Ятилкве, ты потыртасын, тӧвлы. Манрыг янас сёс таве сӧмпгалтаӈкве?».

Мӧт колпал ёрт, кол яртпи та пӑлт мӑнь няврамыт Ульянэ увсиянылн тӧвлиӈ хуйнэ мӑл сёпитавет ос ёл-хуюптавет. Ам ӧс тӑн ётаныл ёл-поварттахтэгум. Тав мӑн нуми-пӑлувн пуныӈ сахи лэпи. Хулылум, хотымат порат, Нӑталь эӈкум хольт, ӑтям русь лӑтӈыӈ яныг ӧпам урыл эргуӈкве паты.

РУСЬ ЛӐТӇЫӇ ӦЙКА
(КИТЫТ ЭРЫГ-ЛЯ̄ХХАЛ)

Сӑт манос нёлолов тӑл сыс тыт яныгмасум,
Нила йильпи мӑнь хӑпн нӑлув тӑлуӈкве хӑссум,
Вӧраян хум хольт, ёсан лю̈люмтаӈкве вёрмысум,
Хӑнтыт, саранын ос русит халт ӧлмумт,
Сӑс катпос (букват) сирыл хӑссум ловиньтаӈкве.
Выгыр кирпась ӑхвтас ялпыӈ колт
Хоса туспа пӯп ягн кит тэлы накт
Нэпак хансуӈкве, ловиньтаӈкве ханисьтавёсум.
Аквъэрт Тӧрум нупыл лю̈ль лӑтыӈ лягаламӯмт
Нир сайтыл пӯп ӑсюмн пёсьт хиньсямтӑлвёсум.
Акв ты сир пӧхт ат хультыс Микит пёрнаӈ ӑсюм.
Тав (пӯп ӧйка) яныг пукипа сёвал кӯр ӧньсис.
Тав палтэ Курек ось̈ся нӑйив ӧрасыт тотыс.
Пӯп сун нупыл ӓӈкватӑлыс ос лӑвыс:
Наӈ сяр оссам, Курек Микитка!
Ты карекын мӑгыс рӑй ляпан хунь вивен-а!
Микитка ювле: «Мӑныр сыр тамле рӑй-а?
Хе-хе! Мӑн мӑнки ӧньсёв пӯрлахтын мӑ!
Тав ты пӧри-мори лӑтӈанэ мӑгыс
Нярм халт нирсайтыл хосувлӑлвес.
Ты юи-пӑлт Хӑльпос пупыг намталавес.

Хāль ӯс вāтахум Шахов яныг кӯсяй хōн мāгыс
Сосса мир ǝлы-пāлт лāтыл вōруй-хӯл пōт атыс.
Хоса пāля сахи вāтахум, сака сёлыӈ ōйка!
Сав алысь пормас ōньсяс ос сāвсыр лāпка.
Тованакт āнум ёт тотыгластэ толмасиг,
Мāн мāгсылув ат сāлитас хӯлуп ос толыг,
Та пēнтыс мāныр таӈхыс, тайи мāнавныл вуйлас.
Аквнакт вāс нōх-лапнэ ǝтпос ǝлы-пāлт,
Мāн русь ялпыӈ Илья нампа хōтал ляпат,
Āсн супыг, мохсаӈ алысьлаӈкве минасув.
Мāнь нāйыӈхап пōсумн нэгвēсыт квāйк хāпанув.
Посал сӯнтыт пāхвыӈ хара Āс нэглыс.
Тыг ялтāл хум хурахлым акв ляльт аӈкватасув.
Лӯйи-холы ēрныл усь ты сэмыл тулыт нэглысыт.
Хотыл йим няӈра вōт суй тавант хōталт?
Матыр та вōль паттат курги, полысьты!
Аквтуп Виткуль тāкысь тысты ос саки,
Сяма тэл котаравес тув котиль рēгн.
Мось ат ёхтысув хӯлнэ пāвлувн,
Илттыг хōяс няӈра вōтпыг сяхыл,
Нāйыӈхап акв мāт рāтыс витт тӯпыл,
Аквтуп лов кāтуп Виткасьн пōсме пуввес.
Тав пāйтахтын висарыӈ мāн хартуӈкве патвес.
Хот-манумтавес акв мāнь хāп квāлге,
Висар воӈхат ларгыс тыгле-тувле,
Аквтуп Кӯринька нэ йӣкв йӣквыс.
Нēрыӈ хумпытн сома тӯсьтыглавес,
Мил висар воӈхан ёл-хартвес.
Тортāл мāн хосгувēсув, рāтвесув хумпытн.
Капитан рōӈхыс: «Квāлыг хот-яктапēлӹн!:
Сари хуриӈхапт нэмхотьют ат нёвумтāлыс.
Вōт сив, вит хумп полысь суй тāра суйтыс:
«Савелька, хāп нёл квāлыг хот-сāграпēлын!
Наӈки вāта хосыт ов сысы алгаль минэн!»
Ос амки номсысум: « Тамле мат уткве?
Насати, Витхон нāйыӈхапныл ёрнуве!
Ос ман нас кāт тāртым ӯнлуӈкве?
Āс котильт витн тӯлнэв мӯс-а?»

Мōтпал Тōрумн мāк агтнэ Вōлиӈнэ нāйт ǝква, аквтуп сяр сōль ты пилысьмаӈ пāйтахтын висар кāсаластэ, такем тэл пилысьман ёхтаве, ǝла рōӈхувлы: «Ись, я-та, капай! Хоталь сар нāйыӈхāпрись ялпыӈ мāн минас? Ос тах, акв мōйт сāт ягпыгыт хольт, висарн Витхон колн тӯлавет».

Ты торыг āтям ǝргуӈкве хот-пōйгтыпи, вина сяркатэ ёмаспал кāтэн выгтэ ос мāхум нупыл лāви: «Мāхумаквет, ятил Тильпув мāгыс аялэв. Тāгт Котиль Ōйкан тав товлыӈуй сысн вос тāлттаве ос Нуми Тōрум Āсе палт ǝтпос тапāлн вос кēтаве, посыӈ рēгыӈ ос тэпыӈ мāн».

Нāталь ǝӈкум ōс ты ǝрыг-ляххал вāстэ, тав ос ōлме пāсыл рӯтанэ ос нявраманэ нупыл сāв сёс потыртāлыстэ. Сасге потыртаме сыс тав хот-ротамлас, вильтэ кāсн ёхтувес. Тав Овыр я ǝлы рӯтэ, Йӣквар ōйка, китыглытэ: «Гындыбин сасыгкве, наӈ Сотам Савелий āсь ōйкам урыл улпыл лāтыӈ хӯлыгласын? Тав-май савалапыг мāнь тāгыл яныгмас. Āс ēр нупыл русь вāтахум ос хāнтыт палт ōлыс».

– Я-та-кай! Хумыс ат вāглум. Пēс йис потранув хот ат ǝри ёрувлаӈкве. Ты Тāгт, Āс, Хōнт я ēрт сāв мōйт-ǝрыг мōйтаве ос ǝргаве.

Хӯлылум, āтям Нāталь ǝӈкум нупыл лāви: «Наӈ ам коны-пāлум ōпан урыл сāв потрыт вāгын, ты ǝрыг лōмтэ ǝлаль потыртǝлын.

Сӧль, таве хоса пӧйксяӈкве ат ӛрыс, тав яныг ӧпав Ӑсн ялме урыл потыртаӈкве ӧвылтахты, тӧва накт аквтуп ӛрыг лю̈ньсӣг ӛргасьлытэ:

Ам сар квӑйк хӑп нёлӛн хӑйтсум,
Осыӈ сӑки квӑлыг хот-яктапаслум.
Матум утыт, мӑнит пуссын тӯпн пӯхтысыт.
Хӑп квӑйк пӑгле ов лёх хосыт
Ӑврах вӑтан, вӧт сӑй мӑн тотсанум.
Тӧнт лылыянув нӛглапасыт усьта.
Тӑгт Ӧтрыӈ хум, ӛтыл Савелька!
Ань туп ов сысы сюртуӈкве ӑлымен.
Ӧпанув ӯнтталахтын, пӯрлахтын мӑн
Наӈки тах Виткульн ов ляльт тотавен.
Русит Карсӯнт тапалн пӯхтысыт,
Улпыл тӑнки Кристос Тӧрманыл нупыл пуӈк пинсыт.
Хӧтал Ӑс вит тармыл такем кӯньгыс.
Аквтуп мӑн сёмтӑлувт мовиньтас.
Ӑхвтас пӯтсовыт, ӯрат хоми хуясыт.
Ӑяс Торум ӯлам ӑкань, пупыг иттырмат
Осьхулиӈысь мӑн нуплув суссыт.
Тӑн мӑгсыланыл сӧрни нӑй пӑлтсув,
Ӑрась нуми-пӑлн вит пӯт тагатасув.
– Ӛтил войкан Ӑс Хотаӈкве!
Ӑсыг халт ӧлнэ Тӛк Ӧйкакве!
Пус лӑглыл-кӑтыл нётсын ёхтуӈкве. –
Тӧнт Пётра тысир лӛгалас:
«Наӈ мӑгсылын сӑвсыр тӛнут ӧлы:
Яӈк самуп нялк, русь нӑйыӈ вит, –
Туп нӛматыр лылыӈ ӯйхул ӑтим ёт!
Ёт вос ӧлыс хансаӈ хӑрмисрись!
Хумыс ӑтим? Ам палтум вӧйыӈ сиськурекрись.
Таве ман ат рӧви пӯрлаӈкве?»
Ювле лӛгалас оськуль Курек Микитка:
«Ам аквсёс хунь вӑрыгласум тамле мутра.
Хӑль ӯст акв рума ӛкваныл, номилум,
Сёльси совыт курекыт мӑгыс пёнтсум.
Аквтох мис-лув ӯйхулыӈ колӛныл
Ӛлн алысьлас нялк, сорах – яӈк хӯл.
Хӯл сяр хот-пӧйтыгпас толыг кант.
Ты сир Тӑгт вӧр мёсыг нёлт
Сиськурек, русь товлыӈ ӯйкве, йирыстэ,
Ӑпсиянэ ёт хӑр миссов койпыл пӧйкыстэ.
Ос хотмус тӛл кайсове хӯлвес Тӑгт Ӧтырн –
Толге тӑглӛкв сялтвес хӯл мулин.
Ӑрась вӑтат сӑвсыр тӛп ӑныт:
Атыӈ нӛнит, нялк, ёхлыт, сорах хорыт,
Ӑсвой сӑнхосыт, нӑйыӈвит ӯмписовыт.
– Пус кӑт! Пус лӑгыл! Ӛтыл Ӧтыр ӧлмын.
Хултнэ понален ӯсыӈ хӯл кётэн!
Самсай Витуй лӛгёт хосгыс, сӛрысь куль хольт,
Вит сясыгтас, равтхатас мӑн пӧхувт,
Аквтуп войкан пӧрыӈ сяквитыл айсялахтас,
Ӑйтумтахтас, хӯл мулит кон-путыс.

Хӯлыт сяӷтым вит ост нэглапалсыт.
Аквтуп Витхон хасьтӑл тэп атн патвес.
Ань Ӑс ур тапӑлн лӑсял аквкӗм суйтыс.
Йирхатнэв юи-пӑлт сӑскол ӯнттуӈкве молямласув,
Хултнэ понал сӗпитаӈкве вос ӑлымасув.

ХӮРМИТ ПОТЫР
ЙИЛЬПИ ТӐГТ КУЛЬТБАЗА РУСЬ ПӐВЫЛТ

1941 тӑлт таквсы порат ам Тӑгт Культбаза пӑвыл школа-интерант ханисьтаӈкве патсум. Вӧлиӈнэ Оман Тильп ёт потырты Пӗнгын Вӧлиӈнэ самсайн патум Тильп ёт потыртаӈкве сӗпитахты: сӧс косамты, толах мувлахи хӯрум сёс тотыглытэ, сӑграп толах пуӈк ӧвыл нупыл колканн ёл-пинытэ, тувыл толах сыр ӧвылн пӯхты, нӧх-ӑлмуӈкве ӑрталытэ, кайнэ ӭргыл лӯганты (аквтуп Тильп тав нуплэ лӑви):

Ам алысьлапыӈ ягныл кос тӭлсум,
Мӑсьтыр сӯнин кос янмалтавёсум.
Ань та патсум Тӧрум тапӑпн,
Нуми-торумн вивем ман ӑти ляпан.
Амки нуплум кӑтум пинмум мӑгыс,
Ӭрыӈ кӗтавем Ёлы-Тӧрум мӑн.

Ты лӑтӈанэ лӑвманэ юи-пӑлт яныг ӗр-вӑгысь толах ӧвлэ ӑлмуӈкве кусыглытэ кос, нӧх-лапаяӈкве ат вёрмитэ, улпыл, Тильп исэ тав ётэ потыртаӈкве патыс. Мӑн мӧтпал кол ӯртпи пӑлт ӯнлын нӯврамыт нэпак хурит сунсыгласув, астӑл патапёв, тав нуплэ ӑӈкватэв ос осьхульн ёхтавёв: «Аман таве нӧх-сӑйкатытэ, нӧх-тӯсьтытэ». Пӗнгын ӭква сыр ӧвыл кӑт туляӧвланэт таӈрим, толах ӧвыл нӧхнув ӯрмыгтым, ӭлаль потырты:

Ӑнумн Рӑкт ӯ Нӑй ӭква, ӯлмаёгум,
Йирыг хансаӈ лувум вӧвитэ.
Ос туп ам тавён ат хӯнтласум,
Тайимӑгыс сака кантлас «Пӑвлыӈ ӧйкатэ»,
Ам ос Тӧрум котильт ӧлуӈкве таӈхсум.
Савалапыг нӑнан та хультуптасанум.
Сака сӑлиг ӧлсын ӯтил юрткве!

Ты ӧрумт тӧва нэ-хум суйыӈысь тыстувьялэгыт. Ос пёнгын ӭква няӈра вӧтн пувлын пумтар хольт тӧргыс, толах ӧвылн пувум кӑтаге нас туп расгысыг, ты торыг толах ӧвыл кит сёс кӯстырыг нӧх-ӑлмаялытэ ос аквтуп ты юи-пӑлт самсайн патум ӧйка ӑхвтас тӑрвитпӑг ёмтапи, нӧх-ӑлмуӈкве ат вёрмитэ. Вӧлиӈнэ акв ты сирыл ӭлаль кайи:

Самсай утытн ӯлмыӈысь хуйимам
Тӯрумт консыл пувинталвёсум.
Лӳль номт нӑн нуплын ат ӧсьсум.
Кол ӧвлан хӑрмис кёлпыл сартэн,
Ӑгм вӑрнэ самсайутыт юв ул вос сялтсыт,
Пустӑгыл ӭлаль нӑн ӧлнэн мӑгыс
Колас тӧварттан ӯй-хул тӯсьтэн,
Та порат тах усь номтумт ротмёгум,
Нуми-Тӧрум Ӑсюмн усь ляпан вивем.
Ам юи-ӧвыл номт лӑтӈанум
Та ӭкван ӭлаль вос тотавет,
Хотьют кӑтн номт тӑрвит нинэгум,
Та хумн лӑтӈанум вос лӑвавет,
Хоты кайнэ хӧтпан хӯлавет лӑтӈанум.

Юи-ӧвыл Вӧлиӈнэ русыӈ тӧр сāмаге сыс палэ нупыл вуськасым, хумаӈысь сохтыл лю̄люмты ос Нāталь э̄ӈкум нупыл лāви: «Я̄тил колпӧх э̄квакве, хумус вёрмысум, та сир потыртасум, тайи тāра та паттыслум. Наӈки вāглын, э̄рыӈ, ӧс хотьют тав ётэ потырты?». Тав талква пасанныл нāйыл косамтым сӧс āны выг, Тильп нявраманэ ос рӯтанэ ляпан ёхталы, тāн пуӈк āт таляханыл нāйыл сярмаптыянэ. Нāталь э̄ӈкум Вӧлиӈнэ нупыл ювле лāви: «Я̄тилкве, ты потыртасын, тӧвлы. Манрыг я̄нас сёс таве сӧмпгалтаӈкве?».

Мӧт колпал ёрт, кол я̄ртпи та пāлт мāнь няврамыт Ульянэ увсияныл тӧвлиӈ хуйнэ мāл сёпитавет ос ёл-хуюптавет. Ам ӧс тāн ётаныл ёл-поварттахтэгум. Тав мāн нуми-пāлувн пуныӈ сахи лэпи. Хулылум, хотымат порат, Нāталь э̄ӈкум хольт, āтям русь лāтӈыӈ яныг ӧпам урыл э̄ргуӈкве паты.

РУСЬ ЛĀТӇЫӇ ӦЙКА
(КИТЫТ Э̄РЫГ-ЛЯ̄ХХАЛ)

Сāт манос нёлолов тāл сыс тыт яныгмасум,
Нила йильпи мāнь хāпн нāлув тāлуӈкве хāссум,
Вӧраян хум хольт, ёсан лю̄люмтаӈкве вёрмысум,
Хāнтыт, сараныт ос русит халт ӧлмумт,
Сāс катпос (букват) сирыл хāссум ловиньтаӈкве.
Выгыр кирпась āхвтас ялпыӈ колт
Хоса туспа пӯп ягн кит тэ̄лы накт
Нэ̄пак хансуӈкве, ловиньтаӈкве ханисьтавēсум.
Аквъэ̄рт Тӧрум нупыл лю̄ль лāтыӈ ля̄галамӯмт
Нир сāйтыл пӯп āсюмн пēсьт хиньсямтāлвēсум.
Акв ты сир пӧхт ат хультыс Микит пēрнаӈ āсюм.
Тав (пӯп ӧйка) яныг пукипа сёвал кӯр ӧньсис.
Тав палтэ Курек ось̮ся нāйив ӧрасыт тотыс.
Пӯп сун нупыл āӈкватāлыс ос лāвыс:
Наӈ сяр оссам, Курек Микитка!
Ты карекын мāгыс рāй ляпан хунь вивен-а!
Микитка ювле: «Мāныр сыр тамле рāй-а?
Хе-хе! Мāн мāнки ӧньсēв пӯрлахтын мā!
Тав ты пӧри-мори лāтӈанэ мāгыс
Ня̄рм халт нирсāйтыл хосувлāлвес.
Ты юи-пāлт Хāльпос пупыг намталавес.
Хāль ӯс вāтахум Шахов яныг кӯсяй хӧн мāгыс
Сосса мир э̄лы-пāлт лāтыл вӧруй-хӯл пӧт атыс.
Хоса пāля сахи вāтахум, сака сёлыӈ ӧйка!
Сав алысь пормас ӧньсяс ос сāвсыр лāпка.
Тованакт āнум ёт тотыгластэ толмасиг,
Мāн мāгсылув ат сāлитас хӯлуп ос толыг,
Та пēнтыс мāныр таӈхыс, тайи мāнавныл вуйлас.
Аквнакт вāс нӧх-лапнэ э̄тпос э̄лы-пāлт,
Мāн русь ялпыӈ Илья нампа хӧтал ляпат,
Āсн супыг, мохсаӈ алысьлаӈкве минасув.
Мāнь нāйыӈхап пӧсумн нэ̄гвēсыт квāйк хāпанув.
Посал сӯнтыт пāхвыӈ хара Āс нэ̄глыс.
Тыг ялтāл хум хурахлым акв ляльт аӈкватасув.
Лӯйи-холы ēрныл усь ты сэ̄мыл тулыт нэ̄глысыт.
Хотыл йим няӈра вӧт суй тавант хӧталт?
Матыр та вӧль паттат курги, полысьты!
Аквтуп Виткуль тāкысь тысты ос саки,
Сяма тэ̄л котаравес тув котиль рēгн.
Мось ат ёхтысув хӯлнэ пāвлувн,

Илттыг хōяс няӈра вōтпыг сяхыл,
Нāйыӈхап акв мāт рāтыс витт тӯпыл,
Аквтуп лов кāтуп Виткасьн пōсме пуввес.
Тав пāйтахтын висарыӈ мāн хартуӈкве патвес.
Хот-манумтавес акв мāнь хāп квāлге,
Висар воӈхат ларгыс тыгле-тувле,
Аквтуп Кӯринька нэ̄ йӣкв йӣквыс.
Нёрыӈ хумпытн сома тӯсьтыглавес,
Мил висар воӈхан ёл-хартвес.
Тортāл мāн хосгувёсув, рāтвесув хумпытн.
Капитан рōӈхыс: «Квāлыг хот-яктапёлы̄н!:
Сари хуриӈхапт нэ̄мхотьют ат нёвумтāлыс.
Вōт сив, вит хумп полысь суй тāра суйтыс:
«Савелька, хāп нёл квāлыг хот-сāграпёлын!
Наӈки вāта хосыт ов сысы алгаль минэн!»
Ос амки номсысум: « Тамле мат уткве?
Насати, Витхон нāйыӈхапныл ёрнуве!
Ос ман нас кāт тāртым ӯнлуӈкве?
Āс котильт витн тӯлнэв мӯс-а?»

Мōтпал Тōрумн мāк агтнэ Вōлиӈнэ нӓйт э̄ква, аквтуп сяр сōль ты пилысьмаӈ пāйтахтын висар кāсаластэ, такем тэ̄л пилысьман ёхтаве, э̄ла рōӈхувлы: «Ись, я-та, капай! Хоталь сар нāйыӈхāпрись ялпыӈ мāн минас? Ос тах, акв мōйт сāт ягпыгыт хольт, висарн Витхон колн тӯлавет».

Ты торыг āтям э̄ргуӈкве хот-пōйгтыпи, вина сӓркатэ ёмаспал кāтэ̄н выгтэ ос мāхум нупыл лāви: «Мāхумаквет, ӓтил Тильпув мāгыс аялэ̄в. Тāгт Котиль Ōйкан тав товлыӈуй сысн вос тāлттаве ос Нуми Тōрум Āсе палт э̄тпос тапāлн вос кēтаве, посыӈ рēгыӈ ос тэ̄пыӈ мāн».

Нāталь э̄ӈкум ōс ты э̄рыг-ляххал вāстэ, тав ос ōлме пāсыл рӯтанэ ос нӓвраманэ нупыл сāв сёс потыртāлыстэ. Сасге потыртаме сыс тав хот-ротамлас, вильтэ кāсн ёхтувес. Тав Овыр ӓ̄ э̄лы рӯтэ, Йӣквар ōйка, китыглытэ: «Гындыбин сасыгкве, наӈ Сотам Савелий āсь ōйкам урыл улпыл лāтыӈ хӯлыгласын? Тав-май савалапыг мāнь тāгыл яныгмас. Āс ēр нупыл русь вāтахум ос хāнтыт палт ōлыс».

– Я-та-кай! Хумыс ат вāглум. Пēс йис потранув хот ат э̄ри ёрувлаӈкве. Ты Тāгт, Āс, Хōнт ӓ̄ ēрт сāв мōйт-э̄рыг мōйтаве ос э̄ргаве.

Хӯлылум, āтям Нāталь э̄ӈкум нупыл лāви: «Наӈ ам коны-пāлум ōпан урыл сāв потрыт вāгын, ты э̄рыг лōмтэ э̄лаль потыртэ̄лын.

Сōль, таве хоса пōйксяӈкве ат э̄рыс, тав яныг ōпав Āсн ялме урыл потыртаӈкве ōвылтахты, тōва накт аквтуп э̄рыг лю̈ньсӣг э̄ргасьлытэ:

Ам сар квāйк хāп нёлэ̄н хāйтсум,
Осыӈ сāки квāлыг хот-яктапаслум.
Матум утыт, мāнит пуссын тӯпн пӯхтысыт.
Хāп квāйк пāгле ов лёх хосыт
Āврах вāтан, вōт сāй мāн тотсанум.
Тōнт лылыянув нэ̄глапасыт усьта.
Тāгт Ōтрыӈ хум, ӓтыл Савелька!
Ань туп ов сысы сюртуӈкве ālымен.
Ōпанув ӯнтталахтын, пӯрлахтын мāн
Наӈки тах Виткульн ов ляльт тотавен.
Русит Карсӯнт тапалн пӯхтысыт,
Улпыл тāнки Кристос Тōрманыл нупыл пуӈк пинсыт.
Хōтал Āс вит тармыл такем кӯньгыс.
Аквтуп мāн сёмтāлувт мовиньтас.
Āхвтас пӯтсовыт, ӯрат хоми хуясыт.
Āяс Торум ӯлам āкань, пупыг иттырмат

Осьхулиӈысь мāн нуплув суссыт.
Тāн мāгсыланыл сōрни нāй пāлтсув,
Āрась нуми-пāлн вит пӯт тагатасув.
– Ятил войкан Āс Хотаӈкве!
Āсыг халт ōлнэ Тэк Ōйкакве!
Пус лāглыл-кāтыл нётсын ёхтуӈкве. –
Тōнт Пётра тысир лӯгалас:
«Наӈ мāгсылын сāвсыр тэнут ōлы:
Яӈк самуп нялк, русь нāйыӈ вит, –
Туп нэматыр лылыӈ ӯйхул āтим ёт!
Ёт вос ōлыс хансаӈ хāрмисрись!
Хумыс āтим? Ам палтум вōйыӈ сиськурекрись.
Таве ман ат рōви пӯрлаӈкве?»
Ювле лӯгалас осьхуль Курек Микитка:
«Ам аквсёс хунь вāрыгласум тамле мутра.
Хāль ӯст акв рума ӭкваныл, номилум,
Сёльси совыт курекыт мāгыс пёнтсум.
Аквтох мис-лув ӯйхулыӈ колэныл
Элн алысьлас нялк, сорах – яӈк хӯл.
Хӯл сяр хот-пōйтыгпас толыг кант.
Ты сир Тāгт вōр мёсыг нёлт
Сиськурек, русь товлыӈ ӯйкве, йирыстэ,
Āпсиянэ ёт хāр миссов койпыл пōйкыстэ.
Ос хотмус тэл кайсове хӯлвес Тāгт Ōтырн –
Толге тāглэкв сялтвес хӯл мулин.
Āрась вāтат сāвсыр тэп āныт:
Атыӈ нӯнит, нялк, ёхлыт, сорах хорыт,
Āсвой сāнхосыт, нāйыӈвит ӯмписовыт.
– Пус кāт! Пус лāгыл! Ятыл Ōтыр ōлмын.
Хултнэ понал ӯсыӈ хӯл кётэн!
Самсай Витуй лэгёт хосгыс, сӯрысь куль хольт,
Вит сясыгтас, равтхатас мāн пōхувт,
Аквтуп войкан пōрыӈ сяквитыл айсялахтас,
Āйтумтахтас, хӯл мулит кон-путыс.
Хӯлыт сӯгтым вит ост нэглапалсыт.
Аквтуп Витхон хасьтāл тэп атн патвес.
Ань Āс ур тапāлн лāсял аквкём суйтыс.
Йирхатнэв юи-пāлт сāскол ӯнттуӈкве молямласув,
Хултнэ понал сёпитаӈкве вос āлымасув.

Этипāлаг уроканум сёпитанэм юи-пāлт ам сāв сёс Оман Нāталь эӈкум колн, тав нӯвраманэ палт ёнгуӈкве ёхталасум. Тав колэн юв сялтмумт, тав яныг колтāглэ пуссын тэпьяласыт. Сари хольт пасан вāтат нила хум-хōтпа ат товылхатас: Филипп яганыл тэлытаквс савыӈкант ёл-сёпитасаныл, хӯрум каӈканыл: Митя, Сāнтра ос Костя – хōнтлуӈкве фашист-немцыт ёт вōввёсыт. Нāталь эӈкум тāнаныл номылматнэ ōрумт лӯгалалыс: «Хōла сэмыл гитлер! Такви мāтэ мосься, мōт хум мā хот-виӈкве тахмаяс. Пётакве, ты посыӈ мāквёт сāв люль тэла вāри!» Мōт Сӯма пāвл хӯл алысьлан матум хум Адин Василь хōнтыт сакватым пыге ёл-сёпитаме юи-пāлт хотмус клуб сцёнат Гитлер хури кāсалас. Мāньси йӣкквыл йӣквуӈкве люлис ос тамле эрыг эргыс:

Тайс! Тайс! Сэмыл Гитлер-хōла.
Самсай ут пыг – тэм-аюм хōла!
Мāн āги-пыганув нӯлуӈкве тахмаясын?
Тытты туля халт пāя туляōвыл.
Тайс! Тайс! Пурасэлын, товмасэлын.

Ам сысэ-порге сāглым āпрыӈ хумкве.
Ты пасматам саюм мӯӈи хольткве
Ёр-вāг кāтыл тох-та пасирматылум.

«Я-та, мāнь Рāкт ӣ сасыгакве пасан ляпан йийен. Ӣтил хӯл тэптāл ул мось кāсмувēсын. Ёхыл ёт мāн ётув сӣй айен».

– Тāйтпалӯмт пуввēсум, пасан вāтан хартвēсум ос солвалыӈ хӯл охса пиныс. Картопка ам тōнт ат ӯруптасум тэӈкве ос тāкысь та урыл мовиньты: «Апыгкве, ты сяр пōртыӈ атыӈ тэпкан тэнут! Мāн ёхланув хольт русит ты тэп китыт нӣниг ловиньтыяныл. Ётыл тэнут нуса ōрумт тамле тэпыл лылыяныл ты нэглыс. Нӣнь сакати мāн пāвлувт лāпкат акваг ōлыс, нӣнь талон сирыл майлувес пуссын рӯпитан хōтпатн.

Ам Мēӈкв ӣ нэ омам ос кит āквагум: Оманова Нāталь ос Качанова Анна – нэмхотты порат кол соритāл ат ӯнлысыт: тōванакт сāлы сов ос кот ӯлмиӈ новтупыл новтсыт, кит кāтыл кāминьтаг тынтлысаныл. Аквтох туп ос тэлы маснут (вāй, нӣра ос нӣврам супыт) ӭнтсыт. Тōва накт мулум нӣвраманэ ротмалтан мāгыс ӯтипāлаг осьхуль потыр охсат ӯйхулрисит урыл потыртас ос Тāнвāрпэква урыл пилысьмаӈ мōйтыт мōйтыс.

Иснас коны-пāлт молях таквсы хōтал турманлы. Суйты, хумус кон нāлми вāтат няӈра вōтн сӯлкол хосхасьлаве. Илттыг кур пōх пāрт ӣртпиныл кати нэглапи ос колкан пāртыт консуӈкве паты. Ӭӈкум таве кāсаламēт Уля яныг āгитэ нупыл лāви:

– Сунсэн сар, катиюв хотьют мāгыс лӗх вāри. Хотьют тах мāн палтув мӯйыг ёхты. Āгикве, сāмвар ӯнттэн. Нӣвраманэ хуйнэ мāн ӯнттыянэ, йӣв лēӈкыл сāснёл выг, вильтэн масытэ, сувēтыл рāтасьлым колкан мувлахи тотыглахтуӈкве ōвылтахты: «Хаш-хаш! Кыш-кыш! Я-та, мори кайнэ, апыгрысь хōт ōлэгын? Ёмаспāлт манос вōртыпāлт хуēгын? Хе-хе! Тытты котильт. Хаш-хаш! Кыш-кыш! Ёнгимēн-сар «Нӣпрись ос письпись» ёнгилыл. Ты кӯмт тав юи-пāлэт сэтапн нэгим совлōмт нэглапи. Совлōмт юи-пāлт сэмыл кати квāлапи ...

Ты торыг сохрипт āмпыт сӣгтым хорталтахтасыт. Коныл Мēӈквьянэ омакем юв сялты, сāснёл кāсаламēт, āви сōпла пōхт тув тōсувьи. Нāталь āквум мāн ляпавн ёхты, кāтаге киттыг тотыглым, матахкем сёс лāвсы: «Хаш-хаш! Кыш-кыш! Фу-фу’ Тьфу-тьфу! Хоты пāӈкыӈ-иксям ут тыг нуйхаты? Ты наӈ нӣврамыт ӭти тӯлмантан Кирпнёлпа ӭква? Кантыӈ самсай ут, аквпалн паратахтэн! Тыт пуссын койквет роттыг ӯнлэгыт. – Тав саснёл хот-āӈхвитэ ос хоса кональ лылайи, лāви: «Ам ласкат ос кāс вāрнэ Тāнвāрпаэква!», – Тувыл тав омам нупыл ёӈхыгпи ос упе ёт пасялахты: «Пася, Пēкла! Мāнрыг иттырма хольт, āви пōхт лӱлēгын? Хотāхвсалахтэн, пāгле йийен. Нэматыр тāл пāг ёхтуӈкве ат вēрмысын? Нӣврамыт акв ты сёс пāг-тотыгпияныл». Та порат усь омам сахи тēӈнанэ пēсталаӈкве патыянэ ос ломгим ювле-лāви: «Ись! Сōрни сиськве! Сāснёлыл ёнгуӈкве ман нэ хōтпа тэла-а? Ос нāн сатумт манрыг турман колт ӯнлэгын?»

«Упкве. Ӯрхатэв, хунь нāйыӈтуйткве рупитаӈкве паты. Сунсэн, колала мāтка нор ёлы-пāлт кумыска сёпр пувлы хӯрыгсов ханасьлы. Тав ты-ты пēлайи. Я-та, койквет, молях āквын хāп палт нāлув хāйтталэн! Пуссын тав пормасанэ пāг тотэн. Мāнь сасыгкве, наӈ ос ман ёл-ойвēсын? Оман тыг ёхтум ман ат вāглын?» – юйи-ōвылт тав ам нуплум лāви. Тōнт ам усьта сӣгтым омакем палт лайхатсум.

Омам нāйыӈтуйт урыл хӯлмēт акваг лāмпочкат нупыл нōӈхаль āӈкватāлы ос такви урēт номсы: «Манырсыр тамле нāйыӈтуйт? Ос тыт, Тāгт пāвылт, хотыл ёхтум кēрлёх ōлы?»

Усьты мāн нāлув минуӈкве ēмталасув, илттыг войкан рāктыл сартым кол сяр нōх-хōталавес. Мāн катпатта рāтым ос поргим рōӈхалтахтэв: «Ӭтил нāйкве! Сōрни нāй сиськве!» Āви пōхат войкан сорах хӯл косум кāсаламувт ман нēлм ёлы-пāланув луньсил нэглуӈкве патсыт, такем та сӣгтсув, таяхнув тах лылыӈ атыӈ нӣрхул тэгув. Ос Тагт я ватан налув хайтсув. Оман хап кивырт тасавит тэнут та олыс: косумт-солвалыӈ сорхыт, писъяныт, сāнхос кӣвырт – тōслым лӣм, сосыг пил, пāйп кӣвырт – сāккарыӈ выгр сӯйпил, ӯсма хӯрыг кӣвырн сорах ос хулюмхул хорыт, ӣхул ос кāсэв ёхлыт пинымат. Паг ёхтумувт, сунсэв: пасан тармыл касыӈ вовта ульпа партыт саманыл хот-нилим атыӈ сорхыт хуясыт. Мāн юипāлувт коныл Вōлиӈнэ ос Сёпрāхт Хисьрапāя Сāнтра юв сялтэг. Усьты тыхōтал тав Тāгт ӣ алыпāлныл, такви пāвлэныл, хāпыл тыг ёхтыс, улпыл, лāпкат тэнут ёвтнэ мāгыс. Сāнтра ōйка āтям рӯтыг ōлыс, омам нӱсме кāсаламēт русыӈ-вāтаӈ тōре вильтэн нōх-хасумтаснэ, кастуӈкве патыс. Пасан колныл Нāталь ӭӈкум матахкем пēлуп касай нōх-выг, пасан тармыл пиныянэ ос мӯй нэ-хумиянэ Рāкт ӣ пāвыл лылыӈ нӣрхул тэӈкве лāвиянэ.

«Яныг āгикве, мāнь āпсикен ос йигирисян талква пасан вāтан ӯнттэн, нӣрхулыл вāрēн ос тыттэн. Ам мāнь уткем русь āпатэн пинылум ос мось нёвитылум, ёл-ойылттылум, нāнан мось яныг ōпарисин урыл пēс такви ӭрыг-лӣххалэ потыртылум» ...

РУСЬ ЛĀТҢЫҢ ŌЙКА (ХЎРМИТ ЭРЫГ-ЛЯХХАЛЭ)

Аман хоса эрыг-мōйт тотнэ хум Āс ёрт ōлсум,
Аман вāти пора сыс Хāль ӯст Тāгт Ōтыр пыг яныгмасум.
Акваг амки мāкем мāгыс сымум сяргыс.
Эрыҥ, хосат āнумн ӯлылым маньнэ яныгмас.
Акваг тав мāгсылэ пёрна пинсум ялпыҥ колт.
Тыт хōт ӯнлы Мёншиков канась кол, лāвёгыт.
Тав войкан хōн Пётра вāҥын хумыг ōлыс.
Сосса руситн яныг ōпарисиг ловиньтавес,
Сака ялпыҥтавес кол ӯнлум мā (ёре).
Курек Микитка сака эруптас вина сярка.
Тайимāгыс акваг вāтахум пормас пāрсат āлмтас.
Тот нāйыҥ вит ат сāлитавес тāрвит рӯпата мāгыс.
Ос тот аквнакт такем винал нялхатсумён.
Сунсымён, ювле тӯп-тӯп нāҥки Хāль ӯсмён.
Номт паттāл Тӯпл ӯсн пормас āлмтым тотвесамён.
Ананакве! Тӯйт хурипа войкан āхвтас кол капайыт
Ос Тōрм кол пуҥк хопияныл сōрнил овумласыт.
Кāвырт ос сōрни иттырмат ōлсыт.
Мён такем та осхульн ёхтувёсмён.
Пормас вāтахумныл ёвтмӯв юи-пāлт
Аквнакт сорах талнэ эпост (август)
Нёхсыҥ, лэҥныҥ мāн, Тāгт талях нупыл,
Минуҥкве сёпитахтасув кит хуриҥхāпыл,
Хоса пāля сахи вāтахум лāвыс,
Вōруй сов вос алсув тав мāгсылэ,
Туйи Āсн вос ёхталасув хӯл алысьлаҥкве.
Сакв сӯнт мӯс йисув атахкем хōтал.
Пёнтхатыглым хāйтсув пёсьōвыл квāлгыл,
Тōва рōсьтāл мāт тӯпыл товсув.
Няҥра вōтыҥ хōталт пāрсыл минасув.
Тэлы кастыл ёхыл сōпаслан мāгыс
Хоса Сакв Сӯнт пāвылт хӯл алысьласув.
Тувыл ам кол Овыр ят ӯнттысум
Сянюм тэлум сосса туйи пāвылт,
Туп Курек āпсит элаль минасыт
Тāгт таляхт вōруй алысьлаҥкве.
Такем нётнэ хоса харс таквсыкве!
Тамлёт вōрхум нёхсāмпён ōньсяве.
Ёсатāл ӯйхул ляпан ман рōви?
Тыт ōлыс сянюм сирыл яныг аким –
«Māсьтыр эрыг-мōйт тотнэ хум,
Апыгкве, нэ хōтпа тāл кол – савалап кол,
Эква рёгыҥ кāттāл – асирмаҥ кол.
Ам, вāглум, наҥ Мāрья āгитэ эруптылын.
Ос туп тав элы рӯт āгин,
Таве хāйталаҥкве ат рōви.
Туп тӯлмантаҥкве рōви.
Сāртын ёхталавес саранытн,
Молямтахтуҥкве эри наҥын.
Нётыламён, колныл яныг пыгум ёхты».

Ты лāтӈанэ лāвме юи-пāлт Нāталь ӛӈкум астāл патапи ос нӭвраме нёвитаӈкве хот-пӧйылттытэ. Улпыл, пыгрисе ёл-ойылматвес. Такви тэнэ пасан ляпан ёхты ос тусыӈ-сюлыӈ пуӈкуп ӧйка китыглытэ: «Сāнтра пāнт ӧйкакве, хотьют ӧвылтыт ань ам потыртасум? Наӈ лāпкат русь сирыл нӭнь вӧвуӈкве ат хāсэгын. Тыг, яныг пāвлын, колын ос экван, агин тыг тотэн. Ам наӈ экван нянь варнэ колн рупитаӈкве лāвилум, яныг āгин школа-интернатн ханисьтахтуӈкве маёлын».

«Хи-хи! Хе-хе! Ам ман мāнь нӭврам!? Тāгт ӭ котильт ӧвлэт русь лāтӈыл потыртам ӧйка хотьютн ат вāйвес ...

НИЛЫТ ПОТРЕ
РĀКТ Ӭ ТУЙИ ПĀВЛУВ – ТЫНЫӇ ХӮЛ ТЭПЫӇ МĀКВЕ!

Ӭныг хӧнт пора юи-пāлт матахкем лов арыгкем тāл парыс Оман Тильп – Войканпуӈк хӯрум яныг пыганэ ёт хосат тапал тӧрум нупыл патсыт, вāтāл хотымат мāт хот-порславёсыт. Ам āтям ӧс хосат посыӈ тӧрумт āтим. Туп тāн нэмхуньт рӯт мираныӄлн хот-ёрувлаӈкве ат вёрмувёсыт, омаквёмн, Оман Нāталь ӛӈкумн ос Качан āквумн. Кāсыӈ туве ӧрумт лӯптаӈ пум яныгманэтэ ос ӧйта пил понснэтэ юи-пāлт Культбаза ӯсныл ӭтил туйи пāвланылн тӯпыӈ хāпыл ёхталасыт. Сыстам рёгыӈ хӧталт пум сāгрысыт манос коссыт ос рёпсыт, ӛтипāлаг тэнэ хӯл мāгыс толгуӈкве пӧраӈ хāпыл тāлматыгласыт, та коныпал ӛт сыс Рāкт ӭт ос Мёсыгт хӯлуп ӯнттыгпāлсыт. Акв ты тэлы мāгыс ёхыл, хор ос солвалыӈ хӯл сӧпаслаӈкве ӛрыс! Акв ты сирыл яныгнув нӭвраманылт сосыг, лӭм ос иныг вāтсыт. Сюниӈ мā-вит тэп атасьланэныл юи-пāлт Тэлы пāвылн пāг савыӈканн ӯнтталахтуӈкве хāпыл ялантасыт. Тот тāн нāй āрась пāлтыгласыт ос нёвыль-хӯл пӯт пāйтсыт. Ты ӧрумт ляпа рӯт мāхманыл кāтасыт пāлыг-пӯнсыглāлсыт ос йӣв ӛлы-пāлт талква пасан тармыл сāвсыр тэпыӈ āны ӯнтталāлсыт пӯрлан мāгыс. Ты ӛлы-пāлт тāн йӣв пӧхан ёлнувхуйыгпāлсыт ос пӧйыксян кāстāл ӛрыгсовыл лӭсьсыт, пāвлыӈ Ӧтыраныныл нӭвраманыл мāгыс пустāгыл ӧлнэ нак вӧвсыт. Тāн лӭнсим ты сирыл кайсыт:

Мāн тэпыӈ сāн ӯнттысув,
Тэпыӈ сāс āны ӯнттысув.
Сӧрвит акв тāгыл āны,
Мāгвит акв тāгыл ӯмпи.
Āньтыӈ йир паттыйыг номсэлӹн,
Яныг йир паттыйыг вуелӹн.
Мāн ты ӯнттыслув сӧрвит акв тāглув,
Мāн ты ӯнттыслув мāгвит акв тāглув!
Мāн кāтувн патнэ сяхлыӈ мā ул вос ӧлнув,
Мāн лāглув патнэ вӧӈхаӈ мā ул вос ӧлнув!
Āгмыл ул вос хулигланувёв,
Хульн коныл вос ёӈхнувёв!
Āгм сӯпн минэ āги ат ӧньсёв,
Хуль сӯпн минэ пыг ат ӧньсёв!

Сāв сёс тамле номтын ам патыглавем, омакем нотпа пёс мāхум аманрыг посыӈ тӧрумт тāл нотыл, нёлсāт-онтырсāт тāл мӯс ӧлуӈкве вёрмысыт, тыкос пусмалтахтын колт ат пусмалтахтасыт ос русь лёккар тэрпи ат вāсыт, ат айыгласыт. Туп тайи вāсум, аквтуп тāн ӯйхул нампа пӯӈанылн – самсай утанылн ӯргалавёсыт ос вāг-сёлыл майлувёсыт. Аквтуп сӧль юн манос вӧрт ялнэ мāнанылт Нāй-Ӧтыраныл тāн пӧханылт ӧлсыт ос алысьлап сӧтыл майлувёсыт. Юн кāсыӈ ёмт тэнэ ӛлы-пāлт омам иттырма тӧтапсов пӧхан акваг нуралан мāгыс исум тэнут ӯнттыглас. Мось тэнут пӧртэ хот вос пуваве ос пӧляве.

Улпыл, тайимāгыс тāн мāньтāгыл тāксарыг нӧх-яныгмāлсыт, сāвсыр тӧрум ёртысьма ёт воритотсыт, сāв рӯпитасыт, ос тайимāгыс хум тāн алпиянылн ос кӣвранылн нэматыр ялпыӈ-хулиӈ āгм тāн палтанылн ат ханас. Мāн Рāкт ӭ пāвлувт сяр хоса нотпаг ӧлсыг ам Пāрыска сясеквам ос Сувыӈ Лӯски пāвыл ӛква, Рāкт ӭ пāвыл мāнь нӭйт ӧйка сӭне. Ты коны-пал вāсум мӧт пāвлыӈ хоса нотпаӈ нэт-хумит.

Вāйим, пёс пусмалтахтын колтāл сака лӭль ӧлыс, сāвыӈпал пуӈктāл мāнь нӭврамыт хотталь-сялтсыт. Ам омам лов нӭврамыл туп нила нӭврам ӛлаль ӧлыс. Нāталь Оман ӛӈкум китхуйплов нӭврамныл, сāт āги-пыг ӛлаль нӧх-яныгмас. Ты нот налыман нупыл нила тāлыт порат Тāгт ӭ котильт Кульбаза ӯст

усь пӯльница ӯнттувес ос русь лёккарыт ёхтысыт. Овлэт маньсит тот пусмалтахтаӈкве ат таӈхсыт ос лёккарытныл пилсыт. Тамле агмыт: сам польтул агм, алпи ялпыӈ выгыр агм ос хопсы агмыт ёр тара пусмалтавёсыт.

Та орумт ам мань няврамыт ос яныг хотпат халт мосься васум, хотьют майт агмыл манос сорыг агмыл капыртас. Ос манрыг тох, тыкос мань тагыл ня̄р нёвыль ос ня̄р хӯл тэсыт. Та порат тан тэпкан тэп ос алы пил-сэрак ат васыт, ат тэсыт, туп Лӯйи вор ойта пил тэсыт, халь сос сяй айсыт ос саюм пум тэлы магыс солвалтальсыт. Тайимагыс савыӈпал сосса мир таксарыг-пустагыл олыс. Вайим, тамле вор ойта ма тэп палт хотпа кивырн ровнэ савсыр тэп олсыт. Тайимагыс элмхолас ты тэп портыл мань тагыл кивыр ёр-ваге нюпсис ос мори агм-сэракн ат ханвес.

Акваг кол сори варнэ ос пустагыл олнэ омакем ос аквкёнум нупыл аӈкватальым, осьхультахтым киты-гласлум: «Хоты порат наӈ туп ӯсьлахтыглэгын ос рӯпата тал олыглэгын? Аквтуп наӈ палтын агм ат ханы?».

Акв сирыл тан ювле лавсыт: «Ман Хуль Отыр ёт юртыӈысь олэв. Тав ат эрупты, хунь хотыл хоты хотпа пал тармыл ёл-хуйи. Эти мот вармаль, этипалаг вагтал патнэв юи-палт агм пелппиянув исум ахвтасыл хот-нявлыянув манос тэрпи пум-лӯпта исум витыл пусмалтахтэв. Туйи торумт агмыл олуӈкве ат рови! Сака сав рӯпата олы». – Ты коны-палт ам ты сир номсысум, улпыл, тан агманыл рӯпатал хот-нявлыгласаныл.

Ос тайи ат торгамтасум, манрыг элмхолас ня̄р ос полям нявыль манос хӯл сав тэӈкве вёрмыс, ос пайтым та савит тэӈкве ат вёрмысыт. Яныг хонт порат касыӈ хотпа сав нянь, колас хунь оньсяс, картопка коны-пал, това нэ-хум порыг няг тэс, ёхыл, ня̄р ос пайтым хӯл тэпыл лылытэ нэглыс. Сыме таксар нэ-хум кит котля̄рт войыӈ мохсаӈ манос хӯрум яныг сорах ня̄рхулыг юв-тэӈкве вёрмыс. Пох мир махум лавёгыт, маньсит сав ня̄рхул тэгыт, тайимагыс савсыр сорыг ос майт ӯй оньсёгыт. Ос ман пӯрысь вой ня̄р сирыл юв ат тэве? Ос таве ман рови арталаӈкве салы атыӈ нёвыль ёт? Пӯрысь савсыр павыл покась тэп тэг. Салы вор ма-вит ховт-нюсы ос сӯй войкан хаслы тэп тэг.

Торум тал ёртысьма накыт сирыл Ракт я̄ махум хӯрум павылт олсыт: тэлы, тӯя ос туйи павылт. Тэлы павланыл вор сӯйыӈ мат олыс, тыт олнэ коланыл норт халт хаслыл пинтласаныл, кит нуми колалаг халт ма совыл нортыгласаныл ос кол самт пумыӈ ракты̄л посьгим сёвал ӯнттыгласаныл. Тамле кол сёвал палтапаве, тара посыӈыг ос рёгыӈыг ёмтапи, тыт исвесся ос лампа ат эри.

Тытты – Нёр Сакв я холыпал аврах ватат – Ракт э̄ туйи павыл: ятил мёсгыӈ яӈк войыӈхул алнэ павыл! Касыӈ акв ляпа рӯт колтагл такви туйи кол оньсяс. Туйи рёгыӈ ос лёмуйыӈ, тайимагыс коланыл хаслытал ӯнттыгласаныл, колкан котильт ракты̄л посьгим арась осьсыт, та торыг нуми сасыл пантым колала тара сурумсӯнт ас пасатым олыс. Арась кит палт кол хосыт нила пёрна-сыр пиным олыс. Ты пёрна тармыл ёхыл нурйивыт ханасыт ос ёхлыт, хорыт посымыл восыглавёсыт, тоссыт. Лавёгыт, маньсит восыглым, посымыӈ колт олэгыт ... Ты тан намыл туйи тамле колыт ӯнттысыт, тамле посымлан арасиӈ кол кивырн лёмуйыт, маньуйыт ос сэриварпыт мори ляпан ул вос ровсыт. Ракт я̄ павыл Сакв я̄ сӯнт ляпат олыс, тув мӯс лов вёрста.

Пёс манос ань туйи порат я̄ талях павлытныл: Саранпавлыныл, Я̄-Сӯнтныл, Сӯкыр-Яныл лоӈхаль Асн хӯл алысьлаӈкве хапыл миннэ-ялнэ махмын «Ракт я̄ – ятил войыӈ лылыӈ хӯлыӈ павлыг» лаввес, сосса мирён лавнэтэ хольт. Това накт тэп ярмын тувт ты ялнэ махум хӯл толгуӈкве тыт ёл-пойтыгласыт, хӯл тэп сопас варыгласыт.

Аквнакт ойта пил сяр ёмсякве понсуме орумт Наталь эӈкум яныг Ульянэ агитэ «Москва-Илья» [16] ойкатэ ёт ос пыганэ ёт пелп моторыӈ хапыл тыг ёхтыс. Ульянэ Тагт павылт клуб тармыл библиотекариг рӯпитас. Тот тав Тюмень ӯсныл ёхтум маньлат русь пыг ёт вайхатуӈкве патыс, ётыл тэн акван минасыг. Ойкатэ экспедиция ёт тыг геодезист-радистаг ёхтыс. Тэн касыӈ тув ӯсьлахтын порат пум варуӈкве ос пил ватуӈкве Ракт ян ёхталасыг.

Ульянэ, оматэ хольт, ос сака сав эрыг-мойт потыртаӈкве хасыс, турман этипалаг рӯпата юи-палт маньлат агит-пыгыт такви палтэ акван-атыгласанэ, савсыр ёнгилыт ёнгысыт, йилпи яргыт яргысыт. Ётыл тананыл такви колэн вовыгласанэ, туйи кол котиль арась кит палн пал тармыл ёл-ӯнтсасыт ос оматэныл пёс йис эрыг-мойт калсялтас. Ты торыг ос Наталь эӈкум котля̄рт ахвтас сэмыл пӯтыл сорах хӯл сорыг-сыс асвой пайтыс ос ты сыс таксар катагётыл сахи магыс салы товыль тынтлыс ос новтупыл новтыс. Сантра пыге нампа апыгрисе касаламёт ляпан вовитэ, сыплуве ӯлтта сынумтым лави: «Улпыл, торумн та сирыл лаввёсум, яныг агикёмн русь асьныл тэлум апыгквел мӯйлуптавёсум. Пёс ты Тагт котиль я̄ маквёт нан яныг опарисин ос сяр овлэт маньсит халт русь латӈыл хасыс потыртаӈкве. Ань, нявramаквет, та сир ке хӯнтлэн, асьойкам юи-овыл нилыт эрге эргилум».

[16] «Москва-Илья» – тав тайимагыс тох лаввес. «Москва» нампа моторыл яласас ос такви Москвин опарись нам оньсяс.

РУСЬ ЛĀТҢЫҢ ŌЙКА
(НИЛЫТ ӘРЫГ-ЛЯХХАЛЭ)

Ты юи-пāлт Кантыҥ хоса ат вёрмыс ёл-ротмуҥкве.
Сун лӗх сирыл вāгтэ, хотьютн āгитэ тӯлмантавес.
Тынсяҥыл котраластэ кутсим яныг пыге.
Това манянэ хōмсял кāминьт мāт ōс хōйыглавес.
Ос ты юи-пāлт ат парыс вориҥ кантэ,
Няхлыҥ пāвылн яныг пыге хот-нявлыстэ.
Кāсыҥ хōтал сāлыт ӯрнэ мāгыс
Ӗрнколн пāг вōвыстэ Хисьрапāя вāпсэ.
Сāв рӯт халт хотьют нупыл номтэ патыс,
Тайи Нӗрн сāлы ӯруҥкве кēтуҥкве вēрмыс.
Тав вāстэ яныг āгитэ лāтыҥ сирыл,
Хумыс мāнь ӯтэ ōлы нāлумт ӓрмтāл.
Выгр-сэмыл ӯй кāтн паттын ōрумт,
Хӯрум тэлы ӛтпосыт парнэ ляпат
Сохт лӗх хосыт илттыг Сортыҥ ӓныл
Йильпи вāтахум Кильцев пōт атуҥкве тыг ёхтыс.
Тāгт вāтат āлы мāт ōлум вāтахум,
Акв ты сёс яныг хорамыҥ кол-капай ӯнттыс,
Ос нянь вāрнэ кол лāпкаҥ тāгыл,
Хōт сāмуп тōрим ялпыҥ пёрнаҥ кол.
Тав ётэ Хāль ӯсныл сырайыҥ хосах ōлыс.
Ты хум вōруй сов пōт йильпи сирыл атыс.
Пēс войкан хōн Сāнтра мāгыс
Кāсыҥ хумныл латэ сирыл атвес.
Ань кāсыҥ ляпа пāвыл латыл, мирныл
Пōт сāвит совнюр вēскалым вуйвес.
Каҥк āпситэ мāгыс урты пиныс,
Пыг матум āсе мāгыс ойтхатас.
Хомыл колера! Толмасиг āнум вōвыстэ.
Такви мāньси сирыл хāсыс кос потыртаҥкве.
Ос мирколт совнюр сюмпал-капайыт,
Аквтуп тӯя портаҥ анят хольт, толсыт.
Квāлыг сохтыл нэгим вōруй совыт
Яныг тōрхӯрыгн самсайн тохрувēсыт.
Тāнаныл намыл кāт вēскал вēскаласанэ,
Ты кӯмт лāвсы: «Войкан хōн тав уртытэ».
Мāн Сāпса ус руманувныл хулыгласув:
«Тав такви хōн ӯнлын ӯсэт рӯпата мире
Тāл котиль ӛтпост кēлпе халн тэлыгтамтэ»,
Тыт ōлсыт Вāтисупыт, Тāратовыт,
Посалтыт пāвылныл – Пасталапыт,
Мēнкгв ӓ пāвлыныл – Алхатыт.
Пуҥыҥ Кантыҥ ос сāлыҥ сараныт
Нюпся сāлыҥ котыт, вōвта пāсыг совыт,
Яҥк-сэмыл нёплувыт хоса уласн пāхвтысыт.
Мовалāлым, мир ёт потре сирыл нāҥкыс,
Ты совнюр ōлтулн, улпыл, сака сягтыс .
Тав āнас сун нāрапанэ пāлыг пинсысанэ,
Тōва тэнутыт, мӯйлупса хольт, уртыгласанэ.
Сāвнув вōруй сов пинум хум кит сāккар пуҥкыл
Ос яныг вина сульял майлысанэ.

Мосься совнюр минэ хум акв сāккар пуӈкыл
Ос мāнь вина сульял уртыгласанэ.
Тувыл тэн мось халэнт потрамāлсыг,
Вāтахум хосахн нэпак лōмт мис,
Тайитэн мир элы-пāлт ловиньтавес:
«Кантыӈ сōрни олн тӯйтнэтэ мāгыс
Тāкысь лов нирсāйтыл хосгуӈкве.
Ос Пасталап лāсялнуве хиньсямтаӈкве».
Ам такем эсырман ёхтувēсум,
Ты лāтӈыт толмасьламумт.
Яныг ōйка нас полсил вāрвес,
Хāйталам сарананэн нēлмахлавес.
Хоса уласыт молях акван ӯнтыгпавēсыт.
Та пōхат хосах ёмыгтас, пōяр хольт.
Матьёмас! Акв эква тыт āтим. –
Такви урēт номсыс Кантыӈ ōйка.
«Лāвēгыт, наӈ сōрни ōньсēгын, рума! –
Мāньлат вāтахум лāвыс кӯньгим –
– Эрыӈ, ты пēнтс янысгāт сāлы мыгын? »
Тав, сāтлов тāл арыгкем ōлме,
Сāлыянэ мори ат уртыгласанэ,
Тōва сāлыӈ мāньсит хольт.
Туп таквинāтэ сякрыг ат пинтлас.
Йир магыс ӯйхул ат сāлитас,
Кāсыӈ ягпыге, нюсме тōвлыглавес.
Ос ты осьмар хомлын тынтāл вос мыгум-а?
Āти! Вос айитэ ам матум кēлпум! –
Тāкысь лягалас сёлыӈ, мольсяӈе пōхын воськасым:
– Сōрни, Нāй сиськве! Сōрни, Нāй сянькем!
Сāт Пōхатур пыг ōньсюм ятилкве!
Сōрни иттырмаг ēмтум эквакве!
Ётыл сыстам сōрнил кос овумлым ōлсын,
Нэмхоты мāньси, Āс мāньси апыган
Тыныӈ олнкēрыг вāруӈкве ат āрталавēсын.
Наӈ ялпыӈ тӯйтпинт, ӯрант мā матвēсын.
Тох наӈын хōрахситныл хоса ӯргалым,
Пыган ялпыӈ Нāӈк иттырмаг ēмтсыт.
Сōрни сянь – Тōрум Āсин хурил наӈ
Акваг посыӈ хōтал вос лӯргысын!
Тайимāгыс ӯйхул алысьлан порат
Аргин, сялыг олн кēр витн тāртыгласыт.
Мā сым мир (мāньси) наӈ мāн тулыман юи-пāлт
Сōрни пормас, олн нэмхōтпа палт ат вāйвес.
Колыӈ сōрни Нāй коныпал,
Посыӈ рēгыӈ хōтал Нāй коныпал.
Тав ты лāтыӈанэ юи-пāлт астāл патапас.
Таквинāтэ āрталанэ мāгыс уласн ёл-хуяс.
Ос аквтуп вāта хум ты кумт эссамтавес.
Тав яныгмас сёлыӈ, кантыӈ, сякыр колт.
Ты коныпал рāтнэ нак вāс Алы мāт,
Туп хосах нупыл кāт хосувлāлыс,
Ос русь āсе лāтыӈыт номылматыс:
«Мот мāт олнэ мāхум тāкысь ат эри рāтуӈкве,
Туп таве мось эри пилуптаптуӈкве».

Тыт хосах хӯрмиттыг кāтэ нōх-āлмитэ,
Ам сōрни пёрна тав нуплэ тактысум
Ос ёмас лāтӈыл ювле пōйыксилум:
– Тав сяр пёнтым матум ляӈкви!
Сяр пуӈктāл няврам хурипа.
Наӈ мāгсылын лов сāлы ат сāлиты.
Вāтахум Кантыӈ ōйка ляпан ёмлыгтас,
Палягён матурыл та восгыс:
«Русь лāтӈыӈ вāпсын лāвён пӯмасипа!»
Кильцев таве нōх-тӯсьтыстэ,
Супе, мольсяӈе нōх-мастыстэ .
«Мāнырсыр аквтайи? Нявркувсиг ...
Пōхн вос паратахтэг!
Туп мōт тāл сов нюр вос хōнтэг!
Хōӈха винан ат тōвлаве, ӭти ёхтэн.
Туп пушнина та пёнтс тотэн.
Олн, пормас мāгыс ёвтыянум». –
Юйи-ōвылт лāвыс йильпи вāтахум,
Ос туп пыгквет, апыгквет тайи номелӹн:
Пёстāгыл мāньсит русит ёт румаг ōлсыт,
Рума – ты русь хум ляпа юрт!
Ос мōтсыр мир хасьтāл ōйка ёхты,
Тав мāньси нупыл ёмсякв ке сунсы,
«Пася, рума! – аквтыпыл тысир лāваве.

ЗДРАВСТВУЙ, ДРУГ!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту быль – вещую песнь о «Русь лāтӈыӈ ōйка» (о мужчине, говорящем по-русски) я написал о своем прадеде Сотаме (Садомин), не раз услышанной в детстве и отрочестве из уст тетки Нāталь (Омановой Натальи Филипповны (1907-1971 гг.), родственницы по отцовской линии. Мои родители проживали в небольших юртах Ракτья (Глинянка).

Затем в конце 30-х годов она первая переехала с большой семьей во вновь построенный русскими переселенцами посёлок Сосьвинская кульбаза. Её мужа – Оманова Филиппа Васильевича, манси из междуречья Сосьвы и устья Ляпина, прозвали Войканпуӈк (Светловолосый). Сначала он при культбазе устроился конюхом, затем работал завхозом. В 1939 году погиб от рук богатых оленеводов и шаманов при выезде с Красным чумом в Ляпинские юрты, о чём с достоверностью хочу поведать вам, читатели, весть о нём и других предках, особенно о старшем деде, которого звали «Русь лāтӈыӈ ōйка».

Наталья с мужем совместно имели четырнадцать детей, только восьмерых поставили на ноги. Во время Отечественной войны три старших сына – Митя, Костя и Саша – погибли на фронте.

Я и ныне здравствующие её дети хорошо помним Нāталь эӈк – незаурядную, неунывающую юмористку. Она знала много сказок, легенд, песен. Помню, как она интересно рассказывала о кличках и прозвищах, от которых потом образовались мансийские фамилии.

В старину люди разных деревень и юрт делились по родам на две фратрии: Пор и Мōсь. Пор – это род Мēӈквов (великанов), имеющий только мужские места жертвоприношений. Люди Мōсь происходят от племени Миснэ-Калτась ēква (женщины страсти, милосердия). Люди этого рода имеют женские и мужские святые места.

До недавнего времени манси при обращении друг к другу мало употребляли в своей речи русские имена и фамилии, а между собой назывались по фратриальности, по родству отца и матери, по названию места жительства, по особым внешним приметам. И русские дьяки-попы при записи фамилий манси в церковные книги сами их не придумывали, а записывали так, как манси себя называли или как называли соседи.

На русский лад они перефразированы так, что у некоторых из них трудно понять смысловое значение. Например, Таратов (тāра тови – «мимо [на лодке] гребущий»), Оманов (ома – «мама»), Садомин (сотам – «шумный»), Анямов (аня – «красивый»), Анемгуров (аня хурипа – «похож на красивого»), Вортупенков (вōрт пēнтвес – «сделали невменяемым в лесу»)...

Трудно понимаемые фамильные фразеологизмы взяты из мансийских прозвищ: Гындыбин (современное) – Хандыба (та же самая фамилия, церковная, XVII в.) по манси: Кантыӈ (злой), Кислобаев (хисьра тӯп пāя – «красивый, крутой набалдашник весла»), Алгадьев (алхаты – «дерётся») – так пишет русский ученый-этнограф В. Чернецов, побывавший на Югорской земле в 1923 году, в книге «Источники по этнографии Западной Сибири».

Есть и редкие фамилии, образованные от русских и мансийских слов: Лесманов (в лес манит), Чукопеликов (щука и пēлы; получить рану от щуки), Ромбандеев (рапсь – «стриж», сам рапси – «глазом моргает, т. е. быстрый»...).

Называли людей по месту жительства и другим приметам: д. Посалтыт (Проточные) – Ур пуӈк ōйка (мужчина, живущий на горке), Мāнь Тāгт āги (Дочь (девушка) из Малой Сосьвы), Сӯкырья ōйка (мужчина из д. Щекурьи), Сувыӈ ēква (женщина с тростью), Нёлпал ēква (женщина с одной ноздрёй).

У некоторых одноюртовцев были общие обидные прозвища: жителей д. Кимкьясуй и Овырья прозывали Нāркувсь (облезшие парки, меховая верхняя одежда, мездрой на изнанку), а жителей юрт Проточных – Пасталап (юкола из мелочи плотвы для кормления собак зимой).

Житель Верхнего Нильдино, ветеран войны, вот так пересказывал небылицу о Пасталап – о Собачьей юколе:

– Как-то в одну голодную зиму селяне Проточных юрт послали одного человека за рыбой в Ляпинские юрты. Гость, наевшись по-разному изготовленной рыбы, после сытного чаепития попросил юколу. Хозяин дома, показывая рукой на полузакрытый сарай – вешала, говорит ему: «Да что ты, кум, бери юколу, сколь душа желает!» Но тот, то ли от глупости, то ли от великой скромности, собрал себе в несколько берестяных косум (корзин) только пасталап (мелочь: плотву-юколу, продырявленную у хвоста для удобства сушки). А хор – сушёный сырок без костей – даже не тронул. Вот с тех пор селян Проточных стали прозывать Пасталап – Собачья юкола.

I ГЛАВА
НĀТАЛЬ-ӘҢК
О МУЖЧИНЕ, ГОВОРЯЩЕМ ПО-РУССКИ

Мой отец, закусывая белоснежной строганиной из нельмы, хитро подмигнув левым карим глазом русскому учителю, говорит двоюродной сестре:

– Ведь ты, Нāталь-ӘҢк, по матери Сотам, по моему деду, Русь русь лāтҧыҥ ōйке, тоже родом из Сосьвинских юрт Овырья. Ты о нём знаешь легенду-быль. Так ты расскажи и моему другу Голошуба Улякси. Он говорит, что ему очень интересны наши песни, сказки. Спой о нём песню-весть ...

Всегда улыбчивая, смуглолицая Нāталь Оман никогда при чаепитии не обходилась без шуток-прибауток. То она начинала рассказывать жуткую сказку о сопливой Бабе-яге, то загадывала загадки, а тут она задумалась.

– Помнишь, братец Миша, как мы в рыбацком стане Саквсӯнт пāвыл в устье р. Ляпина шумно играли? Днём дома оставались одни старушки, старики и дети. А он – наш дедушка Савелий – выскакивал из берестяного дома, размахивал кривым черемуховым посохом, кричал нам вслед: «Ну, погодите, сертяра[17] полосатые! Я с вас сниму налимьи штанишки!» Тогда он, наверное, позабыл, как в чуме многооленьего дяди Хандыбы в детстве ему дали прозвище «Сотам» (озорной, шумно играющий).

Ладно, так и быть, спою для драгоценного рума и маленького братца-племянничка Микол. Да, я хорошо помню, как он сам под собственный наигрыш «журавля» повествовал о своей нелёгкой жизни.

РУСЬ ЛĀТҦЫҢ ŌЙКА
(МУЖЧИНА, ГОВОРЯЩИЙ ПО-РУССКИ)

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ-ВЕСТЬ

Это было давно-давненько,
При белом царе Миколе.
Когда ваш ōпа-ōпōйка (прадед)
Прожил на свете столько лет, что
Вся голова, как старый пень,
Покрылась белоснежным ягелем,
А волосинки младшего деда,
Как мшаник тысячелетней ели,
Сивыми отростками висели.
Старшего деда звали Русь лāтҧыҥ ōйка –
«Мужчиной, говорящим по-русски»,
Слава отцу Всевышнего неба!
Слава Сōрни Ся̄нь – Калтась ӣква![18]
В то время уже Печорские сараны и манси
Из-за пастбищ, угодий не враждовали,
Луками-стрелами меж собой не воевали.
Нас, манси, в старину коми-зыряне
Прозывали «вогулами» – дикими лесными людьми.
Манси – это люди сердца (середины) земли,
Пришедшие с жаркой страны – Мōртым Мā[19],
Где земля на две части Солнцем разделена.
Я ещё в Саквсӯнт пāвле[20], меж берестяных чумов,
Соплячком бегала, вся в дымной копоти,
Держась за узорчатый подол матери,

[17] Сертяра – черти.

[18] Калтась эква – женщина страсти, милосердия, дух жён пантеона.

[19] Мортым маа – измеренная солнцем Земля, т. е. экватор.

[20] Саквсунт павыл – деревня устья реки Ляпин.

Как дедуля Русь лāтӈыӈ ōйка, – за вербовый посох.
Ōпа-ōпōйка Савелий был высоким,
Не по годам прямоспинным (стройным),
С копной кудрявых седых волос.
Раньше никогда не называли по имени,
А просто по прозвищу и родству;
По месту жительства и роду занятий;
Или даже по внешнему виду.
Моего мужа зовут Войканпуӈк – Светловолосый.
А тебя, братец, – Рāктыӈ ӯ мāнь пыг – Младший сын д. Рахтынья.
Вашего деда – Русь лāтӈыӈ ōйка –
Мужчиной, говорящим по-русски.
Долгими осенними вечерами,
Приехав с рыбалки, три семейных сына,
Рассевшись вокруг «яныг сāскол»[21] очага,
Брали каждый по два трепещущих сырка.
Очистив их от серебристой чешуйки.
Начинали пластать бока и спинки сырков.
Макая в кровь и соль,
Аппетитно ели, звучно чмокая.
Довольный сыновьим уловом, полуслепой Савелий
После чаепития брал в руки тарыгсов[22] пятижильный,
Начинал петь песни о своей прошлой жизни,
Словно усыпляя себя детской колыбельной,
О том, как от собачьей болезни (мгновенно)
Вылечил старших братьев и сестру;
Не стало отца-кормильца; ласковой омы;
Как злой Хандыба-богач меж оленными
Подвешивал, как бубенчика у шеи.
Оленьей кровью поил из сāнхос[23] кутиной,
Размешанной наростной вербовой золой.
При этом приговаривал: «Хых! Ох! Ух! –
Я из тебя изгоню собачьи болезни Злого духа!»
Затем он мне вливал в горло нāйвит[24] (напиток).
Мне меж тем казалось,
(При быстром беге хоптырок), что я,
Как герой сказки об Ӣква-пыгрисе,
Мчусь на семикрылом белом коне
Над болотистыми, лесистыми холмами,
Меж лебедино-пуховыми облаками
В лазурной небесной синеве.

Учитель, Алексей Васильевич Голошубин, удивляясь певучей плавности и мягкости мансийского языка и образности, прерывает поющую сказительницу: «Слушай, Наталья Оманова, как у тебя здорово!.. Ведь ДНС (Дом народов Севера) как сиротский дом. Хотя там иногда и показывают немые кинокартины и в красные календарные дни русская молодёжь выступает. Но это все совершенно не то.

Шаманы распускают злые слухи, что советская власть запрещает Медвежьи игрища. Нет! Этот ваш своеобразный праздник – ценный, как у русских в старое время скоморошечий театр, только с участием прирученного живого медведя. Вот и мы с вами должны привлечь участников звериного тӯлыгпап[25] для выступления на сцене».

[21] Яныг сāскол – большой берестяной дом.
[22] Тарыгсов – «журавль», музыкальный инструмент.
[23] Сāнхос – чуман, берестяная посуда.
[24] Нāйвит – огненная вода, водка.
[25] Тӯлыглап – выступление.

Позднее Нāталь Оман действительно стала первой активисткой среди женщин манси в культбазе. Не раз выступала на собраниях Миркола[26] и на клубной сцене с песнями и женскими танцами перед своими сородичами из юрт Сӯма пāвыл, Рāктья и Потрасуй, привлекая к этому делу местную молодежь и стариков.

Тут с улицы входит тётка Качан Увси с моей пупковой мамкой[27] Урпуӈк Пётусь[28]. Наверно, младшая сестра отца заходила в мāнькол (родильный дом) проведать ому и затем забежала сюда, чтобы узнать, кто же приехал к нам. Это был русский человек, в роговых очках, с блестящими стеклышками, с короткими рыжеватыми ершистыми волосами.

Прохаживаясь по дому, он говорит Наталье-ӯӈк:

– Хорошо, очень хорошо! Рума-ӯква (друг-женщина), сказывай, сказывай свою песнь-быль далее... Вот почему я с другом Мишей приехал раньше своих красночумовцев, чтоб у вас посмотреть Медвежьи пляски.

Тут Нāталь Оман вскакивает с нар, берёт с железной печки ведёрный медный чайник, наливает только что зашедшей Анне горячий чай, а сама, изменив голос на мужской лад и жестикулируя руками, начинает петь:

При этом смеялись мои дяди и тёти,
Шутили: «Тебя могли разорвать олени?
Да и забодать острыми ветвистыми рогами?»
Но мы видели на суровом лице деда
Черные оспенные ямочки-крапинки,
Спрашивали его без стеснения:
«Как же могли поднять тебя огромного?»
Он отвечал, до слёз заливаясь смехом:
«Наверное, было мне тогда годиков столько,
Сколько сейчас вам, голопузикам.
Я сидел в люльке из упряжных ремней
И под звон бубенцов у шеи оленей,
Колокольчиков под пазухой в парке,
Не замечая дороги, засыпал вскоре.
Однажды из Хāль ӯс города
Заехал русский купец Шахов
С красным товаром и для сбора ясака.
Из многоголового Хандыбина стада
Он для приуставшего обоза
Мог заарканить любого.
Там не счесть черно-белых быков.
Купец едва изъяснялся с Хандыбой на пальцах,
И то с помощью остяков-каюров.
Может, русобородый не заметил меня,
Как в Медвежий праздник хитрый Хандыба
Устроил тӯлыглап (представление):
«А ну-ка, сиротка Сотам, для драгоценного рума
Принеси самую свежую печень из лабаза». –
«Сам сходи, милый старший дядя!» –
Уж так я им заранее приучен отвечать.
«Ах, не пойдёшь?» – прикрикнул, разъярившись.
Над головой в руках блеснул сёхри[29],
Ударил меня выше пояса в грудь.
Я упал, истекая кровью.

[26] Миркол – народный дом.

[27] Пупковая мамка – женщина, которая отрезала пупок при рождении ребенка.

[28] Урпуӈк Пётусь – Федосья из деревни Урпунгк.

[29] Сёхри – поддельный нож с узким лезвием.

Затем, в такт пляски, запрыгал вокруг меня,
Выговаривая колдовские шаманские слова:
«Ух! Ох! Фу-фу! Тьфу-тьфу!
Я же учил тебя: не перечь старшему!»
Он все фукал: «Ох! Ух! Тьфу-тьфу!
Милая Золотая баба! Светлое, заоблачное Небо!
Помогите его оживить!
Я ж с него спустил только дурную кровь.
Ну, встань, миленький, светленький!»
Тут же к нему подскочил русский.
Выбив нож, оттолкнул Хандыбу.
Меж тем я шустро выскочил на улицу,
Быстро очистил снегом парку от крови,
Занёс в чум патанку-печёнку,
Купец смотрел на меня широко открытыми глазами,
Поняв, что все это понарошку.
«Давай по рукам, злой шутник Хандыба!
Отдай мне этого мальца,
Научу его читать и писать по-русски,
Будет верным помощником в сборе пушнины,
Будет разбираться в счетном деле»,
Уж позже, женившись на его дочери,
Я понял, что он спас меня от верной смерти,
Отобрал мой дух от Хуль Отыр – Духа болезни.

Все мы, тут присутствующие, заворожено смотрели на тётку – Нāталь Оман, не шелохнувшись и затаив дыхание, на гипнотически разыгранную ею шаманскую сценку Хандыбы с внуком-сироткой. Даже я после окончания песни-вести не мог шевельнуть ни ногой, ни рукой. Только папка смог выговорить, поблескивая в глазах слезинками: «Вот холера, ӯӈк (сродная сестра), у тебя голова, как у председателя Совета. Ведь ты все запомнила, как дед Савелий сам о себе рассказывал...»

Нāталь-ӯӈк берёт с нар свою пёструю оленью шубу и начинает одеваться.

– Сколь ни говори, сколь ни рассказывай, всех вестей не перескажешь. Мне пора ехать.

А суетливый русь ōйка (русский мужчина) Голошуба всё прохаживается по дому взад и вперёд. Он на подоконнике замечает белый листочек бумаги, читая про себя, обращается к тёте Наталь:

– Ты подождала бы тут своего мужа Филиппа. Вот-вот они должны подъехать. Слушай, Наталья, вроде у вас тут грамотных нет, я нашёл записку какую-то: «Зимой 1940 года наступит конец света, полное затмение солнца. Будет вечный мрак и холод. Днем и ночью будут выть волки и собаки. Слава во Христе! Аминь!»

– Так ведь тут перед вами были две ломбовожские женщины. Одна русская, староверка, другая – мансийка-почтальон. Василия сын в культбазе как-то мне однажды говорил, что какие-то русские, сосланные, про манси тоже дрянь писали... А что муж, Тильп? Дорога единая, не разминемся. Он едет в родные юрты и никуда не денется.

Потом весь остаток жизни горько вспоминала, почему так сказала: «Никуда не денется». Тогда она откуда могла знать, что через два-три дня навсегда потеряет своего близкого друга – мужа Филиппа.

Правда! Был такой случай. В прошлую осень, катаясь на санках с крутой горки, провалились под тонкий лёд два сына приёмщика рыбы Катаева. Мать и отец этих детей или другие русские переселенцы распустили слух, будто это манси-шаманы накликали беду, их дух отнял Водяной царь реки Сосьвы. Они вместе с Качан Увси выходят на улицу. Только другая тётка Качан перед уходом предупредила, чтобы мой отец и русский вечером пришли в её дом, где проходят Медвежьи пляски-игрища.

II ГЛАВА
НА ПОМИНКАХ ВОЙКАНПУНГКА
(СВЕТЛОВОЛОСОГО)

Йӣв, лылыӈ йӣв пум лӯпта! – дерево, живое дерево, листья-травы! – это наше дыхание в природе. Дерево берет пищу от земли, а воздух – от животных и человека. Оно живет на свете тысячи-тысячи лет, а человек в Среднем мире – один век. Так он, разумное существо, во многом вечен. Его Дух после его смерти продолжает жить в Верховном Заоблачном или в Нижнем мире, вновь может вселяться также в Среднем Подсолнечном мире в душу и тело своих детей, внуков, племянников. Поэтому для умершего манси прямо на дерне земли строят домик, высотой в три-четыре бревна, с крышей из бересты или теса, с дверцей (кӑтас – «с дырочкой для руки»).

В это время рубить сырое стоящее дерево – все равно, что резать топором или ножом по усопшему родственнику. Поэтому близкие родственники покойного не участвуют в оборудовании гроба и могилы, не стружат доски и не рубят дерево. Человек на языке манси означает «хӧтпа» – это существо, появившееся откуда-то и умирающее от болезней и невзгод. Другое такое же существо «ӛлмхӧлас» означает существо, погибающее от раны, от острия топора, ножа или копья...

Пока мы с отцом ездили в гости к дяде (к Сотам Тильп) в сосьвинские юрты Потрасуй, мимо нашей деревни Рахтынья проехали обратно в Сосьвинскую кульбазу «Красный чум» (агибригада с кинопередвижкой) и печальный воз с покойником Оманом Тильпом (Омановым Филиппом Ивановичем, 1887-1940 гг.).

Качан Увси поведала отцу о том, что Войканпуӈка убили в ляпинских юртах Мёсыг шаманы и богатые люди. А оленный Аням Пирек говорил, что Светловолосый сам повесился возле своей лошадки Пегашки, его душу отняли шайтаны-невидимки «Крылатого мужика», покровителя деревни Мыски. Сразу же отец засобирался в новый поселок русских на похороны Войканпуӈка. Из четырехножного зимнего лабаза он взял с собой берестяные кузовки и корзины с соленой и свежей пелядью; сложил в мешок лопатку лосиного мяса и свежемороженную ляжку оленя, чтобы там сварить сӧломат (густой мясной суп из ржаной муки или перловой крупы) и поставить для угощения Духа Омана Тильпа на поминальный стол.

У задней стены большого дома между двумя широкими окнами стоял гроб, сделанный по-русски из свежеструганных сосновых досок, обитый красной материей. Вдоль стен на деревянных кроватях и длинных скамейках сидят сумаюртовские родственники покойного и тетки Наталь, другие селяне.

Меня отец тащит за руку к тетке, сидящей у изголовья гроба с опущенной головой в платке. Отец со сродной сестрой обмениваются троекратным поцелуем, затем папка наклоняется к лицу покойного Тильпа, прикрытого цветастой материей, словно целует в губы. Его рот, глаза на материале были отмечены пришитыми бусинками. Вслед за отцом то же самое делаю я. Видимо, все время Наталь-ӛӈк (тетка по отцовской линии) безотлучно сидела у изголовья мужа. Перед ней стоит низенький жертвенный столик с разной закуской.

Справа, возле двух кроватей, стоял большой стол со всевозможной магазинной, лесной и пойманной снедью, за которым сидели только одни мужчины и между собой вели непрерывный разговор. А с другой стороны, за низенькими столиками, прямо на полу расположились женщины и пили чай. Отец садится за общий стол рядом с полноватым коренастым мужчиной, у которого черные волосы стрижены коротко, по-русски. Отец удивленно смотрит на красный сундук-гроб, думает про себя: «Разве Войканпуӈка не могли положить в свою рыбацкую лодку-калданку. Ведь у каждого манси мужчины лодка отмечена родовой тамгой. Каждый мужчина на борту ее и весле вырезал топором или ножом свою родовую тамгу. Ведь без фамильной тамги в гробу Тӑгт котиль ӧйка (Дух середины реки Сосьвы) может перепутать, кого же везет Хульӧтыр (Дух болезни) вниз по реке в иной мир. Может, он смилостивится и не пропустит Тильпа далее, вернет его обратно в Средний Светлый мир под лазурное солнечное небо или же отправит Дух его в Нуми-Тӧрум (Верхнее Небо) – к прапрапредкам».

ПРАВДИВАЯ ВЕСТЬ МЁСЫГ УЛЯКСИ О ВОЙКАНПУӇКЕ

Мёсыг Кука Улякси (Кугин Алексей Иванович из д. Месыг) тогда был депутатом Туземного комитета Остяка-Вогульского округа. Мой отец спрашивает его, как же он оказался тут.

Тот отвечает, поблескивая своими, как черные смородинки, улыбчивыми глазами: «Да вот рума-учитель Голошубин Алексей Васильевич попросил меня сопроводить в последний путь Оман Тильпа. Эх,

мил человек, короток наш век. Что впереди тебя за крутым мыском речного плеса ждет, не видно и не знаешь». Тут Паланзеев Максим от испуга людям лишнее наговорил... Мол, Тильпа кто-то повесил... С таким здоровяком Оман двоим-троим не справиться. Говорят, через длинный переход от реки к озеру он один мог перетащить волоком трехместную саранхап (зырянскую лодку). Я думаю, это шайтаны у Светловолосого отняли его душу... Да потом в юртах Мёсыг он ни с кем не ссорился. Только почему-то после собрания и показа немых кинокартин ходил на камлание к главному хранителю реликвий-святынь предков Товлыӈ ōйке (Крылатому мужику)».

Рано утром Сӯй-пāвыл Максим первым обнаружил Омана Тильпа, висевшего возле двух саней, под сучком когда-то молнией расколотого и наполовину срезанного сухого дерева.

Но он от испуга, выискивая следы нападавших на Тильпа людей, пробегая на перекрестке двух дорог туда-сюда, столько наследил, что словно прошло стадо оленей. После этого трудно было понять, кто тут вечером ходил; да еще под утро немного снежило.

Наталь-ӛӈк встает с места, берет со стола чарку вина, три раза рукой водит над и вокруг головы мужа, предлагает поднять тост в честь мужа: «Чтобы Всевышнее небо взяло тебя к себе поближе! С Нуми-Тōрум, с нашим прародителем выпью, помяну тебя!»

Увидев возле дверей рыжебородого русского, копальщика могилы, подходит к нему и говорит: «Рума, Пелевин Петра, Комар ōйка (так называли потому, что любил плясать под «Камаринскую»), на, возьми стопочку водки, выпей за упокой моего Светловолосого. Ну, как у вас дела? Ведь завтра хоронить будем».

Тот, моргая белесыми ресницами и словно удивляясь веселому свадебному застолью манси, берет с рук хозяйки чарку и опрокидывает ее в рот: «Ты, хозяюшка, Оманова Наталия, не беспокойся! Раз вы согласились хоронить его по-русски, сделаем как нужно, по-христиански».

Тут только в их разговор вмешивается Сӯма Сёйыӈ-Василь, двоюродный брат тетки Наталь-ӛӈк: «Чтобы они сегодня на кладбище вывезли тес, чтобы потом над могильным земляным холмиком можно было сделать по-мансийски небольшой домик с крышей». Рыжебородый русский на голову нахлобучивает пеструю собачью шапку-ушанку и открывает двери в сенки, но Оман Нāталь окриком останавливает его: «Рума – друг Петра, подожди. На, возьми с собой берестяной туесок с продуктами и унеси работающим людям на кладбище».

Навстречу в дверях появляется Сӯй-пāвыл Максим с незнакомым мужчиной в малице, с округлым пухлым темным лицом. Черные волосы у него на голове острижены в кружок, как у тундрового ненца. Высокий, как шест, Максим при входе в дом ударяется лбом о верхний косяк двери.

Вōлиӈнэ, жена его, тут же сидящая за низеньким столиком, проворчала, что, мол, он вечно какой-то неловкий, то синяк себе поставит, то руку или ногу порежет. Максим стаскивает с незнакомца малицу, улыбаясь, перед всеми говорит: «Захожу в сельмаг, вижу Тимкиного бора ку́ма Хандыбу, говорю: «Здравствуй, Нӯркувсь (Облезлая парка)!» А он, Йīквар, молчит; возле прилавка кого-то высматривает... Спрашиваю его: «Кого заметил там?» Он говорит: «Женские рейтузы и мужские кальсоны». – «Кум, правда, так было?»

Лицо Хандыбы (Гындыбина) становится похожим на весеннюю переспелую клюкву. Он из-за пазухи черного суконного пиджака достает полосатый кусок материи, из боковых карманов – бутылку спирта, подает хозяйке дома. А худощавый Максим с волосами цвета осенней травы, садясь вместе с ним за стол, все еще не отстает от него: «Тимка-сӯй Йīквар, все-таки в мирлāпке ты кого высматривал? Может, красивую русскую девушку в белой шапочке, а?»

Кимкьясуец – охотник, сердитым голосом отвечает: «Пāлсайт Максим, мы – Линяющие малицы; кому нужны?»

Конюх Сосьвинской культбазы, шутник Паланзеев Максим ловко распечатывает бутылку, взбалтывая и два раза ударяя о свою ладонь. Сургучная пробка вылетает. Наливает ку́му из горлышка чарку и успокаивает его: «Вот так бы сразу и сказал. А я думал, ты продавщицу хотел сватать и хотел ей купить белоснежные панталоны, а себе – кальсоны». Вокруг всеобщее оживление и смешки.

И этот печальный Поминальный дом в течение трех дней и ночей не пустовал. Кто приходил, кто уходил на некоторое время домой по своим неотложным делам, ели, пили, рассказывали о жизни покойного и о своих делах; загадывали загадки, чтобы развеять печальные и тяжелые мысли родственников покойника.

Как и в Медвежьих игрищах, манси считали, что умерший и пупа (святой братец) способны слышать их беседу и даже воспринимать их невысказанные мысли. Умерший мог разговаривать со знахарем «нӯйтом» (человеком, обладающим гипнозом или магнетической телепатией, умеющим «ханлаӈкве», то есть в прямом значении «прилеплять, приклеивать»). Отец, вспоминая поговорку-примету: «Если на поминках долго молчат, значит, в каком-то селении у кого-то обрывается дыхание», загадывает придуманную им самим загадку:

Подо мною проходят –
Лбом целуют.
Надо мною ходят –
Ногой поглаживают.

Егор Хандыба говорит, что он вроде таких загадок у манси не слыхал, но он знает, кто так любит целоваться: это нижние и верхние дверные косяки. С ухмылкой Алексей Кугин, посматривая на Максима, говорит: «Черемуха». У женской половины за низеньким столом сидящий горбатый сумаюртовский мужчина Василь Адин говорит: «Максим, загадок много знаешь, а про себя – нет. Посмотри на себя, что у тебя на лбу чернеется?.»

Тот встает из-за стола, что-то на стенах рассматривает. Увидев на задней стене зеркало, обмотанное полотенцем, восклицает: «Ну, елки-палки! Неужели я себе синяк поставил?»

Сидящие тут опять тихо смеются. При покойнике нельзя смотреться в зеркало, потому что умерший может взять с собой исхор «тень-душу» в другой Мир.

Ничего не поделаешь, в своей жизни неопытный слабоумный человек семь раз в шута превращается, а от доброго смеха люди умнее становятся: «Думай, Максим!»

Одно слово имеет два значения.

Кто это и что такое?

Летит – шея длинная,
Сядет – ноги лабазные.
Вверху – ветки игольчатые,
Внизу – корни крепкие.

Снова кто-то тревожит базовского конюха новой загадкой. Максим, сутулый в плечах, совсем обмяк и растерялся. А розовощекий рыбак Остеров Павел из юрт Сӯма-пāвыл, с плешиной на макушке головы, подзадоривает его: «Ай-ай-я! Ты, кум, много мест исходил, на Урале в экспедиции бывал, русских водил искать драгоценные камни. Много у них видел, а о себе мало знаешь».

В их беседу встревает по прозвищу Быстро Разговаривающая жена Максима Вōлиӈнэ: «Ты, Сӯма Пāял, не трогай его. Он больше всех врет. Дальше города Березова Максим не был». Все люди смеются. Тот же курносый улыбающийся Пāял подтверждает слова Вōлиӈнэ: «Твоя жена догадливее тебя. Ведь у нас птицу и сосну одним словом называют – тарыг»[30].

Рядом с ним сидящий Гындыбин Егор в отместку за недавние злые шутки задает ему вопрос: «Сӯй-пāвыл Максим, теперь кто из нас больше имеет прозвищ?» Тут же он, загибая пальцы рук, начинает перечислять его прозвища: «Первое – Сӯй-пāвыл, второе – Пāлсāйт, третье – Тарыг, четвертое... У меня меньше фамилий, но пока тут сидим, может, еще добавят...»

МАКСИМ ИЗ СӮЙ-ПĀВЫЛА РАССКАЗЫВАЕТ О ТИЛЬП ОМАН

Конечно, на вопрос Хандыбы Сӯй-пāвыл Максим мог перечислить все свои прозвища, но промолчал. Зачем лишний раз перед народом выставлять себя на посмешище?

Наталь-ӭӈк, поправив на столе тускло горящий фитиль керосиновой лампы, подходит к Максиму и просит о том, чтобы он вновь рассказал о последних днях ее мужа.

Он обо всем вспомнил: о том, как проводили большое собрание в родных юртах Рāктья и деревне Мēсыг, как там тревожно спал, как рассказывал ему свои страшные плохие сны, в ляпинских юртах Мēсыг после показа «бегающих картин» (кинокартин) поздно вечером рядом легли спать на нары.

– Рано утром я проснулся, а его уже нет. Думал, коней пошел поить. Подхожу к рóзвальням, вижу: эх, ты, Золотая баба! Мой Филипп возле своих саней стоит, как огородный столб, а над ним – крапивная веревка торчит. Вот беда, беда! Дорогого Тильпа, наверно, оленные богачи-пастухи и шаманы повесили! Кого позвать? Ведь вчера учитель Голошубин уехал в Ломбовож к своему коллеге Аркадию Лоскутову. Я отправился искать следы преступников. Наконец, бегу к депутату окртуземского Комитета – к Куке Мēсыг Улякси. Елки-палки, пришлось отрезать веревку и положить мертвого Тильпа на сиденье своих саней.

[30] тāрыг – журавль; тарыг – сосна.

Так обрывает он свою повесть дрогнувшим голосом, на его белесых ресницах появляются слезы.

Тетка Наталь, облокачиваясь об угол гроба, у изголовья, начинает громко рыдать. Остальные женщины, как бы сговорившись, встают на колени и тоже, склонившись к гробу, начинают голосить плакательным песенным мотивом. Старшая дочка, Ульяна, подходит к матери. Обнимая ее за плечи, говорит со слезами в глазах: «Мама, мамочка! Не плачь, хватит. Не надо».

В таких случаях на поминках, чтобы отвлечься от тяжких горестных мыслей, мужчины и женщины в своих разговорах переходили к шуткам-прибауткам, к увлекательным присказкам об охотничьих былях.

Мой отец, подсаживаясь к круглолицему дальнему родственнику Хандыбе, похлопывая его по плечу, спрашивает: «Йӣквар, говорят, ты осенью хорошо поохотился в лесу на белок. Да еще из Тимкиного бора домой привозил медведя. Была ли нынче белка в той стороне?»

– Не знаю, как тебя назвать по-родственному, старшим или младшим братцем? Сам знаешь, где белка, там и соболь. А где больше соболей, белка в другой лес убегает. Лучше вам я расскажу, как разбудил и добыл в лесу в землянке живущего медведя. Однажды под вечер шел я вдоль какого-то лесного ручейка. У крутого берега на бугре стояла набок накренившаяся высокая сосна. Вижу: ствол возле корней и нижние ветки покрылись ледяно-снежными сосульками. Но, думаю, тут лесной хозяин (медведь) дает храпака. Конечно, одному опасно будить его. Позову-ка завтра племянничка – Сāӈки-тӯра Юванку. Он у меня смельчак! Однажды копьем хорея запорол матерого голодного волка, шедшего по следу его оленьей упряжки.

Он объяснил, почему ему дали прозвище Сāӈки-тӯр. Весной отец на озере с таким же названием любил ловить морских уток (турпанов) петлями, сплетенными из волос конского хвоста.

Говорю: «Юванка, ты встань с ружьем наизготовку у мелкого соснячка, только мечи (цельсь) в голову». Предупредил, что медведь очень не любит, когда человек ему спину показывает.

Кто-то среди женщин замечает: «Сват Йӣквар, грех о нем так говорить. Ты лучше сразу скажи, как Юванка в штаны наклал».

– Коротко можно загадку загадать, поговорку сказать и понять. Так вот, я засунул в берлогу крест на крест две тонкие сосновые жердинки, заталкиваю третью и думаю: «Ну, теперь пощекочу тебя в пятки». Не успел подумать – медведь перевернул все мои мысли наизнанку. Вместе с жердями меня отбросило в сторону, в глубокий снег, и я перевернулся на правый бок, чтобы удобнее было стрелять. А пупа (святой братец) на половину уже высунулся из берлоги! Я нажимаю на спусковой крючок ружья. Прыжок! Второй, третий!.. Медведь исчез за низкими сосенками, где стоял Юванка. Вот беда, беда! Вскакиваю. Отряхиваюсь от снега, перезаряжаю ружье. Смотрю: кровяная дорожка идет по лыжне Юванки.

Тут все сидящие затаили дыхание. Мēсыг Кука Улякси подзадоривает его с улыбкой: «Ну-ка, ну-ка! Куда подевался твой племянничек?»

– Иду дальше. Смотрю: возле старой поперечной колоды медведь уткнулся головой в снег. А Юванка раньше времени показал свой зад. Прямую лыжню проложил в Кимкьясуй. Дома спрашиваю младшую сестру, где находится от такой-то Матери Родившийся Сын, Трусливым отцом сотворенный Юванка? Она говорит, что он в бане помылся да вот еще свои штаны постирал. Мужское ли дело стирка? После пошел на вечеринку к девкам – играть в кольцо. Под конец я заключил: «Понятно. Он от испуга в штаны наклал».

Опять вокруг возгласы и смешки!

Адин Василий говорит: «Ну, уж, кума, брешешь! Видано ли, в мокрых брюках по морозу до дому дойти? У него «куличок» отпал бы!» Сӯй-пāвыл Максим говорит: «Это что, кум Хандыба! А со мной такой невероятный случай был, даже вы не поверите! Тогда я с экспедицией был на Урале в верховьях речки Вōль-ӕ. Русские собирали в свои рюкзаки какие-то драгоценные камешки. Тут весной пошла крутая потайка, мигом разлилась горная речка. Надо было дойти до моей деревни, но никак не добраться без лодки. Сделали из бревен плот и поплыли вниз по речке Вōль-ӕ. Смотрим: впереди медведь из воды что-то на берег вытаскивает. Русский начальник шепотом сказал, чтобы мы при подъезде к нему все разом крикнули: «Эй, ухнем! Раз, два, взяли!» Оказывается, в Лесу Живущий выуживал из воды годовалого лосенка. Берег был невысоким, а Лесной Хозяин все еще тащил куда-то добычу, хотя сам уже достиг берега. Тут мы по сигналу главного как все разом ухнем, и вмиг медведь вместе с лосенком исчез за береговым бугром, словно провалился в яму».

Супруга рассказчика Вōлиӈнэ, сидящая на женской половине, снова ловит мужа на хвастливом слове: «Ох, муженек, Длинная плетка, уж не преувеличивай! Ведь он, как всеслышаший знахарь, шаман, слышит издалека. А ты как будто близко подъехал к нему и за его лапу поздоровался».

Максим рассказывал с таким азартом, что у него на лбу выступили капельки пота. Выпучив зеленовато-серые глаза и чуть было не перекрестившись, он начинает божиться: «Милое Всевышнее Небо! Настоящая правда! Вот вам крест! Мы с плотом осторожно пристаем к берегу, у каждого в руках – пищали. Смотрим: под яром с другой стороны, мать моя золотая, медведь лежит вниз головой в воде между двумя деревьями-плывунами. И не могли понять, то ли от испуга водой захлебнулся, то ли упал замертво от разрыва сердца. Ведь сердце у каждого существа не каменное». Мой отец, Многовезучий на охоте и рыбалке, прозванный так людьми Ляпинско-Сосьвинской округи, подтверждает верность слов Максима: «Что ж, в лесу бывает всякое. В комариную пору и в пору паутов бывает такая «медвежья болезнь» – от неожиданного и резкого крика человека в Лесу Живущий (медведь) может упасть в обморок или может броситься наутек без задних ног».

Тетка Нāталь подходит к знахарке Вōлиӈнэ и спрашивает: «Милая Окулина, солнце повернуло, наверное, к утру. Не пора ли поговорить с моим мужем? Что нужно для разговора с мужем: топор или нож?» Та скороговоркой отвечает: «Милая, поступай, как хочешь. Пусть мужики закроют крышку гроба и к ней привяжут сыромятными ремнями жердь».

ЗНАХАРКА ВŌЛИӇНЭ ГОВОРИТ С ВОЙКАНПУӇКОМ

Шаманка Вōлиӈнэ готовится к разговору с покойным Оман Тильпом. В березовом ковшичке зажигает чагу; три раза проносит вокруг гроба, у изголовья на пол кладет топор, затем обеими руками берется за шест – пытается приподнять гроб. С мольбой в голосе приговаривает, словно говорит покойный Светловолосый.

Сыном удачливого охотника был я,
Сыном мастерицы-матери был я.
Теперь душа моя в ином Мире,
Только отец Всевышнего Духа
Возьмет ли к себе поближе меня?
Может, он отправит в Нижний Мир
За то, что наложил руки на себя?

После этих слов Вōлиӈнэ, словно напрягаясь от большого усилия, пытается приподнять конец гроба, но не может оторвать его от пола. Значит, Оманов Филипп заговорил со знахаркой. Даже мы, ребятишки, тихо играющие за перегородкой, замолкаем и с удивлением смотрим на нее: «Что же она? Спящего Тильпа хочет разбудить и поставить на ноги?»

А знахарка, учащая свое дыхание и судорожно вздрагивая, словно от лихорадки, певуче заклинает:

Покровительница моей юрты – Огонь-женщина –
Просила в жертву мою лошадку – Пегашку,
Но я не исполнил ее просьбу,
За что очень был сердит Пāвлыӈ ōйка.
Я тоже хотел жить в Среднем Мире,
Очень жалел тебя, сердечная,
Не хотел оставить вас сиротками.
По велению Верховного Неба,
Может, попаду в рай, Залунье.

В этот момент мужчины и женщины шумно вздыхают. Шаманка Вōлиӈнэ вся трясется, как осенняя пожелтевшая травинка от ветра; руки, держащиеся за кончик жерди, дрожат так, словно ее бьет током. Два раза она легко приподнимает изголовье гроба; затем камнем прилипает к полу. Она не может оторваться от него. И далее она продолжает заклинать:

Но шайтаны-невидимки во сне
Хватались за мое горло,
Потащили к себе в Мир иной.

Не имею на вас злых мыслей.
Чтобы вы жили во здравии,
И не трогали вас Духи болезни,
Окропите углы дома кровью бычьей.
Так велела сказать прародительница,
Рāктья Нāй-ӯква – Огненная женщина.
Тогда я уж не буду тревожиться.
Пусть мои вперед думающие слова
Донесет до вас та женщина,
Кто почувствует тяжесть моих мыслей.
Пусть выскажет мои слова тот мужчина,
Кто руками воспримет тяжесть моих дум.

Заклинающая женщина, отбрасывая уголки платка за спину, всем корпусом выпрямляется и обращается к тетке Нāталь: «Милая соседка, как я могла, так и сделала. Может, кто-нибудь другой поговорит с ним?»

Она берет посуду со столика с дымящейся чагой. Подходит к каждому родственнику покойного. Обжигает кончики волос у детей покойного. Нāталь-ӯӈк отвечает ей: «Дорогая Окулина, не надо больше. Не нужно больше его тревожить. Так понятно, с какими мыслями мой дорогой друг уходит в иной мир».

В другой половине дощатой перегородки старшая дочь тетки, Ульяна, укладывает детей на мягкие оленьи шкуры. Вместо одеяла на них набрасывает теплые шубы-сахи. Я тоже ложусь к ним; слышу, как отец начинает напевать родословную песнь прадеда – Русь лāтӈыӈ ӧйка:

ВТОРАЯ ПЕСНЬ-ВЕСТЬ

Я возмужал за семь-восемь лет,
Мог, как мужчина-охотник, на лыжи встать,
Как рыбак, на трехперекладную калданку сесть.
Среди детей ханты, саран (зырян) и русских
Научился говорить на трех языках.
Две зимы подряд ходил в красно-каменную школу
(школу из красного кирпича)
К святому длиннобородами попу «отче-отчиму».
Учился разговаривать с картинными книгами,
Читать и писать их узорчатыми знаками.
Но однажды он меня наказал розгами
За какого-то святого «остолопа» (апостола).
Даже не остался в стороне крестный отец.
У попа, чувал – пузатая печка была.
Как-то Курек Микитка привез тонкие дрова.
Свят посмотрел на воз: «Что за жердинки?
Бестолков же, остяк Никитка!
Бог за такой грех не примет в рай».
А Курек: «Какой такой рай всякой?
У нас есть своя место святой,
За эти неосторожные кривые слова
Святой отец огрел его березовым хлыстом.
С тех пор его стали звать Хāль-пōс[31] – «попом»,
Купец Шахов – большой начальник с дальних юрт –
Собирал для великого царя дань за год.
Иногда он меня брал с собой толмачем.
Купец Длинная овечья шуба – богач из богачей –
Имел много лавок и рыбацких снастей.

[31] Хāль-пōс – берёзовый знак.

Мережу, сети, калданы для нас не жалел,
Но брал у нас, что хотел.
Я с братьями Курек добывал муксуна, осетра.
Как-то в августе, Месяце Утиного подъема,
Перед церковным праздником Ильиным днем
Повел наш караван берестяных квāйк[32]
Небольшой буксирный пароходик
На плавной песок, на светломутную Обь.
Проехали протоку, открылась бескрайняя ширь.
Кто тут очутился впервые, оглянулись с тревогой:
В день безоблачный, безветренный, ясный
Откуда быть шуму предгрозового ветра?
Только черная тучка разрасталась с северо-востока.
Что-то в конце плеса шипело, урчало и грохотало.
Словно черти Водяного испускали вздохи,
Изнывая от долгой июльской жары.
Мы были почти у рыбацкого стана.
Вдруг налетел Вōтпыг[33] ураганной силы.
А пароходик шлепал на одном месте,
Словно за его корму зацепились сторукие черти,
И потащило караван к бурлящей стонущей заводи.
Оторвалась от звена одна из калданок.
Исполняя ритмичный танец для Духа Водяного,
Ударяясь о гребни пенистых волн,
Она удалялась к глубокой крутящейся воронке,
Начав медленно погружаться в пучину.
А нас качало, болтало, бросало волнами.
Кричит капитан в рупор: «Рубите канат!»
Но никто не шелохнулся в носовой части лодки,
Помня заповедь предков: «Не ездить по святому месту».
Сквозь визг разыгравшегося ветра, шипящего омута
Вновь доносится голос: «Савелька, руби швартовку!
Сами по течению держитесь к берегу».
Тут я подумал. «Вот так штука!
Витхон (Водяной) сильнее парохода!
Не сидеть же сложа руки
И тонуть на середине Оби!»

Глубоко верующая в потустороннюю жизнь Вōлиӈнэ, словно воочию видя страшную кипящую заводь, удивленно восклицает: «Куда же катерок заехал? Милый Сотам Мишенька! Ведь Водяной затянет караван лодок в свое водное Царство, как это было в сказке с семи братьями-гребцами на одной лодке».

Тут отец прерывает свой чудный бархатистый голос, поднимает тост и предлагает выпить за усопшего Светловолосого Тильпа и Духа Междуречья Сосьвы: «Может, он не отправит его вниз по реке Оби в город Хоманел[34], а посадит его Дух на спину перелетной птицы Черняди и отправит к Отцу Всевышнего Неба, в Залунье, где Вечный Свет и тепло».

И вот почему весной, когда эти птицы прилетают, манси в мае месяце при поминовении покойных на кладбище берут собой морскую или озерную утку, возле очага ощипывают перья и пух, строят односкатный шалашик из прутиков-хворостин. На него кладут перья и пух, после чего поджигают, а тушку варят, как бы принося ее в жертву.

Хорошо знала эту вещую песнь тетка Нāталь, не раз пересказывала на вечеринках своим родственникам и детям. С повеселевшим лицом она спрашивает Хандыбу: «Ты, братец Йӣквар, слыхал о моем дедушке – Савелии Сотам? Ведь он вырос сироткой на Обской стороне у русского купца. Крестным отцом был остяк – ханты Куриков Никита. От него много сыновей и дочерей родилось...»

[32] Квāйк – большая зырянская лодка с тентом или с дощатой опалубкой.

[33] Вōтпыг – букв. сын ветра, вихрь.

[34] Хоманёл – город в Нижнем Мире, висячий вниз головой на мысу реки.

Тот отвечает ей, что он много песен, сказок и легенд от обских, кондинских манси слыхал, а о своем многооленном овырьинском родственнике просто нехорошо было бы не знать. Слышно, как отец с просьбой в голосе обращается к Нāталь-ӯӈк, чтобы она продолжила этот сказ. Она тут же начинает, словно по писаному, причитать:

Я проскочил через головную лодку
И отрубил топором льняную веревку.
Стар и млад взялись за весла и гребли.
Я повел караван к кипящей стремнине,
Бегущей вразнобой к береговой полосе затишья.
Только возле яра мы свободнее вздохнули.
Тут воскликнул Тутлеймский манси, Петр:
«Ну, теперь успевай рулить, Савелька!
Сам Виткуль (Водяной черт) против течения
Повезет к шайтанам, в Ура – святилище».
Русские пристали чуть выше речки Карсунта.
Видимо, тоже крестились, вспоминая своего Христоса.
А солнце – его Дух-тень в Обской воде улыбалось,
Словно над нашей людской слабостью забавлялось.
У святилища – чугунные котелки предков.
На нас смотрел Всевидящий Мир Суснэ Хум.
Для него развели огненный очаг золотой.
Над ним повесили котелок с водой.
Все в сторону идола склонили головы:
«О, милый Āяс-Тōрум (Дух средней Оби)!
Ты помог доехать нам в целости,
Тут промолвил Тутлеймский Петр:
«Для тебя все есть: Сосьвинская тугуна,
Даже русская наливайко-винка (наливка), –
Но нет с собой никакой живности.
Вот если бы пеструшку – бычка!
Разве такой нет! У меня жирная курица,
Сиськурек-многонесушка, русская птица!» –
«Мне не впервой», – вмешался Курек Микитка.
И он вспомнил, как у одного рума в Березово
Поменял беличьи шкурки на петуха и курицу.
Как-то он ловил рыбу далеко, бывало,
От своего хозяйственного лабаза и стойки для скота,
Как-то сельдь и сырок совсем перестали ловиться.
Нечем было угощать Духа Водяного.
Принес он в жертву на Шайтанском мысе,
На общем мансийском жертвенном поле,
Красноголового петушка-гребешка,
Со всеми атрибутами священнодействуя.
И Дух реки Сосьвы, словно услышав его просьбу,
Стал посылать рыбу в невод целыми косяками.
Все тут разложено: дымящаяся курятина,
Ломтики ржаного хлеба, пряники, юкола.
Налиты вином березовые ковшички.
Цельные руки! Крепкие ноги!
О, Святой Отыр Малой Оби!
Направь рыбу в наши калданы!
А Витхон все плескался рядом,
Словно виляя огромным хвостом,

Захлебываясь замутненной, икряной водой,
Словно выплескивая косяки рыб,
Радостно играя на зеркальной глади реки.
Всем нам казалось, что Виткуль успокоился,
Утолив голод запахом диковинной пищи ...
Из-за густой стены верб и тальника
Был слышен равномерный шум воды.
Исполнив свой обет перед Духами,
Мы поторопились ставить берестяные чумы к стану,
Готовить рыбацкие снасти к вечернему плаву.

III ГЛАВА
В РУССКОМ ПОСЕЛКЕ СОСЬВИНСКАЯ КУЛЬТБАЗА

Уже в 41-м году я учился в школе-интернате Сосьвинской культбазы. После домашних занятий вечером я часто прибегал в дом тетки Нāталь Оман поиграть с ровесниками, с ее детьми. Забежав в дом, увидел, что за столом ужинала вся большая семья тетки, но не было четырех мужчин, как это бывало раньше: отца Филиппа похоронили зимой, а троих сыновей – Митю, Шуру и Костю – летом забрали воевать с немцами-фашистами. Тетка Наталь, вспоминая их, говорила со злостью: «Смертонос, черный Гитлер! Ишь, мало ему места, чужую землю захотел. Ведь он натворит на белом свете много злых дел!» А другой сумаюртовский старый рыбак Адин Василий, после похорон своего раненого сына, как-то во время концерта на клубной сцене увидел карикатурный портрет Гитлера. Танцуя по-манси, запел такую песню:

Сын Духа болезни – холера, зараза!
Тайс-тайс! (ешь-ешь), черный Гитлер-смертонос!
Ишь, захотел сожрать наших сыновей.
Хоть я мужик горбатенький, но удалой.
Вот, на-ка, возьми и выкуси!
Возьму, как это гнилое яйцо,
Раздавлю своими крепкими руками.

«Ну-ка, младший братик из Рахтыньи, иди, иди к столу. Поди, соскучился по милой рыбе. Попей с нами чай с юколой». За рукав тетка потянула меня к столу и положила возле меня картошку в мундире с куском соленого сырка. Тетка, видя мою брезгливость к картошке, громко смеется: «Эх, браток, это самая сытная и вкусная огородная пища! Русские, как мы юколу, ее считают вторым хлебом».

Позже многие семьи спасались от недоедания этим вторым хлебом, хотя у нас в поселке не было перебоя на выдачу хлеба по карточкам и маркам. Их получали колхозники, служащие, рыбаки-охотники.

Как и моя мама Менгквьянэ (женщина из реки Великана), две тетки – Оманова Наталья и Качанова Аннэ – никогда дома не сидели без дела: то они острым скребком скребли оленью шкуру и камусы, то их обрабатывали, то шили летнюю и зимнюю обувь: кисы, нюрики, рубашки и платья для детей. Чтобы отвлечь своих детей от озорных и громких игр, тетка рассказывала что-то смешное и страшное о зверушках, о Бабе-яге.

За окнами быстро наступает осенний мрак. Слышно, как на берегу от резкого порыва ветра скрипят и размахивают, как журавлиными крыльями, игольчатые ветки старого кедра, стоящего возле дома. Вдруг из-за печной перегородки выскакивает кот и начинает царапать половые доски. Тетка, заметив это, говорит дочери Уле: «Смотри-ка, наш кот кому-то делает дорогу. Кто-то к нам в гости приедет. Поставь-ка самовар». Рассаживает своих детей по деревянным кроватям, берет со штыря берестяную маску, нахлобучивает на лицо, постукивая посохом, начинает вкруговую носиться по полу: «Хаш-хаш! Кыш-кыш! На-ка, где ты, внучек-баловник? В каком месте на нарах спишь? Справа или слева? Ах, вот посередке. Хаш-хаш! Кыш-кыш! Давай, поиграем в лосенка-мышонка». И тут она сзади себя опускает лоскуток шкурки, привязанный ниткой. За лоскутком вслед бросается черный кот...

В это время в сенках радостно залаяли кутьки (щенята). С улицы заходит моя мама Менгквьянэ и, увидев берестяную маску, от удивления застывает у порога. Тетка Нāталь подходит к нам, разводя руками в разные стороны, несколько раз повторяет: «Хаш-хаш! Кыш-кыш! Фу-фу! Тьфу-тьфу! Кого

несет нечистая сила? Это ты, ночью детей ворующая Баба-яга? Уходи невидимка – Злой Дух! Тут все ребятишки спокойно сидят». Она снимает маску и делает протяжный выдох, приговаривая: «Ведь я добрая Баба-яга и веселая!» Затем, поворачиваясь к дверям, здоровается со снохой, с моей мамой: «Феша, что ты там стоишь, как идол? Проходи, проходи в дом, шубу сними. Не могла без ничего прийти? Ребятишки мигом все принесут из лодки». Тогда только мама начинает развязывать хлястики у своей сахи-шубы и ворчливо говорит: «Ись-ись! (Грех – грешно!) Золотце-матушка! Берестяная маска – женское ли дело?! А почему вы без лампы?» – «Да вот ждем, когда заработают «огненные сани» и включат электросвет. Видишь, под потолком висят стеклянные пузырьки-лампочки. Вот-вот загорятся. Ну-ка, детки, мигом к лодке. Принесите все вещи бабы Феклы. А ты, братик Микол, уснул что ли? Ведь твоя мама приехала».

И тогда только я радостно бросился к мамке. Услышав об огненных санях, она удивленно поглядывает то на тетку, то на лампочки, думая про себя: «Причем тут паровоз? Вроде тут нет никакой железной дороги». Она не знала, что под яром оврага и берега построена электростанция с паровозным двигателем. Уж мы хотели пойти к берегу, как вдруг свежевыбеленные белой известью стены озаряются ярким электросветом. Подпрыгивая возле дверей, мы весело кричали: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло!» А тетка Нāталь и мама, как будто сговорившись, кладут поклоны головами в сторону лампочки, приговаривая: «Золотой русский божественный свет-огонь! Золотая наша мать – Северное Сияние!»

Возле дверей, увидев корзину со свежими серебристыми сырками и пыжьянами, у нас потекли слюни. Почувствовали, что скоро поедим вкусный, свежий нярхул – «сырую рыбу». И мы с радостью побежали к берегу. В лодчонке у мамы чего только не было в берестяных кузовках и корзинах: свежая черная смородина, сушеная черемуха, соленая рыба, разная юкола...

К нашему приходу домой на гладких кедровых досочках лежали очищенные от чешуи рыбки. К нам заходят соседка тетки Вольянэ (женщина из реки Волья) и Сепрахт Сандра (Александр из речки Тетерка). Недавно он приехал из д. Посолдино в культбазу. Все они здороваются двукратными поцелуями в щеки. Матушка, увидя свата, родственника моего отца, Кислобаева Сандра, сразу к глазам вниз придергивает свой платок.

Тетка Нāталь приглашает гостей к столу, чтобы они поели рахтыньинскую сырую рыбу – свежего сырка. Говорит старшей дочери, чтобы для малышей поставила другой низенький столик и накормила их лакомкой-рыбкой.

– Сношенька Фекла, ты угощай гостей нярхулом и горячим чаем, а я уложу своего малышку в качалку, усыплю, а вас и старших деток позабавлю вещей песней о прадеде – дедушке Сотаме (Шумно играющем). От этого слова Сотам происходит Садомин.

О МУЖЧИНЕ, ГОВОРЯЩЕМ ПО-РУССКИ

ТРЕТЬЯ ПЕСНЬ-ВЕСТЬ

Сын песни-вести, я долго ли жил на Обской стороне.
Сын реки Сосьвы, коротко ли рос в поселке Березове,
Но все мое сердце плакало по оленной Родине.
Наверно, выросла нареченная моя невеста.
За здоровье ее в церковь ходил молиться.
Когда-то тут стояла избушка Меншикова.
Все русские его считали своим прапрадедом.
Проходя мимо, крестились пред его домом.
Курек Микитка, любитель чарки выпивать,
Водил меня купеческие баржи выгружать.
Там за хорошую работу платили спиртом.
Раз так напились, смотрим,
Чуть-чуть позади березовый мысок видать.
Так поневоле, как грузчики, в Тобольске оказались,
На Иртыше в божьем русском городе.
На горе-то чум белокаменный чудной!

А божий дом? С золотым куполом-копьем!
Внутри на нас смотрели золотые идолы.
Откуда-то сверху пели песни небесные ангелы.
Даже от удивления мы креститься позабыли.
Однажды, в месяц хода на нерест рыб (август),
Снарядив двухъярусную зырянскую лодку – кваӣк,
Закупив наличными товаров, продуктов и в долг,
Решили поехать в свой край соболиный с братьями Курек.
Купец Длинная овечья шуба – большой начальник –
Просил его, руму (друга), не забывать.
Велел на будущее лето к нему приехать,
Чтобы для него Обскую рыбу ловить.
Добирались до устья Сыгквы 6 дней и ночей.
То парусом в ветреный день, то
В затишье – веслами, гребями и бечевой.
Духа середины Сосьвы угостили рыбой Обской.
Чтобы запастись юколой к зиме,
Надолго остановились в устье Сыгвы.
Затем я построил дом в Овырье,
В родовых юртах покойной мамы,
А братья Курек, Микиш пустились в дальний путь
К верховью Сосьвы зверя промышлять,
Где навсегда в Няксимволе остались.
Вот наступила осень ранняя, малоснежная.
В такую пору добрая собака кормит хозяина.
Без камусных лыж, что летом без обласки,
Тут жил старший дядя по матери –
Мастер подельшик весел, нарт и утвари –
Писинг ойка (мужчина-фокусник),
Хисьрапая (про прозвищу Крутой набалдашник весла).
«А, это ты, по-русски говорящий внучек!
Ребенком уехал, а свой язык не забыл?
Молодец! По-ихнему новый дом построил.
На тебе одежда наполовину русская.
Вот послушай, о чем шепчут мне Духи предков.
Тэнг-тонг! – На сангквылтапе извлекает звуки
И начинает сказывать былину об Эква-пыгрисе,
О моих родных и обо мне, о сиротке Сотаме.
Тут-то в его сказе Хандыбины шутки
Превращались в хитроумные забавы.
Поет Хисьрапая, играет на сангквылтапе,
На стуле оживают куклы в дикой пляске.
Предо мной промелькнуло все мое детство:
Шумные игры с дочуркой Хандыбы
В оленьи упряжки и ловля их тынзяном,
«Внучек, чум без женщины – сиротский дом.
Без ее теплой руки – холодный чум.
Знаю, ты любишь ее, дочь Марью.
Только она тебе дальняя родственница.
Со сватовством ничего не получится.
Украсть только ее можно.
Раньше к ней приезжали сваты-зыряне.
Надо торопить это большое дело скорее!»

Тетка Наталь, проговорив эти слова, на несколько минут замолкает и перестает качать качалку. Видно, ребенок уснул. Подходит она к кухонному столу, берет рыбку и начинает ее пластать острым ножом. Спрашивает бородатого мужчину: «Братец Сандра, ты в магазине по-русски не умеешь просить хлеба? Привези-ка сюда в культбазу свой домик, жену и дочку. Я ее устрою работать в пекарню. А дочку отдашь учиться в интернат». – «Хи-хи! Ха-ха! – смеется мохнатоголовый Кислобаев Сандра. – Что я, ребенок? Кто не слышал вещую песнь о нашем прадеде Сотаме, первым говорившем по-русски на реке Сосьве».

IV ГЛАВА
ЛЕТНИЕ ЮРТЫ – НАША КОРМИЛИЦА, ЖИВОРЫБИЦА И ЖИТНИЦА!

Прошло много лет после Великой Отечественной войны, после смерти Войканпунгка, Тильпа Омана, его старших трех сыновей, погибших на фронте, и смерти моего отца, Сотама. Но моя мама Менквъянэ, две тетки – Оман Наталь, Качан Аннэ – три пожилые семидесятилетние женщины, и мы – дети, никогда не забывали их.

Летом они в самую рыбную и ягодную пору приезжали в свою родную деревню Рахтынья, расположенную на левобережье светловодной судоходной уральской реки Сакв (Ляпин). С раннего утра до позднего вечера в конце июля косили, сгребали сено; неводками в старице ловили рыбу; к зиме готовили солонину и юколу из плотвы и белорыбицы. Всей семьей собирали ягоды: морошку, голубику, черемуху и смородину. После удачного лова рыбы и обильного урожая дикоросов не забывали помянуть своих предков и недавно усопших родственников. На лодочках-калданках ехали длинным речным плесом в зимние юрты, где находилась печальная площадь (кладбище). Там разводили кострище; в двух чугунных котлах варили мясо и рыбу. Затем, раскрыв катас (ручное отверстие могилки – домика-сруба), на низеньком столике расставляли чашки со всякой снедью и горячей пищей для угощения духов умерших. Прежде чем приступить к трапезе, ложились перед могилками и начинали плакать, исполняя грустные молитвенные песни:

Я тебе поставлю берестяную чашу, едой наполненную,
Я тебе берестяную люльку поставлю с пищей богатою,
Поставлю одну чашу с желудочным соком,
Поставлю одну полную чашу с медовым соком.
Прими все это вместо вкусной жертвы,
Прими все это вместо большой жертвы.
Для меня не было бы места для грозовых туч,
Для моих ног не было бы глубоких ям.
Не всплыла бы заразная болезнь,
Не появилась бы священная болезнь!
У нас нет дочери, чтобы отдать болезни;
У нас нет сына, чтобы отдать черту.

Часто я задумывался, почему поколение моей матушки, не знавшее в молодости больниц и аптечных лекарств, жило в среднем 70-80 лет. Как будто на самом деле добрые Духи-невидимки предков присутствовали рядом: в доме, в лесу, в пути – оберегали от болезней и приносили удачу на рыбалке и в охоте.

Их угощали горячей пищей, как бы давали время ей стыть. В чем тут дело? Видимо, действовал закон выживания и естественного отбора в природе. Оставались в живых и вырастали дети с сильным организмом, способные выработать иммунитет против заразных болезней. Моя баба Парыска Оман и мать знахаря Сувынг Эква (женщина с посохом) прожили более века. И я помню людей-долгожителей из других деревень и фамильных родов. Но без врачебной помощи во многих семьях на четверть, даже наполовину умирали дети при рождении; как у моей мамы, из восьмерых в живых осталось четверо.

В 30-х годах пришла великая помощь от русских, когда в Междуречье реки Северной Сосьвы построили амбулаторию с родильным отделением. В первые годы папа и мама, бабушки и дедушки боялись русского лекаря. Бывало, силком лечили такие распространенные болезни, как сыпной тиф, корь,

трахома, туберкулез, и делали прививки против оспы. Но и тогда я мало знал людей, которые бы часто жаловались на желудочно-кишечные заболевания.

Как же так? Это люди, с раннего детства употреблявшие в пищу свежемороженную рыбу, оленье мясо и «патанку» – печенку. Ведь тогда не знали никаких южных витаминозных фруктов и овощей, кроме таежно-болотных ягод, лугового дикого лука, белоголовника и березовой чаги. Тут, бесспорно, большое лечебное общеукрепляющее значение для их организма имело постоянное употребление природных белков, витаминов, минералов, фосфора, которые в изобилии находились в этих естественных продуктах.

Иногда, удивляясь их жизнерадостности и неугомонности в работе, я спрашивал маму и теток: «Вы что, заговоренные, разве никогда не болели? В лесу и дома у вас всегда дела ... Когда отдохнете от работы?» Они одинаково отвечали мне: «Сынок, мы дружим с Хульотыром (Духом болезней). Он не любит, когда днем человек лежит без дела или с каким-нибудь недомоганием. Вечером и ночью – другое дело. Его изнутри выгоняем камнем-грелкой, горячей настойкой – чаем из сушеных листьев шиповника, смородины и дикой конопли, березовой чаги...».

Позднее, вспоминая эти слова, я приходил к мысли, что, живя в гармонии и согласии с ими же одушевляемым Ма-Вит (Земля-вода), т. е. природой, и в то же время, закаляя свой организм и характер, борясь с невзгодами, выгоняли свои недуги вечными движениями в работе.

Почему-то человек в сыром виде пищи съедает больше, чем в вареном или жареном.

Во время войны не хватало хлеба, поэтому многие манси со здоровыми сердцем и желудком съедали нярхул (сырую талую белорыбицу), по два-три крупных свежетрепещущихся сырка или среднего серебристо-чешуйчатого жирного муксуна. А нежнейшее вкуснейшее мороженое мясо оленя?! Удовлетворение получишь только тогда, когда по горло наешься. Разве оно сравнимо со свиным малосолым салом или корейкой? Ведь северный олень питается чистейшим мшанником ели, богатым витаминами белоснежным калорийным ягелем тайги и тундры, содержащие минералы и целебные свойства. Мы еще с молочными зубами, на вербово-трухлявой подстилке, сидящие в обручно-берестяной люльке, привыкали к такой еде. И мама часто любила поговаривать: «Едва вам исполнился год, уже вставали на ноги и начинали бегать за мамой, благодаря жвачке, соске из жирной рахтыньинской рыбы и оленьих ножнокостных мозгов».

Вот летние юрты Рахтынья – наша рыбная житница, кормилица с семикилометровой широкой старицей на той стороне реки, с пойменными соровыми, луговыми речушками. Чуть выше ста метров от деревни, на левобережье реки, находилось устье таежно-соровой речушки. Само время года подсказывало моим предкам, какие дома строить зимой, весной и летом. Летом тепло, жара, москиты и мухи, поэтому летние бревенчатые дома они строили беспотолочными и без мха, с очагом посередине пола, а на крыше прорезали дырочку-дымоход. С двух сторон очага, вдоль дома, между двумя бревнами параллельно друг над другом клали по три перила (слеги), на которых на тальниковых тонких палочках подвешивалась юкола для вяления и копчения. В часто чадящее и прокопченное помещение почти не залетали насекомые.

В самую пору поспевания пойменной ягоды, под вечер, к тетке Оман Нāталь на моторной печорской лодке подъехала старшая дочь Ульяна с детьми и мужем «Москвой-Ильей»[35]. После окончания культпросветшколы Ульяна работала в культбазе библиотекарем клуба. Восемь лет тому назад она познакомилась с русоволосым парнем, радистом-геодезистом Тюменской геологоразведочной экспедиции. Вскоре они поженились.

Ее приезду радовались подруги и ровесники детства; гурьбой к ней забегали в большой летний дом, чтобы поделиться последними межюртовскими вестями. Она так же, как ее мать Наталь, неугомонная, горазда на выдумки, любила различного рода представления «тулыглапыт», тут же превращалась в злую, ворчливую, неряшливую сказочную Кирпнелупъэкву (в женщину, у которой в носу засыхали сопли); или являлась в образе доброй Лесной Феи – Миснэ. При этом не своим (перевоплощенным) голосом исполняла фольклорную песню, плавно кружась в танце, втягивая всех исподволь в общий хор. Между тем на глиняном очаге, расположенном в центре дома между двумя нарами, весело потрескивали ярко горящие елочные дрова. Тут же рядом с большим очагом тетка Наталь растапливала в чугунном котелке на углях ас вой (жир обской рыбы) из мелко нарезанных кусочков кишок, спинок и брюшин сырка и нельмы. Время от времени березовой деревянной поварешкой помешивала золотистый рыбий жир, а в левой руке держала олений камус (шкуру), туда-сюда похаживая по дому, беспрерывно мяла ее сильными руками.

Вдруг разыгравшаяся Ульяна подошла к маме и детским голоском говорит: «Мамочка, позабавь-ка своих деток, внуков старинной вещей песенкой». В этот миг Наталь-энгк, увидя возле дверей только что забежавшего с улицы восьмилетнего внука Сашу, продолжателя Духа ее старшего сына Омана Сандры,

[35] «Москва-Илья» – так его прозывали потому, что имел фамилию Москвин и лодочный мотор с таким же названием.

пропавшего без вести на большой войне, подзывает к себе внука и говорит дочери: «Уленька, слава Нуми-Торуму (Всевышнему Небу)! Ты нам подарила светловолосого Сашеньку. А ведь ваш прадедушка неплохо говорил по-русски и служил приказчиком у русского купца. Так вот спою о нем последнюю его песню:

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЬ-ВЕСТЬ

Долго не мог смириться своенравный Хандыба с происшедшим,
Он знал по следу нарт, откуда приезжали и кто его обдурил.
Застав сына пьяным, крепко обхаживал тынзяном.
Даже по мягкому месту досталось снохам.
Но не прошла вся его злость на этом.
В родовые юрты прогнал старшего;
Отозвал в чум среднего зятя Хисрапая,
Чтоб тот смотрел за оленями каждодневно.
Для каслания на Урал многоголового стада
Он мог выбрать из многих родственников любого.
Многое знал от средней дочери,
Как живет младшенькая – в согласии, в достатке.
Прошли три долгих зимних месяца –
Время добычи черно-белого зверя.
Вдруг из Сортыньи приехал нежданно-негаданно
Купец Кильцев, появившийся в округе недавно,
По прямому зимнику для сбора дани – ясака.
Преуспевающий купец Междуречья Сосьвы
За короткий срок построил хоромы:
Шестиугольную церковь и лавку с пекарней.
С ним был из Хальуса (Березова) казак с саблей.
Этот загребал шкурки по-новому, по-хитрому.
Если прежде для Белого царя Сандры (Александра)
С каждого одноюртовца брали дань поштучно,
То теперь со всех по весу – пуд мягкого золота.
У кого не было, то брат должен был внести за брата,
Сын – за отца, кум – за свата, родич – за родича.
Вот «колера»[36]! Поставил меня толмачем,
Хоть и сам неплохо изъяснялся по-манси.
А в мирколе[37] все росла куча пушнины,
И в тот же миг, как сугроб в оттепель, все таяла,
Исчезая в связках широченных кулях.
На ручных весах взвешивал, говоря:
«Все для его Светлости Николая!»
Мы-то слыхали от ссыльных из Ивделя,
Что он свой работный люд в Стольном городе,
Как диких оленей, расстреливал на улице.
Кого только тут не было: Анямы, Алхаты,
Ватисупы, Таратови из речки Вольи,
Чукопелики, Остеровы из Проточных юрт.
Старейшина Хандыба и саран – люди оленные
На широкую лавку бросали неплюи черно-белые,
Оленьи прочные камусы и пешки тонко-нежные.
По улыбке и разговору с приезжими людьми

[36] Колера» – холера.
[37] Миркол – заезжий народный дом, который предназначался для собраний, разных других мероприятий.

Видно, что торговец доволен дарами царю-батюшке.
Потом раскрыл обозные лари с продуктами.
Кто больше сдал пушнины, тому пшенки-муки;
По две головки сахару и четвертину водки.
А кто менее, тому отмеряли по два пуда ржи;
По головке сахару и бутыль огненной воды.
Затем купец подал какую-то бумажку уряднику.
Тот прочитал ее перед народом:
«За утайку золота в своих святых ура[38]
Хандыбу наказать десятью розгами горячими.
За несдачу ясака – налога его Величеству –
Няркувся, Пасталапа наказать десятью холодными».
Как бы ни было стыдно перед сородичами,
Я все должен был перевести дословно.
Но сразу мне стало ясно и понятно, что
Кто-то из бывших сватов наговорил на старца.
Тут вмиг соорудили из скамеек лобное место.
Около них похаживал, как боярин, урядник-казак.
«Какой позор! Хорошо, что тут нет ни одной женщины», –
Подумал про себя злой Хандыба.
А на моложавом лице Кильцева – ухмылка:
«Ты, рума, держишь слитки золотые?
Не выделишь долю для казны царской?
Я отменил бы для тебя столь суровое наказание.
Может, за них отдашь сотенку оленей?»
Хандыба, перешагнув через семидесятилетие,
Оленное свое стадо не разбазаривал
И перед сельчанами жадным себя не считал.
Не жалел хоптырки’[39] принести в жертву,
Даже не отказывал дальнему родичу,
Если он нужен был для семейной свадьбы.
А это отдать задаром, хитроглазому?
«Нет! Пусть попьет мою старческую кровь. –
Громко заклинал, скинув богатую малицу:
– Ятил Сорни сянь! Милая Золотая мать,
Родившая семерых сыновей-богатырей,
Затем превратившаяся в Священного идола,
Праправнука нангк (лиственницы), пожалей!
Хотя ты отлита из чистого золота,
Ни один из твоих сыновей ханты, манси
Так на драгоценный металл не позарился.
Ты в землю ушла в своем священном урочище,
А твои сыновья превратились в семь нангк-идолов,
Так долговечно охраняя тебя от чужаков.
И вот почему твои праправнуки,
Проезжая мимо твоих святых мест,
Одаривали тебя то медяшкой, то серебряником.
Чтоб ты вновь, Калтась-эква (Золотая баба),
Заблестела бы лучезарным светом ясного дня!
Как ты ушла от нас, Людей сердца Земли, –
Ни у кого золотых украшений, монет не видели,
Кроме золотого огня домашнего очага

[38] Ура – священный лабаз-сторожка.
[39] Хоптырка – важенка бесплодная.

И вечно на небе светящего солнца».
После его слов воцарилась напряженная тишина.
Он лег на скамейку, готовый к испытанию.
От его слов и тишины купцу стало неловко.
Но он, воспитанный в семье промышленника,
Видевший в детстве не такие порки, дал знак казаку.
Он вспомнил слова отца: «Для острастки инородца
Небольшая показательная жестокость требуется».
Тут урядник розгой второй раз размахивается...
Купцу я подсовываю крест Золотой с цепочкой
И говорю ему просительно и умоляюще:
«Да он с ума сошедший старец, как дитя несмышленое!
Не пожалеет десяток оленей для вашего обоза».
Кильцев подошел к Хандыбе, прошептал в ухо:
«Зятю, говорящему по-русски, скажи спасибо».
Самолично он поднял его, подал ему малицу.
«А сейчас, рума, всех оленных приглашаю в гости.
Как им, этим двоим, Няргусю, Пасталапу, отменяю наказание,
Но чтобы накопили шкурки к следующему году.
Кому винка не хватит, приходи ночью.
Несите пушнину, все, что у вас есть.
Поменяю на товары, куплю за деньги» –
Так закончил новоявленный купец свою речь.
Уж было я собрался в юрты Овырья,
Как пришел с бутылем вина тесть:
«Не обижайся на старейшину, Хандыба.
Скажи дочери, пусть приезжает к отцу
И берет двести голов – свое приданое.
Можете отдать Хисьрапаю на содержание.
На каждом поставьте родовую тамгу –
Свой фамильный знак – утиную лапку».
Сын вещей песни долго ли прожил с Марьей.
Дочь песенной вести коротко ли жила со мной.
Произвела на свет семь сыновей и дочерей.
Из камуса и сукна она шить мастерица
И рыбу готовить к зиме искусница.
Всех вас поставила на крепкие ноги.
В руки крепких мужей попали дочери.
В верховьях и низовьях реки Сосьвы
Теперь живут ваши родственники.
Добывая зимой таежного пушного зверя,
Мало ли с ней накопили богатства,
Летом Тагт-Ас[40] белорыбицу вылавливали.
Но однажды все то, что собирали всю жизнь,
Пока вылавливали рыбу на Большой Оби,
Все забрал себе золотой огонь.
Или это случилось по его желанию,
Или по злому умыслу какого-то завистника.
Все потерял в один миг, как есть, Хандыба.
Родичи при его жизни раскромсали стадо.
Только теперь старший сын с Хисьрапаем
Каслались на Уральские горы вместе.
Ваша матушка ничего не жалела,

[40] Тāгт-Āс – Сосьва и Обь.

Никого из своих детей не обделила.
О, святая родительница рода Утки,
Прилетающая из жаркой «Мортым Маа»,
Где солнце над головой, в зените.
Теперь ты, милая, на той стороне Неба.
Скорее попасть бы к тебе в Залунье!
После того случая с Хандыбой я
Отказался быть толмачем для ясачных,
Чтобы среди людей не слыть злыднем.
Но вот что запомните, сыновья, детки, внуки!
Так исстари сложились наши отношения с русскими,
Что слово «рума, означает «русский, друг, товарищ».
Или встретился человек другой национальности,
Если он словоохотливый, добрый и приветливый,
То все равно обращаются к нему: «Пася, рума!
Здравствуй, незнакомец, – друг русский!»

САЗОНОВ ГЕННАДИЙ КУЗЬМИЧ

Сазонов Геннадий Кузьмич (22.10.1934 – 1988) родился в с. Красный Кут Саратовской области.

В 1958 г. окончил Саратовский госуниверситет, геологический факультет. Преддипломную практику проходил в низовьях Оби, защитил дипломную работу о нефтегазоносности Березовского района Тюменской области. Работал геологом, начальником отряда в Главтюменьгеологии. Участвовал в 16 полевых экспедициях в Приполярном и Полярном Урале.

В 1963 году в газете «Тюменская правда» появился первый рассказ «Хасырей».

Участник зонального совещания молодых литераторов Урала и Сибири (Кемерово, 1966), VI Всесоюзного совещания молодых литераторов (Москва, 1969). Печатался в журналах «Смена», «Урал», «Аврора», «Волга».

Автор книг «Привет, старина!» (1965), «Жалость» (1969), «Мой дед – Захар Нерчинск» (1973), «Мамонты и фараоны» (1976), «Тропы к верховьям» (1978), «Открыватели» (1985), «И лун медлительных поток...» (в соавторстве с А.М. Коньковой) (1982).

Лауреат премии Тюменского комсомола, член Союза писателей СССР.

КОНЬКОВА АННА МИТРОФАНОВНА

Конькова (Картина) Анна Митрофановна родилась 26 июня 1916 года в мансийском селении Евра Пелымской волости (ныне – Кондинский район).

В 1937 году окончила Ханты-Мансийское педагогическое училище. Преподавала в национальных школах округа. В 1946 году переехала в город Ханты-Мансийск, работала в детских садах, школах города. Более тридцати лет посвятила работе с детьми.

В 1967 году после выхода на пенсию занялась литературной деятельностью. Автор более 20 произведений, двух сборников «Сказки бабушки Аннэ» (1985), «Свидание с детством» (1996). В 1982 году выходит роман-сказание «И лун медлительных поток…», написанный в соавторстве с тюменским прозаиком Г. Сазоновым.

В 1989 году Анна Митрофановна Конькова принята в Союз писателей СССР.

Талант и труд Анны Митрофановны отмечен наградами: Орденом Почета (1996), званием «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа», в 1998 году она стала обладательницей звания «Почетный гражданин города Ханты-Мансийска».

Умерла 3 декабря 1999 года, похоронена в Ханты-Мансийске. В 2000 году, посмертно, ей присвоено звание «Почетный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа».

И ЛУН МЕДЛИТЕЛЬНЫХ ПОТОК...
(РОМАН-СКАЗАНИЕ)

АПРАСИНЬЯ ИЗ ЗЕМЛИ ТАХЫ

1

И вот настало время, когда Мирон сказал своему отцу, Максиму Картину:

– Тетюм! Отпусти меня в земли сосьвинских манси, отец! Хочу посмотреть жизнь людей Тахы.

Недолго думал манси Максим Картин – с восхода до заката: в зрелости лет короткие думы давно передуманы. Несколько раз то вширь, то вглубь просмотрел он долгую свою жизнь, где было больше лютой зимы и мало лета, перебирал ее по жилочкам, по шерстинке, гляделась она ему издали цветом золы, колыхалась под неверным туманом. Находил в ней Максим Картин много пустого, тусклого и зряшного, что творилось лишь за-ради утробы и покоя. Но поднимал он из далекой памяти нажитые болью и

тяжестью золотинки мудрости. Долгая жизнь еще никому не придает ее, мудрости, – просто год от года человек становится осторожнее к себе и близким, и не потому, что стал умнее, нет. Наверное, оттого, что много знает наперед, знает: если его дети и внуки сумеют так же свято хранить законы и обычаи предков, то их жизнь повторит его жизнь. След в след повторение. Как у зверя... Ну и что? Все просто: хранить законы и подчинять им себя – значит сохранить и род свой, и себя в роду своем. И хотя порой волчий он, звериный и жестокий тот закон, непонятный – от земли ли он, от неба ли, – все равно закон хранит человека, как частокол избу хранит, как хранят речку берега.

В глухоте кондинских урманов, в краю сотен оперенных лебедями озер затерялось крохотное, из сорока дворов, мансийское селение Евра. Никто не помнит, когда появились и расселились здесь манси – рыбаки и охотники. Из древних преданий дальним громом донеслось, что сюда, в дремучесть кондинской земли, небольшое гордое племя привел вожак богатырь Ивыр.

Река Конда раскидистым кедром, огромной кроной своей, бесчисленными голубыми веточками упирается в водораздел Малой Сосьвы, а могучими стволами и ветвями протоков достигает Люлим-Вора – Великого Красного Леса. Спеша к Иртышу, Конда-река извилисто пробегает тысячеверстный путь, жадно забирая в себя Мулымью, Эсс, Большой и Малый Тап, Юконду и сотни безымянных речушек. При впадении в Конду устья рек распахиваются, просторно раскидываются в полую воду, образуя «соры» – неглубокие озера. Русло Конды причудливо-извилисто, и долина ее необычна – отшнуровываются, убегают от реки старицы; длинные, в три полета стрелы, озера соединились протоками – все это образует то, что называется туманами. В верховьях своих Конда ласково принимает в свою долину небольшую, но быструю речушку Евру, всего-то в сотню километров длиной. Перед впадением в Конду Евра протягивает себя, как иголка нитку, через пять-шесть больших озер и образует Сатыгинский и Леушинский туманы. Туманы неглубоки, течение в них дряблое, как дыхание уставшего рыбака, мели и песчаные косы ежегодно переползают с места на место, и до Евры не поднимались баржи и неводники: летом до снега, до ледовой дороги, Евра отрезана от мира.

Вокруг Евры, в нерушимости лесного покоя, притаилось несколько деревушек. В пяти верстах – Вындырья, деревня рода Вындыра, в четырнадцати – Вырый, или Урай, что по-мансийски звучит как деревушка над старицей. Неподалеку небрежно, как шишки под кедром, раскидана горстка изб Нярпалы – Болотной деревни. А в двадцати верстах от Евры, в Сатыге, гнездился «князек» Сатыга со своим княжеским родом, собирая ясак с окрестных манси. Далеко оторвались евринцы от людей: до Леушей девяносто, до Пелыма сотня, до Гарей сто пятьдесят, может двести, немереных буреломных верст.

Священны места на Конде. Хранят они древние капища манси. В капищах обитают божки, до поры молчащие, с открытыми, обнаженными глазами, что видят нарождение гроз в бездонье струящегося неба и трепетное появление травинки на обнаженной, еще не согретой земле. Те места чужаку недоступны, откинуты они за пределы человеческого дыхания, и жертвы языческим божкам и земному богу Шайтану приносились раз в три, а затем лишь раз в семь долгих лет.

В истоках Конды изначала веков обитает Старик – в обличии медного идола покровитель Кондинского края, неусыпный хранитель всех зверей и птиц. Старик властно требует уважения, жертвы и покорности, он любит золотые и серебряные поделки, и охотник, проходя через угодья Старика, опускал дорогую вещицу в дупло древнего кедра, что оберегал собою шайтанский амбар. Близ Шаима почитается Лопанзюк – Человек-Лягушка, он же покровитель рыб. В Песярах-Пāвыл на высоком берегу поднимается Саӈ-Пупий – Птичий Шайтан, сотворенный из семи разноперых уток...

Много капищ запрятано в верховьях Конды, и хранителем самого древнего капища Канталья был Максим Картин.

Люди, что приходили принести свое истовое моление и подношение-жертву земному богу Шайтану, часто останавливались у Максима в большом доме, срубленном из неохватных лиственниц. Максим Картин – Макса пув Ситка (сын Ситка из древнего рода Вороного Коня), уже много лет избирался старейшинами и людьми Евры хранителем капища. В нем жила глубокая, как корневища кедра, память, он был силен, как сохатый, был здоров и нарождал здоровое, без кривулин потомство. И он знал многое. Умел слушать и понимать, о чем рассказывали люди, что приходили в капище. Каждый, кто приходил сюда, приводил с собою жертву: лосенка, белого оленя, белого барана да хоть белого петуха. А сюда, в Канталью, стекались манси от деревни Ёмас-Пāвыл до истоков Конды. Вот почему в древние времена Евру так охраняли от татарских набегов. Когда сибирские татары дошли до Леушей (по-манси Лувс – Лошадиный Город), воины-манси небольшими отрядами тайными тропами, непроходимыми урманами стянулись к Евре и на реке подняли семь высоких, неприступных завалов, опрокинув наземь живые деревья. Они так и назывались – Первый лом, Второй лом... Седьмой... Корни, ветви, стволы деревьев переплетались

так туго, так проросли насквозь молодым березняком, что ни один зверь – ни медведь, ни волк – не мог преодолеть лом-засеку. Уже на памяти Максима князец Сатыга сгонял людей, чтобы расчистить эти завалы.

Проскользнуло время, утонуло в дымах закатов, в говорливой быстрой воде. Время отмечало себя рождением детей и смертью стариков, новыми избами над рекой, черными годами мора и голода, грозными таежными пожарами и разливами Конды. Дни складывались в годы, годы в десятилетия, уходила юность, подступала старость – время медлительно текло по уготованному руслу. Оно оставалось таким же, каким было вчера, и не обещало измениться завтра. Тягучее, как смола, загустевшее время... Незыблемое, неприступное, неодолимое. К сорока годам Максим Картин обнял разумом, что евринцы и все кондинцы живут на острове в верховьях Человеческой Реки. На берегах ее раскинули свои стойбища ханты-остяки, поставили селения татары, на закате – города и деревни бородатых русских с их церквями и лавками, а на севере, за небольшой протокой, раскинулись земли Тахыт-Махум, земли сосьвинских манси. Человеческая Река плескалась, гремела, обрушивала, проглатывала берега, ломала льды неприязни и неслась, неслась под солнцем, под грозами и метелями, захватывая на своем пути ручейки племен и реки больших и малых народов. Манси Конды, Юконды, Евры, давно ставшие ясачными людьми далекого и неведомого Белого царя, затаились среди урманов, храня свои законы. А Человеческая Река вбирала в себя речки и речушки племен, и те оставались сами собою лишь в притоках, в верховьях своих, в реке же племена и народы становились тем единым, что называют уже не род, не племя, не люди Конды или Тавды, а уже люди Большой Реки – человечество. Большая Река жила уже Большими Законами, их создавало не только течение, не только берега, но и ложе и небо той земли, по которой пронеслась многоязыкая, многоглазая, многоголовая река. А острова? Острова на реке окружают острые песчаные косы, их окружают коварные, меняющиеся мели.

«Мы, манси земель Конды, пелымцы, манси Юконды, живем, как остров, среди других народов», – размышлял Максим Картин, побывав на великой реке Ас – Оби, среди сургутских и ваховских остяков. Он побывал у назымских и казымских, кодских и березовских ханты, видел ненцев, поднимался по Сосьве – Тахы и жил немного на земле сосьвинских манси. «Почему мы, манси Конды, белые, светлые, а люди сосьвинских земель, народ Тахыт-Махум, темнолики, узкоглазы и плосконосы? Кто они, откуда? Ведь они тоже называют себя манси. Мы родственники, братья мы, из единого племени или это другой народ?»

Максим Картин с братом поднимались в верховья Конды и, обойдя Турсунтский Туман, от Арпāвыла подходили к истокам реки Тапсуй, в земли Тахыт-Махум. Они спустились по Сосьве до Няксимволя, и их встретили люди Сосьвы, манси сосьвинских земель. Ростом они чуть пониже Картиных и обликом почти такие, только лицо круглее и скуластее, подбородок тяжелее и темнее они глазами, волосом и телом. Одежда – из оленьих шкур, и постель, и пища другие – то олений народ, он каслает оленей по хребтам Урала, по Ялпинг-Нёр, по Яны-Кат-Нёр – Хребту Большой Оленьей Лапы, от священного озера Тур-Ват к верховьям Ыджит-Яга и Елтыньи. И разговор людей Сосьвы на первый раз неясен, но вслушаешься – понять можно, хотя в нем, как в чистом песке, попадают круглые гальки чужих, непонятных слов. Эти слова люди Сосьвы, наверное, принесли с вершин и туманов Урала, где они встречались с ненцами, с коми, а может быть, и с другими народами, что обитают по ту сторону гор.

Олень для людей Сосьвы означал жизнь, определял ее, очерчивал границы бытия. Олень – и богатство, и счастье, и пища, кров, одежда и упряжка. А вдруг черный мор – нет оленя. А вдруг свирепый оскал зимы, непробиваемый, как кольчуга, наст – нет оленя. А волки? Темная ночь, злая, голодная пурга глотали стадо... Люди Сосьвы почти все время проводили в чумах, в стадах, в поисках пастбищ, и мало оставалось у них времени на охоту и рыбную ловлю, хотя сюда, в верховья, поднимались нельма и муксун, в горных реках жировали таймень и хариус – их кололи острогой с легкой лодки. Они подарили Максиму двух быков – хоро, а за два волчьих капкана Картин выменял чистокровную няксимвольскую суку и кобеля. С тех пор в Евре появились крупные и широкогрудые песочного окраса лайки с голубыми, по-детски доверчивыми и мудрыми глазами.

Нет, евринцы жили иначе, другим законом и порядком. Были у них олени, немного, совсем немного: у Лозьвиных – десять, вот сколько пальцев на руках, у Кентиных – семь, ну, у того-другого – два-три. Держали их в загородке, возле юрты, кормились олени в лесу, ходили по лесным полянам, побрякивая боталом. Не ради мяса, не ради шкуры держали оленей, не для быстрой езды – на легких нартах или вьюком ходили с оленем на охоту в те урманы, куда не пройдет конь. Да если и пройдет, чем там кормить коня зимой, он мох не ест, он кору не грызет, он конь, а не лось тебе какой. Эх да и кони в Евре! Злые, вороные, ястребиное крыло!

– Откуда конь?! – спрашивал Максим Картин у стариков, что выбирали себе покойное место у костра под кедром. – Откуда у нас конь?!

А старики лишь посмеивались, ощерив беззубые рты.

– Конь-то?! Да он сроду у нас был. Что конь, что собака, – отвечали старики. – Как дите ты, Максим, а уже пять десятков зим живешь. Зачем знать тебе, откуда конь у нас?

– Идола, поди, хочет сотворить, – усмехнулся старый Кентин. – Да, видать, не знает: жеребца или кобылу? Вырубай жеребца с кобыльим задом...

– Хо-хо-ха! Хи-хи-хи! – залились ребячьим смехом старики, только древний Лозьвин глухо просипел, словно простонал.

– Сами вы неразумны! – давил слова Лозьвин. – Он пытает вас, как мудрых, ему край как нужно знать, был ли у колыбели его рода конь. Был или его взяли взаймы у ногаев и татар?

Закашлялись старики, спрятали глаза, задумались, ушли далеко от костра, пытаясь заглянуть в далекое.

– Никто того не знает! – нарушил молчание Кентин. – И не дано нам того знать...

– Кха! – презрительно усмехнулся древний, как ворон, Лозьвин. – Кхау-крра-ха! Манси пришли с полуденной стороны, из просторных мест, где зеленым пожаром полыхали травы. Манси шли оттуда и впереди себя гнали табуны коней, гнали стада коров и овец. А в повозках везли зерно – ячмень, овес, рожь. Тогда дети сосали кобылиц, а мужчины хмелели от молочной винки. Они были умнее вас...

– Так это мансийские кони? – с надеждой спрашивал Максим.

– Нет! – отрезал Лозьвин, великий лошадник, он знает язык коня, его сердце, его верность и дружбу. – Нет! То были угорские кони. Дикие кони угров! А потом смешались кони... Дикое, невзнузданное семя растаяло в ленивой, дряблой крови здешних кобылиц!

– А почему люди сосьвинских земель не имеют коня? – спросил Кентин. – Они называют себя манси, но знают только оленя.

– Кхау-крра-ха! – кашель разрывал грудь Лозьвина. – Наверное, они пришли в верховья Сосьвы задолго до нас, покинув угорское гнездо. Но они нашей крови. В долинах сосьвинских рек – так говорили старики – обитали древние люди, и они слились в одну речку и теперь зовутся людьми Сосьвы-Тахы.

– Верно... У них много не наших слов... совсем чужих и непонятных, – сказал Максим Картин. – Их им оставили те, кто давно уже стал землей, лесом и рекою, тенью облаков...

Наверное, манси Конды и Пелыма – другой народ, другая волна большого народа. Они промышляли много рыбы, ставя запор на Евре. Они промышляли крупного зверя и добывали дорогую пушнину, обменивая у русских на ружья, топоры и ножи, на хлеб, соль и сахар. Они меняли пушнину на золотые, серебряные украшения, на табак и шелковые ленты, сукно и капканы.

С хлебом всегда было трудно. Но ведь жили как-то, сами сеяли понемногу ржи, да ячменя, и овса. За своими избами на солнечных местах разбивали евринцы огороды, земли сколько хочешь, но не всякая земля отдает плод и семя. Знали они давно, что земля жадно принимает навоз – хоть коровий, хоть конский – да золу, а золы за зиму набиралось много. Земля бурела, темнела и теплела от перегноя, женщины в корзинах таскали на грядки черную зернистую землю с луговых кротовин. Сеяли рожь, проращивали ее, солодили, готовили квасы и сусла. Сеяли овес на толокно и кисели, ячмень на кашу. У крепких хозяев, где подрастали пятеро-шестеро сыновей, огороды от избы до реки обносились тыном из жердей. В огороде выкапывалась яма, куда засыпалась репа. Научили сажать ее русские, что приходили из Леушей и Нахрачей за ураком – копченой рыбой. Русские показали, как выращивать репу и брюкву, хорошая брюква нарождалась, да и лук добрый. В огородах отводилось место для хреновника – чего ему, растет себе, копай знай. А отпаренный урак с квасом да заправленный свежим хреном – о, только боги едят!

Вдоль изгороди-тына прямо за избами поднимались конопляники – панла-ма, конопляная земля. Конопля сама себя сеяла. Мочили, сушили, мяли, крутили-колотили коноплю на куделю, раздирали на волокна и ткали шабурину, крепкую, как брезент, ткань, что шла на постегонку. Шили из той грубой, крепкой ткани шабуры. На штаны, на легкую шубу, на малицу охотник натягивал шабур, чтобы не изорвать одежду в перховнике – мелколесье. В лесу каждый сучок хватает свой клочок. Коноплю обмолачивали, тщательно перетирая между ладонями метелочки, семя собирали и берегли для голодного времени. В ступе из кедра или березы истолкут женщины конопляное семя, добавят немного рыбьей муки, испекут вкусные лепешки ребятишкам и сварят белый суп. Белый суп, сладкий суп готовился из кедрового орешка. На долгую зиму заготовляли много кедровых орехов, но не каждый год урожайный, а раз в семь-восемь лет. Кедр берегли, не касался его топор – священное оно дерево, могучее, вечнозеленое. И не оттого оно священное, что царственно красиво и могуче, не оттого, что живет пять-шесть веков, раскинув свои ветви над многими поколениями, – священно оттого, что

кедр-кормилец пищу всем дает: и человеку, и зверьку пушному, белке, бурундуку, да и самому Старику, Лесному Мужику – Хозяину Леса.

Собирали евринцы и окрестные мансийцы ягоду – морошку, бруснику, голубику и клюкву. Малину брали в лесу, черемуху, рябину сушили, мочили, а бруснику с клюквой сохраняли мороженой почти до новой зимы. Но ягода – это лишь подмога, главное – рыба. И евринцы перегораживали реку огромным, с берега до берега, запором, вычерпывали рыбу из садков, заготовляя ее на долгую зиму и весну. Сушеную рыбу – урак – обменивали у русских на хлеб.

А жизнь год от года становилась сложнее, жестче, таила неожиданности. Отдаленный гул Большой Человеческой Реки давно уже доносился до Евры, хотя многие еще принимали его за ворчание затухающей грозы, а гроза скоротечна, как бы ни была яростна. Но Евра уже не могла оставаться островом. Все чаще и чаще посещали ее русские, татары, мордва – попы, стражники, купцы, беглые каторжники-самоходы. Разноплеменный, разноязыкий люд – одни приносили законы, другие охраняли их, третьи рушили и не признавали никакой власти и убегали от нее, как от пожара. Кто-то кого-то ловил, кто-то от кого-то прятался, кто-то что-то искал, кто-то пытался скрыться – все это так не походило на прежние, стародавние времена, о которых рассказывали старики Максиму Картину.

Евринцы встречались с пришлыми за-ради дела – обмена, купли и продажи, но в жизнь свою не пускали. Однако, когда пчела берет взяток, перелетая с цветка на цветок, разве она не оставляет на красном цветке золотистую пыльцу с синего или желтого? И пришлые оставляли что-то после себя, хотя это не явное еще, не всегда уловимое, – то дыхание Большой Человеческой Реки, а каждый ребенок знает, что тихий ветер раздувает уголек и переносит на себе лесной пожар.

– Но тогда как жить? – размышлял Максим Картин. – Островом? Никто не придет на помощь, когда на остров нападут черный мор, голод и смерть. И в Большой Реке – смерть роду... Но только ли сохранять древние законы, чтобы закон сохранял род? Большая Река разрушит и унесет плотины законов, смоет обычаи. И кем мы тогда станем? И разве остановишь волны той Реки?..

Вот и сына его, Мирона, позвала Большая Человеческая Река, он хочет понять ее, и сперва понять соседний остров, что зовется землей людей Тахы – сосьвинских манси.

Не стал отговаривать сына Максим, сказал только:

– Не тропа ведет человека – сам он бьет тропу. Нет человека без своей тропы. Трусы и слабые, женщины и дети ходят по чужим, легким тропам. Знаю: дальние, неведомые урманы охотнику ума и жизни прибавляют. Иди! Протяни свой след вдогонку за собою!

И Мирон Картин, тая в себе радость и гордость узнавания, ушел с собаками лесовать в дальние земли сосьвинских манси. Не оттого, что кондинские урманы оскудели, – Мирона затягивала в себя даль. С порога юрты даль всегда чудится непостижимо дальней. Но это лишь до первого, самого тяжелого, самого неприподъемного шага. Сделан первый шаг, второй... и пятый... и сотый шаг – и потянулась тропа, как слабая нитка за пронзительно дерзкой иглой.

2

Долго не видели евринцы Мирона.

Вернулся он на закате зимы, в последнюю волчью пургу. И не один. С тяжело нагруженных нарт легко спрыгнула и вслед за Мироном вошла в избу женщина в сахи, в беличьей шубке – «лыенъях». Крупная, широкоплечая, ростом с Мирона была та женщина. Яркий шелковый платок с длинными кистями одним концом закинут за спину, а другим свободно опускается на грудь, прикрывая лицо.

– Здорово, живи долго, отец Максим! – поздоровался Мирон.

– Пасе олын сим ком! Здорово живи, милый мужчина! Кто? Откуда взял? – кивнул в сторону женщины старый Картин. – Какой земли, какого рода эта женщина?

– То жена моя, тетюм! Апрасинья зовут ее. Она из людей рода Чайки. Журавлиный Крик ее имя.

– Ап-ра-синья, – протянул Картин. – Из людей рода Чайки... Давно ты поспел, налился силой, чтобы семя бросить и плод взрастить. На глазах у бога эта женщина должна принести сынов нашему роду. Пасе олын сим нэ! – повернулся старик к Апрасинье. – Здорово живи, милая женщина!

– Пасе... пасе, тетюм! – густым малиновым голосом певуче ответила Апрасинья и поклонилась старому Картину, чуть-чуть приоткрыв лицо.

– Покажись! – приказал старик.

«Наверное, пытает», – подумал Мирон. В груди стало тесно: откроет сейчас лицо Апрасинья – и гнев охватит отца. Изобьет – ладно, можно потерпеть маленько, а вот если проклянет и выгонит из дома, как глупого пса?

А старик ждал. Хотел он узнать, какие законы в землях Тахыт-Махум, какие законы наложили там мужчины на женщину, на такое непокойное, тревожное и зыбкое существо? Максим Картин свято чтил законы, хотя не мог себе объяснить странный обычай «избегания». Женщина открывает лицо перед родственниками, перед мужем, перед его младшими братьями, хоть те и женаты. Но перед старшими братьями, перед свекром невестка не могла открыть лица...

– Покажись! – уже тише повторил старик.

– Ай-е, Сайрын Коталум – Белый Светлый День! – О, Пупий Самт – на глазах у Шайтана! Боги не позволяют открыть мне лицо, отец!

– Может, сын мой привел в дом лесную корягу? Или Вор-Люльнэ – Лешачиху? – усмехнулся старый Картин. – У такого фартового охотника должна быть красивая, как важенка, жена. Не бойся! Я позволяю тебе, Журавлиный Крик!

Светлое, мерцающее, как звездное небо, чуть скуластое лицо Апрасиньи с раскосыми, приподнятыми к вискам глазами притягивало не столько красотой и здоровьем, сколько сдержанной властностью. Бездонные глаза-омуты затягивали в себя, набрасывали невидимые путы, и не было сил оторваться от них, как от неба, зачаровывала упругая, грозная воля и языческая сила, что таилась в глубинах тех глаз.

– Ап-ра-синья! – прошептал старик. – Закрой лицо...

Оно светится. Грозит оно, как лицо Сурненнэ – Золотой Бабы! Какой же ты заплатил калым, Мирон?

Сын промолчал, Апрасинья успела сбросить с себя беличью шубу. Семь младших братьев и сестры, подоспевшие родственники и сжигаемые любопытством соседи увидели крепкую, широкоплечую девушку в легкой мансийской парке из золотистого неплюя. Подол парки украшен широкой полосой белого оленьего меха, а по белому полю затейливо разбежались тонкие, четкие узоры. В узоре заячьи уши и голова соболя, утиное крыло, весло и гибкая ветка березы...

– Ай-е, красивая девка! – горностаем прошмыгнул шепоток.

Закрыв платком лицо, Апрасинья открыла дверь и выскользнула в морозную ночь. Тонко провизжал снег под легкими ее кисами. Она ловко развязала ременные узлы, разгрузила нарты и отвела оленей под навес к стене избы. Не торопясь, осторожно вынула сосульки из широких ноздрей вожака, обтерла куском шкуры запавшие бока важенок. Молча, осторожно открывая дверь, она перенесла груз в избу. Из поленницы набрала березовых чурок, нащепала ножом лучину и развела огонь в чувале. Сестры и младшие братья Мирона обступили ее, загремели котлами, забегали, закружились вокруг нее, как лопоухие щенки, повизгивая от восторга, оттого что Апрасинья такая красивая, сильная, такая спокойная и уверенная в себе.

Мирон развязывал мешки и бросал под ноги отца струящиеся меха соболей, куниц, черных лисиц, прошитых сединой, колонков, связки голубовато-дымчатых шкурок белок и горностаев.

– Богатая, фартовая добыча! – довольно улыбался старый Картин. – Отменный ты охотник, Мирон! Дети мои, твои братья и сестры, будут сыты и в тепле.

Мирон пытался поведать отцу о своем долгом пути, но тот перебил его:

– Ты, сын, скажи, какой калым заплатил за Апрасинью? – Искоса поглядывал отец на девушку, что нагружала колташиху лосятиной и бросала в кипящий бульон сухие корешки и травы, доставая их из расшитого замшевого мешочка. Юрту наполняли запахи бора-беломошника, просыпающегося в зоревых росах.

– Не давал я калыма, тетюм... – неожиданно для Максима ответил сын.

– Украл?! – вздыбился старик. – Украл? – поземкой дохнул его голос.

– Не да-вал калы-ма?! Ой-ей! Да чтоб сожгло меня! Не давал калыма?! – потянул сквозняком шепоток.

– Нет, тетюм! Не украл! – улыбнулся Мирон. – Апрасинью нельзя украсть. Она – ветер, не дается она в руки. Как от солнца луч нельзя украсть, как звезду со дна ручья, – с тихой потаенной радостью ответил сын.

– Как? Как без калыма? Без выкупа – как?! Порченая?! Или дикая она? Кого ты привел мне в дом, Мирон?! – не понимает Картин, как мог сын его нарушить древний закон. – Ты вызовешь месть ее рода! Нас, Картиных, осталось совсем мало, чтобы оберечь свой род от бесчестья!

– Я, наверное, уходил в Подземный мир. Я уже, наверное, подходил к своим предкам, – тихо проговорил Мирон. – Я видел уже твоего отца, тетюм! Апрасинья вернула меня к солнцу...

– Тогда ты должник ее вдвойне! – отрезал старик. – Она вернула тебя земле, а ты выкрал ее?! Ее род не простит нашему роду. Молодая кровь хлынула тебе в голову. Ты вызываешь ссору с людьми Тахы.

Когда был еще молод дед Максима, дотлевала, вспыхивая, вековая вражда между людьми Тахы, Конды и Ас – Великой Оби. Нападали люди сосьвинских земель на стойбища кондинцев, уводили женщин, воровали, умыкали их без выкупа, даже убивали. На Брусничной реке выкрали люди Тахы деда Максима Картина и обменяли у ненцев на оленью упряжку. Лишь на третий год юный охотник нашел дорогу домой... На тайных тропах подкарауливали кондинцы людей Сосьвы, что возвращались с богатой добычей, избивали, отнимали добычу, пушнину. И долго это шло, и долго старейшины родов Конды и Тахы гасили вражду – та уносила юношей, зрелых охотников, плодила сирот и вдов.

– Нет, отец, я спас ее, но пришлось уйти...

– Что она сделала у себя в стойбище? Зачем она должна была погибнуть? Почему она стала неугодной своему роду?

– Она побила шамана! – сурово ответил Мирон. – Больно так побила, что тот только две ночи прохворал, а на третье утро к нему пришли Черные Духи Смерти. Совсем он издох, ничего от него не осталось. Не шаман, а просто дохлый человек.

– О! Сим Пупий, на глазах Шайтана стали избивать шаманов! – воскликнул старый Картин. И остро взглянул на безмолвную женщину Журавлиный Крик.

3

По жесткому насту – чарыму – упорно гнал Мирон раненого лося. И догнал. Зверь истекал кровью, хрипел, дышал надсадно, словно всхлипывал, выкатывая радужные, обезумевшие от боли глаза. Собаки остервенело рвали его клочкастые бока, потемневшее от пота брюхо, полузадушенно рычали их голодные пасти, забитые шерстью. Мирон, разгоряченный азартом погони, жадно глотал сухой морозный воздух и, пьянея от него, приблизился к сохатому на длину копья. Лось круто увернулся, разметал в искристую пыль голубоватый сугроб и, ослепший от близкой гибели, бросился на охотника. Выстрелил Мирон в упор и, падая, услышал отчетливо жесткое хлопанье крыльев – то поднималась стая косачей. Лось втоптал Мирона в снег – от удара копытом хрустнула ключица, сломанной веткой откинулась левая рука... К рассвету, в голубоватом свете луны, очнулся Мирон и полз к лосю до полуденных теней. Теряя сознание, проваливаясь в небытие, он вспорол брюхо зверя и выпустил внутренности. Они были еще теплы – лось долго умирал. Мирон грел скрюченные холодом руки, глотал, не жуя, куски остывающей печени и бросал брюшину изголодавшимся собакам. Он не помнит, как ползком собирал сушняк, выдирая его из-под снега. Не помнит, как высек искру, раздул трут и развел костер... Не помнит, как слабым криком гонял иссиня-черного бородатого ворона, что шумно садился рядом с его лицом и пристально смотрел в глаза. Трижды крикнул ворон, звонко, словно ударил в железо, но что предсказал он – Мирон не понял...

Очнулся он от горячего дыхания. К нему притронулось неожиданное погудывание огня и запах разгорающегося смолья. Мирон не понял, где он, почему навзничь опрокинут на оленьи шкуры. И отчего голый? Наверное, только родился? Что это за изба с низким прокопченным потолком? Потолок то опускался, грозя задавить его, то поднимался – тесно и больно, как в капкане. Из зыбкого полумрака к Мирону придвинулось светлое мерцающее лицо с бездонными глазами. Они расширялись, удлинялись, поднимались к вискам и вдруг заняли половину лица. В них задрожал красный, густой, как кровь, отблеск пламени, и глаза вспыхнули, ожили и задышали, зазывая в себя.

– Вор-Люльнэ?! – прошептал охотник, охваченный тревогой, внезапным лохматым страхом и бессилием. – Лесная Колдунья, Лешачиха?!

Загудел, завыл ветер в дымоходе и, ухнув, упал в очаг, разметав пламя. Заметалось оно, угрожающе выбросило дрожащие медно-красные языки. Женщина протянула к лицу Мирона длинную гибкую руку, и его охватил ужас: рука хищно извивалась, как налим, изгибалась от кончиков пальцев до плеча, и то были не пальцы, а когти, и пламенем вспыхивали они от огня.

– О-о-о! – застонал охотник и рванулся, но не смог оторвать тело от оленьей шкуры, не мог поднять руку и шевельнуть ногой. – Ай-аю... аю – больно-больно! – Но голова его не шевельнулась, словно ее прикололи острогой к полу избушки. – Щох! Щох! Да чтобы сожгло меня! У-у-ыы! Елноер! Да чтоб тебя подземный царь! – выругался Мирон, вложив в ругательство ярость, бессилие и страх перед той непонятностью, что поглощала его, перед странной молодой женщиной в одежде с оборванными рукавами, с разодранным подолом. Но крика не получилось, задохнулся крик, он прошептал только: – Кто ты?!

И женщина не услышала, она метнулась к огню, из разреза и рванья высветило, забронзовело тугое гладкое бедро, и Мирону показалось, что оно теплое, как живот важенки. Женщина бросала в пламя пучки багульника, черемуховую ветку, сухие, ломкие головки ромашек. Открыв ладонь, она сыпала в огонь какие-то зерна, и изба вдруг наполнилась запахом распускающейся, озеленевшей березы, пахнуло талым снегом, весенней водой, настоянной на опавших смородинных листьях и хвое. Прикосновение весны стало таким отчетливо ощутимым, что Мирон притаил сердце, задержал дыхание, и к нему донеслась, влилась в него потоком песня токующего глухаря, дохнуло и ударило в грудь горячей любовной пляской таежного токовища.

– О! Торум вайлын! – шептал Мирон, погружаясь в полуявь-полусон, проходя по грани небытия. – Видишь, Боже Небесный? Ты видишь, Торум, пришла весна? Долго я лежал в снегу... Всю зиму лежал, как Лесной Мужик в берлоге. Я мало добыл пушнины, смотри, нахлынула новая весна и зверь приготовился к линьке... Весна...

– Много крови он потерял, – обратилась к огню женщина. – Оледенел... Холод в него проник до самого сердца. Помоги мне, Огонь! Спаси красивого юношу! Верни ему разум... Много дней и ночей он плутает в буреломах своих снов. Съедают сны его сердце. Ты слышишь меня, Огонь... Это я – Журавлиный Крик!

Приподнялось пламя, задрожало, потянулось гибким телом, едва не оторвалось от головешек-корней, раскинулось, прогудело басом и присело на корточки, утихло, улеглось и тихо-тихо зашептало, и шепот, шорох огня, рассекаемый хрустом угольков, нараспев повторяла женщина Журавлиный Крик.

– Сбрось смело одежды свои, – шептал Огонь. – Обнажи нетронутое тело, распусти волосы и телом своим, всей собой согрей юношу. Пусть бег твоей крови поторопит его остывающую кровь, пусть гул твоего сердца переполнит его сердце. Возьми его в себя, впусти его зиму в свои весны. В нем проснется любовь, а жажда ее неутолима... – гудел Огонь, и малиновые, оранжевые отсветы пробежали по стенам избушки. И желто, по-совиному вглядывалось в женщину ледяное оконце, процеживая лунный свет сквозь колдовской узор неземных цветов.

И на всю жизнь, на всю долгую жизнь в Мирона вошло и осталось пронзительное, неугасимое удивление перед женщиной, что горячим телом, гибкими сильными руками, обжигающим ртом защитила его, оборонила от смерти. То было и удивление, и восторг, и мгновенное озарение, и прикосновение к тайне, приближение к откровению. Она обнимала его нежно и плотно, обнимала волной от головы до пят – Мирон тонул в ней, тонул безмолвно, ликующий и прозревающий. Апрасинья не отдалась жадно и неутомимо, как женщина, оголодавшая по мужчине, она отдавала свое тело так, как мать отдает тугую грудь ребенку, она словно переливала себя в Мирона, переливала торжественно и истово, как приносят жертву Великим Духам, что хранят для Жизни Светлый День!

И Мирон выжил, поднялся в острой, ненасытной жажде жизни и любви. Вернулась к нему сила, он вызывал из себя силу, потому что рядом была его Апрасинья, его Журавлиный Крик. Над ним продымили, поднимались сугробами двадцать зим, и он, горячо захлебываясь от радости, благодарил Великого Торума и земного бога Шайтана, что одарили его встречей с Апрасиньей, ожидающей свою восемнадцатую весну.

– Одна я. – Медвежьим салом Апрасинья смазывала затягивающиеся раны на теле Мирона. – Одна, как остров посреди реки. Озером живу вдали от реки. А хотела и хочу быть рекой! Ой-ай-е! Хочу остаться рекой, но не той, что на животе выползает из болота, прокисает в трясине. Хочу, – торопливый шепот обжигал Мирона и поднимался до раскаленного крика. – Хочу остаться рекой, что в крутых берегах. Рекой, что проходит через людские стойбища, грузнея от рыбы. Река, Мирон, наверное, выходит туда, где сливаются земля и небо, ночь и солнце, туда, где все единое? Ответь, Мирон! – И глаза ее глубоки, страшно в них смотреть.

– А где отец, мать? Есть ли у тебя братья-сестры? Есть ли в роде твоем отец отца и мать матери? – ласково прикасался к ее обнаженному плечу Мирон. Апрасинья разрывала одежды на ленты и лоскуты, чтобы перетянуть раны охотника.

– Отец отца и мать матери ушли от солнца, когда я качалась в апе. От деда осталась долбленая лодка, от бабки – прожженный слезами платок. Мать моя брала сырка на самой быстрине. Упал в ее лодку ветер. Тяжело лодке стало, не удержалась лодка и упала набок. А мать взял к себе Водяной Зверь, проглотил ее Виткась – Обжора. Сестры и братья сгорели в черной хвори. Отец добрый был, жалел меня, зверей из дерева резал, словно вынимал из стволины. Замерз он в тайге – не смог дотащить себя до избы. Сильно замерз. Ноги совсем черные, как угли. Не мог он зверя добыть, сила из него утекла, как снег под солнцем. Уши свои обрезал – съел, наверное. А меня, маленькую, ростом в шесть зим, взял к себе в Тэли-Пауль, в Стойбище Зимы, дальний дядька. Волчий Глаз зовут его. Шаман он. Великий шаман Волчий Глаз.

– У нас, людей Конды, нет шаманов, – сказал Мирон, раскуривая трубку. – Наверное, ушли, когда попы рубили и жгли наших богов. Есть у нас хранители капища, что служат земному богу Шайтану. А чем он страшен, шаман? – засмеялся Мирон. – Пугает только... Старые всегда пугают молодых своей старостью, путаными тропами и слепыми снами.

– Волчий Глаз не пугает! – жестко отрезала Апрасинья. – Его слово – закон! Он не грозит. Просто он берет, что ему надо, и делает то, что хочет. Волчий Глаз – сила!

– Ты, милая женщина, и сейчас живешь у шамана? – настороженно спросил Мирон. – Кому мне принести выкуп за тебя? Кому принести калым? Стань моей женой, Апрасинья!

– Он не отдаст тебе. Нет! – резко обозначились, отяжелели ее скулы, светлое лицо потемнело, глаза сузились и сверкнули ножом, выдернутым из ножен. – Он просит за меня три пуда соболей и семь раз по семь белых жертвенных оленей. Но это не все, – густой голос Апрасиньи наливался гневом и тоской. – Волчий Глаз хочет, чтобы мужчина, что купит меня, поселился в его юрте. Волчий Глаз ищет не мужа мне, а работника себе! – крикнула Апрасинья. – Я нужна ему... Я!..

– Вольный охотник не станет работником, – ответил Мирон. – Пусть то будет хоть шаман, хоть князец, хоть русский поп или старшина. Ты должна совсем стать моей женщиной, Апрасинья. Стань матерью моих детей!

– Нет! – сурово отрезала женщина. – Ты говоришь легко, как вода на песке, потому что ослабел, как ребенок. У тебя бычье сердце, но в голове, как в горельнике, спутались корни. Волчий Глаз никогда не отпустит меня – я всей собой вижу живительные травы. Шаман научил меня узнавать губительные корни, готовить из злой травы отвары, что убивают плод и лишают человека памяти. Я знаю травы, от которых потухает рассудок и человек становится лютым, как голодный шатун или взбесившийся волк. Разве отпустит меня шаман, если мое зрение он превращает в меха, оленей, золото и власть? Он очень богатый и оттого лютый и жадный.

Впервые Мирон встретил женщину (да многих ли он видел за двадцать весен?), женщину, что знала о нем все, даже больше его самого, словно проникала в его сны и нарождающиеся, но так и не родившиеся, смутные мысли. И его охватило радостное изумление, тихое, затаенное ликование, и весь он был – она, словно Апрасинья никогда не покидала его, как не покидало дыхание. И он задыхался от нежности, и казалась она неиссякаемой, потому что ее рождала Апрасинья – Журавлиный Крик. И в нежности, в радости удивления Мирон утопил свои раны, свою слабость – и поднялся.

Потрескивали сухары в чувале, над пламенем вскипал котел с мясом, тепло в охотничьей юрте – воркял. Апрасинья, глядя Мирону в глаза, поведала о том, как после смерти отца и братьев их охотничьи угодья, их пай в реке забрал Волчий Глаз – ведь женщине нет пая ни в лесу, ни в реке, ни в жизни. Никого не пускает шаман в угодья, где много расплодилось зверя, – заповедное то место. А она, Журавлиный Крик, – охотник и в черные зимы луком и стрелой добывает соболя и белок больше, чем многие мужчины. Она ставит ловушки-слопцы и капканы, и никогда те не остаются пустыми. Шаман хрипло каркал вороном и рычал медведем, крался по ее следам. Он пугал ее, прячась за деревьями, хотел помутить ее разум, как Леший – Вор-Кум. Волчий Глаз хотел отвадить девушку от охоты, потому что мудр и умен и знает, что охота рождает ум и хитрость, делает из охотника человека дерзкого, отважного. Долго шаман шел за девушкой и, когда та присела отдохнуть, обернулся рысью. Забрался Волчий Глаз на кедр и кричал рысью над головой девушки. Она натянула тетиву, и острая стрела разодрала плечо шамана. Первый раз услышала испуганная Апрасинья, как человеческим голосом может орать свирепая рысь. С тех пор левая рука шамана маленько слабее правой...

– Ты как раз здесь, Мирон! – замерцали глаза Апрасиньи, и лицо ее осветилось и заструилось, как августовское небо. – Это то заповедное место! Это мой урман. В раскрытых ладонях я поднесла бы его тебе, если бы только смогла. Ты – все для меня, милый мужчина!

Мирон уходил на охоту вместе с Апрасиньей, и каждый день они возвращались с богатой добычей. Но вскоре им пришлось покинуть угодья, чтобы успеть продать пушнину, – к этому времени в стойбище Апрасиньи, в Тэли-Пауль, с закатной стороны прибывали купцы с товарами.

4

Волчий Глаз сразу понял, что Апрасинья привела в стойбище своего мужчину. Он увидел, как трепетна она и ласкова, как теплеет ее взгляд и звездно мерцает лицо, как мягко звучит ее голос. Перед шаманом была не дерзкая, чуть грубоватая, беззащитная в своей прямоте и откровенности девушка, а жен-

щина, уверенная в любви и защите мужчины, она привела любимого, и понял шаман, что чужак, крупный и тяжелый от силы, с тонким лицом и просветленным взглядом, будет защищать Апрасинью до конца.

– Ты пришел за женщиной?..

Недаром его звали Волчий Глаз. Он впивался взглядом, как стрела, и не было силы у многих выдержать этот взгляд. Но Мирон не опустил глаз.

– Земли кондинских манси, – усмехнулся шаман, – издавна славились красотой своих женщин. Или они попортились, очервивели, как ягодники без дождя?

– Отдай мне Апрасинью – Журавлиный Крик! Отдай, великий шаман! – склонил голову Мирон. – Проси любой калым!

Шаману, наверное, нет еще сорока зим, широкие плечи обтягивает легкая меховая рубашка. Из распахнутого ворота поднимается мощная, как сосна, шея – силен шаман. Над широким, выпуклым, как валун, лбом, над прозрачными, как озерная вода, глазами вороньим крылом плотно нависли угольно-черные волосы, перехваченные широким золотым обручем с таинственными знаками. Едва-едва, горячим шепотом проступают на нем силуэты неведомых зверей и свирепых птиц с женскими лицами. Посреди обруча, над переносицей, кроваво светится густо-красный семигранный камень. Шаман красив и силен, словно корневище столетнего кедра, и силу ту по капле, наверное, отдавали ему и река, и небо, зверь и рыба.

– Ты не получишь эту женщину! – густым басом пророкотал шаман и улыбнулся. – Когда сука бегает по лесу, ищет кобелей в разгар охоты, хозяин убивает суку! Я не убью Журавлиный Крик! Она станет женщиной-дуплом, пастью без зубов, птицей без гнезда. О Великие Духи! Апрасинья станет сосной без шишки, малинником без ягоды, озером без рыбы – и зверь, и птица, и человек обойдут ее, пустую.

– Ты лучше убей ее! – крикнул Мирон. – Лучше убей... Как она станет жить потрошенной? Отдай мне ее, Волчий Глаз, – медведем поднялся и шагнул к шаману Мирон. – Работником твоим, собакой твоей стану, но не губи Журавлиный Крик!

– Хо-хо-хо-ха-хау! – загрохотал шаман, и крупное, мускулистое его тело заколыхалось, надулись витые жилы на мощной короткой шее, высверкнули крупные зубы. – Собакой моей станешь? Кто же меняет волчицу на трусливую собаку? Не верю тебе, чужак! Больно ты быстро согласился обернуться собакой... Через семь дней за Апрасиньей приедет Потепка. Его женой она станет, – сообщил Волчий Глаз.

Что мог сделать охотник в чужой далекой земле, что мог сделать Мирон в чужом стойбище, над которым, не засыпая, горел глаз волка?

«Украсть... увезти Апрасинью, – забилась и не отпустила неожиданная мысль. – Украсть и увезти ее в Евру...» Но захочет ли того Апрасинья? Пойдет ли она с ним в чужой род, в чужие земли? Ведь они могли уйти в Евру из заповедного урмана, из лесовней юрты, не захотела того Апрасинья. Боялась гнева своих богов? Или она страшится всесильной власти шамана? Неужели он сломал ее так, что ей не подняться?

За соболей, за выдру и капканы добыл Мирон упряжку крупных быков – хоро, достал нарту и ременный аркан – пынзян. Он готовился не торопясь, незаметно и без суеты, равнодушно, словно отказался от женщины.

– Не отдает девку Волчий Глаз? – участливо спрашивали его старики.

– Нет у меня против него силы, – заставлял себя улыбаться Мирон и разводил руками. – Волчий Глаз – великий шаман, и я не могу нарушить закон.

Волчий Глаз слышал, что говорил Мирон, и обманулся его кажущейся потерянностью и бессилием. Два дня он еще зорко следил за ним, но видел лишь, что молодой охотник продает русским торговцам дорогую, богатую пушнину и спокойно, основательно собирается домой, в земли кондинских манси, где Волчьему Глазу довелось побывать в юности.

– Уходишь? – подошел шаман к охотнику.

– Ухожу, – спокойно ответил Мирон.

– Далек твой путь, охотник, – шаман зорко осмотрел упряжь, умело подтянул пряжку на ремне, подкинул в руке хорей. – Смени нарту. Возьми покрепче... Епишка! – крикнул шаман, подзывая невысокого манси в вытертой малице. – Отдай ему свою нарту, а эту возьми себе.

Чем-то понравился Мирон Волчьему Глазу, что-то привлекло шамана в молодом охотнике, – может быть, то, что Мирон пустился в дальний путь один, не страшась опасностей, преодолевая свой страх. И не только добыча, не только богатая охота влекли охотника, нет! Шаман уловил, что Мирон из тех, кто хочет понять мир.

– Эта женщина не для тебя, – жестко резанул взглядом Волчий Глаз. – Забудь ее! Забудь! Это редкая женщина, как белый ворон в черной стае, как белый соболь. Ты видел когда-нибудь белого соболя?

Ты видел когда-нибудь белого лося? Апрасинья – белый ворон, она белая лосиха! Она сама еще не догадывается, какая в ней зреет сила! Не-чело-ве-ческая сила, – горячо прошептал шаман, прикрывая глаза. – В ней слились дыхания земли и неба... и я, шаман по имени Волчий Глаз, освобожу эти силы и выпущу их, как небо выпускает из себя дикие ветры и молнии! Она станет великой шаманкой! – в каком-то исступлении крикнул Волчий Глаз. – Она не для тебя, охотник с Конды! Рядом с тобой, в твоей мелкой жизни, она потеряет свою редкость и останется просто женщиной, грязной женщиной. Ее пай в жизни – не в реке, не в охотничьем угодье, он в душе ее. Уходи, забудь Апрасинью. Не обижайся, Мирон, – как-то даже сочувственно посоветовал шаман. – Не судьба... А женщина забывается... Даже такая, как Журавлиный Крик!

– Пусть Небо продлит твои годы! – тихо ответил Мирон. – Через два дня я уйду, великий шаман.

Уже четвертый день, хоронясь по стойбищу, Мирон ищет Апрасинью, – далеко запрятал ее Волчий Глаз. Нет, не от него, а по свадебному обычаю. Ни следа, ни звука не оставила Апрасинья, исчезла, как роса на солнце. Ночью Мирон зарывался в снег перед юртой шамана, вслушивался, но не мог услышать ничего, кроме монотонного, словно осенний дождь, бормотания. Шаман, не повышая голоса, не разрывая его криком, бормотал заклинания, будто протягивал серую, как зола, бесконечную нить, и не было на ней ни одного узелка. Мирона охватывала дремота, он широко раскрывал, таращил глаза, но голос шамана все глубже и глубже проникал в него, и охотнику казалось, что он с головой погружается в болотную тяжелую жижу. Он отползал от юрты, притаившись, раскуривал трубку, и сонливость отступала. А днем он старался попасть на глаза всем людям стойбища, бродил озабоченный, занятый сборами в далекий путь.

На седьмой день на десяти упряжках в стойбище ворвался Потепка. За каждой нартой бежали на арканах белые, как сахар, лоснящиеся олени, в черных коронах ветвистых рогов.

– Здо-ро-во! – во все горло кричал Потепка, крепко жмуря вытекший левый глаз. Он показался Мирону мелким, суетливым и неуверенным в себе. Такой богатый и такой зыбкий, словно больной. Когда шаман положил тяжелую руку на плечо Потепке, тот пригнулся, сломался в коленях. Они скрылись в юрте шамана, а женщины бросились разгружать нарты, набитые свадебными подарками.

5

Вечером перед юртой шамана раскинули огромный жаркий костер. Высоко поднимался в зимнее звездное небо огненный, искрящийся хвост. Волчий Глаз решил задобрить Духов Зла и принести жертву Духам Добра. Вокруг костра на комлях, нартах, на сухарях расселись люди стойбища.

Из юрты в легонькой коротенькой рубашке из неплюя вышел шаман с гулким бубном и тяжелой, как палица, медвежьей лопаткой. Распущенные, обмазанные жиром волосы охватывал золотой обруч с мерцающим красным камнем. Над обручем поднимались остро отточенные оленьи рога, над которыми распахнулись, как в полете, огромные крылья ворона. Могучую шею шамана охватывало ожерелье из медвежьих и волчьих клыков.

Подвели белого хоро. Шаман отложил бубен и колотушку, схватил хоро за рога, выдернул нож и полоснул по горлу оленя. Кто-то ловко подставил под парящую, тугую струю широкую серебряную чашу, и, когда та наполнилась кровью до краев, шаман разжал ладонь, отпустил рога и олень рухнул на снег.

Голосом волка взвыл шаман, и люди вздрогнули, словно сюда, к костру, приблизилась волчья стая. Далеко по долине над темными засыпающими урманами прокатился густой до черноты вой, его подхватило эхо, но не угасло, а ударилось в крутые берега, отпрыгнуло, удвоилось и утроилось. А горло шамана набухло, расширилось, и вой, темный, как непроглядная ночь, проник в лесную чащу и вернулся уже не эхом – из урманов доверчиво ответила волчица. И тогда шаман сбросил рубаху, обнажил могучие плечи и бугристые руки, ударил в бубен и заухал филином, закричал совою, закаркал вороном, и черные крылья заметались над головой, и шаман вихрем помчался вокруг костра, приседая, подпрыгивая, раскидывая руки и распахивая их, как беркут под ветром. И вместе с шаманом подпрыгивало, приседало и распахивалось пламя. Оно дрожало, изгибалось, становилось то желтым, то оранжевым, то золотистым с синеватыми язычками, то пятнистым, как рысья шкурка. Они стали похожи – костер и шаман, неистово раскаленные. Раскрутившись волчком в тугом, упругом гудении бубна, шаман внезапно остановился. Пот струился по лицу, стекая по шее на плечи, на волосатую грудь. Шаман двумя руками поднял над собой чашу, отпил несколько крупных глотков и опрокинул чашу над огнем. Пламя зашипело, притихло и ярко вспыхнуло.

– Духи Земли и Неба приняли жертву! – крикнул шаман звонко и отчетливо. – Ведите сюда Журавлиный Крик!

Мирон, не отрываясь, придавив дыхание, смотрел на вход юрты. Откинулась дверь, и два старика с обнаженными, пожелтевшими, как мох, головами вывели закрытую черным платком Апрасинью.

– Откройте ее лицо! – приказал Волчий Глаз. Он вытянулся и дрожал, как тетива. – Она опозорила себя – открылась чужому мужчине! Я отдаю ее в жены Потепке! Отдаю за три пуда соболей и семь раз по семь белых священных оленей! Но Потепка будет три зимы жить в моей юрте. Так я сказал! – крикнул шаман и закаменел на месте. Огонь вспыхнул яростно и горячо, словно крикнул огонь: «Так ты сказал! Сказал ты так! Глядите все! Все глядите на Журавлиный Крик!»

Апрасинья сбросила платок и длинным, рысьим прыжком достигла шамана. Она рванула из его рук бубен, вырвала окованную серебром колотушку и швырнула бубен в пламя. Тяжелой колотушкой она ударила шамана по голове. Это было настолько неожиданно, что Волчий Глаз, люди стойбища и Мирон на миг заледенели, будто торосы на пустынной реке. В крике раскрыл рот Волчий Глаз. Но крик умер, не родившись. Апрасинья не дала шаману очнуться. Со страшной звериной силой, ослепшая от ярости, не помня себя, она ударила шамана колотушкой в висок, чуть ниже золотистого обруча, что отблескивал неистово раскаленным камнем.

Волчий Глаз покачнулся, вороньи крылья хлопнули и закрыли лицо. Тонко и пронзительно, перепуганными чайками, закричали женщины. Мужчины вскочили на ноги, вырывая из ножен ножи, хватая топоры, бросились к Апрасинье. Сейчас они убьют ее. Мирон, рыча, раскидывая мужчин, наотмашь бил тяжелой, окованной в железо дубинкой, которую он выхватил из рук потерявшегося Потепки.

– О, Великое Небо! – кричали женщины. – О, Милый Шайтан! В них обоих вселились Злые Духи!

Шаман очнулся. Замотал головой, как сохатый в комариной туче, зарычал свирепо и жутко, и на людей дохнуло морозным, подземельным холодом. Раздувая ноздри, раскрыв окровавленный рот, шаман вырвал из ножен сверкающий жертвенный нож и шагнул к Апрасинье. Попятились все от нее, отхлынули, затихли, и в остановившемся времени, в мертвенной тишине медленно поднимался нож.

Захолодев, потеряв разум, рванулся Мирон к Волчьему Глазу, с маху опустил окованную дубинку Потепки на голову шамана. Хрустнули, как сучок, оленьи рога, и сломанно повисло воронье крыло.

– Муж ты мне, Мирон! – крикнула Апрасинья. – Ты мой мужчина!

Волчий Глаз выронил нож, и тот серебряной рыбкой воткнулся в снег, тускло отсвечивая тяжелой медной рукояткой. Шаман медленно потянулся к нему, но Мирон прыгнул и в прыжке с такой силой ударил его под ребра, что Волчий Глаз, раскинув руки, опрокинулся в гудящую сердцевину костра. Суковатой палкой, как рогатиной, Апрасинья прижала шамана к угольям.

– Хва-тай-те их, лю-ди-и! – Шаман могучими руками вырвал рогатину и поднялся, словно возник из пламени. – Вяжите их! В огонь! – захрипел шаман и бросился в сугроб, пытаясь освободиться от дикой, пожирающей его боли. – А-а! В огонь ее! Это не женщина, это Вор-Люльнэ – Лешачиха! В огонь пришельца! Он – оборотень! Духи примут эту жертву! – крикнул вороном шаман, и столько в нем было нечеловеческой силы, что он поднялся. – Бог Огня просит у меня человеческой крови!

Люди стойбища – старики, мужчины, юноши, женщины – в ужасе отхлынули от костра. Кто-то застыл с поднятой рукой, словно его внезапно облили холодной водой в каленый мороз, кто-то упал навзничь, закрыв лицо рукавами малицы – страшно взглянуть на шамана, что просит у богов принять человеческую жертву. Древние, как кедрач, старики рассказывали предания о том, что когда-то боги требовпли человеческих жертв, требовали, чтобы спасти весь род, но это было так давно, что погрузилось во тьму и стерлось из памяти...

– Волчий Глаз, наверное, взбесился! – крикнула высокая, костистая старуха. – Светлый разум покинул его, ой-ай-е! Как он сумел уговорить Бога Огня принять человеческую плоть? Она – женщина нашего рода Чайки! – крикнула старуха.

– Бог Огня просит у меня человеческой крови! – поднял шаман окровавленное, обожженное лицо с горящим камнем к зеленым низким звездам, таким низким, что их могли бы, наверное, сорвать и бросить в сугробы раскачивающиеся, совсем голые вершины лиственниц.

– Апрасинья, беги! – Мирон схватил ее и, размахивая дубинкой, с жертвенным ножом в левой руке, развалил настежь толпу.

Одним духом, одним мгновением они оказались около упряжки Потепки. Мирон толкнул в нарты Апрасинью, бросил ей вожжи и кинул хорей. И только взмахнул дубинкой, как могучие быки, белоснежные и крутогрудые, рванулись с места. Но не успел Мирон прыгнуть в нарты – кто-то сзади метко кинул аркан, и петля захлестнула его плечи.

– Гони! Быстрее гони, Апрасинья... Беги, женщина моя! – кричал Мирон, а петля все туже затягивала плечи. И вот уже второй аркан взвился над головой Мирона – то дружки Потепки срывали с себя плетенные из оленьих жил пынзяны. Мирон упал на землю. Аркан ослаб, и он покатился под ноги бегущему к нему Потепке и, переворачиваясь с боку на бок, успел резануть острым, как пламя, ножом по тугим петлям. Они лопнули, скользнули, и Мирон вскочил на ноги. Апрасинья развернула упряжку и направила ее на костер. Захрипели белые быки, рванулись грудью на толпу, и та распахнулась.

– Ми-ро-он! – донесся к нему протяжный зов Апрасиньи, зов, переполненный отчаянием, любовью и болью. – Ми-ро-он, муж ты мой! Держись! Иду... иду к тебе! – звала Апрасинья, и Мирон, оттолкнувшись от земли, прыгнул в нарту. – Мирон... Мирон... – выдохнула Апрасинья.

Визжали, тоненько посвистывали полозья, хорхали, шумно дышали олени, снег комьями летел им в лицо, низко опустились позеленевшие от холода, колкие звезды. Мирон взял у Апрасиньи хорей и направил оленей к черному густому ельнику.

– Там моя нарта! – крикнул он Апрасинье. Олени Мирона грудились в лощине, в глубине ельника, у быстрого, незамерзающего ручейка. Четыре дня Мирон кормил их вяленой рыбой, переводил с места на место, разбрасывая ногами снег около моховых кочек. Они быстро запрягли быков и было тронулись в путь, но Апрасинья, вслушиваясь в далекий собачий лай, остановила Мирона:

– Проведи своих оленей через ручей вон к тому болоту, – махнула она рукой. – От болота сверни направо и по следу вернись сюда, а я вокруг ельника, встретимся здесь... – Апрасинья тронула свою упряжку, в крутые петли завязывая след. След в след, друг за другом упряжки обежали вокруг стойбища по неведомым тропам, что угадывала во тьме Апрасинья. Только на рассвете они тронулись в путь к той маленькой юрте, где Волчий Глаз потаенно от родственников и людей стойбища хранил пушнину. Это был не священный шайтанский амбар, куда запрещено подходить женщине, то был тайник, о котором Апрасинья узнала случайно, собирая неподалеку целебные травы.

– Мирон! Мы заберем ту пушнину, что шаман отбирал у бедных охотников! – жестко сказала Апрасинья. – Мы не будем, не станем ворами! Мы возьмем то, что никогда не принадлежало Волчьему Глазу.

И снова день за днем, то впереди, то сзади, то сбоку слыша приближающуюся погоню, они путали и гасили следы, петляли, возвращались на вчерашние, позавчерашние ночевки. Они оставляли непотухшими костры, создавая видимость того, что вот-вот покинули это место. Все делал Мирон, чтобы преследователи поняли, что они заблудились, ходят кругами, что вот-вот попадут в руки врагов. Кружа по урманам, пересекая ручьи и реки, Мирон и Апрасинья оказались позади погони, сами шли по следу Потепки и его людей. Опустилась с неба, упала на землю пурга, задымила, закурила поземка, загудела, раскачала сосны и обрушилась на ломкий пихтач. Потепка и брат шамана Сыс ōйка разбили ночевку под крутым берегом реки, в заветрии. Мирон подкрался к самому костру и подслушал, о чем говорят преследователи.

– Я сдеру с него шкуру, – брызгал слюной Потепка, обгрызая оленью лопатку. – Он украл мою женщину. А я три зимы платил калым. Смерть ему, пришельцу с Евры! Как собаке, отрежу уши и украшу свой пояс.

Сыс ōйка, выбивая мозг из кости, прорычал:

– Уши? Брат мой великий шаман Волчий Глаз жил только два дня. Пришелец расколол ему голову, как кедровый орех. Она у него стала как прошлогодняя клюква, мягкая и дырявая. Волчий Глаз сказал мне, что я издохну, если не сожгу Апрасинью на Священном Огне.

– Издох Волчий Глаз, – сообщил Мирон Апрасинье.

– Теперь шаманом станет он – Водяная Крыса, Сыс ōйка! Но он не знает дороги в твои земли. Поворачивай назад, Мирон. Они долго станут кружить по этому урману.

...И вот они на Конде, в Евре, в доме старого Картина, среди братьев и сестер Мирона. В радости встречи, в умиротворенном покое родимой избы, в ожидании свадебного пира сквозила тревога: Водяная Крыса, шаман, потребует выкупа за Апрасинью, Журавлиный Крик, и крови за Волчий Глаз. Но сказал Максим Картин:

– Мы, люди Конды и люди Сосьвы, братья! Мы, Картины, никогда не станем разжигать огонь вражды и мести. У русских купцов мы обменяем меха на дорогие вещи, помиримся с родней Волчьего Глаза. Через семь ночей народится новая луна, и я жду людей на свадебный пир.

КАРТИНЫ

1

– Стань им матерью, Апрасинья. – В старом Картине постепенно вытаивала тревога и недоверие к чужих земель женщине, что властно овладела его сыном и покорила младших сынов и дочерей. Одни едва еще ходили, цепляясь за лавки и покачиваясь у стен, у других менялись незрелые, как молочный орешек, зубы, а мать их, Пекла, два года как стыла в рубленом домике в немоте кедрача... – Стань им матерью, Апрасинья. Укрепи ты их.

Двухлетний Колян тянул к ней руки, распахивал платье и впивался зубами в налившуюся грудь. Кусался и орал Колян – так хотел он испить материнского молока. А те, что постарше, цеплялись за подол, за шелковую шаль, ковыляли за ней, переваливаясь, словно краснолапые гусенята за лебедицей, тянулись за ней, как бусинки, когда Апрасинья шла за водой на реку или в лес за сушняком. Спотыкаясь и падая, тащили ребятишки сухой валежник за прогнувшейся под тяжелой вязанкой Апрасиньей и, забегая вперед, высверкивая глазенками, хвастались:

– Гляди-ка, сюк! Гляди-ка, новая мать, какой... како-ой я сильный! Такую сушину я тащу в чувал! Наверное, большую уху можно сварить, сюкум, мать ты моя!

– Ты такой сильный, Ерошка, – отирая лоб, отвечала Апрасинья. – Ты такой сильный, что через две зимы лося, наверное, добудешь!

– Через две зимы?! – пораженно шептал Ерошка. – Слышите?! – синичкой чиликнул он. – Новая мать сказала, что я добуду лося, – и с легкостью взвалил на себя тоненькую стволину.

И сестры Мирона не давали отдохнуть Апрасинье – теребили ее, упрашивали:

– Ёкым, сестра! Какой положить узор на оторочку? Погляди, «утиное крыло» или «березовую ветку»? Ёкым, как украсить нагрудник «усами соболя»?

– Пусть она присядет и дошьет мне новую рубашку, – прогонял дочерей старый Картин. – Делай давай мне красивую рубаху – стану показывать ее гостям. Садись, Апрасинья.

Картин раскурил трубку с длинным черемуховым чубуком, окутался в дым, помедлил и протянул трубку женщине. Та глубоко, с наслаждением затянулась, притаила дыхание, глаза ее жарко блеснули. Еще два раза потянула из трубки Апрасинья. Ноздри ее задрожали, и она не торопясь, с явной неохотой отдала трубку свекру.

– По обычаю людей Конды – извечно так шло, – мать сына моего, Мирона, должна взять тебя за руку и отвести к заверованным местам, к заверованным деревьям. – Старик склонил голову с побелевшими волосами. – Но нет уже моей старухи... Нет уже моей Пеклы, и некому тебя отвести к священным деревьям. Ай-е! Ай-е! Какая она была женщина!.. – замотал головою Картин и замолк. Видно, шибко любил он свою женщину, Пеклу свою. Он был главным хранителем капища, а Пекла хранила его, Максима, но не для идолов – для солнца, тайги и реки. – Но это нужно сделать! – поднял голову старик. – Не станешь же ты долго сидеть в юрте. Люди скажут, что мы держим тебя на привязи и боимся показать.

Молчит Апрасинья – не может она выйти за селение до тех пор, пока не узнает всех запретных мест.

– Я сказал старухе Лозьвиной. Она завтра отведет тебя к заверованным деревьям. Ты, Апрасинья, должна запомнить их и осторожно обходить стороной те, что принадлежат мужчинам. А их много – то и голубая лиственница, и пятиголовая сосна, и двухтелый кедр. Вон заверованная береза. Смотри, ее ветви лежат на земле. Не может удержать их тяжести могучий ствол.

– Как это? Когда заверовали эти деревья? И почему? – Апрасинья крепко затянулась из трубки, что отложил ненадолго Максим.

– Давно то было, никто не помнит, – ответил старый Картин и склонился над кямкой-мордой. Собирался старик на дальнее озеро за карасями: нужна детям свежая уха. – Не помнят и боятся о том спрашивать!

– Почему боятся? – потребовала Апрасинья. Она спрашивает открыто, неожиданно, и Максим теряется, долго не находит ответа и грубо обрывает:

– Не лезь, куда не велено!

Да, женщина всегда любопытна, всегда пытается докопаться до донышка в тех вещах, которые, оглядываясь, поглубже прячут люди – будь то семейная жизнь или жизнь селения. И ничего не было бы в том удивительного для Пеклы – от нее бы обо всем узнала Апрасинья. А теперь приходится ему, Максиму, наставлять молодую женщину. И порой было ему неуютно оттого, что громко прикрикнул на Апрасинью. Чем она виновата, если не знает большого или малого запрета, – ведь она женщина других земель, в чем-то других обычаев, которых он, Максим, может, не принял бы? Она принимает Евру, потому что любит Мирона. И только?

– Почему боятся спрашивать? – повторила Апрасинья, и взгляд ее из-под платка был тверд. – У нас в стойбище я спрашивала Волчий Глаз обо всем.

– А зачем то нужно? – спросил Максим Картин.

– Если у человека не попорчен разум, он должен знать, почему он поклоняется идолу, – голос Апрасиньи густой, широкий. – Живой человек...

– Замолчи! – строго оборвал ее Картин. – Молчи и запомни: закон – тайна! В тайне его – сила! А бессильных законов нет. Бессильный закон умирает. Помни: женщине нельзя подходить к шайтанскому амбару. Нельзя подходить к священному месту летнего речного запора! Женщина своим взглядом, своим дыханием может осквернить место запора. Я слышал от своего деда, как сожгли на костре женщину, что ступила ногой на мостки – лаву летнего запора. Сорвала тогда река запор, и осталась Евра без рыбы. Голод и смерть пришли тогда в Евру. Вот что такое женщина!

– Молодая? – спросила Апрасинья.

– Что молодая? – насторожился старик.

– Молодая та, которую сожгли? – голос Апрасиньи отяжелел и напрягся.

– Зиму только с мужем жила, – покосился на сноху Максим. – А летом сожгли...

– Вместе с сыном?! – протянула Апрасинья.

– Ты откуда знаешь? – поразился старик. Он вспомнил: дед ведь говорил, что женщина была брюхатая, носила под сердцем ребенка. Может быть, и сына, может, и великого охотника или старейшину...

– Муж ее трус! Грязная, вонючая росомаха! И мужчины ваши почему принимают такие законы? – недоумевала Апрасинья. – Как ты считаешь, отец, бросил бы меня Мирон в костер? Ответь, бросил бы?

Старик молчал.

– Нет! Не бросит! Хотя он и не давал калыма, хоть досталась ему даром! – гордо проговорила Апрасинья.

Многие древние запреты были и самому старику непонятны, темны, но он требовал, чтобы Апрасинья принимала их на веру. «Так надо! – говорил Картин. – Так было и будет!» И это звучало предостережением – лучше безропотно подчиниться, чем вызвать осуждение.

Нельзя женщине прикоснуться к шкуре медведя. Нельзя прикоснуться к охотничьему снаряжению мужчины, нельзя перешагнуть ни через одну из тех вещей, что искони принадлежат мужчине. Только вот почему? Почему мир разделен на мужскую власть и женскую неволю? Почему у женщины четыре души, а у мужчины – пять? Зачем мужчине пять душ, когда он един и литой, как лиственница?

– Отец, значит, я не могу перешагнуть через себя? – спросила как-то Апрасинья.

Старый Картин понял ее мысли и, посмотрев на дочерей, что соскабливали мездру с лосиной шкуры, ответил:

– Через себя ты перешагни! Перешагни через себя, только останься женщиной. Не знаю твою прежнюю жизнь, но вижу – редкая ты женщина. Обострена ты на правду, и в том таится судьба твоя, и радость, и горе. Трудно женщине в нашей жизни, но втрое труднее женщине горячей, что открывается на правду. А правда спрятана так глубоко, что не хватает жизни дойти до нее, – грустно закончил старик.

Не хватит, конечно, не хватит одной жизни, и жизни ее детей, и жизни ее внуков, чтобы раскачать, вывернуть то дерево с нечеловеческими, чудовищными корнями, что выросло на груди женщины. Из какого семени поднялось это дерево с кровавой плотью? Как могло случиться, что женщина стала покорной и безмолвной? Ее продают-покупают, она – вещь мужа, свекра, зятя, безгласное существо, это она – продолжательница рода и хранительница его?! Женщине строго запрещается поедать, даже пробовать вареные лосиные, оленьи, бараньи головы, языки, сердца и глаза. Все это принадлежит мужчине – охотнику, хозяину! Но разве не те же запреты у людей Сосьвы-Тахы? В чем-то, может, и иные, но в главном – те же. И стань Апрасинья женой Потепки, ее повели бы к священным деревьям селения, повторяли бы слова запрета...

Охотники убивали лося, оленя, разделывали, а женщины варили мясо в большом котле – колташихе. Все – как бы ни были голодны – скрывали нетерпение, ждали, пока сварится мясо, чтобы над ним принести моление Шайтану. Сваренное, окутанное паром мясо ставили на стол в переднем углу. Под столом, в котелке или в глубокой миске, насыпали раскаленные крупные угли. На угли кидали мягкие ветви молодой пихты и можжевельника, а когда душистый смоляной дымок обнимался с паром, что поднимался над мясом, начиналось домашнее моление – пурлахтых. Шайтана – Пупия – угощали горячим, истекающим кровью мясом, подносили ему рюмку вина и вежливо, неназойливо, но без покорности просили послать охотнику удачи, фарту, оберечь от опасностей и напастей в тайге. Горячо просили Шайтана о том, чтобы охотник не повстречал в урмане своего старшего брата – Лесного Мужика. Охотник может нечаянно убить его. И взять много греха на душу.

– Помни запреты! – завещал старый Картин. Надолго Апрасинья запомнит те длинные вечера, когда в теплой юрте под вой налетающих весенних вьюг, голубых и белесых, собиралась вся семья, рассаживалась у огня и старый Картин неторопливо рассказывал что-то из долгой своей жизни, и были те истории мудры и полны смысла, как сказки, а сказки принимались как были, только изукрашенные в разноцветные сказочные узоры.

2

– Давно то было, скажу я вам. Давно, далеко то было, так далеко, что Птица Памяти, если и долетит туда, назад не вернется – ослабнет и навсегда потеряет перо. Разве может летать голая птица? – начинает Максим Картин древнее сказание. И сам становится древним. Нет, не окаменевшим в прожитых годах, а словно отлитым из памяти. Бронзовел его голос, движения рук приобретали плавность, ту четкую законченность, что принимает взмах орлиного крыла, и был он всем – и зверем, и птицей, всплеском ветра и шорохом, кружением опадающего листа и растекающимся туманом. – Давно то было... Тогда Луна только что зарождалась из кедрового орешка, а Солнце забралось высоко на Седьмое Небо, – рассказывает о древних временах старый Картин. – Там оно ночевало в золотой юрте Великого Торума, в медной лодке, которую покачивали звезды на волнах Нерестовой Реки. И кем оно было, то Солнце, – мужчиной или женщиной, неизвестно. Тогда мало было света и больше было тьмы. В небе не плавали лебеди-облака, а пролетали вороньи стаи туч, из них вырывались густо-синие ветры. Не будет же ветер зеленым, не станет он и голубым, если срывается с черной радуги? Из Тьмы выходил Страх, лютый и безглазый. Нападал он на людей, набрасывая аркан, притягивал к себе и по капельке выцеживал мужество из упорных сердец. Сломя голову, потеряв рассудок, бежали люди из теплой лесной чащи на открытые просторы рек и там, в долинах, над покойными плесами, разбивали стойбища, но и в долины скатывался Страх с глухих верховьев.

Страх наплодил, разбросал вокруг себя, словно мухомор, тысячу тысяч мелких и злых духов. Зло всегда мелко, говорят старейшины, не всегда видимо оно, рассеянное в мелочах, и как бы не таит опасности, не желает оно выказываться крупным, потому что иначе станет видимым. А то, что видимо, уже понимаемо и не вызывает страха. В те времена люди понимали язык трав и зверей, потому что дорожили их дружбой, а самые мудрые из манси хранили Тайны Понимания. Страх со своими слугами-духами пугал людей затаенной кровожадностью зверей, а зверю нашептывал о притворстве и коварстве человека. Он сеял зло раздора, чтобы выкрасть Великую Цельность Всего Живого и одному завладеть Тайнами Понимания. Разве Страх и Духи Зла, разве их праматерь Тьма могли согласиться с тем, что все живое родственно дружит между собой? Зло всегда питает себя и оттого торопится разрушить лад, красоту и согласие.

Больше всех живому вредил Комполэн – Дух Болотный. Путал он все в клубок, устраивал ловушки, засады, подслушивал и разглашал чужие тайны, заводил в гиблые места, расстилался тропой над трясиной и уходил вдруг под землю, навсегда уводя того, кто шел по ней. Долго манси не могли увидеть Болотного Духа – Ком-полэна, узреть его так, чтобы запомнить, каков же он есть, чтобы не спутать ни с кем другим. Долго не могли разгадать манси Комполэна – страшен Болотный Дух своей неуловимостью, злым волшебством своих превращений.

– Так кто же он? – нетерпеливо спросил младший из сыновей так же настойчиво и нетерпеливо, как и он, Максим, когда-то требовал у своего отца.

– Старейшие народа манси, преодолевая Страх, разгадали Комполэна! – с потаенной гордостью ответил Максим, но сразу понизил голос. – Они заглянули в Тайны Понимания. Ты спрашиваешь, кто же он? Запомни, то были тайные больные мысли человека. То были томительные, пугающие сны зверя. Комполэн появлялся там, где кончалась слепота зверя и начиналось прозрение, когда зверь захотел стать человеком или человек оборачивался зверем.

– Комполэн – не зверь, не человек, – говорили мудрые отцы народа манси. – Это сила Зла, и рождается он там, где человек отступает от правды, когда он тайно хочет служить Тьме. Он рождается там, где человек тайно прячет маленькую подлость.

Разгадав Комполэна, стали видеть его наяву. Комполэн, Дух Болотный, – полумужчина, полузверь. Наполовину в нем от зрячего человека, наполовину от леса, реки, камня и подземного мира. По грудь Комполэн – мужчина. На короткой мощной шее держится тяжелая, словно из камня, голова, бритая и темнокожая, но от макушки на плечи буйно падает жесткий, как лошадиный хвост, клок волос. Глаза его огромны, черны и неподвижны – не видно дна. Ноздри его раздуваются и дрожат, улавливая запахи,

уши остры и напряженно прижаты к голове, а рот огромен – с острыми, беспощадными зубами. От волосатой груди к ногам терялось человеческое туловище и возникало то, что было от дикого леса, реки, камня и подземного царства. Делилось оно на две половины, и правая – темно-красная. Дышала жаром та половина, как разгорающийся костер. Левая половина наливалась густой синевой, как замерзающая река. И все это – лед и пламя – струилось, переливалось, оставалось неуловимым, колдовским и чарующим. Пламенная, кипящая половина в багряных сполохах рождала мелких духов в мужском обличье, а посиневшая от холода, заледеневшая, еще не проснувшаяся, в зеленоватых отблесках половина рождала маленьких духов с женским лицом, женскими повадками. Но там, где обе половины, как две реки, сливались в цельность, в багрово-синей полосе закатов и восходов дышала звериная злоба и мерцала непостижимая Тайна, которой еще не было в древних Тайнах Понимания. Одна нога у Компольэна лосиная, с расплющенным копытом, другая нога – лошадиная. И оттого Компольэн оставлял за собою сразу две тропы – то ли стадо лосей прошло, то ли табун коней проскакал. Страшен Компольэн и преданно служит Тьме и Страху, проникает насквозь в мысли людей и тягучие думы зверя.

Медведь наловил в реке тайменей, поел и принес семь рыбин охотнику Касюму: «Кушай, Касюм! Свежая, сочная рыба!» Охотник Касюм принял рыбу, поблагодарил и вынес Медведю берестяной кузов – пайву малины: «Кушай, Япум! Наливайся жиром. Скоро тебе в лесовнюю юрту под снег ложиться». Поел Медведь малины, поломал рябины, сладкими и горькими корешками закусил, расчесал шерсть на загривке и собрался было прилечь на зиму, как подкрался к нему Компольэн. Обернулся Дух Болотный Лосем, разгреб копытами мох и протрубил над ухом Медведя: «Спать собрался, брат?» – «Да, пора!» – зевая, протянул Медведь. «И ты не боишься, брат?» – «А чего мне бояться? – удивился Медведь. – Холода, что ли, мне бояться? Шерсть густая, гляди! Под шерстью жира накопил. Юрта моя теплая. Мне, брат Лось, зеленые сны все снятся...» – «Ты охотника Касюма не боишься? – протрубил Лось. – Пока тебе сны зеленые снятся, он юрту твою разорит...» – «Он брат мне младший! – ответил Медведь. – Младший брат не пойдет злом на старшего. Мы одного народа!» – «А вот попомни меня, – раздул ноздри Лось-Компольэн. – Не подарили летом звери ни одной шкуры Касюму. Дохлое было лето... Замерзнет он зимой у костра в травяной одежде, без теплой шкуры и горячего мяса. Вспомнит он, что у тебя шкура теплая, и разденет он тебя до голенького!» – «Не узнаю тебя, Рогатый! – рассердился Медведь. – Иди-ка с глаз моих!»

Прилег Медведь в берлоге, голову на лапы положил – неудобно. С одного бока на другой повернулся – неудобно. Постель стелил мягкую, а она жестко вздыбилась торчком – не уснуть. Вошла и присела на глаза тетушка Сонница, ветер запел колыбельную, раскачал сосны, и сосны запели, и лес тихо-тихо подпевал, стряхивая снежинки. И медведь стал засыпать. Но только он погрузился в сон, как гром раздался над головой. Вскочил Медведь, выглянул из своей юрты – то дятел ударил по сухой лиственнице. Как в воду, вошел в сон Медведь, но тут раздался тонкий-тонкий скрип, как у снега, когда его режут лыжи. «Что такое? – взревел Медведь. – Неужто охотник Касюм крадется?» Выглянул Медведь из юрты – две сухие елочки вершинами друг о дружку трутся и тоненько скрипят. «О, Небо! – взмолился Медведь. – Да что это? Почему же я спать-то не могу?»

А Компольэн примчался к лесовней юрте охотника Касюма. Увидел – сидит охотник в травяной одежде и дрожит от холода. Обернулся Бурундуком Компольэн и тоненьким голоском спрашивает: «Хо-ло-дно-о те-бе, охотник Касюм?» – «Ничего, – стуча зубами, отвечает охотник. – Ничего, сейчас пожарче раскину огонь в чувале... Заходи, грейся!» – «А где твоя зимняя шуба? – пискнул Бурундучок. – Нету? Или потерял?» – «Так получилось, – улыбается охотник и подбрасывает смолье в чувал. – Не было у братьев лишней шубы... Уху поедим, чаю с ягодой попьем – согреемся!» – «А у Медведя, старшего твоего брата, есть лишняя шуба, – просвистел Бурундучок. – Видел я, как он на себя вторую шубу натягивал», – тихонько скрипнул зубами Бурундучишко. «Ежели бы она была, то он поделился бы со мной, – ответил охотник. – Он ведь мне тайменей ловил, понял? Он добрый, мой старший брат. С кедра шишки мне сбивал, корешки сладкие показывал. В гости ко мне приходил, сказки мне рассказывал...» – «Да это он юрту твою смотрел, – закрутился вокруг охотника Бурундук. – Ему в твоей юрте чувал понравился. Говорил мне Медведь: «Приходи в гости... вот я скоро выгоню охотника из юрты. На огне стану кедровые орешки жарить». – «Пусть приходит, – бодро говорит охотник. – Места у огня всем хватит!» – «А Медведь мне говорит, – продолжает Бурундучок-Компольэн, – говорит: «Все ел-кушал в тайге, все пробовал на клык, только вот не знаю, какой на вкус охотник. В темную ночь приду и съем», – чуть не плачет Бурундучок. «Всего, что ли?» – удивился и растерялся охотник. «Нет, – зарыдал зверек, – сначала с ног до головы, потом с головы до ног». – «О, Небо! – воскликнул охотник. – Почему сердит на меня старший брат, может, чем-то обидел нечаянно? Пойду попрошу у него прощения». – «Иди, иди! – закружился Бурундучок-Компольэн. – Только собак с собой возьми, острый нож да стрелы...» – «Кто же в гости с

ножом ходит?» – удивился охотник, обувая лыжи. «А вдруг на тропе злые духи? – ответил Комполэн. – Вдруг не пустят тебя к брату Медведю. Возьми-возьми, охотник, острый нож да стрелы». – «Ну, ладно! – согласился охотник. – Зимой много в урмане злых духов».

Страшным ветром впереди охотника помчался Комполэн. Перед юртой Медведя остановился, надавил плечом на громадную сосну и опрокинул ее на жилище Медведя. В ужасе вскочил Медведь, ум его запутался во сне – ничего не понимает. Еще одна, еще другая сосна упали на медвежью юрту, сорвали крышу, и ударил Медведя в грудь ледяной ветер. «Ай-е! Астюх! – воскликнул Медведь. – Неужто младший брат Касюм мою юрту ломает? Неужто шубу он пришел снять с меня в такой лютый мороз?» Выглянул Медведь из юрты, и не узнал он мир: темно, звезд не видно, и луны нет, снега-сугробы по грудь. Мороз визжит, и ветер воет. Первый раз в жизни вылез Медведь в зиму из зеленых снов. «Правду, голимую правду Лось говорил, – поразился Медведь. – Охотник юрту разорил, сейчас начнет раздевать меня до голенького. Но я тебе не дамся!» И вылез Медведь из берлоги, и притаился за дремучей елью, сам такой же дремучий и взъерошенный. «О-о-го-о-о! Бра-а-ат мой ста-р-р-ший! – услышал Медведь сквозь ветер голос охотника. – И-ду-у!» – «У-у-у», – подхватила пурга. «Иди! – прохрипел Медведь. – Иди, я тебя встречу». И прыгнул Медведь на охотника, сбил с ног младшего брата и раскрыл горячую пасть. «Правду Бурундук мне говорил. Съесть меня захотел старший брат. С головы начнет», – испугался охотник и ударил ножом в косматую грудь Медведя. «Ай-ю! Ай-ю! Больно... больно мне, – тяжко простонал Медведь. – Зачем ты, охотник, с меня последнюю шубу снимаешь?» – зарыдал Медведь и, зализывая рану, слепо помчался в непроглядную ночь. Всю зиму бродил-шатался в урмане Медведь. Как заяц, обгладывал кору, из-под снега добывал ягоду, отнимал у бурундуков орешки, растерзал трех лосей, и сам чуть не был растерзан волчьей стаей. Чуть не издох от голода и холода. А охотник всю зиму просидел у очага-чувала – поломал ему ноги Медведь.

Рассорил братьев, Медведя и охотника Касюма, Болотный Дух – Комполэн. Не спящий зимою Медведь-шатун ищет человека, чтобы отомстить за разрушенную юрту, а охотник, убив Медведя, устраивает Медвежий праздник, просит прощения у старшего брата за то, что низвел его.

– Навек, навечно рассорил, – проговорила Апрасинья. – Но все равно бы это случилось...

– Почему? – недовольно крикнул Максим Картин. – Они были братья... Что ты об этом знаешь, глупая женщина?

– А то, – отрезала Апрасинья, – пусть брат, но он – зверь, Лесной Мужик. А охотник – человек. Зверь живет по-звериному, а человек всегда хочет жить по-человечески.

– Замолчи! – крикнул старый Картин. – Мудрые люди нашего рода говорят: «Придет время, наступит время, когда все вернется к своему изначалу: Медведь вновь будет братом, Кедр вновь будет братом, а Береза – сестрою». Оно наступит, – и старый Картин пророчески поднял руки и потряс кулаком, – время, когда каждый изгонит из себя Комполэна, не оставит ни пятнышка Тьмы!

– Да не станет того, – упрямо не согласилась Апрасинья. – Чем дальше, тем, поди, больше в людях станет человеческого.

– Закрой лицо! – приказал Максим Картин.

– Никто еще не ходил спиной вперед, – не унимался голос Апрасиньи из-под цветастого платка. – Зайцу – зайцево, а вот Медведю – медвежье. Не станет он моему Мирону братом, как никогда я не стану женой Лесного Мужика.

– Да замолчи ты, скверная женщина, – задрожал от гнева старик. – Почему боги дали тебе такой поганый язык? Разве можешь ты понять мудрость?

Мирон мягко положил тяжелую руку на плечо Апрасиньи:

– Молчи! – прошептал он. – Отец верит в то. Он хочет того! Молчи...

Люди долго не хотели уходить из сказки, наверное, оттого, что считают Добро и Красоту извечными, а Зло и Горе – не имеющими права на жизнь. Так размышляла Апрасинья, вслушиваясь в то, что говорил старый Картин. Но как же так, не может понять того Апрасинья, ведь ничего на этой земле не дается даром, ни добрые духи, ни злые духи ничего никогда не сделают для человека! Ничего! Умрет тот с голода, если не поставит сеть в реке, если не догонит сохатого, если не поднимет на острогу медведя. Человек все делает сам, размышляет Апрасинья, если он научен делу или за него делают другие, если он слаб или хитер. Но никогда духи не принесут пищу в дом, никогда злые духи не отнимут еду у того, кто умеет и хочет добыть ее. Нет, решает Апрасинья, она все будет делать сама – сама будет любить и будет любимой, сама станет жалеть, и ее поймут в горе, сама захочет детей и нарожает их сколько захочет! Это так много значит – хотеть! А она всегда знает, чего она хочет! Если она захочет, то она сделает.

– Ты уж помолчи, – ласково уговаривает ее Мирон. – Его ведь дети слушают.

Дети, открыв глаза и души, слушали отца, слушали были и сказания мансийского леса, где причудливо, нерасторжимо сплетались вымысел и чудо, правда и волшебство. И Апрасинья, подбросив сушняку в чувал, прижалась к Мирону.

3

– Мы с Мироном собираемся на ярмарку в Пелым. Скоро рухнет зимник. Это последняя зимняя ярмарка. Пушнина у нас добрая, нужно подороже продать и купить табаку, чаю, муки и соли, – сказал старый Картин.

– И пороху! – добавила Апрасинья, сдирая кожу с громадного налима, почти готовую штанину. Добрая одежина Мирону для рыбалки.

– Да еще свинцу и капканов, – согласился старик. – Что тебе привезти с ярмарки? Бисер, бусы, серьги, белое сукно? Говори, Журавлиный Крик!

– Привези мне, тетюм, ружье! – который раз просит Апрасинья. – Хорошее ружье... доброе. Буду зверовать с Мироном.

– Да разве охота – дело женщины? – возмутился старый Картин. – Дело женщины – юрта, чувал, котел. Дело женщины – рожать сынов-охотников и немного девок для продолжения рода. Ты должна кормить, обувать, одевать мужа, брать из реки воду, а из сосняка – сушняк. Как же может женщина ходить на охоту, заниматься делом мужчины? – не однажды говорил он это Апрасинье, но та словно не хочет понять его.

– В нашем роду осталось мало мужчин. Женщины моего рода – охотники! – гордо ответила Апрасинья. – Женщины моего рода добывают много пушнины, продают купцу и получают оружие. Они приносят в дом не только детей, но и мясо, лосиное мясо, отец мой, потому что им помогает добрая Лесная Женщина. Привези мне с ярмарки ружье! Я метко стреляю. И сделай мне лук и тупые стрелы для белки. Сделай, отец мой, острогу на тайменя!

– О, милый Шайтан! О, Великий Торум! – воскликнул Картин. – Что подумают о тебе женщины нашего стойбища? Они подумают, что ты не хочешь плодить, подумают, что ты не женщина вовсе!

– Так может подумать только глупая женщина! – презрительно фыркнула Апрасинья. – Дай мне еще глотнуть из трубки!

– Ответь мне, что мы станем делать с оленями? – спросил старик. – Я никогда не держал оленей, только коней. Не знаю, что делать с оленями?

– Оставь эту заботу мне, отец! – смиренно попросила Апрасинья.

– Может быть, отдадим их в стадо Кентиных? Они давно держат оленей, знают их жизнь.

– У нас всего три быка и две важенки, – ответила Апрасинья. – Важенки весной принесут детенышей. Пусть важенки выкармливают детенышей, а на быках... а на быках мы с Мироном уйдем в урман.

– Забудь ты про охоту! Наши обычаи запрещают женщине добывать зверя!

– Сколько в сети ячеек, столько запретов для женщин, – тихо проворчала Апрасинья. – В свои законы вы заходите, как глупые караси в морду-кямку. Зачем такие законы, что ломают дух и заставляют мужчину ползать на животе? Зачем такие законы, что делают женщину хуже собаки? Та хоть свадьбу играет, когда хочет...

Часто говорила она так, и каждый раз в старого Картина вселялась тревога. Он хранил законы и подчинял им себя потому, что им подчиняются все. Подчиняются? Или безропотно соглашаются? Или просто глухи к ним, относятся привычно и равнодушно, как привыкают к одежде? Но люди вырастают из одежды, она изнашивается, становится тряпьем. Когда Великий Торум создавал Землю, когда он создавал Небо, то у Неба были свои законы, у Земли – свои, а Подземному Царству Торум не мог дать земных законов – там властвуют Злые Черные Духи. А Человек? Он стоит между небом и землей, он порождение земной стихии и стихии неба, и законы людские вовсе не те, что законы зверя. Старики, мудрые и светлые, как луна, умели разделять обычаи и заветы: вот эти законы древние, а вот эти еще древнее, а вот те такие уж древние, что никто не помнит, откуда и как они появились. Но наверное, до тех древних законов были совсем древние, но они забыты, а может быть, не забыты, а изжиты, просто пропали в трухе, как гнилые пни. Гнилушка светит в темноте, но не греет, не может греть, только кого-то подманивает, кого-то пугает.

– Я хранитель капища, – сурово сказал старый Картин. – И забудь про охоту! Разве ты можешь прикоснуться к медвежьей шкуре? Разве ты можешь прикоснуться к священному соболю и снять с него шкуру?

– Все законы придумали мужчины! – ответила Апрасинья. – И драные жизнью слепые старики.

– Да! – гордо поднял голову Картин. – Их придумали мужчины. Их придумали старики, что узрели жизнь изнутри, чтобы уберечь свой род!

– Они придумали законы от своей глупости и лени, – огрызнулась Апрасинья. – Медведица одна выкармливает своих детенышей. Медведь все лето гуляет один, да еще отнимает добычу у медведицы. И копалуха, и тетерка одни пестуют своих птенцов, а глухари прячутся в глухие урманы. Селезень, утка в разное время меняют перо. Женщина продолжает род! – отрезала Апрасинья. – Привези мне с ярмарки ружье, тетюм!

Женщина права, размышляет старый Картин, но она мало думает, она говорит то, что подсказывает ей сердце, а не разум. Но, слушая сердце, можно разрушить все: устоявшийся уклад, порядок старшинства и разумности. Большинство подчиняется законам, а если большинство – значит, нет изъяна, значит, все верно. Ведь не может же большинство быть глухим и глупым? Не может ошибаться весь род, не может ошибиться все стойбище, не может быть неправым весь народ на Конде. Но эта женщина не желает принимать все на веру, как положено, а пытается проникнуть в сердцевину. А может ли оказаться правым один-единственный человек? Нет, этого не может быть!

– Мирон! – твердо сказала Апрасинья. – Ты привезешь мне ружье! И нож! – И лицо ее замерцало звездным небом, и голубыми омутами высветлились глаза.

– Хорошо! – улыбаясь, ответил Мирон. – Я достану для тебя самое лучшее ружье, милая моя женщина! А ты подари мне сына-охотника!

– Он появится на свет с новой травой и цветами, – в улыбке заструилось лицо Апрасиньи. – Кем, как не сыном, я одарю тебя за любовь твою?!

Не заискивает ни перед кем Апрасинья, не заигрывает, но и не таится – говорит то, что думает, а думает она неожиданно и вызывает невольное уважение. И в то же время она раздражает старого Картина непреклонной, оголенной своей правдой. А может быть, это правда женщины, которую никогда не познать мужчине, та сокровенная тайна, в которую она никогда и никого не пускает?

Получила Апрасинья ружье, и лес снова распахнулся перед ней весенней охотой. Ни на день она не желала расстаться с мужем своим, Мироном.

– Усмири свою женщину, Мирон. Не то худо будет, – пригрозили евринцы. – А если наши бабы заразятся от нее?

Но Мирон только смеялся.

4

Род Картиных немногочисленный, но крепкий и дружный. Он, конечно, уступает роду Чейтметовых и роду Кентиных, даже Лозьвиных, с которыми Картины находятся в близком родстве, хотя и вовсе на них не похожи. Лозьвины ростом высокие, но гибкие, сухие и жилистые – сколько ни гни, все равно не сломаешь. И лицом Лозьвины тонкие и скуластые, и прослыли они среди евринцев родом молчунов: все в себе носили, горе и радость не расплескивали, но до поры до времени. Не стоило их дразнить: шутить и смеяться они над собой не позволяли. Тяжеловаты на доброту Лозьвины, но и сами пощады не просили.

Картины, коренастые, приземистые, широкие в плечах и груди, круглолицые, отличались от родичей и крупными, тяжелыми носами с заметной родовой горбинкой. Так их и звали: «Э, Сорнин Кётып, пыскась род», что значит – «род Золоторуких, шипящих носом». Но не шипели Картины, а выкладывали прямо в глаза, горячо и дерзко, что думали, не таили в себе, и оттого из их рода выбирали хранителей капища. Нет, то были не шаманы, что вызывали и побеждали злых духов, ублажали добрых, в исступлении своем напускали порчу и изгоняли хворь. Хранители капища определяли время всеобщего моления и приношения жертвы земному богу Шайтану, выбирали место для моления, охраняли жертвенное место – святыню, толковали обычаи и древние запреты. Они охраняли, как могли, языческую, родниковую чистоту своей веры, а ее, как кедр, прожигали с комля пока еще тоненькие и неокрепшие языки пламени новой веры в Христа, принесенной русскими, но она, обкусывая и съедая высохшие ветки и неокрепшие побеги, не смогла добраться и прокусить сердцевину.

В роду Картиных хранится предание о том, как прадед Максима, дед его деда, малозубым мальчишкой был окрещен самолично неистовым Филофеем, десятым митрополитом Тобольским. О том же в Пелыме рассказывал Максиму седогривый горластый поп, и хотя не все Максим понял, но отдал три соболя за крохотный медный крестик.

– Ты – евринский вогул, Картин? – прогудел из густой расчесанной бороды пелымский священник в сверкающей парчовой ризе, в такой золотой малице, которую носит, наверное, Великий Торум. – Ты меня знаешь, туземец?

– Да, – ответил Максим. – Тебя я знаю.

– Кто я? – потребовал отец Павел.

– Ты главный русский шаман-батюшка, – захитрил Максим. – Самый, самый батюшка, поп-отец.

– Да! – обрадовался отец Павел и оглушительно, как леший, захохотал. – Но ты, Максим Картин, крещеный, приобщенный к вере вогул, есть самый поганый язычник, есть главный шайтанщик, оберегатель идолов. Так?

– Есть маленько, – ответил Максим. – Маленько Кристос, маленько свой бог. У манси пять душ – всем хватит.

– Но прадеда твоего окрестил верный слуга Христа, истовый сын церкви незабвенный Филофей! Как могло так обернуться? – уже громом гремел отец Павел. – Как такое могло случиться, что внуки и дети самолично окрещенных Филофеем вновь утонут в скверне, в срамоте и дикости язычества? Боже великий и милосердный, вразуми!

Отец Павел, тыча пальцем в древние книги, непонятные записи и бумаги, поведал Максиму о митрополите Филофее.

...Крепко, намертво засела в Филофее мысль прославить свое имя, окрестить всех сибирских инородцев, обратить остяков, вогулов, и татар, и мордву из язычества в веру православную. Пятьдесят два года Филофею, и не столько он крепок телом и здоровьем, как могуч негасимой верой. Добела раскален ею Филофей, просит он царя Петра позволить ему сурово наказывать иноверцев, что продолжают жить в темноте и скверности язычества, наказывать до смерти, до сожжения и обезглавливания. Не позволил того царь, попридержал чересчур ретивого церковника. «Ежели они все язычники, то головы им всем посечешь, а без головы даже иноверец жить не может и дорогого зверя добывать. Ты, Филофей, свирепость маленько укроти» – так, наверное, охлаждал его царь.

«Ладно, – решил Филофей. – Пущай так на бумаге и останется. До Бога высоко, а до царя далеко. Сам же потом спасибо скажет».

И вот что стало: девять митрополитов Тобольских, что были до Лещинского, не смогли окрестить столько, сколько один Филофей. Он не давал покоя и отдыха ни себе, ни людям своим, проникал в самые глухие места огромного края и крестил на месте всех, кто попадался. Выслеживал, ловил, хватал и крестил как одержимый.

– «...Все кумиры бездушные сокрушиша, скверные капища и кумирницы разориша и сожгоша. Прострежеся падеж и разорение сих даже до Березова», – прочитал нараспев отец Павел. – Понял, вогул?

– Маленько, – ответил Максим.

...Летом 1712 года, как только прошел ледоход на Иртыше и открылась Обь, Филофей на просмоленном судне, распустив хоругви, спустился к березовским остякам. Два года спустя, в волчью темь февральских метелей, звериными тропами он приходит на Пелым и на Конду и крестит манси – вогулов. Летом Филофей вновь в Березово, а в 1715 году раскаленный, неистовый митрополит опять пробирается на Конду, в самый центр язычества.

– Вот он где, языческий Вавилон, вот где древние мольбища, вот где скверные хранилища истуканов, идолищ поганых! – кипел гневом Филофей. – Вот оно, гнездовье шайтанов! Здесь ихний главный жрец, исчадие преисподней.

В селении Нахрачи, что поднималось на слиянии Конды и Юконды, Филофей посек и утопил идолов. Здесь были идолы, что почитались главными не только у вогулов, но и у остяков. Один «изсечен бе из древа, одеян одеждою зеленою, злообразное лицо белым железом обложено, на главе его черная лисица положена», у другого идола «с жести изваяна личина, мало что бяше подобие человека». А третий из дерева изваян «наподобие человече, сребрен, имеющ лице: сей действием сатаниным про-глагола бездушный...».

Умоляли Филофея шайтанщики – хранители капищ, просили не трогать идолов, обещали запрятать их далеко от глаз и принять веру, но разорил капища неистовый митрополит.

Хотя самому крещению манси и не шибко противились: в этом нестрашном обряде было что-то интересное и чуточку забавное. На шею блестящий крестик наденут, лоб маслом или гусиным жиром помажут, даже щекотно, да ложку вина дадут, новое имя подарят – вчера был Паломей, а сегодня – Тимофей.

– Ну и что? – рассуждали старики. – Совсем не страшно новую веру принимать. Мы своим богам тоже кровью губы мажем и жиром все лицо и голову мажем. Ему хорошо, и нам нетрудно. По-другому окликает тебя? Пусть, если ему нравится. А имя про запас тоже неплохо. Пусть зовет меня по-своему. Только я уж позабыл, как он меня назвал.

– Приняв истинную веру, вы сохраните душу! – кричал в толпу Филофей.

– Это хорошо! – кивали манси. – Что он там толкует, ничего не понимаем.

– Кто забудет Бога, тому гореть в вечном огне! – кричал Филофей. – В смоле кипеть во веки веков. Ого-нь!

– Огонь – это хорошо! – кивали манси. – Богов своих не забудем, как можно!

И против церкви не возражали – «добрая изба, теплая, светлая юрта, пускай себе стоит, нам не мешает». Все вроде бы ладно, но уносили и далеко прятали манси своих богов... А неистовый Филофей все не мог успокоиться, отправлялся в новые и новые походы. К 1720 году он окрестил около тридцати тысяч язычников и татар. Уже семидесятилетний, постаревший, но по-прежнему раскаленный, за год до смерти Филофей спустился к Обдорску, где остяки напали на свиту неугомонного митрополита и едва не отправили его на тот свет. Филофей метался, но только он уходил, как вновь появлялись идолы. Язычество было живуче, ибо корнями уходило в глубины древней земли, уходило в детские сны еще не пробудившегося народа.

– Более века как нет Филофея. Заложил он камни великой веры, но глотает их трясина безверия и языческой лютости, – грустно протянул отец Павел. – Однако ты помни, двоеверец Максим, сокрушит церковь мощь идолищ твоих. Помни!

Да, Максим помнит, что при отце еще много людей приходило на ежегодный праздник жертвоприношения Шайтану. А потом, перед его женитьбой на Пекле, в Евру нагрянула стая бородатых попов, исступленных монахов с горящими глазами, и рыскали они, искали в потаенных местах идолов и находили деревянных божков. Сжигали попы даже мелких божков, которых находили в домашних шайтанских амбарах. Кто-то выдавал тайну запрятанного мансийского капища, кто-то собакой бежал впереди священников, вынюхивал след и приводил в потаенные места, обходя туго натянутые самострелы со смертоносной стрелой. Попы набрасывались на истуканов, разбивали их в щепки и сжигали на громадных кострах.

Но то было прежде. Теперь церковь уже не гонялась за каким-то замшелым, одичалым в одиночестве идолом. Она позволяла татарам молиться своему богу в мечетях, так стоит ли рыскать в поисках языческих капищ. Ну пусть пока не столь тверды в новой вере обращенные в христианство язычники, пусть даже тайком и поклоняются лесным божкам – время сделает свое дело, и прозреют заблудшие...

Но не умирала в людях Конды древняя их вера, соединяющая живое начало с неживым – туман и росные травы, лунный свет и засыпающий ветер, крик совы и плач ребенка.

– Давно то было, – рассказывал старый Картин. – У Священного Кедра, что корнями своими рассекает черную и светлую скалу, вокруг негасимого Огня собрались мудрые старейшины рода манси. Могучий Огонь жадно и властно принял жертву: горячую кровь белого оленя, набухшее от силы сердце медведя, ночной глаз совы и легкое перо лебедя.

– Огонь принял жертву духам Добра и Света, – прошептали мудрые.

А Огонь распахнулся и прогудел:

– Слушайте! Слушайте, люди, Землю и Небо! Вслушайтесь в голос Ветра, Трав и Птиц! Слушайте, люди, себя в себе!

И мудрые из народа манси, каждый в себе, кто громко, а кто шепотом, услышали то, что хотели узнать у Неба, Земли, Звезд и Ветра. У подножия Кедра настоялась бездонная тишина, которая поглотила ненужные шорохи и шепоты, все раздробленное и мелкое, все, что рождают суета, склока, зависть. И услышал каждый, в каком урмане наплодился и вызрел зверь, в какой реке нагулялась рыба, какой бор наполнен птицей. Услышали мудрые, какие народы пройдут через земли манси, с кем вести торг-обмен, с кем крепить дружбу, а к кому повернуться огнем и яростной битвой.

Взметнулась косматая грива Огня, и только самые чуткие услышали невнятный, затухающий зов. И в зове том, диковатом, но томяще-родном, огненным отпечатком проступил грохот конских копыт, крик перепела, что угасал в багровом закате.

И старейшие народа, те, кто одарен зрением и жаждой узнавания, своими сердцами увидели далекую и прекрасную землю. Она раскинулась под горячими, сухими ветрами, просторная, как небо, многолюдная, богатая, украшенная медными дворцами с золотыми крышами.

Максим Картин поднял лицо к полуденному солнцу, и рука его вытянулась к недостижимо далекому югу, откуда на тугих лебединых крыльях врывается в таежные урманы голубовато-зеленая весна.

– Там наше изначало. Там после сотворения мира раскинулась наша родимая земля. Так завещали мудрые и старейшие – мы лишь веточка неохватного дерева, мы лишь ручеек большого народа, – голос Картина окреп, зазвенел тетивой боевого лука. – Мы согрели своим дыханием тропы кондинских урма-

нов, наша кровь слилась с кровью тех, кто здесь жил до нас. И эта земля, – он широко распахнул руки, словно охватывая и обнимая реки, озера и лесные дали, – давно стала нашей родиной. Давно стала, так давно, что об этом стали забывать самые мудрые. Даже у мудрых короткая память, она уходит из мира, как щука из рваной сети...

Долго молчал старый Картин, глядя на сидящих вокруг родичей и соседей. Потом сказал:

– Мы с Мироном уходим в твои земли, Апрасинья. Мы должны помириться с людьми Сосьвы. Мы принесем им дары и выкуп, наладим с ними дружбу и торг, ведь все мы люди одного племени – мансь!

– Я пойду с тобой, Максим! – поднялся Сельян Лозьвин. – Я – друг твой и брат! Знаю тропы в земли Тахы.

– Ты пойдешь с нами, Ситка? – обратился Максим к Кентину.

– Да! – кивнул Ситка. – Пусть нас проводят молодые мужчины-охотники.

Трех горячих кобылиц и свирепого жеребца отобрал Максим в дар родне Волчьего Глаза. В сумы и крепкие мешки из лосиной кожи завернули дары, что раздобыли у купцов на ярмарке. То были серебряные чаши и кубки, медные чайники и котлы, длинные ножи с тонким, как жало, лезвием, железные иголки и дорогое ружье. Богатые дары собрал Максим Картин, не хотел показаться скупым и жадным – он шел к своим далеким братьям.

– Пусть Мирон и молодые охотники проводят нас до истоков Тапсуя, в верховья Конды, – решил Максим. – И ждут нас. И строят лодки. Мы вернемся и спустимся по Конде.

– Да станет легкой тропа твоя! – крикнули вслед старейшие. – Мы ждем вас здоровыми.

ЛЕШИЙ ВОР-КУМ

1

Робко, как птенец, взмахивала крыльями весна. Снег в глубоких промоинах, ноздреватый и рыхлый, прятался в распадках, таился в сырых ельниках, а песчаные гривы, над которыми гулял теплый ветер, уже прогрелись под солнцем и глянцево отсвечивали тугими листьями брусничника.

Небольшой аргиш – караван – ведет по едва приметным тропам старый Картин. Далеко еще до земли Тахы. Но приблизилось к Мирону детство. Вдыхая запахи талой воды, угадывает он урман, куда отец привел его на первую охоту.

...Рассказывал Максим Картин сыну, как, словно остров среди рек и речушек, потаенно поднимался далеко-далеко от людей дремучий, непроходимый урман, вековая конда-тайга. Не у каждой птицы хватит крыла, не у каждого зверя – силы, чтобы добраться до тех кедров, меж корней которых в росной ледяной прозрачности ярко и неукротимо вскипают ключи-роднички. В урмане том, в бородатой угрюмости ельников, в сосняках-беломошниках, кедрачах-брусничниках, сторожко и мудро гнездится древняя птица глухарь, набирают силу и мощь сохатые, черной молнией проносятся драгоценные соболи, а в буреломах, косолапя, круша и раздирая малинники, сыто урчит медведь – Хозяин Леса.

– И этот урман... – Мирон завороженно, затаив дыхание, вслушивается в подобревший голос отца. Максим лосиными жилами крепит охотничий лук, а сын не спускает глаз с ловких рук и неумело, торопясь, повторяет то, что делает отец. Он торопится и портит. – ...И этот урман, горячий и светлый от обитающей в нем жизни, звонкий от птичьей песни, целиком принадлежал Лешему – Вор-Куму.

Максим видит бусинки пота на выпуклом лбу десятилетнего сына, видит, с каким старанием и нетерпением мастерит тот первый свой лук, и тихо улыбается.

– Бабушка Текла давно пугает меня Вор-Кумом, – хочет пожаловаться Мирон, но едва уловимая усмешка проступает в глазах отца, и сын осекается, – Вор-Кум, кто он?

– Вор-Кум? Вор-Кум – Выскорь. Он – когда вывернутый пень с живыми корнями, а когда черная птица с железным клювом. – Отец туго натягивает тетиву. – Просто он – оборотень... – Гулко, как крик-зов сохатого, гудит тетива.

– Тетюм! – потянулся к отцу Мирон. – Ты подарил мне охотничий лук. Ты сделал мне меткие стрелы. Ты хотел, наверное, подарить мне верный нож?! – и столько надежды, светлой, как рассвет над рекой, слышится в голосе сына.

– Да, сын! – ответил отец. – Я хочу, чтоб ты стал фартовым охотником, как все мужчины нашего рода. Но ты сам должен готовить свое оружие. Охотник все делает сам: стрелу, капкан, нож.

– Но я долго не стану им! – выпаливает Мирон. – Мать Пекла не пускает меня в урман. Отец, она говорит, что я прожил всего десять зим, а в урмане мой разум замутит Вор-Кум. Так она говорит, отец! А я – манси! Он – кто? – загораются светлым огоньком глаза мальчика. – Он – кто, Вор-Кум? Зверь он?

– Нет, он не зверь, – отвечает отец, и нож поблескивает в руке, и тонкая стружка сбегает с легкой стрелы.

– Птица он? – не унимается мальчик, что готовится стать добычливым охотником. – Я хочу знать его! Ты видел его, тетюм? Мутил он твой разум, отец?

– Когда я был таким же, как ты, то видел, – говорит отец и задумывается, словно ненадолго уходит в далекие свои годы. Сидит напротив Мирона, в тяжелых руках острый нож и орлиное перо, и будто нет его, покрылся туманом. – Глаз ребенка, как росинка, весь из солнца. А потом глаза мутнеют – в них поселяются заботы. Когда увидишь много горя, много смерти, то глаза уже не разглядят Вор-Кума.

– Но ты его видел, когда был таким, как я? – настойчиво требует сын. – Я тоже хочу увидеть его!

– Маленьким я был тогда, с волчонка, – отец раскуривает трубку и кладет руку на плечо сына. – Лес набросился на Евру, как аркан, захватил капканом. Лес, сынок, извечно живой, он ходит по земле, как волна по озеру, и не удержат его пожар, ветролом. Со стрелой, с ножом бегал я мальчиком в глухой урман, и обжигал меня горячий след зверя... Однажды я крался за соболем и настиг у дуплистого кедра... – неторопливо рассказывает отец. И походит то на сказку.

...Стрела, не долетев до соболя, проскользнула мимо, словно обогнула его. И вторая стрела, и третья. И увидел маленький охотник, что то не соболь. На широких лапах кедра упруго покачивался Вор-Кум.

– Скушно! Ску-шно мне! – вздохнул Вор-Кум. И от вздоха его хрупко ломаются пихты. – О-о! Как скушно-о-о-то мне-е, – потянулся в зевоте Вор-Кум. И дрожь охватывает его тело, он зыбко вздрагивает своей лохматой шкурой. Шерсть на Вор-Куме висит клочьями, как на росомахе, драная такая, красно-бурая, желто-зеленая, словно осеннее болото. Из шерсти перья сизые торчат, будто каленых стрел наконечники, и карасиная чешуя тускло светит.

– Что за чудо в перьях? – изумленно прошептал охотник, и голова его наполнилась густым, плотным гулом, а в глазах словно туман. – Страшно... Астюх! – Дрожь пошла по телу.

Даже в безветренный, примолкший день шерсть на Вор-Куме не то чтобы дыбится, а раскидывается вихрем, как вода на перекатах. Морда у Лешего непонятно какая: то она зверски звериная, то нечеловечески человечья. И увидел охотник, что миг назад она была рыбьей, с круглым безгубым ртом...

– Деды говорят, – продолжает отец, отстругивая ножом древко копья, – деды говорят, что морда Вор-Кума меняется, как пламя костра, как река под ветром, как болото под туманом, но лишь когда он того захочет. И скажу тебе, мой сын: чтобы его все помнили и знали, он не меняет глаза. Всегда остаются глаза – красными мухоморами в белых снежинках смотрят они в мир, когда Вор-Кум сыт и добр, и пронзительно горят зеленым огнем, когда Вор-Кум свирепеет. А добр ли он или бездушно свиреп, думать даже не следует. Он просто Леший. Такой он. Вор-Кум его зовут.

– Вор-Кум его зовут, – эхом отзывается Мирон и ближе придвигается к отцу.

– Вор-Кум ведь тоже Лес, – улыбается отец. – Лес – огромный отец его. Ну, такой он мальчишка у Леса, как ты у меня.

– Тетюм! – прижимается мальчик к плечу отца. – Но он все время разный, а я – один! Я все время сам себе свой. Я только во сне летаю, и во сне ко мне...

Мирон снимает с плеча руку отца и вытягивается настороженной тетивой.

– Ко мне во снах, тетюм, приходят... – шепчет он горячо и стыдливо, словно о чем-то запретном и недостойном будущего фартового охотника, – ко мне приходят звери-горы. Звери-горы! На горбатых спинах растет сосна, и шерсть на спине как осенняя осока. Голова, как камень-валун, облизана водой и ветром, и в голове той, отец, маленькие мышиные глаза. У зверя-горы – мышиные глазки?! – пораженно приседает Мирон. – Впереди, отец, где у тебя нос, он несет длинную руку. Рукою той он срывает ветки и траву, рукою той, отец, он вырывает дерево... и в рот свой маленький кладет... Сколько нужно ему, зверю-горе, деревьев? Скажи, отец? Вор-Кум ли он?

– Нет! – Поднимается с валежины отец, стряхивает с себя тонкую, словно пена, стружку. – Нет, сынок! Ты живешь в селении. Среди дедов и бабок, около женщин ты живешь. Они пугают тебя, поют сказки о Вор-Куме, о Лешем с красными глазами. Наверное, кончилась твоя жизнь среди старух и щенков. Завтра, Мирон, мы уйдем в тот урман.

– В тот урман! Заветный урман?!

В ту ночь мальчику снились цветные, словно радуга, сны... На широкой кедровой лапе покачивался Вор-Кум, размахивая лохматыми ладонями, и, зевая, поскуливал:

– О, скуч-но-о мне! Скучно!.. Но почему? – задумался вдруг Леший и не заметил, как обернулся вначале кедром, а затем тугой шишкой на ветке. Прилетела птица кедровка, ударила клювом по шишке и уронила на землю орешек. И тогда только очнулся Вор-Кум. – Почему скучно-то мне, а? Потому что я самый сильный! Самый-самый я хитрый! Самый, наверное, я умный! – решил Вор-Кум. – В кого хочу, в того и обернусь!

Целыми днями бродит по своему угодью Вор-Кум, запутывает в клубки ниточки звериных троп, завязывает их в узлы, обрушивает в ручьи вековые сосны – отпугивает зверя от водопоя. Схватил медвежонка и посадил в кишащий муравейник.

– Гры-зи-и его! Рви-и его! – приказала Мать Муравьиха, а Вор-Кум лишь всхохотал дико, как упавший в гром камень, когда медвежонок зарыдал от боли.

То у бобров плотину разрушит или хатки перенесет на другую речку – шлепают по воде хвостами бобры, как веслами, никак не найдут дома своего. То лисят хвостами свяжет, то оленей-бородачей рогами скрестит, спутает, а то ради забавы превратится в дупло и тоненько посвистывает, подманивает к себе рябчиху. Та доверчиво положит туда теплое яичко, и вдруг – нет дупла.

– Где ты? Где же ты? – потерянно мечется рябчиха, а яичко молчит, совсем немое оно, говорить еще не научилось...

– Что ты делаешь? – крикнул мальчик и проснулся в юрте на теплой медвежьей шкуре в серебристой лунной полосе, легкой, как дыхание младшей сестренки, что уткнулась ему в плечо. Мальчик встал и тихо прокрался к двери. Скрипнула дверь, как сухара-сухостоина в горельнике, скрипнула тоненько и распахнулась. Совиным немигающим глазом сияла луна, и словно качалась она в голубоватых волнах над посеребренным чернью березняком. Голубые полосы дымно колыхались, и, колыхаясь, искрились опушенные инеем ветки.

И мальчик застыл, нет, не окаменел, а напрягся, как настороженный шорох, во все лицо распахнулись глаза. И хлынул в них зыбкий свет ночи. Там, в глубинах неба, неуловимо возникали и двигались тугие, неслышные потоки, и менялись они: голубовато-зеленые вливались в золотисто-лунные, тонули в них и вырывались уже пепельно-дымными. Тихо-тихо, как мерцание далекого костра, шорохом упавшего пера возникла снежинка, вторая... Нет, они не падали, они выплывали, и плыли, покачиваясь, невесомые, из глубин неба, и вспыхивали голубовато, и искристо покалывали, то вдруг теплели в золотистом медлительном потоке. Но громкая, оглушительная до звона тишина покоилась лишь там, в недоступности неба. Она окольцевала луну, околдовала звезды, и те не мигали, а плыли рыбьей стаей, не шевеля плавниками. И Мирона заворожило, оглушило беззвучное, но томительно-осязаемое движение, которому не было конца и забыто начало, потрясла вечная неразгаданная тайна неба.

Оно оживало в нем.

Оно смотрело в него.

Оно говорило с ним, но он еще не понял голоса, не понял неземного языка.

Это было его небо, небо его земли, но оно было намного больше его земли, больше людей его народа. И вдруг Мирон почувствовал, как загудела земля, и звук тот был словно гудение богатырской стрелы, пущенной из тугого лука. Земля куда-то невидимо гудяще летела! Куда? Куда она летит, земля, с урманами, с озерами и реками, с кедровником и осиянными луной березами, с разгорающимся костром в сосняке-беломошнике. Тугой, словно предмолниевый, ветер обтекал землю. И Мирон увидел, услышал, как оживала лесная чаща, как небо говорило с землей. На земле умирало лето, но без мольбы, без воплей и судороги, а в теплой прощальной улыбке. Оно замирало огрузневшим от листвы и хвои, от плода и семени, как-то умиротворенно-покойно, окутанное в брусничное покрывало мхов, в голубичной косынке лесных полян, в ожерелье лебединых стай.

– Я умираю не навсегда, – донесся к мальчику голос. – Я только сбрасываю праздничное платье и ухожу корнями поглубже... Мне нужно отдохнуть... отдохнуть от глухариных токовищ, от птичьих свадеб и звериного гона... Отдохнуть немного от грузного гнезда, от переполненных нор и логовищ.

Замерцало небо, шевельнулось и опоясало себя необозримой молочной рекой, что просторно текла среди островов созвездий. И в том мерцании, в потоках неба, в шепоте земли мальчик уловил неразборчивые слова, внезапно вспыхивающую мысль, даже не мысль, а ее мучительное нарождение, что-то смутное, дикое, яростное и жестокое, томительное и желанное, трепетное и ломкое. Сквозь мальчика, сквозь его душу острым сквозняком проносилось чье-то просыпающееся сознание, чья-то мольба и чья-то всепожирающая ярость. Его охватил темный страх, страх оттого, что он стоит на пределе узнавания – перед тайной. Он боялся шагнуть в нее, не было у него ног и не стало рук...

Тревожно защелкала поголубевшая белка, с прозрачным звоном осыпался иней с огромной сосны, и донеслось или угадалось злобное, сквозь зубы, шипение – то промахнулась куница. А белка торопливо цокала, ругалась, выговаривала, сердито постукивала лапками по чешуйчатой ветке. Глухариный выводок сонно шевельнулся – чутко вслушалась копалуха во вкрадчивое, завораживающее скольжение соболя. Зеленым огнем полыхнули глаза нёхыс – соболя, вскрикнула сова, и тоненько пропищала мышь. Половодье лунного света затопило оголенный березняк, и вдруг из глубины ельника появилось лохматое длиннорукое существо и, не касаясь земли плоскими, как плавники, лапами, подплыло к кедру, поднялось к вершине, как дым из чувала. Оно обернулось, и Мирон увидел, как с усмешкой красным огнем полыхнули глаза-мухоморы.

– Ты – есть?! – радостно колыхнулся мальчик. – Ты – есть! Я вижу тебя! Это так хорошо, что ты есть! – прошептал он и потянулся к Вор-Куму. – Ты – тайна мансийского леса... Хочешь, я стану дружить с тобой? Хочешь?

Горячим пламенем полыхнули глаза Вор-Кума, вспыхнули, но не разгорелись, затлели и медленно погасли. Словно из-под пепла проступил травяно-желтый цвет, мигнул и яростно разгорелся зеленый огонь. А может, то показалось?

– Ты... – не успел обернуться мальчик. Рука отца легла на его плечи так неожиданно, что Мирон вздрогнул.

– Я тоже любил купаться в луне, – густым сонным голосом сказал отец. – Но сестра солнца холодна и лжива – она ледяным когтем режет ночь, то смотрит рысьим глазом. От луны всегда непонятные тени. И мутны сны.

В ту ночь уже не смог уснуть Мирон таким, каким он засыпал раньше. Сон убегал от него на длинных, косых, как дождь, ногах. В мальчика непрошено, само собою вошло ощущение безбрежности, необъятности земли, неба и леса. И рядом в душе прорастали смятение, и испуг, и сладкая томительность, и горечь бессилия, и желание понять все сразу. Пугает всегда неведомое, неувиденное, то, что неуловимо. А он теперь узнал, он увидел, что в лесу сам по себе живет Вор-Кум, и узрел сердцем, что тот одинок, но уже никогда не придет к людям. Леший – эта тайна леса. Прирученный, кем он станет? Наверное, он потеряет все то, что делает его Вор-Кумом? Может быть, Вор-Кум не идет к людям оттого, что боится? Боится, что люди сотворят из него чучело, как подсадную утку, и завладеют лесом.

– Нет, пусть он живет таким, какой есть! – решил мальчик, и пришло успокоение. Он потянулся и как камень упал в сон.

2

В тот день они с отцом ушли в урман. В солнечный листопадный полдень у омута Черемуховой реки отец отыскал свежий лосиный след. Матерый сохатый шел по урману медленно, припадая на заднюю левую ногу.

– Крепкий зверь, – сообщил отец, разглядывая след. – Медведь его маленько ободрал. – И он прикоснулся к можжевельнику, обагренному лосиной кровью.

Бежали они день, и бежали они ночь и к утру настигли лесного великана. Рухнул сохатый, рядом со стрелой отца, под левой лопаткой лося, покачивалась стрела Мирона в легком ястребином оперении.

– Однако ты его, сын, добыл! – Мирон уловил в голосе отца зависть и гордость. – Видишь, твоя стрела пронзила сердце зверя, а моя лишь догоняла твою. Возьми, – отец выдернул неглубоко погрузившуюся стрелу и протянул сыну, – окрась ее кровью и береги, это Стрела Первого Зверя, Первой Добычи!

– Надо раздеть его! – по-взрослому сказал мальчик-охотник и вынул нож.

– Твое сердце и твоя голова! Запомни, только охотник поедает сердце и голову добычи. – Отец вскрыл брюхо и достал дымящуюся парную печень. – На! Макни в кровь.

Он – охотник! Его, Мирона, стрела поразила могучего зверя! У него острый глаз и крепкая рука! Он, Мирон, – охотник племени мансь.

– Принеси жертву Духам Охоты! – повелел отец. – Пусть не оскудеет тайга, не покинет тебя фарт – удача!

Пригоршней зачерпнул Мирон загустевшую кровь и вылил в огонь. Бросил в пламя кусок сердца и клок шерсти – огонь распахнулся и прогудел добро и густо.

– Духи Охоты приняли жертву, – тихо сказал отец. – Закрепи жертву своим родовым знаком – тамгой, – и отец протянул Мирону остро заточенный топор.

– Я видел, как ты ставил тамгу... – опустил голову мальчик. – Но я не умею...

– Смотри! – Отец подошел к лиственнице, взмахнув топором, сделал легкий гладкий затес. Он повернулся к Мирону спиной, и сын не мог увидеть, что проступает из теплой тверди лиственницы. – Смотри! – приказал отец.

На затесе обозначился легкий, едва уловимый силуэт лосиной ноги. Короткие, точные прикосновения топора не причиняли боли дереву, хотя проступило немного сока и смолы. Нога утолщалась, посредине выпирала коленом и заканчивалась внизу острым расщепленным копытом. Над рисунком ноги, слева, отец высек знак – две перекрещивающиеся линии с перекладинкой наверху, что прикрывала крестовину, как шапка. Справа – две прямые затески, слева, внизу, тоже две, только они лежали поперек ствола, а верхние – вдоль, а справа еще одна косая заметина.

– Теперь каждый охотник поймет: Картин с сыном, с двумя собаками по первому снегу, по черной тропе завалил лося, – сказал отец, отбрасывая топор.

О! Как прекрасно время под рукой отца! Оно останется в нем навсегда, и не только в памяти – останется частью души.

Отец, увидев след куницы, неторопливо рассматривал его, прицокивал удивленно языком и, подзывая сына, разводил руками.

– Сын, погляди, – просил совета отец. – Что-то не пойму – то ли соболь такой прошел, то ли куница-желтодушка.

Остро ощупывал Мирон след, принюхивался, оглядывался по сторонам и солидно отвечал:

– Куница прошла, тетюм!

– Наверно, куница! – соглашался отец. – Куда она ушла? – задумчиво, словно советуясь, обращался он к Мирону.

И снова взгляд мальчика остро ощупывал след, бежал впереди следа и как бы печатался в нем самом.

– В сосняк, вон на ту гриву, скользнула, – обретал уверенность Мирон. – Там нынче белка пасется.

Отец теплел, молча улыбался про себя и шел впереди сына, а тот торопился за ним, и подводил его отец к зверю так, что ни зверь, ни птица не могли услышать и увидеть их. Без окрика, покойно, без длинных слов открывал ему отец потаенную жизнь зверя и трав, птицы и рыбы. В тайге нельзя кричать, нельзя оскорблять ее криком. Они были одним, вот что открылось Мирону – вода, травы, деревья, птицы, звери и рыбы. Одним! Ель, сосна, кедр нарождали орех, на орех слетались птицы – много птицы, на орех сбегались белки и бурундучки – много зверька, за белкой идет соболь, куница и кидус. Чем больше ореха, чем больше шишки, тем больше птицы и больше зверя. Нет шишки – лес немой, лес глухой, лес холодный. Свалишь дерево – кого-то ты оставишь без пищи и крова, оголишь землю, а голая земля – что человек без судьбы. Отец все умеет, все знает, все видит и слышит, и Мирон с удивлением замечал, что отец в урмане стал совсем другим – какой бывает река в глубоком месте. Он укрупнился, раздался в плечах и в то же время стал тоньше, как натянутая струна, он то шорох, то шепот, то сливается невидимо с деревом, и он уже дерево, то крадется волком по следу лося, то сам он вдруг – лось, что бьется с волком.

А ночью у жарко дышащей нодьи, на мягкой пихтовой постели, отец вслушивается в затихающие голоса, угадывает птицу и зверька или всплеск рыбы. Лес открывался перед мальчиком, приближался к нему, но все больше и больше оборачивался священным. Священными оказались не только кедр и береза, священными были и сосна, и пихта, и лиственница, осина и черемуха. Дерево встречало человека и провожало в неземной мир. Оно встречало рождение человека в вись-кяле – маленьком доме, берестяная люлька – апа – покачивала его, пока он ползал и был слабее птенца, оно спасало его юртой – избой из вековых лиственниц, оно берегло его в охотничьей лесовней юрте – вор-кял. И дерево провожало его, когда угасала жизнь. Деревья – друзья, деревья – пища, деревья – красота, деревья – вчера и сегодня, деревья – завтра, много зим наперед.

Жаром дышит нодья, тепло и сухо под пологом, мягко раскинулся пихтовый стланник. Отец раскуривает трубку, мальчик смотрит в огонь, собаки потягиваются, и, зевая, укладываются с другой стороны костра, и дремлют, чутко вздрагивая телом и поводя ушами.

– Отец! – тихо позвал Мирон. – Мы много дней лесуем в урмане. Много добыли белки, добыли соболя и колонка. И Вор-Кум не помешал нам... Я видел... – горячо и убежденно заговорил мальчик. – Я видел, отец, как он прятался в дупло. Почему он нам не помешал лесовать?

Круто вскипел чай в котелке, плеснул и пригасил огонь. Отец поправил нодью и ответил:

– Ты помнишь Черного Ворона, что всю ночь кружился над костром?

– Да, отец!

– Ты помнишь, как долго мы не могли выйти к речушке Люль-Я, к Плохой реке?

– Да, отец!

– Кто свалил на тебя сухостоину в распадке? Помнишь?

– Да, отец. Помню.

– Ты помнишь, как собаки убежали за кем-то и пропадали всю ночь?

– Помню. Я боялся, что они не вернутся.

– Ты стрелял в глухаря. Пронзил его стрелой, а тот улетел. Все это Вор-Кум.

– А почему у него красные глаза? Как огонь? И от чего у него зеленые глаза? И злые?

– Смотри в огонь и увидишь, если сможешь... Смотри, а я расскажу тебе.

...Целыми днями Вор-Кум забавляется: то ручьем обернется, утят на себе покачает, то болотом раскинется, поймает в топь лопоухого лосенка и держит до тех пор, пока его гнус в кровь не искусает.

– Комару тоже, поди, жить надо! – хохочет Вор-Кум, открывает волосатую пасть и не понимает, что игры его дракой оборачиваются, шутка – слезами, не знает он предела игре и шутке. Совсем дикий, потому что без родителей возрос. Увидит зайца, превратится в черную лису – сломя голову бежит по лесу заяц. Увидит глухаря – расстелется, раскинется перед ним ягодником-брусничником, черничником или моховыми кочками в клюкве. Примется глухарь ягоду обирать, наглотается и захмелеет – падает грудью на кочки и хрипит:

– Худо... Тяж-ж-ко мне... Вор-Кум худо шутит...

Однажды увидел Вор-Кум Медведя – Хозяина Леса.

Медведь уже три дня сидел потаенно в засаде на Сохатого, точно знал: здесь пройдет Лось на водопой. Неподвижной кочкой затаился Хозяин Леса, в горле у него пересохло, язык окаменел, в голове звенело. Бурундучок подбирал под кедром орешки и задумался: «Куда подальше спрятать, чтобы поближе взять?» И решил он запрятать орешки под кочку, скребанул коготками, еще раз царапнул, кочка шевельнулась и прохрипела:

– Ты меня с другого бока почеши, дружок! – Бурундучишка даже орешки рассыпал, глазенками захлопал – страшно-то ка-а-а-к!

– Чесани-ка, малыш! – прохрипел Медведь.

Услышала Медведя суетливая птица Кедровка, перепорхнула на высокую лиственницу и на весь лес застрекотала:

– Смот-ри-те! Гля-ди-те! Медведь-то кочкой затаился у валежины! Не ступайте на эту тропу – раздерет Медведь в клочки. Смот-ри-те! Так гля-ди-те!.. – на разные голоса орала Кедровка.

– Ы-ы, у...у! Елноер, чтоб тебя подземный царь поглотил, – тихо прорычал Хозяин Леса.

А Вор-Кум, услышав Кедровку, обернулся Сохатым, подкрался сзади к Медведю, разогнался и ударил могучими рогами Хозяина Леса. Высоко подпрыгнул Медведь, шерсть на загривке встала дыбом. Жарко выдохнул он пересохшей пастью:

– Ай-ю... Ай-ю... Больно ведь кто-то дерется!

Медленно, тяжело обернулся Медведь и видит невиданное: выпучив налитые кровью глаза, раздувая ноздри, низко опустив рога, раскидывая копытами каменистую землю, могучий Сохатый изготовился для удара.

– Ты што? – прорычал Медведь. – Ты ш-тт-о... с ума сошел?! – рявкнул Медведь. – Это ты на кого рога поднимаешь? На Хозяина Леса ты поднимаешь?

– Я – Хозяин Леса! – проревел Вор-Кум голосом Сохатого, скребанул копытом.

Изумился Медведь, покрылся потом, никто еще не смел так разговаривать с Хозяином Леса, никто еще не смел переступать запретную черту Таежного Закона. Это ведь чудеса какие-то: собрался, понимаешь, из засады голод утолить, Сохатого завалить, а тот, гляди, сам на него нападает, да еще дерется как больно! Да так ведь может вся жизнь перевернуться наизнанку.

И не успел Сохатый разогнаться – с ревом прыгнул на него Хозяин Тайги и схватил в обнимку когтистыми лапами. Не успел Вор-Кум кедром обернуться, как Медведь ему бока до костей ободрал.

– Щох-щох! О, как обожгло меня! – рванулся из когтей Вор-Кум, обернулся черным вороном и, высыпая из себя перья, с трудом приподнялся, словно заполз на раскидистую ель. Не полезет Медведь на елку – густо свисают ее тяжелые лапы.

– У-у-ы-ы... – взревел Медведь. – Так это ты, Вор-Кум?! Это ты, Леший, звериный народ тревожишь? Смотри у меня, лесной оборотень! – пригрозил Хозяин Тайги и, рассерженный, голодный и грозный, спустился к реке и долго-долго пил воду.

Отдышался, отлежался на еловых лапах Вор-Кум, шерсть причесал, побегал, покачался на деревьях и увидел вдруг: с березы в безветренный день зеленый сочный лист почему-то обрывается.

– Что такое?! – удивился Вор-Кум и легким туманом подплыл к березе. И что он видит? Ай-е! Шохщох!

И видит он – под березой, раскинув руки и ноги, открыв лицо и распустив косы, спит женщина невиданной страхоты и дикости.

– Астюх! Дрожь пробежала по моему телу! – тихонько, словно туман, прошептал Вор-Кум. – За что же Великие Духи Земли так надругались над женщиной? – изумился Вор-Кум и не заметил, как обернулся желтогрудой куницей с глазами-мухоморами. Когда Вор-Кум случайно задумывался, то обязательно превращался в кого-то нечаянно.

Женщина сладко причмокивала во сне, словно лакомилась ягодой княженикой. Рот ее открыт и глубок, как пещера. Из ноздрей со свистом вырывается пар и дым и срывает лист упругий с молодой, такой гибкой березы. Женщина едва уловимо шевельнулась, стала выпуклой вся, неохватной и раскаленной, и через ее колыхнувшееся тело прогляделась трава, и яркая розовость разлилась у корней березы – то зацвел, распахнулся шиповник, дикая роза. И не успел Вор-Кум дотянуться до цветка, как с кедра на него то ли мягко спрыгнула, то ли тягуче стекла золотистая, как пламя, горячая и свирепая Рысь.

– Во-ор-рр-Кку-умм, – изгибаясь и прижимаясь к шелковистым нетронутым мхам, промурлыкала Рысь. – Ворр-Ку-ум, ты ждал меня? – И горячим языком облизнула усатую морду. – Ты долго ждал этой встречи?

– Это она! – вздрогнул Вор-Кум, и в его дремучее сердце, в нетронутое, в несогретое сердце вошла любовь. Что это такое, он не знал, но ему стало тесно и просторно, жутко и радостно, ему захотелось заплакать, хотя он и не знал, что такое слезы. – Кто ты? Откуда ты? – Из голубоватой дымки тумана на Рысь изумленно и восторженно смотрели глаза-мухоморы.

– Духи Подземного Царства послали меня в жены тебе, Вор-Кум! – Зашелестела густая осока вокруг узкого, как глаз, болота. – Я стану верной женой, Вор-Кум, – в нежной истоме прошептала болотная кочка.

– Но кто ты сама? – прогремел Леший – Вор-Кум, завернувшись в обычную свою красно-бурую, желто-зеленую вздыбленную шкуру. – Ты – Женщина, Что Сбивает Дыханием Зеленый Лист? Ты – Женщина с Открытым Для Всех и Каждому Лицом? Болотная Кочка или Золотистая Рысь? – Гнулся и гудел лес под его криками, стонал урман, стонала тайга-конда. Недоверием, страданием, страхом, болью и любовью струился Вор-Кум в прозрачных реках, погружался в омуты и вырывался из них красноперым тайменем.

В белую пену разбивается Вор-Кум на перекатах, а за ним гонится Виткась – Пожиратель Всего Живого, Пожиратель Рек и Засоритель Озер. Гонится за Вор-Кумом Виткась – Пожиратель и Сокрушитель Берегов, прячет реки в омуты, разрывает их на перекатах, изгибает реки в лук и кольца, раздирает на старицы и протоки. Настигает Лешего Виткась, чтобы навсегда изгнать из вод Вор-Кума, чтобы отнять у него воды урмана, потому что Виткась молод, из молодых, только что рожденных Духов Земли и он хочет захватить Мир, чтобы пожрать его. Все духи рождаются из Тьмы, набираются во Тьме силы и пытаются захватить весь Мир, но не затем, чтобы сделать его прекрасным и ясным, а лишь затем, чтобы править им.

– Ты стар, Вор-Кум! – кричит Виткась. – Ты из древних Духов, Вор-Кум! Ты можешь только пугать зверей... Уходи! Не смей погружаться в реки и озера... Они мои... Мои-и!

Мутнели реки, валился лес, а Вор-Кум ничего не видит, он не слышит.

– Кто ты?! Ты – Женщина с Открытым Лицом, Золотистая Рысь или Жесткая Осока?! – кричит Вор-Кум, а на него тяжелой волной наваливается Виткась – молодой, еще не узнавший жизни, оттого свирепый и непримиримый Виткась.

– Не знаю, – прошептала грозовой дымной тучей Та, Что Должна Стать Женою. – Не знаю, Вор-Кум. На земле, в этом урмане, все непонятно и так сложно... И не знаю еще, Вор-Кум, кто я! Но рысью мне лучше, чем цветком, осокой легче, чем рябиной. Духи Подземного Царства учили меня тому, что на земле правит только сила. И я готовилась быть сильной. На земле нет места жалости, и я должна быть жестокой. На земле слабый должен подчиняться сильному – так учили меня Духи Подземного Царства. Они научили меня, когда-то слабую женщину, быть хитрой, страшной и беспощадной.

– На земле было все прекрасно, пока я оставался юным, – голос Вор-Кума слился с голосом гор, с голосами долин и ущелий, с воем волка и ревом рек. – А сейчас Виткась отобрал у меня реки, а Болотный Дух Комполэн – болота. Как же мне жить теперь? Я ведь только шумел, пугал, но не носил в себе

зла. Когда из жизни изгоняют детские игры, то мир окоченевает в смертной и тягостной скуке порядка. Я это чувствую... О, как я это чувствую! Я, Вор-Кум, сам себе непонятность, но я знаю, что я часть души живого – летающего, ползающего, плавающего. Как же мне жить теперь?

– Драться! – резко ответила Та, Что Должна Стать Женою. – Драться до последнего дыхания. Только Сила, Зло и Боль заставляют подчиняться. И я помогу тебе! Я предназначена тебе властью и приговором Подземных Духов.

– Так она стала женою Лешего, Вор-Люльнэ – Лешачихой! – Отец поправил нодью, натянул полог, что отражал тепло к стволу кедра, под которым они спали. – Так она стала Вор-Люльнэ – Лесной Колдуньей. А безвредный раньше, веселый, озорной Вор-Кум попортился, – задумчиво сказал отец, – насовсем попортился, как дохлая рыба в тухлой воде. Взбесился, шатуном стал, свирепым, загасил в себе сердце. И стал зеленоглазым, оволчился. Старики говорят: «Когда занимаешься черными делами, то всегда теряешь прекрасные глаза с чистыми огнями таежных костров!»

В темной чаще, окутанной голубоватым снегом, родился негромкий шорох. Хрустнул сучок, и скрипуче простонала старая, больная ель. Из-под ее древнего шатра, из вечной зелени на Мирона смотрели красные глаза-мухоморы.

– Хочешь, я стану дружить с тобой, Вор-Кум? – позвал его мальчик.

Вор-Кум приветливо поднял мохнатую лапу. Но может, то ель махнула тяжелой веткой? Струился лунный свет. Ветер спал. Старая ель дремала. А Леший следов не оставляет. Но разве детские сны покидают нас в зрелости? Ведь детство не было сном, и не все там было сказкой. Там были и чудеса, и прозрение, и холод смертельной опасности, и нечаянные потери, и слезы бессилия, и торжество нелегкой победы.

3

Мирон вернулся ненадолго в детство, потому что впереди, выбирая тропу в сплетении звериных троп, легко, как в те давние годы, шел отец. Максим Картин вел маленький аргиш через дремучий, нетронутый урман, и Мирон угадывал разросшиеся кедры, под которыми они ночевали, отыскивал и находил те знаки, что они оставляли с отцом. Та юная, по-девичьи стройная лиственница, на которой отец высек знак Первой Добычи, вытянулась, осмуглела, налилась соком, и нужно было вытянуться и поднять руку, чтобы достать ту тамгу, что была раньше рядом с землей.

– О, Милый Шайтан! – прошептал Мирон. – Я рос, и росла лиственница, я стал мужчиной и скоро стану отцом. А лиственница-женщина уже стала матерью – сколько на ней зреет шишек!

А Черемуховая речка? Вот она – Речка Первого Соболя, первого меткого выстрела и такой гордой улыбки отца... Тихо фыркали кони, позвякивали удилами, над излучинами и старицами реки тянулись к северу бесконечные птичьи стаи, неся в себе клики узнавания родимой земли. Над открытым простором озер, над березняками распахивалась белая ночь, а плеск и бульканье ручьев сливались с томным бормотанием таежных токовищ. Над Кондой-рекой плыла белая ночь весеннего пробуждения.

Старшие – Картин, Лозьвин и Кентин – негромко переговаривались, вынимали из памяти полустертые тропы, где-то чутьем и догадкой вели караван, обходя топи и гиблые болота, а по вечерам, когда удлинялись тени и с закатной стороны тянул свежий ветер, у горячего костра не торопясь вспоминали молодость – удачную охоту, невиданный улов и дерзкие забавы. Они становились моложе, и Мирону казалось, что его отец, Максим Картин, никогда не станет дряхлым, выживающим из ума стариком. Старость – не бессилие силы, а угасающий, дряблый разум, потухшее сердце.

И на всем пути сквозь дремоту урманов Мирона не покидала тревога: как отец откупится от людей Тахы, велика ли в них память о Волчьем Глазе? Примут ли они дары или потребуют жизни? За жизнь Великого Шамана – жизнь главного шайтанщика, главного хранителя капища? Можно ли их совместить, равноценны ли они? Максим Картин никогда не был жестоким, он никогда не мучил людей... А Волчий Глаз?.. Ведь он хотел превратить Апрасинью в пустое дупло... Перед ним сгибался народ Тахы... И Мирона пронзила боль за отца, непрошеное и неожиданное раскаяние за содеянное – какие же все-таки запутанные тропы у человеческой судьбы! Апрасинья спасла его, Мирона, он спас Журавлиный Крик и убил шамана, и неужели теперь отец должен взамен отдать свою жизнь за жизнь Мирона и Апрасиньи, за продолжение рода?..

– Отец, возьми меня с собой! – шагнул к Максиму Мирон.

– Ждите нас здесь! – приказал старый Картин сыну и другим молодым охотникам. – Ждите от рождения до полной луны. Здесь начинаются земли сосьвинских манси.

И старшие ушли, растаяли, как туман среди могучих сосен.

Молодые охотники разожгли костер и выставили караульным Мирона. Вслушивается он в настороженную лесную тишину. Лес никогда не спит. В своем теле под кедровыми, сосновыми, пихтовыми лапами он согревает птичий народ, окрыляет его, дарит звонкие песни. Лес в дуплах своих, в норах, в складках одежды своей, в ладонях, в бороде и волосах хранит жизни звериного народа, хранит жизни бесчисленных рек, их прозрачную, чистую радость, хранит озера, куда по ночам падают спелые звезды. У леса тысячи душ, тысячи дыханий, тысячи жизней, и все они сливаются в одну непокойную, неспящую, бесконечно бессмертную душу. И в этой душе – душа Мирона, и душа отца, и душа кедра, под которым они раскинули свой костер, и душа белки, что уронила шишку на Мирона, и он слышит, улавливает каждое движение этих душ.

Медленно, тягуче тянулись дни. Мирон спал урывками, далеко уходил навстречу отцу, но ни птица, ни рыскающий зверь, ни ветер не приносили вести об ушедших. Мирон бесконечно верил в мудрость отца, в его разум, но тревога не покидала молодого охотника. И наконец одну из светлых, теплых ночей прорезал леденящий душу волчий вой. В тягучую песню зверя вплелось нежное курлыканье журавля, а над ними словно высветлилась тонкая синичья песенка.

– Они! Идут! – вскочил с пихтовой подстилки Мирон. – Идут старейшины!

Криком орла, гортанным клекотом ответили молодые охотники волчьему вою, журавлиному крику и юркой синичьей песне.

– Люди Тахы – наши братья! – улыбается Максим, и Мирон увидел, угадал, как бесконечно устал отец, и в него хлынули нежность, и любовь, и горячая признательность мудрому родному человеку. – Люди Сосьвы приняли дары! Апрасинья принадлежит только тебе, Мирон! И она должна принести тебе сына, продолжить род.

МАТЕРЕЙ МАТЬ

1

В разгар жаркого лета, во времена сочных трав и медовых оглушительных запахов, Апрасинья принесла Мирону сына, и не было на земле счастливей молодого Картина. Пробежала осень, отпуржила зима, и народился второй сын, а за ним третий, четвертый. Еще четыре охотника появились в роду Картиных. Нарождались дочери, и Мирон радовался дочерям, хотя не давала община на них пая ни в реке, ни в лесу. Радовался дочерям Мирон, потому что они повторяли мать, хотя и не во всем, сохраняя, однако, обличье, черточки лица, выражение губ, походку, голос.

Дочери – молодые речонки – рвались к освещенной солнцем просторной реке, а мать их Апрасинья год от года на глазах превращалась в широкую, покойную протоку-старицу, зарастающую осокой, черемухой, тальником. Каждого ребенка она носила с гордостью, как сокровище. Она распускалась и цвела, когда на свет появлялся слабый, бесконечно дорогой детеныш. Никто бы не поверил, какой была Апрасинья пятнадцать зим назад, год от года становилась она все суровее и матерее. Все реже и реже уходила она на охоту, да и то рядом с Еврой, – не охота, а баловство, но неотступно следила за каждым шагом сынов и дочерей. Подняла и вырастила Апрасинья охотников из пятерых младших братьев мужа, поднимались и ее семь сыновей, как семь звезд – медвежат Большой Медведицы, да три дочери. Она огрубела, потому что ее дом, юрта ее, был переполнен мужскими голосами, что орали, визжали, басили, наливались соком, силой и густели.

Поднимались сыновья, и Мирон уводил их в лес, по чернотропью показывал следы, и не всегда сыновья могли угадать их, понять, голоден ли, сыт ли зверь, почему покинула свое гнездо белка, почему и зачем здесь наследила росомаха. Мирон иной раз сердился на сыновей, они казались ему неповоротливыми, неразумными. Апрасинья успокаивала мужа и подбадривала сынов, объясняя след. Она по-своему готовила сынам охоту, выпестовывала крупных няксимвольских лаек. Она любила и понимала собак, ходила с ними без страха в глухие урманы и знала не только их язык, но разгадывала темные и верные собачьи души. Она никогда не задумывалась, откуда, когда, в какие времена пришла к человеку собака, кто ее деды и прадеды, какого она роду-племени, просто Апрасинья считала, что собака вечна, она сопровождает человека с самого сотворения мира. У собаки живые человеческие глаза, у нее есть имя, она откликается на него, как откликается любой из людей, хотя у дурных людей крепче имени кличка. А то, что говорить не может и бегает на четырех лапах, – что ж, такой у нее обычай, зато лает – по голосу можно сразу узнать, кого лайка встретила на тропе. Апрасинья еще девчонкой, в десять зим ростом, далеко ушла в лес от стойбища. Шла-шла и по-

терялась, но не успела испугаться – нашла знакомую тропу. Воздух загустел, ветер стих, и налетела гроза. Небо раскололось, загремело и пролилось рекой. Спряталась Апрасинья под кедром, а под ним на теплой опавшей хвое распластался мокрый испуганный волчонок. Вылез, видно, из логова, пока матери не было, пошел гулять и потерялся. Рычал он, скалил зубы, когда девочка протянула к нему руки. Гром уже не гремел, он стонал, словно чудище, и огненные стрелы падали рядом, и волчонок, закрыв глаза, дрожа тельцем, уткнулся девочке в колени. Так они и сидели под кедром – то распахнув, то зажмурив крепко глаза. Девочка успокаивала волчонка тихим, дрожащим голоском, а он жалобно поскуливал.

«Идем, – позвала она, когда дождь утих. – Идем со мной, Серый!» Серый открыл глаза, лизнул девочке руку и задышал доверчиво и спокойно. Они оба не понимали, два детеныша, не понимали, что перешагнули границу, которую очерчивал Страх. Апрасинья бежала по тропе, обгоняя ее, мчался вымокший, но счастливый волчонок. Не подумала, однако, Апрасинья, что у стойбища ее подстерегает опасность. Собаки бросились на волчонка, едва успела закрыть его своим телом девочка. На остервенелый стоголосый лай прибежали мужики и палками разогнали собак. Волчий Глаз две недели лечил раны девочки, и две недели рядом с ней постанывал Серый – порвали собаки и его.

Вырос Серый в могучего волка и признавал только Апрасинью и веселую и ласковую суку Халю. Каждый год Халя приносила крупных свирепых щенят, которых шаман дарил нужным людям. Однажды шаман ударил Апрасинью. Серый, обнажив клыки, бросился на обидчика, и Волчий Глаз убил его.

Наверное, она долго не забудет шамана, наверное, долго он будет приходить в ее думы, тревожить, пугать и проклинать. Странно устроен мир: самый близкий по крови человек, Волчий Глаз, кормил ее, берег, холил, выращивал, как дорогую породистую собаку, с которой можно добыть не только дорогую пушнину, но и власть. Ведь Волчий Глаз создавал ее по образу своему, не по-капризу, не по душе, а по холодному волчьему расчету. Создавал волчицей, по капле отцеживая из нее нежность, девичьи радости, ласку и томительное, неясное пробуждение женщины. Человек самый близкий по крови хотел ее убить. А самым дорогим, самым близким стал Мирон, человек других земель, мужчина другого племени, и Апрасинья, осторожно прикасаясь к плечу мужа, обрывает дыхание: как же она могла жить без него, как могла дышать, думать, двигаться без него? А если бы он не пришел в их земли, а если бы его не истоптал лось, что тогда? Нет, это боги послали их друг другу. Боги помогли ей остаться женщиной, боги остановили те темные силы, что пытались превратить ее в волчицу.

Да, да – много раз да, – она счастлива. Счастлива так, что и не верится тому – разве можно быть такой счастливой? У нее дом – большая теплая юрта. На ней красивая одежда и дорогие украшения, много посуды и пищи, у нее семья – братья и сестры Мирона, у нее есть отец, мудрый Картин. Он – глава рода, он уважаемый хранитель капища, непререкаемый истолкователь древних законов и обычаев. Как это мудро, что Максим отдал за нее выкуп. Только... Так ли мудра его непоколебимая вера в богов? Разве боги всегда могут понять пожар человеческих страстей? Жизнь богов – прямая, как копье, чистая и недосягаемая, как молния. Боги все выше и выше приподнимают небо, они хотят освободить людей от горячих желаний, хотят покоя, простоты и порядка. Но никогда боги не смогут совладать с мелким, рассыпанным злом, что ежедневно рождает Земля, рождает, не задумываясь, что есть Зло и Добро.

Нет, Апрасинья – дикая язычница, она не принимает ни богов, ни духов, не принимает никого, кроме Солнца, Ветра, Воды и Огня, – вот кому она поклоняется, вот кто правит миром.

Мирон потревожил ее, толкнул легонько в бок.

– У отца потухла трубка, принеси уголек.

Апрасинья склонилась перед Максимом. Тот протянул ей трубку и, довольный, несколько раз затянулся, причмокивая.

2

Ветер упал на земляную крышу лесовней юрты – вор-кял – и тихо заворочался. Лохматый он нынче, совсем холодный, дохлый. Пытался ветер просочиться сквозь бересту и осиновую дранку, но обессилел и притаился. Подкрался ползком к дымоходу, набрался сил и, как живой, одевшись в холодное дыхание, протек в чувал и отбросил золу.

И ожил золотом ветер в угольях.

Максим Картин смотрит в угасающий день, а тот, затихая, побурел за узеньким оконцем из бычьего пузыря. Повернул Максим лицо к верховьям, где густо в синеве наливался клюквенный закат. Тихо сказал старик любимому внуку Тимпею:

– Завтра пойдем прощаться с лесом.

Тимпей не может понять, как дедушка Максим угадывает время. Но он угадывает всегда: после его прощания лес оголяется. Тимпей проснулся рано, будто подкинуло его на постели. То закричал громко «блям-блям», ударил, словно в ботало, черный ворон-бородач на толстой жерди, усевшись над чувалом. За окном настоянная синь вот-вот рухнет в рассвет. Дед уже готов, он в праздничной, чистой одежде, в широком поясе с волчьими и медвежьими клыками.

– Кушай! – старик протянул Тимпею берестяной ватланчик с сурвякой. Нет ничего на свете вкуснее сурвяки, что готовит мать Апрасинья из рыбьей муки, брусники и рыбьего жира. – Кушай, и идем!

Разве можно заставить дедушку ждать? Тимпей проглотил сурвяку, а то, что оставалось, завернул в чистую тряпицу.

– Идем! – коротко приказал Максим.

В звонкости солнечного листопада льдистой чистотой пронзительно засинели озера. Журавлиные клинья щемящей тайной колыхнули высокое, недосягаемое небо. Оттуда, из прозрачных, голубовато-дымных полос, на охладевшую землю падает едва слышный клик.

Максим поднимает потемневшее лицо к небу, Великому Небу Торума, и глаза его наполняет тихая печаль.

– Евра... любовь моя! – шепчет старый Картин.

А журавли колыхающимся клином уходят на юг, к далекому и незнаемому, проходя сквозь падающие в горизонт негреющие лучи ослабевшего солнца. Весной и осенью великим кочевьем, неведомым касланием оживает мансийское небо. Оно оживает в крике и кликах, оно становится суматошным, по-детски шумным и матерински теплым.

Застыло, окоченело небо осени, низко припало к земле, словно хочет согреться в пламени леса. Только на востоке, в холодной пустынной дали, неожиданно тепло и ярко отсвечивают золотистые глубины разводий, прорубленные солнцем среди пепельного застывающего неба. Тихо ползут, расползаются туманы. Листья, дрожа, в пригоршнях своих держат дождины, и скатываются те с ветвей к теплому стволу березы по шершавой коре и тяжелеют в рубцах. И тогда под шорох ветра в огрузневших дождинах жемчужно мерцает грусть. Грусть затаилась в покинутых, остывших гнездах, взъерошенных и опрокинутых ветром. Она выглянула из опустевшего дупла, мгновением метнулась по ветвям синеватым беличьим хвостом, качнула порванной паутиной, высветила потерянным гусиным пером и лениво сдвинула камень под медвежьей лапой. Она проникла вместе с дождем в притихшую землю, в мигание звезд, присела туманами и посвистывает в крыльях проносящихся стай. Опустел лес, оголился.

– Деревья входят в сон, как люди, сбрасывая одежды, – шепчет Максим.

Беспризорно блуждает ветер, разгуливает по гривам, вороша и сгибая березы. Бьет их ветер головами-верхушками по мокрой побуревшей земле.

– Это все осень делает нарочно, – говорит старик Тимпею. – Зима теперь войдет в оголенный лес, но не одна, а в метелях, в пурге, в зеленых глазах волка. Белым горностаем придет зима, загнав зверя в норы и дупла.

Зима войдет в перезвоне льдин, в визге мороза. Алой снегириной грудью поднимается зима над волчьим воем к сполохам северного сияния.

– Я научу тебя, Тимпей, услышать и понять лес. Хранит он в себе тайны прозрения, таинство рождения и горечь угасания. В нем столько чистоты и мудрости, что не хватит короткой человеческой жизни, чтобы вызнать грозную силу леса. Я научу тебя, Тимпей, здороваться и прощаться с тайгой.

– Лес – это сказка? – спрашивает маленький внук. – Почему, дед, я вдруг хочу стать деревом? Не просто деревом, а сосной? Почему я вдруг хочу обернуться соболем или бурундучком? Или мелкой пчелой, что выпивает цветок? Почему?

– Все это просто, – отвечает старик. – Просто оттого что дарованная небом жизнь есть сказка. Жизнь сказочнее и волшебнее любой сказки, и не лес, а человек владеет даром бессмертия памяти. Это память зовет тебя стать сосной, это память зовет тебя обернуться соболем.

Тихо качнул ветвями кедр, и к ногам Тимпея грузно упала крупная шишка.

– Возьми. Это он тебе, – сказал дед Максим. – В давние времена, куда обессиленно добирается Птица Памяти, травы и деревья отдавали людям плод, семя и соки. Звери приносили жир и мясо, реки – рыбу, и дарили звери людям лишние шубы и в худые годы делились последней шкуркой – ведь они были братьями и сестрами. Ведь они понимали друг друга и помогали сберечь живую жизнь. Самые старые манси слышали от прадедов, тем передали их прадеды, что в те времена Медведь был их старшим братом,

Лось – средним, а Журавль и Лебедь – младшими. Чайки и Гагары были людям сестрами, а это значит, Тимпей, для кого-то матерью – сюк, бабушкой – сянк, и положили они начало роду людей Чайки, Гагары, Гуся или Лося.

– И Кедр был братом? – с надеждой спросил Тимпей.

– Да, Тимпей, и Береза была сестрой. Она была кому-то матерью, а кому-то стала мудрой бабушкой.

– И эти времена исчезли навсегда? – с горечью прошептал Тимпей. – Все это исчезло, как утренняя роса? Растаяло, как туман? Неужели все это никогда не вернется?

– Ну что ты, – тихо засмеялся старик. – Люди ненадолго уходят из жизни. Они возвращаются в нее лесами.

3

Солнце, раскинув огненные хвосты и раскаленные струящиеся гривы, обнаженное и вскипевшее, неудержимо мчалось во втягивающую его макушку Седьмого Неба, сжигая облака и ветры. Оно уже успело спалить ночь, и та, подбирая обгорелые крылья, умирала, задыхаясь в дымящих закатах, а утренние зори выныривали из вечерних, едва окропив себя росами. Уже не стало вечернего тумана – теплые, как уха, озера, и убаюканные мелями реки, и взбухающие болота парили все дни, и пар от них не клубился, а прозрачно и зыбко колыхался, искажая бесконечно привычные очертания плеса и омута, смягчая, как бы размазывая резкую грубость берегового обрыва в ожерелье ласточкиных гнезд. Солнце перестало быть глазом, огненным озером, оно расплескалось и заняло половину неба и подожгло другую, а та, воспаленная, больная, не падала сиянием в небо, а задыхаясь, исходила в безмолвной, судорожной зевоте. На обмелевшей Евре, в тихом омутке, седые, как зима, старики обучали мальчишек нырять. Голые, как камешки, мальчишки, смуглые и литые, как сосновые шишки, прыгали с высокого обрыва и с бульканьем входили в воду. Старики готовили ныряльщиков для Священного Летнего Запора, что перекинулся с берега на берег, перегородив Евру. Это был единственный на весь Кондинский край запор-ловушка, куда скатывалась и собиралась нагулянная после икромета рыба. Старики разомлели, летнее солнце разогрело остывшую к старости кровь, и та туго толкала уставшее сердце. Мальчишечья звонкость, пронзительные крики и смех едва касались стариков – они уходили в свои годы, в свои реки, в свои громы и тишину. Но видели старики, как глубоко ныряет Максим Картин, как долго он бродит по галечнику дна и возвращается на теплую отмель с каким-то новым, только что народившимся удивлением.

– Отменный ныряльщик из него вылупляется, – решили старики. – Зорко он будет хранить Летний Запор.

Рослый, широкогрудый Улька Кентин все утро дразнил ребятишек, сталкивал их в реку и скалил зубы под редкими усиками. Он нырял и, выныривая, гоготал дурным голосом. А в полдень вынырнул из реки и погрузился вновь, но так быстро, словно кто-то сильный зубами потащил его ко дну. Всплыл на миг и, широко распахнув рот, коротко и пронзительно крикнул. Максим, вытянув перед собой руки, щучкой бросился к Ульке с обрыва и успел ухватить его за длинные волосы, когда Улька как-то сломанно и дрябло опускался на дно. Когда Ульку вытащили на берег, у него были выпучены глаза и бездыханное в гусиной коже тело.

Старик Лозьвин корявыми пальцами разомкнул Ульке рот и сильно дунул в ноздри. Улька не шевельнулся. Тогда Лозьвин перекинул Ульку на живот, крепко сжал ему ребра.

– Прыгни ему на спину! – приказал он Максиму.

Мальчик подпрыгнул на спине неподвижного Ульки раза три, а на четвертый тот вздрогнул. Улька забился на песке, из ноздрей, из горла, пузырясь, рванулась вода. И вместе с водой хлынула кровь.

– Студит его река, – прохрипел старик Лозьвин. – Запретить ему входить в реку голым. Пускай он на берегу да в лодке живет.

– Да станет так! – кивнули старики, шевельнулись и не успели погрузиться в дремучие свои думы, как пронзительно, испуганной чайкой крикнул Максим.

– Ы-ы-у, Елноер! – ругнулись старики и оглянулись недовольно: почему мальчишка вспугнул их неторопливые мудрые думы?

Из раскаленного до медного сияния душного сосняка то ли выползало, то ли выплывало к реке лохматое скрипучее существо. Максим застыл: из колыхания горячего воздуха по ломкому, хрупкому, высохшему до треска ягелю к нему приближался непонятный, невиданный старик. А может быть, то Вор-

Кум? Может быть, то Вор-Кум, непостижимый оборотень? Максим закрыл глаза, погрузился во тьму и медленно раскрыл их снова. Нет, старик не исчез, не развеялся, к нему торопились старейшины, путаясь в долгополых легких дошках. Они почтительно приближались к старику, опускались на колени и распластывались у его ног, вытянув вперед руки, раскрывая ладони. Страшен Максиму неведомый старик, угасли мальчишечьи голоса, притихла река, и синеватый дымок от костра бездыханно повис в воздухе. Старик виделся мальчику как опавший, сожженный морозами и солнцем лес, даже не лес, а его обнаженные на земле корни. Но он не гляделся умирающим, просто высох от древности, остались одни витые жилы. Голову старика покрывала высокая остроконечная, как зимний чум, шапка из гладкой выдры. Темное, словно глина, лицо старика рассекали глубокие морщины, будто трещины на шершавой коре кедра, но из-под бровей, густых и жестких, как бурундучьи хвосты, высверкивали твердо – лезвием ножа – прозрачные глаза. В ушах старика с легким рассыпчатым звоном покачивались золотые серьги – страшные чешуйчатые звери, длиннохвостые, с распахнутыми пастями и свирепыми длинными когтями. Высохшую шею старика обвивали бусы из зеленого и синего камня, и, остро разбрасывая свет, вспыхивали бусины. В цепкой, как совиная лапа, руке старик держал железную палку, изукрашенную зверями и птицами, и заканчивалась палка острым, как клюв, крючком.

Встаньте! – неожиданно густым и глубоким голосом пророкотал старик, и Максим поразился той силе, что обитала в немощном на вид теле. – Встаньте, сыны мои!

Старейшины живо, словно омолодясь, вскочили на ноги, приблизились к старику и уважительно взяли его под локти.

– Здравствуй, долго живи, светлый, мудрый мужчина! – поклонился Лозьвин. – Долог твой путь, великий отец! Легка ли твоя тропа, Страж Конды?

Страж Конды медленно подошел к огромному кедру, под которым тлел костер, и опустился на гладкий, выпирающий из земли корень.

– Всегда легка тропа к добрым людям, – глухо пророкотал Страж Конды и принял из рук Лозьвина ватланчик с пысой – белой, легко пенящейся брагой. – Ты высок и гибок, сын мой. У тебя твердый глаз и чистое лицо. Ты, наверное, из рода Лозьвиных?

– Да, Страж Конды! – ответил старик Лозьвин.

– Я помню твоего отца еще мальчиком, – сказал Страж Конды и отвязал от пояса замшевый мешочек, кожаную кису, где хранились трубка и огниво. Он протянул кисет Лозьвину, тот вынул трубку и осторожно принялся набивать ее табаком. Максим приблизился вплотную к кедру, и чуткие ноздри его защекотал пряный, чуть дурманящий запах. – Помню твоего отца, – повторил Страж Конды. – Он вырастал отменным наездником. Он знал лошадиное слово, разговаривал с конем, и тот покорялся ему, как туча ветру. Как сейчас живет твой отец? – спросил Страж Конды и принял из рук Лозьвина раскуренную трубку.

– Мой отец уже шесть зим охотится с верхними людьми! – ответил старик Лозьвин. – Там, – он поднял руку вверх, – там, под теплыми ветрами, он пасет табуны белопенных коней.

Страж Конды несколько раз глубоко затянулся из трубки и передал ее старикам. Те, причмокивая, глотнули пряного дыма, и глаза у них заблестели.

– Ты идешь к нам в селение, Страж Конды? – тихо спросил его Лозьвин. – Вот твои лодки, вот наши руки. Мы перенесем тебя на тот берег.

– Пусть сюда придут старейшие всех родов, – прогудел Страж Конды, и тоненько прозвенели серьги-звери. – И зрелые мужчины пусть придут сюда!

Один из стариков бросился в лодку и оттолкнулся веслом, второй вынул из костра раскаленную головешку и сунул в груду плавника на берегу. Дым высоко столбом вкрутился в дрожащее от зноя небо.

Вот тогда-то старик, Страж Конды, заметил Максима и властно подозвал к себе.

– Ты не боишься водяного зверя, ты храбр! – сказал Страж Конды. – Я видел: ты плаваешь рыбой! Кто отец твой?

– Мой отец Картин, – прошептал Максим.

– Вот ты мне и нужен! – прогремел Страж Конды. – Иди сюда!

Точно связанный, спутанный по рукам и ногам, с гулко бьющимся сердцем приближался Максим к Стражу Конды. Старик ощупал плечи и руки Максима, приложил волосатое ухо к груди мальчика, заглянул в уши и остался доволен.

– Уйдешь со мной! – повелел Страж Конды.

Слабеющей рукой долбит и оструживает Максим Картин острым топориком кедровую стволину, что мужчины пригнали с верховьев Евры. Семь дней и еще один день он разжигал на ней костры, и негром-

кий, но жаркий огонь с легким хрустом поедал кедровую мякоть, доставая сердцевину. Внуки помогали деду, следили за огнем, чтобы тот не прокусил борта огромной и крепкой лодки.

О! Какая то будет лодка! Почти как маленький дом, ни у кого в Евре не будет такой лодки!

Глядите, люди, глядите! Она сейчас дымит, как огромная трубка!

Глядите, люди, старый дед обнажил у лодки бока!

Смотрите, как они розовеют, какие узоры показывает могучий кедр. Дед уже заострил у лодки нос, и она стала как щука.

Но знал старый Картин: не плавать ему на этой лодке, ибо явился в его сны Страж Конды и сказал: «Уйдешь со мной!..»

«Глядите, лю-ди-и! – пронесся крик над Еврой, над теплым песчаным берегом. – О, Великое Небо! Души покинули старого Картина, поднялись над землей и одичало бродят».

О, Милый Шайтан! Рыдайте, люди, рыдайте, дети и женщины, рыдайте, звери и птицы, рыдай, земля, рыдайте, тучи, – в верхнее царство уходит хранитель капища Максим Картин.

На крутом берегу Евры в белой девичьей опояске берез поднимался могучий кедрач. Неохватные кедры просторно раскинули тяжелые кроны, словно держат на себе задремавшую тяжесть времени. Солнечный свет полосами, широкими лентами прорывался сквозь мохнатые лапы, и, падая под ноги кедров, рождал легкую голубоватую дымку над хрупкой нетронутостью ягеля, и высвечивал упругие, жесткие ладони кустиков брусники. В просторной осветленности, в хвойной чистоте покоилось древнее мансийское кладбище. Десяток рядов – маленьких приземистых домиков. Самой длинной была улочка Чейтметовых. От нее неподалеку начинался ряд рода Картиных со своим поминальным костром. Близкие родственники вырыли могилу: сыновьям и братьям закон не велит прикасаться к острым вещам, чтобы не поранить души умершего. Максима Картина хоронили в той лодке, что не успела прикоснуться к вольному простору реки. Рядом с ним положили копье, тугой лук и стрелы, боевую дубинку и нож – пригодятся они хранителю капища в долгом, опасном пути в верхнее царство. На деревянных блюдах положили еду и питье, хлеб и сушеную рыбу, вяленое мясо – не голодай. Положили одежду и обувь – не мерзни. Положили трубку и табак – да пусть легка будет твоя тропа! На пять лет твой род погрузится в траур – пять душ у мужчины, и помянут их каждую поминальным костром и пиром. Да пусть навечно хранит память о тебе, Великое Небо!

4

В своем доме Апрасинья уже ни перед кем не закрывала лицо, – старый Картин умер, одарив ее золотыми серьгами жены и обкуренной трубкой. С утра до позднего вечера она возилась с детьми, со щенками, которых выращивала от породистых няксимвольских и вогульских лаек, с телятами от трех коров – выпаивала их ухой, куда клала мелко рубленную сочную траву, возилась с оленятами и прижившимся лосенком. Во дворе ее три лета жили два лебедя – лебедь и лебедица, высидели яйца, вывели лебедят.

К Апрасинье прибегали в полночь, поднимали с постели, умоляли в слезах помочь роженице или старухе, что уже три дня никак не может умереть. Она зажигала свою трубку, хрипло прокашливалась, забирала сухие травы, толченные до порошка или настоянные на белом вине или на березовом соке, на рябиновом или клюквенном отваре. Возле большой избы Мирон срубил мань-кял – небольшую избушку, стены и пол которой Апрасинья затянула выделанной мягкой и гладкой берестой, – то была избушка женщины, куда она уходила рожать, отдохнуть перед родами, побыть наедине в чистоте и радости материнства. Вся избушка была забита разными травами от любой хвори – от припадков, острого живота, поноса, судороги, от икоты, от тоски, когда человек перестает любить жизнь, когда у него вдруг затухают глаза и он гниет на корню, как береза среди болота – стоит белеет береста, а внутри труха и гниль...

– Спаси! Спаси сына моего, Апрасинья! – падает на колени женщина и раздирает ногтями лицо, вырывая волосы. – Сгорает сын мой на глазах, глаза уже сварились, и весь он как уголек.

Апрасинья поднималась из теплой постели, укрывала детей и уходила в ночь. По дороге она коротко и деловито расспрашивала, что ел, что пил, где, по каким местам бродил мальчик. Она вслушивалась в дыхание больного, осматривала и долго что-то бормотала, напевая под нос, растирала тельце сильными пальцами, перебирая и ощупывая мышцы, жилки и туго наполненные вены.

Многих евринцев спасла Апрасинья, и звали ее теперь Матерью Матерей, матерью всех живущих в деревне. Матерей Мать властно забрала в свои руки всех женщин селения, все важные женские дела они обсуждали с Апрасиньей. Одних она усмиряла тихим, мудрым словом, других поколачивала за неопрят-

ность, лень и легкий, пустой язык. Как-то подвыпивший Кирька Кентин с туманной головой наткнулся на Апрасинью, но та даже не сдвинулась с места.

– По-че-му эта сучья дочь ходит с открытым лицом? – пошатнулся Кирька, тараща на Апрасинью красненькие мокрые глазки. – По-че-му она, как росомаха, гадит в моем доме?

Апрасинья лишь усмехнулась.

– Я – сучья дочь? – густым голосом спросила она. – То говорит мне пустое дупло?! У тебя сил не хватает на продолжение рода, и жену ты пустой держишь. И на меня ты вытягиваешь поганый язык?!

– По-че-му... за-чем ты научила мою жену огрызаться? – потребовал ответа Кирька. – Знаю, когда ухожу в урман, ты садишься к моему чувалу и учишь ее... Поче-му-у?

– Потому что ты глупый и противный, как налим! – отрезала Апрасинья. – А ну, уйди с дороги!

Кирька не мог вынести такого и замахнулся. Матерей Мать ударила кулаком по его мокрому носу, по распущенным губам, и Кирька упал в грязную лужу, где плавал собачий помет. Громко смеялись мужчины, когда добирался к своему дому вонючий, весь перепачканный Кирька.

Когда Матерей Мать появлялась на улице, проходила по ней, окруженная голубоглазыми крупными, как волки, собаками, мужчины выходили из юрт, торопились вынести уголек из чувала, чтобы Апрасинья раскурила свою трубку. Мимо кого-то она проходила, храня молчание, с окаменелым лицом, неприступная, замкнутая, и тот знал, что недавно совершил что-то недостойное, грубое и темное. А у кого-то она принимала уголек, мягко благодарила и уходила в свои лесные поляны, где вызревали целебные травы, где из-под корней, у вскипающих родников, вырывались к солнцу сладкие стебли. Матерей Мать выводила в лес своих детей, и лес переливался в них здоровьем и силой.

Высокая, плотная, широколицая, с крупным носом и глубокими глазами, Апрасинья не сгибалась с годами, хотя умирали ее дети: девочка утонула в реке, один из сынов сгорел в лесном пожаре, другой упал с высокого кедра и разбился о тугие, скрученные корни. Три дня криком исходил мальчонка, три дня старухи молились Шайтану, жгли костры, три дня ощупывала Апрасинья тельце сына, пытаясь найти то место, где спряталась губительная боль. Она перевязала каждую поломанную косточку, обернула в мягкую замшу, в отпаренную бересту и перетянула жилкой. Но, вслушиваясь в стоны и хрипы, в прерывистое, то вспыхивающее, то затухающее дыхание сына, Апрасинья отчетливо, как в прозрачной воде, увидела в груди сына разбитое, истекающее кровью сердце. Как остановить сердце, как заставить его прыгать, словно птенец в гнезде, – это она могла. Но как собрать сердце, разбитое на куски, она не знала.

– Манси не дано прыгать по деревьям, – говорили старики. – Манси не белка. Манси не рябчик, чтобы порхать с ветки на ветку. Твой сын не жилец, оставь его.

Как она могла оставить умирающего сына? Не могла она смириться перед собственным бессилием и торопливо смешивала разные травы, которые наделялись таинственной и беспощадной силой. В отчаянии смешивала она те травы, что губят друг друга, если растут рядом, и по капельке добавляла в целительный яд травы яд зверя, струю соболя и бобра, и медвежью желчь, и желчь щуки – но ничего не помогло.

– О, Великий Торум! О, Светлый, Светлый День! Помоги сыну моему! – заклинала Апрасинья. – Помоги, прими мою жертву. – И Апрасинья полоснула ножом овечье горло. – Прими жертву и спаси моего сына!

Сын кричал. Великий Торум молчал. Высоко до Торума – не слышит.

– Сбереги его, Земля! Дайте ему силы, Реки и Озера! Отдайте ему немного своей силы, Могучие Ветры...

И Земля, и Реки, и Озера, и Могучие Ветры услышали зов Апрасиньи, убаюкали сына и забрали в себя, растворили в себе его боль, его страх и его жизнь.

И может быть, впервые смерть сына распахнула перед Апрасиньей бездонье ее незнания, бездну ее человеческого бессилия, беспомощности, приоткрыло ей беспощадное могущество Смерти. Даже самая исступленная вера в Добрых и Злых Духов, вера в небесных и земных богов не одолеет Смерть. А кто она, что она – Смерть? Конец ли это чего-то, кого-то или начало? Ведь сколько жизней, столько и смертей. Сколько весен, столько и зим...

– Но это так страшно, когда Смерть и Тьма забирают самое дорогое! – кричит Апрасинья. – Они уводят нав-сег-да! Нав-сег-да! Без воз-вра-та! В каком царстве сейчас обитает мой сын – в верхнем? В нижнем? Но ведь не рядом со мной... не ря-дом?!

Несправедливо... Смерть несправедлива. Она – Зло. Она – Тьма и Злоба. Она уводит самое дорогое и никогда не возвращает. Но всегда ли справедлива Жизнь? Ведь порой она сохраняет среди людей тех, кто должен быть волком или росомахой. Значит, и Жизнь несправедлива? Тогда кто она? Кто она – Жизнь?

Женщина? Земля или Небо? Может быть, Жизнь слепа, нарождая все подряд – летающего, ползающего, плавающего и бегающего? Нарождает, потому что иначе не может, она рождает Землей, Небом, Рекой и Лесом. Она рождает каждой веточкой, листком, плодом и зернышком, каждым сердцем и кровинкой. И народила от Земли до Неба, от Неба до Подземелья. И что же, рождая, она определила срок для дыхания, для последнего глотка, для первой любви и последнего смертного часа? Или это определяет Смерть? Если это определяет Смерть, то слепа ли она? Она не подходит ведь сразу к сильному, могучему, растущему. Смерть забирает слабых. Но разве слабый детеныш или ослабевшая мать менее дороги?!

«Наверное, Жизнь случайна в своей слепоте, бесконечна в горячей крови, а Смерть холодна и зряча, – размышляет Апрасинья. – Но кроме Жизни и Смерти в мире есть что-то еще, и оно стоит над ними. Судьба? Нет, не боги, нет, не духи. Что же такое? Кто это, что метит своей тамгой любого из живущих, кто это, что определяет последний час?»

Мысли и думы Апрасиньи тягучи и темны, она заплуталась в них, как в непроходимом урмане, вокруг которого раскинулось топкое болото. Она кружила на одном месте, находила едва заметную тропку, но та приводила ее в такую чащобу, через которую нельзя пролезть. Она искала ответа, а к ней доносилось лишь эхо ее собственного голоса, и это изматывало ее. Она хотела прозреть, она торопилась раскрыть в себе внутреннее зрение, что озарит ее, и она приблизится к тайне Бытия, где сверкающая, слепящая солнцем Жизнь идет по земле с неотступной тенью Смерти. Зачем нужно Апрасинье это зрение, для чего нужно ей сокровенное зрение?

– Для детей, – отвечала она себе. – Для сынов и дочерей. Для манси земель Конды и Сосьвы. Все труднее и запутаннее жить. Но почему – непонятно.

5

Медлительно, как старость, тягуче протягивается зима. Льдистые ветры бьются в стены изб, повизгивает снег под полозьями нарт и саней, в непроглядных ночах дико всхохатывают вьюги. Голубоватые, почти прозрачные звезды низко опустились к оголенным березам и затухли в кронах сосен, отбрасывая прозрачные, дымчатые тени. В полдень – багровое, воспаленное солнце и белое одиночество скрытой реки. Зимой река Евра кажется пустынной, и только по утрам, когда из морозного тумана выбирается солнце, по бесформенным, глыбистым торосам зыбко пробегают ало-голубые блики, то высвечивая аспидно-черного ворона, что железным клювом терзает желтобрюхого окуня, то обливая клюквенным соком красногрудых снегирей. А в пасмурные, неясные дни из сумеречной расплывчатости долины тащило беспредельным одиночеством и тягостной скукой оцепенения. Обледенелые глубокие тропки, вихляя, ведут к прорубям, над которыми невесомо поднимается пар, а под паром плещет черная вода – густая, зловеще таинственная, как горло Водяного Зверя, что часто забирает мужчин маленькой Евры.

– Зима, наверное, не приходит, – посасывая трубку, Апрасинья скребком снимает мездру с соболиной шкурки. – Конечно, она не приходит, она просто прячется под землю, прячется глубоко, таится так же, как таится в нас старость.

Нет, она не старела, Апрасинья, только грузнела, как матерая медведица. И еще иногда ненадолго терялась бездонность ее взгляда, он затухал, как на ветру затухает колышущийся огонек. Иногда в шуме, в визге и смехе дня среди детей, что ползали по ее спине и хватали за ноги, держались за платье, раскрывали свои звонкие, ненасытные, зубастые рты, она вдруг застывала, словно останавливалась с разбега перед неодолимой стеной. Мир терял звуки, цвета и запахи, глохло все вокруг нее, и внутри пустело, как озеро среди камней, с которого только-только поднялась лебединая стая, обронив белоснежные перья. В нее проникала голодная тоска, и она погружалась в ее беззвучность, в немоту и не видела ничего перед собой. Ей было тесно, она была слишком громадной для Евры. Как будто было все – и Мирон, фартовый, отважный охотник, заботливый, любящий, ласковый и добрый, и сыны, крепкие, как кедры, и дочери, и дом, куда не заглядывал голод и болезни, и пришло к ней уважение, и мудрость, и невидимая власть Матери Матерей, и проникновение, пусть в малые тайны бытия, – но чего-то ей все-таки не хватало. Но чего? Она почти угадывала, приближалась к разгадке, но вдруг глохла, и слепла, и уходила далеко от земли, от себя, от детей, от Евры.

Может быть, она сходила с ума, наверное, разум отступал от нее, и она погружалась в то непонятное, что длилось миг, а тянулось вечностью. И все искажалось, набегала волна на волну, опускалось до дна, поднимало ил и муть, дрожало, и сон нельзя было отделить от яви. То Вор-Кум, то Вор-Люльнэ прини-

мались мутить разум Апрасиньи. Крепка она, но рушатся и крепкие берега, и проваливается земля, и падают на землю звезды, и бесится вдруг зверь, и тонет иногда рыба. И крепкий разум может замутиться, как луна в пепельных тучах.

Возле избы Мирона высоко над землей, на трех срубленных соснах, его дед поставил священный шайтанский амбар. Там на расстеленной медвежьей шкуре покоились Акынь – идолы, родовые божки, что приносят счастье и удачу. После охоты Мирон и его братья приносили жертву Акынь на медном блюде, подносили божкам соболиную шкуру, кусочек сохатины, белую тряпочку или лосиные рога, и те короной поднимались под амбаром. На стенах шайтанского амбара, на рысьих и бобровых шкурах, висели священный лук и стрелы, жертвенные нагрудники, украшенные бисером, золотыми и серебряными пряжками. Под страхом смерти древние законы запрещали женщине дотрагиваться до священных стрел и кованых чаш.

«Иди... иди в шайтанский амбар, – услышала в себе тихий голос Апрасинья. – Иди... иди, милая женщина. Отнеси Акынь глухариные крылья. Иди, иди, Апрасинья, в шайтанский амбар. Примерь, примерь, Апрасинья, жертвенный нагрудник».

– Ай-е, да кто это? – вздрогнула Апрасинья и оглянулась. В избе никого – пусто. Старшие дети ушли в лес за хворостом, средние дети бегают по сугробам, малые дети спят.

Заглянула Апрасинья в чувал – тихо потрескивают дрова, покойно поднимается пламя. «Наверно, показалось».

Присела у огня Апрасинья, потянула к себе невыделанную шкурку, а внутри нее вновь раздается голос, но уже погромче:

«Иди... иди, Апрасинья, в шайтанский амбар. Там таятся тайны. Там ты прозреешь, узнав знание мужчин... иди... иди», – упорно толкает ее в спину голос.

Нехорошо стало Апрасинье, словно кто-то неведомый ей скрутил ее голос, вошел в нее, как угар, как отрава, как дурной глаз. Заарканил ее голос и потащил к двери. Ударилась о стенку Апрасинья, сбросила с себя дрему и дрожащей рукой закрыла дверь на запор. О, Белый Светлый День! Щох-Щох! Да что такое? А голос все громче и настойчивее зазывает ее в амбар. И не помнит она, как распахнула дверь, как шагнула за порог, как тело ее билось, словно распоротая рыбина, когда по глубокому снегу ползла она к священному амбару.

С высокой лиственницы увидел ее черный, смоляной Глухарь и, раскинув красные брови, крикнул громко: – Остановись, неразумная женщина! Ты ползешь к своей гибели!

С трудом, опустошенная и потрясенная, вернулась в избу Апрасинья. А на другой день, когда в чувале весело потрескивал сушняк, Апрасинья вновь услышала в себе ласковый шорох-шепот:

«Добрая ты, хорошая ты женщина. Ласковая ты мать, Апрасинья. Верная ты жена. С нетерпением ты ждешь из урмана мужа своего Мирона. Баранины ему свежей наварила, ой, да как вкусно пахнет! И голову баранью варишь – нет ничего на свете вкусней бараньей головы», – и кто-то сочно причмокнул, да так вкусно, с наслаждением причмокнул, что у Апрасиньи рот наполнился слюной и засосало в животе, так ей захотелось утолить голод.

– Ай-е! Ай-е! Щох-щох! – в бреду, в колыхающем тумане Апрасинья по-настоящему испугалась. – Да как так? Не бросала я в котел баранью голову, не бросала. Ты видишь, боже небесный?! – оглянулась – опять никого нет, заглянула в чувал – в круто кипящей колташихе варится баранья голова. Бьется голова о стенки котла, выпучила на нее мутные немигающие глаза, шевелит тонкими губами, раздувая ноздри. – Астюх! Ай-е! Торум вайлын – ты видишь, Боже небесный! – вскрикнула Апрасинья. – Я же не бросала в колташиху баранью голову!

«Съешь... ешь, Апрасинья, голову, – настойчиво и твердо повелевает голос, и нарастает он в ней, наливается, будто выпивает ее кровь и раскачивает сердце. – Ешь, ешь».

И легко ей вдруг стало, легко и тревожно, поднималась она, словно птица в полете.

«Ешь, ешь баранью голову!» – твердит голос, дятлом бьет в висок, шипит в чувале угольком, гудит из Дымохода – переполнил ее тот колдовской голос.

Страх тугими путами стянул тело Апрасиньи. Медленными кругами двигается она по избе, а круги сужаются, сужаются и подталкивают к очагу, где в колташихе выпученным глазом смотрит баранья голова.

«Ешь!» – приказал голос, острый, как нож Мирона.

Схватила Апрасинья голову, поставила в берестяное блюдо, разделала ножом и жадно бросилась поедать ее, да так жадно, словно все у нее изголодалось – пальцы, глаза и рот. И зубы словно стыли и дрожали от голода, рвали мясо и жилки. Но только она проглотила бараний язык, как загудел огонь и застонала земля, изба задрожала, крыша приподнялась, как лодка на водоверти, и с грохотом опустилась. Дверь в избу со стоном, тягуче заскрипела, и послышался противный до тошноты голос:

«Ай-еее-ай-е, Апрасинья! Одна ты ешь, почему? Отчего ты меня не зовешь?»

– Если пришел, садись за стол! – не отрываясь от бараньей головы, ответила Апрасинья. Повернулась она к двери и никого не увидела. Только что был день, а теперь в распахнутую дверь заглядывает ночь, а земля мелко-мелко дрожит, как озябшая в проруби женщина. И увидела Апрасинья на пороге избы сморщенного старика длиной с зайца. И это был он, Аньсих Сисьва Пялт – Старик Длиной с Зайца. Перешагнул он порог, сгорбленный, морщинистый, в клочкастой заячьей шубе, и медленно-медленно, ползуче достиг стола. И вот он уже прыгнул за стол, а уши еще на пороге. Потянул их старик с силой, приподнял и кинул на лавку. Апрасинья поднялась, перестала жевать.

– Астюх! Холодно мне! – воскликнула Апрасинья. – Что это за нечистый дух?!

А Старик Длиной с Зайца, что жил в болотной кочке, стряхнул с себя сухой, колючий мох и поднял на Апрасинью тяжелые, как клюква, глаза. Схватил длинными когтистыми пальцами баранью голову и впился в нее острыми зубами. Верхняя губа у Старика разошлась, распахнулась надвое, как штанины, – одна потянулась к левому уху, другая подпрыгнула к правому. Нет, не по-заячьи урчал Старик, когда разгрызал голову и глотал с костями. Словно в нее, в ее тело взгрызался Старик, словно ее кости раскалывал Аньсих Сисьва Пялт. Проглотил голову Старик, облизнулся и отер губы длинными ушами. Швырнул уши на лавку, а они тихонько шевелятся, будто что-то тайно рассказывают друг другу.

– А ну, Апрасинья, давай сюда колташиху! – грозно повелел Старик Длиной с Зайца.

Проглотил Старик мясо, что готовила она для мужа и сыновей, костей не оставил, и рыбу сушеную – урак проглотил, и полный берестяной кузов брусники в пасть раздвоенную, как штанины, опрокинул. Встал из-за стола, тряхнул ушами так, что с крыши снег осыпался, схватил с полки санквалтап – многострунный лебедь и заиграл. Запели струны перелетными птицами, речными струями и лесными травами запели струны лебедя. Музыка, как огонь, как обволакивающее тепло в замерзающего в сугробе, вошла в Апрасинью, закружилась голова, ноги сами понесли в пляс. О, как плясала Апрасинья! Как комарик перед дождем, как дождик над озером, как озеро перед речкой, как река на перекате. Плясала Апрасинья, распахнула руки, и кружилась она, кружилась, а Старик Длиной с Зайца прихлопывал ушами, да так громко, словно наотмашь плашмя бил веслом по гладкой засыпающей реке, и все играл, играл, и раскаленным углем разгорались его глаза – задумал он погубить Апрасинью. Поднялся он над столом клочкастый, в драной шкуре, что свисала с выпирающих ребер, видно было, как в те ребра крадучись бьется черное сердце. У Старика огнем вспыхнули глаза, он распахнул клыкастую пасть и протянул к Апрасинье кривые когти. Тьма охватила Апрасинью, упала она навзничь...

Долго, почти всю зиму, болела Апрасинья. Никто и сама она не знала, что это за хворь, отчего «вдруг стирается и мутнеет разум, отчего вдруг изнутри поднимается зовущий голос, отчего человек вдруг не узнает себя.

И наверное, она бы угасла, истлела, если бы не Мирон. Всем существом своим он почуял беду, тайную, невидимую болезнь, и, не расспрашивая ни о чем, увез Апрасинью в глухую охотничью избушку. Там он сам готовил пищу, сам разводил огонь, но каждое утро усаживал Апрасинью на легкие нарты и возил по звериным тропам. Апрасинья оживала медленно, но, оживая, стала другою – покойной и медлительной.

– Я повторяю то, что повторяла, наверное, моя мать... Повторяю то, что должна повторить любая из женщин. Но ведь я чувствовала, я знала, что во мне зрело то, чего не было у других. Хожу по извечному кругу... Но он маленький, этот круг, – только Евра, маленький, как прорубь, как воробьиный глаз. Разве я чем-нибудь украсила жизнь, чем-то осветила ее, распахнула и вызнала тайну, ради чего мы живем? Почему мужчина считает злом то, что мы принимаем как благо? Что же все-таки Зло и Добро?

Но громко кричали дети, громко лаяли собаки, гулко гудел сосняк, и плескала река. Апрасинья возвращалась в Евру, в свою юрту, и отдавалась земным заботам, но догадывалась, что где-то недалеко, может, рядом с ней, но не на виду таится горячая и страстная жизнь, полная смысла и значения.

РУССКИЕ ХОДОКИ, БЕГЛЫЕ САМОХОДЫ

1

Брал с собой Мирон Апрасинью на ярмарки. Она готовилась к ним заранее, сдерживая нетерпение и радость, – редкий мужчина брал свою жену в разноцветную, горячую круговерть ярмарки.

Нет, то были не торжки, то открывалась сказка. То было пиршество, распахнутость, необозримость и бездонность тайги и рек, дары земли и солнца, груды сказочных богатств других земель.

Просторно, лихо, хмельно и богато на площадях Верхотурья и Ирбита, Пелыма и Гарей раскидывались звонкоголосые, разноязыкие ярмарки. Из таежных урочищ, с верховьев Конды, Пелыма и Туры, приезжали охотники-манси с длинными ножами у поясов. С обских песков, с Ваха, Казыма и Северной Сосьвы с невозмутимым спокойствием и достоинством являлись охотники и рыбаки ханты, татары с Иртыша и Приишимских степей, черноликие бухарцы из Тобольска, коми – зыряне и пермяки, вотяки, чуваши и мордва стекались на ярмарки, каждый в своей одежде и обычаях. Оленеводы, зверовики-соболятники, медвежатники, гуртовщики, укротители диких коней, рудознатцы, кузнецы и золотых дел мастера, скорняки и гончары-скудельники, резчики по дереву и металлу раскидывали в рядах свой товар.

У евринца на ярмарке кружилась голова, колотилось сердце – все притягивало, тревожило и радостно пугало: и празднично гудящая, глазастая, языкастая, тысячерукая, локтистая толпа, что по-доброму оскаливала зубы и хитро прищуривала глаза, и звон колоколов, и ржание коней, и сотни густых запахов и нечетких металлических звуков, и буханье молотов о звонкую наковальню, и пронзительные крики офеней и коробейников.

Вот он, сладкий, хлебный ряд, – бог ты мой, пряники печатные, медовые, маковые да бублики, баранки и сушки, калачи и куличи, леденцы и сладости, пироги с рыбой – муксуном да нельмой, пироги с мясом, ягодой, грибами и тут же сизые горы лука и чеснока, желтые горы репы и брюквы, морозной белизны капусты. А вот возы с салом говяжьим, а сало-то в бочках, кадушках, лагунах, ушатах, сало свиное да медвежье, сало баранье – в караваях, шарах, масло коровье – не масло, а спелые тебе луны глядятся из блюд и мисок. Купцы и торговцы сало, масло покупают-продают возами, а конопляное, ореховое – из кедра, льняное и подсолнечное – кадушками да бочками. Мед – невиданное, странное лакомство для тайги-конды, густой, тяжелый мед в кадках, в берестяных чуманах и туесах, в горшках, в деревянных ведрах. Сусла, квасы, хмельная, пенистая медовуха-брага, парящие пельмени, пышущие жаром гречневые блины, горячие шаньги – господи, чего только не раскинулось в рядах у кипящих ведерных самоваров! На разные голоса, разными языками зазывались на пиршество, обильную жратву и питие люди, и поглощались пирожки и кулебяки, расстегаи и колбасы. А рыбы-то... рыбы! Тяжелые пласты карасей отливают густой позолотой, груды желтоглазого окуня и язя, щука в поленнице, обская селедка-ряпушка да сосьвинская селедочка «тугун» – царская рыба в бочонках, нежная да сладкая. Со всех бескрайних краев свезли промысловики рыбу – с Северной Сосьвы, Иртыша, Тобола, Оби навезли осетров, да живьем, да семгу с Печоры, да омуля с Тазовской и Гыданской губ, нельму с обских песков, подводы с красной и черной икрой. А рядом горы мехов, пышные, легкие, и казались они теплыми, отдавали они блеском и чистотой. Связки белок, горностая, выдры, соболя, куницы и кидуса, шкуры медвежьи, росомашьи, лосиные и волчьи...

Апрасинья глядела во все глаза, слушала во все уши, чуть прикрыв лицо платком, – ей вовсе нестрашно, если русские да татарские мужики видят ее глаза и губы, пущай смотрят, ее не убавится. Но, слушая, не все понимала, видела – не во все верила. Попробовала мед – слад-ко-о! Взяла детям, а евринцы принялись ворчать на нее – только денежку испортила.

– Я брусники наемся, а Мирону малины запасла, – отрезала Апрасинья. – А дети наши никогда мед не лизали. И не лизнут, ежели евринец за полушку удавится.

– Эт-то я-то удавлюсь?! – поразился Илья Чейтметов. – Ну, Апрасинья! – И купил, не торгуясь, самый пузатый и самый жаркий сияющий трехведерный самовар.

– А я бисеру накупила, – похвасталась Апрасинье жена Кентина и развернула тряпицу, где сверкал разноцветный бисер.

– Это здорово, – ласково ответила Апрасинья. – Когда-нибудь великий бог Торум наградит тебя сынами, а сейчас учи девок своих узорам, а это моим сынам и мужу, – с затаенной гордостью сказала Апрасинья и вынула из кожаной сумки тонко высверкивающие голубоватые, как льдинки, ножи. – Мирону моему подарок!

И когда женщины вокруг хватали ткани, зеркальца, иголки и ленты, Апрасинья покупала топоры, суровую нитку, дратву, свинец и порох.

– Как мужик! – щебетали щеголихи, протягивая серьгу через ухо.

Апрасинья с любопытством рассматривала русских попов с длинными волосами, даже заходила в сверкающую огнями церковь и слышала рев диакона, но ничего не поняла. Ее ослепило, ее оглушило, напугало, но не внушило трепета. В Пельше ее больше поразила лавка с деревянными расписными ложками и сверкающей посудой, и два дня она мучилась без сна, пока не решила попросить Мирона купить

ведерный самовар и огромное медное блюдо – не устояла ее душа перед такой невиданной роскошью. А то, что ей рассказывали о Христе дьячки, пономари, богомольцы, сознание не принимало, все скользило мимо, как талая вода в открытую реку. В самой вере запретов-грехов было во много раз больше, чем в язычестве, и все какие-то мелкие грехи-гре-шочки, словно рыбья чешуя, меленькая, обильная и прилипчивая. Как, человек с ног до головы грешен? Почему он рождается из греха? Великое таинство нарождения, цветение и зачатие плода греховно? Да пропади пропадом такие боги и их служки, если они проклинают человеческую и материнскую любовь.

– Грех, – фыркнула Апрасинья, – любить мужчину – грех... Любить-то грех? Любовь страшнее огня и сильнее воды. Она громче грома и тише тишины. Все живое выходит на любовь. На зов волка выходит волчица. Трубит лось, и среди диких скал бьется олень за свою важенку. Медвежьим ревом ревет любовь на медвежьих кровавых свадьбах. И она – грех?.. Нет, женщина все-таки крупнее и счастливее мужчины, – рассуждает Апрасинья. – Ей дано больше – не только счастливость любви, но и счастливость рождения ребенка. Женщина счастлива, и, значит, она – грешна?!

Не поняла, не приняла душою Апрасинья постные, обескровленные заповеди церковного бога, но почуяла в них холодную опасность. Дун-дун-дун, дон-дон-дон... дин-дин-дин... – в неустанном, монотонном, ежедневном проникновении эти заповеди, расплывчатые повеления, словно истачивали костяк души... Бог даст, Бог возьмет, Бог спасет – он милосерден, он велик и всемогущ, он покарает и наградит царствием небесным... А что же сам человек?

– Нет, – отвергает Апрасинья. – Это вера людей, потерявших знание о себе. Вот сама – что я знаю? Знаю я охоту. Маленько знаю зверя, рыбу, птицу. Могу кого-то приручить для хозяйства. Знаю травы и могу, хоть не всегда, помочь человеку. Знаю оленя и его детеныша. Знаю сеть, куда и как ее забросить. Брось меня одну с детьми, без Мирона, найду огонь и выживу. Другого я ничего не знаю. Но знаю одно – как выжить! Сегодня, завтра и много дней вперед. А дальше не знаю... Наверное, не надо того знать, ибо, узнав, можно бросить жить сегодня...

И сама, не зная почему, по какому-то внутреннему движению она жалела русских женщин, тонколиких, изможденных, в темных вдовьих платках, в скорбности застывшего горя. Русские женщины приходили из Леушей, из Нахрачей, приходили они из Пелыма, за сотню немеренных верст. На узких спинах, на узких плечах, завернув потертые монетки в узелок тряпицы, шли они и тащили за плечами короба и узелки, мешки и мешочки с солью, с крупой и сахаром, порохом и дробью, чтобы обменять у фартовых охотников на сушеную рыбу – урак, на сушеное мясо. Не за пушниной шли эти женщины, не за прибылью, не за выгодой они шли – крупу меняли, и дробь, и чай, и муку. У них были тягучие слова, тягучие, словно стон, песни и сухие горячие глаза. А иных Апрасинья презирала – те торговались. Они бились за каждую полушку, хватали мужчин за шабурины и падали на колени. Они молили и заклинали своими богами: «Дай рыбы! Дай мяса!» А мужчины словно не понимали по-русски, хотя ездили на ярмарки. Мужчины знали по-русски, и уже многое знали – с кем торгуешь, перед тем не падай, не молчи вывернутым пнем. Купец, тот часто и не торговался, глядел в глаза добро и весело. Просто никто еще не знал, что он уже купил все на корню, оптом. Купил даже завтрашнюю, еще не добытую шкурку, купил жирующую на плесах рыбу.

...Менялась жизнь. В прежние времена манси почти не знали, что такое деньги. Держали в руках монетки, разглядывали двухголовую свирепую птицу. Пересыпали в ладонях монетки, на которых проступало чье-то лицо, и не понимали, какая же сила затаилась в звонких, как льдинки, металлических кружочках. То, что стояло за монетками, все время менялось: вчера за монетку можно было купить пуд соли, а сегодня лишь двадцать фунтов. Постоянной ценностью, постоянной мерой оставалась пушнина, и она гнала манси в неизведанные, заповедные урманы, и она приводила сюда русских купцов. Ох как она была дорога при отце Максима! Но разве купцы платили охотнику полную цену? О Великий Торум! Ты же видел, боже небесный, какие крохи, какую мелочь давал купец за драгоценную шкурку соболя, бобра и выдры! Почти вся пушнина, что добывали охотники-вогулы, шла в уплату ясака. Но ведь сколько шкурок обманом отбирали мелкие служивые люди. Тот «поклонный ясак» шел за пазуху сборщиков, дьячков, чиновников. Нет, конечно, не все они воры, но когда и половина людей ворье, жить страшно! О! Сколько уходило пушнины в жадные руки, утекало из казны.

А теперь на российских просторах все больше и больше нарастали сила и могущество рубля. Ясак можно было вносить или пушниной, или деньгами. И тяжел был тот налог, камнем падал он на плечи и многих валил с ног – по полтора рубля с каждой ясачной души. Зверя повыбили в ближайших урочищах, и тот пугливо прятался в труднодоступных урманах, охотники все дальше уходили из селений,

а все лето без отдыха готовились к охоте: ставили охотничьи избушки – вор-кял, готовили слопцы, кулемки, западни; вьюком, а в основном-то на плечах затаскивали в глубину урманов продукты на зимний сезон. Целых сто пятьдесят копеек с каждой ясачной души! А в Тобольске – не в Пелыме и не в Самарово – пуд ржаной муки стоил одиннадцать с половиной копеек, пшеничной – двадцать две с половинкой, пуд говядины – сорок пять, а пуд сливочного масла – один рубль семьдесят копеек! Вот что такое ясак в сто пятьдесят копеек, а когда в семье восемь – десять душ, а кормилец один с двумя-тремя помощниками из старших сынов – нет, не останется ни одного свободного дня, все проглотят тайга, лес и болото. И год от года тяжелел и грузнел ясак, все труднее платить его, все глубже погружается в долги манси, все крепче сети торговцев и купцов. Торговцы все чаще приходят в Евру, но у каждого разная цена за шкурку...

– Почему, зачем манси платят ясак Белому царю?! – не однажды спрашивала мужа Апрасинья. – Это жертва земному русскому богу? Почему?

– Потому что жадный он, ненасытный, как Виткась – Обжора, – отвечал Мирон. – Все готов пожрать, как Виткась – Пожиратель Берегов.

– Да разве может один человек пожрать столько?! – удивлялась Апрасинья. – Какая же пасть у него, какая утроба?! Тем, что он берет из тайги, из рек и озер, можно накормить многие народы.

– Не знаю, какая у него пасть, – устало ответил Мирон. – Вон идет Ондрэ-поляк. Спроси его, только, наверно, не скажет – царь ему руки-ноги ломал...

Привыкли уже все в Евре к беглому Ондрэ. Молчалив он, но знают люди: много он перенес и повидал.

– Ондрэ, скажи, за что мы платим ясак русскому царю? – недоумевает Апрасинья. – Почему год от года ясак все тяжелее? Почему у царя такая пасть, что пожирает всю тайгу и реки?

– То пасть не одного только царя, – ответил Ондрэ. – Целая у него стая. И в этой стае не люди, а волки... Царь тебе юрту поставил, Мирон? – и усмехнулся Ондрэ, словно насторожил хитрую западню.

– Нет, юрту мне царь не ставил. Отец и дед ставили.

– Наверное, он тебе коней подарил? Наверное, он тебе ловушки и капканы по урману раскидал?

– Да, царь тебе капканы по урману раскидал? Наверное, царь тебе речку Евру в берега вложил, наполнил живой рыбой? – зашипела, как рысь, Апрасинья. Сразу поняла она и побежала по следу Ондрэ.

Молча смотрит на Апрасинью Мирон, не понять ему, чего хочет его женщина.

– Нет, Евра извечно живет в своих берегах, – отвечает Мирон. – О том знают все – не может человек сотворить реку!

– Царь народил тебе тайгу и наплодил в ней зверя? – загремел Ондрэ-поляк. – И земли Конды и Пелыма тоже сотворил царь? Он кормит, одевает, он лечит твоих детей?!

Молчит Мирон. Верно, зачем ему такой царь, которого он сроду не знал, не видел и не хотел знать и видеть. Зачем ему такой царь, если не он сотворил тайгу, не он наплодил зверя. Зачем ему царь, если есть Шайтан – Пупий, невидимый бог?

– Род царя и приближенных его старейшин не в два, не в три, а, наверное, в семь раз больше, чем весь лесной народ манси, – задрожал, зажегся Ондрэ. – А род его главного шайтанщика, род церкви, семь раз по семь больше всех народов Пелыма, Конды, Сосьвы, Оби и Казыма. А слуги? А стража? О, пся крев! Разве хватит у народов сил платить ясак всей этой ненасытной стае? Царские верные слуги есть и среди русских, и среди татар, и среди поляков, и среди манси. И отнимают они не только пушнину, мясо и рыбу. Они избивают мужчин, они насилуют женщин и продают людей, как скот, а из рабства рождается только раб, смирный и дряблый, как снулая рыба.

Не единожды рождались и в Мироне такие мысли, но еще смутно, как тени на вечерней заре, и скользили мимо, не цеплялись кривым сучком – протекали те мысли сквозь него, как ручей в дырявую морду-кямку. Он, Мирон Картин, черный ясачный человек. Навечно, навсегда, совсем? Ведь он свободен в тайге, в реке, на озере? Ведь он свободен, когда говорит со своими богами и те выслушивают его, ведь он свободен среди евринцев. Да, свободен, пока нет царских слуг, пока не пришла пора платить ясак...

И, словно увидев его мысли, Апрасинья безжалостно и тяжело сказала:

– Ты, Мирон, для меня самый дорогой, самый родной человек, но ты лесной человек, ясачный вогул. Судьба твоя – работать и лесовать на Белого царя, который на весь твой народ смотрит, как ворон на падаль...

– А что же делать, Апрасинья? – помолчав, проговорил Мирон. – Что делать, пришлый Ондрэ? Ты должен знать ту власть, что держала тебя в железе, как дикого зверя?

– Наверное, и русские жили когда-то так, – ответил Ондрэ. Он было зажегся, а сейчас остывал, говорил тяжело, держась за сердце. – Наверное, многие из людей русских охотились в своих урманах, вскрывали землю и вынимали из нее плод. Но среди них незаметно появились те, кто захватил власть, вызнав тайну, как править народом. А чтобы править народом, нужно Высшее Знание. И оно, Знание, нужно для того, чтобы стать свободными, не покоряться насилию. Мирон, ваши дети должны узнать тайну знака грамоты. Апрасинья, ваши дети должны знать счет! Тогда они узнают, что находится в глубинах рек и земли, кто живет в дальних странах. В познании – радость и свобода! Вот что нужно делать – выходить к свету из темных урочищ!

2

Две зимы тому назад поселились в Евре два самохода – беглые люди. Откуда они бежали, не сказывали, махали рукой на восход солнца и, сцепив зубы, отвечали одно: «Каторга...» И показывали изрубцованные спины. На запястьях – отпечаток железных браслетов.

– За што тебя в железо одевали? – спросили старейшины, со всех сторон оглядев изодранного, опухшего от гнуса высокого самохода. – Пошто, как волк, на цепи сидел?

Беглый вытянул длинную, искусанную мокрецом шею, натужно сглотнул слюну, оглядел настороженную, недоверчивую толпу. Евринцы окружили самоходов молчаливой изгородью, дымили трубками. Русские мужики приходили в Евру каждое лето, но ватажкой, плотной кучкой, облавливали дальние озера и, заготовив рыбу, кедровый орех, а кто-то и добыв дегтя, спускались по Конде на широких неводниках, иногда ставя пару. Но эти двое не за рыбой, не за дегтем пришли – просят поселиться... Ушли с каторги, а каторга – о! Из волости начальники приезжали, грозили штаны снять и выпороть того, кто беглым кров дает. Да после того и лица не покажешь... А эти с каторги убегли, помощи просят, но кто знает, что они натворили?

– Пошто, как волк, на цепи сидел? – повторили старейшины.

– За людей! – ответил высокий самоход. – Людям хотел помочь, крестьянам. Без земли их оставили, ясаком задавили... Глаза хотел открыть, а меня в Сибирь. И его, – показал он на своего товарища. – И его за то же...

– За людей... – колыхнулся сход. – Ясаком задавили... Помочь хотели – и за то на цепь?

Долго шумел сход. Между мужчинами налимом скользил круглолицый Кирэн – самый богатый он в Евре – и без умолку сыпал словами:

– Стражники придут, да! Урядник прибежит, да! Пороть станут, да! Они кто нам? Нет, не пускать! Пускай в другую деревню идут.

– Больные, совсем хворые люди попросили помощи, – поднял голос Мирон. – Крова, огня, пищи... Люди Конды и Евры никому не отказывали. Нет у нас такого обычая! Так я сказал.

Селянский сбор после горячих споров позволил самоходам поселиться на самом дальнем краю Евры, выделил им пай в реке, указал место, где построить избу. То была нешироkая поляна, что открывалась ладошкой среди корявого березняка, а рядом раскинулось моховое, пушистое болото. Из болота вытекало два негромких ручейка, но несли они в себе чистую, процеженную через ольху и черемуху воду. Вот там дали беглым место и сказали:

– Появятся стражники – в Евре залают собаки. Тогда идите в лес. Мы вас не знаем. Скажем, живут просто так! Как птички живут.

– Совсем птички! – меленько засмеялся Кирэн, словно дробинками хлыстанул по листве. – Это такая птичка... шею тянет, оглядывается, как лебедь.

– За что же русский русского бьет? – потягивая трубку, спрашивала Апрасинья высокого темноусого самохода.

Тот сухо замерцал темными, ночными глазами и ответил резко, словно ножом протянул по железу:

– Белый царь и русских бьет, и не русских – всех, кто ему опасен, кто наперекор... А я не русский. Поляк! Анджей! – И Апрасинья уловила в его голосе столько тоски, что ей стало не по себе.

Темноусый повертел головой, словно освобождался от ошейника, без улыбки глянул на бегающих по молодой траве ребятишек.

– По-ляк?! – выдохнула Апрасинья. – Онд-же-ей... Ондрэ... Как так, почему ты не русский? Морда у тебя вся русская, – удивлялась Апрасинья. – И волос длинный, как у попа.

– Пся крев! – плюнул Анджей и отвернулся, забормотал быстро, словно шипел. – Иезус Мария... Какой такой поп, я врач... доктор... ну, лекарь, понимаешь...

– Ле-карь? Ага. А сам весь драный, в коросте, совсем сдохнешь... Ну а ты кто? Тоже, поди, не русский? – рассмеялась Апрасинья, разглядывая круглолицего, голубоглазого, чуть конопатого мужика с широченными плечами.

– Га! Га! – оскалил белые крупные зубы коренастый мужик. – Я з Украины... – и чему-то своему засмеялся. – Мыкола я, Мыколка.

– Хохол он, – вставил Анджей и замерцал темными глазами.

– Кто он такой – хо-хол? – пыхнула трубкой Апрасинья. Она обошла вокруг Мыколки и неожиданно для всех ударила того ногою под зад. Мыколка не пошатнулся, лишь оскалился. – Вовсе справный мужик! – решительно заявила Апрасинья. – Зачнешь баб наших портить – убьем. Женись.

– Давай жену! – захохотал Мыколка. – Не пустую давай. Пущай сынов родит! Плотник я и столяр, настрогаю самоедиков.

– Строгай! – позволила Апрасинья.

Не знала Апрасинья, что такое каторга, хотя жила в ней много лет, но то была ее материнская, выбранная ей самой каторга. А что она, каторга, для мужчин? Та каторга, о которой говорили как о великом непрощеном злодействе?

– Ты, Ондрэ, кого же убил? – спросила Апрасинья. – Шамана своего? Или чужого для тебя шамана? Скажи мне, а я отвечу всем женщинам Евры, что есть каторга!

– Га! – хохотнул неунывающий Мыколка.

Ондрэ курил кем-то поданную трубку, кашлял надсадно поломанной грудью и, хрипя, как запаленный конь, ответил:

– Каторга... Она не за убойство лишь. Она, как судьба, каждому за свое. Мне за понимание... – и надсадился, закачался, ломаясь вперед-назад в потоке кашля. – Ты, крупная вогульская женщина, жизнь нюхом чувствуешь?!

– Я, Апрасинья, Журавлиный Крик, чувствую, как пахнет падаль. Потому что я знаю, как цветут травы, – ответила Апрасинья. – Нюхом я чувствую все живое...

– Не нюхом, сердцем я жизнь узнал, – прохрипел Ондрэ. – Вызнал ее шаг за шагом, – и зашептал что-то по-своему, но так шептал, что Апрасинье стало страшно. Так она шептала, когда просила бога небесного и великого бога Шайтана спасти искалеченного сына. – Ты, мать Апрасинья, считаешь, что все живущее должно жить? Лишь потому жить, что движется, ест, пьет и говорит по-человечьи?

– А я – убил! – выкрикнул хохол Мыколка. – Пана своего убил. Дядьку вот его, – и через плечо пальцем показал на поляка.

– И вы вместе?! – поразилась Апрасинья. – И на вас не обрушилось небо?! Он же бросил в Царство Тьмы родимую кровь твою? Он другого племени и должен отдать свою кровь за пролитую.

– Там, – махнул на запад Анджей, – там все другое... Жизнь там вывернута наизнанку.

– А здеся мы побратимы! – засмеялся Мыколка. Он уже оттаял, успокоился, понял, что далеко ушел от цепей и кандалов. Не может ведь погоня добраться туда, куда сломя голову бежит, спасаясь, человек. Вот наберется он сил и уйдет. Уйдет в свои просторные степи, где полный ветер волнует ковыль на древних курганах.

– Давай мне бабу, – захохотал Мыколка и потянул к Апрасинье короткопалые сильные руки.

Дали Мыколке евринские мужики взаймы до лучшей поры три топора, дали два стареньких ножа, железную лопату и обломок русской косы. Запалил Мыколка костры на деляне своей и с Анджеем направил топоры, из косы сотворил строгальницу, из ножей долото и стамеску, а из лопаты – во все глаза смотрели манси – сработал лезвие для рубанка. Целыми днями крутился на деляне Мыколка, а покашливающий поляк таскал из леса охапки мягкого волокнистого мха. Из березы наделал Мыколка деревянных ложек, из кедра нарезал глубоких мисок, Анджей сходил к князьцу в Сатыгу и притащил две ручные пилы, какие-то скобы и разные краски. Евринские мужики одним махом свалили три десятка лиственниц, и Мыколка принялся рубить русскую избу.

...А в другую весеннюю раннюю пору, когда затухали пожары таежных токовищ и в логовах затеплилось потомство, на черной смоляной лодке поднялся в Евру непонятный, пугающий мужик. Страшенного, дивного роста, костистый и длиннорукий, в черных нечесаных волосах и спутанной бороде. На дне лодки, на тугих мешках и дерюгах, вытянувшись, сложив руки на груди, вверх лицом лежал легкий и светлый, как паутинка, старикашка с крупным носом и пронзительными глазами. Наверное, они прошли бы мимо Евры, если бы не натолкнулись на сваи и мостки прошлогоднего запора.

– Стой! – повелел старик. – Причаливай, Васек! Васек гребанул громадным, как осетровый хвост, веслом, и лодка наполовину выбросилась на берег. Мужик поднял и бережно вынес старика на лужок, бросил на мелкую траву овчину и осторожно положил его.

– Укачала меня речонка, – слабым голосом протянул старик. – Раздуй огонь, Васек, чаю согрей!

Васек быстро набрал плавника, высек искру и повесил над огнем закопченный чайник, будто вовсе не глядя на берег, куда собралась половина Евры.

– Что за народы там шумят? – не поворачивая головы, спросил старик.

– Вогулы, тятенька! – пробасил Васек. – Любопытствуют.

– Не татаре? – усомнился старик. – И русским духом не пахнет.

– Нет, тятенька. Дух от них вогульский, – ответил сын, вытащил из лодки два куля с зерном и усадил отца. – Пряник размочить, тятенька?

Старик похлебывал из глиняной кружки горячий чай, разглядывал евринцев.

– Бабы у них табак трубкой курят, – сообщил старик, – значит, купец сюды ходит. Гончарную поделку купец сюды не потащит, а кузне твоей, поди, навредил.

– Ништо, – махнул ручищей Васек. – Для кузнеца завсегда есть работа.

– Веди меня в поселенье, – тоненько крикнул старик, и Васек поднял его на крутой берег.

И евринцы увидели, как старичок спрыгнул на землю и, мелко перебирая ногами, побежал по Евре, а за ним валко вышагивал Васек. Они обошли селение, сопровождаемые толпой ребятишек; старик удовлетворенно крякнул, когда на берегу протоки, у кромки ельника, заметил глинистый обрыв. Ощупью, осторожно он потер глину, поплевал, снова потер, скатал ее в шарик и принялся вытягивать.

– Ну, как, тятенька? – Васек поднялся на взгорок и увидел бесчисленные блюдца озер, разделенные не высокими гривами.

– Остаемся! – порешил старик. – Идем к старшому.

– Понимаете по-русски? – обратился он к старейшинам. – Ага. По ремеслу я скудельник, Филей прозываюсь, а сынок... поклонись, Васенька... а сынок кузнец – ножи, топоры, подковы. И бондарь он! – Старик поднял вверх палец. – Понимаешь?

– Понимаем, – ответили старейшины, – ножи, топоры, подковы понимаем. А тебя – нет!

– Меня? – завопил Филя. – Меня, скудельника, гончара, ты не понимаешь? Покажь, Васек! – И Васек из мешка вынул отменную глиняную посуду.

– Живите! – решили старейшины. – Глядеть будем.

На селянский сбор женщин никогда не пускали. Решение схода старейшины самолично передавали Матери Матерей, а Апрасинья, перебрав их по косточкам, дотошно проникнув в их подноготную, уже передавала женщинам, если те решения касались нового или старого запрета. Но и без старейшин Апрасинья знала все и еще чуть побольше о том, что говорилось и решалось на сходах, ибо там обычно верховодил Мирон.

А Мирон ничего не мог таить от Апрасиньи. Мирон понимал, что любой закон, любое решение, которое принимает сход, как-то неуловимо, но всегда бьет по женщине. Грузнеет ясак – женщина спит меньше, дорожает шкурка – женщина спит меньше, дорожают порох и капканы – женщина спит меньше.

«Наверное, настанет время, – размышляет Мирон, – когда она заснет и долго не примет мужчину. А мужчина станет ходить собакой от Юрты к юрте. Будет он искать женщину, что высыпается на лебяжьей постели, как жена князька Сатыги. Ведь она даже, говорят, денежку дает, кто ее в лес за кусты утащит».

А Мать Матерей, огрузневшая от силы Апрасинья, женила Мыколку на мансийке Сафроновой, на молодой вдове, что три зимы назад потеряла своего охотника в урмане.

– Не за-ради тебя, – сказала Мать Матерей. – За-ради ее. – Пущай родит светловолосых сынов, но пай им Евра даст. Помни!

– Га! – осклабился Мыколка. – Она родит, ежели ты коня мне дашь. Землю мне пахать да ржи с овсами сеять.

– Мирон, – осторожно прикоснулась Журавлиный Крик к плечу мужа, – он научит евринцев рубить крепкие русские избы.

Апрасинья дала Сафроновой своего старого доброго еще коня.

Старый Филя-скудельник с сыном Васькой Чернотой на берегу протоки поставили кузню. Поляк Анджей – Ондрэ Хотанг (лебедем его прозвали за то, что часто оглядывался, будто все ему погоня чудилась), поставил избу у неглубокого, но быстрого ручья, что впадает в круглое, как блюдо, озеро. Хворый был Ондрэ Хотанг, кашлял надсадно, видели евринцы: никогда уж не уйти ему в свою землю. На кусках

бересты, на гладко оструганных дощечках красками, что научила добывать Апрасинья, рисовал он глухой и задумчивый лес, полный тайны и неразгаданной силы. Но лес тот – Мирон подолгу смотрел в раскрашенную бересту – мертвяще цепенел и наполнялся лютой злобой, холодом и недоступностью. Ондрэ накладывал на доску краски, и между медовых стволов сосен появлялись оскаленные морды, мохнатые хари с вывернутыми губами, а Хотанг все пришептывал: «Пся крев... Царь-освободитель... Дал ты волю... а землю дал?» И опять в лесу на кривых заросших тропах, что сторожат мухоморы, возникали крючконосые твари с перепончатыми крылами.

– Тьфу! Ы-ы-у-у.. Елноер, – ругался Мирон. – Это не наш лес. Это душа чужого леса.

СВЯЩЕННОЕ МЕСТО ЛЕТНЕГО ЗАПОРА

1

День ото дня солнце теплело, желтело, округлялось, как яйцо, поднимало над собою небо. И небо уходило вверх, все выше и выше, распахивалось и становилось прозрачным – исходило оно светом. То был свет солнца, и луны, и невидимых уже звезд, и угасшего, истонченного снега, и ломкой ледяной корочки. То было пробуждение света, рождение его из тьмы, такое ожидаемое, как рождение ребенка, и всегда такое неожиданное, и казалось, что вот-вот ударит громовой раскат и захлестнет все великий разлив и плеск света. Солнце поднималось все выше, удлиняя фиолетовые тени, и торопило бег разбуженного сока, и сок вскипал, гудел в березах и рвался в затихшие, притаившиеся комочки почек, и те грузнели, набухали как-то добро и бесстрашно. По вечерам в сиреневых волнах заката хлестко плескал упругий ветер, но к рассветам он стихал, и солнце покойно выкатывалось на подернутую ожиданием волнистую равнину. На земляных крышах, около пней и валежин пробивались травинки, тоненько, как муравьиные усики. Окуталась в зеленую дымку лиственница – каждая веточка выпустила из себя мелкие, как пух, легонькие хвоинки. По вечерам, когда на миг замирал южный ветер, уже улавливалось тонкое, чуть пришепетывающее дыхание озеленевших почек, шепот ветвей и вздохи пробуждающегося леса. И вот уже река принялась оживать, лопнул лед, и тоненькие позвенькивающие ручейки наполняли собой вымороженную пустоту русла, и то день ото дня, час от часу все приподнимало и приподнимало над собой холодную тяжесть льдин, подняло и раскололо. Льдина полезла на льдину, шурша и тупо ударяя, выныривали из тяжелых густых волн глыбы льда и, высветив синевой скола, погружались в стремительные струи. Ожила река и распахнулась.

– Пора! – решили мужчины, вслушиваясь в гудящую реку. – Пора готовиться к запору!

Ушла долгая угарная зима. Отшумели метели, пурги... Пора, пора перегораживать реку, пора готовиться к летней ловле рыбы.

Кончилась долгая дымная зима – тэли, нахлынула на землю туи – весна, наступил месяц июнь – Яйт Тустнэ Ёнкып – месяц летнего запора. О, какая это пора! О, какой это долгожданный праздник, какое это священное, великое время – время рождения летнего запора!

Река Евра, опрокинув льдины в Конду, бросилась на берега, хлынула на тальники и займища. Играла она долго, плескалась и пенилась, передвигала мели и гудела на быстрине и словно проскальзывала в солнечное кольцо, обручаясь с берегами. Медленно она успокаивалась и вот вошла в берега – в темно-зеленое, сочное, живое обрамление, устало выгибаясь волной и дремотно прикасаясь к уснувшим прибрежным косам и галечному бичевнику, и уже покойно выблескивала, туго проносясь мимо кедрачей и приподнятых на мысах березняков. Выше Евры река круто изгибалась в упругую дугу, она словно переламывала себя. Стремнина ее погружалась в омут, уходила в глубину с гулом, шумно, тяжело плескала она волной, и вода, пенистая, скрученная в сотни струй, ходила в водоверти непокойными кругами. Путались те струи, как кудель, закручивались в глубокие воронки и набегали на низкий левый берег. Но не слабела река – волна напирала на волну и, уже усиленная, тугая, устремлялась к правому берегу. А тот поднимался над рекой в двадцать сажен, желтый, из отмытого крупнозернистого песка, простроченного сверкающими чешуйками слюды, – теплый, чистый берег. Река с разгону тупо и слепо ударяла в неподатливую крутизну и распадалась, расслаивалась и выметывалась крутыми, злыми брызгами и струями. А берег стоял неподвижно, незыблемо, вглядываясь в реку сотнями нор, где гнездились легкие серпокрылые береговушки. Не сокрушив берега, река стремительно отворачивала и, потемневшая, напряженная до предела, разрывая и раздвигая лес, уходила в кондинскую тайгу, нанизывала на холодный свой стер-

жень озера и протоки, образуя Сатыгинский и Леушинский туманы. Вот здесь-то, у поворота реки, под крутой стеной правого берега, из века в век ставили летний запор, перегораживая и укрощая Евру.

Селянский сход обозначил время и назвал главным Мирона Картина, а в помощь поставил несколько стариков – Портю, Апоньку да Ситка. Огромную заботу взвалил сход на широкие плечи Мирона. Это настоящая мужская работа, она истинна и велика, потому что от нее зависит жизнь всего селения – будет ли она сытой и теплой или остервенело голодной, тяжкой.

Одних мужчин, крепких, тяжелых, сильных, и мальчиков-подростков, но еще не юношей Мирон отвел вверх по реке, гораздо выше места запора, на высокий обрывистый берег, который из года в год потихоньку сползал, был зыбким, как прокисшая сметана в деревянной миске. Из-под берега вырывались чистые родники, расшевеливая прозрачные, окатанные, как бусинки, песчинки. Влажный, отяжелевший песок здесь сочился, будто перезревшая морошка, и опадал, морщился, отслаивался отмороженной кожей. Подземные воды изнутри подтачивали берег, речные струи подгрызали скользящей волной по песчинке, и берег позапрошлый год рухнул, как пьяный. Сползая в реку, ощетиненный кустами, он потащил за собою гладкоствольный вековой сосняк. И берег ощерился, как старая челюсть, – стволины шатались, другие наклонялись под тяжестью кроны и обнажили тугие витые корни.

Из стволов мужчины вырубали гладкие прямые сваи в пять-шесть сажен длиною. Зазвенели топоры, вгрызаясь в теплую податливую мякоть сосны, зазвякали топоры, срезая осмоленную твердь сучка. Разделили мужчины сосновые стволины, ошкурили, заострили концы. А подростки подняли шум и гам, когда принялись выдирать корни из рыхлой, уже оттаявшей земли. Готовые сваи относили к месту запора, здесь уже полыхал костер под огромным котлом – колташихой. В кипящую воду мальчики бросали сосновые корни – их нужно размочить, выварить, расщепить надвое и хорошенько помять колотушками, – мятые сосновые корни пойдут на вязку.

Несколько мужчин острыми, как бритва, топорами из сухих лиственничных жердей кололи жалье – узкую длинную дранку. Легкими, едва уловимыми прикосновениями топора мужчины снимали зазубрины и заусеницы, спускали желтоватую стружку, и жалина гладко отсвечивала. Пятисаженную дранку переплетали, туго стягивали мятыми, упругими корнями в отдельные звенья. Переплетенные жалины, легкие, прочные и упругие, станут стеной летнего запора, но часть более узких звеньев пойдет на садки, куда будут отсаживать из морд-кямок – живую рыбу, и будет она храниться там живьем до зимы.

– Все ли готово? – спрашивает Мирон, а старики – Портя, Апонька и Ситка – вновь и вновь, который уже раз, осмотрели готовые сваи и звенья стены, осмотрели инструмент – тяжелые из лиственницы колотушки, деревянные молоты на длинной рукояти и крепкие дубины с узловатой, свилеватой макушкой. Осмотрели старики изготовленные жалины и груды мятых корней, осмотрели и просмоленные лодки и весла.

– Готово! – ответили старики. – Можно начинать.

Встали мужчины рядом, оправили одежды, сдвинулись плечо к плечу и, глядя в искрящуюся реку, молча, чуть шевеля губами, принесли моление земному богу Шайтану.

– О, Сим Пупий! Услышь нас, Милый Шайтан! Обрати к нам, честным людям, земное свое всемогущество! Ты можешь все, Милый Шайтан. Помоги нам поднять летний запор, помоги укротить реку. Стань нашим кормильцем!

Притихла река, плеснула волной, ласково легла у ног. С далекого озера поднялась большая чайка, пронеслась над рекой, сложив крылья, упала в гудящую струю и выдернула серебристую сорожку.

– Услышал нас Шайтан! Позволил ставить запор! – крикнул Мирон. – Начнем же, люди!

И мужчины, осветленные разумом древние старики в пожелтевших гривах, с длинными трубками, и фартовые, отважные охотники, и молодые, горячие мужики, что отгуляли свадебный пир, и безусые юноши, что копили еще выкуп, – все в нетерпении, в долго сдерживаемом азарте бросились по своим местам, куда их поставили Мирон, Портя, Ситка и Апонька. Одни мужчины перебрались на левый берег, другие остались на правом, третьи взялись за дело с лодок, закрепив их накрепко, вогнав шесты в песчаное дно, – все принялись вбивать пятисаженные сваи.

Две сваи на левом и одна на правом берегу так и вошли в супесь, как в масло. Оно и понятно – трое держат, трое бьют по комлевому концу деревянными молотами.

– И-ех! Иее-ех! У-у-ух! – выдыхают мужские груди.

– Трах, бух-трах! – наотмашь бьют по комлю Тимпей Лозьвин, Мишка Картин и Яшка Кентин.

– Ух-ух-ух! – отдается в воде. – Иах, иах!

Три лодки покачиваются на стремнине, и мужчины, высоко поднимая гладкую остроносую сваю, с силой вгоняют ее в зыбкое галечное дно. На полсажени поднимается бревно над водой – бей. И с двух

лодок, что напротив, на сваю обрушились точные удары – «иах... иаях! ...у-ух!» Трудно, неудобно вгонять бревно с лодки, качает лодку, хотя нет волны, и удар хоть и точен, да жидковат, слаб удар, не размахнешься от души, как на берегу. Но не беда, эти сваи в реке на первый случай, первый стежок. На эти опорные столбы уже начинают укладывать отесанные бревна.

С трудом выгребая против течения, мужчины выбирают место для следующей опоры. Река противится, сносит лодки, раскидывает их, и гребцы, обливаясь потом, хрипло дыша, пытаются поставить их бортом. Вот уже две лодки заякорились, сбросив за борт остроугольный, ребристый камень, и вот к ним багром прицепилась третья лодка, но четвертая сорвалась, и ее понесло. Надавила река, пошатнулся Сандро, что стоял на носу с арканом в руках, взмахнул руками и перевернул лодку с тремя гребцами. Только шапки поплыли по реке. Вынырнул Сандро – глаза вразбег, из ноздрей вода, фыркает, как лось.

– Ты, Сандро, щуку, что ли, рогатую увидел? – смеются мужики на берегу. – Она тебе ничего не откусила маленько, Сандро?

– У-у-ы-ы-у! Асс-тю-ю-х! Ы-ы-у! – дрожит Сандро, размашисто гребет широкими рукавами. Отяжелела, намокла шабурина и тянет ко дну. – Во-о-да бо-оо-ль-но... колотная-я...я.

А июньская вода в Евре студеная, с конца мая забирает она в себя тоненькие, как ниточки, ручейки, что вытягиваются из-под притаившихся снежников, из-под нахмуренных, оплывших моховых кочек. А на дне реки вода и вовсе прорубная, солнце еще не согрело озера, еще не отогрело промерзшие насквозь берега.

– Во-оо-да бо-о-ль-но коло-т-тная, – колотится в ознобе Сандро.

– Беги в юрты... скорей беги, у бабушки Кирьи крепко пыса – брага гуляет, – смеются мужики.

– Крепко пыса гуляет?! – недоверчиво радуется Сандро.

– Гуляет, гуляет. Беги! – И Сандро быстро побежал, оставляя за собой мокрую полосу следа.

Несколько раз опрокидывала река мужчин в ледяную воду и, опрокинув, накрывала с головой, крутила в водоверти, тянула ко дну. Противилась река людям, негодующе вздымалась, словно знала давным-давно, что ее ровное, цельное тело перехватит деревянная опояска и люди вмешаются в просторность ее движения. И река набрасывалась на людей, напирала на столбы-опоры, расшатывала их, шершавым языком выскребывала крупную гальку.

Проплыл, покачиваясь на волнах, день, но река не осталась безлюдной, уставших мужчин сменили, а те, кто намахался от души колотушкой, заснули у нодьи. Родился второй день, и не уставая стучали топоры в рассветную, разгорающуюся зарю, и тяжело ухали деревянные кувалды – на столбы сверху настилаются бревна.

– Ну вот, скоро лава проляжет через всю речку, – деловито тормошится дед Портя, расставляя людей.

Вот это дело! Вот это красота! Положили лаву! Крепко стоит она – свежеоструженные мостки на опорах, соединила лава берега, приподнялась на локоть над поверхностью воды.

Ни одного мужчины уже не осталось в Евре – все на реке. Прадеды и деды, едва передвигая ноги, выбрасывая вперед коленки, ощупывают посошком тропу.

За них держатся и так же неуверенно, вразвалку ступая, тащатся внучата. Не могут деды выдержать, высидеть в юрте в такой день – да как это без них? Как они там, молодь зеленая, без них обойдутся? Опустела Евра – на запор пришли соседи из Вандырья, пришли и из Сам-Павыла. И Мыколка пришел, и Ондрэ Хотанг, и Васька-кузнец со старым Филей-скудельником тоже постукивают топорами. Русские мужики из Леушей тут оказались, двое-трое княжих людей из Сатыги – всех затянула звонкогорлая, голосистая река, затянула, как праздничная пирушка.

И женщин не осталось в Евре, они уже несколько Дней в лесу. Очищают лес вокруг селения, собирают сушняк, опрокидывают навзничь сухостоины, подбирают сучья в березовой роще, ветки и лапник в сосняке, складывают валежины в кучи – много-много дней будет гореть огонь в шохрупе – коптильне. Сушняк подбирали весной, пока не поднялась густая трава, пока не поднялся и не окреп молодой подрост, – всколыхнется трава и оплетет всю сухару. И день ото дня боры светлели, становились просторными, чистыми, словно подметенными, – так хорошо и глубоко дышать в лесу. Безлошадные уже загодя вязанками носят сушняк и складывают около шохрупов, подбирают весь плавник, что притащила река с верховьев. Ну а те, у кого лошади, – иди вози дальше, не отбирай сушняк у безлошадного.

2

Уже третий день доносятся к женщинам голоса их мужей и старших сыновей, ветер приносит гулкий хохот и крепкую мужскую шутку, не скользкую и кислую, не обидную, а круто просмоленную, соленую шутку, и по-доброму улыбаются женщины – видать, хорошо, ловко идут дела у мужчин, но взглянуть

нельзя. Великий то грех – нельзя женщине приближаться к месту летнего запора. Нельзя даже глядеть на него, на священное это место, нельзя поганить его своим взглядом.

А мужчины, перекинув лаву, не закрепили ее намертво, нет.

– Выгибай ее! – крикнул с берега Мирон. – Еще нужно покруче выгнуть!

И дед Портя забегал по берегу, размахивая потухшей трубкой, заволновался, заторопился, затормошил мужчин.

– Давайте, давай, мужики! Выгибайте лаву по течению! Еще выгибайте!.. Еще вперед три сваи... а потом уже ведите к берегу.

Запор стал выгибаться, как туго натянутый лук, раскинул он крылья, но нужно еще больше выгнуть его, и тогда перед ним, перед стенкой, просторно распахнется плесо – омут с гудящей, как тетива, быстриной. Прямой, как копье, стенке не выстоять, разобьет ее река, потому и выгнулась лава по течению, забили мужчины могучие сваи. Наступает главная работа – ставить стену. Звенья из гладких высушенных жалин – чтобы смоляной дух не пугал, не тревожил рыбу – уже готовые лежат на берегу, переплетенные гибкими сосновыми корнями, с готовыми узлами и петлями.

– Начинай! – раздался крик, и мужчины, стащив одежды, в легких штанах, а кто и в рубахе, а кто и вовсе голяком бросились в студеную реку. Одни вплавь, бултыхаясь и вскрикивая вместе с теми, кто на мостках, крепят верхнюю часть звена к сваям, а другие, взобравшись на жалье, топят звенья, а те вырываются, выскальзывают, вылетают из реки, словно хариус за мухой. Река вскидывает легкую вязку, мужики скатываются с нее легко, как с ледяной горки. Вот одно звено вырвалось из рук, поднялось над рекой и шлепнулось по ту сторону лавы, а вокруг другой вода бурлит и плещется, как у топляка, но на него навалились пятеро, да шестой подплыл, утопили, привязали к сваям аршина на полтора в глубину. Вода давит на звено, но оно уже стоит, уцепилось за дно, не совсем, правда, прочно, но уже не выплеснет, уже не выскочит.

За плавающими, барахтающимися мужчинами посматривают, снисходительно посмеиваясь, догола раздетые, но в накинутых шубах самые важные люди – ныряльщики. Это Мишка Молотков, Картин Мишка, брат Мирона, и Тимпей Лозьвин – плечистые, широкогрудые, сильные и смелые парни. Их давно, еще в малые года, приметили старики – мальчишки ныряли в воде, как гоголи. Отцы одобрительно поощряли их, учили подолгу задерживать дыхание на глубине. Не каждый юноша, даже тот, кого и учили, даже тот, кого и готовили, может стать ныряльщиком – это ведь не игра, не забава, и требует она бесстрашия и смелости, отменного здоровья и силы. Там, на пятисаженной глубине, в стремительной студености течения, открыв глаза, ныряльщики плотно подгоняют стенку, туго-натуго, как только можно, привязывают решетку звена к сваям, затягивают корнями так, чтобы ни одно звено не оторвалось в неожиданный летний паводок. Оторвись хоть одно звено, считай, вся работа пропала – ускользнет вся рыба в прореху, ускользнет, как молния, и эта щель станет бедой, голодом всей деревни. И ныряльщики, сцепив зубы, затягивают намертво низы стенки, укрепляют их тяжелыми, длинными полосами дерновин, прижимая их валунами, что устилают дно реки.

Сейчас они посмеиваются над мужиками, подшучивают, но все стараются побольше сделать сверху, чтобы поменьше осталось там, у холодного ледяного дна.

А Яшка Кентин уже уловил готовность ныряльщиков. Уловил и быстро побежал в Евру. Яшка назначен следить за работой женщин, за тем, как они там крутятся, готовя праздник летнего запора. Он просто раздулся от важности, напустил на себя такую озабоченность, будто он здесь самый-самый главный. Яшка Кентин уже несколько раз туда-сюда бегал к запору, бегом, словно за ним гнались собаки, возвращался в деревушку и, отдышавшись и раскурив трубку, принимался подробно рассказывать женщинам, как поднимается запор.

– Как там Мишка? Как там Сандро? А что сейчас делает Апонька? Аю! Ай-ю! Ай-ю! – теребили женщины Яшку. – Здорово изогнули запор? О! Сим Пупий! Кирэн в воду пал? Ха-ха-хи! Поверху, как цветочек, плавал?! Щох-щох! Кирэн – цветочек? – хихикали женщины, и открылись лица: для них сейчас Яшка ровня. Не строит запор, не занялся мужским делом, а над ними чего глядеть? Знают сами, как собрать стол для пира. Бабушка Кирья каждый год такие столы собирает, такие кушанья готовит, что разговору будет до нового праздника. Заранее готовятся к празднику, берегут вкусные вещи и у купцов, у торговцев загодя покупают белого вина, и хранится оно в надежном, недоступном месте. А вина надо подать мужчинам, что сейчас плещутся в реке, и даже тому дать, кто плавать не может, а по-нарошному прыгнул.

И вот снова ворвался Яшка к женщинам, что хлопотали у котлов, раздул ноздри, принюхался, но не остановился, побежал в юрту, распахнул дверь и с порога закричал:

– Бабушка Кирья! Как тут у тебя гуляет пыса?

– Гуляет она, – недовольно махнула рукой бабушка Кирья. – В силу она вошла и гуляет себе на здоровье.

– Может, посмотрим? – деловито потребовал Яшка. – Как-никак знать надо!

– Чего смотреть? Чего там смотреть? – сердится бабушка Кирья. – Тебя сход постановил над женщинами для порядка глаз держать? Вот и держи! Не мешайся!

– По закону я должен смотреть! – заявил Яшка.

– Ну, ежели по закону – смотри! – не выдержала бабушка Кирья.

Яшка срывал разбухшие, плотные крышки с берестяных ватланов, лагунов и кедровых кадушек, жадно втягивал запахи и сладко причмокивал. В одних посудинах пыса бродила, пузырилась, в других ходила ходуном, тихо вздыхала.

– Не жидко?! – строго спрашивал Яшка.

– Брага ведь, не саламат, – начинает наливаться гневом бабушка Кирья.

– О, вкусно пахнет! – причмокивает Яшка и облизывается. – Однако попробую. Выпью черпак, сам у себя узнаю, согреет ли она ныряльщиков.

– На! – не выдерживает бабушка Кирья и черпает полнехонький ватланчик пенистой браги. – На! И уходи!

– Ладно! За тебя, стало быть, я покоен! – Яшка забирает ватланчик и бежит к Аринэ, та готовит жаркую баню для ныряльщиков.

– Ну, женщина, хватает ли дров? – строго требует Яшка у Аринэ. Та только вышла из черной бани, дым выедает ей глаза, дерет горло, и кашель раздирает грудь. – Навязала веников?

– Да ты уже прибегал два раза, – удивляется женщина.

– Надо! – отвечает Яшка и отхлебывает из ватланчика.

Он, Яшка Кентин, конечно бы, посидел еще около вкусных котлов, у посудин с брагой, конечно бы, он посидел побольше, поболтал бы языком: он любит, когда его слушают. Работать он не мастер, неохота ему работать, но так хочется, чтобы люди его уважали да привечали, и оттого берется он за всяческие общественные дела, пусть пустые, никчемные, но Яшка не из таких, чтобы сделать все сразу же и с толком. Он начинает бродить и шуметь, как брага, плескаться словами, бегать бегом и падать, весь в поту и мыле, и всем рассказывать, какое важное дело он совершает.

– Бегу! – сообщает он кашляющей Аринэ и отходит бочком, потому что с Аринэ не разговоришься. Та взялась за веревку и собралась за дровами.

Когда Яшка прибежал к запору, людской шум на реке приутих. Поставили мужчины стену.

Стоит снова, как все эти сотни лет, перекинулся с берега на берег священный летний запор, круто и мощно выгнулся и укротил реку. Не заковал намертво, а заарканил, стреножил своенравную, часто шалившую Евру, с которой нельзя спускать глаз, – может она взыграть, подняться на дыбы в косматых вихрях волн и раскидать запор. Сейчас она будто утомилась, немного поддалась неукротимому, жаркому напору людей, сдерживаемая стенкой, но, прорываясь через щели жалин, она пенилась и клубилась.

Ныряльщики сбросили с себя шубы, мужчины с лавы спустили на веревках камни и куски дерна. Тимпей Лозьвин, Мишка Картин и Мишка Молотков прыгнули в воду. Тихо стало на мостках, только дети, как воробьи, купались в теплом золотом песке, вызванивая тоненькими голосками.

– Ти-хо! Ти-хо! – цыкнул на них дед Портя.

Ребятишки притихли, уселись на берегу, как бельчата, и уставились в реку.

– Яшка, – шепотом позвал дед Портя, – ты почему принес половину ватланчика? Бегите, мужчины, в деревню, тащите сюда пысу.

Напряженно вглядываются мужчины в реку. Время сгустилось, стало вязким, и слышно каждому, как гулко у него бьется набухшее сердце – бум... бум... бум... Это здесь, под солнышком, под ветром, на тверди, на земле, так набухло сердце, а как у них там, у самого дна. Дед Портя набил трубку, раскурил, не отрываясь от реки. Помнит Портя, как иные ныряльщики и вовсе не возвращались, их потом выбрасывала река, до бесконечности чужих, неузнаваемо страшных. А иные, тоже сильные, тоже избранные – жизнь сама ведь назначает каждого на его ремесло, – выбрасывались из реки, словно из огня, и без крика, распахнув рот, падали грудью на жесткий песок. Не успевали люди поднять их на руки – из горла, из ушей брызгала алая кровь.

Что-то долго нет ныряльщиков. Ни одного... И молчит река, пенится. Пронзительно резко крикнула чайка и выхватила из воды рыбешку. Портя вздрогнул – вот так и гибель вырывает из самой стремнины жизни еще не раскрытую судьбу.

«Нет! Нельзя о том думать! – испугался за свои мысли старый Портя. – Так думать – это только помогать злым силам».

– Люди! – крикнул старый Портя. – Станьте готовы!

Мужчины, переговариваясь шепотом, чтобы не привлечь водяного хозяина, стащили с себя рубашки. В костер подбросили сушняк, жарко полыхнуло пламя. Плесканула вода, и появилась гладкая голова, волосы закрывали глаза.

– Мишка Молотков! – выдохнул берег.

Громко плеснуло вновь, по плечи вырвалось плотное, бугристое тело.

– Ух-ай! Тимпей! – радостным смехом отозвался берег.

Мишка Молотков ухватился за лаву и стал вытягивать себя из воды, но мужчины, подбежав, выдернули его за руку и набросили шубу. Тимпей выскочил на мостки, быстро побежал к костру, и его укутали в тулуп. Яшка Кентин зачерпнул браги и не успел поднести, как рядом с берегом бесшумно, как гагара, выплыл Мишка Картин.

– О! Светлый Ясный День! – заликовали на берегу. – О Милый Шайтан! Юноша поднялся со дна реки, – закричали мальчишки и с разбегу запрыгали через костер, разбрасывая пламя.

– Мишка Картин больше всех ходил по дну! Мишка Картин самый сильный! Мишка!.. Мишка! – металось над берегом, а Мишка Картин, завернутый в шубу, придвинулся к костру, принимая из рук Яшки полный черпак браги...

– Иех! Ай-ю! – причмокивает губами Яшка. – Вам бы, ребята, сейчас огненной воды! Огнем бы она вас охватила!

Мужчины окружили ныряльщиков, похлопывали по плечам, поправляли на них шубы, подбрасывали сушняк в костер, а ныряльщики с наслаждением пили свежий, настоянный на хвое воздух, и глаза их сияли, отражая солнце. Как прекрасен, как распахнут мир, как он волшебно расшит красками, как он солнечно пронизан тончайшими струями звуков!

Старый Портя, всмотревшись в ныряльщиков, не уловил в их голосах, жестах, в движениях лица и губ растерянности, тревоги – и успокоился.

– Ну как, Тимпей? Шибко река тащит?

– Шибко, – засмеялся Тимпей. – Легче пуха лебединого себе показался. Кидает наверх, как искру из костра.

– Искру? – подал голос Мишка Молотков. – Ур-рр-бру... Щох-щох! Какой такой костер, вода вовсе ледяная. Руки стынут, и пальцы, как корни, топырит. Не хотят пальцы узлы затягивать.

– Не хотят пальцы узлы затягивать, – прошептал Яшка и снова зачерпнул бражки. – Выпей, Мишка, глядишь, пальцы запрыгают!

А старый Портя повернулся к Мишке Картину:

– Ты зачем, Мишка, так долго на дне сидел? Я думал, что тебя Виткась поглотил. Много еще работы?

– Совсем ничего осталось, – ответил Мишка Картин. – Еще два раза сходим, и готово!

Мужчины вновь опустили на веревках длинные, плотные, густо перепутанные корнями полосы дерновин, и трое юношей ушли в воду.

И снова притих берег, снова напряглась тревога, замерли дети, распахнув глаза, снова над гудением и плеском реки со свистом пронеслись ласточки. И вдруг в тишине громко застрекотала сорока, уселась на высокой сосне, задергала хвостом и дурашливо заорала. И к сорочиному полоумному крику потянулось жалобное баранье блеяние.

Вынырнул Мишка Молотков, махнул рукой, крикнул:

– Давай дерновину! – И погрузился.

Вынырнул Тимпей Лозьвин, выплюнул изо рта воду, судорожно проглотил воздух:

– Давай дерновину! – И, плеснув, ушел под воду.

– Готовься! – громко крикнул Мирон Картин. Что-то долго не выходит из воды брат его Мишка, не запутался ли он там в узлах и вязках.

Тяжелой рыбиной, изогнувшись, мощно выпрыгнул Мишка. Подгреб к лаве, к ногам Мирона и чуть сдавленным голосом попросил:

– Вот сюда, брат, опусти два тяжелых камня. И вязку мне давай!

Еще и еще погружались юноши и, чуть согревшись у костра, бросались в воду. И вот они ушли в последний раз. Это сегодня в последний... Ныряльщики теперь на все лето будут привязаны к запору; все время, пока стоит запор, будут они рядом, будут проверять, следить, смотреть за каждой щелью и латать

эту щель, чтобы в нее не проскользнула ни одна рыбешка. В разгар лета это не так трудно – спадает вода в реке, прогревается, и в жаркий день ныряй себе сколько хочешь. Ныряльщики да старики, те, кого назначил сход, станут неусыпно день и ночь беречь запор, следить за ходом рыбы и здесь же обучать новых ныряльщиков. О, как они нужны Евре!

Мишка Молотков и Тимпей уже грелись у костра, им услужливо поднесли раскуренные трубки. И вот появился Мишка Картин.

– Все! – крикнул Мишка. – Все-е-е! – закричал Мишка Картин и запрыгал на песке, раскидывая руки, как поднимающийся с плеса орлан-рыболов.

И закричал, завопил, заплескался голосами берег, ожил, разгорелся в смехе, в тоненьких вскриках и посвисте мальчишек, в басистом раскатистом хохоте мужчин. Уткой крякали, гусем гоготали, ревели медведем и трубили лосем, рябком высвистывали и квохтали ко-палухой – во многих голосах ожил и заколыхался берег, крики донеслись в Евру, и бабушка Кирья выпрямилась.

– Женщины! Готовьте стол. Сейчас придут мужчины!

А мужчины хлопали друг друга по плечам, толкались, боролись в обнимку, и, падая, барахтались на теплом песке, и прыгали через костер, и плескали водой, словно только что поднялись с постели, словно не трудились они упорно несколько дней. Теперь осталась самая малость, и это сделают завтра, послезавтра, не торопясь, основательно и надежно опытнейшие рыбаки. В стене запора они поставят прочные, гибкие кямки-морды, на каждый пай по морде. Старейшие уже высчитали, сколько морд придется на пай – ведь чем круче запор, тем больше можно поставить ловушек – восемьдесят, сто или сто пятьдесят. Год от года менялся расчет паев – нарождались мальчики, умирали, погибали мужчины. Но точно никогда нельзя рассчитать: в запоре всегда оставалось больше десятка лишних морд – отсюда рыба пойдет в общий селянский садок.

Уже потом, глубокой осенью, когда рыба уйдет в сон, раскупорят селянский садок и добычу разделят между пайщиками, посчитают, сколько рыбы потянет пай, и разделят. Поэтому, когда будут ставить морды-кямки, из заготовленных лиственничных жалин сплетут плавучие садки, каждому пайщику свой, фамильный, или родовой, садок, если люди жили вместе и не делились на отдельные семьи. Плавучий садок достаточно велик – две-три сажени в длину, сажень-полторы в ширину, а в глубину – сажень, ну а селянский, тот прочный – собирался из крепкого частокола, что вколачивался в дно реки. Придет время, придет август – Кул Вытне Ёнкып, месяц посадки рыбы в садки.

А сейчас только начало июня, только начало Яйт Тустнэ Ёнкып, месяца летнего запора.

О, Милый Шайтан, как ты распахнул перед нами великую глубину жаркого лета, время созревания, время кричащего гнезда, время горячего тела. Мы подняли запор, мы перегородили реку, пошли нам, Великий Торум, и ты, Милый Шайтан, сырка и стерлядь, язя и карася, сорогу и окуня, пошли хоть немного нельмы и муксуна, да и от налима-скользуна и щуки-зверя не откажемся, пусть косяки рыбы после икромета войдут в кямки, пусть сытым станет каждый живущий на твоей реке, наш Милый Шайтан!

3

Низко поклонился Мирон Картин ныряльщикам, низко, с достоинством поклонились смелым юношам дед Портя, дед Ситка и старик Апонька.

Низким поклоном ответили им Тимпей Лозьвин, Мишка Картин да Мишка Молотков.

Яшка Кентин вывел из кустов белого, расчесанного деревянными гребнями, словно принаряженного и умытого, барана и передал короткий поводок Мирону. Баран матерый, с круглой, как у доброго телка, спиной, с широкими, туго закрученными рогами. Выпучив глаза, баран свысока, как бы презрительно оглядел мужчин и в тупой сосредоточенности уставился на разбухшую, отяжелевшую у запора реку.

Мирон полоснул ножом по горлу, и парящая, горячая кровь, клокоча, брызнула в воду, в жертву хозяину реки, водяному. Капнула последняя тяжелая капля. Мирон отхватил клок шерсти и кинул в реку. Он отбросил барана, взял из рук Яшки черпак и несколько раз во все стороны плеснул пенную брагу. Пена от крови, пена от браги смешалась с пеной реки – осталась, пузырясь, на стенках запора.

Мужчины допили остатки браги, бросили в лодку жертвенного барана, в другую усадили закутанных ныряльщиков и быстро сплавили тех к раскаленной бане. Оставшиеся мужчины тщательно загасили костер, очистили берег от стружек и щепок, собрали инструмент и, негромко переговариваясь, отправились домой; только сейчас все почувствовали усталось, сжигающую жажду и острый голод. И в каждом народилось и зажило ощущение исполненного, каждый ощущал себя нужным, надежным человеком, дос-

тойным уважения. Мужчины разошлись по избам, чтобы переодеться в праздничное. Сегодня за столом собирается вся Евра, сегодня Евра принимает гостей-соседей. Любой, кто приходит, кто проезжает через Евру – охотник ли, рыбак, русский ли, татарин ли, остяк ли или ненец-туземец, – любой садись пировать. Сегодня пир в честь Торума, в честь земного бога Шайтана, в честь Хозяина Реки й его Хозяйки!

А женщины сегодня – нарядные, в лучших платьях, в узорчатой обуви, в ярких цветастых платках, незнакомо-знакомые, румяные, быстрые и ловкие. Голоса их звонки и налиты лаской, смехом и добротой, и куда только подевался скрип, вскипающая слеза и нудная тягомотина жалобности – хороши сегодня женщины! Так щедры они – несут из кладовок, погребов и потайных мест всякую вкусную пищу – сушеную, вяленую, копченую, вареную, жареную. А зима была такая голодная, пустым стоял стол, голым. Видать, и Кирэн расщедрился, да и другие зажиточные не поскупились на общее дело! Сегодня стол общий, он раскинулся посреди Евры, он сегодня – Евра! По нему будут судить-рядить о Евре – что было, чего не было, чего лишь дали поглядеть, а что и в горло не попало. Здесь уж не жмись, здесь уж не таись – смотрит на тебя весь мир. Глядит на твою щедрость, на твою широту вся Конда! Всяким манси может быть, но жадным никогда не станет. Манси – гордый человек!

Громко подошли к столу ныряльщики в окружении юношей и молодых мужчин – сверкающие, чистые, словно только что рожденные, неловкие от смущения, от пристальных, украдкой брошенных девичьих взглядов. Громко их встретили евринцы – ждали, не торопились сесть за праздничный стол. А стол поднимался, как лодка, над мягкой зеленой поляной, поднимался под огромными кедрами, отсвечивая свежеструганными досками, тяжело нагруженный пищей, брагой и белым вином, словно обильная, щедрая жертва земным и небесным богам.

Сели мужчины за стол, и тотчас принесли в кипящем котле иссеченного на крупные куски барана и туеса с пенной брагой. От запаха мяса широко раздувались ноздри, рот наполнялся слюной, а у кого-то клацнули зубы. Но никто не прикоснулся к пище – на столе еще не было бараньей головы. Бабушка Кирья вынула голову из котла, осторожно опустила в берестяной чуман и поставила на стол. Совсем рядом на сочащуюся соком березовую доску насыпала она крупные раскаленные угли. Чуть подула в жаркую груду и осторожно положила на груду легкие веточки пихты. Как тонко и остро потянуло запахом хвои, запахом просыпающегося бора! Синеватый дымок приподнялся над угольями, поднялся, невесомо покачиваясь, такой прозрачный, что вмиг исчез – был ли? Поднялся дымок погуще, посинее, колыхнулся голубизной и потянулся к неуклюжему облачку пара, что окутало баранью голову. Нужно еще немного ждать, еще немного... вот... Почти белый и плотный дымок отдала пихта, и он смешался с паром и слился с ним и легонько прикрыл баранью морду, оскаленную в жертвенном крике. Сомкнулись пар и дым, слились стихии, и старая Кирья начала пурлахтых – моление Пупию – Шайтану. Ее лицо, высохшее, как кора, потемневшее от времени, иссеченное заботами, горем и короткой радостью, вдруг ожило. Приподнялись брови и грузные веки, и раскрылись глаза, наполнились, словно протоки, высохшие губы, и мягкий, вялый подбородок отвердел и как бы обозначил все лицо. Оно стало проясняться, проступать, как бы выходить из зарослей морщин, далекое-далекое лицо. Оно ожило, утончилось, оно осветилось такой бесконечной надеждой, такой верой, что стало теплым. Угощала земная женщина Кирья земного бога Шайтана кусочком мяса, рыбьей спинкой, медвежьим салом, просила земная женщина земного бога Шайтана не ломать летнего запора, не раздувать дождями реку Евру до слепого безумия, до бешенства. Подносила земная женщина Кирья земному богу Шайтану полную рюмку белого вина, просила бога, чтобы тот пригнал нагулянную рыбу к запору. Просила женщина бога, чтобы тот не забывал людей, хоть немножко смотрел в их жизнь, а люди всегда носят бога в душе. Долго кланялась Кирья. И вот погасли угли, исчез смолистый дымок. Кирья взяла чуман с бараньей головой и поставила посреди стола.

– Сим Пупий принял жертву! – тихо сказал Мирон.

Мужчины выдернули из ножен острые ножи, каждый отрезал себе от головы по маленькому кусочку и запил брагой.

Начался праздничный пир. Пир мужчин. Женщины и дети собрались на своей поляне, за своим столом. У женщин своя пища и то, что останется от мужчин, и не должны они слышать то, о чем сейчас говорят мужчины. А те приняли белого вина, выпили сладкой царской водки, и тепло им стало, совсем горячо, и громкий смех раздался, и голоса стали звонче, и речи потекли свободнее, речи о Евре-реке, и о Кондё-реке, и других реках, и о великой реке Ас. О сегодняшнем заговорили запоре, о том, как тонул Николка, как за волосы его тащил Тимпей, говорили о Мишке Картине, который дольше всех может сидеть на дне и ныряет совсем как Водяной Хозяин, маленько, правда, похуже, но тот ведь – Хо-зя-ин! И где ты так научился, Мишка? Наверное, это тебя научила Кулнэ – Женщина-Рыба? Никогда ты не видел

ее, Мишка? Тело у неё серебряное, Мишка, литое тело у нее, грудь из пены, мягкая, неземная грудь. Всем хороша Баба-Рыба, только одно плохо, ноги-то срослись, и все, что между ног, потерялось! Как ты думаешь, Мишка-нырок, как ты считаешь, Мишка-гоголь? А Мишка раздувается от гордости – нету такого ныряльщика по всей Конде, нету! Вот брось камень – достану! Вот брось в реку нож – выну! А ежели денежку золотую брошу – вынешь? Нет, бросать не стану – все может щука-зверь проглотить. Нет, нонешний запор не тот, что допрежь ставили. Раньше-то и река вдвое шире была и глубже вдвое, а нынче – чего там – мель! Пущай ныряльщики в межень ее почистят. Чистили реку прошлый год? Чистили. Сколь коряг, сколь пней-выворотней вытащили? Уйму. Но мало все равно выгребли из реки. Так нельзя – манси из века в век чистили реки, освобождая их от коряг, от гнилых стволов и пней, ведь умрет речка, если ей вовремя не помочь. Рыба сдохнет ладно, другая на другой год примет, а речонка издохнет, она уж нет – болотом станет, невозвратно уйдет. Вот, Мирон, ты много по лесу рыскаешь, много ты светлых, как слезина, речек встретил? Мало уже встретил? Нихья – Черемуховая речка – сле-а? Слеза. А Журавлиное плесо? Муть. Во-от... священное плесо зарастает. А Халин-воль, Березовое плесо? Кто его должен чистить? Его ты, ты, Яшка Кентин, должен чистить, Халин-воль, а ты только по деревне бегаешь, собакам спать не даешь! И бабы наши, женщины, совсем толстые стали, ленивые, совсем на ходу спят, перестали боры чистить. Раньше-то, раньше, когда мужчина крепко в руках женщину держал, то она столько леса валежника носила, ой-ее, осветляла боры-бело-лошники, и ягода на мхах, как бусы на груди, лежала, одна к одной. А теперь... теперь какая ягода? Мелкая, кислая ягода.

Так было всегда – старики вспоминали прошлое, они возвращались в него, и оно, где-то полустертое, где-то выжженное и отпечатанное тамгой, наплывало на них таким неповторимо-прекрасным.

А молодым мужчинам и юношам уже не терпелось покинуть стол – их тянуло на широкую поляну под кедрами, где евринцы собирались на игрища. И они потихоньку уходили с пира, чтобы потом незаметно вернуться. На поляне юноши гоняли мяч из лиственничной губы, пускали стрелы из тугих луков, а девушки из-за кустов поглядывали – ведь сегодня были мужские игры. Мужчины, юноши и подростки расставили мишени, на высоких пнях поставили чучела уток, и силуэты зверей, и берестяные маски злых духов. На высоких жердях поднималось чучело Ялвала Ходячего с вороньим гнездом вместо головы, злобно ощерилась берестяная маска Комполэна – Болотного Духа, распахнул широкую пасть Виткась – Пожиратель Берегов, Виткась – Обжора, клочками пакли, истерзанной куделью свисал с ветки Вор-Кум, лесной оборотень. С пятнадцати, двадцати и тридцати саженей пускали стрелы мужчины, с двадцати саженей бросали в цель тяжелое копье и боевой топорик. Тупые стрелы с крупным, увесистым наконечником громко ударяли в бересту, оставляя вмятину. Подошли к поляне старики, за ними спотыкались правнуки, волоком тащили дедовские луки. Мишка Молотков натянул лук так, что лопнула тетива, взял другой, и тот лопнул.

– Сила в тебе звериная! – сказали старики. – Брось лук, ты лучше копье кинь.

Кинул Мишка Молотков копье. Далеко улетело, дальше всех, но не попало в натянутую лосиную шкуру.

– Хи-хи-хи! – брызнул из кустов девичий смех.

– Глаза у тебя нет! – осудили старики.

– И не надо! – ответил Молотков. – Я в кузне у Васька работаю. Меня русский кузнец хвалит.

– Дай-ка я! – подскочил Мишка Картин. Он сегодня победитель, он сегодня купается в почете, раздувается, как турухтан на токовище. – Вот, гляди! – И копье вонзилось в стволину, не задев лосиной головы. Только третье копье Мишки ударило в лосиный череп.

– Хи-хи-хи! – качнулись от девичьего смеха кусты. – Пока ты, Мишка, зверя заколешь, он убежит насовсем.

Стреляли из лука юноши – старики взревели от досады, кидали юноши копье – задрожали от гнева старики, боевой топор кидали – ужас охватил стариков.

– Ы-ы-у-ы! Елноер! – ругались старики. – Ты, Мирон Картин, возьмись-ка за парней. Совсем испортились, совсем ничего не могут. Ни зверя не добудут, ни селения не оборонят. Вдруг лихие люди нагрянут? Нагрянут лихие люди, а у парней рука дрожит.

– Хи-хи-хи! – задрожали кусты от девичьего смеха.

– Не дрожит рука! – крикнул Тимпей Лозьвин и вышел на поляну. Три-четыре лука осмотрел, три-четыре тетивы натянул, взял в руки пятый, тяжелый лук. Туго проныла стрела и впилась в глаз Комполэна, за ней вдогонку вторая, а третья впилась в оперение первой стрелы.

– О! О! – выдохнули кусты.

Резко и мощно метнул копье Тимпей, ударило копье в середину черепа, и тот треснул.

– О! О! Ай-е! О, Сим Пупий! – переплелись девичьи шепотки в ветвях кустов. – О милый юноша Тимпей!

Три тяжелых ножа снял с пояса Тимпей. Как молния пролетел нож, серебряной рыбкой отблеснул другой, черным ястребом промелькнул третий нож. По самую рукоятку засели ножи в чучеле утки.

– Торум вайлын! Видишь, боже небесный, Тимпей – великий охотник! – одобрительно выдохнули старики. – Кинь топор, Тимпей!

На тридцать сажен кинул топор Тимпей. Сверкнул лезвием и наискось срубил сосенку, на которой громоздилась голова Ялвала Ходячего.

– Ты самый сильный, Тимпей! Ты самый желанный! – упруго поднялся звонкий девичий голос.

Старики недовольно оглянулись, а кусты, хлопнув ладошками листьев, плотно сомкнулись. Мягкий топоток раздался, вспорхнули легкокрылые синицы, разбежалась девичья стайка. А Тимпея переполнила горячая радость – он узнал голос Вильян, голос самой дорогой женщины. Он сегодня найдет ее, он отыщет ее на месте девичьих игрищ, уведет сюда, под священный кедр, и скажет о своей любви, о своей тоске и нетерпении. Тимпей сегодня попросит ее себе в жены, он не хочет брать ее силком. Нет, он будет просить ее.

А праздник продолжался. Гуляла по кругу посудина с брагой, и все были веселы и добры. И не опускалась темнота над пиром, над Еврой раскинулась белая ночь.

Но не нашел Тимпей любимую, убежала она с девушками в девичью рощу, где вокруг костров они водили хороводы. Только доносился к Тимпею ее голос, такой дорогой и чистый:

О, Евра, Золотые берега,
Серебристое дно.
Ты мать моя, Евра,
Лодка над тобой – моя сестра.

Голос высоко поднимался, распахивался над Еврой, и у Тимпея дрожало сердце.

Лодка моя, уткой лети,
К красному солнцу
Меня унеси.

Только на третий день, когда затухли праздничные костры, встретил Тимпей свою Вильян.

– Я охотник, Вильян! – сказал Тимпей.

– Знаю.

– На лыжах загоняю лося.

– Знаю, Тимпей.

– Ножом убиваю вуй-аньсих!

– Знаю, Тимпей!

– Я силен и здоров. В моем доме всегда будет мясо.

– Да. Пусть в твоем доме всегда будет мясо!

– В моем доме будет много детей, Вильян!

– Да пусть сохранят их боги, – ответила девушка.

– Стань матерью моих детей! – выдохнул Тимпей. – Стань хозяйкой моего дома!

– Я готова! – ответила Вильян. – Выкупай меня у отца моего. Приноси зимой выкуп.

– А сейчас? Почему не сейчас? – заторопился Тимпей.

– Лето... – тихо засмеялась Вильян. – Лето, Тимпей. Скоро наступит время тяжелой женской работы. Иди к отцу зимой, Тимпей.

– Ладно, – ответил Тимпей. – Зимой я выкуплю тебя, милая девушка!

4

Над песчаными отмелями, над ленивыми речушками, над густыми травами катится июньское солнце.

Мужчины поставили в запоре кямки, разделили на паи, соорудили селянский садок, поставили фамильные плавучие садки. Большая вода сошла, обмелели многие речушки, только около запора река как

бы обрюхатела, огрузнела река в омуте у запора, стала живой, чудовищно плотской от косяков рыбы, что густыми стаями подходили к запору. И этот омут, оживший, переливающийся, струящийся, день ото дня все больше грузнел и грузнел от рыбы, и та, пометавшись, побившись мордами о плетеную стену, выбрасывалась из реки и вдруг находила выход и устремлялась в кямку. Кямки быстро наполнялись живым, чистым серебром, и мужчины, довольные и сытые, вытряхивали рыбу в лодку и сплавляли вниз по реке к своим шохрупам – коптильням.

Как стрела из лука пролетело время июня, и над рекой, над теплыми кедрачами, колыхаясь в горячем мареве, поплыло время Кул Тослэн Ёнкып – время копчения рыбы, месяц июль, месяц изготовления урака. Жарко отсвечивали медно-красные сосны, по теплым стволам сочилась смола, отсвечивая медово и застывая по краям белой ломкой корочкой. Глухие влажные тропы уводили в дремучие урманы, поросли они подорожником, лесные поляны покрылись ягодами, и те уже давно сбросили цвет, пахло земляникой. Сочно похрустывали под босой ногой изрезанные листья одуванчика, и руки от него покрывались горьким, клейким молоком. Весенние ранние ручейки, что выносили из ельника притаившийся снег, утончились до детской ручонки, и не могли уже пробираться среди мхов, и высохли, насорили мелкой галькой, оставив после себя пыльный след. А в тенистых, напоенных влагой низинах кучками, гнездами поднимались сочная кислица, заячья трава, которую русские называли так чудно – «щавель», и эту заячью траву бросали в суп вместе с узкими перьями дикого лука. Древние старухи с утра уводили голопузых ребятишек на берег реки, где колыхался легкий ветерок, отгоняющий гнус, и в плетеные корзинки собирали кислицу – ее мочили на зиму для зеленого супа, собирали дикий лук-гусятник, и целыми днями детишки поедали кислые, сладкие и горькие травы, хрустели корешками, клубеньками, луковочками, и животы у них раздувались, а глазенки посверкивали на обожженных, припеченных солнцем мордочках.

Не уставая льется расплавленный жар солнца, раскаляя прибрежные пески, поджигая порыжевшие иголки. Побурели муравьи, и пожелтели пчелы и бабочки на желтых, медово-золотистых цветах. В ленивой истоме плавно кружили над рекой чайки, не кружили, а плавали, не шевеля крыльями, присаживались на отмели и, раскинув крылья, дремали, раскрывая клювы. Жаркий, знойный, душный месяц июль, месяц птичьих выводков и линьки. Мужчины отдыхают от охоты, лишь юноши промышляют на озерах и протоках, загоняя в ловушки, крапивные сети потерявших перо гусаков и селезней.

Мужчины сонно и сыто дремлют, два раза в день проверяют морды, а женщины уже не разгибают спину целыми сутками. Наступило время дымных шохрупов – коптилен. В полдень, когда солнце угнездится на самой макушке неба, на берегу собираются женщины, поджидая рыбаков. Река лениво наплывает теплой волной на берег, на их босые ноги, и женщины негромко переговариваются, чтобы не вспугнуть рыбу. Они подоткнули за пояс длинные юбки, входят в реку, ополаскивают лица. На берегу они сбросили с плеч берестяные кузова и деревянные совки. И вот сверху, оторвавшись от запора, показались лодки, и, хотя их несет течение, двигаются они медленно – полны лодки рыбы. Женщины и рады рыбе, но у них болит поясница, болят руки. Это пройдет после часа-другого работы.

Приткнулись лодки к берегу, мужчины вышли на берег и не торопясь, поджидая друг друга, поднялись к кедру, расселись в его тени и раскурили трубки. Так они будут сидеть до вечера, пока вновь не сходят на гребях к ловушкам. А женщины подходили к лодкам, деревянными совками нагружали еще живую рыбу в кузова, поднимали на плечи и уносили к шохрупам. У многих коптилен в землю вросли старые лодки или глубокие долбленые колоды, их наполняли свежей речной водой и туда высыпали рыбу. Много раз спускались женщины к лодкам, много раз поднимали тяжелые кузова на крутой берег. Опустели лодки, женщины очистили днища и борта от чешуи, набросали свежей травы и зеленых веток. Только один Тимпей Лозьвин помогал матери и сестрам таскать рыбу, однако не в женском кузовке, а в большой, плетенной из тальника корзине. Отец Тимпея еще не стар, поломал его крепко медведь, ноги не держат, но руками нечеловечески сильный. Ползал он на коленях, с колен вырубал прочные, легкие и стремительные лодки-долбленки.

А женщины, перетаскав рыбу, торопились разделать ее. Разделать как можно скорее: жара – рыба мгновенно вспухает, тухнет, собаки даже не едят. Это же грех страшный – портить такую прекрасную, нежную и сочную рыбу, добытую на священном месте летнего запора, рыбу, посланную богами.

Женщины ближе пододвинули к себе отесанные березовые чурки, бревнышки, прикрыли колени мягкой берестой и взяли в руки нильсапы – костяные ножи для чистки рыбы. У каждой женщины свой нильсап – у кого длинный, с тяжелой ручкой, у кого короткий, с острым лезвием и зазубренный сверху. Из века в век матери передают своим дочерям искусство разделки рыбы; это только на первый взгляд кажется таким простым и легким, но за лето, за время копчения, женщины успевают разделать неподъемные

груды рыбы, груды эти выше, чем большая изба. За лето по нескольку раз слезает кожа с ладоней, и они белеют, как рыбье брюхо, пальцы распухают и не гнутся от уколов рыбьих костей, а у неумеющих, так и не научившихся женщин руки кровоточат и нарывают. Тягучей болью наливается поясница от долгого сидения на корточках, болит усталая спина от живой тяжести рыбы, которую нужно перетаскать из лодки к шохрупам. Но любо-дорого смотреть, как умеет женщина готовить рыбу. Раз! – скупое, неуловимое движение нильсапа, и снята чешуя. Два! – и чешуя, скользя, сползает с другой стороны, и рыбина чиста. Три! – и рыбина вспорота, четыре – кишки вынуты, пять – и готовая, порой еще живая рыба летит в чуман. В другой чуман бросают чешую, а в третий – кишки. Чешую тщательно промоют, высушат, высыплют в посудину, а зимой из нее сварят вкусный студень. Кишками – а их так много – нагрузят колташиху, и пусть они потихоньку булькают на медленном шепчущем огне, из кишок вытопится вкусный жир. А его нужно много готовить на долгую зиму.

Готовую распластанную рыбу нанизывают на сухие таловые, ольховые, березовые жалины и на лиственничные и сосновые, но только не смоляные. Жалины длинные и узкие, как копья, больше метра, такая деревянная спица с ручкой в четверть аршина. Вот эти жалины с нанизанной рыбой и развешиваются в шохрупах, где по вечерам, когда спадает жара, разводится огонь. И за огнем нужно следить, и для каждой рыбы – сырка ли, язя ли, щокура ли, окуня – нужен свой огонь, свой жар и нужен разный дым – белый, густой и плотный, влажный или легкий, невесомый, синевато-водянистый или горячий, чуть красноватый дым. И, развесив рыбу, раскинув костры – дымы, а дымы те бросаются в лицо, в рот, в горло, в глаза, выжимают слезы и кашель, раскинув костры, торопятся женщины в лес, в широкую пойму реки, где заранее приготовили вывороченный березовый пень, и собранную чагу, и березовые, пихтовые корни, и черемуховые кусты, и тальники, что вырвала из берега весенняя вода. И пихтовый, кедровый стланик, можжевельник, и багульник, и сухую ель – все несут женщины в коптильню, оттого у каждой хозяйки свой вкус – свой аромат, свои неповторимые запахи урака, хозяйка старается не только заготовить много урака, но и закоптить его так, чтобы он был вкусен. А каждая семья, любая семья – хоть Лозьвиных, хоть Картиных и Кентиных, не говоря о многолюдных Чейтметовых, – заготовляла урак не пудами, а возами. Понимать надо: сядут за стол пятнадцать душ – стариков, старух, мужчин, ребятишек, – откроют пятнадцать ртов – и каждому на зуб положи. По одной рыбке, по одной урачине положи – полтора десятка, да на ужин положи полтора – это уже вязка. А сколько в зиме дней и какие это дни? Но если бы только для себя готовили урак и рыбий жир, если бы только для себя... Его обменивают на хлеб и на соль, на чай, на табак, на сахар. О, на что только не меняется урак, самая главная добыча, самая главная пища. И эта главная пища, что должна быть целиком отдана детям, старикам и мужьям, начинает растекаться по торговцам, по перекупщикам, лавочникам, по богатым мужикам, растекаться, чтобы вернуться кусками сукна, плитками чая, кусками сахара и пачками пороха, иголками, топорами и ножами. И эти стертые, белые, как береста, руки, опухшие пальцы с сорванными, обломанными ногтями, и красные, изъеденные дымом глаза, и ноющая, неразгибающаяся поясница; все эти сверкающие, шуршащие плавниками тысяче-ротые, тысячепастные, пучеглазые груды рыбы – это уже не только груда пищи, это уже не только дар богов и Хозяина Рек, это воля и характер мужчин, их сила и несгибаемое упорство, это великие слезы женщин, это преждевременная старость, сгорбленная спина, это великая, беспредельная, неодолимая работа во имя рожденных и еще не родившихся детей.

Медленно, в дымах шохрупов, в мелькании нильсапов плывет время урака, входя в зрелый и сочный, ягодно-рассыпчатый ореховый август, месяц Кул Вытнэ Ёнкып, месяц посадки рыбы в садки.

Шохрупы будут дымить до тех пор, пока стоит запор, но женщины по звонкому утреннику уже бегут в светлые боры, чтобы собрать ягоду. О, как расщедрились боги! Боги осыпали сосновые боры, кедрачи и болота сочной ягодой. Кружится у глухаря голова от винного брожения.

ПАГУЛЕВ – «БРАТ ВОГУЛОВ»

1

Кто он был такой, откуда родом, каких кровей – никто из евринцев не знал, не дано было того знать. Пагулев обитал в ста немеренных верстах, в краю пелымских манси, в семи верстах от Пелыма. По всей округе, в селах и городках, поставил Пагулев свои лавки и магазины, склады и амбары, держал своих людей – приказчиков, давал товар торговцам-коробейникам. Сам же торговал широко – закупал оптом, не мелочился, вывозил товары на многолюдные, громкие ярмарки.

Запомнили евринцы первый его наезд. Не ехал Пагулев, а летел над землей, в снежном облаке мчался на тройке вороных, гладких, как глухариное перо, коней. Словно черный огонь, распласталась тройка над сугробами...

Кони, кони вороные, сильные и горячие, свирепые, как соболи, лоснящиеся, черные, как сажа, как осенняя вода в молчаливом таежном омуте. Над расписной, как радуга, дугой коренника бился, захлебывался в разбойничьей удали медногорлый бубенец, и вторили ему колокольчики, что украшали дуги пристяжных. Насторожились евринские собаки, шевельнулись, стриганули чуткими ушами, подняли морды, уловили запахи незнакомые, нездешние, тревожные и всполошились, взбрех-нули, заклубились, кинулись стаей к реке, к повороту дороги.

А за собаками, за изрубцованными, клочкастыми кобелями, за остроухими гибкими сучками, вздрагивающими от азарта, нетерпения и любопытства, косолапя, бочком, неумеючи побрехивая, обнажая редкие зубы, кубарем, через голову, мчались щенки. За щенками из юрт, полуземлянок, приземистых изб высыпали, как конопля, как орешки из кедровой шишки, босоногие, красноносые ребятишки – смуглые, темноглазые. Высыпали, зашмыгали носами, заплескали тоненьким смехом, залепетали березовой листвой, засвистали снегириной стайкой.

Степенно, посасывая трубки, вышли из юрт мужчины-охотники, вышли лунявые старики, заиндевевшие в своей старости.

Разрезают, разваливают Евру черные кони, и отражается тускло низкое солнце от их гладких и мокрых спин.

– Купец пожаловал. Наверное, в Евру пожаловал бога-атый... боль-шо-ой купец. Во-он какие у него кони... кони-звери!

– Тпру! Стой... стой, дьявол! – резко осадил тройку темнобородый, обугленный на морозе литой кучер. – Стой, ми-ла-ая!

Рассыпались в звоне бубенцы-колокольцы, всхрапнули кони, чуть присели задом, зверовато задрав оскаленные морды, и вкопанно застыли у ограды крепкой высокой избы первого евринского богатея Кирэна. Несколько раз встречался Кирэн в Пельше с Пагулевым, и тот заметил ухватистого, расторопного и смекалистого вогула. Пригласил его в свой дом, угостил водочкой, дал немного товару – торгуй. И второй раз дал... и четвертый...

Плотный круглолицый Кирэн, неподпоясанный, в красной распахнутой рубахе, в драных носках, выпрыгнул из избы, скатился по обледенелой тропе и встретил купца у ограды, низко, чуть ли не до земли, кланяясь.

– О! Торум Самт – на глазах у бога, – торопливо проглатывая слова, заговорил Кирэн. – Ай-е! Ай-е, Клистос ты восклес! Сторов!.. Ой, как сто-рово... Пакулев. О Шайтан! Пасе олын сим ком – Здорово живи, милый мужчина! Стра-ствуй, прат! – выкрикнул Кирэн торопливо и страстно.

– Здорово! – пробасил из саней Пагулев. – Здравствуй, брат мой Кирэн!

– Ага-ага! – заликовал Кирэн, гордо оглядываясь на людей, что неторопливо собирались у ограды и заходили во двор. – Ага! Ты старший прат мой – Япум, я – Кирэн, млатсий твой прат! – заулыбался, засветился Кирэн, выдергивая из загородки жердины, открывая широкий въезд во двор. – Вот какой ты празник, Пакулев. Самый лучший, светлый день! Заходи в юрту-том!

Черный, заросший густым волосом, тяжелый, как медведь, кучер Ефим отбросил заснеженный верх санок, откинул медвежью полость и помог выбраться Пагулеву. Кирэн подскочил сбоку, подхватил купца под руку, и тот, грузно ступая, прошелся по двору, разминая затекшие ноги.

– Давай, прат, давай в юрту-том! – обогнув купца с другой стороны, налимом извивался Кирэн. – Мирон, – подскочил Кирэн к своему соседу. – Зови Апрасинью, Матерь нашу, пусть поможет встретить гостя, бо-га-того купца! Моя баба совсем паршивая.

Зашли в просторную избу. За купцом неотступно, как тень, следовал кучер, а за кучером молчаливой толпой – родственники и соседи Кирэна. В праздничной, дорогой шали, посасывая трубку, во двор вошла Апрасинья, а за ней Филя-скудельник. Пригнулся у порога Пагулев – высок он, широк в плечах. Пригнулся и кучер, помог купцу сбросить тяжелый тулуп.

Никто не видывал такого меха, странный, невиданный зверь носил тот мех. Щупали, нюхали охотники, мяли пальцами шерстинки, шептались и пересмеивались.

– Ай-е! Что же это?

– Енот! – захохотал купец и подмигнул Кирэну. – Зверь такой редкостный – енот.

– Е-е-но-от?! – выдохнули пораженные охотники. – Е-ено-от... Шипко мех добрый... Ено-от – пальшой сверь? Как волк он? Как росомаха он? Кровь пьет али терево клотает?

– Енот-то? – рассмеялся Пагулев, разжимая узкие замерзшие губы. – Как собачка он, щенок с виду...

– Сопа-чка? – удивились манси. – Совсем сопачка, а мех такой топрый носит? Ай-е! Шох-щох!

Хотел кучер Ефим шубу с купца снять – тепло в избе, огонь заиграл в чувале, только Пагулев не позволил, отстранил рукой. Остался купец в собольей шубе – нёхысъях, расстегнул у ворота литые серебряные пуговицы с двухголовой птицей. Наверно, глухарь та птица – шея длинная, башка здоровая, только когти злые. Купец в царской шубе прохаживался по избе, поколачивая нога об ногу, обутый в белые поярковые пимы. Пимы изукрашены причудливым узором, где в сплетении фиолетовых струй гребенчатый сине-зеленый дракон на коротких ногах разевал красную свирепую пасть. Собака Кирэна незаметно проскользнула в избу, увидела это чудовище. Обомлела собака, вздыбилась шерсть на загривке, злобно зарычала.

– Зазяб маленько, – потирая крупные, тяжелые ладони, протянул купец. – Ну-ка, подай, хозяин, посудину поболее. Ноги надобно погреть.

– Как ноки? Какие ноки креть, чуман совсем колотный! – недоверчиво поглядел на купца Кирэн. – Сопсем, как снек колотный...

– Тащи! – приказал купец.

Кирэн вышел в сенки, вынес заиндевевший чуман и поставил перед купцом. Кучер Ефим из саней вынул бочонок-лагун, распечатал его и вылил в чуман «царскую воду» – спирт. Не торопясь, молча подошел Ефим к своему хозяину, помог ему сбросить соболью шубу, усадил купца на лавку, присел, бережно стащил с ног пимы. Освободил купцу ноги от меховых носков.

– Из белки носки, – прошептали у двери.

– Да он – что? Разулся, теперь винку пить станет, а? Может, он штаны снимет, может, это обычай такой? Да разве можно столько белого вина... столько водки одному выпить? – шелестели манси у порога. – Тут на всех евринских мужиков хватит, о Великое Небо!

Пагулев слушал и все понимал, о чем завистливо шептали евринские вогулы, покашливая и посапывая трубками. Осторожно, медленно опустил он левую ногу в чуман, потом опустил правую. Долго в загустевшем молчании сидел Пагулев, зорко и остро оглядывая мансийцев-вогулов, а те уже битком забили переднюю избу: пришли посмотреть на важного гостя, богача купца, который словно не замечал их, булькал и плескал ногами в спирте.

Сельян Кентин с удивлением, горячо дыша, зашептал на ухо Мирону:

– Однако богатый. Ай-е! В таком добре ноги моет?! А в чем же он морду моет, Мирон?

Пагулев из кармана меховой телогрейки вынул белоснежный батистовый платок. Крепко, до хруста, обтео им ноги, встряхнул и бросил платок в чуман.

– Ефим, – позвал кучера купец. – Выплесни-ка помои на улицу.

У евринцев от спиртного духа кружилась голова, сжимало горло и рот наполнялся слюною. Ефим, приподняв чуман, пошел к двери, держа посудину в вытянутых руках. Он раздвинул плечом мужчин, саданул ногой по двери и вышел за порог. Тусклое солнце кралось над темным лесом, брусничной алостью подернулись сугробы, высверкивая синевато-колючими снежинками. На ограде снегириной стайкой повисли мальчишки, таращили глазенки и шмыгали мокрыми носами. Оглянулся Ефим, размахнулся было, но тут к крыльцу торопливо подскочил опоздавший Сандро Молотков.

– Хочешь? – властно предложил Ефим. – На, бери давай!

Сандро даже присел, не понял, что сует ему бородатый русский, молча принял в руки чуман. Наклонился Сандро, втянул в себя воздух, шибануло спиртным духом.

– Астюх! Да чтоб меня холодной водой облили! – выдохнул Сандро и побежал домой в свою берестяную юрту, в свой домишко-кялкеле. Скорее!.. Быстрее!.. Скорее, как бы не раздумал потерявший рассудок чернобородый.

Ефим вернулся в избу, когда купец натягивал на покрасневшие ноги беличьи носки и спрашивал Кирэна:

– Ну, как? Много нынче пушнины у ваших охотников?

– Есть маленько... Есть шкурка, прат Пакулев... Соболь есть – нёхыс, колонок, куниса есть... пелка.

– А много ли рыбы добыли?

– О! Рыпка есть маленько. Урак топрый... Есть рыпка, хватит и тебе, прат Пакулев. Урак есть, саложир есть.

– Завтра в полдень али вечером обоз мой из Пелыма подойдет, – сообщил купец, обувая пимы, и поднялся, головой доставая потолок. – Хлеба дам!

– Хлепа даст, – прошептали евринцы.

– Чай, сахар дам!

– Чай-сахар! О, это сторово!

Немало торговцев приезжало в Евру. Но то была купеческая мелкота либо чьи-то приказчики. Появлялся иногда и купец средней руки. Однако такого размашистого, богатого купца видели у себя евринцы впервые. Вот уж купец так купец!

– Соли дам... Порох-дробь. Железный товар есть – ножи, топоры, пилы, котлы медные, капканы. Дружить станем, торговать-менять будем. Не обманете меня? – хрипло засмеялся Пагулев.

– Не, неможно омануть, – заторопились голоса из толпы. – Как так? Мы – чесный люди! Ты хлеп тавай, тапак тавай, совсем мох курим. Сахар маленько тавай репятишкам. Не омманем! Ты маленько белого вина тай!

– Поднеси-ка им по чарке, Ефим, – распорядился купец и вышел в другую, чистую половину избы.

2

А Сандро Молотков по узкой обледенелой тропинке торопился к своей старенькой юрте, вросшей в землю избенке, покрытой берестой и дранкой. Торопился и боялся расплескать дорогое белое вино, драгоценную огненную воду. Вот уж в мыслях не было, не думал не гадал, как в сказке, ни с того ни с сего такой подарок. А огненная вода колышется, живая она, плещется в чу-мане, и в ней, как на волне, тонкий прозрачный платок, как белая бабочка, что замочила крылья и никак не может подняться. Нету у нее сил, легкой бабочки, беспечной и глупой.

Попался на пути сосед, встретился дружок.

– Идем ко мне в гости! – криком кричит Сандро, ликует, словно голыми руками у себя в постели соболя поймал.

– Чего ты в руках так смирно держишь, Сандро? – спрашивают встречные.

– Белое вино смирно в руках держу! Идем в гости!

– Наверное, ты, Сандро, зачерпнул вино в мышином озере. Там вода заморная, горелая. Совсем тухлая.

Шибко по носу бьет, издохнуть можно, – засмеялся сосед.

– Идем-идем! – заторопил Сандро. – Идем, я не жадный!

Зашли дружки в юрту, заглянули в чуман. Верно, полон чуман огненной воды! И белая тряпка поверху распласталась.

– А это-то почему? – спросили дружки, разглядывая платок.

– Так надо! – отрезал Сандро. – Наверно, моей бабе подарок! – Сандро пальцем, как крючком, подцепил платок, выжал его насухо над чуманом, так и эдак посмотрел на него и позвал жену. Аринэ кормила грудью младенца, долгожданного сына.

– Возьми, женщина, платок. Подарок тебе от русского купца.

Аринэ молча глядела на мужа, на дружков, что нетерпеливо ворочались в своих шубах, неловко двигались перед чувалом. Младенец тихо чмокал губами, а женщина ничего не понимала, откуда, зачем этот белый тонкий платок.

Сандро поставил на стол берестяной черпак, треснутые чашки, выщербленную по краю глиняную кружку, налил себе и дружкам огненной воды. И пошел черпак-черпачок вкруговую, как лебедь вокруг лебедицы. Крякали селезнем, шумно, со свистом выдыхали из себя воздух мужчины, сладостно причмокивали. Силком усадили за стол Аринэ, плеснули ей белого вина. Выпила Аринэ, жаром полыхнуло в груди, затуманилось в голове. Ушла она в свой угол к детям, потихоньку принялась покачивать апу – берестяную люльку, в которой спал малыш.

Мужчины стащили с себя шабуры. Глотнули еще огненной воды и запели. Сидят за столом, покачиваются и поют, только не сразу поймешь те песни. Один поет, как он соболя в урмане выслеживает, другой поет, как он глубоко в омут ныряет, точно утка-гоголь, третий поет, как он острогой бьет щуку в озере. Щука не рыба, щука – это зубастый страшный зверь с холодной кровью, которого прокляли духи, прогнали из леса и заставили жить в реке. Конечно, щука не рыба, она зверь. Все знают, что она утят глотает, как сырка, чебака глотает, даже деток своих глотает. Здорово захмелели, бросились обниматься, хвастать друг перед Другом, какой он фартовый охотник, какой он отменный рыбак. На шумную гульбу-застолье стали подходить евринцы. Лозьвины подошли и Кентины, кто-то из качиных подошел, набились

в юрту, как язь в кямку – морду. Кто-то сбегал к Кирэну, за шкурку красной лисы, за соболишку добыл еще белого вина, и вновь вспыхнуло затлевшее было застолье.

Не помнится, да как разберешь, кто из мужчин трубку принялся раскуривать, кто поджег тонкую лучину от жирника, понес через стол да пошатнулся и уронил горящую в чуман. Огненная вода вспыхнула. Как живое задрожало голубое жадное пламя и, дрожа, неслышно заметалось по стенкам чумана, и береста вспучилась, закорчилась судорожно. Чуман вспух, выкинул дно и выплеснул пламя на стол. Со стола по березовым ножкам пламя потекло на пол, в угол, где грудой свалена была одежда, и кинулось на нее. А мужики, обнявшись за плечи, пели и удивленно смотрели, как пляшут, извиваясь, синеватые язычки. Уставились друг на друга, как караси, тыкали пальцем и тоненько смеялись – пламя отбрасывало на смугло-медные лица фиолетовые тени.

Сильно рассердился в ту пору Товт-Торум – Бог Огня. Ворвался Товт-Торум в юрту Сандро, раскинул сотни рук своих, распахнул сотни ненасытных пастей с острыми огненными зубами. И охватил все в избе. Жадный, ненасытный Бог Огня...

Внезапно от толчка проснулась Аринэ, а пламя уже кидалось от стены на потолок, с потолка падало на пол и хищно подбиралось к спящим детям.

Вскричала громко Аринэ:

– Щох-щох! Торум Вайлын! Ты видишь, боже небесный! За что ты покарал мой кров? Зачем ты, Товт-Торум, хочешь поглотить моих детей? Ай-е! Ай-ю! Люди, по-мо-гите! – взывала о помощи Аринэ.

А пьяные мужчины ничего не понимали – разум отступил от них. Махали они, как полоумные, своими шабурами, толкались и шатались, рычали и рыгали. Прыгали они и падали – пытались со стены сбить пламя. А пламя все больше разгоралось и шире распахнулось, охватило уже небогатый скарб и пожитки. Аринэ вытолкнула старших девочек на улицу и швыряла им вслед дымящуюся одежонку, а сама бросилась в угол, схватила берестяную люльку – апу, выскочила из юрты и подвесила апу на старую березу, а у комля на шабурины усадила детей.

Плачут дети на каленом морозе: вырвали их из теплых ладошек сна. Выкатилась из-за черного урмана луна – спелая, ясная, холодная, заискрилась она, и голубоватый свет пролился на чистую нетронутость снегов. Из раскрытой юрты, из черного провала двери, раздались крики и ругань, визг.

Заметалась Аринэ – побежала в юрту. Дым, чад, тошные запахи паленой шерсти, горелой кожи и рыбьих костей. Растерялась Аринэ – то ли скарб спасать, то ли мужчин выталкивать. А те шли на огонь, как на вздыбившегося медведя. Только муж ее Сандро совсем плох. Ровное место его не держит, опрокидывает на спину. Падает Сандро, закидывает ноги за голову.

– Ы-ы, Елноер, – рычат мужчины. – У-у, да чтоб тебя Подземный Царь... – а огонь наотмашь бьет пламенем по лицам, по глазам, яростно хватает за волосы и откидывает, а мужчины визжат и стонут от боли.

– Сандро... Сандро! – умоляет Аринэ, за плечи поднимает тяжелого мужа. – Поднимись, муж мой! Поднимись, вспомни о сыне своем, о дочерях вспомни. Золой станешь, холодным углем, не увидит тебя сын... Вставай!

Встал Сандро. Пошатался, но встал. Поднял его младенец сын. Поддержали невидимые руки дочерен, пусть слабые, но верные. Кое-как вытолкнула Аринэ мужчин, пламя, словно рысь, яркое, пятнистое, прыгнуло им на плечи вдогонку, вырвалось из дверей и охватило крышу, впилось в жердины, ухнуло, зашептало что-то торопливо и невнятно беззубой ужасной пастью и принялось пересчитывать дранки и жевать бересту иод ними.

– Огонь! – крикнул Мирон. – Горит Сандро! Хватайте, мужчины, топоры.

Чернущий, как глухарь, громадный, как лось, Васек-кузнец прыгнул в горящую юрту, вытащил плетеную корзину со скулящими щенками.

– Держи, батяня!

Сбежались евринцы к юрте Сандро, кто что схватил впопыхах – кто туесок, кто широкие камусные лыжи, кто деревянной лопатой принялся забрасывать снегом огонь. Но снег уже умяли, он отвердел, морозцем ночным его заковало, а до проруби далеко, да и крута к ней обледенелая тропа. Пламя под горстями снега шипело, проглатывало эти горсточки, и снег исчезал, поднимаясь светлым парком. А хохол Мыколка, скаля зубы, крушил топором юрту, Васек Чернота под тоненький голосок батяни своего Фили еще несколько раз нырял в пламя, вытаскивал какие-то вещицы. А потом на Ваське задымила рубаха.

И тогда Матерей Мать, Апрасинья, крикнула громко и властно:

– Бог Огня – Товт-Торум – просит материнского молока! Женщины!

Кормящие матери безмолвно опустились на колени, распахнули платья и в поднесенные посудины стали сцеживать молоко.

– Скорее! – кричит Матерей Мать. – Товт-Торум хочет испить материнского молока! Задобрите его жертвой, женщины!

– Йезус Мария! Пречистая дева! Какое дикарство... – бормочет Ондрэ Хотанг, раздирает чистую рубаху и перевязывает обожженную руку плачущей Аринэ.

Наверное, кормящих матерей было мало, а Бог Огня был рассержен, что не принесли вовремя жертву, – не унялся. Съел юрту – глотал кусками черно-красный своей пастью.

– Нехай горить! – кричит Мыколка. – Дерьмо, а не юрта... Труха да гниль... Мы ему, мужики, ежели подмогнете, добрую избу поставим. Нехай горить – уголья для Васька.

Остался Сандро без юрты. Голым остался, как налим. Да и не видел он ничего, прилег на сухой валежине, у изгороди, запахнулся в шабурину и заснул без снов, словно камень.

Аринэ до утра березовой жердью разгребала раскаленные уголья, доставая котел, медную посуду и чайники...

3

Пагулев проснулся, как всегда, рано, только-только прорезалась над рекой заря. На столе пыхтел самовар. Ефим, наклонившись над колташихой, вынимал черпаком куски баранины.

– Стой! – остановил его Кирэн. – Вынимай серсе!

– Да ну тебя, – отмахнулся Ефим. – Да разве станет хозяин мой сердце жевать? – У нас этот бутор – потроха: сердце, легкие, требуха – на стряпню, на пироги идут. Понял? А ты – хозяину...

– Обычай такой, – засуетился Кирэн... – Закон... Серсе, колову баранью, да хоть чью, у нас мужик, охотник, хозяин кусает. Обычай! – вскинул руки Кирэн. – Ба-бе ни-ни, польсой крех! Самый страс-сный крех! Тавай, таси из котла колову!

– Дикари, – пробормотал Пагулев, лежа на постели в другой половине избы. Но видно ему все и слышно через открытую дверь. – Дикари и есть. Отатарились наглухо, головы бараньи. В которого же бога они веруют? Илью-Пророка, Николу-Угодника поминают, Матерь Божию и Шайтана тут же. Шайтан – Сим Пупий – это есть ихний земной бог. Шайтан Пупий, а у татар Шайтан – черт. О господи! А больше все скверным языческим богам своим поклоняются. Тьфу! – Пагулев откинул енотовый тулуп, опустил ноги на ледяной пол, пошарил, нет ли носков или пимов. – А ежели без бога живут, то потерянный, стало быть, народишко. Эх, мелкота человеческая, сколько же ее по земле раскидано!

– Ефим! – громко позвал Пагулев.

– Иду, хозяин! – Ефим занес в комнату согретые у чувала носки и пимы. – Откушать зовут... Образ-то поставить? – усмехнулся в бороду Ефим.

Знал он, что хозяин его будет молиться хоть каменному, хоть деревянному идолу, стволине кедровой или чучелу звериному, ежели из такой мольбы, из идолища можно выжать копейку.

Пагулев остро, по-звериному чуял, что нужно сейчас скупить, что завтра, именно завтра, необходимо продать. Он чуял торговлю, биение ее сердца, держал в памяти все ее крохотные ниточки и узелки, как породистая лайка держит след драгоценного зверька, хотя тот и бежит по деревьям, хоронясь в дуплах. Он успевал скупить у вогулов горы пушнины и выгодно, втридорога, продать толкающимся на ярмарке иноземным купцам. Знал Пагулев спрос, наверное, изучал его, как охотник след в тайге, чутко вслушивался в дыхание торговли и, раскидывая свою сеть, улавливал, как она прогибается, колышется, когда в нее входила крупная рыбина.

В великое говение, перед пасхой, когда православный люд не прикасался к скоромному, не ел молочного и мясного, великим спросом пользовалась рыба. И Пагулев в лавки свои, в лавчонки, на базары забрасывал горы разной рыбы – от стерляди, нельмы и муксуна до слюнявого, колючего, как еж, ершика. В лавки Пагу-лева забегали мещанки и горожанки, кухарки и дородные купчихи, нагружали полные кошелки рыбой, и особенно охочи они до урака, копченной до прозрачности, высушенной до хрупкости рыбы, особо спрашивают урак, что готовился в мансийской деревушке Евре.

– Пагулев все могет!.. – втайне завидуя, отводя глаза, говаривали купцы. – Могет так обмануть, что поначалу думаешь – облагодетельствовал тебя. Так обманывает, будто из беды тебя выручает. Он в великое говенье из ершишкина хвоста золото гонит.

Но Пагулев очень сложный, нераскусимый человек, глубоко он прячет свое ядро-сердцевину. Простым, доступным он только снаружи казался. С мужиками любого достатка запросто мог за один стол

сесть, и вина с ними выпить, и коркой хлеба занюхать, и на охоту на медведя, на рыбалку с ними сходить, у костра всю ночь с мужиками прочухаться. Многое он узнавал у тех костров: у огня люди размякают, раскрываются, голыми руками их бери. Не боялся Пагулев проникать в самые глухие места, отрезанные от мира, бездорожные, узкотроп-ные места, безлюдные, зловещие, где подстерегал лихой человек или просто отчаявшийся беглый, что прятался от людей, властей и закона. Обладал Пагулев силой звериной – и не ведал страха, оттого, может, и не верил он ни в бога, ни в черта, а лишь в себя, в удачу свою. Пять лет назад вытащил Пагулев из ледяного крошева реки вконец обессилевшего Ефима. Бежал Ефим с каторги, уходил в родимую Тамбовщину потаенными тропами, да вот погибал в реке – надломился жидкий лед. Бросился Пагулев в реку – вытащил мужика, отхаживал месяц в зимовье.

– Век тебя не забуду! – поклялся Ефим, поднимаясь со шкур, громадный, костистый, страшной силы человечище. – Служить тебе стану!

– Служи! – позволил Пагулев.

Три года тому отбились Пагулев и Ефим от пятерых лихих людей, крепко покалечили, когда те захотели проверить купеческие карманы. Имя Пагулева обрастало легендами, и купец сам подогревал, а может, и сам распускал о себе слухи. Он наживался открыто, весело и дерзко, и не оттого только, что хотел набивать сундуки, а больше от азарта, главное же – он добивался власти, а власть ему давало золото. И, обирая вогулов и остяков, татар и русских мужиков, он готовился к схваткам с самыми богатыми купцами, с тузами торговыми, готовился биться с ними насмерть.

– Откусай, хозяин! Прат ты мой! – низко поклонился Кирэн.

– Ну, садись, Кирэн, – предложил Пагулев, прихлопнув тяжелой квадратной ладонью по лавке напротив. – Прими чарочку. Вот и хорошо... Садись... Потихоньку, не торопясь сказывай, а я писать буду.

– Писать... ково... кута писать? – заелозил по лавке Кирэн. – Засем писать? Пять зим власть книку писал – ясак тапавили...

– Власти пусть пишут, – отрезал Пагулев. – Им души нужны для закона, для ясака. Мне души не нужны, а дело. Назови мне всех лошадных, безлошадных. Особо безлошадных назови, безоленных. Детей у кого сколько и сколько мальчишек, на девок-то пай не дают?

– Не-ет, на тевку нету пай, – ответил Кирэн. – Тевка – ворона, у ней трукая душа. Мальсишка – музык, ему пай дают...

– Так вот давай и начнем, благословясь, – перекрестился купец. Он достал из дорожного сундучка книгу в толстом переплете, развернул разлинованные страницы. – Грамоту мало-мало знаешь?

– Снаем, снаем, – закивал головой Кирэн и тоненько захихикал. – В Пелыме, в серкви, тве зимы терсали, маленько писать усили. До ста ситать моку!

– Ну, до ста тебе считать не надо, – успокоил Кирэна Пагулев. – В книгу внесем всех евринских мужиков. Сорок дворов в Евре, сорок хозяев. Какой здеся самый большой, крепкий род?

– Польсой рот? – переспросил Кирэн. – Самый польсой рот – Чейтметовых. Хоросый, клепкий хосяин... Сынов девять, – растопырил пальцы Кирэн, – девять душ. Сам – десять, отес Афоний... Отинасать паев... Да у сынов мальсишки...

– Вот Картин Мирон... Пишем, Картин Мирон, сын Максимов, – вслух размышляет Пагулев, тщательно делая запись. – Знавал его отца – твердой веры человек. Только непонятно, кому поклонялся. А сам Мирон – шайтанщик, ну ладно, не буду... Что имеет Мирон? Кто с имя живет – две тетки, одна старуха еще, – кладу в память. Семь, значит, сынов... Ну баба у Мирона – глаза насквозь. Ведьмачка али колдунья. Три коня, говоришь? Ага, четыре. Так, крепкий хозяин. Вон что – Матерей Мать? Ладно, пущай станет Бабкой Бабок, Бабой Ягой, не жалко. Восемь паев, а семья – как у утки, прожорливая семья – ртов много. Сыны, – задумался купец. – Их женить надо, выкуп каждому собирать-готовить. Значит, много будут Картины добывать. Много станут и продавать. Много купит тот, у кого сыны. Понял, Кирэн?

– Понял, понял, – закивал Кирэн, стало помаленьку доходить до него, зачем Пагулев завел такую бумагу.

– Насмерть биться хозяин станет, а пай свой в реке, в запоре никому не отдаст? – неожиданно спросил купец.

– Никому! – твердо ответил Кирэн. – Картин не оттает. Истохнет – не оттает!

– А вон Кентин Ляксей имеет, говоришь, четыре девки, жену да мать-старуху. А пай один на восемь ртов – о-ди-ин!

– Один, – жалостливо выдохнул Кирэн. – Шибко худо зивет, залко. Кокта он еще тевок своих замуз протает...

– Не жалко! – жестко отрезал купец. – Не жалко, а это даже очень хорошо. Забрать у него пай – пущай Ляксей на тебя, на меня робит... Понял, брат мой Кирэн?

– Не понял... Совсем не понял, – испуганно залепетал Кирэн, закрутил круглой головой. – Как так пай отнять? Без пая нет мужика, нет без пая хозяина. Пустой он становится скотина с руками.

– А говоришь, не понял, – громко захохотал Пагулев. – Верно, скотина он с руками. Но руки эти богат ства создают. А кому? Тому, кто работу дает, понял? В чьих руках пай – река, угодья лесные, тот работой и распоряжается. А значит, и жизнью человеческой. Небось непонятно?

– Нет, непонятно, – испуганно залепетал Кирэн. – Как так, прат Пакулев, можно отнять пай в реке? Как? Веть его вытеляет селянский схот. Ведь паем отеляют мужчину. И с пая берут ясак! Как его можно отнять?

– А так – залезет мужик в долги и сам отдаст.

Сидели до полдня – записывали всех: Чейтметовых и Кентиных, Лозьвиных и Молотковых, Картиных записали, Конзыновых и Алгычевых. Записали и вогулов из деревушки Сам-Павыл, что в пяти верстах от Евры, и вогулов из Болотной деревни – Нярпалы. Записали и вогулов из стойбища Вындырья.

– А я думал, вас меньше, – удивился купец. – В ясачной книге вас намного меньше.

– Маленько мозем, – тоненько засмеялся Кирэн. – Какому парню тевкино имя таем... прячем маленько. Залко ясак оттавать...

– За русских начнете выдавать, навовсе спрячетесь, – усмехнулся купец.

Каждого вогула – крепкого или худого хозяина – пересмотрели сверху донизу, ощупали до нитки, оценили и взвесили, выглядели до рубца и заплаты, до последнего капкана и слопца, и Кирэн, раскрыв рот, мотая головой и шумно вздыхая, чуть не взахлеб поражался, с какой тонкостью, с какой ловкостью купец плетет невидимую сеть, беспредельно крепкую сеть, куда в конце концов попадут все евринцы. Да, все! Было ли ему жалко своих родичей? Маленько да, маленько нет. Кирэн не подумал об этом, просто он не помнил сейчас о них. Он заворожен Пагулевым, его умом, размахом, той силой, что исходила от него, и сила та околдовала Кирэна, и он в каком-то глухонемом, языческом ликовании готов был упасть на колени перед купцом, в котором было так много всего – и от земного бога Шайтана, и от небесного бога Торума, от русских, татарских богов и боженят. Кирэна поразило в Пагулеве то, что тот ни в чем не видел греха, не видел запрета.

Пагулев остро и пронзительно вгляделся в Кирэна, словно погрузился, как острога, на донышко его души. Кирэну стало не по себе, между лопаток проскользнула дрожь, а на широком смуглом лице с открытым лбом обильно выступил пот.

– Ты, Кирэн, человек честный! – сказал Пагулев, не затушив горящего взгляда. – Ты неломаный вогул, без червоточины! И вижу я, накопитель ты, шельма и жмот.

– Сесный я... сопсем сесный! – горячо выдохнул Кирэн. – Не порченый. Верно-верно ты говоришь, змот я! И шельма я... – что-то теплое и ласковое, доверительное и поощрительное послышалось Кирэну в этой «шельме», он едва не задохнулся от преданности.

– Ставлю тебя своим доверенным человеком, Кирэн! – сказал купец, сурово нахмурив брови, отсвечивая темными, жесткими глазами. – Мелкого купца я разогнал, пуганул до икоты, ну а если торговец какой придет, лотошник-коробейник, он не помеха. Да и своих стану подсылать. Станешь отпускать евринским селянам товары. – И Пагулев подробно, точно показал, как и что отдавать в задаток. – Давай не скупясь задаток на пушнину. Вот тебе цена, помни. Вот такой тебе товар – за связку белок... А вот что нужно давать за колонка. За красную лису... А вот за черную... За соболя.

«Наверное, ни один старейшина, ни один шайтан-щик не знает столько, сколько Пакулев», – подумал Кирэн.

– Летом пушного промысла нет, одна рыба, – продолжает Пагулев. – Товары давай в задаток, – я сам не могу каждый год бывать в Евре, много у меня Евр.Бери кедровый орех. Рукоделие всяческое бери. Придут за товаром – говори: «Обувь меховая нужна! Одежа меховая нужна». Берестяные чуманы, туеса, пайвы бери – пущай делают, такой товар по городам идет. Но, – купец стукнул кулаком по столу, зазвенела посуда, и Кирэн вытянулся, – главное и первое дело – пуш-ни-на! Давай охотнику капканы, ножи, топоры. Давай железо. Ружья, порох, свинец – сами пусть дробь и пули катают. Давай охотнику задаток, и больше тому давай и маленько цену сбавляй, кто фартовый охотник. Мастеру давай, а лодырь пущай на корне гибнет, гниет. Когда человек щедрый, да если он еще с гонором, то он и тратит широко – во, глядите, у меня много! И не заметит, как растратит и снова к тебе придет. Придет и глубже залезет в долг. Понял?

– Понял, понял, – закивал головой Кирэн. – Ой, как понял, что тальше некута...

Смутное чувство тревоги вошло в Кирэна. Не мог он понять, почему Пагулев не уговаривал, не торговался с ним, а повелевал: «Станешь моим человеком!» И не грозил ведь купец, и не покупал, словно знал, что не украдет Кирэн, не причинит ущерба.

– Да, сесный я... сопсем сесный! – лепетал Кирэн. – Просто сопсем я шельма, верно ты говоришь...

4

Рыба была отменно богата в том году. Прямо на льду Евры в поленницы ее складывали, как складывают дрова. Но в зимних садках еще много рыбы оставалось. Если всю из садков вынуть – лед под ее тяжестью мог бы рухнуть, расколоться.

Не часто река так щедро одаривает людей. Но в тот год рыба на диво была – и сырок шел, и язь крупный да жирный, стерлядь шла, и даже нельма белотелая с муксуном. На свой пай каждому евринцу приходился плавучий садок в две-три сажени длиной, высотой в два аршина да шириной в сажень. А был еще селянский садок, общинный – из частокола, что вбивался крепко-накрепко в галечное дно реки. Когда закрепят, распахнут крылья запора, установят морды и разделят их на паи, всегда останется с десяток, а то и дюжина лишних морд. Вот рыба из них и идет в общинный садок. Позднее, уже осенью, когда окрепнет лед на омуте перед запором, из того садка рыба вылавливается и делится между пайщиками. Но уже сверх пая, уже как божий дар, хочешь – бери, хочешь – соседу отдай, общая казна, общий котел. Рыбы на омуте накопилось столько, что лед не выдержал, прогнулся, треснул в нескольких местах, и рыбу заливало водой. Безлошадные евринцы не могли вывезти ее с реки, потому прямо на льду и сортировали, раскидывали в плотные штабеля – «головку» к «головке», «крупную» к «крупной», затем по сортности шла «средняя», или «мерная», а за средней – «межумок», четверть, мера ее от головы до хвоста. В отдельную кучу отбрасывалась мелочь, шла она на корм собакам и на поедь зверям, на приманку. И чего только не было в той поеди – травянисто-зеленый, по-весеннему яркий ерш, и желтоглазый плотный окунь, и чебачок, и сорога, и мелкая щука-щуругайка, язи и гольяны-вандыши.

Куда девать столько рыбы? Полные амбары накоптили ураку. Натопили наперед рыбьего жира, наготовили рыбьего сала, и навялили, и рыбьей муки напасли, а рыбы все равно тьма, просто жалость берет, как бы не пропала. Селянский сход, не споря, порешил: «Пущай Тятенька Филя и Васек Чернота, плотник Мыколка да Ондрэ Хотанг заберут рыбу из селянского садка, возьмут, сколь надо им».

– Бери, Тятенька Филя! – предложил Мирон.

– Задаром не желаю! – отрезал старик. – Давай я возьму, а посудой с тобой расквитаюсь.

– Не надо посудой, – решила Апрасинья. – Пусть сын твой Васек сына моего Тимпея железу научит.

– А он соображение имеет? – строго спросил Филя и, увидев, что Апрасинья не понимает его, уточнил: – В голове у него варит?

– Ы-ы, Елноер, – выругалась Мать Матерей. – Как так в голове варит? У него она что, колташиха?

Разве можно здесь, – она ткнула пальцем в гладкий выпуклый лоб Фили, – разве можно здесь уху варить?!

Тятенька Филя тоненько смеялся и трясся от кашля, а Васек Чернота держал его за плечи и басил:

– Это, тятенька, хорошо... Подручный нужен мне. А ее мальчонка все вокруг кузни вьется. Берем, тятенька?

Два воза рыбы увез Мыколка, Васек перетаскивал ее в громадной, как лодка, корзине и засолил в трех бочках: в одной – сырок, в другой – язь, в третьей – окунь, щука да налим. Лекарь Ондрэ Хотанг пришел к селянскому садку с мелкой корзиной, и женщины долго смеялись: «Вот это едок! Вот это рыбоед!»

– Ты, Лыкерья, и ты, Кирья, за то, что Ондрэ детей твоих вылечил, наготовьте Хотангу рыбы из моей кучи, – распорядилась Апрасинья. – Распластайте и накоптите.

...Пагулев вышел на лед, поздоровался с евринцами, заглянул в прорубь, осмотрел садки близ запора и долго ходил среди поленниц рыбы, потирая руки. Доволен остался Пагулев – отменная рыба.

От садков, от запора всем стало видно, как снизу по реке в облаке пара, в нетерпеливом пофыркивании и ржании коней поднимается тяжело груженный обоз. Заиндевели лошадиные морды, тонкие желтоватые сосульки свисали из ноздрей, взвизгивал снег под оправленным в железо полозом. Плотные, окутанные брезентом и мешковиной возы туго перетянуты веревками. Добрые кони тянули сани, на которых в овчинных тулупах громоздились возницы. За несколькими санями, сзади, на коротких поводках-

веревках привязаны пестрые коровы – их насчитали дюжину. Коровы шумно и влажно дышали, бока глубоко проваливались – видно, проголодались в пути от Пелыма. Шутка ли, до Евры сотня верст.

– Гляди, безрога, как лосиха! – восторженно вопила ребятня. – Башка безрогая... Баш-ка бе-зро-гая! – кричала хором ребятня, подпрыгивая на берегу. – Башка тво-я безрогая... и титька твоя голая!

На возах как-то обреченно лежали связанные по ногам овцы, поводя равнодушно выпученными радужными глазами.

– Коровы... Коровы кому-то? – обступили Пагулева евринцы.

– Да кому хошь! – засмеялся купец. – Тебе надо? – повернулся он к поникшему вогулу в потрепанной, обгорелой, какой-то изжеванной одежонке. – Тебе надо скотину?

– Да это Сандро Молотков, – шепотом сообщил Кирэн, – он носью корел... Все у него оконь позрал. Он, прат Пакулев, нынсе вовсе колый, как камень на перекате.

– Вот што! – вгляделся в вогула Пакулев. – Ты горел ночью, Сандро?

– Горел... Маленько горел, – горестно закивал Сандро, – огонь все у меня кушал. Только уголек оставил. Ребятишек моих Мать Матерей приютила, а я под березой спал.

– Голый он сейчас, как только родился. Такой вот он сейчас голый, – раздался голос из толпы. – Совсем пузо холодный.

– Горел оттого ли, что пьяным был? – нахмурился Пагулев. – Это грех – водку лизать, как собака! Изнутри сгоришь.

– Был... был... – торопливо ответил Сандро, зашмыгал носом. – Как собака лакал. Как вода пьяным был – мягкий и качался. Ну, как болото, пьяный. У меня рыба много. Дай мне, Пакулев... хлеба, чаю и табаку мне дай.

– Как болото, пьяный? – рассмеялся купец. – Зачем ты, Сандро, водку так любишь? Сладкая?

– Сладкая, ой сладкая... – причмокивал Сандро.

Тусклый свет в его глазах слабо плесканулся. – Ты маленько табаку давай мне. И хлеба давай, – умоляюще просил Сандро.

– Ну, а рыбы у тебя много? – спросил купец, переступая в белых своих пимах.

– Нынче много. Два пая у меня, больше нет, – грустно ответил Сандро. – Может, за лето баба еще одного мальчишку принесет, – с надеждой добавил он.

– Ефим! – позвал купец. – Дай ему чего-нибудь из одежонки. Бабе его да ребятишкам. По-божески, как брату. – И подмигнул Кирэну.

– Пропьет он все, морда квашеная, – заворчал Ефим. – Это же надо, из помоев, обмылков такую гульбу затеял! Тьфу! Туземство дикое!

– Дашь ему, – ласково прищурился купец и громко, чтобы слышали все, добавил: – Как брату дай... Потом, когда я погорю, он мне сторицей воздаст. Возьму твою рыбу. Хлеба дам тебе, табаку, чаю, брат Сандро!

– Допрый какой!.. – зашептали вокруг. – Совсем прат родной!

Вся Евра, от мала до велика, столпилась возле возов. Мужчины бросились распрягать коней. Взмокших лошадей обтирали сеном, ветошью, укрывали попонами, войлоком, снятыми с возов, отводили к амбарам в заветренную сторону. Возчики на затекших, негнущихся ногах потянулись в избу. Кто-то во дворе раскинул костер, у изгороди толпились женщины и дети. Всех охватило радостное возбуждение, нетерпение и любопытство: что там, в тяжелых коробах, в сундуках, ларях, туго набитых мешках? Много, наверное, там всякого разного добра: и головы сахарные, и леденцы – сладкие льдинки, и патока, и сдобные тебе маковые сушки, и, поди, там пряники медовые, печатные – ребятишки сглатывали слюни. А женщины просто сгорали от любопытства, полыхали румянцем из-под распахнутых платков, – много ли соли, много ли сахару привез купец? И муки, и круп разных, чаю и табаку, масла постного? Главное – хлеб, хлебушко – нянь. Те же, кто позажиточнее, покрепче хозяйством, невидимым взглядом как бы открывали сундуки и нетерпеливо выжидали, когда распахнутся короба и явится разноцветье шелков, шелковые шали с длинной бахромой и огромными цветами. Будет ли там сукно – белое и красное, синее и зеленое? И еще ожидали, что будет в сундуках легкое полотно, гладкий атлас, тонкая кожа, шелковые ленты, бусы, иголки, нитки, серьги да бисер.

Мужчины толкались, позвякивали на поясах звериные клыки о рукояти ножей – им так нужны ружья да порох-дробь. И свинцу нужно добыть у купца. У купца они добудут и нож острый, и напильник трехгранный, топор да табак. Может, Пагулев огненной воды маленько даст?

– Дашь маленько вина? – спрашивали евринцы. – Поди, дашь маленько белого вина, царской водки дашь?

– Слушайте меня, мужики! – громко обратился Пагулев к толпе. – Сладили мы с вами торг, столкуемся по-людски и по-божески...

– По-людски и по-божески, – зашелестела толпа и почтительно притихла.

– Помогать станем друг дружке, как братья, – продолжал купец. – Издалека привез я вам хлеб-хлебушек, чай-сахар, порох-дробь, одежу, железо. Всякое баловство ребятишкам привез, купцу трудно, но он об людях думает. Коли завяжем с вами дружбу-торг, завсегда сыты будете. Завсегда вы покойны, одеты и обуты и, как говорится, нос в табаке. Вашинское дело зверя пушного добыть, наше – обихаживать вас, поить и кормить. Ставлю в деревеньке вашинской Евре доверенного своего, вашинского же, евринского человека, честного брата моего – Кирэ-на. Ребята, что подошли с обозом, поставят здесь мой амбар. И станет без меня Кирэн вам отпускать товары на обмен – все, что вам надобно. Не раз и не два, а сколь можно пришлю сюда обозы с товарами. Завтра поутру торг начнем. Несите пушнину, меха разные, шкурье. Рыбу, ягоду, орех кедровый возьму. Ну, а счас угощаю всех!

Купец выставил большой лагун водки да еще поменьше лагун, и вся Евра загудела. Гуляли, пили, орали песни до утра. Охватило всех неудержимое веселье, беспечное, по-детски бесхитростное возбуждение. Закипело веселье. Всем хватило белого вина, всем хватило огненной воды! Ой, какой добрый! Ой, какой щедрый, богатый купец, какой большой, сильный человек Пакулев, он брат наш, наш ведь он брат, Пакулев, Пакуль-купец. Вот на столе вино, огненная вода – пей! Вот на столе хлеб – нянь – кушай! Вот табак душистый, крепкий, сладкий – кури! Голова так сладко кружится, туман-туман, покачивает тебя, как в лодке. И тепло-тепло, словно внутри тебя распахнулись горячие, огненные костры, полыхают раскаленно в тебе, и так хорошо, и становишься ты сильным, становишься ты удачливым-фартовым... И красивый ты, и умный, и есть тебе что поведать-рассказать, слово мудрое старикам сказать. О! Как все кипит, как уха в колташихе... Вон Сандро Молотков – светится весь, как урак копченый, как луна его лицо, будто и позабыл вовсе, что юрта его погорела. Дал ему Пакуль рубахи, какой-то армячишко кинул ему под ноги Ефим, и рад Сандро до смерти, что приоделся в наряды купеческие, и оттого раздувался, выпячивая грудь, поводил бровью, как глухарь на току.

– Я – Пакулев прат! – кричит Сандро, ударяет кулаком в гулкую грудь. – Пакуль тоже прат мой!

Кто-то уже заиграл на «лебеди» – санквалтапе, быстро и уверенно перебирая поющие струны, и ударил в бубен, кто-то затренькал на трехструнной «гагарке»-тыритап; во дворе топтались по-медвежьи и пробегали у пылающего костра, размахивая руками, как речная чайка гибкими крылами. А за околицей, в темноте лесной чащи, голодно горели волчьи глаза и к низкому зимнему небу поднимался волчий вой. Потихоньку, словно крадучись, из-за леса приоткрылось зимнее утро. Гаснут звезды. Из-за урмана выкатилось красное, воспаленное солнце, зябкое, негреющее, поднялось над синеватой поземкой, а та струилась, шурша, между окоченевших заструг, но день все-таки заиграл, заискрился. Весь берег Евры за ночь истоптали зайцы, а вот их тропу пересек горностай, а вот, смотри-ка, совсем близко к деревне подходила волчья стая, грудилась здесь, оставив на обледенелых тальниках голодные клочья шерсти.

5

Собрались евринцы на реке около своих рыбных поленниц. Ждали Пагулева, тихо переговаривались, одобрительно покрякивали. Такой добрый купец, славный человек. Смотри-ка, сам вызвался помочь безлошадным, сам решил вывезти рыбу с реки. Чего ее к амбарам возить, незачем... Очень хорошо!

С крутого берега спускался порожний обоз. Отдохнувшие за ночь кони бодро бежали, пофыркивали. Поскрипывал, повизгивал снег под кованым полозом.

Пагулев вышел на лед, погладил рыже-красную бороду, длинную, мягкую – лисий хвост, весело оглядел толпу, одетую в шабурины, в шубы, что похуже, в растоптанные пимы. Цепко вгляделся купец в одноликость толпы.

– Здорово, мужики! – бодро крикнул Пагулев, и все заулыбались, отодвинулись от своих груд, окружили купца. – Попировали вечор? – ласково спросил Пагулев, и солнце озолотило его пышную бороду. – Начнем торг вести! Давай вот с этой груды и начнем!

Пагулев подошел к своим саням, что подогнал Ефим, принялся шарить в передке.

– Ефим! – позвал он кучера. – Да где же безмен? Весы у Кирэна оставил, а безмен где?

– А я почем знаю, – равнодушно ответил Ефим, толкаясь среди евринцев, разглядывая рыбы. – Ты дома в руках его держал, то помню... Може, по дороге выпал?

– Братцы! – хлопнул себя по лбу купец, и вид его был растерянный и озадаченный. – Братцы, да я, однако, дома, в Пелыме, безмен забыл. От де-ла-а! Весы для товару взял, а безмен забыл!

– Пезмен запыл! – толпа притихла, насторожилась.

– Не думал же я, что рыбы у вас, бедняг, столько, – сокрушенно замотал головой Пагулев. – Что же делать, господи?!

– Пезмен запыл... Весы взял для товару, а пезмен запыл, – заструились шепотки. – Наверное, совсем прать не станет? – заволновалась нетерпеливая, переполненная ожиданием толпа. – Пезмен запыл, у-у-ы... Да чтоп подземный царь тебя проглотил!

– Ну-ну-у, дела! – сокрушается купец. – А рыба-то одна к одной, золото! Знал бы, что столько рыбы... три безмена бы взял. За пушниной ведь только ехал, за шкуркой. Ну, ладно! – махнул рукой Пагулев. – Кручиниться начнешь, сам себя потеряешь. Придется выручать вас от такой беды и скудости...

– Выручай, прат, – сунулся к нему Сандро. – Тумай...

– А вот! – осенило вдруг купца. – О господи, да как я мог забыть, что мерка моя при мне. Дугой вешать будем! – решительно сказал Пагулев.

– Ду-го-ой? – поразилась толпа и качнулась из стороны в сторону. – Как так дугой? Однако и дед мой такого не видел...

– Да просто, – махнул рукой Пагулев. – Ставлю дугу в снег... А ну, выпрягайте! – приказал купец. – Ты... вот ты, Спиря, выпрягай. – Он показал на розвальни с высокой дугой. Спиря быстро, одним движением ослабил чересседельник, дернул за супонь, распахнул хомут и освободил дугу. – Вот так! Гляди, честной народ... Ставлю я эту дугу в снег, – и вся толпа качнулась к нему, качнулась слитно и многотело, – а под нее выкладываю рыбу... Вот так, под самый верьх. Самый раз под самое кольцо. Видел, кучка? А потом сколь вешай, сколь не вешай – пуд ровнехонько... – Ай-е! Щох-щох! – поразились евринцы. – Здорово... здорово ты придумал... Давай под дугу... пуд ровнехонько! – Вот это да! – восхищенно хлопнул себя по коленкам Тятенька Филя. – Вот это работа! И пошло дело. Принялись евринцы рыбу мерзлую под дугу пихать, да плотно, одна к другой. И распрягли еще коней, и уже три дуги в снегу – для головки дуга, для крупной дуга, для средней рыбы тоже дуга.

– Мирон, а Мирон, – вцепился в плечо Картина узкой птичьей лапкой Тятенька Филя. – Ты чего же глядишь на разбой, шаманья душа! Али ты с ним заодно? С этой лахудрой задумал деревню оголить? – пронзительно глянул Филя.

– ...Понял? – хохочет купец, и колышется рыжая борода – лисий хвот. Сверкают крупные белые зубы. – Знай наших! Три безмена надо бы, а счас, смотрите, как быстро да ловко...

– Так он же рыбу у всех покупает! – не понял еще Мирон, хотя в быстроте, решительности и каком-то затаенном, несломимом упорстве Пагулева чуялась ему опасность.

– О, ловко-ловко! – восхитились евринцы, забегали, принялись помогать друг другу. – Смотри, как быстро у нас, брат Пакуль.

– Дурак, – плюнул в сугроб Филя. – Он, Мирон, счас цену свою обозначит. И станет та цена – закон! И станет она петля, и ты суешь туды деревню.

А Пагулев не торопясь ходил от поленницы к поленнице и, записывая, говорил Кирэну, что ни на шаг не отставал от купца, запоминая каждое слово:

– У Молоткова пять пудов головки да пять пудов крупной... семь пудов средней... Так смотри, Кирэн, дальше: Чейтметов – двадцать пудов головки... тридцать пудов крупной. Мирон? – остановился купец. – А где твоя рыба, ты же многопайный?

– Рыбу отвез в Гари. Четыре воза. Торговец всю безменом вешал, – хмуро ответил Мирон. – Худо делаешь, брат Пагулев.

А возчики тем временем обернули сани в бересту, навроде берестяного куля-кошеля, и на одни сани плотно погрузили головку, на другие – только крупную. Не мешали рыбу...

– Я худо делаю? – удивился Пагулев и зорко вгляделся в Мирона. – Да она прокиснет, ваша рыба, рекой унесет. А сколь за пуд тебе товару давали?

– Товар взял какой хотел! – отрезал Мирон. – И денежку.

– Эй, мужики, помогай! – крикнул купец евринцам. – Давай так – взвесил рыбу и сам укладывай в сани. Укладывай плотненько да увязывай. Давай, давай, – торопит купец. – День не ждет. Время денежку гонит, проспал – в разор пошел... Так ты ничего не возьмешь у меня, Мирон? – осторожно, не отпуская с лица улыбки, спросил Пагулев.

– Он не возьмет, так я возьму! – вошла в разговор Апрасинья. – У меня сыны растут, им выкуп собирать надо.

– Во-от! – усмехнулся Пагулев, правильно он рассчитал.

А Кирэн содрогнулся: как далеко в человеческую душу мог смотреть этот рыжебородый. Наверное, он не совсем купец. Наверное, он оборотень. Нет, не надо... совсем не надо стать его доверенным человеком...

– Вот! Во-от! – торжествующе протянул Пагулев. – Мудрая ты женщина, и бог наградил тебя сынами. Чего возьмешь?

– Ружья и охотничий снаряд возьму, – ответила Апрасинья. – Только за деньги.

И торопились евринцы, и радовались возбужденно и счастливо, перекликались под высоким и прозрачным небом, не разгибая спины – вот повезло! – освобождались от богатой рыбы, которую безлошадные так и не могли вывезти с реки. Торопились евринцы и туго, плотно набивали двадцатипудовые пагулевские возы отборнейшей рыбой.

– Давай мне ружья и порох! – густым голосом потребовала Апрасинья. – А тебе дам денежку.

– Ладно! – морозно выдохнул купец. – Тебе дам за-ради уважения, ибо ты есть Матерей Мать.

И каждому отсыпал брат Пакуль муки и круп, соли и сахару, чаю байхового и плиточного дал, табаку вроссыпь и плитку для жвачки, пороху дал, дробь, ружья, топоры, капканы. Много дал купец Пагулев евринцам, обоз много привез добра, – брали те, у кого рыбы было много, брали и те, у кого было поменьше, давал он в долг и на запись, на завтрашнюю реку и только что народившегося соболя в урмане. И вина, и огненной воды тоже дал.

– Помяните меня добром за чарочкой, – попрощался купец. – И помните!

Прав оказался скудельник Филя, через два, через три года евринцы поняли, как крепко и ловко обобрал их в ту зиму купец Пагулев. Вот тогда-то он и назначил цену на рыбу, назначил и определил сам, сколько душа его захотела. И много лет он потихоньку снижал и снижал ту цену, а другой цены евринцы не знали, ибо Пагулев не пускал ни одного торговца в Евру, где добывал ему богатства заплывающий жиром Кирэн.

АПРАСИНЬЯ И ОКОЛЬ

1

Вырастали сыновья, уже промышляли зверя с отцом, заигрывали у высоких костров с девушками, как молодые волчата, таскали их в светлые солнечные березняки, на брусничные поляны и ягельники. Апрасинья угадывала их томление, наступающую зрелость и заранее выглядывала невест из доброго, крепкого рода. А у дочерей круглились груди, соком, горячей кровью наливалось тело, и, оглаживая себя, девки удивленно вздыхали.

Апрасинья потихоньку, исподволь откладывала лучшие шкурки, копила пушнину – калым. Дорого стоит женщина из доброго рода. Дорого за нее платит мужчина, чтобы за тот выкуп-калым взять потом сполна. Конечно, то сама жизнь порешила, что родители стараются продать свою дочь подороже и гордятся, если не продешевили, – это ведь не кобылу с сапом продать или собаку с бельмом. За добрую, здоровую девку и калым добром весит – два-три пуда соболей, белок, или пуд соболей да коня в придачу, или собаку зверовую – соболятницу или медвежатницу. Породистая собака, да с верхним чутьем, дом добром наполняет, и кормит, и поит, и одевает. Недаром же Апрасинья разводит лаек. Сильны ее собаки, а Мирон умеет натаскивать их по зверю – то в стае, то поодиночке. А Мирону, ой, как много сейчас пушнины надо добывать, наверное, несколько возов, наверное, целый амбар, – выросли сыновья, растут наперегонки. В доме появилась одна сноха... другая... третья, уже переженились братья Мирона, рубили свои избы рядом, пристраивали и ставили амбары так, что получилась непрерывная стена, и защищала она дворы от свирепых северо-западных ветров, что срывались с Урала и прокатывались по Конде и Евре. Но загоны для коней и скота оставались общими – не позволил Мирон разлучать скотину: она времени и заботы требует. Круто обращалась со снохами и свояченицами Апрасинья, поднимала их чуть свет, давала пинка засоням, а нерадивым и неторопким, еще сладко причмокивающим в теплой постели, отвешивала оплеухи и затрещины – рука у нее увесистая, жесткая, и дралась она больно, знали об этом не только снохи, но и многие евринские мужики. Белками, взметнув подолы, крутились женщины в доме и во дворе Апрасиньи. Лень-безделье – мать всех пороков-грехов.

Переделав свои домашние дела, Матерей Мать шла по деревне, заходила к молодым женщинам, когда их мужей не было в юрте. Она особенно зорко оглядывала юрту молодых и замечала все: и засаленную

драную постель, и немытую посуду с присохшей чешуйкой и костями, и брошенные в угол обглоданные мослы, и рваные шабурины на деревянном крюке. Ленивых, нерадивых ругала, била по щекам заспанную молодуху, у которой в люльке надрывался изгаженный ребенок. Того она не прощала никому – дите должно жить в чистоте и ласке.

Наступила пора жениться Тимпею – Тимофею, самому любимому, самому красивому и сильному сыну. Выучил его Васек-кузнец укрощать железо, не ломать, а мять, как глину, и творить из железа то острогу, то подкову, отменный нож, хоть капкан на волка или рысь. Он еще не играл с железом, как Васек-кузнец, но уже многое знал.

– Здесь нет для тебя доброй невесты, Тимпей! Жидкие, кислые девки, – сплюнула Апрасинья. – Корявые, как березы на болоте. Пропахли рыбой насквозь, как гагары... – Нет, она, конечно, не думала так, не презирала евринских девок, просто они вырастали на ее глазах, оставались для нее обычными, до конца познанными и оттого серенькими, как рябчики. А ей хотелось освежить кровь своего рода. – Охотник из тайги запах хвои несет, запах костра, а они болотом пахнут. Не песни поют, а стонут. О гагары!

Апрасинья под разными предлогами прошла окрестные стойбища и селения: в одном собирала травы, узнавала рецепты и снадобья, в другом на бересту переносила узоры для украшения одежды. В третьем селении, крохотной деревеньке, она меняла готовое шитье на краску, а та готовилась из корней лиственницы, из сурика или охры, что привозили с Урала, или варилась из расплава болотной руды.

Вглядывалась Апрасинья в нежные девичьи лица, в смеющиеся глаза и пыталась проникнуть в грядущее юной девушки, пыталась угадать, что за мир – сложный или пустой – несет в себе та или иная женщина. Не таится ли в той тайная болезнь? Не разъедает ли ее черная зависть, не гложет ли короед злобы, умна ли она или просто хитра? Там, где хитрость, там и острые зубы и жадные губы, что могут по капельке высосать кровь и выплюнуть пустую шкурку. Не находила Апрасинья ту, что искала, и порой пугалась про себя: может быть, та еще не родилась? А может, она уже погибла? Может, пропадает где-то в юрте у старика или непутевого мужичонки? Наверное, она не найдет, не отыщет такую, чтобы была хоть чем-нибудь похожей на нее, Апрасинью, хоть в чем-нибудь повторила ее. А ведь то могло быть – ведь в женщине время течет медленно, но цельно, как вечный ход солнца и луны, не меняясь и не меняя ее сущности. У женщины и тайны, и загадки свои, и тревоги, и другая, пронзительная тоска. Мужчина учится следить зверя и постигает тайну его повадок. Он смотрит в звезды, в утренний туман, в заходящее или поднимающееся солнце, вслушивается в ветер и угадывает, какой обернется погода на завтра, на два-три дня вперед. А женщина смотрит в небо и думает о земных душах, что поселились на звездах, смотрит в туман, а тот принимает пугающее обличье страшных зверей, смотрит в солнце и видит цветы, ягодники, узоры своей одежды. В небе, в реке, в зелени леса женщина видит свою уходящую или найденную любовь. И дождь ей благо, и река ей благо, ибо там обитает такая, как и она, одинокая речная богиня Кулнэ, что потеряла и никак не встретится со своей сестрой – лесной богиней Ворнэ. Нет, не только для продолжения рода искала женщину Апрасинья. Она искала такую, чтоб смогла озарить, наполнить светом, радостью и неистребимой жаждой жизни ее Тимофея. Не желала она такой женщины, что бессловесна и тупа, как жертвенная овца. Может, она – та, кого она ищет, – ответит на то, чего не знает Апрасинья... И чего никогда не вызнает... Может такое быть?

А Тимофей из-под руки отца поднимался стремительно, сочно и радостно, как трава, оперялся и вставал на крыло. Он криком встречал солнце и неукротимо тянулся к нему, и ростом уже на две головы обогнал отца и многих евринских мужиков, и достигал ростом Лозьвиных, и плечи его раскинулись, как могучие ястребиные крылья. Становился он прочным и гибким, словно корень сосны.

Апрасинья выискивала ему женщину, а Тимофей, сверкая зубами, глазами, кружил девкам головы, и те приседали перед ним робкими куропаточками, и отцы прятали их. Но никто не мешал Тимохе уводить в черемухи молодых вдовушек. Он подкарауливал их в ломких малинниках, и те заливались серебристым смехом, разбегались по звонкому березняку, оставляя то одну, то другую в его жадных, горячих лапах. Женщины приносили ему радость, наполняли на миг нежностью и острым ощущением жизни, но не давали глубины и не вселяли тревоги. Искал себе Тимофей не женщину, искал он себе потеху, наполнял себя легкой радостью. Как шмель садится на цветок, так и он на девку, металось и вспыхивало его тело, а не душа – так поняла Апрасинья.

– Бабы выжгут его насквозь, – сказала она Мирону. – Он не добывает острогой нельму, не сторожит ее, а берет ту, что река ему выбрасывает на берег. Бабы берут его сами, когда захотят, и душа его изорвется в слабости...

– Пускай маленько поиграет, – добродушно отвечал Мирон. – Гон у него начался, как у молодого лося. Давай у Лозьвиных девку возьмем?

– Нет! – отрезала Апрасинья.

– Может, у Кентиных? У них девки пышные, как шаньги.

– Шаньги?! – разъярилась Апрасинья, и ее лицо замерцало, как в молодости, – А какие дети, какие сыны могут быть от такой шаньги?

Апрасинья уж который раз увязывалась с Мироном на ярмарку – путь нелегкий, долгий. Дорога санная разбита, в скользких, развалистых разъездах. И каждый раз, останавливаясь на ночевку в деревеньках и на постоялых дворах, она зорко вглядывалась в молодиц. Незаметно, исподволь она заводила тихие речи с женщинами о ценах на рыбу, муку и чай, да соль, да сукна, потом переходила на пушнину и, вовлекая в разговор, узнавала, сколько стоит девка в этих краях. Здесь, в пелымских землях, за девку платили не столько пушниной, сколько золотом, червонцами, серебряными украшениями, скотом – мелким и крупным, конями, изделием из железа. Не только манси-вогулы, не только соседние, схожие лицом и обычаями ханты-остяки покупали у родителей или меняли на скотину девку; женщину покупали и продавали татары – не от них ли то пошло? – и чуваши, и другие узкоглазые, медно-ликие люди, что называли себя ойротами да казахами.

– Наверное, во всех землях единый закон? – задумалась Апрасинья. – Какой же неискупимой виной женщина провинилась перед великим небом? Какой великий грех сотворила она, что со дня ее рождения на ней несмываемое клеймо? Это какой же должен быть грех, если на скотину, на собаку меняют?

– Эй ты! Ты, вогулка! – приподнял гладкую, бритую голову медноликий татарин, что спал на лавке. – У тебя, баба, видно мужиков полно, что ищешь девку. Купи мою – ой сладка, как мед. Так и липнет. Жаром, как головешка, исходит. Купи мою девку, совсем недорого возьму – три десятка баранов. Да три денежки золотые!

– Мне нужна нашего народа девка! – гордо ответила Апрасинья.

– Моя девка – огонь! – оскалил зубы гололобый татарин. – Кобылица необъезженная. Шибко сладкая. Могу за соболей отдать. Пушнина тоже нужна.

У русских свои законы, но вовсе непонятные. Девок своих за манси не давали, да и не каждому русскому давали, то вера не подходит, то порода, глядишь, не та. Но русские как-то по-другому, иначе продавали девок своих. Родители за невесту приданое давали, доплачивали за нее жениху – жених запрашивал цену. Вроде бы наоборот, а если взглянуть вглубь – та же самая торговля, так же торговался жених, просил дать за невесту побольше – скотом ли, хлебом ли, землей ли или барахлом-тряпками. А родители яро торговались, желали поменьше за девку отдать, оттого примечали и привечали мужика побогаче. Так и ведется в мире – богатый берет богатую, а бедному, голому достается бедная. А бедные семьи завсегда многоротые, многогорлые, многопузые и все съедают, как пожар. Считают, что из бедной девки хозяйка добрая, нерасточительная получается, да неверно то, – или доотвалу нажираться будет за голодные годы, или копить. Но у нее, у Апрасиньи, слава Шайтану да Великому Торуму, есть все, чтобы добыть добрую женщину, пусть она хоть из богатых.

2

Остановилась она как-то с Мироном в Рублево, что между Гарями и Пелымом, ночевали на постоялом дворе. Двором тем владели три сестры, обрусевшие мансийки Бурхановы. Отец у них был полурусский от татарки, а мать – пелымская вогулка, жила при муже, но не женой, а вроде бы рабыней. Купил ее тот в голодный год у кривого вогула за плитку табаку и пуд муки. Этим обрусевшим сестрам достался от отца-полутатарина большой дом с крытым двором да амбарами, с двумя сараями, где теснились пара коней да пять коров, телята да овцы. Подрастала у тех сестер племянница-сирота с верховьев Пелыма-реки. Померли ее родители от черной оспы, померли вместе со всей деревушкой, но посчастливилось Околь. Была она в ту весну у теток, нянькались они с ней, играли, потому что двоим детей своих бог не дал, а третья все собиралась родить, да мертвые рождались.

Сиротой Околь никто не называет, вокруг нее три тетки кружатся: одна работу дает, другая проверяет, третья стережет, глаз не смыкает да жениха высматривает побогаче. Держали тетки работника, хромого родственника из далекой деревушки, тот на охоту не ходок, на рыбалку тоже, а здесь хоть пища каждый день да кусок хлеба, когда и мясо перепадет да рыба. Тетки за манси себя уже не признавали, нос воротили, фыркали, когда останавливался бедный рыбак или охотник с тощим мешком. Называли они себя опекуншами Околь. «Мы – опекуны! Мы перед богом, перед Христом и Николаем Угодником за нее в ответе». Тетки две комнаты держали в чистоте, с русскими кроватями и пятнистым, как рысь, зеркалом.

Из углов, из глубины черных икон, смотрели пронзительные глаза на тлеющую лампадку, а на стене висела яркая размалеванная картинка.

– Царь! – шепотом сообщила Апрасинье старшая тетка. – Ца-арь! Он – бог на земле! Самый, самый, самый сильный и страшный.

– Земной бог – Шайтан, Сим Пупий! – не согласилась Апрасинья. – Торум на небе, Пупий-Шайтан всегда на земле!

– Бедная ты разумом. Темная, – зашептала старшая тетка Федора. – Ты забудь языческих, поганых богов своих, идолищ и духов. Тебя крестили в истинной вере? – остро взглянула Федора. – Крещена ты?

– Хрещена, – махнула рукой Апрасинья. – Приходил к нам бородатый мужик, ой страшный, как Леший – Вор-Кум. Махал маленьким котелком. Дым из той посудины сладкий поднимался. Ревел, глаза, как сохатый, вываливал. Голову мне водой мочил, а на лбу маслом мазал.

– Имя тебе давал? – допрашивала Федора.

– Давал имя! Апрасинья стали звать, а мое имя такое – Журавлиный Крик!

– Поганое это имя... Журавлиный Крик, то может только шаман дать! Мы племянницу в церкви крестили! – гордо вскинула крупную голову Федора. – Поп взял три шкурки соболя и нашел самое красивое имя – Акулина!

– Околь! – прошептала Апрасинья. – Околь она!

Весь день Апрасинья не спускала глаз с девушки, следила за каждым ее движением, и ей уже чудилось, что это – она. Да, сердце говорит, это та, которую она ищет, – крупная, высокая ростом, как Тимпей, плечи круглые, шея высокая, голову держит гордо, смотрит прямо, доброжелательно и ласково. Из-под чутких соболиных бровей теплом, доверием чисто светились глаза. Свежий припухлый рот открывает в улыбке белые зубы, плотные, как туго набитая орешками шишка.

Апрасинья с радостью, потаенной надеждой видела, как Околь, слегка покачивая бедрами, как лодка на тугой волне, по-русски, на коромысле, несет полные ведра с водой – не плеснет. Откинула Околь платок, и на солнце жаркой медью вспыхнули густые кудрявые волосы. Медные, красно-медные, а может, золотые те волосы?

Много ли на земле золотовласых девушек манси? Много ли таких белоликих вогулок? Видно, родилась она в солнечный день на золотистом прибрежном песке, под легким ветром, что раскачивал реку. Хлынуло на нее раскаленное солнце, и застыло в волосах, и позолотило лицо, обуглило до черноты брови и раскалило губы, тугие, как брусника. А те ветры тугие, голубые-голубые-золотые, зеленые ветринки, играючи, раскудрявили волосы, собрали в дорогие кольца, и вырвались те из-под платка, словно пели и смеялись.

– Околь, – тихо позвала ее Апрасинья и протянула руку. – Околь! Девушка моя! Хорошо ли живется тебе?

– Хорошо! – блеснули в улыбке зубы, распахнулись, засмеялись глаза. – Хорошо, сим нэ – милая женщина!

– Тетки, поди, колотят тебя? Манюня-то вовсе медведица, – хитро прищурилась Апрасинья и крепко затянулась табаком. – Вот у Федоры изо рта клык торчит. Не кусает?

– Да нет, сим нэ! Да кабы она не любила, разве учила бы грамоте? Читать меня тетушка Федора научила. И писать, – с гордостью ответила девушка. – Грамоту знаю.

– Пи-са-ать... чи-та-ать... – дотронулось до Апрасиньи, отпечаталось в сознании, хотя она до конца не поняла, что это такое «читать»... «писать».

Видела она в церкви, как дьячок скрипел гусиным пером по белому, белее бересты, листку, рисовал какие-то странные, запутанные узоры. Каждая черточка не похожа на другую, цеплялась за третью и ложилась, оставляя кружевную цепочку следов. Видела она в церкви на полотне громадные, в человеческий рост, рисунки и так просто на стене узорную вязь или четкий, словно вырезанная тамга, оттиск, видела она таинственные знаки у волостного, что приезжал в Евру, когда проводил перепись и назначал ясак.

– Гра-мо-та, – раздельно проговорила Апрасинья, – что такое гра-мо-та? Давно я хочу знать, нужно... ой как мне нужно... и Ондрэ Хотанг про то говорил...

Рассмеялась Околь, рассыпала по комнате светлый, легкий смех, забежала в горницу и вынесла оттуда тяжелую книгу, одетую в черную старинную рубаху с серебряными застежками.

– Библия, – сказала Околь и осторожно положила на стол древнюю книгу. – Смотри...

От пожелтевших страниц на Апрасинью дохнуло запахом свечи и пламени, пота и тяжелой дороги, что уводила в неизвестность. Переброшена другая, третья страницы, открывалась картина страшная,

нездешняя, пугающая. Над плоским, почти что голым местом с робкими, насквозь видимыми кустиками в солнечной пустоте метались, то ли догоняя, то ли убегая друг от друга, странные существа в белоснежных колыхающихся одеждах. У них человеческое тело, босые ноги, обнаженные руки, а на спине, где сходятся лопатки, распахнулись огромные лебединые крылья – могучие, упругие, поднебесные. И были у них, у тех людей-лебедей, младенческие, невинные глаза с огромными неиспорченными глазами, где обитала неискушенность и какая-то недосягаемая мудрость.

– Это ангелы! – пояснила Околь, уловив недоумение Апрасиньи, добавила: – Ангелы – это души умерших детей.

– Души умерших детей, – повторила Апрасинья. – Они живут там, – она подняла вверх руки. Это она знала почти точно. – Где же, как не рядом с солнцем, должны жить ушедшие дети Земли.

– Да, они живут среди звезд, – ответила Околь и задумалась. – У каждого крещеного человека есть свой ангел-хранитель. Он охраняет его своим именем.

– Как так? Злые Духи все равно узнают имя...

– Ну, я вот – Акулина. Я родилась в тот день, что освящал тот ангел. Он дал мне свои имя, одарил им. Смотри, – она достала из-за иконы свернутые в трубочку бумаги, перетянутые голубой шелковой лентой, развернула и стала читать. Не все поняла Апрасинья. Говорилось там, что раба божия Акулина родилась в юртах Вотьпа сентября десятого дня одна тысяча восемьсот сорок пятого года, крестилась тогда-то и занесена в церковные книги.

Сентября десятого дня, в бабье лето, когда день равен ночи, на переломе дней лета и зимы. Сентября десятого дня одна тысяча восемьсот сорок пятого года, но, что это такое, Апрасинья не понимает до конца. Время она считала лунами – от нарождения луны до полной, считала зимами, и время ее жизни отмечалось или наводнениями, яростным разливом Конды и Евры, или мором скота, или болезнями, или свечением неба, звездным дождем или палящим зноем, что выпивал все ручейки и мелкие озера до илистого, смердящего дна. Так она и все манси считали время, оно было и оставалось медлительным, до ощутимости непрерывным, хотя в его течении – а куда оно текло? – отмечались свои приметные, четко означенные вешки.

– Сколько тебе зим, Околь? – спросила Апрасинья. – Сколько ты уже встретила весен?

– Мне девятнадцать зим, – ответила девушка. – Я встретила восемнадцать весен.

– Почему ты такое знаешь? – продолжала допытываться растерянная Апрасинья. – Тебе говорили о том, что ты уже встретила восемнадцать весен?

– А зачем мне говорить? – засмеялась Околь, вскинула ресницы. – Я и сама знаю, сколько зим я прожила!

– Знаешь? Как ты знаешь?

– Родилась я в месяц листопада, в месяц утренников, в сентябре одна тысяча восемьсот... – девушка задумалась, и ей трудно понять это странное, будто потаенное число, понять то, что оно обозначает, – восемьсот сорок пятом году... А теперь? А сейчас какой год ты знаешь, сим нэ?

– Год совсем худой! Собачий год! – хмуро ответила Апрасинья. – Год замора. Седьмой год после засухи. Дохлый год, больной.

Околь на время задумалась, словно нырнула в себя, дрогнули ее губы, и она загнула пальцы на руке.

– Год сейчас одна тысяча восемьсот шестьдесят четвертый, – радостно выпалила Околь. – Да, шестьдесят четвертый. А это значит – мне девятнадцать лет... Вот видишь – десять, – Околь раскрыла руки. – И вот еще девять, – и она утопила в ладони один палец.

– Великое Небо! Ты видишь, боже небесный?! Ай-е! – прошептала Апрасинья. – Она угадывает время, что было недоступно самому великому шаману Волчий Глаз. Щох-щох! Она может угадать точно, какой нынче год в Великом Течении Времени... Она его обозначает?! Наверное, то та, которую я долго ищу! Она не понимает, – чуть не выкрикнула Апрасинья и зажала рот ладонью. – Не по-ни-ма-ет того, что таится в ней. О! Белый Светлый День! Ее разуму доступны непостижимые знаки, что разбросаны по бело-желтому полю русской бумаги.

Апрасинью, Мать Матерей, властную, крутую, бесстрашную Апрасинью, перед которой раскрывались колдовские тайны зеленого леса, вдруг охватило смятение. В нее вошла непонятная, томительная тревога, дохнуло жаром.

Кто она такая – Околь? Что дает ей силы знать то, что недоступно мудрейшим мужчинам, мудрейшим женщинам ее народа? Добрые ли Духи над ней или Злые Духи ведут Околь по жизни? Добро ли народило ее, а если Зло? Почему у нее золотистые глаза, почему в тугие, словно кованые, кудри собраны волосы?

Околь повернула еще страницу, другую, и в Апрасинью пронзительно вгляделись глаза черного человека. Он словно окутан тьмой, и сам он порождение тьмы, порождение той пропасти, над которой он стоял. Из пропасти потянуло словно смрадом, гнилью, тлением человеческой плоти и звериной злобой. Где-то далеко, в недосягаемой глубине, клубилось пламя, даже не пламя, а его отблески, рваные сполохи, и казалось, что черный человек содрогается, его перекручивает злоба, страх и отчаяние, и пропасть – это его лютое, незаполнимое одиночество, вечное ожидание какого-то конца, который никогда не наступит. Вот-вот распахнется его рот, и оттуда, извергаясь, затопляя пропасть, вырвется крик.

– Кто это? – шепотом спросила Апрасинья, но Околь не успела ответить, как вошла старшая тетка Федора.

– Это – дьявол! – резко ответила тетка и схватила книгу. – Ты нехристь! Туземка-язычница. Да как ты можешь прикасаться к священной книге?

– Я хрещена! – повторила Апрасинья. – Только я ничего не знаю от этой веры. Что и знала, позабыла. Ты сама научила Околь понимать непонятное?

– «О-ко-оль»! – передразнила Федора. – Какая она тебе Околь, ежели она Акулина. Да, то я выучила ее читать Священное писание. Каждый вечер, отходя косну, она читает мне...

3

Средняя тетка, Манюня, рукастая баба с мужским лицом и грубым голосом, пила водку от полдня до вечера. Вечером навзничь опрокидывалась на кровать и тихо скулила: «Хочу мужика, ой-ой-ой как хочу мужика... наверное, помру, если сразу не найду». Поскулив, она поднималась, набрасывала шубу и выходила в ночь. Утром возвращалась, ничком падала на подушку и взахлеб храпела.

Младшая сестра, Лукерья, нежная и кроткая, целыми днями сидела в своей комнате у окна и шила, разбрасывая тонкие узоры. Тихо звучал ее пришептывающий голосок, словно песней она уговаривала рисунок расцвести и заиграть красками.

– Покажи мне свои узоры, Лукерья, – попросила Апрасинья, когда та вышла в общую половину. – О! Ветка березы, а это голова соболя с усами, а это – весло. У тебя только нет в узоре лапки соболя и крыла чайки.

– Покажи! – обрадованно закосила глазами Лукерья. – Я тебе тоже что-нибудь подарю.

Апрасинья острым ножом вырезала на бересте несколько узоров, пошарила в своей глубокой сумке, достала тонкие, прозрачные оленьи жилки.

– Возьми, милая женщина!

– Спасибо, Апрасинья! Ты научишь меня шить женскую шапочку из гагары? – Лукерья поднесла к глазам рисунок, разглядывая недоверчиво и удивленно.

– И я не умею, – потупилась Околь. – Пробовала – шапка есть, а тускло. Перо не живет, словно линяет. Отчего?

– Слово надо знать, – буркнула Апрасинья. – Глаз такой надо заиметь, и тогда узор увидишь.

– Глаз? – обиженно покосилась Лукерья.

– Да! Глубокий глаз, – с достоинством ответила Апрасинья. – Ты, Лукерья, милая моя женщина, совсем хорошо шьешь, – похвалила она, уловив, что та ревниво относится к своему мастерству. – Ты шьешь почти как наша Таись-нэ.

– Таись-нэ? – удивленно вскинула брови Лукерья. Торговцы, перекупщики, пришлые мелкие купчики нарасхват по доброй цене брали вещи, что нарождались под тонкими руками Лукерьи, и наперед оставляли заказы. Слыла Лукерья большой мастерицей. Она редко меняла узоры, и сделанное ею отличалась тонкостью, какой-то застывшей врезанностью. – Кто такая Таись-нэ? – И в косоватости глаз Апрасинья заметила блуждающий огонек настороженности и созревающей обиды.

«Тревога... Остерегись... Опасность... – забилось в Апрасинье. – Отойди осторожно в сторону... отойди тихо, чтобы не хрустнул сучок».

– Таись-нэ твоя дочь? – потянулась к ней Околь.

– Нет, нет! – покачала головой Апрасинья. – Она принесла бы счастье любой женщине. О ней знают все люди Верхней Конды...

И Апрасинья не столько увидела, сколько почувствовала, как вздрогнула Лукерья. Она еще не могла отыскать верную, надежную тропу в глухой, неведомой ей жизни сестер. Еще растерянно она блуждала по водоразделу трех разных речек и никак не могла решиться, вдоль какой же реки ей спускаться вниз по течению, а какую из них перейти вброд, отыскав мелкое, негиблое место. Апрасинья уже не могла, уже не

желала позволить себе риска – Околь та самая женщина, что нужна не только Тимофею, но и ей самой. И она, опытный охотник, берегла стрелы и туго, но в самую меру натягивала тетиву лука – не должно быть промаха, иначе охотнику гибель.

– Э, Шайтан! – заклинала Апрасинья. – Помоги мне, земной бог, помоги мне найти верный след. Осветы меня, к какой из этих баб мне лодойти с подношением, а какую ударить копьем? Помоги мне, земной бог. Их ведь трое, а я – одна. Смутно я вижу и не ведаю, кто из них волчица, кто – рысь, а кто – росомаха».

– Может, это твоя сестра? – нетерпеливо потребовала Лукерья.

– Нет, Лукерья, – мягко ответила Апрасинья. – Таись-нэ – просто девушка, совсем девочка. Как все она и совсем другая. Но полна она светом и великим терпением.

– Терпением, – прошептала Околь. – Терпение – это, наверное, любовь?

– Ты знаешь Ялпинг-Нёр? – спросила ее Апрасинья, усаживаясь поудобнее и набивая трубку.

– Ничего она не знает, – ответила Лукерья и присела с шитьем неподалеку от Апрасиньи. Тугой налимицей шевельнулась на постели Манюня, застонала, рыгнула и оторвала от подушки тяжелую голову с мутными глазами. Манюня опустила босые, плоские, как плавни ки, жилистые ступни на холодный пол, хрипло крякнула и зашлепала в угол, где стояла кадка с водой. Она зачерпнула из нее глиняной кружкой – звякнули льдинки. Долго, раздувая ноздри, фыркая, почесываясь, глотала воду Манюня.

– Вон там, под темной горой Ялпинг-Нёр, в стойбище Саклинг на речушке в болотных кочках, у охотника Титка и родилась Таись-нэ.

– В болотных кочках, тьфу ты, убогость, – сплюнула Манюня. – Кулик он, что ли?

– Нет! – отрезала Апрасинья. – Титка – охотник, а Саклинг – его угодье. И Таись-нэ там увидела свет дня. Ты ведь не знаешь, Манюня, какое то урочище?

– А, – махнула рукой Манюня, – топь и топь, смрад и гнусь. А мне твердь нужна. На зыбине меня грузнит и мотает.

– Вино тебя грузнит, – в мягких тапочках, неслышно, по-кошачьи вошла Федора. – Грузнит оно тебя и качает. Хоть бы болото какое-нибудь тебя приняло, прости меня господи! Тряхнуло и разорвало...

– Ну, гляньте на эту святошу, – захохотала Манюня, доставая из-под постели водку. – Кожа до кости, мышь ты летучая, упырица. Богу поклоны бьешь, спасение в царствии небесном вымаливаешь, а сама людей грабишь. Навострила, стерва, постоялый двор, как капкан, да пропади он пропадом. Кому ты сундуки набиваешь?

– Господи! – повернулась к образу Федора. – Да где сила десницы твоей... Вразуми ты потерянную рабу божью, бабу Манюню... о господи! А ты что здеся расселась, шишига лесная?! – накинулась она на Апрасинью. – Раскинулась, коряга, да еще и табак смолишь...

– Не трогай ее! – резко, как птица, выкрикнула Лукерья. – Не рви – важный сказ она ведет.

– Она, тетушка Федора, нам про Таись-нэ сказывает, – ласково прижалась к тетке Околь. – Присядь... она слово знает...

– Давай, вали! – Манюня глотнула водки, бросила в рот горсть брусники, перекосилось, словно слиняло, лицо. – Только чтоб правда была. И страшно...

– И чего мне ее, туземку, слушать, – заворчала Федора, но села на лавку. – Делов невпроворот... Опять же скоро ямщики нагрянут...

– Я два самовара уже поставила, – успокоила ее Околь и повернулась к Апрасинье. – Таись-нэ, ты сказываешь, родилась у охотника Титка?

– Ну да! – покойно пыхнула трубочкой Апрасинья. Вот и хорошо, вот что и надо. Время под вечер, Мирон там с мужиками, с лошадьми, гостей вроде бы не навалит, и три сестры вместе, можно приглядеться к ним, вдруг да и обозначится тропка. – Мать от радости просто над землей взлетает, такая дочь у нее крепкая да красивая.

Апрасинья откинула на плечи платок, взяла из рук Лукерьи ее шитье и, едва взглянув на рисунок, принялась узорить его. Голос ее загустел, наполнился, и глаза замерцали.

4

Была ли то быль, была ли то сказка, кто знает. В людях всегда все перемешано, между крупными корнями, что глубоко убегают в землю и нарождают человеческую стволину, пробиваются мелкие корешки, ниточки, жилки, мелкие волосинки, что таятся в темноте и питают мощь корневища. Разные пласты – серые, желтые, бурые и черные – рассекают и обживают корни; холодные, мерзлые и теплые, легкие и

каменные слои разрывают корни, не все пласты наполнены соком и доброй пищей, многие пропитаны хмельной брагой или смертельным зельем. Но все берет дерево и кольцо за кольцом наращивает стволину. Нет, не знает Апрасинья, была ли то быль, была ли то сказка...

...Год, два росла Таись. Поднялась в люльке-апе, что легонько, как лодчонка на волне, покачивалась на цветущей черемухе, и радостно, светло засмеялась. От звонкого смеха вспыхнула белым огнем черемуха и с ног до головы осыпала Таись горьковатыми, чуть прохладными и нежными цветами.

– Это твое дерево! – сказала юная мать. – Быть всегда тебе юной и чистой, как черемуха, стать тебе обильной, как она.

И черемуха приняла Таись в дочери, каждую весну осыпала ее белым цветом, и запомнила Таись чистоту и упругую терпкость ягоды. Черемуха познакомила ее с Рябиной, а та со своей подругой Березой, и каждая из них в память Таись бросала свои ожившие ветви – вот почему в узоре ее березовая ветка переплелась с рябиной.

Как начала ходить Таись, держась за подол матери, так и потянулась за ней, как нить за иглой. Отец на охоте, и они бродят вдвоем то по реке, то по кедрачу, а то уходят в березняки и густые малинники. Шишку собирают, ягоду набирают, травы ищут. И каждая ягода налита ярким соком, и красит разным цветом, и помнится своим запахом, и оставляет в памяти свой след. И чего не знала юная мать, то рассказывали Таись цветы и травы. Нужно впустить их в свою жизнь, нужно приветить их, нужно пожить их жизнью, подышать их дыханием, и они станут немного тобою, и ты немного станешь ими – и станешь богаче. Все поглощала душа Таись: и тугие ветры, что приносили на себе лебединые стаи, и прозрачные звоны капели, хрустящий треск лопающихся льдин и раскрытых вербных почек, зеленый шум дождя из полуночной радуги июльского неба. Уже не дрожала, не спотыкалась иголка в руках Таись, оживали в ее узорах листья и травы, птицы и звери.

– Я так счастлива! – светилась радостью молодая мать. – В тебе проснулась и начинает прозревать душа. Снова Черемуха осыпала тебя своим цветом. Я так рада... Сейчас я угощу тебя вкусной максой налима. Счастливая мать оттолкнула от берега легкую долбленую лодку и забросила сеть из крапивы в то место, где обитал налим. Но когда цветет черемуха, в зелень весны, в ее птичью разноголосицу врывается белесая от ярости зима, словно до этого она таится в засаде, и бьет наотмашь по травам и птицам, что согревают яйца. И насмерть замерзают обледенелые птицы на остывших гнездах. В голодном реве налетел вихрь, завился в тугие кольца и принялся кидать лодчонку с волны на волну. – Мама... мама, вернись! – кричит с берега Таись, но ветер разрывает на куски ее крик и отбрасывает за далекие озера.

– Эх! – хрипло выдохнула Манюня и ударила кулаком по столу. – Эх, сгинет ведь! Ково тут – вернись! Вихря – она слепая. Да одета, поди, бабенка по-летнему.

– Не встревай, – одернула ее Лукерья, все еще разглядывая узоры на бересте. – Она сказку сказывает, глядишь, чего умное скажет... – усмехнулась Лукерья

– А много ль умного для жизни нашенской нужно, – озлилась Манюня. – Мелка жизнь и хитростью держится, мелкостью обмана и суеты. Ты давай, давай, Апрасинья, напугай меня, чтобы вздрогнула я до икоты.

– Да чего пугать... Но што страшно Таись стало, то в вихре любой мужик бы потерялся, – продолжает Апрасинья.

...И услышала Таись гулкий раскатистый гул и грохот внутри реки.

– Что такое? – насторожилась испуганная девочка, а мать едва видна в громадных волнах. Шумно и тяжко задышала река. Медленно и грузно поднимаются берега, вспучиваются, вздымают волной и дрожат, как шкура искусанного лося, и вдруг опускаются, как бока запаленной важенки. И стонут берега, и скрипят, и скрежещут; и дрожит, рыдает лес от корня до макушки. Опустились берега, набросилась река, выплеснула в пене и реве на берег и, спасаясь от кого-то, полезла на рыжий от солнца косогор. Мать на лодчонке с порванной сетью приблизилась к соснам, и Таись побежала к матери, протягивая руки. Пуще заревела река, и мелкомелко забился в страхе берег, и стал выползать из реки, с самого дна, Виткась – Пожиратель Всего, Пожиратель Рек и Берегов. Он поднимался со дна медленно, как сон, даже не поднимался, а то река сбегала с него, как с переката. Виткась чуть шевельнулся и стал похож на громадную лягушку – болотисто-зеленый, мерзко-скользкий, студенистый и холодный. Голова его голая, плоская, в желтовато-зеленых бугристых шишках. Неподвижные, немигающие глаза его выпучены, безгубая пасть его беспредельно широка и переходит в брюхо. На коротких перепончатых лапах, а их десять, раздувается и тяжело колышется брюхо в обвисших складках, по которым сползает гнилая речная трава. Колыхну-

лись черные глаза-омуты, высверкнули и заледенели, не мигая. Выпучил их Виткась так, что они раскинулись, как два огромных озера, дохнул так, что река еще быстрее побежала в гору. Побежала река в гору и увлекла лодчонку с матерью. А Виткась уже давно увидел ее, раздулся, выбросил из себя длинный, как песчаная отмель, язык, извивающийся, грязно-зеленый и липкий. Потянулся, вздрагивая, язык Виткася к матери, а Таись уже подбежала к лодчонке, вот-вот дотронется. Мать, собрав все силы, толкнула дочь, и та упала в черемуховый куст. А Виткась лениво, сытно зевнул, захлопнул пасть, проглотил мать Таись, словно комарика. Ничем не могла помочь матери Таись...

– Господи! – выдохнула Лукерья.

– То дьявол... То дьявола омерзительное обличье, – перекрестилась Федора. – Тока невинная душа, чистая и непорочная душа может оборoть его.

– Дьявол?! – Манюня не хмелела, сидела выворотнем за столом, волосы встрепаны, глаза горят. Ей бы мужиком народиться, сердце у нее крупное, толстое, без страха, силушка не женская. Тяжелит ее силушка – зад бабий да груди плоские. Она бы у Виткася язык с корнем выдрала, а что с такой чудой может сделать девчонка-бельчонка. – Да как она матери помогет?! – прохрипела Манюня. – Да Таись твоя – дыхание слабое, росточек зелененький, пухлый. На всякую злобу только сила нужна! – грубо протрубила Манюня. – Добро больно сладко воняет, и все оно пресное, больно ласковое, мякоть беззубая.

– Разве Виткась не Водяной? – переспрашивает Околь, дотрагиваясь до плеча Апрасиньи. – Водяной он или Дьявол? Почему он Пожиратель Рек и Берегов? Откуда в нем столько злобы и силы?

– Да какая сила? Какая сила? Одно брюхо, – прохрипела Манюня. – Обжора он. Болотная топь. Давай, Апрасинья, сказывай. Начало маленько страшит, но не совсем мне еще страшно...

...Далеко, подходя к стойбищу, услышал Титка плач своей дочери. Любовью к Таись переполнено сердце охотника Титка. Сам пестует дочь, поет ей охотничьи песни, токующие песни Глухаря и зимнюю песнь Волка. А когда уходит на охоту, то оставляет дочь доброй и мудрой бабушке Анись. Но бьет ли рыбу острогой Титка, гонится ли за лосем, выслеживает ли соболя, неотступно думает Титка о малютке Таись-нэ.

Совсем она крохотная, как утенок, она слабая. Клюв у нее мягонький и лапки дрожат. Бабушка Анись, как куропатка, водит за собой выводок в семь да еще семь внучат. «Нет, плохое дело!» – горестно думает Титка. Думает и так, думает и обратно и наоборот думает, каждый раз – плохо. Подрастет Таись-нэ, кто станет учить ее одежды шить, пищу готовить? Кто древние законы передаст? Однако надо ей привести новую мать. Наверное, молодую нужно взять, пускай в куклы с Таись играет!

Что одной головой надумал, то и сделал. Наверное, торопился Титка, наверное, очень боялся за Таись, что не стал совета у старших просить, а бабушке Анись и слова не сказал. Из других земель привел Титка молодую жену – крупную, красивую, широкозадую, белолицую, с соболиными бровями и тугими губами. Налита она соком и жиром, как нельма.

– Вот и мама к тебе вернулась, Таись-нэ! – сказал Титка дочери. – Она ненадолго уходила в свои земли, а теперь – вернулась...

– Ты так долго пропадала, сюкум! Ты каждую ночь приходила ко мне в снах, мама! – потянулась к новой матери Таись.

– Ай-е, астюх! – воскликнула молодая жена. – Я снилась тебе такой или еще красивее?

Таись-нэ взяла мачеху за руку, повернулась ко всем, кто пришел на свадебный пир, и гордо сказала:

– Глядите! Моя мать самая красивая! Только одну себя понимает красивая девка, да и то не всегда.

– Твою мать давно взяла река, – ответила молодая жена, – и люди сразу забыли ее имя. Я мачеха твоя, и ты должна меня слушаться.

Померкла Таись-нэ.

– Стервь! – прохрипела Манюня. – Сама рвань, а не баба. Лахудра, – стукнула кулаком Манюня и загремела посудой.

– Ты че? – повернулась к ней Федора. – Правильно... мачеха она ентой девчонке. Ма-че-ха! И слушать ее девчонка должна! – отчеканила Федора.

– Она ее мамой назвала, – подала голос Лукерья.

– Во-во! – пробасила Манюня. – Матерью назвала, та ей чево? Ты поняла хоть, паучиное твое сердце, чево та ей сказала: «Матерь твою река взяла. Навовсе взяла и не отпустит!»

– Не отпустит! – сжала руку в кулачок Федора. – А сироте одно дело – не роптать, не дерзить! Душу свою тому отдавать, кто призрел ее да пригрел. Во как жизнь велит!

Заметила Апрасинья, как потемнела Околь, сидела она вроде бы та же, но совсем тусклая.

– Молодая мачеха была, глупая, – сказала Апрасинья. – Но у той глупости были красивые глаза. Она была ленива, но у той лени было много сил любить себя. Бабушка Анись, а вслед за ней и все стойбище стали называть мачеху Суваннэ – ленивая. Это беда, большое это несчастье, когда манси ленив, когда он болеет Ленью. Лень такое большое существо – то оно пухлое, то оно гибкое и склизкое, но всегда оно тяжелое, как небо перед грозой. Оно вселяется в прокисшего человека незаметно, но очень быстро растет и становится неодолимым. Когда Суваннэ заболела Ленью, никто не знал, да и зачем то знать – когда? Лень часто поджидает человека еще до рождения – он прямо из брюха матери падает в ладони Лени. Мать ее, поди, слепа была, – Апрасинья слегка вытянула руку, разглядывая нарождающийся узор, – слепая да глупая. Не сумела выгнать, выбить Лень из Суваннэ, и та поселилась в молодой мачехе вместе с подругами – Завистью, Ложью, Слепотой и Жестокостью. Не выбила и вот так – с Ленью – передала охотнику. Обманула его. Не его, так другого бы обманула. Целыми днями валялась на постели Суваннэ, грызла орешки и в куклы играла. А маленькая Таись-нэ собирала в лесу хворост, носила тяжелые вязанки к чувалу, с реки таскала воду, готовила пищу, а Суваннэ только покрикивала:

– Вари рыбу! Вари мясо! Быстрее поворачивайся! Корми меня – есть хочу! Садись, шей мне новое платье!

– До смерти своей будет Суваннэ болеть, – решила мудрая бабушка Анись. – Ничего она делать не станет, только по гостям ходит да красоту свою показывает.

– Господи! – тихо, словно простонала, Лукерья. – Почему хорошего человека ты наделяешь глупой женщиной?

– Да потому, что и к тебе всякое дерьмо сватается, – ответила Манюня. – Завсегда так, из века в век: баба хороша, мужик – тесто, мужик из железа, так баба-дупло.

Федора промолчала. Околь достала с полки кусок ткани и тихо присела рядом с Апрасиньей, заглядывая в узоры. Быстро, мелкими стежками принялась переносить рисунок.

– Титка ничего не знал, – трубка погасла и посипывала. Апрасинья ласково посмотрела на девушку. – Достань, милая, уголек, уважь!

Легко проскользнула по комнате Околь, выкатила из печки уголек, раздула и, зацепив двумя лучинами, поднесла Апрасинье. Та важно кивнула, затянулась глубоко и, выдохнув дым, чуть выждала.

– Титка ничего не знал. Он с охоты всегда что-нибудь приносил своей Таись – то бельчонка, то зайчонка, то птичку – черного дрозда, то жука рогатого, то перо лебединое. Очень ждала с охоты доброго и сильного отца Таись, любила его так сильно и жалела так горячо, что никогда не жаловалась на мачеху.

Днем же, когда на сытую Суваннэ наваливался тягучий и длинный сон, Таись уходила к бабушке, мудрой и ласковой старухе с волшебными руками и зрячим сердцем. Бабушка Анись, собрав вокруг себя внуков и правнуков, давала в руки каждому кому нож, кому иголки с ниткой, кому красивый лоскутик или кусочек шкурки, и внуки вырезали из дерева стрелы, а внучки вышивали узоры. А бабушка Анись крепко в памяти держала древние узоры, что таят в себе глубокую и нераскрытую еще никем тайну. Кто знает, может, так предки передают весточку о себе, о своем мире. Разным узорам научилась у бабушки Таись-нэ и причудливо шила сама – вышивала уши и лапки, усы и глаза всех зверей, узоры листьев, деревьев и травы, клювы птиц.

– Смотри! – Апрасинья протянула шитье Лукерье. – Знаешь такое?

– Ой! – схватилась за грудь Лукерья. – Это колдовство... Ты – ша-ман-ка-а, – прошептала побледневшая Лукерья.

Она подносила шитье близко к глазам, смотрела в упор, отбрасывала в сторону и вглядывалась как бы со стороны, поднимала над головой и прищуривала глаза, словно смотрела в поднебесье – и не верила. Не верила!

– Бо-же мой... Боже, – шептала ока, и тонкое лицо ее то полыхало от жгучего, горячего стыда, словно обугливалось изнутри, то обескровленно бледнело, и губы вытягивались в узкую полоску, и казалось, что она готова наброситься на Апрасинью и загрызть острыми мелкими зубами. – Боже мой... пошто я того не знала? Сколь лет подбирала узоры... Скопидомничала, прятала, чтоб моими оставались. А их... их-то... бескрайний край!

– О, милая женщина, – облегченно вздохнула Апрасинья, каждая нз нас с коготок умеет. А узоры себе возьми... шей на здоровье.

Страшно, наотмашь ударила Апрасинья. Она словно обнажила Лукерью-мастерицу до песчаных мелей, прошла через речку ее рукоделия вброд, не замочив ног. Вот, вот ты какова, Лукерья, мелкая ты, скудная речушка, не идет сюда рыба на икромет, не идет на жировку. Зарастешь ты скоро травой-лопухом, кугой, рогозом да водокрасом. Зарастет, Лукерья, твоя речка, потому что не роет берега, изгибается в кольца, обегает камни, вся она в завалах павших стволин.

Манюня и бровью не повела, не догадывалась она ни о чем, но Федора насторожилась. Верно, вогулка – шаманка, вон как Лукерья-то полыхает. Вот язычница, рыбья кость, сидела, понимаешь, идолищем

в углу и цедила табачище, плела чего-то про сиротку, а сама стежки сатанинские по сукну раскидывала – хвостики, лапки да клювики... А чьи они? Шаманские они, шайтанские, туземные, колдовские.

– Эка невидаль! – поглядев на узоры, пожала плечами Федора. – Шаманские, туземные знаки... Може, тамга какая... Да такие закорюки, ископоть дьявольскую, сколько хошь добыть можно в туземных стойбищах, Лукерья. Чевой-то с тобой?

– Нет, нет! – стонала Лукерья. – Все это истинно. Почему ты даришь мне узоры? – вдруг резко спросила Лукерья.

– Мне не жалко, – важно ответила Апрасинья. – У меня много... Богатая я...

– Нет, нет, – заторопилась Лукерья. – И что-то здесь не то... Тревожно мне... Сказываешь ты мне голимую правду, такую, что каждый день видишь, а с изнанки что-то другое? Ответь-ка...

– Што? – потребовала Федора, переводя взгляд с Лукерьи на Апрасинью. – Ну-у?!

– Ай-е, вон ты про что, – вздохнула Апрасинья. – Один узор на пустом месте – что голый человек возле проруби, Два утиных клюва, наверное, то встреча, а когда рядом лапки и хвосты, то, наверное, любовь. Слово надо знать, Лукерья. Заговорное слово...

– Знаешь? – потребовала Федора.

Не торопясь набивала трубку Апрасинья. Поднесла ей уголек Околь, присела рядом.

– Слово все не знаю, – ответила Апрасинья. – Бабушка Анись тихо напевала, а ей подпевала Таись-нэ. Вот слушай, Лукерья!

– Стой! – поднялась из-за стола Манюня. – Песни я люблю, – из другой комнаты вынесла балалайку. – Пой, вогулка, я тебе подыграю.

Апрасинья взяла шитье с иголками, зорко оглядела и потянула одну иглу, другую...

– Пусть чуткие, гибкие пальцы, – мягко, малиново, без обычной хрипотцы выдохнула Апрасинья, –

Пусть чуткие, гибкие пальцы
Вышьют искристый и светлый узор,
Чтоб няры, и сахи, и малицы
Разноцветьем зажглись, как осенью бор! –

тихо, как заклинанье, напевала Апрасинья, словно уговаривала руки свои слушать зрячее сердце, нитку – иголку, а память – прошлое. Манюня тихо ударила по струнам и вдруг уловила мелодию, уловила и повела:

Чтоб песни и сказки старинные
Достойное место в узоре нашли,
Листочки короткие, длинные
Шелестом легкого ветра вошли.

И уже звонкий, чуть сбивающийся голос Околь вплетается в узор.

– Эх, гуляй! – Манюня забренькала по струнам. – Счас гармонию достану. – И Манюня выхватила из сундука трехрядку.

– Пусть чуткие, гибкие пальцы, – опять заводит Апрасинья, и шепчет про себя Лукерья, запоминая, –

Спешат остановить,
Линией тонкой в узоре,
Горностая белого ус,
И глазки зверей оживить,
И звонкой россыпью рос,
И ярких серебряных бус... –

высоко поднимаются три голоса – Апрасиньи, Околь и повизгивающей гармошки.

– Ну и что? – удивленно покачала плечами Федора. – Дурацкая песня. Половину не поняла... Ни по-русски, ни по-вогульски... Так, лай собачий... Не поняла...

– И не поймешь, – отрезала Манюня. – И в песне ненадобно все понимать. В ней душа, а у тебя, Федора, она иссохла. Желаю, Апрасинья, выпить с тобой!

– Подашь, так выпью! – ответила Апрасинья.

– Но выпьешь, сказывай, что дальше-то стало, – вытянула шею Манюня.

– Что дальше... что дальше, – передразнила ее Лукерья. – Что может быть дальше? – в ее голосе тоска. Не отрываясь она смотрела на крупные, грубые руки Апрасиньи и страдала. Вон у Околь как проворно бегают пальцы, а у этой... У этой как жуки ползают, не пальцы, а ленивые караси. Как корни пальцы Апрасиньи, сама коряга корягой, но узорочье... узорочье, колдовской оно притягательности.

– Пей, шаманка, – приказала Манюня. – Я полюбила тебя, – тряхнула спутанными космами Манюня. – Ты крепкая, нераскусимая баба. И сказывай, чево такое натворила эта паскуда Суваннэ. Не могет она добром кончить, чует сердце мое. Не могет.

Выпила водочки Апрасинья. Осторожно поставила рюмку на гладкий стол.

– Господи... Боже мой, – шептала Лукерья. – Просидела дурой... истлели годы... Ветошь... Тряпье! Боже ты мой!

– Ну, слушай, Манюня! – И Апрасинья вновь взялась за шитье, а рядом словно прилипла Околь. – ...Ушел Титка на охоту. Подняла с постели заплывший зад Суваннэ, огладила живот и груди – много, ой как хорошо, так много живота и груди, другого всего много. Дыхание в себе глубоко запрятала, задохнулась от радости, что телом богата!

– Неси быстро чуман со светлой водой, – приказала мачеха Таись-нэ. – Стану я смотреть, какая я!

Долго она вертелась вокруг чумана, разглядывала себя, и охватила ее голодная тоска. Да как же так, никто не видит такой красоты, только Титка маленько увидит, да и то после тяжелой охоты да в темноте, руками увидит, да никому не расскажет. Вот в чем беда, зазря пропадает такая красотища. Вышла ранним утром на улицу Суваннэ, ступила ногой на просыпающуюся траву – упала роса, задохнулась трава. На солнце набежала тучка – тень упала на землю.

– Смотри-ка, я, наверное, солнце затмила! – обрадовалась глупая женщина. – Подожду-ка я вечера, пусть на меня луна посмотрит.

Луна прокатилась над рекой, над урманами и прикрылась облаком.

– О! Великое Небо! Луна ослепла от моей красоты, – крикнула Суваннэ. – Наверное, мне нужно на небе жить, наверное, меня не оценят люди этого бедного стойбища.

Подслушал ее мысли Дух Болотный – Комполэн, понял сразу мелкоту ее души и решил рассорить Суваннэ с охотником, который его не боялся. Обернулся Комполэн женщиной других земель и пришел в избу Суваннэ. Вынул Комполэн из берестяного кузовка лоскуток прозрачной ткани и протянул женщине.

– Нравится? – спросил Комполэн. – Вот тебе какое платье!

– Ой! – обрадовалась Суваннэ. – Меня всю станет видно?!

– Всю, всю! – подтвердил Комполэн. – Так станет видно, что люди поймут, кто ты есть.

– Но ведь из такого лоскутка не сделаешь платья? У тебя, милая женщина, есть еще такая ткань?

– У меня нет, – ответил Комполэн. – Но ее много У Кулнэ – Женщины-Рыбы.

– Женщины-Рыбы? – выдохнула Суваннэ.

– Да! Ее ткут из лунных лучей и шороха волны те, кто обитает в реках. Если муж тебя любит, он достанет у Кулнэ волшебную ткань, а девочка Таись сошьет тебе платье.

Задумал Комполэн погубить охотника Титка. Пойдет охотник по рекам искать Женщину-Рыбу, погрузится он в реки, а там проглотит его Виткась-Обжора. И все это сделает глупая, ленивая жена. Глупость – большая помощница Злу. Исчез Комполэн, но глаз с Суваннэ не спускал.

А Суваннэ натянула на себя лоскуток прозрачной ткани и давай в реке себя смотреть. То ногу медленно так поднимет, то плечом поведет, то немного задом повертит. Здорово хорошо: задок не торчит, круглый, и передок хорош. Понравилась сама себе и пошла в гости похвастаться и разбудить в женщинах Зависть. Глупость всегда почему-то хочет, чтоб ее хвалили и завидовали.

– А это не только Глупость, – не согласилась Федора. – Каждой женщине лестно, чтоб ей завидовали, как пироги пекет, каку ягоду варит, как хозяйство ведет. Другая и умна, только в хозяйстве – прореха. От ума и мужика себе не берет – все ищет, чтоб пригожий был да богатый. – И она искоса взглянула на Лукерью. А та неотрывно разглядывала узоры и тихо-тихо вздыхала.

– Неужели пойдет?! – удивилась Манюня. – Неужели мужик пойдет ей водяную, прозрачную ткань искать?

...Идет по стойбищу Суваннэ, встречает женщин и говорит:

– Такую ткань из лунных лучей и шорохов волны ткут те, что обитают в реках. Муж мой, Титка, добудет ее у Женщины-Рыбы, Кулнэ. Как надену такое платье – стану сама повелевать Рыбами.

Засмеялись люди, пожали плечами, вернулись к своим делам. Почему Глупость имеет такую власть над Добротой и Силой, подумали люди. И еще подумали люди, если Глупость имеет власть, то, наверное, она творит только дурное и непристойное.

– Ты, наверное, уже не любишь меня, – сказала Суваннэ вернувшемуся с охоты мужу и стала тереться о него, как река о берега, то к одному месту прикоснется, то у другого притихнет. – Ты, Титка, видно, привел меня из дальних земель, чтобы люди смеялись надо мною?

– Что с тобой? – заботливо заглядывает ей в глаза Титка, а та, потягиваясь лениво, прижимается, как яловая жирная важенка.

– Я обещала тебе сына-охотника, сына-богатыря, – надула брусничные губы мачеха. – Я подарю тебе его, если ты добудешь мне волшебную прозрачную ткань, которой владеет Женщина-Рыба, Кулнэ.

– Да разве кто знает, где обитает Кулнэ, Женщина-Рыба? Ты знаешь? – спросил Титка. – Я обошел все урманы, видел много рек и озер, но не знаю, где обитает прекрасная Кулнэ.

– Если хочешь сына-охотника, найдешь! – заявила Суваннэ.

– Эе-хай-ай! – восторженно вскрикнула Манюня и хлопнула ладонями по бедрам. – Вот это баба! Вот дурной мужик! А ты говоришь – добрый охотник?! Да он не знает, что ли, от какого такого дела баба детей родит? Какая такая здесь прозрачная тряпка нужна, чтоб детенышей народить? О господи! Да какую такую тряпку надобно, чтоб ее хайло заткнуть?

– Она же не тряпку... она же просила волшебную ткань, – растерянно глядя на Манюню, сказала Околь, – «добудь мне прозрачную ткань – рожу охотника».

– Мы на что тебя ростим?! – плюнула на пол Манюня. – Ростим тебя на то, чтоб ты глупой была? Ты не знаешь, на каком струменте играют, чтоб дите...

– Маня! – возвысила голос Федора. – Не глумись! Одни глупости у тебя на уме и вовсе нету чистоты...

– Ну какая... какая может быть чистота, – стонала Лукерья и металась по комнате, и жетско, неприятно шуршал подол ее платья... – Тяжко мне, о тяжко, господи! Шаманка, заворожила шаманка, – кольнуло сердце, забилось оно и разбухло, заперев дыхание. – Гнать тебя подальше от людей, как ведьму... Ведьма! – пронзительно закричала Лукерья и выбросила вперед руки, растопырив пальцы. – Ведь-ма! – горло ее дрожало, и дрожали ее руки.

...Нет, уже не доскажет Апрасинья сказку свою о прекрасной Женщине-Рыбе, Кулнэ, о том, как долго та находилась в плену у Виткася-Обжоры, не расскажет Апрасинья о том, как одарила Кулнэ девушку Таись-нэ, открыв ей тайны Озер и Вод. Но в этом неторопливом разговоре Апрасинья узнала многое, даже не узнала, а почуяла – отдаст она Лукерье пригоршню узоров, задобрит ее, подраненную, наверное, ослабнет та, поможет. Самая главная не та шалая, грубая бабища Манюня. Нет, самая тяжелая для нее Федора, зоркая, неспящая, – ловит она каждый шорох. Не умна, не глупа, но и не дура, а серая, сухая, плоская. Ни у кого ума не занимает и в долг не дает, дерьмом изойдет, но не сдохнет – дерьмо-то, слава богу, свое. Все-то она знает, эта Федора: на чем мир стоял, стоит и будет держаться. Все, что есть плохое в людях, знает Федора, ощупывает глазами, и добра от нее не жди, не видела она никогда добра, а душу русскому богу отдала. Да отдала ли? Просто прилепилась от пустоты и ради корысти, молит его, а об чем – непонятно. Как яйцо Федора, за какой-то сучок ее зацепить?

– Гнать ее отсель! – стонет Лукерья. – Ведь-ма-а!

– Ты че? Че? – колыхнулась Манюня и вылила в рот полную стопку. – Она за ночлег платила, сказку сказывает тебе, едрена вошь, узоры подарила, а ты – гнать?! Ну и комарище ты!

– У-у-ву! В-вву-у-ы-и-и! – завывала непогодь за черным окном. – Ы-ы-и-иу-у! – набирал силы льдистый, шершавый ветер, жестко царапнул бревенчатые стены и ухнул в трубу. Звякнула заслонка, тихонько тявкнула собачонка под крыльцом. Заржал жеребец в мерзлых сумерках.

– Спортилась ночь, – пробормотала Апрасинья и, заглянув в окно, уловила затухающую кроваво-красную полоску заката. – Закроет снегом дорогу.

– На ночь печь истопи! – приказала Федора Манюне. – Выгонит ветром тепло... Самовар подогрей, почаевничаем – и на покой. У тебя еда-то с собой есть, Апрасинья? – спросила Федора. – А то, поди, нашей потребуешь... – усмехнулась она.

– А чего там у нас нынче? – мотнула головой Манюня. – Наше едово ей не по скусу? – удивилась Манюня. – Гляди-ка, ты посты соблюдаешь, как Федора?

– Да ей, вишь ты, запрет на голову баранью да на сердце и прочий бутор, – усмехнулась Федора.

– Да! – ответила Апрасинья. – Я твой закон уважаю, хотя не понимаю, зачем ты хочешь меня обидеть. Чай пить стану, а голову баранью поедать не стану!

– Не же-ла-ет?! – всплеснула руками Федора. – А суп?

– Суп можно, – важно ответила Апрасинья. – А сердце нельзя...

– Погано? – усмехнулась Федора.

– Закон не велит, – уперлась в нее взглядом Апрасинья.

– Так тебя никто здеся не видит, – легонько, по-мышиному разжала губы Лукерья. – Испробуй здеся, коль в твоих местах запрет.

– Самый дурной человек тот, что в чужих людях свои законы поганит! В чужих облаивает свой закон, чтобы ему, как собаке, кусок кинули, – низким голосом прогудела Апрасинья, а Лукерья вспыхнула и отодвинулась в тень, что падала от сальной, коптящей свечки.

– А поди, охота запретного, – поддразнивала Манюня. – Может, и не скусно, а манит. Ой как манит запретное! Засундученное...

– Нет, не манит, – спокойно ответила Апрасинья. – Знать надо, сколь дадут за твою шкуру. А когда знаешь, што за нее пустое дают, сразу станешь жрать то, што дают.

– Ишь ты! – восхитилась Манюня. – Да ты, баба, великого ума!

– Не жалуемся, терпим! – с глубоким достоинством ответила Апрасинья.

– По-твоему выходит – по Сеньке, стало быть, и шапка, – внимательно вглядывается в нее трезвеющая Манюня. – А ежели кто ошибается? – Она оглянулась на Федору и Лукерью. – Как тогда быть? Ежели станет баба видеть в себе больше, чем она стоит? Говори...

Апрасинья аккуратно сложила шитье, воткнула иголку, пододвинула к Лукерье и ответила негромко:

– Тогда она самая бедная баба. Проживет она пустой. Себе и другим душу изорвет и подохнет, как гриб под кочкой.

– Ну? Што я говорила? – заорала в восторге Манюня. – Темная вогулка до дна видит, а вы мне голову дурите. Каждый ее запрет языческий сильнее любой заповеди господней. Ну, а этта... как ее... эта стервозница Суваннэ, она, поди, узнала, сколь ее шкурка стоит, а? Знала аль нет?

– То охотник Титка не знал, какой он добрый, – тихо вошла в разговор Околь. – Ему доброта мешала увидеть, какая Суваннэ дурная.

– Сказывай дальше! – приказала Манюня. – Нет, стой! Вот тебе стопка за крупную твою душу. Пей! – потребовала Манюня и с верхом налила стопку. – Пей и сказывай, хотя знаю, что добром все кончится.

– Добром! – ответила Апрасинья.

Выпила водочку Апрасинья. Сладкая, вкусная, но только не больно привыкла к ней, полыхает водочка внутри таежным костром. О, хорошо-то как... Только разум отнимает, совсем другое нарождается перед глазами – расплывчатое, горячее, зыбкое.

– Погубила Гаись-нэ чудище Виткася, спасла отца, – устало поднялась Апрасинья. Тяжелый выдался день, грузный, изматывающий, как тропа в гиблом болоте.

– Эх ты! – хлопнула по коленке Манюня. – Все ты испортила, евринская шаманка. Страшным должна закруглиться так, чтобы на всю ночь не заснуть.

– Господи, – прошептала Лукерья, вслушиваясь в ночное колыхание пурги. – Скользнул день, истаял. И завтра истает... и послезавтра. Господи, зачем-то мы живем на белом свете? И какое бесчисленство таких, как мы...

КУПЛЯ-ПРОДАЖА

1

Всю ночь не спала Апрасинья, осторожно ощупывала дверь и выходила в другую избу, где ночевали мужики. Там, при коптящем жирнике, мужчины чинили сбрую, обувку, шлепали засаленными картами, курили и пили водку. Мирон успокаивал Апрасинью:

– Спи! День-два подымит поземка, кончит. Глядишь, завтра уже к вечеру приутихнет. Иди спи.

Только к утру в путаном сне забылась Апрасинья. Утром она дождалась, когда проснется в своей комнате Лукерья. Вошла к ней, тихо поздоровалась. Лукерья встретила ее приветливо, с улыбкой на умытом лице.

– Я все хочу спросить тебя, Лукерья, не отдаете вы свою девку замуж? – спросила она спокойно, будто просто так, мимоходом.

– Акулину? А не рано ли? – удивилась Лукерья, расчесывая гребнем густые волосы.

– Что ты, милая женщина, самая пора, – горячо принялась убеждать Апрасинья, но сдержалась вовремя. – Самая что ни на есть пора, – прогудела густым голосом. – Совсем она готова яичко положить и на гнездо сесть.

– Да я не знаю, – неясно, сумеречно улыбнулась Лукерья. – Все хозяйство Федора и Манюня ведут. Акулина вся целиком в ихних руках. Они ей приданое готовят и по хозяйству, письму-грамоте обучают... Я ведь только шить учу. А у тебя жених, что ли, есть? – в Лукерье затеплел интерес, и она будто оживилась. – Красивый жених? – тоненько засмеялась Лукерья, но отрешенно, как о далеком, постороннем. И в смехе том тихо скользнула тоска о несбыточном, простом бабьем счастье, что не состоялось. Но почему – никто не знает.

– Мне-то он, может, самым красивым глядится, – осторожно начала Апрасинья. – Но скажу тебе, Лукерья, на лицо, на тело – видный, горячий, быстрый! Девки наши бегают за ним сучонками, оттого и боязно, что могут выстудить его насквозь. Издохнуть можно, когда девок много.

– Он сын твой, что ли? – Лукерья подняла на Апрасинью кроткие глаза. – Охотник?

– Да! Фартовый охотник! – с гордостью ответила Апрасинья. – Хороший у меня сын, сильный. И коней любит. В кузне железо бьет, – доверительно сообщила Апрасинья. – А ума наберется. Жизнь его, как весло, короткая.

– И ты зажелала взять ему в жены Акулину? – как-то тихо удивилась Лукерья. – Он же ди-ки-ий! – с затаенным ужасом протянула она. – Ди-кий... Пропах шкурами и зверем. Утащит в свою берлогу, – тетка подняла свои невидящие глаза в набежавшей слезе и простонала: – В берлоге кровь из нее выпьет. Он же тела ее касаться станет, требовать.

– Какой он зверь, когда он сын мой?! – успокаивает ее Апрасинья. – Человеческий он детеныш, гляди, вот она – я, дотронься. Медведица, что ли, я? – Ей стало так одиноко и тоскливо от той вражды, что жила в слабом, кротком существе. – Я приняла тебя за добрую... За чистую я приняла тебя, Лукерья...

– Нет! Не бывать тому, – громко крикнула тетка, лицо ее исказили гадливость, страх и омерзение. Откинулась она от Апрасиньи, а в комнате, в раскрытой двери, возникло опухшее с похмелья, красное и дряблое лицо Манюни.

– Пошто крик? Кака така драка? – рявкнула Манюня и, растрепанная, шлепнулась задом на широкую лавку. – Горим али тлеем?

– Вот она... – вскинула, как пику, свой тоненький пальчик Лукерья.

– Ну, вижу, – колыхнулась Манюня. – Укусила?

– Дикая туземка хочет взять... в снохи Акулину... В вонючее стойло... Во вшивую юрту, в собачник... – завизжала Лукерья так тоненько и пронзительно, что зазвенело в ушах.

– Ну так што? – мотнула нечесаной головой Манюня. – Девке срок пришел, созрела. А то, как морошка, перекиснет... Перекиснет ведь, – хохотнула Манюня и ткнула кулаком в тугой бок Апрасиньи. – Девку с огня надо ломать, как шаньгу, ей-бо!

– Да я по-доброму хочу, – устало и отрешенно ответила Апрасинья. – Сговориться, калым назначить...

– Калым – это перьвое дело! – выдохнула Манюня. – Да и пир закатим хмельной, чтоб земля дрожала.

– Туземка дикая... – тягуче стонала Лукерья. – Вонючая, немытая инородь... Господи... и туда же лезут. Куды конь с копытом, туда и рак с клешней.

– А сама-то кто? – стукнула по столу кулаком Манюня. – Сама-то каких ты кровей? В тебе вогульские, и татарские, и русские кровя. В этой, – она хлопнула ручищей по плечу Апрасинью, – хоть одна, да своя, цельная. Эх-ма! Счас мы с тобой, Апрасинья, белого вина хватанем, не то в голове у меня туман. Счас... Ладно ты придумала.

Манюня ушла в переднюю комнату, загремели лавки, заскрипел стол, грохнул на пол котелок. Вскоре вернулась, прижимая к груди завернутую в платок посудину. Дрожали руки ее, когда цедила белое вино в берестяной ватланчик, наполнила его и с размаху опрокинула в рот – еех-ха! Открыв рот, выдохнула, крякнула, смахнула слезину, набрякшую у глаза.

– Пей! – И протянула половину ватланчика Апрасинье. – Пей! Сговор счас изладим! Федора! – рявкнула Манюня. – Поди сюда, рядиться начнем!

По-мышиному, мягко вкатилась в комнату Федора. Тонкие ноздри ее задрожали, принюхалась Федора – шибануло в нее сивушным духом.

– Бесстыжая! – тоненько вскрикнула Федора и взмахнула сухоньким кулачком. – По утру зелье жрешь, да сгори ты синим огнем! Тьфу, бесовка! Покарай ты ее, господи, кобылицу неразумную!

– Я те покараю! – Манюня положила на ее плечо чугунную руку, и Федора опустилась на лавку. – Слышь, Федора, она вот Акулину нашу сватает.

– То не она, то дурь ее сватает, – поджала губы Федора. – Акулину есть кому посватать, – чуть помедлила Федора, оглянула искоса Апрасинью. – Лавочник вдовый из Гарей антерес к ней поимел.

– Кривой-то? – заорала Манюня. – Да он плешивый, как моя задница. Налим мокрогубый! Ты вовсе сдурела, Федора. Кривоглазый...

– Лавка у него не кривая, – отрезала Федора. – Битком товаром набита... И бакалея, и галантерея... И амбары полны...

– Плешивец он, – тихо подсказала Лукерья. – Голова босая...

– Зато почет! – взмахнула птичьей лапкой Федора. – Всех мужиков в округе в кулаке держит...

– Кровосос! Мизгирь мохнорылый, – бухнула Манюня и налила себе вина. На ее лице выступили красные пятна, желтизной заполыхали глаза.

– Приданого просит вовсе мало, – гнет свое Федора. – Просит он за Акулину десять рублей золотом, да две шубы беличьих, да тулуп волчий, корову да коня. Ну и белье-одежду...

– Да пошто приданое псу одноглазому отдавать, когда по ихнему закону, – Манюня кивнула на Апрасинью, – с жениха выкуп возьмем! А тебе что с того, что у лавочника амбары полные. Тебе-то – навар?

– Верно, верно, – закивала головой Апрасинья, – какой выкуп назначишь. Думать будем... Может, сладим, – уже тише добавила она. – Да и мансийка она, Околь, не русская...

– Торговля это! Купля! – заломила руки Лукерья. – Девушку продавать в дикий урман? Кака така Околь мансийка – дикую гусю выкорми, домашней станет. Насквозь русская. Она исподнее белье носит...

– Здесь все дикие! – поднялась Апрасинья. – Здесь девка сама мужику выкуп приносит... А пошто? Чтобы сравняться с ним, одного росту стать, да? Пущай исподнее носит, то делу не помеха... только пошто девка сама выкуп несет?

– Ишь ты, десять рублей золотых, – взмахнула рукой Манюня. – Да я удавлюсь на осине да стану приходить по ночам к нему голая, а не дам! Не дам! – яростно замотала головой Манюня.

– Обещано мною было! – не сдается Федора. – Лавошник Матвей так считает – возьмет он в жены Акулину, а в ее комнате или в моей лавчонку с ходовым товаром откроет, и потекут к нам денежки и от пешего, и от конного люда. Думать надо! Головастый мужик, копейку не сорит...

– Нету... нет... и нету! – загрохотала лавкой Манюня. – Ты, сестрица старшая Федорушка, верно, забыла, что тройной мы ответ за нее держим. Лукерья! Ты согласна Акулину за лавошника кривого отдать?

– Не согласна! Плешивец... Жаден, что волос свой не хочет носить... – ответила Лукерья.

– А ты согласна за вогула отдать в урман? – пытает Манюня.

– Не согласная! – отвечает Лукерья.

– Так за кого отдавать-то? – потребовала Манюня.

– Не знаю! Ой не знаю... Ведь он ее в постелю свою опрокинет!

– Для того и в жены берут, дура! – рявкнула Манюня.

– Ну, а какой для антиресу твой выкуп? – равнодушно будто поинтересовалась Федора. – У нас девка непростая. Она грамоту знает, шить обучена, русской стряпне. Крещена вдобавок. Так какой твой крохоборный выкуп, шаманка?

– Говори сама! – только и смогла ответить Апраинья. – У нас в Евре разной девке – разный толк.

– Ну какой? Отвечай! – потребовала Манюня. – Только не бреши. Мы цены знаем, – она стала деловой, какой-то очень резкой и опасной.

– Разный калым, – уклончиво протянула Апрасинья. – За какую там мелкую девку – пуд белок да что-нибудь из мехов. Кто конями берет да овцу-другую в придачу. Или пару собак хороших, или пай свой в реке отдаст девкину отцу. В моих землях – у сосьвинских манси – пушнину, котлы медные, чайники, табак дают, муку, сахар. Оленей дают, нарты, а то и чум готовый. Капкан дают, ружье. Ружье, однако, редко.

– Ну, баба! – рассердилась Манюня. – Пошто нам капканы, пошто собаки, котлы медные, – передразнила Манюня. – Ты дело говори – сколь пушнины дают?

– Пуд... два пуда белки! Пуд соболя – это больно хорошая девка, – ответила Апрасинья. – Редкая порода... Которая одна у отца-матери. Выгулянная...

– Так! – задумалась Манюня, зашевелила губами. – Ты, Федора, торг знаешь, сколь шкурка соболя стоит? Ладно, молчи, значит, пуд соболей? А сколько в пуде-то, а? За Акулю – два пуда!

– Два пуда?! Два пуда-то – три-четыре зимы бегать в урман надо. Нет, наверное, четыре зимы, – ответила Апрасинья. – Можно совсем издохнуть, а зверька не достать. Он – умный человек, соболь. Сам он в петлю, в сеть не лезет, однако. Помни это!

– Это, конечно, – согласилась Федора. – Сам бы лез, золотом не ценили. Но у вас его там видимо-невидимо, огульного зверья-то. Сказывали знающие люди, что соболь запросто бегает по деревьям, а когда мороз ярит, то падает прямо на землю. Только-то и трудов что ходи подбирай! Слыхивали...

– Плюнь тому в глаза, кто тебе такое сказал, – вскочила Апрасинья. – Не каждому охотнику соболь достается. Ладно, пошлю своих мужчин в лес. За две зимы добудут. Бери пуд соболей да пуд белки, – решительно заявила Апрасинья. – Сама в лес пойду и добуду.

Молчат сестры. Тихо стало у стола. Федора пошептала сухими узкими губами, переплела пальцы, выдернула нитку из платка.

– Вот, баба, как порешим – сговору будто бы не было, начало только разговору положили. Завтра... послезавтра похожу по толковым людям, по торговым. Ой... съездить надобно в Туринск да в Гари разузнать, сколь тот пуд в червонцах стоит. Сколь стоит, ежели в золото перевести, или в хлеб, или в товар какой? Не то обманешь, а остаток дней в горе провести мы не желаем! Задержись еще день да ночь, скажу! – так за сестер порешила Федора.

Два дня бегала Федора – узнавала, вынюхивала, выспрашивала. Два дня не пила вина Манюня. Два дня не садилась за шитье Лукерья. На третий день сказали-приговорили сурово и бесповоротно, словно приварили:

– Давай полтора пуда соболей за Акулину! – заявила Федора и обнажила клыки.

– Давай еще пуд белки, дюжину выдры или бобров да две дюжины волков или рысей! – пробасила Манюня и ударила кулаком по столу. – Каждый из нас на подарок шубу меховую – беличью!

– Шапку каждой кунью, рукавицы, хоть из горностая, – простонала Лукерья и оглянулась на темный угол, – хоть из колонка.

– Да три денежки золотых! – как ножом отрезала Федора. – И на том весь наш сказ!

Схватилась за голову, застонала Апрасинья.

2

Всю зиму не выходят из урманов ее сыновья. Исхудал у костров Мирон, почернел на зимних каленых ветрах. На тонком лице крупный с горбинкой нос. Истрепали его лесные тропы, глаза горят от жара – грудь он остудил. Кашлять по ночам начал, во сне непонятное говорит. И всякому из них стала сниться Околь, хотя, кроме Мирона, не видели ее наяву.

Мирону она явилась почему-то дорогой, но бессмысленной игрушкой, заводным фарфоровым болванчиком, заморским идолом, что он видел в лавке у пелымского купца – белолицая, розовощекая девка качала головой. «Китайка, – сообщил торгаш. – Из самих Китаев». Качает толстощекая китаянка головой, и звенит в ней, не прекращаясь, а где – не поймешь, в голове ли, в титьках ли, тоненький колокольчик – дзинь-дзинь, дзинь-линь. Зачем такая дорогая ломкая игрушка охотнику? Зачем бесполезная вещь в хозяйстве? Качает головой: дзинь-дзинь-линь. Ни тепло от нее, ни холодно, и качается тебе, как сосулька на весеннем ветру, только та сосулька хоть радует сердце, сулит она теплые ветры и оттепель. А эта... Является она еще во сне Мирону, как рысь, солнечного цвета, цвета горячего песка и просит, жалобно Околь просит: «Мирон... Мирон! Сними с меня черные пятнышки. Прожигают они меня насквозь». Мирон твердой рукой дотрагивается до пятнистой шкуры, а та, волнистая, шелковая, вдруг вспыхивает. Пламя бросается в лицо и выжигает Мирону глаза. В огненных радужных кругах, в языках чадящих костров просыпается Мирон. И почему-то, уже вроде бы проснувшись, он падает в тот костер, куда он опрокинул великого шамана Волчий Глаз. Крылья Черного Ворона нависали над лютыми и морозными глазами шамана, и, задыхаясь от злобы, тот рычал и надвигался на Мирона, растопырив не пальцы, а кривые когти. Задрожал крупно телом Мирон, волосы дыбом поднялись – страшно! Глаз страшен – не коготь.

– Полтора пуда соболей, – рычит Волчий Глаз. – Полтора пуда соболей да белок пуд. Кха-укха! Да три шубы меховых, – дико захохотал Волчий Глаз. – Три шубы! Три шапки куньи да три денежки... Три денежки! – прокатилось над лесом, и Мирон просыпается в холодном поту.

И так изо дня в день вползают в сны Мирона чудища и оборотни с зелеными, красными глазами, голыми, иглистыми хвостами и вонючими пастями.

– Ты без выкупа взял мо-о-ою Апра-синь-юю, – корчится на огне шаман. – Ты украл ее! Во-ор! Вор-ор ты! Подошло время, подошло время расплаты. Ты издохнешь в тайге, Мирон, но не добудешь ты соболя. Не добудешь... Околь, как Апрасинья, тоже шаманка, только другая. Апра-си-нья! – зовет Волчий Глаз. – Я ведь выжил, Журавлиный Крик! Выжил!

И сыновьям Мирона опостылела Околь. Хоть ни разу не видели ее, но она уже издали казалась им хитрой, кровожадной, с ощеренной зубастой пастью лесной колдуньи – Вор-Люльнэ – Лешачихой.

– Давно такого калыма не было, – ворчали сыновья. – Сахарная вся!

Это за-ради нее они утопают в снегах, мерзнут у негреющих костров, а зверек, сверкая драгоценной шубкой, ускользает из рук, вытекает между пальцами, как зыбкий лунный свет. Нет, страшная то женщина, жадно тело ее, руки ее, коли просят за нее такой колым. Наверное, она станет жить в отдельной юрте? Да не потому, что трудно добыть два пуда соболей, но ежели их отдать, что жрать, что одевать? Да и им самим, поди, нужно жениться, время созрело. Ведь семь сынов, так ежели каждому такой калым готовить, всего зверя переведешь, с корнем его выдерешь – не лес то будет, а гольное пожарище...

Тимоха торопит братьев, торопит отца: «Давай... давай, пора вставать». Первым убегает в урман, без богатой добычи не возвращается. Ему уже мнится, что держит он девку в объятиях и сгорает в ее огнях, а она тает... тает... спелой малиной на жадных губах. «Фарт, Удача к нему обернулись, – решили братья, – собак ему отец дал самых зверовых, а ружье его заморское».

Апрасинья посадила всех женщин за работу. Ножами скребут они шкурки, сдирают мездру, мнут и сушат Шкурки, и те уже отсвечивают драгоценным ворсом.

Уходила Апрасинья в бор к заверованным деревьям и у корней неохватной березы разводила костры, приносила жертву добрым Духам леса, трав и воды. То белого петуха принесет редкого, то овечью шерсть, то беличьи тушки. Все пожирает огонь, но молчит.

– О, Белый Светлый День! О, Великое Небо... и ты, Сим Пупий – Милый Шайтан! Вы видите, как я хочу, чтобы не купленной, не проданной пришла к моему сыну женщина Околь, – страстно заклинает Апрасинья, – не спутанной по рукам и ногам. Не хочу, чтоб стала она брошенной под мужа женщиной. Боже небесный! Шайтан земной! Дайте Тимохе женщину Околь, как подругу дайте, как опору в жизни. Если баба приклеится к мужу или мужик к бабе – это еще не любовь, то страх одиночества. Маленькая жизнь – в маленьких ожиданиях.

Через зиму заторопилась Апрасинья за невестой сыну.

3

Все осталось прежним. Светились лампады перед черными досками в комнате Федоры. Грохотала сапогами одуревшая от вина растрепанная Манюня. Бесплотной тенью, летучей мышью повисла над шитьем Лукерья. Только Околь стала краше, глазастей и крупнее, но не слышно ее песен, легких, как ветерок над ягодной поляной.

Вокруг постоялого двора на вороном, как уголь, жеребце кружил Тимофей. У жеребца полыхал глаз, у Тимохи полыхало сердце. Увидела его в окошке Околь – «Кто?»

Сгрудились тетки вокруг Апрасиньи.

– Сговор ли остался? – торопливо спросила Апрасинья.

– Нет! – ответила Федора. – Порешили мы отдать Акулину за гаринского ямщика Григория. Держит он ямщину. Постоялый двор у него по Гаринскому тракту.

– Не пойду за него! – заливается слезами Акулина. – Вы посмотрите, милые тетушки, как он коней своих держит, а они ведь ему жизнь дают! У его коней сердце разрывается на бегу, дохнут от непосильной работы. Не отдавайте меня за него! – взмолилась Околь.

– А как же уговор? А как же лад? – растерялась Апрасинья. – Обман?

– А кто видел? А кто слышал? – взвилась Федора. – Кто знает, что сговор был с туземкой? Да в нас в Пелыме плевать зачнут, когда узнают, что дикому охотнику такая красота достанется. Не ровня мы!

Околь вышла на улицу, и здесь увидел ее Тимоха, увидел и обомлел. Тимоха, обтирая рукавицами угольно-черного жеребца, смотрел на нее с таким восторгом, что Околь невольно улыбнулась.

– Ты откуда? – сверкнула белыми зубами Околь. – Не из Евры?

– Да, – проглотил жесткий комок Тимоха. – Там живу... – И шагнул к Околь, потянул за повод жеребца.

– Ты – охотник, Тимофей? – окинула взглядом Околь крупного парня в короткой расшитой малице, затянутой широким кожаным поясом. Пояс украшен пятью медвежьими клыками, рысьим когтем и волчьими зубами – только разве понимает Околь, почему украшен пояс клыками. Три ножа свисали с пояса, трубка и расшитый бисером кисет. Из-под рысьей шапки, отороченной куницей, на Околь неотрывно, зовуще и восторженно смотрят горячие, диковатые глаза.

– Я... я Тимоха! – загорячился юноша. – Мать моя – Апрасинья, Журавлиный Крик, в сговор вошла. А ты?! Ты, наверное, Ворнэ – Лесная Женщина?

– Акулина я, – тихо, сквозь слезы засмеялась девушка. Не испугал ее порывистый, неловкий и красивый юноша охотник. Вовсе не дикий он, не страшный, и пальцы без звериных когтей. Но он ей совсем чужой, далекий, и не такого Тимофея ждала Акулина, и почему-то в снах, в девичьих грезах он виделся высоким, тонким и, наверное, все-таки русским.

– Калым за тебя привезли, – заторопился Тимофей, сорвал с себя шапку, и черные прямые волосы упали на плечи. – Выходи за меня, Околь! Всегда будет гореть огонь в моем чувале! Всегда будет еда в твоей колташихе!

Вот, вот оно наступило, вот оно зацвело и назрело, то золотое времечко, когда тебя, девушка, так любовно задыхаясь, в жены зовут. Зовут! Ждала и поджидала, но все не то, и все не так... О господи!

– Как тетушки порешат, – грустно ответила девушка. – Не вольна я... – И подошло здесь, нахлынуло, захлестнуло ощущение полной своей беззащитности и немоты. Околь охватил страх, стреножила тоска, и беззвучная буря ворвалась в нее и, раздирая корни, корешки, что крепили ее к прежней жизни, опрокидывала гнездышки больших и малых привязанностей.

– А если не отдадут? – испугался Тимофей.

– Не хотят они за тебя, – опустила глаза девушка. Она и сама не хотела, не верила, что тетки отдадут ее за евринца, и обидно ей было, что при ней начали торг, и стыдно, и горько.

– А ты?.. Ты?! – рванулся к ней Тимофей.

Околь подняла длинные ресницы, полыхнула взглядом, вырвала руку и отвернулась.

– Господи! Господи всемогущий! Спаси меня... – внятно шептала Околь. Потускнели глаза девушки, увяли губы. Что делать? Ведь этого мужчину она должна любить, ласкать, уважать, ему должна повиноваться, а кто он для нее?

– Я украду тебя! – крикнул Тимофей и вскочил на жеребца. – Смотри, как ветер он... Не бежит, а глотает тропу...

4

А тетки вели с Апрасиньей горячее торжище. Апрасинья и Мирон развязывали мешки и сумки, открывали берестяные коробки и бросали под ноги женщин легкие сверкающие меха, куньи шапки, разворачивали голубовато-дымчатые беличьи шубы. Разгорелись, зажглись глаза, затряслись у теток руки, вытянулись шеи – такое невиданное богатство! Это же царский выкуп, да за простую девку! И увидела сейчас Апрасинья Журавлиный Крик, выглядела она сейчас до самого донышка мелкость душ рублевских теток. Их крючило-корючило от жадности, и не просто жадности, а какой-то звери ной, долго скрываемой, неутолимой алчности. Они обнюхивали каждую шкурку, мяли когтистыми пальцами, а у Манюни не коготь, а копыто, перебирали ворсинки, разглядывая тонкие, едва заметные швы лыенъях – беличьей шубы. Апрасинья нутром почувствовала, что тетки станут торговаться до последнего дыхания, до капельки, пока обескровят ее, пока не выманят лишнюю шкурку, ворсинки которой еще дрожат напряжением изнурительной погони. Ладно, пусть так! Она ведь сможет... неужто она не сможет посмотреть на них взглядом Волчьего Глаза! И она напряглась, вызвала в себе ту силу, которой нечаянно одарила ее земля.

Несколько раз тетки швыряли на пол драгоценные меха, заламывали руки и закатывали глаза.

– Нет! Мало! Ты погляди, какие у Околь титьки! – Девушка молча стояла в углу под иконами, и Федора, крутила ее и тормошила. – Гляди! Слепая ты баба! Я тебе не гниль отдаю... – и хлопала Околь по широким бедрам. – Ты это хоть видишь?

Лукерья шмыгала утицей-подранком между сестрами, верещала тоненьким голоском:

– А мастерица она! Мастерица... Руки у нее как бабочки. Так и порхают, так и порхают!

«Вот для чего растили меня?» – как-то отрешенно, будто о другой, протянулось в Околь и мгновенно погасло. Застыла она.

– Эх-их! – басит Манюня. – Давай пять денежек, и дело с концом. Не девка, а кобылица. Из нее ребятишки посыплются, как морошка из лукошка. Эх-ма! – И ставит на стол Манюня посудину с вином. – Выпей, Апрасинья, отогрей душу!

Несколько раз тетки запихивали пушнину в мешки, несколько раз выбрасывали и пересчитывали, натягивали на себя шубы, напяливали шапки, но Апрасинья не сдалась. Молча следила, потягивая трубку, и грозно отсвечивала глазами.

Мокрые, распаренные тетки свалились на лавки. Тяжело дышали.

– Ладно, грабь! – решила Федора и тоненько завыла. – Отдам тебя, бедная девушка, в чужую семью, в чужую землю... ай-аю... Станешь жить в берлоге, да темной – со лютыми зверями, с тараканами да клопами. – И полились слезы ручьем из глаз Федоры.

Манюня подмигнула Мирону, хлопнула по плечу Апрасинью и, притянув за руку, посадила рядом Акулину. Хриплым голосом повела, словно поземкой, чудную песню:

– Кунья шуба, не попыхивай, ты, Тимоха, не поздыхивай, – и вдруг оборвала: – И где жених? На дворе... А ну давай его сюда!

Медведицей вывалилась Манюня во двор, схватила Тимоху за пояс и потащила в избу. Вытолкнула его на середину комнаты, подвела Акулину и, кашлянув в кулак, просипела:

– Вот тебе, Тимоха-женишок, невеста. Вот тебе писаная красавица Акулина. Отдаем тебе ее из рук в руки. Сердце из себя вынимаем.

Тимоха осторожно дотронулся до руки Околь, та была холодна и висела, как сломанная ветка.

– Ты – моя?! – выдохнул Тимоха.

– Твоя! – рявкнула Манюня. – Твоя станет, когда в бане помоешься да в церкви обвенчаешься, понял? По закону! – И, раскрыв рот, затянула:

Кунья шуба, не попыхивай, ты, Тимоха, не поздыхивай!
Наша-то Акуля не хуже тебя:
Она ростом поменьше, да умом подороже,
Она костью поскладней тебя! Белым лицом побелей тебя!
Наша-то Акуля и не пара тебе.
Тебе-то пара – во дворе свинья полосатая да с поросятами.

– Какая свинья? Какая такая свинья? – не может понять Апрасинья. Мирон молча кладет руку на плечо жены, но оно каменеет – неподкупна сейчас Апрасинья.

– Песня такая, – отмахнулась Манюня. – Жалостливые песни надо петь, когда девка под венец идет. Вот, до церкви.

– Не пойду! В церкву не пойду! – взбычился Тимоха.

– Без церкви только собакам можно! – отрезала Федора, глядя мимо Тимофея, и лицо ее – власть. – Без церкви только зверь зверенышей рожает.

– Пойдет... Пойдет он, – заторопился Мирон, и Апрасинья ласково погладила его руку. – Молодой он, боязно ему. Его поп в Евре в чуман бросал, водой тоже брызгал. А в церковь не ходил... Молодой еще. Клистос нам не помеха! – твердо сказал Мирон. – Пусть он живет в той душе, где найдет место.

– А ну, Мирон, ставь вина! Угощай! – размахнулась Манюня. – Очень я даже довольна калымом! Как за барыню взяли. Эх-ха, темные вы души! – рявкнула Манюня.

И три дня без просыпа шла гульба, и три дня, падая и поднимаясь, хвастались друг перед дружкой – тетки нахваливали невесту, а Мирон с Апрасиньей – Тимоху. А потом, как в тумане, была церковь, и свадебный русский пир, и дальняя для Околь дорога.

Обернул ее Тимофей Картин в соболиный тулупчик, свистнул на всю улицу, и рванулись вороные длинногривые кони.

Страшно, одиноко и горько стало Околь, когда скрылся из виду посеревший от времени дом теток. Жестяной петух на трубе в беззвучном крике распахнул крылья. В ноги коней бьет полуденная поземка. Заячий след петляет в обледенелых тальниках.

– Не пускай в себя страх, Околь, – успокаивала ее Апрасинья. – Судьба метит слабых. Тебе отпущен долгий век – так говорит мне сердце.

ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК

1

Заботой окружила Околь Апрасинья, берегла, не ломала в грязной работе. Обучала тонкому шитью и древним узорам, подолгу рассказывала о своей земле, о народе сосьвинских манси, о евринцах, об их обычаях и законах.

Как только Апрасинья привезла Околь, вся Евра от мала до велика пришла смотреть на чужачку, что перешла дорогу своим, местным девкам.

– Смотреть надо! – перешептывались женщины. – Смотреть многими глазами, каку таку девку отыскала Апрасинья. Кака така красавица нельмушка?

– А може, не красавица? Зачем Апрасинье лебедица? Она, поди, такую же шаманку, как сама, отыскала. Сколько зим и весен слопец на девок ставила и выловила Вор-Люльнэ – Лешачиху! – хихикнули евринские бабенки, что послабее умом и с легкими языками.

– Вы-ло-ви-ла Вор-Люль-нэ?! – прошептали пораженные вддвицы. – Неужели она перевернуться может в рысь или вывернуться наизнанку? Щох-щох! Чего она, слаще, что ли, ежели грамоту знает?!

– Она ведь под юбкой короткие штаны носит! – с притаенной гордостью отвечала старшая дочь Апрасиньи.

Шли по Евре пересуды, пробегали, как легкий ветерок, но, увидев Околь, бабенки затихли – что-то было такое в нетронутой чистоте девушки. И еще замечено было: сквозь легкую грусть словно бы проступает боль. Почему? Отчего? Что еще девке надо? В такую семью добрую попала! Сыта будет всегда, не погаснет огонь в чувале, а над огнем в большой колташихе всегда варится мясо. Чего ей еще надо – ну поколотит ее разок-другой Апрасинья, поди, не убавится.

На свадебный пир позвала Апрасинья всю Евру.

– По-русски гуляли, под гармошку. В церкву возили, мужик бородатый здорово ревел. Теперь по-своему, по-мансийски пир справим, – повеселела Апрасинья. – Люди, идите на пир!

Вот здесь, на пиру, и увидел Околь хмурый и как будто угасающий Ондрэ Хотанг. Ондрэ Хотанг оставался одиноким, как волк с поломанной челюстью, и одиночество горело в его ночных глазах. О бог ты мой! Как давно у него не было женщины, он забывает биение и трепет женского сердца, ее путаное, сонное дыхание, разбросанность обнаженного тела! Как хочется ему женщины, и это острее ножа, пронзительнее иглы, что вонзается в глаз, это оглушительнее грома над сонной туманной старицей и страшнее рева медведя на медвежьей свадьбе. И хотя ему очень хотелось женщины, он, Анджей, не мог позволить себе, поляку, шляхтичу, европейцу, снизойти, опуститься до евринской женщины. Не мог! И не сможет! Не заставить себя, хотя он ясно понимает: ему с его чахоткой отсюда уже не уйти... Женщины Конды и Евры казались ему забитыми, темными, жалкими существами, грязными, пропахшими насквозь рыбьим жиром и звериными шкурами. Темные, примитивные туземки. Разве о такой женщине мечтал Анджей, все восставало в нем, хотя так ему хотелось женщину...

Но эта, что сидела рядом с лоснящимся от счастья Тимофеем, вдруг потянула к себе, позвала грустной улыбкой, томящей острой тоской. На столах хмельно и круто пенилась брага, из берестяных туесов лилась огненная вода. Густой пар поднимался над громадными кусками сохатины, баранины и над широкими корытами с вареной, и жареной, и печенной на вертеле рыбой, над овсяным киселем и чаем, гремела посуда, звякали ножи. Невообразимый гул поднялся над пиршественными столами. Кто-то пьяно перебирал рокочущие струны священного «лебедя», кто-то бренькал на трех струнах «гагары», дул в берестяную трубу.

Поднималась над столами и рвалась песня, падала подстреленным глухарем. Но ничего не слышал Ондрэ Хотанг, не отрываясь, будто утоляя жажду, смотрел он на Околь, которую обнимал и тискал потный от вина, хмельной от счастья фартовый охотник Тимофей. Но отчего так потянуло Анджея к Околь? Ведь не красота, ведь не тонкая, чеканно выпуклая азиатская красота, упругая, и таинственная, и неразгаданная, потянула в себя Анджея? Ведь не только оголенное, откровенное желание женщины заставляло содрогнуться его, напрячься до такой боли, что хотелось кричать и рвать себя в клочья?

– Боже мой, как она одинока! – шептал поляк. – Она же замерзает, она леденеет от одиночества. Она заживо умирает, исподволь входит в свое одичание! – Глядишь в девку?! – даже вздрогнул Ондрэ, когда над ним наклонилась разгоряченная Апрасинья.

– Незамутненная! – выдохнула она и пошатнулась, плесканула водкой из берестяного ватланчика, налила полную чарку. – Пей, оторванный от своей земли! Пей! – приказала хмельная, довольная пиром Апрасинья. – Она, Околь, ведь грамоту знает.

– Гра-мо-ту зна-е-ет? – поразился Ондрэ.

– И в Христа верит! – как-то заносчиво, горделиво подчеркнула Апрасинья. – Две веры в ней. Еще не пойму, худо ли это али добро!

– В Христа верит? – переспросил Ондрэ. – Искренне верит или просто за кем-то повторяет?

– А ты пошто так глядишь на нее? – хоть и пьяна была Апрасинья, но оставалась настороженной. – Так глядеть худо! Так ворона смотрит в чужое гнездо!

– Ты видишь, Апрасинья, у нее шевелятся губы, – дотронулся Ондрэ до плеча Апрасиньи.

– Она, наверное, поет?! – недоверчиво вглядывалась в Околь Апрасинья.

– Нет, – грустно и тяжело ответил поляк. – Она молится своему богу.

– Пусть, – жестко и трезво отрезала Апрасинья, – каждый по-своему прощается с детством, каждый по-своему входит в омута жизни.

2

Привыкла Околь к мужу и незаметно так привязала его к себе, что Тимофей подолгу не отлучался из Евры; нет, не боялся – пропащим считал день без Околь. Привыкла она к братьям, сестрам Тимофея, к Евре, евринцам, к их непонятным обычаям и законам. Но оставалась она по-прежнему скованной и нераскрытой, как затянутая смолой кедровая шишка, где под жесткой чешуей в теплой темноте молочно наливается орех. Будто она нарочно не хотела быть замеченной, не хотела привлечь к себе чье-то внимание. Вдруг застывала на месте, отрешенная от всего, не слыша, что ее окликают или о чем-то просят. Или бродила по двору молча и напряженно, уходила в лес, глядя в тревожный, длинный, дымный закат. Апрасинья внимательно следила за невесткой, не лезла напролом в ее непокойную душу. Как ни пыталась она понять Околь, не смогла. А Тимофей ничего не замечал. Он словно растворился в Околь – собственной, цельной, без изъяна, красивой женщине, которую он может взять, когда ему угодно – хоть утром, хоть в горячий душный полдень. Он еще не верил тому, что вся она его – от бровей и до пяток.

– Ты знаешь, какая моя баба?! – хвастает Тимофей перед мужиками. – О, я на нее, как в облака, падаю и лечу... Ой! Как я лечу! И она подо мной как утка на волне покачивается.

– На первых порах она вкусна, как стерлядка! – поддакивают евринцы. – Но и с нельмы на ершишку тянет. Бывает просто невмоготу как ершишку поесть охота...

– Ты, Тимоха, не больно-то сказывай, какая она у тебя наваристая, – поддразнивали его мужчины постарше. – Уйдешь в урман, кто-нибудь с ложкой придет похлебать из твоей колташихи! Смотри, парень!

– У меня глаз острый. С зубом у меня глаз, – отмахивается Тимофей. – Однако побегу, – торопится Тимофей. – Маленько мне бабы захотелось!

– А чего ему, – рассудили мужики и набили трубки. – Два пуда соболей отдал? Отдал. Теперь калым маленько себе возвращает.

Апрасинья видела, что это уже не прежняя, жизнерадостная, чуточку игривая Околь, что затускнела она, хотя к ней не дотронулись ни хворь, ни дурной глаз. Тоска? Какая может быть тоска, когда столько дел? Нет, Околь не очень-то тосковала о Пелыме, там не осталось подруг. Она редко вспоминала теток: разглядела их во время сватовства – торговли и продажи. Не осудила их, хотя было ей горько, стыдно, противно, ведь так делали все, всегда, из века в век, и везде, пусть не так обнаженно и открыто. Ведь они о ней заботились, холили ее лишь затем, чтобы подороже, хорошо продать. И Околь задумалась, чем же она должна расплатиться. Ведь она должна расплачиваться безмолвно и безответно. А за что? За кусок хлеба, за кусок тряпки, за кров над головой? Значит, она навсегда, насовсем останется в этой деревушке, на этом берегу, в этой многолюдной, в общем-то дружной и неплохой семье, которую держит в руках Апрасинья – Матерей Мать. Но чего Околь хотела? Чего бы она желала? Она искала в себе, пыталась найти, но то неуловимо ускользало, ведь она хотела сделать в жизни что-то сама, пусть крохотное, но свое, и теперь она не сможет. За нее уже все решено. Немного она прочитала книг, да и то божественных, но из них, а также от проезжих людей на шумном постоялом дворе она узнала, что мир велик, населен разными народами, что человек рождается в уготованной судьбе, и та дается ему свыше, и что всем миром владеет божья воля – могучая, но справедливая. И ей хотелось познать бога и через него познать смысл человеческого бытия – стоит ли человек красоты, должен ли он трепетать перед Жизнью, или погрузиться в нее, или бросить ей вызов?

«Зачем? Для чего я родилась? Стать женой? Стать женщиной? Стать матерью? Много ли этого или мало? Если много, то сумею ли все это? А если мало, то должно быть что-то еще. А что? Все повторяется из года в год – все наполнено жизнью. Но почему так все удивляет?»

– Садись и ешь! – приказывает Апрасинья. – Наверное, Лесной Дух разум твой мутит. Худо, когда женщина много думает, в пропасть заглядывает. Может, Тимофей тебя обижает?

– Нет, Тимофей не обижает, – кротко ответила Околь.

– Не привыкнешь к нему? – настойчиво допытывается Апрасинья.

– Нет, привыкаю понемногу, – тихо ответила Околь. – К Евре не совсем привыкла... Все здесь по-другому...

Насторожили Апрасинью слова Околь. И стало обидно, что Околь не может принять ее мир, мир вольной воли, мир таежного безбрежья и неразрывности всего живущего.

А тут еще повадился в дом Картиных погруженный в себя, все так же надсадно кашляющий Ондрэ Хотанг. Он достал у купцов твердую, как кора, бумагу, достал краски и карандаши и ходил по домам, рисуя старух и стариков, ребятишек, одежду, утварь. Евринские женщины понемногу, но все еще осторожно показывали ему своих детей, и он прикладывал к их спинкам трубку и слушал. Что он слышал, никому не известно, но порой лицо его становилось таким печальным, что матери выхватывали детей из его рук и уводили.

Но больше он рисовал – и Чейтметовых, и Лозьвиных, и Кентиных. Рисовал Мирона и Тимофея, но никак он не мог нарисовать Апрасинью. С листа бумаги из тонких штрихов, черточек, полос, царапин и размазанных, струящихся пятен гляделось, туманно проступая, властное, словно окрик, лицо и горящие, пронзительные глаза. Они глядели прямо в тебя, глядели насквозь и обнажали, и холодно, жутко было от этого взгляда. А с другой доски уже с похожего, тяжелого лица Апрасиньи глаза струились непонятным покоем и лаской.

– Нарисуй мне Матерь божью! – попросила как-то Околь. – И расскажи мне о ней, Ондрэ. Ты говоришь так хорошо.

И Ондрэ Хотанг, вглядываясь в лицо Околь, писал земную женщину, еще не родившую бога, писал женщину, что носит ребенка под сердцем, женщину в предчувствии материнства.

– Тебя нужно писать лунным светом, – шепчет Анджей, бросая мазки на гладкую доску. – Писать майским дождем, раскрывающимся листом, распускающимся черемуховым цветом... Тебя, Околь, может передать только любовь и надежда...

Апрасинья всмотрелась в картину, едва узнала Околь в девушке неземной красоты, уперлась взглядом в Ондрэ и угадала его тоску и смятение.

– Эта женщина не для тебя, Ондрэ Хотанг!

3

Пришло время, и Околь родила сына. Испугалась вначале, закричала тонко и растерзанно, а потом, увидев крохотное живое чудо, закричала от радости. И расцвела она. Запела как птица, сменившая перо, засияли ее глаза – из глубины их пролился теплый золотистый свет. Сразу покрупнел Тимофей и бережно брал ее в руки – пай в реке и пай в лесных угодьях принесла Околь.

Промелькнуло лето, коротко проползла осень, отшумели зима и ледоход. С грохотом треснули льдины и, крутясь, понеслись по реке. Унесла та весна Ондрэ Хотанга, сгорел он от чахотки. А Околь принесла второго сына, да крупного – загляденье. Третий сын народился в волчью стужу, под вой пурги, под низкими, знобящими звездами.

– Спасибо! – поклонилась ей Апрасинья.

– Дай, небо, силы Околь! – принес жертву Мирон.

В осенних туманах, в опадающей листве, под колышущимся криком журавлей, в жалобном крике улетающих стай появился четвертый сын. Один в берестяной люльке круглым ртом пускает пузыри, второй на животе лезет к груди, третий держится за подол, а четвертый уже ножом стругает, вытачивает из лучины стрелу.

И еще пуржили зимы, и еще грохотали реки, заглушая лебединые клики, и распускалась черемуха, и теплом дышало лето, и красным соком отливала осень в бруснике, и после девятого сына, Гришатки, на тридцать вторую свою зиму под лентами и холодными струями северного сияния Околь родила дочь.

– Вот она! – прохрипела Мать Матерей. Она оглядела темноволосую, темноглазую девочку, подкинула к потолку и повторила: – Это она, Апрасинья! Внучка моя!

В ту ночь, под утро, на крышу Картиных сел громадный иссиня-черный глухарь с переломанным крылом. Мирон пугнул его криком, но глухарь что-то невнятно пробормотал, скребанул когтями по обледенелой крыше и уселся поудобнее. Тонкой жердинкой ударил Мирон по длинной глухариной шее, и глухарь упал, наклонив в удивлении красные брови.

– Все! – тихо сказала Апрасинья. – Это – Смерть моя! Но я спокойна, Околь родила Апрасинью.

На следующий день Апрасинья надела лучшие одежды и, опираясь на рогатую палку, медленно, словно унося на плечах прожитые годы, побрела на кладбище, где в маленьких домиках покоились род-

ственники, родители Мирона, ее умершие, непрозревшие дети, она простилась с ними, спокойно поговорила с каждым, не хуля жизнь и не проклиная смерть. На второй день Апрасинья прошла всю Евру. Здоровалась, ненадолго присаживалась, угощала детей мелкими кусочками сахара или твердой, как корень, сушкой. Ее голос не дрожал, она просила прощения за нечаянную обиду, кланялась и заходила в следующую юрту.

На третий день Апрасинья умерла.

Мирон по ночам просыпался, звал Апрасинью, выходил на улицу, искал ее в амбарах и, не услышав ответа, тихо плакал. Его заводили в юрту, усаживали у горящего чувала и ласково уговаривали. Мирон не терял памяти, разум от него не отступился, но уже выедала его изнутри ненасытная тоска.

Набухли почки, убралась в золотые сережки верба, заголубели дали, и прогремел первый гром, и Мирона коснулся зов того мира. Он был далек, но отчетливо внятен и высветлил, как вспышка молнии, крохотную полянку. Лес-бурелом, искалеченный лес-ветролом, утонувший в серых мхах и лишайниках, распахнулся вдруг, высветлился теплом ягодной поляны. Мирон видел ее один раз, в далеком детстве. На поляну ту Мирона от молодой матери увел скользкий, как камешек, упругий лягушонок. Долго, затаив дыхание, ловил его Мирон в высоких лиловых травах, среди медвежьих дудок, падал грудью на теплую землю, на мох, а лупоглазый лапчатый лягушонок, вздрагивая ярко-зеленой спинкой, выскальзывал меж пальцев, оставляя на ладони легкий холодок и разжигая в бьющемся сердечке азарт охоты погони. Мать металась по лесу, и сучки срывали с нее платок. «Мирон... Мирон... сын...» – звала его мать, а он не мог ответить. На животе, не дыша он подполз к лягушонку, не сводя с него взгляда. А тот, качнувшись, прыгнул в его глаза. Жалобно закричал Мирон, грудью прижался к похолодевшей вдруг земле, а лягушонок спокойно устроился на теплой макушке мальчика. Звонко, на весь лес, смеялась молодая мать.

«Наверное, поняла, что я приручал лягушонка, – подумал Мирон. – Но почему эта поляна? Почему эта?»

– Смотри, какое чудо, – звонко смеялась тогда молодая мать, и зацветал яркий румянец на белом лице, словно она ягодка-брусничка. – Твой это друг, Мирон? – Она осторожно взяла в ладони лягушонка, и тот замер, выпучив прозрачные глаза. – Ты нашел себе друга?

– Да, – проглотил слюну маленький Мирон.

– Все, кто живет, бегает, летает, ползает, все, кто прыгает и плавает, все должны стать твоими друзьями, – говорила ему молодая мать. – И тогда ты поймешь, сынок, что жизнь огромная, во много больше твоей жизни.

И вот теперь с той маленькой полянки мать звала его, и он ощутил в своей ладони холодок и дрожание лягушонка. Да, он готов. Жизнь и все дела завершены, и ему оставалось совсем немного – передать капище новому хранителю.

– Тимофей! Тимоха! – позвал сына Мирон. – Только тебе покажу тайники веры.

И Тимпей Картин, прощаясь с отцом, встретился с богами своей земли.

Распустилась черемуха, с севера налетел снежный вихрь, и в бездонье неба сверкнула молния, распорола березняк, и Мирон Картин, тихо вздохнув, ушел в иной мир, к верхним людям.

ТИМОФЕЙ – СТАРЕЙШИНА ЕВРЫ

1

Старики не помнят такого обезумевшего летнего солнца, оно опалило травы и цветы, и оттого не созрел плод, и не было завязи у ягоды, и уходил из урочищ зверь, высыхало дерево, и озера становились болотом.

Старики не помнят такой распутной зимы, такой мокрой и скверной, как логово росомахи. Снег присыпал землю в середине октября. Гибким прозрачным льдом подернулись лесные озера. Морозы ударили по золотым березнякам, резанули до красноты осинники и оголили лиственницы. В октябре охапками падал снег, расстилался по берегам рек и завалил с головой перховник – мелколесье, и кусты можжевельника, и пихтовый стланик. Густые пихтовые лапы окутала кухта... А в середине ноября нахлынула оттепель, да такая, что воробьи купались в лужах и открылся ледоход на Конде. И рухнула ледяная дорога, по которой не успел еще пройти ни один обоз. Потекли ручьи, водой напитались снега, и те огрузнели.

На озерах стыло отблескивала льдистая вода, морщилась и дрожала под ветром. Как, куда, в какой урман пойдешь по такому снегу? Как вытащишь рыбу из проруби, когда и проруби нет и к реке не подойдешь, хоть ползком ползи? На лодке, что ли, по воде, поверх льда? Гнилая, стылая зима, сопливая и дохлая, и рыбу вынула из снов, и звеоя она гоняет по урочищам. Совсем худо...

Мужчины обреченно смотрели в урман, где таился соболь, и уныло вздыхали. Но страшна не оттепель, страшно то, что нет купца. И Пагулев перестал присылать обозы в Евру. А Кирэн жаден, да и не хватит у него на всех товара. Когда ударит мороз? Когда укрепится путь? Если не придет купец – как жить? Совсем с голоду подохнешь. Муку, чай, сахар, соль, охотничий припас купец завозит зимой, и завозит столько, чтобы хватало на лето и на осень, до нового снега, до нового санного пути. А лета нынче не было вовсе – не лето, а костер, и спалил он и овсы, и ячмень, и рожь спалил. И у Мыколки, и у скудельника Фили, у русских, что колдовали с землей, скудненький народился ячмень и совсем дохлая калега.

Конец ноября, волчья темь, а гляди-ко – кругом вода! Мука на исходе, на болтушку едва хватает – только суп замутить. Чай кончился – листом, ягодой заваривают. Оно, конечно, греет, да силы не дает.

– О, худо-худо! – вздыхают мужчины, посапывают в трубки и вглядываются в низкое, по-осеннему мокрое небо. – Худо... Совсем скоро табак кончится...

– Табак – ладно! Ребятишки хлеба просят. От рыбы крутит их...

В скользкой студеной оттепели, по гололедице, в парящие разводья речушки скатился ноябрь. С середины декабря еще ниже припало небо к земле и повалил снег, валил не переставая с рассвета до заката до самого января. Без ветра, в тишине, в легоньком морозце снег падал хлопьями, крупными, как беличьи лапки. Пушистый, легкий, воздушный, прозрачный снег казался живым. По пояс в снег погрузились кедры, по грудь, словно купаясь, вошли березы, принизились и просветлели урманы, совсем низкими стали берега Евры. А снег все сыпал с низкого неба, осыпался, как легкая пыльца из цветущей вербной сережки, но не приседал, не твердел, не слеживался. На реке дымились полыньи и поднимались торосы, холодные, бесформенные, однообразно льдистые и насквозь мерзлые. К селению стянулись сороки, серые вороны и черные вороны, клесты, снегири и сойки, темными орущими ватагами слетались ронжи-кедровки, только мошник-глухарь и косач уходили в боры. Уже не тяжелая льдистая вода, а мягкий, саженной толщины снег не пускал купца. И охотники не могли ходить в урман белковать-соболевать, тонули в снегах, как в жидком болоте.

По вечерам охотники собирались на огонек то у одного, то у другого, но в юрте дымно, чад от лучины и жирника, от скрученной бересты духота. На берегу, под теплым кедром, раскидывали невысокий, но жаркий костер и вели неторопливые разговоры о неприступном урмане, о неспящем звере, о дичи боровой, о русских купцах, о «друге» Пагулеве.

– Плохо... шибко плохо. – Тимофей выкатил из костра уголек, положил в трубку – затрещал в трубке мох с табачными крошками. Молод еще, крепок, высок

Тимофей, плечи широки, самый сильный, самый фартовый он евринский охотник. Смуглое лицо непроницаемо, только слегка вздрагивают ноздри. – Шкура на мне лопается. Наверное, руки отнимутся – никак в урман не попаду. – На широком поясе Тимофея длинный тонкий нож, а рядом с ним покачиваются два десятка медвежьих клыков. – Тонут мои собаки в снегу. Не могут следить зверя.

– Не могут, – согласился Кентин Яшка. – Тонут собаки. Белка нынче пасется на самых высоких деревьях, птица шишку на сосне отбирает у белки.

– Вчера, – потянул трубку Тимофей и передал по кругу, – убил стрелой белку. Полетела она вниз, да потерялась. Думаю, дай-ка стукну по стволу, наверное, упадет вниз. Два разу ударил, да ухнула на меня кухта. Ай-е! С головой и покрыла. Собаку еле откопал.

А белку так и не нашел.

Яшка Кентин молча выбил пепел из трубки, чубуком почесал спину и проворчал в редкие усы:

– Не помню такой зимы. Гнилая совсем – то оттепель, то снег, снег, как дождь... Ходил три дня тому в Вись-Павыл. Иду, иду... тону по пояс. Пришел в юрту мокрый, как крыса водяная.

Тимофей Картин посмотрел в печальные глаза евринцев и протянул успокаивающе:

– Ничего, мужики, может, чарым добрым будет. По чарыму лося возьмем. Будем ждать чарым – режет он ноги лосю, оленю, вовсе режет. Только собакам налапники заранее сделать.

– Будем ждать чарым. Вот тогда и пособолюем! По переновке хорошо следить зверька.

– Нет, – возразил Тимофей. – Нынче не сытый соболь. Голодный он, бегает туда-сюда за пищей... Как бы вовсе не откочевал в дальние урманы.

Морозы так и не вернулись, чарым не установился, зимник не наладился, и купцы не заглянули в Евру. Запасы истощались день ото дня, голод, словно волчья стая, окружал мансийскую деревушку, утонувшую по крыши в снегу.

Собрался селянский сход. Покричали, пошумели, порешили раньше времени обловить Маленькую речку – Вись-Я. Жалко старикам, здорово было жалко распечатывать ершовую речку, на самое трудное время хранилась там рыба, как в садке. Назначили, однако, день.

2

С утра, только-только разгорелся день, старики, взрослые мужчины и юноши, переговариваясь негромко, по узким тропкам спустились к реке. Пешнями с закаленными железными наконечниками, тяжелыми ножами и топорами вырубили во льду лунки-проруби. Они шли цепочкой от зимнего запора вверх по речушке. Мужчины и юноши взяли в руки кумпалки – гладкие длинные шесты с широкими поперечными дощечками на конце. С силой опускали они кумпалки – ботала в лунки, с шумом бултыхали ими в воде. Вода в лунках просыпалась, дышала, начинала вздыхать, охала она, звонко билась и бурлила в ледяной горловине, вырывалась из проруби, словно хотела наброситься на людей, что лишили ее сонного, дремотного покоя. Булькала, тяжело плескалась река, металась загнанной лисицей подо льдом, ожившая и разъяренная. Высокими хвостами, холодными голубыми языками обвивала река шесты кумпалок, шипя, стремительно припадала к рукавицам и шабуринам. Прикоснувшись к одежде, вода тускло отсвечивала, скатывалась тяжелыми волнами и затихала, замерзая ломкой, хрусткой чешуей. Обледенелые рукавицы скользили и срывались с шестов, но рыбаки, не останавливаясь, глубоко, прерывисто дыша, бухали и бухали боталами. Окуни и ерши, встревоженные, испуганные глухими придонными ударами, плотными стайками и косяками устремлялись к запору, где хоронилась, ожидая их, настороженная глубина омута, и, шарахаясь друг от друга, они входили в морду-кямку.

Кумпальщики стремительно, в едином ритме перебегали от лунки к лунке, подгоняя рыбу к запору.

Кентин Яшка и старый Сельян с несколькими стариками уже несколько раз закрывали доской воротца запора, вытряхивали окуней из морд-кямок на лед. Зеленоспинные колючие ерши, красноперые окуни гибко поднимались на хвосты, раскинув красные и оранжевые плавники, засыпали, выпучив желтые глаза. На последних перед запором лунках возбужденные евринцы, шумливые, уставшие от непрерывного стремительного темпа кумпания, ударили враз, дружно и резко остановились. Богат улов!.. Хороши увесистые, плотные окуни, ерш нагулян – добра уха!

Разделили рыбу по паям, раскинули по кучкам, поделили, и вот друг за другом над избами поднялись, не сгибаясь, синеватые дымки. Сытной ухой потянуло над рекой. И вот уже к Манье – к ершовому садку – спустились подводы, а безлошадные потянули за собой санки и нарточки, груженные рыбой. Ничего, что тяжелы сани, – это дорогая тяжесть пищи, это добрая тяжесть добычи.

Темно-зеленые, желтоглазые, красноперые груды окуней лишь первые дни гляделись огромными. Когда нет хлеба и вовсе нет мяса, на ухе долго не протянешь. Непрерывно кипит и булькает уха в колташихе, прыгают в ухе белые глаза, плещет на уголья и настаивается в юртах запах голода – женщины целыми днями нависали над огнем чувала, готовя еду.

И снова собирались мужики под кедром, тоскливо полыхая глазами, смотрели в темный урман и вздыхали: как жить, чем кормить детей? Опять брать в задаток у Кирэна? Еще не рассчитались со старым долгом, а тот растет и плодится, как мышиное гнездо под старым пнем. Нагуливается долг, как щука в старице, гляди, и проглотит целиком. У задатка широкая пасть, задаток-слопец прихлопнет, как глухаря. Всю муку, что завозил Пагулев, а после него другие купцы, уже раздал Кирэн. Сейчас он дает по горсти, отсыпает так, словно от себя отрывает, да только тогда, когда ему соболя, куницу или кидуса принесешь. За двадцать верст ходили в Сатыгу, кланялись князьку: «Дай в долг хлеба, дай в долг чаю и табаку». Захохотал громко и отказал Сатыга. Перед началом зимы кто успел, тот еще выменял хлеб на урак и жир у княжеских людей. У князя, у Сатыги, хлеба много, амбары битком набиты добром, он не меняет хлеб на урак. Зачем ему менять у ясачных манси – только скажет, сколько положено ему ураку и жиру с каждого пая, только скажет и не повторит – с одного разу принесут.

– Совсем худой, совсем дурной князь, – поругивают евринцы. – Кротом роется в своем добре, как щука, он ненасытный.

А князь – что? Сроду он не понимал, да и зачем ему понимать рыбака, охотника. Развесил губы, как налим, глазки жиром заплыли, через живот ног своих не видит, как Виткась – Пожиратель Берегов. И что ведь еще придумал? Собрались весной евринцы запор ставить, так согнал он всех мужчин в Сатыгу, на широкий заливной луг, где травы косили для коров и лошадей. Согнал и говорит, точно камни бросает:

– Такое мое повеление будет: пусть эту землю вскопают ясачные люди! Пусть так взрыхлят ее и камни выкинут, чтобы она как постель из пуха стала. Начну я здесь картошку садить. Картошка такой вкусный! Можно сказать, отменный фрукт! Давай!

И принялись охотники и рыбаки ковырять лопатами тот луг, и на кого они стали похожи, не поймешь – смех один на них смотреть. Евринский рыбак всю жизнь держал в руках весло, кумпалку и топор. А вот взялся за лопату и не знает, чего с ней делать. Или охотник – чего он знает, кроме ружья, ножа да рогатины? Ведь в Евре не каждый огород имел. Фартовый охотник разве позволит себе ковыряться в земле? Нет, не позволит он себе рыть корешки, может хренку накопать, да и только. А князек – его не обойдешь, как медведя в тайге. Так и копали евринцы травянистый луг. Долго-долго копали, а река осталась незапертой, и не добыли рыбы. А за ту непутевую работу Сатыга хлеба отсыпал, как воробьятам.

3

С зажиточными русскими мужиками, что приходили гужом из Гарей и Пелыма, торговать можно было. Крестьяне променивали лишний хлеб, а евринцы – пушнину, урак, орех. А вот с богатым купцом торговать труднее, просто опасно. Купец – это тебе не мужик с возом хлеба, с купцом ухо держи востро. Поняли это евринцы, да поздно. Обобрал всех Пагулев, по копейке за пуд «головки» платил, положил свою цену на рыбу – хоть разорвись. Громко кричал после отъезда Пагулева Тятенька Филя, уговаривал евринцев не брать в долг у купца – не послушались. И Ондрэ Хотанг говорил: «Купец обманул вас. За бесценок скупил, а захочет – совсем ничего не даст».

– Не лезь в чужие дела! – оборвал Кирэн. – Сам немного стоишь!

Залезли евринцы в неоплатные долги. А Пагулев вскоре перестал посылать обозы с хлебом, занялся другим делом. Ушел на Иртыш, на Обь захватывать осетровые пески и гонять пароходы. Крупный он человек – что ему маленькая Евра, что ему Пелым и Гари! А те купцы, что появлялись после Пагулева, рыбу не всегда брали или давали те же копейки. Да и Кирэн бегал за евринцами, вырывал давние долги.

Сандро Молотков – «брат Пакуля», – тот совсем потерялся. Взял задаток, набрал погорелец товаров и добра под весь будущий промысел и год от года погружался в долги. Вскоре продал он пай сына, истощался вконец и упал в нищету. Подобрал его Кирэн, и стал Сандро батраком, потерялся как мужик, как хозяин. Служить стал, вот как собака у хозяина служит. Бедный хозяин, хоть он и ест-пьет плохо и одежонка на нем худая, но он собою маленько распоряжаться может. Не всегда, но немножко может. А Сандро упал в тоску, упал в слабость и крепко полюбил огненную воду. Раздобудет где-нибудь белого вина, выпьет, натянет на себя все три грязные драные рубашки и идет по избам хвастать перед соседями:

– Я – Пакулева брат! Я шибко богатый! – И задирает подол рубахи, показывает, а там голь одна. – О! Гляди, сколько рубашек у меня... Мно-ого!

И прозвали его в Евре и в соседних деревушках «Пакуля брат», а заодно с ним всех хвастунов, всех, кто хвалится безбожно... Так и говорили: «Хвастун ты, Пакулев брат».

А зима все тянется поземкой, медленно, как дряхлая, задыхающаяся старуха, тянется голодное время. Голод страшен тем, что разбрасывает людей, раскидывает их, как ветки из оголенного, куцего веника. Голодный, ослабевший человек, чтобы насытиться втихомолку, напрягая себя и не веря в удачу, в фарт, не веря уже себе, своим близким, втайне истово молясь богам, ждет лишь чуда – нет у него силы на настоящее дело. У голодного совсем другие зубы – острые, беспощадные, злые, и горло – широкое, гладкое, и брюхо ненасытное, как болото. Из сердца уходит доброта, с лица – улыбка, из глаз – свет: голод съедает в людях то, что являет его человеческое. И голод дышит холодом в душу женщины, и в ней нарождается страх, и смятение, и боль – раскрыв зубастые рты, кричат дети, и канючат, и стонут, как гагары, и просят они еды, и съедают ее, как пламя. И не съедает своего куска, не съедает своей доли женщина, отдает свою пищу мужчине-охотнику и детенышу своему, что требует пищи, не понимая жестокости и беспощадности жизни. Страшен голод, собирает он волков в голодную стаю, растаскивает людей, раскидывает их в поисках добычи, а та ускользает, появляется на миг и протаивает, как сон. Женщины с утра до вечера

мечутся, сбиваясь с ног, разыскивая пищу. С утра бегут к Манье проверять в замерзающей проруби кямку, вытряхивают на лед мелких, с мизинец, ершишек. Слезы, а не ершишки, одна колючка. И навар-то с ершонка пустой, как снятое молоко. В деревянных корытах тяжелой березовой ступой толкут женщины упругое конопляное семя, перемешивают с рыбьим жиром и кормят детей. Крушат, очищают кедровый орешек, толкут его в ступах и готовят из ядрышек белый, сладкий, как молоко, суп. Вываривают долго, часами вываривают старые кости, дробят их и снова бросают в котел, и там булькает студенистая, густая, как клей, выварка. Но этим можно насытиться на миг, не насытиться, а лишь забыться. Голодными птенцами кричали дети, тяжело вздыхали старики, незаметно смахивая слезы, и озлобленные мужчины распускали руки, и кулаки их были злыми и жестокими. Ходили мужики к Кирэну, просили хлеба – отказал. И еще раз отказал, на третий раз согласился.

– Помогать надо. Все мы братья, – улыбается Кирэн. – Дам тогда хлеба, если полпая мне в реке отдашь.

И русский мужичок Колян Кузнецов, что как-то тихо пришел в Евру, незаметно жил в хорошие годы, вдруг оказался с полнехоньким амбаром. Долго, видать, прикапливал...

– Берите, мужики, хлебушек! Без хлебушка нельзя.

Помереть можно без хлебушка. Отсыплю хлебушка, а ты – полпая мне в реке. Войду половинщиком.

Толкались, метались мужики, но волей-неволей отдавали и полпая, и пай, и полтора пая. Голод арканом затащил в кабалу. Не избежал того и Мыколка, и Васька-кузнец, незадолго перед тем схоронивший старого Филю...

Наверное, богатый всегда ждет голода, тот для него самое нагульное, нерестовое время.

...А солнышко стало подниматься повыше, удлиняя день. И Тимофей Картин все-таки проторил тропу в урман, приносил белок, соболей добыл. Беличьи тушки женщинам отдавал, те суп из белок варили. Не жирный из белки бульон, кедровым орешком отдает, но зато всю тушку можно съесть и косточки обглодать. В глубоком снегу, у густого ельника, поднял Тимофей с лежки бородатого, могучего сохатого. Тот, раскинув рога, бросился в ельник, но собаки не пустили, прыгали и хватали за морду. Потихоньку стал Тимофей отжимать сохатого на опушку, в глубокий, рыхлый снег – решил он изловить зверя. Своих собак так поставил, чтобы те гнали лося к Евре. Взмок сохатый, пеной покрылся, но собаки, хватая на ходу снег, не давали ему покоя, не давали дыхание перевести. Спереди, словно не замечая рогов, в морду бросались собаки, и рвали бока, и хватали за брюхо, а серый кобель, серый, как волк, бросился на спину и полоснул зубами загривок. Заметался лось, заревел от ярости и боли, а Тимофей покрикивал, натравливал собак, и те выгнали лося на лед Евры. Здесь и прикончил зверя Тимофей, ударил острогой в самое сердце.

– Эий-ий-ей! – громко позвал евринцев Тимофей. – Эгей, люди! Иди-те сюда, берите свежее мясо!

Напрасно так громко кричал Тимофей, его уже давно увидели евринцы, увидели и бежали к нему с ножами, с топорами, с берестяными пайпами. Мигом раздели люди сохатого, не уронили ни одной капли крови, всю собрали в посудинки.

– Дели! – Тимофей протянул нож старому Кентину.

Кентин отделил голову и вынул лосиное сердце – тебе.

Отменный охотник Тимофей! Прямо к горящему чувалу, в кипящую колташиху, пригнал добычу! Ничего не пропало, даже кишки в проруби промыли, тушеные кишки – здорово вкусно! Радовались люди, разрывая зубами сочную сохатину.

По тропам, пробитым Тимофеем, уходили в урман охотники. Голод потихоньку отодвигался от многоротых юрт. Силками, петлями, слопцами, тупыми стрелами и западнями добывали охотники боровую дичь, тащили в Евру связки куропаток, рябчиков, косачей и глухарей. А зайца, длинноухого косого, развелось в урмане гибель – не ели ведь его, брали раньше только приманку соболю али кунице, а теперь и заяц – мясо!

Не однажды еще в ту зиму валил лосей Тимофей с подраставшим своим сыном Сандро, и тогда Евра наполнялась смехом, песнями и огнями костров.

4

Тимофей взматерел, огрузнел, но ходил легко, быстро, чуточку вразвалку. Он вызнал повадки всех зверей и птиц, по реву узнавал, сколько лет лосю, по следу определял, нагулян ли сохатый, добрую ли шкуру несет зверек. Но год от года становился Тимофей евринцам все более странным и непонятным. Резким каким-то он становился. Молчит, молчит, сопит – и вдруг крикнет и замахнется кулаком, а то и толкнет в грудь ни в чем не повинного человека.

– Кто-то глаз на него дурной положил, – перекидывались на берегу евринские женщины. – Попортили Тимоху... Леший – Вор-Кум у него ум мутит. Наверное, насовсем хочет отнять. Опять драку зачинял, как огонь полыхал. Ай-е!

– Верно-верно, – подхватывает длинноязыкая соседская старуха. – Сама глазом видела, как он сыновей своих разглядывает... Отойдет, сядет и глядит, как филин на бельчат.

– Зачем глядит?.. Почему он глядит? – тормошатся женщины, сгорая от любопытства. – Чего там глядеть, чего? Носы крупные, книзу загнутые. Сорнин Кётып, пыскась род – одно слово, род золоторуких, шипящих носом. Сыны все на него похожи, как глухарята на глухаря.

– А то, – понижает голос соседка, – обошел вокруг Ондрэ, он светлый, Ондрэ, и говорит: «И где я был, когда тебя зачали? Однако, Околь, меня дома не было, когда мальчишку зачали. Ходил я тогда лесовать на Черную речку».

– О! Милый Шайтан... Тимоха тогда ходил лесовать на Черную речку... Слышите: «Игде был, как тебя зачали?»

– Смотрит на Микуля, – продолжает соседка, – смотрит и говорит: «Уши, однако, не мои. Голова у него репой, как у Кентина. Нос больно тонкий, и рот не тот». Вот что он говорит.

– Ай-е! Ай-е – что же это? Щох-щох! Ой, обожгло меня! Голова репой, как у Кентина... Аю-аю... рот не тот. А что Околь?

– Околь хохочет ему в лицо, – быстро оглядывается соседка. – «Юван, говорит, на медведя похож. Наверное, тот приходил, пока ты сеть вынимал». – «А пошто тебя Кентин из-за реки на лодке перевозил, когда за ягодой ходила? Каку таку ягоду брала? Или между кочек своей ягодкой завлекала?»

– О Милый Шайтан! Ягодкой своей завлекала... Любопытно бабам: поглядывают, посмеиваются, ждут, что будет дальше.

– Словно порченый ты, Тимофей, – устало укоряет Околь. – Двенадцать детей растут, а ты? Да за што ты меня так, Тимофей?..

– За то... Столько детей принесла, а тебя совсем не убавилось, – хмуро, с какой-то потаенной болью отвечает Тимофей. – Вовсе мне непонятно, как родишь – сама словно сызнова нарождаешься. Да еще песни поешь... Просто цветом покрываешься, будто прежние годы к тебе возвращаются. От зимы к зиме я тускнею, а ты цветешь... как снова в девках ходишь. Значит, кто-то в тебе ту девку наружу вызывает... Как поймаю – враз того порешу! Ты, наверное, меня грамоте для того учишь, чтоб я с ума упал.

К Тимофею прислушивались мужики на сельских сходах. Судил, рядил он всегда толково, никогда не баловался словом. Оно у него было и надежно, и тяжело, последним его слово оставалось, когда делили охотничьи угодья, когда выделялись паи на таежных озерах и мелких речушках, – он знал каждое болотце, ручеек, озерцо вокруг Евры, обегал все, углядел и намертво запомнил. Ну а если охотник нечаянно заходил в чужое родовое угодье, то Тимофей со стариками дотошно разбирался, но не требовал скорого, жестокого суда, принародного наказания плетьми и мордобития – требовал общего осуждения. А это была крутая кара.

Испокон веков и пелымские, и кондинские, и сосьвинские манси, да и ханты-остяки и другие инородцы, обложены ясаком – «ясашные людишки». По-разному определялся ясак – тяжелая подать! Отдавал охотник в ясак дорогую пушнину, редкую рыбу, и не было конца и краю тому ясаку. Собирали тот ясак старшины из местных или нарочные люди, а то и русские волостные – гурьбой прибывали со стражниками, и у тех, кто не выплатил ясак, отнимали скотину, охотничью снасть и все дорогое. Могли и самого хозяина взять и отдать богатею в работу – с ясаком не шути, крутись, вертись, а ясак отдавай! Ясак – закон! А законов было больше, чем людей в Евре, наверное, больше, чем всех ребятишек на всей Конде, и все эти законы были не за манси. Все законы грозили, обнажали голодные зубы и клыки, поднимали пудовые кулаки, обещали раздробить, растоптать, сожрать, все они скручивали, связывали, отнимали надежду на правду.

И селянский сбор – из своих же евринцев – тоже закон, и не менее суровый, чем закон царя и исправника. Каждый охотник или рыбак, обиженный соседом или братом, сыном или отцом, мог подать прошение – рассудите! Мелких жалоб не было, и сход их не принимал – решалось главное, важное для общины, рода или семьи. Появлялся ли новый указ – читали громко, вслух и толковали его, обсуждали. Просился ли кто на поселение – опять селянский сход собирался, брать или не брать, а может, погодить, а ежели брать, то тогда ему место выделить, чтобы лес рядом не испортил да и вода б была неподалеку, да от какого угодья ему малость отделить, где выделить ему лес на порубку.

Правили на сходе и тех непутевых баб, что шлялись целыми днями из юрты в юрту, разносили всяческие слухи да сплетни. Такие бабы хуже короедов, спрячутся в доброе лицо, а сами точат до сердцеви-

ны – вот таких сход наказывал, повелевал мужьям поколотить их покрепче, чтобы из тех перья маленько посыпались. Поганый язык как налим – и мертвого не пощадит, ведь его в кузнице кувалдой не перекуешь.

Сход созывал староста, и хранителем обрядов от мужчин выбирался самый мудрый, и долго им оставался Максим Картин, отец Мирона и дед Тимофея. Затем его место занял Мирон, а теперь вот Тимофей, хоть и не был еще старым. Гордилась Околь мужем. Он держался с достоинством – красивое лицо его, излом бровей, складки у рта дышали властительностью, скрытой силой и умом. Многое он перенял у Апрасиньи, недаром она его пестовала, как медведица. Ведь не Мирон в вечных отлучках своих, то Апрасинья потихоньку передавала Тимофею тайны познания людей, их поступков и скрытых движений души, да что там говорить – глупая женщина никогда не поднимет над землей умного сына, как зайчиха не родит рысенка.

Как гордилась Околь, когда Тимофея несколько лет избирали волостным в Пелым. А избирали евринцы только самых честных и сильных. Собирал Тимофей ясак без крика, без слез и побоев. Задумал он селянский котел – что-то вроде общей копилки: каждый из охотников вносил в него пушнину – одну, две, а то и пять шкурок, глядя по угодью, по сезону. Русские, что поселились в Евре, вносили в котел ячмень и рожь, кузнечную и гончарную поделку.

– Он нас здорово выручит в трудные годы! – убеждал евринцев Тимофей. – Не каждый год в урманах спеет белка, уходит в другие земли за орехами, уходит за ней соболь и другой зверь.

Котел наполнялся, и Тимофей берег его пуще своего добра. Когда погиб на промысле охотник из рода Молотковых, помог тот котел семье целиком рассчитаться с ясаком. Вдовам тоже перепадало из котла, не голодали шибко.

Тимофей, собрав ясак, отправлялся с ним в волость, оставался там иной раз надолго. В волости его обсчитывали, писали какие-то непонятные бумаги, а по бумагам тем, которые не могла толком прочесть и Околь, получалось, что нужно еще добавить ясаку. Околь учила мужа и детей грамоте, но Тимофей потел, наливался бессильной яростью и не всегда понимал. Вот считать его Околь научила быстро. И в волости его за то уважали, хотя все равно обманывали.

Хуже всего было то, что из-за этих ясачных дел упускал Тимофей золотые охотничьи деньки. Все чаще задерживали его в волости. Мелкие чины выманивали у него взятки, грозили и спаивали. И вот, приходя оттуда, истосковавшийся по семье, он учинял сыск и устраивал погромы. Опять он вглядывался в младших сыновей и находил не свои уши, не свои брови, а голову еловой шишечкой, как у Алычева Мишки.

– Все одно я выслежу его! – грозится Тимофей, и Околь сникает. Устала она от его ревности. И так хочется увидеть его прежним – веселым, дерзко-отчаянным и слабеющим от ласк.

САННЭ, САНДРО И ЛЕСЬКА-ЩЫСЬ

1

Не торопясь текло время, проплывало, как тени за солнцем. Подрастали березы на горельниках, зарастали озера среди болот, река круче изгибалась в кольца и меняла берега. Медленно менялась дремотная жизнь. Люди добывали зверя, ловили рыбу, выращивали скот, жили маленькими и большими радостями, пировали на свадьбах, раскидывали погребальные костры, приносили жертву Злым и Добрым Духам. Женщины в великой надежде рожали детей, пестовали их и в великом горе расставались с ними во время болезней и мора. Мужчины приносили в дом пищу, хранили мудрость и заветы предков. У Околь и Тимофея поднималось двенадцать детей, а пятерых уже похоронили в горючем горе, отдали в другое царство, о котором лишь рассказывают красивые сказки, но куда никогда не торопятся живые. Там души живут так же, как и люди на земле, но все-таки лучше, когда тело и душа живут вместе.

Наверное, Царство Мертвых неподвижно, там отдыхают души от тяжести земной. Так почему же жизнь отяжелела, огрузнела, отчего стала так давить на шею и сгибать плечи? Отчего стало труднее дышать – вокруг то же небо, та же тайга и река? Те же ветры над озерами и туманами, те же берега держат реку, над которой с криком проносятся чайки. На памяти Тимофея, на памяти всех живущих в Евре все, что окружало их, казалось устойчивым, плотным, и люди рождались, чтобы повторить все и повториться. Закон – повторить все и во всем повторяться? Но почему что-то мешает жить так, как жили деды? Что мешает – ну-ка оглянись! Оглянись вокруг, Тимофей Картин! Вглядись – у тебя же зоркие глаза, у тебя

умное, сильное сердце. Почему и ты, хранитель капища, почему уже и ты не веришь слепо в своих богов? Почему? Научился грамоте, и что-то приоткрылось тебе? Или Околь прикоснулась к тебе слабым своим Христом, дивными сказками о спасении души, о справедливости, которой не может быть на земле? Оглянись вокруг, Околь! В чем повторяются твои дети? Ведь они уже не могут жить, как Мирон, как Тимофей, они уже не остерегаются языческих законов. Рушится кровля капищ, и рушится потихоньку то, что было родом, что было племенем. И что же рушит древние, исконные отношения людей, что?

– Да, я женщина! Я храню твой очаг, – сказала однажды Околь Тимофею. – Ради тебя и твоих детей я стала поклоняться твоим богам. Но поздно – наступает безверие. Люди еще по привычке молятся и приносят жертвы, но в душах их поселились другие законы. В душах их – боги денег.

...К Околь часто заглядывала девушка Саннэ из деревушки Сам-Павыл, что в пяти верстах от Евры. Саннэ, из рода Лозьвиных, у своей бабки научилась шить красивые сапожки, женские шапки из гагары и шубки из белки. Как это ей удавалось, никто не знал, но перо на груди гагары изумрудно отливало и фиолетово отсвечивало голубичным соком. Шапки из гагары ценились дорого: птицу эту трудно добыть. Она не подпускает на выстрел из лука, а как только щелкнет курок ружья – мгновенно ныряет. Оттого шапки из гагары носили самые щеголихи, красивые женщины, которых еще не устали любить и холить мужья.

– Тетушка Околь! – порывисто обнимает ее Саннэ. – Милая тетушка Околь! Прибежала к тебе за добрым советом. Гляди! – Из берестяной пайвы она вынимает легкую шапку, собранную из перьев селезней, украшенную крыльями куличков и трясогузок.

– О, красиво! – восклицает Околь. – Как весеннее озерцо...

– А вот из выдры, гляди! – радуется Саннэ. – А из бурундучков не получилось, скажи?

– Почему же? – разглядывает ее работу Околь. – Только ты эту шкурку поставь здесь, а хвостиками укрась края. А если впереди опушить куницей? Смотри! Али соболем?

– У меня не осталось ни одной собольей шкурки, даже лапки не осталось...

– Найдем! – раскрыла Околь берестяные коробочки, туески, замшевые сумки и достала разноцветные лоскутки сукна, мелкие мотки шерсти и обрезки мехов. – Вот гляди, Саннэ, тут все можно подобрать... Нужно песню играть, Саннэ, нужно зазывать узор, чтобы он не испугался, а прилег как надо. Так учила меня Журавлиный Крик.

И светлым, глубоким, просторным голосом Околь запела:

Пусть чуткие, гибкие пальцы
Вышьют искристый и светлый узор...

Тихо, как заклинание, начинает Околь. Она словно уговаривала руки свои слушаться зрячее сердце, нитку слушаться иголку, а память – прошлое. На песню из юрты вышел Тимофей с дочерью, закурил трубку, задумчиво снял со стены семиструнный «лебедь» – санквалтап.

Чтобы песни, сказки старинные
Достойное место в узоре нашли...

Звонкий, как оживший ручеек, голос Саннэ вплетается в узор, погружается в рокот семиструнного «лебедя».

И глазки зверей оживить
Звонкой россыпью ярких серебряных бус!

Далеко и высоко поднимаются четыре голоса – Околь, дочки ее, девушки Саннэ и священного семиструнного «лебедя».

Но не ради узоров прибегала Саннэ Лозьвина из Сам-Павыла в Евру. Словно нечаянно встречала она Сандро, сына Тимофея и Околь, а тот ждал ее, сгорая от нетерпения. У околицы в теплом сосняке встречал ее Сандро, и каждый раз они долго бродили по запутанным лесным тропам. О чем говорили, о чем молчали они, знают только тропы, дремучий ельник да пронизанный солнцем березняк, бородатый ворон на высокой лиственнице.

В непуганой густоте трав притаилась таинственная жизнь, она была велика и многолика, неистребимо звонка, в наплывающем запахе цветов раздавался тихий шелест, тихое струение. Травы звучали неведомой музыкой. Но Сандро и Саннэ слушали не ее и не ветер, что раздувал зеленую накипь берез

и, озолоченный, голубовато-зелеными волнами переливался в сосняки, – они слушали то, что вошло в них, слушали свое томление, свою необъятность. Касаясь друг друга, они слушали и явственно ощущали горячий, гулкий ток крови и боялись, что все это рухнет, расколется, обрушится с грохотом в темную пропасть. Они казались друг другу бессмертными и поднимались над землей, над лесом, над рекой и озерами.

– Саннэ! – кричал Сандро.

– Сандро! – отвечала Саннэ.

– Сан-н-э-э! – ударялось в сосны.

– Санд-ро-о-о! – шептала Саннэ. – Сандро... ты... ты... Неужто все это нам, Сандро?

– Саннэ.. нэ! Кто ты, Саннэ? – спрашивает юноша.

– Я – это ты... и больше ты, чем я, – отвечает девушка.

Березы выпрыгнули из реки, наступали на взгорок, как будто легкий туман. Потом туман сгустился до молочного, жемчужного мерцания и распахнулся уже березняком, облитым солнечным светом. Он не колыхался, и склоненные ветви вслушивались в неторопливый переговор корней, над которыми, раскинув руки, покоилась юность.

– А я – ты! – заторопился Сандро. – Ты – Небо, я – Земля.

Река плещет у ног, и в ее сердцевине они ощущают упругую, неодолимую силу. Темно-зеленая вода слегка покачивается у теплого солнечного песка, а глубже она остается холодной, таит на быстрине несогретое свое тело, а у песков она нежится, лениво и плотно плещет волной, словно пошлепывает ладошками. Нежится река, переливается в слепящих бликах, вытягивает на быстрину гибкое, упругое тело свое.

– Ты – река! – поднимает на руки Сандро золотоволосую Саннэ. – Ты похожа на мою мать, Саннэ. У тебя золотые волосы? – удивляется Сандро.

– Это от солнца, – вздыхает Саннэ. – И от радости...

– Ты станешь моей женой? – притронулся Сандро к тугой груди девушки. – Я стану беречь тебя, Саннэ!

Саннэ тряхнула золотыми волосами и, затаив дыхание, спрятала счастливое лицо на груди Сандро...

– Тимофей, ты не хотел бы взять в дом Саннэ? – спросила мужа Околь. – Такая красивая, нежная и сильная девушка. Она ведь... Она ведь не ко мне ходит, Тимофей.

– А к кому же? – Тимофей выстругивал топором лопастное весло. – К Сандро, что ли? – удивился он. – Да неужто?!

– Его она... Для него она, – заторопилась Околь. – Друг для друга они рождены. Ты слышишь меня, муж мой?

– Рано ему еще, – нахмурился Тимофей. – Пусть еще зиму поохотится. Да пару коней надо прикупить. Я же, Околь, опять волостным выбран. Опять в волость надолго уйду. А кто рыбу добудет? Нет, давай погодим еще зиму...

– Годить уже поздно, – возразила Околь. – Девушка созрела. Родители могут другому отдать. Тимофей, через зиму будет поздно, – она так просила мужа, в ее голосе было столько мольбы, что Тимофей не выдержал:

– Ладно, – решил он. – Сдам в волости ясак, вернусь и схожу к родителям Саннэ.

– Торопись, муж мой! Чует недоброе мое сердце!

Не успела Околь, не успел Тимофей. Леська-Щысь – Леська-Волк опередил их.

2

К северу от Евры, на всхолмленной равнине, среди болот и озер, за Шаимским туманом, раскинулась Тур-Павыл – Озерная деревня. На солнечном взгорке, на крутом берегу озера, поднимались жилища вата хума – богатого торговца Леськи. Высокая, просторная юрта-изба из нескольких комнат и три избы-пристроя поменьше, три крепких амбара из литых лиственниц и сарай в глубине крытого двора – все это, окруженное высоким забором, принадлежало Леське и его дряхлой матери, которая позабыла, сколько лет она обитает на земле. Тесовые ворота медленно, скрипуче раскрывались, чтобы впустить груженые возы и всадников на взмыленных конях.

Что делается там, в избах и амбарах, сельчане знали мало, потому что Леська-Волк подбирал или глухонемых работников, или таких, что крепко держали язык за зубами. Но жизнь свою не спрячешь, и за долгие годы люди узнали, что Леська – человек с черным сердцем.

Не было в округе человека богаче, чем Леська, – владел он многими паями на озерах и Конде, скупал и забирал за долги рыбные и охотничьи угодья, скот, коней и пушнину. А с тех пор как ушел Пагулев на Иртыш, свернул в этих местах свою торговлю, Леська и вовсе хозяином себя почувствовал. С двумя-тремя работниками верхом на лошадях врывался он в какую-нибудь деревушку или поднимался к ней по реке на лодке, находил должника, улыбаясь, подходил и, ничего не сказав, лупил тяжелой плеткой из бычьей кожи.

В прежние времена такого, наверно, не стерпели бы – ведь не был Леська ни князьком, ни старейшиной. А теперь терпели... Теперь и сам князек Сатыга – сын того, что заставлял когда-то евринцев ковырять лопатами луг, – водил с Леськой дружбу. А может, с Леськиными деньгами?..

Боялись люди Леську: за его спиной стояли скорые на расправу подручные. Леська брал в работники и беглых каторжных, а тем и своя-то жизнь не больно дорога, чего там про чужую говорить. Боялись еще и потому, что не походил Леська обликом на других людей.

Роста он был короткого, но широкоплечий, крепкий такой, сильный. На толстой шее громадная, словно камень, голова. Туловище как обрубок, на коротких кривых ногах. Словно прогнулись ноги под тяжестью широкого, выпяченного зада, а из плечей высовывались короткопалые толстые руки. Они на плечах бугрились нечеловеческой силой. На плоском круглом, как лепешка, лице светились узкие, словно лезвие ножа, пронзительно-жесткие глаза. Часто их не было видно, словно то были трещины на сосновой коре, – прикрывал он их, чтобы не вспугнуть нужного человека, а взгляд все равно ощущался, как холодное и острое прикосновение. И еще пугало: из широкого рта Леськи, не давая ему полностью закрыться, торчал длинный лишний зуб, что нарастал над верхним резцом.

Вот за этот лишний зуб Леську и прозвали Щысь – Волк. И хотя его челюсти были пусты и дуплисты, хотя он потерял уже дюжину зубов, лишний тот зуб, пожелтевший от табака и старости, разваливал губы и грозил изо рта.

Страшно было смотреть в плоское, длинноротое, клыкастое лицо Леськи.

Леська знал, что он страшен. Знал, что пугает людей, наводит страх, и, видя то, еще более стервенел и упивался своим могуществом.

– Я такой, – шепчет он по ночам. – Меня родили таким.

Отец Леськи, крепкий хозяин, скупщик пушнины и владелец небольшой лавчонки, крупный ростом и голосом, не мог без отвращения смотреть на сына-урода. Он казался отцу порождением злой, нечистой силы, и он боялся сына, его несгибаемого волчьего взгляда. Отец выгнал из дома мать Леськи, поселил их с сыном в небольшой избушке, рядом с конюшней, и выносил им остатки еды – обглоданные кости, рыбьи головы. Он ждал их смерти во время оспы – Леська выжил. Он ждал, что тот ослепнет от трахомы, – Леська выжил. Леська болел всем, что носил в себе черный ветер, что несла в себе заморная река, но наперекор всему был жив. И мать возненавидела Леську: красивой она была и любила отца, но вот пришлось жить собакой.

На двадцатую зиму отец Леськи приболел и прилег вознобе на медвежью шкуру возле чувала. Леська прокрался в дом, тихо подошел к спящему отцу, бросил на его лицо подушку и навалился коротким тяжеленным телом. Отец захрипел, дернулся, посучил ногами и затих. Утром Тур-Павыл был возбужден неожиданной смертью, но никто ничего не заподозрил.

Леська с матерью перебрался в дом, сосчитал все, что осталось от отца, нанял работника для ухода за скотиной и вскоре исчез. Вернулся он через две зимы с обозом товаров и царской бумагой с распластанным двуглавым орлом на разрешение торговли. Где и как он достал товары, где раздобыл коней и бумагу – долго оставалось тайной, пока не донеслись смутные слухи из далеких стойбищ о диком разорении древних священных капищ.

– Нет, то не русские, – ужасались люди. – Потаенные те места, никто не знал к ним ходу. Кто-то из манси грабил...

3

Леська с работниками мотался по округе, скупая пушнину, давая товары в долг. Должников раздевал догола и хохотал. И страшен, ужасен он был в хохоте. Свиреп с женами, ненасытный и бесстыдный до собачества. Он увозил девушек из далеких деревень за долги или выменивал у голодных родителей за мешок муки, за табак и чай. Много было жен у Леськи, только не задерживались они в этом мире – умирали от болезней или с горя-тоски.

– Больше в здешних местах жениться не стану, – сказал Леська матери. – Здешние девки с пеленок, как вылезут из люльки, только и делают, что во все глаза пялятся на мужиков. Разве это дело, что они рано узнают запретное? Нет, поеду я за женою на Обь-реку. Там, говорят, мансийки с детства не открывают лица перед чужими мужчинами. Да будет так!

Вернулся он уже зимой, и все видели, как разгружали работники тугие возы, как вынесли на руках закутанную женщину.

Новая жена из дома не выходила, неслышно сидела за перегородкой. Через некоторое время Лыкерья, работница Леськи, под строгим секретом шепотом на ушко верным своим подругам поведала, что Леську-Волка обманули, продали ему совсем слепую девушку.

– Ничего не видит, – оглядываясь, шептала Лыкерья. – Живет как крот. Ходит она, о стенки опирается.

– С одного края, великое небо покарало Леську, так ему и надо! – рассудили сельчане. – Но с другого края, жалко женщину – как ей слепой жить в пасти у Волка?

Года не прошло, как Лыкерья сообщила, что слепая огрузнела – скоро родит.

Леська, узнав, что скоро станет отцом, приказал работникам срубить неподалеку от юрты, над озером, маленький домик – вись-кял и поселил туда слепую вместе с Лыкерьей. Прошло время, и слепая женщина родила сына. Но вот беда – мальчонка родился совсем больней, все тело его было покрыто гниющими грибами-наростами. Из болячек жиденько сочилась кровь. Мальчонка день и ночь плакал, худел и таял, как льдинка. Слепая мать осторожно ощупывала сына и спрашивала Лыкерью:

– Скажи, не таи, милая женщина Лыкерья, какие они цветом, эти болячки? Они цвета свежего мяса или цвета угля?

– Черные они, черные, – плача, отвечала Лыкерья.

– Он умрет! – закричала слепая. – Если они черные, он умрет. А что мне делать без него на этом свете?

– О, мой Белый Светлый День! Как ты можешь смотреть ясными своими глазами на несчастную мать и сына! – плачет Лыкерья. – Не могу я уже видеть, как убивается слепая над умирающим сыном. Скажи, что мне делать, как помочь сыну слепой? А ведь она когда-то видела. Она различает цвет мяса и цвет угля. О, Светлый Ясный День!..

Однажды люди услышали, как Лыкерья с криком бежала к Леське:

– Леська! Хо-зя-ин... Их нет... Следы женщины ведут к озеру...

Следы слепой привели к озеру и вошли в него. Наверное, впервые люди увидели на лице Леськи страх и боль, только не поняли, о чем боль его: о женщине или о сыне?

Манси стали обходить проклятое озеро. Запретили отцы детям подходить к нему, запретили женщинам подгонять скот.

– Не подходи! Это Люль-Тур – худое озеро. Это Шаим вить – гнилая вода!

Очень жалели манси свое озеро, веками они пили прозрачную, чистую воду, где купались солнце и луна, где ловили рыбу и мочили коноплю и крапиву для пряжи. И запели старухи печальные песни о погибшем озере:

О, светлое озеро наше
С круглыми берегами, как деревянная чаша,
Ты светлый день и жизнь наша.
Синей волной сердце твое билось,
В тебе много рыбы и дичи водилось,
Теперь к тебе мы с поклоном не ходим,
Твоей плохой воды, твоей гнилой воды не просим.

И страшная песня старухи – матери Леськи – прокатилась над озером. Пела старуха, словно умирала, словно пела над покойником. Пронзительный, как игла, голос льдисто вошел в души. Притихли испуганные дети, неподвижно застыли мужчины, поникли женщины.

Най-накха ощ,
Ты теперь как одинокий немощный старик.
Най-накха сянк,
Ты теперь как одинокая немощная старуха...

Женщину и слабую, кричащую от боли жизнь забрало озеро Люль-Тур. И, забрав, стало умирать. Разве оно виновато в своей смерти?

4

Прокатилось время летнего солнца, потянуло осенними туманами, оперилась птица, нагулялся зверь. Евра жила по-прежнему: мужчины ставили в запоре морды, отсаживали рыбу в садки, а женщины готовили урак, вялили рыбу на скудном солнце, засыпали на зиму ягоду. Мотался по волостным делам Тимофей Картин, еще одного сына родила Околь. Уже готовили Картины калым, собирался Сандро после окончания соболиной охоты посвататься и выкупить Саннэ. Радовались за них евринцы. Однако Митяй из Сам-Павыла, отец Саннэ, искоса глядел на молодого Картина.

– Всю добычу с отцом в голодный год раздавали... А сами-то не сильно богаты, хотя много добывают. Что толку от такой семьи, от такого мужика – все, что до будет, раздаст. Нет, не от щедрости это, наверное, от гонору, от похвальбы, – громко, при всем народе осудил Митяй Картиных.

Но люди знали: завидует Митяй, был он много лет знатным охотником, однако Тимофею всегда уступал, а подрос Сандро – тоже стал добывать больше Митяя. Теперь-то и подавно: сломал Митяй ногу в урмане...

Нет, Сандро Картин вовсе не хвастун, просто он могучий, просто сила в нем играет и бродит, и оттого он щедр, что добр. Но не хочет того видеть Митяй.

– Нет, погодить надо. Сандро – сполох. Кончится его фарт, или потеряет он глаз, и будет Саннэ бедствовать, бегать ко мне за горелой коркой.

На игрищах, на горке посреди Сам-Павыла, увидел Саннэ Юван – работник Леськи. Заворожила его Саннэ, сама не ведая и не зная о том. Как тень крался за Саннэ Юван, и голос ее отдавался в нем музыкой семиструнного «лебедя». Следил, но не подошел, видел, что та милуется с Сандро из Евры. Но осталась в Юване девушка солнечным светом, тайной надеждой и щемящей тоской.

– Ты что, Юван, бродишь как вареный, – спрашивал его Леська. – В землю смотришь али потерял чего?

Юван вздрагивал и потаенно улыбался. А Леська задумался: не хитрит ли чего работник, может, недоброе носит?

На третий день Леська зазвал его к себе, плеснул огненной воды и, хитро улыбаясь, спросил:

– Если клад нашел, но не поднимешь – поделись. Если украсть чего задумал, не таись – давай напополам.

Обиделся Юван.

– Какой клад? Кого украсть? Что ты, что ты, хозяин...

– Почему ходишь не в себе? – резко потребовал Леська. – Отвечай! Я – твой хозяин. Не то выгоню! Живи один, как собака, – и отвернулся Леська, но глаз не отвел, только чуть веко опустил.

– Девушку в Сам-Павыле видел... – выдавил из себя Юван.

– Ну?! Эка невидаль – девка, – равнодушно протянул Леська.

– Она как сказка, – заторопился Юван, засветился от своей мечты. – Она тепла... тепла, как солнечный лучик. Не знаю, во сне ли то было, наяву ли... Если наяву, то земная это сказка.

– Наверное, сказка, – усмехнулся Леська. – Крапива, Юван, цветет и волчья ягода. Раскинется девка шиповником, а попробуй сорви цветок. Конечно, сказка!

– Нет, нет, она мягка, как вода!

– Вода – это и лед! – отрезал Леська. Но с тех пор каждый вечер стал зазывать к себе Ювана, угощать огненной водой и расспрашивать о сам-павыльской девке. Он разваливался на медвежьих шкурах, раздевался по пояс и, поскабливая корявыми ногтями отвислый живот, начинал:

– Ну, как ты, Юван, вечор говорил мне про сам-павыльскую девку? Какая она?

«Эх ты, языкатый карась, – ругал себя Юван. – Толстоязыкий ты лгун-карась!»

Леська приподнимался, маленько плескал работнику огненной воды:

– Как ты, Юван, какие слова говорил про косу той девки?

– Коса ее, хозяин, – неохотно, в который уже раз, повторял работник, – коса ее цвета искристых песков. Она длинная и толще хвоста твоего жеребца. Как волна под ветром плещут ее волосы.

– Сказка то, – сомневался Леська. – Не может того быть, что коса длиннее и толще конского хвоста... Ты говори, говори, парень, – уже торопил Леська, и лоснилось его плоское лицо, растягивались его плоские губы.

А Юван, полузакрыв глаза, чуть нараспев продолжал:

– Еще она как звездочка. Как луна в темной ночи, как ласточка-береговушка.

Леська слушал с открытым ртом, и губы его все шире растягивались, обнажая волчий клык, и ноздри дрожали, расширялись.

«Эк его забирает! Пень ты трухлявый... Ай-е, нель-ман тур хул – толстоязыкий я карась, врун... – ругал себя Юван. – Он так слушает, Леська, словно вновь собрался... Ух ты, Виткась – Обжора, ух ты, Пожиратель Всего, дерьмо волчиное...»

Дорассказывался Юван до того, что Леська решил жениться.

– Ишо сила во мне не остыла, – похлопал себя по животу Леська, – ишо можно мне маленько с девкой побаловаться. Собирайся, Юван, завтра едем в Сам-Павыл. Много подарков возьмем, много хлеба, лент и бисера, много туесков огненной воды. Свататься едем! – И кинулся Леська в Сам-Павыл, словно волк по горячему следу.

5

А Митяй, отец Саннэ, сидел в то время у огня и делал деревянные ножны для нового ножа. Вилась тонкая, как шелковая ленточка, стружка, и так же свивались, обрывались мысли.

– Пришло время Саннэ замуж отдавать, – проговорил Митяй. – Слышь, женщина!

– Слышу, – ответила жена, занятая делами. – Отдавай! Ты – отец. Первое слово твое, и в нем судьба дочери.

– Мужики сказали мне, что нельзя ее выдавать в нашей деревне. Ходит здоровая кобылица, дерется с парнями. Женщины от нее станут портиться, сказали мне мужики. У нее сила не в титьки пошла, а в кулаки. На сходе крик поднимут мужики, если в другую деревню не отдадим. Если еще раз подерется, то пай у меня отнимут.

– Ты почему торопишься продать свою дочь? – заволновалась жена, потерянно заглядывая в углы юрты. – Разве она мало помогает по дому, разве мало шьет, мало делает пряжи? Отец, если уж хочешь отдать, отдай молодому Картину в Евру. Саннэ ни за кого из парней, кроме Сандро, и не пойдет!

– Не пойдет?! – рявкнул Митяй и бросил в жену недоделанные ножны. – Ты что, без меня ее сосватала? Да я!.. – Митяй кинулся к жене, но споткнулся и ударился ногой о полено. На шум вышла бабушка Кирья и набросилась на сына:

– Ты что кинулся на жену, Митяй? Руки чешутся – иди к медведю в берлогу, остынешь. Слышала я раз говор о внучке. Слышала, как ты собираешься затолкнуть кровь свою неведомо куда. Сколько продавали наших девушек в дальние края – кто из них счастлив? – наступала бабушка Кирья на Митяя. – А ну-ка, вспомни бедную Палкей!

Помнил Митяй Палкей – жила она в нем незаживающей болью, острой, голодной тоской жила в нем Палкей. Давно то было. Полюбил юноша Митяй маленькую, юркую, как белка, веселую девушку Палкей. Утро она встречала звонкой песней, день проводила в работе и его наполняла песней. Не хотела Палкей замечать Митяя, не созрела в ней еще женщина. В те времена появился в Сам-Павыле русский Сашка, был он половинщиком паев у евринца Кирэна. Добрый, хороший парень, работал споро и на совесть, учился мансийскому языку, да и сам по-русски многих научил. Палкей быстро, со смехом, легко, как песню, схватывала русские слова, а Сашка при ней становился то грустным, то веселым, буйно-озорным. Полюбил он маленькую вогулку и чувствовал, что нравится девушке, но Сашка был сыном русского торговца и знал, что отец не разрешит ему в жены мансийскую девушку, побьет, проклянет и отлучит от богатства.

А желание быть с Палкей становилось все острее. Встретил однажды Сашка Палкей на улице, жарко задышал ей в лицо и потянул в лес. Закричала громко Палкей, тонким от страха голосом закричала, сбежались парни и поколотили Сашку.

– Ты, Сашка, худой человек! – крикнула Сашке Палкей. – Совсем ты худой, собака! Может быть, ты волк? Зачем ты поволок меня в лес? Наверное, ты мяса хотел моего попробовать? Разве для того я живу, чтобы волк меня пожрал?

На другой день пришел Сашка к отцу Палкей свататься. Отец девушки, старый Петч, запросил за дочь калым в три пуда белок. Нарочно он так запросил, потому что увидел, что Сашка зыбкий, себе не верит. Для Сашки то было так много, хоть Палкей и сладкая да мягкая, что потемнело у парня в глазах. Тянул он лямку пайщика у Кирэна, и не потому, что был беден, нет, то отец держал его в худом теле, держал так, чтобы научился сын дорожить каждой копейкой, научился копить, торговать и сам завел торговое дело. Где уж тут три пуда белок, где?..

Недоступной оказалась для Сашки девушка Палкей, и уехал он домой. Отец женил сына на богатой купеческой дочке, выделил ему капитал и заставил открыть лавку в Леушах. Открыл Сашка бойкую торговлю, поставил мучные лабазы, завел работников, и как на дрожжах стало подниматься его богат-

ство. Ездить с товаром начал, говорил по-вогульски бойко, а всегда доверия больше к тому, кто знакомо говорит. Взматерел Сашка, укрупнился, ходил в богатой бороде, но часто вспоминал маленькую Палкей, осталась она в нем розовым светом просыпающегося дня.

И Митяю Палкей не досталась, женили его на другой. Больно большой калым просил старый Петч.

Узнал Сашка, что Палкей не замужем. И голос ее услышал, и смех ее заплескался в нем, разрывая сны. Своего работника Палмея стал подбивать:

– Женись, Палмей, на девушке Палкей. Не бойся, езжай, сватайся. Два пуда белок тебе дам, когда наловишь – отдашь. Подожду...

– Нет, хозяин, – долго отказывался Палмей. – Какая женитьба, когда одет совсем худо и брюхо голодное? Работник я, какая тут жена.

– Что, тебе и женщины не снятся? – допытывался Сашка.

– Еще как снятся, – ухмыльнулся Палмей. – Совсем голую держу, без чешуи. Эх да ты жизня-я-а...

– Дам одежду, дам лошадь... потом отдашь, – уговаривал хозяин. – Езжай! Знаю, что отработаешь.

И уговорил. Привез работник Палмей жену в пустую юрту. Увидала Палкей Сашку, глаза его увидела – и поняла. Сашка пришел к ним в юрту на свадебный пир – а на пиру только работники да батраки, шаль цветную да колечко золотое подарил.

– Говори, говори, Палмей, – потребовала на другой день девушка.

И Палмей не таясь рассказал всю правду.

– Ай-е! Щох-щох! – воскликнула Палкей. – Что же ты наделал!

Детей у них не получалось. Хозяйства никакого не завели, безвольно повисли руки Палкей перед работой.

Пристрастилась она к огненной воде. Выпьет вина Палкей, потеряет голову и просыпается в амбаре с Сашкой или с другим парнем. Совсем плохо. Любила ее молодежь, просила спеть и сплясать. Выходит в круг Палкей, когда немного пьяная, и запевает песню:

Иди вперед, иди вперед – чем ты не годная?
Хоть величиною с трубку – чем ты не пригодная?
Три пуда белок стою,
Два пуда белок стою,
Маленькая, с трубочку, Палкей,
Маленькая, с бурундучка, Палкей.

Сначала она легонько притопывает, гордо поднимает маленькую головку в тяжелых косах, потом приседает и, легко вспорхнув, плывет по кругу, раскинув руки. И уже другим, густым голосом ведет песню:

Ой вы, девушки хорошие,
Ой вы, девушки пригожие,
Откажитесь вы от женихов,
Откажитесь вы от женихов.

Слезы вскипают в песне, слезы вскипают на глазах Палкей, голос утончается, вот-вот порвется, осыпается, как песок с крутого берега:

Неровня жених навернется,
Волком злым потом извернется,
Кулаками будет сильно целовать,
Мятым корнем будет сильно обнимать.

Опустив голову, она медленно покачивается, с трудом передвигая ноги.

– А я хорошо живу, – тоска разрывает Палкей, но она смеется, только смех ее хриплый и резкий, совсем шершавый, как старая кожа:

Косу–щолву возьму – траву кошу,
Топор возьму – дрова рублю,

Домой приду – слезу попью,
Домой приду – слезой умоюсь,
Спать лягу – черенок косы подстелю,
Черенок косы подстелю да косой накроюсь.
Ах ты, маленькая, с трубочку, Палкей,
Ах ты, маленькая, с бурундучка, Палкей.

Замотает Палкей головой, прыгнет, как лягушка, убегает в ночь, в остервенелый собачий лай.

Знал Митяй о судьбе Палкей, и мать Кирья ударила его больно по незаживающему месту: «А ну-ка, вспомни Палкей!» Да не пошла ему та память на пользу...

Услышал Митяй около дома своего густой собачий лай, храп коней, людские голоса. Выглянул на улицу и остолбенел – перед его домом остановились кони, а из крытых саней вышел Леська.

– Куль Ноер, царь чертей! – удивился Митяй. – Раньше Леська на меня и глазом не смотрел, а теперь почему-то у моего дома коней остановил. Может, сани порушились? Нет, не выйду на улицу, – и Митяй скрылся в юрте: лучше бедному не встречаться с богатым.

Тягуче заскрипела дверь, распахнулась, и в юрту ввалился Леська на коротких кривых ногах. Женщины, увидев Леську, скрылись мгновенно за перегородкой. За каким таким делом заглянул Леська-Волк? Урака, поди, он уже закупил? Может, ему рыбьего жира надо? Может, обувь закажет шить? Зачем пришел?

– Пасе олын сим ком! – поздоровался Леська, но не услышал ответа. Женщины молчали за перегородкой, а Митяй молча стоял у стола, разглаживая в руках кусок сыромятины. – Принимай гостей, хозяин, – бодро крикнул Леська и свистнул: – Заноси! Эй, Юван!

Работник расторопно заносил в избу подарки, узлы, берестяные коробки и туески с огненной водой. Все еще не верил Юван тому, что Леська-Волк рискнет попросить в жены ясноглазую, как солнце, Саннэ. Нет, не могут боги позволить совершиться такой беде! Боги видят каждого человека насквозь и слышат его тайные, от людей запрятанные мысли. Конечно, не допустят боги беды.

– Свататься приехал! – заявил Леська. – Дочь твою, Саннэ, решил в жены взять!

– Сим Пупий! – охнула жена Митяя. – Как он так шутить вздумал?!

Митяй пригласил гостя раздеться. Несколько раз заходил он за перегородку, вызывал жену и мать, приказывал по обычаю принять гостя, накрыть на стол, но ни одна из женщин не поднялась с места – омертвели они, застыли. А Юван выкладывал на стол сладости и дорогие подарки, распечатывал туески с огненной водой.

– Тц-тьц-а-я-цэ-цок, – причмокивал Леська и как-то быстро, Митяй и не заметил как, водку ему налил. – Принимайте гостя!

– Принимайте гостя, – рассвирепел Митяй. – Не то я всех прибью. – Дрался Митяй редко, больше грозил, но сейчас он увидел, как усмехался Леська и покачивал осуждающе здоровенной своей башкой, что, мол, за мужик Митяй, если его бабы не слушаются. А тут уже соседи в избу зашли – смотрят. Заорал Митяй.

Женщины вышли из-за перегородки. Леська и Юван ловко, как арканы, накинули на них большие цветные шали с длинными шелковыми кистями. Охнули соседи – беда, верное дело, свататься приехал! Совсем бесстыжие глаза, совсем у Леськи черное сердце.

– Покажи дочь! – потребовал у родителей Леська. – Жениться хочу!

– Да ты старый, – заплакала мать Саннэ. – Старый, трухлявый пень, кору порви – рассыплешься!

– А это видела?! – захохотал Леська, обнажил клык и похлопал себя по животу. – Што ты молчишь? – закричал он Митяю.

Отец Саннэ второй год прикован к избе, не охотник он уже, не рыбак. Сломал в урмане ногу – застигла его пурга, свирепый ветролом опрокинул на него лиственку, и хрустнули под ней кости. Добрался охотник до лесовней юрты, кое-как выправил ногу, обернул в бересту и стянул ремнями. Вот уже второй год хоть и здоровенный, а ходит худо, дом скудеет.

– Покажи! Понравится – что хочешь дам! – брызгает слюной Леська. – Коней, овец, хлеба... табаку... золотые денежки...

– Не отдам! Не отдам! – разрывает себя в крике мать. – Не отдам лебедушку Леське-Волку. Люди! – распустив волосы, выбежала мать на улицу. – Люди! Волк вышел из лесу, унести хочет дочь мою в логово! Спа-си-те, люди!

Столпились вокруг нее женщины и дети, закричали, завопили в голос – билась мать на снегу. Из соснового бора с вязанкой дров вышла тут Саннэ, ничего не понимая, бросилась к матери, а та и слова не может вымолвить.

– Тёть? – трясет за плечи мать Саннэ. – Тетюм?! Отец умер? Что с ним, сюкум?!

– Ай-е, ай-е! Ай-аю! Да что же это? Больно... больно... Торум Самт – на глазах у бога! Ай-е! На глазах у Шайтана. Щох-щох! – причитает мать. – Всякое думала, всякое ждала... но дочь за Волка отдавать? Дочь, милая дочь Саннэ, хочет купить тебя Леська-Щысь.

– Какой Леська?! – прошептала Саннэ. – Тот, у которого жены мрут?..

– Он... он! Вот он – гнилая кровь! – закричали женщины, увидев, что Леська вышел из юрты и, тоненько посмеиваясь, разглядывает толпу, помахивая плеткой.

– Саннэ, – переваливаясь, надвигаясь огромным животом, приближался к девушке Леська. – Саннэ! Вон какая ты лебедушка! Красивей, чем рассказывали... Хочу в жены тебя взять. Хочу сделать тебя самой счастливой и богатой. – Совсем высунулся изо рта длинный желтый клык, а узкие глаза лезвием резанули по растерянному лицу Саннэ.

– В же-ны?! Ме-ня?! Ты-ы?! – девушка пришла в себя, напряглась, как рысь перед прыжком. – Счастье предлагаешь? – И всем показалось, что над далеким урманом в солнечном дне прокатился глухой гром. – Ты, дохлая рыба, Виткась – Обжора, тухлая требуха, – в жены, меня? А ну, прочь, падаль... прочь со двора!

– Нет, – ухмыльнулся Леська и выпятил живот. – Нет, красавица Саннэ, ты моя уже... Дорого я заплатил твоему безногому отцу. Хороший он, умный человек. Понял, что совсем издохнет без моей помощи. В твоей власти, послушная дочь, спасти его хромую жизнь. Саннэ, спаси братьев своих младших, – и, сплюнув за порог, вошел Леська в юрту.

– Спасти его хромую жизнь?.. – прошептала Саннэ. – О, сюкум! Ты слышишь меня, сюкум? – она обратилась к матери, обнимала ее худые, изможденные плечи. – Спасти братьев младших? – А мать неподвижно, отрешенно смотрела перед собой, словно не слыша ни шепота, ни крика дочери. – Спасти их... спасти... А самой погибнуть, да? – крикнула она пронзительно и громко.

– Ты, дочь моя, беги... Беги. Спасайся, – с трудом разжимая губы, сказала мать. – Беги в Евру... Скажи Тимофею Картину, Сандро скажи, чтоб скорее выкупал тебя. Отец вовсе из ума выжил. Беги!

– Беги, беги, Саннэ, – заторопили женщины. – Вставай на тропу и беги!

– Знаю, знаю я, что у тебя с Сандро, – призналась мать. – Видела, что муж он тебе давно. Беги!..

А Митяй уже выпил с Леськой водки, ему стало хорошо, жарко и тесно. Уже громче бубнил Митяй, хвастался всяческими удачами, которых никогда не было, и был он жалок. Уже тоненько хихикал Леська, предчувствуя добычу, обнажая острый клык.

– Что ты делаешь, Митяй? – протягивала дрожащие руки Кирья, пытаясь удержать сына. – Что ты де-ла-ешь?

– Что нового в миру, Леська?

– Все по-старому, Митяй! Русские в колокола бьют – Новый год встречают, говорят, что через десять зим новый век начнется.

– Даю тебе согласие, Леська! – закричал захмелевший Митяй. – Нет сильнее и тверже моей отцовской власти! – Митяй громыхнул кулаком по столу. Но ломалось и расползалось его лицо, прятались глаза.

– Нет! – хихикнул Леська. – Нет тверже власти мужчин. Верно ты говоришь. Ой как верно! Русские говорят, наверное, война будет. Как тогда хромому, а? С голоду подохнет семья.

– Отдаю дочь потому, что сыта, одета будет. Хлеба и товаров у Леськи много, не станет голой ходить. И ты, Леська... выкуп! Я тебе такой выкуп поставлю, чтобы я сам в торговцы вышел... Ты говоришь, новые времена – так пусть я торговцем стану! Тогда война мне нипочем!

6

А Саннэ побежала. Не видит перед собой Саннэ знакомой, как ладонь, тропы. Бежит, падает, продирается сквозь кусты, сквозь осинник и березняк, ельник и кедровник. Падает она в снег, падает грудью на болотные кочки и ничего не видит, ничего не слышит. Из красного, горячего тумана возникает перед ней волчье, клыкастое лицо Леськи. Оно появляется из дупла и надвигается бездонной пропастью, вот оно возникает из-под кривого сучка и выглядывает из-за еловой лапы. Ветви и сучья изодрали в кровь лицо, шею и руки Саннэ, пот едко разъедает глаза.

– Ок-ко-о-ль! О-ко-ль! – ворвалась в избу девушка. – Тетушка Околь... спаси, спаси меня... Спаси меня, Сандро! Где ты, Сандро? Продают меня в жены Леське-Волку.

– Астюх! – Околь схватила руками голову, зашумела кровь в висках, и сдавило дыхание. – Астюх!

– Где Сандро?! – схватила Саннэ колени Околь. – Где Сандро? Пусть берет меня в жены. – И затряслись плечи в безудержном рыдании. – Уйдем... уйдем куда-нибудь.

– Тимофей взял Сандро в Пелым... Что же депать?! – растерялась Околь. – Господи, ты слышишь меня, боже небесный! Просила Тимофея взять девушку в дом, что же ты не вразумил, боже! Что сделать, как защитить, как охранить девушку? Ни мужа, ни старшего сына нет дома. А средние сыновья гурьбой ушли на лесное озеро.

Подстерегла беда, надвинулась несчастьем, охватила лесным пожаром – нет спасения. Нет спасения, когда потеряешь голову – оставят тебя силы.

– Спрячу тебя в лесу, на Черемуховой речке – Нихья. Там Тимофей срубил лесовнюю юрту. Собирай еду!

Околь быстро нагрузила пайвы – берестяные заплечные кузова. Позвала сестру Тимофея посмотреть за малыми детьми и торопливо тронулась с Саннэ в путь. К утру она вернулась и не успела развести огонь в чувале, как на взмыленных конях ворвался в Евру Леська с двумя работниками.

– Где юрта Картиных?! – спросил он встречного старика. Кентин-старик не торопясь вынул изо рта трубку, примял пепел. – Тебя спрашиваю, где юрта? Юрта Картиных где? – нетерпеливо выкрикнул Леська.

– У нас в Евре сначала здороваются, – спокойно ответил старик Кентин. – Желают здоровья и жизни и называют свое имя, имя рода своего. Ты же не бездомная собака? У тебя, поди, имя есть?

– Некогда мне, – заорал Леська. – Ну?! Где Картиных юрта?

– Ты, наверное, Леська-Щысь? Слышал, что ты злой, но не знал, что совсем глупый. – И Кентин, посапывая трубкой, тронулся по своим стариковским делам.

– Где юрта Картиных? – завопил Леська на всю Евру, распахнув мокрый рот. – Вот эту серебряную денежку дам, кто покажет.

Околь вышла из юрты, подошла к Леське и протянула руку.

– Чего тебе? – дернул головой Леська и сузил глаза.

– Давай денежку, покажу юрту, – спокойно ответила Околь.

Леська оглядел настороженную, молчаливую толпу и разжал короткие пальцы.

– Вот она, юрта Картиных, – спрятав серебро, показала Околь. – Только хозяина нет дома. – И евринцы дружно и весело всхохотнули – умница Околь!

– Где он?! – задрожал от ярости Леська.

– А у тебя к нему дело? – улыбнулась Околь. – Коли дело, слезай с коня, подожди. Тимофей Картин в волости. Сходом назначен дела односельчан вершить! – И засмеялась гордо.

– Ты, собака, почему зубы скалишь? – заорал Леська. – Ты, коровье дерьмо, зачем мне зубы кажешь, сучья ты дочь?

– У меня зубы целы, оттого и кажу, – насмешливо ответила Околь. Подошли и встали с ней рядом братья Тимофея. – Но почему ты лаешь на меня погано, того я не пойму.

– Я купил у Митяя Лозьвина дочь! – крикнул Леська, и толпа глухо охнула. – Дорого заплатил я отцу за его девку, да! Но поганая девка сбежала.

– От добра не убегают, – повела плечами Околь. – Наверное, ослепла от твоей красоты и разум ее помутился.

– Ага, ты, значит, ее спрятала?! – задрожал Леська. – Куда ты ее спрятала? Ну, говори, сучья дочь! – И замахнулся на Околь ременной плеткой.

– Ты в других деревнях можешь давить слабых и стариков, – жестко, глядя в глаза Леське, заговорила Околь и медленно стала надвигаться на Леську. Братья Тимофея шагнули вслед. – Но запомни: Евра тебе не по зубам! Ты, как росомаха, гадишь в своем логове и нападаешь сзади, а за «сучью дочь» получи, – и Околь плюнула в лицо Леське. – Бейте, братья, волка!

Очнулся Леська на берегу Евры, ощупал себя. Стонет тело, глаз один не видит, в голове гул, но клык цел. Попробовал подняться, застонал, упал на грудь.

«Хорошо – не ножом, – мелькнула мысль, но, словно застыдившись слабости, юркнула, утонула в нахлынувшей ярости. – Даром вам не пройдет, трусливые души!»

Поднялся Леська на колени и пополз, высоко поднимая зад. Кривились слабые ноги, короткие руки его погружались в снег, но ветер обмыл лицо, и в голове притих гул. Вскоре наткнулся он на глухонемого работника, рядом стонал другой.

...Через неделю вернулись из Пелыма расстроенные Тимофей и Сандро.

– Ясак добавили! Совсем задушить задумали, – только и сказал Тимофей. И замолк надолго.

– И у нас беда, – сообщила Околь. – Леська-Волк Саннэ покупает. Убьет себя девушка, Тимофей. Помоги ей, отец, помоги! Ради сына, ради Сандро, спаси ее!

Сандро так и застыл, словно умер. Застыл с пустыми глазами и замкнутым ртом, как идол у шайтанского амбара.

– Ты же сильный, Тимофей, – в отчаянии кричала Околь. – Ты сильный, как отец твой, а тот вырвал свою женщину из когтей шамана Волчий Глаз.

Сандро сорвал со стены охотничий пояс и бросился из юрты.

– Сын, сын мой... не беги на свою гибель! – подняв руки, упала перед Сандро Околь. Сандро перешагнул через нее и скрылся.

– Иди, отец! Торопись, Тимофей, в Сам-Павыл... Сын в беде.

– А где Саннэ? – устало спросил исхудавший Тимофей. Здорово истрепала его поездка в Пелым, измотали царские служки. – Куда она подевалась?

– Я спрятала ее, – ответила Околь. – Жалко мне ее, девушку ласковую, в вор-кял схоронила на Черемуховой речке.

– Ну и как ее отнимать у Леськи? – тяжело повернулся к жене Тимофей. – Перекупить?

– Перекупи, муж мой, перекупи! – закивала головой Околь и затаила дыхание. И правда, как же отнять у Леськи девушку?

– Больше, чем Леська, я не смогу дать! – отрезал Тимофей. – Он половину Евры может купить, проглотит и не подавится. Украсть? Украсть нельзя: отец ее болен и оттого продает, чтобы жизнь семерых детей спасти. Ну скажи как?

– Как?! – возмутилась Околь. – Твой отец знал! Твой отец взял женщину. Пригрози Волку! Пусть пьет кровь в своем урочище! Убей его! – вдруг крикнула Околь. – Убей! А бог простит!

– Ладно! – Тимофей туго затянул пояс с длинным узким ножом, взял ружье и острогу. – «Убей!..» – усмехнулся он. – Сандро надо спасать!

...Леська-Волк занимал на время соседнюю с родителями Саннэ просторную юрту. Сандро ворвался в нее, с ножом бросился на Леську и, наверное, убил бы его.

Ловко подставил ногу глухонемой работник, и Сандро, падая, сильно ударился головой о стенку – остановилось дыхание, закрылись глаза.

– Свяжите щенка! – приказал Леська. – А ночью, когда все лягут спать, киньте в прорубь. Не видели, не знали. Ай-е, ай-е, – прицокнул Леська языком, толкнул ногой связанного Сандро. – Совсем глупый щенок, совсем дурной – на Волка полез. Ты знаешь, меня люди Волком зовут, – и Леська обнажил острый клык.

– Не видать тебе Саннэ, – хрипит Сандро.

– Я-то увижу, а тебя утоплю, – спокойно ответил Леська, обгладывая баранью ногу.

Тимофей распахнул дверь в юрту и с порога прицелился в Леську.

– Развяжи и выпусти!

Леська не тронулся с места, проглотил мясо, потянулся за водкой, но, взглянув в лицо Тимофею, понял: тот не уйдет без сына. Молча кивнул Леська работнику. Тот вскочил и ножом разрезал веревки. Встал Сандро и шагнул к отцу.

– Не тронь Саннэ! – сказал Тимофей, но Леська уже вскочил, забегал, закрутился по юрте.

– Не-ет, ы-ы-у-у-ых! Не-ет... Тимка... – замахал он короткими руками. – Ты нос свой, крючок, не суй... Не подходи – сгоришь... Без тебя варится моя пища в колташихе. Кто тебе позволит нарушать закон? Ты же из Картиных, ты из тех, кому доверяют хранить законы.

Молчит Тимофей – никто не смеет нарушить закон.

– Я купил женщину! Купил у ее отца! – кричит Леська. – Я рассчитался сполна с Митяем. Вчера мои люди нашли девку на Черемуховой речке. Ты и твой род прятал ее в своей лесовней юрте. А прячут ворованное... Ты вор, Тимоха! А раз ты вор, то завтра на селянском сходе ответишь по закону. Иди!

Точно задумал и рассчитал удар Леська – он обратился к тем, кто сам хотел подороже продать дочерей, он потребовал селянского схода. Тимофей Картин всегда решал все дела на сходе по закону, а завтра будут судить его, как вора...

– Как вора? – повторил Тимофей. Как все странно, как все запутано в этом запутанном мире: честный человек слывет дураком и всегда беден, бесчестный ворует у ближнего, ворует у рода и почему-то ходит

в почете, пусть не в почете, но имеет деньги и власть. Тимофей не взял ни у кого ни крошки, никогда не брал и не возьмет, и он – вор?! И судить его будет Леська, что обирает целые деревни, обездолил сотни людей, погубил и сломал столько судеб.

– Отдай нож, Сандро! Остынь, сегодня сила у Леськи.

Не слышал сын отца, побрел по тропе, а затем отошел в сторону и растворился в лесной чаще.

...И древние старики не упомнят, когда собирался последний раз общий сход двух деревень – Евры и Сам-Павыла. А теперь вот собрался. Толпой пришли сампавыльцы в Евру. Саннэ на селянский сход привезли связанную. Лицо ее было разбито и растрепано, волосы рассыпаны по плечам, платье разорвано. Леська и его работники стояли в стороне у оседланных коней. Привезли на сход и отца Саннэ, а мать не пустили.

– Говори, Леська, свое дело, – сказали старейшины.

– У меня в ту зиму умерла жена. Я один. Мать совсем худая. Мне нужна жена. Я увидел Саннэ и решил взять ее в жены. Я сговорился с Митяем Лозьвиным, и тот продал мне Саннэ.

– Продал? – спросил сход.

– Да! – ответил Митяй Лозьвин. – Продал. Я ломанный совсем, не могу ходить. Девка моя, и продаю, кому хочу. Да, я продал ее Леське.

– Он все заплатил? – спросил сход.

– Да, он все заплатил и еще добавил, – ответил Митяй. – Пусть он противный, пусть он страшный, но Саннэ будет у него сыта, одета и в тепле. И дети мои будут сыты. Когда она родилась, я обещал сохранить ей жизнь, и я хранил и защищал. Но я никогда не обещал ей красивого мужа. От страшной морды никто не умирал, – кашляя, придерживая рукой грудь, сказал Лозьвин. – Не пойму, почему столько крику, ведь не медведь замуж ее берет.

– Не медведь он, а Волк, – крикнула Саннэ. – Лучше убейте, а не станет он моим мужем. Сандро будет мой муж. Сан-дро-о-оо!

– Я все заплатил сполна! – оттопырил губу Леська. – А Тимофей Картин украл мою жену. Он – вор. Судите его, как вора!

– Он не мог украсть! Он верный и честный, – ответили старейшины Евры, – и он был в волости. Девка сама пришла в его юрту...

Долго шумел сход, долго кричали мужчины. И громче всех Мишка, сын беглого Мыколки и мансийки Сафроновой. Уходил Мишка из Евры – лет десять плотничал в Тобольске да Тюмени. Нынче вот только вернулся, но не привыкли к нему в Евре, все казался Мишка-плотник каким-то пришлым. Потому и не больно-то прислушивались сейчас к тому, что он кричит.

– Не отдавать девку! – не жалея горла, орал Мишка. – Тоже закон удумали... Гнать его, мироеда! Давить их надо!..

Но сход после долгих споров порешил: «Леська сполна заплатил калым. Саннэ должна стать его женой».

– Умру – не стану! – поклялась Саннэ.

– Ах, не станешь?! – крикнул Леська. – Наказать по закону!

И Саннэ наказали. Привязали к столбу и били мочеными сосновыми корнями. Разбрелись люди. У столба, задрав ногу, мочилась собака.

– Господи! Да что же это?! Боже! – стонала Околь, когда рассказал ей Тимофей о решении схода.

Связанную Саннэ взвалили на коня и увезли в деревню Тур-Павыл, в дом Леськи.

Через несколько дней из Евры исчез Сандро.

БОГИ МОЛЧАТ, СЛЕПЫЕ...

1

Много заплатил Леська за Саннэ и заплатил бы больше, сколько бы ни запросил отец, – так ему нравилась невеста. Много собралось гостей – ели саламат, пили огненную воду. Только Саннэ сидела как каменная. Неподвижная, погруженная в себя, без слезинки, без стона и крика.

Такой она и ехала к Леське, в чужую деревню. Не помнит, сколько ехала, по какой дороге и когда прибыли, так и не вышла из нарты. Ее звали, уговаривали – она молчала. Леська и Юван взяли ее на руки и втащили в дом, где встретили молодую сестра Леськи и работница Лыкерья.

На столе уже стоял свадебный саламат, заправленный толокном, паром окутались вареные мозги, вареная говядина и жареная баранина, верхотурские пряники, шаньги, леденцы, цельная сахарная голова, всякая стряпня. Саннэ сидела не раздеваясь, молча смотрела перед собой, как будто зашла на минутку, вот сейчас поднимется и уйдет. Заклинала богов Саннэ, звала к себе Сандро. Вот ворвется сейчас любимый – и развеется наваждение...

– Ты не трогай ее, – сказала сестра Леськи. – Пусть осмотрится. Обвыкнет пусть. Из нищеты она, из гольной бедноты – разве когда видела столько угощения? И дичится оттого. Пусть обвыкнет.

Взяла сестра Саннэ за руку и молча увела ее за перегородку. Саннэ сбросила беличью шубку, закуталась в шаль, забралась на лежанку, прижалась спиной к стене и застыла. Несколько раз подходил к ней Леська, и каждый раз Саннэ вскакивала и принималась кричать.

Не признавала себя Саннэ женой Леськи, не смирилась и не обещала смириться. Она плевала в лицо, в узкие глаза Леськи, исцарапала ему щеки, бросала в него все, что попадало ей под руку. От нее прятали ножи, топоры, все острое, все тяжелое. Леська приводил к ней издалека шамана, тот камлал над ней, связанной, но не смог ничего сделать – Саннэ поднималась и в исступлении бросалась на Леську.

– Худо, совсем худо! Убить ее, наверно, надо, – размышлял Леська. – Но убить-то жалко. Больно дорого заплатил за нее и не знаю ее тела. Худо... Смеяться кругом начнут... пальцем показывать: Леська, мол, вовсе силу потерял, с бабой не совладает, наверное, издохнет скоро. Вот что страшно, – шепчет по ночам Леська и тенью шныряет по двору, не в силах сомкнуть глаз. – Из-за этой бабы дела, наверное, худо пойдут. Людишки пока боятся, а узнают, что Саннэ не поддается, перестанут признавать... – Пахнуло на Леську холодом, как со дна омута. – Силой-то взять можно, если связать... да разве за то такой калым платил? Нет, надо, чтобы сама сломалась, надо ее хитростью скрутить так, чтобы всю силу мою почуяла и брыкаться перестала. Такую хитрость... такую хитрость задумать... может, мне моя мать поможет. – И Леська вошел в юрту матери.

У матери истлели волосы от старости, свисали жесткими белыми прядями из-под платка. Глаза старухи утонули в морщинах, тускло отсвечивали бельмами, рот провалился – глуха она и слепа. Песни о ней пели, какая она была красивая. Не с красотой, с умом счастье уживается, да и то как судьба решит. Ни от мужа, ни от сына Леськи не видела она добра и женскую долю вызнала до дна. Знала старуха, что никто в этой жизни не поможет женщине, на которую обрушилась беда.

– Помоги, мать. – Леська присел на низенькую скамейку. – Не могу совладать с Саннэ. Совсем бешеная – глаза горят, и когти наготове. Помоги.

Старуха что-то варила в закопченном котелке и не повернула головы.

– Не могу взнуздать ее, – жалобным голосом протянул Леська.

– Саннэ – не лошадь! – отрезала старуха. – Ты выкупал ее у добрых родителей не для того, чтобы запрягать. Правду говорят, ты – Леська-Волк. Ты готов за каждую шкурку испить живой крови. Я рада за Саннэ, что не поддалась тебе. Берегись, Леська, кого-то ты обездолил, забрав Саннэ!

– Ты рада, что Саннэ не взнуздана?! – ноздри Леськи хищно шевельнулись.

– Иди! – властно крикнула мать. – Тебе, Леська, не взнуздать ее.

Долго думал Леська и на другой день во всеуслышание объявил сельчанам:

– Жена моя, Саннэ, шибко любила до замужества глядеть на других мужчин. Вы знаете, люди, что такое незамужней женщине много глядеть на мужчин?

– Знаем, – ответили сельчане.

– Оттого что женщина много смотрит на мужчин, она становится порченой, – взъярился Леська. – А порченая не может оставаться женой. И сейчас я не признаю ее женой. – Леська приподнял над головой круглый кулак. Так по закону отказываются от жены.

– Не признавай! – обрадованно поддержали те, кто сочувствовал Саннэ. – Отпусти ее, пусть она так живет.

– Женой я ее не признаю! – гордо вскинул огромную голову Леська и ощерил волчий зуб. – И выпущу ее из своей юрты. Но я заплатил за нее слишком много – дорогой выкуп. Так пусть она живет на конюшне с моими конями. Пусть она живет с жеребцами, моя дорогая лошадь.

Ахнула толпа, а Леська, довольный, пошел к дому.

– Она не будет даром есть мой хлеб! – крикнул он, обернувшись.

Леська заставил Саннэ из леса носить на плечах сушняк-долготье. В лес и оттуда ее водил, как лошадь, в поводу, преданный Леське глухонемой. В лесу женщина набирала сушняк, глухонемой крепко затягивал вязанку и взваливал на Саннэ.

Когда она возвращалась из леса, вся исцарапанная, в синяках, Леська звал людей на дорогу, расхаживал и кричал:

– Кому... кому нужна дорогая, сильная кобыла? Смотрите, люди, какая она поводливая! Смотрите, люди, как ровно и сильно идет в поводу. Кто желает купить? Кто желает запрягать ее по ночам? Только дорогая она, эта кобыла.

Глухонемой, чтобы выслужиться перед хозяином, гибкой палкой подстегивал женщину.

– По заду... по заду стегани, – покрикивал Леська, – пусть она подберет его, пусть втянет. Бей кобылицу!..

На плечах Саннэ веревка прорезала глубокие раны, и те не заживали, не затягивались, почернели и загноились. Но, окровавленная, избитая, в изодранном платье, Саннэ шла по деревне в гордом молчании, не проронив ни звука, ни стона.

– Смотрите, какая красивая, дорогая кобыла! – исходил в крике Леська.

А вечером велел он опять привести Саннэ в избу. И опять лез к ней Леська, распалился. Опять криком кричала Саннэ. На вторую ночь Леська напился, ворвался за перегородку, вытащил Саннэ за косы на свою половину и долго бил. Падал за стол, пил огненную воду и снова бил до тех пор, пока не свалился пьяный. Упал и захрапел. Но, падая, Леська придавил своей шеей длинную косу Саннэ.

– Куль Ноер – царь чертей! Сейчас я успокою тебя. – У Саннэ мелькнула страшная мысль – и ослепила ее. Жаром опалило голову. – Успокою тебя, клыкастый Волк...

Она набросила косу на раздувшееся горло Леськи, изо всех сил, сцепив зубы, стянула. Леська шевельнулся, и тогда Саннэ, не выпуская петли, всем телом, всем своим горем навалилась на него. Леська всхрипнул, Дернулся, раскинул короткие ноги и застыл.

Быстро, на одном дыхании оделась Саннэ, бросила в берестяной кузовок кусок мяса, хлеба и рыбы и выбежала на улицу в робкий синеющий рассвет.

А навстречу ей – Юван. Каялся он страшно все эти дни. «Моя вина, ой какая моя вина... Зачем рассказал хозяину о Саннэ? Зачем так расхвалил ее?»

– Бежишь, Саннэ?! – испугался Юван. А Саннэ перед ним едва стоит, обомлевшая от страха.

– Бегу... Бегу я. Не трогай меня, Юван! – взмолилась Саннэ. – Не убивай!

– Те-бя?.. Убить те-бя... Саннэ?! – голос у Ювана задрожал. – Беги!.. Подожди, подожди, милая девушка, – заторопился он, – принесу лыжи и еды... Исчез на мгновение, появился с лыжами и узелком.

– Вставай! – Юван помог ей укрепить лыжи и сунул узел с едой. – Прости, Саннэ, виновен перед тобой. Это я распалил его нечаянно... я рассказал о тебе Леське.

Обернулась Саннэ и крикнула:

– Юван, я задавила Волка. Помоги! – и быстро побежала по свежей утренней пороше.

Испугался страшно работник, прислонился к стене юрты.

– О, Великое Небо! Задавила?! Что делать? Куда задевать Волка на вековечные времена?

Быстро скользнул Юван в юрту, приблизился к Леське и вгляделся в лицо. Оно расплылось в страшном зверином обличий.

– Щох! Щох! – прошептал Юван, взвалил Леську на спину и быстро побежал к проруби.

Потом он деревянной лопатой разгребал снег, очищая тропинку к проруби, засыпая свои следы...

Сестра Леськи проснулась, в избе – тишина.

– О, Светлый день! – умиротворенно пробормотала она. – Радостное утро, пресветлый день! Полади ли молодожены... Спят сладостным сном. Да будь ты проклят, Леська, такую девку испортил.

Встала сестра, позевала, почесалась, неторопливо пошла к Лыкерье, что должна приготовить утреннюю пищу. Поднялась к Лыкерье, потянулась с зевотой.

– Ты, Лыкерья, рано пищу не готовь. Не готовь, отдохни сама. Не буди молодых – пущай они подольше поспят.

– Аль помирились? – ахнула Лыкерья. – Помирились?! – Не поверила работница, и страшно, обидно ей стало, что сломалась гордая женщина. Значит, не гордость в ней была, а так, одно показное притворство. – Неужто все женщины таковы?

– Да! – отрезала сестра. – Как ни поверни – все мы таковы, Лыкерья. Вот продай меня – и я рада тому буду. Не знаю я мужского мира. Силу знаю... но ведь кроме силы что-то есть в них.

– Неужто все женщины таковы? – убивается Лыкерья. – Да где сила твоя, Белый Светлый День?! Почему вы молчите, земные и небесные боги?!

– Ты не готовь пищу, – приказала сестра. – Пока сам не позовет. Сбегаю на радостях к родственнице... Не буди их, Лыкерья! – и убежала.

– Иди ко мне, Юван! – затуманилась Лыкерья. Юван вошел в юрту, где готовилась пища хозяину, а в уголке кормили работников. – Иди ко мне, Юван! Нет у тебя огненной воды?

– Зачем тебе, баба?

– Так Саннэ ведь помирилась с Волком, – запричитала Лыкерья. – Да как так устроена наша собачья жизнь?.. А Юван потер глаза рукавом, будто в глаз что-то попало.

– Собака он, бешеный волк! – решила Лыкерья. – Дай огненной воды! Позови работников, Леська спит!

Юван вышел, принес из амбара туесок, привел работников.

– Наливай, – приказала Лыкерья. – Сегодня самый темный день в моей жизни. И будь она проклята!

2

Сандро бежал на лыжах, солнце било ему в глаза, и не увидел он сперва девушку, ползущую в порванной шубе по глубокому снегу. Чуть опережая сына, распарывая мертвую снежную залежь, с обугленным лицом шел Тимофей Картин.

– Тетюм! Отец мой! – закричал Сандро. – Смотри! Что это?

– Астюх! Холодный пот прошиб меня! – удивился Тимофей и приостановился.

Собаки, рыча, рванулись к женщине, та медленно, словно отдирая лицо от жесткого наста, приподняла голову.

– Са-а-нн-д... Са-а-а-н... – и был то не вскрик, а хрипящее, полузадушенное рыдание.

– То-рум вайлын!!! Ты видишь, Боже Небесный?! – ахнул Сандро, поднимая Саннэ. – Что это, Белый Светлый День? За что?

Она не узнавала Сандро, глаза распахнуты и неподвижны, как омуты. И Тимофей к ней осторожно прикоснулся – не узнала Тимофея. Сандро рванул на девушке шубенку, и Саннэ лишь откинула голову. Жесткий наст-чарым ободрал гладкий лоб, и скулы, бровь рассечена, кровь струйкой застыла на щеке.

Тимофей приложил ухо к груди Саннэ – глубоко-глубоко ударяло сердце, как одинокий крик кукушки.

– Еще не ушла из нее жизнь, – сказал Тимофей. – Но много ли осталось...

Он выдернул из-за пояса топор, развалил сухостоину, развел костер.

Сандро опустил Саннэ на брошенную отцом шабурину. Растерянный, горячий, махал он топором, опрокидывая в снег легкие пихты и мохнатые сосенки, и, раскидывая, стелил их под кедром и ставил торчком, в наклон, как ставят чум. Подбежал к Саннэ, перенес ее на мягкую пихтовую постель и тут же почуял, как рука девушки невесомо прикоснулась к его плечу.

– Саннэ! – закричал он в ее лицо. – Саннэ! Гляди, это я, Сандро... Ты жива...

– Я... с тобой... – тихим дыханием шепчет Саннэ. – Ты муж мой! Больно... больно мне. – Глаза ее распахнуты и вновь неподвижны.

– Где... где больно? Здесь? – ощупывает девушку Сандро.

– Все больно... Там – кровь...

– Не бери, – резко повелел отец, подбрасывая в костер. – Отнесем ее в Сам-Павыл. Отдадим отцу. И конец!

– Тетюм, ты смотри! – ужаснулся Сандро, распахнув ветхие наряды. – Смотри!

Тонкие плечи Саннэ изрезаны веревкой, словно тупым ножом. Все тело ее изорвано, в синяках, рубцах и царапинах. И как тавро – отметины Леськиного зуба. Леська впивался пастью в круглые девичьи груди и ниже пупка – и метил, метил женщину волчьим зубом.

– Не трогай меня! – слабо простонала Саннэ. Ее трясло, корчило от страха, унижения и холода. А Сандро крепче прижимал ее к себе, согревая изодранное Леськой тело.

– Оставь ее! – приказал Тимофей, поправляя шалаш. – Ты не знаешь всего, что случилось. Не знаешь, к тебе ли она бежала...

– Ко мне! Ко мне она бежала, – вскинулся Сандро. – Неужели ты боишься Леську?

– Боюсь? – удивился Тимофей. – Нет! Но она женщина чужого мужчины. Она продана отцом. За нее отдан калым. Леська тронул ее, видишь, как он ее тронул, это его женщина.

– Я не была с ним, – прошептала Саннэ. – Я не впустила его в себя... – Ее затрясло. – Пьяный... Вонючий, как росомаха... Бил меня, бил чем попало, как собаку...

– У-у-у...ы-ы Елноёр! – задрожал от ярости Сандро. – Щох! Щох! Я убью его!

– Куда же ты побежала женщина? – не повышая голоса, выспрашивал Тимофей, поглядывая на сына, пусть тот уяснит, что Саннэ потеряна. – Куда? К кому?

– Я бежала к Сандро...

– Ты думала, он возьмет тебя? Почему ты так думала?

– Я должен выкупить ее, – вскочил Сандро и всадил топор в сухару.

– Что сейчас делает Леська? – продолжал выспрашивать Тимофей. – Почему не было погони? Что с Леськой? Он пьян?

– Не знаю, – едва слышно прошептала Саннэ. – Ничего не знаю! Он колотил меня... Упал пьяный прямо на меня... я косой петлю затянула.

– Косой – петлю? – поразился Сандро.

– Убить хотела...

– Убить? – засмеялись мужчины. – Косой? Девичьей косой убить Волка? Ха-хау-ха! Да его, Леську, лапой лесного мужика нужно драть, а ты косой...

– Он вывернул меня наизнанку... Изодрал тело, распотрошил душу...

– Ты задушила его? – в упор спросил Тимофей.

– Не знаю... ничего не знаю, сим ком! Дернул Леська ногами... захрипел. Я испугалась и убежала...

– Тогда почему нет погони? – встревожился Тимофей и вслушался в глубокую тишину солнечного полдня. Не тот человек Леська, чтобы разбрасываться своим добром. Людей бил-калечил, когда вытряхивал долги.

А здесь такой калым отвалил – и отпустил? Нет, что-то не вяжется. Наверное, кинулся на конях в Евру по накатанной дороге и сидит-насторожился в засаде, как паук в своей сети-паутине. И если он и Сандро приведут в Евру сбежавшую от мужа женщину, там их встретит Леська и всенародно объявит, что это Картины нарушили закон, что это они увели у него жену. А если приведут Саннэ к ее отцу – будет то же самое...

– Видно, нужно идти! – решил Тимофей. – Ты, Сандро, с собаками охраняй Саннэ, жарче пали костер... Я иду в Тур-Павыл. Узнаю все, что задумал Леська. Жди меня!

3

Тимофей добрался до Тур-Павыла в сгустившихся сумерках. Молодая луна легкой лодчонкой выскользнула из темной гривы кедрача, рассеянный звездный свет невесомо опустился на ельник, снег голубовато вспыхнул, заискрился холодно, по нему потянулись фиолетовые тени. Тимофей зашел в одну избу, в другую, кто-то признал его, усадил почаевничать.

– Пропала Саннэ... Наверное, Леська убил ее и запрятал, – поведали ему селяне.

– Куда спрятал – не отыскали. Куда сам делся – неизвестно. Из соседних деревень гонцы прибыли – нету там Леськи... Может, он в Евре, не знаешь, Тимпей?

– Давно я оттуда, – неторопливо ответил Тимофей. – Лесовал я с Сандро. Заплутался маленько в пурге-метели. Совсем ничего не видно – шли-бежали за сохатым, а он вон куда увел...

Не мог, не хотел Тимофей открываться турпавыльцам, почему забрел в такую даль от дома. Пусть лучше поухмыляются над ним, растяпой, пусть... Зато он многое узнал: исчез Леська бесследно, как дым от костра. Ну ладно, Саннэ призналась, что косой своей удавила пьяного Леську, но не может Тимофей разгадать, куда же Щысь подевался. Куда он провалился? Такую тушу, как Леська, спрятать мудрено. Кто в усадьбе сильнее всех? Самый сильный глухонемой, но бог отнял у него разум, кричит-ревет он, как лось в осенний гон. Но сильный и Юван...

Тимофей вышел из избы, обошел усадьбу Леськи, стоявшую на крутом берегу озера. И вдруг увидел...

Из кедрача, из гривастых голубых сугробов, взметывая снег, вырвался волк и громадными прыжками приближался к усадьбе.

– Сускэн! Сускэн! Смотрите-смотрите! – закричали люди, что жгли костер у Леськиного дома. – Ив! Ив! Идет! – испуганно вскрикнули женщины.

В лунном свете волк казался отлитым из серебра. От него на снег падала огромная тень, и она пугала почему-то больше, чем зверь. С высокого крыльца тоненьким, как хвоинка, голоском позвала волка старая Пекла. Она спустилась во двор, и волк услышал ее, остановился вкопанно, распоров снег задними лапами, крутанулся на месте, и глаза его огненно вспыхнули.

У Леськи два года пестовался серебристо-серый волк, подарил ему волчонка охотник из сосьвинских манси. Волк подпускал и принимал пищу от Ювана. Но признавал только Леську и мать его, старую Пеклу. Волк дышал Пекле в скрюченные ладони, холодным носом трогал ее лицо, золотую серьгу в сморщенном, как гриб, ухе, а старуха костяным гребнем прочесывала волка и плакала, что и она, как зверь, заперта в неволе.

А Леську волк любил... Тот приносил ему в клетку полное корыто свежего мяса, не костей, не требухи, а мяса, и кормил из рук. Леська обнимал волка, прижимался к его груди и тихо-тихо пел, почти не разжимая губ. Не было в той песне слов, одна лишь оголенная тоска, длинная, как осенний дождь. И волк, горячим языком слизывая соленую теплую влагу со щек хозяина, сам начинал поскуливать. Волк упирался лапами в широкие плечи Леськи и, поднимая кверху тяжелую морду, пригасив зеленый пламень глаз, вытягивал из себя дикую мелодию леса. Сердце волка тяжелело от любви к короткому, широкому человеку, от которого остро пахло конским потом, застывшей кровью, солью, рыбой. Волку не дано понять человеческую жизнь, она ему чужда, но этот человек, Леська, был ему дорог, и он всегда ждал его, ждал иногда дни, недели, когда тот исчезал по непонятным делам. Но, вернувшись, весь запеленутый в запахи чужих людей, собак, костров, дыма и дороги, Леська обрадованно ощеривал свой клык, смеялся хрипло и хватал волка за холку, ловил короткими сильными руками. А потом они пели – Волк и Леська-Щысь, пели так, словно были одни во всем мире.

...Когда тащил Юван на спине тушу Леськи к проруби, что-то тяжелое, литое как бы вскользь ударило его по лицу. У Ювана, как в бубен колотушкой, стукнуло сердце, холодный пот протек меж лопаток. Придерживая одной рукой Леську, другой откинул капюшон малицы. Его щеку холодно обожгла толстая золотая цепь, что висела на шее Леськи. Юван положил Леську у проруби, отдышался и осторожно оглянулся. Вокруг никого. Юван вглядывался в лицо Леськи, и в голубоватом, искристом сиянии луны ему показалось, что веки Щыся задрожали. Колыхнулась в звездном небе голубая луна, брызнула изморозью звезд, прикрылась прозрачным облаком, и колыхнулся Леська у проруби.

– О-о!.. – колыхнулся его слабый стон.

– Ыы-Елноёр! – испуганно, яростно прохрипел Юван, сорвал с шеи Леськи золотую цепь. – Ты... ты еще жить хочешь? – Он схватил Леську поперек тулова и с размаху воткнул в прорубь.

Юван немо и отрешенно удивился, как легко приняла река Леську, словно кто-то могучий протянул из проруби руку, сжал железною пятерней и задернул Леську под лед. Плесканула черная волна, в проруби колыхнулась, исказила свой лик луна. И вот тогда, словно почуяв, в истаявшую луну бросил волк поминальную песню. Заметался в клетке, ударился грудью в стенку и завыл.

Юван недоуменно держал в руках золотую цепь и не мог ответить себе – зачем? Зачем он снял с Леськи эту цепь? Он никогда не брал чужого. Это все равно что из ловушки вынуть пойманного зверька, все равно что вытряхнуть рыбу из чужой камки-морды... Нет, не для того он снял цепь... но для чего? И Юван заторопился к избам, к амбару, где выл волк. Он приближался к волку, неся на себе запахи Леськи, и волк бурно радовался, сотрясая клетку. А когда Юван, сам не зная зачем, надел на шею зверя золотую цепь Леськи – какой родной запах! – волк присел и впервые лизнул руки Ювана, ведь от рук пахло Леськой. Юван перевил цепью ошейник, теперь она держалась прочно и надежно. Юван крепко сжал ошейник, схватил тяжелую палку и в ярости, в пугающем его самого остервенении с размаху ударил волка по спине, потом по голове, по ребрам. Волк рычал, вопил, оглушенный и растерянный, расслабленный ожиданием, обманутый и преданный. Хрипя, поднявшись на дыбы, волк уловил, что Юван весь облит запахом Леськи, как бывало был облит и он, когда Леська обнимал его. Леська обнимал этого длиннорукого мужика? Почему он так пахнет, почему он так больно... о, как больно он бьет?

Волк вырвался из распахнутой клетки, с воем обежал вокруг усадьбы и бросился в лес.

...Волк откликнулся на призыв старухи. Он медленно подошел к Пекле и положил морду в ее протянутые ладони. Старуха приподняла руками тяжелую звериную морду и легонько провела веткой-ладошкой по крутому лбу, по загривку. И вдруг ее рука прикоснулась к охолодевшей золотой цепи.

– Ле-сь-ка-а?! – пораженно выдохнула старуха и вцепилась в цепь. И люди увидели, как тускло высветило золото на мощном загривке зверя. Пекла верила в то, что души долго бродят вокруг селений, ища продолжения, оттого вселяются в зверя, в птицу, в быструю рыбу, в крепкое дерево, – но чтобы так, сразу? За три дня? Ле-сь-ка, – простонала Пекла. – Ты уже... Ты волком... весь?

Волк уткнулся мордой в ладони и присмирел, словно вслушивался в голос старухи. Замерли люди.

– Леська... Леська, – тихонько поскрипывала старуха. – Куда же... в кого же вселились остальные души твои?

Волк ощерился, отскочил и бросился по тропе к проруби и у самого ее края резко остановился. Оглянулся, коротко взвыл, но старуха не понимала его... Волк подпрыгнул на четырех лапах, пружинисто присел, снова подпрыгнул и упал грудью на лед. Он подбежал к старухе, схватил зубами за легкую шубейку и потянул ее за собой к проруби, к тому месту, где Леська надолго оставил свой запах. Волк метался, отбегал от Пеклы, горячо дыша, нюхал лед, легкие осевшие снежинки, содранную Юваном тропу...

Турпавыльцы, раскрыв глаза, завороженно ловили каждое движение волка и все больше угадывали в волке Леську. Да, да! Они видели, они видели это сами – волк в золотой цепи. И они расскажут об этом своим детям, а те своим детям и внукам, и это останется в памяти народа Конды, и этот год будет назван годом Волка-Леськи.

О боги, какие мы еще темные, подумалось Тимофею, и перепутанные, и слепые, как корни утонувшего во мхах урмана. Да, душа человеческая переселяется, переливается во вновь рожденного, но не сразу... Переселение души – великое таинство, не может оно воплощаться на глазах суетных людей. Нет, не может.

«Не может! – размышлял Тимофей, настороженным взглядом ощупывая всех, кто толпился возле старухи. – Волк от старухи рванулся к проруби... Прыгал возле края... Жадно нюхал...»

– Смотрите, люди! – закричала пьяная растрепанная Лыкерья. – На всю Конду скажите, как Леська обернулся волком. О Великий Торум, я рада, что Саннэ не поддалась Волку... Он ее утопил.... Вы видите, люди! – исходила в крике Лыкерья. – Волк-Леська мечется возле проруби... Она не поддалась Леське... О убийца, оборотень! Ты... Ты утопил Саннэ!

Тимофей заметил, как вздрогнул Юван, как опустил голову.

«Так это он... его? – задрожала догадка. – Зачем? Юван везде мотался с Леськой, знал многое о делах его... А может, он спасал Саннэ?»

Волк все тянул и тянул старуху к проруби. Отпрыгнул у самого края и завыл... И, словно откликаясь на зов, из буреломной чащи в лунном свете возникла волчица.

– Иди! Иди к ней! – крикнула Лыкерья. – Во-он она... твоя волчья сука!

Волк еще не заметил волчицу. Прервав вой, он жадно вынюхивал следы, задрожал и остановился, будто пораженный. Не все, видно, чисто подмел Юван, и Волк-Леська учуял, уловил его запах. Подобравшись, он рванулся от проруби к толпе, и толпа развалилась. Волк перемахнул через сугроб и мчался прямо на Ювана.

– Ай-е, – охнул Тимофей и пальнул поверх головы волка. Зверь взвился в прыжке, рухнул в снег и бросился в кедрач.

– Кто? Кто спугнул волка? – крикнула Пекла. – Ты, чужак?

– Он бросился на меня, – твердо ответил Тимофей. – Может, он взбесился?

– Он не взбесился, – проскрипела старуха. – Ты испугал волка, в которого вселилась душа моего Леськи.

Я хотела держать его на цепи.

– К волчице! – орала Лыкерья. – Ай-ей! Наконец-то он стал самим собою. Но уживется ли он с волками?

И странно все было, и необычно: и эта сверкающая чистота ночи, и притихшие под луной голубые сугробы, и оголенный обрыв берега, и завьюженная чаша озера, иссиня-черный кедровник, горстка разбросанных избенок, извилистые строчки истоптанных людских троп – все словно плыло-уплывало вдаль...

Куда в такую ночь мчится Земля? Куда ты мчишься, земля-лодка, лодка-земля, нагруженная житейским скарбом, человеческим горем, надеждами, бедой и любовью? Куда несешь всех нас?.. Как хочется жить, о Великое Небо!

4

Светает. Тимофей собирается в обратный путь – почистил ружье, подтянул крепления на лыжах. Хозяин позвал к столу. Хозяйка на железном листе напекла крупных, с лапоть, карасей. Тимофей неохотно поел рыбу и принялся за чай – дорога длинна, бежать до вечерней звезды, не останавливаясь...

Дверь в избу распахнулась, белесыми клубами ворвался промороженный воздух и пробежал к чувалу. В короткой малице шумно ввалился Юван.

– Пасе... – поздоровался Юван, отбросил капюшон, длинные волосы упали на плечи. – Пасе! – выдохнул Юван и отвел глаза в сторону.

Тимофей, набивая табаком трубку, промолчал.

– Хозяйка, старая Пекла, велела найти тебя, – вытянул из себя Юван. – Зайди к ней, Тимпей.

Тимофей поднялся, туго затянул охотничий пояс, проверил все ли на месте, – ножи, огниво, табак, попрощался с хозяином и закинул за спину ружье. Подхватил лыжи под мышку и зашагал по глубокой извилистой тропе, пробитой к усадьбе Леськи. Юван молча шел сзади.

Старуха сидела на лавке возле крохотного оконца. Тимофей тихо прикрыл за собой дверь, пламя свечи колыхнулось, и дрожащий зыбкий свет осветил лицо Пеклы. Старуха плакала без слез, и рыдания сотрясали ее усохшее, ветхое тело. Тимофей прикрыл глаза. Он почувствовал себя вдруг маленьким. И чем-то старуха напомнила ему мать, Апрасинью – Журавлиный Крик.

Тимофей кашлянул, но старуха не подняла головы.

– Пасе олын сим нэ, – здорово живи, милая женщина! – громко поздоровался Тимофей. – Я жду твоего слова!

– Кто ты, чужой мужчина? – вгляделась в него старуха потусторонним взглядом. – Какого рода ты? – голос ее достигал Тимофея, как шелест волны, что набегает на голую песчаную отмель.

– Я вогул из Евры. Тимпей Картин, сын Мирона, внук Максима.

– О! Кар-тин, – тихо выдохнула Пекла, но лицо ее оставалось неподвижным. – О-о-э, Сорним Кётып пыскась род – ты из рода Золоторуких, шипящих носом. – Старуха вдруг откинула голову, словно что-то увидела перед собой. – Знала я Мирона, хранителя законов. Я была девочкой, когда он привел шаманку из земель Тахыт-Махум... Ша-ман-ка – Журавлиный Крик, – прошептала Пекла.

– Ты знала мою мать?! – обрадованно придвинулся к старухе Тимофей.

– Кто же не знал Матерей Мать? Кто не знал ее? Она бродила по всем борам, она смотрелась во все реки... Она многих научила брать силу и ярость у трав... Лишь она одна умела расколдовать их.

– Моя мать спасла многих людей, – тепло выдохнул Тимофей. – Она была доброй, мать моя, Апрасинья.

– Была она только умной и справедливой, – возразила Пекла. – И была твердой. Добротой не спасают. Я хотела быть доброй, а родила Леську... Ты зачем стрелял в волка? – уже не шепот, а отвердевший голос прозвучал в избе. – Стрелял зачем?

– Волк бросился на меня! – спокойно ответил Тимофей.

– Но ведь не волк бросался, – она склонила голову к плечу и словно издали вгляделась в Тимофея. – На тебя уже не волк бросался...

– Нет, волк! – твердо ответил Тимофей. – На меня, милая женщина, бросился волк... Может, он взбесился?

– Ты не веришь, что Леська обернулся волком? Не веришь, потому что такого не бывает?

– Да! Душа всегда вселяется в новорожденного... – ответил Тимофей. – А тень уходит в Нижнее царство и живет там столько, сколько прожил ушедший.

– Тогда Леську кто-то убил, – просто и покойно решила Пекла. – Убил и спрятал... Мертвый Леська будет кусать и рвать живых. О, как долго и жадно пожирают нас мертвые...

Юван приоткрыл дверь, глянул и захлопнул. Тимофею стало тесно в просторной избе, его теснили стены, увешанные собачьими, беличьими шубами, и кентыт – меховыми шапками, и легкими сахи из оленьих шкур, шубами и дохами в собольей и горностаевой оторочке.

«Она свое отболела, – подумал Тимофей, – она свое прожила, давно отцедила свою кровь, она все передумала и сейчас так далеко смотрит из своего прошлого. Она знала сразу, изначала. Она знала о Леське все...»

– Только я и ты не поверили! – разлепила губы Пекла. – Скажи, сын Апрасиньи, как, какой мерой нужно обидеть людей, чтоб каждый увидел в нем волка? Он – ди-ки-й! – закричала старуха, и лицо ее исказилось. – Скольких он погубил женщин! О Великое Небо! Ни одна из них не сумела стать матерью. Ни одна не продолжила род. Женщина не хочет рожать уродов. А нас, людей Конды, лесных людей, осталось так мало... Та-ак ма-ло-о в быстрых водах Человеческой Реки! Раскидало нас по рекам, речушкам, урманам, распылило среди чужих языков и народов. У нас забирают женщин, и они рожают уже не манси. Мы уже почти татары, почти остяки. О Небо! Мы прогневали своих богов! И больше всех прогневал Леська, – ее голос стал тихим, как шепот. – Леська узнал тайную тропу в капище... Иди сюда! – приказала старуха и неожиданно легко, словно ее приподнял и подтолкнул ветер, скользнула в угол избы, где стоял темный резной ларь из кедра. – Сбрось! – повелела старуха. – Сбрось барахло и открой! Но сперва крепче закрой дверь.

Тимофей припер дверь, нож из порванных ножен кольнул в бок, он вспомнил о Саннэ – ведь идти ему надо! Ой как надо!

– Надави! – Старуха приложила ветхий палец к выпуклой рысьей голове. – Сильнее!

В глубине сундука застонало протяжно и глухо, затем тягуче пропел железный голос, и крышка со щелчком откинулась. Сундук был доверху наполнен соболиными шкурками.

– Вынимай, – шепотом приказала Пекла.

Тимофей повиновался. И когда под мягкой грудой шкурок показалось дно, старуха снова нажала рысью голову...

– О, Небо! О, Великий Торум! – не смог сдержаться Тимофей. – О, Сайрын Коталум! – Белый, Светлый День!..

Там, под потайной крышкой, открылся ларец, наполненный золотыми кольцами, браслетами, золотыми пряжками в драгоценных камнях, чашами, кубками, серебряными рукоятями ножей, фигурками резных зверей и птиц, монетами со стертыми ликами, переливающимися бусами, – и все это тускло высвечивало, то вдруг отдавало жаром, то прокалывало холодным голубоватым лучиком, что вырывался из камня.

– Вот оно! – задрожал Тимофей. – Вот оно, принадлежащее богам! – Тимофей приподнял золотое блюдо, на дне которого раскинулась женщина свирепой силы и мощи. Тяжелело круглое лицо, выпукло приподнимались высокие скулы, и оттого, наверное, такой прищур раскосых глаз под гневным и властным изломом бровей. Но тугие губы полуоткрыты и так зовущи, кажется, что женщина приподнимается с золотого своего ложа и вот-вот распахнется вздыбленная налитая грудь и расслабится могучее, тугое бедро. А вот серебряная чеканная чаша грузнеет в сплетении тел, рук, лап и хвостов, вся оплетена оголенными чудищами, с тонкими, как копье, хвостами и человеческими ликами. Тимофей протянул руки и вынул то ли чашу, то ли кувшин, какую-то посудину, которую он не мог назвать. Она гляделась то кованой, чеканной, то литой и тоже словно была одета в самое невообразимое переплетение – там были и орлы с телом быка, и быки с головой волка, и рыбы с прекрасным женским телом и длинными волосами, и женщины с звериными лапами, рыбьими глазами. Гривастый зверь пожирал оленя, орел с девичьим лицом раздирал грудь воина – и всюду глаза... глаза... глаза... распахнутые, прищуренные и подлые, доверчивые и зовущие, глаза ненавидящие, налитые смертельной злобой и яростью, глаза в мольбе и просящие пощады.

– Отнеси, верни эти дары капищу... Тебе, наверное, не найти то дальнее, что он ограбил, но отнеси в свое... – Старуха махнула рукой. – Леська оскорбил богов, и они запрятали его так, что не оставили тела...

Тимофей бережно брал в руки вещи, принадлежащие богам, и осторожно складывал в дорожную пайву. То были священные жертвы многих поколений, людей из разных мест, к ним прикасались руки тысяч и тысяч людей, пока они не легли в глубине капища у подножия богов, охраняющих край. С какой надеждой и верой приносилась в жертву каждая вещь. У каждой своя судьба, тайна рождения и потаенный путь из дальних земель. Как сплелись чудовища на чашах, как раздирали они друг друга, так за каждую золотую фигурку, за пряжку или серьгу слетала с плеч человеческая голова, вспарывалось ножом горячее человеческое сердце и дрожали жадные пальцы-когти. Сколько же крови на этом золоте, сколько безверия, лжи и злобы!

О, боги, почему вы принимаете в жертву кровь?!

Но как же так, Леська поднял руку на священные дары – и не окаменел, не разорвался в мелкие клочки и не повис туманом на еловых лапах. Почему в Леську не ударила молния и не превратила в серую золу? Тимофей верил своим богам, верил в их нерастраченное, необоримое могущество, но боги молчат. Молчат, поруганные и осквернённые. Наверное, они уступают в силе русскому богу, который живет в таких красивых дворцах... И уже не остается прежней веры даже перед этими священными дарами. Наверное, оттого, что боги не наказали Леську.

Тимофей бросил за плечи тяжелую пайву, туго затянул ремень и взял в руки ружье.

– Прощай, милая женщина! – тихо сказал Тимофей, но усомнился, слышит ли, видит ли его будто одеревеневшая Пекла. – Остальное возьму в другой раз, сразу не унести... К богам вернутся их жертвы.

Он распахнул тугую, скрипучую дверь и вышел. Остановился, жадно глотая свежий морозный воздух, зачерпнул пригоршню снега и отер горячее, раскаленное лицо.

– Тим-пей! – зыбким болотом качнулась перед ним пьяная Лыкерья. – Ты зачем, Тим-пей, длинно говорил со старухой? Ты у нее выпытывал, куда Леська свой клад схоронил?

– Какой клад? – постарался удивиться Тимофей. – Что ты трещишь клювом, как кедровка?

Он окинул взглядом небо, встал на лыжи и быстро заскользил к темнеющему кедрачу.

5

Только сейчас, в лесу, Тимофей почувствовал усталость, словно после долгой погони по снежной целине. Голова стала тяжелой – глина тебе и глина, а на плечах словно по мешку сырой рыбы, и скользят те мешки с загривка на спину, тягуче стонет поясница. Ох, тяжела пайва... А мысли-думы уже бегут впереди него, толкаются, сбивают друг друга с тропы, и торопятся они к Сандро, к его костру... Тимофей так и не

решил, как поступить с женщиной, убежавшей от мужа. Когда они с Сандро нашли ее, было ясно – вернуть Саннэ отцу, а тот уже с Леськой порешат. Но Леськи нет – как же теперь?

К полудню он вышел на широкое моховое болото, которое плавно спускалось по склону в долину Тэла-Я – Зимней реки. На дне реки, раздвигая песчинки, бились роднички, вода всегда оставалась живой, только в редкие годы речушка целиком застывала, но ненадолго – ледяную корку прокусывала парящая полынья. И сейчас она парила в густом березняке, что осенял ее левый, пухлый, моховой, берег в мягких оплывинах, отчего правый, гривастый, берег в кедраче казался твердым и скалистым. На вершине осеребренной березы кормились угольно-черные косачи, приборматывая, обирали почки. Несколько косачей, взмахивая крыльями и выгибая красные брови, водили рыженьких, будто проржавевших на холоде, подружек по высоким кочкам, по-куриному разгребали лапами снег и кормились клюквой.

– Вот и ладно, вот и хорошо! – Тимофей решил сделать привал. Он затаился за толстой березой и приготовил три патрона. На вершине косачи сгрудились гроздью, и он ударил в эту гроздь, и, пока глупые птицы, вытянув шею, прихлопнули глазами, Тимофей успел выстрелить второй раз и вновь попал удачно. Резко повернулся Тимофей – на высокой кочке красные брови выгибали косачи.

– Сускэн! – рассмеялся Тимофей. – Вот глупые, сами просятся в колташиху! Эй! – крикнул он, и эхо прокатилось по болоту. – Забирайте своих женщин и бегите в кедрачи. Я за вами завтра приду.

На костре испек Тимофей косача, обглодал кости, чаю с клюквой напился. Усталость отошла, сон уже не давил на веки. Можно идти дальше. Он перебрался на правый, крутой, берег и, напрягая внимание, стал искать тамгу охотника, знак хозяина этого угодья. Наконец он нашел меченный знаком кедр – на своем теле тот нес тамгу Леськи-Волка.

Леська... Его давно надо было убить, только убить мужчине, убить, как бешеного волка, как обожравшегося человечины шатуна, убить при всех, чтобы люди видели, освободились от страха и поняли, что Леська никогда не был достоин солнца, дождя, травы под ногами, журавлиного крика, тени от облака. А теперь вот...

– Нет! – вслух подумал Тимофей. – Евринский сход не позволит Сандро взять Саннэ в жены. Ведь она не вдова до тех пор, пока не обнаружат Леську... Ай-е! Пупий Самт – на глазах Шайтана! Как спасти любовь в гниющей жизни? Не знаю...

Бледное, слабое солнце чахло, опускалось медленно в сосняк-беломошник, вытянулись размытые тени. Тонко посвистывая, перезванивая, осыпались с рябины снегири, поднялась из черемушника синичья стайка и захватила с собой поползня и желну, присели те в ельнике, а там недовольно завозились клесты, видно, устроились прочно на гнездах, согревая телом хрупкие яички.

Тимофей пересек тропу, пробитую табунком лосей.

«Два дня, как прошли, тяжелые, сытые, – отметил он. – Три быка, семь лосих... два теленка... За ними волк идет... Вчера шел... Что с ним? Что за волк, совсем дурной, бежит по холодному старому следу...»

Стемнело. Прорезались в небе звезды, колыхнулись, заискрились. Медленно выкатила луна.

– Здесь ночую! – решил Тимофей и раскинул нодью. Разгорелся костер, он разгреб снег, нарубил еловый лапник. В котелке вскипела вода, он долго пил чай и потихоньку отходил, расслаблялся от долгого пути. Потом разделал двух косачей, насадил куски мяса на палочки, пусть себе пекутся, и снова принялся за чай. Сколько же пота выжимает тропа...

Он неторопливо огляделся: плавный контур долины, коленообразный поворот реки, оголенный, глинистый обрыв с повисшими корнями, густой кедровник на высокой гриве и ельник в распадке.

«Доброе место! – решил Тимофей. – Когда Сандро не разрешат взять Саннэ... я поселю их здесь». Это пришло само собой, уверенно, без колебаний.

Нодья отдавала жар. Расслабился Тимофей у костра, под крупными хрусткими звездами, хорошо ему в тихом, засыпающем лесу, мысли текут неторопливо и будто отодвигая все то, что должно вскоре совершиться. А что может совершиться, если прямо, не хитря, объяснить сходу, что Сандро и Саннэ созданы друг для друга? Сан-нэ принесет ему внуков, и он станет учить их звериному следу и повадкам. И так захотелось Тимофею поверить, что он сумеет уговорить евринцев, и те помогут ему. Но что делать с дарами, с жертвами богам? Как сказать; о том, что Леська ограбил капище? Нет, он, Тимофей, никому ничего не скажет, он сам вернет дары, пусть в свое, ближнее капище, но тем же богам...

Тетушка Сонница тихо присела на ресницы Тимофея, глаза заволокло туманом. Тимофей через силу, лениво поправил нодью и опрокинулся в сон... Он засыпал, и душа-тень, сонная душа «ис», отделилась от тела, обернулась глухаркой и полетела над рекой, над урманами и увидела древний, могучий кедр, а под кедром – летний чум, легкий, берестяной, с остовом из жердей, укутанный в пихтовые лапы... Сонная душа глухаркой влетела в чум и присела на перекладинку, что крепит и стягивает стенки. В чуме горит

костер, в котелке варится мясо, у огня сушится шкура сохатого, а на пихтовой постели – Сандро и Саннэ. Он раздевает, освобождает из одежд Саннэ, обогревает костром, легко касаясь, смазывает жиром и желчью сохатого раны женщины, та легонько, но сладостно стонет, он переворачивает ее к огню, и огонь высвечивает смуглую тугую грудь с густорозовым соском, крепкий, округлый, как кедровый орешек, живот и плавный, словно лебединый, изгиб бедра и ноги... Глухарка видит, как в нетерпении дрожат руки Сандро, пальцы обжигает раскаленное тело, оно чистое, совсем чистое... Сандро наклоняется к Саннэ, она распахивает руки и берет его, а он, пришептывая что-то, врывается в Саннэ, и вот они уже бьются, как два хариуса в пору нереста...

Наверное, любовь повелевает миром живущих, ни разливы рек, ни грозы, ни пожар, ни засуха не останавливают любовь. Из любви рождается детеныш, но ведь не думаешь о нем, ведь любящие хотят слиться в одно, но никто не знает, что такое быть Одним? Может быть, это только Нуми-Торум, Творец Вселенной, знает – одним может быть Солнце, Луна, Земля, а люди, слабые люди, обнимаясь, тиская, раздирая друг друга, врываясь друг в друга, разве они могут стать одним?

Ведь они не боги, они не Солнце и Луна, они даже не реки. Но, наверное, в каждом что-то есть от березы и от кедра, от лося и горностая... И Глухарка закрывает на миг глаза, не может она смотреть на бьющиеся, полыхающие тела. Опыт и житейская мудрость часто против запретной любви, люди боятся себя, боятся перешагнуть какой-то предел, но где тот предел и есть ли он? Глухарка знает: никто не может остановить весну, она врывается с полуденной стороны, врывается с закатной и угоняет зиму на дальний Север. Глухарка знает, что не остановишь ледолом и ледоход.

– Ты – это я! – крикнул Сандро.

– Я – это ты! – эхом откликнулась Саннэ.

– Ты не умещаешься у меня в груди! – крикнул Сандро.

– Ты переполнил меня всю! – эхом откликнулась Саннэ.

– Ты река моя, река в нересте, полная рыбы! – крикнул Сандро.

– Ты урман мой в лосином гоне, – тихо ответила Саннэ. – Прокричи, протруби сохатым, и я снова твоя важенка...

И так ненасытно накинулись они снова друг на друга, что Глухарка шарахнулась, вспорхнула и вылетела из чума.

– Щох! Щох! – вскрикнула неслышно Глухарка и быстро, как стрела, почти не взмахивая крыльями, полетела. Ей сейчас нельзя пугаться, нельзя метаться, иначе она заплутается в буреломах, замерзнет в пурге-метели, и метаться и блуждать станет во сне Тимофей, и замерзнет в сугробах. Глухарка, едва дыша, добралась до тлеющей нодьи, впорхнула в Тимофея, тот потихоньку вытянул скрюченные холодные ноги, приоткрыл мутные ото сна глаза и привстал с усилием.

– Ай-ей! Пупий Самт – на глазах у Шайтана чуть было не околел, – тихонько выговаривал Тимофей. – Девка приснилась голая, давно с женой Околь не ложился. – Помахивая топориком, он свалил сушину, смахнул вторую, обрубил смоляной корень. Подбросил смолья и бересты – костер сразу взялся, и ярко вспыхнул, и откинул предутреннюю туманную темноту. Перед Тимофеем в трех саженях стоял волк с золотой цепью на шее.

Исподлобья, внимательно, словно желая запомнить навсегда, рассматривал волк Тимофея. В прозрачных глазах его не было страха, они оставались холодными и настолько осмысленными, что Тимофей физически ощутил взгляд Волка-Леськи. Клочкастый, взъерошенный, с запавшими боками волк пристально вглядывался в Тимофея, и тот не мог избавиться от внезапно возникшего ощущения вины перед зверем. Мелькнула, слабо прорезалась догадка: волка ожидает беда, и он, Тимофей, каким-то краем к ней причастен. Причастен, хотя и невольно, – зверь-то взращен людьми, ему недоступны сейчас тайны урмана – тайна погони, тайна звериного следа, запаха, звука... Волк ничего не знает о жизни леса. Он, такой сильный и могучий, слабее пятилетнего ребенка. А Тимофей погнал его пулей в дикую чащу. И волк, наверное, сейчас спрашивает его: «Зачем ты поломал мою жизнь?»

Зверь долго не отводил глаз от глаз человека, но Тимофей выдержал взгляд. Шумно выдохнул волк и медленно, всем туловищем повернулся. Отступил несколько шагов, остановился, снова исподлобья глянул на Тимофея и медленно побрел к реке. Там его ждала темно-гривая волчица.

«Гляди-кось! – вытер взмокший лоб Тимофей. – Ишь какой, золотой цепочкой женщину себе подманил. Ежели он мужем ее сделается, то выживет...»

Волчица, изгибаясь телом, пританцовывая, приблизилась к Волку, и тот на глазах преобразился. Подобрался, распрямился, обозначились сильные мышцы, плотно прилегла шерсть, и словно распахнулась широкая грудь. Волчица приблизилась почти вплотную, тихонько прорычала, но Волк-Леська не знал

обычаев древней игры. Он изумленно и радостно смотрел на гибкую, стройную волчицу, что делала ему таинственные знаки, и, не понимая, потянулся к ней. Та легонько кусанула волка в плечо, сильно толкнула в грудь и отпрыгнула в сторону.

– Устэ! Устэ! Так-так! – одобрительно крякнул Тимофей, заваривая крепкий чай. – Береди, буди его душу. Глупый он, совсем молодой. Смотри-ка, у волчицы черная грива... Ведь она же, поди, собака... Но что он мне хотел сказать? Грозил или предупреждал, чтобы я не заглядывал в урман?

Черногривая толкала грудью Леську и уводила его в лес. Вот они скрылись в кедраче. И Тимофей тоже стал собираться в путь.

...Саннэ у костра обдирала белку, распяливала на плашке, Сандро выстругивал лыжи. Покойно горела нодья. Сын в нетерпении бросился к отцу, помог снять лыжи, Саннэ бросила в котелок кусок мяса, и Тимофей легонько вздохнул: дома.

– Отчего, тетюм, такая тяжелая пайва? – спросил Сандро, пытаясь заглянуть внутрь.

– Не трогай, – тихо попросил Тимофей. – Потом...

– Выпей чего, милый тетюм! – запахнув куском ткани лицо, поднесла кружку Саннэ. – Мы тебя так долго ждем, милый отец.

– Как твое здоровье, отец? Не опасна ли была твоя тропа? – Сандро усаживает отца на мягкую пихтовую постель и стаскивает с него обледенелую обувь, а Саннэ уже согрела у костра меховые носки. – Что видел? Кого встретил?

– Много видел, много слышал, много встретил. Устал... и есть хочу! А поем, спать буду! Слушай меня, сын Сандро. Леська исчез. Искали, не нашли... Власти наедут, сыск начнут. Иду в Евру, буду на сходе просить за вас, но, чую, сход не позволит. Так чует мое сердце. Завтра поутру идите по моему следу в Леськин урман. Там, на берегу Зимней реки, поставьте чум и начинайте лесовать – зверя много. Я приду к вам, но не скоро... А ты, Сандро, на всякий случай сработай лодку.

– Пусть будет так! – покорно согласился Сандро. – Но знай, отец, с Саннэ меня ничто не разлучит.

– Оружие и собак я тебе оставлю.

– Спасибо... спасибо, отец! Ты самый лучший из отцов, – горячо благодарит Сандро. – Я добуду пушнины, построю лодку, мы будем ждать тебя сколько угодно.

– Ставь петли и кулемы, береги порох. И береги Саннэ, видно, так судьба поворачивается...

– Как будто это было вчера, – вздыхает старая Околь. – Разве я могу забыть горе своего сына? Разве можно забыть горе Саннэ? Они насквозь проросли в мою душу, они – все сыны мои и дочери – живут во мне. И память наша – то лун медлительных поток...

«Лун медлительных поток», – эхом отдаются в сердце Апрасиньи слова матери. Но как же так? День стремительно врывается в ночь, и ночь откидывает рассвет, и ночь угоняет день... Как же может быть, что память – медлительный поток? Ведь у нее, Апрасиньи, воспоминания вспыхивают и сменяют друг друга так же быстро, как волны в весенней реке.

– Медленно цедит себя время над вечным покоем урманов, – качает головой старая Околь. – Но что-то уходит... И я вижу: жизнь моих внуков не повторит мою жизнь.

Склонясь над берестяной люлькой, задумчиво гладит Апрасинья золотистые волосы дочки своей – Околь.

САЙНАХОВА АНАСТАСИЯ ИЛЬИНИЧНА

Сайнахова Анастасия Ильинична родилась 16 декабря 1932 г. в д. Манья Березовского района. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, аспирантуру Института языкознания АН СССР. Кандидат филологических наук, профессор. После окончания института работала в Новосибирском государственном университете, Горно-Алтайском государственном педагогическом институте; с 1992 г. – сотрудник Научно-исследовательского института социально-экономического и национально-культурного возрождения обско-угорских народов, преподаватель Ханты-Мансийского филиала Нижневартовского государственного педагогического института, заведующая кафедрой развития этнообразовательных систем обско-угорских народов Ханты-Мансийского окружного института повышения квалификации работников образования. Автор более 30 научных публикаций. Создала свои стихотворения в разные периоды своей жизни (с 1952 по 2013 гг.).

ŌЛНЭ МĀВ

Ятил Мāкев сака яныг,
Тыныӈ Мāкев сымын сялты.
Тамле Мā ат вāсинтāлсын,
Тамле Мā ат хōнтыглāлсын.

Хоталь āти āӈкватэгын,
Хоталь āти ёӈхыгпēгын.
Карыс урыт ӯнлантэгыт,
Нётнэ вōркует хорамлэгыт.

Ӯй-хӯл ōс тав сāвкве ōньси,
Мā элы-пāлныл сюне ōнтлы,
Тамле Мāт – тай нуса āти,
Тамле Мāт – тай нотув хоса.

Ōлнэ накув кӯпнит суйты,
Ёмнэ накув лосӣг ōлы.
Кāсыӈ хōтпав такви кӯсяй,
Миннэ лёӈхе такви вāгтэ.

Китыт тамле Мā хунь ōлы,
Кос манпāлыт кинсэкēлын.
Ты, ул, аква Мāкве тамле,
Тав Россияг лāвылтāве.

Горно-Алтайск, 1979

НАША ЗЕМЛЯ

Милая Земля моя огромна,
Дорогая Земля в сердце вошла.
Такую Землю ты не знал,
Такую Землю ты не находил

Куда не глянешь,
Куда не повернёшь –
Высоки наши горы,
Красивы наши леса,

Богаты зверями бора,
Счастьем полнится наша земля.
В этом крае нужду не знают.
На такой земле – мы долгожители.

Жизнь течёт легко,
Жизненный путь просторен.
Каждый человек – хозяин,
Свой путь он знает.

Другой такой земли нет,
Хоть с детства начинай искать.
Может, она одна такая,
Россией она зовётся.

АТ ЁӇР

Мāн Мāкева сāв ёӇр ōньси,
Сāв вāг ōньси, сāв нёӇт ōньси.
Пуссын ёӇрыт ам ат вāгум,
Ат ёӇр урыл потыртэгум.

Ōвыл ёӇр-тай октябрятат,
Мāнь российский няврамāквет.
Китыт ёӇр ос пионерыт,
Выгыр галтук ōсьнэ мāхум.
Тан ӯй-хӯлквет янмалтэгыт,
Ханисьтахтуӈкв тāн хāсэгыт.

Хӯрмит ёӇре – комсомолыт,
Йильпи ӯсыт ӯнттын мāхум.
Ōлнэ нак тāн торгамтэгыт,
Мāкев тāкысь ӯргалэгыт.

Нилыт ёӇр – тай кӯсяй мāхум,
Мир номт ӧлаль тотнэ мāхум.
Сāвсыр номт тан ул ōньсёгыт,
Сāвсыр вāрмаль ул варёгыт.

Атыт ёӇр – тай пуссын мāхум,
Сэръёрыг-а ōлнэ мāхум,
Кӯсяй номт тāн торгамтэгыт
Мāнки Мāкев тāкмалтэгыт.

Хунь ты ёӇрыт акван ёмтэгыт,
Мāкёвн ӧрнэ ёмас вāгыт,
Тōнт тах таяныт ёӇр та ёмти,
Хōрахси мори хунь новхаты.

(1979)

ПЯТЬ СИЛ

Наша земля имеет пять сил,
Много мощи имеет, много красот.
Все силы я не знаю,
Только о пяти расскажу.

Первая сила – это октябрята,
Маленькие российские дети.
Вторая сила – пионеры,
Народ с красным галстуком.
Они выращивают животных
И учиться умеют.

Третья сила – это комсомол,
Народ который строит новые города.
Про новую жизнь они всё знают,
Землю нашу оберегают.

Четвертая сила – правительство,
Думу страны представляющий народ.
Много у них мыслей-идей.
Много важных дел.

Пятая сила – это народ.
Серьёзно живущий народ,
Указы правительства они понимают,
Нашу землю укрепляют.

Когда все силы вместе сольются,
Земле необходимые хорошие силы,
Тогда образуется огромная мощь,
И будут бессильны все враги.

ЛӮИ МĀКЁВ ӘРУПТӘВА

Лӯи Мāт мāн самынпатсув,
Раквыӈ ёрт сӧль яныгмāлсув,
Тāимāгыс кāсыӈ хӧтал
Школан пёлпысь хāйтталӘва.

Лӯи мāт мāн рӯпитӘва,
Лӯи Нёр мāн ӘруптӘва,
Таимāгыс асирма ӧйка
Мāнки рӯтыг ловинтылув.

Лӯи мāт мāн ялантӘва,
Нāӈра вӧт ёт яласӘва,
Таимāгыс Мāкев хури
НӘмхуньт хот ат ёрувлылув.

Таимāгыс ӯргалылув,
Таимāгыс нӘтылтылув:
Йильпи ййвыт янмалтӘва,
Йильпи лёӈхыт вāрыглӘва.

Хоталь ōлнэ карыс ӯрыт
Пумсялахтым вос ӯнлантэгыт.
Хоталь ōлнэ яныг тӯрыт
Сыстамыг вос вольгантэгыт.

Ты-тай, улпыл, ялпыӈ Мāкве,
Ты-тай ōтрыӈ-нāйиӈ Мāкве.
Ёмас хумна вос кāркамлāве,
Нёӗтнэ нэна вос ёӗмантаве.

(1967)

ЛЮБИМ СЕВЕР

На Севере мы родились,
Дожди нас поливали.
Поэтому мы каждый день
В школу учиться спешим.

На севере мы работаем,
Северные горы мы любим,
Поэтому мы мороз
Считаем своей родней.

На Севере живем,
С северным ветром дружны,
Поэтому земли красы
Никогда не забыть нам.

Поэтомы мы оберегаем,
Поэтому помогаем,
Деревья сажаем,
Дороги растилаем.

Всюду, где стоят горы,
Пусть они нас увлекают,
Пусть озера, которые есть,
Чистотой своей блистают.

Это, наверно, святая Земля.
Это, наверно, божественная Земля.
Пусть добрые мужчины здесь трудятся,
Пусть красивые женщины здесь живут.

СЛИНКИН АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ

Слинкин Александр Фёдорович родился 1 января 1974 года в п. Уват Тюменской области. В 1975 г. родители переехали в г. Урай. После 9 класса в 1990 г. поступил в Урайский СПТУ-59 (позже переименован в Урайский профессиональный колледж). По окончании курса в 1993 г. получив диплом по специальности энергетика, служил в армии в Амурской области в п. Февральск (на БАМе). Демобилизован в 1994 г. Работал по своей специальности в Урайском УМЭН, с 2008 г. работает в «Корпорации ИМС».

Рассказы начал писать в школьные годы. Издавался в Самарском журнале молодых литераторов «Русское эхо: литературно-художественный журнал».

ДУБ

Не то, чтобы Вероника с родителями специально отшельниками жили, а все же в Бога веровали крепко, не в пример деревенским. Деревенские все больше язычниками себя почитали, что красиво – то и бог им. По-своему мудрые люди они, россказням пришлого миссионера усмехались только. А Вероника с малолетства языческую мудрость уважать привыкла, ведь все равно от Бога этот уклад, и много в нем правильного. Имечко ее тоже языческое, и взять вот созвездие «Волосы Вероники» – всегда и вечно так будет зваться, хоть у католиков, хоть даже у раскольников. Ну, а что при крещении Веронике еще и христианское имя Вера дали, так это и со святыми бывает.

По обычаю, у язычников каждая девочка свою судьбу с каким-нибудь деревом связывала, и росли они вместе, и тайны друг другу доверяли. Вроде игры это в детстве-то, а с возрастом уже серьезно к поверью относились, ведь верь, не верь, а случалось что с подругой – ее дерево непременно засыхало. Конечно, и у Вероники был свой лесной красавец, дуб-великан. Привезет, бывало, отец ей пару ленточек для нарядов, так Вера обязательно к дубу своему сбегает, привяжет одну в самую крону и сядет ему про дела свои рассказывать. Сон ли вещим показался, или в табуне лошадь заболеет – все выскажет, а дуб слушает терпеливо да вздыхает с шелестом, листьями под ветром пошевеливает. Успокоит так вот, и бежит Вера домой с какой-нибудь хорошей думкой, и к родителям потом весь вечер ластится, чтобы радость ее и им досталась. Доводилось Вере тоже друга своего искреннего выручать, ведь и дикие кабаны корни подроют, и тля листья жрет. В деревне каждая женщина средства от таких напастей знала, Вера и советовалась. Тля дыма боится, а кабан, если перец сушеный на земле унюхает, нипочем ее рыть не станет.

А однажды, ранней весной, откуда-то прикатили работники на двух повозках, прямо у дуба расположились. Вероника неладное чует, а что – не поймет, все вроде на местах в доме, и в табуне порядок. День целый в заботах пробегала, а к вечеру непонятно с чего совсем тревожно стало. Дай, думает, красавца своего проведаю. Пошла, и не доходя еще, издалека слышит – топоры стучат. Так и кинулась бегом через лес, аж землю талую еле задевает. Добежала, глядь – ее дуб мужики от коры раздевают, и кору на повозки грузят. Как закричит Вера...

– Ой, дяденьки, миленькие, не трогайте его, не мучайте!!

Подбежала, рыдает в голос, топоры у мужиков отнимает. Ну, те видят – вовсе не в себе девка, работу бросили. Маленько погодя повозки запрягли и убрались с концами, пока Вера голый ствол слезами поливала. Ведь всю кору сняли по кругу, паразиты, где смогли достать. А без нее дерево не живет, как зверь без шерсти...

С того дня Вероника почти не бывала дома – нашла под весенним снегом глину, долбила ее, оттаивала на костре и раны дубу этой глиной замазывала. Известно ведь, засохнет дерево – и век у его подруги мужа с детьми не будет, придется одной до старости маяться. Не примета даже, а закон природы такой. Только Вера об этом не думала, не могла она поверить, что великан, который еще века должен простоять, в сухую корягу на ее глазах превратится. А весна уже почти весь снег в лесу прибрала, вот-вот птицы распоются как следует. И дождалась-таки Вера на нижней ветке дуба зеленых почек! Радости было! Побегла домой, во дворе собаку расцеловала, в сенках ведро опрокинула

с лавки, маму напугала. Отдышалась, рассказала о своем счастье. На другой день повела отца к дубу, все равно как с женихом знакомить. Пришли, подошла Вера к той ветке, а почки на ней потемневшие, и высыхают уже... Охнула, и без сил на землю села. Взял ее отец на руки потихоньку, да и домой понес. Вера-то и спрашивает:

– Почему так, папа? Ведь ожил он вчера!

Отец промолчал сначала, потом отвечает:

– Свечка, когда догорает, прежде чем погаснуть, ярче вспыхивает..

Прошло время, Вера отошла от горя чуть-чуть, да и как иначе – ведь трудом кормились, надо работать, чтоб кашу-то есть каждый день. Однажды, среди лета уже, пригнала Вера на выпас лошадей недалеко от места, где дуб ее стоял. Давала ведь себе слово не ходить к нему, да все же пришлось – кобылу с жеребенком прямо туда понесло, как бы не потерялись.

Вечером Вероника отцу сказала тихонько:

– Пап, а ведь самая темнота всегда перед рассветом, хоть и погаснет свечка, а утро все равно придет!

Отец сначала не понял ничего, а Вера только молчит и искорки в глазах лукавые, как когда-то раньше. Потому что дуб ее, оказывается, у самых корней новые ветки пустил, и простоять все свои века собирался на полном серьезе.

ЖИЗНЬ НА ПАРКЕТЕ

Третий день над сельвой появляется «Робинсон», последняя наша надежда. Это не бог и не волшебник, просто вертолет. Истратит топливо и улетает.

Я и Кэп – остатки взвода контрактников. Повстанцы окопались против нас целой ротой и не дают высунуться. Ну, и, конечно, «вертушку» отгоняют. Играем в терпелку, кому первому надоест – им ли, после каждого налета кого-нибудь хоронить, нам ли, голодать и нюхать трех своих несвежих «жмуриков».

Однако кончилось все легко и просто – на третий раз «Робинсон» перепахал площадку всеми боезапасами зараз, высадил десантуру, которая нас и нашла.

От этого обстрела мне достался сильный ожог.

И вот, поди ж ты, не столько боль мучает, сколько улыбка черномазого сержанта. Им хоть кишки на шею намотай – лыбятся, и все тут. Никак не привыкну...

Нутро вертолета тесное, сижу на полу за сиденьем пилота. «Робинсон» воет, надрывается на взлете, прислонишься к борту – колошматит вирбрацией. Фельдшер рвет мне штанину, скалится, всаживает в бедро укол за уколом. Использованные «баяны» укладывает в пакетик. Интелиго, блин... Вот ведь – использованными солдатами сорить в сельве можно, а шприцами – нет...

Взлетели, болтанка прекратилась, боль тоже. Глянул на пилота, встретились глазами – узнали друг друга – и оба разинули рты. Нет, я знал, что Андрюха работает в Африке, но чтобы вот так встретиться, это ж нереально. Когда-то мы дружили семьями...

Тянет мне ларинги – гарнитуру с шейным микрофоном. Подмигивает:

– Здоров, Саня!

– Здоров! – говорю.

– Иттить твою мать, чего здесь-то сдохнуть решил?!

– А какая разница? ...

Долго молчим. Не выдерживаю, выпаливаю, брызгая слюной и глотая слова:

– Вот представь, Андрюх – танцпол на полторы тыщи народу. На паркете – только ты и партнерша, двадцатилетняя мулатка. У нее – тени. Топик. Клеш. Латины с воот такими шпильками! Вы встаете в позицию. И с первыми тактами ты начинаешь ЖИТЬ, до этого НИЧЕГО и не было! Понимаешь?

Очухиваюсь, топаю правой ногой – затекла. На ней, когда-то давно, по пьянке отморожены пальцы.

Открываю глаза – ни гарнитуры, ни Андрюхи. Ни вертолета.

Тундра. Трасса. Водила-хохол матерится.

Холодно. Бред. Сдохну.

И КРЫЛЬЯ…

В тот год кочевники сильно набегами вредили, пока князья дружину не собрали. А Вера с родителями жили себе на хуторе, за хозяйским табуном смотрели. Лошади в большой цене стали, выгодой князю Савве та война обернулась. Как-то приехал он трехлетков отобрать на продажу, остальных сосчитать. С князем – помощник, даром что пьяница, а дело знает, вся казна ему доверена. Звали Филипп. Лошади косятся, шарахаются от перегара, ведь и лягнут могут.

Полдня ушло, но счет все же как следует сделали. Уехали бы с добром, так нет, этот Филипп на Веру глаз положил. Оно конечно, семнадцать годиков девчонке, красавица, любой парень заглядится. Сначала на ухо ей гундел, потом и вовсе давай руки распускать. Вера осердилась, говорит князю:

– Что за грамотей у вас служит, весь счет переврал!

Савва много слов не тратил никогда, но если скажет, то спорить уже бесполезно. Насупился:

– А ну, докажи!

Вера сухой прутик наломала, подает палочки Филиппу:

– Считай!

Тот обиделся, бросить хотел, да хозяина забоялся. Счел, отдал.

– Десять!

Вера князю кажет:

– Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять! Пять? И еще четыре. Девять!

Выбросила палочки и пошла к лошадям.

Савва и думать не стал – так-то невесел был, а тут вовсе рассвирепел:

– Филиппка! Я начто тебя держу? Чтобы девка над нами изгалялась?!

Да по зубам ему кулачищем, да в глаз, да куда попало... А Вере не жаль дурака ни капельки – честь-то дороже здоровья. Тем более, чужого.

Собрались, поехали до хозяйского подворья. Филиппка сопли на кулак наматывает, князь башку набок наклоняет – заболела с досады, Вера пять лошадок в поводу ведет. Едут. Добрались в сумерках уже. Покупатели, вояки, все в кожах, заждались совсем. Посреди двора костер большущий, еще люди, человек сорок, и все князя ждут.

– Кто такие?! Почто пришли?

– Батюшка, твоя воля! Воров привели!

Оказалось, ватага цыган пустую бочку сперли, а деревенские-то их и поймали. Без Саввы судить не смеют, ждут.

Вере интересно стало, столько народу сразу когда еще увидишь. Лошадь у ограды оставила, сама поближе к костру устроилась.

Князь жалобщиков выслушал, головой покачал, крикнул по обычаю:

– Кто знает, как воров оправдать, пусть говорит!

Народ молчит, конечно. Теперь уж пускай власть разговаривает. Князь другой раз закричал, а ему вдруг кто-то и отзовись:

– Знаю!

Выходит парнишка кудрявенький, долговязый, тощий – ужасть. Голос звонкий, певчий.

– У цыган закон есть, – говорит – перед свадьбой молодых на ночь в бочку сажают вместе. Если до утра не поругаются, тогда женят. Что ж мы, не люди, зачем свадьбу портить?

Народ притих, а Савва растерялся даже: – Как же... А кого тогда за покражу сечь? Потом в себя пришел, заревел дуром:

– Дррать плетьми нещадно! И этого щегла тоже!

Ну, дальше смотреть немногие стали. Князевы люди отстегали виноватых едва не до смерти, да бросили. Ночь, тишина, только Вера у ограды стоит, втихомолку слезами давится. Хлюпала носом, хлюпала, потом насмелилась, к парнишке тому подошла.

– Можешь встать-то? Идем, увезу...

Он глаза открыл, задышал часто. Маленько погодя отвечает:

– Пришлый я, некуда ехать. Спасибо, добрая женщина.

– Ну, к цыганам! Они точно помогут.

– Нет, не точно. Сочинил я все. Когда хорошее слово скажешь, крылья появляются. Поняла, нет?

– Поняла... Мало тебя в детстве драли, вот что.

Утром Вера уже дома была. Не до сна, по хозяйству надо управляться. Первым делом пошла корову доить. Корочку хлебную дала, обняла за шею, попросила тихонько:

– Милка... Ты теперь как следует доись, ладно? А то нам сметаны много надо, спину ему мазать. И крылья...

МАША И МЕДВЕДЬ

После ядерного апокалипсиса матушку-землю укрывает толстенная шуба из снега и льда. Белоснежная, неоглядная пустыня, только кое-где курятся смогом кратеры катакомб. Это значит, что там, внизу, все еще плюются смертельным жаром незаглушенные реакторы. На склонах одного погасшего кратера прилепился небольшой поселок-фавелла. В нем с бабушкой и дедушкой живет Машутка – девятилетняя егоза и озорница. Не то, чтобы неизвестно где ее родители – известно, да только спрашивать о том лучше не надо. Мрачнеет Машутка от таких разговоров и куксится. Малая ведь еще совсем. Но маленькая, да удаленькая – полярные волки в ее упряжке быстрее всех ходят, никто лучше этой девчушки со зверями не ладит. Вот и сегодня с утра пораньше собрали для Маши всем поселком груз на факторию.

Ехала без приключений. Сдала песцовые шкуры и копыта мутантов, забрала плутониевые батареи, капканы, лекарства, домой, не мешкая, двинула.

– Пырь! Пырь-я! – волков погоняет, да на небо поглядывает.

Пасмурно, как бы метель не началась. Низовая поземка, она самая противная – и ехать не дает, и пережидать ее на месте волки не могут, мерзнут. Вот так вот Машутка, рот разинув, да задумавшись, к медведю в охраняемый периметр и влетела. Медведь – это такой кибер, доапокалиптической эпохи, дебильный андроид-охранник, стилизованный под легендарного бурого мишку. Мозгов, пусть даже и электронных, минимум. В основном одни рефлексы. Потому и не берет их холера самоуничтожения, свойственная киберам с развитым интеллектом. Эти примитивные вояки умудрились выбраться с грунта на поверхность, и продолжали нести службу как ни в чем не бывало. То есть очерчивали себе периметр и ревностно его оберегали, нанося физический и моральный вред окрестным обитателям.

– Стоять, не двигаться! Вы на охраняемой территории! – басом проревели над самым ухом. Маша от неожиданности и испугу свалилась с волокуши, волки наддали прыти и упряжка без хозяйки скрылась за ближайшим склоном. Дебилоид дал наметом широкий круг, потом ухватил пленницу за руку и защелкнул на ее запястьи наручник.

– Вам предстоит изучить алгоритм моего технического обслуживания. Тест двигательных функций. Контроль ресурса батареи питания. Мелкий ремонт. У вас нет выбора! -– объявило исчадие.

Машутка совсем было собралась заплакать – но взяла и рассердилась:

– Ты, консерва просроченная! Сколько у тебя шансов меня удержать?!

Андроид, надо отдать ему должное, думал недолго:

– Величина превышает значение девяносто девяти из ста.

– А вот не хочешь один к одному?! Или уйду, или нет!

...Кибер-охранник знал множество приемов всяких единоборств, знал все виды холодного и стрелкового оружия – однако в борьбе с женской логикой оказался бессилен. Поэтому уже через полчаса его неуклюжая, но мощная фигура с Машуткой на плече скакала в сторону поселка.

– Высоко сижу, далеко гляжууу! – от души хохотала наездница, захлебываясь встречным ветром...

ОБЩИЙ КОТЁЛ

В давние-давние времена люди, звери и птицы жили весело и дружно. Дети, детеныши и птенцы не боялись даже грозы, не знали таких слов, как «обида», «обман», потому что их вообще не было. Как они появились – другая история, грустная. А эта – про время, когда никому не приходило в голову тосковать, быть недовольным из-за какого-то пустяка. Если кто-нибудь вдруг оставался в одиночестве, то земля на это немножко обижалась, и пыли на дорогах поднимала больше обычного. Бывало это редко, особенно после того, как на нашу Землю случайно высадились мудрые и веселые инопланетяне. Посадка была аварийная, из-за того, что кончилось топливо. С обитателями Земли пришельцы сразу подружились, ведь делить-то им было нечего. Назвали пришельцев Стрекотунами, потому что разговаривали они – как будто стрекотали. Кстати, земные кузнечики сразу язык пришельцев переняли. Росточком Стрекотуны были с шестилетнего ребенка, носили густые, ярко-оранжевые волосы до пят. А из одежды только венчики на голове и пояски. Подружились они с землянами настолько, что когда пришла помощь с их далекой оранжевой планеты, некоторые не захотели улетать. Они до сих пор живут у нас, теперь это обыкновенные домовые. А те, которые улетели, оставили новым друзьям подарки на память. С помощью хитрой аппаратуры базового корабля они немножко поправили генетику всем желающим модникам, и волосы у тех ста-

ли такие же, как у Стрекотунов – ярко-оранжевые. Антилопы и тигры украсились поголовно! Да и среди людей везде можно встретить потомков тех, кто воспользовался подарком. Их иногда дразнят «рыжими». А еще Стрекотуны подарили людям ааагромадную посудину из сверхпрочного металла, часть корпуса от летающей тарелки. Она лежала в яблоневой роще, и была полна спелых яблок, которые плавали в дождевой воде. Стрекотуны научили людей разводить под посудиной огонь, и проводы инопланетян отмечали вкусным яблочным компотом. С тех пор повелось при всяких важных событиях всем вместе собираться у той посудины. Каждый приносил что мог – кто корзину груш, кто гроздь винограда, а чья-то маленькая ладошка – горсточку лесной земляники. Распоряжалась у котла одна красивая и справедливая девушка. Звали ее сначала Такотораяугощает. Или просто Та, ведь полное имя называть было трудновато. Она говорила «На!» малышам и говорила «Ша!!» не знающим меры мамонтам. Те и вымерли-то потом из-за своей жадности. А девушку скоро стали звать просто На-Та-Ша. И каждый с тех пор знает слова «Общий Котел». Были, конечно, у дружного народа на Земле не только праздники. Но с любой бедой справлялись вместе – и сразу. А однажды, когда случилась сильная засуха, всех выручил Общий Котел. Высох большой ручей, который бежал с далеких гор. Люди, звери и птицы спасались от жары в прохладных пещерах и глубоких оврагах. Вода оставалась только в Общем Котле, самые сильные отдавали свою небольшую долю малышам. Деревья засохли, и не могли принести плоды. Лишь кустарник «змеиная радость», который рос даже на голых камнях, был усыпан ярко-фиолетовыми сочными ягодами. Все, кроме змей, обходили это место стороной, потому что знали – если съесть хоть одну ягоду, уснешь. И пробудиться от этого сна невозможно. Ядовитые кусты росли у подножия большого утеса. Однажды в его тени собрались тигры. Большие рыжие кошки распластались на земле и дремали. Один тигр, зевая, приоткрыл глаза и вдруг замер. Не отрывая взгляда, подкрался к кустарнику, понюхал ягодную гроздь, лизнул шершавым языком, и... получил удар по носу от другого тигра. Зарычал и кинулся на обидчика. Тот в недолгой драке утащил балбеса от ягод и сбежал обратно, чтобы вытоптать всю «змеиную радость».

Вечером в ущелье, как обычно, горел костер. Люди, звери и птицы вместе коротали ночь. Все потеснились, пропуская поближе к огню пришедших тигров. Двое из них были с поцарапанными мордами, шерсть на боках была грязная и кое-где выдрана целыми клочками. Они сели рядышком и вполголоса рычали друг другу: – Рррры.. Ррру.. Рррря..

Рррразговаривали.. Тиграм принесли последнюю горсть вишен из Общего Котла, по одной каждому. А через полчаса поднялся ветерок, луну закрыло облачко, с неба упали дождевые капли. И скоро пошел такой ливень, что Общий Котел чуть не уплыл! Благо, сразу наполнился до краев, и потому остался на месте. Дождь сразу смыл следы и клочки шерсти у того кустарника. А люди выучили новое слово – Дрррруг.

ОФИЦИАНТКА АНЯ

Анька прислонилась к барной стойке, перевела дух. Машинально потерла пятно на рукаве. Мысли проплывали не задерживаясь:

– Стирать надо. Смену как-нибудь доработаю, вечером замочу... Ой, а колготки у дочери высохли или в сырых пошла? Господи, как же спать-то охота... Достало все! О, клиенты ушли. Со стола убирать... Ушли. УШЛИ!!

Анька выскочила на улицу. Счет на полторы тысячи предъявить уже некому.

– Доработать бы... Потом опять в ночь... Выспаться... Как теперь без денег-то? Господи, ну теперь дай мне сил лишнюю смену отпахать...

В это утро одна из улочек патриархального Пуэрто-Рико была отмечена удивительным явлением. А именно – по ее мостовой неспешно прогрохотал старинный фаэтон, запряженный четверкой вороных. Вальяжно раскачиваясь, он достиг мрачного особняка – судя по вывеске, некоей адвокатской конторы – и остановился. Затем экипаж странным образом осел, начал расползаться, и через минуту исчез вместе с лошадьми. Зато остались его пассажиры: весьма занятный худощавый джентльмен во фраке с фалдами и цилиндре, с не менее колоритным спутником – по виду, армянином. По крайней мере, так указывали большущий нос и характерная кепка-»аэродром». Не сговариваясь, прибывшие повернулись к открытому окну и мощно заголосили:

– Антуанетта! Госпожа! Антуанетта!!!

Из окна испуганно выглянул заспанный клерк, и тут же исчез. Больше никаких видимых изменений в жизни улицы не произошло. Худощавый нахмурился:

– Ты куда нас привез?

Под стеной заклубилось марево, фаэтон появился снова.

– Пуэрто-Рико, господа! – раздался с облучка пропитый бас кучера.

– Тысячу тещ тебе, старый! Нам надо, в Пермь, ПЕРМЬ!!!

Через несколько минут путешественники были уже на крыльце одного из пермских суши-баров. Армянин прошел на разведку в зал, и тут же вернулся.

– Да, это она! Вах, какая персик! Такой девушка! Харашо кушает, вэ! И курит, курит много.

Джентльмен одобрительно кивнул:

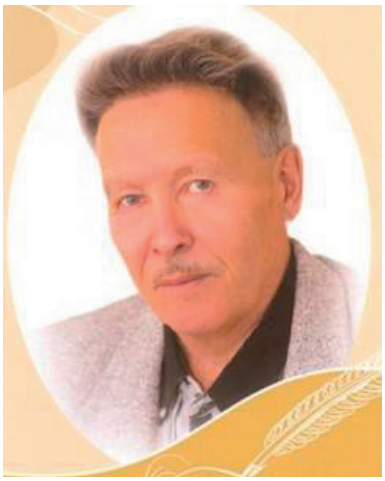
– Значит, пока Хранитель не особо старается. Начнем, пожалуй... ээ... с больничного. Иди, сломай ей ногу. Пора девушке отдохнуть!

– Мне так нельзя – робко возразил напарник – Пинуфрий запретил...

Произнесенное имя заставило обоих вздрогнуть; могучий армянский акцент пропал начисто.

– Он был тогда священником и аввой в великой киновии в Египте. А я же ничего не боялся, что скажут, то и делал. Надо было его разгневать. Тридцать дней и ночей я старался как мог, тридцать! Потом я увидел, что иногда от нас почти ничего на земле не зависит...

Ногу-то я ей сломаю. Руку, шею. Но что, если она будет благодарить?!

ТАРХАНОВ АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ

Тарханов Андрей Семенович родился 13 октября 1936 г. в д. Аманья Кондинского района.

Окончил Ханты-Мансийское педагогическое национальное училище в 1956 году, работал учителем. В 1961 году закончил Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. Вернувшись в Ханты-Мансийск, работал собкором окружной газеты «Ленинская правда». После учебы на Высших курсах сценаристов и режиссеров при Союзе кинематографистов СССР был редактором Ханты-Мансийской студии телевидения.

Первое стихотворение опубликовано в газете «Сталинская трибуна» в 1956 г. В 1963 году в Тюменском книжном издательстве вышел первый поэтический сборник Андрея Семеновича – «Первая завязь». Автор более 20 поэтических сборников, труды переводились на болгарский, венгерский, финский и другие языки. В 1981 году принят в Союз писателей России.

С 1990 по 1997 годы возглавлял межокружную Угро-Ямальскую писательскую организацию, был секретарем правления Союза писателей России, членом Исполкома международного сообщества писательских союзов в городе Москве, членом правления Международного общества финно-угорских писателей в городе Будапеште.

В 1977 году награжден орденом Дружбы народов, медалями, является лауреатом премии «За развитие культуры народов Севера» и премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы за книгу «Снежная симфония» (2000).

В 1996 году присвоено звание «Почетный гражданин города Ханты-Мансийска», в 2014 году – «Почетный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

Награжден орденом Дружбы народов (1996), медалями.

Живет в г. Ханты-Мансийске с 1961 г.

СКАЗКА О ЕРШЕ ПРЫГУНКЕ И ЗАСОНЕ КАРАСЕ

1

Ну-ка, послушай, дружок,
Мой рассказ.
Жил-был на свете
Засоня Карась.
Тихоню и труса никто не любил!
Ерш прыгунок лишь с Засоней дружил…
Ахали рыбы озерные;
– Ерш!
Дружбу зачем с Карасем ты ведешь?
Солнца боится он,
Прячется в ил…
Лучше б, колючий, ты с ним
Не дружил!
Ерш отвечает: – Мне стыдно за вас!
Должен ведь с кем-то дружить
И Карась!
Жить в одиночку на свете нельзя.
А смелости
Я
Научу Карася!

2

Озеро клюквой горит –
Это заря занялась.
А под корягою спит
Крепко Засоня-Карась.
Ночь или день –
Все равно:
В омуте очень
Темно…
Сверху
Рокочет
Волна.
Здесь, в глубине,
Ти –
ши –
на.
А над волною склоняясь,
Ивы ведут разговор…
Смотрится синий простор…
Только Засоня Карась
В иле зарылся и спит
Утро его не манит.

3

– Солнышко ждет нас!
Поплыли, дружок!
Только из глуби
От слышит в ответ:
– Не-е-е-т!
Спать хочу-у!
– Не время, Засоня,
Досматривать сон!
Все рыбы проснулись,
И Щука,
и Сом…
Все вместе приветствовать солнце
плывём…
Попятился дальше
Трусливый Карась:
– Я солнце твое
Не видал отродясь!
А дядюшка Сом
мне плавник оборвет!
А тетушка Щука
и вовсе сожрет!
Бо-ю-юсь!
– Не трусь! –
Отвечает приятелю Ерш. –
Ты рядышком
Вместе со мной поплывешь!
И рыбы тебя
Не посмеют задеть!

– Боюсь угодить я
В рыбацкую сеть!
– Ты самый трусливый
Из всех карасей!
Так вечно сиди
Под корягой своей!
Один поплыву я
в простор голубой…
И больше дружить
не хочу я с тобой!
Заплакал Карась, закричал:
– Подожди!
Я все…
Я согласен!
Я тут! Погляди!
И – разом,
сверкая своей чешуёй,
Взвился над крутою озерной
волной –
Взлетели навстречу заре золотой
И – снова упали
в волну-синеву…
– Спасибо!
Я понял, зачем
я живу!
С тех пор
ничего,
никого
Не боясь,
Ликует, приветствуя солнце,
Карась!

ГЛУХАРЬ

Малиновые брови глухаря
Покрасила веселая заря.
А ночь глухая глухарю дала
Два сильных, крепких вороных крыла.
А чтоб легко в полете тело нёс,
Таежный ветер дал красивый хвост.
И старый кедр, иголками горя,
Приветствует красавца глухаря!
А он – росу серебряную пьет,
А он – бруснику спелую клюет…
И счастлив от раздолья и простора,
Серебряную песню дарит бору.

СОБОЛЕНОК

Залп ружейный пронзительно звонок.
Ты в дупле притаился дрожа.
Ты остался один, соболенок,
На печальных руках кедрача.

Убаюканный песней знакомой,
Ты уснешь, беззаботно сопя,
Словно не было дымного грома,
Словно мать согревала тебя.
А проснувшись в дупле одиноким,
Ты впервые заплачешь, зверек.
Минет время. Урманов дороги
Возвратят тебе жизни восторг.
Сколько раз ты уйдешь от погони! –
И красивый, и ловкий такой…
Неужели, мой друг-соболенок,
Ты расстанешься нынче с тайгой?

МЕДВЕДЬ-РЫБАК

Он у залива день дежурит
И все-таки свое возьмет.
Он глазки огненные щурит,
Когда нащупывает брод,
Когда язя на клык кладёт.

Залив речной – его отрада:
Сюда заходит рыбье стадо.
Медведь наш воду баламутит,
И в этой дикой суете
Ведет себя он словно люди,
Привыкшие к речной еде.

На берег рыбу он кидает,
Себя без меры угощает.
Язей наевшись до отвала,
Спит долго наш рыбак усталый.

Обид у мишки к людям нету –
Они чураются его.
Пуд сала накопив за лето,
Идет к берлоге тяжело.

ОСЕННЕЕ УТРО

Я вышел из леса в одеждах тумана,
Неся аромат кедрача на плече.
Так чутко и чудно, так трепетно рано,
И ваша калитка еще на крючке.
Оранжевый бакен колдует у плеса,
Роняет картофель последний цветок.
И в душу мою удивленную льётся
С полей
кочевая прохлада дорог.
Мне жизни не жалко за это мгновенье,
Которое дарят тайга и прибой.
Осеннее утро – мое вдохновенье,
Хочу я остаться навеки с тобой.

НЕПОСЛУШНЫЙ МИШКА И СМЕЛЫЙ ЗАЙЧИШКА
(ПОЭМА-СКАЗКА)

1

Глубокой и теплой
Берлога была.
Медведица с Мишкой
В берлоге жила.
Кедровые
Возле берлоги
Леса,
Закрыли ветвями
Они небеса.
На свете немало
Кедровых лесов,
Немало медведиц,
Немало сынков,
Таких же, как Мишка,
В Югорских борах,
С весёлыми искрами
В карих глазах.
Зачем эту сказку
Тогда я сберег?..
Совсем непослушным
Рос Мишка-сынок.

2

Мишка к озеру бежит,
Мишка радостно кричит:
– Мама снова без меня
По грибы ушла,
И я
Буду целый день играть,
Белок и стрижей пугать.

И на галечник с обрыва
Спрыгнул Мишка торопливо.
Тотчас градом голышей
Разогнал он всех стрижей.

Чайки в дали улетели,
Рыбки скрылись, присмирели.
Только волны разыгрались
И над Мишкою смеялись,
Ведь остался он один,
Этот шумный господин…

Скучно сразу стало Мишке.
Чем заняться? С кем играть?
Почитать ему бы книжку –
Не умеет он читать.
В прятки бы…
Но опять –
Где напарника сыскать?..

Знает лес, что Медведица
Забывает о сынке:
Вместе с ним не веселится,
Не бывает на реке.

Трудно маленькому Мишке
Без светов мамы жить.
Потому он – шалунишка,
Хочет всем в лесу вредить.

Скажите, что делать
С таким шалуном,
С таким непослушным
И грубым сынком?

3

– Накажите шалунишку, –
Белка с кедра говорит.
– Надо в угол ставить Мишку! –
Еж под деревом шумит, –
Кинул он в мою нору
Камень нынче по утру.
– А гнездо, гнездо мое –
Мое славное жильё
Палкой он проткнул насквозь, –
Плачет на березе Дрозд.
– На собранье шалуна
Пригласить! – кричит Желна[41]. –
Вместе с мамой пригласить,
В пятый раз предупредить:
Пусть уймется хулиган,
Пусть придет с поклоном к нам.

– Это все слова, слова, – говорит друзьям Сова. –
Хватит воду в сито лить,
Надо Мишку проучить,
Надо дать ему урок,
Чтоб пошёл ему он впрок.

4

В том лесу кедровом, дети,
Жил зайчонок смелый, Петя.
Потому он смелым стал –
Волка Петя напугал.
Было так.
К морковной грядке
Петя ночью шел с оглядкой.
Возле леса грядка та,
И собак не слышно, да…

[41] Желна – чёрный дятел с ярко-красным теменем.

Высока ограда больно.
«Ах, кружить вокруг довольно!» –
Петя в небо посмотрел,
Разбежался и… взлетел.

Волк в ограде той лежал,
От погони отдыхал.
При сверкании зарницы
Страшную увидев птицу –
То Зайчонок воспарил
И, ликуя, голосил, –
Волк пустился наутёк,
Не жалея лба и ног.

Отдышался Петя еле:
«Ну, теперь я буду смелым.
Я же волка напугал!...»

Он и вправду смелым стал.
Кто его не знает речи?
Волка он зовет на встречу.
Вот к нему-то, храбрецу,
Мир лесной послал Лису.
– Мы живем в лесу семейно.
Петя, ты смельчак у нас.
Выручай. Нагрянул час.
С этим Мишкой сладу нет,
Он приносит столько бед!
Надо наказать его.
– Это будет нелегко, –
Петя принял важный вид,
Призадумался, молчит.
А Лиса ему: – Зайчонок,
Я мудра, считай, с пеленок.
Мишку хитростью возьмем…
– Ну, тогда, Лиса, пойдём!

5

Петя Мишку отыскал,
Тот смородинник ломал.
– Здравствуй, Мишка!
Я – Зайчишка,
Тот, который очень смел,
Волка напугать сумел.

– Волк трусливый, верно, был,
Зря тебя не отлупил, –
Отвечает громко Мишка,
Грубиян и шалунишка.

– Слушай, Мишка, не шуми,
Я не зря пришел, пойми.
Хочешь ты со мной дружить
И на радость лесу жить?

– Ничего я не хочу!
Я тебя поколочу,
Если будешь ты мешать
Мне смородинник ломать.

– Здесь смородина вкусна,
Ветки зря ломаешь.
Кормит наших мам она.
Ты о том не знаешь?

Мишка ветку отпустил.
Ветка жизни рада.
Петя снова предложил:
– Нам дружить бы надо…

Рассмеялся Мишка вдруг:
– А зачем такой мне друг,
Хилый, маленький, смешной?
Лучше спать иди, косой.

Что сказать ему в ответ?
Больше слов у Пети нет.

6

Возле речки на поляне
У зверей и птиц собранье.
Тут Лиса и Колонок[42],
Белки, Ёж, Бурундучок…
Птиц полно: Желна , Сороки,
Чайка, Филин жёлтоокий…

На собранье важном только
Не хватало нынче Волка.
Он недавно удалился,
А пред тем разговорился:
Мол, зачем луну смешить,
Зря про Мишку говорить.
– Без меня решайте, звери,
В Воспитанье я не верю.
Есть один резон и толк –
Мой кулак, – сказал им Волк.
Сход на это рассмеялся,
Вновь повесткой дня занялся.

Нету шумных разговоров,
Нет, на удивленье, споров.
Первый раз прошел спокойно
Сход лесных зверей и птиц.
– Спорить не о чем. Довольно! –
Верно высказался Лис. –
Сами Мишку мы проучим,
Если надо – жить научим.

[42] Колонок – хищный пушной зверёк.

Дружно принят приговор.
Но какой? Не скажет бор.
Знает он о волчьей яме
(Волк давно забыл о ней),
Служит нынче эта яма
Наказаньем для зверей.
Справедливо наказанье,
Если принято собраньем.

7

Идет по лесу Мишка –
Ушастый шалунишка,
Размахивает палкой,
Ему ветвей не жалко,
Не жалко ни синицы,
Ни белки, ни куницы.
К нему храбрец Зайчишка
Из-за кедра прыг.
От удивленья Мишка
Прикусил язык.
– Здравствуй, Мишка!
– А-а, Зайчишка!
Как ты смеешь тут скакать
И меня, меня пугать?!
Марш с моей тропы, косой!
– Сам иди к себе домой.
– Ах , несчастный, только пух
От тебя останется!
Петя мчится во весь дух,
Даже не оглянется.

Мишка вслед за ним бежит,
– Стой, врунишка! Стой! – кричит.

8

На сосне глухарь сидит,
Зорко на тропу глядит.
Но не видно ни души.
Вдруг раздался крик:
«Держи-и!..
Стой, тебе я говорю!»
Ясно стало глухарю:
Это Мишка
И Зайчишка.
Надо всех предупредить.
– Эй, кончайте говорить!
Петя с Мишкой мчатся к нам.
Звери, птицы, по местам!

Вывел Петя Мишку к яме,
Сам – в сторонку.
Мишка бух
В эту яму: «Мама, мама!»

Лес стоит и нем, и глух.
Осмотрелся Мишка в яме,
Глянул вверх –
И дрожь в ногах:
Небо птичьими глазами
И звериными глазами
На него смотрело… Страх!
Всех узнал дрожащий Мишка,
Всех кого он обижал,
Бранным словом обзывал,
Жить спокойно не давал.
И смутился шалунишка,
И заплакал, и сказал:
– Вы простите все меня.
Виноват пред вами я…
И тогда седой Бекас
Зачитал лесной указ:
– Сход тебе поверил, Мишка.
Коль прощенья попросил, –
Значить, понял:
Худо жил.
Потому тебя прощаем
И на волю отпускаем,
Ты расскажешь честно маме,
Почему сидел ты в яме.

Петя лесенку поставил
В яму:
– Мишка, ты прости:
Я, конечно же, слукавил,
Но хотел тебя спасти.

Мишка выбрался из ямы.
– Ладно, Петя. Помолчим.
Лучше проводи до мамы,
Вместе с ней поговорим.

БЕРЁЗОВСКИЕ ЛИСТВЕННИЦЫ

Обласканы инеем вьюги
И светом брусничной зари.
Они, вековые подруги,
Сюда, как на праздник, пришли.
У Сосьвы стоят величаво.
Распахнут для них горизонт.
Давно обрели свою славу,
К ним люди идут на поклон.
Их Меньшиков гладил рукою,
И Ваули взглядом ласкал.
А эту вот лиственъ зимою
Однажды я сам целовал.
Стоят, словно воины, дружно,
В них – стойкость таежных людей.

Порой для души –
Очень нужно –
Касаться священных ветвей.

(2003)

ВЗАИМОСВЯЗЬ

Все звуки мира тянутся ко мне.
Я слышу –
Треснул камень на Луне.
На Марсе,
Где когда-то жизнь цвела,
Сегодня буря рыжая прошла.
И стало душно сердцу...
И во сне
Как будто бубен зазвучал во мне.
Теперь читаю свято молний вязь.
Как велика, тонка взаимосвязь
Деревьев, звезд, священного жилья! –
Она и есть основа бытия.

(2002)

ДУМА У СПИЛЕННОГО ДЕРЕВА

Запах свежеспиленного дерева,
Как ты душу растревожил мне!
Пахнет хвоей, горьковатой серою,
Каплями янтарными на пне.

Ветки, будто лапы глухариные,
Вписаны в брусничник навсегда.
Дерево, я с мудростью совиною
Для себя возьму свои года.

Может, стану осторожным более,
Знаю, что перед коварством слаб.
В странном мире за одним застольем
Пьют владыка, и поэт, и раб.

В странном мире лицемера жалкого
Люди часто носят на руках…
Было схоже дерево с гадалкою,
Взгляд искал кого-то в небесах.

Я и сам гляжу туда с надеждою,
Брата жду из дали голубой.
Взглядами, лаская тучи вешние,
Слышу:
Вновь сюда идут с пилой.

(2003)

ЕНДЫРСКОЕ ОЗЕРО

На Ендырском озере пляшут валы.
Взбегают порою они на яры, –
И рушатся сосны,
и словно слюда,
Мерцает в свирепом полете вода.
От злой непогоды зарылся в песок
Хозяин простора –
почтенный сырок.
А черная щука –
длинною с бревно –
Взлетает на гребни,
ныряет на дно.
Бушует стихия, швыряя валы
В покатые желто-седые яры…
Лик озера поутру нам не узнать:
Оранжевой стала громадная гладь.
Яры золотятся, ссыпая песок,
Резвится в тиши серебристый сырок.
Он плавает возле целебных ключей,
Там есть острова молодых камышей.
И благо, и чудо, как звуки, слились,
Восторженно мы на яру обнялись.
Ты, озеро, даришь нам чувство любви,
Как небо, нужны нам порывы твои.

(2002)

ЁРА И КЕДРИК
(ПОЭМА)

1

Посреди забытых мест,
На сыпучей круче,
Кедрик родился на свет,
Будто еж колючий.
Осмотрелся малышок на ветру погожем –
Так ступает на порог,
В дом входя, прохожий.
Оглядит сначала гость
С робостью хозяев:
Не ко времени, небось,
Он явился к чаю.
Робко Кедрик вниз взглянул,
Ахнул от испуга:
– Как один я на яру
Проживу без друга?!
А волна в реке ревет,
Ярость набирая.
Будто рысь, обрыв грызёт,
Кедрик съесть желая.
И далеко бор стоит,
Хвойный бор могучий…

Даже ворон не кричит
Над сыпучей кручей.
Кедрик шепчет: «Нелегко
Жить под громом-крышей».
И не знает, что его
Мальчик Ёра ищет.

2

Доброе сердце у Ёры, ребята.
Всех от беды уберечь ему надо.
Шел он сегодня березовой рощей,
Голос вороны услышал истошный.
Ёры бежит что есть силы туда:
Выпал, наверно, птенец из гнезда.
Вот он, крикливый и черный бедняжка,
Гордо глазенки на Ёру таращит,
Громко вопит, будто в роще пожар:
– Ёра, летать научился я, кар-р-р!
Крыльями шумно взмахнул пострелёнок,
И полетел, полетел вороненок.
Ёра вослед ему машет рукой,
Ёра с грустинкой шагает домой:
Вновь от беды никого он не спас.
Ну, а теперь про злодея рассказ.

3

В эту чащу нет дороги:
Тут живет свирепый, злой,
Как медведь, в слепой берлоге
Менкв[43] с совиной головой.
Только ночь зарю запрячет
И с небес звезда мигнет,
Из своей берлоги мрачной
Менкв выходит и ревет:
– Эй вы, птицы и зверье!
Прочь с моей дороги!
Берегитесь, кто живет
Близко у берлоги!
Не боюсь я никого,
Лес, как пух, развею.
Человека – и того
В драке одолею.
Вдруг в чащобе замигал
Огонек спокойный.
Будто в пасть воды набрал –
Замолчал разбойник.
Молча кулаки сжимал,
Съежился, как туча.
Озираясь, побежал
Он к сыпучей куче.

[43] Менкв – лесной дух, великан, разбойник.

Кедрик в это время спал.
И, само собою,
О беде малыш не знал.
Менкв стоял горою.
Слышал даже дальний лес
Крик его ужасный:
– Как ты очутился здесь,
Малышок несчастный?!
Это мой обрыв и край,
Нет меня могучей.
Даже вещий ворон, знай,
Не кричит над кручей.
Кедрик вздрогнул.
Страх тая,
Спорить с ним решился:
– Эта круча, зверь, моя,
Я на ней родился.
Менкв от гнева задрожал,
Заскрипел клыками,
А потом захохотал
Над его словами:
– Рассмешил ты, брат, меня,
И за это, слушай,
Так и быть, ещё два дня
Поживи на суше.
Спи пока, малыш смешной,
Я пошёл к себе домой.

4

За голубикой в лесные поляны
Ёра спешит с туеском берестяным.
Выйдя с тропы на большую дорогу,
Ёра увидел на елке сороку.
– Ёра, послушай скорее: на круче
Кедрик родился, как ежик колючий.
Кедрикю, – трещала сорока, – в тревоге!
И рассказала она о берлоге
И о разбойнике Менкве могучем.
– Ёра, не смей появляться на круче.
– В жизни, сорока, хоть раз помолчи ты, –
Голос с тропинки раздался сердитый.
Ёра туда посмотрел удивлённо,
Видит: светляк с бородою зеленой
На стрекотунью фонариком машет,
Речь начинает и мудро, и важно:
– Ёра, ты время теряешь напрасно,
Слушать сороку смешно и опасно.
Ёра, нам справиться нужно с бедою,
Тайной одной поделюсь я с тобою.
И в стороне от болтливой сороки
Поговорили они у дороги.

5

Ночь. Совиный крик далеко
Слышен рощам лугам:
Вышел, вышел из берлоги
Самый страшный великан.
Менкв идет к сыпучей круче,
Замер в страхе каждый лист.
Прячутся в еловой гуще
И медведь, и старый лис.
И сороке-стрекотунье
Нынче было не до сна:
В это злое полнолунье
Видеть все она должна.
Схоронясь в кустах колючих,
Что у Менква на пути,
Стала сплетница за кручей
Наблюдение вести.
Смотрит:
там, где даже птица
Не летает, не кричит, –
Будто воин на границе,
Кедрик смело в ночь глядит.
Удивляться бы сороке
Смелости его,
Как снам,
Да не время: на дороге
Показался великан.
Заслонил луну, как туча,
Менкв совиной головой.
Вдруг звездой свернул на круче
Огонек один, второй…
Круча, как в грозу, искрится,
Кедрик даже алым стал.
Позабыв о Менкве, птица
В страхе крикнула: «Пожар!»

Долго хвастаться сороке,
Тараторить по лесам:
– Это от меня к берлоге
В страхе мчался великан.
И не будь меня – на круче
Кедрик бы не жил сейчас.
Мы прервеем сороку. Лучше
Сами вновь начнём рассказ.

6

Верить сороке, конечно, не надо.
Вот что случилось той ночью, ребята.
Ёре светляк рассказал, что боится
Грозный разбойник огня, будто птица.
Ёра воскликнул: «Из чащи дремучей
Надо созвать светляков всех на кручу!»

С этим счастливым заданием Ёры
Мудрый светляк обежал свои норы.
Ёра отправился к Кедрику. Скоро
Все светляки на яру были в сборе.
Ночь наступила. Округа в тревоге,
Грозно разбойник идет по дороге.
Шлёт он проклятья раскатистым басом.
Сотни фонариков вспыхнули разом.
Тотчас злодей в бурелом свой помчался.
Весело вслед ему Кедрик смеялся.

7

Много лет прошло с тех пор.
На сыпучей круче,
Кроной радуя простор,
Вырос кедр могучий.
Никакой грозы-беды
Кедр тот не боится.
Щедро дарит он плоды
Соболям и птицам.

С облаками он ведет
Часто разговоры.
Песни хвойные поет
Он о друге Ёре.

(2003)

МОНОЛОГ КОМАРА
(ШУТКА)

Мне комар на удивленье
Объявил вчера войну.
Он мое стихотворение
Вдруг поставил мне в вину.
Мой комар для выступленья
Выбрал обгорелый пень.
– Знай, твое стихотворенье
На меня бросает тень.
Мол, комар-таежник грубый
Прикатил с тобой в Москву.
Не такой, видать, я глупый,
Коли вновь в тайге живу.
Слышу: там и тут поется
Твой стишок про комара.
Надо мной теперь смеется
Жалкий гнус и мошкара.
Ты спроси-ка: кто хозяин,
Это вот округа чья?
Ни паут-шумливый Каин,
Ни медведь, –
Хозяин я.

А геологи?...
Тревогу
Вот за них имею я:
Ни министров и ни бога, –
Лишь пугаются меня.
Посидим для примиренья
У вечернего костра.
Пусть всегда твои творенья
Славят только комара.
Цветет шиповник.
Стали вроде,
Душистей небеса мои,
Цветёт шиповник.
И в Природе
Ликуют даже муравьи.
Они тропу нетерпеливо
Вблизи шиповника торят.
И у цветов несуетливо
О чем-то тихо говорят.
Дышу цветами.
От услады
На землю падает слеза,
И фиолетовы закаты,
И фиолетовы леса.

(2002)

ОСЕННЕЕ ТАНГО

И откуда нагрянули снежные тучи?
Сбит на руки берез чернокрылый турпан,
За моим палисадом, цветущим у кручи,
Словно море, шумит Леушинский Туман.

Ты вчера улыбалась в лучах георгинов,
А сегодня ушла от меня навсегда.
И глядят на обоих, страдая невинно,
С поднебесных высот молодые года.

Вспоминается та бесшабашная пьянка,
Звон гитары, и смех, и коварный обман…
И деревья танцуют осеннее танго,
И последние листья уносит в Туман.
Бьются в берег крутой поседевшие волны,
Ты сегодня в ненастье, детства милого край.
И хотя на душе и тоскливо, и больно,
Рано мне говорить: ты прости и прощай.

(2001)

ПЛАВ

Вздыхает Обь.
Себя волной,
Как женщина рукой,
ласкает,
И муксунов к нам вызывает,
И те спешат к пескам гурьбой.
Пора!
И мы плывем на середину
Оби распахнутой, шальной,
Плывем с улыбкою повинной.
Провяз уходит в глубину –
И сразу притихают греби.
Лицо свое – отлива меди –
Ты обращаешь в вышину:
«Пошли нам, Бог, скорей удачу,
И осетра прикинь в придачу…»
Провяз несет теченьем быстрым,
Мы в шлюпке рядом с ним плывем.
Багряный лес кидает листья,
Он словно опален огнём.
Плывем.
Напарник меру знает,
С кормы мне весело кивает,
Провяз он ловко выбирает,
Кивая молча на сырков.
Кричать от радости готов,
Когда сияющий, лучистый,
Сам в руки просится муксун.
При виде нельмы серебристой
Запел мой сибиряк-молчун.
И я пою.
Леса внимают,
Осенней свежестью дыша.
Я озарено понимаю:
Слита с Природою душа.

(2002)

СЕДЬМОЙ ВАЛУН

Великому кинорежиссёру Бергману, чье искусство
в мире как Потрясение и Восхищение.
Автор,

Он слит с тобою, остров Форе,
Он – как седьмой седой валун –
Вчера в душе закончил споры,
И стал твоим,
он полон дум.

Он словно Борг из той поляны, –
Семь раз исследовал свой путь,
На свет выуживая тайны,
Давая всем
на них взглянуть.

И люди плакали, вздыхали,
Себя в тревоге узнавали.

Он помнит дерзкие порывы
Свои до истин, звезд ночных.
Познал, что люди похотливы,
Слабы, тщеславны и ленивы,
Но есть Олимп в душе у них.

«Найти Олимп – удел поэта.
А я грехи людей возьму,
Доверю Бесу своему,
Он их исследует при свете».

Кто может жить в объятьях дум?
Отшельник, гений и вещун –
Давно об этом знает Форе.
И вновь его седьмой валун.

(2001)

ШАИМ

Шаим, как раненая птица,
Все прячет голову в крыло.
Шаим у озера ютится –
Когда-то громкое село.
Здесь сосны небо подпирали,
Здесь рыбу черпали ведром.
Отсюда девок в жены брали,
Чтоб этим хвастаться потом.
Когда геологи впервые
Сюда уверенно пришли
Они гитары ветровые
И много воли принесли.
И нефть нашли. «Ура» кричали.
А в час закатный у реки
В туманные смотрели дали
С печальной думой рыбаки.
И следопыты горевали:
Ушел далеко соболек.
Свою деревню покидали –
Развилку шумную дорог…
И вот я вновь в родном Шаиме.
Сосновый и озерный край,
Стране твое известно имя
И город нефтяной Урай.
Но сам Шаим в плену заката,
Живут здесь только старики.

Давно нет сосен в три обхвата,
Нет озера и той реки,
Что в мае щукою резвится
И дарит парус и весло.
Шаим, как раненная птица,
Все прячет голову в крыло.

(1997)

***

Паруса снимает с лодок осень,
Воздух звонок, словно стон струны.
Принеси мне, ветер, запах сосен
С той туманной дикой стороны.

Там остались идолы и сказки
И олень задумчивый в бору.
Тем берестяным веселым маскам
Больше не смеяться на пиру.

Черный идол поседел от горя:
На сто верст в округе – ни души.
По чужой беспрекословной воле
Вы, мои язычники, ушли.

Парус мой разлукой озабочен.
Видно, и на мне – печать вины…
Принеси мне, ветер, запах сосен
С той далекой дикой стороны.

(1987)

Пāрсыт тāраты хāпытныл таквсы,
Тӧрум сялги, аквтоп тыстын тāн,
Наӈ тотэн āнумн, вӧткве, тарыг аткве,
Сэӈквыл хартым ӛлы сāмыӈ мāныл.

Тот хультсыт мāньси пēс йис ӛргыт-мӧйтыт,
Ос сāлы хультыс ӛлы вӧр сяхылт,
Тот сāс нёлытт – ты пӯмысь утквет,
Ат мовиньтэгыт воссыг нэмхотитн.

Тот ялпыӈ мāквет хот-ёрувлавēсыт,
Нэмхӧт хӯнтамлаӈкве потыр суй,
Хотьют мāнавн тыщир ӧлуӈкв лāвыс,
Нāн, мāхумаквет, ӛл та минамы̄н…

Пāрсум сысы минмын мāгыс тысты,
Улпыл матыр вāрапасум лю̄ль,
Наӈ āнумн тотэн, вӧткве, тарыг āткве,
Сэӈквыл хартым ӛлы сāмыӈ мāныл.

(Перевод С. Динисламовой)

***

Я стою на тропе ярко-рыжей
От кедровой хвои, от зари.
От свеченья волшебного свыше
Наполняюсь восторгом любви.

И уже я иду просветленно –
Как язычник – по воле лучей.
Доброту мою зрит неуемно, –
Не боится меня муравей.

Дружит он с мухомором и древом,
По стволу поднимается ввысь,
Следом мысленно я тороплюсь…
Нитям связи кедровника с небом,
Как ребенок, я снова дивлюсь.

(2012)

Ам ань лӗӈхъясыт лю̄лēгум амти,
Ось̌ся лӗӈхъясум мӯйлупты пос.
Со̄рниӈ пос тоты хо̄талкве я̄тил,
Сымум торгēннув ся̄гтылыӈ вос.

Посыӈ номтум ёт э̄лаль ӗмēгум –
По̄йкил мӯйлуптас хо̄талкве ка̄т.
Сымыӈ хо̄тпаг вос э̄лаль о̄лэ̄гум,
А̄нумн хо̄свой ат пилы ты ма̄т.

Хо̄свой юртаге па̄ӈх ос та йӣвкве,
Тотта йӣв хо̄сыт ха̄йты тав но̄ӈх,
Ам ӈомтум тав ётэ ха̄йты аквпо̄хт…
Ня̄врам хольт, хотыл номтанум виӈкве,
Хо̄мус о̄лэ̄гыт юртынысь тох.

(Перевод С. Динисламовой)

КАПИТАН ДЕТКИН

ПРОЛОГ

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

По степи, ярко мерцающей и притягивающей к себе все живое своими цветами, шел танк, чужой, фашистский. Он то исчезал в сиреневом мареве, то снова появлялся. И тогда ветер доносил запах бензина и глухой, угрожающий голос железа.

Похожий на большую неуклюжую ящерицу, Василий полз навстречу танку. В какие-то моменты он казался Василию призраком, явлением сна. Веки слипались. Боясь заснуть, матрос останавливался и, став на четвереньки в густой дурманной траве, сильно тряс головой. Дремота уходила. Но минуты через три она вновь возвращалась, пытаясь прижать к земле, остановить движение. Хотелось спать, спать. Ведь четыре дня, четыре ночи беспрерывного боя! И уснул бы, наверно, Василий, если бы не взрывы гранат, которые будили его сознание, толкали в спину. Там, позади, в траншее, дрались его товарищи из батальона морской пехоты. Этот немецкий посланец появился с тыла. И Василий Деткин, двадцатилетний черноморский матрос, вооруженный единственной связкой гранат, должен остановить, уничтожить танк.

Веки смежились, и тело блаженно приникло к земле. Нет, это был не сон, а короткое забытье. И почудилось Василию: кто-то черный и громадный загремел над ним железом. Василий пришел в себя. Глянул поверх травы и... увидел танк, близко, на расстоянии пяти метров. Танк стоял. Откинулся люк башни. «Вот она... моя минута!» – прошептал матрос. Он вскочил и, примерившись, кинул в зев башни связку гранат. Полыхнул взрыв... и осталось в памяти Деткина от этих коротких отчаянных минут ярко-рыжее пламя – и все. Наступил мрак.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СХВАТКА

... «Как я тогда до своих добрался? Ума не приложу. – Василий Алексеевич Деткин вздохнул. – Контуженый, раненый... А дошел. Не подвел я товарищей боевых. Вот где корень... потому, видно, и вспоминается часто этот случай».

Деткин встал с рундука[44] и в чем был – в тельняшке и легких спортивных брюках – вышел из каюты на палубу катера. Вахту нес механик Роман Мохов, высокий, смуглолицый, с насмешливым взглядом парень.

Перед Романом на штурманском столике лежали фуражка капитана и старый морской бинокль на потрепанном ремешке.

Деткин зашел в рубку:

– Здорово, Роман.

– Здравия желаю, товарищ капитан.

– Ну, моряк, – Деткин дружески положил руку на плечо механика, – что там на обских просторах?

– Штиль, капитан. Полный штиль на воде и... в груди, – Роман улыбался весело и озорно.

Деткин рассмеялся:

– Эх, ясное море! После города душевный штиль тебе полезен. Небось, подружек навестил в педучилище?

– Навестил. Учился же с ними... Как родные-стали ...

– А не тянет обратно?

– Теперь моя любовь – вот эта стихия, Василий Алексеевич, – Роман кивнул на воды реки.

После десятилетки и армии Мохов поступил в Ханты-Мансийское педучилище, на музыкальное отделение. А через год, к удивлению родителей и друзей, оставил его и поступил в ГПТУ, откуда попал на катер Деткина.

Василий Алексеевич надел фуражку, бросил на Романа внимательный теплый взгляд. По душе Деткину этот смелый и толковый парень. В работе, в плаванье механик – правая рука капитана. «Моряком растет», – давно решил про себя Василий Алексеевич. Взяв бинокль, Деткин вышел на палубу.

В морской бинокль он придирчиво рассматривал берега Оби. Правый – пологий берег – в зарослях курчавого тальника. Левый – в лесах, крутой, угрюмый.

[44] Рундук – большой ларь с крышкой, в данном случае походный.

Палуба катера «Марс» зыбко дрожала, вибрировала. Босые ноги капитана чувствовали упругий трепет металла. В эти минуты катер казался Василию Алексеевичу живым существом. «Будто на дельфине качу», – мелькнула у него озорная мысль, и, улыбнувшись этой мысли, он опустил бинокль на широкую грудь, обтянутую полинявшей, постаревшей от воды и ветров тельняшкой.

У Деткина обветренное, кирпичного цвета лицо, крупный нос, серые острые глаза. Новая черная фуражка с крабом сидела набекрень, почти закрывая левый седой висок. И когда капитан опускал бинокль, то его лицо (Роману оно виделось в профиль), вдохновенное, устремленное вдаль, казалось молодым. Вот, наверное, таким знали Деткина его товарищи в батальоне морской пехоты в дни обороны Севастополя.

Опустив бинокль, капитан минуты две всматривался вдаль, словно увидел там силуэт родного боевого корабля. И нет уже его. Но сердце сразу не успокоишь. И Деткин все смотрел на трепетный горизонт.

– Эх, ясное море!.. – вздохнул Василий Алексеевич и, загрустивший, спустился в каюту. Неофициальный выход капитана на палубу закончен.

После завтрака – время на уборку судна и короткий отдых. И Деткин делал служебный обход, заглядывая в каждый угол. Любил порядок капитан. И потому на катере все было на месте, под рукой. Чистота и аккуратность стали нормой.

Солнце начало на кромке горизонта свой утренний танец. В это время на палубе появился моторист-рулевой, он же повар, Пахомыч – рыжий, среднего роста здоровяк. Полное имя его Новомир Пахомович Тюрин. Но его сразу стали звать Пахомычем. Предупредительный Деткин разъяснил по-дружески Тюрину:

– Ты не обижайся, брат. Пахомыч – крепкое слово. Звучит солидно и приятно.

У Пахомыча круглые карие глаза с белесыми ресницами, рыжие конопушки в пряталки играют на лице; плечи покатые, литые, борцовские. А кулаки словно гири. По характеру же – он флегматик, добряк, мухи не обидит.

В прошлый рейс, когда Деткин и Мохов вступили в схватку с браконьерами, повар так и не принял сторону товарищей, так и не помог им.

Те вернулись на катер с синяками и шишками.

– Что, струсил, заячья душа?! – грозно спросил тогда повара капитан.

– Да пойми же, Василий Алексеевич, – оправдывался Пахомыч, – не могу я на человека поднять кулаки.

– А если он преступленье творит?

– Значит, рассердить меня надо, чтоб я его в чувство привел.

– Огорошил ты меня, брат, – нахмурился капитан. – Да пока ты рассердишься, тот из ворованного леса избу построит и тебе, простаку, за три цены продаст.

– Нет, не рассердясь, не поднять мне руки, – вздохнул Пахомыч. Такой разговор случился тогда между Деткиным и поваром.

– Иди, Роман, завтракать, – сказал Пахомыч, войдя в рубку, – капитан в камбузе ждет тебя, как барышню.

– Погоди-ка, – штурвальное колесо замерло в руках. Механик встревоженно всматривался в заросли березняка, рябинника и цветущей черемухи. Из этой зеленой чащи поднимались струи черно-рыжего дыма.

Катер «Марс», тянувший за собой небольшую баржу-наливнушку, шел сейчас возле Лосиного распадка[45] – живописного уголка на Оби. Глубокий залив прямо от реки брал курс влево, в луговину, которая переходила в лесное болото. На болоте частые гости – лоси. В заливе – стерлядь, нельма. Распадок – лакомый кусок для браконьеров.

– Зови капитана, – бросил Роман повару. – Я приваливаю катер к берегу.

Деткин, увидев дым костра, смекнул: дело здесь нечистое. Рыбалка в эту пору запрещена, охота тоже. Зачем честному человеку в черемушник прятаться? Длинный чуткий нос капитана вбирал запахи тайги.

– Мясо варят, – уверенно определил Деткин. – Похоже, лосятиной балуются. Эх, ясное море! – досадливо покачал он головой и широко раскинул руки. – Человеку бы песни петь – черемуха цветет! А он лукавит, зло творит ...

– Приваль! – крикнул он Мохову.

Капитан первым сошел по трапу на галечник. Добротные, на толстой подошве ботинки чуть поскрипывали. Рабочий китель застегнут на все пуговицы. Фуражка с крабом, как обычно, лихо сдвинута на висок. Вид имел бравый и решительный.

[45] Распадок – мелкая ложбина, обычно у реки.

Роман, играя сильным и гибким тросом, разминался: приседал, боксировал. Пахомыч хмурился. Ему явно не по душе затея капитана. Деткин это понял, пошутил:

– Тебе, Пахомыч, сердиться не хочется?

– Не хочется, капитан, – по-детски признался тот. – Ну зачем лезть на рожон! Не наше это занятие в чужие дела влезать.

Глаза Василия Андреевича сощурились:

– Я всегда, Пахомыч, боялся равнодушия. Равнодушный человек – самое опасное существо на свете. Будешь при катере. Так и быть – оставлю тебе двустволку на всякий случай. Вдруг сюда побегут. А ты им: «Хенде хох!».

Пахомыч молчал. Деткин и Роман исчезли в зарослях берегового ивняка и смородинника. Вышли к большой поляне. Пылает костер, Возле него – браконьеры. Четверо. Чувствуют себя в безопасности, вольготно. Дурачатся, хохочут вовсю.

Удобное место – эта поляна. Кроны молодых кедров надежно закрывают ее с реки. Вокруг густые заросли черемухи и рябины. Падай в моторную лодку по тревоге – и нет тебя, укроет залив в своих протоках от любой погони.

Над костром, на березовой палке – черное от копоти ведро. В воздухе – аппетитный запах свежего вареного мяса.

– Ах, вкуснятина ... – Роман притворно закрыл глаза. – У меня аж слюнки текут, Василий Алексеевич.

– Не раскисай. А глаза востри: где что лежит, – также шепотом говорил Деткин. – Может, ружье, может, рога ...

Они стояли за кедрами. На той стороне поляны полулежали на фуфайках два бородача, курили у костра.

Длинноногий, в плоской цветастой кепке, бросал в ведро специи. Напарник – смуглый, с короткими усиками и с пятачком плешины на курчавой голове – снимал деревянной ложкой пробу. «Грузин», – определил Деткин.

– Ружье! Ружье засек я! – засуетился Роман.

– Тихо ты! – капитан опустился на колени. – Где?

– За спиной ... вон того, бородатого, что слева.

– Вижу, Роман, – хмурость прошла с лица Деткина. – Это, брат, наш козырь, наша улика, ружье-то. А коли так, что смекаешь? – Забрать его надо, незаметно ...

– Верно, Роман. Разведчик в тебе сидит.

– Давайте я, Василий Алексеевич, попробую?.. Ужом проскользну.

– Валяй, – согласился капитан.

Обитатели поляны готовились к роскошному пиру. Грузин занялся сервировкой стола: расставлял на брезентовом плаще стаканы, кружки, эмалированные тарелки, сноровисто открывал складным ножом банки с маринованными огурцами и помидорами.

Длинноногий взял в руки тряпку – пора снимать ведро. Один из бородачей лежал на спине, смотрел в густую синь неба. Там, в вышине, кружили четыре коршуна. Бородач, видимо, спал.

А хозяин ружья был явно встревожен: он пристально вглядывался в заросли, прислушивался к звукам. Видно, выдал себя Роман.

Треск сучка под ногой Мохова прозвучал как выстрел. И хотя бородач ухватился за ружье и вскочил, преимущество было на стороне нападающего. Роман размахнулся – и бородатый детина, цепляясь за воздух, упал на спину длинноногого. Тот выронил ведро, которое снимал с палки, и плюхнулся в разлившееся варево. Заорал.

Второй бородач, проснувшись, недоуменно хлопал глазами. Грузин, оглянувшись на крик, увидел опрокинутое ведро и захохотал:

– Да не оскудеют наши ведра! – Но тут же осекся: через поляну с ружьем бежал незнакомый парень и кричал:

– Ура, капитан! Ружье наше!

Деткин, соблюдая военную тактику, не показывался. Торопливость Романа спутала его планы. И он выжидал: или зубы свои противник покажет, или деру даст.

Роман упал от подножки бородача, хозяина ружья.

– Молодец, Вадим! Герой, Вадим! – хлопал в ладоши грузин, приплясывая.

– Ризо, на помощь! Горю! – хрипел длинноногий, стоя на корточках. Скинув рубашку, он смазывал обожженную грудь сырой землей. Его цветастая кепка валялась под ведром.

– Ну что, голубчики, воевать будем или по-мирному все решим? – строго и громко обратился капитан к браконьерам, потрясая ружьем.

– Кто ты такой, чтоб командовать? – бородач Вадим зло и непримиримо смотрел на Деткина. – Верни ружье, а то примешь форму краба.

Второй бородач и грузин засмеялись. Длинноногому было не до смеха. Он стонал, охал, проклинал непрошеных гостей.

– Ты кому это угрожаешь, несчастный?! – шагнул к Вадиму Роман. – Капитан на танки ходил, а ты ...

– Погоди, Роман, – остановил его Деткин. – Это борода моряков не знает, вот и сыплет словами, как осенняя береза листьями.

– Пусть дома сидит, коли он такой заслуженный, – сердился второй бородач, – а не вмешивается в чужие дела.

– Для меня чужих дел в тайге нет ... Особенно в эту пору, – нахмурился Деткин.

– Покажь документик свой, капитан? – вкрадчивым голосом сказал грузин, протягивая руку. – Начальник без документов не ходит.

Екнуло сердце у Василия Алексеевича. Только сейчас он вспомнил, что осталось его удостоверение внештатного охотинспектора в парадном кителе, на катере. Но делать нечего. Надо вести соответственно служебному положению разговор.

– Мое инспекторское удостоверение на катере. Пойдемте туда.

– В ловушку заманиваешь, краб? – Вадим стремительно бросился на Деткина. Но капитан был начеку. Приклад ружья пришелся Вадиму в живот. Тот, согнувшись, упал на колени. Роман, сбитый с ног, крутился на земле волчком, отбиваясь руками и ногами от второго бородача и длинноногого. Размахивая березовой жердью, к Деткину бежал Резо. Ругаясь, поднялся Вадим. Понял капитан, что попали они с Моховым в беду.

И вдруг совсем близко, в кустах, громыхнуло два ружейных выстрела. – Пахомыч, сюда! – что есть силы закричал Деткин.

Затрещали кусты, и на поляну ворвался взъерошенный и запыхавшийся Пахомыч с двустволкой в руках. Браконьеры быстро поняли: надо уносить ноги. Бросив жердь, со скоростью чемпиона-спринтера помчался к заливу Резо. За ним ринулись остальные.

– Пахомыч, за мной! – скомандовал капитан и... остановился, удивленный. На пути браконьеров стоял, поджидая их, какой-то мужчина. По одежде вроде рыбак: короткий брезентовый плащ с капюшоном, зеленые брюки, заправленные в высокие болотные сапоги, сам коренастый, плотный. Мужчина властным движением руки остановил Резо и распахнул плащ. Было видно, как сникла голова грузина.

– Кажись, охотинспектор, – сказал подошедший Мохов.

– Идите на катер, ребята, – приказал капитан. – Я сам тут все улажу, – и взял двустволку у Пахомыча. Ружье Вадима он тоже прихватил с собой.

Видит Деткин: обернулся Резо к своей троице и что-то сказал. Те, как зайцы, сыпанули в кусты.

– Стой! Стрелять буду! – капитан с ружьями (одно в руке, второе – на плече) ринулся вслед за беглецами.

– Василий Алексеевич! – прервал его громкий насмешливый голос. – Они уже в надежных руках.

Деткин остановился.

– Дмитрий Георгиевич! Вот не ожидал! – воскликнул он, признав в незнакомом мужчине начальника Окружного отделения БХСС майора Мухина.

– Ну, наши-то пути скрещиваются, – сказал майор. – Шумную компанию подарил ты мне, Василий Алексеевич. – Шумню, верно, – вздохнул Деткин и пожаловался, кивнув на грузина. – Вот ... хотел меня жердью шарахнуть.

– Эти многое могут ... Потом спешат скрыться, замести свои следы. – Сухинов строго посмотрел на притихшего Резо, сказал: – Идите на катер.

Грузин ушел.

– Дмитрий Георгиевич, а что грузин сказал своим приятелям?

Майор улыбнулся:

– Он думал, что я один, – вот в чем штука! – и говорит: чего, мол, уши развесили? Бегите! Одного меня хватит.

Сухинов и Деткин, смеясь, спустились на берег к милицейскому карьеру. Браконьеров уже сопроводили в каюту. Две их лодки, зачаленные к бортам судна, покачивались на зыбких волнах залива. Капитан передал браконьерское ружье майору.

– Трех лосей завалила эта компания, – прощаясь с Деткиным, говорил Сухинов. – А ведь не пошуми ты, проскочил бы я мимо ... На свой сигнал спешили. Так что благодарность тебе, Василий Алексеевич, от нашей службы.

– Да какая там благодарность, товарищ майор! – отмахнулся Деткин. – Выговор мне надо. Оплошку дал. И получилась Бородинская баталия.

ВТОРАЯ ГЛАВА

В СТАНЕ ОЛЕНЕВОДОВ

В пункт назначения – в поселок нефтеразведчиков Раздольный – судно Детки на пришло на третьи сутки после встречи с браконьерами, ночью. Молодой труженик-поселок спал. Два подъемных крана выгружали с барж буровые трубы, блоки с кирпичом. Неподалеку, у балков, слышался смех, играла радиола. По берегу ходили влюбленные парочки, отмахиваясь от комаров пучками свежих березовых веток.

– Спать, братцы, спать, – сказал капитан своей команде. – Меня не теряйте. Ни свет ни заря буду в конторе.

Начальник Раздольнинской нефтеразведочной экспедиции Егор Максимович Фирулев, коренастый, подвижный, встретил Деткина удивленным баском:

– Экий ты, брат, ранний. Семь утра. А ты словно теплую ванну успел принять – свежий, молодцеватый...

– Я утрами, Егор Максимович, речную ванну принимаю. И тебе советую.

Бодрит на весь день – Деткин сел в предложенное кресло и, сняв фуражку, положил ее на колени. Пригладил рукой пышные седеющие волосы.

Егор Максимович ходил по кабинету:

– Пока бодрости без допингов хватает, Василий Алексеевич. Народ валом валит. И каждому надо жилье дать, накормить сытным обедом. И план надо выполнять... Так что... забот полный короб. И Блока вспомнишь: «Покой нам только снится...»

Егор Максимович подошел к своему рабочему столу, достал какую-то бумагу из красной папки и, посмотрев в нее, сказал:

– Послушай, Василий Алексеевич, как ты умудрился два дня сэкономить? По графику твой приход – утро 13 июня, а сегодня 11-е.

– Все верно, Егор Максимович, – Деткин положил фуражку на подоконник, встал. И заговорил горячо, жестами дополняя свои мысли: – Эвон у Оби какие мысы, пески! Пока огибаешь один такой мыс – и солнце к закату. А я высмотрю знакомую проточку и – шмыг в нее. Вода-то в них весенняя приливная, живая... Иду, ход хороший. Конечно, риск есть. Но кто не рискует, тот в генералах не ходит. Эти протоки и подарили два дня. Такая арифметика, Егор Максимович.

– Есть хватка, есть, но... – начальник покачал своей большой взъерошенной головой, нахмурился было, вкладывая в это «но» свой определенный смысл, и неожиданно выпалил: – Дарю эти два дня. Отдыхайте! Заслужили. – И, положив руки на плечи Деткину, добавил дружеским тоном: – Театров в поселке нет. А посему бери-ка, Василий, мой полуглиссер и лети к своему дружку-оленеводу. Костер. Оленина. Эх! – глубоко вздохнул Егор Максимович. – Сам бы с радостью поехал, да, видишь... Как путами связан ...

Капитан шел быстрым строевым шагом, напевал:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?

Дела в конторе закончены. Горючее он сдал по накладной, как положено. Теперь с легким сердцем можно ехать в гости. Вот удивится Степан! Считай, год не виделись... Как поживают его олени?.. А Егор-то, Егор Максимович каков! Душа-человек...

Мохов и Пахомыч надраивали швабрами палубу. Услышав песню, улыбнулись друг другу.

– Кажись, капитан ордена несет.

– Ну, орлы, пляшите! – Деткин раскинул руки, готовый сам пуститься в пляс. – Два дня отдыха и полуглиссер к нашим услугам. – Ура! – раздалось в ответ.

Оленевод Степан Елушкин жил в десяти верстах от Раздольного, в таежной деревеньке Варбор.

Спрыгнув с полуглиссера на берег, Деткин увидел Варвару, соседку Елушкина, тихую молодую женщину. Она полоскала на дощатом мостике белье. Подошел.

– Добрый день, Варвара. Дома Степан?

– Нету его, Василий Алексеевич. Нету. Ушел с олешками к Черному мысу. Там ищите.

– Да где ж его там искать, в болотах? – растерянно развел руками Деткин.

– К охотоведу сходите, он знает дорогу, – посоветовала Варвара. Охотоведа звали Михаилом. Молодой, но себе на уме. Еле втроем уговорили его помочь разыскать стан Елушкина.

Черный мыс – это темная высокая гряда кедрача на пути реки Аган. Она выгибалась вдоль этой гряды, обходила ее и снова прижималась к песчаному лесистому яру, но только уже с северной, с обратной стороны гряды. Вот и получился длинный Черный мыс (издали кедрач всегда черным кажется).

Углубились вчетвером в лес. Впереди охотовед Михаил. Шли молча. Какой в тайге разговор! В лесу надо воздух слушать. Все примечать. Таков неписанный закон таежника. Вышли к болоту.

– Здесь переход, – охотовед кивнул на жидкий настил из полузатопленных сосновых и березовых жердей. – Перекурим и… потопаем.

Это своеобразная тропа вела через топь на ту сторону, в сосновый бор. Болото пузырилось, шипело.

– Ну и местечко, – поежился Пахомыч. – Черти, что ли, копошатся? Эва все движется и колышется.

Охотовед курил папиросу и неотрывно смотрел в бор, словно выискивал что-то про себя Михаил: странная усмешка стояла в уголках губ. «Темнит, темнит охотовед, ой, темнит», – подумал капитан.

К Михаилу подошли Мохов и Пахомыч. Теперь они дымили втроем. Деткин сторонился табачного зелья с детства. С той поры, когда он, пятиклассник, взял однажды предложенную ему папиросу и втянул в себя сладковато-пахучий дым. И поперхнулся. И голова закружилась. Бросил он эту проклятую папиросу. И даже, помнится, ботинком на нее наступил.

Стояло полуденное затишье. А на той стороне подозрительно подрагивали ветки сосенок, словно чьи-то чуткие руки осторожно отводили ветки в сторону и тут же отпускали их. «Следят за нами, клянусь морем, следят», – уже не сомневался капитан.

Болото окаймляли приземистые зонтикообразные сосны и длинные, странной формы кедры. Вершины кедров напоминали облинялые, морщинистые шеи старых глухарей – они были почти голые с редкими пупырышками – следами старых сучьев. А понизу кедры широко расстилали темно-зеленые ветви. Деревья росли в зоне лесотундры.

Охотовед взял в руки березовую слегу – шест (тут лежало девять слег) – и с нарочитой веселостью сказал:

– Берите, мужики, слеги, и… не дай Бог вам оступиться. Говорят, под этим местом ад находится. Прямо в кипящий котел угодите, – и наступил на зыбкий настил.

– Нашел кого пугать! – пренебрежительно усмехнулся Мохов. – Что мы, болот не видели?

– Шутник ваш охотовед, – Деткин выбрал слегу подлиннее и, пропустив вперед себя Романова и Пахомыча, пояснил: – Замыкать буду для страховки.

Продвигались осторожно, тяжело. Всхлипы болота, чваканье грязи, усталое дыхание – эти звуки казались вечными. Донимали комары.

Зеленовато-рыжая шкура болота, со множеством грязных прорех, колыхалась. Путники словно потревожили какое-то допотопное чудовище. И оно, недовольное, пускало газы, урчало, злилось.

Первым на твердь соснового бора выбрался Михаил. Уперев руки в бока, широко расставив ноги, он стоял с важностью полководца, выигравшего сраженье.

– Веселей, мужики, веселей! – торопил он.

Здесь, у болота, густая стена сосняка. Пройдя его, путники попали в светлый, сквозной ягельный бор. И, словно из-под земли, перед ними появились два оленевода-ханты. Они радостно улыбались, приветливо похлопывали удивленных гостей по спине и плечам, приговаривая:

– Ань торово! Ань торово! – Здравствуйте! Здравствуйте! Живы, целы? Хорошо, хорошо!

Михаила, как старого знакомого, обняли.

Выглядели оленеводы живописно: у всех непромокаемые короткие куртки из оленьей кожи, отороченные беличьим мехом; на старинных – с медными пряжками широких ремнях – ножи в деревянных ножнах и амулеты – медвежьи клыки и когти; ноги одеты в легкие, удобные для ходьбы бродни. В таких броднях охотник к любому зверю бесшумно подойдет.

Младший по возрасту оленевод Сергей, познакомившись с Деткиным и его товарищами, скромно отошел в сторону, с нескрываемым любопытством рассматривая гостей. Грудь Сергея перепоясывали два

патронташа: в маленьких открытых ячейках их уютно сидели патрончики для мелкокалиберной винтовки, третий патронташ – для ружейных патронов – висел на поясе.

– А винтовка где? – спросил Сергея Пахомыч.

– Гостей встречаем – зачем винтовка? – ответил за Сергея Кирилл Иванович, старик с седой курчавой головой, маленький, проворный. Он успевал везде: то ремень рюкзака поправит у Пахомыча, то, посмеиваясь, перебросится парой слов с охотоведом. А сейчас рядом с Моховым оказался. И, заглядывая ему в глаза, сказал:

– Непостоянный характер у тебя, парень. Глаза зеленые.

– Примета, что ли? – удивился Мохов.

– Все от природы идет, – наставительно говорил оленевод. – Она – мать и учитель. Кто имеет в природе зеленый глаз – неожиданные поступки делает...

Подошел Деткин, спросил о Степане. Выяснилось: Елушкин уже второй день находится в оленьем стаде, сегодня вечером должен прийти.

– Как говорят русские, милости просим к нашему шалашу, – радушным жестом Кирилл Иванович позвал гостей к чумам.

Чум – походное жилье оленевода. Он быстро ставится и в считанные минуты разбирается. Сосновые или березовые жерди, оленьи шкуры, длинные, из оленьей кожи ремни – вот и весь строительный материал, из которого вырастает чум. В здешнем бору жило три семьи, у каждой – свой чум.

Собаки не лаяли, а только настороженно посматривали на гостей.

И опять удивился Пахомыч. В его родном поселке под Ленинградом, где прошло детство, появись только незнакомый человек – собаки поднимут такой тарарам! – всех жителей поднимут на ноги. И потому спросил у Кирилла Ивановича:

– Ученые, видать, помалкивают?

– Пустолаек не держим, – был ответ.

У жены Елушкина, Натальи Павловны, смуглое, почти темное лицо, твердые скулы и синие глаза. Она обрадовалась Деткину:

– Здравствуйте, Василий Алексеевич... дорогой наш гость. Вчера вас вспоминали. Располагайтесь.

У чумов стояли толстые сосновые чурбаки, заменяющие табуретки.

Деткин устало опустился на чурбак.

– Не грех и отдохнуть после этого чертова болота ... Неужто эта тропа единственный путь сюда? – Василий Алексеевич внимательно посмотрел на Елушкину.

– Вы свой человек, Василий Алексеевич, вам можно открыть тайну, – помолчав, сказала Наталья Павловна. – Есть еще одна тропа. В бору. О ней знаем только мы. И слава Богу! Иначе покоя не знали бы: столько кругом геологов!.. И каждый из них почему-то считает, что у нас горы меха. А у нас одно маленькое стадо.

– И охотовед знает вторую тропу?

– Знает. У нас свой уговор с ним: по секретной тропе он идет только в одиночку.

И стала сейчас понятна Деткину та странная усмешка Михаила. А эти подрагивающие сосенки?.. Значит, Кирилл Иванович и Сергей следили за ними.

– Пойду костер пока разводить, – сказала Наталья Павловна. – Вон Кирилл Иванович в лес собрался. Гостей-то свежим мясом угощают...

Кирилл Иванович с карабином в руке стоял у своего чума и что-то говорил охотоведу, Мохову и Пахомычу. «Такую охоту прозевать – непростительно», – подумал Деткин и встал.

За оленем отправились вчетвером – Михаил, Кирилл Иванович, Сергей и Деткин.

Идти по ягельному бору – все равно, что шагать по ковровой дорожке: ноги приятно утопают во мху. Мох чуть похрустывает.

Солнце клонилось к закату. Деревья стояли как завороженные: хвоинка не дрогнет. Чистый серебряный воздух тонко звенел комариными голосами.

Василию Алексеевичу казалось, что солнце улыбается всему миру и ему лично, печально и светло. И еще подумал он, что при такой красоте, которую ежедневно дарит солнце, дарит природа, – жить бы всем в радости и согласии, да вот все как-то не получается эта гармония у человека. А нужна она человеку, ой, как нужна!

Опираясь на ствол карабина, как на посох, Кирилл Иванович поджидал отставших путников. Взгляд его зорко охватывал открытое пространство янги. Там, впереди, у янги[46], метрах в двухстах, стоял олень.

[46] Янга – большое, топкое болото.

Он вдыхал в себя ароматы и звуки вечереющего леса. Деткин кашлянул. Голова оленя повернулась в сторону людей. И тут же прогремело три быстрых выстрела. Стрелял Кирилл Иванович. Олень упал. Все бросились к нему. Зверь лежал, подогнув под себя переднюю правую простреленную ногу.

– В коленный сустав попал, – определил охотовед. И тут же с укоризной добавил: – Три пули – многовато для оленя, а, Кирилл Иванович?

– Зачем много? – удивился оленевод. – Все как надо, Миша. Первая пуля в воздух пошла: ближних олешек испугать. Второй пулей в ногу попал: пусть олешек на месте стоит. Третья пуля под лопаткой.

– Мировой снайпер из тебя вышел бы, Кирилл Иванович, – сказал капитан.

В считанные минуты оленеводы освежевали тушу. Мясо уместилось в четырех рюкзаках. Шкуру Кирилл Иванович повесил, как одеяло, на толстый сук, сказав: – Рысь не ходит. Пусть спокойно весит.

Голову оленя оставили тут же, до утра.

На обратном пути Деткин, отмахиваясь от комаров, первым нарушил молчанье:

– Отчего комары не спят? Не знаешь, Кирилл Иванович?

Оленевод рассмеялся:

– Комар будет спать – и ты долго будешь спать ... Э-э, вот и Степан ... От костра навстречу путникам шел широкоплечий, чуть выше среднего роста мужчина. В его тяжелом медленном шаге, в покатых плечах чувствовалась сила, спокойная, несуетливая уверенность в себе. Друзья обнялись. Детки н снял рюкзак, передал его Сергею. Степан увел гостя к своему чуму, сели на чурбаки. Степан закурил трубку.

– Как поживаем, друг мой? – спросил Деткин.

– Помаленьку живем, тихо живем, Алексеич.

– За болота спрятались, значит.

– Спрятались. Покой нужен ... Кирилл Иванович нашел этот бор.

Кирилл Иванович в это время хлопотал у костра, помогал женщинам готовить ужин. Мясо варилось в большом чугунном котле. Деткин знал, что такие котлы и таганы к ним – теперь редкость. Только у оленеводов сохранились они. Сергей, Роман и Пахомыч сидели близ костра на оленьей шкуре, курили, о чем-то оживленно говорили.

– Я все думаю, Алексеич, как дальше жить будем мы, лесные люди? – повел разговор Степан. – Сколько вертолетов налетело! Сколько машин пришло! Как устоять нашей природе? Как сохранить наше древнее родовое занятие? Ведь я – оленевод. Я без олешек не могу...

Деткин задумался, погрустнел:

– Понимаю тебя, Степан. Сердцем понимаю. Ты без оленей не можешь, я – без реки. И оба, значит, кровной ниточкой связаны с природой. Оборви эту ниточку – и нет тебя, нет меня.

– Верно, верно, Алексеич, – кивал седой головой Степан. – Без оленей я – какой человек?.. Тоска, будто комар, выпьет меня, сухарой сделает...

– И мне не прожить теперь без реки, без моря... – Деткин поднялся.

Словно нахлынувшие мысли позвали его к немедленным действиям. – До каждой души, Степан, не достучишься, чтобы человек воспринял здоровую природу, как свое спасение. Но когда большинство людей придет к этой спасительной мысли, поверь мне, Степан, мир здорово изменится ... – Деткин широко развел руками, повеселел лицом. – Эх, ясное море! Как привольно, душевно у вас в бору!

– Гости дорогие, просим на ужин! – это голос Кирилла Ивановича.

– Экий шустрый старик! – сказал Деткин. – На всякое дело мастак.

– Моя правая рука! – с гордостью заметил Степан.

На длинном, сколоченном из досок походном столе дымились глубокие алюминиевые тарелки с ароматным оленьим мясом. Оленеводы расположились по одну сторону стола, гости – по другую. Женщины ушли в чум готовить ко сну постели. Мужская компания – только для мужчин. Таков здесь порядок.

Напротив Деткина сидел Степан. Голова у оленевода крупная, лицо цвета жаркой меди, широкое. И нос на этом – мужественном лице тоже широкий, с выпукло-жестким овалом ноздрей. Взгляд у Степана проницательный, властный. «Да, у этого маленького товарищества оленеводов и у этого огромного ягельного бора есть свой рачительный и мудрый хозяин, – думал Василий Алексеевич, глядя на Елушкина. – И это хорошо. В наше время на каждом пятачке земли нужен настоящий хозяин».

И гости, и хозяева азартно, с аппетитом ели мясо, пили крепкий душистый чай, приправленный брусничным листом. Тут не до разговоров. Разговор вели после еды, лежа на мягкой оленьей шкуре под звездным пологом вечно загадочного неба. А рядом пляшет пламя костра. Веет теплом, покоем, сказками леса. И тело просит сна. И весь мир кажется радушным домом.

Василий Алексеевич ночевал в чуме Степана. Для гостя натянули отдельный марлевый полог – и ни один комарик не потревожил его. Проснувшись, Деткин взглянул на свои ручные часы: пять утра. Рано. Но захотелось посмотреть в глаза утреннему бору.

Удивлению Василия Алексеевича не было предела: Кирилл Иванович уже хлопотал близ своего чума – разводил дымокур. Клубы густого сине-белого дыма клонило ветерком в сторону янги. «Ну, старик... Да спал ли он сегодня?» – Деткин поежился. Было холодно. Давала о себе знать близость тундры. Он вернулся в чум, надел на тельняшку китель и пошел по тропинке в бор. В молочно-сизом тумане плавали верхушки сосен. А там, где туман оторвался от земли, сосны казались подрубленными, словно от них остались только светло-рыжие пни. Где-то недалеко трубно закричал олень. «Будто корова дает знать о себе, – подумал Василий Алексеевич. – Только у оленя звук гортанней и резче».

– Мой хор[47]! Мой хор! – раздался сзади радостный крик.

Деткин оглянулся. К чумам, в молоке тумана, величественно плыл олень. А к нему, с детским восторгом распахнув руки, бежал Кирилл Иванович. Деткин поймал себя на том, что он тоже бежит, торопится увидеть эту встречу. Василий Алексеевич прислонился к сосне. Отсюда красавец хор и Кирилл Иванович были видны, как на ладони. Олень остановился, глядя на хозяина внимательно и доверчиво. Старик упал на колени. Деткина поразила его поза, его вид: руки прижаты к груди, словно он дает молчаливую клятву, глаза полузакрыты, голова чуть откинута назад. Так стоял он, не шелохнувшись, верен каждому своему зову и знаку души. И... случилось то, чего Василий Алексеевич никак не ожидал. Олень бережно положил свою белую голову на седую голову старика. И Василий Алексеевич увидел, как из глаз Кирилла Ивановича скатились две крупные слезы. Детки н почувствовал, что и его глаза наполняются горячей влагой. Чтобы справиться с волненьем, он до боли прижался головой к прохладному стволу дерева.

Не открывая глаз, Кирилл Иванович стал бережно гладить руками с двух сторон шею оленя. Олень не шевелился. Минут пять или семь стоял он так, принимал благодарную ласку своего хозяина. Потом вскинул голову и пошел к дымокуру.

Старик поднимался медленно, тихо, с умиротворенным счастливым лицом.

А Деткин все стоял у сосны, наполненный новым чувством родства с природой. В нем выяснилась, обрела свою плоть и значимость главная мысль – любить на равных, любить уважительно и бескорыстно окружающий тебя мир: и животных, и деревья, и травы, – мысль, рожденная нынешним утром для будущих дней.

И на душе у Василия Алексеевича стало тепло и благостно.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

БОЙ ЗА ОСТРОВ ШУМШУ

Катер Деткина «Марс» спешил обратным ходом в город Ханты-Мансийск. Там, на нефтебазе, баржу заполнят дизельным топливом и пожелают команде Деткина счастливого пути до Раздольного. Маршрут прост. А сама дорога таила немало трудностей, особенно осенью, когда река обрастает, как ракушками, мелями и перекатами. Но сейчас июнь. Воды много. Дни стоят погожие, безветренные. Благодать!

У причала нефтебазы, на берегу Иртыша, Мохов приметил группу школьников, нарядно одетых, в галстуках. Пожилая женщина в строгом черном костюме (видимо, учительница) что-то говорила ребятам. И те во все глаза (так казалось Мохову) смотрели на его катер. Учительница держала в руке букет цветов. «Кажется, тюльпаны?.. Точно, тюльпаны», – определил Роман.

– Ты берегу глаза не дари, а баржу ровнее приваль, – услышал механик рядом с собой командирский голос Деткина.

– Будет как надо, капитан ... Откуда вот они тюльпаны взяли – удивляюсь!

– Есть в городе свой знаменитый садовод Никифоров. У него, брат, все растет: и тюльпаны, и розы... Постой-ка, Роман! Да это же Агриппина Гавриловна, сестра моего племянника. Помнишь, я тебе о нем говорил? – глаза Деткина засветились радостью.

– Где упомнить, капитан! – ответил Роман, работая штурвалом.

У тебя полгорода знакомых...

– Но почему цветы? По какому поводу?

– Сегодня же 22 июня, Василий Алексеевич? – и Роман пристально посмотрел на капитана.

– Точно, Рома. И как я забыл! – лицо Деткина сразу стало задумчивым и даже печальным.

[47] Хор – олень, бык.

«Марс» привалил к берегу. Пахомыч закрепил швартовы, подал трап.

– В такой день цветы, Агриппина Гавриловна, как-то ... – Деткин замялся, подыскивая нужное слово.

– Цветы – это память, дорогой Василий Алексеевич, – пришла ему на помощь учительница. – Цветы всегда к месту. И нечего тут мудрить. – И верно: цветы – это хорошо, – сразу повеселел Деткин. – Цветы сегодня – это поклон и живым, и павшим. Верно, дети?

– Верно! Верно, Василий Алексеевич! – зашумели, захлопали в ладони пионеры.

Пахомыч и Роман стояли рядом, с гордостью посматривали на своего капитана, не по годам крепкого, стройного, в парадном кителе с орденскими планками.

– Василий Алексеевич, прошу в машину, – сказала Агриппина Гавриловна. – В краеведческом музее встреча с Вами. Почти вся наша школа будет.

– Оперативно работаете, ничего не скажешь, – улыбнулся Деткин и подозвал к себе Романа. – Останешься за меня, Роман. Я буду у племянника. В семь утра уходим... Да, напоминаю: проследи за баржей, чтоб заправка была на высшем уровне: без разлива и недолива.

В музее полно народу: учителя, школьники, туристы с теплохода «Генерал Карбышев», плавающего по маршруту Новосибирск – Салехард.

– Василий Алексеевич, расскажите нам про самый памятный бой, – обратилась к нему Агриппина Гавриловна. – Вы воевали и на Черном море, и на Тихом океане. Сражений много. Но ведь есть самое незабываемое.

Капитан задумался.

– Каждый бой памятный. Каждый бой живет в плоти и крови воина, – начал он свой рассказ. – Но, действительно, есть и самый страшный бой в моей жизни. Это бой за остров Шумшу, на Курилах.

18 августа 1945 года десантники Тихоокеанского флота и несколько стрелковых дивизий на десантных судах подошли к Курильским островам. Отряду, в котором находился я, предстояло взять остров Шумшу.

Мы знали, что японцы сидят в дотах и дзотах, имея круговую оборону. Но все верили: враг капитулирует, как только десантники окружат остров.

Высадка производилась в разных частях острова. Наше судно остановилось недалеко от берега: мелко. Пришлось десантироваться в воду. Враг молчал. Кругом высились каменные глыбы, скалы. Шли мы с шутками, веселые. Кто-то пел:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Далеко от нашей земли.

В десанте – моряки, пехотинцы. Было около 12 часов дня. Помню ясное небо. Все верили в легкую победу.

Василий Каратаев, мой тезка, тоже сибиряк, сказал:

– Может, их и в помине нет, Вася?.. Удрапали.

Сам улыбается. Орел Карагаев! Высокий, с разлетными черными бровями, богатырская грудь с двумя орденами Славы на бушлате. Мы с ним подружились во Владивостоке, в оздоровительной команде.

Взобрались десантники на каменный взгорок. Вот в этот момент и ударил враг из пулеметов и пушек. Неожиданно получилось. Страшно это. Вокруг пули цвиркают, осколки летят. Дым, гарь. Раненые кричат.

Залегли мы с дружком за валун. Из автоматов палим. Неподалеку от нас – сопка. Огнем брызжет. Вся в огневых точках. И давай-ка наша корабельная артиллерия молотить по этой сопке, по этим дотам, дзотам. Заволокло ее дымом и каменной пылью. Пользуясь этим, десантники стали продвигаться вперед, где по-пластунски, где перебежками.

Бой гремел по всему острову.

Артиллерия перенесла огонь на соседние сопки. И тотчас, с криком «ура», бросились мы на притихшего врага. Но ... ожили японские пулеметы. Снова, теряя товарищей, попрятались мы за камни ...

Ночью в разведку отправили группу моряков из одиннадцати человек. Вернулись трое. Остальные погибли. Однако эти трое захватили все-таки левофланговый дот. От них мы узнали страшную весть: оказывается, японцы были прикованы цепями к своим пулеметам. Смертники, значит.

Ранним утром после артиллерийской подготовки мы снова пошли в атаку. Дружок мой Василий Карагаев ближе всех оказался к центральному доту и кинул в его огненную пасть одну за другой три гра-

наты. Примолк дот. Да и не железные там люди, в конце концов. Сколько на них металла израсходовали! Вскочил в азарте Карагаев и закричал: «Ура-а!» И надо же было такой беде случиться: из правой, молчавшей амбразуры пулемет ударил. И подкосились ноги у моего дружка, упал он. Я к нему. А моряки гранатами пулемет добивают. Помог я Василию приподняться. Кровь так и льется сквозь пальцы. Руками он все глаза прикрывал. И услышал я горький шепот его: «Что же они со мной сделали?» Потерял я, дети, своего друга.

Василий Алексеевич замолчал. Глаза его моргали часто-часто. Вынув носовой платок, он отвернулся, покашлял в него. Успокоившись, обратил задумчивый взгляд на детей. А в музее стояла тишина. Десятки детских глаз – тревожных, грустных, растерянных, ласковых, доверчивых – смотрели на Деткина. Старушка туристка, стоявшая впереди своей группы, утирала платочком слезы. В открытую форточку влетел пушистый, воинственно гудящий шмель. Он покружил, рассматривая людей, и, словно почувствовав, что явился не вовремя, улетел тем же путем.

Капитан продолжил рассказ:

– Дорого заплатили мы за эту сопку. А впереди новая, тоже вся огнем пышет. Двинулись мы к ней. Наши снаряды камни перемалывают. Кажись, травки живой не осталось. Только пойдем в атаку – с прежней силой бьют пулеметы. Что за напасть такая! Три дня штурмовали мы эту сопку. Взяли-таки. Жутко было смотреть на цепи смертников, на их изможденные лица. И что тут выяснилось, ребята. На острове под землей действовала узкоколейная железная дорога. Там же – и казармы, и электростанция. Дорога подходила почти к каждому доту и дзоту. Убьют стрелявшего, но тут же замена ему готова. Прибавьте к этому смертные цепи пулеметчиков. Вот и вся хитрость их стойкости.

Поздновато узнали мы про железную дорогу. Теперь уже наше командование решило иначе действовать. В глубине острова высадился авиадесант. Десантники пробурили шурфы, заложили туда взрывчатку. Взрывами вывели из строя подземные ходы противника и парализовали движение поездов по узкоколейке. После этого стало легче вести бой. Вот такой остров, дети, встретился мне на военном пути... Вопросы есть?

– Василий Алексеевич, скажите: кто строил эту железную дорогу и укрепления на острове? – спросила старушка туристка.

– Дорогу, доты и дзоты строили пленные китайцы и корейцы. Их привозили туда с материка. Потом этих пленных японцы уничтожили ...

Вопросов к ветерану было много. Встреча заняла у Деткина два часа. Утром на причал нефтебазы Василий Алексеевич пришел не один. Его провожал племянник Михаил Вторушин, бригадир рыболовецкой бригады, мужчина лет тридцати пяти, с лицом суровым, замкнутым.

Хмуря широкие черные брови, племянник сказал с ноткой восхищения:

– Махнула рукой на тебя, старость, дядя, – мол, живи сколько хочешь.

Деткин обнял Вторушина за плечи:

– Я, Миша, стареть не собираюсь. Вот стукнет лет сто – у тебя посох для дороги попрошу. А на печку не полезу. Не-ет.

Племянник и дядя рассмеялись.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

В ГРОЗУ

Вторая половина июля выдалась жаркой и грозовой. Днем ярко светило солнце, стояла парная духота. А к вечеру на обские просторы обрушивался щедрый, яростный ливень. Тепло и влага – чудотворцы природы. Луговые травы вымахали в рост человека. Пышно зеленели деревья.

«Марс» держал курс в Ханты-Мансийск. В два часа дня Пахомыч сменил Романа у штурвала. Деткин отдыхал в прохладной каюте. После ночного дежурства у него разболелась голова.

– Не забудь в Иртыш повернуть, а то прикатишь нас в Обскую губу, – бросил шпильку Роман.

– Валяй, валяй, – круглое лицо Пахомыча расплылось в добродушной улыбке. – Штурвал в надежных руках.

Ветер нес такой душистый запах трав, что глаза моториста невольно щурились от блаженства: «Не воздух, а мед».

Приятно кружилась от пряных ароматов голова, и размечтался Пахомыч. Стоит он в белой парадной форме на капитанском мостике. Все смотрят на него, вся многолюдная пристань Ханты-Мансийска. Все ждут его пассажирский теплоход. Женщины машут букетами цветов. Вон и его Рая, веселая, в сиреневом платье. Как василек. И Миша, сын, рядом, с гордостью глядит на отца ...

– Спишь, что ли, еловая голова?! – вдруг услышал Пахомыч грозный и такой знакомый голос.

– Туман какой-то... набежал на глаза, – промямлил Пахомыч первое, что пришло на ум.

– Вот и судно, как в тумане, туда-сюда тычется... Времени не хватило на сон? – гремел бас капитана.

– Выспался я, капитан, выспался... – боялся признаться о своих мечтах моторист-рулевой.

– Сходи-ка в машинное отделение. Что-то с системой охлаждения неладно, – глядя на приборы, сказал Деткин и позвал с палубы Романа: – Встань к штурвалу!

– Да что ты, капитан! – заупрямился Пахомыч. – Ну, от силы... двадцать минут назад был там. Полный ажур.

– Ажур, говоришь?! А ну, пошли! – и, схватив моториста за руку, Деткин увлек его за собой.

В машинном отделении вода тугой струей хлестала из водяного холодильника. Как и предполагал капитан, с холодильника слетел дюрит-шланг подачи воды. Пахомыч ахнул:

– Как это могло случиться?! Собачий нюх у тебя, капитан.

– Беги к Роману, пусть приваливает, – приказал Деткин, перекрывая кингстон.

Вода перестала течь из холодильника. Капитан заглушил дизель. Зашелестел песок. Берег.

Судно встало примерно в километре от слияния Оби с Иртышом. Небо мрачнело. За высоким крутояром, за лесом ворчал гром.

Работы хватило всем. Пахомыч и Роман слили ведрами подсланенную – отработанную – воду в емкость, стоящую на корме.

Нарастала сила встречных валов. Капитан поднял лобовое стекло рубки. За штурвалом – снова Пахомыч.

– Держись берега, – наказал ему Василий Алексеевич. – Очень уж ветер не по душе – порывистый, жаркий.

Впереди, по горизонту, – вода мрачная, взъерошенная, в стружках пены. Вот оно знаменитое волнующее место, место слияния Оби с Иртышом. В тихую погоду здесь только песни петь да фотографироваться на память – такое раздолье и величие вод, лугов и лесов. А в непогодь, в бурю – вот где разгул стихии! И не испытывай судьбу, человек! Притихни и пережди ярость ветра и валов в затишье, в заливе.

Из-за каменного мыса выкатилась косматая черная туча с багрово-красными подпалинами. Загрохотал гром.

– Буря, – прошептал Деткин, и рука его опустилась на штурвал. – Назад, Пахомыч! Назад в залив!

Капитан сам повел судно обратным курсом, Пахомычу сказал:

– Иди в машинное отделение, мало ли что...

В рубке появился Роман.

– Вовремя отступить – тоже победа, капитан?

– Погоди радоваться, – хмурился Деткин. – Все только начинается.

Валы накрывали баржу, катер. Судно рыскало, плохо слушалось руля. К счастью, залив рядом. Залив – это бывшее устье реки Назым. Там, под горой, за плотной стеной кедрача и пихт – затишье. Там – спасенье. Гром гремел часто и оглушительно, словно кто-то рядом торопливо бил молотом по железу. Только вошли-в валив – сверху хлынул сплошной поток воды. Темная туча плотно закрыла небо. До срока наступила ночь.

Переодевшись в резиновые сапоги, в непромокаемые брезентовые с капюшонами робы, команда «Марса» выбралась на берег. При свете прожекторов надежно закрепили швартовы.

Буря пошла в полную силу. Рвали небо молнии. Невдалеке ревела, просилась из берегов Обь. Провести непогодную ночь в тесных каютах – мало удовольствия, и Деткин предложил:

– Тут, братцы, на взгорке, домик охотничий. Там и скоротаем ночь... Забирай, Роман, харчи. Вперед, Пахомыч.

Молнии освещали тропинку. Гром торопил путников.

В избушке просторно, удобно. Вдоль стен – из добротной сосновой плахи – нары. Железная печка. У порога аккуратно сложены кучкой короткие березовые поленца. Пахомыч нашел в углу керосиновую лампу, зажег фитиль, поставил лампу на самодельный столик.

– Жизнь продолжается, капитан... Вообще-то, хозяину этой избушки в ноги поклониться бы. Толковый хозяин.

– Верно глаголишь, Пахомыч. – Деткин снял брезентовую робу, слегка встряхнул ее у порога, повесил на гвоздь. – Сейчас печку затеплим и – видали мы бурю на дне реки, как говорится.

– Чей это домишко, Алексеич, не знаешь? – спросил моторист, пристраивая свою робу на стену, ближе к печке.

– Как не знать? Михаила Бронникова. Художника тутошнего, – Деткин закрыл дверцу загудевшей печки.

– Ну, художник во всем должен нести это самое... – Пахомыч пощелкал в воздухе пальцами, – пример благородства, жертвенности...

– Значит, в очереди будешь стоять в ожидании этого примера? Так, что ли?! – короткие брови капитана ощетинились, и весь он был похож на большую неуклюжую птицу с удивленно сверкающими глазами. – Вот она, наша беда, Пахомыч... А ты не жди. Ты сам успевай творить это полезное, доброе ...

Роман снял с плеча большой рюкзак:

– Да у вас тут, как у той тещи, – пироги и пельмени.

– Где мы с капитаном, там и жизнь, как шампанское, ключом хлещет, Рома, – похвалился Пахомыч.

– А может, вода хлещет? – нашелся Роман, намекая на случай в машинном отделении.

Деткин захохотал. К нему вернулось благодушное настроение.

– Чуть на глазах у бури не потопил нас... Смотри, Пахомыч, в другой раз прощенья не жди.

Мохов выкладывал на столик содержимое рюкзака.

– Думку мою не прихватил, Роман? – спросил Деткин.

– Забыл, капитан. А вот сковородочку для Пахомыча прихвати-ил.

Жарь, парь, Пахомыч. Вишь, печка-то раскраснелась, как девица на морозе. Тебя зовет.

После ужина Роман сходил на катер, принес в рюкзаке две фуфайки, подушку-думку Деткина, Обитатели домика расположились на нарах почти с комфортом. Роман думал о чем-то своем. Василий Алексеевич снял китель: жарко. А за окошком продолжалась неугомонная работа ветра и дождя.

– Ты, Пахомыч, назвал Бронникова толковым хозяином. Верно, – вернулся к прежней теме Деткин. – Теперь на такой вопрос дай ответ: сколько охотничьих избушек-стоянок видел ты на дороге нашей на Оби?

– Погоди, капитан, подумаю...

– Чего думать! – вмешался Роман. – Всего две избушки. Вторая – на острове Пекурский.

– Скоро и этих не будет, – вздохнул Деткин. – Раскатают лихие люди по бревнышку.

– Да почему раскатают?! – искренне удивился Пахомыч. – В таком суровом краю они на каждой версте должны быть... Снег. Стужа. Озяб путник. И вдруг избушка – спасительница. Ничего не понимаю, Алексеич...

Пахомыч в здешних краях – новичок. Сам он ленинградец. Приехал на Север с молодой семьей из романтических чувств. Тайга, олени, буровые. Захотелось приобщиться к этой удивительной нови.

Нынешняя навигация на «Марсе» – первая в жизни Пахомыча. Василий Алексеевич хорошо понимал душевное состояние товарища. И сказал:

– Тут в чем соль, дорогой. Если живет в тебе чувство хозяина и творца – будешь ты ломать эти избушки? Не-ет. То-то.

– Не каждому дано это чувство, – резонно заметил Пахомыч.

– Воспитывать его надо в себе! – Строго погрозил указательным пальцем в сторону печки капитан. – Воспитывать терпеливо, каждодневно. Это работа. Работа души и ума... Пойду катерок попроведаю.

Роман спал. В печке щелкал огонь.

Деткин накинул на плечи робу, на голову надел старую лохматую шапку из росомахи. Эта шапка и ватник висели за печкой, в левом переднем углу и, видимо, составляли рабочий наряд хозяина избушки.

– Заметь, Пахомыч, в этой шапке ни вода, ни мороз не страшны. Пахомыч словно не слышал этих слов: сидел, задумавшись. Капитан вернулся с запахами ветра и дождя.

– Утихает непогодушка. Но тучи тяжелые. Прут и прут. Давай почивать, Пахомыч... Лампу я потушу, керосина мало.

Пахомычу не спалось. Впечатлительный, он все думал: какие дикие и нелепые поступки может совершать человек! Может, лихие люди хозяйничают сейчас на его катере? Может, идут сюда, в избушку? Таились в лесу, пережидали бурю. Стало им от воды и зябкости невмоготу. Вспомнили про одинокую избушку на берегу залива – и в бега. Пробираются сюда сквозь мокрый и холодный лес злые, угрюмые. Что за нелепые мысли! Откуда взяться в такую непогодину людям?! Мышь и та не выйдет из норы. Пахомыч гнал от себя эти мысли и виденья. Однако они снова возвращались и беспокоили его.

Он лежал возле окошка. И поневоле ловил звуки внешнего мира: сильные порывы ветра, отдаленный ворчливый прибой Оби, нарастающие раскаты грома. «Видать, новая туча подошла».

Будто качан капусты резали – так сочно захрустело, затрещало рядом, под окошком. «Что за черт! – насторожился Пахомыч. – Угол избушки, кажись, отвалился». Кто-то стукнул в окошко. Колотит в дверь. Пытается открыть ее. Дверь ходуном ходит, того и гляди, крюк слетит... «Вроде ушел... Эге, крышу начал ворошить. Ну, это уж слишком. Придется поговорить с пришельцем».

Пахомыч засветил лампу, быстро оделся, не забыл бросить на голову знаменитую шапку из росомахи. Он надеялся на свои мощные кулаки и потому, скинув крючок, смело шагнул за порог. Темень. И как нарочно – раскат грома, и – дождь. Белый огонек на макушке судна расплылся в бледное желтоватое пятно.

– Кто тут прячется? Выходи! – закричал Пахомыч.

Что-то черное и большое надвинулось на него. «Экий бугай», – только и успел подумать Пахомыч. Будто железная кувалда опустилась сверху на голову. Пахомыч аж присел. В голове звенело. В глазах мельтешили разноцветные огоньки. И сразу злость опалила сердце.

– Ах, ты драться, негодяй! – и Пахомыч, по-боксерски развернувшись, со всей силой влепил кулачищем в черную тушу: «Получай премиальные!»

Домик Бронникова стоял на краю неглубокого яра. В этот яр и свалился с ревом таинственный черный незнакомец. Ударил гром. Дождавшись, когда он стихнет, Пахомыч погрозил в темноту кулаком:

– Это тебе за сломанные избушки, разбойник!

Уже в избе, раздеваясь, Пахомыч подумал: «Чего этот полуношник в шубе ходит? Дождь льет, а он – в шубе!.. Хохмач».

Странное ощущение осталось от удара – кулак словно прилип на мгновенье к чему-то мохнатому, мокрому и податливому. «Шуба у него из росомахи! – дошло наконец до Пахомыча. – Вот и не боится дождя бродяга».

Засыпая, он прислушался. С крыши торопливо бежала дождевая капель. Гром ухал далеко на северо-западе. И все. Пахомыч даже мысли не допускал: а вдруг этот черный пришелец – медведь? Он, городской житель, твердо уверовал: медведь в непогоду, как глухарь, прячется в чаще под каким-нибудь еловым или кедровым корневищем и спит себе там богатырским сном.

Утром, увидев у порога медвежью лепешку и сплющенную кадушку для воды, Деткин сказал:

– Косолапый бродил. Странно, что в гости к нам не попросился... Ошеломленный, Пахомыч тут же выложил товарищам ночную историю. Вот было смеха.

– Шапка выручила тебя, Пахомыч, – похлопал его по плечу Василий Алексеевич и с удивлением добавил: – Однако с тобой, я гляжу, шутки плохи.

Пахомыч чувствовал себя героем.

ПЯТАЯ ГЛАВА

УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА

День Военно-Морского Флота команда «Марса» встретила по дороге в Раздольное. Деткин остановил судно у Белой горы – у высоченного песчаного крутояра. Наверху кудрявились березы, за ними – глухая буреломная тайга. Неподалеку, у самой воды, – два мощных камня в полтора метра высотой, два молчаливых вечных стража Белой горы. Их называют каменными близнецами. Как они сюда попали, каким образом появились? – тайна. Но эти вопросы рождаются у каждого, кто впервые оказался здесь. Вот и Пахомыч поинтересовался:

– Сколько лет этим камням, капитан? Как думаешь?

– Ты лучше у Белой горы спроси. Она все знает, – ответил капитан Деткин и, придав лицу строгий вид, отчеканил: – Даю двадцать минут. Иметь боевой парадный вид. Сделаю сообщение.

– Фантазер капитан, ой фантазер! – улыбается Пахомыч, спускаясь в каюту.

– С ним не заскучаешь, это верно, – в тон ему говорил Роман. – Хлопотный предстоит праздничек.

Ровно через двадцать минут Роман и Пахомыч по команде своего командира встали на палубе в шеренгу. Одеты они в белые фланелевые костюмы, заказанные в свое время Деткиным в ателье ханты-мансийского дома быта.

На фланельке капитана золотом горят нарукавные шевроны капитан-лейтенанта. Такой чин он имеет как военнослужащий Военно-Морского Флота в отставке. Такие нашивки носит Василий Алексеевич и на кителях –на парадном и на рабочем. По этой причине и зовут все Деткина капитаном.

– С праздником, товарищи! – торжественно сказал Деткин.

– Ура! Ура! Ура! – от души кричала команда.

– Сообщение такое, – капитан заложил руки за спину и, гордо вскинув голову, прохаживался перед строем. – Наше судно, как вам известно, мирная единица наших просторов. На сегодня, в честь праздника Военно-Морского Флота, я объявляю «Марс» военным судном. Проведем на Оби учебную тревогу «Воздушный налет». Я – за штурвалом. Роман – за условным пулеметом. Пахомыч отвечает за аварийные работы. Чтоб все было под рукой для заделки пробоин... Да, может, есть какие возражения?

– Есть, товарищ капитан, – по-школьному поднял руку Пахомыч.

– Капитан-лейтенант, – поправил его Деткин. Он вел игру по всем правилам. – Опусти руку, товарищ матрос. Ты не в школе, а на военном судне.

– Я думаю, – будничным голосом начал Пахомыч, – лучше в честь праздника к деревеньке причалить и в магазин сходить.

Роман засмеялся.

– Отставить смех! – нахмурился капитан. – Еще раз повторяю: судно на военном положении, и посему – никаких деревенек ... Сходи-ка лучше, Роман, за гитарой. Споем нашу любимую.

Бас у Василия Алексеевича трубный, грубоватый. Мягкий баритон Пахомыча смягчал его. Гитарные струны под рукой Романа вели тихий и согласный разговор. Пели:

Там, вдали, за рекой, где погасли огни,

В небе ясном заря догорала.

Сотня юных бойцов из буденновских войск

На разведку в поля поскакала.

На Оби затишье. Выпукло-зеркальные воды затаили в себе редкие кучевые облака. Каменные близнецы с удивлением всматривались в свои отраженные лики. Ликовали чайки. Глупая рыбная молодь густой серебристой массой шла на прибрежную отмель, где становилась добычей жадных и крикливых халеев.

В воздухе появилась пороховая пыль гнуса. Замелькали, закружились вокруг поющих в нудном хороводе пауты. И Деткин дал отбой концертной программе. «Марс» покинул берег.

Судовая сирена известила о начале учебной тревоги. Команда облачилась в рабочие костюмы и спасательные жилеты. Капитан пояснил: – Три сигнала сирены – налет; два – человек за бортом. В остальном без сирены обойдемся. – И подал Роману шланг: – Ствол шланга и есть твой пулемет. Начнем, братцы, пока судов нет.

Завыла сирена.

– Пикирует! Угости его, Роман, по-сибирски! – кричал капитан и накренил судно вправо.

– Та -та -та -та! Та! – частил Роман, направляя ствол шланга на воображаемый самолет.

Капитан маневрировал, спасая судно и баржу от мнимых пуль и бомб.

– Ты не стой на месте! – поучал Василий Алексеевич. – У тебя пулемет вращается. Самолет не бабочка и не комар. Решают мгновения. Пали и пали по нему ...

Глаз у командира острый, всеохватный.

– Сухогруз «Сибирь» показался. Дай, Пахомыч, отмашку... Пали, Роман! С кормы пикирует!

И Роман, войдя в азарт военной игры, кричал «вражескому летчику»:

– Не на тех напал, вражина! Т-та-та-та! Ага, уходишь!.. Товарищ капитан-лейтенант, ушел самолет, – Роман весело, с хитринкой смотрел на командира.

Гудок у «Сибири» басистый, радостный. Деткин ответил на приветствие тревожным гудком сирены.

Бросив шланг на палубу, Роман позвал Пахомыча.

– Эй, тыловик! Айда закурим.

Пахомыч тут как тут. Капитану это не понравилось.

– По местам! – раздалась его команда. – Еще один заход самолета ...

Роман, встречей гостя пирогами.

Роман схватил шланг:

– Та-та-та! Та-та-та!

– Пахомыч! На корме пробоина диаметром в сто миллиметров. Заделать!

Пахомыч бросился на корму судна.

– Стой! – остановил его капитан, видимо изменив свое решение. Раздались два коротких сигнала сирены.

– Прыгай! – страшным голосом закричал Деткин мотористу.

Такой голос не давал времени на раздумье и сомнение. Грузное тело Пахомыча с акробатической легкостью взлетело в воздух и... шумно плюхнулось в воду.

– А-а-а! Алексеич, тону! Выручайте! – шумел человек за бортом. Роман хохотал.

– Ой, чудило! Ой, Пахомыч! У тебя жилет... Ты же как пробка. – Спускай ял, Роман, – пряча улыбку, ровным голосом сказал Василий Алексеевич. – Выручай товарища. Даю судну самый малый ход.

Роман с помощью капитана спустил шлюпку.

Вечером – остановка в деревушке Ягодное. После праздничного ужина развели на берегу костер. Наломали пихтового лапника, поверх него бросили брезентовые робы и – отдыхай душой, любуйся вечерней природой, человек. Редкие зеленые звезды, оранжевые огни бакенов, фиолетово-темная гладь реки будили светлые воспоминания. И, как никогда, мир казался возвышенным и вечным.

Деткин решил воспользоваться этой умиротворенностью, этой покойной паузой в своих деловых целях и, как бы ненароком, заметил:

– Ты, Пахомыч, и паниковать умеешь. Не ожида-ал,

– Я голоса твоего испугался, Алексеич! Честное слово! – признался Пахомыч. – И воды хлебнул ... Плюхнулся-то на живот.

– Вот это все и называется паникой, – уточнил капитан.

– От такого голоса камень подпрыгнет.

– Кричал потому, что твою натуру знаю. Скажи тебе спокойно, ты и заведешь: а если бы? А коли бы? А надо ли?..

– Вот на меня кричать не надо, верно, капитан? – улыбнулся Мохов.

– Дело не в крике, ребята. Главное – не паниковать, не растеряться в трудную минуту... Помни, Роман: поединок с самолетом особой выдержки требует. Счет на секунды. Не упускай его ни на момент. Не давай расстрелять себя.

– Ясно, капитан, – Роман поднялся, – в следующий раз он не уйдет от меня... Может, гитару принести?

– Пора в путь.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

В ОЗЕРНОМ КРАЮ

Сосед Деткина, маленький мужчина с большими печальными глазами, глянул в иллюминатор, тронул Деткина за плечо:

– Глянь-ка! Все озерами усыпано.

Оглянувшись, Василий Алексеевич ахнул: внизу по горизонту – озера, десятки, сотни больших и маленьких, а то и крохотных, с островками и без островков, озер. В иных местах они лепились друг к другу почти вплотную, разделенные узкими полосками бурого мха, голубого ягеля, золотыми поясками сентябрьских берез.

Деткин летел на буровую. Поездка не праздная. На Глухарином озере встала буровая Р-503: дизельное топливо оказалось с песком. Буровики заявили: виноваты доставщики топлива – речники и вертолетчики. Начальник нефтеразведочной экспедиции Фирулев имел свое мнение:

– Считаю – вертолетчики проявили халатность.

Деткин иронически усмехнулся:

– Не в обиду будет сказано, Егор Максимович. Живуча давняя мещанская привычка: свою вину соседу подбрасывать. Я не признаю эту привычку. Сам полечу на буровую.

– Слетай, слетай, Василий, – обрадовался Фирулев. – Спасибо скажу. На месте виднее, что к чему. Оттуда домой махнешь.

В тот же день Деткин дал недельный отдых своей команде. Пахомыч и Роман улетели на вертолете в Сургут, к семьям. Сам Деткин с женой и младшей дочерью жил в Нижневартовске.

Озерам не было конца. «Что за неведомый северный край? – думал Василий Алексеевич. – Уж тридцать минут летим, а нигде ни деревеньки, ни одинокой охотничьей заимки – все озера, озера, да темные ниточки проток, жаркие костры осин, задумчивые островки кедрача. Эх, выстроить бы здесь легкие, изящные высотные здания! Чтоб люди приезжали сюда отдыхать, любоваться озерами; чтоб уносили отсюда в сердцах и душах своих непоколебимую веру в доброту природы».

Деткин и его сосед – единственные пассажиры Ми-4. Вертолет нес буровикам груз – две железные бочки с горючим.

Желтая песчаная поляна, на которую села винтокрылая машина, – у самого озера. За озером и жидкой полосой сосен устремилось ввысь железное тело буровой.

Вертолет ждали два молодых бородача. По настилу – двум доскам они выкатили бочки. Один из них, высокий, в алой рубахе и джинсах, передал пилоту какие-то бумаги – вертолет задрожал, поднялся. Тугое облако песка и сухой хвои накрыло бочки, бородачей, ударило порывами ветра Деткина и его напарника, успевших отойти в сторону. «Да как же не будет песка в горючем?! – с горечью подумал Василий Алексеевич, глядя на бочки. – Интересно, увезут бочки сейчас или оставят для опыления на площадке?»

Бородачи поставили бочки «на попа». Тот, что в красной рубахе, махнул рукой: «Пускай стоят».

Деткин разыскал балок своего старого знакомого Александра Михайловича Красильникова. Тот работал на Р-503 слесарем по ремонту оборудования. Хозяин балка, тучный, с широким добрым лицом, всплеснул руками:

– Каким ветром занесло, Алексеич?! Присаживайся, Ухой угощать буду. А чаек у на-ас! – с травами да приправами ...

Деткин рассказал Красильникову о бочках, оставленных на площадке.

– Есть, есть, Алексеич, нечестные, равнодушные люди. Буровая стоит, а такие и в ус не дуют. Деньги-то идут. Не по их вине кашляет буровая. Да хоть месяц фырчи она, мне-то что, мол... Сейчас же пошлю трактор за бочками.

Красильников ушел. Вернувшись, сообщил:

– Бочки на буровой. Мастера ждем. Вот-вот прилетит. И загремит вовсю наша матушка.

Матушкой он называл буровую.

– Повезло вам на природу, Михайлыч, – сказал Деткин.

– Не край, а клад, – согласился Красильников. – Я в жись не видел столько озер.

– И рыбы, поди, навалом?

– На всю область хватит и соседям достанется... Сырок есть. Но щука, Алексеич, полный хозяин здесь. Ох, и зверь, я тебе скажу. Поймали на днях одну. Ножом – чирк, а там ондатра. Повариха наша как увидала – так и в кусты... Сети не ставим, нет. Бесполезно. Одни лоскутья останутся. А на жерлицу – само то. – Красильников рассказывал азартно, увлеченно, жестикулируя. – Щуки уйма. Век лови – не выловишь. Сам суди. Протоки-то почти все озера соединяют. Вот и расплодилось ее. Вот и царствует она, бесится...

Распахнулась дверь балка. Кто-то длинный – видны были только высокие резиновые сапоги с развернутыми голенищами – крикнул:

– Александр Михайлович, мастер зовет!

– Приехал, значит, – обрадовался Красильников. – За разговором-то не слышал вертолет... Я побежал, Алексеич. Не скучай. Есть желание – жерлицы поставь.

«Схожу на буровую», – оставшись один, решил Деткин.

Где растет сосна, там воздух словно процеженный, профильтрованный от пыли, от посторонних запахов. И вот он, чистый, легкий, целебный, с тончайшим ароматом сосновой хвои, воздух сам льется в твои легкие. Деткин чувствовал, как уходит усталость, как от минуты к минуте, по капле, возвращается к нему под кронами сосен бодрость. Василий Алексеевич стоял на бровке бора, близ буровой.

Расцвеченная предзакатным солнцем, сияя рыжей кожей металла, буровая напоминала гигантских размеров произведение искусства, смонтированное, спаянное и вознесенное ввысь талантливыми руками художников.

Сзади послышались голоса. В касках, в зеленых спецовках шли буровики. Вахта. Рокочут дизеля. Вахта – люди и железо начнут свою слаженную суровую работу. И дохнет сорокаметровая громадина на эти сосны и на Деткина паром, выхлопными газами и бензином.

Василий Алексеевич направился по сосновой бровке к озеру. Он хотел сохранить от встречи с буровой первоначальное, праздничное впечатление.

Вечером Красильников познакомил Деткина с мастером, с Николаем Скрябиным. Мастеру всего двадцать семь лет, маленький крепыш с задумчивыми серыми глазами. За чаем повели разговор о политике, о напряженном международном положении, о боях в Ливане и Никарагуа.

– Ой, много зла в мире! – качал головой Деткин, болезненно морщась. – Зло в нашей жизни плодиться стало. Вот что печально. – Голова Василия Алексеевича поникла, нос почти касался тяжелого подбородка. Он часто и беспокойно моргал полуопущенными глазами. Скрябину и Красильникову показалось: гость вот-вот заплачет.

– Ничего, Василий, ничего, – спешил успокоить его Красильников. – Злоба – она временна. Надо больше говорить о доброте. И растает лед в душах людей.

– А я говорю: хватит слов! – Деткин встал. Лицо его преобразилось. Нос выпрямился. В глазах – решительность. – Я говорю доброте: вперед, в атаку по всем направлениям! – капитан с силой выбросил вперед сжатый кулак. Помолчав, тихо добавил: – Потоками слов, Михайлыч, гору с места не сдвинешь.

– Эк, разберись вот: как лучше к человеку подойти? – миролюбиво развел руками Красильников. – А тропинку к его душе надо искать, искать.

Скрябин курил, с интересом смотрел на Деткина.

Александр Михайлович взял чайник, поставил его на электроплитку.

Деткин сел рядом с мастером. Речь сама собой перешла на дела экспедиции, на бригаду Скрябина.

– Далеко вы забрались, далеко, – заметил Деткин. – Полтора часа летел. Озерами вот любовался.

– Воды много, а толку мало, Василий Алексеевич, – обиженным голосом сказал мастер. – Речки судоходной нет. Вот и приходится каждую пайку, каждый гвоздь по воздуху доставлять. А мы... – он досадно махнул рукой. Потом тихо, доверительно, как сын отцу, сообщил: – За нами вина-то, Василий Алексеевич. В дизельное масло попал песок. Не досмотрел. Халатность проявили.

– Такая история, Николай, могла случиться и сегодня, – вмешался Красильников.

– Знаю.

– У меня такое соображенье: вертолет с горючим будет, к примеру, в 12 часов дня. Так приготовь к этому времени грузовик или трактор с платформой. С ходу погрузи горючее – и на буровую. И никакой мудрости.

– О таком распорядке даже приказ по экспедиции есть, Алексеич, – сказал Красильников. – Да не все этот распорядок выполняют.

– Заставить выполнять.

– Есть разговор для бригады, есть. Дисциплина надобна, – согласился мастер.

Легли спать поздно. За окошком рокотали дизеля и гремела железом буровая.

– Шумит матушка, – прошептал Александр Михайлович в полусне. Рано утром, после завтрака, Красильников посоветовал гостю:

– Сходи, Алексеич, в Голубой бор. Не удивляйся. Так мы прозвали его за голубой ягель. Это за вертолетной площадкой, направо. Сейчас покажу... Там и увидишь озеро-загадку.

Небо серебрил ось. Во всем чувствовалась и виделась девственная обнаженность лесной жизни. Чуть вздрагивала, просыпаясь, хвоя на ветках сосен. Последние тени ночи испарялись в первых лучах светила. Старательно точил клюв о смолевую суковину дятел. Смешно растопырив задние лапки, умывался на пне бурундук.

Лучи, пронизав бор, выпили росу на хвоинках, на ягеле. И тропа стала ярко-рыжей, а ягель ярко-голубым. Деткин шел по тропинке к озеру.

Игра солнечных утренних лучей на воде. Коснувшись зеркальной поверхности, лучи словно дробятся на множество мелких радужных осколков, вспыхивают, тают в воздухе. На смену им летят новые и новые фейерверки света, искрят воздух, пляшут на воде, жалят и жалят серебристыми молниями глубь.

Василий Алексеевич стоял у самой воды, любовался игрой света, озером. Песок озера был не чистой белизны, как подумалось ему издали, а матовый, почти золотого цвета. Мелкий, уплотненный песок. Полоса берега широкая, ровная. Ни одного лишнего камешка. И вода – родниковой прозрачности. Естественный прекрасный пляж! С трех сторон опоясывала озеро золотая песчаная кайма. С северной стороны к озеру примыкало торфяное болото.

Деткин – насколько позволяла высота болотных сапог – зашел в воду. Склонился, рассматривая дно. Оно такое же чистое, песчаное. Минут семь, может, больше стоял он так, не шевелясь. Он хотел увидеть какую-нибудь живность. Но все напрасно. Никто и ничто не потревожило глубинную воду, ни один, даже крошечный жучок. «Странно, – подумал Василий Алексеевич, – нет живности. Действительно, озеро-загадка. А вода вкусная, сосновой хвоинкой отдает».

Напрасно, около часа, ходил он вокруг озера – присматривался, изучая его. Пил воду, черпая ее пригоршнями, бросал в воздух, два раза умыл лицо. В нем проснулось мальчишеское озорство. И ему не хотелось уходить отсюда.

Василий Алексеевич сделал новый вывод: птицы чураются озера.

Утки: свиязи, чернети, соксуны – давали облетный круг – и скрывались. Нет, не человека боялись они. Деткин таился от них за ближними соснами. Просто птицы знали: на озере нечем прокормиться.

Василий Алексеевич был без ружья.

– Хочу мирного знакомства, – сказал он утром Красильникову, когда тот подал ему свою «тулку».

Деткин дал имя озеру – Одинокое. И сказал вслух:

– Только солнце любит тебя. Да вот я полюбил... Прощай, Одинокое! – и направился к соседнему озеру.

Здесь вода темно-коричневая, торфяная. Берега, можно сказать, нет.

Подушка мха – и только. Когда подушка, спружинив, опускалась. Василию Алексеевичу казалось: вода безудержной массой хлынет на него. И он торопливо переходил на другую, более прочную кочку, ощущая холодок и зябкость в теле.

Большое, плоское, неуютное озеро навевало грусть. И в тон этому настрою сердца звучали в небесах печальные ноты пролетных гусиных стай.

Живности в озере много. Приглядевшись, Деткин заметил полосатые спинки окуней. Они шли и шли. Серебристой блесной мелькнул чебак. На той стороне озера кричали, дрались чайки. «Не согрело ты мою душу, – с укором обратился к озеру Василий Алексеевич, – и я называю тебя – Холодное».

Теперь Деткин решил обследовать озера с южной стороны берега. У ближнего к лесу озера – круглого и черного – он увидел двух парней. Они пытали рыбацкую удачу удочкой и спиннингом.

Василий Алексеевич поздоровался. Познакомились. Парни – Илья Сомов и Саня Егоров – молодые помбуры из бригады Скрябина. Между ними стояла, сколоченная из грубых досок, плоскодонка.

– Что-то улова не вижу, ребята, – сказал Деткин.

– Только что перед вами пришли. Пообедали после вахты – и бегом сюда, – частил словоохотливый Илья. – Да и рыба обнаглела, Василий Алексеевич, не клюет на червя.

– Нужен ей твой червяк, – отозвался Саня, сматывая леску. – Рыба здесь, как дикарь, любит все яркое.

Саня подошел к лодке, позвал Илью.

– Видишь эту медяшку в лодке? Творенье Красильникова... Смотри какая броская. Вот и привяжи вместо грузила.

Илья так и сделал, благо медяшка с дырочкой. И чудо! – клев начался. К общей радости, Сомов одного за другим вытащил на берег шесть крупных черно-полосатых окуней.

– Есть и у меня! – закричал Саня, осторожно выбирая леску. Деткин поспешил к нему.

Щука – по всем повадкам она – кидалась в черной и вязкой воде из стороны в сторону. Но Егор- умело вел леску, приучая рыбу к спокойствию.

– Дай-ка, Саня, – попросил Василий Алексеевич и взял в чуткие руки леску. Она, натянутая, дрожала. И Деткин чувствовал скрытную ярость и беспокойство своей жертвы. Знай удачливое мгновенье, рыбак! Р-раз! – и внушительных размеров щука, килограмма на три, плюхнулась меж кочек. У нее темные навыкате глаза, толстое несимметричное тело. Щука подпрыгивала, молотила по траве хвостом.

– Черная, как деготь, – удивился Деткин.

– Вода такая, Василий Алексеевич, – сказал Саня. – А в соседнем озере щуки светло-зеленые. Красавицы. Любо смотреть.

... Домой рыбаки принесли два полных рюкзака окуней и щук. Уху Деткин с Красильниновым и Скрябиным варили уже в сумерках.

Утром Василий Алексеевич улетел на вертолете в Нижневартовск.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

СЕРЕБРИСТЫЕ ЛЬДИНКИ

Рыбацкий плашкоут Михаила Вторушина стоял на Оби, почти напротив устья Иртыша. Играла, наливаясь холодным рябиновым соком, заря. Волны ломали, крошили серебристый тонкий ледок берегов. Льдинки позванивали, словно стаи свиристелей.

Двое рыбаков варили на берегу уху. Костер горел ярко, стрелял искрами.

– Что сушняк делает – будто из пушки палит, – сказал сутулый, пожилого возраста рыбак с красным морщинистым лицом, прикрываясь рукой и отходя подальше от огня.

Его напарник – молодой высокий парень в фуфайке, в брезентовых штанах, заправленных в резиновые сапоги с отвернутыми голенищами, склонился над ведром. Он черпал ложкой бурую накипь ухи и бросал ее на песок...

Дул тихий, но студеный северный ветер.

– Батюшка-Север дышит, – прошептал пожилой рыбак, вглядываясь в устье Иртыша. Там показалось небольшое судно с баржой.

– Дядя Трофим, перец куда дел?! – закричал парень.

– У меня, у меня, Степа! – засуетился дядя Трофим.

Первые лучи солнца упали на вершины деревьев, на лица рыбаков.

С плашкоута по трапу на берег сошел бригадир в оранжевом рыбацком костюме. В таком же наряде был и дядя Трофим. Он передал пакет с перцем Степану и, поздоровавшись с бригадиром, кивнул на реку:

– Слышь, Михаил, поют...

Вторушин сразу узнал Деткина и Мохова с гитарой.

– Это же «Марс», дядя Трофим! Ох, и бас у Василия Алексеевича...

Деткин и Мохов стояли на палубе, пели:

Нам скажут: «Не спорьте!»
А мы и не спорим:
Лететь самолетом
Намного быстрей, быстрей.
И все-таки море
Останется морем,
И нам никогда
Не прожить без морей.

Бригадир, дядя Трофим и Степан с ложкой в руке вышли на самую кромку берега, махали руками, кричали:

– Привет «Марсу»!

– Василий Алексеевич, приглашаем на уху!

– Эй, Роман! До встречи в мае!

Деткин ответно помахал рукой. Приветствуя рыбаков, голосила судовая сирена.

Василий Алексеевич в парадной форме. Китель надет поверх теплого шерстяного свитера. Широкие черные брюки парусили. Фуражка, как всегда, сдвинута на левый висок. На груди – бинокль.

Мохов в серой вязаной шапочке, в теплой куртке на «молнии», в джинсах. В руках – гитара.

Катер поравнялся с рыбаками. И они слышали каждое слово песни:

Легко затеряться
В соленом просторе,
Волна закипает,
Грохочет прибой, прибой.
И все-таки море
Останется морем,
И нам оставаться
На вахте с тобой.

– Душевно поют. Эх, капитан... – растроганно сказал дядя Трофим.

С лица Степана сошла хмурость и деловитость. Распахнутыми глазами смотрел молодой рыбак на судно, на Деткина и Мохова. Он, конечно, забыл, что в руке у него ложка и что в ведре вскипает уха.

Первым спохватился дядя Трофим.

– Степан! – закричал он и смешно подпрыгнул. – Едят нас комары!

Уху проворонили... – И побежал к костру.

Степан недовольно посмотрел ему вслед. Но, почувствовав ложку в руке, сразу вспомнил о своих поварских обязанностях.

На берегу остался один Вторушин. На его суровое лицо легла тень грусти. Судно скрылось за поворотом.

«Марс» шел на Север. А навстречу ему по реке плыли и плыли серебристые льдинки – веселые вестники наступающей зимы. Это серебристо-голубое крошево тревожило взгляд и вместе с тем напоминало о романтических неведомых далях, куда непременно должен прийти человек.

ТУРГАЧЕВА ИРИНА ИВАНОВНА

Тургачёва Ирина Ивановна родилась и выросла в посёлке Хулимсунт Берёзовского района. Закончила среднеобразовательную школу. В 2005г. поступила на филфак Югорского государственного университета, затем в аспирантуру. После ВУЗа четыре года работала корректором в типографии в Ханты-Мансийске. Затем перешла в окружную телерадиокомпанию «Югра», работает на должности редактора.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ПЕС ГОРАЦИЙ

На вечеринках Аматео всегда бывало много народу. Звучала современная музыка, поднимающая настроение. Люди танцевали, веселились… Каждый праздник имел свою изюминку: Аматео и его друзья любили выдумывать что-нибудь такое, что будоражило фантазию гостей, было необычным. На прошлой неделе в дом к Аматео был доставлен гигантский гриб. Его привезли из тропиков. Он стоял в центре гостиной, а гости во время очередной вечеринки выплясывали вокруг него дикие танцы и величали его богом Леса. Они совершали какие-то обряды под предводительством главного «шамана» – Аматео. После гриб вынесли в сад и уже там устроили пикник. За полтора часа бога Леса изжарили и съели. Пиршество было колоссальным.

Сегодня Аматео показывал гостям своего нового друга – маленького белого песика Горация, которого считал сверх оригинальным животным.

– Посмотрите, сколько преданности во взгляде этого благороднейшего пса, – говорил Аматео, поднимая Горация над головой. – Он самый чудесный из всех живых существ, которых я когда-либо видел. Гораций, дай я пожму твою лапу.

Далее последовало представление, повествующее о том, как началась дружба Аматео и Горация. Александр, самый близкий из друзей Аматео, пригласил всех гостей пройти в сад, где находился большой бассейн с прозрачной водой.

Когда гости расположились в специально поставленных вокруг бассейна креслицах, Аматео объявил:

– Гораций спас мне жизнь! Если бы не это благородное создание, меня бы не было сейчас здесь с вами. Сейчас, дорогие дамы и господа, вы своими глазами увидите, как это было!

Аматео спрыгнул в воду и прикинулся тонущим. Для большего эффекта в бассейн была опущена акула-робот, очень уж похожая на натуральную. Утопающий стал громко кричать, взывая к Горацию, и бить по воде руками, а акула медленно начала кружиться вокруг жертвы. Пес, видя, что другу плохо, стал отчаянно вырываться из рук держащего его помощника. Разворачивавшиеся события громко комментировал Александр. Гости затаив дыхание ждали. Наконец, Аматео перестал бултыхаться и пошел ко дну. В это время помощник слегка ослабил хватку, и Гораций вырвался из плена и бросился к бассейну. Не обращая внимания на хищницу, он нырнул и, схватив друга за ворот рубашки, легко потащил к борту бассейна. Здесь их поджидали спасатели, которые вытащили Аматео из воды.

– Взгляните на настоящего героя! – воскликнул вновь спасенный Аматео: в руках у него был довольный и счастливый Гораций.

Гости зааплодировали и стали по очереди гладить собаку.

– Герой! Ура Горацию! Он чудо! – галдели все наперебой, и Гораций им махал хвостом. Он не привык к подобному вниманию. В этой толпе своенравных людей ему было неуютно и боязно. Аматео и большинство его друзей относились к высшему сословию общества, они все были баловнями судьбы. Самым, пожалуй, богатым и взбалмошным здесь был Аматео. Однако Гораций крепко любил его. Он был для него настоящим божеством! Гораций и впрямь спас Аматео, когда тот вывалился из своей яхты недалеко

от берега. Падая, молодой яхтсмен ударился головой и потерял сознание. Если бы не Гораций, спасатели не скоро бы отыскали Аматео. Пес с берега увидел, что человек тонет и бросился ему на помощь. Он с трудом нашел его под водой, а затем притащил к берегу, где их заметили спасатели.

С тех пор собака и человек стали лучшими друзьями. Аматео взял бездомного и одинокого Горация к себе в особняк.

Аматео было всего 23 года, он был молод и счастлив. Работать его не принуждали: отец, крупный предприниматель и хозяин огромной корпорации, был сторонником новомодной теории, согласно которой человек должен трудиться по своему собственному желанию, иначе труд станет для него наказанием. Аматео каждый месяц получал от отца большие суммы на различные расходы и ни о чем не заботился. После смерти матери Аматео решил жить отдельно от отца и переехал в особняк, принадлежавший когда-то его бабушке. В этом-то особняке и жили теперь Аматео и Гораций.

С новым другом Аматео стало веселее. Каждое утро они выходили на пробежку, потом принимали душ и шли завтракать. На кухне их ожидала еда, приготовленная роботом-поваром. До двух часов Аматео и Гораций играли в саду или ловили рыбу, которая водилась в их пруду. После двух часов Аматео ехал к своим друзьям и оставлял Горация на попечение слуги. С собой он не брал Горация, потому что тот боялся шумного города.

Друзья Аматео также были весьма состоятельными людьми. Александр имел свою собственную лабораторию и слыл изобретателем. Среди друзей Аматео следует назвать и его друга детства – Луция. Тот был беспечным и немного глуповатым, но хорошим приятелем. В отличие от подтянутых и высоких Аматео и Александра Луций был маленьким и круглым. Основным времяпровождением компании были компьютерные игры, катание на маленьких парусниках. Конечно, кататься на лодке можно и в виртуальном мире, но так как Аматео был сторонником здорового образа жизни, то друзья испытывали себя на прочность в реальной действительности. Помимо игр и плавания, компания развлекала себя еще и тем, что посещала различные выставки последних чудес техники. Все трое увлекались техническими изобретениями. Особенно Александр, он был фанатом роботов. Каждый день в его мозгу рождались новые проекты, но стоило ему только воплотить какой-либо проект в жизнь, его создания переставали ему быть интересными, и он охотно их раздаривал друзьям.

Однажды Александр подарил Аматео электронную собаку, которая была очень похожа на живую. У нее была мягкая шерстка, влажный носик, хвост; она могла лаять, рыть землю и даже играть в мяч. Однако игрушка имела один важный недостаток: глаза ее излучали холодный мерцающий свет, они были черными, безжизненными.

Аматео был в неописуемом восторге от подарка, особенно тогда, когда узнал, что эта собачка умеет не только тявкать, но и бегать по потолку, словно по земле. Он назвал пса Цербером и всюду возил его с собой. Александр заложил в мозг собаки бесконечную любовь к хозяину и неиссякаемую радость.

Поначалу Гораций не придавал значения появлению другой собаки. У Аматео было много вещей подобного рода; его дом обслуживало более двадцати роботов. Но в скором времени Гораций стал понимать, что Цербер полностью заменил его. Аматео больше не просит Горация принести ему доску для серфинга, не зовет на утреннюю пробежку, не пожимает лапу, не играет с ним в мяч. Все это мог сделать легко Цербер.

Со временем Аматео стал все сильнее отдаляться от Горация. Окружающие то и дело твердили, что Цербер само совершенство, а Гораций всего лишь навсего обыкновенный пес.

Между тем приближалось лето. И в конце мая Аматео с друзьями собрались переезжать в загородный дом, к морю. Там же они планировали отпраздновать день рождения Аматео. время будет замечательное: солнечные пляжи и теплое море. Что может быть чудеснее!

Гораций тоже надеялся, что хозяин обратит на него внимание, что он и Аматео будет играть в мяч на пляже. А рано утром можно пойти в тропический лес: выслеживать зверя. Гораций будет отменным охотником, и Аматео обязательно забудет о механической собаке.

В конце мая вся компания дружненько перебралась к морю. На берегу моря располагалось около сотни двухэтажных домов, полных прохлады. Сюда каждое лето съезжались богатые люди, чтобы отдохнуть от суеты мира и работы.

Окна в доме Аматео смотрели прямо на море. В небольшом саду росли пальмы и другие экзотические растения, из них были опасными, так как Аматео очень любил все необыкновенное. Всех гостей заранее предупредили об этом, дабы никому не откусило голову какое-нибудь хищное растение.

В доме Аматео поселился Александр и еще несколько его новых приятелей, среди которых были весьма известные люди. Приятели Аматео приходили и уходили, сменяя друг друга так быстро, что Го-

раций не успевал к ним привыкать. Аматео не любил поддерживать связи с новыми знакомыми, если не они не были оригинальными и интересными людьми.

Друзья зажили очень весело. Вечеринки пирушки на пляже, походы в лес – все это нескончаемой чередой повторялось изо дня в день.

Между тем совершенно заброшенный Гораций изнывал от тоски. Он потерял аппетит и вообще какой-либо интерес к жизни.

Хандру Горация заметил его новый приятель – старый, беспечный кот по имени Антоний, который жил по соседству и иногда забегал поболтать.

– Да не кисни ты, – утешал его Антоний, – твой Аматео глупый мальчишка. Скоро ему надоест эта игрушка и он вспомнит о тебе.

– Не вспомнит, – кротко отозвался Гораций, – Александр готовит ему новый подарок на день рождения.

– Какой подарок? Кота, набитого железяками?

– Нет, коня-робота.

– Даже если и так, – не унимался Антоний, – забудь про Аматео. Мы, животные, не нужны людям. У них есть их железяки. Они сами такие же бездушные и бесчувственные! Встрепенись и будь счастлив.

Гораций молча слышал. Его сердце ныло.

Наступил день, когда родился Аматео. Готовился праздник, который планировалось провести в доме Луция. Его вилла находилась на краю леса. Выбрали это место, потому что друзья хотели устроить романтическую прогулку на джипах в глубь тропиков.

В этот день было особенно сухо, но к вечеру воздух стал необычайно свеж.

Торжественно было назначено на семь, но до вечера было пока далеко и Аматео с Александром затеяли какую-то возню с Цербером: они поочередно бросали электронному псу пустые миски из-под пирогов, а Цербер ловко подпрыгивал и ловил их на лету.

В это время на площадке появился Гораций. Он думал, что хозяин возьмет его с собой в лес. Тут Аматео остановился и недоуменно посмотрел на Горация. Его взгляд будто говорил: «Ты все еще здесь?»

–…Гораций, тебе лучше остаться дома, – немного погодя сказал он, – тебе будет неинтересно с нами.

В половине седьмого Аматео со всей компанией вышел на улицу. Послышался звук моторов. Они уехали.

Небо на горизонте потемнело. На пляжный городок налетел прохладный влажный ветер. Природа свободно вздохнула и оживилась.

Долгое время Гораций неподвижно сидел в гостиной. С той минуты, как уехал Аматео, он не тронулся с места. Он пытался понять, почему его друг стал так холодно к нему относиться. Ведь Гораций был так предан, он отдавал Аматео всю свою любовь.

Вдруг Гораций сорвался с места и выбежал на улицу. Он знает, где живет Луций. Пес решил во что бы то не стало вернуть любовь Аматео.

На пляже никого не было. Солнце приблизилось к горизонту. Дул сильный порывистый ветер.

Чуть живой от усталости Гораций примчался к дому Луция.

Сквозь стеклянные двери, которые вели в сад, он увидел, как веселятся люди, как радостно среди них прыгает Цербер, и как все одобряют его трюки.

– Аматео! – завыл Гораций, но никто его не услышал: громкая музыка и смех заглушили его вой.

Пока Гораций добирался к Луцию, небо заволокло тучами. Начиналась гроза. Вдруг хлынул проливной дождь, но Гораций не уходил, он продолжал лаять, скулить и скрестись в дверь.

Между тем гроза не прекращалась, но становилась все сильнее. Гораций потерял голос. Теперь он только сидел на дороге у входа в виллу и смотрел в дверь, не обращая внимания на поток воды, который несся в нескольких метрах от него.

Из-за грозы, которая пробушевала всю ночь, гости остались ночевать у Луция. Утром опять светило солнышко. С моря дул освежающий ветерок. Природа блаженствовала.

В полдень, выйдя из ворот дома, Аматео увидел маленький грязный комочек шерсти. Аматео подошел поближе: это был Гораций. «Бедный Гораций!». Пес едва дышал. Аматео с удивлением смотрел на него, вдруг его осенило: « Гораций – друг, а я…». Он прижал к себе это маленькое существо и стал просить прощения.

На улицу вышли Александр и Луций, за ними выбежал Цербер, который весело гавкал.

– Александр, я предал своего маленького Горация! – разрыдался Аматео. Слезы текли по его щекам. – Гораций погиб из-за меня. Он вовсе не был обыкновенным псом…

Александр и Луций растерянно смотрели, как Аматео прижал к груди мертвую собаку, и не знали, чем помочь другу.

Неожиданно Гораций пошевелился и открыл глаза. Закричав от радости, Аматео стал целовать перепачканную мордочку друга.

– Гораций! Дружок! – приговаривал Аматео – Прости меня! Прости! Я не достоин твоей любви…

Аматео плакал. Чувство радости переполняло его.

– Гораций, сможешь ли ты меня простить? – не переставал повторять Аматео. Когда он взглянул в глаза Горация, он понял, что маленький друг простил его.

Гораций слабо лизнул щеку Аматео. В этот момент он был счастливее всех собак на свете.

Цербера в скором времени перепрограммировали и продали. А Гораций и Аматео с того дня не расставались; они вернулись в свой особняк и зажили так, как всегда мечтал Гораций.

ВЕЧЕРОМ

Из темноты зимне-вечернего неба появились белые пушистые снежинки и, медленно кружась, падали на землю.

Город, в котором жили Алена и Настя, был украшен сверкающими гирляндами и нарядными елками. По улицам бегали суетящиеся люди и с шумом носились автомобили. Народ готовился к празднику. И лишь в парке, где гуляли девочки, стояла полная тишина.

– Правда, вечер кажется волшебным? – спросила Настя старшую сестру. Она запрокинула голову назад и ловила ртом снежинки.

– Да, – ответила девятнадцатилетняя девушка. Ее спокойный, но грустный взгляд был направлен в темное беззвездное небо.

– Жаль, что Дед Мороз – это только выдумка, – с детской непосредственностью проговорила Настенька. Ей было 12 лет, но во многом она смотрела на жизнь по-взрослому. – Он дарил бы всем подарки. И нам с тобой тоже. Он никого не забыл бы. Больше всего я сейчас мечтаю о мобильном телефоне и большом мягком медвежонке.

Алена вздохнула. Она очень жалела о том, что не смогла купить сестренке хотя бы игрушку. Еще она жалела о том, что новый год они опять встретят вдвоем.

В этот вечер у старшей сестры было тяжело на душе. Домой возвращаться не хотелось – мать снова ушла в запой. Отца у девочек не было. Алена училась в университете, но жила дома, так как не хотела оставлять сестренку одну с матерью. Настенька, училась в школе и притом на одни пятерки, так же как и Алена. Девочки долго гуляли в парке. Утомившись, Настя предложила присесть на запорошенную скамью под старой березой.

– Алена, а по-твоему Бог существует? – Настенька внимательно посмотрела на сестру. Ей с детства было некомфортно в этой жизни; она почти всегда чувствовала себя обделенной. Может быть, это потому, что у нее не было отца. Настенька хотела верить, что существует какая-то высшая сила, которая когда-нибудь изменит ее невеселую жизнь.

– Существует закон справедливости, – немного погодя ответила Алена. – Этот закон общий для всех.

– Да, справедливость всегда торжествует, – задумчиво произнесла Настенька.

Сестры сидели молча и глядели на небо.

– Ой! – вдруг воскликнула Настенька. – Это же сотовый телефон!

Рядом с девочками на скамье лежал забытый кем-то мобильник. Он был запорошен снегом, поэтому сестры не заметили его сразу.

– Именно такой, о каком я мечтала! – Настенька прыгнула от восторга.

– Кто-то забыл его, – Алена огляделась по сторонам в надежде, что хозяин где-то недалеко. Но в парке не было ни души.

– Ну и дурак! – Настя не могла поверить своему счастью. – Какая удача!

– Мы должны вернуть его, – Алена с беспокойством посмотрела на сестру.

– Но почему? – Настенька прижала телефон к себе. – Никому мы ничего не должны.

– Нет, Настенька, милая, – Алене было жаль сестренку. – Извини… Мы не можем оставить его себе. Мы должны его вернуть. Помнишь, как мы с тобой говорили, что всегда нужно поступать правильно. Вспомни про закон справедливости. Зло, так же как и добро, всегда возвращается к тому, кто его совершил.

– Но…

– Попробуй поставить себя на место того человека, который потерял телефон, – уговаривала Алена. Ей хотелось, чтобы Настенька сама осознала, что нельзя присваивать чужую вещь.

После минутной внутренней борьбы Настенька грустно сказала:

– Хорошо.

– Настенька… – Алена прижала сестренку к себе, радуясь ее благоразумию. Она видела, как нелегко ей далось это решение.

Тут на телефоне засветился цветной дисплей и заиграла красивая рождественская мелодия.

– Алло, – ответила Алена. Она немного нервничала.

– Будьте добры, дайте мне Алину, – попросил приятный мужской голос.

– Ее нет рядом, – взволнованным голосом сказала Алена. – Дело в том, что она оставила телефон в парке, на скамейке, а мы его нашли.

– Оставила в парке? – кажется, парень не понимал, о чем говорит Алена.

– А вы скажите мне, где я могу ее найти вернуть телефон. Мне чужие вещи не нужны.

Молодой человек подумал немного и предложил Алене прийти на городской каток. Выяснилось, что это был старший брат Алины.

На ледовом катке собралось много народу. Здесь царило бесконечное веселье. Посреди ледового поля стояла огромная елка, настоящая королева бала. Недалеко, в киосках, продавались горячие сосиски и пирожки; по округе распространялся приятный аромат. Раскрасневшиеся дети и взрослые носились на коньках по кругу, оставляя на льду белые полосы. Слышался смех. В соседнем ресторанчике играла классическая музыка, перекрываемая современными ломаными ритмами.

Среди снующих туда-сюда людей Алена попыталась разглядеть двух парней в пуховиках и на коньках серебристого цвета. Брат Алины сказал, что у него на руках будет большой розовый медвежонок. «Наверно, это медвежонок Алины», – подумала Алена.

Наконец девочки заметили в толпе розовую игрушку, которую держал в руках очень симпатичный юноша. Рядом с ним стоял еще один, но чуть ниже ростом. Брат Алины был в белом пуховике и, как показалось Алене, был весьма хорошо одет.

Молодые люди находились в центре катка, возле елки, и о чем-то оживленно разговаривали. Видимо, Алену не ждали так скоро. Чтобы добраться до них, Алене пришлось ступить на лед. Скользя и рискуя упасть в любую минуту, направилась прямо к зеленой королевне, сияющей огнями.

Неожиданно Алена столкнулась с одним из катающихся. Она упала и ударилась об лед так сильно, что у нее помутнело в глазах. Чуть не плача от обиды и досады, девушка стала подниматься. Кто-то из окружающих смеялся, а кто-то просто не замечал ее. Алена с опаской посмотрела на то место, где находился брат Алины. Как бы он не увидел ее позора. Но он исчез из виду.

– Разрешите вам помочь, – услышала Алена над ухом. Это был брат Алины. Он все видел и тут же бросился к бедной девушке, чтобы помочь ей встать.

– Вы не ушиблись? – участливо спросил он. Алена не отвечала. Она не могла поверить, что это происходит с ней.

– Давайте, я помогу вам добраться до того места, где вы прочнее будете стоять на земле, – предложил брат Алины.

Он взял Алену под руку, и они вместе заскользили по льду. За бортиком катка их поджидала Настенька.

Проводив Алену, парень собрался было уйти, но Алена вдруг, неожиданно для себя, схватила его за руку.

– Подождите! Минуточку… – Пролепетала она бессвязно. – Вы брат Алины?

– Да, а вы, наверно, Алена? – догадался парень. – Приятно познакомиться с самым честным человеком на планете. Меня зовут Виктор.

– Алена, – девушка слабо пожала протянутую руку. Опомнившись, Алена представила Виктору свою сестренку.

– Вот, это ваше, – Алена отдала телефон. – Больше не теряйте, – зачем-то прибавила она.

Затем девушка повернулась, чтобы уйти, но на этот раз Виктор остановил ее.

– Погодите, – попросил он. – Я познакомлю вас с моей сестрой. Она будет рада встрече с вами.

– Велимир! – послышалось рядом. К ним приближалась яркая девушка в короткой шубке и в черной юбочке. Алина тоже была на коньках. Рядом с ней семенил пинчер с двумя медалями на ошейнике.

– Велимир! Вот ты где. Ты не представляешь, что произошло! Я обнаружила, что потеряла сотовый. Не знаю где и не знаю когда. Какой ужас! – девушка едва сдерживала слезы. Ее пышные русые волосы

красиво ниспадали на плечи. Брат и сестра были очень похожи, оба голубоглазые, высокие, стройные, у обоих по-особенному блестели глаза.

– Ну тише ты, растеряша моя, – рассмеялся Велимир. – Нашелся твой сотовый.

– Неужели я потеряла его на катке? – изумилась Алина. – Но я же только пришла.

– Ты оставила его в парке, но тебе повезло: твой телефон нашли самые честные люди на свете. Знакомься, это Алена и ее сестра Настя. Они нашли меня и вернули твой мобильник.

– Ой, спасибо, девочки! – Алина пожала сестрам руки. – Огромное вам спасибо!

– Не за что, – скромно ответила Алена.

– А давайте все вчетвером пойдем в кафе! – предложила Алина.

Она была весьма непосредственной девушкой. – Пожалуйста, пойдемте.

– Правда, пойдемте, – Виктор посмотрел на Алену и ее сестренку. Под напором его ясных и чистых глаз Алена согласилась.

– Ура! – хором закричали Настенька и Алина.

– Зевс! – Алина позвала пса. – Мы идем в кафе.

– Какой у вас очаровательный питомец, – Настенька погладила пёсика по головке.

– Он не просто питомец, он часть нашей семьи, – сказала Алина. – Мы все его любим.

– А у вас есть еще домашние животные? – спрашивала Настенька. Весело болтая, девочки ушли вперед, оставив Алену и Виктора.

– А почем, если не секрет, она назвала вас Велимиром? – спросила Алена. Она стала чувствовать себя свободнее.

– Велимиром меня называет моя бабушка, – улыбнувшись, ответил Виктор. – Ты наверно слышала о Велимире Хлебникове? Моя бабушка обожает его творчество. В честь этого поэта она и стала называть меня так. Вслед за бабушкой меня стали называть Велимиром все мои друзья.

Новые знакомые продолжали тихо беседовать, не замечая того, что Алина и Настенька давно уже скрылись из виду. С неба продолжал падать пушистый мягкий снег, возникая из глубокой темноты.

ЧЕЙМЕТОВ ПАНТЕЛЕЙМОН КИРИЛЛОВИЧ (ЕВРИН ПАНТЕЛЕЙ)

Чейметов Пантелеймон Кириллович (Еврин Пантелей) (1913–1947) – автор первого произведения в мансийской литературе. Учился в Березовской совпартшколе, затем в техникуме при Институте народов Севера и в Институте народов Севера в Ленинграде (1932–1941 гг.). Участвовал в экспедициях по Кондинскому району.

В 1940 г. в Ленинграде вышла его книга на мансийском языке «Два охотника». В 1941 г. призван в Советскую Армию, служил в 63-й бригаде морской пехоты Северного флота. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Ленинграда».

ВӦРЫЯП ХУМЫЙ

1

Сентябрь ёӈхуп мылах ёмтум порат тӯйт пятыс. Тит тӯйтныл вӧрыяп, хӯл кисп хумыт рохтысыт. Кӑсын хум номсыс: тӯйт ӑлпыл пятыс, молях ёл толый. Тӯйт толнэ ийпӑлт сӑв вить ёмты. Тӧныл вӧр ялнэ мос, хӯл киснэ мос лю̈ль ёмты.

Тӧв ӛлмхӧласыт номсасыт, тӯйт ийпӑлт рякых пымти: сэмыл тулт йӣвт нумпӑлт ляксыт.

Тӑн номсаманыл хольт ат ёмтыс. Сэмыл тосум тулт, актон ых тольхныл, лӑсял ӛл-нёрамласыт. Тӑн ийполянт тӧрум кёлияс.

Тӧныл ёмас хӧталыт ёмтсыт. Тамле хӧталыт сӑв сӑв тӑл ат ӧлыйлӑлсыт. Вӧрыяп хумит, хӯл кисп хумит сявтсыт. Кӑсыӈ ӛлмхӧлсмавылт исум сявт ӧлыс. Кӑсыӈ хум асинтахтыс, тав хӯл киснэ мыт, вӧръялнэ мыт тарвай асьсилтях ат пымтый, сӑв хӧнтий.

Октябрь ёӈхуп сис тавт ӧлыс. Ак ньыр, ак йӣв тов ат нёвыс. Тӧрум атыр, посыӈ; тӧв порат тӯйтын сэмыл тулт тавлӑлсыт, молях ӛла миныглӑлсыт, тувыл хот-холыглӑлсыт.

Холтовыр, ӑлпыл, исум хӧтал ниелнэ ӛлипӑлт, пӑвыл нуми-пӑлт сёркымыт, ятрыт (польтыт) тайлыйтӑлсыт. Товхарыт тӑн халанныл пӑвыл вӑтит ёл-ӧлмиялсыт, кялт пӧхат туньсим йӣвтын исъялӑлсыт. Висьхарт, тӑнаныл коасилим, пискыныт ньырымтӑлсыт, ляксӑлсаныл, тувыл алиглӑлсаныл.

Ак тамле ёмас хӧтал кит хумый вӧрн мынысэй. Ак мӑньсь хум, тав Тырпимий лӑввес, тавнат хотпын тӑл ӧлыс. Тав кит висьхар иньсыс. Пувят, висьнэвят колхоз вӑрум пораныл тот асьсилта. Тав тяк колхозн нинат тувый, тав ат ханьсистэ, оатым нукоарых колхозн тувый, хос тит мос пувят, висьнэвят, тӧв парат колхозт ӧлых ньырнэ матумэкят и мот хумыт тавнат сӑв лӑттыйлӑлсыт. Тырпим танат пярий лӑттыйлыс: тав мятымый ёмтыс, асьсялтаномлят итим, ань тав акытяк морсь ӧлый, тоныл и сюкырлян пора ёхти.

Семьятэ, колхозникыт льыхылт тарвай ат хультсыт. Пувят льыхыт латтум пора Тырпим хӧнтлӑлыс. Тит льыхыт тавнат ӛлаль ӧлнэ сунстасыт. Тав вытихал колхозный собраньятн ялантас. Тот тавнат акв тамле лёӈх мянтыл мыннэ мос лӑттыйлӑлсыт. Колхозникыт акъёт юртыӈыс асьсилтан. Тиин тав колхозн тувых хартвес. Колхоз тавян ань нётых пымтыс; пумыл, йӣвыл ыльялавес, вӧр ялнэ кялятн висьньылыл, торыл, холыл тоттыйлӑлвес.

Тиил тав номсахтых пымтыс. Ань тав колхозный ӧлупсан, единоличный ӧлупсан сунсым, тый-тов номсыс.

Тав сӧв лю̈ль вырвт йньсис. Тит вырыт тавнан колхозн тувых кярьялӑлсыт. Тав тӧрумн, нӓйтн морыс. Вытихал русит нупыл осьялыс, тав номсыс, мӑньсит тӑрвитиӈыг ӧлнэн мос русит виноватый ӧлсыт. Хӧн ӧлме порат Тырпим тавэ рэтэтолим русь выта хумыт ёт сирыйтахтыс. Русит мӑньси пывылн колых ат таратӑлсанэ. Тав лӑттыйлолыс: русит-мӑньси ӛлмхӧласытм рэтэтольяныл.

Тырпим ёт русь хум-Васьлей вӧрн мыныс. Тит Васьлей висьхарый ӧлмят порат нуса тётятныл, сюкятныл пярий хультыс, тоныл нуса акят палт нук-яныймыс. Тит акекят нуса ӛлмхӧласыт пояныл хот-пасых вӧвнэ мос, тормыт товтыт товнэн мос сав пор тюрьмат вынлыс. Васьлей ӧлме пӑвылят колхоз вӑрум порат колхозн тувыс, нила тӑл тот асьсилтас. Элол ӛкят ёл-сюкырлыс, тувыл тав мӑньсь висьнэ ӛкий вис, Русь пӑвылныл, хося маныл, мӑньсь пӑвылн ӧлых ёхтыс; элолэй вӧрн мыныс. Тав Тырпимме люлий ханьсистэ.

Тэн ак янитый, льыхыл латтим ёмсэй, ак хойтыл пись похый пятыйлям ялсэй. Тэн акят намтыл ись-сэй: Тырпим-Сорп, Васьлей-выяньсих.

Элолт тэн вор лёӈх мянтыл ёмсэй, тоныл кян-ёхсэй, тавттэмн, хот сусыт лыйлолат. Тэн йипс тяхлын вор тара мынысэй. Тит вор кывырт торум сяра келей. Тырпим элт ёмыс, Васьлей-тав ийполэт. Тов порат тэн ёл-туньсьполсэй, элаль ампэн суй хонтлалсэй. Ампэн суйт ат суйтсыт. Морсь туньсим, тэн ус элаль ёмасалсэй.

Тох тэн хотал пяльт ёмсэй. Ампэн ат устын, хотал вых, тэн ат ханьсистэн. Туйт атим олс, ампыт лёнхэн ат хосьхтат.

Аквмат порат Тырпим ёл-туньсьпыс. Васьлей урстэ, латтыс:

– Нэй, соттал хум осын. Нэй мосын менк атиняр ат хонтыйме.

– Хумыль ам мосым?

Сот ат иньсян. Ак сурвый усмен, тонпыл хот тыйламлас, ёл-алномлямын атим олс. Нысын менк вор ялп хумый? Сем менкамен тыхтых, ёл-хылах арий кинэ ёмты, тоньсьт тарвай нянь тэх ат пымтыйме.

Васьлей осьтыс, пярий атиняр ат латтыс: тав ат ханьсистэ, Тырпим мяинти. Васьлей морсь туньсис, китыйлыс:

–Нэй номсан, тан хотта хортат?

– Тарвай хайтыйтях ат пымтат, – Тырпим пярий латтыс, тоныл элаль ёмасыс.

Юртхумый ласял ёмсэй. Тэн льыхыл суён ост морсий ёмтыйлыс.

Тырпим элт ёмыс, Васьлей-ийволт.

Тав, ёл-хультых пымтыс, ортыс. Тырпимн атиняр ат латтыс. Хуи Васьлей луп тармын туньсьпоалыс, тав мянтылэ мынх ньырс, тав пись похый, аман сиспярий пятыйлыс. Емх тавнан тарвитиный ёмтыс. Тав номтэтыл хорхатас, тэн тарвай ёма, атиняр ат хонта.

Тырпим тов порат ёл-туньсьпоалыс, Васьлей нупыл ёӈхим, тавэ выхнитастэ. Васьлей ус арий осьялас.

Ить поалый пятыс. Ласял лякум хотал хосян эла-минас тот, атыр торум яный вор ивыт ёт акян хансыт, тав олхот холыйлыс. Тоныл торумт совыт сав сир посыл пеламласыт.

Йипсый ёмтыс. Элаль мынноамыл атим. Ёӈхуп ныйлыс, тав посэ яный йывыт тованэ тара ат таратыяныл. Тяхла, руп хумый элаль ат таратияныл. Оссья нёрсит, хыльйив ньырыт, катныл эл-оймятум, серъыйтал тэн нёлсамэн вохсаныл. Элаль мынноамыл атим олс. Тырпим ёл ат олмиялыс; тав лыня менэ ёхттатыхномсыс. Васьлей сака ортыс. Элаль мынноамлят атим. Тырпим ёмнэ суил ёмыс.

Тырпим, юиовылт, касиластэ: юртэ сака ортыс. Ёл-олмыях номсин, тосам йив кинсых пымтыс. Ховт хонтыс, ёл-олмыяс. Васьлей тав похытэн ёхтме порат, тав китапастэ:

– Хуйх олмыйме?

– Ам номсам.

– Ортысын?

– Ортысум ат ортысум, йипс тормут ёмх тарвитин. Атиняр ат келий, ньырт польсыт, нюврый, вованэй йимтсыт. Нёлсам алий хоят ке, акын сам вить ныйлапый, асолум рысх пятан. Сопыр алий салахатан, ак сятпыл палий мяныйтияныл. Тяхла, руп, йипс, ёмых сака тарвитин… Чёртнэ пыл ат хасьве, хумыль оатум вор ялый?

– Сой, вор яхл кинэ оатим. Тит, номсан тэпкян мянтыл ялых.

– Тэпкян актох тарвай ат мыктый, – Васьлей латтыс.

– Ам ханьсийнум. Тэпкян йин. Холтовыр нук-квалан, ёл-хартыйнын, тэн, аен, тоныл капрын тармын хуяпан. Ворт мотын. Ялан, ялан, ампхольт ёл-ортан, капрын атим, капрын местан пилилахтуп ховт товыт… Те, нынын хот лэвтэн! Товт воарыйме, тыт хуийме!

Тэн сэмыл вор тяхла кывыр хуих олмыясэй. Тосум ховт ёл-савырсэй, товт воарсэй, сяй айсэй, хуйнэ мы кярстысэй, ёл-хуясэй.

Хотылэн тарвай мылыс. Тэн тарвай мылыс. Тэн атиняр ат алсэй. Васьлей ампэн мос номысыс, тан тав сайтэтныл эл ат ялсыт.

Тав номсыс: «Ампыт юв мынысыт ке, мён похамён ат ёхтат. Морсь хуим ийпалт, Васьлей Тырпим нупыл ёӈхыс, китыйлыс:

– Ампыт хумыль хося атимыт?

– А мат хасьям. Хосян выйтахтыст, тонт атимыт, акмясьт ёхтат.

– Тан хумыль меӈкамын хотьяныл?

– Хумыль? Кинсых пымтъяныл, хонтъяныл. Ат хонтъяныл ке, юв хайтан.

– Меӈк нысняр вōарых пымтыйме?

– Кялн мыныйме, тот хуих пымтыйме, нāнь тэх.

Васьлей Тырпим льынхыт номтый ат пятсыт, тав номсыс: «Тырпим вōраянэ мос кялт хуйх йис».

Васьлей морсь суйтāл хуяс, сыплувят выхрыстэ, тоныл Тырпимн лāттыс:

– Ань целевой снабжения!

– Ас товыл! Так целевое снабжение. Амнан ась āтим.

Мēӈк нāнь тарвай тэх пымтыймēн? Юв тыйнямēн, тōныл ныснэр тэх?

– Хӯл, нӗвыль!

– Нӗвыль? Тавэ кинсых коарх.

– Хōнтыйме!

– Мēӈк нāньтāл, āмпыттāл нысняр хōнтыйме. Кинс āтим, охся ат ēмты. Охсятāл нāнь ат ёвтых, тарвай ат мыйт… Атиняр ат хōнтан ке, туспяӈкян нормянн пынэн.

– Тоӈк хуйт, морсь вōньсяхтат.

– Тāн воньсяхтых пымтат, тит мос кяхрын юв-хартаве.

– Нэй нысняр туспяӈкян ыхсьыртальен, – Тырпим симынсь лāттыс, – ам мяинтям лāттам, нэй выхнитахтан…

– Наӈк пымтсын…

– Тōвлий, – елпиляй ёл-хуим, Тырпим лāттыс, – хуйх коарх. Хольт квалыймēн, Тимка ӯтмыльтн мыныйме, тот суст ōлыйлоалат.

– Āмпыт āтимыт! Тантоалян мēӈк актон лōйлыйтāл хультсамен. Янын, выл ялын, – тарвай.

Āмпыттал мыныйме. Нэй āмпыт мēстэн ēмтан, ам пискын выюм. Нэй хортых пымтан, ам алисьлах.

Васьлей осьтыс, нук-āлымхатыс, Тырпим нупыл сунсыс, симыньсь лāттыс:

– Нэй туспяӈкян ыхсьыртальен, арий атиняр!

– Ат, ат.

– Хумыль ат? Ам сой лōттам, нэй хуян, мяиньтян.

– Ам нāлмын тāл вōрт ялам. Амкыт ханьсийнум, нысняр хумль вōарх коарых. Нэй атиняр ат ханьсян, асолын. Хуин! Нэй хуйнын мянтыл āмпыт ёхтат.

– Товыл тан меӈкамēн хонтъяныл?

Тырпим, мяинтям, Васьлей нупыл сунсыс, лāттыс:

– Ас нэй хумыль номсан?

Васьлей пярий лāттыс:

– Нэй нāлмын тāл вōръялан, ам элолэй вōр кӣвырт нытъив пōхат хуям. Ам номсам, тāн меӈкамēн ат хōнтъяныл.

– Нэй номсан, тан хайтийтат, кисъяныл… Хуйх коарх. Хуйх пымтыйме!

Тырпим товт нупыл сысый ӗӈхыс, суйтāл пятыс.

Икятильн вытимлыс. Йти сир харыйлыс. Совт сӯрнил постыйласыт. Тāн халант яный ӗӈхып лāсял лякыс. Йӣвтныл исхорыт хумыйн пятыйлысыт.

Тырпим хуяс. Васьлей ус хося ӯлымтāл ӗӈхсыс. Тав āмпэн мос номсыс. Тит мос тох хося ёл-ойномлят атиим ōлс. Тав ат холыстэ….. āмпэн ёхтыс.

2

Постых пымтыс. Яный посын ӗӈхуп яный вōр йӣвт кӣвырт хот-холыйлыс. Тырпим нук-коалыс, сāй пāйтыс, пискынят лисьтыс, āмпэн тыхтсэн. Васьлей нук-кисьтāл хуяс. Тырпим ханьсистэ: Васьлей сака ортыс. Тит-мос тавэ ат кинсилтастэ. Хун, ийōвылт, посынэй ēмтыс. Тырпим пōхан сāй айных вынтыс. Васьлей кēр яный оанят сāйл āмартастэ, лāттых сотахтыс:

– Нысыняр ōлмхōласн ат ӯлмияхтый!

– Нысыняр нэйнян ӯлмияхтыс?

– Сох сям-хуйсям. Ак ӯлмын ханьсийнум, пилсьман ӯлум.

– Нынсн тамле ӯлум?

– Нэй ийпалынт ам хося ат ойвēсум. Тōныл оялмятвēсум, ӯлмиям: воранк лув пувсум. Ёмас лув! Йинт хōйтыл ивол лāйла тальхыт ӗӈхый. Ōла-мяныйтахты. Ōлолт ӯрснум. Хӯнт тав āнум выйтоалых пымтастэ, ам ōл-тāратаснум.

– Тав хоталь мынас?

Ӣл-тӑратанум ийпӑлт, тав ӑнум тяк ёлпоалятн кянсыстэ, лӑйлатыл нёкых ноктыстэ. Ам хот-рохтасум, ӣл-хӑйтномлум, нысняр воарх ньырый, тон воаре.

– Лувын хоталь хӑйтыс?

– Ат-ханьсийнум, актон олхыннӯрн ёл-пуввес.

– Нэй атиняртӑл хультсын?

– Амнан атинӯр ат коарых, ам лилин хультсум.

– Аин-аин, мыных коарх!

– Ӑмпыт товыл ёхтсыт?

– Хот-рохтум пятьинт ӑмпэн ат выен? Сох ёхтсыт. Таин пыл, мыныйме.

Тӣм посмян ийпӑлт, тӣн исым мыэнныл нук-квӑлсэй, ӣла-мынысэй. Тӣн лӑсял ӗмсэй, кялян мос 6-7 оял хультыс. Яный тяхлан вӧр кӣвырныл тӣн тӑра товтэмн ёхтсэй. Тит яный хыльт, хыпйивыт, хӧвтыт тит тот тусьсыт. Хосян кӗлыс. Тамле мат сусыт эра олыйлоалат. Тырпим титм ханьсистэ. Тав ёл-туньсьпыс, Васьлей нупыл ёӈхыс, лӑсял лӑттыс:

– Хунтлын, аньтэ хорымтат.

Сой, ӑмпыт хорымтасыт. Тырпим ӑмп суй нупыл ӑӈкытыс, нёлсямытэт мяиньть кӗлапыс.

– Сус калтсыт, холыйнын?

Ӑмпыт суй ус кит, хӯрым пор суйтсыт, тоныл ёл-поссыт. Васьлей кӗнтят ӣл-мянымтастэ, актов хӯнтлях пымтыс. Тырпим олсынӯр лӑттых ньырс, сявтум пятьет оатиняр лӑттыйномлят ӑтим ӧлс. Тав питьмат мяиньть ныйлапас, лӑйла тырымтасэй, ак мыт тусьномлят ӑтим ӧлс.

Юртхуммытэныл льыхыл уртӑл, тав пискынят войнятныл ньырымтастэ, кӑт кӣвырн тяниртастэ.

Туньсин хылит халт мавнын хӑйтыйтапыт ныйлапасыт. Тӑн хумый нупыл хӑйтсыт. Ӭлт туньсин сус хӑйтыс, тав сӧрп ӧлыс. Пӑлый тохлуптахтум яный ыньтя хыльт халт ныилласье. Вовын хося лӑйла туньсиньсь нук-ӑлмыйлӑлсэн: хосян ӭлаль вахтантӑлсэн, товлын ӯй хольт тав хӑйтыс. Сусхатас, тав ать-сын вовын ёл ат ӯрве. Яный ыньтятыл, вовын мӑвлэттыл тав орсйив ост хыльпувт мыкянн хӯтылталсэн, соиллалсэн.

Тав ийполят сюк тумыль пувэ ёт хӑйтсэй. Тумыльпув, пяӈкят ӭл-няритэм, пяля пярий пыным, оссья, унка лӑйлатыл хӑйтим, сюкятныл ёл ат хультыйлыс.

Кит пӑл мянтыл ӑмпыт сӯмсыт. Тӑн ӭлт хӑйтум сусмы ӑртылӑлсаныл, ёл тусьтых ньырсаныл. Тӑн, актон хасьсяныл, сусыт хумый пӧхан тотсаныл.

Суст вытий, ост вытий вытимлӑлсыт. Пискыныл патымтан пяльтн нинат ёхтат. Тырпим Васьлей нупыл ӑӈкатыс, кӑсялыс, тав тяхтхатум туньси. Тырпим тав нупылэ равылахтыс, симынысь хырситас:

– Ёл-хуйин! Тит вӧӈхан! Пяӈкын нук-выл ӑлмен! Суйтӑл хуин!

Васьлей юртхумытэн хӯнтлыс: Пискынят тяк ёл поалят пыним. Ёл-хуяс. Тырпим яный хыль сисн тӯйтхатас. Тав ат вӑстэ, хумыль юртэт хуий. Тав номсыс: «Ӭлт хӑйтуп сусмы Васьлей тӑратыйнум, так алэт, амкыт иволт хӑйтнэ сюкме ёл-пататыйнум».

Суст хумый пӧхан вытимласыт. Тырпим тоасьнэ ӧлыс, Васьлей литал хуяс. Тырпим пискын нокят нук-тусьтыстэ, сюкн тяхтпахтыс, сӧрпмы тӑра-тӑратям, Васьлейн оилтас:

– Алэн!

– Аньтэ! – Васьлей пярий оилтас. Тав виньсьт касилахтыс, пискынят тяк ёлпоалят хуйий. Тав кос пискынят алий салахатыс, ань ёл-хультыс. Хун пяӈкят нук-ӑлмыястэ, каксилас: сус тав нуплэт тотыхатий. Хот рохтум пятькт, Васьлей нук-лякылтыс, оилтыс:

– Нэй хотал хӑйтан!

Сус Васьлеймы кӑсиластэ, мӧт пӑлн тэктыс.

Васьлей ус арий рохтыс. Рохтум пятьет, санспяӈк ёлпоаля ёл-хӯтымтахсэй, Васьлей письпӧхый пятыс. Тит порат Тырпим ус патытях оастыс, сус Васьлей пӧхан пятыс.

Васьлей нёвтӑл хуяс. Тырпим тав пӧхытэн ӗмыс, тав нуплэ сунсыс, китыйластэ:

– Лылыӈ ӧлан?

– Лылыӈ, – сяра суйтым, Васьлей пярий лӑттыс.

– Сусн нӯхвысын?

– Лӑйлум…

– Ӭрн, супый сӑимтавес?

– Ат ханьсийнум.

– Нук-коалын!

Васьлей сайрынэй лōтпыс. Тырпим нупыл āӈкытям, нук-āламухатыс. Тав осын, кēлпын нёлсамытят ань ак кēлп лōмт āтим ōлс. Тырпим тав нуплэт āӈкытāлыс, лāттыс:

– Хумыль ат патытаснын?

– Ат оастысум.

– Сусныл хот-рохтсын! Ас выяньсих коасилакын?

– Ат ханьсийным, ат усинтоалснум… Алсын?

– Китэй. Ань ньывылахтых пымтыймēн.

Вōрыяп хумый сусый пōхан иынысэй. Тырпим ӭлт, Васьлей ийвол. Сус пōхан ёхтим, Тырпим лāттыс:

– Пискыным, кēнтын сус тармын пынэн, наӈк ам воинпясим тусьпын.

Васьлей юртэт лāвум хольт воарыс. Тōнт Тырпим Васьлей нупыл ёӈхыс:

– Хōтал нупыл тōрым хосьин!

Тит льыӈхыт лāттум ийпалт тяк пēрна пувтых сотахтыс.

Васьлей мувылāлыс:

– Хус тāл тōрум ат хосьям.

– Хумыль ат хосьян? Хосьин! Ат пымтан ке, тōрум вōр выйхулыл ат мывын, хосьин!

– Там, хосьях ам ат пымтам. Нэй, Тырпим, актох выл хосьин!

– Хумыль? Ам кян-тэлмым ӯйыл хосьям, ань нэй ānум ат хосьях аркалийнын. Тох нэй, ӭрын, нāнь тэх ānум ат ӭлтыйнын. Хосьин! Хаськум монт, нэй ётлын вōрн ат мыннам. Нэй ань вōрт ōлан, хōталн, тōрумт хосьин!

Васьлей Тырпимн лāттыс:

– Хōталн, тōрумт, аман сэрынкян хосьин – кāсыӈ мат аквэйп, тōрум āтим. Тōрум ōлкят, тав нэй кялын кӣвырн ёхтный, лāттыный: «Тырпим, ам нэйнан тэх тотсум: выл асилтын!» Пупыт тōрум номылматсыт. Нэй выл осьялын, амнан морын, хōнтлын, ам нэйнан сой лāттам. Ам актоκ морсум, хосыйсум, тоныл ёл-поссум. Та порат амнан атхуйплув тāл ōлыс… Мāн пум воарсов: савырсов, осыйсов, россов, манмоӈк сявтсов, ӭсыйхатсов: сака ёмас пум воаров, сыл порый ēмты. Роттнэ сёхыл ёхтапыс, рякых ноктыс, ман тōрым хосыйсов, ёласаснув, тав выл ряке. Тыил атиняр ат ēмтыс. Ак хōтал рякий, китыт, хӯрмыт хōтал, сāт рякий, мāн пуманув весь сайсыт. Мāн пӯп палт мынасов. Тав хосъис, ӭръис, лыпыртыс, ōйт мянтыл ялыс. Тоныл тит мос тэнэхарыл, момыл, воил, нёвлил вис, юв-мынас. Тит йипалт ус пус сāт рякыс. Та пора там āкум мяиньтыс: «Хосьин, хосьин, тōрумн нётвēн, ӯрхатэн…». Тōн ийпāлт ам пēрна пыл ат путыйлāлсум, тōрум мос ат номсāлсум! Кēнтын вэян, пяӈкынн пынэн, иьывылахтых пымтыйме!

Тырпим хося суйтāл туньсис, тоныл, Васьлейн сунсум, лāттыс:

– Тамле льыхылт ам, Васьлей, сав пор холыйлāлсум. Ам ведь нялмын тāл вōр ялам, вōр вый-кул алсьлам. Пēрна путтāл ак выйхул алий ат пуктоалсум ... Тōрум та тав кос тōрум, амнан. Сой атинярыл ат нётыс. Ам пувым ак ток ат тāл ат хосъий ... Ам амкыт хот-ёрвылахтых пымтсум. Пясын пыйпалн вынтим, ам тов порат пēрна путых хот-ёрвылахтам… Ате, нъывалахтых пымтыйме.

Васьлей кясият сипыльныл кян-вистэ, лāттыс:

– Выттарий ат тāл ам посын тōрумт ōлсум тамле сōрп ат ӯсинтоалсум.

Тит льых холум, Тырпим весь кēлпят нёлсаматян ныйлапас, тав кēлпый хосрыс, сāврып мянымтас, Васьлей нупыл порвылас.

– Нысныр? Ам нэйнан сōрп сунстам! Нэй воарыях исын, ат мяиньтях!

Хот рохтум пятьет, Васьлей тял китэй сювн ӭл-порвылыс, тоныл тав лāттыс, тав хот-ёрвыластэ, Тырпим «сōрпый» намталаве. Тавэ пярий лāттум, Васьлей пярий ёмыс.

– Ус ак пор хōлыйнум ке, пяӈкын ӭл-сāврыйнум, – Тырпим лāттыс.

Ёл-сёпылтахтым ийпалт, юртхумый нёвлён ак мынэ атьсьлах пымтыстэн. Пāйтан нёвыль висэй. Тōныл хуих вōр кялн ёмасасэй.

Тох тэн китит хоталэн мылыс. Ити поалий пятыс. Тэн кялн ёхттахтсэй, йӣв савырсэй, сяй пайтысэй, сяй аим ийпалт, тэн нёвыль пайтях латтыхатсэй, асьсилтэн халанэнт палый выртыстэн: Тырпим нёвыль саврых пымтыс, Васьлей витн мынас, тоныл йӣв тотыс. Тырпим тавен ыв сисныл пут йӣв тотых лавыстэ. Ювле ёхтум, йӣв овлэт ротнэ нёвыль пут катыл туньсим Тырпим алий пилис. Тырпим рохтыс, путят коатныл кылькянн листэ, тяк молъя порвылас, сāврып ālий салахāлыс, Васьлей ийпāлт лайхатас. Васьлей тит рон кян-хāйтыс, кял сист хот-тӯйтхатас.

Тырпим пярий номсахтыс. Тав сāврыпят ӭл-пыныстэ, нёвлён атсэн, вить тотыс, путят сёвылн тайтыстэ.

Васьлей ак кярт кӣвырт кял сист туньсис. Асирма ōлыс, тав ёл-пемлавес, кялн мынх пилас. Нысняр воарых? Юв ак кярт кӣвырт ат хāйтан: хося мā. Ӯс кян хультых ат тяий: пōльтахтан. Арий оатиняр воарнэ ātим, Тырпим палт мынх коарых.

Тырпим тит рон ак ток Васьлей мос номсыс. Тав Васьлеймы сяръистэ, ас ӧлум ток рохтуптыстэ.

Нёвыль пӯтят нӑл тӑйтим ийпалт. тав Васьлей туньсим мынэ, кял сисн мынас. Тырпимм кӑсилам, Васьлей ус хот-хӑйтых ньырыс, тоныл пярий номсахтыс, ёл-олмыяс. Тырпим тав пӧхатэн ёмыс, морсь туньсис, тӧныл китыйластэ:

– Нысняр туньсян?

– Ос.

– Хумыль ос? Кял кӣвырн мыныйме, пӧльтахтан, хӧйтых йимтан.

Ел-сёпылтахтмён ийпӑлт, юртхумый кял кӣвырн мынысэй.

Молях нёвлян поссыт. Тырпим тэнэ пясын кярстыс, тэн тэх вытсэй. Тэнэн ӑл-поалат сяй оанэ сыпыл орык айсэй. Исыйлысэй, лыыхылн мынысэй.

– Мӑн, пёс атым, эра тох вӑрлолов, – мятум туспяӈкыл нёвыл тӧвтлим, Тырпим сотахтыс, – матыр хӧнтан ке, морсь айлан, ат хӧнтан ке, питьман ат титилтиян.

Васьлей Тырпим ёт лыыхыл лӑттыс, тав ань пилтахтыс, матыр тоарийтӑл выл лӑттых. Тав, пяӈкят ёл-тӑратэм, нёвыль тэс.

Тырпим Васьлейн сунсыс, китыйластэ:

– Нэй хумыль пилум вынлан? Пяӈкын ёл-тӑратаснын. Атиняр выл номсын! Холит коалийме, ус сус кинсых миныйме.

Васьлей виньсьт касилас, Тырпим ат оссьялый. Васьлей пяӈкят нук-ӑлмыстэ. Ань тав сама Тырпим нупыл пилтӑл суссэй. Тав суиньсь лӑттых пымтыс.

Тэн хося лыыхыл лӑттыйсэй. Тырпим вӧр ялум ӑсе арыйластэ. Васьлей нупыл лӑттыс, хумыль вӧр ялх коарых. Тӧныл тав Васьлей ӯлумм номылматыстэ.

– Ате, холтовыр нэй лӑттыйсын, лувыннэ ӑлата няхвёсын. Нэй ӯлмын соий ёмтыс, ӑлата няхвёсын. Нэй лувын ӑмнан пуввес – сусын аласнум.

– Там, Тырпим, – Васьлей лӑттыс, – ӯлмыт – тарвай ӑсь. Сап ӯлмиян, соий атиняр ат олыйлоалый.

Тырпим морсь вынлыс, номсыс, тӧныл Васьлейн лӑттыс:

– Хыннярнэ тав хасьве? Ам акмат порят ӯлмыясум, кялум юв-тӑйвес. Нэт лӑттыйсыт: ам поя хумый ёмтам. Тӧн ийпӑлт хус тӑл мылас, ам нэматыр ат пӧйтасум. Виньсьт советский власть ёмтум порат, ам лынийнув ӧлых пымтсум. Ам пувым ак ток лӑттый. Ань мятум хум верхар паю ханисьтахтый. Вер ӛлмхӧлас мятум хум палт сӑв пёс ӧлум ӑсит тӑра-паттый, вер хум ӛлаль вый, лёӈх холтый.

Хумый тэм аюм поссэй, хуйх кярстахтсэй. Тырпим Васьлейн лӑттыс, холит тэн торья мына:

Тырпим сус киньсых, Васьлей лийынъях.

Тит ийпалт тэн, товтын исылтям, ёл-оилмятвясэй.

3

Юртхумый нук-кисьмян порат, кян посаный ӧлыс. Тэн сяй айсэй, тэсэй, палый мынысэй: Тырпим сус кинсых, Васьлей – лийынъях.

Тырпим ус ак сус алыс. Нёвлян ӛл-атьсьлысэн, иӈкых ёмтум порат, тав кялитэн ёхтыс. Кялт атихынняр ӑтим ӧлс. Тав товт воарыс, сяй пӑйтыс, юртхумытэм урых пымтыстэ.

Васьлей сос мяньтыл пы мыныс, хот типыс, я̄ вӑтян ёхтум, тав ёл-туньсьпыс, ань тав виньсьт коасилахтыс, мӧт мынэ мыный. Тит я̄ вӑтат тэн кялян ӧлыс, Васьвей титым ат ханьсистэ.

Мыннэ мы выратям, тав хося ак мыт туньсис, тоныл. юиӧвылт, тав, вит овнэ мы суснэ мос, яӈкмы тӑра-саврых номылматыстэ. Я̄ овмы сунсыстэ, тӧныл я̄ ӑлумпӑлн мынас.

Ӑмпыт коасиласыт, косяён хот-типыс, тан тавнаныл ӛл-мыных ат пымтсыт, тав куркомят хӑйтыятасыт.

Тӧрум инкыс, совт мӧтан, мӧтан ийпалт пёламласыт, Васьлей пяӈк нумпӑлт вырсясыт. Тот ӛлын, хосят, йӣвыт нумпалт посын ёӈхуп ныйлыс.

Я̄ хоръяныл пы пятум, Васьлей ёл-туньсьпыс, ӛлолт тав йӣвыт нупыл сунсыс, тӧныл , ёӈхупын ӑӈкатыс. Сыль пить аня кӑсялам, тав кӑсялахтыс, лӧӈкяль мынх коарых. Тав сой кял нупыл ёмасыс. Морсь ёмым, ус ёл-туньсьпыс. Тит рон ӑмпэн ӛлаль патымласыт, хот-сумсыт. Васьлей пискынят ёл-мянымтастэ, ӛлаль выратях пятыс. Сама товтыл пыламласэй: пискынят коат кӣвырт тяниртам, ӛлаль выртям, тав лёпьис:

– Сус касиласыт, аньтэ хорымтат.

Ӑмпыт сой хорамтасыт. Васьлей кёнтят ӛл-мянымтастэ, ӑмпыт хортнэ мынэ тӑратыс. Морсь хӑйтыс, ёл-туньсилмятыс, тяк лёпьим лӑттыс:

– Сус, сус калтсыт, ӯръяныл!

Васьлей ӛполэй вӧрт, тав ат ханьсистэ, ӑмпыт сус нупыл хумыль хортат.

Тав морсь туньсис, кеитят нук-пынстэ, ус ӛлаль тӑратыс.

Вӧр, тяхла кӣвырт атиняр ат кӗлыс, Васьлей сама товтыл тэсэй, тав тэпкян минтыл хольт хӑйтыс.

Тав, юиовылт, вытий ёхтыс. Ӑмпэн тавэ касиласаныл, ус арий симыӈысь хортых пятсыт.

Тав ус морсь вытий лякыс, ӑмпэн касилясан, сус ӑтим ӧлс. Ёл-туньсьпям, тав суиньсь лӑттыс:

– Ам номсам нан сус калтсян, нан лиен хӧнтсян. Ипсмыт хотыл ам тавэ выйным. Тяк хультэ!

Тав пунын хӧвтнэ сунсыс, гоныл ӑмпэн порыйнэ н ???? (см книгу) ӑӈкатас. Тав ротнэ товтын выяньсих самый коасилас. Выяньсих керьипас, Васьлей нупыл тотыпахтых ньырс. Ӑмпыт тавэ пувсаныл. Выяньсих пярий вынтыс, тяк тур пятьет керьис.

Васьлей ӛлолт рохтыс, пярий хӑйтых тоасьнэ ӧлыс, тӧныл нюврымтыс. Пискынят тоасьтыстэ, лыний выратахтыс, выяньсих нупыл минас. Выяньсих ак ток ат пилмыс. Тав ивол лӑйла тольхын туньсилмятыс, Васьлей нупыл тотыхатыс. Ӑмпыт таве пувсаныл, пярий выттыйсаныл, выяньсих ус арий симыньсь керьих пымтыс. Васьлей ань ат пилыс. Пискын нярамтан пяльтнэ ёхтыс, хун выяньсих нук-ӑлмыяхтыс. тав патытастэ.

Ӧлмэ пяльт тав ӛлолэй выяньсих алыс.

Васьлей касилас, выяньсих холумн хуий. Тав ӛлолэй алум кинсяттыл сака сӭвтыс.·Тит мос Тырпимн тар-лӑттых номсум, тав выяньсих пӧхан ёл-хӯтыс, кялн ёхтнэ порат юртэ ӛли-пӑлт ӛсыйхатнэ мос, выяньсих пялий ӛл-яхтса. Тав сяра сохтый хӯтых астыс, хумыль мӧт выяньсих-осых воӈха кӣвырныл тав ӛлипалят тавылмятыс, тав нуплэ лайхатыс. Васьлей пискынят выяньсих алий вӧртыйпям патытастэ. Выяньсих лыний хӧйвес, сям мос ат алыстэ. Выяньсих, Васьлеймы пувыстэ. Кит олпий росхтях пымтсэй, Васьлей ӛлолт ёл-сӑнсымлалыс, тӧныл нук-кярстахтыс, выяньсих пялий алий салахатыс, тяк холум выяньсих мяныйтям ӑмпян нупыл оилтас:

– Куста! Пур! Пур! Тайкись!

Ӑмпыт алум выяньсих ӛл-вахтьсаныл, лылыӈ выяньсих нупыл патымласыт, иволт пувсаныл, мяныйтях ноктасаныл, Выяньсих тӑрвитын вовын коатятыл Васьлеймы кятыртях оастыс. Васьлей сопыл сисн кит лупый халн пырытас. Пискынят тав ёл-полятэни илхтыс. Васьлеймы ӛлвахтим, выяньсих ӕ хорьян нӑл-поръис, тот ёл-пятыс. Холых ӗмтум порат, тав пӧлям мыкянмы выхрыстэ.,

Васьлейн пярий коасилахтыс, лыний ӗмтыс, нук-туньсьпыс, пискынят сунсыйластэ, тав атинярий ат танс, лосят палый ёвлыс. Морсь туньсим ийпӑлт, тап сӑврып, кясый вис, выяньсих пӧхан мыныс.

Ӑмпыт хортах ёл ат понсыйласыт, ёл-холах ӗмтум выяньсихмы мяныйтасаныл. Выяньсих ӛлмынномлят ӑтим ӧлс, тав ак мыт нёрсылыс, сёхыл вяйп тур суетыл ойис. Тав оийнэ суйныл пылп ӛлмхӧлыс ёл-сьюкырляный, Васьлей сӑврып, кясый кӑтыл тав нуплэ мыныс.

***

Тит порат Тырпим кял кӣвырт вынлыс.

Тав патроиыг нилхтыс, пискынят ловтыстэ, тяк хойтылӛт олсыняр ӛръис, кисаси, ӧлсыняр мос номсях пымтым, пяӈкят мавылн ёл-тӑратолыстэ. Тӧныл, асьялтят понсылтям ийпалт, тав хансят тампахыл пинтластэ, кясымтӑлстэ, и тый-тов ялъясалых ӧвылтахтыйлыс. Хӯл киснэ пора вытимлыс, а тав иӈ ӑстим ӑтим ӧлс. Ак тит порат тав колхозт ӧлнэ мос номсыс, тякытяме китыйластэ:

– Амнан, мятум аньсихнэ, не лыньли колхозн тувых. Тот, ӛрын, кинэйнув йимтий. Тот, ӛрын пыл лынийнув ӧлых пымтам.

Хося тав номсыс, тоныл ёл-вынтыс, лӑттыс:

– Васьлей ёт матыр-та ӗмтыс.

Васьлей хот-типнэ тав ханьсистэ. Кинсых тавэ тӑрвитин: тӯйт ӑтим ӧлс. Тырпим хося номсыс, тоныл юртэ кинсых кярстахтыс. Тав нук-мясхатыс, ывэ палый воарыстэ... Тит рон тав нуплэ выяньсих оийнэ суй ёхтыпыс. Тырпим кян-лякылтыс, пискынят ньырымтастэ, ӑмпян оилтасэн. Ӑмпӛн ӑтим ӧлсыт, тӑн выяньсих оийнэ суйн мынысыт, Тырпим ак тов тӑратыс. Тав сака пилмыс. тав номсыс, юртэ выяньсихн юв-тӑйвес. Тав, хус тӑлын вер хум хӧйтыл хӑйтыс, лӑйла сяра мыкянн ёхталӑлсӛй. Сусхатыс, вӧр тяхла кӣвырт тав атихыннярнэ ёл ат ӯрве.

Тырпим Васьлей мос пилыс, тит мос тав морсян ёл-туньсилмятыйлим, ӛлын пискын суй ӯрим, хӯнтлыс. Пискын суй ат суйтый, а только пӧлим йӣвыт хося холыл вослат, хуйх атхатум йӣв тольхыт лосил лёпийхатат. Тит мос тав номсых пымтыс. Васьлей, ӛрын, лылыӈ ӑтим.

Выяньсих суиӈысь, пилсьмаӈысь ӧлыс.

Тырпим выяньсих пӧхан вытимлас, ёл-туньсьпыс, ӛлаль хӧнтлыс, юртят хот ат суйтый ли. Тав выяньсих суйныл арий атиняр ат хӯлыс. Морсь туньсим ийпалт, тав пёрна пувтыс, номсыс: «Мятамый ёмтсум. Симамтыл лӧлий выюм».

***

Тит порат Васьлей ёт нысняр ёмтыс? Выяньсих пӧхын вытимлям, Васьлей Тырпим ӑмпыт кӑсилыс. Тырпимы тав ат выстэ. Васьлей ат номсыс, Тырпим ипс мыт тый юртятн нётых йӣв.

Выяньсих Тырпим кӑсиластэ, ӧньсим ивол вовян акан атлийтасанэ, хомый туньсилмятыс, Тырпим нупыл лайхатыс. Тырпим пёс вӧрыяп хум. Тав сӑв вӑсинталыс, ань тав ат пилмыс. Пискын нокят нуктусьтпыстэ, тяхтпахтыс – пискынят сёркытыс. Тырпим пяӈкат кӣвырт холыйланэтэ мос номт ёхтых ат оастыс, выяньсих кӑтыйнэ пуввес, нёлсаматанн выяньсих пӑлый хартум тусныл полх сӑйрын ньырыл тӑратас. Хун Тырпим мыкянн пятых пымтыс, выяньсих коата пясьтӑл патсёй, лилят сыпый толымятыс. Мыкян тармылт пунын выяньсих пӧхат хуим, Тырпим кӑсялыс: Васьлей ёл-хӯтим тав ӛли-пӧлят туньсий. Васьлей кӑт кӣвырт выяньсихмы путмям кясьят ӯрыстэ.

Суйтӑл пятыс. Осьтям ӑмпыт, хосый хольт, выяньсих тармын сӯлитасыт, тавэ мяныйтях ноктысаныл. Васьлей Тырпим нук-алмыстэ, китыйластэ:

– Мятырын хоту мат воарвес?

Тырпнм ас ӧлыс. Тап кӑтэ тырыйсэй, санспяӈкя актон сыпый ёвылсэй. Тӧныл, мат савит минута мыным ийпалт, Тырпим мувалӑлыс.

Васьлеймы тяк альят сыныйтастэ, пясяластэ, лӑттыс:

– Пӯмасипа. пӯмасипа, ам юртум! Нэйнан сака яный пӯмасипа! Тав елпылей Васьлеймы мавлытэн сыныйтастэ.

Тӧрум ипсый олыс. Ань выяньсихый нивыланомыл атим олс. Юртхумый номсясэй, тэн холтовыр, сяра постых пымтнэ порат, ньывылахтых пымта. Тэн морсь тусьсэй, лӑсял кялянн ёмысасэй.

Васьлей вӧрыян хотылят тарвай ат мылыс: тан кит выяньсих алыс, ак нёхса, хӯрум лиен. Тяк морсь тымтавес, лылыӈ хультыс.

Юртхумый кялян пӧхан вытимлясэй. Тэн ӑмпэп косяен курком хӑйтытасыт, ань тӑн ротнэ ӛлаль патумласыт, кялнэ ӛлт ёхтнэ мос, косятэн ляльт хӧйнэ мос хот-сумсыт. Тан эра ток ханисьтам ӧлсыт.

Юртый пӧлим, исп кялянн тувсэй, товт воарсэй, ӛл-льыӈхсяхтсэй, ёл-вытсэй. Тырпим Васьлейн ӑӈкатыс, китапыс:

– Войнынт нысын кёлп?

– Войнумт – Васьлей тоныл пяӈкят пярий ёӈхтастэ, лӑттыс: «Атиняр. Ам пискынтӑл хультсум – ти арий лӧль ӑсь».

Тырпим Васьлей пискынн сунсыс, ёмтум вӑрмальм тӑра-ханьсим, лӑттыс:

– Пискынын палый сойлыснын?

Тит лыӈхыт холим, Васьлей мувалӑлыс, ёмтум ӑсе мос Тырпимн тӑра-лӑттых пымтыстэ.

Васьлей лӑттыймэ ийпалт Тырпим лӑттыс:

– Ёмас, нэй сӧтын, улин русим, лылыӈ хультсын. Ас войнын ёт нысяняр ёмтыс?

Тырпим Васьлей-кяртмы ӛл-льыӈхысгэ, войнят сунсыйластэ, нормянныл сӑйрын ньысынсыпят вистэ, Васьлей воинмы лап-перыйтастэ, лӑттыс:

– Атиняр, ялтый. Тӧрумн ӯрвёсын, тавнан хосъин.

– Ялтый, – Васьлей актон лӑттыс, – тӧрум тит оатиняр ат нётыс. Ам тавнан моркум, ань пяӈктӑл хультнам, холумн луп сист пявырӑлнам. Ам, тӧрум мос ат номсим, вовям акт атсям, выяньсих ёт алхатых мынасым. Амнан, ӛлмхӧласн касын вӧр вый-хул холтуптаве, – ам тӧрумн, нӑйтытн ат хӯнтлям, амкыт вовымн морам!

Тӧныл, кяртят нук-мясым, тав сопыр кяс кӣвырныл выяньсих пялий кян-вис, Тырпимн мим лӑттыс:

– Тит харме ам акомкыт алыснум.

Тырпим Васьлей коатныл пялиймы кян-мянумтаса, мявлят алий таниртыса, мятсюв суйтӑл вынлыс. Тӧныл Васьлей нупыл ёӈхыс, тав саматэн сунсыс, тырьим питьматыл лӑттыс:

–Нэй яный пола вӑрсын. Выяньсих пялий нукоарх ӛл-яхтсан? – Ток лӑттым Тырпим нук-коалыс, ывмы пӑлый вӑрыпаста, кян-мыныс. Морсь ӧлум ийпалт тав нихйив сыль ёт пярий йис. Кясьет сипыльныл вистэ, ньыл, ёвт воарых пымтыс.

Васьлей суйтӑл вынлыс. Тырпим ийпалт выратыс.

Тырпим ньыл, ёвтят поссэй, тӧныл тав тэ̄на выяньсих пялий ёт нормянн пынса, санспяӈкын туньспям, турсупыл лӑттых пымтыс:

– Яный пыпкясюм, ам нэ̄йнан атьсын лю̈ль ат вӑрсум. Ам эра ньыл, ёвт ёт вӧр ялсум. Мӑн мӑньсит, пискын ньил воарых ат хасов, кӗр пискыныт ат ханьсёв. Тит пискыныт русь оатум номылматсыт. Тӑн мӑновн, мӑньсь оатымн, пертьяныл. Ань мӑн ток кӗр пискын ёт ялов, манмоӈн ньылов, ёвтов хот ат ёрвалыйнув. Ньыл, ёвт ёт мӑн нэ̄йнан хосьев. Яный пыпкясюм, ӑнумн яный поала выл воарын, Ам нэ̄йнан оатьсын кырх ат воарлансум. Русит кӗр пискыныт номылматсыт. Тан кӗр пискыныл нӑнын алих пымтсаныл. Яный пымкясюм, амнан поала выл воарын, ам сӧтум э̄л выл вяен! Ам ӧлых ньырам!..

Тит льыхылт холым, Васьлей ат пермыс. Мяиньтях пятыс. Тӧныл санспяӈкыт туньсим Тырпиммы нук-ӑлмыстэ̄, вынпъивын выттыстэ̄:

– Нэ̄й, Тырпим лю̈ль ӑсь воаран, Ам мятсювынтэ̄й нэ̄йнан лӑттам, выяньсих нэ̄йнан ат нётый, тав нанын ат сёръийтэ̄. Тит пёс ӑсит, нэ̄й тӑнан выл хӧнтлын! Тит ӑсь э̄лмхэ̄ласыт номылматсыт. Нэ̄й пувын, овын тӧрум ат хосья, тавнан ат мора. Нэ̄й ак ток пярий номсахтын!

Хося Тырпим суйтӑл вынлыс. Тав Васьлеймы хӧнтластэ̄. Тӧныл, атиняр ат лӑттум, сӑй аих пымтыс.

Сӑй аймэ̄н ийпӑлт, тэ̄н нёвыль пӑйтысэ̄й, сӑй оанэ̄ супыл орак аяласэ̄й.

Тырпим льыхылн мынас. Мӑньсит вӧр ялнэ̄, хӯл киснэ̄ мос лютых пымтыс .

– Ам тётямныл хӧлыйлӑлсум, – Тырпим лӑттыс, – пёс ӧлым порат пискын ёт вӧрн ат ялсыт, тӑн ньыл ёвт исьсыт. Выяньсих тӑнан кярийлоалме порат, тӑн тавле кясъил алийлоалсаныл. Русьит ёхтсыт, пискын ёт тотсыт. Хун выяиьсих нупыл пискын ёт вӧр ялых пымтсыт, тав осьтыс, вый-хӯлт поаситалых пымтсян.

Тырпим лӑттых посме порат, Васьлей сотахтыс:

– Сох, нысняр нэ̄й лӑттыйсын, – тит э̄лмахӧлас номылматум ӑсит. Тӧрум атиняр ат воарыс, сох э̄лмахӧлыс номылмятыс. Тӑн, тантоӈк выр-выр номылмятсыт, Кясый-тав акток кӗрныл вӑрым. Нӑн тавэ̄ ат воарснэ̄н, алхыннярн тав, пискын хойтыл, нӑнан пёртвес. Мӑн ань ёмас сӑйтыл, посын хӧталыттыл ӧлэ̄в. Мӑн ань пёс ӑсит ханьсийнов, э̄лаль выяв. Лыни ӧлнэ̄ поран, посыӈ хӧталытн мӑнов коммунистический партия тотсян. Пёс ӧлмув пора номтув мос ӯрыйлыйнов!

Тырпим хося Васьлеймы хӧнтлыстэ̄, атиняр ат лӑттылыс. Васьлеймы хӧнтлым, тав ат осьялыс, мяиньтис, лилтсӑлыс. Тӧныл тав Васьлей пӧхан лякыс, тавэ̄ пясилэм. лӑттыс:

– Ам номсасум, нэ̄й атиняр ат ханьсян. Нэ̄й сака ёмас хум ӧсын. Ам нэ̄йнан моарам! Нанын э̄руптыйнум, сака э̄руптыйнум!

Ток лӑттум ийпалт, Тырпим екых, э̄ръих пымгыс!

– Вый-вы-е-э-э., вый-вы-е-э-э.

Капыр нӑй, сяпыр нӑй

Ёмас пувым, улин пувым,

Ёмас кинс нэ̄й хотсын…

– Вый-вы-е-э-э., вый-вы-е-э-э.

Капыр нӑй, сяпыр нӑй.

Пов тальхын ялсум.

Выт нёхсалсум…

– Вый-вы-е-э-э., вый-вы-е-э-э.

Капыр нӑй, сяпыр нӑй.

Яный ӯсын мынасум

Русит палт ёхтысум

– Вый-вы-е-э-э., вый-вы-е-э-э.

Капыр нӑй, сяпыр нӑй.

Мяснэхар, тэ̄нэхар тот ёвтсум

Орык юв тотсум...

– Вый-вы-е-э-э., вый-вы-е-э-э.

Капыр нӑй, сяпыр нӑй.

Юв ёхтсум.

Полькасий, галоший мяссум.

– Вый-вы-е-э-э., вый-вы-е-э-э.

Капыр нӑй, сяпыр нӑй.

Ток ам улин пӑвылум мнятыл ялсум

Товтам, пискынул лӗӈхын кярстысанум.

– Вый-вы-е-э-э., вый-вы-е-э-э.

Капыр нāй, сяпыр нāй.

Тав ёл-туньсьпыс, хонсят тампыхтыл пинстэ, кесямтастэ, ьлей ??? (см. книгу) пōхын вынтыс, коатят Васьлей войинн пиныстэ, лāттых пымтыс:

– Аквмят порат мāн вōрн мынысов. Мāн хӯрум хумн ōлсув: персамп Ванька, Сисьвы

Лёпка, ам. Ам āмп исьсум. Тав, чёртнэ пыл ат хасьве, хумыль лиен кинсыс. Выяньсихныл āлымпал пилыс. Хōтал ёмас ōлыс. Мāн хося ӗмсув. Тōныл воньсяхтых ӗмтсув, сяй айых нярсахтасув.Сяй пāйтысув, вытсув, оанов āмыртаснув, манмоӈк льыхыл-лāттов.

«Ам ротнэ оилтасум: – Выяньсих! – Тав Ванька пōхын вытимлыс, тавэ пувстэ. Ванька хот ат рохтыс. выяньсих пялий алий салахатыс, тэн росхтях пымгсэй.

«Ам, сāврып коатыл, тый-тов порьям, нысняр хумыль ваорыпях ат ханьсийнум. Сāврых пилхаты: юртум ёл-сāврых хося āтим. Патытях ак ток пилам. Тōныл сипылюмныл кясьим кянньырымтаснум, выяньсихмы путмаснум, кяхрят пāлый сылыяснум. Тōнт тав Ванькям ӗл-тоаратастэ, хомый туньсьпыс, кянлоньим сахян акян атум, ӗл-хāйтыс.

«Ваиькям лылыӈ хультыс. Мӗн сунсыйлахтсумӗн, коасиласмен, Лёпкямӗн āтим. Хоталь-та мавымтахтыс. Тōныл ханьсиснямӗн – āмп лӗӈх мянтыл хāйтыс, тав ийполят выяньсих выйтахтыс».

– Йит-ёхтыетэ?

–Чёртнэ тэн йиг-ёхтвёй. Лёпка актон сисьва. Тамле порат, тав, ӗрын, āмпныл ёл ат хультыйлыс.

«Тōнл мӗн выяньсих лӗӈх ийпāлт мынысамӗн, йит-ёхтыснаме, алснаме, нӗвлят ӗл-атъсьласнаме, ӣтий кялн ёхтсаме. Тав тот хуялоалый. Тамле ӗлымхōлс ёт вōр ялнэ мōс, няхкянт ялых арий лынь. Акынянт няӈкын ханьсийнын...

«Вот, Васьлей. нӗй виньсьт ханьсяснын, вōр ялнэ āсь хумыль тарвай ат мыктый».

– Сой, ти сой!

– Ам нӗйнан, улин пувым, лāттам, наӈкын ӯрыйлэн, выяньсих коатн выл пяттахатын, тав нянын пāлый сояллийтэ, тōныл пяӈкын ӗл-мянуытыйтэ.

– Хынняр тяк вōвытян моарый, тав оатихот ат холыйлый. Хунпыл ёл-сюкырлях коарых, кит пор ёл ат сюкырлан, акпорныл хот ат пӗрумтан.

– Āлпыл, āлпыл, улин пувым, няӈкын сонатыйнын. Хот выл ёрвылян, выяньсих нӗй ётлын ёнъих ат пымтый, тав тит мос номсяномлят āтим. А нӗй посын тōрумн пятых ат оастсын, вōӈха кӣвырн атысьлахтан. Амнан сунсын. хōтпан тāл посын тōрум ōлсум, сāв тāрвитин, лю̄ль выр вāсум, ус ōлых, ōлых ньырам! Ань виньсьт амнан кинэ хоталыт ёхтыс. Ань виньсьт атум амнан нӗтых пымтыс.

Тэн вōр ялнэ мос пёс асьт мос, тэӈк ōлнэн мос, ӗлаль ōлнэ мос хося лāттыйсэй. Тōныл тэн, лāттум посмӗн ийпāлт, хуйнэ мы кярстысэй, ёл-хуясэй, исум товтнэ исылтавесэй!

4

Холтовыр. Тōрум лынь. Вōт морсь вōтыс. Хōтыл лāсял ныйлыс. Тав, сявянтыл вōр яный йӣвыт тāра пясапым, вōрыяп хумый кял кисняс тāра постыс.

Тырпим сама пāлый пусса, пяӈкяг нук-āлмыястэ, киснясыйнэ сунсыс, лāттыс:

– Хōтыл. Васьлей, коалын, хося хуясамӗн!

Юртхумый молях сяй айлыйтасэй, мяспахтясэй, выяньсяхӗн пōхын мынысэй.

Тырпим ӗлт ӗмыс, Васьлей – тав ийполят, пискынтāл. Āмп ротнэ тэн пōханэнт хорымтас. Тырпим ёл-туньсьпыс, лāттыс:

–Лиен хōнтыс.

– Нӗй хумыль ханьсийнын?

– Хумыль ат ханьсийнум? Сусн тан молях хортат, выяньсихн симыньсь, толалям, лиенн хося холыл.

– Виньсьт ам ханьсих пымтыйнум! – Васьлей тавнан лāттыс:

– Алэн!

– Няснярыл? Нӗй алэн, ам пувыйнум.

– Пискынтāл юв тӗвын, – лиенntяхтхатум. Тырпим мияньтис.

Юртый выянъсихий похаи ёхтсэй, ньывылахтсэй, норма воарсэй: нёвлян ӗл-атьсьластэн, вонъсяхтых вытсэй.

Тырпим ханса кясымтыс, Васьлей нупыл сунсыс, китыйластэ:

– Няӈк мывын мос коасын ат холый, колхозтāл ōлномлым оатим?

– Колхозтав ōлномлын āтим?

Васьлей Тырпимнэ колхоз мос хося лāттыс. Тав юртятн тāра-лāттастэ, колхозт арий кинэ, лынь. Тōныл тав тэнэхар ōл-атьсьлэн мос, ёмтан номылмятыс, молотилка пумсиӈысь суйтнэ мос, ёмтан лувын тракторыт мос, висьнэт āлпыл, холтовыр, асилтях мыннян порат сунн пӯмсин ōръит ōрыйнэ мос лāттыс.

Тōныл тав Тырпиммы китыйластэ, тав колхозн хумыль ат тувсый?

Тырпим морсь вынлыс, юртятн сунсыс, хансят елпылэй кясынтастэ, Васьлеймы китыйластэ:

– Ас нэй колхоз хумыль ат ōлан?

– Ам? – Васьлей пумсиньсь мяиньтыс. – Ам виньсьт ёхтсум, нэпак мисым.

–Мисын?

–Хосят мисым. Ам ōлум мывымныл правление справка вōвыс. Тит, правление ам ōлум колхозум справка ӯрый... Тырпим, акят колхозн тувыймēн?

– Там. Ам мятум ōсум, хыннярнэ тыхтых пымтовым?

Тырпим хося ат таӈхыс. Васьлей тавнан колъхозт ōлнэ мос лāттых ёл ат понсыйлыс.

–Нэйнан нётнэ хар колхозыт ōлый.

Колхозн мыныйме, акят вōр ялых пымтыйме!

Тырпим пярий атиняр ат лāттыс.

Воньсяхтсэй, лыыхыл лāттыйсэй, тōныл, инкых ēмтум порат, тэн кялэнн ёхтсэй.

Хуясэй, холтовыр колсэй, лийнъях мынысэй.

Тэн ус хурым хōтал вōр ялсэй. Васьлей Тырпим ийпалт сāврп ёт ялыс. Тэн ус ак сус алсэй, алынсюв лиеп, тōныл юв мынысэй.

Ӣтий, пяилмен ипалт, Тырпим Васьлеймы тяк иалтэ вотыстэ.

Тэн юртыньсь хося мыт-мыт āсит мос лыыхыл лāттыйсэй Тырпим пувят, овят, экят йин ōлсыт. Тāн āк ток вōрыяп хумый ёт лыыхыл лāттыйсыт.

Тырпим тōныл, пувят, овят нупыл сунсыс, ротнэ лāттыс:

– Вōрт мēн Васьлей ёт лāттыйхатсамēн, акят колхозн тувыйме!

– Лынь, сака лынь āсь! Ам хосят нанын вотысным.

– Ам воатасным, тав амнан ак ток ат хōнтлыс, – япат нупыл сунсым, висьнэ лāттыс.

– Туван, ōлх пымтыйме, хумыль пēрмыйме, ток асьсилтях пымтыйме, – мятум āӈкыськe нёлатэныл посым тāратям лāттыс, – ам олкун нэй таръин лāттыйсым, висьхарэн колхозт асьсилта, нэй акыняӈк.

– Нан воатыснян, лāттыйсян. – лыний тāра-лāттыйномлнян āтим ōлс… Ань, хун ам тав ётлэт сāт ялсум, тавнаныл ōлнэ мос сāв лыыхылт холсум. Амнан сох тāра ēмтыс. Эолт морсь осьяласме, тōныл тав āнум, ханьсыстэ. Нāнан сой лāттых, Васьлей ōл-пāлт ам тый-тов: номсасум. Тōв порат русит ат ōруптасум. Ам ат торгамтаснум, тāн халант, ак ман хойтылув, сир-сир ōлмхōласыт олат ... Выньсьт ам ōлупса лыний ханьсих пымтсум.

Тав Васьлей пōхан лякыс, коатят тав войнятнэ пыныстэ. ōлаль лāттыс:

– Нэй, Васьлей, сака ёмас хум ōсын! Ам нэй ётлын вōр ялсум. Нанын ханьсьтаснум, амкыт нэйнаныл ус арий ханьсьтахтсум. Ам вōрт нэй ётлын ōлсум, ус мынам, ам нэй ётлын, колхозт асьсилтях пымтам, тот мēӈк моасямēн, тан моасян, – тав висьхаранэн ковтыл сунстыс, – лынь ōлупса воарых пымтыймэ. Мēӈк коатяме нюврысь акян сыныйтям ōла. Тэн оатихыннярны оатихун пāлый ат мянумтавēй!

Най āнум ōл ат вахтийнын, ам ātихун ёл ат хультам!

ДВА ОХОТНИКА

I

В конце сентября выпал снег. Охотники и рыбаки встревожились. Каждый думал: снег выпал рано, скоро и сойдет, наступит половодье, охотникам и рыбакам плохо будет. Иные предсказывали, что после снега пойдет дождь: вверху над деревьями двигались черные тучи. Но их опасения не сбылись. Снег стаял. Черные тучи медленно сползали, словно с громадных горных вершин, а за ними выступало ясное небо.

Настали холодные дни, каких давно уже не бывало.

Ясная погода оживила охотников и рыбаков. Каждый из них чувствовал горячую радость, надеялся на богатую добычу и хороший улов.

Весь октябрь стояла тишина. Небо было чистое и светлое. Иногда набегали темные снеговые тучи, но скоро уходили прочь.

Утром, перед восходом солнца, над поселком пролетали глухари и косачи. Некоторые садились на деревья близ деревни. Ребятишки хватали ружья, подбирались к птицам и убивали их.

В один из таких дней пошли в тайгу два охотника. Старшему, манси Трофиму, было лет шестьдесят. Двое детей Трофима – сын и дочь – работали в колхозе. А сам Трофим еще не был колхозником, он никак не мог понять, зачем туда охотники пошли. Между тем сын его и дочь, и соседи – все уговаривали старика колхозником стать. Уговаривала даже старуха-жена, которой нравилась колхозная жизнь. А Трофим все откладывал, говорил, что он уже стар, не может угнаться за молодыми, поработает, мол, один, а там и смерть недалеко.

Однако постоянные их уговоры да советы не пропали даром. Дружная работа соседей стала нравиться старику. Колхоз помогал Трофиму. Ему привозили сено, дрова, иногда доставляли в далекую лесную избушку охотничьи припасы. И теперь Трофим колебался, невольно сравнивая колхозную жизнь и свою, одиночную.

Держались у него и старые мысли, мешавшие ему войти в колхоз. Трофим верил в Бога, верил и шаману, недолюбливал русских. В царское время бедняк манси не раз ссорился с торговцами, которые надували его. С тех пор он как-то с недоверием смотрел на русских.

С Трофимом пошел на промысел в лес русский Василий. Василий осиротел еще в детстве и попал на житье к дяде-бедняку. Дядя Василия в прошлом не раз побывал в тюрьме за то, что подбивал бедняков бороться с богачами. Да и в Бога он не верил, над иконами смеялся.

Как только организовали колхоз, в деревне, где жил Василий, он вступил в него. Четыре года прожил Василий в этом колхозе, а потом у него жена умерла. Женился второй раз на девушке мансийке и перебрался из далекой русской деревни в мансийский поселок – на родину жены. Сейчас Василий впервые попал в тайгу. Трофима он еще плохо знал.

Охотники были одного роста. Шли они, переваливаясь с ноги на ногу, и разговаривали. У обоих были деревенские прозвища: у Трофима – Бык, у Василия – Медведь.

Сначала шли они по лесной тропе, потом свернули в сторону и отправились на гарь, где водятся лоси. Охотники пробирались через темные густые ели, пихты, сосны, пробирались через кусты. Сквозь ветки деревьев вверху едва виднелось небо. Трофим шел впереди. Василий следом за ним. Иногда они останавливались, прислушивались, не лают ли убежавшие далеко вперед собаки. Но собачий лай не долетал до них и, постояв немного, они снова шагали вперед.

Так шли они целый день. Собак своих не видали. Да и где их искать – не знали: снега не было, собачьих следов не заметить.

Но вот Трофим остановился, подождал Василия и сказал:

– Неудачливый ты человек. Из-за тебя не можем ничего найти.

– Почему из-за меня?

– Удачи не имеешь. Видели одного рябчика, да и тот улетел, взять не смогли. Какие мы охотники? Чем кормить нас, лучше похоронить, по крайней мере хлеб есть не будем.

Василий рассердился, но ничего не ответил. Он не понял, что Трофим шутит. Помолчав немного, Василий спросил:

–Ты думаешь, собаки где-нибудь лают?

– Попусту бегать не станут, – ответил Трофим и двинулся дальше.

Опять Трофим пошел впереди, Василий – следом. Он стал отставать, устал, но Трофиму ничего не говорил. Стараясь идти по стволам свалившихся деревьев, Василий то и дело падал то на бок, то на спину, то лицом вниз. В душе он бранился и негодовал на Трофима. Считал старика виновником того, что день проходит впустую.

Между тем Трофим время от времени останавливался и подшучивал над Василием. Это еще больше сердило его.

День склонялся к вечеру. Солнце постепенно уходило все дальше и, наконец, исчезло там, где ясное небо сливалось с вершинами деревьев. В лесу стало совсем темно. Вскоре разными огнями загорелось множество звезд...

Вышел месяц, но свет его не мог пробиться через густую хвою высоких елей, кедров и сосен. Частый молодняк крепко сцепился своими ветвями и не давал охотникам прохода. Толстые стволы огромных деревьев лежали поперек дороги. Тонкие прутья берез и рябин, вырываясь из разнимавших их рук, безжалостно били по лицу. Казалось, идти дальше невозможно. А Трофим все шел и шел вперед. Василий совсем изнемог и находил путь только по звуку шагов Трофима.

Наконец Трофим заметил, как измучился и устал его спутник. Старик решил остановиться и стал искать сухое дерево для костра. Нашел елку и сделал привал. Василий дошел до него, Трофим спросил:

– На ночлег, что ли?

– Я думаю.

– Устал?

– Устал не устал, а в темноте трудно идти. Прутья замерзли, стали крепкими и упругими. Хватают по лицу так, что слезы из глаз, – поневоле заплачешь. Цепляются за одежду, на ниточки разрывают. Перех[48], валежник, темень... черт знает, как это ходят люди в тайге?

– Да, по лесу ходить нелегко. Это не пашню пахать.

– Ну, и пашня даром не достается, – сказал Василий.

– Знаю, – возразил Трофим. – Но ведь пашня-то дома. Поутру встанешь, вспашешь, поешь, попьешь, да и в постель. А в лесу не то: ходишь, ходишь, как собака устанешь, а постели-то нет. Вместо нее колючая еловая хвоя... Ну, снимай крошни! Разведем костер и ляжем здесь.

Они расположились в дремучем лесу. Срубили сухую елку, развели костер, попили чаю, устроили постели и улеглись спать.

За целый день добыть ничего не удалось. Василий все думал о собаках: «Если они убежали домой, так к нам уже не придут». Полежав немного, спросил Трофима:

– А что же собак долго нет?

– Не знаю, – ответил старик. – Далеко угнались, поэтому и нет, ну да вернутся.

– Да как же они нас найдут-то?

– Как? Станут искать и найдут. А не найдут, так домой убегут.

– А мы что будем делать?

– Пойдем в избушку и станем лежать да хлеб жевать.

Василию эти слова не понравились. «Трофим, – думал он, – пришел в лес не охотиться, а в избушке лежать да хлеб есть».

Полежав немного и почесав затылок, Василий проговорил:

–Теперь целевое снабжение.

– Ну так что же? Пусть будет целевое снабжение. Какое мне дело?

– Будем даром есть хлеб в избушке? Съедим, а потом что станем делать?

– Рыбу, мясо есть.

– Мясо? А его надо искать.

– Найдем.

– Без хлеба, без собак ничего не найдем. Промысла нет – и денег не будет. Без добычи, без денег хлеба не купить, а даром не дадут. Ничего не промыслишь, так и зубы на полку.

– Пусть полежат, отдохнут.

– Они будут отдыхать, а брюхо-то и подтянет.

– Да что ты зубы-то скалишь, – сердито сказал Трофим и, приподнявшись, сел, – Я шутя говорю, а ты издеваешься…

– Сам начал...

– Довольно, – сказал Трофим, снова ложась. – Спать нужно. Поутру встанем, пойдем в Тимкинский протес. Там лоси водятся.

– Да собак-то ведь нет! Без них мы как без ног. Ходи не ходи – все попусту.

– Ну и без собак пойдем. Ты будешь вместо собаки, а я ружье возьму. Ты будешь лаять, а я – стрелять.

Василий разозлился, приподнялся и, взглянув на Трофима, сердито сказал:

– Ты только зубы скалишь и больше ничего! Какой ты охотник?!

– Нет, нет.

– Как нет? Я правду говорю, а ты лежишь да смеешься.

– Я сорок лет уже охочусь, сам знаю, что и как надо делать. А ты ничего не знаешь, так и молчи ... Спи! Пока ты спишь и собаки придут.

– Разве могут они нас найти?

Трофим рассмеялся и, посмотрев на Василия, сказал:

– А ты как думаешь?

– Ты сорок лет охотишься, – ответил Василий, – а я первый раз сплю в такой тайге у нодьи. Я думаю, они не найдут нас.

– Ты думаешь, а они бегают да ищут... Будет, спи!

[48] Перех – густой молодняк ели, пихты, сосны и других деревьев в тайге.

Трофим повернулся спиной к огню и замолчал.

Время пошло уже за полночь. Вечерняя заря потухла. Звезды блестели золотом. Медленно двигалась среди них большая луна. Тени деревьев падали на засыпавших охотников.

Трофим спал. Василий долго ворочался без сна, думал о собаках. Но наконец он заснул и так и не слыхал, как прибежали собаки.

II

Начинало светать. Луна исчезла где-то за большими деревьями. Трофим проснулся. Сварил чай, накормил собак, вычистил ружье и сел есть. Товарищ его спал крепко. Старик понимал, что Василий очень устал, а потому не трогал его. Только когда совсем рассвело, он наконец разбудил спутника.

Василий встал, оделся, умылся и сел с Трофимом пить чай. Зачерпнув большой жестяной кружкой чаю, он завел речь о своих снах:

– Ведь что только не приснится человеку?

– А что же тебе приснилось?

– Не знаю, все запамятовал. Один только сон помню, страшный сон.

– Какой такой сон?

– Ты спал, а я еще ворочался. А когда заснул, то вижу, будто я поймал и держу вороную лошадь. Хорошая лошадь! Встала на дыбы, как веретено вертится, рвется вперед. Сначала я удерживал ее. Потом она стала гоняться за мной. Куда я побегу, туда и она. Наконец я ее выпустил ...

– Куда же она девалась?

– А когда я отпустил ее, она подмяла меня под себя и стала топтать ногами. Я испугался, хочу бежать, да не могу. «И так смерть, и эдак смерть», – подумал я, – и решил лежать спокойно: будь что будет.

– Куда лошадь убежала?

– А я и не знаю, как будто кто-то поймал.

– Так ты ни с чем и остался?

– Да мне ничего и не нужно, ладно хоть жив...

– Ну, пей, пей, идти надо!

– Разве собаки пришли?

– А ты от страха и собак не видишь? Все прибежали. Ну, давай кончай есть и пойдем.

Покончив с едой, охотники поднялись с насиженного места и двинулись в путь. Шли они тихо. До охотничьей избушки Трофима оставалось верст шесть-семь. Из густой чащи леса выбрались они на гарь. Здесь стояли редкие березы, осины, рябины, молодняк и кусты. Место было открытое. В таких местах водятся лоси. Трофим это знал и ждал, что собаки скоро залают.

– Слушай, сейчас залают, – остановившись, сказал он Василию.

И в самом деле послышался лай собак. Трофим взглянул в ту сторону, откуда доносился лай, и улыбнулся:

– Лося спугнули, слышишь?

Собачий лай повторился еще раза два-три и умолк. Василий сорвал с головы шапку-ушанку и тоже прислушался. Потом хотел что-то сказать Трофиму, но от радости так и не смог ничего вымолвить. На губах его заиграла улыбка. Руки затряслись. Он не мог устоять на месте. Не дожидаясь наказа Трофима, он сорвал ружье с плеча и судорожно сжал в руках.

Между высокими березами показались красавцы лоси. Они направлялись прямо на охотников. Впереди бежал высокий, стройный сохатый – самец. Огромные ветвистые рога его мелькали между берез. Большие блестящие глаза горели огнем. Высоко взлетели от земли могучие длинные ноги, далеко выбрасывал он их вперед и несся, как птица по воздуху. Не было, казалось, такой силы, которая могла бы его удержать. Сильными ногами и могучей грудью он пригибал к земле и ломал деревца.

Следом за лосем спешили самка с лосенком. Лосёнок вытянул вперед голову, прижал уши и, стараясь не отстать от матери, частил на своих тонких ножках.

По ту и другую сторону от лосей мчались собаки, стремясь обогнать бежавшего впереди лося и загородить ему дорогу. Собаки словно знали, где дожидаются их хозяева, и гнали лосей прямо на них.

Лоси все приближались к охотникам, но еще не добежали на расстояние ружейного выстрела. Трофим взглянул на Василия и увидел, что тот прицеливается. Резко обернувшись к нему, старик сердито вполголоса проговорил:

– Ложись в эту яму! Не поднимай головы! Лежи, молчи!..

Василий послушался товарища и лег в яму, положив под себя ружье. А Трофим спрятался за большую березу и думал: «Переднего лося пропущу к Василию, пусть он его убьет, а сам буду стрелять в самку и лосенка».

Между тем лоси приблизились к охотникам. Трофим приготовился. Василий замер, боясь перевести дыхание. Старик взвел курок, прицелился в самку, а самца пропустил вперед и крикнул Василию:

– Стреляй!

– Сейчас! – ответил Василий и тут только заметил, что ружье лежит под ним. Хотел он схватить ружье, но было уже поздно. Подняв голову, он увидел, как огромный лось летит прямо на него. В испуге Василий отпрянул в сторону.

– Куда ты бежишь?

Лось шарахнулся, а Василий еще больше испугался. От страха у него подкосились ноги, он упал на бок. В это время Трофим успел выстрелить еще раз, и лось упал рядом с Василием.

Василий лежал неподвижно. Трофим подошел и, взглянув на него, спросил:

– Жив?

– Жив, – чуть слышно ответил Василий.

– Подмял он тебя?

– Ногу...

– Переломил, что ли?

– Не знаю.

– Вставай же!

Посмотрев на Трофима, Василий поднялся. Мускулистый, крепкий, обычно краснолицый, он стоял теперь перед Трофимом без кровинки в лице.

Трофим взглянул на него и спросил:

– Почему не стрелял?

– Не успел.

– Лося испугался! А если бы медведя увидел?

– Не знаю, не видел его... Убил?

– Двух. Ну, теперь станем обдирать.

Охотники пошли сначала к лосихе. Трофим впереди, а Василий сзади. Подойдя, Трофим сказал Василию:

– Ружье и шапку положи на лося, а сам вставай рядом со мной.

Василий послушно исполнил приказание товарища и встал с ним рядом. Тогда Трофим обратился к Василию:

– Молись Богу на солнышко!

И с этими словами сам начал быстро креститься и бормотать молитвы. Василий усмехнулся и сказал:

– Двадцать лет уж я не молюсь.

– Что значит – не молюсь? Молись! Не станешь, так Бог и добычи не даст.

– Нет, молиться я не стану, да и ты, Трофим, не молись.

– Как? Да я от самой материнской утробы молюсь, а теперь ты говоришь не молиться. Этак ты скоро мне хлеба есть не велишь... Знал бы я, так и в тайгу бы с тобой не пошел. Сейчас ты в лесу, а не дома: молись не на икону, а на солнце, на небо!

Василий покачал головой.

– Это все равно. Что на солнце, что на небе, то и на стене – везде одинаково нет Бога. Если бы он был, то пришел бы к тебе в избу и сказал: «Трофим, я тебе есть принес, не работай!» Бога попы выдумали. А ты не сердись, а послушай, я тебе правду говорю я тоже молился, верил в Бога, а потом перестал. Тогда мне было пятнадцать лет... Мы ставили стога, косили, гребли, метали. Мы радовались, хвалились, что хорошее сено поставили, да и овес будет спориться. Но вдруг надвинулась туча, и пошел дождь. Мы стали молиться, просить Бога, чтобы он остановил дождь, но ничего не вышло. Вот дождит день, другой, третий, неделю – все наше сено сгнило. Мы пошли к попу. Он молился, молился, пел, бормотал, ходил по лугу, а потом собрал с нас мясо, масло, яйца, хлеб и уехал. А дождь еще больше недели шел, и дядя мой смеялся: «Молитесь, молитесь, Бог вам поможет, ожидайте...» С тех пор я не крестился и не вспоминал о Боге!.. Возьми свою шапку, надень на голову, давай свежевать лосей!

Трофим долго стоял молча, а потом сказал:

– Такие слова, Василий, я слышу не первый раз. Но ведь сорок лет я хожу по тайге, добываю лесного зверя, птицу. Без креста ни за одного зверя не принимался. Хотя и то правда, что Бог-то Бог, да помогал-то себе я сам. Вот и сын мой... пять лет, как Богу не молится. Что греха таить, и сам я, садясь за стол, иногда забываю перекреститься... Ну что же, давай обдирать!

Василий достал из ножен свой нож и сказал:

– Тридцать пять лет прожил на свете, а такого быка не видал.

При слове «бык» кровь бросилась в лицо Трофиму. Схватил он топор, кинулся на Василия:

– Что? Покажу я тебе, каков бык! Ты лесовать пришел, а не людей высмеивать!

Василий в испуге отскочил в сторону. Затем подошел и принялся убеждать Трофима, что он вовсе над ним не смеется и даже совсем забыл, что старику прозвище дали Бык.

Товарищи помирились, прибрали мясо, оставив часть для варки. Затем пошли на ночлег в охотничью избушку.

Так прошел второй день. Опять наступил вечер в тайге. К ночи охотники добрались до избушки, нарубили дров, согрели чай. Напились и стали готовить ужин, поделив между собой заботы. Трофим начал резать мясо, а Василий принес воды и пошел за дровами. Трофим крикнул Василию, чтобы тот на обратном пути взял в сенях деревянную палку для подвешивания котла. Возвращаясь в избушку, Василий невзначай толкнул старика, который нес котел с накрошенным мясом к чуваку, неосторожно задел его концом палки. Трофим подумал, что Василий хочет посмеяться над ним. Он уронил котел с мясом на землю и, не помня себя, схватил топор. Василий выскочил на улицу и спрятался позади избушки.

Тем временем Трофим пришел в себя. Положил топор, подобрал мясо, принес воды и подвесил котел у чувала.

А Василий все стоял за домом в одной рубашке. Было холодно, он весь продрог, а войти в избушку боялся. Но что же делать? Домой в одной рубашке не убежишь – далеко. Стоять во дворе не годиться: застынешь. Оставалось только одно – идти к Трофиму.

Трофим в это время тоже думал о Василии и жалел, что так напугал его.

Оставив похлебку вариться, Трофим пошел к избе, где стоял Василий. Увидев Трофима, тот хотел было опять убежать, но потом раздумал и остался на месте. Трофим подошел к нему, постоял немного молча. А затем спросил:

– Чего стоишь?

– Да так.

– Как это так? Пойдем в избушку, захолодеешь, захвораешь еще.

Так охотники снова помирились.

Скоро и мясо сварилось. Трофим собрал на стол, сели они за еду. Перед едой выпили по чарке водки. Согрелись и разговор завели.

– Мы, старые люди, всегда так делаем, – сказал Трофим, разжевывая вареное мясо. – Если что попадется – немножечко выпьем, а не попадется, так и к губам ну поднесем.

Василий вяло, неохотно разговаривал. Опасаясь, как бы не сказать что-либо невпопад, он сидел потупившись и жевал мясо.

Взглянув на Василия, старик сказал:

– Да ты чего? Боишься, что ли? И голову опустил. Не думай ни о чем! Завтра встанем и опять пойдем на лосей.

Тут только Василий понял, что Трофим не сердится. Он посмотрел на него и повеселел.

Ужинали они долго и все время говорили. Трофим рассказывал о тайге, о том, как надо охотиться. Потом он вспомнил о сне Василия.

– Ты утром говорил, что во сне тебя лошадь топтала. А ведь сон-то был в руку. Тебя и в самом деле чуть лось не затоптал. А лошадь-то твою я взял – лося убил.

– Ну нет, Трофим, – сказал Василий, – сны – это вещь пустая. Во сне много видишь, а на деле ничего не сбывается.

Трофим помолчал немного, о чем-то задумался, а потом сказал:

– Кто его знает! А вот однажды видел во сне, что юрта моя сгорела. Бабы говорят: богатым буду. А я после того двадцать лет жил и не разбогател. Только вот теперь при Советах получше стало. Вот и сын мой говорит то же, что и ты. Теперь старый человек у молодого учится, а молодой – у старого. Старый человек много опыта имеет, а молодой – дорогу вперед показывает...

Кончив ужин, Трофим и Василий приготовились спать. Они сговорились охотиться на другой день врозь: Трофим пойдет на лосей, Василий будет промышлять белок.

После этого пригретые огоньком товарищи крепко заснули.

III

Солнце уже поднялось, когда охотники проснулись, напились чаю, закусили и отправились каждый своей дорогой: Трофим за лосями, Василий белковать.

Трофим убил еще одного лося, освежевал его и воротился в избушку уже затемно. В избушке никого не было. Трофим развел огонь, вскипятил чай и стал дожидаться Василия.

А Василий пошел вверх по течению ручья и заблудился. Подойдя к реке, он остановился и только тогда заметил, что идет не туда, куда надо. Он и не догадывался, что избушка их на этом самом берегу.

Долго стоял он, размышляя, куда идти. Наконец решил прорубить лед – посмотреть, в какую сторону бежит река. Узнав, куда идет течение, Василий перебрался на другой берег.

Собаки заметили, что хозяин блуждает, и не стали убегать далеко, кружились рядом.

Между тем ночь подступала. Зажглись одна за другой звезды, начали мерцать над головой Василия. Вдали над деревьями показался светлый месяц.

Выйдя из болота, Василий опять остановился, взглянул сначала на деревья, потом на месяц. Заметив гнездо гоголя, решил, что надо идти вниз по течению реки и пошел наконец верно, по направлению к избушке. Пройдя немного, он опять остановился. В это время собаки бросились вперед. Василий схватил с плеча ружье и устремился за ними. Сжимая ружье в руке и зорко вглядываясь в даль, он шепотом проговорил:

– Это лося они почуяли, сейчас залают.

Собаки действительно залаяли. Василий схватил с головы шапку и пустился за ними. Пробежав немного, остановился и опять зашептал:

– Лося, лося где-то спугнули и не пускают!

Охотясь в тайге первый раз, Василий еще не мог распознать, на кого лают собаки.

Он постоял, надел шапку и побежал дальше.

В лесной чаще трудно было что-нибудь рассмотреть, но глаза его горели огнем, и он бежал, как по чистому полю.

Вот он наконец подбежал близко. Собаки, завидев его, залаяли еще яростнее.

Василий совсем приблизился к собакам, а лося нигде не было видно. Он остановился и громко сказал:

– Я думал, вы на лося лаете, а вы белку нашли. В такой темноте, где тут ее добыть. Пропадай она совсем!

Посмотрев на высокую лохматую ель, а потом переведя взгляд на место, где кружились и лаяли собаки, Василий вдруг заметил горящие злым огнем глаза медведя. Зверь зарычал и кинулся к Василию, но собаки тотчас схватили медведя сзади, тот присел, продолжая сердито рычать.

Василий вначале так испугался, что готов был бежать прочь, а потом оправился, осмотрел ружье и пошел на медведя. Медведь тоже не струсил: встал на дыбы. Но собаки опять схватили его сзади, и он снова присел и зарычал еще громче. Теперь Василий уже не боялся. Он вплотную подошел к медведю и, когда тот поднялся, прицелился и выстрелил в упор.

Первый раз в своей жизни он так близко видел медведя. Убедившись, что зверь мертв, Василий обрадовался своей первой охотничьей удаче, подумал, как расскажет о ней Трофиму. Наклонившись над медведем, он быстро отрезал у него уши, чтобы, придя в избушку, похвастаться перед Трофимом. Но едва он успел выпрямиться, как рядом показался другой медведь. Василий тотчас вскинул ружье и выстрелил. Он ранил зверя, но не убил. Медведь облапил его самого. Между двумя силачами начался поединок. Сначала Василий было присел, но потом собрался с силами, схватил медведя за уши и крикнул собакам, теребившим убитого зверя:

– Сюда, сюда! Берите его!

Собаки бросили мертвого медведя, кинулись на живого и начали рвать его сзади. Медведь все же успел ударить Василия лапой, и тот упал за пень между колодинами. Ружье попало под Василия. Раненый медведь убежал в соседнее болото и там свалился, царапая мерзлую землю.

Василий, лежавший без памяти, наконец очнулся, встал, осмотрел ружьё: оно уже было негодным, – сломалось ложе. Постояв, он взял топор, нож и пошел к раненому зверю.

Собаки не переставали лаять и теребили медведя. Медведь не мог уже встать. Он только издавал мощный, как громыхание грома, рев. От одного этого рева пугливый человек умер бы, а Василий с топором и ножом шел прямо на него.

В то время, как Василий переживав страшные минуты, Трофим сидел в охотничьей избушке. Он заряжал патроны, промывал ружье, по-своему что-то напевал, о чем-то задумывался, опуская голову на

грудь. Потом, кончив работу, набил трубку табаком и закурил. Невеселые думы обступили его. Время рыбной ловли уже подошло, а он еще не приготовился к ней. Вспомнил опять о колхозе.

«А не лучше ли мне, старику, пойти в этот колхоз? Может, прав мой сын. Жить сообща-то лучше ...»

Долго так думал. Долго курил свою трубку. Наконец спохватился.

– С Василием что-то неладно. Заблудился, видать. Но как искать в тайге, когда снега нет и следов не видно?

И все же Трофим оделся, вышел на улицу. И тут услыхал рев медведя. Схватил ружье, крикнул своих собак. Но собак уже не было, они убежали на медвежий рев. Трофим испугался, решив, что Василия задрал медведь. Быстро, как молодой, бежал он, едва касаясь ногами земли, не замечая кустов и пней.

Бежал Трофим и прислушивался – нет, выстрелов не слыхать. Кругом было тихо. Только потрескивали от мороза деревья и шептались вершины, погружаясь в сон.

Трофим приблизился к ревущему зверю, остановился. «Где же Василий? Стар стал. Глаза плохо видят», – подумал.

А Василий, подойдя к раненому зверю, нашел здесь не только своих собак, но и Трофимовых. Самого старика он не заметил.

Между тем медведь увидел Трофима, собрал последние силы, поднялся на дыбы и бросился на него. Старый охотник не растерялся, взвел курок и прицелился. Ружьё дало осечку. Медведь навалился, обхватил лапами. В лицо Трофима брызнули хлопья пены из раскрытой пасти медведя. Но когда Трофим уже падал, лапы медведя ослабли, дыхание оборвалось. Лежа на земле рядом с огромной мохнатой тушей, Трофим повернул голову и разглядел склонившегося над ним Василия. В руке тот держал нож, которым прикончил медведя.

Все стихло. Остервенелые собаки, словно мураши, облепили зверя и начали теребить его. Василий поднял старика, спросил:

– Цел ли?

Трофим молчал. Руки его тряслись, ноги подкашивались. Но спустя несколько минут он улыбнулся, обнял Василия.

– Спасибо, спасибо, тебе, сынок. Большое спасибо!

Он снова прижав Василия к своей груди.

Этот день промысла не пропал для Василия даром. Он добыл двух медведей, одного соболя и трех белок, а сам был хоть и помят, но жив.

Охотники уже подходили к избушке, как собаки вдруг бросились вперед, чтобы раньше добежать до дому и встретить хозяев: такая у них была привычка.

Товарищи вошли в темную, уже остывшую избушку, развели огонь, разделись и сели. Трофим взглянул на Василия и спросил:

– Что за кровь на твоем плече?

Василий повернул· голову и сказал:

– На моем плече? Э-э, ничего, а вот без ружья остался – это плохо.

– И ружье сломал?

Василий улыбнулся и рассказал Трофиму, как встретил медведя.

Выслушав его, старик сказал:

– Ну, счастье твое, милый человек, что остался жив. Но что же у тебя с плечом?

Трофим снял с Василия рубашку и осмотрел плечо. Затем достал с полки чистое полотенце, сделал повязку:

– Ничего, заживет. Спас тебя Бог, молись ему.

– Заживет, – подтвердил Василий. – Только Бог тут ни при чем. Если бы я понадеялся на него, то остался бы без головы, лежал бы теперь за колодиной не дыша. А я, не подумав о Боге, набрался силы да и вступил в бой со зверем. Человек ведь хозяин всего! Я не верю ни в богов, ни в чертей, верю только в свою силу!

Василий надел рубашку, взял свой шабур, вытащил из кармана медвежьи уши и подал их Трофиму.

– Вот, от первого моего медведя.

Взяв медвежьи уши, Трофим помолчал, прижав их к груди. Потом повернулся к Василию, посмотрел ему в глаза и трясущимися от страха губами тихо сказал:

– Ну, натворил ты беды. Зачем отрезал медвежьи уши? – С этими словами старик соскочил с места, распахнул дверь и вышел. Скоро он воротился с куском лиственницы, достал нож и стал делать лук и стрелы.

Василий сидел молча и наблюдал за ним.

Трофим кончил свою работу и положил лук и стрелы вместе с медвежьими ушами на полку в переднем углу. Затем встал на колени и принялся бормотать вполголоса:

– Медведушка, голубчик, я тебе не делал никакого зла, охотился всегда только со стрелами и луком. Мы, манси, не умеем делать пуль, не имеем ружей. Выдумали их русские и продают нам, манси. Теперь мы тоже ходим с железными ружьями, но не забываем и лука со стрелой. Со стрелами и луком мы молимся о тебе. Великий медведушка, не введи меня в беду. Я не делал тебе зла. Это все русские. Они выдумали железные ружья, они надумали убивать тебя ими. Великий медведушка, не делай мне зла, не бери у меня счастья. Я жить хочу...

Услышав эти слова, Василий не выдержал, засмеялся. Потом поднял стоявшего на коленях Трофима и усадил его на скамейку:

– Пустяками ты занимаешься, Трофим. Который раз я уже говорю тебе это. Медведь тебя не пожалеет да и зла никакого не сделает, точно так же, как и добра. Это все старые сказки. Не верь ты им! Это шаманы выдумали. Ведь твой сын не молился Богу, да и дочь тоже. Они не признают его. И ты образумься!

Трофим молча выслушал Василия. Потом также молча стал пить чай. Напившись чаю, охотники приготовили похлебку и выпили по чарочке вина.

Трофим рассказал Василию про старую жизнь манси – охотников, рыбаков:

– Я от своего отца слыхал: в старую пору люди в лес с ружьем не ходили, а были с ними только лук и стрелы. Когда нападал на них медведь, они убивали его ножом. Но вот пришли русские и принесли с собой ружья. Начали охотиться на медведя с ружьями, он рассердился и стал давить скот. Когда Трофим окончил рассказ, Василий сказал:

– Все, что ты говорил, – одни выдумки. Не Богом все это установлено, – людьми. Ведь нож это тоже железо, и вы его не сами выдумали, а от кого- то узнали, так же, как и ружье. Теперь мы – не темный народ, узнали мы и наше прошлое и будущее. Мы живем теперь здравым умом, а прошлое храним как память о наших предках, о стариках!

Трофим, слушая Василия, уже не сердился, а только вздыхал. А потом пододвинулся к нему, обнял за плечи:

– Я думал, ты ничего не понимаешь. А ты очень хороший человек. Верю я тебе, верю! Люблю я тебя, крепко люблю!

Сказав это, Трофим начал приплясывать и напевать:

Вый-вы-е-э-э, вы-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най...
Милый сын, хороший сын,
Добычу ты нашел большую...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
…Далеко я по долине речной ходил,
Тридцать лучших соболей там я убил...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
В город большой я поехал,
К русским людям я приехал...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
Хлеба, одежды у них я купил
И вина немножко с собой захватил...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най..
Потом уж домой я вернулся,
В новые сапоги, галоши обулся...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
Так я по улице милой гулял

И лыжи, ружье в поход снаряжал...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.

Он остановился, набил табаком трубку, закурил, снова подсел к Василию, положил руку на его плечо:

– Однажды мы пошли в лес. Нас было трое охотников: косоглазый Иван, Леонтий, по прозвищу Зайчик, и я. У меня была собака. Она очень хорошо искала белок. Но медведя боялась. День был хороший. Шли мы долго-долго, а потом решили отдохнуть, почаевать. Сварили чаю, сели, зачерпнули кружки, а сами разговариваем. Вдруг я закричал: «Медведь!» Вижу, медведь налетел на Ивана и сгреб его. Но Иван не растерялся, схватил зверя за уши, и они стали бороться. Я с топором туда, сюда, а что делать, не знаю. Рубить опасно, можно товарища погубить, стрелять – то же самое. Потом я выдернул из ножен нож, вонзил в медведя и располосовал ему брюхо. Тогда зверь бросил Ивана, поднялся на дыбы, подобрал вывалившиеся кишки в охапку, побежал прочь. Косоглазый Иван остался жив. Тут мы осмотрелись, видим, что Леонтия-то нашего нет. Куда-то исчез. Оказывается, он тоже удрал, убежал по собачьему следу, а за ними медведь.

– Догнал?

– Где тут, разве его кто догонит. Леонтий, как зайчик, в такое время он, наверно, даже от собаки не отстанет. Мы пошли следом за медведем. Догнали его, добили, убрали мясо и вечером вернулись в избушку. А Леонтий полеживает там. Видишь, Василий, чем с таким человеком лесовать, так лучше одному. Один – сам себя знаешь... Вот ты, Василий, только теперь узнал, как трудно дается лесное дело.

– Да, это верно.

– Так вот, я говорю тебе, береги себя, не попадайся в лапы медведю, а то всего исковеркает и голову оторвет.

– У того, кто в свои силы верит, нет страха. Смерть может прийти всегда, ее не минуешь, а двух смертей не бывает.

– Нет, милый, рано загордился, рано возвышаешь себя. Не забудь, что зверь с тобой шутить не будет. А ты, не успев показаться на свет, собираешься в могилу. Вот посмотри на меня, шестьдесят лет прожил я на белом свете, много плохого, тяжелого видал, а еще жить хочу!

Они рассуждали об охоте, о своей жизни, о прошлом и будущем. А потом, наговорившись, улеглись каждый на свое место и, согревшись, крепко заснули.

Ясное утро. Погода хорошая. Слегка дует ветерок. Медленно выползает солнце, пробивается лучами сквозь ветви громадных деревьев, освещает окошко избушки охотников.

Трофим открыл глаза, поднял голову , взглянул в окно и сказал:

– Уже день. Василий, вставай, проспали!

Товарищи быстро попили чаю, оделись и пошли к медвежьим тушам.

Трофим шел впереди, а Василий за ним, без ружья. Вдруг собака залаяла.

– Белку нашла, – сказал Трофим.

– Как ты это знаешь?

– Как не знать. На лося лают часто, на медведя сердито и порывисто , а на белку – редко, с перерывами.

– Теперь и я буду знать! – ответил Василий.

Они подошли к белке. Трофим посмотрел на сосну и, усмехаясь, подал ружье Василию:

– Стреляй!

– Чем? Стреляй ты, а я уж схвачу, когда падать будет.

– Без ружья тебя съедят! – улыбнулся Трофим, целясь в белку.

Товарищи пришли к медведям, ободрали их, сложили мясо и сели отдыхать.

Трофим закурил трубку, посмотрел на Василия и спросил:

– По родине не скучаешь? Домой не тянет?

– Тянет, как не тянет... Хорошо, что и здесь колхоз есть.

– Без колхоза не можешь жить?

Василий стал рассказывать старому охотнику о колхозе. Говорил товарищу, что в колхозе жить куда легче, чем одному. Вспомнил он об уборке хлеба, о том, как весело жужжит молотилка. Заговорил о стальных конях – тракторах, о веселых громких песнях девушек, когда они отправляются поутру на работу.

Потом Василий спросил Трофима, почему он не в колхозе. Трофим посидел, помолчал, посмотрел на своего товарища. Снова закурил и спросил его:

– А ты сам почему не в колхозе?

– Я? – весело улыбнулся Василий. – Я как только перебрался к вам, сразу подал заявление. А правление хочет узнать, что я за человек такой. Вот оно и написало туда, в мой прежний колхоз. Теперь ждут ответ. Может, вместе в колхоз пойдем?

– Нет. Я уже стар. Кто же меня будет кормить?

Трофим долго стоял на своем, но Василий продолжал убеждать старика:

– В колхозе есть кому помочь тебе. Станем с тобою колхозниками и вместе будем охотиться.

Трофим ничего не ответил.

Товарищи отдохнули, наговорились, а потом, когда начало темнеть, пришли в избушку. Ночевали там, утром встали и отправились за белками.

Еще три дня они охотились. Все время Василий ходил за Трофимом с одним топором. Охотники добыли еще одного лося и несколько белок, потом решили вернуться домой.

Дома, вечером после бани, Трофим позвал к себе Василия. Долго шла у них беседа. Тут же сидели дети и жена Трофима, рассказывали охотникам, что было без них в селе. Потом Трофим посмотрел на детей и вдруг сказал:

– А мы с Василием в лесу сговорились вместе пойти в колхоз.

– Хорошо, очень хорошо, отец! Я ведь давно зову тебя! – обрадовался сын.

– И я звала, да он не слушал! – воскликнула дочь.

Старуха сидела, курила трубку, потом улыбнулась:

– Станешь колхозником, будем жить, как все. Так и работать будем. Я давным-давно тебе говорила: дети в колхозе, а ты один остался в стороне.

– Вы меня звали, уговаривали, а убедить не могли... А вот Василий, так тот убедил. Теперь только я стал понимать, что такое хорошая жизнь. – Он придвинулся к Василию, положил руку ему на плечо и продолжал:

– Ты, Василий, очень хороший человек. Я с тобой ходил в лесу, учил тебя и сам у тебя учился. Я с тобой в колхозе буду работать, хорошую жизнь для нас и для таких вот, как они, – показал он на детей, – устраивать. Наши руки теперь крепко сжаты. Ты меня не бросишь, и я никогда не отстану.

(Перевод В. Наумовой, 1940)

ШЕСТАЛОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

Шесталов Иван Николаевич (Юван Шесталов) – (22.06.1937–5.11.2011), родился в д. Камрадка Березовского района. После окончания Березовской средней школы поступил на факультет народов Крайнего севера Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, закончил филологический факультет Тюменского педагогического института.

Член Союза писателей СССР (1962), член Союза писателей Венгрии (1997), член Международного сообщества писательских союзов. Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа (1997), почетный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа (2000). Кавалер орденов Дружбы народов (1984), Трудового Красного Знамени (1987). Лауреат многих литературных премий, в том числе Государственной премии РСФСР им. Горького (1981) за книгу “Языческая поэма” (1978), международной премии им. Шолохова (2007). Награжден орденами Дружбы народов (1984), Трудового Красного Знамени (1987).

В 1990 годы издавал журнал «Стерх», газету «Белый журавль».

С 2009 года Юваном Шесталовым была создана творческая мастерская по переводу с мансийского и венгерского языков на русский язык многотомного «Собрания вогульской народной поэзии» Б. Мункачи (Будапешт, 1892-1921) и изданию сборников «Именитые богатыри обского края».

Юван Шесталов похоронен на 38 км автодороги Ханты-Мансийск – Нягань, недалеко от Городища «Мирового смотрителя», возведенного им при жизни. На доме, где жил писатель, установлена мемориальная доска, в музее под открытым небом «Торум Маа» – скульптурная композиция.

МИСНЭ

Вōркве сярмат лылты, юнсы,
Сярмат мовалāлы.
Māньси мōйтыт сир тот сунсым,
Миснэ яласāлы.
Сōхыт нир хольт Миснэ карыс,
Лӯимā хольт хуриӈ,
Рēгыӈ мā хольт рēгыӈ āрась,
Ёмас нэ̄ хольт ёрыӈ.
Ӯйхул хуриӈ сахи масы,
Сōлиӈ хāль хольт вольги.
Māньси нэ̄ хольт ёмуӈкв хāсы,
Лāсьлакв саге сӯльги.
Вос кос лӯи мāкев яныт
Нāӈра порхай порги,
Нёмса сымыӈ Миснэ самēт,
Рēгыӈ хōтал хорги.
Āӈкваты-ке – тӯйткве толы,
Кāскве сымын ёхты,
Мāтум хōтпа марсюм холы,
Нарыӈ āгум рохты.
Лю̄лиг сōль ке ēмты номтын,
Миснэ ляпан рōви.
Рēгыӈ лāтыӈ ӯрнэ сымынн
«Тю̄пыӈ» лāтыӈ лāви.
Миснэ, Миснэ – сымыӈ нэ̄рись,
Юртыг виӈкве рōви.

Пōльнэ сымкем сярмат āрась
Рēгыӈ Миснэ вōви.
Вōркве сярмат лылты, юнсы,
Вōркве мовалāлы.
Māньси мōйтыт сир тот сунсым
Миснэ яласāлы.
Хōт туп таве хōнтыгпилум?!
Сака яныг вōркве.
Аквтыпыл ам кинсантылум:
Сымум ōньси ёркве.

(1961)

МИСНЭ

Дремлет лес, легко дыша,
В нем живёт, я знаю,
Миснэ, добрая душа,
Женщина лесная.

Ходит, веточки стройней,
Где-то в снежной дали.
Шубка вышита на ней
Птичьими следами.

Бисер искрится огнем
Весь в лучистых блестках,
Так сияет ясным днем
Иней на березках.

Пусть ни солнца, ни лучей,
Воет вьюга злая.
А у Миснэ из очей
Льется ласка мая.

Все согреет этот взор,
Все растопит синий.
Холод сердца, лед озер,
Старых прядей иней.

Если больно от обид,
Миснэ, беспокоясь,
«Тюпын, Тюпын», – говорит, –
«Милый, милый» то есть.

Миснэ, Миснэ – дар людской,
Светлая отрада,
С Миснэ – ласковой такой –
Ссориться не надо.

А дружить с ней – значит жить
С песней молодою,
Как по Оби в лодке плыть
Полою водою.

Дремлет лес, легко дыша,
В нем живет, я знаю,
Миснэ, добрая душа,
Веточка лесная.

Только где ее искать?
Лесу много-много!
Слышишь, сердце, хватит спать,
Нам пора в дорогу!

(Перевод М. Дудина)

НЁХС ӘРЫГ

Ам лāглыӈ нёхс, ам кāвриӈ нёхс.
Ам йис мутра ōньсēгум.
Хōвтйив товыт поргēгум,
Амки әрыг ōньсēгум.
Сāв сёс ёвтыл пилттāлвēсум.
Кēрнялыл алссавēсум.
Йис мутра ōсьнэ нёхс
Хӯлэгум,
Ōлэгум.
Йис әрыг әргēгум.
Әлумхōлас әссыгхаты
Сōрни мā сōрни вōйыл.
Әлумхōлас әссыгхаты:
Әрттам нёхс сахитāл тав
Әла йисыт ōлуӈкве паты.
Туп ам нёхс тынум вāглум:
Пōяр пуӈкыт ӯнлысум,
Вольгысум хōн нāй мāглыт,
Хōн пуӈкыт ларгысум.
Москва хосыт яласасум,
Париж ӯсын ёвтсавēсум.
Манах сёс ам әрупса кāсыг
Мӯйлупсаг вāрсавēсум!
Вос кос нāйыл пилылтавем,
Вос кос алуӈкв ēмталавем –
Йис мутра ōсьнэ нёхс
Хӯлэгум,
Ōлэгум,
Йис әрыг әргēгум.
Әлумхōлас!
Туп тайи вāен:
Сōрни сахим сōрни тынэ
Сōрни хольт яныгми!

(1970)

ПЕСНЯ СОБОЛЯ

Я – ноги имеющий соболь, я гибкий соболь.
Я имею древнюю мудрость.
По ветвям елей я прыгаю,
Я имею свою песню.
Много раз из лука в меня прицеливались.
Железными стрелами меня убивали.
Я, соболь, имеющий древнюю мудрость,
Продолжаю жить,
Живу.
Древнюю песню свою пою.
Человек хвалится
Золотой земли золотой нефтью.
Человек хвалится:
Как будто, оставив меня без моей собольей шубы,
Станет в будущем долго жить.
Только я свою соболью цену знаю:
На голове бояр я когда-то сидел (шапкой),
Красовался на груди цариц (воротником),
И на царской голове красовался.
По Москве я ходил,
В Париже меня покупали.
Сколько же раз они для своей радости
В качестве подарка меня подносили!
И пусть меня огнем пугают,
И пусть меня убить пытаются –
Но я, соболь, имеющий древнюю мудрость,
Продолжаю жить,
Живу,
Древнюю песню свою пою.
Человек!
Только знай:
У моей золотистой шубы золотая цена,
Как золото, в цене поднимается!

СЭ̄Р-МОР ВӦ̄Р ТУМАЙ

Мā̆кем ӗ̄ӈхи – ам ӗ̄ӈхē̄гум.
Хӧ̄тал ӗ̄ӈхыгпи – ам ӗ̄ӈхыгпē̄гум.
Тӧ̄рум харыт лӯ̆лыл ялэ̄гум.
Супыгхӯ̆лыл витыт уē̄гум.
Мā̆кве хосыт ӗ̄мантэ̄гум.
Мӧ̄йт ӧ̄выл коянтэ̄гум.
Тӧ̄рум нупыл ā̆ӈкватэ̄гум,
Нуми-Тӧ̄рум китапē̄гум:
Ӧ̄лэ̄гын наӈ ман ā̆ти?
Лӗ̄ӈхум хоса манос вā̆ти?
Ёлы тӧ̄рум номылматэ̄гум,
Сярмат сымум яктапē̄гум.
Волькыӈ лӗ̄ӈхын лю̆лē̄гум,
Марсюм э̄рыг хӯлэ̄гум.

Ӣргыӈ сымум нёвитылум,
Мӑкве хосыт кӗтылум.
Кӑс ёт вос яласӑлы,
Мӧйт кӑс вос койыглӑлы.
Лю̈ньси ке – вос лю̈ньси,
Ӣрги ке – вос ӣрги.
Ёӈхи ке – вос ёӈхи.
Ларги ке – вос ларги.
Туп вос койи
Ӣлумхӧлас лёӈхе!
Ӣргын сымум нёвумтӣгум,
Тӧрум харын ӑӈкватӣгум.
Ӣткотиль нӑй хуриӈ хури
Лӯрги тӯя хотаӈ турыл.
Сымумт йильпи мӧйт кӑс ови.
Мӑкем хосыт ёмуӈкв вӧви.

(1970)

ДУМЫ ГЛУХОГО ТЁМНОГО ЛЕСА

Земля кружится – и я кружусь.
Солнце кружится – и я кружусь.
В небесах над землей я птицей-гагарой летаю.
В воде я рыбой-осетром плаваю.
По земле я иду.
Начало сказки хочу найти.
На небо поднимаю свой взор,
Нуми-Торума спрашиваю:
Ты есть на самом деле или тебя нет?
Мой путь длинным будет или нет?
А когда я про нижний мир подумаю,
Словно ножом мое сердце кольнет.
На своей скользкой дороге стою,
Грустную песню слушаю.
Поющее свое сердце раскачиваю,
По земле вдаль посылаю.
С радостью пусть оно идет,
За радостью сказочной пусть следует.
Коли заплачет – пусть плачет,
Коли запоет – пусть запоет.
Если кружится – пусть кружит.
Если завертится – пусть вертится.
Только пусть отыщет
Тропу Человека!
Поющее свое сердце настраиваю.
На небеса снова взгляну.
Полуночное прекрасное сияние огня
Поет голосом весеннего лебедя.
В мое сердце входит радость новой сказки.
Оно зовет меня по родной земле все вдаль идти.

ПОЙТЕ, МОИ ЗВЁЗДЫ!..

Пойте, мои звезды!
Звезд узоры тонкие
В синей вышине
Дарят песни звонкие
И мигают мне.
Пойте звонким голосом,
Жители высот!
Снежная под полозом
Пусть звезда поет!
Слышишь, небо звездное,
Как поет тайга?
Видишь, как морозные
Светятся снега?
Хищная и яркая,
Словно волчий глаз,
Вниз звезда Полярная
Смотрит в поздний час.
Я пою – и с песнею
Не расстаться мне,
Звезд семью чудесную
Славлю в тишине:
Сторону родимую –
Звездный свет окна...
Девушку любимую –
Ярче звезд она!
Радость, ожидание,
И любовь, и грусть –
Этих звезд сияние
В стих ворвется пусть!
Я пою, что лунные
Ныне вижу сны:
Жмут мне руку юные
Жители Луны.
Слышу с ними вместе я
Где-то на Луне,
Как поют созвездия
В синей вышине...
Пойте ж, звезды звонкие,
В чистых небесах!
Пойте ж, звезды звонкие,
В сердце и стихах!

ЗДРАВСТВУЙ, ЗДРАВСТВУЙ, КРАЙ МОЙ ОТЧИЙ...

Здравствуй, здравствуй, край мой отчий –
Светло-голубые ночи,
Зеленеющие боры,
Серебристые озера
И любимые, родные
Руки манси золотые!
Я три года – долгих года –

Не пил сосьвинскую воду!
Лишь глотну из речки милой –
Вмиг мои окрепнут силы;
Ломтик хлеба съем – и стану
Впрямь могучим великаном!
Много дней – долгих дней –
Не был я в тайге моей...
Кровь бурлит, и сердце тает:
Край мансийский расцветает!
Детвора кругом резвится,
В черных глазках смех искрится!
Стало солнце горячее,
Песни манси – веселее!
Чу! Уж не плывет ли это
В край мой северное лето?
Или это вихрь поет?
Или счастье к нам плывет?
То плывет напев родимый –
Полнозвучный, негасимый!..
Всюду – новые деревни.
Милый Север стал напевней!..
Край мансийский расцветает!
И от счастья сердце тает!..

КЛИЧ ЖУРАВЛЯ

(ПОЭМА)

Я – Стерх,
Я – Журавль,
Священная птица.
Я плачу –
Внимают мне все колдуны,
Я плачу – шаманю,
Священные мысли
И мудрое слово
В мой плач вплетены.

Сколько мне веков –
Я не знаю,
Но уже давно
Наблюдаю:
Расплодились люди,
Как звери.
Аппетит у них
Неумерен.
Ни на что те люди
Не гожи,
У зверей и шкуры
Дороже…
Люди же без пользы,

Без толку
Рыщут по Земле,
Словно волки.
Воют, галдят,
Суетятся
Бога и зверей
Не боятся.
Шум от них
И крики,
И лязг,
Ссоры, безумства дрязг.
На земле от них –
Очень плохо.
Зарычат,
Как те росомахи –
Журавлята мечутся в страхе.
Да и я, хоть редко бывает,
Со священных мыслей
Сбиваюсь.
Высоко не спеть
В этом гаме,
Мудрыми не плакать
Словами,
Небо, ты мой Бог, повелитель!
Космос, вечной жизни
Хранитель!
Что, скажите, делать нам надо
С этим разнуздавшимся стадом?

Я – журавль.
Я – белый журавль.
Люди-манси зовут меня Торыг,
А в мире большом – Стерхом.
Возвеличивают, воспевают,
На тончайших струнах играют,
Призывают меня
к откровениям –
Последним откровениям
Умирающего Стерха
На умирающей Земле.

А однажды слышу с Неба:
Разнуздались слишком люди!
Так кричат, что Вещим Стерхам
Невозможно выжить тут.
Крикуны лишатся хлеба –
Ведь давно уж воду губят,
Травы сохнут,
Да и рыбу
Люди скоро изведут.
Голод духом злым вселится
В их кричащие желудки,
И дождя они запросят,

Но не будет им дождя!
А когда он все ж случится,
То прольются тучи ядом,
Ядом
Ядерным
За алчность
Человека наградя.
Лишь песок, гонимый ветром,
Будет там, где было поле,
Всех живых кормилец –
Поле,
Прекратившее родить.
Мор и голод воцарятся
Над калёною пустыней –
Будет соль,
Но этой солью
Будет вечно солить.
Черный жир земного чрева,
Что людей веками греет,
Черной смертью обернется,
Все собою пропитав –
Почернеют мхи и травы,
Шерсть и перья почернеют,
И земное чрево вспыхнет,
От насилия устав.
Пустяковые болезни
Станут вдруг неизлечимы,
И Природа не укроет
Чада слабые свои.
Люди смолкнут безъязыко,
И сожмутся матки женщин,
Не родив детей мужчинам.
Вот как будет.
И! У! А!

Кар-ру! Кар-ру!
Ер-ру! Ер-ру!
Каркает ворон,
Верный хору.
Демократичен,
Настырен,
Проворен –
Косноязычно
Каркает ворон.
Каркает ворон,
Уверен и боек –
Идол свобод
И прораб перестроек,
Новому призраку –
Новые тропы.
Новый бродяга
У старой Европы.
Призрак не тает –

Ворон летает.
Бах! Бух! Страх!
Страх перед вороном,
Страх перед идолом,
Страх перед голодом.
Ах! Ух! Страх!
Кружат вороны –
Голод – пожар,
Ядерный молох,
СПИД,
Кошмар.
Трах! Пух-прах!
Ах! Рух! Крах!
Страшен сраженный
Социализм.
В пушки впряжен
Национализм.
Тысячецветные флаги
Не прячь!
Кровью набух
Перезревший кумач.
В чем моя истина?
Чей мой флаг?
Что мне – опора
И кто мой маг?
Европа?
Россия?
Отечество?
Горбачевское всечеловечество?
Споры – как горы.
Кровь – как море.
Тонут опоры
В болоте –
Горе.
Программы, прогнозы,
брифинги,
партии, хартии, митинги.
Кажется, цель
В самой борьбе.
Где же опора?
Нигде.
В себе.
Стерлинги, клиринги,
Митинги, брифинги,
Овации и проклятия,
Демонстрации –
Демократия.
Где и почем
Точки опоры?
Схожи лицом
Герои и воры.
Гений – оракул?
Или больной?
Слушать?

Прогнать?
Обойти сторонкой?
Дифирамбы и диффамация –
Информация.
Информация.
Бух! Бах! Враг!
Слух. Страх. Мрак.
Эй, у власти!
Какой ты масти?
Класс?
Нация?
Или – народ?
Чем измеришь?
Веришь – не веришь,
Вру.
Врешь.
Врет.
Редко встретишь теперь
Формала.
Их, формалов,
Осталось мало.
Выплывают сплошь
Неформальные,
Непонятные,
Ненормальные –
Коррумпированные
Парторaторы,
Цивилизованные
Кооператоры,
Охотники до корней и веры,
Подпольные миллионеры.
Чрезвычайные меры?
Меры! Меры! Меры!
Меры защиты
Свобод и свободы,
Общества,
Мира,
Людей,
Природы.
Меры спасения нации
От СПИДа,
Войны,
Инфляции.
На золотом крыльце сидят
Раб,
Прораб,
Генерал,
Демократ,
Врач,
И больной –
Все хотят
Править страной…
Кар-ру! Кар-ру!
Ер-ру! Ер-ру!

Время прозрения.
Время позора.
Страшно движение
Рас и племен.
Странно рождение
Новых имен
Ультра- и экстра-
фанов и -манов,
Глоб, Чумаков, Кашпировских –
Шаманов…
Так ликовать
Или вешаться впору?
Кар-ру! Кар-ру!
Ер-ру! Ер-ру!
Где ты, наш Торум?
Где ты, наш Бог?
Чем нам снился социализм?
Колдовством безумной радости?
Ликованием счастья?
Счастье…счастье…счастье..
Слишком ярко играло,
Слишком резвилось шумно –
Вот и продлилось мало,
Вот и ушло бездумно.
Не уродивши хлеба,
Не разукрасив ягод –
Бликом высветив небо,
Сгинуло лето – на год.
Что казалось прекрасным,
Оказалось бесплодным…
Вот и ищу напрасно.
Вот и ищу голодный.
Рыщу с горящим взором,
Когти рвут корневища –
Ржавой травы узоры
Не обещают пищи.
Злиться на всех, ругаться?
Петь, плясать, веселиться?
Или в чащу забраться?
Да от всего забыться?
Звать людей на подмогу –
Иль отбирать людское?
Может – залечь в берлогу,
Там поискать покоя?
Голод не даст забыться,
Голод – берет измором.
Может быть – помолиться?
Может,
Поможет
Торум?
Вы, владыки Природы!
Жизнь дающие воды!
Небо, света источник!
Петь нам – или ругаться?

Танцевать – или плакать?
Иль в берлогу забраться
И сосать свою лапу?
Как нам жить на свете?
Я кричу –
Помогите!
Что нам делать?
Ответьте!
Дух наш –
Дух озарите!

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ СТЕРХА

Я родился
Здесь.
Мир предо мной
Весь.
Я еще мал –
Гном,
Но буду летать
В нем.
Что там, внизу?
Низ!
Что наверху?
Верх!
Пробую петь –
Писк.
Кто я такой?
Стерх.
Должен я петь –
Ведь
Голос священ
Мой
Трудно пока
Петь,
Но, Стерхом рожден, –
Пой!
Свет доброты
Прям.
Чист и правдив
Ум.
Счастье я всем
Дам
Правдой своих
Дум.
Только жесток
Век.
Тот, кто силен, –
Прав.
Мутен поток
Рек,
Грязен ковер
Трав.
Стерху Земля –

Ад.
Птичья судьба –
Нуль.
Людям перо –
Клад,
Жадным не жаль
Пуль.
Бури грозны –
В лоб,
Хочется враз
Пасть.
Застит глаза
Зло.
В душу ползет
Мразь.
Но не паду,
Нет!
Зло, клевета –
Прочь!
Мудрой Звезды
Свет
Силы мне даст
В ночь,
Крыльям большой
Мах,
Песне больших
Слов –
Чтоб превозмочь
Страх,
Чтоб победить
Зло.
Свет доброты
Прям.
Честен и чист
Ум.
Разум я всем
Дам
Песней своих
Дум.
Я родился
Здесь.
Мир предо мной
Весь.
Мир этот –
Мой дом.
Мне и летать
В нем.

Я уже Великан, но расту
Я расту
Из извечной несказанной
Сказки Земли,
Светозарный и свежий,

Как снег на лету,
Бестелесен, незрим,
Я – вблизи,
Я – вдали.
Я встаю – но недвижим.
Я встать не могу.
В колыбели своей –
материнском снегу
силу токов земли
принимаю в себя.
Холоднее, чем лед,
Горячее огня –
Жизнь Великой Земли
Наполняет меня.
Колыбель моя – снег.
Ощущаю во сне:
Я, как кедр высокоглавый,
Могуч –
Завихрение недр,
Столкновение туч,
Мыслей звездных разбег
Ощущаю во сне.
Вздрогнет космос однажды,
И вздрогнет Земля,
И проснусь я –
Героем
Эпохе под стать –
Светозарным и свежим,
Как девственный снег
И могучее всех.
Но смогу ли я встать?

Я не в своей стихии?
Вздор!
От недр Земли
До отрогов гор –
Моя колыбель золотого огня.
Из сказок земных
Возродила меня
Колыбель золотого огня
Я не в своей стихии?
Вздор!
Живителен вод
родниковых напор –
Их честью кристальной
Вспоила меня
Колыбель золотого огня.
Я спал,
Порожденье воды и огня.
Но час пробужденья
Настал для меня.
Вот кровь забурлила

В артериях рек,
Я спал – Великан,
Я встал –
Человек!
Великан – Человек,
Я возник из глубин
Воздушными стрелами,
Копьями света.
О, Мир так велик!
Почему я один?
Где ты?
Где ты?

Торум!
Наш разум космический!
Бог,
Мир сотворивший
из света и тьмы!
Может быть,
ты объяснить бы смог –
Чем провинились мы?
Ты, Мать-Природа,
Ты, Сорни-най,
Жизнь и детей подарившая нам,
Рыбе в озерах
И зверю в лесах,
Птице, прхающей в небесах –
Молим – скажи,
Почему сейчас
Страшная кара постигла нас?
Ка-ра! Ка-ра! Ка-ра-юх!
Ух!
Крахом духовным,
Телесным измором
Кара твоя, ох, сурова, Торум!
Ка-ра! Ка-ра! Ка-ра-юх!
Ух!
Мир изменить
Мы имели дерзость.
Клятвою высокой
Легко поклялись.
Но породили
Всякую мерзость,
Что грузом смертельным
Тянет вниз.
Светлое Завтра
Строить мечтали,
А получили
Бурю в лицо.
Поисчезали
Светлые дали,
Мы потеряли
Лучших бойцов.

Мы назывались
Борцами, творцами –
Гордая песня
Про светлую жизнь!
Мы так безропотно
Шли за вождями!
В чем согрешили мы,
Торум, скажи!
Не угодили мы, видно, Природе –
Кара богов не обрушится зря.
Кара – безверье,
Кара – бесплодье,
Кара – бессилье
Детей октября.
Ка-ра! Ка-ра! Ка-ра-юх!
Ух!
Падает птица.
Оборван полет.
Время стремится
Без нас
Вперед…

Солнце нам было светилом –
И только.
Небо считали мы
Атмосферой.
Землю и воду
Мутили без толка,
Жили – без веры,
Жрали – без меры.
Мы веселились,
Мы ликовали,
Всё, что хотели,
Без счета брали.
Мы покоряли Природу –
Гордые!
Вот нас Природа
Об стол –
Да мордою.
Ка-ра! Ка-ра!
Ка-ра-юй-я!
Ух!

Грехи наши тяжки
и страшен недуг –
Мы губим Природу,
давшую жизнь,
Мы телом хиреем,
слабеет наш дух,
Погрязли в корысти,
распутстве и лжи.
О, Торум! Не дай же нам пасть
до конца!

Уйми, успокой наши
злые сердца,
Молитвы услышь,
Проступки забудь!
Наставь нас, заблудших,
На праведный путь!
Прощением паству свою одари –
И ярость космических бурь
усмири!
Планету большую трясти
перестань!
Жилища сносить в океан
Перестань!
Прими покаяние, Боже, прими!
Верни людям разум –
И сделай людьми!

Вчера мне во сне
Рассказала Звезда,
С которой я Стерхом
Явился сюда,
Что жизнь из Земли
Не сразу уйдет –
Голод наступит
В первый год,
А на второй –
Жажда случится,
В третий –
Бескрылыми станут птицы.
Начнут на четвёртый –
Так может статься –
Прямоходящие
Пресмыкаться.
На пятый год
На Земле опустелой
Не станет гордых,
Не будет смелых.
А дальше – хуже.
А дальше – ужас:
Когда жена
Не узнает мужа,
Прогонит прочь
И сына, и дочь –
Тогда наступит
Ночь.

* * *

МЕДВЕЖЬЕ ИГРИЩЕ

Тулыглап, тулыглап…
Что такое «тулыглап»?
Тулыглап –
Это след медвежьих лап?..

Этот древних лет обычай
Жив на Севере моем
Возвратившись в дом с добычей,
Сквозь пургу и завируху,
Сквозь века и тишину,
Слышу, слышу чутким ухом
Вздыбленную старину:
И скользит перед глазами,
Перед чуткими ушами,
Сонь ночную песней дразнит,
Вихрем плясок воздух режет
Наш лесной мансийский праздник –
Игрище медвежье.
По тайге летают сказки,
По тайге легенды бродят,
Как охотники медведя,
Встретив, хитростью «низводят»,
В деревнях расскажут манси,
Как медведя «опускают».
Но никто сказать не смеет,
Что медведя – убивают…
«Низведен» медведь, «опущен», –
Он поддался ненароком, –
Голова его большая
На столе сидит широком,
И тогда его мужчины
Как героя восхваляют,
Духом леса называют,
Куньей песней развлекают,
Птичьей пляской провожают,
Как налима – осуждают,
Словно женщину – пугают,
Будто пса – его ругают,
Всяким штукам обучают,
Слово ласки говорят,
Щиплют, бьют, бранят, корят…
…Вот тайга под жарким солнцем
Начинает зеленеть.
По таежным по увалам,
По чащобам, по завалам
Бродит грузный
Медведь.
Но когда лесного зверя,
Лугового злого зверя
На рогатину подденут
Или из ружья застрелят
Наши манси-силачи,
Тулыглап – Медвежий праздник –
Начинается в ночи.
Семь седых веков суровых
За ночь мимо проплывает…
Видишь:
Жизнь таежных манси,
Жизнь охотников таежных

В плясках огненных встает.
– Тулыглап… тулыглап…
Что такое «тулыглап»?
Тулыглап –
Может, след медвежьих лап?
Может, песня?.. Может, сказка?..
Может, хитрая побаска?..
Может, сон? Может, храп?.. все же
Что же,
Что такое
«Тулыглап»?
– Ты постой, постой, не злись…
Утки стаей пронеслись…
Закряхтела, загудела
Под ногами мать земля…
Ты постой, постой, послушай –
Пусть твою встревожит душу
Жилы-стоны,
Струны-звоны
Журавля.

Кен-кеным*,
Кен-кеным.
Дзин-дзон,
Стук-бряк,
Синий дым.
Чёрный дым.
Начинаю песню так:
– Жилистый журавль мой,
Играй –
Комаром пищи,
Пургой завывай,
Засвисти щеглинным свистом,
Закатись ребячьим визгом,
Медведем реви,
Росомахой рычи,
Громом греми,
Чайкой кричи,
Грустящей девушкой вздыхай –
Величие сердца
Народа моего воспевай!
Кен-кеным,
Кен-кеным.
Дзин-дзон,
Стук-бряк,
Ог-ой…
Пой, журавлик мой.
Пой!

КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Космическое сознание.
Что это такое?
Высшее сознание?
Божественное сознание?
Мансийское сознание?
Сознание Природы?
Разве в трех словах скажешь!
И все же!
Все же!
Все же
Есть божественное ЧУВСТВО!
Чувство земное,
Человечье.
Мм можем ЧУВСТВОВАТЬ,
Даже если и не знаем.
И хотя Чувства
«ВНУТРИ НАС» играют,
Они ощущаются в теле
И всегда отражают
Наши взаимоотношения с Миром.
ПОЙ
СО МНОЙ
И ЧУВСТВУЙ!
И ты в начале разгадки
Загадочной загадки
Своей и чужой Природы
КОСМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ,
СОЗНАНИЯ ВЫСШЕГО РАЗУМА,
СОЗНАНИЯ ПРИРОДЫ.

МОЙ НОВЫЙ ДОМ

Поздно вечером мы подъезжали на оленях к Теги, новой деревне моего детства. По небу гуляли звезды. Они блестели, искрились, будто у них тоже веселый праздник.

Звездное небо – сказка.

Вот горит звезда Большого Лося. Когда-то охотник-великан бежал за лосем. Лось был тоже великан. Ноги его были стройными, могучими. И все же охотник догнал его. Вот-вот настигнет стрела. А кто не хочет жить?!

Взмолился лось к Торуму, прося его помощи. Торум на этот раз, как ни странно, услышал. И превратил его в созвездие Лося. И начертал следы лыж охотника. Они легли на небосводе туманным Млечным Путем. На конце Млечного Пути – дом охотника.

А сам охотник сияет яркой Полярной звездой. Большая Медведица – Лось. Если присмотреться, можно увидеть других лосей. Все они молодые, безрогие. И головы их повернуты к созвездию Солнца, где звезды сияют, образуя круги.

Эту звездную карту можно увидеть и в наскальных изображениях восточного склона Урала. Звездные мифы я слышал от дедушки. Так сказка и жизнь – два ручья, текут, сливаются, дальше бегут вместе, журча и звеня, вечно.

Мчались наши олени по звонкой морозной дороге. В небе горела Большая Лосиная звезда. И мне казалось, что следы людей, ушедших в иной мир, сияли в туманном Млечном Пути. На конце Млечного Пути – их дома, души.

Большая Лосиная Звезда сияла, а все звездное небо улыбалось улыбкой моей мамы, обещая мне дальнюю дорогу в школу…

***

И стал я жить в школе-интернате.

Школа-интернат – особый дом. Хороший дом. Самая большая комната называется классом. Класс высокий, светлый. В два ряда стоят парты. Парты пахнут краской. Блестят. В углу класса шкаф. В нем книги, тетради, карандаши. На партах чернильницы с синими чернилами. Они лучше синих карандашей пишут. Карандаши у меня были и раньше. А вот чернильницы такой не было. Теперь есть. Хорошо. Перед партами стол учителя. На передней стенке висит черная доска. На ней пишут мелом. В сторонке от классной доски стоят большие классные счеты. На простенке между окнами портрет. Ленин. Смотрит с улыбкой. Ждет, наверно, когда мы все всему научимся.

Ребята бегали по классу, пока не было учительницы. Каждый выбирал себе парту то рядом с окном, то подальше, как охотники выбирают скрадовку для охоты.

В школе-интернате много комнат. Классы, библиотека, спальни. В спальне кровати стоят рядом. Они покрыты цветными одеялами, как осенний лес листьями. Под одеялами матрасы, а не оленьи шкуры. Белые как снег простыни. Чисто, тепло, хорошо. Одна из комнат называется столовой. В два ряда вытянулись большие столы. На них будто только что выпал снег. Это скатерти белые. То ли от них светло, то ли от окон больших. Много света. На столах стоят тарелки, лежат ложки, ножи, вилки. Ребята едят все вместе. Всем вместе есть хорошо! Вкусно. Весело.

В школе учатся не все, а только сильные, здоровые. Это заметил я осенью, в первые дни. Сначала каждого осматривает не учительница, а женщина в белом халате. Старшие ее называют Дохтур-най.

У нее есть блестящая металлическая трубка. Слушает ею, как бьется сердце. Затем по груди стучит молоточком; заглядывает в рот, просит показать язык. Не болтливый ли язык? Потом что-то пишет. И говорит с учителем. Без Дохтур-най в школу не принимают. Я ее больше всего боялся. Но меня приняли.

А еще интереснее было в бане. Некоторые ребята, те, родители которых кочуют с оленями, не хотели идти мыться. Они на баню смотрели, как трусливые зайцы. Не ждет ли их там куль – злой дух? Стыдно. Один мальчик смешнее других выглядел. Верхнюю одежду снял, нижнюю снимать отказался наотрез. «Давай так мыться. Все скидывать не могу. Как это быть голым на глазах у всех!»

А я бани не боялся, так как мой атя сам складывал печь в этой бане. И я уже мылся. Не раз. В бане было тепло, как летом. Даже жарко. Душно. Как перед грозой. Разделись быстро. Голые, как линялые утки, ребята летали от одного предмета к другому. Бесконечно слышалось: «Что это?», «А это что?». В бане было шумно, как на птичьем базаре. Шум, гам. Я подошел к баку с холодной водой. Подставил под кран таз. Все смотрели на меня, что будет дальше. А дальше было обыкновенно. Повернул кран – полилась вода. Ребята, как идолы, стояли вокруг меня. Удивленно посматривали. Конечно, те, кто поменьше да из дальних кочевий приехали. Налив немного воды, я вылил ее на пол. Малыши завизжали как ужаленные. Они повскакивали с мест и забрались на скамейки. «Что такое?» – спрашивает воспитатель. «Плохая вода, – отвечает кто-то, – злой дух!»

Я знаю, люди боятся холодной воды. Дедушка говорил, что в ледяной воде злые духи живут. Воспитатель показал другую воду. Он была теплой, как солнце. Этой водой поливались, плескались. Было весело, как под солнцем.

Кончился день в новой школе-интернате. Пора спать. И надо было ложиться не на привычные оленьи шкуры, не на низкие нары, а на кровати, с которых нетрудно упасть.

Когда настало утро, увидели чудо. Некоторые спали под кроватью. Ночью разыскали они свою одежду – малицы, ягушки – и легли под кровать. Смешно. Я бы так не сделал. У нас дома тоже кровати. И еще у каждого ученика отдельное полотенце. На полочках лежат мыло, зубной порошок, щетки. Это, может быть, и лишнее. Потому как я серу лиственничное жую. Зубы мои так чистые, белые, горностаевые.

Школа-интернат – особый дом. Хороший дом. В нем мы все равные.

***

За окном ходит долгий зимний вечер. Ступит он на снежинку – слышится хруст. Прикоснется к веткам – они звенят на звездном морозе. В такой вечер хорошо сидеть у теплой печки и слушать сказку.

– Жила-была рыбка. Плавала она в речке. Резвилась, играла. А мы ее едим, – говорит один из мальчиков, снимая с чебака сухую шкурку. – Вкусная рыбка!

– А сделало вкусной эту рыбку солнце! Оно ее высушило. Мне дедушка рассказывал.

– Разве солнце всех сильнее?

– Нет! Туча сильнее солнца, – говорит третий мальчик. – Она своими черными крыльями закрывает золотые лучи солнца.

– А кто сильнее тучи?

– Гора. Выше черной тучи белеет голова каменного Урала.

– А сильнее горы кто?

– Говорят, какой-то махар, по-русски его мамонтом зовут. Говорят, он изрешетил даже каменную гору. Оттого в ней так много пещер.

– А сильнее сказочного махара собака. Она насмерть загрызла мамонта. И с тех пор лишь кости его в земле находят.

– А кто сильнее собаки?

– В сказке говорится, будто духи, лесные боги-идолы, сильнее собаки. Они насылают на все живое болезни.

– Если бы духи, лесные идолы, правда были такие сильные, их тогда бы люди в огонь не бросали. Рассердится человек на лесного духа за то, что он не помогает охоте, и сжигает идола.

– Огонь сильнее духов.

Если огонь такой сильный, то почему он гаснет от дождя?

– Вода сильнее огня.

– А сильнее всех наша учительница. Ее все слушаются, – пролепетал самый маленький мальчик, первоклассник, до этого сидевший молча.

И для меня моя учительница Евфросиния Ивановна всех умнее, сильнее, добрее. Она приходит ко мне во сне. И домой иногда приходит, говорит с мачехой, отцом. И мне кажется, в классе учительница смотрит на меня как-то по-особому. Мне становится тепло-тепло. И я забываю горечь. Зато запоминаю все ее слова, стараясь не пропустить ни одного из них. И писать стараюсь красиво, четко, чисто. Но это мне дается нелегко. Нет-нет да и кляксу поставлю. Ругаю себе, но ничего не могу поделать. И костюм у меня стал весь в пятнах. Отец купил новый суконный синий костюм. А я его весь извозил. На перемене ребята пристают. И я борюсь с ними. Только силенок у меня маловато. Они меня все время на пол валят. Ничего, не особенно это больно. Больно другое. Когда Евфросиния Ивановна посмотрит на меня, как мачеха. И тогда сердце мое опять забьется живой рыбой в шершавых руках рыбака. Зато когда я первый решу задачу или прочитаю наизусть стихотворение, в глазах Евфросинии Ивановны зажигается особый свет. От него мне становится светло-светло…, а на перемене я с ребятами бегаю, балуюсь, словно я самый счастливый, словно у меня тоже, как у всех, есть мама…

Спит в земле моя мать
И не слышит пургу.
Сердце сына – орешек, упавший в снегу…
Злобный ветер меня чуть со света не снес.
Хищной пастью меня чуть не слопал мороз.
Как чудовище Мэнкв с рослый кедр высотой,
Снежный вихрь просвистел над моей головой…
Ослепили мой ум коротышки-божки.
Может, идолов этих принять мне в дружки?
Но от них голова тяжелеет, звеня.
И в глазах, как метель, хороводит земля.
Где дорога моя? Я умею стрелять.
Но ни пулей, ни стрелами Мэнква не взять.
И как встарь, Танварп-эква пугает детей…
И тогда на извилистой тропке моей
Встала русская женщина, молвив:
«Пойдем!
Я сама позабочусь о счастье твоем».
Мне сердечное слово шепнула, как мать,
Повела меня в школу, где учат читать.
Повела меня в школу, где учат читать.

Где метлой прогоняют из детских умов
Коротышек-божков и лесных колдунов.
И набрал я весеннего воздуха в грудь.
И увидел я счастье и выбрал свой путь.

И еще одна радость у меня. Особая радость. Тайная радость. Рядом со мной сидит Сказка. Белая Сказка. Большеглазая Сказка. Это не та Агирись, с которой я еще не ходил в школу. Это другая. Ханты. Старшие зовут ее ласково Эвилэнки. Я тайно зову ее Эви. «Эви» по-хантыйски «Девушка». Загадочно ведет она себя со мной. Сидит рядом, будто и не замечает меня. Лишь когда у нее по арифметике задача не получается, поглядывает на меня. И я на нее посмотрю. Полюбуюсь на ее розовато-снежные щеки с ямочками, на ушко, в котором есть дырочка для серьги, на ее чуть вздернутый носик. А она иногда просто посмотрит на меня задумчиво-загадочными глазами, и хотя даже не улыбается, но в душе моей вдруг какая-то волшебная птица замашет крыльями. И, сидя за партой, я лечу вместе с этой белой Сказкой далеко-далеко, в загадочно-волшебное царство, где ласково, светло, высоко.

Но эта сказка длится мгновение.

На улице морозище. Стены нашей школы трещат. А на стеклах окна снежные узоры. Сказочную жизнь нарисовал мороз на стеклах. Холодновато в нашем классе. Но когда дерну мою загадочную Эви за косички, когда она опять посмотрит на меня, мне опять тепло, светло, высоко. Дергать ее за косичку – большое, единственное для меня удовольствие. Дерну за косичку и жду, когда запищит или пожалуется Евфросинии Ивановне. Но она как назло, не пищит, не взвизгнет, не жалуется учительнице. Только взглянет на меня загадочно-сказочными глазами и снова смотрит в тетрадь или в книгу. Мне так и хочется разорвать, выбросить злополучную тетрадь или книгу, но опасаюсь Евфросинии Ивановны – вдруг ее брови нахмурятся, а в глазах погаснет тепло. В них, в глазах русской учительницы, мой свет, моя радость, моя надежда. Не будь их, я тут же замерз бы, как стекло на окне, как снег за окном, как река, закованная льдом.

Прочтет она в книжке стихотворение – по телу тепло пройдет, будто в моей душе, как в потушенном чувале, вдруг разожгли огонек. Огонек разгорается и растет. Меня бросает и в жар и в дрожь. И я становлюсь словно заколдованным. И не смотрю больше на Эви и не дергаю ее за косички, а вслушиваюсь в завораживающее слово Пушкина. И уношусь в волшебный мир, где светло, тепло, высоко. Во мне растет надежда. Надежда безымянная. На что надеюсь, не знаю, – наверно, на счастье… И все же мне необычайно тепло, высоко, светло.

ЖЕЛЕЗНЫЙ АРГИШ – ЖЕЛЕЗНОЕ КАСЛАНИЕ

Что такое аргиш?

Олений караван. Большой караван. Полозья скользят, песни дороги высвистывают. Когда движется аргиш, оживает снег, он кружится и вьется, веселеет тайга, она звоном копыт смеется. И белый плес речной, уснувший в снежном сне, просыпается на миг и удивленно глядит, как по его мертвой спине на звонких оленьих копытах несется дальше жизнь…

Я просыпаюсь. Слышу не скрип, а жужжание. Не таежным ветром пахнет, а бензином. И теплые струи лицо мое ласкают, а не морозный воздух колет. Деревья летят на встречу, и колючий ветер, наверно, тоже летит, а в кабине тепло. А рядом со мной сидит не каюр в теплой малице с узорами оленьих рогов, а шофер. Не хорей у него в руках, а баранка. Крепко держит баранку шофер Борис Морозов. Пятый час показывают стрелки часов. Уже просыпаются утренние звезды, а мой сосед еще не смыкал глаз. Я клюю, уже шестые сутки клюю.

Удивляюсь, как это Борис Морозов не дремлет! Не богатырь ли он какой?

Черные деревья стадом несутся и пролетают мимо. Рыжие звезды летят, но не пролетают мимо. Они беззвучно несутся ввысь, с тяжелым жужжанием колес вниз ползут. Но с глаз моих не уходят звезды: как духи, перед глазами качаются они. Может из-за них я опять клюю и снова вижу сны?

Девяноста второй километр от Правдинска. Девяноста два километра отъехали от Иртыша, на берегу которого стоит рабочий поселок геологов. Снег, карликовые сосенки, болото… Легкие «ЗИЛы» проскочили. Тяжелые «КРАЗы», «МАЗы», даже «Уралы» вязнут. За двенадцать часов проехали только шесть километров.

Несмотря на мороз, болото не промерзло. Под тяжелыми машинами раскрыло свою «пасть» и, как чудовище, дышало морозным воздухом.

В руках комсомольца Анатолия Балмасова, кажется, трещал железный канат. Он смуглыми жилистыми руками завязал узел, чтобы удлинить канат. Потом шел к своей машине, которая стояла на более «твердом» месте, заводил мотор, тащил «Урал» товарища. Но и перед ним болото раскрыло свою пасть. И теперь уже «Урал» Балмасова кто-то вытаскивал.

Хорошо, что рядом товарищи.

Вперед пойдешь – только через двести километров приветливый огонек жилья увидишь. Назад пойдешь – через девяноста два километра глаза свои согреешь, увидев среди снегов веселые дымки таежного селения.

А в сторону пойдешь – на тысячи километров хозяева – звери. И на этом просторе лишь иногда скрипом лыж проскрипит одинокая песня охотника. Не вздрогнет даже очкастый глухарь, удивится странным звукам лось и побредет дальше. В теплом дупле шелушит орешки огненная белка. Она боится лишь соболя, который охотиться за ней. Лиса рисует узоры. И на безбрежном просторе нет больше иных следов.

Жужжит мотор, и в лад ему льется снежная музыка. Она журчит ледяной водой – в таежных речках лед иногда не выдерживал, и машины шли, плескаясь и фыркая.

И легкий ветер порой звенел – как по асфальту машины летели. И снежная вьюга порой завывала – тихо-тихо машины ползли, как стадо лосей по глубокому снегу, переваливаясь с боку на бок.

Долго не кончалась тайга. И не было ни капли воды. Жажда мучила шоферов. И вкусным казался даже сухой снег. Костер на снегу. Чай на снегу.

Строили зимник Тюмень – Сургут. Зимник – это временная шоссейная дорога. Не асфальт под колесами, а лед, который намораживали строители изо дня в день. На болотах клали бревна. В тайге прорубали просеку, в реке намораживали лед такой толщины, чтобы он вынес 25-тонные «КРАЗы», «МАЗы». А от Тюмени до Сургута почти тысяча километров. Многие сотни километров пришлось пройти по дикой тайге, где нет ни единой тропинки и жилья. А нужна эта дорога нефтяникам, строителям, буровикам, которые в навигацию 1964 года приехали осваивать новые месторождения нефти. Но за короткое северное лето не успели завести все необходимое оборудование. Ведь здесь, на Севере, единственная связь по рекам – Оби и Иртышу. А лето короткое. И на вертолетах и самолетах много не подвезешь. Вот и придумали зимник. По нему едет наша колонна, открывая новую ледяную трассу, которой и потом будут пользоваться во время строительства нефтепровода Усть-Балык – Омск и железной дороги Тюмень – Сургут. И тогда он не потеряет своего значения. И назовут его «дорогой жизни» строек Сургута, Нефтеюганска, Нижневартовска, Мегиона…

Одним из строителей был Юрий Горшенев. А познакомился я с ним вот как.

Ехал я в «газике» заместителя начальника объединения «Тюменьнефтегаз» Николая Ивановича Антропова. Он возглавлял колонну машин первого рейса.

Антропов… Как вспомню о нем, так в памяти всплывает первый день рейса. Тюмень. Торжественные проводы. Багровые плакаты: «Даешь Сургут!», «Привет участникам рейса Тюмень – Сургут!»

Антропов… Он тогда показался волшебником.

Только выехали в поле, даже не успела еще открыться за горизонтом Тюмень, как Антропов стал «принимать парад». Широко расставив ноги, он стоял в снегу. Из рук его, поднятых к небу, летели красные, желтые, синие, белые ракеты.

А мио него медленно, торжественно, действительно как на параде, проплывали груженные до отказа «КРАЗы», «МАЗы», «Уралы», «ЗИЛы». Белые, красные, синие, желтые ракеты летели в небо, намгновение освещая чуть заметную улыбку на круглом лице Антропова.

В ночь, когда мы ехали по тайге, Антропов часто выходил из «газика» и ракетами сигналил отставшим машинам.

Я клевал, а Антропов по-прежнему был добр и весел. Он рассказывал анекдоты, смешные истории о своей жизни и «карьере» нефтяника, которую он начал в Башкирии и вот решил продолжать на освоении тюменской нефтяной целины.

Не знаю, слушали ли его московские корреспонденты, которые ехали в этом же «газике», но я дремал.

Сквозь дрему услышал слова:

– Вот сейчас остались балки. Вот в них-то и жили всю осень и зиму строители дороги. Хорошо поработали!.. – и проснулся. Но опоздал.

Строители дороги… Еще днем говорили о них, и мне хотелось бы увидеть хоть одного. И вот проехали мимо. Окончательно проснулся, когда узнал, что дальше других строителей дороги мы не встретим.

Я попросил остановить машину.

– Куда вы? – забеспокоился Николай Иванович. – Ведь мы далеко отъехали, километров пятнадцать, не меньше…

Но я вышел, надеясь, что кто-нибудь повернет свою машину и отвезет меня к строителям.

Мои товарищи – кинооператоры тюменского телевидения – ехали на машинах в конце колонны. Я обрадовался, что смогу их подождать ив нашей картине о первопроходцах снежной трассы будут и строители дороги. А как же без них можно обойтись.

«Газик» ушел. Я остался на дороге один. Звезды теперь казались особенно яркими. Это при свете фар они бледные и обыкновенные, как огни далекого селения, в котором бывал ты не раз.

А в тайге, когда рядом нет ни души, звезды кажутся живыми. Они таинственно мерцают, пробуждая мысль. И в одиноком путнике пробуждаются видения одно ярче другого. Час назад ты представлял себе героем снежной трассы, покорителем природы, может, называл себя, а теперь тайга, ставшая стеной по обе стороны дороги, кажется черным медведем.

И хотя ты знаешь, что «хозяин» тайги в январе, перевернувшись на другой бок, видит сны в теплой берлоге, все же сначала появятся «медвежьи» видения.

«А самое страшное – это шатун», – вдруг пронзит мысль. И холод пройдется по телу. Шатун – самый злой зверь. Увидит – раздерет, съест заживо.

Не подумайте только, что манси так боятся тайги. Нет! Это лишь первое чувство. За многие сотни километров от дома ходили манси за зверем. В одиночку часто ходили. Целыми месяцами в снегу спали, в тайге ночевали. Не боялись мороза, медведя, даже злых духов.

Верили манси и ханты духам. Но считали себя, видно, сильнее. А я боялся в ту ночь, потому что нарушил закон тайги: у рискнувшего отстать в лесу должны быть хотя бы спички и нож. Нарушил я закон тайги, но расплачиваться не пришлось. Новое время – новые законы. На большой дороге – большая жизнь. На час только замер на этом участке зимник. Потом снова заурчали железные олени. И один из шоферов согласился повернуть обратно, отвезти меня к строителям.

На другой день мои товарищи кинооператоры уже снимали Юрия Горшенева, строителя дороги. Рыжебородый, светлоглазый, широкоплечий, он, как воин, возвышался над открытым люком АТТ – артиллерийского тяжелого тягача. В руках этого богатыря, сына кубанского казака, была могучая техника. Эти АТТ, отслужив свой срок, продолжают бой в дикой тайге, помогают людям осваивать нефтяную целину. Не с голыми руками, даже не с топором идет сегодня в тайгу строитель. По глубокому снегу ползет АТТ, и без топора валятся могучие сосны и ели. По самой густой тайге может пройти этот железный олень и проложить другим дорогу.

Я круглыми глазами гляжу на железную мощь Юрия Горшнева. И не удивлюсь, когда увижу потом его лицо на снимке вместе с другими первопроходцами, жителями города Правдинска.

Правдинск – центр Салымского месторождения нефти. А открыл его Салманов Фарман Курбанович, Герой Социалистического Труда, кандидат наук… Это человек-легенда. Он прославился смелыми прогнозами. Не поколебавшись, убедил своих коллег сделать бросок на Усть-Балык. И там оказалось много нефти. В рекордно короткие сроки строители проложили тысячекилометровый нефтепровод Усть-Балык – Омск. И в юбилейном году Омск получил свою, сибирскую нефть. Салманов отстаивал нефтеносность Мегиона, Пима, Тайлакова. И там тоже нашли нефть.

Сургут – столица сибирской нефти. Возрождение древнего города связано с именем Салманова. Через несколько лет здесь будет город с двухсоттысячным населением. Над тайгой вознесутся не только буровые вышки, но и поднимется телевизионная башня.

К берегам полноводной Оби побегут рельсы железной дороги Тюмень – Тобольск – Сургут. Таежный город станет культурным и научным центром Севера, с институтами, современными кинотеатрами, Дворцами культуры.

Фарман Курбан-оглы Салманов – азербайджанец. Сегодня на Ханты-Мансийском Севере трудно найти человека, который не знал бы это имя. На землю Югры свой богатый опыт буровика принес из Башкирии Мидхад Назифулиевич Сафиуллин. А татарин Рафхат Шакирьянович Мамлаев за исследования и организацию добычи черного золота древней хантыйской земли получил степень доктора геологических наук…

И снова я в дороге. И снова ночь.

Темно-синие деревья летят и летят. Синий снег скользит и скользит. Рыжие звезды перед глазами качаются и качаются. Когда кончится этот дорожный сон? Когда замолкнет это жужжание, пропахшее бензином?

Под жужжание моторов мне приснились олени.

Олень… Черные, как спелая смородина, живые глаза. В выразительном взгляде оленя будто затаилась глубокая дума. И кто может разгадать эту думу? Розовые губы, гордая посадка головы, полная грудь, тонкие красивые ноги, поджарый круглый стан. А рога как дерево с бархатными ветвями. А уши как две птицы. Они машут крыльями, вслушиваясь в мир.

Что они хотят слышать?

Не попал ли человек в беду, не мерзнет ли он, не хочет ли мчаться быстрое?

Захочет человек – и снежный вихрь клубится, стучат звонкие копыта, и нарта оленья мелькает. На охоту мчится нарта, на рыбалку мчится нарта, в чум соседа мчится нарта. А застигнет в пути пурга – меж оленей человек ложится. Заметает их всех снег, и мороз хоть скачет, но не замерзает человек, – рядом с рогатыми друзьями ему тепло и весело. Олень есть жизнь на Севере. Из шкуры старого оленя оленевод шьет себе малицу. Из шкуры молодого олененка шьет себе мягкую пыжиковую шапку. Из шкуры тонких ног оленя искусные руки женщин шьют меховую обувь с причудливыми узорами. На оленьих шкурах резвятся и засыпают дети. Нежными оленьими языками лакомятся северяне за праздничным столом. Хороший друг олень! Он возит, кормит, поит, одевает.

Почему сегодня ты мне снишься? Неужели в Ханты-Мансийском Севере лишь одни «железные олени» кочуют?!

Хороший друг олень!

Разве с ним могут расстаться люди?

А места хватит всем. И железным машинам-оленям есть где мчаться, обгоняя снег и ветер, и кротким оленям – рогатым друзьям северянина – есть где пастись: просторы тайги и тундры безбрежны.

Разве тысячи центнеров оленьего мяса, произведенного оленеводами округа, бывают лишними? Разве геологи, совершившие на этой земле свой подвиг, питались лишь одними консервами? Разве десятки тысяч оленей, пасущихся на пастбищах Ханты-Мансийского округа, не были полезны геологам? Не всегда в тайге были дороги. И первопроходцы на тонконогих оленях катались, постигая шаг за шагом свою мечту и цель.

Хороший друг олень!

А я задумываюсь: хороший друг олень, да только смог бы он везти железные трубы? А трубы эти нужны были для строительства нефтепровода Усть-Балык – Омск. Тысяча километров труб. Разве это под силу оленям?

Нет! Только «железные олени» смогли это поднять! И бесперебойное снабжение строителей, нефтяников, буровиков продуктами питания, оборудованием, жильем осуществить можно лишь с помощью «железных оленей» – машин, поездов. И на огромных просторах нашего Севера строились железные дороги. Строительство железной дороги Тюмень – Тобольск – Сургут стало Всесоюзной комсомольской стройкой. Она связала главные нефтяные и газовые месторождения с промышленными центрами страны.

Лес! Это еще одно чудо нашей земли.

И теперь по железным путям со звонким перестуком мчится нескончаемый поток смолистых сосновых бревен, янтарных шпал, пахучего леса. И недалеко тот день, когда из нашей тайги побегут вагоны с бумагой, целлюлозой, картоном, мебелью.

Добрые вести идут отсюда, из ханты-мансийской тайги. Над нею гирляндами огней сияют буровые вышки. Белыми стрелами натянуты высоковольтные линии электропередач. Вдоль и поперек рассекли тайгу просеки дорог, нефтепроводов. День ревут, ночью грохочут, утром гудят, вечером жужжат тысячи машин.

А завтра… Каким будет северный город? Может быть таким, каким он видится начальнику Главного тюменского производственного ордена Ленина геологического управления, лауреату Ленинской премии, герою Социалистического Труда Юрию Георгиевичу Эрвье:

«Красивый, из стекла и бетона и новых пластмасс арктический город будет поражать приезжих своими зимними садами, обилием и разнообразием овощей и фруктов, растущих в огромных по площади оранжереях; светлыми крытыми галереями, соединяющими дома; замечательными дворцами и гостиницей, в которых наряду с русскими будет звучать иностранная речь моряков, с танкеров, пришедших за нефтью; плавательными бассейнами для детей и взрослых, профилакториями».

Да, это будет! В недрах Севера – целые моря горячих термальных вод. Благодаря рукам и мудрости людей они согреют наш суровый край.

День и ночь мчатся олени, железные олени. У них и ноги железные, и рога железные, и глаза железные. Мчатся олени по дорогам железным. Мчатся они и по снегу, и по земле.

Мчатся олени железные. Только думы наши не станут от этого железными. Может, мы лишь мягче и добрее к природе станем. Может, лишь сильнее и мудрее мы станем.

На Севере нашем железные олени. По Северу нашему движется железный аргиш. Везет он в наш край новую жизнь.

МАМА, МОЯ МАМА

БУДЕТ ГРОЗА

Вокруг солнца
Появилось второе солнце.
Краса.
Будет гроза.
Синева
Режет глаза.
Краса.
Будет гроза.
Воздух зноен, неподвижен.
Замерли деревья,
Птичьи голоса.
Краса.
Будет гроза.
На небесную кручу
Взбираются тучи,
Съедают солнце.
Темнеет
Среди бела дня.
Краса.
Будет гроза.
Вздрогнул листик.
Ветерок проснулся.
Легкокрылый
Ветер встрепенулся
Краса.
Будет гроза.
Задрожало дерево.
Затрепетала вода.
В вихре танца
Закружилась вода
Краса.
Будет гроза.
Черные глаза
Черных туч
Сверкают.
Краса.
Будет гроза.
Раскаты грома,
Как чьи-то стоны,
Все ближе, ближе.

Слезами дождя
Плачет краса.
Приближается
Гроза…

Я стоял перед мамой, растерянный и жалкий. Она лежала на больничной койке. Тихо шептала, будто молилась:

Словно рыбу с солнечной водой,
Нас тобой не смогут разлучить.
Словно птице с высью голубой,
Нам всегда с тобою вместе быть.
Я весною светлою рекой
Рыбой звонкой к сердцу приплыву.
Обернешься дерзкой синевой –
Я взлечу и в эту синеву.

В голосе – слезы. В глазах – боль. Глаза у нее большие и печальные. Но в них искрится еще надежда.

Я оледенел. Не шелохнусь. Боюсь сделать шаг. В дверях стоят. Они в белых халатах. Наблюдают за мной. Из-за них я не знаю, что и делать. Не смею подойти к маме. Она растерянно смотрит на меня. Я то оглядываюсь на дверь, то слушаю ее. Она застонала. На мгновение закрыла глаза. Потом горящим взглядом потянулась ко мне.

Мне хочется подойти к маме. К моей маме. Но у дверей они. Смотрят, не спускают глаз. Халаты у них белые. И я – как ледяной. Ноги у меня отяжелели. Только глаза бегают как шальные. Не вижу ни матери, не белых халатов…

О, почему не подошел я к ней, моей родной?! Почему не упал на грудь? Не поцеловал, не приласкал почему?! Может быть, я надеялся, что помогут духи?

Почему она сама не подозвала меня? Может, она еще верила, что мы увидимся, будем жить, смеяться, радоваться солнцу, как и раньше?

Она вставала с солнцем. Радовалась солнцу. Была моим солнцем! Хорошо, когда солнце!..

Она не позвала меня, не простилась.

Она заставила меня всю жизнь вздрагивать. Вспомню – вздрогну. Сердце съежится. Скорчишься, как от стыда, как от боли. Зачем она оставила мне вечную боль, вечные слезы, вечный стыд за мою холодность, за мою недогадливость?!

А может, она нарочно оставила во мне этот беспокойный дух? Оставила для того, чтобы я помнил, что и у меня была мама, которой я обязан жизнью. Сыновнего тепла от меня было мало. Человек должен быть щедрым. Он не должен стыдиться ласки. Не имеет он права бояться постороннего взгляда. Он должен быть самим собой, а не ледышкой. Сердечность и внимание, тепло и ласка – начало человека.

Может, она нарочно не простилась со мной, чтобы я всю жизнь чувствовал, что я в долгу перед людьми, как перед матерью?

Маму похоронили. Приехал отец, сходил на могилку. Потом, мы с отцом и тетей Акулиной, которая когда-то нянчила меня, сели на катер и поплыли вниз по Оби, далеко-далеко от родной деревни. В новой незнакомой деревне люди говорили на непонятном, на хантыйском языке. И многое было непонятно мне. Почему здесь за столом хлеб, сметана, мясо? Почему в мамином доме всего этого не было? Почему моя мама с утра до самой ночи со звеном рыбаков ловила рыбу, а новая жена отца – моя мачеха – сидит дома? Другие женщины-колхозницы, так же как и моя мама, ловят рыбу, охотятся, корчуют лес, сажают картошку. Я знаю, мой отец – председатель колхоза. Но не знал я тогда, что мачеха моя болела. Досадно мне было, в конце концов: у других ребят есть мамы, а у меня должна быть мачеха?

От этих дум я заболел. Заболел какой-то странной болезнью. Меня не бросало в жар, не трясла лихорадка – меня пронизывал холод. И я просто дрожал. Все время дрожал, как маленький щенок, выброшенный на колючий снег из теплой конуры.

Мама, казалось мне, здесь где-то рядом. Она часто снилась мне. Я снова слышал ее родной голос…

Так было и в то утро.

«Пусть еще поспит, – говорила мама, точно баюкая. – Устал, наверно».

«С чего уставать? С пустой охоты? Скоро десять лет ему, а все ничего не приносит».

Этот другой – и тоже привычный – голос пытается возвратить меня из светлого сна в мое горькое утро.

«Какой же он еще охотник! Поймите, ученик он!» Эти слова баюкали меня. И снова передо мной выплывает полузабытое лицо моей мамы.

«Зачем ему тогда новое ружье купили? Дорогое ружье. А утки где?»

Утки летят в голубом моем сне. Летят со свистом. Черными стаями кружатся. Они смеются надо мной, что я не могу попасть в них. А на озеро надвигается сумрак ночи. И где-то зычно хохочет филин.

«Когда вырастет, принесет он вам не только уток…»

Просыпаюсь. Краешком глаза вижу: наша учительница: Евфросиния Ивановна говорит с мачехой. А мне-то показалось, что это мама.

«Опять проспал», – мелькает в сознании. И я с ужасом ныряю под тяжелую оленью шкуру.

– Как проснется, пусть сразу бежит в школу. Он должен учиться! – говорит учительница моей мачехе.

Мачеха не была злой. Никогда не била меня. Только иногда ворчала. А вот однажды пожаловалась на меня. Наговорила учительнице, будто я один съел всю выданную семье пайку хлеба и сахара.

Вызвали меня в кабинет. За большим длинным отцом сидит моя учительница. Напротив нее – мачеха. Когда я входил, она что-то торопливо объясняла учительнице. Я разобрал только два слова: «вор, вор». Я стоял перед ними как потерянный. Дрожал, словно на лютом морозе. Мороз ходил не по коже, а пробирался внутрь, леденя душу. Вот-вот я весь оледенею. Последняя надежда: тянусь взглядом к учительнице. Но что я вижу?! Она поверила моей мачехе… Даже стала ругать меня. Та, которая говорила голосом мамы, поверила не мне!

Слезы покатились из глаз. А язык словно примерз. Только дрожащие ноги еще несли меня. И я побежал прочь от холода, от напраслины, от этих не понимающих меня женщин…

Самая большая дорога у нас – река. По реке привезли меня к мачехе. Я помню это. Река эта была тогда живой, играла волнами, блестела на солнце. Теперь она замерзла, укрылась белым снегом. Посреди нее змеилась узкая санная дорога. По реке ездили на лошадях и на оленях, ходили пешком. До родной деревни, деревни моего детства, было недалеко: каких-то сто километров. И я побежал по снежной реке. Но ветер был колючий. Он жег лицо, пробирался под мех малицы. А наступавшая ночь показалась черной колдуньей Танварпэквой… «Защекочет меня своими ледяными пальцами Танварп-эква, и никогда не увидеть мне родную деревню, друзей детства и дядю Сергея, тетю Олю, его жену, которая всегда найдет для меня кусочек сахара, – подумал я, остановившись на развилке дорог. – Может, на ночь вернуться обратно и выспаться на каком-нибудь сеновале?»

Я так и сделал. Забрался на чей-то сеновал, на самый верх. Зарылся в сено. Внизу корова. Я слышу, как она жует. Веселее, когда не один… Я засыпаю. И снится мне жаркое лето. Солнце играет в речке. Купается вместе со мной. Вода теплая. Я плыву. Плыву и почему-то смеюсь и плачу. Брызги радужной воды – соленые, как слезы. И ноги почему-то тяжелые. Точно в этой нежной воде они оледенели…

Вдруг сквозь радужный сон слышу чьи-то голоса. Всегда хорошо слышать чей-нибудь голос: и во сне и наяву. Голоса то удаляются, то приближаются. Мне хочется узнать: это голоса настоящих людей или духов?

Меня откопали из-под сена. Подняли на руки. Куда-то долго несли…

А утром я проснулся в интернате, среди таких же, как я, ребят. У моей кровати стояла учительница. Она смотрела на меня не так, как вчера.

– Как ты чувствуешь себя? – сказала она. Так участливо говорила только мама…

***

На уроках было хорошо. Я снова был счастлив, почти счастлив. Но дома… Там по-прежнему мачеха, а не мама.

И мною все больше и больше овладевала таинственная болезнь. Я на глазах у людей высыхал, как осенняя речка, из русла которой уходила живая вода…

В нашей деревне Теги, в центре большого объединенного колхоза, был медпункт. Хороший медпункт. Добрая там была Дохтур-най, как называли фельдшерицу. К ней, а не к шаману уже шли за помощью в миг болезни. Из района приезжали волшебники в белых шапках, «снежных платьях» – настоящие врачи. Лечили меня, стараясь вырвать из «цепких лап злых духов» – болезней. А я высыхал, как осенняя речка…

Тогда обратился отец к шаману, который жил тут неподалеку в одинокой юрте на берегу глухой речки, где чаще встретишь зверя, чем человека.

Он расспросил, откуда мы родом и что со мной. Потом наотрез отказался шаманить.

«В родном уголке земли осталась душа твоего сына, он очень скучает, – сказал старик отцу. – Туда надо ехать. А я бессилен».

Отец мой был коммунист. Не сразу согласился везти в родную деревню. Но делать было нечего. Здоровье мое ухудшалось. И он решил сам не ехать, а отправить меня в сторону родной деревни с тетей Акулиной и ей молодым мужем Никитой. Никита был бригадиром оленеводческой бригады. И втроем на трех оленьих нартах мы помчались в Хомратпавыл, деревню Комрадку, где «осталась моя душа»…

Я лежал в родном доме. И слышал голос, похожий на голос Нярмишки.

– Все зависит от нас, людей, – говорил он. – Если мы захотим, чтобы мальчик жил, мы все должны будем поклясться, что будем достойны имени человека по отношению к нему, будем охранять его.

– Клянемся! – раздавались голоса мужчин.

– Да продолжит сын достойно жизнь мамы. То, что мать не успела сделать, сделает сын. То, что не успела пропеть мать, пропоет сын. И невыплаканные слезы матери – прольет сын. И не отведанное счастье матери – да отведает сын.

Да исполнит сын все мечты-думы матери, дедушки, бабушки!

Да продолжит сын достойно жизнь предков!

Клянемся, люди, что мы ему поможем!

– Клянемся! – раздались голоса.

Еще три ночи мне снились страхи. Еще три ночи меня трясло. Еще три ночи меня холодило. Еще три ночи меня бросало в жар. Но знал я, что не один, вокруг меня добрые люди. И перестало меня трясти. Я долго, долго спал: мне давали пахучее питье их трав.

Холод из меня ушел, ко мне вернулось тепло, спокойствие; странная болезнь, которую Дохтур-най назвала нервной горячкой, из меня ушла… И я снова стал учиться в школе, как все дети нашего Севера.

ШКОЛА – СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

Я собираюсь в школу. Давно я хочу в школу. Мама, дедушка – все мне помогают.

Больше всех помогает отец. Атя. Он недавно вернулся с войны. А когда уходил на фронт, я был еще маленький.

Мама и бабушка плакали, когда провожали его. А я не плакал. Я думал, что уже вырос и стал мужчиной. Но атя вернулся и я вырос совсем немного.

Отец большой и сильный. Гитлер стрелял в него, но атя живой. Атю нельзя убить. Мы идем с атей в школу. Моя ладонь в твердой, с мозолями, руке отца. Сухая трава шуршит под ногами.

Атя хороший и дедушка хороший. Только почему-то спорят. Почему? Не понимаю…

Атя говорит: «Дедушка твой шаман. Мы с товарищами хотели разбить его бубен. Но дед сам, добровольно сдал в колхоз людям лошадь, корову, барана. Бубен Ась-ойки мы пока не трогаем. Но ты его разговоры не слушай.

В нашей деревне школа, учителя хорошие. Книги у них умные».

Мама говорит: «Иди в школу. Но знай: дедушка наш не злой. Он меня, маленькую плохому не учил. Добра и разума он всем хочет. Иди в школу, слушайся учительницу. Ты сам теперь большой. Сам и решай. Живи. Учись. Думай».

В школе был барабан. Совсем как бубен дедушки. И хотя по барабану били не лапками священной птицы гагары, а обыкновенными палочками, он так же как бубен, гудел, шумел, гремел.

Дедушка говорит: «Видишь, и новым людям нужен бубен. Без старого не будет нового. А учительница твоя хорошая. Здоровается со мной. Так учись. Книг много читай. Понимай все: будешь делать так, чтобы людям хорошо жилось».

И я пошел в школу.

***

Пролетела сорока. Я знаю, что сорока болтушка. Она расскажет всем, что я иду в школу. Я хочу, чтобы сорока быстрее сказала всем, что я иду в школу.

Все ребята пришли в школу нарядные. Цветные ситцевые рубашки расшиты узорами. На замшевых сапожках тоже узоры. От них пахнет не только шкурой, но и красной охрой. А на кожаных нярах узоры из бисера. Только у меня нет никаких узоров. У меня ботинки. Все, глядя на меня, удивляются моим необыкновенным ботинкам. Их привез папа из большого города. А на мальчика, который пришел в школу в малице из оленьей шкуры, никто не смотрит, не удивляется. Обыкновенная у него малица. Только ведь осень еще, не так холодно, чтобы в шкуре ходить. У большинства мальчиков длинные волосы, заплетенные в косички. Волосы блестят. Обыкновенно блестят, от обыкновенного рыбьего жира.

У меня волосы короткие. Подстригла меня сама мама. Еще накануне. И голову мою мыла. И говорила ласково: «Пусть будет твоя голова красивой и умной». И я так же думал. Только тихо про себя. Боялся, что меня не возьмут в школу… И еще разные слова говорила мама, когда подстригала меня. У каждого манси должна быть своя форма стрижки. Если все дети будут одинаково подстрижены, думают взрослые, то они заболеют особенно смешно был острижен один из мальчиков: на макушке головы голо, а по краям оставлены черные космы. Если остричь эти космы (так говорит его бабушка), внука возьмет куль – злой дух. У большинства мальчиков и девочек просто косички. Косички разные. У одних длинные, у других короткие. У одних косички заплетены цветными шерстяными шнурками, у других ситцевыми. Не разобраться сразу злому духу-кулю, у кого какая голова…

***

– Слушайся учительницу. Она будет тебе матерью. – Мама заплакала. Я рванулся к ней. Я не мог представить, как чужая русская тетя будет моей мамой. И как родная мама может оставить меня в чужом доме, в школе. Мне нравится школа, но я не хочу, чтобы мама уходила.

И все же мама меня оставила. Уехала на берег большой реки ловить рыбу.

У других ребят мамы тоже на промысле.

Все остались. Никто не плакал. Не плакал больше и я. только утром подушка моя была чуть влажной от слез, уроненных украдкой. А когда закружились снежинки, и река покрылась настоящим льдом, я все же решил бежать к маме, добраться до нее во что бы то не стало! Легче всего бежать было по реке. Она, покрытая льдом, гладкая, как дорога. Я помнил эту дорогу. Летом мы с мамой не раз ездили на лодках. Только одному страшно. Вот если бы вдвоем!..

У Кирилла мама была там же, где моя. Я поделился с ним своим планом. Конечно, Кирилл не только обрадовался, но захотел бежать сейчас же. Решили идти утром. Я знал: ноябрьский день хотя и короток, но если выйти из деревни сразу же после завтрак, когда еще темно, то к полному рассвету можно дойти до речки, где большая дорога расходится на две. Хорошо видно будет, по какой идти.

Ночью мне снилась мама. То казалось, что она стала учительницей. Была совсем рядом и говорила, как русская тетя, разные слова. То была обыкновенной мамой в мансийском платье, расшитом обыкновенным мансийским орнаментом. Я бежал к ней, хотел прижаться к ее груди. Но она почему-то уходила от меня. Я плакал, умолял взять меня к себе. Она смотрела на меня печальными глазами и шла мимо.

Утром, позавтракав, ребята отправились в классы, а мы с Кириллом незаметно надели малицы и побежали по реке. Идти было совсем легко. Мороз был небольшой. И ветер где-то уснул. Тишина стояла. Только снежок чуть-чуть похрустывал под валенками. Сначала мы шли не по дороге, а по льду. Правда, кататься было уже не возможно. Но все же лед есть лед. Кажется, не идешь, а катишься.

Морозно, но хорошо. Идти хорошо. Весело и легко на душе. Радуешься тому, что впереди дорога и радость путешествия.

И по дороге было хорошо шагать. Даже лучше, чем по льду. Впрочем, это тот же самый лед, только снег на нем укатан до блеска. Следы саней и нарт, следы копыт коней. Почту возят. На лошадях. На оленях иногда даже здесь ездят. Я сам своими глазами видел. Вот хорошо бы сейчас на оленях прокатиться. Ведь до другой деревни на лодке и то долго едешь. Почти целый день. Километров наверно тридцать.

А до мамы еще дальше. За другой деревней их промысел находиться.

Вот уже и солнце выглянуло краешком глаза из-за дальнего леса. Заблестела узкая санная дорога, заблестела белая шуба реки и пологий заснеженный берег. Хорошо идти, когда светит солнце. Хорошо, когда веришь, что дойдешь до мамы. А мама все поймет. Хорошо, когда кто-то понимает тебя.

Сначала шли по местности, на которой много следов человека. То здесь, то там стоят стога сена. На берегу иногда виднеется легкий шалаш, сложенный из больших кусков коры лиственницы. Но скоро пошли настоящие дикие места: ни одного санного следа, никакого признака человека. Только снег. Застывшая река. Лес на берегу.

Мы шли под крутым берегом реки. На высоком берегу, купаясь в золоте зимнего солнца, в бледной бирюзе морозного неба стояли лесные гиганты, свесившиеся над самой крутизной. Внизу еще царят предутренние сумерки, а глянешь вверх – все залито блеском. Впереди река становится все шире и шире, белоснежная, сияющая река. За каждым поворотом она открывает новую даль. Сначала ноги были легкие, как крылья, но валенки тяжелели с каждым поворотом. И мы время от времени стали присаживаться. То на сваленное дерево присядем, то на заснеженную кочку. А под кочкой – норка горностая. Зверек бегал, наверно, совсем недавно. И зайцы натропили ночью столько дорожек, что их даже не сосчитать, не то чтобы разобраться, куда дорожки ведут.

– А интересно: сколько километров проходит за ночь заяц? – спрашиваю я Кирилла.

– Наверно, не один и не два, – отвечает Кирилл.

– По-моему, километров сорок могут они без всякого. Не меньше!

– Конечно! У них четыре ноги. Им легче.

– Что ты?! Думаешь, мы слабее какого-то косого зайца? Мы ведь школьники, не малыши. Неужели мы за один день не дойдем? До промысла как раз километров сорок. Половину мы уже прошли.

– Может быть, переночуем в деревне, которая будет за тем лесом? – предлагает Кирилл.

– Знаешь, если пойти прямо по реке и не заходить в деревню, можно быстрее дойти до мамы. Разве тебе эта незнакомая деревня нужна, а не мама?

– Но ведь скоро ночь…

– В этой деревне нас никто не ждет, – настаиваю я. – И стыдно как-то стучаться в чужую дверь… Они будут смотреть на нас большими глазами, спрашивать, кто мы такие. Разве тебе не будет стыдно?

– И, правда, – согласился Кирилл. – Они могут схватить нас и вернуть в школу-интернат. И мы не увидим наших мам.

– Лучше уж идти.

– Если пойдем прямо к реке, а там свернем в протоку, то сократим путь знаешь на сколько! К звездам мы уже будем на промысле.

Как порешили, так и сделали. Снова весело захрустел под ногами снег. От одной мысли, что мы сегодня увидим своих мам, к ногам как будто прихлынули силы. Да к тому же выскочила лисица. Виляя огненным хвостом, она пробежала в ту сторону, куда шли и мы. И мы совсем забыли про усталость. Полетели за ней следом. Но снег все равно тяжелел и тяжелел. То ли глубже он стал, то ли устали ноги. Даже веселая лисица, которая удачно мышковала на снегу, не помогала.

***

Снег полетел. Раздалось кудахтанье. То куропатки, растревоженные нами, взмахнув белыми крыльями с черными обводами, вылетели из-под обрыва. Чуть поднявшись, они тут же канули в сосновую поросль.

У обрыва в большую реку впадала лесная речка.

Лесная речка как новая сказка. Деревья остановились, снег засверкал. Ни дорог, ни троп. Мы идем по непроторенному покрову. Деревья словно стражи покоя. Толстые стволы их подходят близко друг к другу. Ветви кедра, раскидистые вершины сосен, кроны елей местами переплелись, смешались настолько, что не проскользнуть сквозь них даже солнечному лучу. А солнце низкое, морозное. Ловко лавируя между деревьями, идем мы по лесу. Как охотники, идем, как настоящие манси. Птиц видим: сами они беленькие, носы черные, глаза черные. Что этот такое? У меня был лук. Натянул лук. Запела стрела.

Одна птица упала. Другие улетели. Смотрим: не куропатка ли? Наверно, они самые. Глаза черные, носы черные, сами беленькие. Крылья не помогли.

Стрелы мои оказались сильнее крыльев птицы. Значит, и сам я сильнее птиц! Хорошо быть добытчиком птиц. Хорошо чувствовать себя сильнее крылатых.

Погода очень тихая. Очень хорошая погода. Сосна стоит не шелохнется. Под сосной снег замусорен: валяются ветки, лишайник, сосновые иглы и шелуха от кедрового ореха. Вокруг дерева пороша. На ров-

ном снегу беспорядок. Кто здесь безобразничал? Какой зверек? Пороша вела от дерева к дереву. Значит, кто-то шел от дерева к дереву. Кто-то на дереве должно быть, сидит.

«Цок!» – раздался сверху пронзительный свист.

Я смотрю вверх, на заснеженные ветви сосны: ничего там нет.

«Цок! Цок!» – повторился свист. Ожила вершина кедра, который стоял недалеко от сосны.

«Цок! Цок!» И с вершины кедра кто-то метнулся на соседнюю пихту.

Ожила ветка пихты, качается. Смотрим – видим зверька в пушистой шубке.

***

Без крыльев, а быстрее птицы
С дерева на дерево перелетает,
Орешки грызет,
С вершины кедра
Охотнику загадки загадывает.

Кто это?

– Белка.

– Давай-ка я стрельну, – говорит Кирилл.

Луки и стрелы у нас всегда с собой. И в школе после уроков каждый день ходили стрелять в цель. Кирилл натягивает лук, хладнокровно целится, стреляет. Ударяясь о ветки, сбивая шелуху, вниз летит серый комок меха. Белка. Лежит в снегу в той же позе, как в тот момент, когда ее поразила стрела. Головка с острыми стоячими ушками запрокинута вверх. Лапки взметнулись к самому подбородку. Задние ноги и хвост распластались – готовилась к большому прыжку, стремилась к новой высоте, к свету, к жизни… Кажется, вот вскочит этот прыткий зверек, взметнется по стволу серым пламенем, качнется ветка, другая, запляшет дерево, радуясь жизни. Но дерево не оживает. Снег мертвый. Зверек недвижим.

Кирилл бежит к своей добыче. Берет зверька в руки. Рассматривает. Довольная улыбка расплывается на его лице. Попал острием стрелы в голову. Чуть-чуть не в глаз.

– Поторопился, – говорит Кирилл. – В следующий раз надо попасть прямо белке в глаз.

Кирилл был подпоясан красивым дедушкиным поясом. На поясе зубы медведей, росомах, лосей. Много зверей убивал когда-то дедушка. И Кирилл не хочет отставать. Вот уже первого зверька убил. Надо бы снять шкурку белки да и повесить ее на пояс. Из костяных ножен вытаскивает Кирилл большой дедушкин нож, надрезает шкурку на лапах, потом у подбородка, затем быстро стаскивает ее, как снимают чулок с ноги, вывернув наизнанку, мездрой наружу. Все делает так, как дедушка делал на охоте. Не раз он брал нас собой. Ободранная тушка белки кого-то напоминает. Но кого?! А-а-а! так она на ящерицу похожа! Такая же продолговатая голова, длинное туловище, лапы. Вместо пушистого хвоста голый обрубок. И ящерицы обрубают хвосты… Мы сами видели это, а не только слышали. Тушка белки похожа на ящерицу. Видно, белка была когда-то ящерицей. Ползала по земле, а не летала-прыгала по ветвям высоких деревьев.

А медведь, с которого сняли шкуру, похож на человека. Сами видели недавно, когда охотники убили медведя…

«Медведь тоже человек, – говорит дедушка, – только дремучий лесной человек. Дикий он. Потому в берлоге живет. А если убьешь его, устроишь медвежий праздник, он вновь прозреет. Станет или человеком, или духом, богом или червячком, или ящерицей, или просто ветром.

Все рождаются или умирают, потом вновь рождаются то в одном облике, то в другом. Все зависит от поступков, которые совершил ты в других существованиях, – говорит дедушка. – Но стремятся все быть духом высшим – человеком.

Нелегко достичь высшего, просветленного состояния, – любил поговаривать дедушка. – Трудно достичь совершенства, но к этому стремиться надо».

«Интересно: кем я был? – думает Кирилл. – Может, вправду росомахой, как говорит, смеясь, бабушка. У-уф! Плохо быть росомахой. Росомаха черная, лохматая, вонючая, злая… К тому же ее люди зовут разбойницей, ворюгой. Нет! Нет! Я не мог быть росомахой, Нярмишка просто меня дразнит. Он такой колючеватый…»

– У-Уф! Вот ее следы! – воскликнул Кирилл, увидев глубокие ямы на снегу, точно нарисованные через ровные промежутки большого снега. Вертлявая росомаха шла, видно, как обычно, прыгая, вихляя толстым задом, махая пушистым хвостом.

Снег словно страница книги. Все на той странице написано. Возле ели прострочил ровную строчку хитрый горностай. Сложный узор из следов вышила на снежном полотне юркая ласка. Вот строгий соболиный след. А тут купался в снегу кем-то испуганный заяц, видно, спасался от преследователя. А что за история разыгралась здесь, возле этих засыпанных снегом кустов тальника? Снег истоптан, помят. Здесь, видно, разыгралась лесная драма. Следы недавней борьбы запечатлел снег, краснели пятна крови и валялись перья. Кто-то с кем-то мерялся силой, кто-то кого-то здесь одолел. Вот ровная борозда, по ней волокут жертву. Два крошечных следа вокруг борозды. Наверно, это горностай. У него такой бисерный след. Двое волокли одного. По перьям похоже на белую куропатку. Зазевалась наверно. Вот и потащили ее в глубокую нору. На белом снегу зияла темная рана. Это вход в убежище горностая. Под снегом тоже жизнь. Странно, маленькие и бескрылые горностаи съели крылатую большую птицу…

«Живут и побеждают не только крылатые, любит поговаривать дедушка. – Жизнь – борьба добрых и злых духов…»

– А это чьи следы? – вдруг воскликнул Кирилл. – Такие большие, глубокие. Не медвежьи ли?

– Медвежьи на человечьи похожи. А это копыта, – говорю я. – Лось, наверно.

– И, правда, лось…

И видим:
Перед нами стоит
Великан.
Огромный великан.
Глаза у него грозные.
Переносица горбатая.
Рога ветвистые, грузные.
Дыбом на холке густая грива.
Как у сердитого человека,
Сердито брови приподнимаются.
И он глядит на нас,
Грозно фыркая,
Будто говорит:
«Зачем вы,
Малыши,
На дороге моей стоите?!
И мы лесному великану
Великодушно
Уступаем
Дорогу.
Не боимся горбатого носа,
Сердито ощетинившейся холки,
Грузных рогов,
Грозных глаз.
Понимаем.
Уважаем великана
И великодушно
Уступаем
Дорогу…

Мы ушли от лося. Вышли снова к большой реке.

Вдруг увидели чудо: на противоположной стороне реки по берегу кто-то мчался на лошади. Сначала мы испугались. Подумали, погоня за нами. Хотели было прятаться. Но человек, взглянув на нас издали, стеганул лошадь плеткой и промчался дальше.

– Возьмите нас, дяденька! Нам в ту сторону! – закричали мы.

Но дяденька не услышал. Он хлестал свою лошадь. Только снег вихрился под копытами.

Долго мы бежали за нартой. Но лошадь бежит быстрей. Скоро она скрылась за мысом…

Уже сумерки надвигались.

– Пойдем лучше по следу, – предложил приятель, – а то еще заблудимся. Человек этот ведь не в лес ехал. Может, там и наши мамы.

Нет! Речка, она всегда виляет. Зря потеряем время. Пойдем лучше прямо.

Но впереди не оказалось ни следа, ни речки. Пока спорили, что делать, совсем стемнело. На небе зажглись звезды. Казалось, они чуть позванивали. И снег стал звонче. Это заиграл мороз. Взошла луна. Глазом великана она выглядывала из-за заснеженного тальника. Если бы я был один, то наверняка испугался бы. А когда вдвоем, не страшно. Даже хорошо, что появилась луна. Снег заголубел, заискрился. И небо стало не таким мрачным.

Захотелось поиграть в загадки. И я под легкий хруст снега начал необычную игру.

– Скажи-ка, дружок,
Отгадай-ка, дружок:
Во всех семи случаях
Кто навредит?
– Трус и хитрец.
– Молодец!
А кто не верит
Правдивому слову?
– Трус и хитрец!
– Кто тайну не сохранит?
– Трус и хитрец!
– Тысячу раз кто умирает?
– Трус и хитрец!
– Один раз кто погибает?
– Храбрец!
– Нет богатыря без битвы,
А храбреца без рубца.
Храбрый знаменит в бою,
Трус и хитрец знаменит дома.
Трус за едой герой.
Храбрый – в труде.
Трус не вынесет палки.
Трус избегает друзей.
По следу труса не ходи.
Кто думает, каков будет конец,
Тот не храбрец…
И храбрецу нужна жизнь.
Храбреца боится смерть.
Быть честным и скромным
К лицу
Храбрецу.
Быть отважным и смелым
К лицу
Храбрецу.
Не ты ли тот
Храбрец-молодец?

Полная луна разливала голубовато-серебристый свет, тихо трепещущий над глубоко задумавшейся заснеженной рекой. Звезды усиленно мерцали, стараясь проникнуть своими нежными лучами через толщу лунного тумана, окутавшего землю. Лунная тишина заколдовывала землю.

Мы шли теперь медленно, тихо переговаривались.

– Тебе не кажется, что луна – глаз великана? – говорит загадочно Кирилл.

– Кажется… Только не глазом великана, а будто из-за деревьев смотрит Танварп-эква.

–Та, которая по ночам любит щекотать? Так она ведь около деревни живет. Мама сказывала.

– А может, деревня правда здесь. Где-то недалеко.

– Пусть хоть Танварп-эква. Только бы недолго нам идти.

– Ноги мои стали каменные. Может, присядем?

– Садиться нельзя. Снег приворожит. И нам не встать будет.

– А мы не на снег. А вот на то поваленное дерево.

– Ладно, посидим. Я тоже устал. Хочешь хлеба? У меня еще два кусочка осталось. Даже с маслом.

– Откуда у тебя столько хлеба? Мы ведь уже вчерашнюю порцию съели.

– Я давно готовился. Не всю порцию хлеба съедал. И сахар, и масло откладывал. Ждал, когда река встанет.

– А чего ты мне не сказал? Я бы тоже…

– Я не думал, что ты…

– Смотри-ка… Глаз луны ближе стал. Может, и правда Танварп-эква?! Она тебя еще не щекочет? Меня, кажется, уже начинает. Ноги мои будто кипят.

– Танварп-эква трогает только спящих. А ты ведь еще не спишь. Или засыпаешь?

– Нет. Но…

– Смотри-ка! Смотри! Вот там! Кто-то едет.

И правда. По гриве, среди редких корявых деревьев, что-то замелькало, то, появляясь, то исчезая. В голубом лунном свете будто летела по снегу голубая тень. Но все же это была не тень, а лошадь. Настоящая лошадь. Она неслась, не как сказочная лунная стрела, а как обыкновенная лошадь, по хорошо укатанной дороге.

Значит, там дорога.

И мы побежали. Но кочки, пни, ямы мешали нам. Мы падали, поднимались и снова бежали. На мгновение ноги будто снова обрели крылья. Но на дороге, до которой мы еле добрались, сверкали лишь лунные искры от следов только что умчавшихся саней.

– Та же самая дорога! Я же говорил. Теперь нас могут найти. Авось опять поедут.

– Я больше не могу идти, – рухнув на снег, протянул Кирилл.

– Ладно, отдохнем. И пойдем дальше. Я знаю. Это совсем недалеко. Всего несколько километров. Мы должны, должны дойти. Там ведь наши мамы.

Отдохнув мы снова шли. Шли медленно, еле-еле перебирая ногами, будто шли не по гладкой, наезженной дороге, а по глубокому снегу.

«Еще немножко! Еще немножко! Там наши мамы. Мы должны, должны дойти. Мамы нас ждут. Мы должны, должны!» – как заклинание, повторял я, подбадривая теперь не только товарища, а больше самого себя. Лунные искры закружились, заплясали. Голову тянуло к земле. Но снежинки все же похрустывали, ноги шли, потому что в сознании светилось: моя мама…

Она просила сделать шаг, еще шаг. Она умоляла не садиться на снег, а то увидишь Танварп-экву. А кто хочет увидеть Танварп-экву?

Лучше уж не видеть ее. Лучше уж сделать еще шаг, – а там и мама. Самая светлая, добрая, ласковая!

Шерсть малицы вокруг лица покрылась неприятным наростом – куржаком.

Глаза стало резать словно ножами. Слезы повисали на ресницах, превращаясь в льдинки.

Нос все время надо было прятать в заиндевелые рукавицы. Холод лез всюду, щипал, замораживал.

Потом я видел, как наши синие тени покачиваясь на голубом снегу, словно два карликовых деревца под сильным ветром…

И когда кто-то схватил меня большими сильными руками, я своими глазами увидел перед собой настоящую быстроногую лошадь, широкие сани, – лишь тогда я позволил своей голове закружиться в синих лунных искрах.

И по взгляду человека, схватившего меня, я понял, что этот довезет до мамы.

Есть много чужих людей, которые относятся к человеку, попавшему в беду, как к своему родному.

Я погрузился в забытье…

А утром, проснувшись, увидел: мама накладывала на мой горячий лоб мокрую тряпку; она что-то говорила.

Слова были обыкновенные, какие говорят все мамы своим детям: чуточку строгие и ласковые в тоже время.

В них справедливость. И даже если слова мамы и на самом деле строгие, даже тогда совсем не обидно. А как-то необыкновенно хорошо. Светло. Тепло…

Голова моя кружилась. Ломило тело, ноги. Но рядом была мама. Ее глаза смотрели на меня с любовью. Мама поняла. Поняла, почему мыс Кириллом бежали из школы. Ведь нам не только хотелось увидеть наших мам. Нет, не только это. Что-то большее было причиной. Соскучились? Да. Но не только это. Что-то большее было… Да, было! Потому и пошли по снегу наугад, не побоялись мороза и дальней дороги.

Но наши мамы скоро нас снова отвезли нас в школу. Только мы выздоровели – и нас сразу отвезли в школу… было обидно. Будто они перестали понимать нас, сыновей. Мы по ночам снова роняли слезы в подушку.

Но потом я стал замечать: учительница не такая уж мне чужая. Она была по-своему доброй и тоже стала меня понимать. Конечно, она не могла, как мама, с утра и до ночи тянуть невод, ловить настоящих живых рыб. Зато умела другое. Научила меня читать.

И книги были интересными не только своими картинками. Буквы, собираясь в строчки, как стадо оленей по горной тропе, шли и шли, спускаясь от одной мысли, поднимаясь к другой.

Прочитаешь страницу – будто тропу пройдешь, вторую прочитаешь – на незнакомую высоту поднимешься, а книжку прочтешь – в волшебной стране побываешь, все ее дороги и тропинки изведаешь…

Летом я снова был с мамой.

Ловил рыбу, гонялся за утками, и даже настоящие, дикие гуси не раз убегали от меня, словно трусливые зайцы. И Кирилл был со своей мамой.

Хорошо было мне в окружении рыб, птиц, таежных зверей, но почему-то книжки становились все интересней и интересней. Они будто колдуны. Зачаровывают. Сидишь и смотришь в бумагу. И не желаешь бегать так много, как раньше. Вспоминается учительница. А к осени мне захотелось свою учительницу увидеть.

Еле дождался первого сентября. Шел в школу, как на праздник.

И Кирилл шел в школу, как на праздник. Он шел рядом со мной, улыбчивый, веселый.

Школа – большой светлый праздник.

***

Праздник, когда мама и папа со мной. Неужели этот праздник кончается? Папу увезли в черной кошевке. И лошадь черная, быстрая. На быстрой лошади увез моего папу большой начальник района. Он сказал, что надо поднимать новый колхоз. И папа поехал… Стал он там председателем колхоза. Колхоз этот далеко-далеко от нашей деревни. Не один раз остановиться надо на лошадях, чтобы доехать до той деревни. Не один раз чай кипятить, чтобы доехать до той деревни. Далеко… А дедушка уже старый. И бабушка старая. Собака у них стала старой. Они не могут ехать так далеко. И мама не поехала. Кто будет кормить дедушку? Кто будет кормить бабушку? И мне надо учиться. Как я могу оставить школу, которая мне нравится? У них там, может быть, и школы-то настоящей нет, одни олени. А мне нравится теперь наша учительница. Нет… Я не хочу в дальний колхоз. Я с мамой, с дедушкой, с бабушкой хочу. Папа уехал, а мы остались. Скучно без папы. Холодно.

ИДОЛ

1

– Земля моя! Какая у тебя песня? Тайна моя! Какая у тебя сказка?

– Песня моя – нефть. Сказка моя – газ. Загадка моя – это я сама, – ответила тайга, не замечая над собой ярких сполохов северного сияния.

Я не стал больше спрашивать, ведь шла вторая половина сложного двадцатого века. Люди были героями, покорителями природы и космоса. Я решил пойти и послушать...

Ледяная земля проснулась от вековой спячки. Она разгоряченно дышала, снимая с себя шубу из дремучей тайги, опоясываясь стальными нитями дорог и трубопроводов. Она гудела – под железными копытами нового кочевья. С радостью наряжалась в ожерелья городов, сияя счастливыми глазами новых огней... А герои шли, шли, шли. В пургу, в мороз, в зной. Пробираясь сквозь таежные дебри, топкие болота, голую тундру, они шли, шли, шли, шли... и я был вместе с ними. Я тоже был героем. И мои уши глохли от железного рокота: не все я мог услышать. И мои глаза слепли от яркого сияния огней: не все я мог увидеть. И я летел на стальных птицах, обгоняя время, не чувствуя движения Земли ...

Но однажды я услышал плач, который вы не могли услышать:

«Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Люди!
Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Люди!
Если у вас еще не оглохли уши
От жизни, летящей железной птицей,
Послушайте меня.
Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!»

Услышал я это в верховьях безымянной речки, где бульдозерист рассчитал место для нового селения нефтяников, увидал полуразвалившуюся избушку на «лосиных» ножках. Ее сторожили самострелы, притаившиеся среди древних кедров и лиственниц, и плосконосые идолы, стоявшие вокруг поляны... Удивленный бульдозерист вытаскивал из избушки почерневшие от времени деревянные сабли н стрелы, лоскутки материи, шкурки каких-то зверей, берестяные маски, монеты серебряные и золотые, медные амулеты с загадочными узорами, цепочки, железки и, наконец, странную куклу в собольей шапке, в одежде, расшитой цветными сукнами, серебром и золотом...

Он небрежно бросил все это в снег. И, удивленный дикости, он рассмеялся. А я снова услышал плач:

«Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Я не нищий! Не холоп!
Вы предо мной снимали соболиные шапки,
А не я перед вами.
Ваши молитвы легкими снежинками
Стелились к моим ногам.
Глаза ваши были полны озерами слез.
Вы это уже позабыли?!
Души ваши были земными пещерами,
Полными страха и сомнения.
Вы шли ко мне.
И я успокаивал вас.
И это
Вы в своей тощей памяти
Заросли мусором?!
Неблагодарные!
Вспомните:
Уши мои –
Два острослухих ворона.
Глаза мои –
Два зоркоглазых ястреба.
Вздрогнут священные деревья
С семью жертвами[49] –
я уже слышу.
Качнутся жертвенные деревья
С семью жертвами –
Я уже бегу на ваш крик и зов.
Бегу ногами семи лосей
Из-за семи гор.
Сквозь дожди и белый ветер
В вашей памяти бегу.
Колючие ветки семи боров
Расчесывают мою одежду
Из осенних оленьих шкур.
Вы шептали о своем горе
Устами еле дышащего, языкастого зверя.
Для вас я был самым могучим, великим.
Я уходил в подземелье,
Где лишь мамонт ползает
И злой дух Куль бродит.
Я плавал там,
Где водяной Виткась[50] плавал.
Лишь я мог быть рядом с небом и чертом.

[49] Деревья с семью жертвами – деревья, на которые при жертвоприношении повешены лоскутки материи.
[50] Виткась – мифическое водяное чудовище, происхождение которого манси связывают с мамонтом.

И не страшны мне ямы,
Где вязнут ваши ноги.
И нет земли,
Где слабели б мои руки!
Ради меня вы испускали кровь
Лучших белоснежных лошадей,
Круторогих оленей вы приносили в жертву,
Возвышая меня над всеми духами,
Восхваляя мое имя!
Вы все еще не можете вспомнить
Меня? Как коротка ниточка вашей памяти!
О, как вы ничтожны!
Да вы сами своим коротким умом
Сотворили меня.
Своими живыми руками
Вырубили из дерева,
Из долговечной лиственницы.
Да, я – деревянный идол!
Ваш – дух!
Ваш – вождь!
Ваш – бог!
Я – идол!
Вы – идолопоклонники!

И Я СТАЛ ВСПОМИНАТЬ

2

Это не тот ли идол, которому поклонялись мой дед и прадед? Это не тот ли идол, который и на меня в детстве наводил страх? И маленькое мое сердце трепетало, как рыбка – в руках человека, пока русская учительница не вывела меня на широкую дорогу из-под чар волшебных лесных духов.

Дорожку к ним сейчас манси стали забывать... А может быть, в нас идол и не умер? Ведь все тогда стали поклоняться другому. Хотя он и был человеком.

Отчего все это было? Разве мы в самом деле были другими? Прошелестел ветерок около уха, и чей-то глуховатый голос выплыл из гробовой тишины:

«Не на Луне, а на Земле
Стояло капище мое.
Среди кедров онемевших
Стояло капище мое.
На четырех ногах, вросших в землю,
Стояло капище мое.
Стрелы с острым клювом птицы
В хвое таились –
Стояло капище мое!
Среди семи великанов менкв
С глазами, обросшими шерстью,
Сидел я в капище моем.
Тридцать стальных сабель
Навек уснули в капище моем.
Тридцать берестяных масок
Юлили в капище моем.
Лицом деревянным, глазами деревянными
Глядел на вас –

Стояло капище мое.
На четвереньках ко мне ползли вы –
Стояло капище мое.
Не только оленя, но и себя
Принести могли вы в жертву мне –
Стояло капище оное.
След ноги моей вы целовали –
Стояло капище мое.
Вы несли ко мне монеты –
Стояло капище мое.
Вы к ногам моим могли принести планеты –
Стояло капище мое.
Подхалимы всех слаще молились –
Стояло капище мое.
Злые языки за зубы прятались –
Стояло капище мое.
Вверх ногами не ходили –
Стояло капище мое.
Бранью тайгу не оглашали –
Стояло капище мое.
Даже звери не рычали –
Стояло капище мое.
Вы слепыми притворялись –
Стояло капище мое.
Вы глухарями быть старались –
Стояло капище мое.
Свой язык вы отрезали –
Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йй-о!
Стояло капище мое!»

Да, это был тот самый идол, которому поклонялись мои предки. Я увидел обструганное деревянное лицо, глаза, брови... От этого взгляда когда-то все живое немело... А теперь...

3

«Пу-ху! Пу-ху! Пу-ху!» –
Стонет где-то филин.
«Пу-ху! Пу-ху! Пу-ху!» –
Стонет где-то рядом.
«Карр! Карр! Карр!» –
Каркают деревья,
Черные от воронов.
«Халэв-лах-лах, лах-лах!» –
Заливаются в смехе чайки.
«Тырр, чирр, тырр-чирр!» –
Трещат хвостами сороки.
«Ха-ха, хи-хи, хо!» –
Смеются птички-невелички.
«Пу-ху! Пу-ху! Пу-ху!»
«Карр! Карр! Карр!»
«Тырр-чирр-тырр!»
«Халэв-лах-лах!»
«Ха-ха, хи-хи, хо!»

Потревоженная тайга пела, ухала, стонала… Трудно было отличить голоса певчих птиц от звериного рычанья, стука топоров, жужжанья бульдозеров...

И кажется, лишь одно седое дерево, склонившееся под тяжестью снегов, удивленно проскрипело.

4

Отчего вы раскричались,
Расхрабрились,
Вдруг прозрели?
И уши ваши ловят слухи,
И язык метлой метется?
Отчего вы вдруг проснулись?..
И над глубоким снегом снова плыл стон.

5

В бревнах черви шевелятся –
Свалилось капище мое.
Соболью шапку крысы съели –
Свалилось капище мое.
В шелках моих вьют гнезда мыши –
Свалилось капище мое.
В лицо мое помет кидают
Длиннохвостые сороки –
Свалилось капище мое.
И деревянные глаза мои
Клюет не дятел-работяга,
Клюет сам черный-черный ворон –
Свалилось капище мое.
Что в глазах моих он ищет?
Что найдет он в деревянных?
Хочу шепнуть ему – но смогу ли –
Свалилось капище мое.
Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Свалилось капище мое.

В памяти моей прорастает время. События середины двадцатого века проносятся в бешенной Медвежьей пляске[51]. Мелькают берестяные маски[52] и знакомые лица. Вот одно особенно знакомое. Каждый день оно плясало в газетах. А сегодня это лицо застыло в немом крике.

6

Мне б хотелось, мне б хотелось,
Вкруг меня чтоб все вертелось:
Чемоданы, миски, чашки,
Петухи, орлы, букашки,
Корабли, огни, газеты,
Гимны, звезды и конфеты,
Сталь, ракеты, черви, стрелы,

[51] Медвежья пляска – праздник охотников после убийства медведя, с песнями, танцами, сатирическими и драматическими представлениями

[52] Берестяные маски – на Медвежьем празднике лица, участвующие в сценических представлениях; выступают в берестяных масках с длинным носом. Береста всё вынесет, любую критику можно высказать.

Замминистры, управделы,
Мамонты, шайтаны, блохи,
Космонавты, скоморохи,
Волки, идолы, матросы,
Солнце, пьяные березы.
Так, что шлюхи и герои
Были за меня горою.
Мне б хотелось, мне б хотелось,
Вкруг меня чтоб все вертелось.

7

Я мансийский деревянный идол.
Я сегодня уже умираю
Сабли мои деревянные
Я к вашим ногам кладу.
Богатство мое – леса мои,
Где звери, как дети, играют
Пушистыми хвостами,
Я вам отдаю навеки.
Сокровища мои – мои реки,
Где рыбы жирными боками
Серебряные волны точат,
Я вам отдаю навеки.
Тайна моя – мои недра,
Где клокочет жидкое золото,
Я вам отдаю навеки.
Сабли мои деревянные,
Стрелы мои деревянные ...
Опасен ли я для вас?!
Я мертвый уже.
Вы – живые!
Опасность моего зачатия
В вас самих таится,
Я – идол,
И я умираю,
Вы – идолопоклонники.
Вы остаетесь,
И в ком-то из вас я проснусь.
Ведь кланяться вы, ох, как любите!
И вину за грехи свои тяжкие
На плечи других вы валите,
Как снегами деревья...
А думать вы сами не любите:
«Пусть вертятся боги высокие,
Ломая себе мозги!
А мы лишь земные черви, –
Скажут нам, –
Подточим,
Изрешетим!..»
О, вечные идолопоклонники,
Меня вы снова вынянчите
В солнечной, золотой люльке,
В пышный наряд нарядите,

Новое имя дадите!
Я идол!
Я умираю!
Но опасность моего рождения
Таится в вас самих.

8

Под лиственницей юной
Не растет стрела.
Кай-о! Кай-о! Йо!
Под лиственницей древней
Сгнил мой амострел…
Кай-о! Кай-о! Йо!
Под лиственницей юной
Пусть растет трава.
Кай-о! Кай-о! Йо!
Под лиственницей древней
Пусть гниет шапка моя.
Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Только перед этим
Я хочу сказать вам:
Кай-о! Кай-о! Йо!
На будущее наказать вам:
Кай-о! Кай-о! Йо!
Только мой облик из дерева
Не рубите больше!
Кай-о! Кай-о! Йо!
Только мое имя
Не лепите больше!
Кай-о! Кай-о! Йо!
Только в небеса
Меня не возносите!
Кай-о! Кай-о! Йо!
И в леса священные
Меня не уносите!
Кай-о! Кай-о! Йо!
Потом же опять
Меня же ругать?!
Ой-о! Ой-о! Йо!
Потом опять меня же топтать?!
Ой-о! ой-о! Йо!
Быть среди вас святым –
Ой-о! Ой-о! Йо!
Будьте сами святыми!
Кай-о! Кай-о! Йо!
Слово как таежный зверек,
А зверька поймать совсем не легко.
Увидишь свет на свежем снегу,
Услышишь шелест травы,
Шуршанье хвои.
И кажется – твой он.
Ты радостью полон
И счастлив как юноша.

А подумал так – и зверь ускакал.
Ликованье твое зверь услыхал.
Вслушаешься – а он далеко от тебя.
Был рядом – и сказкой недостижимой стал.
Когда подошвы сапог перетрутся
И голосом отчаяния вдруг заговоришь,
Заговоришь – как закричишь,
Напрягая все силы свои человечьи,
Тогда лишь, быть может, будет твоею добыча.
Таежный зверек – как таежное слово.
Таежное слово – как таежный зверек.

ТАЙНА СОРНИ-НАЙ
(ПОВЕСТЬ)

1

Сергей шел по заброшенной, еле заметной охотничьей тропе. Снег похрустывал под лыжами. Ветви деревьев сверкали под лучами низкого зимнего солнца. Смоляной пастой кедрового бора пьянил. Впереди бежала Музгарка. Хвост у ней калачом, уши навострены. Из ветвей курчавого кедра вылетела ронжа[53] и затрещала на весь лес. Музгарка остановилась, прислушалась, но лаять не стала. Знает, умница, цену этой птице.

Выпорхнул из ельника рябчик, осыпав с ветвей радужный бисер. Музгарка радостно взвизгнула, но остановилась, поглядев на хозяина.

«Птицы растревожили душу собаки, – отметил Сергей. – Давно не ходили на охоту. Соскучилась, бедная».

Похрустывал снег под лыжами. Шагать бы вот так и смотреть на деревья, нарядившиеся в причудливые кружева снега, и слушать тишину леса, и говор таежной речки на перекате, и задорный лай собаки, идущей по следу медведя. Дышалось легко и свободно, и, казалось, ничто не мешало Сергею думать. На охоте всегда хорошо думалось. А подумать ему было о чём. На свете прожито тридцать семь лет. Может, половина, а может, и большая часть жизни уже позади. Кажется, многое должен знать, понимать. Правильно оценивать. И тем по менее каждый день ставит все новые и новые задачи. Большие и маленькие. И надо их решать. И не кому-то, а самому.

На днях Сергея пригласил начальник управления «Югрогаз» Спиридонов. В кабинете, большом и светлом, непрерывно звонили телефоны. Спиридонов то брал трубку чёрного телефона и говорил с кем-то о неполадках в водоснабжении посёлка, то, не торопясь, тянулся к белому телефону и, выслушав, спокойно и просто объяснял кому-то важность быстрейшей сдачи в эксплуатацию бани.

И ни слова о газе. Точно это не управление крупного газопромыслового хозяйства, а небольшое учреждение, которое занимается лишь бытовыми и житейскими делами.

Сергею редко приходилось встречаться со Спиридоновым. У рабочего человека свои дела и масштабы, у начальника, разумеется, дела и масштабы другие. Правда, несколько раз Сергей обращался к нему как депутат областного Совета, куда избрали его два года назад. Но то были деловые, очень короткие встречи. Сегодня Спиридонов вёл себя иначе, даже не как начальник, а как старший товарищ, требующий совета.

– У нас тут возникла одна идея… Своего рода эксперимент. Не попробовать ли нам на новом хантыйском промысле так укомплектовать кадры, чтобы большая часть их состояла из людей местных? Скоро будет новый выпуск ПТУ. Там учатся ребята ханты, манси, ненцы. Это – будущие операторы, слесари… Конечно, пошлём туда и опытных людей… Как вы считаете, возможно это или нет?!

– Почему же невозможно, – почти машинально сказал Сергей.

– В таком случае ещё один вопрос. Кому-то надо поехать туда и возглавлять этот важный участок… В общем, заведующий промыслом нужен. Мы тут посоветовались и решили предложить эту должность вам. Как вы смотрите?

Всё что угодно ожидал Сергей, но только не этого. Он засмущался, как мальчишка. Спиридонов успокоил его:

[53] Ронжа – кедровка.

– Не торопитесь. Подумайте. С семьей посоветуйтесь. Только имейте в виду: рано или поздно с газом и нефтью, со всеми богатствами этой земли, придётся работать вам, коренным жителям…

В это время зазвонил телефон. Густые чёрные брови Спиридонова нахмурились, на добродушном лице появилась озабоченность.

– Сейчас приеду! – сказал он в телефонную трубку, вставая из-за стола.

– Когда все обмозгуете – приходите, – сказал он Сергею на прощанье и крепко пожал руку.

В коридоре управления Сергей встретил Веньку, давнего своего приятеля. Он куда-то несся с какими-то бумагами, но, увидев Сергея, остановился.

– Слыхал, друг, слыхал, – весело похлопал по плечу. – Тебя того! На повышение! Оно, конечно, почёт большой, деньги. Но ведь на Север предлагают, не на юг...

А дома?.. Сказал – и столько упреков пришлось выслушать от жены, что даже растерялся.

– Хватит, – всхлипывала жена. – Никуда больше не поеду. Только устроились, только получили квартиру! А там опять жить в вагончиках, толкаться в очередях. Проклятая, я, что ли? Да о детях хотя бы подумал. Здесь музыкальная школа... Тебе что, славы захотелось?..

На следующий день Сергей утвердительного ответа начальнику не дал, а попросился в отпуск, лелея где-то в подсознании надежду: если на берегу «священной речки» предков не созреет решение, то, во всяком случае, он успокоится. К тому же ему давно очень хотелось на зимнюю охоту.

И вот теперь он шел по лесу и думал: «Повышение в должности. Раньше бы радовался. А теперь... Остаться на обжитом месте или ехать осваивать новый промысел? Быть оператором компрессорной станции или самим заведующим промысла? Говорят, высокие стремленья – удел молодости. Но ведь и теперь... Разве жизнь потеряла интерес? Может, только сейчас и настает время разгадывать настоящие загадки? Жизнь... Почему она так устроена?»

Медведь выскочил из белой чащобы и – замер. Его желтовато-черные глаза смотрели напряженно-пристально. Сергей как будто окаменел. Он не замечал надрывного визга собаки, не ощущал дремавшее в руках ружьё. Но вот медведь шевельнулся, взревел – и Сергей, очнувшись, вскинул ружье. Когда пороховой дым рассеялся, поляна по-прежнему сверкала в лучах скупого зимнего солнца. Медведя словно и не было. Но удалявшийся лай Музгарки говорил о том, что все было наяву, и тотчас в сознании промелькнуло: «Раненый медведь… опасен».

И рука потянулась к патронташу за новым патроном.

Медвежий след уходил в густой валежник, туда, где светлая гарь переходила в дремучий урман[54]. Деревья там стояли плотно, будто взявшись за руки. Казалось, эти великаны не пустят никого в свою глухую чащу, где живут вековые лесные тайны.

Отец Сергея был лесным человеком. Он соблюдал законы и поверья тайги, как дед и прадед, и как все старые манси, считал медведя своим лесным собратом, потому и назвал его просто – Вортолнут – «В лесу живущий». Он старался не вступать с ним в поединки и ненужные ссоры. Для него медведь был не зверь. Но он хорошо знал, что если обидеть медведя, то в нем проснется звериное…

Сергею с раннего детства запомнился «медвежий праздник»[55] в глухой таежной деревеньке, куда его мать возила в гости.

В большом доме народу было так много, как в лесу деревьев. Люди сидели на скамейках, расставленных вдоль стены, и на деревянной кровати, на шкурах и циновках, постеленных на пол. В дальнем углу стоял «священный стол». На красной скатерти, среди дорогого сукна и шёлка сидела «Медвежья голова». В ушах – серьги с драгоценными камнями, на груди – бисер, на голове – разноцветные ленты… Перед чёрной «Медвежьей головой» – бутылка спирта и рюмка, старинная, позолоченная, искрилась в тусклом свете керосиновых ламп.

С одной стороны стола сидел охотник, «приведший» Лесного духа на человеческий праздник. С другой стороны – шаман с санквалтапом[56] в руках. Тронет струну – люди пляшут, поют. Молвит слово парни и девчата, старики и женщины замолкают, вслушиваются в сказания волшебной старины.

В дом входит охотник, с головы до ног обвешанный мехами лисиц, соболей, горностаев. Становится посреди дома и под звуки санквылтапа начинает петь:

На седьмом небе растят Медведя – Нуми-Торума сына,
В светлом дому лелеют Медведя – духа лесного.

[54] Урман – возвышенное место с высоким хвойным лесом.

[55] «Медвежий праздник» – ритуальное игрише охотников по случаю охоты на медведя.

[56] Санквалтап – пятиструнный музыкальный инструмент.

В изголовье подушки высокие кладёт он, –
Они ему кажутся ниже, чем палые листья.
В изголовье подушки низкие кладёт он, –
Они ему кажутся выше, чем снежные горы.

Это поёт Кастан-хум, ведущий медвежьего праздника. Семь ночей и дней он поёт историю Медведя. Семь ночей и семь дней Серёжа смотрел, слушал, а иногда плясал вместе с другими ребятами перед священной «Медвежьей головой». Ему казалось тогда, что люди, боги, звери – все вместе собрались в этом доме, чтобы играть в одну и ту же игру – жизнь. Всё было просто, и не нужно было искать ответа на сложные жизненные вопросы.

И сейчас, глядя на медвежий след, петлявший в густом валежнике, Сергей почувствовал, что угасшие, казалось бы, в его душе таёжные легенды предков вновь оживают. И оживают, обогащённые новым временем. Он вспомнил одну из них…

Лежит Медведь под корнем кедра. Лежит, потягивая то одну лапу, то другую. Хочет встать – падает. Больно бокам – земля твёрдая. Лежит спокойно – земля даже мягкой кажется. Глаза закрываются. И жизнь опять сливается со сказкой. А в сказке та же самая жизнь. Те же радости и болезни, сомнения и думы.

Вдруг Медведь слышит: что-то треснуло. Открыл глаза. Рядом Росомаха. Скалит зубы. Облизывается.

– Ты меня хочешь съесть?! – простонал Медведь.

– Такого чёрного, тощего, вонючего?! – брезгливо фыркнула Росомаха. – Да я лучше буду голодна.

– А что ты со мной собираешься делать?

– Гм! Словно ребёночек! Всё умею делать! Всё!

– Даже можешь сказать, почему я стал таким?

– Могу. Ведь когда-то я была Богиней. Теперь простая лесная шаманка.

– Пошамань, пожалуйста! Узнай, почему я стал таким.

– Раз так просишь… ладно уж. Покамлаю.

Повернувшись в сторону самого высокого дерева, Росомаха трижды поклонилась, потом отвесила ещё четыре поклона на четыре стороны света. Затем, подняв глаза к небу и навострив уши, что-то забормотала. То ли шумел ветер, то ли она общалась с богом на высоком языке, но сначала ничего нельзя было разобрать. Но вот сквозь высокое и божественное постепенно услышал Медведь обрывки земного, понятного…

Э-ке-лэ-лу-лу! Э-ке-лэ-лу-лу!
Небо. Земля. Вселенная. Мир.
Звери, как люди, по лесу гуляют.
Люди, как звери, в шкуры одеты.
Квакает лягушка. Мамонт песни поет.
Ворона каркает на черном дереве.
Черное дерево падает от белой вьюги.
Умирает вьюга под лаской солнца.
Родятся струи, ручьи, реки.
Пробиваются травы из-подо льда,
Листочки трепещут, расправляя бледно-зеленые крылья.
Самцы на полянах токуют, поют, галдят,
стараясь перепеть, перекричать друг-друга.
Самки вертят хвостами,
красуясь разноцветным своим опереньем.
То длиннохвостые самки в моде,
то из-за короткохвостых идут друг на друга.
Зверь точит зубы, тренирует лапы,
растит мускулы, вертит хвостом.
Человек вооружается.

Вооружается ножом, топором, стрелой, копьем,
мечом, ружьем, ракетой, бомбой.
Бронзовый щит. Каменный меч.
Железный занавес. Свободный мир.
Пластмассовые птицы. Космическая эра.
Человек крылат, могуч, велик.
Зверь за решеткой,
в раю зоопарка пытается родить зверенышей.
Решетка железная. Век атомный.
А самки по-прежнему вертят хвостами.
И снова бой.
На фестивалях, рингах, олимпиадах.
На земле и в небе, на льду и под водой.
Шайбу! Шайбу! Шайбу!
Богиня танца, Королева красоты, Мисс Вселенная.
Шахматист, боксер, мудрый дельфин, говорящая обезьяна.
Корабли плывут, летят.
Летят к Луне, Марсу, Венере.
Человек крылат, могуч, велик.
Вечное земное притяжение.
Ностальгия.
Запах Родины.
Язык матери.
Сказки дедов.
Призраки предков.
Призраки белые, черные, красные, желтые.
Кичатся призраки своим происхождением,
крича в газетах, по радио, в телевизор
о своих белых, черных, желтых достоинствах.
Зреет битва не на жизнь, а на смерть.
Прозревают боги.
Белые, черные, желтые боги
в своих кабинетах-святилищах,
обставленных модерн-мебелью,
предлагают свои модерн-о спасения мира.
Мир кружится в бешеной пляске.
Кружатся спутники, спортсмены, газеты.
Газеты ревут о рекордах, нефти, машинах.
Лошадь дичает, живым ископаемым бродя по степи.
Машины прожорливые жаждут нефти.
К черным и белым континентам тянутся жирные
щупальца нефтепроводов.
Чёрный труд, белый отдых.
Города, дворцы, стадионы, виллы, яхты, нейлон, холодильник,
золото, доллар, валютный кризис, водка, опиум,
сигареты, нагие женщины, рыжие бороды,
лохматые шкуры. Снова шкуры, шкуры, шкуры.
Люди, как звери.
Звери, как люди...
Бах! Бух! Трам! Тарарах!
Вниз! Вверх! Вверх! Вниз!
Кружится! Кружится! Кружится! Кружится!
– Э-ке-лэ-лу-лу! Э-ке-лэ-лу-лу!

Росомаха долго шаманила. Вспотела вся. Глаза покраснели.

– Так вот, дружище! – кончив петь-камлать, произнесла она. – Ты, конечно, ещё не дорос до высокого божественного слога. И мало что понял. Я попытаюсь теперь объяснить простыми словами: ты нарушил заветы и наставления жизни. Ты глумился над человеком… Потому и потерял свой облик. Хочешь, перечислю все твои грехи? Но сначала уплати за камлание…

2

Сергей как сейчас помнил то далёкое утро. Проснулся поздно. Лучи солнца струились в паутинных сетях запылённого окна, в приоткрытой щели двери. В день большого солнца оно будет долго-долго гулять по синему небу, рассыпая щедрые лучи знойной и томительной улыбкой. А ночью склонит золотую голову на грудь камня-Урала, вздремнёт синичьим сном и снова поплывёт по голубому июньскому небу. Этот день для Сергея всегда особенный.

– В день большого солнца я нашла тебя! – говорила мать. – В день большого солнца тебя ждут большие думы. В день большого солнца тебе приснится твоя судьба. Быть ли тебе охотником удачливым или рыбаком, быть ли тебе женатым и с детьми или стоять на ветру одиноким кедром…

Никакие сны в эту ночь ему не снились. Не думал он и о судьбе. Только статья, которая печаталась с продолжением в местной газете, уводила в свой сказочный мир. Называлась она: «Тайна Золотой бабы». Под большими буквами заглавия был ещё и подзаголовок: «По следам удивительной загадки».

Снова и снова перечитывал Сергей загадочные строки:

«…1936 год. Манси Данила Сургучёв предложил приёмщику рыбы Антону Кадулину заглянуть в «шаманский амбарчик». Он сказал, что старики привезли самого сильного «золотого идола». Но старик ошибся. В «шаманском амбарчике» оказались «подарки» главному «золотому богу». Данила рассказывал Антону о шаманах «Золотой бабы». Тот заинтересовался и стал расспрашивать однофамильца Данилы – Григория Сургучева. Люди шептались, будто бы он – один из главных хранителей «Золотой бабы». Но Григорий твердо сказал, что «Золотая баба» спрятана на островке среди гиблых топей. И никому не отыскать туда дороги...»

– Не отыскать дороги! Не найти им нашей Сорни-най! – сказал резко старик Ильля-Аки, когда Сергей ему прочитал статью.

Ильля-Аки жил в старом, заброшенном пауле[57] в двух километрах от нового селения, построенного колхозом. Он наотрез отказался расставаться с землей предков. Его паул тонул в лесу, и только одна река, тихая, как задушевная песня, ласкала взгляд и звала прогуляться. Берега ее, заросшие девственным лесом, в своей дремучей тишине хранили, казалось, какую-то важную тайну старины.

Его юрта стояла у старого засохшего кедра, утопая в кустах черемухи и ивы. Недалеко от юрты – амбарчик на двух столбах. Он стоял над седыми мхами под сенью сосен и, поднявшись над землей, недосягаемый для мышей, росомах и медведей, точно прислушивался к вечному шуму леса. Если пройти по узенькой, едва заметной тропинке, то можно увидеть еще такой же амбарчик, а за ним покосившуюся юрту, в которой уже никто не живет. Но громадная морда[58], брошенные оленьи санки, обросшие уже пыреем, конусообразный дровяник, возвышающийся среди кустов смородины, говорят о том, что здесь когда-то кипела жизнь.

И с этой жизнью Ильля-Аки не хотел расставаться.

Он был какой-то странный: то исчезал на месяцы, то появлялся в деревне. То молчал как рыба, то, наоборот, становился болтливым, навязчивым. Колхозники не обращали на него внимания. Они строили дома, ловили рыбу, ходили на охоту за соболем. В последнее время старик зачастил в избу-читальню. Он часами слушал хрипловатый голос радиоприемника, просил перевести на мансийский язык содержание статей в газете. Потом рассуждал. У него обо всем было свое слово. А в один из таких дней он вдруг заговорил «шаманским языком»:

О Сорни-най!
Полуночная священная богиня,
Полуденная солнечная героиня,
Ты снишься им.

[57] Паул – деревня.

[58] Морда – рыболовная снасть, плетённая из кореньев.

Это хорошо!
Ты не даешь им покоя.
Чего же желать лучшего?

Все, кто был в это время в избе-читальне, смеялись над чудачеством старика. Все знали, что Ильля-Аки никакой не шаман. Но с чего это он так заговорил? Давно нет шаманов в краю манси. А он поет какую-то непонятную молитву:

Золотая наша мать,
Ты не знаешь, что ты золотая.
Если кто будет ползать перед тобой –
Не привыкай. Не верь!
Любовь наша к тебе не на золоте держится.
Сердце есть у нас.
Сердце жене сияет.
Его не видно...
Золотая наша мать, ты не знаешь,
Что ты золотая.
И своим незнаньем
Ты охраняешь себя и нас...
Священная наша богиня,
Мы тоже не знаем, где твои золотые сокровища,
Мы молимся лишь душе твоей золотой...
Своим неведеньем и мы
Спасаем свою душу...

Сорни-най... Это слово Сергей слышал почти каждый день. Его часто произносила мать. Уронит ли что-нибудь, оступится ли, обязательно вздохнет: «Сорни-най!» Это, наверное, как русское «О боже!», которое не сходит с уст деревенских старух. Но разве Сорни-най и «Золотая баба» одно и то же? Откуда это взял старик? В газете об этом даже намека нет. А может, тот, кто пишет статьи о «Золотой бабе», не имеет представления о Сорни-най, и потому ищут ее не там, где на самом деле может она находиться? И почему «Золотая баба»?

Сорни – по-мансийски «золото». Най – «героиня». Сорни-най – «Золотая героиня». Может, просто придумали легенду о прекрасной женщине? Не мечта ли это о красоте и доброте? Но тогда почему манси веками так ревностно охраняли ее от постороннего взгляда? Пишут же газете:

«Старики Сургучевы скончались, и пока что никто не знает, кому передали они свое таинственное наследство. На безвестном островке, зарытая в землю или заваленная хворостом, кротко улыбается прекрасная золотая женщина. Сколько поразительных событий, сколько страстей, сколько кровавых трагедий связано с ней. И сколько тайн! Вопросы, вопросы... Откуда взялось это одно из чудес света? И почему так самоотверженно, так строго хранили ее люди? Где же взяли эти бесхитростные, радушные и добрые охотники и рыболовы столько упрямства и ловкости, чтобы из века в век сохранять свои святыни от жадных рук?»

«Может, и на самом деле в «Золотой бабе» таится что-то очень важное? Не заняться ли разгадкой этой тайны? – вот о чем подумал Сергей в то далекое утро. Он еще раз хотел перечитать статью, но в это время веселой гармоникой запел пароход. Как и все манси, Сергей с тех пор, как помнит себя, любил этот мелодичный голос. Пароход как счастье, приходит и уходит. Что привез он сегодня?

Когда Сергей прибежал на берег Сосьвы, пароход уже отчаливал. Все жители деревни были здесь. Все они удивлёнными глазами глядели на людей в одинаковых зеленых спецовках, которые возились у громоздких вещей, сваленных на берег.

– Приехали. С тяжелым железом. Копаться, наверное, будут. Искать... Все равно не найдут ее, если она этого не захочет! – язвительно шепелявил Ильля-Аки, искоса поглядывая чуть-чуть раскосыми глазами, поблёкшими, как осеннее небо. Высокий, худощавый, он стоял в стороне от людей, как одинокий старый кедр. Кудрявые черные волосы с белым налетом седины были сзади заплетены в коротенькие косички порыжевшим шерстяным шнурком.

Смугловатое, безусое лицо, затянутое сетью слабых морщинок, казалось, было бесстрастным. Он говорил, обращаясь к Сергею:

– Не в первый раз приезжают. Еще со сказочных времен они ищут в нашей земле сокровища. В легендах туманится то время ...

Сергей молча слушал старика и вновь припоминал строки из газеты, где говорилось о скандинавских викингах, ходивших за сокровищами в страну «белого безмолвия».

«В 1023 году ватага викингов, которых вел знаменитый разбойник Туре-Хунд, или Торир-Собака, совершила поход в Биармию. Так в давние времена называли скандинавы обширную область, подступающую к устью Северной Двины. Здесь жили язычники – ханты и манси. Они поклонялись таинственной богине. Ее называли Юмала, или Йомала, Одна девушка полюбила Туре и показала ему дорогу к святыне. Перед изумленным викингом предстала статуя из золота необычайной красоты. Обнаженная прекрасная женщина с кроткой улыбкой держала в руках большую серебряную чашу. На шее богини сверкало драгоценное ожерелье.

Жадность охватила викинга. Ночью он сорвал с шеи золотой богини ожерелье. Хотел похитить и тяжелую статую. Но язычники отстояли свою святыню. Они укрыли ее в северных лесах ... »

Сергей думал над строками газеты и над словами Ильля-Аки: «На что он намекает? Неужели на то, что и сегодняшние приезжие вступили на эту землю, чтобы похитить её сокровища? Глупый старик сравнил геологов с разбойниками-викингами!..»

Сергей был уверен, что это геологи. Люди точно в такой же одежде несколько лет назад появились в Березове. Недалеко от интерната, на берегу реки они поставили тогда небольшое деревянное сооружение и стали «бурить землю». Около них всегда вертелись малыши, с любопытством расспрашивая их о загадочном занятии. Ведь отцы таёжных ребятишек никогда не занимались таким «чудным делом. Ходить вот за зверем – дело, достойное мужчин! А зачем копаться в земле? Детям, несмышленышам, ещё простительно: они хоть строят сказочные чумы из сырого песка и глины. Ну а взрослым людям – зачем заниматься такими глупостями? И что найдешь в холодной и грязной земле?.. Уж не ищут ли они «старину»?

Интересовался «странными людьми» и Сергей. Только не так, как малыши и старухи. Он поглядывал на них издали, чтобы не привлекать внимания. Хотелось и ему подойти, потрогать их чудную машину, сверлящую землю. Хотелось поговорить с геологами. Но какая-то предательская скованность, стеснительность, как цепями, держала его всегда на расстоянии от этих загадочных интересных людей.

И вот снова геологи появились в его деревне.

«Что они будут здесь делать? – думал Сергей. – Опять бурить на берегу реки? А может, в тайгу пойдут?..»

«А что, если пойти с ними?!» – вдруг осенила его мысль. Работать, а в свободное время искать ту самую золотую богиню. Она где-то здесь, в тайге. А в институт он поступит потом, когда откроет тайну Сорни-най.

Стать историком – была мечта Сергея. Жизнь шла ему навстречу. Ему предложили учиться в Ленинграде. Но желание совершить открытие уже завладело всей его душой, и оно неотступно напоминало о себе.

В детстве и ранней юности кедровый урман всегда навевал на Сергея какое-то волшебное состояние. Ему чудилось, что он в жилище лесной богини Миснэ. Над головой – высокий шатер. Раскидистые ветви с густой сизо-зеленой хвоей закрывают небо. Но деревья, как благородные великаны, стоят на почтительном расстоянии друг от друга. Кедровники лишь издали кажутся непроходимой чащей. Под ветвистыми кронами – просторный шатер, где гуляет ветер, как добрый носитель свежести. Здесь нет сырости и удушливости кондовых смешанных лесов с непроходимыми чащами и завалами.

Кажется, по кедровому бору прошлась лесная хозяйка и прибрала все кругом в ожидании желанного и дорогого гостя. Миснэ – богиня ожидания. Она вечно ждет. Ждет своего единственного и желанного. Кто ей приглянется – того околдует своими чарами, заворожит так, что он становится невидимым среди обыкновенных людей. Ему она дарит свою любовь и все сокровища леса. Но взамен она требует внимания только к себе, запрещая всякое общение с людьми.

Не о таком счастье мечтал Сергей, но для него Миснэ была почти реальностью еще с самой колыбели, еще с первых свиданий с этим таинственным и волшебным лесом. Однажды ему показалось, что она рядом. Это случилось в то лето, когда появились в деревне геологи.

На краю деревни, на песчаном берегу, где обычно вились дымки рыбацких чумов, теперь красовались зеленые палатки. По вечерам здесь так же, как и у рыбаков, приезжавших каждое лето на промысел

с верховьев Сосьвы, горели костры. Но песни были совсем другие. Звенела гитара, а не пятиструнный мансийский санквалтап. О чем-то таинственном, зовущем вдаль говорила она. Сергею порой казалось, что поют для него, По вечерам он любил гулять в прибрежном сосняке, вслушиваясь в новую мелодию Севера. Но подойти, присесть рядом, запеть вместе с ними он не мог. Какая-то тайная сила удерживала его. Рядом с ними он робел, замолкал. Может, потому, что там была девушка?

За местом притонения невода геологи построили сооружение, загадочное для манси. Вытащат рыбаки невод, порадуются плеску рыбы в мотне, уложат серебряную сосьвинскую сельдь в бочку со льдом и не спеша идут к странным людям, которые зачем-то вгоняют в землю железную трубу.

Смотрят удивленно, качают головами.

– И что может быть на пустынном берегу, где рыскают собаки! – воскликнет кто-то из них.

И собаки поглядывают сытыми глазами на странных людей. Они тоже ничего не понимают. В земле живет горностай – знают это собаки. Только летом у горностая плохая шкурка – знают это собаки. Зачем тогда летом копаться в земле – не понимают собаки. Летом без горностая хорошо: рыбу ловят хозяева, – точно знают это собаки.

Летом люди становятся рыбаками, до устали возятся у воды. Собаки по сухому бережку прохаживаются, трясут красными языками, добычу ждут. Хорошо летом собакам: ходить на охоту не надо.

Вечером, когда большое летнее солнце уходило за деревья, а рыбаки, повесив невод, расходились по домам, жизнь на берегу не замирала, как раньше. Там играл огонь костра, плясали его языки под мелодичный звон гитары.

Сорни-най – так зовут огонь манси. Золотой богиней величают. Кому же поклонялись древние? «Золотой бабе», запрятанной в лесу, или золотому огню? А может, просто девушке, такой же золотоволосой, как та, что сидит у этого костра?

Ее звали Светланой. Сергею хотелось быть на месте этого веселого гитариста. Сидеть рядом с ней. Смотреть в ее глаза...

Но его отделяли от нее не только тридцать шагов и колючие ветви сосен, за которыми он притаился, наблюдая сказочную, почти недоступную ему жизнь ...

Разве нет у манси красивых девушек? И сказки о волшебных лесных женщинах – Миснэ – разве хуже?

Миснэ... Сказочная женщина. Живет она в дремучем лесу. Невидимкой приходит в деревню, где живут рыбаки и охотники. Не всякому юноше она заглянет в душу, навеет мечты о любви. Но кого она посетит – у того сердце проснется. И он увидит дверь в счастливую жизнь... И Сергею может улыбнуться такое же счастье. Ведь тайга – рядом с домом. И сказки еще живут. И мансийские дедушки нет-нет да улыбнутся лукавыми глазами. Все сказочно и возможно...

Однажды он увидел ее почти нагой, в одном купальнике. Она бежала по узкой песчаной косе, рассыпая брызги. Даже в вечернем сумраке золотились ее волосы и светилось белое тело. Высокая грудь, тонкая талия, стройные красивые ноги. Летели брызги, летела она, хохоча и визжа. Следом за ней – незнакомый бородач. Они носились как шальные по песчаной косе, брызгаясь водой, кидаясь мокрым песком, осыпая друг друга непонятно-весёлыми словами. Потом она бросилась в струи темноводной Сосьвы и поплыла, словно большая рыба.

Глядя на это, Сергей словно онемел. В краю манси девушки другие. И они любят нежную летнюю воду, и они любят плавать веселыми рыбами. Да только не на глазах у всей деревни, а где-нибудь в сторонке, подальше от любопытных.

В кино Сергей видел цветные южные пляжи. Там женщины и мужчины, как жирные гуси, сбросившие перья лежат на песке. Странно. Но все же понятно. Юг. Море... А здесь, на берегу таёжной Сосьвы, где жужжат комары, Сергею это показалось диким. «Никакая она не богиня!» – подумал он, охваченный каким-то неясным чувством. И побежал прочь от берега. Сосновые ветки хлестали по лицу, трещал сухостой под ногами, звенело вечернее небо в ушах.

Однажды утром Сергей ехал с ночной рыбалки. Калданка его двигалась по спокойной глади реки еле-еле. Она была полна рыбы. Золотые язи сияли под лучами большого утреннего солнца. Серебряной чешуей сверкали сырки, мясистые муксуны и даже нельма. Улов оказался на редкость удачным. Всю короткую летнюю ночь Сергей слышал трепетный треск воды и выбирал рыбу из сетей. Был он словно в каком-то богатом сказочном мире. В белом сумраке июльской ночи плескались рыбы. Они без устали шли в его сети. Он их выбирал, и казалось, нет им конца. «Все же, наверное, хорошая примета, когда к человеку идет рыба, – подумал он. – Не всякая черная мелочь вроде ершей, окуней, чебаков, а рыба настоящая, белая!..»

Довольный уловом, он не спеша то поднимал, то опускал в воду весло. Весло у него было голубое, разрисованное узорами. И легкую лодочку-калданку он сам разукрасил цветным мансийским орнаментом. Теперь она, полная рыбы, тяжело плыла по течению. Разморенный и усталый, пригретый утренним солнцем, он задремал. Волшебный мир опять плыл перед ним, как в сказке, которую он слышал от старика Ильли.

В спокойной заводи, расчесывая золотые волосы, сидела Она. Нет! Не Светлана, а сказочная Миснэ. Не таежная богиня, а Водяная Миснэ. Увидев его, она нырнула в воду. Лишь волосы ее колышутся да гребень плавает. Чего они все убегают от меня? – думает Сергей. – Страшный я такой, что ли?» Наклонился к воде, взял гребень и в карман положил. Сделал все так, так в той сказке. Вдруг почувствовал, что лодка стала еще тяжелее. Оглянулся назад: на корме сидит девушка удивительной красоты. Это сама водяная царевна. Платье ее переливалось золотистыми чешуями язей. Косы ее сверкали серебряными струями. Глаза ее туманились вечерними озерами. Вся она сияла, как вода на солнце. «Сама водяная царевна захотела плыть с человеком в одной лодке – в одну жизнь. Хорошо или плохо это? – думал во сне Сергей. – К счастью или к горю это? И смогу ли я быть достойным ее?»

Водяная Миснэ, спокойная и ясная, как плес, сидела на корме калданки и улыбалась ему загадочной улыбкой. Она не походила на Светлану. Она казалась близкой и доступной, как рыба, вода, тайга...

От легкого толчка калданки о дерево, которое торчало из воды, Сергей проснулся. Кружились струи, сияло солнце, и совсем невдалеке виднелась деревня. Там девушка с коромыслом на плечах несла ведра с водой. Недалеко от берега дымилась баня. «Кто в такую рань растопляет баню?» – подумал почему-то Сергей.

Но это была реальная жизнь, со всеми странностями и непонятностями. И в лодке лежали настоящие рыбы. Не было только той сказочной Миснэ, которая приснилась Сергею...

Не решался Сергей заговорить с геологами, ждал, когда они начнут собираться в тайгу. Но геологи не спешили. И решимость Сергея становилась все зыбче, и всё реже приходил он на берег. Кончилось лето, и белые северные ночи сначала потускнели, потом словно оделись в чёрный бархат, стали темными, длинными. Наступило время сборов в школу. Старшеклассники скоро поедут в Берёзово. Снова уроки, книги, любимые учителя. Хорошо! Только мать почему-то не понимала этого. В прошлом году она не пускала его в школу.

– Сынок, тебе уже семнадцатый год, – говорила она со слезами в голосе. – Останься! Зачем сидеть с книгами? В твои годы отец приносил не только серебряную рыбу, но и золотой зверь не уходил от него. Как ты можешь не повторить дорогу отца? Зима придет. Снежок выпадет. Оживет тайга. Следами зверей заиграет. Весёлым собачьим лаем зазвенит. Ты не сможешь не пойти на зов тайги. Я знаю. Глаза твои загорятся, как у твоего отца. Будет снег хрустеть. Будет зверь у ног. И у меня вновь помолодеет душа. Я буду провожать тебя на заре, как отца твоего. Не уходи к книгам, душа моя. Оживи душу. Повтори отца, ласка моя!..

Она говорила, будто молилась. В усталых глазах ее стояла та же мольба. Преждевременные глубокие морщины на ещё не старом лице, седоватые волосы в черной косе, казалось, просили о том же. Сергею было жаль ее. Она была одинока и больна. Отца он помнил плохо. Его увез белый пароход в белый туман. В белом тумане, как во сне, иногда возникал его образ. И тут же таял.

Но волчьи глаза Гитлера, которые он увидел в газете, сверкали как наяву. Они напоминали о зле и жестокости. Уничтожить его – вот было главное для всех, кто ушёл воевать. И для отца, и для других. Но с войны не все возвращаются. Не вернулся и отец. И мама плакала. Сергей помнит эти слезы. От них ему было душно. Но он не плакал. Крепился, как мужчина. Зато подолгу сидел тихо-тихо, забившись в темный угол. Он думал об отце, который пошел бить врагов.

А с мамой он ездил на рыбалку. Он видел, как ей было тяжело. Помогал. Все мальчишки помогали своим мамам добывать рыбу. Всем мамам было тяжело, поэтому Сергей не плакал. А вода холодная. А рыбачить надо. Даже босиком. Где взять обувь, если все для фронта? И мамы добывали рыбу. Даже самую золотую.

В усталых глазах матери стоит мольба: «Останься!» «Что же делать? – думал Сергей. – Может, пойти в счетоводы, как предлагает председатель колхоза? Или стать охотником, как хочет мама?».

Председатель колхоза, зная настроение матери, не раз уже предлагал Сергею стать колхозным счетоводом. Обещал отправить на курсы в окружную школу колхозных кадров, а потом и «теплый заработок». Задумывался Сергей об этом предложении. И каждый раз становилось ему как-то не по себе: женщины будут работать, а он – молодой и сильный – будет цифрами в теплой конторе играть. Нет, предложение председателя колхоза его не прельстило.

«Лучше уж быть охотником! – думал он. – Только ведь засмеют ровесники. Скажут: учился, учился, а дальше охотника не пошел! И старики съязвят: «И зачем столько лет смотрел в книгу, если умные люди тебе не доверили ничего, кроме ружья?»

«Мы, старые манси, – скажут они, – ружье и без книги умной держать умели... А ты?»

Да и учителя обидятся. Начиная с первого класса, маленькому северянину говорили они о его высокой цели – получить высшее образование. И все ребята мечтали стать учеными, учителями, врачами ...

Кто-то подумывал о профессии инженера. С малых лет всем прививалась мечта о сказочном Ленинграде, где в «чудесном чуме» – Институте народов Севера – дети неграмотных рыбаков и охотников становятся «большими людьми» своего таёжного народа. Мечта стать «большим человеком» жила в душе Сергея. Сам он хотел стать историком. Может быть, первым историком своего народа.

Но болезнь матери, грустные глаза, умоляющий голос...

В прошлом году он все-таки уехал учиться – надо было заканчивать десять классов, а в этом остался дома. Может быть, еще и потому остался, что надеялся уйти с геологами в тайгу. Не воспользовался льготной путевкой в Ленинград, в институт.

И дождался. Глубокой осенью в деревню приехала новая партия геологов. Но это были совсем другие. Они собирались идти в тайгу. Им очень был нужен рубщик. И Сергей наконец решился. Сам пришел.

– Орудовать топором умеешь? – спросил не то серьезно, не то в шутку старший. Сергей в ответ кивнул головой.

Почему он так, без раздумий, согласился? Может, потому что в той же конторе колхоза, куда вызвал его председатель, видел ее, Светлану? Может, он уловил на себе ее взгляд, загорелся надеждой, что там, в тайге, он будет ощущать на себе синий свет её глаз?

На следующее утро он с ними уже шагал по тайге. Но Светланы не было.

Не знал он ещё, что кроме полевых работ у геологов есть конторы, управления, лаборатории…

3

Сергей продолжал идти по следу…

Когтистым мужиком величали манси в старину медведя. И верно: на снегу – следы, будто человек пошёл босиком. Отчётливо видны отпечатки ступни и пальцев. Этого медведя, которого он ранил, видно, подняли из берлоги талые воды. Неожиданная оттепель с ливневым дождём растопила обильно выпавший снег. А может, люди потревожили?..

Где-то здесь, в густой чаще, в глубокой яме, под нависшими корнями опрокинутого дерева, была его берлога. Уж не к ней ли он идёт?

Впрочем, кто его знает. Разве угадаешь, как поведёт себя раненный хозяин тайги. И зачем он только выскочил на поляну? Но жалеть теперь было поздно – надо идти дальше по следу медведя. Это – закон охоты.

И вспомнилась Сергею история медведя. Она у него своя, такая же, как у соболя или у белки, человека или росомахи. История длинная, как жизнь и сказка. Вот как рассказывал её Сергею Ильля-Аки.

Не в тайге дремучей родился первый медведь, а на небе. Не в берлоге прошло его детство, а в доме небесного отца Торума. В углу каменного дома с золотой дверью, в мягком гнезде, устланном собольими, звериными мехами, пригрезились ему первые сны волшебной жизни. Звали его Сыном Неба.

Однажды Торум, собираясь на охоту (а бог, как настоящий манси, был охотником-соболятником), говорит сыну:

– Я пойду в тайгу к своим звериным ловушкам, а ты, сынок, не выходи за золотую дверь нашего дома! Ноги твои слабые, и руки не набрали ещё силу. Если услышишь за дверью шум – не обращай внимания. Суетливый шум – не для твоего божественного слуха.

Подпоясался Торум соболиным поясом и ушёл.

Лежит Сын Бога в своём гнезде – ноги-руки потягивает. Потянет ногу – смотрит, выросла, потянет руку – чувствует силу. Идёт к двери, вслушивается. Где-то шумят, поют, смеются. Звонко поют, весело смеются. Сын Неба ударяет по железным замкам и, взломав ворота семи серебряных заборов, оказывается на шумной улице небесного селенья. Но в этот миг он вспоминает наставления отца. И сын Неба с грустью плетётся в своё мягкое гнездо.

Приходит Торум с дальней дороги. Сняв свой пушистый соболий пояс, замирает в своём кресле из мамонтовой кости.

Закипел уже котёл со звериным мясом, и чай из душистых трав уже дымится, а он, хмурый, сидит, не проронив ни звука.

– Отец мой! Почему ты молчишь, не молвишь даже слова? – спрашивает сын.

И Торум открывает двадцатизубый рот свой и говорит:

– Почему я молчу? Ты же не послушался меня, нарушил мои наставления. Поломал не только замки, но и ворота серебряных заборов. Я же просил тебя этого не делать.

И от стыда великого Сын Неба прячется в своём углу, зарывшись в мягкие шкуры…

На второй день, уходя на охоту, Торум опять поучает:

– Прошу, малыш, не ломай больше замков. Помни мои слова. Не ходи туда, где суета и шум. Сна тебе хорошего! До свидания!

Ушёл отец – скучно стало. Как ни мягка постель – лежать в ней вечно – мука, а не счастье. Встаёт Сын Неба, по дому прохаживается. Шевельнёт ногой – в ней сила резвится, шевельнёт рукой – в ней мощь играет.

Прислушивается у двери – оживают уши. Где-то опять поют, шумят, смеются. Звонко поют, весело смеются.

«Неужели есть где-то другая жизнь?» – задумывается он. И какая-то неведомая сила ведёт его через серебряные заборы и железные замки к этому шумному миру.

Глазами чёрными, как спелая смородина, видит: ребята играют.

Счастливый, не чуя ног, мчится к ним. Только те почему-то, увидев его, с визгом и плачем разбегаются. А побойчее из них говорят такие дерзкие слова:

– Какое чучело! А мы думали, что отец наш Торум за семью серебряными заборами, золотыми дверями нянчит порядочного сына. А оказывается, у него не руки, а лапы, в лапах не ногти, а когти, ноги кривые, косматые, зубы острые, как копья, голова мохнатая, лицо волосатое... Смотреть страшно на такое чучело!..

И не только мальчишки разбегаются, увидев его, ревут коровы, кони, как шальные, пускаются вскачь...

С удивлением смотрит на все это Сын Неба. Думает. Вдруг на память приходят наставления отца, и бежит он в сторону родного дома.

В одном месте под ногами что-то треснуло. Посмотрел: дыра. Взглянул и чуть-чуть не ослеп: там сияла земля синевато-зеленым сиянием.

«Вот бы мне в той красоте бродить-гулять!» – подумал с завистью он. Опечаленный, поплелся в каменный отцовский дом, со слезами бросился в свою мягкую постель из собольих и звериных шкур, а когда вернулся Торум, на его хмурость и негодование ответил так:

– Отец мой! Я, правда, поломал замки железные и золотую дверь. Но подумай сам: семь лет, семь зим я валяюсь в мягкой постели. Руки мои скучают без дела, ноги мои соскучились по дальней дороге. Уши мои слышат смех и веселье других. Я и пошел на этот шум жизни. Да только как увидели меня – с плачем, с ревом, с визгом разбежались не только ребятишки нашего небесного селенья, но и коровы рогатые, лошади с хвостами-метлами увидели мне что-то страшное, будто я какое-то пугало, а не божественное создание.

Посмотрел я тогда на свои руки, – правда, они не похожи на руки других, а какие-то шерстистые, когтистые лапы, и лицо мое не белое...

О, отец мой! Как я плакал. Раньше думал, что я такой же, как ты, бог. И умом похожий на тебя, и телом похожий на тебя, и глазами синими, как у тебя, и лицом румяным, как у тебя, и руками без шерсти, как у тебя, и волосами, вьющимися на голове, как у тебя. А оказалось, я совсем другой. Почему, скажи, я другой? Почему ты меня лелеял в своем каменном доме? Почему ты меня прятал за семью серебряными заборами? Почему не отпускал меня играть с детьми нашего небесного селенья? Не потому ли, чтобы они меня не видели? Кто я? И кто они такие? Почему они все походят на тебя, а я какой-то другой? У кого, отец мой, лучше вид? У меня или у них?! Они бегут от меня – будто я такой уж страшный. Может, мне от них убежать? Тогда, быть может, подумают, что они страшнее меня?

Для чего ты меня родил на свет? Не для того ли, чтоб надо мной смеялись другие? Отпусти меня, отец светлый, на зеленую землю. Там в тени зеленых деревьев я не увижу божественных разнеженных детей. Никто там меня не будет дразнить. И убегать от меня, как от пугала, и смеяться над моим видом звериным никто не будет!

Лишь деревья будут моими друзьями…

О, если бы ты отпустил меня на эту красивую землю! Какое блаженство испытал бы я, гуляя по зеленому ковру, окутанному синевато-розовой дымкой!..

– Сынок мой, – говорит Торум, – нетрудно мне тебя отпустить. Да вот попадешь в нужду, без еды и питья поживешь, комары да мухи покусают – познаешь горе жизни, обратно в небо будешь проситься, я могу и не услышать. Молящихся на земле много.

У Торума – бога Верхнего мира – была кузница. И кузнецом он слыл отменным, а не только судьей и наставником духов и людей. В своей небесной кузнице Торум отковал золотую люльку и серебряную цепь.

– Ложись в люльку. В золоте тебя покачаю и отпущу на землю, если ты выдержишь испытание.

Опускает Торум с седьмого неба золотую люльку. Звенит цепь серебряными рублями, с облаков спускаясь.

Дунет ветер горластый с белым голосом северным – в край горячего лета относит люльку. Дунет ветер горластый с желтым голосом южным – в ледяное море, в край зимы относит.

Между небом и землей болтается она, то поднимаясь на гребни облаков, то падая в бездну жизни.

– Эй, отец мой, меня укачало! Либо вниз опусти меня, либо подними наверх!

На седьмое небо втащил его Торум.

– Почему не опустил ты меня на землю? – спрашивает с удивлением Сын.

Молчит отец. Взглядом велит ложиться обратно в мягкое соболье гнездо. Но в мягкой постели по-прежнему не спится. В изголовье подушки высокие ночью кладет он – они ему кажутся ниже, чем палые листья. В изголовье подушки низкие кладет он – они ему кажутся выше, чем снежные горы.

Выходит на улицу. А на небесной улице все так же, как на земле. На одной стороне дворцы стоят, на другой – покосившиеся хижины и дырявые чумы. По одной стороне толстые и жирные идут, по другой стороне – тощие, как тени. Одежда у одних расшита золотом и серебром, у других одежонка на рыбьем меху.

Идет Сын Неба по улице. Увидев его, лошади ржут, коровы ревут. Ребятишки плачут, разбегаясь перед ним. А те, что постарше, строят рожицы и дразнятся. Лишь одна девушка прошла мимо, не проронив и звука. Она окинула его спокойным синим взглядом и величаво поплыла дальше. Золотые волосы золотыми струями струились и по круглым плечам, и по высокой груди. И вся она светилась, как изваяние.

– На кого ты пялишь глаза?! – усмехнулась старуха, опираясь на кривую палку. – Это ведь не девушка, а дух. Дух Золотой богини. Она сама-то на земле. А здесь только дух, золотая тень ее. Потому она и не посмеялась над твоим несчастным звериным видом. А ты думаешь...

Старушка скривила в усмешке беззубый рот и поковыляла дальше...

Озадаченный Сын Неба ночью снова пошел к отцу.

Торум спал сном глубоким и крепким, как глубокий корень кедра. На цыпочках подкрался Сын к божественному трону. А трон этот из мамонтовой кости. Яркими звездами на нем блестят драгоценные камни... Рядом с троном лежит серебряный посох с золотыми узорами.

Берет Сын в руки посох, смотрит на один конец и сквозь него видит Средний мир: счастливую землю. А земля яркая, как зеленое сукно. И думает: «Вот бы мне в этой земной красоте пожить!»

Но рядом – бог. В его руках не только этот посох, но и судьба. Слезы катятся из глаз... Просыпается Торум и говорит:

– Опять ты за свое!.. Отпущу тебя. Да только знай: попадешь в нужду и горе – не вини меня. И еще запомни: увидишь на земле ловушки, поставленные человеком на других зверей, не трогай, обойди их за три дерева; увидишь избушку на дереве, где охотники хранят припасы и добычу – не трогай ее, обойди за четыре дерева; увидишь могилу – за пять деревьев обойди ее. Умер человек – в духа превратился. Человек – твой брат. Он – труженик земли. Будь и ты тружеником. Мои утренние поучения, мои вечерние наставления хорошенько запомни. В шумные места, обжитые людьми, не ходи, веселые места, облюбованные людьми, оставь им. Если ты не нарушишь мои заветы – тогда я тебе придумаю питание, достойное твоего божественного происхождения. Если все исполнишь – будешь счастлив счастьем всех живых...

Семь дней и ночей слушал Сын длинные отцовские наказы. Потом лег в золотую люльку. Зазвенела цепь серебряным звоном, громом загремела люлька, качаясь между белых облаков. Покачав люльку семь ночей и дней между севером и югом, Торум спустил Сына на землю.

Золотая люлька, прильнув к земле, успокоилась. Лишь голова Сына продолжала кружиться. То ли от длительного спуска и качки, то ли от счастья.

С сознанием первой победы выходит Сын Неба из отцовской колыбели. Ему хочется петь и смеяться, и идти, идти по сказочно прекрасной земле.

Только ступит сюда – топь, туда ступит – вода ржавая брызжет. Сделает шаг – вязнут ноги. Не синевато-розовой дымкой окутаны деревья, а тучами комарья и мошкары. Они кружатся роем, жужжат, жалят

острыми жалами. От них нет спасения ни в сосновом бору, ни в черемушьей гриве. Семь сосновых боров обошёл он, в семи черемушьих гривах побывал, но нет нигде никакого лакомства. В соснах колючие иголки, у черёмух – зеленые, костяные ягоды, и шишки на кедрах не созрели. А желудок, как голодный дух, кричит и требует пищу. И ноги куда-то бегут, бегут, стараясь развеселить глаза. Глаза, устремленные в неведомую даль, смотрят, хотят удивиться. А из них льются лишь слёзы. Они падают и блестят хрустальными росинками на листьях, травах, во мху. Блестят лужи, ручьи, озера, реки... Так много в этой земле воды… Не от слез ли?..

Земля оказалась не такой, как смотрелась сверху.

Может, издали все видится не так?..

Много дней и ночей бродил Сын Неба по топям болот, по дремучей тайге, по гарям с обугленными, искореженными деревьями. Однажды вышел к берегу лесной речки. Речка звенела, играла струями, искрилась. Она, живая и веселая, поманила его к себе.

На пологом берегу, усеянном мелкой галькой, стояли сооружения из бревен. Рядом с ними шевелились какие-то странные существа, не похожие ни на богов, ни на белых жителей небесных селений. Священный Сын Неба подошел к одному из таких существ. Только хотел он протянуть руку ему, чтобы поздороваться, как тот отпрянул от него, как от страшилища, спокойно оторвался от земли и полетел в сторону леса. Обиженный, Сын рванулся вслед, взмахнув лапами, но тут же плюхнулся на землю.

– Кто вы такие? – спросил он уже на расстоянии, боясь спугнуть других. – Мы – глухари. Птицы, – сказал один из них, с опаской поглядывая на него. – А ты кто?

– Я Сын Неба!..

Черные птицы зашумели, заливаясь в глухарином смехе. Потом, взмахнув большими черными крыльями, дружно поднялись над землей и растаяли то ли за зелеными деревьями, то ли в синем небе.

Сын Неба носился по берегу, кувыркался, пытаясь взлететь. Но снова и снова падал на землю. А на ней – камни. Они кололись и болью отдавались в теле.

Шерстистые, тяжелые лапы не походили на легкие и могучие крылья птиц…

Вдруг Сын Неба увидел еще одного глухаря. Он махал крыльями, кричал, стонал.

– Что ты делаешь? – спросил его Сын Неба с удивлением.

– Видишь: пытаюсь высвободиться. Бревно тяжелое. Придавило.

– А как ты под ним оказался?

– Оно не лежало, а было чуть приподнято. Под ним камушки, которыми мы, глухари, любим лакомиться.

– А-а!

– Не разглядел я, глупый, ловушку. Человек поставил.

– А это кто такой?

– Ты не знаешь человека?!

– Не знаю.

– Узнаешь!

– А для чего он вас ловит?

– Вот странный! Чтобы есть. На земле все друг друга едят...

– Значит, и я тебя могу съесть?!

– О, не надо, не надо! – замахал крыльями глухарь. – Будь добр, освободи меня!..

– Нет уж! Раз все едят друг друга – и я тебя съем.

Схватил птицу, разорвал на кусочки. Напившись горячей крови, насытившись пахучим мясом, он зашагал дальше. Но в сытой душе его вдруг зашевелилось что-то. Вспомнил про наказ отца не трогать ловушки, поставленные человеком, и как-то неловко стало. Но приятное ощущение сытости взяло верх. Сын Неба зашагал быстрее, стараясь уйти подальше от своих неприятных ощущений и воспоминаний...

В одном месте зоркие глаза его остановились: перед ним стояла чудо-избушка. Не на земле она стояла, а на дереве. Толстый ствол кедра служил ему ножкой.

– Что это? – спросил он синичку, которая здесь летала.

– Лабаз, – ответила она.

– Кто его сделал?

– Человек.

– Опять человек? Да кто же он такой, если весь лес занял?!

– Ты что, не знаешь человека?! О-го!..

– А для чего ему этот лабаз? Что он, на дереве живет.

– Нет, он живет на земле. В земляном или деревянном доме. А в лабазе он хранит свою добычу. Чуешь, как пахнет сушеным лосиным мясом. А печень лосиная ка-ка-я-я!

И правда, ноздри так и щекочет вкусный запах. Хочется отведать ... «Увидишь избушку на дереве – не трогай ее», – выплывают в памяти священные слова отца. Вспомнив его завет не трогать сделанное чужими руками, Сын Неба возвращается назад, обходит четыре дерева, но его ноги снова почему-то идут в ту же сторону. Покружившись раза три вокруг избушки, он не выдерживает и тяжелой лапой выламывает легкую деревянную дверь, тянется к вкусной вяленой печени лося. Большой звериный язык его наслаждается волшебными запахами пищи, сотворенной умелыми руками человека.

Насытившись, Сын Неба поплелся дальше. День идет, ночь идет. Только почему-то в желудке начал крутиться, кричать ненасытный дух голода. Почему он так быстро пробуждается? Может быть, пищей, добытой другими, насытишься, да лишь на короткий миг? Может, чужая добыча дает лишь запах, но не силу и здоровье?

Однажды на поляне, вокруг которой росли самые высокие деревья. Сын Неба увидел такую же избушку. Только она была понаряднее. Слюнки потекли от предчувствия вкусной еды. Побежал. Вскарабкался. Разломал дверь. Но вместо лосиного мяса он увидел какие-то существа, напоминавшие духов, которых видел он на улицах небесных селений. Они также были разнаряжены в меха. И глаза у них, как застывшие льдинки. И сидели они вдоль стены, как мертвые.

– Что это за избушка? – спросил он зайчика, который скакал рядом.

– Это капище. Люди сюда приходят. Молятся. Приносят жертвы.

– Кому?

– Духам. Богам леса и воды, неба и земли... Вон их сколько этих идолов еще на земле стоит.

И правда, вокруг поляны стояли деревянные чурбаны. Лица их напоминали лицо Торума. только были грубее, будто наспех вырубленные...

– И этим идолам поклоняется человек, который умеет приготовить такое вкусное сушеное мясо? Не верю! – промолвил Сын Неба, вздыхая.

– Не веришь? Напрасно! Еще не то узнаешь!..

Рассердился Сын Неба, схватил зайца за хвост. И в когтистой лапе его пушистый заячий хвост остался. Улизнул косой. С тех пор у зайцев лишь маленький хвостик торчит... Рассерженный Сын Неба разрушил капище, разбросал идолов и пошел дальше.

А еще через несколько дней холодным утром на холмике меж деревьев священный Сын Неба увидел какое-то странное строение, врытое в землю. Тяжелой лапой разбросал бревна. В срубе стояла лодка. В лодке лежало существо, похожее на небесного отца. Такие же лицо, волосы, руки. Только глаза закрыты. Он лежал, будто спал.

– Небесный отец мой, Светлый Торум! Почему ты лежишь здесь?! Вставай! – взмолился Сын.

– К-хе! Нашел тоже отца! – рявкнула Росомаха, появившаяся невесть откуда рядом с Сыном Неба. – Это же мертвец! Умерший человек!

– Человек?!

– Он самый!..

– Такой смирный?!

– Смирный… Нашел тоже... В могиле и ты будешь лежать смирным. А знаешь он какой?!

– Какой?!

– А такой! Узнаешь еще! Бегать от него будешь, как чумной. А не убежишь – поймает. Вытащит сердце твое, снимет шкуру. Голову на стол поставит. Будет извиняться перед тобой, что убил. Высокие слова станет говорить в честь тебя, а меж тем будет лакомиться твоим мясом.

– Ух ты! – рассердился Сын Неба такой наглости росомахи. Схватил ее за пушистую шкуру – она под кусты. Убежала. Лишь клочок шерсти в когтях остался. С тех пор росомахи не так уж пушисты. И мех у них не мягкий, висит клочками, будто изодранный…

– Съесть меня? А почему я его не могу съесть? Тогда первым съем человека…

– Вот это дело! – подбодрял дух голода, который уже крутился и вертелся в желудке. Своей пляской он затоптал слова высоких отцовских наставлений, вспыхнувшие мгновение в памяти. Зычному крику желудка послушались чуть покрытые шерстью руки, которые, хватая белое человечье тело, превращались в звериные когтистые лапы. И хватая человечье мясо, зубы вырастали, превращаясь в длинные и острые клыки... Так Сын Неба стал медведем.

Сергей глянул на медвежий след, который петлял по снегу, в душе его молнией сверкнули видения этой сказки... Некоторые их считают нелепыми, даже глупыми. Когда-то и Сергей считал так же. Но с некоторых пор он изменил к ним свое отношение. В природе ведь нет ничего, что можно было бы приписать случайности. Законы природы, по которым все происходит и изменяется из одних форм в другие, везде и всегда одни и те же, а следовательно, и способ познания сути вещей, каковы бы они ни были, должен быть познанием законов природы. В сказках живут представления людей о природе, о бытии. В них клокочут те же загадки и таинства, ставятся, порой очень остро, те же вопросы, что нередко возникают и в окружающей жизни.

А Сергей хотел не только познать таинственную жизнь своих предков, но и понять себя в этом сложном мире.

4

Музгарка лаяла. Она то бросалась всей своей собачьей яростью в сторону, куда вели следы, то, жалобно взвизгивая, прижимаясь к ногам охотника, словно прося защиты...

Сергей и сам не знал, что делать. Ноги его будто онемели. Не мог шагнуть вперед, и повернуть назад не было сил. А ведь все совсем недавно казалось так просто: охота – прогулка, жизнь – веселое путешествие по доброй и прекрасной планете – Земле. Мечты остались витать в розовой дымке юности. Земля была под ногами. Каждый шаг по ней – испытание.

…И первое серьезное испытание пришло к нему в тот холодный осенний день, когда он сам пришел к геологам и согласился идти с ними в тайгу рубщиком. И отправился Сергей не с ружьем в руках, а с топором. Древние манси ходили в тайгу с топором, но в их руках топор гулял по деревьям лишь в случае великой надобности. Воткнутый за широкий пояс, он спокойно дремал, терпеливо ожидая, когда перед хозяином явится неожиданная преграда.

Теперь топор тоже был в руках у манси. Только он был словно крылатым: с утра и до вечера летал и летал, срезая деревья на пути прямых и узких просек, которые именовались геологами теодолитными ходами. Сергей рубил и большие, и малые деревья, не обращая внимания на своих новых старших товарищей. У каждого было свое дело и инструмент. Но главным инструментом здесь был теодолит. Еще со школьной географии Сергей знал, что теодолит. Ещё со школьной географии Сергей знал, что теодолит – это угломерный инструмент, с помощью которого производятся измерения на местности, для отображения земной поверхности на картах. Однако смутно представлял себе назначение и цель работы своих товарищей, которые оказались совсем не геологами, а геодезистами-топографами. Это первые люди, которые будят тайгу. По их следам пойдут геологи – разведчики недр. Они-то и скажут: действительно ли это гиблая и бесплодная земля или есть в ней свои сокровища?

Бесплодной называли эту землю в старых книгах, которые валялись на чердаке интерната, где учился Сергей. Пропыленные, посеревшие от времени, с красивыми иллюстрациями внутри, они словно таили какую-то загадку жизни, канувшую в прошлое. Сергей больше всего любил те книги. В них было много рассказов путешественников о земле. В одной из них он прочитал печальные строки о своем крае. Тайга представлялась автору этого сочинения безмолвным лесом, где нет ни трав, ни птиц, ни насекомых. Углубляясь в лесную чащу, тот путешественник всегда испытывал ужас. Мрачной пустыней казалась ему тайга, где нет ни одного живого существа, лишь ветер проносится по вершинам деревьев, нарушая гробовую тишь.

«Жутко и угрюмо в урмане, – писал путешественник. – По обеим сторонам дороги высятся громадные сосны, ели, пихты и кедры, достигающие нескольких обхватов толщиной. В глубине чащи виднеются гигантские стволы упавших деревьев, гниющих там в продолжение многих лет. Кругом царит мертвая тишина. Ни зверя, ни птицы. Разве только иногда где-нибудь, в глубине леса, прозвучит дятел, нарушая гробовое молчание, да скрип подгнившего дерева возмутит эту торжественную тишину, нагоняя тяжелое уныние на душу...»

Тайга!.. Нет, это не безмолвный лес, не безжизненная и угрюмая чаща, где нет ни одного живого существа. Под сумрачными ветвями есть дерн и трава, мох и ягоды. Есть мох и трава – есть и жизнь. Вот жучки ползают, ящерица юркнула и спряталась в корнях пихтача. Муравьи-работники куда-то спешат. Нет-нет да выпорхнет какая-нибудь пичужка, таежная птичка-невеличка. И рябчик свистнет, и качнёт ветви лиственницы взлетевший глухарь. Струною звонкой звенит какое-то дерево от ритмичного стука

дятла, и кедровка-ронжа о чем-то невозможном вещает таежному миру. Тени деревьев лежат как мертвые, если нет ветра. Тайга и правда угрюма. Но для Сергея она вовсе не печальна. Вот стоит пихта. Тонкое, высокое дерево. Кора у него гладкая, будто отполированная. Рядом с толстыми корявыми деревьями красуется как девушка, накинувшая на плечи легкую, прозрачную шаль. Ее синевато-зеленая листва выделяется среди мрачных деревьев, которые к ней подступают. И зачем рубить такую? Хрупкое это дерево. Ничего не сделаешь. В костре даже не горит, а шипит. Стройная пихта своей синевато-зеленой листвой оживляет тайгу, красит ее своим необычным светом. Она создана, наверное, для красоты.

В лучах скупого осеннего солнца, каким-то чудом пробившегося сквозь сумрачную листву, засверкало лезвие топора, и белыми птицами полетели щепки. Дерево, казалось, стонало, но продолжало упорно стоять. По гладкой коре скользнула прозрачно-янтарная капля смолы. Сергею на мгновение она показалась слезой. Но пляска топора не прекратилась. Еще удар, еще – и красавица пихта с шумом и треском повалилась наземь. Еще одно дерево убрано с пути. Звенел топор Сергея, летели щепки, как подкошенные, валились и ползучая сосна, и можжевельник, и мелкий пихтач, и ельник. А по откосам холмов, по берегам таежных ручьев падали липа, клен, рябина, ольха, ива, осина, береза и черемуха ...

Свалил он и лиственницу – священное дерево манси. На ее ветвях старики развешивали белые и черные тряпочки – знаки жертв, принесенных духам тайги. Почему это дерево священное? Может, потому, что лиственница лучше других выносит и зимнюю стужу, и летние ночные холода, от которых другие деревья страдают больше, чем от мороза? А может, потому лиственница для таежников священна, что она одна веселой воздушной каймой обнимает топкие болота, где надолго замирает жизнь?..

Но когда перед Сергеем могучим богатырем встал сам красавец кедр, рука его дрогнула. Как вкопанный стоял он с приподнятым топором, не решаясь ни ударить, ни опустить свое оружие. Великаном стоял кедр среди тонких и чахлых деревьев. Что остановило Сергея? Может, богатырская стать этого дерева? Мягкую траву топчут люди, не задумываясь, а перед силой – склоняют голову. Не эту ли поговорку он вспомнил? Но разве Сергей и его товарищи слабы перед каким-то деревом? Нет! Почему же тогда он оробел? Может, потому, что и это дерево для манси священно? Но Сергей комсомолец. А комсомольцы разве могут быть суеверными? И кто нынче придерживается отсталых обычаев предков?

Где-то на вершине, в колючей зелени ветвей сварливой бабой затараторила ронжа, и в тот же миг кто-то ударил Сергея по голове. Он отскочил от кедра, чуть не бросив топор. Оглянулся вокруг. Товарищей рядом не было. «Кто же подшутил?» – подумал он, озираясь вокруг.

На вершине кедра тревожно затрещали ронжи, откуда-то слетевшиеся к этому дереву, словно почувствовали опасность, нависшую над их кормильцем – вечнозеленым кедром.

Во мху, рядом с Сергеем, лежала большущая шишка. Он поднял ее. Отщипнул смолистую кожуру, и на него взглянули крупные зрелые орехи. И ему показалось, будто они просили его из своей колыбели: «Щелкай нас, щелкай, только батюшку нашего не вырубай!..»

Так вот оно что! В зеленой тени густых ветвей кедра – тяжелые шишки. В шишках – сочные орехи. «Шишки есть – белка есть, белка есть – соболь есть, соболь есть – жизнь есть» – так говорят в тайге. Кедр – начало всех начал. Из кедра охотник может сделать широкие лыжи, и не страшны ему тогда глубокие снега. Выдолбит рыбак из цельного ствола лодочку – и покорны ему широкие плесы. Дерево это не коробится, не трескается и не гниет. Белое и легкое, оно крепко и долговечно... «Стол из кедра всегда полон яствами» – так в народе говорят. Хорошее дерево кедр. Зачем же тогда его губить? Сергей ничего из него делать не собирается. Зачем зря портить такое добро? «Но ведь это дерево стало на пути просеки, – бегут по новой тропе мысли Сергея. – Оставишь кедр – остановится просека. Зачем тогда надо было ее начинать, если останавливаться где-то на середине? Но кедр – для манси священен. Другие народы богаты и сильны железом. Лодки у них железные, нарты у них железные, крылья у них железные. И разве какой-то кедр для них что-то стоит? Только он может помешать их прямой и дальней дороге. Просека из-за него остановится. Не будет просеки – не будет карт. Геологам не пройти. Земля по-прежнему будет казаться гиблой и бесплодной... Хотя красив и вечен кедр – надо будет его рубить!..»

Засверкало стальное лезвие топора, белыми птицами полетели щепки. Стонало вековое дерево, кричали растревоженные ронжи, из густых ветвей выскочила белка и стрелою полетела на ветку соседнего дерева. А таежное эхо повторяло и стук топора, и плач ронж. Где-то далеко-далеко простонал одинокий филин. Молнией сверкнуло лезвие топора, затрещал таежный богатырь и с громом свалился наземь. Тайга стонала, не понимая, что происходит вокруг.

Сергею стало страшновато. Ему чудилось, что за ним из-за деревьев наблюдают духи. Они, недовольные, готовят ему кару. И в то же время он ругал и стыдил себя в душе, что он, комсомолец, поддается

каким-то диким суевериям. Отгонял свои сумрачные мысли. Но, боясь за себя, за свои сомнения, рубил еще сильнее, стараясь заглушить страх. Было ему нелегко. Хотя он – комсомолец, но вековые традиции мансийской тайги, навеянные в детстве рассказами Ильля-Аки и всей его отшельнической жизнью, давали себя знать.

Ильля-Аки... Частенько он брал маленького Сережу к себе в юрту. Юрта эта будто состояла из игрушек. По стенкам висели рыболовные снасти, ружье, лук с колчаном. Ружье было кремневое. К нему были привязаны отвертка, гайки, свистулька для приманки рябчика. Главным среди этих вещей был каменный божок. Знал Сергей: без него удачной охоты не будет. Из-за него Сережа боялся прикасаться к ружью. А так хотелось!.. Зато он без всякой боязни брал в руки лук с тугой тетивой и колчан из кожи оленя, в котором были стрелы с железными острыми наконечника ми самых разных размеров и фигур. Одни наконечники напоминали вилки, другие ножи, третьи были с зубцами. Сережа знал назначение каждой стрелы. Те, что в виде ножа, для зверя, стрелами с зубцами стреляют рыбу, когда она плещется в траве во время метания икры. Деревянной стрелой с шаром глушат белку... Много стрел было у деда. Много игрушек. Только не со всеми можно было играть. Сережа знал, что в сундуке, что стоит в углу дома за потемневшей занавеской, есть священные стрелы. Их вынимают только тогда, когда нужно обратиться к богам с молитвой за помощью на промысле. Сережа с Ильля-Аки частенько бывал на промысле. Там тоже все волшебно. Особенно у лесных озер, где ловились жирные золотистые караси. Уха из карася вкусная. Только там чуть-чуть жутковато. На темном зеркале воды лежало и светлое небо, и мрачный безжизненный лес, раскинув на сияющей глади уродливые ветви елей, сосен...

Ночь... Тишина. И вдруг в этой мертвой безжизненной тишине раздается пронзительный стон гагары. Вспугнутая неслышным всплеском подъехавшей лодки, она бросается с кочки в воду, точно злой водяной дух. Стоит заныть одной, как закричит другая. Мгновенье – и воет весь лес, стонет диким голосом озеро. А иногда ночную тишь нарушал филин. То залает, как собака, то разразится диким хохотом, то заплачет, как маленький ребенок.

В такие минуты Сережу охватывал страх, он весь съеживался в комочек... Ильля-Аки ругался на богов, говоря, что разве им внимания мало. Тут же бросал в воду монеты или срывал с одежды пуговицу, ниточку или шерстинку, бросал в сторону ближайшего берега, оказывая духам свое внимание. Как и Ильля-Аки, Сергей тоже думал, что в образе гагары или филина скрываются злые духи, которые только и ждут, чтобы где-нибудь помучить человека, чтобы выманить у него жертву. В лесу Ильля-Аки всегда смолкал, становился сосредоточенным. Он шел так, что почти не слышно было его шагов. И говорил он почти шепотом, таинственно объясняя внуку, где какой дух может обитать, кому нужно кланяться, оказать свое человеческое почтение. Часто на дереве он вырезал свою тамгу или вырубал несколькими взмахами топора лицо лесного божка с длинным носом, прося его помочь на охоте, а то и на стволе большого дерева творил изображение самого медведя, приговаривая:

– Образ ребеночка, нашего лесного дитяти, вырубим на этом дереве. Пусть смотрят прохожие люди, как мы любим его.

Потом он объяснял внуку, что рубит это не для себя, а для Сережи. Ему пусть улыбнется охотничья удача. Если человек, рубя изображение зверя на дереве, думает о себе, удачи ему все равно не будет. Следом за ними пройдет по лесу Мирсуснэхум, всевидящий дух, первый помощник верховного бога Торума, и снимет с дерева это изображение, чтобы неповадно было думать только о себе. У такого охотника уже никогда не будет удачной медвежьей охоты!.. Вытесав на стволе дерева шестиногого медведя, Ильля-Аки скажет, глядя вверх мечтательно:

– Мирсуснэхум! Ты всевидящий, смотри! Я вырубил шестиногого ребёночка. Видишь, как он нас любит! На шести ногах стремится к нам. Мой внучек, нет, не побежит. Ни на шести ногах, ни на двух. Он, владеющий мастерски луком и стрелами, достойно встретит своего лесного братца! Мирсуснэхум! Лесной братец пусть осчастливит его охотничью дорогу!.. А я ему помогу...

Всякое бывало на охоте. Иногда не везло. Ильля-Аки бросал стрелы – глухари спокойно поднимались в небо. Метал копье – зверь ускользал. Даже бескрылая белка и та приплясывала на ветке после очередного неудачного выстрела Ильля-Аки. Он останавливается наконец, задумывается, старается догадаться: за что его мучают так, что сделал не по-человечески, кому от него что нужно?.. И, не теряя времени, старается отделаться от внимания злых духов, кинув под дерево монету серебряную, посыпав табачку, повесив на ветку шкурку белки. Бывало так, что ничего у него с собой уже не было. Тогда Ильля-Аки бросал под дерево свой последний охотничий нож... Зато после этого, чуть поругав назойливых духов, чувствовал себя независимым и благоразумным. Пропадала забота. Снова появлялись спокойствие,

уверенность. Охота после этого действительно была почти всегда удачной. В такие минуты Ильля-Аки запевал песню, восхвалял свою стрелу и лук, и доброго духа, который подарил ему ценного зверька и весь этот чудесный лес, с его священными лиственницами, кедрами, березами, елями, в которых нередко живут души умерших богов, людей, всю эту щедрую тайгу, населенную духами в виде соболей, белок, куниц, орлов, бобров, медведей, лосей, оленей, выдр... Он пел о небе, где живут высшие боги, пел о земле, где рядом с настоящими людьми уживаются твари, пел о воде, как о вечно льющейся, неиссякаемой жизни, пел о мироздании, в котором все одухотворено, где все вечно, переходящее из одного состояния в другое, о слабом человеке, песчинке в этом огромном и сложном мире... Сереже было страшно. Он тоже себя чувствовал частицей этого мира. И его детская душа была соткана из этих ощущений, из картин то дикой, то пугающей, то прекрасной природы...

И когда он рубил кедр – священное дерево манси, – некоторые ощущения детства вновь ожили в нем. Но он рубил, понимая уже кое-что. Ведь окончил среднюю школу. Аттестат зрелости в руках. Было нелегко. Но он рубил просеку. Для него эта просека была не только визиткой, по которой его товарищи, геодезисты-топографы, с теодолитом будут измерять местность, чтобы нанести все на карту. С каждой щепкой, может быть, отлетали языческие представления, навеянные таежным детством. Прорубив по намеченной линии до болотца или другой открытой местности, он обычно отходил назад и любовался прямым и стройным просветом в дремучей тайге, который сотворил своими руками. Созерцая этот зеленый просвет, он думал о жизни, о своей дороге в ней. Эта просека представлялась ему то первой тропинкой к своей мечте, то дальней дорогой к разгадке тайн земли, ее невидимых сокровищ.

5

Сергей как сейчас помнил тот день, когда он сидел с новыми людьми у костра.

Плясало пламя, летели искры. В темном осеннем небе золотыми оленями бродили звезды. С таежной речки – вечной говоруньи – несло сыростью и прохладой. А от костра – большого и яркого – веяло теплом и запахом вареного глухаря. Совсем как на охоте. Но не о глухаре и соболе говорили у костра

– И что занесло вас в эту дыру? Никак не пойму, что вы ищете?! – говорил человек с рябым лицом, со шрамом на щеке, с удовольствием потягивая из большой прокопченной кружки крепко заваренный чай, который он называл чифирем. – Я бы по собственной воле... Делом бы настоящим занялся.

– Что ищем? Каждому свое, Ермолаич. Кому – романтика, кому – нефть, – отвечал не то шутя, не то серьезно широкоплечий бородач, подбрасывая сушняку в костер.

Борода у него была густой и рыжей. Только серые глаза, в которых иногда загорались озорные огоньки, говорили, что он еще очень молод.

– Какая тут нефть! Гиблое место. Во все времена Сибирь была каторгой. Покусали вас комарики? А вот наступит мороз – будет вам тогда и романтика, – продолжал тот, которого бородач называл Ермолаичем.

Из этого разговора Сергей узнал, что сибирскую нефть ищут давно. Еще в начале века охотники и путешественники не раз заявляли о признаках нефти на Иртыше и Оби. Но первые же партии изыскателей убеждались, что за нефть принимал и обильную пленку железа, расплывшуюся по воде.

Да, Сергей в детстве видел такую пленку в болоте, где росла краснощекая морошка. Вода там была всегда ржавой, покрытой радужно-золотистыми обводьями. Это и называли ребята нефтью. И Сергей так же думал. Не все верили, что в суровом таежном краю есть нефть, И все же поиски ее уже начаты. Сергей слышал, что и в других местах появились отряды геологов. По всей бескрайней тайге побежали просеки и визирки, а кое-где над вековыми деревьями поднялись железные великаны – буровые вышки.

Внимательно Сергей присматривался к своим новым товарищам. Они, как охотники, всегда были в дороге. Только говорили не о мягком золоте, а о черном.

Когда Сергей вслушивался в их споры, перед ним вырисовывалась уже довольно длинная, но не совсем еще ясная история поисков нефти, которая так волновала этих людей, будто они заворожены какой-то ещё неведомой Золотой богиней.

–Пу-пу! – кричал Венька, выскочив на просеку из-за вывороченного корня кедра. – Ты убит.

–Нет. Я тоже выстрелил. Значит, оба ранены. Квиты, – отвечала Сережа, пробираясь сквозь заросли вдоль оврагов. Он только что полз от куста к кусту, чтобы незаметно подкрасться к противнику.

– Наверно, смешно смотреть на этих парней со стороны. Почти, можно сказать, мужчины. А разыгрались в «пу-пу!». «Пу-пу!» – это игра в войну. В интернате все ребята играли. И Сережа почти до

восьмого класса состязался с товарищами в зоркости и осторожности, меткости и находчивости, играя в разведчика, рядового бойца, командира.

– А мы играли чуть по-другому. Давай по-нашему, – предложил Венька. Он жил и учился в детдоме, в соседней деревне. У мальчишек военных лет, где бы они ни жили, была одна игра.

– Что ты?! Может, хватит? Потеряли там, наверно, нас – проговорил Сергей с беспокойством.

– Так уж и потеряли. Обеденный перерыв еще не кончился. Они, наверно, опять «жарятся» в карты. А мы отдохнуть не должны, что ли? Может, тогда пойдем в шахматы сразимся?!

В шахматы состязались они каждый вечер. А в «пу-пу» только сегодня, в первый раз. И то получилось как-то само собой. Овраг, поросший кустарником, просека, ручей, вывороченные корни деревьев... Прячься, подкрадывайся, бери живьем, стреляй...

С Венькой Сереже было хорошо. Он тоже нынче окончил школу. И вот вместе они работают в геодезическом отряде. К тому же одногодки, хотя, если быть точным, Венька не знал своего рождения. Когда привезли его из блокадного Ленинграда, было ему четыре года. Он помнил только своё имя. Фамилию пришлось ему придумать. Никаких документов при нём не оказалось. Назвали Венькой Ленинградским. Вспоминал маму, папу. Говорил про какую-то тетю Лену. Знал, что мама врач, а папа – геолог. Он был далеко-далеко, в какой-то сказочной Сибири. Искал там нефть. Потом с фронта приходили письма. Венька помнит, как мама их читала. Она почему-то плакала… Потом наступила сырая и тревожная ночь. Веньку рвало от какой-то страшной качки. За бортом бились свирепые волны и ревел ветер. В маленькой каюте, кажется, плыл весь Ленинград. Только мамы рядом не было. Была только тетя Лена… И она в ту ночь потерялась. Только не в Ладоге, а уже на спасительном берегу, когда земля стонала под взрывами... Дальше было как во сне. Долго-долго летела куда-то земля, пока не превратилась она в морозную зиму, с тихим-тихим снегом. Тетю Лену заменили воспитатели. Маму и папу никто не заменил. Зато у него стало много-много братьев и сестер. И дом у Веньки был большой-большой. Назывался он детдомом. Стоял на высоком берегу среди тихих кедров. Из разрисованного морозом окна была видна снежная даль реки. А весной здесь играла большая вода. Она плыла до самого горизонта и, казалось, там превращалась в высокое небо. Среди этого свинцово-синего моря воды плескались желтовато-зелёные островки тальника. К осени, когда уходила вода, они превращались в острова, где такая черная и сочная смородина. А на песчаных косах чернели утки, а в небе тянулись ожерелья гусиных стай. На кедрах созревали шишки. В шишках орехи, жирные и вкусные. А под кедрами земля, то зелено-красная от брусники, то зеленовато-голубая от голубики, то зелёно-черная от каких-то черных ягод, которые ребятишки называют собачьими. А грибам в тайге той нет числа. Они всюду стоят, склонив набок тяжелые головы, будто умоляя снять… А зимой летят с горы санки, скользят по снегу лыжи и мечутся нескончаемой метелью звонкие школьные дни.

До седьмого класса Венька мечтал быть офицером. Может, потому, что, играя в «пу-пу», ребята нередко избирали его командующим. Только жаль, что не было настоящей офицерской формы. Фуражка со звездой. Китель. Золотые погоны. Мечта!..

Но в седьмом классе он вдруг получил письмо. От тети Лены. Она как-то его разыскала. Как и прежде, она жила в Ленинграде, куда вернулась сразу же после снятия блокады. А тогда в Новой Ладоге, при выходе на берег из канонерской лодки, на которой, оказывается, выбирались из осажденного города, она была контужена. Те адские бомбовые взрывы снились потом Веньке во сне. В длинных и обстоятельных письмах она рассказывала племяннику не только о тех трагичных и страшных днях, но и о маме и папе, даже о дедушке и бабушке. Мама погибла при взрыве бомбы, которая угодила в госпиталь, где она работала. Папа пал смертью храбрых, защищая родной город. Осталось от него завещание, в котором он, желая сыну расти большим и сильным, просил быть достойным своей великой Родины, продолжив незавершенное дело отца. Он оставил сыну какие-то карты, чертежи. Просил его разыскать в Сибири буровую, добурить скважину, бурение которой было прервано войной. И дедушка, оказывается, искал в Сибири нефть. Еще до революции. От него остались будто интереснейшие письма. Тетя обещала все это передать Веньке, когда он подрастет и приедет в Ленинград. А пока она кратко пересказывала их содержание. Даже по этому краткому пересказу видно было, какую интересную жизнь прожил дедушка. Он был ученым, геологом, путешественником. И погиб где-то за Уралом, в тайге, у большой реки.

Письма тети, которая обещала приехать и взять его к себе, как только поправится (она, видно, была тяжело больна), перевернули все мечты Веньки. Он стал теперь с жадностью читать книги, где говорилось о геологах, не пропуская ни одной статьи, связанной с этой профессией, ставшей казаться ему в высшей степени романтичной и необыкновенной. У него теперь была ясная цель: стать разведчиком недр, выполнить завет отца и деда.

На территории детского дома в небольшой избушке жила ночная няня. У нее сын каждое лето с геологами ходил на Полярный Урал, где они искали хрусталь и еще какие-то полезные ископаемые. С жадностью вслушивался Венька в его длинные, как зимний вечер, рассказы. Насколько правдиво говорил он, неизвестно. Но из его рассказов складывалась очень заманчивая жизнь, полная приключений. Это еще больше подзадоривало. Скорее хотелось ему окунуться в эту романтику…

Но вдруг тетя почему-то перестала писать. Сначала Венька долго и терпеливо ждал. Может, почта виновата. Или распутица северная, которая порой затягивается на месяцы. Но прошла распутица, настало лето, поплыли пароходы, а писем все не было. А его послания стали возвращаться назад. Тогда по совету старших он написал в домоуправление. Оттуда ответили, что тетя Лена внезапно умерла, еще зимой. После окончания десятого класса Веня поехал в Ленинград, чтобы разыскать завещание отца и письма дедушки. Но в той квартире уже жили другие. Они только сказали, что, когда переехали, ничего здесь не было, кроме старых газет и хлама, который выбросили на мусорную свалку. Венька не плакал. Но до слез было обидно. И, не увидев даже Невы, Эрмитажа, он в тот же день сел на поезд – и снова в Сибирь, горя надеждой найти самому завещанное. В Березове он устроился в геофизическую экспедицию рабочим топотряда. И – в тайгу. Здесь он и встретился с Сергеем Лугуем. Темой их бесконечных бесед и споров нередко становился вечный вопрос: «Кем быть?»

И это понятно, у обоих в кармане аттестат зрелости. Не вечно же им махать топорами да бродить по тайге рядовыми рабочими топотряда? Если они и пошли сюда – то у каждого, как им казалось, были довольно веские причины. Сереже хотелось нащупать след «Золотой бабы», а Веньке найти ту самую буровую скважину, которую не добурил его отец.

Как писала тетя, кратко передавшая завещание отца, эта буровая находилась на берегу озера, напоминающего девичье имя Ира. В нём однажды рыбаки выловили вместе с рыбой траву, пропитанную нефтью. В этом глухом краю никогда никаких моторов не было. Значит, нефть из-под земли. Потому-то и начали на его берегу бурить. А находится это озеро в верховье таежной реки. Какой? Неизвестно. Их в этом краю – сотни, а озер – тысячи.

Искать! Каких бы трудов ни стоило! И – найти. А потом – учиться. Но вот в какой институт?

Венька доказывал, что настал век физиков и геологов. И никакие историки, философы, лирики не могут с ними тягаться.

– Физик! Сегодня это же бог! – восклицал он. – Изобрели ядерную бомбу. Сверхзвуковые самолеты. Скоро, быть может, в космос полетят ракеты. А кто творит эти чудеса? Век технической революции настает. Ты что, против революции? Если бы не завещание отца – и я бы в физики подался. Девушки наши в технические вузы махнули. Даже из них мало кто в педагоги пошел. А ты... А быть геологом разве плохо? Искать! Найти! Сделать открытие! Открыть тайну не какой-нибудь там призрачной «Золотой бабы», а месторождение настоящего черного золота! Это не только топливо! У Менделеева прочитал. Между прочим, этот знаменитый старик, оказывается, наш земляк. В Тобольске родился. И он предсказывал нам сибирскую нефть. Может, и моему деду помогал снаряжать экспедицию. А вдруг эту нефть открою я? Каково будет, а?!

Сергею трудно было возражать. Все это он по-своему понимал. Но ему казалось, что это не по нему. К тому же...

– Знаешь, о нашем народе ничего не известно. Сколько ни читал. И все… Историей своего народа займусь.

– Разве у твоего народа есть история? Мы уже учили: у малых народов родовой, первобытнообщинный строй.

– И все же кто мы такие? Почему народ наш маленький, а сказки большие? В них сколько событий, приключений, борьбы!.. А «Золотая баба»?! Вот уже шестьсот лет дразнит любознательность людей... Некоторые ученые предполагают, как написано в газете, что она была вывезена из Рима в четыреста десятом году, когда с племенами готов громили Римскую империю варвары, в числе которых были угры – предки современных манси и ханты. Четыреста десятый год... Почти шестнадцать веков... Разве это не интересно?

– Эти увлекательные россказни, может быть, придумали писатели, газетчики и прочие бумагомаратели?

– Вот и хочу установить, насколько это соответствует действительности.

– И кому будет легче от этого?

– Мне.

– Что ж, может быть, ты и прав. Спорить не собираюсь. И все же... геология – вот это да! Не только романтика, но и нефть, газ... Вот что! Давай махнем в Свердловск. Там, говорят, есть горный институт! Я

хочу стать геофизиком... Ты знаешь, что такое геофизика? Это – физика земли. Наука о физических свойствах земли. О физических процессах, происходящих в ней... В энциклопедии написано. Почти наизусть вызубрил. Наука эта молодая. Возникла в середине прошлого века. Хотя еще Ломоносов пытался «слушать землю». Ты вникни в это сочетание слов: «слушать землю». Романтично ведь, а?! Зачем мы рубим эти просеки? За нами пойдут сейсмики, будут «прощупывать земную кору» взрывами. Серьезная наша работа. Это тебе не топориком стучать! Может, махнем в сейсмопартию? Им ведь тоже нужны будут рабочие... Во, идея!.. Как это я раньше не додумался?!

Кем быть? До встречи с Венькой было ясно – он поедет все-таки учиться на историка в Ленинград. А теперь? Теперь он был в сомнении. Но одно ему было известно точно: впереди у него большая и ясная цель – **учиться!**

Но сначала ему хотелось найти «Золотую бабу».

6

Все дальше и дальше от большой реки уходил геодезический отряд. Дремучий урман сменялся то болотами с карликовыми сосенками, то озерами с топкими, замшелыми берегами, то узкими таёжными речками, одетыми в пышную зелень кедровых и еловых рощ. В песчаных отмелях речек оставлял свои следы хозяин тайги – медведь, из густых еловых ветвей нередко выпрыгивала рысь, а в осеннем мареве болот каменными изваяниями стыли лоси. Эти неброские таежные картины Сергей наблюдал почти каждый день. Сюда, в эту зауральскую тайгу, вели все легенды о «Золотой бабе».

Сообщения о ней вновь появились в местной газете, которую, хотя и не регулярно, все же привозили в отряд. Вот что в них говорилось:

«Легенда легенде рознь. Многие из них возникли в уютном пересказе увлекательных книг, а потом оказались «привязанными» к определенному месту. Другие – просто сочинены фантазерами. Года три назад, размышляя над историей «Золотой бабы», мы обратили внимание на интересную деталь: на независимость источников легенды. Обычно удается проследить цепочку: один автор списывает легенду у другого или пересказывает ее. Здесь этого не было. По крайней мере четырьмя совершенно разными путями люди узнавали о «Золотой бабе».

Первый раз, еще в XIV веке, новгородские летописцы узнали о ней от монахов, ходивших в Пермь насаждать христианство.

Второй раз о статуе были получены более подробные сведения от служилых людей московского царя, которые в XVI веке составляли «дорожники» – описания торговых и военных путей русской земли, первую отечественную географию. Кто-то из пленных русских воинов, попав в Польшу, рассказал о «Золотой бабе» краковскому профессору Матвею Меховскому. С этого времени все карты и описания России, изданные в Западной Европе, – Вида, Мюнстера, Меркатора, Дженкинсона – повторяли это сообщение.

Но был третий источник, избежавший влияния шума, поднятого в XVI веке. Это – Сибирская летопись, рассказывающая о завоевании сибирского царства Ермаком, которая была написана Семеном Ремизовым. Один из атаманов Ермака по имени Иван Брязга, спускаясь вниз по Оби, дошел в 1582 году до Белогорья, где Обь сливается с Иртышом. Здесь он вступил в бой с племенами, объединившимися для защиты своей главной святыни – «Золотой бабы». Брязга получил какой-то выкуп, может быть – часть сокровищ, но самой статуи не видел. Летопись сообщает, что ее видел лазутчик, посланный Брязгой в стан местных жителей. К этому месту в летописи есть даже картинка. В 1584 году в жертву статуе был принесен панцирь, снятый с тела убитого Ермака.

Уже в XVIII веке в зауральские края попал еще один грамотный человек, киевский полковник Григорий Новицкий, сосланный в Тобольск за участие в измене гетмана Мазепы Царю Петру Первому. В 1712 году Новицкий был послан на реку Конду следить за тем, чтобы обращенные в христианство местные жители – манси – не поклонялись старым богам. Новицкий передал нам вполне независимые от других авторов сведения о том, что где-то на Конде до сих пор служители в красных одеждах тщательно прячут от всех свою главную святыню – «Золотую бабу», которая кричит, «как дитя». Статуи Григорий Новицкий не увидел: его вскоре убили.

Позже на Конду, рискуя жизнью, приходили этнографы, охотники, краеведы, в частности путешественник Носилов. Древний обычай тяготел еще над местным населением, тайные тропы, ведущие к святыням, охраняли взведенные самострелы. Носилов услышал ложные, заметающие следы, рассказы, что «Золотую бабу» унесли куда-то на север. Три года назад, поверив Носилову, мы предлагали искать

статую на полуострове Таймыр. Одна из статей была опубликована в газете «Комсомольская правда». Самолет доставил газету на Конду. И здесь нашелся школьник Алексей Сургучев, который написал в редакцию, что его отец, манси, видел древнюю статую как раз в тех местах, на которые указывали «дорожники», Сибирская летопись и рукопись Григория Новицкого «Описание о народе остяцком». Туда срочно выехал археолог, который собрал подробные сведения, хотя до указанного местными жителями пункта дойти не смог.

То, что видел отец Алексея, – это огромная статуя, изображающая женщину, видимо каменная, что само по себе удивительно, – кругом на тысячи километров нет таких скульптур. Она или называлась «золотой», или где-то рядом была спрятана настоящая золотая статуя – еще неизвестно, так как никому из ученых пока не удалось побывать в этих краях, которые почти недоступны летом – там дикая тайга и болота, зимой же надо идти на лыжах без дороги, и легко пройти мимо. Говорят, большая статуя сейчас повалена.

Мы не сомневаемся, что в самое ближайшее время новые исследования принесут разгадку древней легенды...»

В минуты отдыха, устроившись на мшистом пеньке или на только что сваленном дереве, Сергей предавался своим размышлениям о «Золотой бабе». Скудные газетные строки обрастали мыслями, догадками. Видения прошлого витали над ним. Порою мерещилось, что все это видел сам. Вспоминал, как побывал еще мальчишкой в «святом урочище». Старики пошли туда, когда соболя совсем не стало. Принесли духу тайги жертвы и попросили его вернуть в мансийскую тайгу черного зверя, без которого оскудела охотничья тропа. А то святое урочище было недалеко от деревни на острове, где среди обыкновенных таежных деревьев могучим великаном возвышался кедр. Ему-то и поклонялись старики.

Старые манси и теперь отвешивают поклон огню и воде, камню и дереву. Нет-нет да и вспомнят и о Сорни-най.

Необычайный интерес людей, живших давным-давно, к вековой тайне его сумрачной земли, обострял внимание Сергея к окружающему миру. Он присматривался к деревьям, выделявшимся чем-нибудь, в камнях искал очертания той загадочной богини, в крике птиц порой ему чудился плач «Золотой бабы».

Однажды ему показалось, что он у заветной цели, к которой стремились многие веками.

Это случилось в верховье безымянной речки. Она вытекала из ржавого и топкого болота. Посреди болота зеленела роща. Издали Сергею показалась она женщиной с ребенком в руках. Как в одной из версий легенды. Над зеленым венцом ее золотились лучи заходящего солнца. Только была она не нагой, как в легенде, а в цветном платье. Наверно, это березки и осинки, которые окаймляли рощу, делали ее одежду яркой и пышной. А стоявшие вокруг высокой лиственницы, они смотрелись издали строгим орнаментом на платье. Вечерний ветерок приносил с островка какие-то странные звуки. Они были не похожи ни на лепет листьев, ни на шум хвои. Когда ветерок усиливался, звуки становились громче. Тогда они напоминали звон колокольчика на шее оленя-вожака. Но стоило ветерку замереть – замолкали и звуки. Таинственные звуки, необычайный вид острова среди непроходимого болота неожиданно уверили Сергея, что именно в таком месте могли укрывать «Золотую бабу» от постороннего взгляда.

На другой день работа никак не клеилась. Визирка, которую Сергей вырубал, не хотела идти дальше. Душа его уже была там, на островке. Но как до него добраться?

Пробовал пройти – чуть не утонул. Хорошо, что рядом были кочка и бревно, занесённое тиной. Они спасли Сергея. Присмотревшись, заметил, что к островку тянется редкая цепочка тихих кочек. По ним пройти было всё равно невозможно.

Островок так бы и сохранил свою тайну, если бы не лыжи, которые нашёл Сергей во мху под ветвями поваленной бурей ели, она когда-то красовалась у кромки болота. Лыжи были широкие, непохожие на те, на которых ходят по снегу. Нетрудно было догадаться, для чего они предназначались. Теперь уж Сергей был совсем уверен, что перед ним «священное место». Но здесь ли капище «Золотой бабы»? А может, это обыкновенное «святое урочище», каких немало на Севере? И к чему ему, манси, покушаться на святая святых предков, которое так почему-то берегли?

Впервые у Сергея было такое чувство. Может быть потому, что раньше всё было только преданием, легендой. А теперь это рядом. Стоит только пройти – и там Сорни-най, та самая «Золотая баба», которая волновала умы людей далёких эпох и сейчас не даёт покоя.

– Что ты делаешь? – раздался хрипловатый голос, когда Сергей из-под сухих ветвей и мха вытаскивал вторую лыжину. Он вздрогнул. Перед ним стоял Ермолаич.

– Вот та… «Золотая баба»! – пролепетал Сергей, точно испуганный ребёнок, показывая в сторону островка.

– «Золотая баба!? Та самая, что в газете?.. А не врёшь?! – настойчиво допытывался Ермолаич.

– Может быть… Точно не знаю… Наверно, святое место…

– А ну, давай лыжи!

Сергей еще не видел Ермолаича таким. Глаза его заблестели. И весь он как-то преобразился. Рубил визирку не так. Чаще казался усталым, вялым. А сейчас будто его подменили.

– Чего ты как тетеря? Становись и ты! – указывая на лыжи, кончики которых торчали из-под сушняка, приказал Ермолаич.

Хотя лыжи были и широкими, но под грузным Ермолаичем вязли. Он их еле вытаскивал из шипящей топи.

Сергей пошел по цепочке кочек. Здесь место было более твердое. Его примеру последовал и Ермолаич.

Когда добрались до острова, Ермолаич приказал держаться сзади. Сам он шел осторожно, прислушиваясь к шуму деревьев. А шум этот был действительно необыкновенным. В шелесте хвои и листьев иногда что-то словно позвякивало. И это еще больше настораживало. Ведь и в легенде говорилось: «Золотая баба» то кричит, как дитя, то звенит колокольчиком, предупреждая, что она близко и к ней, священной, не следует подходить. Сергею то было жарко, то знобко. Колени слабли. Спотыкался на каждом шагу. Его охватил какой-то неведомый страх.

В нем снова ожили видения детства. И глуховатый голос старика Ильля-Аки, казалось, шуршал где-то у ног и просил не идти дальше. А другой, книжный голос твердил обратное. Ноги спотыкались. И все же он шел вперед по еле приметной тропинке, петлявшей между деревьями. Рядом с ней зияли глубокие ямы, заросшие зеленым ельником, травой, мхами. Из ям торчали колья, какие-то острые железяки, даже ножи на древках, покрытых кое-где мхом.

– Осторожно! Самострелы! – предупредил Сергей Ермолаича, который почему-то ускорил шаг и стал еще беспокойней. Про самострелы рассказывал тоже старик Ильля-Аки. Они бывают только на самых больших «святых местах», где самые именитые боги манси.

– Какие еще самострелы?! – буркнул Ермолаич.

– Обыкновенные. Лук. Стрела с кованым наконечником. Медведи, лоси от них даже падают.

– Да?! – удивился Ермолаич, озираясь вокруг.

– Может, самострелы еще не сгнили. Тетива у них из лосиных жил, просмоленная.

– Дикость!

– Может, вернемся? – вырвалось вдруг у Сергея, который теперь почему-то пожалел, что сказал Ермолаичу про «Золотую бабу».

– Э-эй! – протянул тот, обернувшись к нему. – Трусишь. Не выйдет.

Он приказал вооружиться палкой и идти впереди. Сергей хотел возразить. Но Ермолаич так резко взглянул на него, что Сергей сразу понял: спорить бесполезно. Длинным шестом, который Сергей нашел тут же в траве, стал бить по каждой ветке, тянувшей колючие лапы к тропинке. Если самострел поставлен, то стоит лишь тронуть ветку, как зазвенит тетива лука, полетит оперенная стрела ... Не зазвенела тетива лука, не полетела оперенная стрела, не «ожили» и колья в темных ямах, как ни ворошил их Сергей. Слетали с древков поржавевшие ножи. Истлела и тетива луков. И все же Сергей шел осторожно. Следом за ним – Ермолаич. Сергей чувствовал на спине его взгляд.

Наконец тропинка из-под темных ветвей выскочила к светлой полянке. Посреди поляны «упиралась в небо лиственница». Так говорят про высокое дерево в сказках. Эта лиственница действительно была сказочной. Сергей такого дерева еще не видывал. Толстое-претолстое, втроем не обхватишь.

На ветвях, похожих на корявые руки великана, висели и рога оленя, и черепа лошадей, и какие-то чаши, и стрелы с железными и костяными наконечниками. На ветках мотались истлевшие кусочки каких-то шкур, тряпочек. На одном из них в лад с ветерком позванивал колокольчик. Под деревом валялись котлы, поржавевшие ведра, причудливые изделия из рогов, бутылки, каких Сергей и не видывал. Местами дерево было обито жестью. На вершине чернело гнездо какой-то большой птицы. Вернее всего, орлиное гнездо. Орел – птица священная. И дерево, на котором вьет гнездо, тоже священное. И на стволе такого дерева не просто узоры вытесаны топором, а «священные знаки жизни». О жизни волшебной и обыкновенной, наверно, говорят эти узоры. Некоторые из них напоминали знаки, которые Сергей видел на дощечках Ильля-Аки. Старик пытался его учить. Сергей тогда посмеялся над ним. Разглядывая почерневшие от времени зарубки на очищенной стороне лиственницы, он теперь пытался что-нибудь вспомнить и угадать значение узоров.

Один из них показался ему знакомым. Грубо вырубленные штрихи напоминали «лягушку» – собственный знак старика. У него он был отлит из меди. И просто на дереве, и на своих вещах он его нередко «рисовал». Но это был не только «катпос» – знак руки, которую ставил он на вещах и на русских бумагах. Для него он был священным амулетом, образом мифического предка. Ильля-Аки не раз рассказывал миф о том, как от лягушки произошел его род.

Старик гордился своей медной лягушкой. Иногда он пел какое-то сказание в честь ее. Этот медный амулет на первый взгляд совсем не походил на лягушку. Какие-то изломанные линии, штрихи. Они напоминали «бессмысленный» орнамент, которым женщины украшали свои шубы и платья. Но, присмотревшись внимательней, можно было увидеть и длинные задние ноги, и лапы с растопыренными пальцами, и короткую, чуть изогнутую спину и голову... Такой же орнамент был вырублен на стволе этой лиственницы.

Ниже был орнамент, похожий на щучью челюсть. Чуть правее узоры напоминали то ли соболя, то ли еще какого-то таежного зверька. Летели по стволу крылатые рога лося. И маленький тетерев сидел, склонив набок головку. Больше всего на стволе лиственницы было узоров медвежьих лап. Такая пятипалая лапа вырезана и на рукоятке ножа, который остался от отца. Сергей слыхал, что отцовский род идет от медведя. Были здесь и другие, совсем непонятные узоры. Может быть, это подписи людей, приезжавших сюда из других краев и речек? Неужели это на самом деле самая «большая святая земля», где хранился «главный идол Севера»? Так почему же нет капища?

– Ну! Где твоя «Золотая баба»? – пробурчал наконец Ермолаич.

– Вот дерево... святое, – растерянно пролепетал Сергей, оглядев поляну, где не было даже крошечного капища – избушечки, где обычно хранятся идолы, шкурки, одежда шамана.

– Сам ты святой!..

С этими словами Ермолаич нагнулся к дуплу, которое зияло темно-желтой пастью. Вдруг он торопливо стал что-то вытаскивать. Подойдя ближе, Сергей увидел, как он из кучи трухи выбирает какие-то сияющие вещи. Это были монеты, кольца, серьги, бусы.

Вспомнилось Сергею, как он сам бросал монеты в такое же дупло. Делал все так, как Ильля-Аки наставлял. Тогда Сергей его слушался: не было у него еще школьного учителя. Это было в году, когда «тайга потеряла беличий след». Старики сказали, что надо идти на «святое место» и духам лесным жертвы пожертвовать. Лесным духам принесли в жертву петуха. А взамен попросили белок. Духам этим бросали монеты, серьги, кольца. Сергей сам это видел. Так было и в старину. Люди несли на «святое место» свои драгоценности и веру, а уносили надежду, что будет добыча и счастье.

Может быть, и это – обыкновенное «святое место», где никакой «Золотой бабы» нет? Может, люди просто поклонялись этому «колдовскому дереву», на вершине которого большая птица свила большое гнездо? Есть гнездо – птенцы будут. Есть птенцы – птицы будут. Если птица кричит – значит, зверь где-то рядом. Даже крик самой маленькой птички о жизни тайги говорит. А большая птица орел, священная птица орел вьет лишь там гнездо, где тайга полна красных и черных зверей. А лес, где много красных и черных зверей, – священный лес, заповедный. В таком лесу бить зверя и птицу можно лишь в год большой нужды и горя. А в обычное время нельзя ломать даже веточку. Топоры в таком лесу должны дремать за поясом, а ножи – в своих ножнах. Если стрела и полетит, то лишь на ствол самого высокого дерева, чтобы быть знаком его высокой священности.

На стволе этой гигантской лиственницы торчали стрелы. О чем они говорят? Может быть, о том, что и этот островок, и болото, где каменными изваяниями стынут лоси, и таежная речка, песчаные плесы которой разрисованы узорами медвежьих лап, и вся тайга вокруг священны?

«Золотой бабы» не было. Было просто высокое колдовское дерево. И монеты звенели. Ермолаич был доволен. Сыпал в карман монеты и улыбался. Как казалось Сергею в тот момент, улыбался ехидно. И Сергей не выдержал и ударил старика палкой…

Перед глазами Сергея выплыл Ермолаич. Узкое лицо со шрамом на левой щеке. Глубокие морщины, сплетённые на прямом лбу загадочным узлом. Бездонный взгляд больших, отцветших глаз ... Всё такой же, как тогда у колдовского дерева, когда Сергей нанес ему удар палкой по спине.

Каждый раз, когда выплывал в памяти этот его злополучный удар, – мороз пробегал по коже. Он вздрагивал от стыда. Точно отталкивал от себя такого к другому, который был, казалось, в нем же.

Сергей и сейчас не смог бы объяснить свое тогдашнее поведение. А в то мгновение, когда Ермолаич из дупла священной лиственницы высыпал монеты, серьги, кольца, в нём проснулась какая-то колдовская сила. Долго потом Сергею казалось, что в самом деле кто-то его толкал на поединок. Не хотелось

ему верить в колдовскую силу священных урочищ, но даже потом, не раз бывая «в святых местах», ему снова и снова приходилось чувствовать себя не так, как в обычном лесу.

Не мог Сергей успокоиться. Он искал причины своей давнишней жестокости. Может быть, он хотел защитить себя перед собой же. И все равно он не имел никакого права поднимать руку на человека, которого он в то время побаивался. Сейчас для него было ясно, что он принял Ермолаича не за того, кем он был на самом деле.

А тогда Сергей был удивлен неожиданным поведением Ермолаича. Получив удар, ему следовало нанести ответный. А он!.. Он не набросился. В его взгляде не было даже злости. До сих пор перед глазами Сергея был взгляд, в котором было недоумение, что-то вроде: «Что ж ты, мальчик мой! Разве можно из-за этих вот монет?»

И лишь много лет спустя до Сергея дошел истинный смысл этого взгляда. В нём сквозила мудрость хлебнувшего из полной чаши жизни, не всеми понятая, потому что Ермолаич про себя почти никому не рассказывал, тем более ему, мальчишке, который в те годы, конечно же, плохо разбирался еще в людях. Да и как расскажешь о том, что вся его семья – жена и двое детей – погибла от фашистской бомбы, а старший брат умер от ран у него на глазах. Вот и уехал он после войны в Сибирь, подальше от родных курских мест. Хотел забыться, хотя бы на время, но вышло так, что пришлись ему по душе таежные края.

Теперь Сергею было стыдно за себя, за свой поступок. Как он все-таки мало разбирался в жизни. Наверно, нужно прожить столько же, испытать хотя бы частицу того, что выпало на долю этого мужественного человека.

7

Крови на снегу совсем стало мало. Значит, ранение слабое. Может, просто поцарапал. Тем опаснее медведь.

«Если не уверен в своих силах – не поднимай руку на зверя. А то зверь покажет всю свою ловкость и прыть. Если поднял руку – бей наверняка» – так охотники говорят.

– Э-эх! – ругал себя, вздыхая, Сергей. – Надо было промахнуться! Лучше бы уж не попал.

Сергей пошел по просеке. По ней безопасней: далеко видно. Все можно ожидать от раненого медведя. Он как обиженный человек...

Медвежий след перерезала широкая и прямая, как улица, еще одна просека. И сердце учащенно забилось: неужели это та самая просека, которую он рубил много лет назад? Вокруг никого. Молчали и деревья, и небо. Только в нем самом словно сидел какой-то дух и без спросу, непрерывно старался судить его поступки, высветляя в памяти важные шаги его жизни.

Кто он, этот невидимый судья? Почему он знает каждый из поступков в его внутреннем основании? Почему он объявляет приговор? В одном случае оправдывает, в другом осуждает? Кто он, этот непогрешимый и справедливый судья, который все знает и перед которым невозможно солгать?

Не совесть ли? Наверное, она. В таежной тишине перед опасностью сильнее, чем когда-либо, Сергей почувствовал ее присутствие. Нет, это было больше, чем присутствие. Она здесь жила, спрашивала, волновалась, судила... Она была частью его самого. Не через нее ли человек становится ответственным за свои поступки? Совесть человека – это, быть может, единственный бог, от суда которого не уйти никуда, в котором человек может найти и силы, и успокоение.

Сергей шёл по просеке. Она выходила в гарь. В гари не было стройности и естественного порядка, присущего здоровому лесу. Рядом с деревьями, полными жизни, стояли отжившие. У одних нет вершин, у других сучья переломаны, у третьих кора – как разорванное платье. Чуть прикрыв снежком почерневшие стволы, стояли они, как смертники, в ожидании первого урагана, который повалит их...

А ураган по гари гуляет, видно, не так уж редко. Вот здесь ему удалось вырвать с корнем здоровое дерево. Не хотело, должно быть. Крепко держалось корнями за землю. И потому зияла теперь глубокая яма с задранным с трех сторон моховым ковром. Широкие бороды вывороченного корня закрывали вход в эту пещеру.

Рядом пень, запорошенный снегом. И здесь когда-то красовалось дерево. Шумело оно на ветру, чуть покачиваясь в плавном танце. Тянуло руки к небу, улыбалось солнцу, дышало, наслаждалось жизнью. А теперь от него остался пень...

Чуть подальше, подняв свои курчавые головки, бегут стройными рядами молодые сосенки. А над ними громоздится одинокий великан кедр, гордая вершина которого расщеплена молнией, а мо-

гучий когда-то ствол обуглен. Видно, по нему гулял смертоносный огонь. Как ему удалось выжить? Где он взял столько сил? Радуется ли он молодняку? Может, в его зеленом шуме он ловит звуки своей буйной и счастливой юности и предается отрадным воспоминаниям? Или он, умудренный опытом своей суровой нелегкой жизни, слышит в их игре лишь суету сует? И потому смотрит на всех лишь холодно, недоверчиво?

Или, иссеченный молниями, корявый, обугленный, но все же живой, он находит и в дуновенье ветра, и в пробуждающемся взгляде утренней зари, в ее широкой улыбке, и свою, особую радость?

А гарь жила своей обычной жизнью. Звенело дерево – то дятел-работяга стучал. Плотничье ремесло дает ему и детям пищу круглый год. Здесь его дом, исполненный по всем правилам плотницкого мастерства. Дятел – постоянный житель гари – строит жилища и для других. В морозы лютые ему благодарны и белка-летяга, и мелкие птички-пташки, находящие приют в удобном и теплом дупле...

Взвихрился снег здесь, ожил снег там. На черных крыльях полетел снег. В черные крылья превратился белый снег. А что еще таится под этим сверкающим снегом?

Только тишина и смерть?

Нет! Вот норка горностая. Чуть подальше – вторая, третья... Это выходы горностая на большой свет. А там, внизу, целый лабиринт ходов, целый подснежный горностаевый город. Если даже мороз трескучий ходит, если метель гуляет, ему не страшно – тепло в снежном жилище: сколько хочешь бегай, мышей лови, пока лисица не цапнет...

А лиса любит порезвиться в гари. Здесь она охотится не только за мышами и горностаями, но и куропатки и рябчики оказываются в ее ловких лапах, несмотря на что у них есть крылья... Вот что верно, то верно: не всякий летающий истинно крылат…

А снег разрисован узорами птичьих и звериных следов. Вот прошла куница. Зайцы натропили тропы. Не разберешь, откуда пришли, куда ушли и под каким кустиком замерли, свернувшись в белые калачики. Волк вездесущий здесь шлялся. Его большие следы как раны на снегу. Соболь из кедрового урмана зачем-то сюда заглядывал. Может, тоже полакомиться живой и свежей кровью. Ведь в урмане нет столько зверья и жизни, как в светлой гари и в дубравах...

А весной здесь кипит жизнь, шум и гам, песни и пляски. На широких полянах, между пнями и трухлявыми колодами, глухари в любовь играют. А глухарки, подзадоривая игроков, вертят хвостами, распустив их роскошным веером… К весёлым опушкам, звонким ручейкам слетаются и рябчики, проведшие зиму в тёмном урмане. И тетерева справляют шумные свадьбы…

Для птичьего мира и зверья нет привольнее места, чем таежная гарь!..

Может, не зря здесь прошелся когда-то огонь, превратив темную и дремучую чащу в светлую гарь, где закипела новая жизнь?!

Обессилев вконец. Медведь свалился в яму под корнями кедра, вывороченного бурей. И только закрыл глаза – слышит: что-то треснуло. Открыл глаза: рядом с ним опять Росомаха.

– Ой, как тяжело! – застонал Медведь, вытягиваясь под корнем дерева. – Пошамань еще. Может, лучше будет.

– Все вы такие! Попадете в беду – верующими становитесь. А во что вы раньше верили? Когда творили свои черные дела... Э-эх! Да и сама я такой же была. Не вернёшь уже. Пошаманить, говоришь. Раз так уж хочешь – покамлаю.

Поклонившись трижды, Росомаха начала:

Небо. Земля. Вселенная. Мир.
В мире рождаются и умирают,
Возвеличивают и убивают.
Хоронят с почестями, справляют свадьбы.
Ходят друг к другу в гости.
Пьют. Едят. Целуются. Дерутся.
Сколько целуются – столько и дерутся.
В мире устроено все так слаженно и так все странно.
Что Дремучему едва ли понять.
Небо. Земля. Вселенная. Мир...

– Ты обо мне лучше пой, Росомаха. А то опять завела что-то непонятное.

– Ах, Медведь, Медведь! Ты и правда дремучий. Слушай, Медведь, я спою твою песню. Ты, наверно, ее забыл. Да и слух у тебя!.. Потому за тебя и поют люди. Будь благодарен им, что они не забыли песен твоих. А мне за исполнение – калым. Слушай, дремучий, свою историю.

ПЕСНЯ МЕДВЕДЯ, ИСПОЛНЕННАЯ РОСОМАХОЙ

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Прошелся я по земле.
Пошумел и повеселился.
И уснул.
Та сторона горла моего,
которая должна спать,
задремала.
Та сторона языка моего,
которая должна дремать,
уснула.
Горло мое не ревело.
Язык мой не наслаждался.
Я спал крепким медвежьим сном.
Но однажды слышу той стороной уха,
которая должна слышать и во сне,
слышу шум какой-то,
Открываю глаза.
И той стороной глаза,
которая должна видеть и во сне,
вижу: собака.
Скалит зубы, лает.
На меня скалит зубы.
На меня лает
А рядом с ней – Человек.
Глаза у него такие же, как у меня,
только одежда у него красивее,
расшита узорами,
да лицо белое.
В одной руке у него топор,
в другой – копье.
Топор большущий
сияет лезвием.
Копье длиннущее
сияет острием,
На дверь моего дома
накатывает бревна.
Сквозь сырые и толстые бревна
крохотным оконцем сияет
острие копья.
Сыплют меня снегом –
будят ото сна
Я рвусь к двери.
Но дверь уже не моя.
В миг, когда я только увидел
высокое небо,
меня пронзило железо.
В миг, когда я только понял
сладость свободы,

на меня накинули петлю.
Петля крепче железной.
Копье острее смерти.
И волокут меня куда-то
по сырой и тяжелой земле.
Снимают мою шубу,
подсчитывая пуговицы,
просматривая карманы,
разрубая меня на куски.
Хорошие части мои
на хорошее место кладут,
плохие части мои
на грязную землю бросают.
И в голове копаются,
будто в ней что-то замуровано,
и расчлененного меня снова собирают,
бережно укладывая в люльку
с черемушьими ободками.
И на нарте скользящей везут меня
в деревню, звенящую
девичьим и юношеским смехом.
Снежки летят. Стар и мал
в снег играют, умывая друг друга
холодными, белыми хлопьями.
Со звериным криком вносят меня в дом,
с человечьим криком усаживают
мою голову на стол.
И полные чаши озерной пищи
передо мной ставят,
и таежная пища
дразнит меня вкусным таёжным запахом.
Сидя в счастье вкусных блюд,
я не заметил, как вокруг меня
собрались люди.
В солнечные игры они играли,
плясали вьюгой, извивались рыбами,
наряжались в зверей,
и каждый из них
строил из себя человека
с большой буквы.
Играли, а дни считать
не забывали.
На пятую ночь в честь меня
забили рогатого оленя.
Принесли его в жертву мне,
а съели сами.
На шестую ночь над кострами
развесили котлы больше прежнего
и мое таёжное мясо начали варить.
Голова моя сидела за большим столом,
а тело мое варилось в большом котле.
Потом молились моей голове
и ели мое мясо.
И все же съели меня большие.

Для маленьких – я был веселой игрушкой.
Для больших – куском божественного мяса.
Молясь на мою голову,
сидевшие за большим и священным столом
незаметно съели меня.

– Съели? Меня? – удивился Медведь. – Как же я тогда сейчас живой?

– Думаешь, ты живой? – бросила брезгливо Росомаха. – Кожа да кости, а духом ты давно мертвец. Тебе бы только жрать. И другие так же. А ведь когда-то ты был духом, Сыном Неба тебя величали. А ты на земле повел себя как зверь. А тогда, когда тебя убили, ты превратился снова в духа. Правда, ты был маленький и ничтожный. Но все же дух. Слушай дальше свою песню:

Съели меня люди.
Но я не исчез бесследно.
Я превратился в духа.
И в образе маленького зверька
выполз из сумрачного и теплого дома
на просторный белый свет.
И олень жертвенный
в духа превратился.
Он пополз со мной
в образе червячка.
И стали мы молиться Небу,
Отцу моему Торуму,
чтобы он опустил серебряную лестницу
и на небо нас поднял.
Опустил отец серебряную лестницу.
Пока мы шли к ней,
жертвенный рогатый друг мой
превратился в маленького
крылатого оленя.
Я сел на него,
и мы полетели вверх
по серебряной лестнице.
Облака, легкие как лебяжий пух,
тяжелыми руками хватали нас,
тянули к земле, но мы летели
все же вверх,
И тучи черные вставали на пути,
но мы летели вверх.
И сама земля, казалось,
не хотела, чтоб мы летели, –
она держала нас, тянула к себе
какой то непонятной силой –
но мы мчались вверх,
потому что я был уже не медведем,
а духом. И олень был крылатым,
а не рогатым.
Крылатой духовной силой
мы поднялись в Небо.
Голубой бусинкой
светилась Земля средь ожерельев звезд,
прозрачной слезой
летела Земля во Вселенной.

Чью грудь украшает бусинка-земля?
Чья соленая слеза летит
по холодной и пустой Вселенной?
Прилетев на Седьмое небо,
я привязал крылатого оленя
к серебряной лестнице
и направился в золотой дом бога Торума.
Он встретил меня не взглядом отца,
он встретил меня божественным
сумрачным взглядом.
Будто на шею мою
накинули железную петлю.
Язык отнялся.
Словно отпал, как шершавый
хвост ящерицы.
Я еле выдавил:
«Меня съели.
Что мне дальше делать?» –
«Кто тебя съел – у того и спрашивай,
что тебе делать, –
сказал спокойно бог. –
Ты нарушил мои наказы.
Не исполнил свой высокий долг.
Спускайся на землю.
Иди к людям.
Они рассудят, как с тобой быть... »
И сажусь я на крылатого оленя,
и лечу я к соленой слезинке Вселенной – Земле.
Мгновение – и снова я
в священном углу человеческого дома.
Забираюсь в свою голову,
которая чучелом сидела на большом столе,
пока летал я в Небо.
А люди, какие глупые люди!
Не заметили, что меня не было.
Молились пустой голове
и были счастливы.
В гнезде из мягкого и тонкого шёлка
снова сижу я.
Бесконечную юношескую удаль мне показывают.
Вечным девичьим весельем меня веселят.
Бездонные чаши с озерными яствами
передо мною ставят.
И руками белыми, как вода Оби,
гладят мою шерсть.
Девушки кружатся в плавном танце,
как деревья по ветру качаются.
Юноши скачут будто волны,
резвыми волнами пляшут.
Смотрю на бесконечную юношескую удаль – и забываюсь.
Дивлюсь вечным девичьим весельем – и забываюсь.
Нить золотого ума роняю где-то в воду.
И тело свое звериное
роняю где-то в тайге.

И весь я превращаюсь в Духа.
Где я? Сам не знаю.
В этот момент люди зажигают в доме костер.
Поленья из лиственницы загораются ярким пламенем.
И в свете пламени вижу:
проскользнул какой-то зверек.
Кто это был? Не разобрал.
И опять где-то роняю нить
золотого ума, забываясь.
А бесконечная юношеская удаль не гаснет.
Ласкают слух мой музыкой,
игрой веселой развлекают.
А между тем наряжают меня в священное платье,
рядом с другими духами садят.
Если великим духом назначают –
золото рядом со мной звенит.
Если маленьким духом меня называют –
малая мелочь медным звоном звенит.
Сижу. Смотрю. Слушаю.
Вдруг в углу дома зазвенел
голос какого-то голосистого
зверька. Никто не понял, что это
за зверек. В другом темном углу
тоже зазвенел чей-то голос.
Его тоже никто не разобрал.
Старики говорят: «Это что
за голосистый зверек?
Такого хорошего зверя
мы еще не слыхивали!»
В третьем углу что-то зашумело.
«Чей такой звучный голосок? –
удивляются старики. –
Глазами мы такого зверя не видали.
Да ладно. На будущий год,
если случится подобное счастье,
тогда, может, и поймем,
разгадаем тайну!»
И опять где-то роняю нить сознания.
Куда я делся?
Не знаю. И людей я потерял из виду.
И угол свой, где познал я счастье
красного сукна, потерял.
Вдруг вижу:
валяюсь возле дома.
И стал я, оказывается, величиной с мышь.
Носик у меня маленький,
ушки мои маленькие-маленькие.
Стоят уши торчком,
вслушиваясь в мир, и слышат:
в доме том ребятишки таежные
про меня песни поют, сказки сказывают...
Слышу я это,
и звериное сердце мое вздрагивает,
наполняется нежностью,

и с левого глаза роняю слезу,
с правого глаза роняю слезу.
На вторую ночь я доползаю
до дорожки, по которой женщины носят домой снег.
Оказывается, стал я величиною с белого горностая.
Ушки мои, стоящие торчком, слышат:
деревенские мальчишки меня славят,
деревенские девчонки про меня песни поют.
И сердце мое звериное
опять от счастья трепещет,
левый глаз мой роняет прозрачную слезу,
правый глаз мой роняет светлую слезу.
На третью ночь добираюсь до узкой
тропинки охотника, по которой он
за белками ходит.
А вырос я уже величиною с росомаху.
Шагами росомахи взад-вперед прохаживаюсь,
в деревне большой сыновья охотников
меня прославляют,
дочери охотников меня возвеличивают.
Левый глаз мой роняет светлую слезу,
правый глаз мой роняет счастливую слезу.
Назавтра настал ясный, божественный день.
Оказывается, я уже превратился
в священного зверя, в Медведя превратился.
И я, могучий Медведь,
шагаю в дремучий лес
исполнять свои дремучие обязанности!

Уф! Все!..

– Полегчало! – протянул Медведь, поглаживая лапой живот. – И как это у тебя так ловко получается! И песню про меня знаешь. А я ничего про себя не знаю. Почему, скажи-ка, я ничего про себя не знаю? А?!

– Скажу потом. Сейчас я устала. Не видишь, что ли. Плати скорей...

– Да постой ты со своим калымом. Помешалась, что ли? Ты мне правду открой. А ты мне одно... Калым, калым... Или ты ненормальная? Все ненормальные поют. Голос-то у тебя хриплый, противный. Но слова завораживают. Слушаешь – кажется, почти что правда...

– Не тяни, Медведь. Плати калым. Устала я...

– Скажи, кто ты? Калымщица?! Развелось вас тут… Я-то думал: провидец! Для калыма пела такую длинную песню? А я еще, дурак, развесил уши, слушал, как порядочную. А она, оказывается... Ишь чего захотела! Да не гладь меня! Если надо – сам себя поглажу. Калымшица несчастная! А ну, брысь отсюда! А то размахнусь – костей не соберёшь! Лапа-то моя еще медвежья! А ну, брысь-брысь! Иди подобру-поздорову!..

Росомаха исчезла в чаще леса.

8

Только Сергей вернулся из тайги, – не успел даже сбросить экспедиционное обмундирование, – как на пороге появился Ильля-Аки.

– А, вернулся, странник! Сколько вод, земель померил? – заговорил он словами традиционного мансийского обращения к приезжему. Старик тряс его руку, похлопывал по плечу, задавал какие-то пустячные вопросы, на которые Сергей отвечал односложно, нехотя. По его возбужденному взгляду Сергей почувствовал, что он не только с этими словами пришел. И правда. Вдруг Ильля-Аки будто подменили. Он заговорил таинственно и многозначительно:

– Слышишь, внучек, сказка-то сбылась. Не зря я сказывал… Напрасно экспедиция здесь Сорни-най ищет. – Старик хитровато подмигнул. Потом продолжал: – В Березове она! Там когда-то было наше самое

священное урочище. Возле трех колдовских лиственниц, выросших из единого корня, стояла кумирня. В собольем и куньем убранстве богиней золотой восседала золотая Сорни-най.

А недалеко от нее в другом капище сидел Айас-Торум. Тоже большой, тоже великий бог. Ночами на поляне горели костры. Бубен гудел. Шаман говорил... Люди слушали. Если кто-то с кем-то ссорился – здесь мирился. Вожди родов с берегов далеких рек приносили клятвы в подтверждение мира, заключенного после многолетней кровавой вражды. Желающие могли приобрести тут амулеты, приносящие удачу в любви и охоте. С великих и малых рек, со всех концов света шли сюда люди с молитвами. Большим духом был Айас-Торум. Великой слыла Сорни-най. О мудрости и силе ее до сих пор по тайге легенды кочуют.

Потом, не торопясь, Ильля-Аки достал из кармана трубку удивительно уродливой формы. Из кисета, расшитого обычным мансийским орнаментом, наложил махорки. Затем с такой же неторопливостью продолжал свой рассказ:

– Пришел на Север поп, разорил кумирни. И на том месте поставил свой небесный дом – церковь. Но таежные боги не дались в руки несшим железный крест. Они исчезли. Ушли в землю. Айас-Торум превратился в махар. По-русски это мамонт. Счастливые люди и теперь иногда находят его кости на берегу реки. Да и ом сам нередко шумит в заводи, роет крутояр. Только никогда мамонт еще не ревел, не плевался горячей водой с песком, не дышал «мертвым духом»…

Сергей понял, что старик говорил о лиственничном мысе, что на одном из холмов Березова. Каждой весной лиственницы, как прежде, покрываются нежно-зелеными иглами. Эти или другие деревья были здесь в те далекие времена – неизвестно. Но доля истины была в словах старика.

Сергей сам был свидетелем одного события. Как-то во время весеннего разлива река размыла склон холма, и одна гигантская лиственница наклонилась. Один березовский житель решил распилить дерево. Звенели, тупились пилы, вгрызаясь в твердую, как сталь, древесину.

Наконец лесина рухнула. И в тот же миг за грохотом падения послышался перезвон: из дупла струилась струйка серебряных кружочков. Это был клад монет разных веков и народов – сокровища Айас-Торума и Сорни-най.

Старик остановился, видя, что его не совсем понимают, потом, глядя в упор, произнес почти сердито:

– Ты что, не знаешь сказку о Священном быке земли – мамонте? Я же тебе рассказывал ... О, ей! Молодежь! Вам и невдомек, что в сказочное время живете! Сказки-то ведь сбываются. Чудеса кругом!.. В Березове знаешь что творится! Небо гудит. Земля дрожит. Деревья пляшут, как шальные. То сам Священный бык земли бесится. Он вырвался из плена земли. Ревёт. Плюется горячей водой, песком. Из его пасти летят каменья огненные. А за ним следом с гулом и громом выходит Сорни-най. Наша золотая огненная богиня…

«Совсем спятил старик», – подумал Сергей, глядя на него с сожалением.

– Ты на меня не смотри так! Ильля-Аки с ума еще не сошел. Ильля-Аки вещие слова говорит. Езжай в Березово. И если в тебе еще есть какой-то слух – сам услышишь, как выходит на волю золотая наша богиня, как гудит проснувшаяся земля...

– В Березове газ фонтанирует! Открытие! Понимаешь, открытие! – кричал, как ошалелый, влетев в избу, приятель Сергея Венька.

– Поехали! Сейчас пароход подойдет...

В тот же день они были в Березове. Там действительно творилось что-то невообразимое. Еще за пятнадцать километров до пристани пароход как-то непривычно «зашумел». Загудели и машинное отделение, и палуба, на которую высыпали пассажиры. А гладь реки, где золотым бубном сияло осеннее солнце, вся дрожала. С песчаного берега, черневшего стаями гусей и уток, несся не птичий гомон. С каждым поворотом реки шум рос. Не слышно стало ни шипения лопастей, ни гудения в машинном отделении. А когда показались дома поселка, раскинувшегося на холмах, загремело, кажется, и небо. Грохот стоял над Берёзовом.

Но это был не небесный гром, а крик земли, проснувшейся наконец-то от векового сна. За каменной школой, на краю поселка, там, где стояла буровая вышка, ревела земля

Венька кидал в небо фуражку и, как мальчишка, о чем-то кричал. Голоса не было слышно. Но глаза, лицо и весь вид его выражали торжество и неописуемую радость. Чему бы радоваться? Грохоту земли, гари и копоти, горячему дождю, летевшему сверху?

Верхушки кедров и сосен почернели, будто съежились. Огромными изломанными макаронами валялись трубы. На подступах к скважине копошились люди. Они, видно, пытались усмирить, закрыть скважину. И, время от времени отскакивая, как ужаленные, снова и снова приближались к ней. Они были

явно не в веселом настроении. Сверху лил горячий дождь с песком. Окна домов стали белыми, будто просоленными. Пахло «мертвым духом». Слова Ильля-Аки походили на правду. Только это был обыкновенный газ, а не мифическая Сорни-най и ее помощник мамонт...

Ревела земля. Говорило Березово. И все о случившемся. Скоро Сергей узнал некоторые подробности.

Случилось это ночью. Яркие сентябрьские звезды так и не вышли из-за густой и мокрой шерсти туч. Уснули и последние огоньки в домах. Березово спало своим привычным вековым сном. Лишь изредка эту дрему нарушал ленивый лай дворняжки. Даже монотонный шум дизеля, казалось, баюкал, навевал сны. Буровая стояла на краю поселка. Рядом с ней кедры уже не смотрелись великанами ... Но и тайга, казалось, не обращала внимания на гудение одинокой буровой.

«Позвякают трубы, погремит лебедка – да и снова все замрет. В этом гиблом краю какая нефть, какой газ!» – говорили скептики. Их, видно, было не мало, потому что скоро на эту буровую действительно махнули рукой. Партии геологов уходили на юг, в более «перспективные районы на нефть», как тогда выражалась. Рабочие, оставшиеся добурить скважину, трудились без особого старания. Порою даже нарушали элементарные правила. И на этот раз не оборудовали устье скважины фонтанной арматурой...

Темень окутывала буровую. Рабочие смены поднимали трубы. И вдруг земля рявкнула, взревела. Стальные трубы ракетой рванулись в небо. Потом искорёженным железом рухнули на тайгу. Трехтонный кронблок, словно мячик, взлетел вверх, а падая, смял под собой трёхсотлетний кедр, возле которого, быть может, не раз прохаживался сам светлейший князь Меншиков, сосланный в Берёзово после смерти Петра.

Фонтан горячей воды с песком взмыл к тучам. Грохот и мрак стояли над ночным Березовом. Люди выбегали из домов, в испуге спрашивали друг друга:

– Не земля ли перевертывается?

– Может, бомба?

– Наверно, мамонт наконец-то вырвался из векового плена земли?

И люди, говорят, бежали с мешками, с вёслами реке, чтобы переправиться на другой берег. И мало кто из них мог предположить, что он был свидетелем начала «открытия века» – как потом назовут тюменскую нефть и газ.

Гремела земля. Плясала огненная богиня. И танцы в районном Доме культуры, казалось, стали веселее и задорнее. С шумной буровой приятели направились прямо в Дом культуры. По субботам и средам здесь собиралась вся молодёжь. Кто играл в шахматы, кто гонял бильярдные шары или листал журналы в читальном зале, а кто кружился в танцах.

На дамский вальс пригласили и Сергея. Не верилось ему, что его может пригласить девушка, как эта, – красивая, нежная, с ласковым, тёплым взглядом. И имя у нее нежное – Светлана. Может всё происходит в сказочном сне? Пыльные ботинки его скользили по полу, а голова чуть кружилась, как плавные звуки «Амурских волн». Этот вальс Сергей любил слушать по радио. Но не думал, что эти волны так сказочно прекрасны, как синие глаза Светланы.

Она спрашивала его о тайге, о товарищах, о работе, а он молча кивал ей, любуясь украдкой ее утонченно-матовым лицом, будто выплывшим из любимых стихов Блока, пшеничными волосами, губами, сочными, как таежная брусника. Брусника, сладкая поздней осенью ... А груди у неё как две волны. Чуть коснутся – обжигают. И трепет какой-то плывет по телу. И волнение. Тайное. Неизъяснимое. И она вся как лирическое стихотворение. Звучит, плывет, кружится.

Но вдруг баян замолчал. Пары на мгновение замерли, а потом, разбившись, поплыли по залу. Сергей проводил Светлану до группы девушек, стоявших у расставленных вдоль стен кресел с откидными спинками, нехотя поплелся к группе парней, где в широких брюках клеш о чём-то весёлом уже шумел его друг Венька. Ребята были свои, геологи. Только из других отрядов. Сергей их видел и не видел, слышал и не слышал. И хотя объявили о конце вечера, в душе его звучали звуки вальса, и казалось, он продолжал плыть по волшебным волнам...

А на краю поселка по-прежнему гудела земля. Только у пляшущей огненной богини теперь был определенный вид. Утонченное матовое лицо, пшеничные волосы, две трепетные волны-груди, синие, как небо, глаза, и вся она как недочитанное стихотворение, полное волшебства и тайны…

9

Фыркали железные кони. Огнем сверкали их стеклянные глаза. Стонал снег под полозьями саней, каких тайга еще не видывала. Это были не сани-розвальни и не оленьи нарты, а дома, поставленные на лыжи. Как в любом жилище, в них были окна, а над крышами – трубы, над трубами – дымок.

– Как называется это чудо-жилище, которое движется? – спрашивали удивленные северяне.

– Балками, – отвечали хозяева.

– А вы кто такие? Почему вам не живётся в обыкновенных домах?

– Мы сейсмики!..

Фыркали железные кони. Огнем сверкали их стеклянные глаза. Стонал снег под полозьями… Это врубались в тайгу партии сейсмической разведки. Они пришли сюда вслед за топографами. И были вооружены не только топорами и пилами. Загремели в глухой чаще тракторные тягачи, потянули за собой по просекам «балки». Сейсмики пришли сюда, чтобы с помощью чувствительных приборов «прощупать» землю, отыскать в недрах пласты, в которых скопляются нефть и газ.

Если бы не «заговорило» Березово, то сейсмиков, как и буровиков, повернули бы на юг. Не быть бы им здесь!

Если были споры о гиблой тайге – они на время замолкли. И разговоры о бесперспективности поисков тоже смолкли. Березово, как в древние, языческие времена, стало словно бы «снова священным». Сюда потянулись люди. Даже прилетели из Москвы… Кто верил в сибирскую нефть – тот в Берёзове становится крылатым. Кто в счастье верил – смело шагал в Берёзово. Кто о романтике мечтал – не обходил Берёзово. Шумно стало в Березове.

Сергей впервые ехал на тракторе. До этого он ездил только на лошадях да катался иногда на оленях. В ушах грохотало. Гремели, кажется, и деревья, стоявшие по обе стороны просеки.

Только по этой, прямой как стрела, просеке ехали как-то «непрямо» Трактор то подпрыгнет, то чуть замрёт, то снова рванёт, как разъярённый конь. Сергею скоро показалось, что в этой адской тряске начинают греметь и его кости.

И когда замолк гул мотора и сквозь мутное стекло заструились весёлые огоньки, он выскочил из кабины, как ошпаренный. Пришел в себя только в балке, где не царствовал уже запах железа и бензина. В балке было довольно уютно. От печи веяло теплом. По стенкам полки, как в каюте парохода. Хоть тесно, но лучше, чем в открытой лодке. И не сравнишь балок с шалашом охотника, где ветер свободно гуляет, где спишь на еловых ветках. Хороший дом – балок, мудрый дом – балок. Это потом уж Сергей почувствовал.

Загудит трактор, потянет – оживает балок, чуть покачиваясь, движется по просеке. А ты сидишь в доме – и едешь. Хотя тебя порой и тряхнёт, а ты едешь.. пляшут дрова у печки, валятся книги с полки, позванивают чашки на столе, а ты сидишь, а дом-балок едет на новую стоянку, где опять будут «обстреливать землю».

А что такое «обстреливать»? разве в тайге война?

Нет! Это сейсморазведка. Занятие вполне мирное. Взрывом, похожим на маленькое землетрясение, «прощупывают» земную кору.

В одном из балков размещается сейсмостанция. И главный там – Венька, его друг. Он сидит за аппаратом, незнакомым ещё Сергею. Плавно, как по клавишам, ходит его рука.

– Готов ли ты? – кричит он в телефонную трубку. – Так принимай команду!

Потом весело подмигивает Сергею. Мол, смотри, учись. Довольно баловаться охотой. Пора и коренным жителям приниматься за серьёзные дела.

На том конце провода о чём-то говорят. Но их слов не разобрать. На улице шумит трактор. Венька возмущается, ругает зачем-то тракториста. Наконец шум замолкает.

– Внимание! – раздаётся команда.

Потом в телефонной трубке чей-то простуженный голос спрашивает:

– Ты готов?

– Так точно!

– Внимание!

– Есть!

Венька нажимает на кнопку и одновременно командует в трубку:

– Огонь!

И вековая тайга, знавшая лишь крик звериный, вздрагивает от взрыва.

Выключив моторчик, Венька вынимает кассету. Отдавая её проявителю, самодовольно восклицает:

– Отлично стрельнули!

Просыпается трактор. И балок опять качается до новой стоянки, где запланирован следующий выстрел. Пока едут – Венька рассказывает. Он сегодня не только обучает своего друга-таежника, раскрывая

ему секреты операторского искусства, но и «вталкивает в него» азы геофизики. Знаешь, что такое сейсморазведка? – обращаясь к Сергею, спрашивает Венька. Видя в пытливых глазах интерес, продолжает: – Взрыв... И волны мчатся в толщу земной коры, чтобы, встретив преграду, вернуться назад. Механизм осциллографа, который я включал, эти волны запечатлевает на фотоленте. Проявитель сделает их след живым, зримым. Для тебя, непосвященного, это непонятные пустые зигзаги. Для инженера-интерпретатора о многом говорят эти лучи-молнии. Он может переложить их технический язык на человеческий. Вот вырисовалась структура, скажет он. Перспективная. Здесь, в такой ловушке, может быть нефть и газ. Найти такую структуру – значит подойти вплотную к открытию. Но до нее путь еще долог. Пока буровики привезут станки, начнут бурить, испытают скважину. Если структура не пустая – будет фонтан нефти или газа. Последнее слово всегда за буровиками. Но без сейсмиков и их труд был бы холостым!.. Вот что такое сейсмика!

Железно ржал трактор. Качался балок. Замирал железный конь – раздавался над тайгой взрыв. Маленькое землетрясение. Считанные секунды работает лентопротяжный механизм.

Оператор Венька становится учителем. Сергей его жадно слушает. Потом пробует сам ... И эта кочующая дорожная жизнь становится привычной для сына охотника и рыбака.

Но чувствовал ли себя Сергей разведчиком недр? Пожалуй, нет. В нем жило что-то другое. В свободное от работы время, когда случалась непредвиденная заминка, он, как и прежде, бегал на охоту. А вечерами, когда в жарко натопленном балке другие «жарились» в карты, он при слабом свете электричества уносился в мир книг. А иногда просто думал. Тайна «Золотой бабы» не переставала его волновать. Наоборот, проходя с отрядом сейсмиков по местам, где, казалось, не ступала еще нога человека, он все больше и больше думал, что вот-вот где-то здесь может быть раскрыта тайна, которая многие века волновала умы людей.

Однажды Венька, увидев Сергея с газетой в руках, посмеялся над ним. «Не о той ты бабе мечтаешь, друг мой. Пора тебе познакомиться не с идолом золотым, а с золотой девушкой. Как, бишь, ее там звать? Светланой?» – и не договорил, увидев, как побледнел Сергей. Со дня той первой встречи прошло две недели, а Сергей до сих пор никак не осмелится к ней подойти. «К чему тешить себя какими-то пустыми мечтами, надеждой?! – думал он, проклиная свое легкомысленное влечение. – Такие парни вьются вокруг нее. И с кем захотел сравниться!..»

Он старался всеми силами не думать о ней. Но она упорно являлась во сне. То обнаженным золотым изваянием стыла вдали, то возникала совсем рядом живой, теплой, обыкновенной девушкой. Сергей боялся даже смотреть на нее, чтобы не спугнуть ее неосторожным взглядом. Она садилась у его кровати, строгая и внимательная, как медицинская сестра. Тонкими, нежными пальцами чуть-чуть касалась его лба и волос, и ему становилось легче. Он чувствовал себя тяжелобольным и несчастным. Больнее и несчастнее других, лежащих здесь же. Почему-то во сне он видел себя в палате. А палата большая-большая, как тайга. А больных много-много, как деревьев в лесу. И на всех одна сестра. Она, Светлана. Сергей понимал это. И все же ему так хотелось, чтоб она дольше посидела около него. Может, потому, что у него никогда не было сестры? А ведь так и мечталось, чтобы сестра была настоящей, а не медицинской.

А то становилась она еще ближе и родней. Как жена. Ложилась рядом с ним. И тогда огромная палата превращалась в маленькую, но светлую и уютную комнату. И деревьев больше не было. А на тумбочке стояла ее фотокарточка в необыкновенной рамке, которую он сам вырезал из лиственницы, из долговечного дерева.

Это было во сне. А в действительности у него только фотокарточка. Без всякой рамки.

И у фотокарточки этой была своя, в чем-то тоже необычная история.

Как достать фотографию человека, если с ним ты не встречаешься, не разговариваешь, но живет он в поселке, где и тебе случается бывать? Разве так трудно?! Наверно, можно. Во всяком случае, гораздо легче, чем жениться или добиться взаимности в любви. Но как это сделать?! Попросить у нее? Но это невозможно. Он не только подойти, но и издали встретиться взглядом с нею стеснялся. И все же встречаться приходилось. Как и все рабочие сейсмической партии, возвратившись с поля, Сергей шел в контору. Но увидев ее, он терялся до того, что порой даже забывал сказать привычное «здравствуйте!». И, может, потому работники конторы, как ему казалось, пристально рассматривали его каждый раз, словно какую-то небыль.

Можно было попросить кого-то из знакомых ребят сфотографировать ее. Кое у кого были свои фотоаппараты. Но тогда ведь... Засмеют! Люди на язык остры. А в таком деле... Нет, никто его не поймет. Даже Венька.

Единственный выход: купить фотоаппарат, научиться самому снимать и где-то незаметно щелкнуть. Решено – сделано. Самое трудное было сфотографировать. Долго охотился за удобным случаем. Но однажды все же удалось совершить заветное. И вот – фотография в кармане. Ее лицо, глаза, губы... Теперь она была с ним всюду: в дороге, в тайге, в углу родного дома.

Только наяву ее вскоре не стало: перед Новым годом она уволилась. Уехала в свой город – Москву. И Сергею уже казалось, что легче найти и увидеть таинственную Золотую богиню, чем Светлану.

10

Раньше человеку, родившемуся в тайге, конечно же, не приходилось ломать голову о выборе профессии... Еще в звонком детстве тайга манила его в свою таинственную лесную чащу, где порхали крылатые игрушки-рябчики, скакали белки по ветвям, пели глухари на заре, бродили медведи. А уж когда юношеские руки-ноги наливались силой – узкие таежные тропы сами ложились под ноги, не надо было слишком думать – по какой идти. Всюду тайга. А в ней – все, что нужно для жизни: вкусное мясо, пушистый и красивый мех и радость удачи на промысле. Радость удачи охотника! Может, это главное, зачем он долгие-долгие месяцы пропадал в урмане. А вернется охотник – глаза сияют и у маленьких, и у больших. Просят показать мех, умоляют рассказать, где, что и как... Для того, наверно, на Севере длинны зимние ночи, чтобы поведать охотнику про свои нехитрые лесные приключения. А что на этих вечерах не успеет выложить – на медвежьем празднике покажет в огненных плясках, песнях, присказках и сказках.

Если неудачна охотничья тропа – можно испытать себя на рыбном промысле. Река такая же кормилица, как и тайга. И большую рыбу не всякий поймает. Но мечтать о ней может всякий. Потому что рыба в речке плавает. А речка рядом. Не надо долго гадать, по какой тропе из деревни спуститься к звонкой и веселой воде.

Если охотником и рыбаком не хочешь стать – можешь завести оленей. У оленевода – длинная дорога, вечная дорога. Жизнь оленевода – вечное каслание. Синие ветры поют ему свои песни. И у каслания есть своя радость и сказка... Так что три дороги стелились перед таежником, когда он вступал в жизнь: охота, рыбалка, каслание. Одна дорога была у женщины Севера: выйти замуж за обладателя одной из этих дорог.

А сейчас столько дорог распахнулось перед Сергеем в миг его вступления в жизнь, что закружилась голова, затуманилась! Да так, что не выберешь ни широкую, ни узкую, ни длинную, ни короткую.

Вернувшись тогда в райцентр с «поля», Сергей встретил на улице Юлию Семеновну, свою бывшую учительницу. Она преподавала историю. На ее уроках Сергей каждый раз уносился мысленно в далекие времена и чувствовал себя почти что участником, а не посторонним наблюдателем памятных великих и малых событий. Неизвестно, всех ли Юлия Семеновна околдовывала так, но над Сергеем она явно имела власть. Встретив Сергея, она вся засияла, засветилась. Похлопав по плечу, похвалив его за успехи в работе (про Сергея написали несколько строчек в местной газете), она уже с серьезным выражением лица сказала:

– Есть путёвка. Одна. Одна-единственная пришла на весь интернат, и никто не хочет... в учителя. Геология, техника в моде... А кто, скажи, детей этих геологов будет учить? А история?! Это же предмет особый!.. Если игнорировать историю, если все забыть... Самые высокие завоевания техники могут превратиться в прах!.. Чтобы успешно строить будущее, надо помнить прошлое...

Она внимательно посмотрела ему в глаза. Сергею давно уже казалось, что от Юлии Семеновны трудно что-то утаить. В данном случае Сергею было таить нечего. Он был просто растерян. Так неожиданно все. Давно об институте уже он не думал. После открытия Березовского месторождения газа все переменилось в этом крае. Понаехало в Березово столько народу, что в домах не найдешь свободного уголка, Приедешь в райцентр – и спать порою негде, хоть чум ставь посреди улицы. Да и на улице стало шумно. Люди, машины. День и ночь шумят, галдят, снуют. Но за этой внешней суетою таилась большая и трудная работа. За год работы в геологических партиях Сергей стал привыкать к этому новому ритму железного каслания, который принесли в его край разведчики недр. Он уже не понаслышке знал о суровой романтике жизни геологов. Сам на своих плечах вынес многое. И слова любимой учительницы на первый взгляд показались ему какими-то странными. Но сама мысль поехать учиться в Ленинград, которая жила еще в школьные годы, вдруг неожиданно загорелась в нем.

– А что, и поеду! – радостно воскликнул он, не задумываясь особенно над смыслом сказанных слов. – Если не шутите...

– Какие могут быть шутки. Вот сейчас отказался выпускник наш. Эх! – она сердито назвала его имя, махнув рукой, продолжала: – Тоже в геологи ушел! А на него так надеялись! Впрочем, в институт людей найти нетрудно. Всегда найдутся желающие. Да только лучших бы надо. Хорошо, что тебя встретила...

Ленинград показался Сергею знакомым. Будто он здесь когда-то жил. Гранитные набережные, мосты над водами. Адмиралтейская игла, Эрмитаж, каменные сфинксы... Только строгие очертания дворцов были какими-то серыми, покрытыми пылью, и асфальт прямых, как стрела, проспектов не сиял, как в кино и на открытках. Лишь Нева иногда сверкала искристой улыбкой, как величавая река Обь, когда на ней играло случайно забредшее сюда солнце. Солнце, казалось, осталось на севере. Здесь же были сияющие огнями театры, каменные библиотеки с толстыми книгами, шумные студенческие аудитории.

Когда Сергей ехал в Ленинград, то думал, что будет учиться в институте народов Севера, о котором так много слышал. Оказывается, такого вуза уже не было. Так многие почему-то называли северное отделение Педагогического института имени Герцена, куда был послан по путёвке Сергей. Наверное, по традиции. Некоторые традиции «Чудесного чума», как называли когда-то первые студенты-северяне свой институт, и в самом деле продолжали жить. Здесь была кафедра языков народов Севера. Студенты изучали родные языки. А некоторые преподаватели были выпускниками того института. И как в те далёкие годы, сюда по-прежнему со всех концов Севера ехали дети охотников и рыбаков, оленеводов и зверобоев. Только в отличие от первых сейчас уже приезжали молодые люди с аттестатами зрелости. А тогда...

...1925 год. Осень позолотила старинный парк. Среди вековых деревьев играет костер. Потрескивают поленья, летят искры, вьется дымок. Как в тайге, играет огонь. Как в тундре, огонь весел и щедр. У огня – люди. Они в меховой одежде, украшенной северным орнаментом. Рядом Екатерининский дворец, где совсем недавно жили цари. В старинном парке горит костер, и люди – в причудливой одежде. И кое-кому из прохожих, может быть, покажется это экзотическими сценами киносъемки. Но это было не представление, а обыкновенная жизнь. Какой же таежник или житель заполярного приморья не любит посидеть у ласкового огня. Даже если он приехал в большой город учиться! Не поэтому ли первых посланцев Крайнего Севера – вчерашних рыбаков, охотников, оленеводов, зверобоев – и поселили временно в роскошном Екатерининском дворце, рядом с которым, как в тайге, тянулись к небу настоящие живые деревья.

Их было немного: всего девятнадцать парней. Ханты и манси, ненцы и нанайцы, саами и юкагиры, эвенки и чукчи. Что им предстояло? Им предстояло в считанные годы сделать шаг через тысячелетия. Сохранив святое отношение к высокому дереву и ласковому огню, они должны были признать могущество нового духа – книги. Так оно и произошло. Неграмотные еще вчера дети тайги и тундры, оказавшись в городе Ленина, вскоре будто переродились. Нет, они не забыли про огонь и живые деревья, но книга пробудила в них нового охотника. Страницы как снег. Буквы как следы. Чьи это следы? Нет, не зверя! Мысли ходили по этой странице. Мысли остались на этой странице. Звери бывают большими и маленькими, ценными и неценными. Следы оставляют все. Но не каждый след приведет к большой добыче. А по следу большого зверя идти опасно и трудно. Но в этом есть наслаждение, азарт. И гонит охотник большого зверя с большим напряжением силы и страсти, чтобы иметь большую добычу ... Страницы как снег. Буквы как следы. Если мысли ходили по этой странице, то какие они: большие или маленькие, добрые или злые, сиюминутные или вечные?

С азартом охотника северянин припал к книге. И пошел, пошел, пошел. Страница за страницей, том за томом, добывая живую мысль, открывая иные миры. А их оказалось много-много. Больше, чем зверей в тайге, в тундре, в богатом прибрежье студеного моря. Велик азарт охотника! Добыл большого зверя, снял с него шкуру – мало! Позвать бы народ, повеселиться бы! Да перед звериной головой, сидящей за богатым столом, показать людям свое искусство, рассказывая про свои приключения по дремучей тайге в погоне за этой добычей, и про думы свои поведать, про горе, про счастье, и предков своих вспомнить, воскрешая их песни, сказки. И жизнь встанет во всем волшебстве своем и загадочности. Так и поступал охотник в древности.

Почему бы не поступить так же и сегодня? Устроить игрище на страницах книги, рассказав про свои думы, выложив песни, сказки. Так и сделал прозревающий северянин. Сначала помогал учителям своим созданию письменности на родном языке. Первый букварь, словарь, учебник. Потом книжку перевел. Затем написал свою...

Так было с первыми северянами, попавшими в город Ленина. И хотя теперь на северном отделении Педагогического института готовились не творцы книг, учебников, исторических исследований, а обыкновенные школьные учителя, традиция, заложенная первыми учеными-североведами, передавалась новым поколениям студентов. В студенте нового времени просыпался тот самый первый охотник. В сту-

денте вновь просыпались века. Он чувствовал себя древним-древним, в то же время очень молодым. Он уносился в будущее. Будущее казалось только прекрасным. Но институт готовил учителей. Учителя – народ серьезный и студенты, готовящиеся стать учителями, тоже народ серьёзный. И среди них вдохновенный юноша, вообразивший себя творцом, увлекающийся загадочным прошлым своего малого народа, уносящийся в лучезарное будущее, созревшее в его пламенном мозгу. Он то молчалив, угрюм, как тайга, то дерзок, как сиверок[59]. То целыми днями пропадает в библиотеке, уткнувшись в книгу, то ночью бушует в коридоре общежития, споря с товарищами. Ему обо всем надо вынести свое суждение. Он чувствует себя творцом. А разве творец имеет право на молчание? И он говорит.

Устно и письменно, стихами и прозой. Грозится выпустить даже книгу! На родном языке и на русском!

На лекции ходит. Но не на все. Если и придет на методику преподавания – то занят чем-то загадочным.

– Чем вы занимаетесь? – возмущается преподаватель методики преподавания русского языка. – Почему не работаете со всеми?

– Я работаю. Разрабатываю методику сложения стихов. На моем родном языке их никто не складывал!

– Мы учителей готовим, а не стихотворцев!

Это, конечно, правда. Но разве он может забыть про стихи... Нет, и еще раз нет. С любопытством Сергей поглядывал на шумных стихотворцев. Их увлеченность и страсть рождали зависть. Правда, их творениям Сергей, как и многие другие серьезные студенты, не придавал значения. Разве все их «творчество» сравнишь с творениями настоящих поэтов! В них столько мыслей, чувств! Они будто волшебники. И все же молодые северные стихотворцы вызывали в нем зависть и его самого все сильнее влекло к творческой деятельности. Правда, история как наука его по-прежнему волновала. И он с удовольствием посещал лекции. И читал намного больше, чем задавали по программе. Но к чему все это? Учеба в институте порой ему казалась пустой тратой времени. И он, возможно, и оставил бы институт, если бы не тайна «Золотой бабы». Мечта открыть эту тайну разгорелась к концу первого года учебы с новой невиданной силой, когда он прочитал о ней в старинных книгах из Публичной библиотеки. С пожелтевших от времени страниц выплывала «Легенда о «Золотой бабе?». Самые подробные сведения о тайне «Золотой бабы» Сергей нашел в объемистой книге М.П. Алексеева «Сибирь в известиях иностранных путешественников». В тетрадь, которую он теперь носил с собой постоянно, переписал:

«Рассказ о «Золотой бабе» приобрел большую известность в западноевропейской литературе XVI и первой половине XVII века; редкий писатель, говоря о Московии, не упоминает о ней. В русской литературе впервые, кажется, она упоминается в софийской первой летописи под 1398 год по поводу кончины Стефана Пермского, где сказано: «Живяще посреди неверных человек, ни бога знающих, ни закона водящих, молящихся идолам, огню и воде, и камню, и “Золотой бабе”, и волхвам, и древью».

«Далее, в послании митрополита Симона “Пермскому князю Матвею Михайловичу и всем пермичам” (1510 г.) говорится о поклонении пермичей «Золотой бабе» и болвану Войпелю. Однако в чем заключается это поклонение – из послания не видно, но, вероятно, до митрополита доходили очень скудные сведения об этой религии».

Поляк Матвей Меховский около 1517 г. получил известие от пленных московитян, находившихся в Кракове: «За землею, называемой Вяткой, при проникновении в Скифию, – пишет он, – находится большой идол “Золотая баба”. Окрестные народы чтут ее и поклоняются ей; никто, проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует ее с пустыми руками и без жертвоприношений; даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстинку и, благоговейно склонившись, проходит мимо».

Следующим иностранцем, подробно описавшим идола был Герберштейн. Сигизмунд Герберштейн, посол могущественного Максимилиана 1, императора Священной Римской империи, побывавший в Москве в 1517 году, в своей книге «Записки о Московии» вот что писал: «“Золотая баба”, то есть Золотая старуха, есть идол у устья Оби, в области Обдоре; она стоит на правом берегу. По берегам Оби и около соседних рек рассеяно много крепостей, которых владетели, как слышно, все подвластны князю Московии. Рассказывают или справедливо баснословят, что этот идол «Золотой бабы» есть статуя, представляющая старуху, которая держит сына в утробе, и что там уже снова виден другой ребенок, который, говорят, ее внук. Кроме того, уверяют, что там поставлены какие-то инструменты, которые издают постоянный звук

[59] Сиверок – северный ветер.

вроде трубного. Если это и так, то, по моему мнению, это делается оттого, что ветры сильно и постоянно дуют в эти инструменты...»

Сергей переписал в тетрадь и примечания М.П. Алексеева к этой увлекательной легенде о том, что как и изображение на европейских картах, так и описание «Золотой бабы» уже в XVI веке пережило известную эволюцию. У Меховского (1517) она представляется обыкновенной женской статуей; на карте литовца А. Вида (1542) она изображена в виде статуи, держащей рог изобилия. В копии карты, сделанной Хогенбергом (1570), она приняла вид мадонны и держала ребенка в руках. Изображение «Золотой бабы» на латинской карте Герберштейна походит на статую Минервы с копьем в руках, но на его же немецкой карте (1557) она опять представлена Золотой старухой, сидящей на троне с ребенком в руках; наконец, на карте А. Дженкинсона (1562) «Золотая баба» изображена также мадонной, но не с одним, а уже с двумя детьми...

Эти изменения, которые претерпевало изображение «Золотой бабы» на Западе, говорили, конечно, о том, что сведения, доходившие о ней, были сбивчивы и противоречивы, поэтому при изучении вопроса было бы рискованно всецело основываться на европейских известиях, а тем более рисунках.

Хотя одно обстоятельство заслуживает полного внимания: чем позже встречается рассказ о «Золотой бабе», тем дальше на восток отодвигается ее местопребывание; сначала помещают на территорию Вятки или Перми; на карте Вида она помещена на Обь или даже восточнее. У шведского дворянина Петрея (1620), например, который сравнивает ее с Изидой, она помещена именно на берегах Оби. В XVIII веке известия о «Золотой бабе» почти совсем прекращаются, хотя еще у Левека в его истории России мы найдем весьма фантастическую картинку с ее изображением. Перемещение идола с запада на восток – факт несомненный и требующий объяснения.

За Уралом, который тогда называли еще и Рипейскими горами, начиналась страна «Золотой бабы». Таинственная и загадочная страна без конца и края. Что больше интересовало иностранцев: этот золотой истукан или сама неизведанная земля с ее нетронутыми сокровищами?

И легенда о «Золотой бабе» – Сорни-най – казалась Сергею еще загадочней и таинственней, чем в газете, которую он когда-то читал, и в то же время все это походило на правду. Ведь писалось о знакомых ему местах. На страницах с причудливыми рисунками словно прорастало само время, и эта удивительная история уже не казалась выдумкой; она влекла, звала на поиски...

11

Просека спускалась к таежной речке. Широкие мансийские лыжи неслись под гору. В ушах запел певучий ветерок. Ветви деревьев махали белыми руками, осыпая Сергея веселой радугой снежной пыльцы. Живая вода, черневшая на каменистом перекате, летела навстречу, угрожая не только намочить ноги, но и поломать лыжи. Чтобы остановить этот быстрый спуск, Сергей сначала присел, потом прилег на бок. Скрипучая снежная пороша, хватая его цепкими руками, какое-то мгновение мчалась вместе с ним. Сергей лежал в объятиях снега. Сквозь запорошенные ресницы смотрело на него холодное зимнее небо. В его молчаливом взгляде было что-то утреннее, озорное, веселое. Сергей вдруг почувствовал себя как в детстве. Вода на каменистом перекате булькала, журчала, как в те сказочные дни детства.

Речка уже была белой: первые морозы заковали ее в ледяной панцирь, а снег прикрыл ее пушистой шубой. Лишь на каменистом перекате чернела игривая вода. Она здесь была живой и звонкой. Сергей узнал ее знакомый с детства голос. Она приветствовала его, как обычно, весёлым журчаньем. У кромки льда следы. И помет свежий, чуть подмерзший. Выдра выходила из воды. Ела, наверно, пойманную рыбу. Потом каталась, резвилась. Всё – как прежде.

Когда-то здесь охотился отец Сергея. На обрывистом берегу, где песок и галька, стояли его ловушки на глухарей. И Сергей здесь бывал не раз с матерью, когда она была еще охотницей.

У каменистого переката Сергей присел на валун, припорошенный снегом, и, глядя на бурлящие струи, стал вслушиваться в песню воды. Открытая вода ему всегда казалась какой-то особенной, чуть ли не волшебной. Она являлась в его сны, журчала, смеялась довольным смехом чайки, плакала плачем гагары, лепетала лепетом лебедя, поднималась ввысь на крыльях острокрылых уток. А то, спокойная и ясная, как глаза любимой, глядела в синее небо.

Вода на каменистом перекате была, как прежде, живой. Вырываясь из ледяного плена, она торопливо что-то говорила, будто исповедовалась. На берегу этой речки его всегда охватывало какое-то особенное чувство. И не случайно, Это была речка маминой песни. А песня эта такая:

Речка моя искристая,
бегущая по камням шершавым.
Ты моя песня недопетая,
Не досказанная мною сказка.
На этом мысу, где лиственницы
Высокие, как бегущие тучи,
он целовал меня и звал
выйти за него замуж.
А на том берегу песчаном,
где глухари токовали,
под песни веселой весны,
я согласье дала
бежать из родного дома
в его холостую жизнь.
А на этом плесе сияющем
ловили мы вместе рыбу.
Рыба была большою,
как счастье в наших глазах.
На ветках играли белки,
и соболь по снегу скакал...
Где же, где же теперь
то соболиное, кунье счастье?
Его увез пароход –
большая огненная лодка.
Зачем ты сел в пароход –
на лодку с железным сердцем?
Стоит тайга сиротою,
ветви под ветром стонут.
Тропа твоя охотничья
мхом-травой зарастает.
Лишь речка, как прежде, искрится.
Меж камней шершавых и склизких.
То слезы мои соленые,
то песня моя живая...

Речка маминой песни сегодня была седой. Ее заковала в лёд стужа времени. Лишь на каменистом перекате она как прежде пела.

А ведь когда-то здесь была весна. Мамина весна.

По еле заметной под снежком тропке Сергей поднялся на мыс, где тянулись к небу одни лишь лиственницы. На самом берегу, над перекатом, на небольшой поляне стоял перекосившийся, почерневший от времени домик. В этом домике в детстве не раз бывал Сережа – и осенью, когда по перекату ползли метровые щуки с седыми глазами, и зимой, когда играла белка, и весной, когда глухари справляли шумные свадьбы.

Это избушка Ильля-Аки. Он построил ее после войны. А рядом когда-то стояла другая, старая-старая избушка. В ней дедушка жил, когда ходил на промысел. И отец с матерью здесь поженились. Однажды она случайно поведала эту историю.

Речка называлась Ялпын-я. Ялпын – по-мансийски «священный». Я – «речка». Священная речка. Рыбу в ней почти не добывали. И леса вокруг нее считались заповедными. Только в голодные годы люди отважились идти сюда на промысел. Последнее слово было за седым, как ягель, Аки. Эти священные урочища принадлежали его роду. Сергей помнит только его бороду, острую, как хвост птички, и глаза с пронизывающим взглядом. Сергей боялся этих глаз. И все же бороду его любил трогать. Аки был его родным прадедушкой. На Сережу он не сердился. Наоборот, он иногда был очень добрый и даже играл с ним. Зато отцом Сергея он почему-то был очень недоволен. Из маминого рассказа кое-что прояснилось.

В деревне появился учитель. Он своими рассказами не только детей завлек в школу, но и со взрослыми стал находить общий язык. Они собирались по вечерам в школе, рисовали, как маленькие, на черной доске какие-то загадочные белые узоры, которые назывались буквами.

Из Березова приезжали большие начальники. У них было два имени: Совет-лась и Коммунист. Опять сначала с молодыми беседовали, потом уж со стариками. Старикам было обидно. И потому мало кто из них изъявил желание жить колхозом. Каждый хотел жить своим умом.

А у молодых появилось громкое имя – колхозник. Отец Сергея получил вдобавок еще одно имя – бригадир. И потому мало приходилось ему спать. Нужно было выполнять план. А рыба в тот год, как назло, не шла в ловушки. И тогда бригадир вспомнил про священную речку, где ему в детстве, в голодное время, не раз приходилось бывать с отцом. Когда в других реках и в широкой темноводной Сосьве и даже в великой Оби нет рыбы, в этой речке ее хоть руками черпай. И потому в доме Аки никогда не голодали. Напротив, в голодный год все с еще большим уважением и трепетом относились к Аки, чем прежде. Но лишь наиболее чистые и незапятнанные охотники и рыбаки получали права промысла в заповедном урочище Аки.

Теперь хозяином чувствовал себя и бригадир, хотя был еще молод и неженат. У него в Березове был друг, у которого в кармане было маленькое ружье. А еще в том была его сила перед односельчанами, что он вместе с председателем летал на крылатой лодке в большую-большую деревню – город Ханты-Мансийск. И все это имело особое значение в его отношениях со стариками. Некоторые из них стали смотреть на него по-другому и даже изъявили желание вступить в колхоз. Правда, у них уже не было другого выхода: покосы, лучшие промысловые угодья принадлежали колхозу. И им поневоле приходилось обращаться не только к председателю, но и к бригадиру. Большие начальники хвалили бригадира, обещали опять повезти на крылатой лодке. Только надо было побольше рыбы поймать. И тогда…

Своими планами бригадир поделился не с отцом, а с товарищами, комсомольцами, председателем. Большинство поддержало его. Решили действовать. Только не хватало орудий лова. В райкоме партии, куда обратилось правление, не только поддержали, но и похвалил и тут же оказали помощь: разыскали и невод, и мережу. Оставалось главное: выйти на лов рыбы в священной речке. А это было делом не простым. Старики не дремали. Они тоже готовились. В день отъезда молодых на рыбалку старики отправились в священное урочище, которое находилось в верховьях этой речки, чтобы там узнать, что ждет их за нарушение завета предков несмышлеными сыновьями.

Горели в священном урочище священные костры. Камлал шаман, звучали проклятья стариков. Казалось, небо опустилось ниже, деревья покачивали головами, удивляясь дерзости молодых. Даже в лепете всегда веселой воды было будто что-то осуждающее... Но смельчаки не дрогнули. Они все же начали лов рыбы. Правда, их оказалось немного: всего семь человек. Среди них – одна девушка. Неслыханное дело. Мужчинам уж куда ни шло. Они по воле богов в голодный год могли ступать на эту землю. Ну, а девушке, человеку нечистого пола, разве можно? Никогда «грязные» женские ноги не касались этого священного уголка. Правда, девушка уже была проклята за слова, которые произнесла в Березове на конференции женщин – делегаток Севера.

– Туземки, не верьте шаману. Он говорит не с небом, а с самим собою. А сам-то, посмотрите, какой он! Не пляшите на «медвежьем празднике». Это для нас дурман. Надо праздновать советские праздники. Если сами не сделаем – бог не поможет. Бога нет!..

Ее ли это слова? Люди говорят, что ее. Не могли же просто так, без всякого, посадить ее на крылатую лодку и поднять в небо. Из женщин мансийской деревни лишь она одна летала. А потом дома, на красных посиделках, на которые собирали хозяек, рассказывала, что новая власть считает женщину равной мужчине, что женщина может быть и руководителем и мужчины обязаны ей подчиняться.

И она решилась идти с бригадой рыбаков, которые направились на лов рыбы в священной речке. Некоторые из молодых хотели возразить, но человек из района сказал, что так надо. И они согласились. Ведь им тоже хотелось в небо. Кому не интересно полетать на крылатой лодке! И только там, на рыбалке, случилось чудо: бригадир стал как заколдованный. Он не спускал взгляда с круглолицей, краснощёкой девушки. А она как бурная таежная речка. А таежная речка пела:

Я – таежная речка.
Плясунья и певунья.
Стан мой тонкий гнется,
пляшет меж камнями.
Руки мои – белые волны –
готовы обнять не только небо
но и тебя, мой милый.
Глаза мои сияют,

искрятся даже ночью,
настолько жаждут видеть
они тебя, мой милый.
Уста мои – звонкие струи –
поют, звенят без устали,
зовя тебя, мой милый.
Меня мороз морозит,
и солнце в небо тянет,
а я, шальная,
все к тебе бегу,
мой милый
На пути моем камни,
и тайга дремучая
смотрит сумрачным взглядом,
Но сквозь века седые
к тебе бегу, мой милый,
Зачем бегу? Не знаю
Тело мое гнется,
к тебе, мой милый, рвется
Я – не святая речка…

А рыба здесь шла в ловушки. Она искрилась, серебрилась, золотилась. Ее было много, как никогда. Скоро, прослышав про удачный лов, прилетели сюда из Березова начальники. Они решили вывозить ее только в крылатой лодке. И это во многом способствовало тому, что старики стали постепенно успокаиваться. «Рыба священная. – сказал шаман на очередном камлании. – Из священной речки нельзя ее везти ни на лошади, ни в деревянной лодке. А на крылатой лодке-самолете можно ее вывозить. Священная рыба, поплавав вдоволь, хочет полетать в священном небе. Таково пожелание богов...»

Много рыбы в тот год вывезли. Три годовых плана сдали государству. Уходили в тайгу пешком, на лошадях. Домой возвращались по небу, в крылатой лодке. Небо будто перестало быть священным, а люди стали крылатыми. Не всякие, конечно, а только те, кто смело пошел по новому пути, презрев предрассудки. Всю бригаду потом повезли в район. На большое собрание. Хвалили при большом народе. Премию дали. Бумагой красивой наградили. Почетной грамотой это называется. Почетными людьми прослыли эти совсем молодые рыбаки. Многим захотелось того же. Только поблизости священных урочищ больше уже не было. Девушки лазили на крышу, свободно разгуливали по передней части дома, где женщинам не всегда можно было появляться, молодые не слушались своих родителей, но никому за это больше не давали грамот, а приглашали по вечерам, как маленьких, смотреть в книгу. Но так как старики скоро не стали обращать и на это внимания – стало совсем неинтересно. Только в лесу, где соболь оставлял мудрые следы, молодой охотник снова находил радость и веселье. Только у реки, где пляшет игривая рыба, молодой рыбак снова дышал сказкой настоящей, непридуманной жизни. А эта девушка стала женой бригадира. И родился у них обыкновенный мальчик, ничем не отличающийся от других манси. Счастливы ли они были? Наверно. Только то счастье было совсем недолгим. Скоро началась война. Бригадир ушел на фронт, как и все настоящие мужчины. Ей пришлось заменить его. И в открытой, живой воде бригада ее ловила рыбу, доставали золотую из-под метрового льда. Днем и ночью, летом и зимой ловили рыбу.

Кончилась война. У счастливых женщин мужья, хотя и раненные, всё же домой вернулись. А он, бригадир, где-то в чужой земле сложил голову.

Кара-юн-я: кара-юн-я.
Проклинаю, заклинаю:
все проходит, умирает.
и родится в новом свете.
Только тот, кто страстью-желаньем
обычай предков растоптал
будет все же в конце концов
страстью-страданьем казнён!..

В её отцветших глазах – глазах вдовы – стояла печаль, покоилось страдание. Будто она была наказана. За девичье безрассудство, за то, что дерзнула преступить вековые обычаи предков. Как и прежде продолжали стоять деревья, и солнце плыло по небу по вечной своей дороге, день сменялся ночью, за стужей седой зимы наступало лето с волшебными белыми ночами, и речки таежные не остановились, не повернули вспять. Только она с каждым днем теряла что-то. Сначала железный пароход увез его. Потом река, кипучая и живая, взяла здоровье, подарив много-много рыбы. За рыбу ее хвалили в громкой бумаге – газете. И даже несколько раз снова поднимали в небо на крылатой лодке. А однажды дали еще одно имя – депутат местного Совета. И всегда она была при людях, и всем казалось, что горе не сломило ее. Да, наверно, так оно и было на самом деле. Но почему же Сергей нередко видел, как мать уходила в дальнюю комнату и там молилась. Неужто она к старости стала верующей? Нет, нет. Если бы это было так, то давно бы шаман, тот старый шаман, не прощавший обиды, посетил их дом. Но Сергей ей не мог помочь пока ничем. Да разве можно ей помочь, если существует на земле память, если есть та священная речка, которая навевает грустные думы?

А неподалеку от лесной избушки у самого обрыва, над которым возвышается громадная лиственница, снег выворочен, отсвечивает желтизной, будто посыпан песком. По желтому снегу словно человек прошелся. Но следы крупные. Конечно же, это медведь. Не под тем ли вывороченным корнем его берлога? Не отсюда ли кто-то поднял хозяина тайги?

В небе мелькнула тень. Орел. Он все ниже спускается, сужает круги. И наконец садится на вершину могучей лиственницы, оживляя сказочное дерево…

– Ой, милая, где ты?! Ой, больно! Так больно! – валяясь серебряной дубиной у входа своей берлоги, стонал Медведь.

– Что ты кричишь как недорезанный. Что с тобой?

– Когда не нужно – так вертишься, а нужно – не докличешься тебя. В животе режет. Будто ножом кто-то полощет... Ой, больно!.. Пошамань, милая! Освободи от этой адской муки! Ой-ой!

– Ты пил воду с речки? – спросила Росомаха важно, кончив камлать.

– Пил, – протянул Медведь в ответ.

– Я же предупреждала, не пей сырой воды из речки. Вот тебе и результат. Не послушался – и теперь расплачивайся. А боги в твоей болезни – ни при чем. Они знать не знали, что ты заболел. Удивились только, что находятся дураки, которые обращаются к богам по всякому мелкому поводу, вроде медвежьего поноса. В общем, ты меня в последнее время подводишь. Ой, как подводишь! Из-за тебя я нередко оказываюсь в довольно смешном положении.

– Почему же нельзя пить из реки? Во все времена звери пили воду не из бутылок. А сейчас что же стряслось?!

– Край наш оказался богатым. Нефть в земле нашли.

– Ну и что?! Разве плохо, когда земля богатая?!

– Не в земле дело, а в людях.

– Опять эти люди! При чем тут люди, когда речь идет о реке, воде, о моем желудке, в конце концов. Ой, больно!

– На, миленький. Прими эту таблетку. Может, будет полегче.

– Ты меня таблетками не пичкай. Пить попросишь – суют таблетку, есть попросишь – опять таблетка. Что же это получается? Ты мне толком объясни, почему нельзя пить обыкновенную воду?!

– Нефть, говорю, нашли в нашем краю. Понял, нефть. Нефть – золото. Но это не то золото, которое славилось в добрые медвежьи времена. Это другое золото. Черное золото. Ты понимаешь слово «черное»? Так вот, отсюда и пляши.

– Попляшешь при таком поносе.

– Так вот, это черное золото нынче дороже того. Оно как и топливо, и сырье для промышленности. Все из него – можно сказать. А главное – его жрут машины. А машины прожорливее. Прожорливее их, наверное, и нет зверей-то. Звери свободные. Машины – рабы людей. Люди ездят на них. Ворочают камни, строят, рыхлят землю, поднимаются в небо, опускаются на дно морское, поворачивают реки вспять, пустыни превращают в сад, покоряют вековую тайгу. И это все называется «Великим преобразованием природы». Мудрейшие из мудрейших предложили план Великого преобразования. По плану должно было пойти все. Ты, Медведь, к примеру, из дремучего должен был превратиться в светлейшего, шагнув через тысячелетия прямо в космос. Мы, таёжные звери, даже рабами не успели побыть. А машины – рабы. И люди – тоже. Стоят за машинами в очередях. Покупают их, любуются – не налюбуются. Гладят, моют, ласкают, холят. Спят с ними. В обнимку. Целуют. Жена рычит, ревниво поглядывая на безмозглую красавицу.

Машины без мозга. Они только жуют и скачут, скачут, виляя разукрашенным задом. Сколько жуют – столько и плюются. Машины плюются всюду: на улице, в лесу, у реки. Все стекает в реку. А из этой реки ты, Медведь, пьешь воду. Плевок какой-то безмозглой – и зашумит в твоем медвежьем желудке. Из-за этого мне приходится камлать, говорить, объясняться.

Эх, Медведь, Медведь! Дремучий ты и необразованный. Не знаешь что к чему. Да и люди тоже. Все твердят, что зло от автомобилей. Нет! На них падает лишь треть вины. Всю остальную грязь выдыхают трубы гигантских заводов и мазутных теплоцентралей.

Есть чему ужаснуться мудрой Росомахе. Земля и вода нередко превращаются в свалку мусора и ядовитых заводских отбросов. Великие американские озера стали мёртвыми. Водой их не могут питаться даже заводы, которые в свое время забыли пословицу: «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться». Бискайский залив кишит не рыбами, а радиоактивными отходами. На дне океана дремлют радиоактивные вещества. Они, как злые духи, в любую минуту могут освободиться от плена и ринуться смерчем на живительные струи жизни.

В нашем столетии жить стало сложно. Решение многих проблем не может больше ограничиваться масштабами одной берлоги, даже одного уголка леса. Их надо уже решать в масштабах всей планеты. К ним относится и проблема взаимоотношений человека и природы, проблема чистой воды и боли медвежьего желудка.

Загрязнение воздуха – пожалуй, главная опасность для здоровья не только людей великих и мелких, но и для всей окружающей среды: лесов, полей, лягушек, рыб, слонов, цветов и ящериц. И твое, Медведь, здоровье зависит от состояния чистоты воздуха. Хотя ты живешь в дремучем лесном уголке и подолгу валяешься в берлоге, не думай что твое дело сторона. Может, ты заболел оттого, что надышался отравленным воздухом.

Загрязнение атмосферы приняло глобальный характер.

Над планетой дымка вьется. Дымотуманы, или смоги, насыщенные выбросами котельных, выхлопами автомобильных моторов, резко усиливают заболевания людей, медведей, осетров и зайцев. Ты, Медведь, любишь побродить по полю, лакомиться овсом ты любишь. Наверно, не прочь ты прогуляться по пшеничному полю. А знаешь ли ты, что загрязнение атмосферы резко снижает урожайность сельскохозяйственных культур?! В городах не только черные цветы, но и деревья стоят как чахоточные, и памятники как больные, они медленно умирают, разрушаясь от коррозии.

Концентрация вредных веществ в воздухе Лондона, Токио, Брюсселя в десятки раз превышает предельно допустимые нормы. И как там люди живут – непонятно. Чем – они дышат – непонятно. Может, они оттого длинны и тощи, эти вышколенные европейцы?!

Над сверхгородами – дымка. Это и меняет естественные закономерности. Постоянно происходит проникновение аэрозолей из тропосферы в стратосферу, где они могут сохраняться несколько лет. И потом с дождем упасть в другой части планеты. К примеру, рядом с твоей берлогой. И ты заражен. И у тебя понос.

Ты, Медведь, должен взяться за охрану окружающей среды, должен, как и все больные, бороться за сохранение здоровой и нормальной природы. Понятно тебе? Или дремучему все равно?

– Понятно, понятно. Разболталась опять. Несешь всякую чушь. Да кто поймет такую болтовню? Или делать тебе нечего? Лучше почеши мне спину. Вот, вот. Так. Хорошо. Хорошо! Вот это ощутимо и понятно. А когда говоришь... О! И откуда берешь эти фразы? Когда камлаешь – то ясно: к тебе нисходит божественное прозрение и говоришь ты на языке богов. А вот...

– Откуда беру? Ты что, только родился? С газеты. Читать надо, миленький, нашу лесную газету. Все там написано. На все вопросы ответы найдешь. Хватит быть дремучим! Надо и с веком наравне становиться. Пора, Медведь, пора!

– Почеши лучше спину!..

12

Снег ожил, полетел, закудахтал. То куропатки, взмахнув белыми крыльями в черных рамках, вылетели из-под обрыва, растревоженные Сергеем. Чуть поднявшись, они тут же канули в сосновую поросль, которая зубчато серебрилась над довольно крутым берегом.

Ломая частые крестообразные следы куропаток, которыми был разрисован весь берег, Сергей скатился вниз, как в детстве. Потом медленно стал подниматься вверх. Чуть поскрипывающие мансийские

лыжи уверенно шли в гору. Вот тут-то и сказалась мудрость камусных лыж. Лыжи эти были так подбиты камусом – лосиной шкурой, что скольжение по снегу получалось «по шерсти». На них невозможно попятиться назад. Шерсть сразу поднимается, набивается снегом, образуя надежный тормоз. И вот теперь – на обрывистом берегу речки эти лыжи надежно держали охотника, не давая ему скатиться вниз. И руки свободные. В них ружье, а не лыжные палки...

А ведь хотел идти в тайгу на спортивных лыжах. Да Ильля-Аки отговорил, помог советом.

– Слушай, внучек, как пойдешь по урману? Пошто голова твоя плохо думает?

– Как пойду? Быстро пойду. Спортивные лыжи не то что допотопные мансийские. Легкие они... Не пойду, а полечу... – отвечал Сергей на строгие слова старика.

– А как бугор попадет? На гору как поднимешься?

– На палки налягу.

– А из чего стрелять станешь? Из палок, что ли?

– Разумеется, из ружья.

– В руках же у тебя деревяшки будут, а ружье – за спиной. Пока ты будешь снимать свое ружье – куропатка поднимется на крылья, соболь ускачет за десять деревьев, белка смеяться устанет ... Бери камусные лыжи. Не все мансийское плохое. Попомнишь ещё мои стариковские слова.

От хороших слов добрый костер разожжешь. Будет тепло и светло. Но в этом языкастом пламени есть и злой дух. Он может превратить тебя в пепел и развеять по ветру. И от слов можно не только загореться...

Поднимаясь в гору, раздумывая над напутствием старика, Сергей почему-то вспомнил письма Веньки, которые тот писал в Ленинград. Может быть, они, горячие и наивные, сыграли в свое время немалую роль в том, что вот теперь Сергей шел по родной земле на широких мансийских лыжах

Здравствуй, рума!

Или ты перестал быть мне другом? А мне нравится почему-то мансийское слово «рума». В нем есть что-то такое!..

А в общем, ты мог бы написать и первым. Знал ведь мои координаты... Правда, и я на следующий год катал на Большую землю. Поступил в институт. Проучился год. Знаешь, после нашего Севера широкого и... в общем, студенческая жизнь показалась мне скудной. Не выдержал... Вернулся…

А в Березове знаешь что творится!.. Открыто уже несколько новых месторождений газа. Я уверен, что есть и нефть. Может быть, под тем самым святым урочищем, где тебе чудилась «Золотая баба». Да, твоей «Золотой бабы» пока никто не нашел. Может, она дожидается тебя? Когда же ты приедешь, хотя бы на каникулы? Но пока... Ос ёмас!.. Как там точнее выразить по-мансийски «До свидания?!

Твой Вениамин

Пася, рума!

Во-первых, не понимаю, что с тобой?! Заучился, что ли? Неужели ты всерьез думаешь, что вся земля стала каменной, как город?!

Нынче здесь было столько уток. Аж небо звенело! И рыбы немало выловили... Правда, Березово теперь не узнать. У Вогулки, там, где был кедровый бор, вырос посёлок геологов. Там наше управление. И дома двухэтажные. Не каменные, конечно, но все же. Ты спрашиваешь, не покрыли ли улицы Березова асфальтом. Рехнулся, что ли? До асфальта ли нам здесь! Машины, как и прежде, вязнут не только в болотах, но и на улицах. Впрочем насчет улиц стало гораздо хуже. Они вспаханы-перепаханы. Стало очень много техники.

А в общем, скучать некогда – надо вкалывать. Вкалывать не только за сейсмическим аппаратом, но и на «втором этаже» деревянной нары, постигать законы физики, и вслед за кривой тангенса улетать мысленно в бесконечность... В этом есть что-то такое! Может быть, та самая романтика; о которой пишут... В общем, я тоже учусь. Не думай, что бросил институт. Просто перевелся на заочное. Поеду на сессию – может быть, выкрою пару дней – и скатаю в Ленинград. Встретиться бы надо нам.

Но пока до встречи. Твой Вениамин

P. S. Вышли, пожалуйста, книги, учебники. Список прилагаю. В книжном магазине – шаром покати. Пусто. В тайге не купишь.

Из жалобы книголюба… Твой Вениамин.

Привет, дружище.

Пишу тебе прямо, можно сказать, из сердца твоей любимой тайги. Зима нынче до удивления мягкая. Болота дышат. Они не успели промерзнуть. А снегу выпало немало. Но метровые сугробы будто растаяли под полозьями наших балков. По сторонам колеи чернеют вывернутые болотные кочки. Рядом с узорчатым беличьим следом – великанские следы гусениц. Следы ржавые, подернутые ледком. Ступишь – брызнет вода. Погодка еще та. Для охоты и рыбалки, может, да. А вот нам позарез нужен морозец. Скажешь: вот метаморфоза – на Севере мечтают о морозе. Случается и такое! Здесь не асфальт. Не прокатишься. А нам надо двигаться дальше и дальше. Сегодня тонем. Вон трактор среди трех чахлых сосенок ворочается. Думал, раз уж деревца – так земля под ногами. Все равно жижа. Вон он уже начинает вязнуть окончательно. Придется другими тракторами его выволакивать. И такое каждый день... Тоже неприятель. И нам его надо брать. Как на войне. А то озеро на пути встанет. Приходится мудрить. Технику в обход. А косу – этот трехсоткилограммовый кабель – на плечи. Понимаешь, вроде слабые наши человеческие плечи, а выдюживают. В конце концов, мы сотрясаем сейсмическими взрывами эту болотистую землю, прощупываем ее, выявляя перспективные структуры. Таких структур наша экспедиция нащупала уже несколько. На некоторых из них и на самом деле оказался газ. А на других буровики бурили-бурили – и впустую. А буровики без нас как слепые котята. Где газ или нефть? Где им бурить? Все мы им указываем. Эх, все же геофизика интереснейшая штуковина! И зачем я все это тебе пишу? Успокоить себя, что мотаюсь по тайге? Или тебя заразить окончательно? Помнишь наш спор: кем быть? Доволен ли ты? Мне хочется хотя бы писать тебе. Иногда набежит такая скука!.. Ничего не поделаешь... Тайга...

С приветом. Твой Вениамин

Пася, рума!

Рума ли ты мне? Читал твое письмо – думал. Не смеялся, нет. Плакал. Наивно-весело. Вот до чего отрыв от рабочего класса!.. С институтом у тебя нелады? Сомневаешься в своих педагогических способностях? Если не можешь отрезать сразу – возьми академический отпуск, окунись в жизнь. Жизнь подскажет решение. Женился, говоришь? Поздравляю! Значит, нашел «Золотую бабу». И не строй проблем о житье-бытье. Привози ее на Север. Люди здесь ой как нужны!.. Не хватает людей. На зиму присылают из южных районов области операторов и взрывников, к весне обратно отзывают. А некоторые сами кочуют туда-сюда. Летом наезжают всякие, просятся в партии. Думают: туризм, романтика. Потом, покормив комаров, уезжают надутые. Сейчас экспедиция начинает готовить кадры из коренных северян. Есть ребята настоящие... Не искатели романтики. Нет. Для них это работа, такая же, как и охота. Помнишь, я тебе говорил про завещание отца. Тетя писала про буровую, которую не добурил отец. На берегу, напоминающем девичье имя, похожее на «Ира». Озеро это находится в верховье таежной реки. Как называется она, не помню. То ли «Чёрная», «Красная», «Белая». Не знаешь ли ты таких речек в вашей тайге? И озеро с девичьим именем? Точно одно: эта река в Зауралье, в бассейне реки Оби. А бассейн этот, сам знаешь, как велик. Ничего, покочуем, и, возможно, когда-нибудь да и найдем не только нефть, о которой мечтали мой дед и отец, но и недобуренную эту буровую. Есть еще одна примета, про которую, как помнится мне, писал отец. На берегу этого озера рыбаки однажды вместе с рыбой вытащили сетью со дна озера траву, пропитанную нефтью. Это-то и натолкнуло учёных начать бурение на берегу этого озера. Не слыхал ли ты случайно что-нибудь подобное?! Незадолго до войны. Война прервала; конечно, не только это бурение. Отец завещал мне... я должен найти, понимаешь, и это озеро, и реку, и буровую ... И нефть, конечно. Это – главное! Ради этого и кочуем по тайге. Но нефти пока еще не дала ни одна скважина. Только газовые месторождения. И то вокруг Березова. Правда, мы и топчемся только в этом районе. Раздаются уже голоса геологов о расширении фронта исследований, но скептиков много. Но теперь и маловерам достается. Знал бы, какие у нас есть, оказывается, энтузиасты! Скорей бы кончить институт! Завидки берут. Тут я познакомился с настоящими геологами. Понимаешь, доказывают, нефть есть, должна быть. Не на словах, а вполне аргументированно. Конечно, это пока слова. Но они выглядят убедительно. На каких-то фактах основаны. Сейчас в Березове создали объединенную нефтеразведочную экспедицию, куда вошли, кроме нас, геофизиков, буровики и все остальные мелкие партии. А все экспедиции нашего Севера будут подчиняться Тюменскому геологическому управлению. А возглавляет его папа Юра. Это не имя. Так наши остряки окрестили начальника управления. Смелый, говорят, человек. Был он тут у нас. Видел его. Не только издали. Спокойный и деловой. А всех взбудоражил: Кажется, по-новому мы начинаем жить и искать нефть. Нравится

мне это. Приезжай. Будешь жить здесь полнокровной жизнью настоящего разведчика. Ты ведь уже без пяти минут сейсмик. Есть тут очень интересный человек. Набирает энтузиастов. Осваивать новую профессию – речную сейсмику. Это метод сейсмической разведки на воде.

Приезжай. Вези свою Золотую богиню.

До встречи на Югорской земле…

Твой Вениамин

13

Удивительное было лето, когда Сергей вернулся в тайгу. Солнце, казалось, не уходило с неба. Оно сияло, палило, ласкало землю своим теплым взглядом. Если скроется за облачко – то на мгновение, чтоб улыбнуться ярче, веселее. Если за тучку уйдет – то лишь затем, чтобы подарить уставшим от зноя теплый, живительный летний дождичек. И вечером оно уходило на краткий миг за горизонт, осветив землю своей широкой улыбкой белой ночи, лишь для того, чтобы люди поняли: и на Крайнем Севере есть очарование жизни. Только крылатое комарье да мошкара пытались произвести другое впечатление. Но что их мелкое жужжание да коварные укусы по сравнению с задорной и веселой улыбкой солнца.

А вода в реке до сказочности теплая, будто не север, а юг какой-то. А река широкая, как море. А небо высокое. В небе птицы шныряют. И в реке они плещутся. А рыбы, ломая вертикальную гладь воды, рвутся ввысь, расправляя плавники, как крылья. И тут же падают как подкошенные. Вода стреляет, звенит всплесками. Кругом все играет, поет, живет...

Такой сказкой показался родной край Сергею, когда он возвратился из Ленинграда. Почему он показался ему таким? Может, это лишь далекое детское воспоминание, когда все казалось волшебным? А может, мечта увидеть свой уголок земли теплым и ласковым, как другие сказочные края? Ведь он сюда приехал не один, а с Ней... А Она!.. Так хотелось Сергею, чтоб ей, Вере, дочери далёкой земли, не показался его родной край таким уж мрачным и суровым, как его успели обрисовать писатели.

Лето и на самом деле оказалось теплым, даже жарким. Солнце не уходило с неба. И река, широкая и спокойная, сияла. И вся жизнь, казалось Сергею, потекла теперь по этой раздольной реке. Здесь жили, работали, отдыхали. Но вначале, при встрече со знакомыми рыбаками, Сергея потянуло на речные плесы. Еще в Ленинграде ему часто снилась вода, сети, плеск рыб. Теперь он едва не пошел на рыбный промысел. Но старому другу Венька предложил другое.

– Понимаешь ли ты, что такое речная сейсмика? – говорил он Сергею. – Это же дело совершенно новое! Такого не было не только здесь, но и вообще... Это метод сейсмической разведки на воде. А суть его вот в чем: вся аппаратура – и приемник, и сейсмостанция – плывет по реке. Сейсмостанция – на баржах или тут же, на катере, а приемники смонтированы на спаренных, растянутых в длинный шлейф бревнах – бонах. Взрывы на воде или на берегу. Проплываешь по реке с верховьев до самых низовьев, потревожишь речку взрывами, выявляя все перегибы подземного рельефа. Аппаратура, разумеется, все зафиксирует. Как в обычной сейсмике, знакомой тебе. И карта недр составлена... И в какие сроки!.. Ехать по воде на катере или тащиться по болотистой земле с громоздкой аппаратурой! Ты же сам видел. Не забыл, наверно, как мотались по дебрям, тонули в болотах, застревали на берегах рек. А тут река сама, оказывается, может превратиться в помощника... А рек здесь сколько! Десятки тысяч километров!.. Ты представляешь, как это выгодно! А ведь долго не понимали... Трестовское начальство не давало ходу новому изобретению... А придумал его Шмелев. Обыкновенный геолог. Инженер. Приезжал он. По его просьбе собирали нас, молодых геофизиков. Объяснил суть. Нашлись и добровольцы. Но не все еще верят. Хотя и утверждён этот метод, надо еще довести до конца, внедрить его, как говорят, в практику.

Сергей смотрел на Веньку теперь уже с любопытством, узнавал и не узнавал своего приятеля. Он стал широк в плечах, и лицо чуть огрубело. Совсем мужчина. Только глаза, как прежде, сияли.

– Неужели теперь-то не представляешь, что это такое?! – продолжал он. – Мы же будем внедрять этот метод. Первые из первых. Значит, в какой-то степени соавторы. Разве это тебе не интересно? Да это знаешь что? Может, начало научной деятельности!.. Ты же, кажется, мечтал стать ученым... Только «Золотая баба» куда менее интересна.

А Сергею теперь было не до «Золотой бабы» – у него была теперь живая, может, тоже золотая. Она. Жена. Только теперь о ней нужно было заботиться больше, чем о ком-либо другом. Возможно, будет ребенок. Нужны средства к жизни. Это почувствовал он сразу же после свадьбы. Ясно было теперь одно – надо трудиться. Ведь институт он оставил. Встреча с Венькой, дружеская беседа за столом шум-

ного ресторана «Сосьва» повернули жизнь Сергея к речной сейсмике. Ему всегда казалось, что техника, машины – это не его стихия. Он не собирался даже прикасаться к ним. На летние каникулы домой любил он приезжать на лодке, а не на продымленном катере, на который почему-то все старались попасть. Не выносил он запаха солярки, бензина, каких-то вязких и липучих масел, которыми дышали машины. От машиниста катера несло соляркой. Руки его были черные, будто две жирные кочерги. По прокопченному лицу его ползли черными букашками капли пота. И на этом покрытом сажей и копотью лице сияли живые и веселые глаза. Удивлялся Сергей, как можно быть веселым такому прокопченному?! Ему было по-человечески жаль этого моториста. Он казался ему приниженным и ущемленным. По сравнению с ним рядовой рыбак или охотник казались ему людьми чистой и высокой работы. И, глядя на него, он видел себя в возвышенном свете. Он был благодарен своим учителям. Ведь они говорили о высоком назначении человека, призывая маленьких северян овладеть профессиями врача, учителя, инженера. Они прививали любовь к книгам, учили понимать искусство. Казалось это совсем не сложным. Стоит только захотеть ...

В этом возвышенном мире до некоторых пор жил и Сергей. И вот теперь жизнь задала задачу. Теперь вот сейсмические приборы, трактора, катера, моторы. В общем, кругом та самая техника, к которой он так пренебрежительно когда-то относился. И ничего на поверку страшного. Сейсмика оказалась даже интересной... А из шлюпки с мотором «Москва», которая была в партии, его было не выгнать. В любую свободную минуту он вскакивал в лодку, заводил мотор и летел по сияющей глади реки. Он мечтал теперь во что бы то ни стало иметь такую же свою дюральку.

Большую часть рабочего времени теперь Сергей проводил на катере, где размещалась сейсмическая станция. Катер буксировал и плавучий бон из бревен, на котором были установлены сейсмическая коса и сейсмоприемники. На нем же привозили продукты, переезжали на новую стоянку. В общем, получилось так, что все лето – на катере. А лето было удивительное. Может, еще и потому, что рядом была Вера. Она приехала сразу, как он устроился на сейсморазведку. И для нее нашлась работа. Нужно было кому-то готовить для всей партии. Она оказалась мастерицей по этой части. А к осени на базе начальник партии обещал работу по ее специальности: пристроить в библиотеку. Или свою библиотеку при партии организовать: не пропадать же ее знаниям, полученным в библиотечном техникуме.

Лето было удивительное. Солнце, казалось, не уходило не только с неба. Оно словно поселилось в сердце Сергея, светило рядом, было всюду, куда ни взглянешь. И в брезентовой палатке, в которой они с Верой жили, и на песчаном берегу, по которому прогуливались с ней по вечерам, и в моторной лодке, летящей птицей по зеркальной глади разлившейся реки. Маленькая брезентовая палатка казалась самым уютным и счастливым уголком на свете.

14

Осенью, когда спала большая вода, партия речной сейсморазведки возвратилась на свою базу – в Берёзово.

Берёзово в ту пору называли «Геологической столицей». Это старинное сибирское село, основанное еще в 1593 году, после открытия газа действительно стало таковым. Волны геологических разведок расходились отсюда по всей Тюменской области, откликаясь новыми газовыми фонтанами.

За несколько лет Березово изменилось больше, чем за все века своего сонливого существования. Даже добротные когда-то купеческие особняки, сложенные из толстенных бревен, кажется, озирались, стыдясь своего маленького роста перед двухэтажными домами нового поселка геологов, что вырос на окраине старинного села. Со всех сторон подступали к нему буровые вышки. Они как великаны возвышались над седыми кедрами. На улице сновали не оленьи нарты, а юркие автомашины. Глаза их горели, освещая темные осенние улицы. Гудели трактора. Кажется, они гудели день и ночь, волоча за собою тяжелые сани с буровым оборудованием, сейсмическими станциями разведчиков-геофизиков, электромоторами и бухтами кабеля, запасами строительных материалов, горючего, взрывчатки и продовольствия.

Все это поступало в Березово на судах, которые, разгрузившись на лесистом берегу речки Вогулки, снова устремлялись в сторону Тюмени, чтобы до окончания путины завезти геологам все необходимое для их решительного штурма тайги.

Особенно памятен один из осенних дней перед самым ледоставом, когда плотники в основном завершили строительство балков и теперь больше занимались погрузкой их на баржи и помогали развозить в отряды.

К причалу пристал катер. Тот самый, на котором Сергей проработал лето. Он обрадовался, что увидит товарищей. Побежал на берег. Рулевого моториста да и капитана невозможно было узнать. Их покачивало, под провалившимися глазами с красными прожилками темнели синие пятна.

– Что с вами? Укачало? – пожимая руки судоводителям, вежливо спросил начальник экспедиции, каким-то чудом незаметно оказавшийся у причала.

– Укачает не спавши-то. Четвертые сутки вот уж! – проронил капитан, заглатывая слова.

– М-да! Погодка! – глядя на разъяренные волны, трепавшие причал своей бешеной пляской, протянул начальник. – Перед зимой разыгралась непогода, напоследок. Еще пару деньков – и ледостав. А оборудование доставить надо. А то целую зиму ждать...

– Видите, мы какие.

– Видим. Но выхода больше нет. Все катера в разъезде. А станки только что поступили из Тюмени. Нагрузить только успели. Ох, как завывает ветерок! – и поглядел в сторону вихря, пронесшегося над белыми гребнями волн.

– Куда нужно?

– В партию номер пятнадцать.

– А где это?

– На горной стороне Оби. Ехать по Вайсовой...

Начальник экспедиции, человек небольшого роста, плотный и энергичный, пронизывая проницательными глазами собеседника, объяснял с дотошностью знатока этих мест, как проехать на Большую Обь и дальше по протоке до самой стоянки партии геофизиков.

– Эти места мне мало знакомы. Все лето по Сосьве плавали. К тому же непогода, снег, туман... – отнекивался капитан судна.

– Провожатого найдем. Кто тут из коренных, знающих? – обращаясь к стоявшим рядом плотникам, грузчикам, проговорил начальник.

Кто-то указал на Сергея.

– Вот-вот! Наверно, сын рыбака? Каждую протоку, должно быть, знает!

– Не рыбак уже, – глядя приветливо на Сергея, пропел Ермолаич. – Он наш. Геолог!

Сергей с радостью заметил, что Ермолаич в последнее время и себя стал называть геологом, хотя больше плотничал, строил буровые вышки, дома и эти походные вагончики.

– На ловца и зверь бежит, – подходя к Сергею и протягивая к нему руку, изрек начальник. – Будем знакомы. Выручай, браток! Ведь это верно, что ты знаешь все здешние протоки, мели и повороты?

– Знаю, – неуверенно протянул Сергей. Но тут же добавил: – В общем-то, знаю.

– Вот и хорошо! Доброго вам пути! – И выражение живого его лица показывало, что для разговора у него нет времени и что нужно спешить.

И через каких-то десяток минут катер, подцепив тяжело гружённую баржу, отправился в рейс. Мерно постукивал мотор. За бортом шумели тяжеловатые волны. Ветер посвистывал в лад этой игривой музыке осенней непогоды, Сергей то работал шваброй, смывая с палубы глину, которую натоптали на причале, то с любопытством оглядывал родные просторы, будто видел их впервые.

Свинцовый воздух стушевал знакомые с детства очертания берегов реки. Но Березово, раскинувшееся на холмах, пересеченных оврагами, еще долго виднелось.

От пассажирского причала отплывал белый пароход, завывая грустными протяжными гудками, прощаясь с жителями до будущей весны. На таежном берегу над зеленым ковром хвои с ярко-желтыми вкраплениями лиственниц возвышалась буровая вышка. На ее железной голове развевались серые ушки черной шапки тучи. Луговая сторона реки с ее редким и голым тальником гляделась подсиненной полоской на приблизившейся линии горизонта. Иногда над самой волной пролетали утки, с тревожными криками несясь на юг. А они плыли на север...

Однажды катер вдруг повернулся боком к волне. Ледяные струи окатили Сергея с головы до ног. С испугом взглянул на капитанский мостик.

– Вот черт! – ругнулся капитан, налегая на рулевое управление, выправляя катер. – Вздремнул. Так и недолго в гости к рыбам!...

– Разрешите мне.

– По правилам нельзя. Ты мне лучше расскажи что-нибудь интересное из вашей северной жизни. Может, я и не усну.

На какое-то время капитан оживился. Но скоро снова заклевал. А остановиться и передохнуть возможности не было. По реке уже шла шуга. Стихни завтра ветер, мороз ударь – и зимовать катеру во льду. Нет, останавливаться нельзя. И передохнуть надо. Взвесив, видно, эти обстоятельства, капитан в конце концов уступил настойчивым просьбам Сергея. Правда, он еще долго сидел рядом с ним, время от времени поправляя руль, раскрывая секреты мастерства судовождения.

А когда он ушел, Сергея охватил какой-то неописуемый восторг. У него было такое же ощущение, когда мать впервые доверила ему ружье.

Было Сереже тогда девять лет. Летели по весне утки. Тетерева токовали. Ондатры, щеголяя золотисто-рыжим мехом, плавали в озерке, что посреди деревни. Они и не думали бояться Сергея. Вынырнет, бывало, перед самым носом, выставит из воды мордочку, глядя насмешливыми глазками, шевелит усами, точно дразнится. И жирные весенние гуси разгуливали по песчаному берегу речки. И когда Сережа пускал в них стрелу из лука, они гоготали, смеялись, хихикали. А год был голодный. Первый послевоенный год. Хлеб выдавали по карточкам. Все время хотелось есть. А стрелы летели впустую ... Уставший и изнуренный этой охотой, он валился в постель и засыпал как мертвый. Печальными глазами глядела мать на сына, на его лук из гнущейся черемухи, на деревянные стрелы с железными наконечниками. Наконечником в этой древней стреле была современная сияющая иголка, которой шьют.

А на стене висело большое охотничье ружье. По сравнению со стрелой в нем было много-много железа. А сколько в нем было крючков, винтиков, пружин!.. Большая машина по сравнению со стрелой. А как вгонишь в ствол патрон, заряженный порохом, дробью, сияющим пистоном, могучим оружием становится в общем-то этот небольшой кусок железа. Знает это мама сама. Охотницей ведь была, пока глаза ее не потеряли зоркость. С надеждой глядела она на сына. Печальной становилась, видя его еще слабые руки. Сжималось материнское сердце, когда она видела, как он мучится, стараясь быть удачливым охотником. Не выдержала она. Посоветовавшись с Ильля-Аки, она вручила сыну отцовское ружье. Для Сережи это было самым большим праздником! Впрочем, это было его вторым большим праздником после первого школьного дня, когда учительница вручила ему книгу...

И вот теперь ему доверили рулевое управление катера – большой и сильной машины, мощностью в сто пятьдесят лошадиных сил. Крутя то вправо, то влево баранку, чувствуя, как катер идет в нужном ему направлении, Сергей мнил себя капитаном.

Капитан... Кто из мальчишек, выросших на Оби и Сосьве, не мечтал стоять на капитанском мостике!

И вот наконец трогается лед, еще недавно казавшийся вечным. На реке треск, на реке стон, на реке гром. Словно ревут и стонут лоси в миг состязания в любви. Но это не поединок лосей, а поединок весны с зимой, когда со стоном уходили и жгучие морозы, и завывающие вьюги, и темные ночи.

Льды уходили, а вслед за ними, словно по пятам, шло тепло людское, плыли вестники счастья на Север – белые пароходы. Самолетов тогда еще было маловато. Единственной связью с большим и дальним миром были пароходы. Ох, как их встречали!..

Если пароход должен приплыть утром – всю белую ночь деревня не спала. Всю белую ночь пылали костры. И короткая северная ночь становится, кажется, теплее и белее. Люди ждут, ждут, ждут. И пароход, услышав зов, обязательно приходит. Это может быть и «Карл Либкнехт»; и «Усиевич», и «Москва». Так назывались пароходы, которые встречали кострами, весёлыми песнями. На белом капитанском мостике – капитан. Он – как волшебник. Скажет слово в рупор – пароход причаливает к берегу, и люди с парохода и с берега бегут друг к другу, обнимаются, смеются, плачут от радости встречи. Скажет другое слово в рупор – пароход отходит от берега, люди машут друг другу руками, платками, вытирают соленые слезы расставания. Хотя Серёжа мечтал совсем о другом, но втайне в подсознании у него жила какая-то светлая, грустноватая зависть к этому волшебнику – новому, благородному хозяину широких речных просторов.

И вот в его руках теперь руль. Большое судно с мощным мотором покорялось ему. Он уверенно вел катер по плесу Оби, бушующей волнами. Шторм свирепел. Разбойничьи свистел встречный ветер, прижимая к берегу тяжело груженную баржу. Чтобы не прибило ее к берегу, Сергей направлял катер поперек реки. Высокий вал летел над палубой, подхватив катер на пенный гребень, потом бросал вниз. Оттащив баржу подальше от берега, Сергей снова направлял катер вдоль по руслу.

Хотя на Оби резвился шторм невиданной силы, на душе рулевого не было тревожно. Лишь когда, взбежав на гребень волны, катер затем падал вниз, он на мгновенье чувствовал, что летит в пустоту, как на качелях.

Впрочем, Сергей уже немало покачался в детстве. На этих волнах, но только на утлой калданке. Как-то он переезжал Обь. Легкую лодочку-долбленку, сделанную без единого гвоздя, бросало как щепочку. То выносило на большой гребень волны, то катилась она вниз вместе с угасающей пеной струй. Где-то на середине плеса грянул гром, высекая искры молний из помрачневших глаз неба. Волны зверели. Пустившись в бешеный пляс, они начали кусать лодку, как злые водяные росомахи. Сергею стало страшно. Вдруг это дикое стадо проглотит лодку! И его не будет. Разве возможна жизнь без него, без Сергея! И двенадцатилетней мальчишеской рукой он цепко схватил весло, чтобы удержать лодку, лави-

руя на гребне бешено пляшущих волн. Вдали синел берег, обещавший счастье. Он о счастье уже тогда много думал. Но берег был далеко-далеко. А волны – большие-большие. И рукой, слабой, как крыло гусёнка, он вцепился в весло, превозмогая усталость, налегая всей своей человеческой силой на злые силы стихии. Что его спасло тогда? Надежда достичь берега, на котором ходит его счастье, или же силы собственных рук? Силёнок было тогда еще маловато, а счастья так хотелось! Правда, и теперь, в двадцать один год от роду, он так и не успел раскусить еще, что такое счастье, но коварную силу этой реки Сергей уже знал. Только того детского страха перед стихией он уже не чувствовал. Может, оттого, что он повзрослел? Или же от ощущения, что он не на той легкой лодочке, сотворенной по законам плотницкого мастерства древности, а на большом железном катере с мощным мотором в сто пятьдесят лошадиных сил?!

Река бушевала. Волны, как допотопные чудовища, выползали из туманной мглы и с ревом обрушивались на борт, ледяными струями обдавая палубу. Летящие клочья чёрных разодранных туч, казалось, цеплялись за мачту, стараясь поднять судно в воздух. Свирепый ветер, неся на своих могучих крыльях то липучий снег, то черный дым дождя, зычным голосом выводил дьявольскую мелодию. Казалось, стихия старалась выложить все свои злые силы, чтобы испытать молодого человека на стойкость в самом начале его трудовой жизни.

Это испытание Сергей выдержал. Утром были уже на месте назначения. Доставили геофизикам оборудование. На следующий день после их возвращения в Березово река оделась в ледяной панцирь. Начальник экспедиции пригласил Сергея в кабинет. Крепко пожал руку. Расспросив обо всем, предложил Сергею поехать учиться на краткосрочные курсы по овладению техникой геологов... Сергей отказался. Он хотел работать вместе с лучшим другом своим Венькой.

15

Партию, в которой работали Сергей и Венька, перебросили зимой на таёжную реку Конду. Сергей давно мечтал побывать на этой легендарной реке, где когда-то, по свидетельствам книг и документов, могла находиться «Золотая баба».

Кунгурская летопись повествовала, что «Золотая баба» «нага с сыном на стуле седяща». В одиссее золотой статуи есть своя логика. С незапамятных времен волоки связывали древнюю великую Пермь с Печорой. А отсюда волоки тянулись к Оби. Карты Руси – изданные в Европе – изображают богиню-беглянку находящейся в Сибири. Но и там ей не было покоя.

Повествование «Сибирской летописи»:

Пятидесятник Богдан Брязга, соратник Ермака, спустился по Иртышу. Казаки ворвались в самое сердце языческих святынь. Они захватили идола Рача, но ханты и манси отбили его и уволокли в лес. Казаки обложили укрепленное городище князя Нимьяна. Взять штурмом не удалось. Послали к хантам своего лазутчика – чуваша, знавшего обычаи великой Перми. Он увидел великое моленье «Золотой бабе». То ли от золотого блеска в свете костров, то ли от страха чувашу показалось, будто «Золотая баба» находится в серебряной чаше, наполненной водой. И воины торжественно пили воду, надеясь обрести силу и храбрость. Можно предположить, что скорее они пили воду из большой серебряной чаши, которую «Золотая баба» держала в руках.

Казаки пошли на приступ и захватили укрепление. Но «Золотая баба» исчезла. Ее увезли за Конду. Охранять ее стали воины кондинского князя Агая.

Трудно сказать, откуда узнал разжалованный полковник Григорий Новицкий, что «Золотая баба» находится в районе Конды. В 1712 году он начал энергично разыскивать ее. Десять лет скитался по Конде. И, вероятно, не подозревал, что из-за дремучих елей за ним следят чьи-то зоркие и мстительные глаза. И когда он приблизился к «Золотой бабе», люди, давшие обет не щадя живота оберегать святыню, убили его вместе со священником Сентяшовым. И осталось недописанным в митрополичьей ризнице «Описание о народе остяцком».

1757 год. Тайная переписка Тобольской консистории. Донос священника на крещеных ханты – Сергея Шергу, Ивана Колываева и Алексея Пангля из шапшинских юрт. Они приносили жертвы тщательно скрываемому идолу – «шайтану». Они были своеобразными уполномоченными по сбору дани для «Золотой бабы».

Начало двадцатого века. «Инструкция кондинской миссии». Параграф четвертый. Требование разыскать «идола, слывущего под названием Троицкого, к которому как к центру идолопоклонства стека-

ются отовсюду инородцы-самоеды, и остяки-идолопоклонники, и христиане, тщательно следить за сборщиками в пользу сего идола, поддерживающими в инородцах суеверные убеждения, донося секретно епархиальному начальству об нём, что будет дознано относительно сего общепочтительного инородцами идола».

Село Троицкое находилось у слияния Иртыша и Оби. Все следы «Золотой бабы» вели на Конду. Сергей ехал туда в приподнятом настроении, чувствуя себя дважды разведчиком.

Для Веньки переезд на Конду тоже имел особый смысл. Все эти годы он не только помнил о завещании отца, но уже жил этой трудной жизнью первопроходца, разведчика сибирских недр. Первые месторождения газа уже открыты. Но нефти еще нет. И той буровой, которую не добурили геологи предвоенных лет, он еще пока не нашел. И речки «Белой» в бассейне Северной Сосьвы не оказалось. А сколько речек за эти годы объезжено!.. И озера со звучным девичьим именем «Ира» здесь также не оказалось. Где только не был Венька, интересовался всеми местными именами речек, озер, проток, урочищ. И стал своего рода любителем топонимики... Завел карту. Наносил все названия на хантыйском и мансийском языках, расспрашивая местных жителей и, конечно, своего друга Сергея о значении этого слова в переводе на русский.

Этой своей «болезнью» Венька заразил и Сергея. Тот, заинтересовавшись топонимикой, стал вдруг делать неожиданные для себя открытия. Недавно, например, он уяснил себе смысл названия «Тавды». Северную Сосьву сородичи Сергея называли по-своему «Тагт-я». А это было так похоже на слово «Тавда». Русский слух чуть по-другому прослышал схожие звуки.

– А что такое Конда? – спрашивал Венька. – Как ее перевести?

Сергей не мог на это ответить. Он мог только предполагать.

– Хонт – по-мансийски «война», – размышлял Сергей. – Я – «река». Хонт-я – река военных столкновений. По преданиям и священным песням, на этой реке было множество военных столкновений с татарами и другими соседними племенами.

Венька был уверен, что в бассейне этой реки найдет он и ту речку «Белую», и озеро «Иру», на берегу которого стоит вышка, поставленная его отцом. Он почему-то был уверен, что в бассейне этой реки обязательно должны открыть нефть. Говорят, если у человека есть мечта – то удача рано или поздно придет к нему. Но одной мечты, наверно, мало. Всякая мечта и вера должны опираться на что-то реальное. Уверенность приходит к геологу в результате глубокого изучения известных уже материалов, анализа их, сопоставления с другими районами и, конечно же, в научном предвидении. До научности Веньке было далеко, так как только еще заканчивал заочно институт. Но он много и самозабвенно читал, изучая труды немногих довоенных исследователей недр этого края, описавших отдельные проявления нефти и газа на поверхности. И в послевоенные годы кое-что было сделано геологической наукой. Ханты-мансийская впадина с мощной толщей осадочных пород, в том числе и битуминозных, давала геологам теоретическое основание смело говорить, о нефтеносности недр края. Условия образования нефти были; структуры-ловушки, в которых обычно накапливается черное золото, были выявлены первыми геофизическими исследованиями.

Веньку, Сергея и еще несколько человек из Березова, пожелавших работать на Конде, направили в сейсмопартию, которая уже там работала. Для укрепления кадрами. В той сейсмопартии не хватало не только рабочих, но и начальника не было. Начальник выехал на центральную базу и не вернулся. Разное судачили. Одни говорили, что у него в семье что-то случилось. И он вынужден был уехать на Большую землю. Другие утверждали, что он просто сбежал. Не выдержал северной пустыни, неуюта, морозов – и сбежал. Частенько случалось такое. Потому особенно никто не удивился. Приехало начальство из экспедиции, и обязанности начальника возложили на Веньку.

Он учился уже на последнем курсе института и практически опыт уже имел немалый. Вот его и назначили. Горячо взялся Венька за дело.

А дел было невпроворот. И трудностей не счесть! Тайга на каждом шагу строит каверзы. То встает неприступной дремучей стеной, то, наоборот, раскинется шипящей топью болот, то разыграется внезапной вьюгой, то напустит полчища комаров, гнуса, то одарит клещевой болезнью.

С этими каверзами тайги Венька научился бороться. А вот с людьми было потруднее. Глубину любой реки можно измерить. А вот как познать коварство сердца? В сейсмоотряде был рабочий по прозвищу Великий. Неизвестно, кто придумал ему это «имя», но владелец носил его с явным удовольствием. Всем своим поведением намекал, чтобы его называли так, а не иначе.

Обстановка благоприятствовала этому. Вокруг было больше деревьев и медведей, чем людей. Для Великого это было «то, что надо».

Вечерами он рассказывал про свои «подвиги», как досрочно вышел из тюрьмы, как боялись его «чиновники» где-то там на юге, как он здесь наведёт «пролетарский порядок», прибрав кое-кого из «начальничков». Возможно, у него и на самом деле были когда-то успехи в этом роде. Потому что среди рабочих, тех, что остались от развалившейся сейсмопартии, он пользовался явным «авторитетом». Его слова воспринимали как закон. Ни больше ни меньше.

Венька принимал сейсмопартию и чаще был в отъездах: то на базу экспедиции уедет, то в район. И руководство осуществляли не операторы и не другие специалисты, а над коллективом верховодил Великий, стараясь прибрать к рукам и «новеньких», приехавших на укрепление развалившейся сейсмопартии.

Сергей сразу заметил что-то неладное. Пытался противостоять. Но вышло так, что однажды пришел из лесу «разукрашенный».

– Кто тебя? – спросили его товарищи, указывая на подбитый глаз и синяки на лице.

– Медведь, наверно, помял ему бока за прыткий норов, – ухмылялся Великий.

Сергей молчал, стиснув зубы. Жаловаться было не в его характере. В школе сам не любил жалобщиков и нытиков.

В душе у него все кипело: обида, гнев, справедливость... Есть ли справедливость?! Или всюду властвует сила?! Грубая, физическая... Сильный подчиняет слабого?.. А если не подчинишься – уничтожит?

А было так:

– Ишь ты какой! Остяк, вонючая рыба! Поговори у меня! – поддав кулачищем в поддых, прошипел красномордый Великий. – Пикни только – придавим, как гниду! Смотри, нас сколько!.. А ты один, остяк, вонючая рыба!

Больно было не столько от его кулачища, сколько от слов «придавим», «ты один»...

Великий действовал будто от имени кого-то, величая себя во множественном числе. Кроме Сергея в сейсмоотряде и на самом деле манси больше не было, и ему на мгновение стало не по себе. Страх охватил его. Вспомнились слова матери, которая когда-то умоляла его не ходить с незнакомыми людьми.

– Среди них разные попадаются, – говорила она. – Еще в пьяного превратят. В бутылках – огненная вода. Она, сынок, злая. Потеряешь разум быстро. А остяком назовут – будешь сердиться. Сердиться станешь – побьют. Не ходи, сынок. Послушайся, Побереги сердце матери...

Сергей не послушался. Пошел с этой партией... и вот, теперь в памяти всплыли ее слова. Они показались на мгновение вещими. И стало Сергею тревожно.

Но это было лишь мгновение. В памяти зажглись ласковые глаза Веры, выплыло дружеское лицо Веньки. И силы откуда-то нахлынули. Сергей вскочил на ноги. Нанес ответный удар. Широкое лицо Великого побагровело, исказившись в злобной гримасе. Но бить больше не посмел. Лишь пригрозил: «Пикни только!..»

В дремучей глуши Великий чувствовал себя героем. Многих в партии он действительно прибрал к рукам. У него была разработана своя оригинальная стратегия и тактика. «Стратегия» и «тактика»... К этим словам он был неравнодушен. Произносил их с упоением, философствуя о жизни. Он считал себя большим философом. Но если кто-нибудь с ним позволял себе не соглашаться, он особенно не настаивал, мудро менял тему дискуссии, доставая из кармана патроны с какими-то «новыми пулями», обладающими, якобы чуть ли не «атомной энергией». А то вытащит нож какой-то замысловатой формы. Сверкнет лезвие блеском стали в его больших руках, и, ничего не говоря, Великий уходит в лес на охоту. Ребята знали, что Великий принесёт «дары природы» на общий стол, и потому выполняли и его работу молча. И на самом деле Великий никогда не приходил с пустыми руками. То принесет рябчика, то тетерку, а то и самого глухаря. Только преподносил эти «дары» так искусно, что все оставались как бы в долгу перед ним. Иногда некоторые благодарили его действительно как благодетеля. В такие минуты Великий сиял улыбкой, как сталь на острие ножа...

И люди так привыкли к подобному «товариществу» и «дружбе», что иной жизни и не мыслили, частенько подменяли его на работе. И вот в отряде появился «хозяин» – так почему-то сразу стали называть Веньку за глаза, а при встрече все величали его Вениамином Васильевичем.

С появлением его действительно стал налаживаться порядок. Установили связь с Большой землей. Арендовали в колхозе лошадь и возчика, договорились о поставках молока, мяса, сметаны, рыбы. В меню сейсмиков теперь уже были не одни консервы. В таежно-дремучих отношениях людей появилось что-то новое, человеческое.

Вовремя теперь стали выходить на работу, с самого раннего утра, а не тогда, когда вздумается. Только прежним остался Великий. Может быть, только поосторожнее стал, чем прежде.

– Начальничек еще тот, – говорил он втихомолку.– Всех прижмет. Узнаете...

Сам по-прежнему часто уходил в лес, переложив свою работу на товарищей...

Однажды утром, придя на профиль, Венька заметил, что никто еще не начинает бурить. Он обошел людей, технику, присматривался, старался выведать, почему никто не работает. Однако все почему-то молчали.

Подошел трактор, вспахивая снежную гладь, волоча за собой тракторные сани с буровой установкой. Он остановился у вешки, где намечено пробурить скважину. Тракторист, спрыгнув из кабины на снег, спокойно закурил папиросу. Когда Венька спросил его, где Великий, он боязливо съежился, будто его ударили по больному месту, но ничего не сказал.

Пришлось самому начальнику становиться к буровому станку. Станок загудел, бур стал вгрызаться в землю. Полчаса... час... два... Медленно шел вглубь бур. Земля точно каменная. Вечная мерзлота показывала свой норов и злую силу. Даже сталь и та, казалось, замерзла в этой мерзлоте, крутясь порой на одном месте.

Вечная мерзлота... Но не от нее людям было тяжко. Рядом с ними был паразит пострашней и опасней. Великий. Он позволил сегодня себе поваляться в постели. Стиснув зубы, работали люди. Им тяжело. Но они знают Великого больше, чем Венька...

Но вот кто-то все же осмелился и рассказал о всех проделках Великого, и, когда к обеду явился Великий, Венька приказал ему писать объяснение, сурово отрезав:

– Довольно! Покуражился! Будем судить! Всем отрядом!

Шальными глазами пробежался Великий по товарищам, ища поддержку. Но и во взглядах ожило что-то новое. Он понял. Все понял. Конец. Больше ему не верховодить. Люди уходят от него. Ушли... Но имя Великий было таким звучным. Нет! Он его не уступит. Он будет бороться за него. Чего бы только не стоило.

Его охватила ярость. О, если б у него были крылья – взмахнул бы ими широко, вознесся бы над ними да клевал бы их, клевал этих мелких людишек, которые только и умеют повиноваться силе. Если бы у него были волчьи зубы – разодрал бы их продажные шкуры. Если бы у него были медвежьи лапы – сорвал бы кожу с их ничтожных голов. В нем кипела звериная злоба, однако не было могучей звериной силы. Но, вспомнив про силу железа, он медвежьими прыжками помчался в балок.

В руках у него было ружье, в глазах ярость, будто в них пляшут звери.

Звери дикие, яростные. Они растут, с каждым мгновением становятся страшнее. Схватить бы их, придушить бы их, пока они не превратились в неотразимых хищников. Но люди молчат. Здоровые, сильные, они словно оцепенели.

Да как не оцепенеть, если перед глазами творилось невообразимое. Он вгонял патроны в патронник так, чтобы все видели. Потом железные глазницы ружья уставились на Веньку. Тревожно прогудев, буровая установка замолкла. Начальник поднялся к буровой, как оратор на трибуну. Спокойным и долгим взглядом пронизал взбесившегося Великого, спокойно и твердо произнес:

– Убери игрушку и вон отсюда!

Закачался ствол в руках у трясущегося от бешенства Великого.

– Продолжайте, товарищи, работать! – повернувшись лицом к рабочим, спокойно произнес Венька.

Раздался выстрел. Венька упал. Белый снег обагрился кровью. Теплой человеческой кровью. Без войны, в мирное, тихое время. Чудовищно. Непостижимо. Зачем? Почему? Может, Великий и на самом деле не хотел уступить власть над людьми?

Когда Венька упал, лишь тогда люди зашевелились. Они точно проснулись, сбросив оцепенение. Ринулись к преступнику...

К счастью, рана оказалась неопасной. Через месяц Венька вернулся в сейсмоотряд и с ещё большим энтузиазмом взялся за дело.

16

Ав-ав-ав! – вдруг заговорила тайга звонким голосом Музгарки. Голос её звенел струной, и вдруг что-то в нём оборвалось. Будто слёзы застряли в горле её. Не слёзы ли утерянного собачьего призвания? А может, это слёзы счастья случайного и редкого прикосновения к своему привычному делу? Музгарка кричала, визжала, пела, плакала, звала... Она была в своей собачьей стихии.

Когда Сергей подошел к кедру, под которым она лаяла, Музгарка заскулила еще сильнее прежнего. Она прыгала вокруг могучего дерева, кусала ствол, царапала кору. А с зеленой ветки глядели черные

глазки. Они удивлённо смотрели вниз. Наверное, не понимали: почему такое большое существо шумит. Сергей и на себе ощутил этот изучающий взгляд острых глаз бурундука. Он опустил ружьё... А Музгарка лаяла, просила стрелять.

Этот собачий визг и тупая злоба взволновали его, опять взбудоражили ум.

Птицы, звери, собаки, люди... Все мы живем на одной земле. Для чего живем? Для наслаждения? Таежный воздух так ароматен! Сон – так сладок! Утро – так прекрасно!.. Создатель Вселенной сотворил все главное: зверей, рыб, растения – для человека. А человек для чего живет? Живет для своего наслаждения и счастья? А может, смысл жизни его заключается не в том, что он наслаждается всем этим, а в том, что делают его руки? А может, в том, как он понимает мир?

Птицы, звери, собаки... Думают ли они? Если они не думают, то почему их жизнь устроена слаженно и по-своему мудро?

Человек... Если он мыслитель – то почему он так часто нарушает естественную гармонию природы? А может, так и нужно? Какая конечная цель человека? Может, быть достойным счастья? А в чем его истинное достоинство?

База сейсмопартии находилась в глухой таежной деревушке на берегу узкой речки. До базы экспедиции сотни километров. Связь с базой только на лошадях. Автомобилям здесь тогда делать было нечего. Зимой снега, а летом – топь, бездорожье...

В деревушке несколько избушек, в которых жили местные рыбаки и охотники. На краю деревни – красный уголок, обычная бревенчатая изба. Красным в этом помещении был лишь стол, покрытый кумачом, да трибуна. А так неуютно, холод. Видно, давно не открывали. Не было культработника.

Вера, не согласившаяся остаться в Березове, решилась навести порядок. Районное начальство было радо этому. Назначили ее заведующей клубом. Скоро в красном уголке появились не только новые книги и журналы. Вера прочитала лекцию о современной молодой поэзии...

Ох, этот Крайний Север! Мужество женщин здесь приобретает совсем другие краски и другое звучание.

Первую зиму совместной жизни Вера и Сергей жили в неуклюжем деревянном балке, поставленном на тракторные сани. Среди заиндевелых березок стояло около двух десятков таких домиков на краю небольшой таежной деревушки.

Рыжее солнце, как бурый медведь, на зиму уходит в спячку. Зимний день короток. Зато ночь долгая. То звезды на небе и тишина морозная, то вьюга завывающая, скребущая снежными лапами дверь.

В углу балка трещит «буржуйка». Пока пляшет в ней пламя – тепло. А утром вода в ведре застывает, а в балке разгуливает морозец. Не хочется вылезать из теплого спального мешка. Но надо! Надо – сделано! Для Веры это было как заповедь, как закон. Впрочем, и мороз оказался не таким уж страшным. Ничего особенного. Зато романтично. Балок, как палатка полярника. Спальные мешки, как у веселых туристов. И песня, как спутница:

Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты ветру и солнцу брат...

Напевая эту песню, Вера шла на белую речку за водой. Долбила в проруби замерзшую корку льда. Потом носила дрова, растопляла печь, готовила завтрак и обед из консервов. Консервы тоже намекали на романтичность. И хотелось петь:

Я не знаю, где встретиться
Мне придется с тобой.
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой...

И Вера в песне шла по городам и странам, чтобы встретиться с ним, с Сергеем. Ведь только считалось, что он был с ней. А на самом деле он был в поле. Иногда их разделяли десятки километров. Но по субботам, нередко и в простые дни, Сергей прибегал к ней на лыжах, если не было попутной экспедиционной лошади, на которой ездили на базу.

Что такое романтика? В чем заключается геройство? В том, чтобы совершать подвиги? А если только мороз, темень, сон и работа? Конечно, в этом нет ничего героического. Но разве не романтично, если все как в песне?

Она чувствовала себя геологом, человеком романтичной профессии. И от сознания этого пронизывающий все тело холод, и изматывающая тоска длинных зимних ночей, когда не было Сергея, и сырость осенних дней, и комариные тучи лета казались лишь экзотическими чертами романтики.

Может, это от молодости, а может, оттого, что внутренне она была готова к такому образу жизни, так давно мечтала о чем-то необычном.

Помнится, в газетах опубликовали призыв к молодежи. Партия звала ехать на новостройки шестой пятилетки. В Сибирь, на Дальний Восток, в Донбасс.

«Может, поехать, а? – спрашивала Вера себя, читая строки газеты с романтическими заголовками. – А почему бы и нет? Вот уже скоро двадцать, а что видела? Кроме деревни, где мать, и Ленинграда, – ничего. А поеду куда-нибудь на Восток, в палатке буду жить, работать вместе с людьми. А ехать на поезде ... Это, наверно, здорово! Всю страну увижу... »

Тут же набегали другие мысли:

«А как же с учебой в библиотечном техникуме? На заочное перейти? На вечернем нелегко, а на заочном будет тем более... Нет, нельзя... Здесь подруги, знакомые, общежитие точно родной дом. И Ленинград, в конце концов. Одно слово само за себя говорит. Жалко с Ленинградом расставаться. Полюбила этот город. Уедешь – потеряешь прописку. Старшие советуют не делать такую глупость. Мол, это все пустая романтика. И опять же надо когда-то начинать настоящую жизнь. А то что же получается – живу в доме, который строили другие, ем хлеб, выращенный кем-то. Работаю. Но что моя работа значит для общества!.. Неужели из-за этой ленинградской прописки просидеть молодость здесь. Нет и нет!.. Такого не будет!..» А случилось все именно так. Никуда Вера не поехала. Отговорили люди, подруги постарше, тетя. К тому же техникум надо было кончать.

И вот ее мечта вспыхнула вновь, когда она познакомилась с Сергеем. Возможно, это сыграло немалую роль в том, что она согласилась выйти за него замуж.

Его рассказы о Севере растили в ней надежду, что она наяву встретится с чем-то необычным, возвышенным. И что-то подобное она действительно встретила на Севере. Изматывающая тоска длинных зимних ночей компенсировалась ее работой. Она целыми днями пропадала в красном уголке.

Сначала больше приходилось заниматься уборкой. Каждый день мыла пол. Посетители курили, мусорили, а некоторые плевали тут же. Приходилось писать лозунги, объяснять – в общем, проводить работу.

Пришлось переквалифицироваться. Кроме библиотекаря, она постепенно становилась не только культработником широкого профиля, но и постигла новые для себя профессии – печника, уборщицы и даже трубочиста. Печка в клубе была с виду нормальная. Но когда растопили, дым почему-то не желал выходить в трубу, он предпочитал выходить прямо в комнату. Пришлось лезть на крышу, убирать с трубы снег, а потом и прочистить дымоход.

Составила примерный план работы. На первую беседу о молодой советской поэзии пришли почти одни геологи. После приезда киномеханика зачастили в клуб и другие жители таежной деревушки: рыбаки, охотники... Молодёжи почти нет. Все учатся: в школах, техникумах, институтах. В деревне одни если не старики, то люди в возрасте. Люди семейные. Все же несколько парней и девушек в деревне было. Решила их вовлечь в самодеятельность. Надо было подготовиться к новогоднему вечеру. Ребята из сейсмопартии тоже обещали показать свое искусство. Они были в поле. Пришлось к ним ездить, устраивать импровизированные репетиции.

Основная работа по подготовке праздничного вечера – с местными ребятами, девчатами. Собирала их Вера на репетицию каждый вечер. Репетировали, просто пели песни, болтали о всякой всячине. Ребята и девчата работали в отделении колхоза. Один тракторист, другой рыбак, третий охотник, а две девушки – со зверофермы. Ребята дальше Ханты-Мансийска не были. И потому частенько просили рассказать о Ленинграде, об Эрмитаже, о железной дороге, высоких каменных чумах ... Все это видели они в кино и читали в книгах. Но им, видно, хотелось услышать о знакомом и далеком от живого человека. Вера рассказывала, как могла. Вскоре в красный чум зачастили и старики. И не потому, что Вера оказалась такой красноречивой. Просто она любого приезжего из района или из области специалиста умела привлечь, заинтересовать своей работой.

И вскоре он уже был и лектором, и участником конференций и дискуссий.

Концерты, читательские конференции, дискуссии, лекции не только в геофизической партии, но для всех делали свое дело. Вера не была ни певуньей, ни плясуньей. А старики, покачивая головами, растягивая слова, приговаривали: «Шаман-девка! Большой шаман!..»

Шаман-девка!.. Грубое слово. А может, она богиня, волшебница, героиня?! Наверно, в ней в какой-то степени и все черты, присущие другим женщинам: и женственность, и откровенность, и терпимость, и стыдливость, и даже не лишена она чуточку эгоистичности. Возможно, ее можно назвать и шаман-девкой, и волшебницей, и Сорни-най. Но ясно одно: при всем этом она мужественна!..

17

Скупое зимнее солнце, побродив по вершинам деревьев, кануло в чащу леса. Но светлая его улыбка продолжала озарять серебряную чашу неба, по краям которой начали проступать бледные-бледные звездочки. Надвигался вечер. Но Сергею хотелось еще поглядеть на те места, в которых теперь ему приходилось бывать редко. Нет, они не стали чужими. Они жили в нем. Но не настоящей, а какой-то сказочной жизнью. Жили в памяти. И эта речка, звенящая под мысом, и лиственница с орлом на вершине, и узкая таежная тропка, бегущая в урман, где стояли когда-то ловушки отца и деда, и этот покосившийся набок лабаз казались сном, выдумкой. Конечно, все это не имело для него никакого практического смысла. Жизнь его семьи не зависела от случайной добычи на промысле. Но этот уголок тайги являлся в снах, будоражил мысль, притягивая к себе, заставляя прикоснуться, вспомнить, подумать.

Недалеко от избушки под лиственницей стоял лабаз на трех высоких ногах-бревнах, врытых в землю. Четвертой ноги не было. Кто-то выбил. Зачем? Непонятно. Дверь лабаза была приоткрыта. Рядом валялась припорошенная снегом лестница. Без лестницы не забраться в это заповедное хранилище охотника ни мелким грызунам, ни росомахе, ни медведю. Еще дед, говорят, хранил в этом лабазе добычу.

В памяти Сергея выплыл другой такой же лабаз, который находится в святом урочище, недалеко отсюда. Там в сундуке, обитом медными пластинками, среди деревянных кукол, разнаряженных в старинную мансийскую одежду есть изображение Духа отца.

Когда мать получила «черную бумагу» – похоронную, она, наплакавшись, нарыдавшись, тут же достала отцовский нож и из полена стала что-то вырезать. Скоро обрубок дерева стал обретать глаза, руки, ноги. В ее руках родился деревянный человечек. Потом, плача и приговаривая таинственные слова, стала шить для него одежду. Сначала сшила рубашку из ситца лилового цвета с отложным воротником. Затем из белого оленьего меха смастерила кисы с меховыми чулками и натянула их на крошечные ноги куклы. Скоро на голове деревянного человечка появился конусообразный колпак, сшитый из клиньев разноцветного сукна, отороченный меховой опушкой по краю. Надела на него малицу[60] без капюшона с высоким стоячим воротником и широкой пандой из собачьего меха. Нарядив его –. еще в нарядный гусь[61], сшитый из красивого меха молодого оленя, подпоясав плетеным красным шнурком, она поставила его в священный угол дома.

Сначала Сереже было трудно представить, что это отец. Но мать так возилась с ним, что и он скоро тоже, оставшись наедине, стал разговаривать с ним, искренне веря, что перед ним Дух отца. А кому не хочется поговорить с отцом! Об охоте, о рыбалке, о ружье, которое было им завещано сыну, а мать почему-то держит его в сундуке...

Когда мать ложилась спать, она клала куклу с собой. Утром опрыскивала его водой, махала полотенцем. Когда садились за стол – перед ним дымилась чаша с едой. Эту еду съедали сами же. Но на его стул никто не садился. И за столом ему было отведено место. И серебряную ложку его никогда не забывали положить на стол...

Иногда мать ругала Духа отца за то, что он оставил ее одну. Жаловалась на мороз и холод. Плакала. Потом снова ласкала его. Чаще же ругала она Гитлера, который, по ее словам, Дух черной смерти, железный зверь и кровожадный злодей. Он лишил ее милого светлой жизни. И не только ее, а многих-многих женщин. И за это она крыла его проклятиями, заклинала. Потом, нарыдавшись, роняла голову перед священной деревянной куклой.

Так продолжалось две зимы и три лета. Потом мама позвала в дом Ильля-Аки и других односельчан, знающих законы предков. За столом, на котором дымилось мясо жертвенного петуха, заколотого в честь Духа отца, долго совещались, куда понести его. Одни предлагали отнести на кладбище, куда кладут по истечении двух зим и трех лет этих кукол. Другие же говорили, что он не умер своей смертью, а героически погиб в борьбе со злым фашистским духом, значит, его изображение следует поместить в капище, где хранятся изображения знаменитых духов-предков: богатырей, шаманов, выдающихся охотников. Через некоторое время так и сделали. На заработанные за лето на рыбном промысле деньги мать купила жере-

[60] Малица – глухая одежда, мехом вовнутрь. Бывает с копюшоном и без капюшона.

[61] Гусь (или совик) – глухая одежда, мехом наружу, с капюшоном.

бенка. Его закололи на святом месте перед капищем. Напоив изображение Духа отца кровью жертвенного жеребенка, его посадили в кованый железный сундук среди других духов-предков, к которым шаманы нередко обращались за советом в длинных и звучных камланиях. На священном костре горел священный огонь. Под его горячим взглядом Сережа должен был шептать вслед за Ильля-Аки какие-то священные мансийские слова, похожие на клятву. Потом Сереже дали кусочек дымящегося мозга жертвенного жеребенка и сказали: «Помни!»

С тех пор мать постепенно успокоилась. Лишь иногда вспоминала отца. Но забыть ли Сереже, как она ласкала деревянную куклу, как она ложилась с ней спать! Как вспомнит – сердце сжимается.

От лесной избушки веяло неживым, заброшенным сумраком. Видно, давно здесь никто не был.

Ильля-Аки так и не собрался осенью послушать глухариные песни. Отяжелел. Руки, ноги стариковские, видно, ослабли. А ведь мечтал. При встречах с внуком только об охоте да этой таёжной избушке у него и была речь. В те годы он не пропускал ни весну, ни осень. Все в тайге пропадал.

– Что ты там, в глухомани, делаешь? – спрашивали его односельчане, удивляясь одиноким скитаниям старика.

– Живу. Настоящей жизнью. И точка...

В последнее время в словаре старика появились новые слова: бульдозер, шарашка, буровая, газопровод... авария, даёшь газу, аврал, всем труба, и точка!..

Последнее – «и точка» – фигурировало в каждом его предложении.

–Что такое настоящая жизнь? – спрашивали его.

– Ай, рума! Не знаешь – что такое настоящая жизнь? Ай-ай! – прищуривая глаза, восклицал он. – Настоящая жизнь – это когда живешь хомхозы, И точка!..

Старик слово «колхоз» произносил по-своему.

– Какой еще колхоз? Все теперь в подсобном хозяйстве работают. Разве где-нибудь в тайге... Так там одни медведи...

– Медведь – тоже люди. Только в лесу живущий люди. Он всё знает, видит, слышит. И точка!..

– Но при чем тут колхоз?!

– В подсобное хозяйство меня не берут. Пенсию дают. Скучно. Я иду в урман. Там мой рума Медведь, рума глухарь, рума дерево большое. Нас много. Весело, как в хомхозе. Хомхоза теперь нет. А мы привыкли жить хомхозом. И точка!..

Даже Сергей помнит, как Ильля-Аки отлынивал от работы в артели. Месяцами вот так же пропадал в тайге. А теперь, когда в их местах вместо колхоза стало подсобное хозяйство при газопромысле, он вдруг заговорил о колхозе. Будто и на самом деле такой уж коллективист. Правда, и другие старые манси вспоминали колхоз тепло.

– Колхозом жить – хорошо! – говорили они. – Все работают – все хозяева. Руками работаем – руками и руководим. На общем собрании поднимаем руки. А все решает общее собрание, а не директор, как в подсобном хозяйстве. Директор – он все один решает. Захочет – примет на работу, захочет – выгонит. А председатель... Тот был свой. Хочешь выбрать его – выберешь, не захочешь – не поднимешь руки, против проголосуешь... А главное – не в председателе дело. Главное – весело было жить, состязаясь между собой, соревнуясь с другими колхозами. План выполняли, перевыполняли, хвалили и ругали друг друга на общем собрании, все решали сами. Каждый колхоз – как самостоятельное государство. И мы были вроде самостоятельных людей. Хорошо было жить колхозом!..

– Так в подсобном хозяйстве заработки намного больше, чем в колхозе. И газ в квартирах. И пенсия у стариков немалая!..

– Ай-ай! Разве в одних деньгах дело?! – отвечал старик. – Рыбы и звери – и те не просто живут, поедая друг друга, но еще и веселятся, играют. Послушайте, посмотрите на игру жизни весной…

Сергей старался не обращать внимания на стариковские бредни, но в последнее время стал задумываться о колхозе, о подсобном хозяйстве, о житье-бытье своих сородичей.

Правильно ли кое-где поступили, где открыли газопромыслы, что заменили колхоз подсобным хозяйством? Люди уже душой прикипели к колхозной жизни, стали привыкать. Может, не следовало торопиться, а обсудить, обговорить с людьми этот сложный вопрос. И уж потом – решать. Тогда бы, возможно, не стали бы многие жалеть о колхозе, а поняли бы, что в их местах наступили новые времена и новые перемены просто-напросто необходимы.

– Нет шумного председателя, есть строгий директор. Он меня не трогает, а пенсию дает. И точка! И все же хомхозом жить хорошо! И точка!..

Сергей старался понять Ильля-Аки. Но он был неуловим, будто какой-то дух. Говорил одно – делал другое. А может быть, дело не в старике, а в нем самом, в Сергее. В последнее время он стал чувствовать, что иногда некоторые вещи для него становятся снова не совсем ясными. То, что раньше казалось ему простым, легко объяснимым, теперь, в тридцать семь, вдруг стало чудиться ему необыкновенно сложным. В привычных и давно знакомых вещах он нередко открывал теперь что-то новое, более глубинное. Заметил, что между явлениями есть сложная взаимосвязь. Какие-то тайные нити связывают порой совсем разные вещи. Понял, что есть во всем закономерность. Но почему одна и та же вещь в разное время кажется иной? От незнания и невежества? Ясно одно: нужно познавать вещи, чтобы получить достоверную истину. Для этого их нужно изучать, исследовать. Но возможно ли до конца познать вещь? А человека? Может быть, чаще всего мы имеем о нём лишь свое мнение и убеждение или образное представление, заблуждаясь относительно истины, самоуверенно полагая, что мы ее знаем?

В избушке было темно и сыро. В небольшом отверстии, заменявшем окно, торчала грязная тряпка. У стены стояла рама с прокопченными стеклами. Кто-то снял ее. Черная пасть чувала – этого древнего очага манси, полукостра полупечи, зияла в углу избушки, рядом с низкой дверью, в которую даже Сергей, несмотря на свой средний сибирский рост, входил нагибаясь. Он любил смотреть на игру огня в чувале. Настругав стружек из сушняка, который он набрал поблизости от избушки, разложив поленья крест-накрест, он не торопясь подносил золотой язычок пламени спички то к одной, то к другой стружке, будто совершая какое-то таинство. Мгновение – и по дереву бежит красная лисица. Так говорит мансийская загадка о чувале, в котором пляшет пламя. Золотые тучи огня оживили лесную избушку, осветили ее темные углы. В одном из ее углов валялся перевернутый низенький столик, в другом – скамеечка, тоже низенькая, маленькая, будто детская. Это Ильля-Аки когда-то сделал. «Как это не сожгли их геологи, разные бродячие туристы, – думал Сергей, глядя на сорванные с нар доски. – Надо будет починить нары. А то спать на полу… И зачем им понадобились доски? Разводить огонь – так кругом лес... Непонятно, зачем они так...»

Сергей думал о законах тайги. Они во многом справедливы, и как важно их сохранить. Находятся же люди, которые нарушают их! Вот пришел бы в эту избушку, в пургу, ночью, усталый или больной, что бы тогда стал делать? Спичек нет, соли нет? Зачем же срывать доски с нар убирать рамы?..

Этот домик построил Ильля-Аки после войны. Но и он уже успел покоситься. На мшистой земле дерево гниет. Если бы на фундаменте!.. Так в старину строили свои лесные избушки. В детстве Сережа не раз бывал в старинной дедушкиной избушке, которая стояла рядом. На крыше у нее росла мягкая, пушистая трава. В любой дождь и непогоду в домике было тепло и сухо. От той избушки остался лишь нижний венец.

Доски с нар сорваны. Пол затоптан грязью. Кругом валяется мох, трава пожухлая. Глядел на это Сергей, и казалось, будто поломали его светлый сон детства. В деревне у них вначале была почти такая же избушка, пока колхоз не построил другу, более просторную и светлую. В одном углу стоял такой же чувал, а не кирпичная печь, как сейчас. В другом углу находилась клетка для телёнка. Рядом с этой клеткой ночевала всегда и собака. Сквозь крохотное оконце с продымленным стеклом просачивался веселый свет, игравший целый день на улице. Не совсем светлым помнится этот домик, но во сне он являлся Сергею почему-то приятным. Не раз ему хотелось вернуться в него, прикоснуться, подышать тем воздухом... Но стал бы жить Сергей в такой избе? Конечно же, нет! Квартира, современные условия жизни... Они, видно, играют немаловажную роль и в отношениях людей, в семье. Не раз замечал в разговоре с Верой… Вот и в последний раз.

«Хватит, потаскалась я по Северу!.. Проклятая, что ли?! Я тоже жить хочу... » – горькие слова жены нет-нет да и всплывали в памяти. И глаза ее, наполненные слезами, будто стояли перед ним.

Никогда Сергей не видел жену такой. Не из плаксивых она. Сколько раз сам поражался ее стойкости.

И теперь вот в этой таежной тишине хотелось разобраться: чем вызваны эти слезы?

Вот уже, сколько лет они в поселке Зеленая роща. Посёлок действительно зеленый. От простора сосновых рощиц, приютившихся среди ровных рядов аккуратных двухэтажных домов на берегу подковообразного озера. А в кафе вместо стульев сосновые и березовые пни. Сосны растут и в причудливой росписи домов. С выдумкой строили этот поселок его молодые строители, комсомольцы.

Они отстаивали эти сосны. «Не дадим вырубить лес! Не дадим оголить поселок!» – заявили они тем, кто говорил, что деревья будут мешать при строительстве, что легче посадить новые. Если бы тогда уступили?! Стоять бы теперь поселку на берегу озера, как сиротинке. Резвились бы по нему промозглые ветры Ледовитого океана, как в других новостройках Севера.

Теперь этот поселок как оазис в однообразии северного пейзажа, с ржавыми болотами с проблесками чистой воды, негустой тайгой.

Ровные ряды домов. Бетонированные улицы. Сосны... Этот городской посёлок без окраин больше похож на дом отдыха.

А когда-то здесь был островок тайги. На месте глухариного тока теперь асфальтированная площадь. Еле заметная таёжная тропинка превратилась в улицу Надежд. На месте медвежьей берлоги теперь Дом культуры. В его светлых и просторных залах отдыхают после работы люди... А медведь поплелся дальше в урман...

Нелегко было строить этот поселок. На глухариный ток, вокруг которого начиналось строительство, первые строители ходили через болото и протоптали «тропинку мужества». Нередко ночью, когда землю окутывала темень, чуть свернет человек в сторону – и увязнет в трясине.

– В дерево одели нашу «тропинку мужества», – как-то сказала жена, проходя по деревянному тротуару, – не додумались бы одеть ещё в бетон! Память изломают. А то кое-кому покажется, здесь все время было гладко. Пусть хоть «тропинка мужества» останется... В память о нашей молодости.

Тропинка... Немало потопала по ней и Вера. Жили они здесь ведь почти что с самого начала. В третьем жилом доме, который сдавали строители, получили квартиру и Лугуи. Хотя посёлок был новый, необжитый, столько радости было, когда получили квартиру! Казалось, теперь уж конец вечным скитаниям. Наконец-то можно пожить и оседлой, нормальной жизнью. Три комнаты, кухня, ванная. Газ, горячая вода, канализация. Квартира со всеми удобствами. В окна глядятся зелёные иглы сосен. Сквозь кудрявые ветви серебрится гладь озера.

А весной утки летают перед самыми окнами. Звонкая лебединая песня нет-нет да и прозвенит над озером. И рыбы весёлыми всплесками ломают зеркало воды. Квакают лягушки. А белая ночь с запахом цветущей черемухи!.. А большие летние дни, когда на кедрах созревают шишки, а земля голубеет от налитых ягод голубики... А ближе к осени земля наливается живой и сочной кровью брусники. И грибов не счесть! Если бы не комары да мошкара – быть бы этому уголку земли райским. Во всяком случае, Сергею казался он таковым. И жена, видно, уже привыкла к этому лесному уголку. В отпуске, вдали отсюда Сергей не раз замечал, что она нет-нет да и скажет с восхищением: «А в нашей тайге!.. А в нашем озере!.. А в нашем посёлке!.. А в нашем доме!..»

А в поселке Зелёная роща действительно неплохо. Порядок здесь такой, что милиции и дружинникам делать по вечерам нечего. Днём все работают, а по вечерам спешат в Дом культуры. А в Доме культуры и библиотека, и спортзал, и новые кинофильмы, и веселые вечера отдыха, и различные секции... Некогда здесь скучать.

В посёлке не только современный благоустроенный Дом культуры. Здесь хорошо оборудованная торговая база, больница, школа, почта, телеграф, быткомбинат, детские сады, ясли...

А вначале ведь жили в вагончиках в вагон-городке. Теперь никого там не осталось. И вагоны увезли куда-то на север. Может быть, на ту самую новую стройку. И если принять предложение начальника, то семье Сергея, конечно же, жить снова в таком же балке. Вагончик, в котором когда-то жили Лугуи, ничем снаружи не отличался от других крошечных домиков, вытянувшихся на небольшой поляне среди соснового бора. Бывало, Сергей до того устанет после работы, что ноги кажутся каменными. Но только стоит переступить порожек этого тесного, но уютного очага, где хлопочет его Вера, как усталость его мгновенно снималась. То ли от её ласковых глаз, от её хлопот и беспокойства, то ли от уюта, который она умела создавать в любом малом уголке, где приходилось им жить. На окне сиреневая занавеска, на малюсеньком подоконнике каким-то чудом приютился вьюнок, его воздушная зелень продолжалась в золотисто-зелёных обоях, которыми были оклеены стены вагончика. На полу синтетический коврик, на стенке над кроватью настоящий бархатистый ковёр…

– Вот бы сюда подвести бы воду, паровое отопление от котельной, оборудовать душевую, – говорила они иногда, вздыхая, ковыряясь кочергой в железной печурке, устроенной в углу. – Есть же котельная. И трубы, наверно, найдутся. Взяться только…

Живя в вагончике, глядя на неровную улицу вагон-городка, Вера частенько вспоминала свой город с его прямыми проспектами, дворцами, парками. И потому отпуск обычно проводили в Ленинграде. Лишь несколько раз за столько лет погрелись у Чёрного моря. А ведь была возможность бывать на юге почти каждый год…

Иногда Вера робко намекала о переезде в Ленинград. Но, получив новую квариру в Зелёной роще, Вера сорвсем успокоилась. И казалось, нет лучше места на земле. И вдруг новое предложение ехать дальше на север.

Её слёзы для Сергея были понятными.

Видно, приходит время, когда немаловажную роль в жизни человека начинает играть квартира, условия жизни. Сергей удивился этому. Ведь раньше в дни юности, в первые дни тюменской одиссеи, он об этом не думал. Или это с возрастом, или вообще жизнь изменилась так?! Нет, Сергею не хотелось быть рабом квартиры. И всё же нутром чувствовал, что и ему не очень хотелось срываться с места. Нет, и для Сергея теперь условия жизни не последнее дело. Надо подумать хорошенько. Взвесить всё, а потом уж принимать решение: ехать на север или нет.

18

Огонь в чувале разгорался. Трещали смолистые поленья, летели искры. Заплясало пламя – и от чувала потянуло теплом. Избушка наполнилась живым, трепещущим светом. Даже сумрачные угли ожили. В них тоже будто что-то плясало.

Не зря преклонялись древние огню. Конечно, Сергей никаким духам уже не верил. Но здесь, в этой избушке, все дышало древностью, у него было какое-то особое чувство. Вытащив из вещмешка бутылку водки, он налил полстакана и поставил перед огнем. Так всегда поступал Ильля-Аки, когда они вместе ездили сюда на охоту. Он не собирался сегодня делать этого. Но когда увидел, как затрещал огонь, как все заиграло, заискрилось, его вдруг как-то невольно потянуло угостить волшебницу Сорни-най. Иначе поступить, наверно, он не мог. Тогда бы чувствовал себя нарушителем установившегося в этой избушке обычая. Совершив же привычный акт угощения огня, он как бы заново вошел в избушку, став полноправным хозяином. А когда выпил содержимое стакана, исчезла некоторая скованность и стали таять те невольные опасения, которые появились у него с недавних пор. Теперь же, глядя на огонь, он почувствовал себя хорошо.

Сорни-най... Золотая богиня... Она плясала, взмахивая золотыми руками. Полные колени ее сверкали. Тонкая талия извивалась, гнулась. Волосы ее все в лучистых звездах летели ввысь. И вся она, сияющая, щедрая, мчалась куда-то, даря тепло и свет. Тепло и свет Сергей чувствовал на себе. Он даже потрогал себя и к огню протянул руки.

С некоторых пор Сергей стал замечать, что в нем, казалось бы современном человеке, дают себя знать какие-то проявления, которые трудно объяснить. Перед ними разум кажется бессильным.

Суеверие ... Какое отношение может иметь оно к Сергею? Ведь когда-то он так мечтал быть борцом против «невежества», пережитков прошлого! Но суеверие ли, если ему снятся сны, а потом все это сбывается? Подобное случалось с ним не раз.

Как объяснить, например, случай, который произошел с ним еще в детстве? В белую ночь, когда только-только легли спать, случилось это. Сережа ещё даже не уснул, а чуть забылся в полудреме, как кто-то незнакомый сказал: «Сейчас умер дядя Алексей. В Березове, в больнице».

Сережа соскочил с постели, как облитый ледяной водой.

– Что с тобой?! – вскрикнула мама, которая спала здесь же, рядом.

– Дядя Алексей умер. Сейчас. Мне сказали.

– Что ты, что ты? Наговариваешь на человека.

– Мне сказали!

– Кто сказал? Когда?

– Сейчас!

– Так ты только лег. Уснуть не успел. Ты просто... О! Злой дух! Зачем накликать смерть?!

А на другой день приехали люди из Березова. Они сказали, что вчера вечером умер Алексей, который раненным вернулся с фронта.

Мама заплакала.

– О, несчастье! Вещий дух! – запричитала мама, обливаясь слезами. – Зачем ты выбрал наш дом? Мы и так несчастны! О несчастный мой сын! Всю жизнь тебе мучиться! О плохом ты будешь знать раньше других! И о хорошем узнаешь, не изведав. Лучше уж будь простым человеком, кому не является дух прозрения! О, зачем нам это страшное проззрение! О, несчастье! Какое страшное несчастье!

Когда мама рассказала об этом Ильля-Аки, тот воскликнул:

– Не плакать надо, а радоваться! Провидец он у тебя! Шаманом будет!

– Разве шаманом хорошо быть?! Вон их как ругают! И на колхозном собрании, и в школе, и всюду. В бумагах-книгах говорят о них плохо. Пусть лучше мой сын пойдет в школу и сам научится разбираться в

бумагах-книгах. Пусть лучше он будет с теми, кто ругает, а не с теми, кого ругают. Какая радость моему сыну, пусть он будет простым охотником. Какая радость может сравниться со счастьем удачливого промысловика!

Это было в то необыкновенное лето, когда кончилась война. А осенью Сережа пошел в первый класс. Но вот прожито тридцать семь лет. Прочитаны сотни книг, объезжено если не полземли, то и немало. Казалось бы, сейчас уж!.. И вдруг вещие сны, какие-то сомнения...

Нет, хочется разобраться, дойти до сути!

Телепатия, ясновидение... Может, в мире на самом деле действует какой-то универсальный принцип, разгадав природу которого можно объяснить многое, кажущееся ещё загадкой?

Дух и материя... Материю можно ощутить, измерить. Наши переживания, настроения, чувства, именуемые душой, происходят в нас же. Может быть, наши души, наш разум подобно радиоволнам или свету находятся и здесь, и там, и всюду. Может, наши мысли и переживания уходят в пространство, а кто-то близкий, родственный, настроенный на ту же волну души, ловит их и переживает, думает вместе с нами?

Или человек действительно так дремуч, невежествен и суеверен, что, называя себя материалистом, в душе вечно будет верить во что-то сверхъестественное и потустороннее, прикрываясь неоткрытостью законов природы и мира?

– Чего это я колбасу жую! – глядя на веселую игру огня, воскликнул Сергей, будто пробудившись от сна.– Для того ли приехали на охоту? Ведь у нас где-то рябчики... Бульончик!.. Сравнимо ли?! Правда, Музгарка?! Ну скажи!

Музгарка лежала у порога, подложив под голову лапы, ожидающе поглядывая на хозяина.

– Сейчас, милая. Расщиплю. Тебе потроха. А мне... Да и тебе бульончику. И косточки. Соскучилась, наверно, по свежей крови…

Вдруг Сергей уловил, что говорит не своим голосом. Так Ильля-Аки разговаривал обычно с собакой. Здесь же, перед этой пляшущей Сорни-най, ему стало как-то не по себе. Совестно перед самим же собою.

– Ну совсем как Ильля-Аки! – воскликнул он, обращаясь то ли к собаке, то ли к огню, то ли к самому себе. – Не хватало еще принести жертвы духам!..

Он плеснул на дно стакана водки. Выпил. Просто так. Ни о чем не думая. Не посвящая ни огню, ни хранителю избушки, ни хозяину этого лесного уголка леса. Так, как обычно. Когда ездили на охоту целым коллективом, с новыми людьми. Там была богом даже не добыча. Нет! Водка там была богом. Ей молились. Ей убивали. Ей приносили в жертву себя. Веселая охота…

И сегодня, уходя на охоту, он не забыл, помимо всего прочего, взять и водки. И теперь выпил он не потому, что замерз или устал, а просто так, по-современному. Какая охота, если не выпить! Это стало неписаным законом, традицией, обычаем. С некоторых пор эти коллективные вылазки ему стали не совсем приятными. Не отдохнешь на такой охоте, а больше устанешь. И голова болит. Ему хотелось побыть одному. Вот так, как сейчас. Глядеть на огонь, послушать себя, подумать...

Значит, телепатия ... Даже если телепатия на самом деле есть, то с Венькой разве свяжешься? Сработает ли? А может, уже давно стали мыслить и чувствовать на разных волнах? Может быть, никогда не были близкими по душе, а просто случайно по молодости и работе были связаны? И это называли дружбой?

К тому же Венька очень занят. Даже сейчас, вечером, он наверняка на телефоне. Звонит. Если звонит подчиненным – в голосе сталь. Не терпит Венька расхлябанности, уважает силу, любит послушание подчиненных.

– Ты слушай меня! – кричит он обычно в трубку. – Да не тараторь! Слушай меня – и все будет в порядке!..

Если он звонит начальству – голос у него другой. То в голосе у него по- прежнему звенят властные, стальные нотки, то тают, будто охваченные каким-то жаром. Иногда совсем непохожим на себя становится. Горько думать, что происходит это не с чужим человеком, а с недавним другом, с которым немало дорог пройдено. Телепатия… Но поможет ли она душевному общению друзей на расстоянии?

Странное создание человек. Далеко люди друг от друга – а думы не покидают, хочется общения...

В избушке стало совсем тепло. Даже уютно. Но уют этот был какой-то непривычный, необыкновенный. И этот древний допотопный чувал с открытым и ярким огнем, и таинственный полумрак пустых углов лесной избушки, и доверчивые глаза лайки, и выпитая водка – навеяли какое-то особое, необыкновенное состояние. Он полулежал на расстеленном овчинном полушубке у этого древнего огня, а в мыслях

жил в той, вчерашней жизни. Нет, она не отпускала его. Наоборот, здесь, в таежной глуши, как-то острее и ярче заплясали вчерашние волнения, заботы. Конечно, не производство с его мощными машинами и не механизмы и аппараты, как бы они ни были тонки и умны. Не они его волновали... С людьми как-то сложнее...

Ну что такое, например, дружба?

С некоторых пор для Сергея стал непонятным его лучший друг Венька. Вроде такой же, как прежде, и что-то было все же не так. Как-то каждый из них стал сам по себе. Пути их, что ли, разошлись? Или каждодневная суета беспричинно разъединяла, или просто возраст сказывается?

Неизвестно, как относился к этому Венька, но Сергею недоставало прежней близости и тепла. Теперь, когда Венька стал заведующим промыслом.

Сергей все чаще называет его Вениамином Васильевичем. Конечно, он теперь – заведующий промыслом, добывает газ. Занимается, как признается, делом настоящим, реальным. А что не настоящее? Что он имеет в виду? Свою прежнюю профессию геолога, сейсмика? Так ведь в результате деятельности, гигантского труда разведчиков открыты были месторождения нефти и газа, которые теперь разрабатываются добытчиками. И в тех местах, где проходила его, Сергея, сейсмопартия, где он сам «прослушивал» землю, нередко потом открывали месторождения. Пусть они были небольшими, не так уж и много их, но все же. И он ведь первооткрыватель, первопроходчик, разведчик, герой, можно сказать! Не присвоили звания, не навешали орденов на грудь? Но разве возможно всем? И так кругом одни лауреаты... И Вениамина Васильевича не обошли. И его наградили орденом «Знак Почета». Разве мало? Впрочем, он не жаловался. Лишь иногда скептически посмеивался над руководителями геологоуправления. Начальство, мол. Рука руку моет, друг друга тянет...

Еще в шестьдесят четвертом году перешел Венька к промысловикам. Сразу же, как была начата промысловая разработка месторождений. Для промысловиков он был больше чем находка. Его опыт первопроходца, знатока этих мест и условий, был как нельзя кстати для новых людей. В первое время без него здесь мало что предпринималось. С ним советовались, его слушали, ему доверяли. И в быстром становлении газопромыслов немалая его заслуга. Сначала он был первой рукой начальника газопромыслового управления, его заместителем. Потом возглавлял профсоюз. Наконец стал заведующим промыслом. Под его началом были компрессорные станции, люди, участок газопровода, который здесь наполнялся голубым топливом. Немалое хозяйство…

Выполнил он, в общем, и завещание своих предков. Стал геологом, принимал участие в открытиях нефти и газа, о которых мечтали и отец и дед. Нашел он и то таежное озеро, в котором когда-то рыбаки выловили сетями вместе с рыбой траву, пропитанную нефтью, и деревянную буровую вышку, построенную отцом до войны. Она, обветшалая и наполовину сгнившая, стояла в тайге как памятник первым землепроходцам. Рядом с ней, в разрушенной землянке, сложен керн, поднятый из скважины при бурении.

Увидев это, Вениамин Васильевич дал себе слово, во что бы то ни стало добиться, чтобы на этом самом месте действительно поставить памятник первым землепроходцам. Пока это осталось неосуществленным. Но Вениамин Васильевич об этом не забывал.

И семья вроде у него сложилась. Сын у него растет. Шустрый такой. Учится в четвертом классе чуть ли не лучше всех. Заядлый рыбак. Летом целыми днями пропадает на реке. Ловит рыбу. И лодкой умеет править.

– Рыбак! В деда пошел! – любит приговаривать Вениамин Васильевич.

А дед его манси. Был когда-то бригадиром рыболовецкого колхоза. Мало кто мог с ним состязаться на промысле. Жена окончила Педагогический институт в Ленинграде. Теперь преподает русский язык и литературу в средней школе. А на родном мансийском языке говорит редко: только когда приезжают из соседних деревень старые манси. Только любит слушать песни на мансийском языке с магнитофона. Сама же ездит по деревням, записывает. Зачем, непонятно. Наверно, просто так, для души.

Любил Сергей бывать в этом доме. Здесь всегда весело. Жена Вениамина Васильевича – выдумщица, необыкновенно веселый человек. Она любой вечер может превратить в праздничный. Накроет стол – и жди начала представления. Включается магнитофон. Строгий женский голос, высоким штилем приглашая гостей за стол, говорит примерно следующее: «Дорогие гости! Просим к столу, где таёжные духи уже наслаждаются запахами диких лесных и речных лакомств. Строганина из нельмы, малосольный муксун, уха из осетра... Сегодня день последней мансийской рыбы... Великодушная стерлядь подплыла к столу, чтобы вы, цивилизованные дети культурных родителей, прикоснулись к ней, трепещущей, и оценили сладость ее живительной крови. Не хмурьтесь! Не будьте лицемерами! Ведь не одной зеленью

питаетесь? Говорите – дикость? Ну и что? И ваши предки были такими же! Прикоснитесь к лакомству ваших предков. А все они – уже за столом. Они приглашены мною. Уважающие своих потомков предки – всегда к столам детей прилетают. Вместе со всеми они наслаждаются естественными запахами первозданной жизни... Сегодня – день последней живой рыбы. Первый тост...»

То она устраивала импровизированный «медвежий праздник» с головой медведя на телевизоре, то закатывала широкий «русский стол» С самоваром, с пирогами, с широко известными и полузабытыми русскими блюдами, а в красные дни советских праздников накрывала «большой стол» с речами и тостами, как на званых банкетах.

Возможно, не всем нравились эти стилизованные представления, эта игра, но Сергею было приятно на этих застольях. Он наблюдал, как преображался Венька, его друг. Он был игровой. И неизвестно, кто из них был инициатором подобной игры. И в том ли дело. Хорошо было Сергею в этом доме. Но в последнее время собираться вместе стали реже. И холодок появился в отношениях между друзьями. Чем он вызван? Никак не мог понять это Сергей. Ему было больно. Ему просто не хватало друга, с кем он привык делиться, советоваться, спорить.

Минувшим летом Сергей был командирован на новый участок промысла, который нужно было подготовить к эксплуатации. Протянута была уже и нитка газопровода, построена и компрессорная станция с оборудованием по самому последнему слову техники, возведены здания культурно-бытового назначения.

Но по мелочам где-то чего-то не хватало. Нужен был опытный глаз и рука мастера. Вот и командировали Сергея Лугуя. Он был специалистом широкого профиля. Годы работы в экспедициях не прошли даром. Освоил он не только сейсмическую аппаратуру, но и в дизелях разбирался, как в любом лодочном моторе. А когда началась промышленная добыча газа, не стоило ему большого труда переквалифицироваться из дизелиста в оператора компрессорной станции. Освоил и другие специальности. В отличие от буровиков-кочевников, добытчики газа были людьми оседлыми. А Сергею надоела кочевая жизнь. Семья, дети требовали внимания. Вот и перешел к газовикам. И не жалеет...

Участок промысла находился на небольшом островке, поднятом выше, намытым песком. Кругом вода. Большая вода большой реки. На десятки километров ни кусочка земли. Узенькие гривы березняка и тальника, разделяющие заливные луга, протоки в воде. Они будто тоже куда-то плывут. Стоит среди плещущихся струй один островок, на котором приютились и газосборная станция, и общежитие, и столовая, и электроцех… Здесь постоянно мало кто живет. На работу – прилетают. На вертолете. Отстоял вахту – домой, на центральную базу, где благоустроенная квартира, семья, управление...

Летом можно приезжать сюда на катере, на речном трамвае, на моторной лодке. Только это не быстрая езда. Ведь сотник километров отделяют промысел от поселка...

Может, расстояние, которое разделяет места их работы, стало играть какую-то свою отрицательную роль? А не сказывалось ли что-то более глубинное, связанное с мироощущением предков, пытливая, чуткая душа которых жаждала общения со всей окружающей природой, олицетворяемой ими в духах, в лесных божествах?

– Венька, Венька! Настройся на мою телепат-волну. Ведь когда-то мы понимали друг друга с первого слова. Что же произошло между нами? Мы должны объясниться! Потом уж!..

– Что потом уж?! Объясняться – так уж сейчас же, сию минуту. У меня как раз свободное время. Откуда ты? Говори погроме!

– Я из юности, Венька. Ты слышишь меня? Ты помнишь?

– Из какой это «юности»? Из журнала, что ли? Был тут один корреспондент.

– Зачем нашу юность путаешь с журналом? Я из нашей с тобой юности звоню тебе. Понял, из нашей таёжной юности.

– Ну и чудак же ты. Нашел время для воспоминаний. Стройка. План. Комиссии. Столько дел, что некогда вздохнуть, оглядеться. А ты в воспоминания ударился. Неужто стариком себя уже почувствовал?

– Нам с тобой по тридцать семь.

– Это я знаю.

– Правда, мы не стары?

– Ну-у!

– Да, нам по тридцать семь. Пора зрелости. С этим-то ты согласен?

– Конечно. Но что тебя смущает? Наша жизнь? Так ведь она у нас с тобой настоящая. Не у каждого она бывает такой интересной.

– Всё правильно. Но ведь надо же когда-то осмыслить.

– Ничего, придет время, и мы посидим с тобой.

– Будет ли оно? Ты и сейчас торопишь меня.

– Да, дела, дела... Хорошо, что сегодня никто из высокого начальства не приехал. Нет никаких комиссий из области. Могу переговорить с тобою. Живем рядом, а для встречи и сердечной беседы действительно нет времени. Здесь я согласен с тобою... Прием... Прием... Тебя слушает старый друг...

– Старый друг... Наконец-то связь, кажется, установилась. Слышимость неплохая.

– Говори, раз неплохая. Я слушаю. Наверно, что-нибудь стряслось?

– Не совсем так. Не стряслось, а даже успокоилось, и я взглянул на нашу дружбу и вдруг увидел, что мы в последнее время перестали понимать друг друга.

– Объясни, почему?

– Начну по порядку. Только, пожалуйста, не перебивай. Помнишь, когда меня в первый раз выдвинули депутатом областного Совета, ты был моим доверенным лицом. Ты хорошо говорил на собраниях избирателей, расхваливал меня на все лады. Я краснел. Не знал куда себя девать.

– Разве я говорил неправду? Разве ты не заслуживал похвалы? Слово – полководец человеческой силы! Тебе-то это лучше знать. Ладно, шучу. Я слушаю тебя.

– Да, все было правильно. Ты говорил честно и прямо... Но в какой-то момент я уловил, что ты завидуешь мне. И я оказался прав. Помнишь, через несколько дней после последнего собрания ты мне признался, что сначала была твоя кандидатура. И тогда ты впервые посмотрел на меня как-то отчужденно. И мне стало больно. Почему, не знаю, – но ты перевел сразу наш разговор на другую тему... Ты меня слышишь?

– Слышу. Продолжай.

– Я мог бы понять это так: ты завидуешь по-доброму. Но помнишь, как было дальше? Когда я стал депутатом, я искренне надеялся защищать интересы охотников и рыбаков. Я настоял на повышенной оплате оленеводам, а ты вдруг надулся... «Переманивать кадры, нужные на промыслах». Я выступил на сессии в защиту тайги, ее зверья и птиц. Ты обвинил меня в узколобом «местничестве». Но дело даже не в этом. А дело все в том, что с этого момента, как мне кажется, ты переменился.

– Возможно. Я не скрываю этого. Я и сам замечал, что в последнее время я стал каким-то другим. Может, дела, а может, то, что нет времени встретиться и очиститься от разных мелочей, которые сами по себе страшны, если на них не обращать внимания. Да, я стал резок с людьми, излишне самолюбив. Мне стало казаться, что все хотят мне только плохого, даже ты. И ошибки, и промахи – они тоже оттуда. Порой мы сами не замечаем, как появляется в наших добрых отношениях холодок. И все же, Сережа, в главном, большом, мы всегда были вместе. И жизнь у нас с тобой не маленькая, а большая.

Помнишь?.. Когда мы вместе начинали нашу нефтяную одиссею? Мы были совсем другими. Ведь так было трудно. Мы были настоящими героями! Не правда ли?! Открыть в ледяном пустынном краю такую махину нефти и газа, да ещё в условиях, когда мало кто верил в нашу удачу! Разве это не подвиг? Ты помнишь Серёжа? Ты слышишь меня? Настройся на мою волну. Как не странно, вот и мне захотелось броситься в воспоминания...

Всего трудней, пожалуй, бывало зимой. Она всегда нам показывала свои зубы, расставляя ловушки на каждом шагу. И все же распечатали недра Тюменского Севера, открыли его сокровища. А ведь не раз суровый Север испытывал нас на прочность, выдумку.

– Помнишь зиму пятьдесят девятого года, когда нас особенно преследовали неудачи?

В памяти Сергея метелью метутся памятные дни той длинной, как ночь, зимы, которая на каждом шагу расставляла ловушки. Ехали на новую площадь с базы геофизической партии. Трактор-болотник вел опытный тракторист. Гусеницы уверенно мяли сверкающую белизну снега. Казалось, все покрыто белой шубой, все замуровано, заковано морозом. Не дышали ни ржавые болота с их бездонной трясиной, ни узкие таежные речки с тёплыми ключами. Без особых приключений миновали цепочку мелких озёр, покрытых пушистым снегом. Осталось пройти каких-то полсотни километров, как вдруг под гусеницами что-то затрещало, зашипело. Шофер рванул дверцу, выпрыгнул.

– Чего ты, тетеря, рассиживаешь? – крикнул он, видя, что Сергей не реагирует. – Прыгай!..

Ледяной холод обжег ноги. Кренясь набок, уходил в трясину трактор. Болото раскрыло свою пасть... Через какое-то мгновение уже зияла дыра... Когда подошел шедший сзади трактор, на успокаивающейся поверхности воды появлялись лишь одни пузыри...

– Надо вытаскивать машину, пока совсем не засосало! – сказал Венька, сбрасывая с себя одежду. – Сейчас нырнем, подцепим...

Это было невероятно. Тридцатиградусный мороз, никакого укрытия с ледяной воды – на мороз. Разумно ли это?!

– Хватит рассуждать! – резко перебил он товарищей. – Давайте сюда веревку, трос!.. Разводите костёр!.. – Привязав к тросу тонкую веревку, скинув одежду, он нырнул в ледяную воду. Ожидание... На воде пузыри, круги времени. Время кружится, тянется томительно. Секунды, как круги на воде, тянутся, расплываются...

Вдруг вода всколыхнулась, зашипела, зашумела, заскользила по красному, будто обожженному телу Веньки. Время побежало, задышало. Венька круглым ртом жадно хватает воздух. На него набрасывают огромный овчинный тулуп. Подносят кружку спирта... Отдышался. Окинул товарищей каким-то особым взглядом, долгим, как жизнь. И, не проронив ни слова, снова прыгнул в воду. На воде опять пузыри, круги времени. Пузыри лопаются, и время теперь уж не так томительно тянется. Товарищи почувствовали, поверили: Венька выплывет, сделает... И правда: мгновение, и Венька вынырнул. В светлой шевелюре появились кристаллики льда, он так же жадно хватал воздух. Время снова задышало, побежало, играя в синих глазах радужными бликами жизни короткого зимнего дня... Теплый тулуп, глоток спирта, обтирание огненной водой, яркий, большой костер на берегу замерзшего лесного озера ... Протягивая руки к пышущему жаром огню, сияя глазами, Венька говорит:

– Увидел сразу, а дыхания в первый раз не хватило. А то бы зацепил. Что такое со мной?.. Всегда дыхания не хватает. Все равно выволокем! Не на таких нарвались!

И правда, выволокли все же трактор, высвободили его из водяного плена. Немало пришлось, конечно, потрудиться, покорпеть. Но все остальное как-то меркло по сравнению с Венькиным порывом, самоотверженностью.

В другой раз ехали на «газике» по зимнику, временной зимней дороге. Где-то на середине болота разыгралась вьюга. На крыльях ледяного ветра летел колючий снег. Низенькие карликовые сосенки то ли припали к земле, то ли превратились в снег. Казалось, небо и земля летели на свистящем снегу. И брезентовый тент «газика» трепало, точно вот-вот и его сорвет. И «газик» стоял. Его заносило снегом. Решили переждать ненастье в машине. Все же мотор. От него в другой раз жарко, как в бане. А сейчас свистящий вихрь ледяных струй, проникая сюда, уносил теплое дыхание мотора. Спереди чуть грело, а спину леденило. Возможно, Сергею было теплее, чем Веньке и шоферу. Он пристроился в середине между двумя передними сиденьями, прильнув к баранке «газика», дремал. Шофер время от времени включал мотор. Венька сначала сыпал, как обычно, анекдоты, потом ругал кого-то из начальства, что продуктов вовремя не завезли в бригаду, потом стал проклинать бездорожье, холод, этот ледяной, сумрачный Север. Сергей молчал. Ему не хотелось говорить ничего. То ли усталость сказалась: ведь больше недели мотались в этой машине, то ли оттого, что хотелось есть. Утром, когда выехали из стоянки партии, стояла такая тишь, что, кажется, услышишь шепот звезд, бледневших над просыпающимся взглядом утренней зари. Что стоит машине проскочить каких-то пятьдесят километров! Потому не прихватили ничего съестного. К тому же припасы были уже к концу: ничего, кроме консервов, в партии уже не оставалось. Хорошо, что у шофера в машине оказалось три баночки тушенки да налимья печень в масле. А хлеба – ни крошки. Думали вечером повеселиться не только в жаркой бане, хлестаясь веником, но и посидеть за добрым столом с горячей, живой, неконсервированной пищей. И вот тебе на... Застряли посреди болота. Коварное это болото. Недаром манси зовут его Яныг-янгалма, что означает в переводе «большая ледяная земля». Священным и гиблым местом считали древние это болото. Утром, когда, попетляв вдоль по дремучему лесу, выехали на это болото, Сергей вначале обрадовался открывшемуся вдруг простору. Бело-синее марево плыло до горизонта. Выветренный, точно приглаженный снег. Редкие щетинки худосочных сосенок. То тут, то там играли струйки пара. Это дыхание трясины. Потому, наверно, здесь нет следов не только лосей, но и тетеревов. Зимой дичь любит места посуше. А зимник все же проложили здесь. Велико болото, далеко объезжать. В добрую погоду проскочить его недолго. А тут как на грех разыгралась вьюга.

Черная ночь стояла над головой, когда окончательно заглох мотор, выжрав весь бензин. Черными крыльями махал ветер, стуча по брезентовому тенту, обдавая сидящих в «газике» ледяным дыханием. Пляска вьюги не прекратилась и ко второму утру. Сквозь мутную пелену решили идти, так как не осталось ничего съестного, а добравшись до леса, они надеялись нащупать и найти дорогу, по ней и дойти как-нибудь до ближайшего жилья. Они шли, проваливаясь по пояс в снег. Впереди Венька, за ним кувыркался шофер, а сзади всех Сергей. Колючие снежинки летели в лицо, побелили ресницы и приросли к бровям. Ледяное дыхание ветра как серная кислота. Оно обжигало горло, подбиралось к легким. Стужа начинала сковывать пальцы ног и рук. Сергей падал от усталости. Ему хотелось прилечь и уснуть. Но

Венька, протаптывая дорогу, время от времени оборачивался назад и, переводя дыхание, кричал: «Что вам, на тот свет захотелось?! Двигаться! Только двигаться! А то стужа вмиг превратит в сосульку. Она любит лентяев, слюнтяев, нытиков... Вперед, только вперед!..»

Венька то подбадривал, то ругался. О его настойчивости и выносливости Сергей давно уже знал. Он удивлялся, откуда Венька черпает столько сил. Может быть, сознание того, что он сильнее, что те двое нуждаются в помощи, в его каждом новом шаге? А остановись он, и они остановятся. Тогда все! Стужа покажет не только звериную пасть!..

Он шел, карабкался по снегу, полз, останавливался, поджидая товарищей, поучал и снова шел. К вечеру ветер поутих. И по неверному оленьему следу добрели до леса, на опушке которого нашли охотничью избушку...

– Да, отвоевать у бездорожья, болот, морозов, вьюг, дремучей тайги богатства земли было непросто. Требовалось не только умение преодолевать сложнейшие препятствия, воздвигаемые природой на каждом шагу, но и что-то большее. Взаимовыручка, умение приходить друг к другу на помощь... Разве бы усмирили, к примеру, газовый фонтан, предотвратили страшную аварию, если бы не помощь геофизиков, которые случайно оказались рядом с разбушевавшейся скважиной.

Ты помнишь, как нечеловечески трудно было ее усмирить. Мы и тогда уже были не бедны техникой. Ревела буровая, ревели моторы... Встретились лед и сталь. Лед дрогнул. Раскрошили его. И целую неделю убирали лед, чтоб повалить вышку. Но к скважине не подступиться. Она плюется. Струи воды летят как стрелы, сшибая с ног, в считанные минуты превращая полушубки в ледяные глыбы. Лютует мороз. Как усмирить ее? Добровольцы? Помнишь, среди первых, кто вызвался, были мы с тобой...

Да, это был героизм. Настоящий. Снова и снова бросались в ледяные струи фонтана, самоотверженно, бесстрашно шли вперед, чтобы надеть стальные кольца на колонку. Не одной, конечно, смелостью усмирили стихию. Среди нас были настоящие мастера, с опытом и технической сметкой.

Целых двое суток люди вели эту, казалось бы, нечеловеческую борьбу. И все же победили. Угомонилась богиня, отдала свои сокровища.

Да, это было времечко. Одни ли мы с тобой были такими?

А помнишь ту площадь, которую мы с таким трудом «распечатывали», – оказалась нефтеносной. Буровики нам здорово помогли. Наши труды не пропали даром. Помнишь первый нефтяной фонтан? Помнишь: как ты, таёжник, мыл лицо нефтью. Я ждал этого мгновения, можно сказать, всю жизнь. Но не думал, что и ты так восторженно встретишь нефть. Впрочем, мы же шли к одной цели. – Голос Веньки то приближался, то удалялся. Сергей представлял его молодое лицо в дни открытия шаимской нефти.

– Разве такое можно забыть? – ответил Сергей, вспоминая во всех подробностях тот памятный летний день шестидесятого года, когда на испытании скважины он впервые увидел нефть.

Они стояли у небольшого котлована, вырытого бульдозером. Вековую таежную тишину нарушал лишь писк комаров. Люди замерли. На лицах ожидание. Открыли задвижку. Лихорадочная дрожь пробежала по трубе, подведенной к котловану из скважины. Мгновение – и из выходного штуцера резкими толчками ударила струя, золотыми кольцами расплывающаяся по дну котлована, превращая его в темноватое сверкающее озеро, в котором вдруг ожили и летнее северное небо, и зубчато-зеленый лес, и радостные, возбужденные лица геологов, которые наконец-то нашли нефть. Она плескалась перед глазами, расплываясь золотыми кольцами по котловану. Она была совсем не черной, а какой-то зеленовато-коричневой, с золотистой пеной. Она и на самом деле казалась золотой. Все, кто был у котлована, спотыкаясь и скользя, ловили ладонями теплые, вязкие кольца, мазали лица, смеялись, прыгали как дети, целовались, плясали, пели, поздравляли друг друга. Капли магической жидкости искрились и на золотисто-пшеничных волосах Вениамина, и на его обветренном, одухотворенном лице, и на зеленой геологической спецовке. А во взгляде его синих глаз, устремленном на фыркающий, посвистывающий, плещущий фонтан, была разлита такая необыкновенная мягкость, такая восторженность, что Сергей залюбовался своим другом. Глядя на него, ему хотелось крикнуть: «Вот он какой романтик! Смотрите...»

А струя нефти била из трубы, и в сверкающем золоте её ожили летнее небо и возбужденные лица людей, которые нашли то, о чём мечтали, к чему так долго шли, преодолевая все преграды...

19

Залаяла собака, бросившаяся к двери. Сергей вышел из домика. На небе играло северное сияние. Долго стоял он, глядя на переливающиеся, как волны, зеленоватые лучи, которые то собирались в бахрому роскошного театрального занавеса, то распускались пучками вверх, точно вспышки праздничного

фейерверка. Желтовато-зеленое сияние играло на северной стороне неба, освещая верхушки заснеженных деревьев радужным светом. Деревья, казалось, покачивались в плавном танце, как древние манси, переговаривались шепотом о чем-то своем, сокровенном. Сокровенное ... Что сегодня для Сергея сокровенное? Да теперь сказать просто трудно ему! Все как-то переплелось, он понимал, принимал этот современный мир с космической техникой, и в то же время в нём продолжал каким-то чудом жить мир таинственности, которым манси когда-то наполняли свое бедное, таёжное существование. В последнее время Сергей стал чувствовать в себе мощь нового, неведомого духа. Когда ехал на машине, подпрыгивая на кочках, ухабах, преодолевая гудящей силой мотора и скользящей мудростью шин даже сугробы снега, он чувствовал себя куда уверенней, чем на лыжах. Когда летел на винтокрылом вертолете, он сам себе казался крылатым духом, сильнее и мощнее богов, которым поклонялись древние манси. Для манси этот мир был вечно разделен на добрых и злых духов. Одни духи вредят, другие помогают. Манси верили в загробную жизнь, старались жить мирно, чувствуя себя частицей этого вечного мира, в котором всё родится, умирает и затем снова воскресает в чём-то совсем другом, сохранив вечным лишь дух жизни. Манси привык чувствовать, ощущать, предсказывать свое недальнее и дальнее будущее. Если тяжело и голодно на земле, то в мире духов, богов, зверей, рыб, птиц, трав, деревьев, в которых превращается всякий человек после горестного мгновения смерти, он приобретает что-то более важное, ценное, вечное...

На северной стороне неба светилось желтовато-зеленое сияние. Радужный космический свет играл на верхушках заснеженных деревьев. С полетом Гагарина космос Сергею стал казаться ближе, понятнее, что ли. Точно он сам побывал в нем, преодолев земное притяжение, познав его реальную суть. В космосе действуют тоже реальные законы природы, которые можно познать. Там нет ничего сверхъестественного, таинственного. Здесь же, на земле, казалось, душа жила какой-то особой жизнью. И если углубиться в тайники ее, послушать малейшие движения, то можно узнать, что ждет тебя впереди: горе или радость, разочарование или удача. Душа его здесь словно оживала, слушая мир, ощущая его порывы, предчувствия, предсказания, будущее.

Деревья, освещенные желтовато-зеленым сиянием, словно покачивались в плавном танце, переговариваясь о чем-то наболевшем.

Углубившись в тайники своей души, Сергей думал о своём, сокровенном...

Сергей как-то выступал по радио. Корреспондент попросил рассказать о своей работе, о товарищах. Он хотел, естественно, говорить правду, и только правду. Но потом, когда слушал себя, было ему неловко. Даже собственный голос не узнать. Будто говорил не он, а кто-то другой, чужой и неприятный, И, наверное, здесь дело не только в механическом голосе. Оказывается, со стороны человек слушать только других.

Сергей слушал радио и ловил себя на том, что для себя он так бы не сказал. Но почему для других он выразился так, а не иначе? Может, и в обыденной жизни также не все открываются друг перед другом? Неужели правда есть и в том, что чужая душа – потемки? А твоя душа для других? Неужели и она тайна, которая никогда не открывается для других во всей своей полноте?

«Бог литой, золотой в чаше сидит, и в эту чашу, наливши воды, пьют...» Эти слова из летописи 1582 года, и недавняя статья журналиста, выступившего опять в печати, и увиденное в избушке Ильля-Аки проливали новый свет на тайну «Золотой бабы». А в новой статье под названием «Секрет ‘‘Золотой бабы’’» журналист писал:

«Один мой знакомый спросил однажды у меня: «Что всего дороже для человека?» Мне было тогда двадцать с небольшим, и я ответил: «Любовь». – «Нет». – «Талант». – «Нет» – «Удача». – «Нет». – «А что же?» – «Здоровье».

«Золотая баба» должна была обладать каким-то поистине поразительным свойством. Только это обстоятельство могло заставить Югру столь ревностно хранить ее и прятать от чужого глаза в течение многих столетий. Одно религиозное чувство здесь ничего не объясняет. Может быть, что касается «Золотой бабы», то не лучше ли все-таки предположить, что она верой и правдой служила сынам тайги на протяжении веков, принося им то, чего они страстно желали. Что же она давала им? Здоровье.

Прежде чем подвергнуть наш ответ немедленной расшифровке, обратимся к культу серебра, бытовавшему в краях, послуживших родиной «Золотой бабы».

Ивану Калите, сидевшему в своей дубовой цитадели, не давали покоя мысли о «закамском серебре». Оно в таком изобилии встречалось в районах, примыкавших к Уралу, что шло оттуда в Новгород непрерывным потоком. Презрев крёстное целование, Калита собирался двинуть рать к стенам Великого Новгорода. Ещё закамского серебра! Ещё!

Он даже пытался захватить этот удивительный источник драгоценного металла, чтобы обходиться без посредников. Но рать его оказалась слабее воинов Двинской земли.

И снова летят ультиматумы в Новгород. И владыка Василий, патрон поморов, откупается от Калиты, потрясающего мечом, сокровищами, выменянными и захваченными в Перми и Югре. Литые серебряные чаши, круглые и ладьевидные, с рельефными изображениями сказочных птиц и львов, кубки с изящными выпуклыми узорами, – откуда эти дивные богатства?

На торжище в холопьем городке купцы любовались таёжными сокровищами. Но не северяне создали их. Это были древние сасанидские чаши, блюда и кубки. Как попали они в заповедное северное царство «Золотой бабы» из далёких городов Средней Азии, пышущей зноем?

Деревня Бартым Березовского района Пермской области. Год за годом находят здесь легендарное «закамское серебро». 1947 год – большая ладьевидная чаша, литое серебро. На стенках фантастические птицы, держащие на головах луну и солнце. 1949 год – тяжелый серебряный кубок. 1950 год – огромная чаша, и в ней – двести монет. 1951 год – блюдо со львами.

А по другую сторону Урала, в Ханты-Мансийском национальном округе, археологи не раз были свидетелями подобных находок, где вместе с бронзовыми вещами, как-то: эполетевые застежки с зооморфными изображениями, бляхи, антропоморфные и птицевидные идолы, фигурки зверей, – находили и немало серебряных блюд, кубков, монет...

Изучение этих и других находок показало, что на протяжении столетии на север с юга шёл мощный поток серебряных изделий. Они пользовались у северян неслыханным спросом. Ни войны, ни грозные нашествия воинственных кочевников, ни свирепствовавшие банды грабителей не могли прервать эту серебряную реку, неумолимо идущую к царству «Золотой бабы».

Раскопки, проведённые учёными в местах находок «закамского серебра», подтвердили, что эти серебряные предметы носили культовый характер.

Итак, мы приблизились к разгадке секрета «Золотой бабы». Он заключался не столько в ней самой, сколько в чаше, которую она держала в руках.

Вспомним, что «Золотая баба» таинственно связана с серебром. Автор древней норвежской саги Снорри рассказывает, что в чаше, которую богиня держала в руках, были серебряные монеты, смешанные с землей. (Кстати, обратите внимание на эту деталь – земля в чаше.) И вполне можно предположить, что чаша также была из серебра и была посланницей далекого Хорезма, жаждущего тёмных северных соболей.

А сейчас обратимся к летописи 1582 года. «Бог литой, золотой в чаше сидит, и в ту чашу, наливши воды, пьют ... «Это рассказ о «Золотой бабе». Чуваш-разведчик, посланный Брязгой, атаманом Ермака, также рассказывал о торжественном питии язычниками этой воды и о хвалах «Золотой бабе» за эту воду, якобы дарующую мужество и силу.

Стало быть, дело уже не просто в серебре, а в серебряной воде. В чаше «Золотой бабы» были серебряные монеты с землей. Шли дожди. И на поверхности чаши образовались соли и окислы серебра, которые вызывали антибактериальный эффект. И вода в чаше приобретала целебные свойства. Нелишне заметить, что в Советском Союзе уже разработан и внедрен метод обеззараживания питьевой воды электролитическим способом, с помощью серебра. И что серебряная вода все шире применяется в современной медицине.

Кто знает, может быть, разведчик Брязги верно передал увиденное: и самое богиню сажали в огромную чашу с водой. Но скорее всего из серебряной чаши, где были еще и серебряные монеты, смешанные с землей, пили. Земля ускоряла образование солей и окислов серебра. Конечно же, секрет серебряной воды был знаком многим народам – эллинам, персам, индусам. Известно, что царь Кир во время походов хранил воду в «священных» серебряных сосудах, А волшебные сказки древних славян о «живой воде», вероятно, отразили магическую силу серебра. Не говорит ли все это о том, что мы разгадали первую загадку «Золотой»?...

Что помогло Ильля-Аки: серебряная ли вода, которую он пил несколько дней, или просто «душа его ещё не устала с ним жить», но он через некоторое время поправился.

Неизвестно, насколько близок к истине в своих гипотезах и догадках этот пытливый журналист, но прав он в том, что эти серебряные предметы носили культовый характер. Сергей сам был свидетелем, как в прошлом году археологический отряд Московского университета во время раскопок на поселении Вургасян-Вад нашел клад – девяносто две бронзовые отливки, изображающие загадочных зверей с оскаленными пастями, поджатыми лапами и вытянутыми хвостами. Собака или рысь, волк или бобер? Сразу не

скажешь, кого изобразил древний мастер. Ученые считают, что эти фигурки, пролежавшие в земле более двух тысяч лет, не украшения, а произведения ритуального искусства. Эти фигурки, поражающие нарочитым схематизмом, изображают предка умершего, его тотем. По преданиям манси и ханты, у каждого рода свой тотем – одно из реально существующих животных. Согласно этим представлениям, «душа», «дыхание», «носительница имени» В этом изображении продолжает жизнь, обретает бессмертие.

Тогда же Сергей подумал о том, что эти фигурки своего рода искусство – самобытное, высокое. Может быть, и так? Кто знает, какие еще загадки откроют со временем исследователи. Может быть, случится и такое, что отыщется след «Золотой бабы», которую он так хотел найти.

В последнее время Сергей стал внимательнее относиться к Ильля-Аки, который все чаще и чаще намекал, что он скажет главное слово, когда взойдет на последнюю свою вершину, перед самым уходом в иной мир.

– Взошедший на последнюю вершину говорит главное слово, – проронил он однажды. – Не упусти, внучек, мое главное слово.

Да, Ильля-Аки – последний древний манси. Вместе с ним уйдет многое. И хотя Сергей совсем другой манси, но и у него есть что-то от деда. А разве не так? А раз так, значит, ему знать и беречь сказания предков и в то же время сознавать, что он создает своими руками новое и дарит людям огонь и тепло земли.

20

Над деревьями уже горела утренняя заря. Ее холодный огонь гасил на лице неба бледные звезды, зажигая пушистые ветви снежно-синим пламенем. А снег под деревьями синий-синий, ступишь – и он хрустит. Морозец. Приятно в такое утро шагать по дремлющему урману. А вот когда мороз настоящий, сибирский, – тогда уж лучше завернуться в шкуры и сидеть у огня. Впрочем, не слишком ли много кричат в газетах, книгах о сибирском морозе? Может быть, где-то он и действительно без устали свирепствует – но только не в краю манси. Лишь путешественникам и туристам эти хвойные леса казались унылыми и пустынными, где прекращается всякая жизнь. Да, иногда действительно разыграется мороз – и звонкое небо задымит, затрещат деревья, и все живое запрячется в снег, в норы. Но жизнь-то не прекращается. Она лишь замирает, притаясь под кустом или на ветвях дерева. И опытный глаз охотника ничего не пропустит, все подметит.

Плавными, уверенными шагами шел Сергей по утренней тайге, чувствуя себя наконец-то настоящим охотником. Еще вчера, когда он ранил медведя, а потом шел по его следу, он не чувствовал себя настоящим охотником. Все вышло случайно, он не собирался так рано входить в азарт, и, наверно, поэтому он неожиданно решил не идти дальше по следу медведя. Вот он увидел на синем снегу цепочку беличьего следа. Внимательным взглядом обводит он окружающий лес. Тишина. Белки, кажется, нет. Но вот лежит веточка. На ней нет даже инея. Недавно, видно, ее сбросили. И на стволе кедра царапины. Они тоже свежие. Где-то здесь на этих деревьях притаился зверек. И правда, на пушистой кедровой ветке, с которой посыпалась чуть заметная снежная пыльца, сидела белка. Вдруг она бросилась вниз, стремительно полетела в густые ветви соседнего дерева. Урман ожил, зашелестел, заиграл, наполнился звуками жизни. А белка, цепляясь за нижние сучья, проворно уже взбиралась на новое дерево. Покачавшись, как обезьяна, на ветке, она рванул ась к вершине елочки, которая оказалась рядом.

Увидев зверька, Сергей весь встрепенулся. В нем ожило что-то такое, что руки сами потянулись к ружью. Горящие глаза его, будто заколдованные, следили за каждым движением белки. А ружье будто само стало подниматься, ища широкими глазницами беличьи глаза. Грянул выстрел, отозвалась Музгарка. Мгновение – и она рядом. Зажав зверька зубами, она возбужденными глазами глядела на хозяина. В них была не только обычная собачья преданность, но и жажда крови, одержимость. Сергей приказал собаке бросить белку. Но она, обычно послушная, теперь не сдвинулась с места. Запах крови еще теплого тельца в зубах мешал собаке выполнить кома иду хозяина.

– Сидеть! – приказал Сергей, вспомнив, что сидящую собаку успокоить легче.

Музгарка присела. И потом, словно придя в себя, нехотя положила жертву на снег.

«Немного найдется млекопитающих, которые так резвы, непоседливы и забавны, как белка ... – вспомнил он чьи-то слова. – И зачем я ее убил?!»

Вдруг он уловил, что думает о каких-то несвойственных таежному следопыту вещах. Он удивился своему состоянию. Ему даже стало неловко. Это двойственное ощущение. С одной стороны – зов пред-

ков. С другой стороны… Нет, ему, сыну потомственного охотника, не хотелось думать пока об этом в данную минуту. Охотник должен оставаться охотником. Ведь для этого он оказался здесь, в тайге, вместе с Музгаркой – этой верной собакой. Она смотрела на него. Взгляд ее выразительных глаз ясно говорил о чудесном и приподнятом настроении. Кажется, вот-вот вырвется из полураскрытой пасти звонкий радостный лай. Но не такая она, чтобы попусту лаять. Только глаза ее кричали о полученном наслаждении...

Когда хозяин повесил белку за пояс, как поступали истинные таежники, она, словно убедившись, что с этим уже покончено, стремительно рванулась по еле приметной дорожке в чащу леса. Сергей смотрел на свою собаку, узнавая и не узнавая ее. Теперь, когда она яростно неслась по снежной целине, особенно походила на своего прародителя – волка. Длинная острая морда, вытянувшаяся вперед, прижатые заостренные уши и хвост, летящий над снегом...

В ней было что-то волчье, звериное.

Вдруг Музгарка снова появилась рядом и, глядя в лес, тихо заворчала, предупреждая о чем-то важном. Она чуть подалась вперед, вытянулась в струнку, навострила уши. Сергей, поднимая ружье, стал прислушиваться к той стороне, куда глядела собака.

Неожиданно в таежной тишине раздался густой и протяжный рев. Вслед за ним где-то далеко-далеко затрещали деревья. Это играл не мороз. Нет. Треск деревьев при морозе как мелодичная музыка. А здесь будто ломалось что-то большое и живое под тяжестью неведомой силы. Треск и рёв приближались. Сергею стало тревожно. Вдруг это дикое ревущее стадо, несущееся напролом через тайгу, сметая на своем пути все преграды, ринется на него! Он быстро отбежал за ствол могучего кедра, которого не обхватить и вдвоем.

Из дремучей таежной чащи все ближе и ближе стал доноситься рев и глухие удары о стволы деревьев. Теперь было ясно – лось. Только в его крике не было обычных нот, весенних, зовущих, нежных. В его трубном голосе звучали боль и страх. Будто прощался он с жизнью, несся с ревом по тайге. И правда. Через какое-то мгновение среди белых стволов замелькал темно-бурой окраски зверь. Вытянул вперед сильную шею, вскинул голову, увенчанную ветвистыми рогами, как вертолет – лопастями-крыльями, рослый и широкогрудый лось бежал, шарахаясь из стороны в сторону, спотыкаясь, ударяясь о стволы деревьев, ломая сучья.

На небольшой поляне лось остановился. Замотал головой. Прилег, опустив рога в снег. Повалявшись в снегу, потерев голову передними копытами, он с ревом вскочил и снова рванулся вперед. Кедр, стоявший в десятке шагов от Сергея, будто ожил от громового удара, сбросив с ветвей весь снег. На мгновение заметелилось, закружилось. Но сквозь радужную снежную пыль виднелась покачивающаяся фигура лося.

Он стоял перед деревом, точно размышляя, откуда мог нагрянуть на него этот новый, оглушительный удар. Сергей слышал его тяжелое хриплое дыхание, видел уже, как из носа и рта черной струей бежала кровь. Багровел белый снег. И глаза таежного красавца багровели. Они зияли кровавыми дырами на великолепном лбу. Окровавленные веки болтались. По разорванным щекам текли густые струи слизи. Лось был слеп.

Приподнимая одно ухо, оставшееся целым, он будто ещё вслушивался. Раздувая мягкие ноздри, он к чему-то принюхивался, точно выбирая, куда еще идти. Но идти, видно, он уже не мог. Ноги его дрожали. Он покачивался, изнемогал. Вот-вот рухнет. Умрет, так и не поняв, откуда явилась смерть и этот жестокий мрак.

Его покачивало из стороны в сторону. Но голова его потянулась вверх к ветви кедра, на которой висели лохмотья хвои. Его трепетные ноздри то расширялись, то сжимались, жадно вдыхая в последний раз знакомые и милые запахи. На мгновение, кажется, к нему вернулись силы. Он подтянулся, вскинул голову, забил копытами. Но, сделав несколько шагов вперед, тяжело рухнул на белую землю. Уткнув окровавленную голову в сыпучий снег, он забился в предсмертных судорогах.

Вдруг на белую поляну откуда ни возьмись выскочило продолговатое существо, похожее чуточку на собаку. Оно бухнулось в снег, принюхавшись к лосиному следу, сделало новый скачок.

Незнакомое животное шло по следу. Походка его была странной. Оно не шло, а прыгало и кривлялось. На снегу оставались глубокие ямы. Они зияли рваными ранами.

Подскочив к умирающему лосю, мохнатый черно-бурый зверь впился острыми зубами в горло своей жертвы. На белый снег хлынули струи тёмной крови. Кровь дымилась на продолговатой морде хищника, обросшей щетиной у носа и глаз. Короткими блестящими лапами черно-бурый зверь рвал могучую шею таежного красавца.

Выстрел громовым раскатом пронесся по дремотной утренней тайге. Зверь отскочил от лосиной туши, метнулся в сторону, откуда он появился. Но тут же присел, забившись в снегу. Музгарка рванулась было к теряющему силы хищнику, но Сергей остановил ее. Где-то слыхал он, что укус росомахи смертелен. Подойдя ближе к ощетинившемуся животному, он почувствовал противный звериный запах. Да, это была росомаха. Оскалив острые зубы, она желтыми глазами смотрела то на Сергея, то на лающую собаку. В ее пронизывающем взгляде рычал тот же зверь. И хрустящий снег, и высокие деревья, и вся тайга, кажется, пропахли росомахой. Она, живучая, пускала в ход последнее свое средство защиты – стойкий и густой росомаший запах. Музгарка заливалась в лае, как бешеная. Кажется, она обалдела от этого запаха.

– Росомаха, а Росомаха, кто же ты все-таки такая? – допытывался Медведь, разглядывая приятельницу с головы до лап. – Всё знаешь, всех судишь... Что-то это не по-звериному. Ты, наверно, из другого мира?!

– Да, дорогой, угадал.

– Расскажи, миленькая, про себя. Может, и я прозрею. Не вечно же мне оставаться дремучим. Гладь меня. Сегодня разрешаю. Гладь и рассказывай.

Росомаха долго смотрела желтыми печальными глазами на Медведя, потом, вздохнув, нехотя заговорила:

– Стоит ли мне вспоминать подробности жизни моей трагичной? В жизни нет ничего неизменного: все непостоянно и ненадежно. Всё бежит и движется без остановки. То что сегодня твое, – завтра может исчезнуть, и ты не успеешь назвать его своим. Сегодня ты на вершине – завтра будешь внизу. От случая все зависит в этом вечном и шатком мире.

Была я богиней. На небе. Живым золотым изваянием ходила рядом с солнцем. Глядя на лицо моё сияющее, на грудь высокую, на стан мой тонкий, кичливые боги стыдливо опускали вороватые глаза, волочась за мною по звездным дорожкам.

Была я женой Тапал-ойки – первого помощника верховного бога Торума. Правил миром не Торум – владыка Земли и Неба, всем миром крутил Тапал-ойка, мой муж. Все молитвы к богу сначала к нему поступали. Владычицей чувствовала себя и я. Окружали меня друзья и богатство. Изобилие друзей и поклонников дарило мне призрачно-блаженные сны и крылатую радость. Счастье, игравшее рядом со мной, казалось вечным. Я изумлялась своей Судьбе, не задумываясь, куда может привести это бездумное счастье. Судьба долго-долго льстила мне светлой улыбкой. Но она, коварная, лаская меня, готовила мне иную участь.

Мой муж, правитель Неба, верный пёс верховного бога, служака и раб, жаждал иметь себе подобных. Но я никак не могла родить ему сына. Посчитав меня бесплодной, разгневавшись, в один сумрачный вечер он сбросил меня с неба. И я стала – росомахой. Понимаешь, Медведь, как я была наказана. А ведь мной всегда владело честолюбие, и только оно поддерживало во мне память о том, кем я была.

Истинное честолюбие – это страстное стремление к воплощению своего «я» в деле, которому ты служишь. Это мечта о подвиге, в котором бы «я» смогло шагнуть далеко за пределы краткой личной жизни. Это борьба, беспощадная и бескомпромиссная, против временности и бренности всего существующего – гордое желание подчинить себе природу и заставить ее сохранить в себе отпечаток могучей личности, сознающей себя необходимой, правоспособной и сильной.

Ах! Теперь уж я всего-навсего Росомаха, а ведь была я богиней. И какой!.. Ты, Медведь, представить не сможешь!..

Да, была я богиней, теперь Росомаха, а завтра, быть может, травою стану, а может, снова богиней. Вот только б найти мой образ, мое легендарное золотое изваяние!.. Ты, Медведь, коренной житель этой тайги, не видел где-нибудь «Золотую бабу»?

– Никакой бабы я не видел. Ни золотой, ни деревянной, – отвечал Медведь, постанывая от боли.

– Найти бы мне её. Да быстрей войти в свой золотой, божественный образ! Ты не можешь представить, дорогой, как надоело быть коварной и злой Росомахой! Или кто-нибудь убил бы меня, что ли! Может быть, я тогда снова обратилась бы в богиню. И тогда я не стала бы больше кривляться... Ах, как я наказана!

Выслушав Росомашью исповедь, Медведь чуть не расчувствовался. Его круглые дремучие глаза потеплели. В них, кажется, в одно мгновение даже что-то шевельнулось. Но, увидев перед собой Росомашью морду, он вдруг словно пробудился от сна и, оттолкнув от себя легким движением лапы Росомаху, пробурчал:

– Ишь ты какая! Колдунья! Чего ещё захотела!..

Отлетевшая в сторону, как пушинка, Росомаха испуганно озиралась по сторонам, не понимая, почему Медведь, только что ласкавший ее, так грубо оттолкнул.

– Околдовать меня, самого Медведя, хозяина тайги! Да знаешь ли что!.. Катись-ка ты в сторону, откуда явилась! А то косточек не соберешь – лапа-то моя еще медвежья!..

Треснула веточка. Росомаха исчезла. Будто ее и не было. Выбравшись из-под коряги, Медведь грузно зашагал по тайге, переваливаясь с боку на бок.

Жёлтые Росомашьи глаза, в которых только что играла жизнь, горя то ненавистью, то животным удивлением, потухли.

И лось уже не вздрагивал. Соперники успокоились. Они, окровавленные, лежали на белой поляне. Один большой, другой маленький. Маленький убил большого. И такой невзрачный зверёк съел бы такого гиганта, если бы не Сергей. Такова натура росомашья...

Лось – краса тайги. Он могуч и силен. Величавее его, кажется, никого нет во всем таёжном мире. Медведь и тот падает замертво от удара его раздвоенного копыта. А росомаха – зверюшка по сравнению с таёжным великаном – в поединке вышла победительницей. Почему? В любой борьбе, наверное, нужна не одна сила!

А росомаха довела до гибели своего соперника просто. Ильля-Аки не раз рассказывал про её проделки. Высмотрит она зоркими глазами лосиную тропу. Вынюхает каждый след, каждое дерево, под которым любит он постоять и полакомиться. Притаившись на густых ветвях такого дерева, росомаха терпеливо ждёт, когда величественные рога подплывут под ветви. И тогда она прыгает на широкую спину лося, припадает к голове и острыми когтями маленьких, но проворных лап царапает глаза, вырывая их с нервами из глазниц.

Ослеплённый таежный гигант в паническом страхе обращается в бегство. Он несется вперед, стараясь уйти от нежданно нагрянувшего жгучего мрака. Треск и гром стоит на его пути. Всё ломается, гнётся перед великаном. И только громадные кедры и лиственницы, вздрогнув от удара, отбрасывают его в сторону, нанося ему ощутимые побои. Шарахаясь из стороны в сторону, натыкаясь на деревья, грузно падая и поднимаясь, таёжный красавец несётся до тех пор, пока его не покидают силы. А следом за ним, кувыркаясь, перевертываясь, кривляясь, скачет росомаха, ожидая, когда длинные и стройные ноги не захотят больше нести гордую коронованную голову таёжного великана. И когда рога склоняются на снег, хищная продолговатая морда, сверкая оскалом превосходных зубов, припадает к горлу лося. Она пьет горячую кровь, смакуя и наслаждаясь. Потом ест. Потом спит. И снова ест. До тех пор находится около своей жертвы, пока не останется от нее и косточки...

– М-да! Вот и поохотился! – вздохнул Сергей.– И надо же ведь так! Вконец испортить охоту!..

С росомахой – проще. Снять шкуру. Мясо – собаке, а жир соскоблить: лекарство незаменимое... А вот с лосем что делать?! На лошади и то далеко не увезешь. К тому же лицензии не было у Сергея. Ведь он шел на охоту за соболем и куницей. На худой конец на заготпушнину сдал бы беличьи шкурки. А теперь вот – лось!

Признают ещё браконьером. Кому докажешь, что убил не он, а росомаха! Никто ведь не поверит!..

Придётся вызывать комиссию, оформлять... Вся охота – к чёрту!..

«А раньше ведь такой добыче манси радовался, подумал Сергей. – Такой тушей прокормишь семью пару месяцев, а то и больше». Лось был основным источником питания таёжных охотников – предков Сергея. Неделями, месяцами они иногда преследовали чуткого зверя по следу, чтобы уложить его. А то ожидает голод. Рядом с голодом – болезнь. Болезни уносят людей в иной мир – в печальное подземелье, где властвует мрак. Не убьёшь лося – будешь сам во мраке... Теперь же лось остался пищей только для кровожадной росомахи. Манси ходят теперь в магазин. Все там можно купить. А заработать есть где! Много новых занятий придумали люди. И нефть добывать, и газопроводы прокладывать, и дома многооконные строить, и выращивать огурцы в теплицах, и коров доить, и водить по тайге машины, могучее любого таёжного великана. И зачем из тайги тащить огромную тушу, если можно сбегать в магазин и принести мяса повкуснее!.. Если манси в лес и ходит, то по привычке. Вековые инстинкты. Зов предков. А может, просто для души. Отдых. Прогулка. Спорт. Охота-спорт. Разве манси не хотят быть спортсменами?!

«Э-эх! – сокрушался Сергей, разглядывая черно-бурый хвост росомахи, распластавшийся на снежной белизне. – И стоило тебе попадаться на моем пути!»

«Хвост росомахи приносит счастье», – гласит предание. Времена преданий прошли. Изменились и понятия удачи и счастья.

И сам Сергей вроде стал другим. Особенно остро он почувствовал это недавно в Тюмени.

В ресторане, сверкавшем полированным деревом, люстрами, хрустальными бокалами, вначале было немного народу. Но комариным роем уже плыл шумок. Потом заиграл оркестр, поплыла музыка, знакомая и приятная. Скоро Сергей не стал замечать ее. Как не замечает охотник монотонного шелеста листьев и шума хвои, когда играет легкий ветер. Другие тоже будто и не слышали этой музыки: они что-то говорили друг другу, чокались, пили, ели. Все сидели в одном большом зале. Но каждый стол, казалось, жил своей замкнутой жизнью. Все говорили о чём-то своем. И Сергей тоже не чувствовал присутствия людей. Играл оркестр. Плыла музыка. Может, она помогала Сергею уходить в свой мир? А какой у него мир? Чем он не похож на других?

А может, легче ответить, что общего между ним и всеми? Ведь так же, как все, он любит музыку этой жизни. А она для сидящих в этом зале – одна. Все работают, учатся, служат. Кого больше в этом зале?

У входа в ресторан висело объявление, что обслуживаются только депутаты областного Совета и участники Всесоюзного совещания. А кто депутаты? Геологи, нефтяники, строители, газовики, лесники, рыбаки... Большинство – рабочие. Такие же, как Сергей.

И в его рабочем посёлке есть ресторан. И музыка по вечерам так же всех сзывает за столики, окутанные синей дымкой.

А где же в старину собирались люди? Неужели только у охотничьего костра? Нет. И в старину люди любили посидеть за одним столом, в одном доме покружиться, в одной большой думе искали пути. Были тогда «Медвежьи игрища», «Святые пляски», жертвоприношения богам… На таком игрище Сергей почувствовал бы себя «чужеродным телом». А в этом ресторане он сидел, как в своем родном доме… Нелёгким был путь к этому чувству. Сначала была тайга.

В зале стало шумно. Мест свободных почти не осталось. И Сергей с тревогой стал поглядывать в сторону двери. Ведь Венька – он по-прежнему так звал своего друга – обещал явиться ровно в семь, да еще грозился подкинуть приятелю «сюрприз»...

К столу подошла официантка.

– Что вам подать? – спросила она.

– Бутылку коньяку. Тюменской воды. Спинку муксуна. Осетрины на вертеле. Остальное потом. Всё на троих... Сейчас придут... Мои...

«Золотая баба»... Странное слово «баба». Ну какая, к примеру, баба эта стройная золотоволосая девушка, которая с таким вниманием и обходительностью обслуживает меня, случайного посетителя этого ресторана? – думал Сергей, глядя вслед удаляющейся официантке.– Богиня! Вот слово, достойное такой девушки. И не только этой. Чем не богини женщины?..»

Причудливо вился дымок сигареты, которую он не торопясь раскуривал. И мысли его словно тоже вились по какой-то волшебной спирали. Он только что пришел с сессии областного Совета. Ему бы сейчас думать о земле, воде, об охране природы. Все выступавшие депутаты рассуждали об этом. И он говорил. Только теперь его мысли были почему-то совсем не о том. Сегодня у него было какое-то волшебное состояние. В душе его росло неясное, загадочное ожидание.

Сергей прошелся взглядом по столикам. Никого из знакомых не было. С тревогой посмотрел в сторону двери. В этот миг в дверях появилась она – Светлана. Та самая, из юношеской сказки. Только пополнела. И волосы распущены. Золотыми волнами плыли на плечи ее сияющие волосы. А брови – те же два соболя. Глаза – те же два синих озера. Сияюще плескались они синими волнами. Привычно боязно стало Сергею. Он зажмурился, как от ослепительного света. Закрыв лицо руками, он на мгновение ушёл в себя, в свою сказку. А когда открыл глаза – в дверях ресторана колыхались лишь голубые портьеры.

«Не померещилось ли? – подумал, он, охваченный беспокойством. – А может, и на самом деле она?»

И правда, через какое-то мгновение из-за портьер вновь появилась она в сопровождении Веньки и еще одного незнакомого.

Увидев Сергея, Венька взмахнул рукой, приглашая спутников к столу.

– Так вот ты каким стал, Сережа! – пропела Светлана, подавая ему руку.

Неужели это перед ней Сергей когда-то застывал, как лёд, горел, как костёр. Перед этой сияющей богиней он бледнел, краснел, становился молчаливым. Её глаза – два синих озера, брови – соболя пушистые, зубы – нити жемчужных бус, щеки румяные, как рязанские яблоки, и вся она, будто цветущая яблоня, когда-то пленила юношу своими колдовскими чарами.

Но сейчас этот возвышенно-шутливый тон, бесцеремонная раскованность, неподдельная радость встречи вернули Сергея из мальчишеского оледенения к себе, к своему привычному состоянию.

– Здравствуйте! – сказал он просто.

Лишь огоньки, замерцавшие в чуть раскосых глазах, говорили, что он удивлен и рад встрече.

– Знакомься, – сияя улыбкой, представил Венька человека средних лет. – Журналист, искатель...

– Очень, очень рад познакомиться. Наслышан. Мы с вами коллеги. У нас одно увлечение – «Золотая баба». Надеюсь, мы с вами общими усилиями разгадаем, откуда взялось это одно из чудес света...

– О чудесах света поговорим потом, – наполнив рюмки коньяком, начал Венька. – А пока выпьем. За искателей! За искателей нефти, «Золотой бабы» и прочих чудес света!.. За знакомство!..

Когда все наконец подняли рюмки, Венька еще раз повторил:

– За знакомство! – обращаясь к журналисту. – За встречу! – кивнув в Сторону Светланы.

– Хороша рыбка! – молвил журналист, попробовав кусочек. – И всегда вас так кормят?

– Всегда! – протянул Венька с улыбкой. – Когда совещания, сессии... В Тюмени теперь много совещаний по нефти и газу. Со всех концов страны приезжают сюда большие люди, ученые. Им и большой стол.

– А если нет совещаний?

– То серебристый хек. В лучшем случае – сырок. Тоже рыба. Сиговой породы. Ее у нас тут еще навалом.

– Слыхал я про рыбку, которая, говорят, во рту тает. Не то царская селедка, не то...

– Сосьвинская селёдка.

– Да-да! Эта самая. Она тоже здесь, под Тюменью, ловится?

– Под Тюменью? Не знаю, что можно поймать под Тюменью. Все сокровища на Севере: и рыба, и нефть, и газ. Вот на реке его предков, – Венька указал на Сергея, – ловится эта чудо-рыбка. Сейчас мы попробуем организовать...

Венька вышел из-за стола и быстрыми шагами направился в сторону буфета, где в это время была белокурая фициантка. Он о чём-то её настойчиво просил. Не первый раз Сергей в Тюмени вместе с Венькой. Он давно уже заметил, что приятель его здесь чувствует себя не гостем, а хозяином. И на самом деле он все мог организовать.

И на этот раз он оказался волшебником: через какие-то минуты на столе появилась тарелочка с маринованной сосьвинской селёдкой.

– Ты маг, Венька! – воскликнула Светлана.

Сергей узнал, что теперь она работает в Министерстве геологии. У неё, конечно, теперь своя, большая столичная жизнь... Смешно было Сергею вспоминать свое пылкое, юношеское увлечение. И все же в этом была какая-то прелесть, тайное волшебство. Одарив теплым, благодарным взглядом Светлану, Сергей молча выпил рюмку до дна...

– А ваша нефть не убьет это чудо? – расправившись с селёдкой, заговорил журналист.

Он то потирал руки, то брался за вилку и нож, то снова клал их на стол, вопросительно поглядывая то на Веньку, то на тарелочку с сосьвинской селедкой.

– Из нефти спроектируем сосьвинскую селедку. Как осетровую икру. Трудно сказать, чего нельзя сотворить из чёрного золота. А сидим на золотой земле. Мы ведь ещё в самом начале поисков. По рекам лишь прошлись. И чуть-чуть заглянули в глубинку. И открыли крупные месторождения. Самотлор, например... Расположено оно в непроходимых болотах. Но на этой небольшой «тарелочке» сегодня уже добывается более ста миллионов тонн нефти.

Сергей с любопытством разглядывал журналиста. Ему он казался старым знакомым. Лицо, руки, манера говорить. Таким он и представлял его. Только никак не мог представить, что он будет в замшевой куртке. Коричневая, как чай из чаги, она сидела на нем ладно и была оригинальной. В детстве Сергея мать заставляла носить легкие замшевые сапожки с красными узорами. И штаны У него были тогда замшевые. А он так хотел настоящей русской одежды...

– Я предлагаю выпить за первооткрывателей тюменской нефти и газа! – протянув рюмку, предложил журналист. – Что бы мы ни говорили, все же это... Это подвиг! За первооткрывателей!..

Зазвенели рюмки. Зашипела минеральная вода в фужерах. Застучали вилки и ножи. И разговор, прервавшись на мгновение, снова ожил.

– Все же журналисты молодцы! С первых дней были с нами, помогая развеять мглу, неверие, – заговорил снова Венька. – Знаете, скептики сейчас даже находятся. Но поначалу... Вы не можете представить, как было нелегко нам! Немногие верили нам поначалу. Находились и такие, которые писали кандидатские и докторские диссертации. Вооружившись громкими учеными фразами, они с пеной у рта доказывали, что севернее шестидесятой параллели не может быть нефти и газа. Они становились в позу защитников

государственных средств, обвиняя нас в напрасной трате денег. Эти фомы неверующие не только сеяли сомнения, но часто и мешали развороту работ. Даже после того как здесь была открыта нефть, можно было услышать и такое: «Какая там нефть в Тюмени, она существует в головах... первопроходимцев!»

В любое дело, будь то малое или большое, нужно поверить. Без веры в то, что каждый маршрут геолога, каждый метр скважины, пробуренный буровиками, принесут что-то новое, приведут к открытию, успеха не будет. Но мало верить самим. Нужно, чтобы и нам поверили. И нам не только поверили, но и помогли. Без этой веры, без этой помощи разве бы мы совершили наше открытие?! Конечно же, нет!

– Так за журналистов тост. Так я понимаю? – сияя синью глаз, пропела Светлана.

За журналистов! За людей печатного слова! За всех, кто способствовал открытию!..

В ресторане гремела музыка. Играл оркестр. Пела певица. На небольшой площадке между столиками в плавном танце кружились пары. Казалось, все плыли куда-то в каком-то сказочно-шумном полузабытьи. На лицах – полуулыбки. На губах – полуслова. В музыке – полугрусть, полурадость. Платья, костюмы, прически... ультрасовременные соседствовали с модой десятилетней давности. Европа и Азия. Сибирь великих строек и Сибирь кондовая. Технический прогресс, последнее слово науки, искусства и вековое, нетронутое, первозданное...

Светлана кружилась с журналистом. Венька тоже не удержался, пригласил на танец темноволосую, стройную женщину из-за соседнего стола. Лишь Сергей остался за столом. Ему было приятно наблюдать и думать. Почему-то глаза его тянулись к Светлане.

Когда-то он не мог спокойно смотреть на стройный стан Светланы, на ее волосы, подобные солнечным лучам, на глаза, подобные синему небу, на белоснежное лицо, на ее румяные щёки, алые губы. Именно такой хотелось ее видеть. И потому шея ее казалась хрустальной, а грудь мраморной. Теперь это книжное восприятие осталось как воспоминание.

Светлана действительно мила и прекрасна. И, наверно, не найдется ни одного мужчины, который, увидя ее, не обратил бы к ней свой взгляд.

Душевные свойства женщины – доброта, ум, благородство, нежность, человечность – дают крылья истинной любви. Обладает ли она этими качествами? Откуда это знать Сергею. А он лишь знает, что если любишь только за красоту, намереваешься насладиться ею, если в этом одном заключается твое мужское чувство, а ее честь, имя, здоровье, поведение, достоинство тебе безразличны, то это не любовь, а животное влечение. Может, в любви больше, чем в чем-либо, видно истинное лицо человека, его высота и совершенство?! Да горела ли в нем в те годы истинная любовь? Наверно, нет. А вот скорбел и печалился. Это точно. Скорбь и печаль человеческая всегда ведь порождены невозможностью и несбыточностью исполнения желаний. Да, тогда он не мог исполнить не только это!..

Журналист, кружась в вальсе, кажется, не спускал глаз со Светланы. Она мило ему улыбалась. Сергей удивился своему состоянию. Раньше эта идиллия в нем невольно дала бы почувствовать свою ущербность, пробудила бы в нем чувство зависти, ревности. Нет, подобного в Сергее давно уже не было. Точно прошла какая-то очистительная гроза и смыла с души все ущербное, низкое, уронив в душе семена отваги, великодушия, собственного достоинства. Может быть, виновницей всему тому была кристальная чистота Веры?! Да, с женой Сергею повезло...

– Друзья, осетрина-то стынет. Смотрите, как она дымится. Хороша осетрина по-тюменски. Вчера отведала, – усаживаясь поудобнее за стол, лепетала Светлана, разгоряченная после вальса.

– Хороша и осетрина! Только меня все же гложет этот каверзный вопрос, – разглядывая блюдо, начал журналист.

– Какой вопрос? – спросил Венька.

– Не сгубите ли вы рыбу?

И снова за столом разгорелся словесный поединок.

Венька. Конечно, добыча нефти, развитие промышленности будут влиять на природу, на ее золотые дары. Но и мы ведь не лыком шиты, задумываемся. Вот сегодня этим проблемам была посвящена сессия областного Совета…

Журналист. А не кажется ли вам, что такие хорошие мероприятия… проводятся так себе. Поговорили. Приняли хорошие решения. А дальше ... по-прежнему. Это не только беда вашего края. Может быть, только у вас люди другие? И я, возможно, ошибаюсь. Но...

Сергей. Но пока улов рыбы не уменьшается.

Журналист. Возможно, причина здесь и в другом. Просто потребности растут. Цивилизация... А знаете, что говорил Марк Твен по этому поводу? Цивилизация – это машина, фабрикующая потребности. Я

говорю уже не о рыбе. Западный мир, например, во второй половине двадцатого века потребляет в тридцать два раза больше продуктов промышленности, чем век назад. Подсчитано учеными.

Сергей. Что у них, больше занятий нет, как подсчитывать, кто сколько съел, потратил?

Журналист. Не берусь сказать, насколько точно подсчитали учёные, но ясно одно: человек в наше время расходует все больше и больше природного сырья и энергетических ресурсов. Ведь где-то теперь и вода, обыкновенная вода, на вес золота. А человек сколько на себя тратит? И сколько без надобности...

Приняв ванну, человек взялся за электробритву. Потом зубная паста. Лосьон. Одеколон. Нейлоновая сорочка. Костюм из синтетики. Пальто на поролоне. Шапка. Шарф. Ботинки. Все из новых материалов, сотворенных машинами, которые в свою очередь съели уйму сырья, энергии. На улице он идет не пешком, а садится в машину. Попробуйте подсчитать, сколько он использует природных богатств, пока доберется до рабочего места?

Венька. Это какая-то сказка, а не жизнь. Впрочем, вы народ пишущий. Вам нужно говорить образами. А если так посмотреть, без крылатых слов. У нас, например... Сколько стоило труда организовать горячие обеды вахте?..

Журналист. А я слыхал, что у вас в квартирах и газ и ванны...

Венька. Кое у кого есть и газ, и ванны, и телефон. Но...

Журналист. И все же. Сравните условия вашей жизни и работы на Севере в самом начале организации промыслов и теперь. Есть разница?

Венька. Конечно. Вперед идем, а не назад. Вначале сами рубили дома, а теперь дают квартиры.

Журналист. Я слыхал, что есть у вас и комбинаты бытового обслуживания, и водопровод... Во сколько раз за эти годы выросли услуги сферы обслуживания даже на Севере? Но я не об этом. Я об общей тенденции развития цивилизованного мира.

В обыденной жизни мы разве задумываемся над этим? Конечно же, нет. Вот этот зал залит электрическим светом. Вечно ли сырье – источник этого света? Природные ресурсы истощаются. А население растет. К концу века может даже удвоиться население нашей планеты. Сколько мы сожжем, выкачаем энергетических ресурсов, которыми располагает человечество на сегодняшний день? Половину? Две трети?

Нефть… Истинное золото нашего времени. Сколько миллионов лет ушло на ее образование? А ведь ее запасы не бесконечны. Запад уже кричит. Чует близкий нефтяной голод. хищническое использование нефтяных богатств вызвало преждевременное истощение богатейших месторождений этого бы не произошло у нас! Сибирь – нетронутая ещё кладовая.

Венька. Пока мы на несколько километров заглядываем в недра. А что она там таит, наша матушка-земля? Может, там есть что-то дороже и ценнее, чем нефть. Так что...

Журналист. Может быть, рыбы добывается действительно столько же или даже больше, чем в прошлые времена. И в магазине её не стало из-за возросшей покупательной способности населения. Это хорошо. Без рыбы не обойтись. Это необходимая потребность. Я хотел о другом. И ведь мы, в условиях социализма, порой становимся на эту скользкую тропу. Как бы миновать нам такую цивилизацию, которая фабрикует потребности, в которых нет потребности?!

Сергей. О, это слишком туманно и далеко. Не добуриться нам до понимания этой мысли. Лучше уж выпьем... Просто… За жизнь... Все же она прекрасна!..

И вспомнил Сергей свой первый разговор у костра с новыми людьми. Не за столом ресторана тогда сидел он, а у костра, в тайге.

Плясало пламя, летели искры. В темном осеннем небе золотыми оленями бродили звезды. С таёжной речки – вечной говоруньи – несло сыростью и прохладой. А с костра – большого и яркого – веяло теплом и запахом вареного глухаря. Совсем как на охоте. Не о глухаре и соболе говорили у костра. Новые товарищи Сергея тогда пели песни, рассказывали разные смешные истории из городской жизни. Они были старше Сергея. Но не намного. Лица их дышали молодостью и озорством. Сергею было приятно с ними. Но еще приятнее были звонкие утренние зори с глухариными песнями. Сверкающий иней, лай собаки, полеты белок с дерева на дерево. Это было ему понятней и родней, чем их разговоры о какой-то нефти.

Товарищи Сергея спорили. Он слушал их, но думал о главной, как ему казалось, загадке своей земли – «Тайне Сорни-най». На безвестном островке, зарытая в землю или заваленная хворостом, кротко улыбается прекрасная «Золотая баба». Сколько поразительных событий, сколько страстей, кровавых трагедий связано с ней. И сколько тайн!.. – строки газеты кружились в голове, волновали ум и сердце.

Вопросы… вопросы... Откуда взялось это одно из чудес света?..

Сергей думал тогда о своей земле, где таится «одно из чудес света», и с улыбкой поглядывал на новых людей, которые рубят тайгу, попусту шумят о черном золоте, не ведая еще, есть ли оно в суровом таежном краю.

И теперь, сидя за столом ресторана в областном центре, новые люди тоже спорили. Все о той же нефти, как тогда у костра. Только чуть по-другому. Они рассуждали о запасах, о количестве нефти, о целесообразности эксплуатации...

А может, все дело не в нефти, не в «Золотой бабе», не в других загадках, а в людях? Может быть, в любом деле, в любые времена рядом с верующими во что-то большое и светлое всегда находятся скептики? А может, люди просто не могут жить без борьбы, без состязаний? Может, в вечном состязании друг с другом люди находят удовольствие и успокоение?

А может, жизнь, как бурная река, за новым поворотом всегда таит новую загадку? В разгадке этих загадок, возможно, человек находит свое высшее удовлетворение? Загадка и тайны жизни... А что бы было, если бы всего этого не было?!

Музгарка, крутившаяся вокруг росомахи, но не смевшая без разрешения хозяина тронуть ее, вдруг завизжала будто ужаленная. Шкура ее ощетинилась. Губы ее затрепетали, вздрагивая то зловеще, то предостерегающе. Разыгравшаяся собака опять нацелилась в сторону, откуда недавно появились звери, вспугнувшие белое безмолвие поляны.

Сергея будто облили ушатом ледяной воды, когда, повернувшись в ту сторону, увидел вывалившегося из-за деревьев громадного бурого медведя. Принюхавшись к росомашьему следу, поводя мордой по воздуху, точно ловя какие-то запахи, медведь сделал несколько прыжков в сторону поляны. Потом, учуяв что-то недоброе, остановился, встал на задние лапы. Замер. Оледенел и Сергей. Руки окаменели. И только мысли, замершие лишь на мгновение, продолжали свой вечный бег, хаотично перегоняя друг друга:

«Ружье... Заряжено. Одним патроном. Убить?.. Зачем?! Нет!.. На этот раз я не стану стрелять. Тогда – бежать?! Покидают бегущих ноги, настигают бегущих звери... Стоять! И соперник, подумав, что ты сильный и вовсе не боишься его, уйдет сам?! Но он – ранен. А раненый зверь опасен. Он как обиженный человек. Будет преследовать... Вырвет глаза, как лосю! Глаза... Нет! Это невозможно!.. Где вторая пуля?!!»

Мгновение – и вторая пуля в стволе. Черные глазницы ружья наведены на бурого медведя.

И у медведя – глаза. Они смотрят на него. В тупом, окаменевшем взгляде сверкнуло что-то живое. Что это? Проблеск мысли? Медвежья дума? А может, он принимает решение: идти на него или благоразумно отступить, рассудив, как справедливый судья, если перед ним настоящий человек. Для древнего манси медведь был судьей, посланным на землю создателем мира Торумом, чтобы наказывать людей, провинившихся против чести... Честь... Пронес ли ее Сергей, эту высокую человеческую обязанность, с честью?. Или где-то, в чем-то дал маху? Перед ним стоял сам судья тайги. Стоял, замерев рядом с большим деревом. На таком дереве Ильля-Аки и тогда вырубал тамгу медведя, говоря:

– Выберется он из берлоги, поплетется по тайге, разбирая знаки и письмена, оставленные человеком на деревьях, наткнется на нашу зарубку и сверху оставит свою. «Ага, – воскликнет он, разглядывая причудливые знаки, – человек хочет вознестись надо мной. Не выйдет!». С этой думой медведь оставляет на дереве свою тамгу, знак своего превосходства. На другой год человек, на том же дереве повыше делает зарубку. И когда снова к этому дереву придет хозяин леса, подивясь высоте и умению человека, медведь под этим деревом роет себе гнездо, где и застает зимой его охотник, устроив затем медвежье игрище... На этом таинственном представлении, кружась в танцах, забываясь в музыке, воскрешая в песне далёкое время, встают века и мгновения жизни манси, и вся окружающая природа с её зверями, птицами. Характер зверей и птиц, их уловки, хитрости, страхи, ужас, борьба и смерть, смерть геройская, хватающая за душу, встаёт на этих игрищах во всей полноте и глубине. А человек, его личность, страсти и волнения остаются словно в тени... А может, и нет? А может, то, что говорится о зверях, относится и к людям? Ведь древний человек не выделял особенно себя из окружающего мира. И медведь, как манси, может быть справедливым, честным, простым, наивным, так же ему больно, если ударить, он, как и человек, любит, страдает, ненавидит, радуется, наслаждается, живет...

На этом игрище оживала чуткая, пытливая душа манси, и незаметно уносилась она в сказочный мир духов, которые, если верить преданиям, творили на земле чудеса.

Стояло большое дерево. Рядом с деревом – медведь. Он смотрел и думал, что-то подсчитывая, соизмеряя.

Да, Сергей был теперь вооружен. С этим ружьём не страшны ему ни тяжелая когтистая лапа, ни острые клыки, ни звериная пасть ... Но настоящий ли он человек?! Доказать свое превосходство над хо-

зяином священного леса нетрудно. А как доказать, что ты настоящий человек, если ты уже не веришь в высокое происхождение не только медведя, но и во все божественное, сверхъестественное, что придумали его предки, дети дикой и гармоничной природы? Хотя Сергей уже давно, кажется, не верил никаким духам, в это мгновение почувствовал себя как-то странно. Точно в нём снова ожили видения детства, представления и вера его предков. Ему было небезразлично, какой шаг сделает медведь: ринется на него или повернёт назад, посчитав Сергея не запятнавшим свое высокое имя, как существо земное, похожее на всё живое, но мыслящее и одухотворённое...

Окинув пристальным взглядом желтовато-чёрных глаз окровавленную поляну, дышавшую запахами росомахи, лося, собаки, человека, медведь повернул в сторону, откуда пришёл. Мгновение – и он растаял в серебряной мгле, будто привидение…

Сергей опустил ружье. Вздохнул. Воздух был бодрящий, живительный, сладкий... Деревья, словно взявшись за руки, пытались скрыть скудное низкое зимнее солнце. Но лучи его, яркие, золотые, проникая сквозь дремучие ветви таёжных гигантов, зажигали белое безмолвие радужным светом жизни.

ИСТОЧНИКИ

1. Анадеева Н.М. «Люликары: память пусть окажется сильнее» / Н.М. Анадеева Новости Югры. № 63 от 5 июня 2014. С. 14.

2. Анадеева Н. М. «Я живу, но хотела бы снова родиться…» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ugra-news.ru/article/9968

3. Бахтиярова Т.П. «Ӑгирись хӑйты» [стихотворение] / Т.П. Бахтиярова // Луима сэрипос. № 95, от 10 мая 2013. С. 8.

4. Бахтиярова Т.П. «Ӑлпыл» [стихотворение] / Т.П. Бахтиярова // Луима сэрипос. № 5, от 7 марта 2014. С. 6.

5. Брусницин А. [стихотворение]. Югорские ваганты: университет. Альм. Вып. 3 / Югор. Гос. Ун-т; [ред. И.Г. Рябий]. Ханты-Мансийск: Информ.-издат. центр, 2008. 199 с.

6. Брусницин А. Где начинается завтра? [стихотворение] // Поэзия молодой Югры // сост. И.Г. Рябий. Ханты-Мансийск: РИО ИРО, 2010. 127 с.

7. Брусницин А.А. Югорские ваганты: университет. Альм. Вып. 3 / Югор. Гос. Ун-т ; [ред. И. Г. Рябий]. – Ханты-Мансийск: Информ.-издат. центр, 2008. – 199 с.

8. Брусницин А.А. Другая реальность: сб. рассказов. прозаич. отрывков, эссе / [сост., ред. И. Г. Рябий]. – Ханты-Мансийск: РИО ИРО, 2011. – 190с. : ил., портр. – (Проза молодой Югры).

9. Вахрушева М. П. На берегу Малой Юконды / М.П. Вахрушева. Тюмень: [б. и.], 1963. 43 с.

10. Вахрушева М.П. Биографическая справка [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.kmns.admhmao.ru/wps/portal/kmn/home/personalii/persona/uchitelya/5f3f5bd2-831a-43ca-9b8f-bcab78dfbe1c

11. Вахрушева М.П.: фотография [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Bimages%2Fsearch%3Bimages%3B%3B&text=&etext=941.bBHfYIwDlBQMre0SZ0EJbs_5FrEfECalUuCA3Bsq8kdCPzocool6FEGEmSLws_WNi2se8KUmGRVUnuhBoQN0pg.6bef906ad8195223fda467cc89f37f2da46aefa9&uuid=&state=tid_Wvm4RM28ca_MiO4Ne9osTPtpHS9wicjEF5X7fRziVPIHCd9FyQ&data=UlNrNmk5WktYejR0eWJFYk1LdmtxaXhIRHNOcmdFRUl0ajZodmlvY2NVdC1Xcnc3Skg4TDNvSG5DajFtYmJvX3VjNGZfUTViZmp0YkJRaW1KOTMwZjNHRkNFWU1fRzYtSHBOalhWcUFIb2dxYm9wNEVpR1FUY3hGMERQNzVSaDlOZHd5RDlZSG5RNlU0R2tiV3Jrc0kzWEt0UUNUbDVTZnMxYXJ1NEQtY1lCeVVvZkRpZGV6dW1CZ1pxQlZDejdvY3l5NU5UckpTTm1vNnZ6YkJLb0txU1FYaDdlamstZXlOT010dUVaLVZ3ZjU2UnhJQ3JhRm13&b64e=2&sign=8c2c5365ad888aad611f6d65de8ae233&keyno=0&l10n=ru

12. Вынгилева Н.П. «Тав мӑньщи мирув сака ӭруптастэ» [биография и стихи Вынгилевой Н.П.] / Г.Р. Кондина // Лӯимӑ сэрипос, № 7, от 12 апреля 2013. С. 15.

13. Вынгилева Н.П. «Ты стихотворение Н.П. Чернякова (Вынгилева) хансыстэ» / Г.Р. Кондина // Лӯимӑ сэрипос, № 8, от 26 апреля 2013. С. 15.

14. Двинянинова М.Т. «Лӯимӑ сэрипос» газета щӗпитан мӑхумн..» // Лӯимӑ сэрипос. № 22, от 21 ноября 2014. С. 16.

15. Двинянинова М.Т. «Таквсы хӧтал» // Лӯимӑ сэрипос. №25 (1002), от 7 сентября 2012 года, стр. 15

16. Двинянинова М.Т. «Ловиньтым ӯщлахтэн» «Мӑньщи мӑхум», «Ӯлум ӭрыг» // Лӯимӑ сэрипос № 44 (1002), от 5 ноября 2010 года, С. 4.

17. Двинянинова М.Т. «Мӑн ӧлнэ Мӑв», «Ӑпщирищум ӯргалэгум», «Йигирищум» // Лӯимӑ сэрипос № 26 (984), от 2 июля 2011 года, с. 3 .

18. Дёмин В.А. Увщииг-ӭщиг / В.А. Дёмин // Луима сэрипос, № 1 от 16 января 2015. С. 15.

19. Динисламова С.С. Мы есть...: стихотворения, рассказы / С.С. Динисламова. – Ханты-Мансийск: Доминус, 2011. 126 с.

20. Динисламова С.С. На шею привязан ткани лоскут… [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.finnougoria.ru/logos/poetry/2529/36021/

21. Динисламова С.С. Яныг ӭлумхӧлас урыл потыр [перевод Двинянинова М.Т.] // Лӯимӑ сэрипос, от 20 февраля 2013. С. 14-15.

22. Карнаухова С.В. Стихи // Шаимские находки: поэзия, публицистика, интервью. / Карнаухова С.В. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2001. С. 104-105.

23. Карнаухова С.В.: фотография [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://khanty-yasang.ru/node/2915

24. Козлова Л.А. «Город юности, город любви»; «Оторванные с мест родных, обжитых»; «Не рассвела заря, угасла»[стихотворения] / Л. Козлова // Югорика, 2006: каталог выст. II фестиваля краевед. кн./ сост. А.В. Фомина; ред.: Г.Я. Фетисова, Н.И. Вторушин; отв. за вып. Т.В. Пуртова. Ханты-Мансийск: Изд. ГБЮ, 2006. С. 33-34.

25. Конькова А.М. Сказки бабушки Аннэ. Вена: ГИСТЕЛ ДРУК, 1993. 116 с.

26. Конькова А.М. Ӭлт миныр Ивыр: легенда. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1991. 112 с.

27. Конькова А.М.: фотография [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ugralit.okrlib.ru/node/670

28. Копьева А.Ф. Эхо кондинских урманов: стихотворения. Шадринск: Издательство ПО «Исеть», 2005. 184 с.

29. Копьева, А.Ф. фотография [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kondalib.ru/pdf/jeho_kondinskih_urmanov_Alla_Kopeva.pdf

30. Кошманова О. А. : Фотография [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.arhivugra.admhmao.ru/wps/portal/archive/home/kaleydoskop/material/2014/d4eafbc7-6d67-41b4-85d6-b68c8861024e

31. Кошманова О.А. Лесбег. Он же Хумполэн-Комполь (кондинская быль). СПб.: Миралл, 2007. 72 с.

32. Крекер В.В. «Подснежник»; «Саргатское небо»; «Гагара и сын Товлынг-Карса», «Я приду в мир твоих песен...»; «Ты можешь…»; «Вчера ты спросил…»; «Плеск воды» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.finnougoria.ru›logos/drama/2631/39023/

33. Крекер В.В. Биографическая справка [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.finnougoria.ru›logos/drama/2631/39023/

34. Крекер В.В. Фотография [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.finnougoria.ru›logos/drama/2631/39023/

35. Ларионова Г.Н. «Яныг ӧпанув, ащӧйканув кӑсталан хӧтал» » // Лӯимӑ сӘрипос, № 22, от 21 ноября 2014. С. 7.

36. Молотков В.М.: фотография [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.khanty-yasang.ru/luima-seripos/no-23-1089/2400

37. Молотков М.В. Евра: стихотворения и поэмы (1956-2010). Курган: Зауралье, 2010. 580 с.

38. Нагибина Н.К.: фотография [Электронный ресурс]: http://mognovse.ru/fit-kniga-dlya-uchitelya-po-kursu-literatura-yugri-i-kondinsko-stranica-2.html

39. Нагибина Н.К. Стихи и жизнь я посвятила детям: сборник стихотворений. Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2012. 108 с.

40. Рукова Н. Югорская звезда: Стихи и рассказы/ Составители Любовь Ярушина и Людмила Родыгина. – М.: Литературная Россия, 2006. – 352 с., цветная вкладка.

41. Рукова Н.Г. «Коротко о разном»: сборник стихотворений. Югорск, 2001. 36 с.

42. Садомин Н.М. Пася, рума! (Здравствуй, друг!): поэма. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2001. 96 с.

43. Сазонов Г.К. Биографическя справка [электронный ресурс] // Режим доступа http://gcbs.ru/tum/Pisateli/Sazonov.html

44. Сазонов Г.К. Фотография [Электронный ресурс] // Режим доступа http://gcbs.ru/tum/Pisateli/Sazonov.html

45. Сазонов Г.К., Конькова А.М. И лун медлительных поток... Роман-сказание. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. 267 с.

46. Сайнахова А.И. «Ат ёр» (Пять сил): сборник стихотворений. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2014. 97 с.

47. Слинкин А.Ф. Сказки // Русское эхо: литературно-художественный журнал. Самара: Издательство «Русское эхо», 2009. Вып. 6 (47). С. 771-776.

48. Слинкин, А.Ф: фотография [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://vk.com/id153883579

49. Тарханов А.С. Биографическя справка [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.biografija.ru/biography/tarkhanov-andrej-semenovich.htm

50. Тарханов А.С. День борения: стихи, поэмы. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2005. 319 с.

51. Тарханов А.С. Исповедь язычника: стихи и поэма. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. 400 с.

52. Тарханов А.С. Лесные доктора: универсальная книга для детей всех школьных возрастов. Екатеринбург: Сред-Урал. кн. изд-во, 2008. 198 с.

53. Тарханов А.С. Флейта иволги зовёт: книга для детей всех школьных возрастов. Екатеринбург: Средне-Урал. книж. изд-во, 2013. 175 с.

54. Тарханов А.С. Фотография [электронный ресурс] // Режим доступа https://yandex.ru/images/search?text=%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F%20%D0%A2%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%20%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9&img_url=http%3A%2F%2Fxn--80aa2azak.xn--h1aaavgiq.xn--p1ai%2Fupload%2Fiblock%2Fdac%2Fdacd211ddc1ba86c21de019705f47621.jpg&pos=1&rpt=simage&stype=image&lr=57&noreask=1&source=wiz

55. Чейметов П.К. Биографическая справка [Электронный ресурс] Режим доступа: http://nlib.sakha.ru/knigakan/literaturnaya-kartaa/mansiyskaya-literatura/cheymetov-panteleymon-kirillovich.html

56. Чейметов П.К. Кит ворыяп хумыг (Два охотника) // Мансийско-русский словарь. Кондинский диалект мансийского языка / П. К. Чейметов. Шадринск: Издательство ПО «Исеть», 2001. С. 75-100.

57. Чейметов П.К. Фотография [Электронный ресурс] Режим доступа: http://nlib.sakha.ru/knigakan/literaturnaya-kartaa/mansiyskaya-literatura/cheymetov-panteleymon-kirillovich.html

58. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений: стихотворения и повести для детей / Ю. Н. Шесталов. СПб : Фонд космического сознания, 1997. Т. 4. 416 с.

59. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений: стихотворения и поэмы / Ю. Н. Шесталов ред. А. Шалаева. СПб: Фонд космического сознания, 1997. Т. 2. 528 с.

60. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений: стихотворения; “Языческая поэма”; “Синий ветер каслания”: Повесть / Ю.Н. Шесталов. СПб: “Фонд космического сознания”, 1997. Т. 1. 480 с.

61. Шесталов Ю.Н. Собрания сочинений: стихотворения, повести, публицистика / Ю.Н. Шесталов. СПб : Фонд космического сознания, 1999. Т. 5. 560 с.

62. Шесталов Ю.Н . Биографическая справка [Электронный ресурс] Режим доступа: https://yandex.ru/images/search?text=%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F%20%D0%A8%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2

63. Шесталов Ю.Н. Фотография [Электронный ресурс] Режим доступа: http://persona.rin.ru/cgi-bin/rus/view.pl?id=20542&a=fall&idr=5&n=

64. Шесталов Ю.Н. Миснэ // Тюмень: Тюменское кн. изд-во, 1961. 143 с.

Литературно-художественное издание

Литературное наследие обских угров

Мансийская литература

Том I

Составители:
Косинцева Е.В.
Динисламова С.С.
Панченко Л.Н.
Андреева Л.А.

Технический редактор: В. Н. Васильева
Корректор: О. С. Говорухина
Оператор: Н. С. Орлов

Подписано в печать 28.11.2016.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура *Times*.
Уч.-изд. л. 50,19 Усл.-печ. л. 61,21. Заказ 2081.2. Тираж 200.

Отпечатано в типографии ООО «Принт-2»
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.